

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЬ.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1912

5.

стр.

5. Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году. Статья С. И. Недрова.
30. Изъ писемъ М. Н. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.
67. Изъ Архива Н. О. Кутлубицкаго. Нераспечатанное почти сто лѣть письмо. Письмо монахини. О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности. Сообщилъ И. А. Бронскій.
72. Собраніе разныхъ анекдотовъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи знаменитые богачи.
77. Московскіе городскіе головы и замѣстители ихъ. У. Г. Иваска.
82. Изъ воспоминаній Н. И. Щукина.
131. Письма 1812 года. Графъ Н. В. Нессельроде къ тещѣ своей графинѣ Гурьевой.
134. Пожаръ Москвы. Запись И. М. Снѣгирева.
142. Графа С. Р. Воронцова забота о Русскомъ солдатѣ.
156. Изъ Записной книжки издателя «Русского Архива».

Внутри обложки: О Сборнике Н. И. Щукина, выпускъ десятый. П. Б.—
О Гербовнике Князева. У. Г. Иваска.

МОСКВА.

Синодальна Типографія.

1912.

ЩУКИНСКІЙ СВОРНИКЪ.
Выпускъ десятый. М. 1912 г.
Большая 4^о. 485 и 2 иен. стр.

Этот выпускъ начинается походными дневниками пропорщика Пензенского ополченія 1813 и 1814 годовъ. Затѣмъ идетъ дневникъ путешествія Г. А. Демидова съ супругою и дѣтьми въ 1818 году. Ониѣ здѣли на богомолье изъ села Таицы подъ Петербургомъ въ Киевъ и Малороссійскую деревню. Тогда даже и каменного пути не было, и богомольная семья терпѣла всяческія невзгоды. Когда почтовыхъ лошадей не давали, Демидовъ обращался къ сосѣднимъ помѣщикамъ, которые вездѣ его угощали и снабжали лошадьми.

Далѣе слѣдуютъ письма Т. Н. Грановскаго изъ заграницы въ Петербургъ къ его пріятелю В. В. Григорьеву, напоминающія читателю про тѣ письма Григорьева къ Грановскому, изъ за которыхъ въ 1856 году загорѣлся сырь-борь между начавшимися тогда журналами „Р. Бесѣдою“ и „Р. Вѣстникомъ“. Помнится блистательная оборона, которую нашелъ себѣ скончавшійся за годъ передъ тѣмъ Грановскій въ статьѣ Н. Ф. Павлова. Веселостью, и живою искренностью вѣтъ отъ писемъ Тимофея Николаевича. Прошло съ тѣхъ порь болѣе полуѣка, оріенталистъ Григорьевъ забыть, а свѣтлый образъ Грановскаго продолжаетъ радовать собою Русскихъ людей, особенно тѣхъ, кому знакома превосходная біографія его, написанная А. В. Станкевичемъ. „Я не легко и, признаюсь, неохотно поддаюсь чужому вліянію“, пишетъ Грановскій изъ Берлина; но Станкевичъ (это старшій братъ біографа) имѣлъ на меня большое вліяніе, болѣе чѣмъ кто-нибудь послѣ моей матери. Развѣ я говорилъ о немъ съ Вердеромъ, профессоромъ философіи. Онъ такъ многого можетъ сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, сказалъ я.—„А развѣ вы ни во что считаете, что онъ живетъ на свѣтѣ? Самая жизнь такого человѣка уже есть хорошее дѣло“, былъ отзывъ Вердера. Любопытны бесѣды Грановскаго въ Прагѣ съ Шафарикомъ: „Я не могу согласиться, заявляетъ Грановскій, что Славяне не менѣе Нѣмцевъ участвовали во Всемирной Исторіи; мнѣ кажется, что наѣмъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу дру-

гихъ, и мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ ни говори, а всетаки исторія Германцевъ теперь важнѣе Славянской въ связи ея со всеобщею; черезъ два-три столѣтія другое дѣло“. Въ этихъ словахъ—программа ученой дѣятельности Грановскаго на исторической каѳедрѣ въ Московскомъ университѣтѣ.

Десятый выпускъ Щукинского Сборника превосходитъ предшествующіе богатствомъ содержанія, и притомъ общезанимательного. Таковы прекрасные письма Мерчанского къ отцу во время Севастопольской войны, съ которыми любопытно сопоставить письма иѣкою Андреева, писанныя четверть вѣка позже, во время послѣдней войны нашей съ Турками. Особенно богатъ новый выпускъ письмами нашихъ ученыхъ и писателей. Кому было прежде известно, что другъ Герцена Огаревъ былъ человѣкъ очень богатый, занимался хозяйствомъ, имѣлъ писчебумажную фабрику и кляль судьбу свою въ сношеніяхъ съ рабочими. Тутъ письма Тургенева, Жуковскаго, Гончарова, графа Соллогуба, Лѣскова, И. С. Аксакова. Имѣются дорогія показанія для біографіи Пушкина. Такъ Мухановъ пишетъ брату изъ Москвы въ Петербургъ 19 Мая 1827 года: „Александръ Пушкинъ, отправляющійся нынче въ ночь, взялся доставить тебѣ это письмо. Постарайся съ нимъ сблизиться. Нельзя довольно опѣнить наслажденіе быть съ нимъ часто вмѣстѣ, размышляя о впечатлѣніяхъ, которыхъ возбуждаются въ наѣсъ его необыкновенными дарованіями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ, нежели женскомъ, въ которомъ, дробясь безпрестанно на мелочи, онъ тогда дѣлается для этихъ самокъ только ватянутымъ“ *). Въ отзывномъ письмѣ брата, 15 Іюля того же года, читаемъ: „Пушкина я вовсе не вижу, встрѣчаю его иногда въ клубѣ. Онъ здѣсь въ кругу шумноты и веселомъ молодежи. Впрочемъ мы сошлись съ нимъ хорошо. Съ Пушкина списалъ Кипренскій портретъ необычайно похожій. Онъ представленъ сидящій

*) Левъ Сергеевичъ утверждалъ, что бесѣды его брата съ женщинами были лучше даже его стиховъ; Хомяковъ любилъ воспоминать про дѣтски-искренній хохотъ Пушкина, который производилъ на собесѣдниковъ чарующее впечатлѣніе.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

1912.

II.

РУССКИЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

.... Предразсудокъ!
Онъ обломокъ древней правды...
Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменный,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.

Баратынский.

1912.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году.

I.

Въ серединѣ Октября мѣсяца 1711 г. князь Борисъ Ивановичъ, Куракинъ, будучи въ Торгау, получилъ повелѣніе ѿхать въ качествѣ полномочнаго ministра въ Гагу, 29 Октября онъ туда и прїѣхалъ¹⁾.

Это назначеніе было однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самое видное. Чтобы судить о его важности, надо вспомнить, что въ исторической жизни Европы вообще, а въ эпоху Петра Великаго въ частности, Голландія имѣла большое значенія. Страна, заселенная стойкимъ и трудолюбивымъ племенемъ, создавшимъ берега моря²), подчинивъ эту могучую стихію разуму человѣка и заставивъ ее работать на него, страна искусствъ и храбрыхъ мореплавателей, широкой колоніальной дѣятельности, развитой промышленности, какъ земледѣльческой, такъ и обрабатывающей, страна міровой торговли, банковъ и кредита. „биржа Европы“, какъ тогда называли Голландію, страна крупной научной дѣятельности и высоко развитаго искусства. наконецъ—страна, долгою и героическою борьбою отстоявшая свою вѣроисповѣдную и государственную свободу отъ „демона Южныхъ странъ“, Филиппа II Испанскаго, и создавшая, почти исключительное въ Европѣ, если не считать Швейцаріи, гражданское устройство, Голландія естественно

¹⁾ См. „Р. Арх.“ 1907 г. 311—312. Точно обозначить время назначенія Б. И. Куракина посланикомъ въ Голландію трудно; самъ онъ говорить, что получилъ назначеніе 20 Окт., но у Бантышъ-Каменского („Обзоръ виѣшихъ сношеній Россіи“ М. 1894 г. стр. 194), Октября 17-го.

²⁾ По Голландской пословицѣ: Богъ создалъ море, а Голландцы берега.

должна была обращать на себя взоры другихъ Европейскихъ государствъ, болѣе или менѣе сильно подчинявшихся ея образовательному воздействию. Не прошла безслѣдно эта страна и въ исторіи Россіи, особенно при Петрѣ, оказать нашей родинѣ многія, хотя и небезвозмездныя услуги.

Чтобы судить объ этомъ, сдѣлаемъ краткій очеркъ сношеній Россіи съ Голландіей до Петра и въ первые годы его царствованія.

Начало сношеній нашей родины съ Нидерландами относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ Новгороду Великому, который принималъ участіе въ Голландской торговлѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Голландцы уже настолько дорожили торговлею съ Россіей, что подкупали царскихъ совѣтниковъ съ цѣллю ограничить нашу торговлю съ Англіею¹⁾). Царемъ Грознымъ, его сыномъ Федоромъ и В. И. Шуйскимъ давались отдѣльными Голландскими купцамъ жалованныя грамоты о свободной торговлѣ въ Россіи. Такъ, Голландскій купецъ Дебиттеръ до 1625 г. двадцать два года свободно торговалъ въ Россіи. Съ конца XVI в. и въ теченіи всего XVII-го болѣе и болѣе укрѣпляются связи Россіи съ Голландіей, при чемъ опредѣляются и тѣ начала, которыя развиваются въ позднѣйшихъ отношеніяхъ этихъ государствъ. Прежде всего сношениія велись чрезъ посольства, которыя не всегда преслѣдовали цѣли политическія, но главнымъ образомъ экономическія. Такъ, вскорѣ по прекращеніи смуты, въ Іюнѣ 1613 г., въ Голландію, отправлены были послы дворянинъ Степанъ Ушаковъ и дьякъ Семенъ Зоборовскій съ увѣдомленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила Федоровича и съ просьбою о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія со Шведами²⁾). Въ Голландской землѣ послы держали себя пьяно и неучтиво. Побывавъ въ Вѣнѣ, на обратномъ пути въ Россію, они снова заѣхали въ Голландію, и на этотъ разъ всѣхъ удивляли скромностію, боязливостію и приличiemъ, чтѣ, можетъ быть, объяснялось ихъ безпомощнымъ положеніемъ: прїѣхали они въ жалкомъ состояніи, такъ что Голландское правительство снабдило ихъ всѣмъ нужнымъ, приказавъ выдать единовременно тысячу гульденовъ. Послы просили о помощи царю войскомъ и деньгами. Ни того, ни другого Голландцы не дали. но обѣщали посредничество въ примиреніи съ Швеціей. Царю отъ Голландского князя Маврикія дана была грамота, „съ полнымъ царскимъ именованіемъ“, при чемъ Голландцы просили царя о пропускѣ чрезъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. VII, 60—62.

²⁾ У Веневитинова „Русскіе въ Голландіи“ 1897, стр. 98, пр. I, сказано, что начало дипломатическихъ сношений Россіи съ Голландіей относится къ 1615 г., что не вѣрно.

Россію въ Арменію и Персію Амстердамскаго купца Витзена для торговли¹⁾). Въ началѣ 1615 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Голландіи особый посланникъ Масса съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила и повторительною просьбою о проѣздѣ чрезъ Россію Голландскихъ купцовъ на Востокъ. Послѣ этого, спѣшино, въ Іюлѣ этого же года, новые Русскіе посланники, Кондыревъ и Невѣровъ, пріѣхали въ Гагу, гдѣ просили Маврикія снабдить царя казною и пушками и запретить Голландцамъ поступать на службу къ недругамъ Россіи, Полякамъ и Шведамъ. Просьба посланниковъ 1614 года о посредничествѣ была исполнена: въ Столбовѣ Голландцы содѣйствовали заключенію мира Россіи съ Швеціей²⁾). Въ 1617 г. Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ просьбою о „повольномъ“ торгѣ и о томъ, чтобы царь принялъ Голландцевъ въ дружбу и союзъ. Въ отвѣтъ на это Русскіе просили Массу передать Штатамъ, чтобы они помогали царю противъ Польши. Въ слѣдующемъ году, въ Гагу пріѣхалъ Русскій посолъ Баклановскій, прося о присылкѣ 1100 п. пороху и 3000 п. свинцу, чтѣ Голландцы обѣщали исполнить. Такъ какъ Русскіе нуждались въ знающихъ людяхъ, то въ 1623 г. Маврикій писалъ въ Москву, что будеть помогать царю въ принятіи на службу ремесленныхъ людей. Чрезъ годъ Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ ходатайствомъ о дозволеніи Голландцамъ каждогодно покупать въ Россіи хлѣба на двухъ корабляхъ; было дозволено купить 3000 четвертей. Этотъ Масса быль до нѣкоторой степени довѣреннымъ лицомъ Россіи и часто сообщалъ Михаилу и въ Посольскій Приказъ о „политическихъ происхожденіяхъ“ въ Европѣ. Русская виѣшня торговля уже въ царствованіе Михаила Федоровича направлялась и къ Балтійскимъ портамъ; Голландцы были этимъ недовольны. Въ 1630 г. пріѣзжали въ Москву Голландскіе послы, Альберть Бургъ и Йоганъ Фелтдриль хлопотать о томъ, чтобы Русскіе не возили хлѣба, золы, льну и пеньки въ Данцигъ, и по прежнему спускали бы ихъ къ Архангельску, гдѣ покупали бы эти товары Голландцы; кромѣ того, послы высказывали желаніе Голландскихъ купцовъ вольно торговвать въ Россіи, съ платежемъ умѣренной пошлины; просили о дозволеніи покупать въ Россіи хлѣбъ, рубить корабельный лѣсъ близъ Архангельска и по Двинѣ и пахать землю. Въ Москвѣ на предложеніе торговвать вольно отвѣчали требованіемъ, чтобы Голландскіе купцы поименно заявили о томъ, кто изъ нихъ хочетъ торговывать; всѣмъ купцамъ дозволить свободный торгъ нельзѧ: будутъ убытки Русскимъ купцамъ. Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ было условлено, чтобы Голландцы

¹⁾ Соловьевъ IX, 71, 72, 86.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Обзоръ сношеній, стр. 174 и слѣд.

имѣли въ Москвѣ по примѣру Англичанъ, человѣка, съ которымъ Русскіе купцы и должны были уговариваться относительно торговли. Въ просьбѣ пахать землю было отказано, но дозволено было рубить корабельный лѣсъ, только чрезъ Русскихъ; дозволено также вывезти 23000 четв. хлѣба¹). По смерти Михаила, въ 1645 г., въ Голландію были отправлены гонецъ Спиридоновъ и толмачъ Романовъ съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Алексѣя. Въ слѣдующемъ году къ Генеральному Штатамъ и принцу Генриху Нассаускому поѣхали въ качествѣ пословъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Байбаковъ для разбора взаимныхъ жалобъ и найма офицеровъ и солдатъ, чтѣ и было исполнено успѣшно. Въ этомъ же году прїѣжалъ въ Москву Голландскій посолъ Бургъ съ просьбою, чтобы задержанные Русскимъ правительствомъ у купцовъ Виніуса и его товарищѣй, Акема и Марселиса, Тульскіе заводы были имъ возвращены и купцы эти освобождены отъ пошлинъ. Эти заводы, желѣзные и пушечные, Авдрей Денисовичъ Виніусъ, съ братомъ Авраамомъ, построилъ еще въ 1632 г., въ 12 в. отъ Тулы, на р. Тулицѣ. При Алексѣѣ они были задержаны по случаю неисполненія договора съ царемъ. Бургъ, кромѣ того, просилъ, чтобы въ Москвѣ Голландцамъ дозволено было построить кирку и нанимать для услугъ Русскихъ людей, на что все и получило отвѣтъ отчасти удовлетворительный. Врагами Россіи въ Голландіи печатались о царѣ и странѣ неодобрительные отзывы; поэтому въ 1653 г. гонецъ Поливановъ привезъ къ Штатамъ грамоту съ жалобою на Польскихъ королей, Владислава и Яна Казимира, печатавшихъ укорительные отзывы о Русскомъ правительстве; а въ 1666 г., царь, чрезъ нарочито прїѣждавшаго изъ Россіи переводчика, выговаривалъ Штатамъ о томъ, что издатели газетъ въ Голландіи, говоря о государѣ, называютъ его великимъ княземъ, а не царемъ.

Со второй половины XVII в. сношенія Россіи съ Голландіей уже настолько усилились, что Русское правительство сочло нужнымъ имѣть въ Голландіи постояннаго представителя, которымъ въ 1660 г., съ титуломъ комиссаріуса, назначенъ былъ Англичанинъ Иванъ Гебдонъ. Онъ, съ дозвolenія Англійскаго короля Карла II, нанималъ разныхъ людей въ Россію²). Въ этомъ же году въ Голландіи были Русскіе послы, Налцокинъ и Кащеевъ, съ предложеніемъ Штатамъ, чтобы они, по прежнему, были въ дружбѣ и въ любви съ Россіей, не умаляя титула государя, и съ извѣстіемъ, что въ Россіи наложена была по-

¹⁾ Соловьевъ IX, 196—198, Ср. Б. Каменскій 178.

²⁾ Бантышъ Каменскій 180, 183, 184, 185, 187; Соловьевъ XII, 238—239.

шлина на всѣ привозимые товары. Въ отвѣтъ на это посольство, въ 1664 г., пріѣхалъ въ Москву посолъ Борель съ предложеніемъ 29 статей, въ которыхъ говорилось, чтобы обновлены были и подтверждены всѣ тѣ предложения, о которыхъ говорилъ Бургъ, чтобы въ грамотахъ Штатамъ сохранялся титулъ „высокомочные“, чтобы дозволено было Голландцамъ по прежнему безпошлино торговать въ Россіи и т. п. При этомъ Штаты предлагали свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Польшой. Какъ извѣстно, это примиреніе состоялось въ Андрусовѣ, извѣстіе о чёмъ привезъ въ Голландію подьячій Головнинъ. Титулъ „высокомочные господа Штаты“ царь сталъ писать въ грамотахъ только съ 1670 г., о чёмъ хлопоталъ Голландскій посланникъ Н. Гейнсь, который, между прочимъ, предлагалъ, но неуспѣшино, и о посредничествѣ Голландіи въ примиреніи Россіи съ Швеціей. Въ 1676 г. пріѣхалъ въ Москву великий и полномочный посолъ Кленкъ. Онъ просилъ, чтобы Россія напала на Шведовъ, которые, соединясь съ Франціей, воевали съ Голландіей (въ эпоху первой коалиціи противъ Людовика XIV). Кленку было отказано по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Швеціей. Кроме того, Кленкъ ходатайствовалъ о свободной торговлѣ иностранцевъ въ Россіи, о торговлѣ съ Персіей шелкомъ-сырцомъ, о производствѣ торга въ Архангельскѣ только до Сентября, о дозволеніи купить 40 т. четвертей хлѣба, ѿздѣтъ купцамъ и посланникамъ чрезъ Россію въ Китай и Хиву и о томъ, чтобы въ грамотахъ штатгальтеру писать „высочество“, а вмѣсто князя—принцу Оранскому. Кленкъ оставилъ Келлера, своего маршалка, постояннымъ резидентомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ до 1689 г. Преемникомъ его былъ Гулстѣ, замѣненный въ 1700 г. Яковомъ де-Біе. Ходатайство Кленка о торговлѣ съ Персіей и Китаємъ было отклонено, потому что дѣла торговли требуютъ „великаго труда и размышленія“¹).

Кромѣ сношеній чрезъ посольства и всякаго рода грамоты, въ XVII в. Россія поддерживала съ Голландіею дѣятельныя связи и другими путями. Военная нужда заставляла искать въ Голландіи опытныхъ военныхъ руководителей и закупать припасы для войны. Извѣстно, что Нидерланды призывались въ Россію генералы, офицеры, рейтары и солдаты. Такъ, въ 1631 г. отправленъ былъ изъ Россіи въ Голландію полковникъ Лесли для найма военныхъ людей²). Въ 1649 г. Голландскій офицеръ Марешаль, имѣя грамоту отъ Штатовъ, просилъ царя Алексѣя о принятіи его на службу полковникомъ. Въ 1662 г. пріѣхали въ Россію

¹⁾ Бантышъ Каменскій стр. 186, 188, 187, 189, 190, 194.

²⁾ Б. Каменскій стр. 185; Соловьевъ IX, 218.

генераль-поручика Карлъ Эргартъ и разные офицеры, нанятые резидентомъ Гебденомъ¹⁾). Русское правительство закупало въ Голландіи порохъ, свинецъ и ружья. Такъ царь Михаилъ просилъ позволенія купить въ Голландіи 500 мушкетовъ и другое оружіе. Покупка военныхъ припасовъ особенно усилилась съ 50-хъ годовъ XVII столѣтія. Въ Августѣ 1653 г., отправленъ былъ въ Голландію капитанъ Фанъ-Керкъ Говенъ для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замковъ и для призыва въ Россію мастеровъ, которые бы умѣли ихъ дѣлать; а въ Октябрѣ этого года подъячій Головнинъ закупилъ въ Голландіи 20000 мушкетовъ и 30.000 пудовъ пороху²⁾).

Изъ Голландіи пріѣзжали въ Россію и другіе знающіе люди. Въ первой четверти XVIII в. въ Москвѣ жили Голландскіе доктора Іовъ Полиданъ и Матвій; послѣдняго въ 1624 г. Масса просилъ царя Михаила отпустить на родину. Въ 1637 г. докторъ Ренинъ Пауда просилъ царя принять его на Русскую службу³⁾. Аптекарскій сынъ Яковъ Аренсенъ учился медицинѣ въ Голландской школѣ. Въ Россію пріѣзжали изъ Голландіи и всякаго рода ремесленные люди. Въ 1624 г. пріѣхали знатный городовое дѣло Яковъ Демушеронъ и бархатное—Кашпоръ Федоровъ, съ рекомендациими отъ Маврикія. При Михаилѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Эксель, по порученію царя, нанималъ мастеровъ въ Голландіи; въ Москвѣ, при дворѣ, жили Голландскіе органные мастера; выписанъ былъ также „Голландскія земли Нѣмчинъ“ кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ, который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ „по своему Нѣмецкому образу“⁴⁾. Точно также, помимо военныхъ припасовъ, Русскіе покупали въ Голландіи, особенно про дворцовыи обиходъ, разнаго рода узорчатые товары, посуду, сукно и т. п., а въ Нидерланды вывозили для продажи казенный хлѣбъ, поташъ, ревень, ленъ, пеньку, селитру, лѣсъ, рыбу, икру, золу, и др.⁵⁾.

Конечно, самыя крѣпкія связи были торговыя, для упроченія которыхъ цари отдѣльными грамотами давали Голландцамъ широкія льготы. Въ 1614 г. дана была грамота „Компаніи Голландскихъ гостей“ на трехлѣтнюю свободную и безпошлинную торговлю, освобождавшая

¹⁾ Соловьевъ XII, 238—239, Б. Каменскій 185.

²⁾ Б. Каменскій 178; Соловьевъ X, 348—351.

³⁾ Б. Каменскій 175, 176, 179.

⁴⁾ Соловьевъ IX, 423; В. Назаревский: Трехсотлѣтіе съ освобожденіемъ Москвы отъ Поляковъ. М. 1911 г., стр. 82.

⁵⁾ Б. Каменскій 184—185.

купцовъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, кромѣ дѣлъ уголовныхъ¹⁾). Кромѣ того, въ 1628 г. многіе Голландцы просили у царя Михаила правъ на свободную торговлю. При Алексѣѣ, кромѣ Виніуса, льготами свободнаго торга пользовались Акема и Марселисъ, устроившіе пушечные и желѣзные заводы по р.р. Вагъ, Шекснѣ и Костромѣ²⁾). Въ 1670 г. дана привилегія Голландцу Миллеру на свободный вывозъ въ теченіи десяти лѣтъ корабельныхъ деревьевъ³⁾).

Сложное торговое дѣло, какъ и вообще нерѣдко бываетъ, сопровождалось спорами и всякаго рода злоупотребленіями, что принуждено было разбирать Русское правительство. Случалось, что Голландскіе купцы уѣзжали безъ платежа пошлины за привезенные товары, напр. Выдерсь и Корнилость; случалось, что Русскіе притѣсняли Голландцевъ во взиманіи пошлинь, напр. купца Рака въ 1644 г.; случилось, что Голландскіе купцы хлопотали о снятіи съ нихъ пошлинь, напр. Фоглеръ, Клинкъ и Сванъ въ 1651 г., съ посланной ими за границу золы. На почвѣ обмѣна возникали то спорные торговыя дѣла, напр., у Голландскихъ купцовъ Фоглера и Клинка съ купцомъ Свѣтошниковымъ въ икряномъ промыслѣ на 10000 р., то дѣла по разсрочки долга, напр. купцу Еремѣю Иванову, то дѣла по неплатежу денегъ за проданный товаръ и под. Иногда сами Штаты просили царя, чтобы онъ принудилъ Голландскихъ купцовъ заплатить долги своимъ землякамъ, напр. въ 1666 г. Свѣлингребеля Амстердамскому купцу Пемеру; иногда царь просилъ Голландское правительство понудить Голландскихъ купцовъ заплатить деньги Русскимъ торговцамъ, напр. Свѣлина Буйкову за поташъ 3193 р. Нерѣдко Голландцы жаловались на притѣсненія воеводъ, напр. въ 1636 г. царю Михаилу на Кольского воеводу князя Щербатова въ обидахъ по рыбной ловлѣ и въ отнятіи табаку⁴⁾). Въ свою очередь Русскіе купцы жаловались на злоупотребленія Голландцевъ и на стѣсненіе торговли съ ихъ стороны. Такъ, Голландцы, торгуя въ разбродахъ, отнимали барышы у Русскихъ⁵⁾). Въ 1652 г. Вологодскіе купцы жаловались на производство Голландцами мелочнаго торга. Бывали случаи, что Голландцы злоупотребляли монетою. Такъ, въ 1641 г. царь Михаиль выговаривалъ Штатамъ, что ихъ купцы дѣлали изъ ефимковъ серебряные рубли, которые и привозили въ Россію. Въ 1660 г. казненъ былъ въ Россіи Амстердамскій житель Индрікъ

¹⁾ Соловьевъ X, 145.

²⁾ Соловьевъ IX, 420—423.

³⁾ Б. Каменскій 188.

⁴⁾ Б. Каменскій стр. 179—181, 187, 185, 189.

⁵⁾ Соловьевъ IX, 120, 415, 416—417; X, 145.

Индриксонъ за дѣланіе имъ воровскихъ мѣдныхъ денегъ, коими обмануть былъ Русскій купецъ Филатьевъ. При царѣ Алексѣѣ возбуждались дѣла о томъ, что Голландцы платили пошлины фальшивыми Голландскими ефимками¹⁾). На злоупотребленія Голландцевъ въ торговлѣ жаловались Московскому правительству и Англичане²⁾).

*

Такимъ образомъ, еще задолго до Петра Великаго Голландія для Русскихъ была не чужою страною, но очень знакомою по разнаго рода связямъ, преимущественно экономическимъ. Эти связи въ XVII в. намѣчали и тотъ путь сношеній съ Голландіей, по которому пошелъ царь Петръ, расширивъ его и углубивъ. Такъ какъ при дѣдѣ и отцѣ Петра, Голландія свила себѣ прочное гнѣздо въ Россіи и заявила себя съ разнообразныхъ сторонъ, то и Великое посольство 1697 г. направлялось преимущественно въ Голландію, гдѣ оно пробыло почти годъ и гдѣ самъ царь жилъ $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, подъ протекціей бургомистра Н. Витзена, знаменитаго автора сочиненія „Татарія Восточная и Южная“, жившаго при царѣ Алексѣѣ въ Россіи и сохранившаго съ ней связи и по выѣздѣ въ Голландію. Великое посольство еще болѣе закрѣпило нити, связывавшія Россію съ Голландіей, и сблизило эти страны³⁾). Съ одной стороны сами Голландцы воспользовались посольствомъ, чтобы устроить дѣлѣ Австрійскія⁴⁾). Во время пребыванія Петра въ Голландіи, Штаты хлопотали о заключеніи мира Австріи (союзницы Россіи) съ Турцией, потому что эта борьба отвлекала Австрійскаго императора отъ готовившейся войны съ Франціей за Испанское наслѣдство. Но въ тоже время для Голландіи было выгодно, чтобы Россія воевала съ Турцией, которая, такимъ образомъ, была бы занята и не отвлекала Императора отъ дѣлъ Франціи⁵⁾). Теперь Голландцы имѣли возможность ближе ознакомиться съ царемъ, его взглядами, направленіемъ политики, что все должно было отразиться на характерѣ дальнѣйшихъ отношеній обѣихъ державъ.

Но несравненно большее значеніе имѣло посольство для Россіи. Подготовленный къ сближенію съ Голландіей предыдущимъ временемъ Петръ увидалъ страну настолько привлекательную, а для пользы Русскихъ выгодную, что впослѣдствіи за все время своего царствованія,

¹⁾ Б. Каменскій 180, 187, 190.

²⁾ Соловьевъ XII, 246—248.

³⁾ Соловьевъ XIV, 233, 236. Веневитиновъ—Русскіе въ Голландіи 188.

⁴⁾ Вообще-же Голландцы не понимали цѣлей путешествія Петра, думая, что онъ своимъ сближеніемъ съ Европой, хотѣлъ перемѣнить у насъ вѣру.

⁵⁾ Соловьевъ XIV, 237.

ей одной дарилъ свое преимущественное сочувствіе и дружбу. Практическій народъ въ глазахъ царя-работника былъ особенно поучителенъ. Вступая „на новый путь первоначально подъ флагомъ Голландской цивилизациі“, Петръ даже свой излюбленный Петербургъ устраивалъ по образу Амстердама¹⁾). Вотъ почему и во время пребыванія Петра въ Голландіи и послѣ начинаются особенно дѣятельныя сношенія царя съ этой страной. Сюда преимущественно посылаются молодые люди для изученія морскаго дѣла. Сочувствіе Штатовъ укрѣпляется дарованіемъ правъ отдельнымъ Голландцамъ; такъ напр., Голландецъ Ив. Тессингъ въ 1700 г. получаетъ жалованную грамоту на печатаніе въ Голландіи ландкартъ, чертежей, кунштовъ, математическихъ и военныхъ книгъ, на Славянскомъ и Голландскомъ языкахъ съ провозомъ ихъ на продажу въ Россію. Нѣкоторые Голландскіе купцы вступаютъ въ близкія отношенія къ царю, и онъ собственноручно съ ними переписывается. Вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1699 г., царь, заботясь объ укрѣплении связей съ Голландіей, счелъ нужнымъ отправить въ Гагу Матвѣева въ чинѣ чрезвычайного и полномочного посла, съ дьякомъ Ив. Волковымъ и 8 дворянами на постоянную резиденцію²⁾). Случалось, что изъ Гаги Матвѣевъ назначался то въ Парижъ (4 Сент. 1705 г.), то въ Лондонъ (27-го Дек. 1706 г., возвр. 1708 г. 19-го Авг.); но эти назначенія были временными. И при отлучкахъ Матвѣевъ руководилъ дѣлами въ Голландіи³⁾, которыхъ были самаго разнообразнаго характера, начиная отъ присылки формъ для дѣланія фейерверковъ и кончая сложными, политическими; послѣднія разрѣшались, большую частію, къ выгодѣ обѣихъ державъ. Такъ, въ 1699 г.,увѣдомляя Штаты о заключеніи двухлѣтняго перемирія съ Портою, царь просилъ Голландское правительство, чтобы его посланникъ въ Константинополѣ помогалъ Русскому (Украинцеву) для заключенія перемирія на болѣшій срокъ, на что Голландцы, хотя это было и не особенно для нихъ выгодно, согласились⁴⁾). Въ 1705 г. торговые отношенія обѣихъ державъ были уже настолько сложны, что царь нашелъ нужнымъ ихъ упорядочить, отправивъ къ Матвѣеву полномочіе учинить съ Голландцами „Купеческій договоръ и о морскомъ ходу“⁵⁾. Правда, когда началась Сѣверная война, Штаты, руководимые

¹⁾ Веневитиновъ стр. 189.

²⁾ При посольствѣ въ 1703 г. учреждена была и церковь для службы Божіей; къ ней отправленъ былъ священникъ Аѳанасій Георгіевъ. Б. Каменскій 192.

³⁾ Непосредственно, на время отлучекъ Матвѣева, дѣлами завѣдывалъ надзиратель за Русскими матросами фонъ-деръ Бургъ, впослѣдствіи Русскій агентъ въ Нидерландахъ.

⁴⁾ Б. Каменскій 191.

Вильгельмомъ III, который тогда былъ представителемъ двухъ державъ (Англіи и Голландіи) просили царя прекратить ее, такъ какъ Шведы были не виновны. Тоже просьба была повторена и въ 1701 г., съ объясненіемъ, что Голландія не можетъ прекратить союзъ съ Швеціей. Успокаивая Штаты, царь отвѣчалъ завѣреніемъ готовности помириться со Шведомъ. И позднѣе, Голландія не всегда дѣйствовала въ Сѣверной войнѣ согласно съ выгодами Россіи, такъ какъ руки Штатовъ были связаны союзомъ „Великаго Аліанса“. Они, напр., отговаривали Датчанъ отъ Сѣверного союза, потому что Данія важна была для Голландіи, какъ союзница Запада. Тѣмъ не менѣе она не употребляла и особыхъ средствъ къ уменьшению Русскихъ выгода, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея собственные выгода не страдали, помогала возвышенню Россіи и охотно шла на уступки въ ея пользу. Въ Балтійскомъ поморье Голландцы имѣли торгъ, вслѣдствие чего Сѣверная война подрывала ихъ торговые обороты. Отсюда возникъ цѣлый рядъ взаимныхъ ходатайствъ, почти всегда сопровождавшихся взаимнымъ соглашеніемъ. Въ 1705 г., по просьбѣ Штатовъ, царь согласился не бомбардировать Ригу, въ которой было много Голландскихъ купцовъ. Когда Франція предлагала царю союзъ и однимъ изъ его условій требовала прекращеніе торговли Россіи съ Голландіей и передачи ея Франціи, то царь не согласился на этотъ союзъ на предложенномъ условіи, хотя онъ и былъ выгоденъ для Русскихъ въ другихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что когда, напр., Карлъ XII низложилъ въ Польшѣ Августа и возвелъ на престолъ Станислава Лепцинскаго, то Штаты, въ угоду Россіи, не признали его королемъ Польши, за что получили особыя торговыя привилегіи, между прочимъ, освобожденіе своихъ судовъ отъ сбора ластовыхъ денегъ*). Въ Голландіи, при дѣятельномъ участіи Матвѣева, заключенъ былъ и актъ нейтральства съ цѣлію обеспеченія спокойствія въ Имперіи, оберегавшій союзниковъ Петра, Датскаго и Польского королей, отъ Шведовъ. Сочувствіе Голландцевъ къ Россіи побуждало Петра предъ Полтавскою побѣдою искать посредничества Голландцевъ въ дѣлѣ примиренія со Швеціей. Въ 1709 г. Штаты одинъ изъ первыхъ поздравили Петра съ „преславной викторіей“ Полтавы.

Вообще, въ первые годы царствованія Петра, Голландія была самою дружественною страною для Россіи въ Европѣ; таковою она осталась и послѣ. Особенно была полезна эта дружба въ Сѣверную войну, когда Голландія явилась центральнымъ мѣстомъ Европейской

*) Тамъ же, стр. 193.

дипломатії; здѣсь былъ главный штабъ войны за Испанское наслѣдство. Въ тоже время, по словамъ Англійскаго посла Витвorta, Гага была и важнымъ мѣстомъ Сѣверной войны¹⁾). Послѣ смерти Австрійскаго императора Іосифа I, когда представители „Великаго Аліанса“ стали заговаривать о мирѣ и когда должны были разрѣшиться запутанные вопросы вѣка, возникшіе изъ союзовъ Западнаго и Сѣвернаго и изъ отношеній ихъ другъ къ другу, Голландія, гдѣ должны были разрѣшиться эти вопросы, особенно выдвигалась. Въ ней созывался международный съездъ для рѣшенія Европейскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ Голландіи возникали „важныя обстоятельства²⁾“, воспользоваться которыми и предостеречь ихъ вредныя послѣдствія было крайне необходимо. Къ счастію для Россіи разрѣшеніе вопросовъ вѣка сосредоточивалось въ странѣ, близкой къ нашей родинѣ по предыдущимъ отношеніямъ, пользовавшейся симпатіями царя и находившей себѣ выгоду въ ея поступательномъ движеніи. Теперь нужно было найти такого человѣка, который бы могъ понять сложную задачу времени и разрѣшить ее къ пользу Россіи. Въ князѣ Б. И. Куракинѣ Петръ и на этотъ разъ нашелъ человѣка, который могъ оправдать его довѣріе.

II.

Съ Голландіей Б. И. Куракинъ знакомъ былъ и раньше. Нѣкоторые дѣлаютъ предположеніе, что онъ участвовалъ временно въ составѣ „Великаго посольства“ и написалъ „Записную книжку великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина Россійскаго посольства³⁾). Авторъ „записки“ былъ въ посольствѣ во время пребыванія его въ Амстердамѣ и Гагѣ; пріѣхалъ онъ въ Голландію ранѣе пословъ и выѣхалъ въ Италію раньше выѣзда посольства изъ Голландіи. Что Куракинъ былъ за границей и въ годъ Великаго посольства, это несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что онъ и авторъ записки—два разныхъ лица. Куракинъ выѣхалъ изъ Москвы на 21 году своей жизни, въ Мартѣ 1697 года, въ Италію, „для наукъ навтичныхъ“, вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами: авторъ-же записки—11 Мая 1697 г.. Далѣе маршрутъ автора записки не сходится съ маршрутомъ Куракина⁴⁾). Если-бы кн.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русск. Истор. Общества т. 50., стр. 443.

²⁾ Сборникъ т. 61, стр. 14, 73.

³⁾ Горбуновъ. „Р. Старина“ 1879 г. т. XXV, стр. 101 и слѣд. Ср. Веневитиновъ, стр. 66—67.

⁴⁾ Маршрутъ автора Записки былъ такой: Выѣхавъ изъ Москвы 11 Мая 1697 г., онъ чрезъ Клинъ, Торжокъ и Новгородъ прибылъ въ Нарву. Отсюда 11 Июня, моремъ, онъ отправился въ Любекъ, а затѣмъ, чрезъ Гамбургъ, 21 Июня прибылъ въ Амстер-

Куракинъ былъ въ составѣ Великаго посольства, то, несомнѣнно, онъ упомянулъ бы обѣ этомъ въ своемъ Дневникѣ и въ своей автобиографіи. Въ Дневникѣ, напр., князь подробно описываетъ Голландію, въ которую онъ ъездилъ уже въ концѣ (Октябрь) 1705 года и въ которой пробылъ почти цѣлый годъ; при этомъ описание Голландіи ведется отъ имени лица, впервыя посѣтившаго страну въ 1705 г., чего бы Куракинъ не сдѣлалъ, еслибы былъ въ Голландіи и въ 1697 г. Въ Дневнике онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни посольства, но какъ о событияхъ прошлыхъ, по воспоминаніямъ о нихъ другихъ лицъ, или по сближенію мѣста и сходства, но отнюдь не времени. Несомнѣнно, что князь Куракинъ много написалъ сочиненій не дошедшихъ до насть. Въ частности онъ написаль, или хотѣль составить описание Голландіи на Голландскомъ языке, изобразилъ „Віажъ Итальянскій“, книгу „Пелигринаціи и дѣль Гамбургскихъ и др.¹“), но не вѣрно, чтобы онъ описалъ пребываніе посольства въ Голландіи, потому что самъ не участвовалъ въ его составѣ.

Въ Голландіи кн. Куракинъ былъ позднѣе. Первый разъ князь ъездилъ въ Голландію для лѣченія, изъ Карлсбада, въ Октябрь 1705 г. Здѣсь князь прожилъ до конца Мая 1706 г., восемь мѣсяцевъ, позна-

дамъ. 15 Сентября онъ участвовалъ въ торжественномъ вѣзѣ посольства въ Гагу и вернулся оттуда въ Амстердамъ, гдѣ 28 Октября видѣлъ торжество объявленія Рисвикскаго мира. Затѣмъ, изъ Амстердама 1 Апрѣля 1698 г. авторъ чрезъ Кельнъ, Кобленцъ, Майнцъ, Франкфуртъ и Инсбрукъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ 11 Мая видѣлъ церемонію обрученія дожа съ Адріатическимъ моремъ. Кромѣ Венеции путешественникъ посѣтилъ слѣдующіе города Италии: Падую, Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Ливорно, Геную, Нови, Миланъ, Бресчіо, Верону, Виченцу. 6-го Іюня онъ вернулся въ Венецію и пробылъ въ ней до 18 Октября, когда предпринялъ обратный путь въ Россію; єхалъ чрезъ Гамбургъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Мемель, Митаву и Ригу; 27 Февраля прибыль въ Москву. Куракинъ же выѣхалъ въ первыхъ числахъ Марта 1697 г. чрезъ Смоленскъ, Могилевъ, Минскъ, Варшаву, Ченстоховъ, Силезію, Моравію, Ольмицъ, Вѣну, Альпы въ Венецию, куда приѣхалъ въ Іюнь. Въ Венеции князь лѣчился отъ лихорадки у доктора Александра Грека въ теченіи шести недѣль. Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ былъ въ Далмаци, въ Рагузѣ, а, потомъ, испытавъ при переѣздѣ чрезъ Адріатическое море бурю, былъ въ Барѣ, Неаполѣ и Римѣ, послѣ чего возвратился въ Венецию. Въ Октябрѣ слѣдующаго года, чрезъ Вѣну, Krakовъ и Киевъ, князь Куракинъ выѣхалъ въ Россію; въ Москву онъ приѣхалъ въ Февраль 1699 г. Т. обр., изъ этого сопоставленія маршрутовъ видно, что поѣзда кн. Куракина совпадаетъ съ поѣздкою автора записки только во времени выѣзда изъ Венеции и прибытія въ Москву; все остальное—противорѣчить. См. Архивъ кн. Кур. I, 254—256 стр., Куракинъ сообщаетъ, что онъ написалъ особую книгу „о всемъ моемъ вїажѣ“ (Архивъ I, 272), но вѣроятно это относится къ Дневнику, гдѣ князь подробно описываетъ свое путешествіе въ Голландію, но относящееся уже къ 1705—1710 гг., Арх. 101—240.

^{*)} См. Архивъ кн. Кур., т. IV, стр. 467—468.

комился съ страною, побывавъ во многихъ городахъ Голландіи и подробно ихъ описавъ. Вторично онъ посѣтилъ Голландію въ Маѣ 1708 г., пріѣхавъ сюда изъ Гамбурга, чрезъ Ганноверъ, и пробылъ до Августа, побывавъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и др. городахъ. Сохранилось извѣстіе, что въ этомъ году князь пріѣжалъ въ Голландію по распоряженію царя „находиться при послѣ Матвѣевѣ для пріученія политическихъ дѣлъ“: но вскорѣ отправленъ былъ въ Англію, гдѣ, пробывъ около года, снова возвратился въ Гагу¹⁾; самъ князь Куракинъ ничего не говорить объ этой командировкѣ, чтѣ онъ не преминулъ бы сдѣлать, еслибы дѣйствительно участвовалъ въ ней. Правда, автобіографическая записки князя не даютъ точныхъ указаний относительно поводовъ его путешествія въ Голландію въ 1708 г., но ихъ можно объяснить необходимостію получить въ Голландіи деньги какъ для уплаты издержекъ по заграничному путешествію, такъ и для того, чтобы отправиться въ Россію. Случай прикомандировки кн. Куракина къ посольству Матвѣева, если и былъ, то относится къ позднѣйшему времени, къ 1711 году, хотя, повторяемъ, самъ князь нигдѣ и ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, всегда разсуждая о своихъ назначеніяхъ, какъ о самостоятельныхъ порученіяхъ. Послѣ пребыванія своего въ Ганноверѣ, князь, дѣйствительно, ѻздилъ въ Голландію, но затѣмъ, чтобы занять тамъ денегъ, безъ чего онъ не могъ уѣхать въ Англію, куда назначался послѣ Ганновера, чтѣ было позднѣе 1708 г. Это было третье путешествіе кн. Куракина въ Голландію, во время котораго онъ совѣтовался съ Матвѣевымъ по Англійскимъ дѣламъ чтѣ дѣлалъ и по порученію канцлера Головкина²⁾, и познакомился съ выдающимися лицами страны; но нѣть указаний, чтобы и на этотъ разъ онъ подчиненъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ Матвѣеву, или находился въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ, послѣдній разъ князь посѣтилъ Голландію на короткое время, по дорогѣ изъ Англіи въ Россію, помѣстивъ въ Лейденѣ, для обученія, своего сына, Александра.

Въ 1711 году князь ѻхалъ въ Голландію, какъ страну, вполнѣ ему извѣстную, гдѣ учится его сынъ и гдѣ самъ онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ. Нельзя сказать, чтобы страна эта пользовалась особымъ сочувствіемъ его. „Вся Голландія, писалъ онъ изъ Лондона Матвѣеву, мнѣ противна“; тѣмъ не менѣе, этотъ отзывъ скорѣе надо относить къ климату страны, въ которой приходилось жить болѣзнерному князю, чѣмъ къ другимъ условіямъ.

¹⁾ Бантышъ Каменскій 194.

²⁾ Архивъ кн. К., IV, 202.

17 Окт., 1711 года, получивъ полномочную грамоту въ Торгау, гдѣ тогда находился царь, и пачпортъ¹⁾, князь Куракинъ выѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія. Тамъ былъ уже представитель Россіи Матвѣевъ въ качествѣ чрезвычайного посла, къ которому Петръ написалъ собственноручное письмо: „Господинъ посолъ! Посылается въ Голландію нашъ полномочный министръ князь Куракинъ для престереганія нашихъ интересовъ. И тебѣ бы быть съ нимъ во всемъ согласну и обще наши дѣла управлять“²⁾). Такимъ образомъ кн. Куракинъ посыпался не въ качествѣ простаго совѣтиka, но полномочнаго ministra при существующемъ послѣ, чтѣ случалось въ практикѣ тогдашняго времени³⁾). Князь Куракинъ посыпался съ особою цѣлью. Еще въ Апрѣлѣ 1710 года Матвѣеву было предписано слѣдить, чтобы воюющіе на Западѣ при заключеніи мирнаго трактата съ Франціею не внесли въ него условія о помощи Шведскому королю или явно (вступленіемъ въ союзъ) или тайно, деньгами и войсками. Русское правительство опасалось и того, чтобы при заключеніи мира на Западѣ воюющіе не внесли въ трактать обязательства о сильной медіації, посредствомъ которой можно было бы принудить царя возвратить Карлу XII завоеванное въ Прибалтійскомъ краѣ. Матвѣеву предписывалось слѣдить и за тѣмъ, чтобы союзникамъ Петра, Польскому и Датскому королямъ, при заключеніи проекта, не было сделано чего-либо предосудительнаго къ ихъ выгодамъ. Еслибы Матвѣевъ узналъ, что при заключеніи трактата Шведы стали бы домогаться о помощи себѣ со стороны Запада или о сильной медіаціи, то обязанъ былъ всячески это домогательство пресѣкать, заботясь о томъ, чтобы воюющіе на Западѣ оставили Восточныхъ государей и союзниковъ царя „въ своей силѣ“. Въ числѣ доводовъ, почему Западные не должны были вмѣшиваться въ Сѣверную войну, Матвѣевъ долженъ былъ указывать и на то, что ни царь, ни его союзники не только не вмѣшивались въ войну на Западѣ, но и обнаруживали всякую склонность къ Западнымъ „Аліатамъ“. Если бы этиоть и другіе доводы не подѣйствовали, то Матвѣевъ обязанъ былъ объявить, на основаніи посылавшейся ему особой полномочной, что царь и его союзники—склонность Западныхъ державъ къ Шведамъ будуть считать за противность себѣ и „воспріимутъ иныя миры“ къ своей защитѣ⁴⁾). Такимъ образомъ Русское

¹⁾ Архивъ Кн. К. II, 45. 47.

²⁾ Архивъ Кн. К. II, 44—45.

³⁾ Такъ въ 1712 г. въ Вѣну, къ Урбиху былъ посланъ Нарышкинъ договариваться о заключеніи союза Австріи съ Россіей. Соловьевъ XVII, 105.

⁴⁾ Архивъ Кн. К. II, 32—33.

правительства, еще задолго до заключенія Уtrechtскаго мира, старалось опредѣлить отношеніе Западнаго „аліанса“ къ Восточному.

Въ свою очередь и Западные союзники зорко слѣдили за Восточными. Англичане, напр., опасались, какъ бы дѣйствія ихъ противъ Франціи не стали въ злополучную зависимость отъ Сѣверной войны, при чемъ желали, чтобы сѣверный союзъ сталъ или въ дружественныя отношенія къ западному или лишенъ былъ возможности стать его врагомъ¹⁾). Когда въ первой половинѣ 1711 г. въ Русской политикѣ стало обнаруживаться намѣреніе сближенія съ Франціей, то Англійская политика обнаружила тревожное состояніе. Въ бытность царя въ Карлсбадѣ, въ 1711 г., Англійскій посланникъ Витворть, бывъ въ конференціи съ Русскими, предлагалъ I): Хотя по времени между царемъ и союзными державами, воюющими противъ Франціи, явилось нѣкоторое несогласіе, устроенное врагами, желавшими поссорить царя съ союзниками, хотя королева и знаетъ о пропозиціяхъ, которыя предложены отъ Французскаго двора Русскому, тѣмъ не менѣе она не показала себя противною царю; наоборотъ—обнаружила явные опыты своей склонности и дружбы, сказавшіеся, между прочимъ, и въ содѣйствіи Англіи къ примиренію Турціи съ Россіей, о чемъ ходатайствовалъ кн. Куракинъ, когда былъ посломъ въ Англіи. Это содѣйствіе непремѣнно бы обнаружилось, если бы ранѣе того не былъ заключенъ миръ на Прутѣ. II). Заботясь о безопасности Имперіи и огражденіи ея со стороны Французовъ, королева, какъ извѣстно, сочинила актъ нейтральства и даже, хоть сама имѣла нужду въ войскахъ, нѣкоторое ихъ количество отправила, по данному обѣщанію, къ арміи нейтральства. Изъ этого, еслибы царь благоизволилъ разсудить о своемъ интересѣ, „оставя всякое похлѣбство иныхъ“²⁾), онъ и его союзники получали великій авантажъ и пользу. И хотя союзники Англіи имѣли достаточное основаніе мѣшать осуществленію задачъ нейтральства, опасаясь какъ бы не усилить Францію, тѣмъ не менѣе они допустили Польскаго и Датскаго королей войска Шведскія, находившіяся въ Помераніи, разорить и разогнать и даже, для усиленія Польскаго, на своихъ проторяхъ перепустили нѣсколько и своихъ войскъ. III). Королева надѣется, что царь, видя всѣ эти благожелательныя дѣйствія Англіи, оставитъ всякія причины къ недовѣрію и несогласію съ союзниками Англіи. Нынѣ царь приказалъ своимъ войскамъ идти въ Померанію, чтобы разорить Шведскія. Это можетъ вну什ить союзникамъ запада подозрѣніе относительно

¹⁾ Сборникъ 50; 437, 481. Ср. Р. Арх. 1907, II, 307—308.

²⁾ Разумѣется—Французовъ и ихъ сторонниковъ.

далнѣйшихъ намѣреній царя: войска Шведскія въ Помераніи не настолько сильны, чтобы можно было ихъ опасаться и тѣмъ болѣе ихъ наступательныхъ дѣйствій. Поэтому королева желаетъ получить отъ царскаго величества объявленіе относительно дальнѣйшихъ его намѣреній и того, чтобы царь принялъ мѣры, ограничивающія войну въ Имперіи, сдерживавшія ея распространеніе, чтобы король Датскій въ Мекленбургскомъ нейтральномъ княжествѣ не бралъ квартиръ и не отягощалъ жителей налогами, также чтобы война не распространялась за Эльбу, чего западные союзники, для содержанія покоя въ Имперіи, допустить не могутъ и въ крайнемъ случаѣ принуждены будутъ воспрѣять пынья мѣры. IV). Такъ какъ царь объявлялъ себя всегда склоннымъ къ миру со Шведами, а королева имѣла особое стараніе прекратить войну на Сѣверѣ, тоже и приказала Витворту, въ случаѣ, еслибы царю угодно было объявить свои кондиціи мира—предложить отъ ея имени условія, которыми бы царь остался доволенъ. На эти свои предложенія Витвортъ желалъ получить отвѣтъ *).

Здѣсь нѣть надобности опредѣлять, насколько важно было содѣйствіе Англіи въ Турецкихъ дѣлахъ и въ организаціи арміи пейтранльства; известно, что Англичане очень богаты были на обѣщанія, а не на дѣло, чѣмъ и объясняется желаніе царя сблизиться съ Франціей и его распоряженіе о посыпкѣ своихъ войскъ въ Померанію. Предложенія Витворта важны тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о желаніи западныхъ союзниковъ установить болѣе или менѣе точно свои отношенія къ сѣвернымъ.

Чтобы опредѣлить эти отношенія и предоставить Русскія выгоды, вытекавшія изъ создававшихся условій, особенно въ дни, когда война на Западѣ прекращалась и западные могли имѣть свободныя руки, чтобы дѣйствовать въ пользу Шведамъ, и посыпался князь Б. И. Куракинъ. „И дана была мнѣ, пишетъ онъ, великаго дѣла инструкція—предложеніе чинить союзнымъ: не мѣшаться въ дѣла Сѣверной войны, ни воюющимъ сѣвернымъ не мѣшаться въ дѣла союзныхъ съ Франціей“. Дѣло это, дѣйствительно, было самое важное и самое трудное, потому что приходилось отстранить участіе Запада въ дѣлахъ Сѣвера при запутанности тогдашнихъ отношеній, при нерасположеніи однихъ и равнодушномъ отношеніи другихъ къ Россіи. Выгоды, напр., Англіи и Ганновера, Австріи и Пруссіи такъ переплетались съ выгодами союзниковъ Петра (Даніи и Польши) что невмѣшательство ихъ въ Сѣверную войну являлось невозможнымъ дѣломъ. Войска Саксонскія и Датскія, находясь въ войскахъ аліатскихъ, участвовали въ войнѣ съ Фран-

*) Арх. Кур. т. IV стр. 47 и слѣд.

цією; Августъ Саксонскій былъ членомъ Имперії, императоръ которой воевалъ съ Людовикомъ XIV. Пруссія, Данія, Ганноверъ, Мекленбургъ и др., слишкомъ заняты были Шведскими дѣлами на сѣверѣ Германіи и пр. Недаромъ князь Куракинъ сказалъ, что ему дана была „великаго дѣла инструкція“. И князь посыпался полномочнымъ министромъ собственно не въ Голландію, но къ представителямъ Великаго Аліанса. Въ данной ему полномочной писалось: „объявляемъ, что мы отправили въ Голландію для смотрѣнія нашихъ интересовъ полномочного нашего министра и подполковника отъ гвардіи кн. Куракина, которому даемъ чрезъ сie полную мочь высокимъ союзнымъ областямъ, противъ Франціи воюющимъ, цесарскому величеству Римскому и ея короловскому величеству Великобританской и высокомочнымъ господамъ Статамъ Соединенныхъ Нидерландовъ о всякихъ приключающихся дѣлѣхъ предложенія чинить и во время случая съ министры ихъ трактовать. И что онъ полномочный нашъ министръ помянутымъ высокосоюзнымъ именемъ нашимъ предлагать будетъ, или съ оными какой трактать поставить и заключить, то отъ насъ все твердо и ненарушимодержано будетъ“. Въ инструкції, данной Куракину въ Торгau, подробности поручавшагося ему дѣла изъяснялись нѣсколько иначе, чѣмъ какъ предлагалось Матвѣеву въ 1710 г. „Князь долженъ бытъ настаивать на томъ, чтобы „Высокосоединенные“ Запада ни теперь, когда велась война за Испанское наслѣдство, ни по учиненіи мира съ Франціей, не только не вмѣшивались въ войну Сѣверную, но не хлопотали о возвращеніи Шведамъ завоеванныхъ Петромъ и его союзниками мѣсть при Балтійскомъ морѣ. „И чтобы сie ихъ, Соединенныхъ, обѣщаніе не такъ, какъ нейтральной актъ бытъ сочиненъ и въ дѣйство не произведенъ, но дабы о томъ постановленный трактать отъ самыхъ высокихъ потентатовъ подписанъ бытъ“. Далѣе князь Куракинъ долженъ бытъ заявить, что царь обѣщаць не только не вмѣшиваться съ своей стороны въ войну Запада, даже и по заключеніи мира съ Швеціею, еслибы таковой состоялся ранѣе мира на Западѣ, но, еслибы угодно было Аліатамъ Запада, и свое вступленіе въ Великій Аліансъ и содѣйствіе войсками. Объ этомъ, обще съ Матвѣевымъ, обязывался хлопотать князь Куракинъ, настаивая на немедленномъ рѣшеніи въ двухъ мѣсячный срокъ, дабы царь имѣль время пріобщить къ этому дѣлу и своихъ союзниковъ *).

Въ связи съ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ князю Куракину поручались и дѣла Франціи, гдѣ агентомъ Россіи бытъ Волковъ. Онъ обо всемъ

*) Архивъ кн. Кур. II, 46.

долженъ быть переписываться съ кн. Куракинымъ, требовать отъ него указовъ и безъ его разрѣшенія ничего не предпринимать. Неопределенность отношеній аліатовъ Запада къ Сѣвернымъ и невозможность, вслѣдствіе этого, опредѣлить заранѣе плоды этихъ отношеній, побуждали Петра искать выгода и во Франціи. Предусмотрительный царь не только не прерывалъ своихъ сношеній съ этой страною, но поручилъ кн. Куракину (при отѣздѣ его изъ Россіи) предложить, чрезъ Волкова, Французскому министерству слѣдующіе пункты: 1). Хочетъ-ли Людовикъ XIV принять медіаторомъ царя въ примиреніи съ аліатами Запада? 2) Если бы король захотѣлъ возбудить Турка противъ своихъ непріятелей, то царь обязывается ни съ кѣмъ не вступать въ аліансъ противъ него, но при условіи, чтобы король „ничего не клалъ о Шведѣ въ нынѣшнемъ миру“. Если бы король принялъ указанные пункты, то царь обѣщалъ прислать во Францію особаго ministra для заключенія договора. По прїездѣ въ Гагу, кн. Куракинъ въ Ноябрѣ 1711 г. обо всемъ этомъ сообщилъ Волкову¹⁾). Князь думалъ, что этимъ министромъ будетъ онъ и что ему самому придется ѿхать во Францію, когда покажется время²⁾). Такимъ образомъ первоначальное намѣреніе царя послать князя изъ Лондона въ Парижъ отчасти осуществлялось: кн. Куракинъ изъ Гаги, хотя и не въ качествѣ посла, слѣдилъ за политикою Франціи.

Кромѣ этихъ важныхъ дѣлъ кн. Куракину поручались и другія. Въ числѣ ихъ одно изъ крупныхъ—дѣло о покупкѣ военныхъ кораблей. О важности этого дѣла говорилъ князю и самъ царь: „вся наша нынѣ война въ томъ состоить“, замѣчалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю³⁾). Дѣломъ покупки кораблей за границей завѣдывалъ Федоръ Салтыковъ: „понеже онъ сей кунштъ отчасти зналъ“⁴⁾). Въ Іюнѣ 1711 г. Салтыковъ получилъ отъ Меншикова наказъ, въ которомъ ему поручалось ѿхать въ Копенгагенъ и тамъ освѣдомиться при помощи Русскаго посла, князя В. Л. Долгорукова, гдѣ какіе продажные корабли есть и какимъ образомъ ихъ можно купить. Узнавъ, ѿхать въ мѣста нахожденія кораблей, а особенно во Французскій городъ Дункеркъ и Голландію, гдѣ находилось довольно кораблей изъ взятыхъ каперами. По прїездѣ, корабли осмотрѣть и приторговать „въ какую цѣну возможно“; обѣ этомъ писать „по часту“ царю и ему, Меншикову. Будучи въ сей посылкѣ, Салтыковъ долженъ былъ вездѣ вести

¹⁾ Арх. II, 48.

²⁾ Арх. V. 22.

³⁾ Арх. II, 66.

⁴⁾ Арх. I, 1.

себя инкогнито, выдаваясь за Россійскаго дворянинаго; корреспондировать осторожно и цифирью¹). Теперь Салтыкову посланъ быль указъ поступать во всемъ согласно съ кн. Куракинъмъ и слушать его распоряженій. „Г. Салтыковъ! Писаль ему собственноручно Петръ, въ Голландію посылается для нашихъ дѣлъ князь Куракинъ, которому о томъ же дѣлѣ приказано управлять, и тебѣ бы о всемъ съ нимъ списываться и обще стараніе имѣть“²). Такъ какъ корабли покупались и въ Англіи, чѣмъ завѣдывалъ Томасъ Стельсъ, то и его царь собственноручно уведомлялъ о посылкѣ кн. Куракина въ Голландію, прося его имѣть съ нимъ корреспонденцію, во всемъ ему вѣрить и содѣйствовать³). Петръ снабдилъ кн. Куракина, отпуская его изъ Торгау, возможно подробною инструкціею относительно покупки кораблей. Князю поручалось: 1) пріискать и купить кораблей пять, или больше, а по конечной нуждѣ—три, отъ 60 до 48 пушекъ, чтобы были доброй препорціи, и, договорясь цѣною, тотчасъ писать чрезъ Эльбингъ къ намъ“. Хорошо было бы получить всѣ Англійскіе, причемъ расходъ по покупкѣ ихъ возложить на Стельса за старый долгъ, который на немъ (Стельсъ—купецъ). Если трудно будетъ купить Англійскіе, то можно и Голландскіе, но непремѣнно, чтобы были изъ Зейландіи и чтобы „не гораздо стары были“. 2) Чтобы на корабляхъ находилось полное число пушекъ, а именно: „которые въ 60 пушекъ, то бѣ на нижней палубѣ полукартауны или 18 фунтовыя, а прочія палубы вполы одна отъ другой, а которые въ 50 или 48 пушекъ, то у тѣхъ исподнія въ 12 фунтовъ ядра; а по нуждѣ хотя и неполное число пушекъ“. 3) Веревки и паруса, каковы есть и запасныхъ не надобно; все это можно дешевле найти дома. Когда корабли будутъ куплены, то проводить ихъ туда, гдѣ будетъ зимовать Датскій флотъ, если на этотъ предметъ не получится иного указа. 4) Цѣна кораблямъ—Голландскимъ 50-ти пушечнымъ около 24000 р., а Англійскимъ—можно по тысячѣ или по двѣ на каждую десять тысячъ прибавить. 5) Въ цѣнѣ гораздо смотрѣть, чтобы лишняго не дать, понеже намъ только корпусы одни нужны“. О получаемомъ дѣлѣ кн. Куракинъ долженъ быль всячески стараться, а о производствѣ его писать царю „по вся почты“; а когда торгъ состоится, то съ извѣстіемъ о немъ прислать немедлено курьера⁴). Дѣло покупки кораблей было не легкое. Отъ лица, вѣдавшаго это дѣло, требовались техническія, специальныя знанія, чтобы не купить корабля съ бракомъ, плохо устроеннаго. Кромѣ того, морскія державы подозрительно отно-

¹) Арх. II, 357.

²) Арх. II, 51.

³) Арх. II 47—48.

⁴) Арх. I, 1.

сились къ усиленію нашего флота: на Балтійскомъ морѣ велась война; все это заставляло какъ покупку кораблей, такъ и отправку ихъ въ Россію производить умѣло и осторожно, чтобы не навлечь себѣ выговора отъ царя, не вызвать подозрѣнія морскихъ державъ и тѣмъ не осложнить отношеній ихъ къ Петру, наконецъ, необдуманною отправкою не погубить корабля уже купленного.

Помимо кораблей, князю Куракину поручалось производить и всѣ другія дѣла по куплѣ и продажѣ разнородныхъ вещей, а равно по найму для Россіи нужныхъ людей. Голландія была торговою страною: поэтому было естественно, что ея купцы поддерживали Швецію воинскими и другими припасами въ своихъ торговыхъ интересахъ. Важно было остановить эту поддержку или ее ослабить, что тоже поручалось наблюденію князя Куракина¹⁾.

Такъ какъ въ Голландіи учились морскому дѣлу Русскіе навигаторы, которыми завѣдывалъ Львовъ, то и наблюденіе и за этими учениками возлагалось теперь на князя Куракина: Львовъ долженъ быть во всемъ слушаться князя. Объ этихъ навигаторахъ князь Куракинъ писалъ еще въ 1706 г., что „нашей народъ — люди бездѣльные и пьяные и что трудно ими управлять“²⁾.

Съ такими порученіями, постепенно расширявшимися по мѣрѣ новыхъ обстоятельствъ, и посыпался теперь князь Куракинъ въ Голландію, съ годовымъ окладомъ въ 6000 ефимковъ: „а въ дачѣ денегъ, говоритъ князь, на силу великую мочь выхлопотать у графа Головкина 6000 еф. годового жалованья“³⁾. Сумма эта (около 33000 р.—40,000 на наши деньги⁴⁾) не настолько уже была значительна, чтобы могла соотвѣтствовать положенію представителя Россіи при выступлении его на сцену общеевропейской дѣятельности. Въ Лондонѣ князь Куракинъ проживалъ почти въ два съ половиною раза болѣе назначенаго ему въ Голландіи жалованья⁵⁾,

Пока кн. Куракинъ бѣхалъ къ Штатамъ въ качествѣ полномочнаго министра; но самъ Петръ трактовалъ князя даже посломъ. „Находилъ

¹⁾ Арх. II, 105.

²⁾ Арх. III, 333.

³⁾ Арх. III, 310.

⁴⁾ Ср. Р. Арх. 1906 г. I, 521. Ефимокъ равнялся 80—87 к., Рубль 1710 г. въ 7 или 8 разъ былъ дороже современнаго.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 524.

я себѣ нѣчто чрезвычайного видѣть изъ писемъ властныхъ царскаго величества, писалъ кн. Куракинъ по прибытіи въ Голландію, что царь мнѣ надпись даваль и въ письмѣ въ заглавіи упоминаль: „Господинъ посолъ“, также и въ надписи упоминаль: „Господину послу“, а не такимъ образомъ, какъ прежде сего подписывалъ „господину подполковнику отъ гвардіи“. И того для надлежить мяѣ разсудить, въ какое намѣреніе тотъ мнѣ характеръ данъ, котораго не имѣю. Я быль въ томъ мнѣніи: или ругаяся, или отлуча моего полуполковничаго чину. Однакожъ по томъ времени получилъ полномочную о заключеніи трактата коммерціи, въ которой я написанъ подполковникомъ отъ гвардіи. Еще инымъ образомъ разсудиль, чая мнѣ въ угодность то чинить. вмѣсто какого награжденія, вмѣня быть мнѣ тѣмъ удоволену. Но я, все то получа, за большее сокрушеніе принималъ, нежели за удовольство“. И, конечно, не иронически называлъ царь кн. Куракина посломъ: это не соотвѣтствовало бы тому великому порученію, какое ему предлагалъ государь; естественнѣе думать, что Петръ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе, по времени, сдѣлать князя настоящимъ посломъ, что и случилось по удаленіи Матвѣева.

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ кн. Куракинъ къ сему послѣднему, сказать трудно; вѣроятно эти отношенія и не были строго опредѣлены. „Обхожденіе мое, говорить князь, такъ было трудное съ посломъ Матвѣевымъ, что никогда такъ политично не быль ни съ кѣмъ принужденъ обходиться, такъ что оной въ амбиціи своей хотѣлъ свою ауториту казать; но я трудился, чтобы мнѣ своей не утерять. Правда, ему большій способъ быль его характеръ, а мнѣ порода моя и властное имя, къ тому же и кредиту большаго при дворѣ“. Отсюда видно, что кн. Куракинъ не хотѣлъ быть ниже Матвѣева, на правахъ подчиненного ему и зависимаго отъ него человѣка; онъ быль равенъ ему, а по происхожденію и родству при дворѣ даже выше Матвѣева. При такихъ условіяхъ, естественно должно было возникнуть соперничество между обоими лицами, которое вскорѣ и обнаружилось. „Я усмотрѣлъ, пишетъ кн. Куракинъ, въ пріѣздѣ своемъ, противнаго, что мой кредитъ чрезъ интриги Матвѣева не можетъ распространиться: того для я не очень могъ быть дѣйствителенъ въ дѣлѣхъ“. Когда собирался Уtrechtскій съѣздъ, то обоимъ поручено было вѣхать на него въ качествѣ представителей Россіи. „Тогда я усмотрѣлъ, пишетъ откровенно князь, что мнѣ (нельзя) быть при такомъ великому дѣлѣ, чтѣ есть славно на весь свѣтъ, безъ всякой ауториты. И чтобы не безчестно было къ моей чести, тогда я нашелъ способъ такой: сложилъ полномочную грамоту, которая мнѣ могла быть дѣйствителнѣе и, написавъ, ко двору послалъ,

въ которой бы именовалось, что я именно посылаюсь на съездъ въ Уtrechtъ. И на ту вскорѣ указъ получилъ, согласный съ моими желаніями. Одновременно съ этимъ и Матвѣеву прислана была полномочная, въ которой не написанъ посольствъ, только полномочнымъ, въ томъ же видѣ, какъ и мнѣ¹⁾). Я сіе разсудилъ, что у него тѣмъ, при такомъ съездѣ, отлучить характеръ[“]. Такое соперничество между обоими представителями Россіи отражалось на отношеніяхъ князя Куракина къ иностраннымъ министрамъ.

Когда князь, 29 Октября вечеромъ, пріѣхалъ въ Гагу, то въ этотъ же день, обославшись съ Матвѣевымъ, былъ у него и предъявилъ ему царскіе указы²⁾). 30-го Октября, обославшись съ ратпенсіонаріемъ Генсіусомъ, кн. Куракинъ былъ у него, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, и предлагалъ по инструкціямъ о цѣли своего посольства. О томъ же, на другой день, оба министра предлагали Англійскому, милорду Стратфорту, и Австрійскому, графу Гоусу. У ратпенсіонарія Куракинъ предъявилъ свою полномочную и сказалъ, что царь „велѣлъ ему обнадежить генераловъ-статовъ своею неотмѣнною дружбою и что онъ намѣренъ всегда содержать добрую корреспонденцію и пребывать въ доброй дружбѣ; что онъ также и къ особѣ ратпенсіонера имѣть особую склонность и почтеніе, потому что о склонностяхъ его къ интересамъ царя могъ пространно извѣститься чрезъ доношенія Матвѣева[“]. Кромѣ Генсіуса, кн. Куракинъ былъ у президента Гренинскай провинції, Гокенгайла, которому объявилъ, что „по указу царя будетъ находиться въкоторое время въ Голландіи для предостереганія интересовъ его царскаго величества[“]. Однако, вопреки обычая, требуемаго этикетомъ, и донынѣ наблюдавшимъ, кн. Куракинъ не объявилъ о своемъ пріѣздѣ чужестраннымъ министрамъ, потому что „избѣгалъ церемоніала[“]³⁾). Не смотря на это, чужестранные министры почтили кн. Куракина первыми визитами. „А особливо, пишетъ князь, я имѣлъ честь и чрезвычайное почтеніе отъ дука Мальбурха (Мальборо), что ввечеру мнѣ отдалъ визиту первый; и милордъ Стратфортъ тоже учинилъ; также потомъ и все другіе чужестранные министры[“]. Представитель Германіи, министръ цезаря, не хотѣлъ дѣлать первого визита Матвѣеву, когда тотъ явился въ Гагу; но кн. Куракину онъ сдѣлалъ. „Правда, замѣчаетъ князь, это было не предосудительно въ его персонѣ, потому что я былъ безъ характера[“]. И другіе персоны первого ранга имѣли съ кн. Куракинимъ доброе обхожденіе, какъ напр., принцъ Евгеній Савойскій,

¹⁾ Матвѣевъ получилъ ранѣе полномочную, вообще къ съезду, но не въ Уtrechtъ. Арх. Кур. II, 33.

²⁾ Арх. Кур. IV, 49.

³⁾ Тамъ же IV, 51.

относясь къ нему съ „естимою“¹⁾). Когда кн. Куракинъ пріѣхалъ къ нему „отдать первую визиту, то принцъ Евгений встрѣтилъ его у дверей, а потомъ далъ правую руку на стулахъ сидѣть. И во всѣхъ разговорахъ имѣль поченіе, а при прощаніи провожалъ, сойдя съ крыльца на три ступени“²⁾). Изъ министровъ чужестранныхъ князь имѣль доброе обхожденіе съ Датскимъ, Польскимъ и Палатинскимъ, особенно съ Датскимъ. Изъ Русскихъ персонъ особенно хорошо относился къ кн. Куракину кн. Меншиковъ: 26 Февраля онъ написалъ кн. Куракину чрезвычайное письмо, съ покорностю и учтивостю, въ которомъ объявлялъ о врученіи своей команды въ Помераніи и просилъ о корреспонденції³⁾.

Повидимому, и Штаты отнеслись къ назначенію кн. Куракина съ удовольствиемъ и уваженіемъ. Такъ, утромъ, въ 9 часу, 6 Ноября, пріѣзжалъ визиту отдавать кн. Куракину агентъ Розенбаумъ; онъ говорилъ князю слѣдующій комплиментъ отъ Генеральныхъ Штатовъ: „Ихъ высокомочества безмѣрно благодарны тѣмъ, что его царское величество учинилъ имть честь, приславъ вашу особу яко своего полномочнаго ministra. И врученная (полномочный списокъ) чрезъ ратпенсіонарія была сообщена ихъ высокомочествамъ. И въ томъ, съ своей стороны, велѣли обнадежить, что такая ваша особа принята, и во всемъ предложенія ваши и все изслѣдованіе въ дѣлахъ дѣйствительны будуть. И въ засвидѣтельство вѣрное того, присылаютъ письменный экстрактъ; при томъ-же и для вольнаго привилегія, какъ всѣ ministры обыкновенно имѣютъ“. Въ экстрактѣ говорилось, что „господинъ фонъ-Гокингъ, президентъ въ собраніи, доносилъ ихъ высокомочествамъ и объявилъ, что господинъ-принцъ фонъ-Куракинъ, полномочный его царскаго величества, былъ у него для объявленія ихъ высокомочествамъ о своемъ прибытіи сюда и вручилъ ему списокъ съ своей полномочной грамоты, и тоя оригиналъ ему показалъ, дабы его царскаго величества дѣла здѣсь осматривать и высокимъ соединеннымъ противъ Франціи, его цесарскому величеству, ея королевину величеству Великобританскому и ихъ высокомочествамъ о томъ, что потребно, предлагать и съ ихъ ministры трактовать. И по совѣтованіи о семъ, заблаго изобрѣтено и разсужденено чрезъ сіе объявить, что помянутый господинъ принцъ фонъ Куракинъ ихъ высокомочествамъ въ выше упомянутомъ характерѣ полномочнаго его царскаго величества пріятенъ, и имѣеть экстрактъ изъ сего ихъ высокомочествъ рѣшенія чрезъ агента Розенбаума оному врученъ бытъ.“

¹⁾ Арх. Кур. III, 313.

²⁾ Арх. Кур. IV, 52.

³⁾ Арх. Кур. III, 313.

Изъ этого видно, что Куракинъ официално признанъ былъ Штатами не только въ качествѣ полномочного ministра, но и принца. родственника царя, за назначение которого республика была „безмѣрно благодарна“.

Однако, несмотря на столь блестящій пріемъ, князь Куракинъ, въ зиму 1711—12 г., видѣлъ и много „шагрину“. Нѣкоторые представители Голландской республики отнеслись къ нему „непріемно“. Вопреки обычая, они не сдѣлали ему первого визита, такъ что князь началъ самъ, не ожидая отъ нихъ, отдавать визиты. „Однакожъ, пишетъ онъ. отъ многихъ контрѣ-визиты не имѣлъ; а паче всѣхъ объявлю двухъ принципіальныхъ персонъ: Грефиль и Фагель, также и великій казначей Гообъ и Рандвикъ визиты мнѣ насупротивъ не отдали... Также, хотя малое обстоятельство, однакожъ объявлю: отъ дамъ никакой пріемности себѣ не имѣлъ, весьма всѣхъ холодныхъ видѣлъ и за самого постояннаго (обыкновенаго) человѣка былъ принять“.

Причина подобныхъ „шагриновъ“ лежала отчасти въ неопределенностіи его положенія при Матвѣевѣ. „Великая была помѣшка о двоихъ насть здѣсь находящихся“, замѣчаетъ кн. Куракинъ, объясняя свои отношенія къ чужестраннымъ министрамъ; „оные, видя желюзію между намп, не знали, какъ обходиться, и часомъ склоннѣе къ нему являлись, а часомъ ко мнѣ. Но я, правда, могу сказать, своей стороны не имѣлъ никакого подозрѣнія; но помянутый Матвѣевъ весьма—e come credo che avevano detto qualche cosa a tutti quelli in segreto di mettere qualche zra noi mesintelligenzia“²⁾.

Въ такомъ положеніи находился кн. Куракинъ, пока не уѣхалъ изъ Голландіи Матвѣевъ, и князь не сдѣлялся единственнымъ представителемъ Россіи: Уже въ Мартѣ (22-го) 1712 г., Петръ писалъ Штатамъ: „Изобрѣли мы запотребно, вмѣсто нашего, до сего времени при вашемъ высокомочіи бывшаго посла, г. Матвѣева, къ продолженію дружбы и содержанію доброго согласія полномочному нашему ministру и подполковнику отъ гвардіи князю Куракину, посланному отъ насть къ вашему высокомочію и нынѣ пребывающему при васъ. въ помянутомъ характерѣ и впередъ пребывать при васъ. Того ради просимъ ваше высокомочіе дружебно, чтобы вы не токмо склонную ему аудіенцію

¹⁾ Арх. Кур. IV, 54.

²⁾ Арх. III, 314, т. е. и какъ я думаю, сказалъ что нибудь всѣмъ тѣмъ по секрету для того, чтобы возбудить между нами недоразумѣніе.

дали, но и во всемъ томъ, что онъ какъ нынѣ, такъ и впрочемъ отъ времени до времени по нашему указу вашему высокомочію предлагать будетъ, полную вѣру яти, таکожде и всегда ему на то такую резолюцію дати изволили, какову мы нашего ради всегда доказанного доброго намѣренія къ нашему высокомочію уповаємъ“¹⁾). Такимъ образомъ совмѣстно съ Матвѣевымъ кн. Куракинъ управлялъ дѣлами не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ Августѣ того-же года, онъ, какъ особо полномочный царя, назначался уже посломъ, съ тѣми преимуществами положенія, какія имѣлъ и Матвѣевъ²⁾). Это случилось послѣ личнаго свиданія кн. Куракина съ царемъ въ Грибсвальдѣ, куда князь вызывался Петромъ изъ Голландіи. Здѣсь же, вскорѣ, послѣ назначенія посломъ, онъ удостоился и особаго царскаго расположенія: 14 Сентября царь произвелъ „подполковника отъ гвардіи князя Бориса Куракина, за его вѣрнорадѣтельныя къ царю службы и для доброго воинскаго искусства—въ генераль-майоры“. „И состоимъ въ надеждѣ, писалъ царь въ патентѣ на чинъ, что онъ, князь, во всемъ тако держаться и намъ служити будетъ, како его храбости и добруму офицеру надлежить“³⁾). Въ это время новому генералу было 36 лѣтъ.

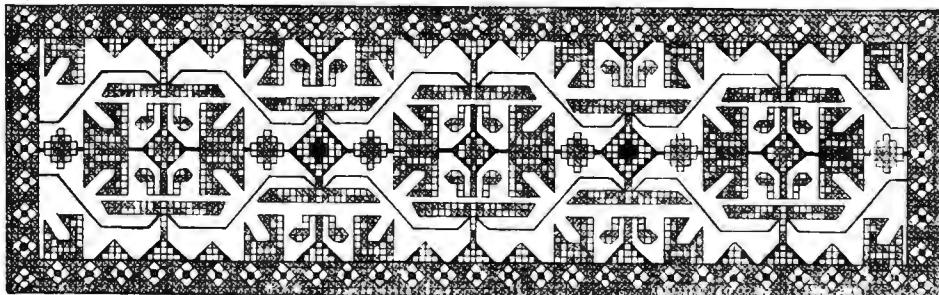
С. Недровъ.

¹⁾ Арх. Кур. II, 53.

²⁾ Полномочная отъ 30 Августа. II, 55.

³⁾ Арх. Кур. II, 57. Въ Декабрѣ 1712 года Матвѣевъ уѣхалъ на резиденцію въ Вѣну, на мѣсто Урбиха, которымъ былъ недоволенъ Вѣнскій дворъ (онъ желалъ национального министра II, 378). Въ Австріи Матвѣевъ находился до конца Февраля 1715 г. Отсюда онъ, поручивъ завѣдываніе дѣлами секретарю Ланчинскому, отправился въ качествѣ посла въ Польшу, но здѣсь не остался и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто президента Юстиціи Коллегіи. Соловьевъ XVII, 106, 118, 120.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову *).

Петербургъ, 3 Генваря 1813.

1813 годъ начинается при такихъ счастливыхъ для всего міра и счастливыхъ для Россіи предзнаменованіяхъ, что мнѣ остается только пожелать, чтобы Всемогущій въ Своей божественной благости даровалъ вашему сіятельству здоровье и силы для полнаго воспринятія нашего счастья и радости, раздѣляемыхъ всѣми истинными патріотами при видѣ спасенія родины и близкаго освобожденія Европы. Зная чувства патріотизма самаго чистаго и горячаго, коимъ ваше сіятельство воодушевляемъ во всякое время, легко могу судить, какъ велики должны быть счастіе и удовлетвореніе вашего сіятельства въ настоящую пору. Вотъ еще одна причина, среди другихъ, заставляющая меня молить отъ всей души Всеышняго о продленіи вашихъ дней, графъ, дабы вы могли увидать исходъ того, что такъ хорошо начато: торжество праваго дѣла, предметъ всѣхъ вашихъ заботъ въ теченіи большей части вашей жизни. Присоединяю свои пожеланія къ вашимъ, графъ, да сократитъ Европа, навсегда память о славномъ примѣрѣ, данномъ ей Россіею и, слѣдя ему и соединясь съ нею, пусть она постарается подняться изъ того постыднаго и гнуснаго униженія, въ которомъ она погрязла такъ давно, что, казалось, и не выйдетъ изъ него. Небо въ своемъ гнѣвѣ наслало для ея исправленія самый жестокій бичъ. Если она способна использовать наказаніе, она должна теперь убѣдиться, что безопасность націй, народное спасеніе и спокойствіе міра не въ стѣнахъ Магдебурга или Шпандтау, а въ храбрости, твердости и настойчивости каждого отдельно и всѣхъ вмѣстѣ: что настоящій оплотъ счастія—любовь къ родинѣ и чувство национального достоинства, о

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года.

который разобьется и самое необузданное честолюбіе, и самая жестокая тиранія. Счастливы народы, если они смогут оживить въ себѣ эти благородныя и великодушныя чувствія, и тогда мы снова увидимъ золотой вѣкъ, и наши побѣдныя знамена, ведущія къ свободѣ и независимости Европу и всю вселенную.

Съ величайшимъ удовлетвореніемъ читалъ я кошю письма, адресованного вашимъ сіятельствомъ Кутузову, которое долженъ ему передать адмиралъ Грейгъ. Не могу достаточно выразить благодарность за довѣріе, которое ваше сіятельство соблаговолили мнѣ выказать этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Могу отвѣтить только такимъ же довѣріемъ и сердечнымъ признаніемъ, что я имѣлъ смѣость прочесть это письмо Ея Величеству. Такъ какъ ваше сіятельство сказали, что содержаніе письма должно оставаться между вами, графомъ М. и мною, то я долженъ просить прощенія, что поступилъ противно выраженной волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо убѣжденъ, что получу просимое прощеніе, когда ваше сіятельство узнаете побужденія и обстоятельства, вызвавшія чтеніе письма тамъ, гдѣ оно не ожидалось. Такъ какъ Ея Величество постоянно помогала цѣлой толпѣ людей, разоренныхъ войною и число коихъ ежедневно возрастило до того, что я увидалъ, что средства Ея Величества изсякаютъ, не взирая на то, что она отказывала себѣ въ малѣйшихъ личныхъ тратахъ, я однажды взялъ смѣость замѣтить ей, что приближеніе зимы неизбѣжно увеличитъ число людей, могущихъ найти пріютъ и средства только здѣсь. Доходъ Ея Величества составляетъ 225 т. рублей, изъ коихъ 150 т. расходятся только на жалованье и пенсіи, остальное обыкновенно употребляется на добрыя дѣла и помощь тѣмъ, кто нуждается и достоинъ. Число неимущихъ возрастило до такой степени, что остатка дохода не могло больше хватать, тѣмъ болѣе, что все обращались именно къ ней въ увѣренности не получить отказа. Мысль, явившаяся мнѣ, о частной и не очень разглашенной подпискѣ, была принята Ея Величествомъ съ благосклонностью. Она поговорила съ Головинымъ, Голицынымъ, Толстымъ, и первая попытка удалась довольно хорошо. Какъ только узнали сущность и побудительныя причины, явилась цѣлая туча людей съ проектами. Графъ К., глава этого сорта людей и покровитель разныхъ учрежденій, преобразованій и разобразованій, не упустилъ столь прекрасный случай и представилъ по этому поводу объемистую тетрадь Государю въ то время, какъ у него было слишкомъ много занятій, помимо тетради К. Государь поручилъ государственному секретарю Шишкову пересмотрѣть проекты и контрольные проекты и сдѣлать изъ нихъ что нибудь цѣльное. Вотъ происхожденіе комитета и общественной подписки, заслугу коихъ оставили за Госуда-

рынею, такъ какъ дѣло началось подъ ея покровительствомъ. К. не упускалъ случая спрашивать о судьбѣ своего великодѣльного плана. и Государь, чтобы отвязаться, назначилъ его членомъ комитета, и онъ, по своему чину стать первымъ; бѣднякъ—слишкомъ счастливый быть чѣмъ нибудь въ этомъ презрѣнномъ свѣтѣ. Ея Величество всегда давала мнѣ свѣдѣнія о подпискѣ по мѣрѣ того, какъ она шла; но такъ какъ она никогда не упоминала К. между лицами, которыхъ бы она избрала, то я былъ очень удивленъ. встрѣтивъ его имя во главѣ всѣхъ. Имѣя случаи часто слышать о немъ различныя соображенія въ обществахъ, я взялъ смѣость замѣтить, что назначеніе К. вызвало во мнѣ большое изумленіе и не скрыть, что оно не очень понравилось публикѣ, потому что всѣ знаютъ спѣсъ и нечувствительность этой личности, а на это мѣсто нуженъ человѣкъ противоположнаго характера и болѣе уважаемый, нежели покровитель Сперанскаго, а впослѣдствіи покровительствуемый имъ, который справедливо презираемъ всѣми. Вотъ тогда-то я узналъ я достовѣрную исторію этой личности. Ея Величество прибавила, что она сама была очень удивлена, видя его, входящаго со всѣми членами, избранными ею, для изъявленія благодарности за довѣріе, оказанное ему ею, и только черезъ нѣсколько минутъ узнала, какъ и почему это произошло. „Однако“, прибавила она, „вы, кажется, очень противъ К.; а онъ, по видимому, связанъ узами дружбы съ В.“—„Эта дружба“, отвѣталъ я, „была, насколько я знаю, во всѣ времена довольно умѣренна“.—„Онъ, по крайней мѣрѣ, очень ее до сихъ поръ выставляетъ“.—„Вотъ то, что я знаю и могу смѣло утверждать, что онъ обманывается, желая обмануть другихъ“.—„О, я не обманута, я отлично знаю, что два характера съ такими противоположными побужденіями не могутъ согласоваться“.—„И доказательствомъ того“, прибавилъ я, „что между ними нѣть переписки*), и я могъ бы вызвать К. доказать противное и убѣдить въ мнѣ мой дружбѣ кого нибудь мало-мальски знающаго того и другого“.

Послѣ этого судьба захотѣла, чтобы Качаловъ передалъ мнѣ въ тотъ же день письмо вашего сіятельства, гдѣ вы подробно говорите о высокихъ дѣяніяхъ К., и я не преминулъ, при первомъ же случаѣ прочесть выдержку, касающуюся его, говоря что раньше я высказывалъ о пресловутой дружбѣ свое сужденіе, а теперь я имѣю доказательство, что я не ошибался. Выдержка была выслушана съ особымъ

*). Т. е. въ это время переписка уже прекратилась. Графъ Семенъ Романовичъ писалъ графу Кочубею, когда тотъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что его преобразованія тяжелѣ восточного деспотизма. См. XIV книгу „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

вниманиемъ, и замѣчанія вашего сіятельства найдены вполнѣ справедливыми, а нѣкоторыя и весьма любопытными, какъ напримѣръ: его бѣдность, его здоровье, его поѣздка и т. д., которыя повлекли для настъ за собою такія прекрасныя послѣдствія. Такъ какъ разговоръ возвращался нѣсколько разъ къ этой личности, то я счелъ нужнымъ сообщить содержаніе письма самому К., прежде чѣмъ онъ получитъ его самъ, и это обстоятельство придало его способу дѣйствій еще больше интереса и именно такого, какого онъ заслуживалъ. Это сообщеніе вызвало благодарность въ виду того, что способствовало исправленію тѣхъ еще немногихъ заблужденій, которыя существовали относительно мнимой тѣсной связи К., коей онъ хвастался. Не знаю, останется ли у него послѣ упомянутаго письма прежняя наглость.

Все, что онъ пишетъ вашему сіятельству по поводу своего здоровья и бѣдности замѣчательно и заслуживаетъ, чтобы я вамъ все объяснилъ. Онъ не пользуется хорошимъ и прочнымъ здоровьемъ, но онъ никогда не бываетъ боленъ, не заболѣлъ даже послѣ пресловутой поѣздки, вызвавшей такія пагубныя послѣдствія и которая привела бы человѣка мало-мальски чувствительного къ агоніи, ни послѣ катастрофы съ тѣмъ, кому, покровительствовалъ и потомъ пользовался его покровительствомъ. Кто созданъ изъ кремня, какъ всѣ эгоисты, тотъ противостоитъ всему,ничѣмъ не волнуется и прекрасно себя чувствуетъ; что ни случилось бы съ его близкими, онъ ничего не чувствуетъ, потому что интересуется друзьями постольку, поскольку они ему нужны. Вотъ неизсякаемый источникъ здоровья К., и онъ болѣлъ только тогда (какъ замѣчаетъ ваше сіятельство), когда предвидѣлъ, что съ нимъ дурно обойдется и даже могутъ причинить вредъ. Хвала Богу, немногихъ людей, завидующихъ такому роду здоровья. У него долги, правда; но, Боже, какіе долги! За два раза онъ, по указу, занялъ около 400.000 р. если не больше, на десять лѣтъ безъ процентовъ! О другихъ долгахъ не слышно. Долгъ не разорительный, потому что изъ 40.000 р. доходу за 6—8 лѣтъ составилось теперь 160.000 р., и у него безъ сомнѣнія, года черезъ два, будетъ 200.000 р., потому что онъ не тратить и четвертой части, дѣлая видъ, что у него открытый домъ, гдѣ никто не бываетъ и который не блещетъ роскошью. Я не знаю побужденій его отказа отъ должности посла, но думаю, что выставленный имъ былъ смѣшенъ. Черезъ это онъ покидаетъ своего друга.

*

Петербургъ, 15 Генваря 1813.

Третьяго дня были вѣсти о Его Величествѣ Государѣ, судя по которымъ онъ вчера долженъ быть быть въ Виллембургѣ, гдѣ, какъ

предполагаютъ, Его Величество остановится на нѣкоторое время въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ наши дипломатическія сношенія. Такъ какъ наши войска уже на Вислѣ и въ виду того, что одновременно мы узнали о занятіи Эльбинга и Маріенвердера, то событія не замедлять явиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Можно объяснить только приступомъ сумасшествія, что Прусскій король остается данникомъ Бонапарта, тогда какъ его народъ выражаетъ чувства противоположныя его поступку въ политикѣ. Въ Маріенвердерѣ едва не захватили Виктора и Богарнѣ; наши казаки уже вступали въ городъ, когда они бѣжали, оставя намъ много пленныхъ и четырнадцать пушекъ. Мюратъ и Бертье проѣхали Эльбингъ, какъ истые бѣглецы. Послѣ приказа, даннаго въ Кёнигсбергѣ, по которому солдаты, встрѣченные на лѣвомъ берегу Вислы будуть считаться дезертирами и какъ таковые судимы и наказаны, оказывается, что тѣ, которые его писали для другихъ, т. е. Мюратъ и Бертье, будутъ приблизительно первыми заслуживающими наказаніе. Увѣряютъ положительно, и Государь подтверждаетъ, что у послѣдняго отморожены руки и ноги и его везутъ въ сильной лихорадкѣ. Пленные увѣряютъ, что онъ не можетъ остатся въ живыхъ; но если онъ не умретъ, то навсегда сохранитъ воспоминаніе о дерзкомъ предпріятіи своего господина въ Россіи. Говорятъ, будто Ожерѣ послалъ войска къ Данцигу, чтобы остановить бѣглецовъ и сразиться съ пами близъ этого города и что для этого пущены въ ходъ всѣ средства обороны. Съ другой стороны, повидимому мы не остановимся на Вислѣ, и походъ окончится только на Одерѣ. Въ Парижѣ продолжаютъ говорить о великой арміи, о складахъ и зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ. Какъ кажется, Бонапартъ еще разъ ошибся въ своихъ расчетахъ, основывая всѣ свои планы на предположеніи, что мы не перейдемъ нашихъ границъ. Теперь онъ не можетъ пускать пыль въ глаза своимъ тупоумнымъ Парижанамъ, и любопытно, какъ онъ выпутается. Какую бы ложь онъ ни выдумалъ, дѣло слишкомъ очевидно, чтобы можно было скрыть истину, и его могутъ спросить, что же стало съ великой арміей, съ запасами и зимними квартирами въ Польшѣ, уже занятой побѣженными и разбитыми Русскими, внезапно появившимися на Вислѣ и Одерѣ. Съ 29-мъ донесеніемъ не кончается кампанія, приходится выпускать 30-ое. Бонапартъ, въ своихъ отвѣтахъ сенату и государственному совѣту не дерзнулъ высказаться за продолженіе войны съ Россіею, и эта умѣренность доказываетъ, что онъ еще не знаетъ, что предпринять.

*

Петербургъ, 17 Генваря 1813.

Третьяго для получилъ я изъ казначейства пенсію за Майскую и Сентябрскую трети прошлаго года и за вторую половину командорст-

венные. Изъ сей суммы послано мною сегодня г. Андерсону тринадцать тысяч пятьсот рублей, кои и будут переведены къ вашему сіятельству съ сегодняшнею или слѣдующею почтою. Если вспомните, въ какомъ положеніи было правительство и частные люди въ прошломъ Сентябрѣ, то я оправданъ буду предъ вашимъ сіятельствомъ, почему я тогда за Майскую треть не требовалъ пенсіона; да и всякия частныя выдачи въ казначействѣ на тотъ разъ были остановлены.

Посылаю при семъ послѣдній печатный журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Истребленіе Французской арміи продолжается и по сію пору. По ничтожеству ея, кажется, и называть ее арміею невозможно. Сколько известно, теперь уже не большая Французская армія, а войска, вновь присланныя маршаломъ Ожерѣ, подвергаются таковой участи.

О возвращеніи Государя ничего еще неизвѣстно. Инспекторъ артиллеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій и генералъ Барклай-де-Толли призваны въ армію. Слышно, что послѣдній изъ нихъ получитъ начальство надъ арміею, бывшею у Чичагова; сей же, говорить, находится нынѣ при Государѣ.

Въ особливомъ пакетѣ посылаю журналъ, послѣдніе манифесты и пр. и пр. Ваше сіятельство хотѣли имѣть полный журналъ военныхъ дѣйствій. Таковой найдете въ *Journal du Nord*, который за полгода прилагается. Нынѣ онъ окончился, а вместо него выходитъ Французская газета *), кой первые номера у сего прилагаются.

Ваше сіятельство желали имѣть портретъ или эстампъ князя Смоленского; я имѣю надежду получить копію портрета, писанаго здѣшнимъ академикомъ Волковымъ, который обѣщаетъ копію на такомъ условіи, чтобы ону выгравировать въ Англіи въ его пользу. Портретъ сей есть самый лучшій въ разсужденіи сходства и работы, и художникъ не иначе согласенъ дать копію, какъ на семъ условіи, считая, что симъ образомъ онъ поправить свои обстоятельства; ибо вашему сіятельству извѣстно, сколь вообще бѣдны наши художники. Г. Волковъ хотѣлъ доставить мнѣ записку, которую, по полученіи, къ вашему сіятельству пришлю. Если бы вамъ неугодно было оказать ему благодѣяніе выгравированіемъ сего портрета, то онъ просить покорнѣйше копіи съ онаго никому не давать. Въ такомъ случаѣ онъ выгравируетъ здѣсь, а награжденіе отдастъ на вашу волю, не назначая цѣны за свой трудъ.

*) *Conservateur Impartial?* П. Б.

*

Петербургъ, 22 Генваря 1813.

Вотъ извлечениe изъ записки, полученной мною вчера отъ Ея Величества въ отвѣтъ на письмо, которое я ей написалъ наканунѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, на которое я ей указывалъ и посовѣтовавъ беречься до полнаго выздоровленія, она прибавляеть: „Можеть быть, вы и получили какія нибудь вѣсти о графѣ Воронцовѣ, но я бы хотѣла, чтобы этого не было и чтобъ мнѣ первой сообщить вамъ, что онъ занялъ Бромбергъ въ Пруссии и этимъ облегчилъ приближеніе къ Торну“.

По вечернимъ вѣстямъ Государь еще въ Іоганисбергѣ и предполагаютъ, что онъ потомъ пойдетъ въ Торнъ.

Слухъ объ увольненіи графа В. подтверждается и что Чичаговъ на его мѣсто будетъ назначенъ. Навѣрно извѣстно, что В. писалъ съ недѣлю тому и просилъ покоя, въ коемъ, кажется, не будетъ ему отказано. Сначала ему сообщали все, что въ арміи дѣжалось и бумаги, какія были написаны; съ нѣкоторыхъ же поръ ему ничего не присылаютъ, ни пишутъ. Одна племянница его Апраксина выходитъ замужъ за одного Новосильцова; онъ просилъ поторопить свадьбу, потому что собирается въ деревню.

*

Петербургъ, 30 Генваря 1813.

Благодаря Симсону, я поправляюсь и сегодня въ первый разъ имѣль счастье видѣть Государыню; она была такъ добра, что сама прочла бумаги, кои обыкновенно я ей читаю, дабы поберечь мою грудь, которая еще довольно слаба. Я сообщилъ о письмѣ, которое ваше сіятельство написали мнѣ по поводу 40.000 р., жертвуемыхъ вами на помошь людямъ, разореннымъ войною. Ея Величество, поблагодаривъ ваше сіятельство отъ лица этихъ несчастныхъ, выразила сожалѣніе, что до сихъ поръ была мнѣнія противоположнаго вашимъ взглядамъ и если бы знала ихъ раньше, то можетъ быть поддержала бы ихъ. Въ данное время ничего уже сдѣлать нельзя въ виду того, что записка лорда Каткартa послана недавно къ Его Величеству Государю; окончательное рѣшеніе этого дѣла зависить отъ его отвѣта; впрочемъ она думаетъ, что на подписку въ Англіи нельзя смотрѣть какъ на субсидію нашему правительству или Русской націи, а только субсидію нѣкоторымъ лицамъ этой націи, взывающимъ къ общей помощи изъ за крайней нужды, несчастій и страданій, и если бы запретили въ Англіи подписку, это было бы въ нѣкоторомъ родѣ несправедливость, которую

правительство могло бы исправить только потребовавши удовлетворенія: это невозможно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Въ данное время въ одной Москвѣ около 70.000, живущихъ въ подвалахъ сожженыхъ домовъ и получающихъ пропитаніе отъ правительства. По этому ваше сіятельство можете судить, что улучшить ихъ положеніе можно только всеобщею подпискою, которая у насъ не можетъ ходко пойти, потому что почти каждый лишенъ этой возможности или собственнымъ разореніемъ, или налогами и жертвами, принесенными и приносимыми еще на различныя потребности войны, славной и счастливой, благодаря Божественному Провидѣнію. Впрочемъ надо отдать справедливость Англійской націи, предлагающей эту помошь не какъ милость, а какъ вознагражденіе справедливое, хотя и недостаточное, за жертвы, принесенные нами для общей пользы, и Англія первая пожинаетъ плоды. Однимъ словомъ, этотъ даръ дѣлаетъ честь больше намъ, нежели самимъ Англичанамъ.

Адмиралъ Грейгъ пріѣхалъ 27-го и передалъ всѣ пакеты, врученные ему вашимъ сіятельствомъ для меня и графа Михаила. Такъ какъ онъ черезъ 2—3 дня ёдетъ прямо къ Чичагову, то я ему передамъ все для вашего сына, котораго онъ тамъ встрѣтить, и по этой причинѣ сегодня вечеромъ я ничего не отсылаю съ лордомъ Каткартомъ, ёдущимъ прямо въ Плоцкъ, куда Государь долженъ быть прибыть 25-го, какъ онъ самъ о томъ писалъ. Ваше сіятельство найдете такія интересныя данныя въ письмахъ графа Михаила, что я ограничусь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣжихъ новостей. Положительно известно, что мы заняли Варшаву, очищенную Шварценбергомъ. Его зимнія квартиры, какъ говорять, будуть въ Моравіи. Не знаю, какъ уладилъ онъ дѣло Ренье, а также что станется съ Саксонцами и Французами, находящимися подъ его начальствомъ, и которыхъ онъ, какъ кажется, предоставилъ ихъ судьбѣ.

Говорятъ, будто получены удовлетворительныя вѣсти изъ Вѣны, куда былъ посланъ изъ главной свитской квартиры Аштедтъ. Австрійскія войска сдѣлали нѣсколько переходовъ въ сторону Богеміи; въ общемъ, кажется, довольны послѣдними сношеніями съ этой державою. Прусскій король, безъ сомнѣнія, скоро прибудетъ къ нашему Государю, потому что онъ, будучи въ Силезіи, назначилъ въ Берлинѣ регентство на время своего отсутствія. Платовъ осаждаетъ и жметъ Данцигъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, будто тамъ находятся больной Бертье и Макдоналдъ со всѣми, спасшимися изъ Кёнигсберга и другихъ мѣстъ. Были переговоры съ городскимъ управлѣніемъ, но Французы требуютъ,

чтобы имъ дали свободный выходъ; въ этомъ имъ отказано. Они не смогутъ долго держаться.

Продолжаютъ говорить о Чичаговѣ для иностранныхъ дѣлъ. Хотя это и не лучшій выборъ, благодаря его придирчивому и сварливому характеру, могущему возбудить много непріятностей въ сношеніяхъ со всѣми дворами, но все же радуются при мысли, что не отъ Р. будетъ зависеть судьба нашей злосчастливой политики.

*

Петербургъ, 31 Генваря 1813.

Сейчасъ я узнаю, что канцлеръ, укотый отъѣздомъ вчера вечеромъ курьера отъ посла, не хочетъ окладывать на два дня отсылку своего и непремѣнно желаетъ, чтобы онъ ѿхалъ черезъ два часа. Узнавъ о такомъ совершенно необычайномъ припадкѣ дѣятельности при моемъ вставаніи, я спѣшу пополнить мое вчерашнее письмо, принужденный до будущей оказіи отложить мое большое письмо № 1, которое я постараюсь докончить и отослать елико возможно скоро.

Ваше сіятельство спрашиваете, правда ли, что Чичаговъ и Витгенштейнъ командуютъ своими арміями самостотельно, не будучи подъ началомъ князя Смоленского. Имѣю честь отвѣтить, что нѣть, и фельдмаршалъ командуетъ всѣмъ и всѣми, будучи главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ армій. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, чтобы Чичаговъ, полный безграницной самонадѣянности, не послушался его приказовъ въ дѣлѣ при Березинѣ, перейдя на сторону противоположную той, которую рекомендовалъ и предписывалъ главнокомандующій. Государь слишкомъ добръ, чтобы наказать подобный проступокъ, который въ военное время обыкновенно слаживается храбростью, твердостью и отвагою въ трудномъ предпріятіи и забывается при счастливомъ исходѣ. Ваше сіятельство все же видите, какъ опасно имѣть подъ своею властью человѣка, подобнаго Чичагову, который умствуетъ тамъ, гдѣ мало понимаетъ; онъ это показалъ движениемъ на Борисовъ, которое предпринялъ по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь и не слѣдя нищему совѣту; онъ способенъ ослушаться тамъ, гдѣ должно дѣйствовать по приказу буквально и со всею поспѣшностью. Теперь, когда Государь самъ при арміи, предоставивъ фельдмаршалу, не смотря на свое присутствіе, всѣ почести и свободу дѣйствія, Чичаговъ, думаю, болѣе говорчивъ. Но безполезно распространяться о характерѣ адмирала, такъ какъ ваше сіятельство давно должны знать, насколько онъ грубъ и досадливъ. Графъ Михаилъ, желая въ своемъ письмѣ нѣсколько оправдать его въ дѣлѣ Березины, пишетъ, что,

конечно, онъ сдѣлалъ ошибку, но онъ былъ не одинъ ошибавшійся. На это можно возразить, что существуетъ большая разница между совершеніемъ ошибки и желаніемъ не совершить; известно, доказано и подтверждено, что ошибка Чичагова была не только умышленная, но онъ поступилъ противно приказаніямъ начальства и мнѣнію всѣхъ зависѣвшихъ отъ него генераловъ. Что касается Витгенштейна, то это—герой во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательнъ своими достоинствами, заслугами и такой скромностью и мягкостью, что невозможно предположить при взглядѣ на него, что это человѣкъ, покрывшій себя бессмертной славою за все время кампаніи. Чичаговъ настолько забылся, что послѣ дѣла подъ Кёнигсбергомъ сталъ отдавать ему приказанія и умышленно перенесъ свои дѣйствія по сю сторону, чтобы выставить старшинство. Всѣ генералы Витгенштейна подали на другой день въ отставку, и Витгенштейну не оставалось ничего другого, какъ подать и свою. Тогда увидали, что дѣло зашло далеко и восстановили порядокъ, отдѣливъ его совершенно отъ адмирала.

Слухи, ходившіе по поводу беременности Императрицы, оказались совершенно ложными, къ большому общему огорченію. Сожалѣть, но не отчаяваются, что эта обожаемая Государыня осчастливить Россію, давъ ей наслѣдника, достойнаго матери.

Лордъ Каткартъ уѣхалъ вчера къ Его Величеству Государю въ Шлоцкъ. Прибытие лорда Вальполя изъ Вѣны и пребываніе Прусскаго короля въ Силезію, вѣроятно, вызвали эту поѣздку, которая должна имѣть важныя послѣдствія. Говорятъ, что въ общемъ политическія сношенія съ этими дворами приняли хороший оборотъ, и дѣло Мюнхена, о которомъ я говорилъ въ письмѣ къ Николаи, утверждено.

Я бы сдѣлалъ все возможное, графъ, чтобы видѣть наконецъ вашего сына женатымъ и устроеннымъ. Николай можетъ засвидѣтельствовать, что таково было наше общее всегдашнее желаніе. Но война и его отсутствіе не допускаютъ того. Ваше сіятельство убѣдитесь въ этомъ, какъ только кончится война и ваши совѣты не преминуть заставить его рѣшиться на мѣру, необходимую для счастья человѣка, съ такимъ характеромъ, какъ его.

*

Петербургъ, 12-го Февраля 1813 г.

Не предвидя скорой оказіи, я назначаю это письмо къ отправкѣ вашему сіятельству по пути болѣе надежному, нежели скорому. Вотъ

почему помѣщу въ немъ извѣстія, могущія занять ваше сіятельство и не требующія спѣшности; они послужатъ отвѣтомъ на нѣкоторые вопросы, кои я имѣлъ честь получить въ разное время. Не могу не довести до вашего свѣдѣнія въ первую очередь о замѣчательной и забавной сценѣ, происшедшей въ день Рождества при дворѣ между Румянцовымъ и мною. Былъ день почты, и мнѣ надо было отправлять письма Ея Величества, чтѣ задержало меня принести поздравленіе Ея Величеству въ кабинетѣ, какъ я имѣю обыкновеніе дѣлать до большого выхода. Ея Величество уже прослѣдовала въ церковь, я пошелъ за нею, и первое лицо, кого я встрѣтилъ въ дверяхъ приемной залы, изъ которой Ея Величества только что вышла, былъ графъ Р. Послѣ обычныхъ поздравленій съ его стороны (ибо моя вѣжливость ограничивается обыкновенно очень низкими поклонами на возможномъ далекомъ разстояніи), онъ сказалъ, что радъ меня видѣть, очень жалѣеть, что не встрѣчаетъ меня, что хотѣлъ даже письмомъ просить меня зайти къ нему и что я могу оказать ему большую услугу. „Я готовъ“, отвѣчалъ я, „исполнить приказаніе, которое ваше сіятельство найдете нужнымъ мнѣ дать“. — „Есть ли у васъ портретъ графа Михаила Воронцова?“ — „Нѣтъ, къ сожалѣнію я его не имѣю“. — „Такъ вы можете, не правда ли, достать мнѣ? Я знаю, что таковой здѣсь есть“. — „Да есть довольно хорошо у капитана Марина, и онъ его, вѣроятно, мнѣ одолжить; онъ сдѣланъ карандашемъ, но довольно похожъ“. — „Будьте добры оказать мнѣ эту услугу; я вамъ скажу, что желалъ бы его выгравировать: во первыхъ это—имя, которое я уважаю, а во вторыхъ личное поведеніе графа Михаила таково, что привлекло къ себѣ уваженіе общее и мое въ частности“. Подобная низость побудила меня нарочно сказать ему, что есть портретъ у Нарышкина (съ которымъ онъ даже не разговариваетъ) и что онъ лучшій изо всѣхъ. „Вы хорошо знаете“, сказалъ онъ, „что я не могу просить его у Нарышкина; но если вы его достанете, я вамъ буду очень благодаренъ“. — „Постараюсь“, отвѣчалъ я. Потомъ онъ спрашивалъ о графѣ Михаилѣ и т. д. и т. д. Въ залѣ находилось человѣкъ до ста, и нѣкоторые стояли вблизи отъ насъ. Этотъ разговоръ забавлялъ присутствующихъ, особенно генерала Армфельда, его, можно сказать, заклятого врага, который громко дѣлалъ замѣчанія и поясненія на каждую его фразу.

На этомъ мы разстались. Нѣсколько дней спустя, видя собравшихся въ большемъ количествѣ друзей графа Михаила и моихъ, я предложилъ вопросъ, слѣдуетъ ли давать портретъ или нѣтъ? Въ началѣ все были противъ, но графъ Мусинъ-Пушкинъ (бывшій министръ въ Неаполѣ) рѣшился за, говоря, что портретъ надо дать обязательно, и

графу Румянцеву придется уважить волею-неволею это имя, отдавъ выгравировать упомянутый портретъ. Всѣ согласились, и Маринъ одолжилъ мнѣ портретъ, который я отоспалъ графу Р. въ день Новаго года съ письмомъ, въ которомъ, поздравляя его, я выражалъ пожеланія счастія не ему, а Россіи и Европѣ. Вчера онъ прислалъ ко мнѣ статскаго совѣтника своей канцеляріи съ благодарностью за мою обязательность, увѣряя, что я сдѣлалъ ему самый пріятный праздничный подарокъ. Но сегодня, встрѣтивъ меня во дворцѣ, онъ сказалъ, что Нарышкинъ обѣщалъ дать ему лучшій, и бѣдняга, казалось, заранѣе предвкушалъ удовольствіе. Нужно обладать большою низостью, чтобы предъявить подобную просьбу Нарышкину, съ которымъ онъ никогда не разговариваетъ, и это за параднымъ обѣдомъ Ея Величества. Вообще, съ иѣ-которыхъ поръ онъ сталъ гравёромъ. Это онъ, и на свои средства, вѣльъ выгравировалъ портреты графа Витгенштейна, Платова и даже князя Смоленскаго (послѣ Московской гибели онъ предлагалъ съ Козодавлевымъ въ Совѣтъ Министровъ смѣнить его и послать Палена). Вдругъ его обуяла манія выписывать разнаго рода инструменты и рабочихъ для всевозможныхъ ремесль; онъ не пренебрѣгъ даже соломенными шляпами. Дай Богъ, чтобы онъ преуспѣлъ въ ремеслахъ и чтобы его успѣхи въ этомъ направленіи отвратили его отъ политики—ремесло неблагодарное въ его рукахъ. Вопреки скряжничеству, ему вдругъ понравилось давать обѣды генераламъ, женщинамъ и т. д. Въ первый разъ Кутузова, графиня Витгенштейнъ и г-жа Бенигсенъ отказались; во второй, точно также; но онъ никогда не отчаявается, и въ третій разъ Кутузова и Витгенштейнъ обѣдали, а г-жа Бенигсенъ сдѣлала это уже послѣ вторичнаго приглашенія. Недавно Барклай и Эссенъ также были у него на обѣдѣ. Нѣкоторые слышали, какъ графъ Р. третьяго дня обращался къ первому изъ нихъ съ упреками, говоря, что видѣть какъ становится старъ, потому что даже старинные пріятели покидаютъ его.

Сцена съ Морковымъ *) при дворѣ была, говорять, великолѣпна. Этотъ спросилъ его о здоровъѣ. „Оно прекрасно“, отвѣчалъ тотъ, „у меня былъ легкій ударъ; но голова никогда не страдала, и если бы замѣтилъ я, что она хоть немного слабѣеть, я тотчасъ попросилъ бы отставить меня отъ дѣль“. Это похоже, дѣйствительно, какъ бы на извиненіе передъ Морковымъ.

Ваше сіятельство спрашиваете, кѣмъ до сихъ поръ держится канцлеръ? Никто не знаетъ иной дружеской связи, какъ съ Аракче-

*) Графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ, который, будучи посломъ во Франціи, держалъ себя самостоятельно, а не преклонялся передъ Наполеономъ, какъ позднѣе канцлеръ графъ Румянцовъ. П. Б.

евымъ; но этотъ слишкомъ эгоистиченъ и честолюбивъ, чтобы не по-жертвовать дружбою, если представится случай. Впрочемъ, до отъѣзда Государя они были закадычными друзьями по пословицѣ: „рыбакъ рыбака видить издалека“ и обѣдали обыкновенно глазъ на глазъ. Не знаю, былъ ли Аракчеевъ, сопровождающей Его Величество въ путешествіи, въ заговорѣ оставить канцлера здѣсь; но онъ испыталъ оскорблѣніе остататься помимо своего желанія, и его обманули жестокимъ образомъ. Отъѣздъ Государя былъ рѣшенъ въ нѣсколько часовъ, тогда какъ его ждали въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Графъ Александръ Салтыковъ, оставшійся здѣсь со времени первой своей поѣздки, чтобы вести переговоры съ дипломатическимъ корпусомъ, за два дня до отъѣзда Его Величества подалъ просьбу объ отставкѣ (предполагаютъ, что эта просьба ему внушена). Его Величество, принявъ ее, сказалъ графу Р., чтобы онъ оставался здѣсь съ дипломатическимъ корпусомъ и что можетъ быть онъ его вызоветъ. Итакъ графъ Р. не видѣлъ его при отъѣздѣ, потому что ночью вѣрно было все приготовить, и въ 9 часовъ утра послѣдовалъ отъѣздъ. Этотъ самый министръ поссорился недавно съ графинею Протасовою (которая рассказывала мерзости про Бонапарта), утверждая, что говорять и пишутъ слишкомъ свободно и безъ всякой сдержанности о государѣ, съ которымъ въ концѣ концовъ придется прйтти къ соглашенію. Однимъ словомъ, можно исписать цѣлые томы, если бы того стоило, и не вмѣстить въ нихъ всѣхъ чертъ этого ничтожества.

Я видѣлъ нѣкоего, читавшаго четыре протокола Французскихъ военныхъ совѣтовъ, бывшихъ въ Витебскѣ, Смоленскѣ и два въ Москвѣ. Въ двухъ первыхъ обсуждалось только, нужно ли преслѣдовывать нашу армію или, остановивься и занявъ позицію на Двинѣ и Днѣпрѣ, закончить кампанію. Всѣ маршалы были послѣдняго мнѣнія, исключая Бонапарта, Мюрата и Бертье. Хвала Богу: этимъ они лишились возможности отнять у насъ Польшу и продиктовать миръ. Въ Москвѣ, на первомъ совѣтѣ, три дня спустя по занятіи ея, обсуждалось, нужно ли выйти изъ города и занять позицію со всѣми своими силами противъ нашей арміи; всѣ стояли за выходъ, кромѣ Бонапарта, увѣренного въ мирѣ, и его мнѣніе опиралось, какъ онъ говорилъ, на томъ, что онъ знаетъ нашихъ министровъ. Онъ далъ имъ изумительную и точную характеристику; онъ говорилъ, что надо утвердиться и начать царствовать въ Москвѣ, чтобы заставить насъ возможно скорѣе приступить къ переговорамъ. Было бы очень любопытно узнать, что онъ говорилъ о Р. Первое свиданіе Кутузова съ Лористономъ (утверждаютъ, что ихъ было два) утвердило его въ его мнѣніи, и это-то и погубило его. Минѣ

рассказывали, что сцена была смѣхотворна. Главнокомандующій и Лористонъ проливали оба слезы и выражали взаимныя чувства дружбы и желанія скорѣйшаго мира. Бонапартъ справедливо назвалъ Кутузова „старою лисою“, потому что сей послѣдній сыгралъ злую шутку своею якобы довѣрчивостью, слезами и мягкостью. Лористонъ былъ такъ очарованъ, что въ припадкѣ довѣрія и дружбы первый сообщилъ ему о разгромѣ при Саламанкѣ и Мадритѣ, говоря, что не надо придавать вѣры всему, чтѣ можетъ ему разсказать Англійскій агентъ Вильсонъ, и бѣдствіе вовсе не такъ велико, какъ его представляютъ Англичане. Во второе свиданіе этотъ человѣкъ, такой мягкий, добрый и дружественный, предсталъ страшнымъ, какъ дьяволъ, такъ какъ прошло уже нѣкоторое время съ первого свиданія, замѣшательство во Французской арміи увеличилось, а наша получила подкрѣпленіе, припасы и средства изгнать непріятеля.

Четвертый совѣтъ состоялся въ день отѣзда Бонапарта изъ Москвы и пораженія Мюратса. Бертье предложилъ бросить всю артиллерию и обозъ, дабы наиболѣе облегчить армію, доказывая, что этимъ выигриваются шесть переходовъ. Бонапартъ одинъ заявилъ, что онъ не согласенъ и не желаетъ оставлять намъ никакого тріумфа.

Если разсказать о двухъ свиданіяхъ вѣренъ, Кутузовъ оправдалъ мнѣніе о немъ Суворова, что отъ него порохомъ пахнетъ, что онъ же и Рибаса проведеть, ибо онъ провелъ даже самого Бонапарта съ его кликою мошенниковъ и плутовъ.

Эти четыре протокола, о которыхъ я говорю, достались намъ вмѣстѣ съ военной канцеляріей Бонапарта, и эта добыча важна, какъ для нашего собственнаго наставленія, такъ и для истребленія его арміи.

Государь хорошо дѣлаетъ, не держа при себѣ ни одного министра, потому что у насъ Кутузовъ, который, думаю, даже болѣе министръ, нежели полководецъ, чтѣ онъ доказалъ во многихъ случаяхъ. Барклай вернулся къ арміи, но Бенигсенъ, пробывъ въ Витебскѣ и Порховѣ больше мѣсяца, прїѣхалъ въ Вильну, такъ какъ главнокомандующій объявилъ, увѣряютъ, что не останется и двухъ часовъ при арміи, если въ нее пріѣдетъ этотъ интриганъ, глупецъ и негодяй, въ виду того, что именно онъ поссорилъ его съ Барклаемъ и приблизительно со всѣми генералами. Было время чтѣ говорили, будто Бенигсенъ совѣтовалъ Государю назначить Кутузова вмѣсто себя командующимъ. Дало поводъ къ этому слуху то, что оба эти генерала были связаны узами тѣсной

дружбы въ Вильнѣ, что Кутузовъ просилъ Бенигсена себѣ въ помощники и, получивъ, оказалъ ему вниманіе и самъ пошелъ объявить это его женѣ, бывшей въ то время здѣсь. Теперь выяснено, что слухъ былъ ложенъ, но что его распустили друзья Бенигсена, желавшіе приписать ему эту заслугу, но послѣ Москвы сами его опровергали. Также извѣстно, что Бенигсенъ неблагодаренъ и интриганъ или, вѣрнѣе, тяжелъ и глупъ. Принцы Ольденбургскій и Виртембергскій стояли за него, также и графъ Растопчинъ, заклятый врагъ Кутузова. Ваше сіятельство изъ сего увидите всѣ пружины и нити коварствъ, кои, хвала Богу, съ отсылкою Бенигсена прекратились. Главнокомандующій теперь въ арміи все, и самъ Государь, далекій отъ мысли стѣснять его, дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ и предоставляетъ ему всѣ почести, полную свободу дѣйствій и всю власть. При такомъ положеніи дѣла идутъ хорошо. Такъ и слѣдуетъ поступать. Вильсонъ также примкнулъ къ Бенигсену; онъ имѣлъ даже глупость и нескромность присыпать сюда курьеровъ съ депешами къ Государю. Какъ мало придавали имъ значенія, видно изъ того, что поставили во всеобщую извѣстность его глупыя депеши, о которыхъ говорить весь городъ, справедливо удивляясь, какъ осмѣливаются иностранецъ, вчера испеченный генераль, судить о дѣлахъ и обращаться съ совѣтами и донесеніями къ Государю. Онъ долженъ чувствовать себя теперь очень скверно, видя, что его глупыя предсказанія не сбылись. Лордъ Каткартъ удивлялся вмѣстѣ со мною, какъ у главнокомандующаго доставало терпѣнія не отослать его, чтѣ онъ долженъ быть сдѣлать тотчасъ же для примѣра другимъ. Я думаю, на подобные поступки натолкнули его Бенигсенъ и эти принцы, съ которыми онъ восторженно считалъ себя за панибрата, воображая, что эта связь окажеть ему честь, тогда какъ наши его презирали и избѣгали.

Говорять, будто Аракчеевъ при арміи не тотъ, что здѣсь: онъ настолько же ласковъ и мягокъ съ главнокомандующимъ, насколько здѣсь былъ горделивъ и золъ и, благодаря Бога, ему не даютъ ни во что вмѣшиваться безъ вѣдома князя. Этотъ человѣкъ ненавистникъ, желченъ, мстителенъ, жестокъ, эгоистъ, прирожденный шпіонъ, никогда не дѣлавшій добра, но только какъ можно больше зла, и его власть простиралась далеко. Здѣсь князь Горчаковъ ничего не значилъ, все шло черезъ него; онъ былъ воплощеніемъ военной полиціи и не допускалъ никого къ Государю. Главный интенданть продовольствія Лаба, прибывъ въ армію, явился къ князю Горчакову; тотъ сказалъ, что онъ долженъ представиться Государю завтра въ такой-то часъ. Послѣ долгаго совѣщанія съ Его Величествомъ о состоянії магазиновъ и средствахъ пе-

ревозки (вопросъ болѣе важный, нежели все остальное въ подобной войнѣ), онъ получилъ приказъ передать Аракчееву записку по этому поводу. Этотъ сначала не хотѣлъ ее принять, говоря, что онъ удивляется, какъ Горчаковъ позволяетъ своимъ подначальнымъ беспокоить Его Величество: доказательство, что по его мнѣнію никто не долженъ съ пустяками приближаться къ Государю. Здѣсь онъ привѣтствуетъ такого-то и сообщаетъ ему такое-то и такое-то приказаніе Его Величества. Если получившій приказъ проситъ объясненія, онъ съ отвратительнымъ притворствомъ отвѣчаетъ, что ничего ему неизвѣстно, но надо исполнять волю Его Величества, не дерзая даже объясняться съ нимъ; самъ же дѣлаетъ видъ, будто ничего не знаетъ. Въ данное время не знаю, есть ли у него какое дѣло при арміи; но онъ покоенъ, и о немъ по крайней мѣрѣ ничего не слышно. Онъ много сдѣлалъ для нашей артиллериі, гдѣ выказалъ большія познанія и даже усовершенствовалъ эту часть; но въ арміи мало людей, коимъ онъ не сдѣлалъ бы зла и особенно людямъ приличнымъ. Самъ Гатчинецъ, онъ вообще покровительствуетъ только этой сволочи.

Вижу съ великимъ изумленіемъ, что такъ громко воспѣваютъ въ Англіи великия дѣянія графа Ростопчина¹⁾). Дѣйствительно, въ началѣ всѣ очень ошибались на счетъ того, что онъ печаталъ въ Москвѣ, и его прокламаціи, казалось, электризовали населеніе злосчастной столицы. Однако оказалось, что то, что онъ называлъ *кличъ кликну* было пустымъ звукомъ и вместо 60.000 человѣкъ этого *клича* было всего 3 и самое большое 4 тысячи арестантовъ, захотѣвшихъ защищать Кремль и которые потомъ способствовали Французамъ въ разграбленіи и пожарѣ города. Единственное подкрѣпленіе, которое онъ послалъ съ граffомъ Морковымъ, была часть Московской милиціи, каковую доставляли и другія губерніи. Послѣ всего этого бахвалъства его *кличъ* далъ тягу, и самъ онъ уѣхать изъ первыхъ. Онъ даже не уничтожилъ запасовъ, такъ какъ Французы нашли болѣе 10.000 ружей, и Кремль они взорвали порохомъ, найденнымъ въ Москвѣ. Онъ постоянноссорился съ главнокомандующимъ, напомнилъ ему даже, что тотъ варилъ шеколадъ у князя Зубова и не можетъ про себя сказать, что достоинъ командовать арміей. Ваше сіятельство помните прокламаціи, гдѣ онъ говорить: у меня одинъ глазъ былъ боленъ и слѣпъ, а теперь я въ оба гляжу. Это онъ ясно намекнулъ на князя²⁾). Онъ былъ особенно разсерженъ тѣмъ, что его не допустили ни на одинъ изъ военныхъ совѣтовъ,

¹⁾ Въ Лондонѣ даже одна улица названа Ростопчинскою. И. Б.

²⁾ Кутузовъ на одинъ глазъ былъ кривъ. И. Б.

собиравшихся до оставления Москвы. По мнению военныхъ, его и нельзя было допустить изъ боязни поставить въ неловкое положение его самого и безопасность армии: его действия были такъ не соответственны, что Богъ знаетъ, какъ бы пришлось поступать, имѣя за спиной врага среди населения, а передъ лицомъ непріятельскую армию. Словомъ, соображенія противъ его допущенія были важнѣе чѣмъ желаніе удовлетворить его тщеславию и честолюбію. И вотъ борьба на смерть между нимъ и княземъ Кутузовымъ. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ писать прокламаціи, вызывающія смѣхъ своимъ слогомъ и подъ часъ страннымъ содержаніемъ. Онъ могъ бы предоставить эту обязанность писакамъ, ибо это вовсе недостойно званія военного губернатора, тѣмъ болѣе, что теперь въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Онъ, напримѣръ, увѣряетъ, что заразная гнилая горячка существуетъ только въ воображеніи, тогда какъ вся Россія и Москва въ особенности показываютъ противное, какъ это засвидѣтельствовано смертью нѣсколькихъ людей выдающихся, чего нельзя не знать. Ваше сиятельство думаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ двора и друзей касательно языка и образа дѣйствій графа Ростопчина. По чести, я не знаю, какое мнѣніе на этотъ счетъ при дворѣ, но мнѣніе общества и публики въ общемъ теперь таково, что все окончательно извѣрились въ него настолько же, насколько раньше вѣрили въ его бахваљство. Надо предположить, что Москву мы сожгли наравнѣ съ Французами; по крайней мѣрѣ обѣ этомъ говорятъ, потому что онъ вывезъ изъ города все пожарные трубы, чтобы не тушить огня. Словомъ, городъ сгорѣлъ, и дѣлать нечего. Въ дѣйствіяхъ графа Ростопчина я считаю достопамятнымъ только сожженіе Воронова, поступокъ дѣйствительно великий и величественный. Въ остальномъ пусть его превозносятъ, ничто меня не переубѣдить, и чѣмъ болѣе я вѣриль его словамъ въ началѣ, тѣмъ болѣе убѣдился, что онъ плохой писака прокламацій, съ самыми обыкновенными способностями какъ военный губернаторъ. Самымъ вскимъ доказательствомъ служить мнѣ то, что у него нѣтъ ни одного друга въ Москвѣ, и тамъ его каждый день клянутъ все. Даже народъ ненавидитъ его теперь въ такой же степени, какъ былъ раньше имъ возбужденъ. Я получилъ сотни писемъ изъ Москвы и видѣлъ много людей, прїехавшихъ оттуда: о Ростопчинѣ существуетъ только одно мнѣніе.

Что касается измѣны Платова, такъ гнусно приведенной въ извѣстность въ Лондонѣ, то онъ ясно доказалъ противное своими поступками неопровергими и славными какъ для него, такъ и для его казаковъ. Ошибка, совершенная имъ послѣ Бородина, когда онъ не удер-

жаль съ арьергардомъ позиціи, чтобы дать время укрѣпиться подъ Можайскомъ, гдѣ бой долженъ бытъ возобновиться, была велика и даже явилась причиною потери Москвы; но ее равно можно приписать и Бенигсену, ибо сей послѣдній очень медлилъ сдѣлать должнаго распоряженія. Платовъ искупилъ свою вину, и отечество вѣчно обязано этому знаменитому человѣку, заставлявшему Наполеона столько разъ дрожать за свою жизнь. Памятникъ, который воздвигнутъ въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій, будеть со славою носить имя Платова среди именъ главныхъ героевъ этой войны.

Сдѣлано иѣсколько проектовъ для этого памятника, но ни одинъ не утвержденъ. Рескрипть Его Величества къ графу Ростопчину даетъ нужнаго указанія, чтобы имъ заняться немедленно. Этотъ памятникъ будетъ прекраснѣйшимъ во всемъ мірѣ и передастъ потомству нашу славу и глупость подлаго Корсиканца, спасшагося бѣгствомъ и пожертвовавшаго 300.000 людей для спасенія своей особы. Кажется, онъ надѣется царствовать только подъ именемъ жены и сына, ибо хочетъ короновать сего послѣдняго и въ тоже время говорить о регентахъ. Я вижу въ этомъ только пріумноженіе подлости, на которую только онъ способенъ.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему графа Сенъ-При не произвели въ генераль-адъютанты? Онъ стойть впереди всѣхъ, коихъ повысили за Бородино. Графъ Сенъ-При прекрасный человѣкъ, другъ графа Михаила, и я его люблю всѣмъ сердцемъ, но онъ хитрѣе всѣхъ настъ. Если бы князь Багратіонъ оставилъ завѣщаніе, онъ его представилъ бы въ генераль-лейтенанты, ибо онъ получилъ повышеніе въ день, когда пришло извѣстіе о смерти князя; кромѣ него никто изъ приближенныхъ князя не получилъ награды.

Это письмо начато болѣе мѣсяца тому назадъ; отсутствіе оказій и моя болѣзнь—причины, что я его кончаю только сегодня, 12 Февраля 1813 г.

*

Петербургъ, 13 Февраля 1813.

Не получая извѣстій отъ графа Михаила, я радъ сообщить вашему сіятельству, что узналъ отъ Ея Величества. Она соблаговолила спросить о немъ генераль-адъютанта Васильчикова, присланного сюда съ ключами Варшавы. Онъ не выдалъ его съ Вильны, но сообщилъ Ея Величеству, что его послали на Берлинъ съ значительнымъ отрядомъ и, вѣроятно, мы получимъ отъ него первыя извѣстія изъ этой столицы.

Могу также вполнѣ увѣрить ваше сіятельство, что онъ совсѣмъ не чувствуетъ своей раны. Съ послѣдними письмами графа Михаила я получилъ письмо отъ его адъютанта Нарышкина¹⁾, сына покойной Анны Ивановны, гдѣ онъ говоритъ положительно и съ великою радостью, что онъ даже не вѣрилъ, что графъ былъ раненъ: такъ хорошо зажила его рана. Жалѣю, что не имѣю этого письма для отсылки къ вамъ, графъ, такъ какъ онъ говоритъ въ немъ о дѣлѣ своей сестры, графини Бальменъ; но, не имѣя силъ написать ей своевременно, я ограничился отсылкою этого письма, какъ отвѣта на то, что она мнѣ писала.

Послѣднія извѣстія изъ арміи гласятъ, что Его Величество покинулъ Плоцкъ и передвинулся дальше; а какъ Прусскій король въ Бреславлѣ, то возможно, что они встрѣтятся въ Петроковѣ (Petrikau). Болѣе чѣмъ когда либо есть надежда, что Австрія соединится съ нами. Отсюда уже установили что-то въ родѣ прямого сообщенія съ Вѣною, потому что на почтѣ принимаютъ письма съ наложеніемъ на нихъ заказа въ Радзивиловѣ, чтѣ служитъ хорошимъ признакомъ. Если правда, какъ увѣряютъ наши газеты, что графъ Стадіонъ назначенъ генералъ-коммисаромъ въ арміи съ неограниченными полномочіями, то не останется сомнѣнія въ настоящихъ намѣреніяхъ Австріи, и она приметъ правую сторону, не заботясь о Маріи-Луизѣ и ея незаконномъ сыне²⁾.

Графъ Строгоновъ здѣсь уже двѣ недѣли. Смерть его зятя, князя Бориса Голицына, заставила его покинуть армію, чтобы внести нѣкоторое утѣшеніе въ семью. Онъ отправляется черезъ двѣ недѣли.

*

Петербургъ, 15 Февраля 1813.

Ея Величество съблаговолила сообщить мнѣ, что Государь упоминаетъ о славномъ и счастливомъ дѣлѣ, которое графъ Михаилъ имѣлъ въ окрестностяхъ Познани, но въ его письмѣ нѣть никакихъ подробностей. Курьеръ, прибывшій вчера, привезъ нѣсколько увѣдомленій объ экспедиціи графа Михаила. Кажется, онъ съ своимъ отрядомъ нагналъ непріятеля въ количествѣ 4.000 человѣкъ, удалявшагося изъ Торна, разбилъ его окончательно и занялъ Познань, гдѣ нашелъ множество пищевыхъ складовъ и всякаго рода боевыхъ припасовъ.

¹⁾ Дмитрия Васильевича, который позднѣе женился на дочери графа Ростопчина, Натальѣ Федоровнѣ. П. Б.

²⁾ Не понимаемъ, почему Лонгиновъ не признавалъ законности Наполеона брака. Развѣ потому, что Наполеонъ не разводился съ Жозефиной. П. Б.

*

Петербургъ, 26 Февраля 1813.

Ваше сиятельство спрашиваете, почему Полтавская и Черниговская губерніи совсѣмъ не даютъ рекрутовъ. Жалю, что забылъ сообщить вамъ, что обѣ эти губерніи поставили, въ труднѣйшія времена, милицію и затѣмъ всеобщее вооруженіе на подобіе Малороссійскихъ казаковъ до 50.000 человѣкъ; князь Яковъ Лобановъ¹⁾ увѣрилъ ихъ, что за это имъ вернутъ прежнія льготы. Первая милиція прибыла въ армію, нѣсколько дней спустя по оставленіи Москвы, на Красную Пахру, а всеобщее вооруженіе въ Могилевъ при переходѣ нашей арміи черезъ Днѣпръ. Ваше сиятельство, можетъ, помните рапортъ князя Кутузова, гдѣ онъ съ удивленіемъ говоритъ, что нашелъ подкѣпленіе въ 70.000 человѣкъ подъ начальствомъ Гудовича въ Могилевѣ: это и была большая часть воиновъ изъ Малороссіи. Однако до сихъ поръ ихъ старайныя льготы не возобновлены.

*

Петербургъ, 11 Марта 1813.

Его Величество Государь сообщаетъ, что Австріакъ Лебцелтернъ²⁾ находится при главной квартирѣ, начиненный всѣми увѣртками своего двора. Однако не отчаяваются приблизиться къ желаемому разрѣшенію. Лордъ Вальполь, который долженъ былъѣхать черезъ Кобленцъ въ Лондонъ, можетъ дать болѣе точныя свѣдѣнія обѣ этомъ.

Пока предоставляютъ свободу дѣйствій главнокомандующему, дѣлѣ, какъ военные, такъ и политическія, пойдутъ удачно; а канцлеръ, если его не выгонять, можетъ считать себя счастливымъ сохранять свое мѣсто въ презрѣніи общества и во всеобщемъ отвращеніи всѣхъ иностранныхъ державъ. На слѣдующій день по полученіи извѣстія о трактатѣ, заключенномъ съ Пруссіею и—извѣстія, сообщеннаго Государемъ Ихъ Величествамъ Императрицамъ, и нѣсколькими частными письмами (такъ какъ событие не являлось уже тайною и весь городъ зналъ о немъ), канцлеръ за столомъ у Императрицы опровергалъ его, увѣряя, какъ говорилъ онъ, что Пруссія не способна принять подобное рѣшеніе. Надѣ его невѣдѣніемъ посмѣялись и остались его въ немъ, и онъ въ немъ пребываетъ до сихъ поръ, потому что, какъ известно, онъ отвѣчаетъ всему дипломатическому корпусу, что не получалъ по этому поводу никакого сообщенія.

¹⁾ Малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ. П. Б.

²⁾ Евреи по происхожденію, позднѣе женившійся на богачкѣ нашей, графинѣ Лаваль, и сдѣлавшійся Австрійскимъ посланикомъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

Учреждена комиссія по управлєнію Варшавскимъ герцогствомъ подъ предсѣдательствомъ Ланского (Василія Сергѣевича). Для управлєнія испрашиваются 130 гражданскихъ чиновниковъ всѣхъ степеней, и занимаются выборомъ ихъ съ величайшимъ затрудненіемъ. Недавно рескриптомъ фельдмаршалу князю Салтыкову Государь приказалъ уволить изъ всѣхъ департаментовъ сверхштатныхъ, имъя въ виду замѣстить ими порожнія мѣста въ полкахъ; а какъ въ спискахъ, представленныхъ министрами, было мало лицъ, уволенныхъ по этому приказу, то въ данное время затребованы именные списки всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ безъ различія, дабы увидать, нѣть ли какого обмана или злоупотребленія. Изъ за этого почти не находятъ людей для управлєнія герцогствомъ.

Ваше сіятельство пишете по поводу Вильсона, что у насъ легко пристрачаются къ иностранцамъ и портять ихъ. Это правда и именно относительно Вильсона, который изъ за позволенія Государя, данного изъ простой вѣжливости, писать Его Величеству, позволилъ себѣ посыпать ему курьеровъ и депеши, полныя ругательствъ на главно-командующаго. Это продолжалось до дѣла подъ Краснымъ, и я не понимаю, какъ главнокомандующій не отоспалъ его, подобно какъ Бенигсена, въ руку котораго Вильсонъ дѣйствовалъ. Малое значеніе, которое придавали его писаніямъ, доказывается широкою гласностью, приданной имъ, и это должно было отвратить Вильсона отъ его ремесла, особенно послѣ того, какъ всѣ его безумныя предсказанія были опровергнуты самыми счастливыми послѣствіями, каковыхъ голова Вильсона не способна была предусмотрѣть. Ему отдаютъ справедливость въ его рвени и устояхъ; но онъ сталъ немного уподоблять себя Веллингтону, хотя и сей послѣдній не достаточный авторитетъ для вояки, убѣленного сѣдинами подъ звуки выстрѣловъ, какъ Кутузовъ. Всюду много подобныхъ добровольныхъ Англійскихъ дипломатовъ. Покойный Бентингъ былъ таковымъ и трубилъ повсюду, что надо призвать Бернадота командовать соединенными силами противъ Бонапарта и что онъ единственный герой вѣка. Здѣсь теперь нѣкій Вайбурнъ, котораго я никогда не могъ разобрать, но который, кажется, горячій другъ Вильсона. Я не знаю, какъ и почему онъ здѣсь. Всѣ эти господа—причина, почему Новосильцовъ не былъ посланъ посланикомъ въ Лондонъ, ибо они всѣ съ шумомъ и гамомъ требовали его, и я предвидѣлъ, что это послужитъ причиною не посылать его въ Лондонъ, какъ и случилось. Они хватились за умъ, но слишкомъ поздно. Бентингъ, еще въ первый прїездъ свой въ армію, намѣчалъ на этотъ посты Барятинскаго. Онъ даже просилъ о немъ Государя, какъ самъ говорилъ

мнѣ, и Государь будто соглашался. Лордъ Каткартъ, пріѣхавъ сюда, поставилъ этихъ господъ на ихъ мѣста; не думаю, чтобы Вильсонъ былъ восхищенъ увидѣть его при арміи; онъ заслуживаетъ хорошаго урока.

Генералъ Бенигсенъ, сконфуженный и выпровожденный, какъ кажется, недавно еще получилъ 15.000 р. ценсіи за убытки, какъ говорятъ, въ Ганноверѣ, причиненные конфискаціей его владѣній, приносившихъ не болѣе 1500 р. доходу. Онъ въ Минскѣ, въ своемъ помѣстїи, а жена остается здѣсь, чтобы каверзничать съ Польской кликою. Покойный князь NN. также имѣлъ дѣло съ каверзниками въ арміи, и я удивляюсь, что его отзывы могли произвести какое нибудь впечатлѣніе, ибо онъ былъ болѣе чѣмъ ограниченъ; а что касается его брата, такъ тотъ вѣтрогонъ, ничтоженъ и глупъ.

Я имѣлъ честь говорить вамъ о казакахъ Полтавы и Чернигова. Князь Лобановъ, генералъ-губернаторъ, въ минуту опасности и когда почти не существовало сообщенія съ его губерніями, прибѣгъ къ этой мѣрѣ, обязавшись возстановить этимъ губерніямъ прежнія ихъ льготы, которая въ сущности очень не велики. Нѣкоторые министры, по мінованіи опасности, возстали, говоря, что государство теряетъ этимъ болѣе 3 миллионовъ доходу. Если сравнить эту сумму и число великолѣпныхъ войскъ, коихъ эти губерніи могутъ поставлять постоянно, то потеря дохода будетъ незначительная. Чѣдѣ значитъ для государства и Малороссіи, будуть ли они одѣты казаками или уланами, гусарами и т. д.? Они останутся прекрасными всадниками, которыхъ можно даже собрать въ полки и образовать правильную кавалерію.

Князь Лобановъ, видя, что его обѣщаніе не утверждаютъ, написалъ Его Величеству, что если не признаютъ того, что онъ обѣщалъ отъ своего имени, пусть объявятъ его сумасшедшемъ. Не знаю, къ какому решенію придуть; но, кажется по этому поводу не сказано ни да, ни нѣтъ.

Имѣніе Круглое*) не дасть, думается мнѣ, въ нынѣшнемъ году дохода, но по всему, чѣдѣ я узнаю изъ присылаемыхъ мнѣ донесеній,

*) Могилевской губерніи. Оно было завѣщано графу Михаилу Семеновичу Воронцову у его теткою княгинею Дашковой, которая желала, чтобы онъ принялъ все состояніе съ именемъ князя Дашкова-Воронцова. Этого не позволилъ графъ Семенъ Романовичъ, такъ какъ ей въ сущности не принадлежали имѣнія Дашковскія. Вдова ея двоюродного брата, графа Ларіона Ивановича, была говорчива, и сынъ ея (въ то время подростокъ) получилъ съ имѣніями ими графа Воронцова-Дашкова. П. Б.

видно, что по крайней мѣрѣ ничего не сожжено и будетъ чѣмъ прокорить людей, принадлежащихъ къ этой землѣ и 22 человѣка музыкантовъ Нарвского полка, коихъ графъ Михаилъ прислалъ съ Французскимъ капельмейстеромъ для обученія и съ хирургомъ, тоже французскимъ. Между музыкантами есть Французы, существующіе обучить Русскихъ полковыхъ музыкантовъ. Библиотека покойной княгини Дашковой сожжена въ Слободѣ *), куда была перевезена; я думаю, что въ ней были хорошия книги, но предполагаю, что это должны были быть дубликаты Андреевской библиотеки. Во всякомъ случаѣ, потеря чувствительная. Чѣдъ касается библиотеки Бутурлина, то это очень горько: она была единственное утѣшеніе графа, причина его разоренія, и безпрекословно одна изъ первыхъ библиотекъ въ Европѣ.

*

Петербургъ, 22 Марта 1813.

Графъ де-ла-Ферронэ прибылъ на этихъ дняхъ и передалъ мнѣ вчера письма и пакеты, коими былъ снабженъ отъ вашего сіятельства. По поводу того, что вы пишете графу Михаилу относительно Австріи и опасности для настѣ двигаться въ ея глубь, если она не объявить себя нашей сторонницею или не останется, по меньшей мѣрѣ, бездѣйственною, я могу отвѣтить вашему сіятельству, что по всему, что я знаю, Австрія не въ состояніи напасть на насъ и что, во всякомъ случаѣ, у насъ довольно силъ въ Подоліи и Волыни, чтобы не бояться опасности съ этой стороны, не говоря о Туркахъ, кои могутъ намъ помочь. Въ Волыни въ данное время нѣсколько регулярныхъ войскъ, вся Украинская милиція и таковая же, собранная въ Нижнемъ-Новгородѣ въ количествѣ 70.000 человѣкъ графомъ Толстымъ, составленная изъ прекрасныхъ частей, такъ что изъ нея можно было бы образовать гвардейскіе полки, какъ я слышалъ отъ всѣхъ, пріѣзжающихъ изъ этого города. Кромѣ того есть резервныя войска, образованная княземъ Лобановымъ и генераломъ Клейнмихелемъ, и кавалерія—Кологризовымъ, которая частію уже двинулись въ эту губернію, а частію уже тамъ. Все вмѣстѣ, какъ меня увѣряютъ, составляетъ около 200.000 человѣкъ, сытыхъ, одѣтыхъ, свѣжихъ и воодушевленныхъ столькими блестящими побѣдами ихъ собратій по оружію. Австрія ничего не можетъ намъ сдѣлать, принимая во вниманіе плачевное состояніе ея финансовъ и особенно, что вся эта великая конфедерациѣ

*) Т. е. въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ находился домъ графа С. Р. Воронцова. Другой домъ его, на Знаменкѣ, нынѣ Бутурлина, уцѣлѣлъ, будучи занятъ кѣмъ-то изъ Французскихъ генераловъ. П. Б.

не существует болѣе съ отпаденіемъ Пруссіи и при настроеніи, явно выраженномъ во всей Германіи, не исключая и Австрійцевъ. Минь думается, графъ, что можно быть покойнымъ, не полагаясь, впрочемъ, очень на случай.

*

Петербургъ, 9 Апрѣля 1813.

Ея Величество довѣрила мнѣ нѣсколько дней тому назадъ приложенное при семъ письмо г-жи Боттль, дабы переслать его съ первой оказією. Оно отъ маркграфини Баденской *). Я не съумѣю лучше исполнить порученіе Ея Императорскаго Величества, какъ умоляя ваше сіятельство благоволить взять на себя заботу о доставленіи письма. Надѣюсь, что больше не понадобится заставлять путешествовать письма, какъ до сихъ поръ; какое великое пространство должно было пройти это, чтобы прибыть сюда черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ и снова отправиться въ Лондонъ! Нравственно невозможно, чтобы Европа во второй разъ оказалась въ подобномъ ужасномъ положеніи.

*

Петербургъ, 26 Апрѣля 1813.

Ея Величество Императрица нездорова нѣсколько дней; ее мучаетъ коклюшъ въ такой степени, что жаль смотрѣть. Она схватила его при посѣщеніи дѣтей принцессы Виртембергской, гдѣ болѣеть вся семья. Стараются не давать ей говорить, потому что, когда она начинаетъ, то не въ силахъ окончить словъ: кашляетъ до слезъ. Когда я подалъ ей письмо вашего сіятельства, она сказала, что прочтеть его послѣ. Вчера я видѣлъ ее мелькомъ, но избѣгалъ вовлекать въ разговоръ, а сегодня совсѣмъ не пошелъ, такъ какъ она меня не спрашивала, и у меня не было ничего особеннаго для сообщенія. Я не премину увѣдомить ваше сіятельство, если она скажетъ мнѣ что нибудь по поводу вашего письма. Предполагаю, что это и здоровье побудить Ея Величество раньше перѣѣхать въ Царское Село; она рѣшила поселиться на лѣто въ этомъ восхитительномъ и пріятномъ мѣстѣ: ибо кажется, Государь, вернувшись сюда, не станетъ жить въ томъ домишкѣ на Каменномъ острову. Я буду имѣть счастіе сопровождать Ея Величество въ Царское Село по приглашенію, которое она соблаговолила мнѣ сдѣлать въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Невозможно описать мое счастіе быть вблизи этой великой особы, и разумѣется, если бы я съумѣлъ сохранить свое здоровье, я бы теперь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; я таковой и есмь, не взирая на огорченія, кои мнѣ причиняютъ

*) Маркграфиня Баденская — мать императрицы Елизаветы Алексѣевны. П. Б.

мои частыя недомоганья. Весна принесла съ собою ужасныя болѣзни, изъ нихъ гнилостныя и нервныя горячки самыя распространеныя, и отъ нихъ выживаютъ немногіе. Третьаго дня скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, Питъ; нельзя достаточно оплакать этого человѣка, милостиваго, полнаго честности и знаній, чтеца на Англійскомъ языку Императрицѣ и ея сестрѣ принцессѣ Амаліи, кои обѣ живо о немъ сожалѣютъ. Графъ Строгановъ, благодаря Бога, спасенъ; онъ былъ очень близокъ къ смерти.

Посылаю вашему сіятельству послѣдніе стихи покойнаго Марина. Вы найдете изображенія поразительныя, вѣрныя и удивительно язвительныя. Графъ и графиня Ливень и вашъ племянникъ могутъ подтвердить вамъ вѣрность портретовъ. Какая утраты для словесности и общества, а также для друзей въ лицѣ этого несчастнаго Марина, честнаго человѣка и настоящаго друга своихъ друзей. Графъ Михаилъ любилъ его сердечно, а я былъ связанъ съ нимъ тѣсными узами съ самого моего возвращенія въ Россію. Его только что произвели въ генераль-маиоры и пожаловали ему Владимира 3-й степени; но онъ даже не получилъ удовлетворенія узнать о счастливомъ поворотѣ своей судьбы послѣ казавшагося забвенія, которое огорчало его, и послѣ всѣхъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ должности свитскаго генерала при армії князя Багратіона въ теченіи всей кампаніи. Умоляю ваше сіятельство не давать списковъ съ этого произведенія, ибо оно могло бы повредить его памяти. Только подъ этимъ условіемъ получиль и я этотъ списокъ отъ одного его друга, единственного обладателя стиховъ, потому что Маринъ не хотѣлъ давать ему списка, и этотъ другъ зналъ отъ него самого, что тотъ хотѣлъ сообщить письменно стихи только графу Михаилу и мнѣ. Онъ охотно читалъ ихъ наизусть, когда хотѣлъ забавить друзей.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ, графъ, вы находите, что поведеніе различныхъ политическихъ партій въ Польшѣ заслуживаетъ строгаго наказанія и именно союзъ студентовъ въ Вильнѣ. Безъ сомнѣнія, эти бездѣльники заслуживають, чтобы ихъ поголовно сдали въ солдаты; но врожденная доброта главнокомандующаго идержанность Государя безпримѣры: все были прощены, все забыто. Это велико, это прекрасно; но я бы никогда такъ не поступилъ, если бы долженъ былъ дать свое мнѣніе. Иногда нужны примѣры строгости; но у насть грѣшать безнаказанно, и зло отъ этого неизчислимо. Самъ Бонапартъ бывалъ часто возмущенъ подлостью некоторыхъ Поляковъ. На одномъ балу въ Вильнѣ фрейлина Тизенгаузенъ, получившая передъ войною

шифръ, появилась въ немъ. Бонапартъ спросилъ, что онъ означаетъ, и на ея отвѣтъ, что это знакъ отличія и доброты властителя Россіи, похвалилъ ее, прибавя, что никогда не надо забывать благодѣяній, полученныхъ отъ властителей. Обратясь затѣмъ къ княгинѣ Гедройцѣ, онъ спросилъ, почему она безъ шифра, тогда какъ получила его одновременно съ своей сосѣдкою. Та отвѣчала, что получила помимо своей воли это отлиchie, надъ которымъ смѣется. Бонапартъ, живо отвернувшись, громко сказалъ: вотъ дура! Ректоръ университета, архи-плутъ Снядецкій, былъ осыпанъ отъ Россіи благодѣяніями, и онъ же былъ первымъ до входа Французовъ, проповѣдовавшій повиновеніе новому правительству и произносившій отвратительныя рѣчи. И только одинъ Минскій епископъ, назначенный по выбору нашего правительства, былъ удаленъ изъ епархіи, но не лишенъ сана, какъ это слѣдовало сдѣлать за проступки и образъ его дѣйствій, словно изступленнаго Якобинца. Однимъ словомъ, милосердіе велико, но не слѣдуетъ, чтобы оно было зловредно, и у насъ на это не обращаютъ вниманія. Слишкомъ добры!

*

Петербургъ, 18 Мая 1813.

Меня сейчасъ предупредили, что канцлеръ отсылаетъ курьера въ Лондонъ сегодня въ 6 часовъ вечера. Пойдетъ Бутеневъ¹⁾, служацій въ канцеляріи графа Румянцева. Осмѣливаюсь рекомендовать его вашему сіятельству, какъ прекраснаго человѣка съ большими заслугами и твердыми устоями. Достаточно сказать для его рекомендациіи, что ему особенно покровительствуетъ графъ Александръ Салтыковъ, первоначально помѣстившій его въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ. Ваше сіятельство по приложенному билету узнаете о приглашеніи, сдѣланномъ мнѣ канцлеромъ; это, чтобы передать мнѣ 30 экземпляровъ гравированного портрета графа Михаила. Онъ сопроводилъ этотъ даръ фразами и комплиментами безъ конца, отъ передачи которыхъ я въсѣ пощажу, такъ какъ они имѣютъ мало значенія отъ человѣка его закала. Одинъ экземпляръ онъ далъ мнѣ, остальные въ распоряженіе графа Михаила. Ваше сіятельство по праву должны получить первый, хотя канцлеръ ни словомъ не обмолвился про васъ²⁾. Правда, онъ никогда этого не дѣлаетъ. Говорять, что онъ объявилъ о своемъ отѣзгѣ на Макарьевскую ярмарку и ждетъ разрѣшенія Государя. Жаль, что до сихъ поръ его не получаетъ.

¹⁾ Это Аполинарій Петровичъ Бутеневъ, Записки котораго во Французскомъ подлинникѣ изданы его сыномъ графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ, а Русскій ихъ переводъ предварительно помѣщенъ имъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 и 1883. Выдержки изъ этихъ Записокъ, о 1812 годѣ, вышли отдельно книжкою (Москва 1912 г.). П. Б.

²⁾ Намъ неизвѣстъ этотъ портретъ будущаго фельдмаршала. П. Б.

Сраженіе при Лютцовѣ и смерть главнокомандующаго были сообщены намъ въ одинъ и тотъ же день. Эту смѣсь общихъ радости и горя можно сравнить развѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Трафальгарѣ. Но различіе большое: Англія имѣла кѣмъ замѣнить Нельсона, а мы ищемъ въ Россіи и во всей Европѣ замѣстителя князю Смоленскому и не находимъ! Для боевой славы можно разсчитывать на всѣхъ нашихъ генераловъ, но головы, чтобы руководить всѣмъ, не существуетъ послѣ горестной смерти великаго Кутузова.

*

Царское Село, 2 Июня 1813.

Я огорченъ сверхъ мѣры, графъ, беспокойствомъ, которое причинилъ вамъ, сообщивъ Ея Величеству копію письма, довѣренного мнѣ вами. Неопытность ввела меня въ заблужденіе. Зная мнѣніе о лицѣ, которому было адресовано письмо*) и полное согласіе чувствъ Ея Величества съ вами по отношенію къ нему, я считалъ возможнымъ сдѣлать это сообщеніе безъ всякаго риска и ущерба, тѣмъ болѣе, что я былъ какъ бы вызванъ на то рядомъ вопросовъ, о которыхъ я вамъ въ свое время сообщалъ. Никакой бѣды, конечно, не произошло, но я продолжаю быть въ отчаяніи отъ превышенія приказаній вашего сіятельства, ибо это обстоятельство огорчило васъ и навлекло на меня заслуженные упреки. Зло остается безъ поправки, но я могу извлечь на будущее полезный урокъ не позволять вести себя собственными сужденіями въ дѣлѣ подобнаго рода, неукоснительно слѣдовать приказаніямъ и больше ничего. Умоляю ваше сіятельство простить мнѣ эту ошибку, послѣднюю, какъ я надѣюсь, и принять съ благоволеніемъ выраженіе моего искрен资料 раскаянія. Копія отослана графу Михаилу и болѣе у меня не находится.

Не менѣе огорченъ я, графъ, что заслужилъ ваши упреки тѣмъ, чѣмъ имѣлъ смѣость написать вамъ относительно графа Растопчина и адмирала Чичагова. Конечно, ни мои года, ни мое положеніе не позволяютъ мнѣ судить государственныхъ людей съ такимъ высокимъ положеніемъ; сверхъ того, у меня не въ характерѣ становиться на ту, либо на другую сторону, если бы таковыя и были, ни громко и публично высказываться о дѣйствіяхъ политическихъ или частныхъ въ такихъ выраженіяхъ, кои могли бы имѣть послѣдствія; но разъ существуетъ общество и мнѣніе, называемое общественнымъ, выразившееся такъ ярко и наглядно въ прошломъ году, я считалъ по своему скромному разумѣнію, что менѣе самонадѣянности быть согласну съ большинствомъ

*) Это вице-канцлеръ графъ Румянцевъ. П. Б.

общества, нежели олицетворять въ себѣ одноть противное. Часто популярность пріобрѣтается неизвѣстно чѣмъ; съ другой стороны, непопулярность часто бываетъ несправедлива и незаслужена. Ободряемый вашимъ сіятельствомъ давать вамъ подробнѣя извѣстія всего, что происходитъ, я не удержался изобразить вамъ картину того, что здѣсь думаютъ объ этихъ двухъ личностяхъ. Я сдѣлалъ это съ безграничными довѣріемъ къ вашему сіятельству, чтобы исполнить ваше желаніе знать все. Съ своей стороны, если я и выразился противъ нихъ, то этимъ руководило только одно побужденіе, которое, я увѣренъ, ваше сіятельство найдете правымъ: вражда и сведеніе личныхъ счетовъ съ главно-командующимъ, и ваше сіятельство знаете, кто изъ троихъ оказалъ больше заслугъ отечеству. Я не могу забыть посланій изъ Ярославля, забыть время, когда заговорили о Паленѣ, Бенигсенѣ и т. д., какъ о главнокомандующихъ; признаюсь, это сильное меня. Никто не имѣетъ болѣе высокаго мнѣнія о талантахъ графа Р. и адмирала, нежели я, и дай Богъ, чтобы у насъ побольше было людей съ ихъ достоинствами; но къ этому позволю прибавить одно пожеланіе: пусть они руководятся однимъ желаніемъ блага, безъ примѣси личныхъ разсчетовъ. Въ заключеніе умоляю ваше сіятельство быть увѣреннымъ, что на меня не имѣютъ вліянія ни мнѣніе министровъ, не имѣвшихъ счастія заслужить одобреніе народа, ни мнѣніе двора, ибо я его совсѣмъ не знаю, строго держась съ самаго начала непосредственныхъ сношеній съ Ея Величествомъ и болѣе ничего: ни одного шага ни впередъ, ни вправо, ни влево.

Этотъ образъ дѣйствія заслужилъ одобреніе Ея Величества съ самаго начала, и я рѣшилъ держаться его всю свою жизнь, чтобы избѣжать сплетенья двора и города. Совѣты, даваемые вашимъ сіятельствомъ съ чисто отеческой заботою и усиливающіе во мнѣ, если возможно, чувства благодарности, уваженія и преданности, такъ согласны съ путемъ, намѣченнымъ мною, что я, безъ сомнѣнія, никогда не сверну съ него и докажу мое послушаніе и благодарность, которыми я вамъ обязанъ за столько благодѣяній и которыхъ никогда не изгладятся ни изъ сердца моего, ни изъ памяти.

*

Петербургъ, 12 Іюня 1813.

Тѣло покойнаго князя Смоленскаго перенесено изъ Сергіевскаго монастыря близъ Стрѣльны въ Казанскій соборъ. Я счель священною обязанностью, вмѣстѣ со всѣми, присутствовать при этой горестной церемоніи, которая вызвала слезы у тѣхъ, кто имѣлъ понятіе о любви къ родинѣ и о памятныхъ заслугахъ этого великаго человѣка. Надо

было видѣть этотъ наплывъ народа изъ города и окрестностей, воодушевленіе его, не допустившее, не смотря на настоянія, просьбы и даже приказанія властей, чтобы катафалкъ везли лошади: нѣтъ, за двѣ версты отъ города выпрягли лошадей, и до Казанскаго собора не было недостатка въ благонамѣренныхъ гражданахъ чтобы нести гробъ на плечахъ и двигать катафалкъ. Блескъ и пышность церемоніи не могли сравниться съ этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ. Оно было полно великихъ воспоминаній и сопровождалось значительнымъ количествомъ войскъ. Государь, давъ полную свободу въ расходахъ по погребенію, отмѣнилъ статутъ, учрежденный Павломъ I-мъ, по которому погребальное шествіе фельдмаршала сопровождалось только 3 батальонами, столькими же эскадронами и нѣсколькими пушками. Тутъ участвовали всѣ войска, находившіяся въ окрестностяхъ, что составило 11 батальоновъ, 7 эскадроновъ и нѣсколько орудій. Честь, оказанная такимъ образомъ спасителю государства, произвела очень хорошее впечатлѣніе на народъ. Сегодня Императрицы были въ городѣ на панихидѣ и затѣмъ посѣтили со всей семьей вдову этого великаго человѣка. Завтра состоится погребеніе въ самомъ Казанскомъ соборѣ, который онъ за одну только кампанію наполнилъ трофеями. Лучшаго памятника не можетъ быть; видя эти трофеи, вспомнишь, что останки великаго человѣка положены тутъ же и съуваженіемъ подойдешь къ нимъ.

Письмо вашего сіятельства я получилъ по возвращеніи съ этой церемоніи. Оно вавело меня на многія размышенія. Миѣніе, высказанное вами по поводу движения за Эльбу, оказалось пророческимъ. Чѣдѣлаемъ мы и къ чему поведеть настъ это перемиріе, заключенное вопреки всякому ожиданію,—вопросъ, на который никто не отвѣтить, ибо нашего генія-покровителя, на которого опиралось все довѣріе, вся надежда, не взирая на многочисленныхъ враговъ и безстыжихъ хулиговъ (ибо они всѣ ниже какого либо соперничества), болѣе нѣтъ. Завтра воздадимъ ему послѣднія почести. И въ какую тяжелую мунуту! Мысль о ней ужасна; ею удвоивается болѣзенненное чувство. Ужасаешься за будущее, такое невѣрное и тревожное.

*

Царское Село, 10 Августа 1813.

Ваше сіятельство узнаете гораздо раньше этого письма о возобновленіи военныхъ дѣйствій, объявленныхъ намъ черезъ курьера, прибывшаго три дня тому назадъ. Надежда и довѣріе всеобщи во всѣхъ письмахъ изъ главной квартиры, и успѣхъ этой кампаніи почти обеспеченъ. Самъ Государь пишетъ, какъ говорять, что мы имѣли прево-

сходство арміи на 150.000 людей и можемъ въ общемъ разсчитывать на 500.000 штыковъ (я предполагаю, съ ландверомъ и т. д.). Скоро извѣстія станутъ очень живы. Пишутъ также, что особенно Австрія скандализована и возмущена чрезвычайными требованиями Бонапарта. Неужели она до сей поры была въ заблужденії? Все равно,—она съ нами, и князь Горчаковъ говорилъ мнѣ, что его братъ (довольно способный генераль) двинулся со своимъ корпусомъ въ Богемію, чтобы соединиться съ Австрійцами и открыть вмѣстѣ кампанію. Этого генерала знаютъ и любятъ въ Австрії.

Единственная занимательная новость, которую я могу сообщить вашему сіятельству, это—новая просьба графа Румянцева объ отставкѣ. Онъ, кажется, наконецъ возмутился сверхъ мѣры. Онъ говорилъ всѣмъ, включая и дипломатической корпусъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не имѣть никакого отзыва отъ Государя. Такой отзывъ далъ онъ Англійскому консулу за обѣдомъ у герцога Серра-Капріола по поводу нѣсколькихъ паспортовъ, которые Байлій просилъ у него давно. Наконецъ пришло письмо Его Величества о нѣкоторыхъ дѣлахъ его вѣдомства. Письмо объ Англійской субсидіи онъ прочелъ Гурьеву, чтобы вмѣстѣ принять нужные распоряженія, и при томъ сказалъ ему, что повторилъ просьбу объ отставкѣ съ курьеромъ, отосланномъ въ тотъ же день. Онъ повторялъ тоже здѣсь и въ Павловскѣ, но только Кочубею прочелъ письмо Государя полностью, а этотъ другъ рассказалъ многимъ, такъ что содержаніе стало извѣстнымъ. Государь, какъ причину невзятія его съ собою въ главную квартиру, выставляетъ то, что не разсчитывалъ никогда на дипломатические переговоры и, дѣйствительно, были только переговоры, не могущіе ни къ чему повести; единственная надежда основывалась на оружіи, и, объявляя ему о возобновленіи военныхъ дѣйствій, Государь указываетъ, что ему нечего бы было дѣлать при арміи. Однако онъ умалчиваетъ о переговорахъ съ Австріею и объ Англійской субсидіи. Онъ кончаетъ письмо предложеніемъ ему оставаться на своемъ посту до его возвращенія въ Петербургъ и надеждою, что до того времени онъ измѣнить свое рѣшеніе; но если и тогда повторить просьбу, то онъ охотно приметъ его отставку. Графъ Р., повѣривъ содержаніе письма графу К., сказалъ, что тотчасъ же отправилъ курьера съ просьбою объ отставкѣ и что для него невозможно оставаться, что онъ хочетъ показать Его Величеству, что съ порядочными людьми нельзя обращаться какъ съ лакеями и къ тому же его отставка доставитъ удовольствие людямъ, ищущимъ его мысли и среди которыхъ Его Величеству останется только сдѣлать выборъ. Изъ сего видно, что онъ, кажется, задѣтъ за живое. Можно ли было предположить, чтобы

въ немъ скрывалось сознаніе чести! Въ общемъ думаютъ, что теперь Его Величество приметъ отставку. Достовѣрно, что все имѣющее отношеніе къ послѣднимъ политическимъ дѣяніямъ главной квартиры вполнѣ чуждо ему и его канцеляріи, и въ послѣднее время онъ являлся только хранителемъ архивовъ и актовъ, къ коимъ нимало не былъ причастенъ.

Пока совсѣмъ не знаютъ, кого назначать на его мѣсто. Мѣсяцъ тому назадъ называли графа Ростопчина, котораго въ Москву замѣнилъ князь Горчаковъ, а послѣдняго здѣсь—Тормасовъ; но это былъ слухъ, заглохшій, какъ много другихъ, и все остается въ неизвѣстности. Наши дѣла вовсе не процвѣтаютъ при графѣ Нессельроде, и я опасаюсь, какъ бы выборъ не былъ окончательно плохъ, судя по столькимъ выборамъ за послѣдніе годы.

Графъ Морковъ здѣсь, но не думаютъ, что его назначать на этотъ постъ. Я его недавно видѣлъ; каждый разъ спрашивается онъ про васъ и просить вамъ о себѣ напомнить.

Скажу по секрету вашему сіятельству, что всѣ подробности о графѣ Р. я знаю отъ графа Литты¹⁾), къ которому К. явился, запыхавшись, сообщить все, что читалъ и слышалъ отъ Р. Графъ Литта замѣтилъ, что К. не прочь занять постъ Р., но, кажется, Его Величество слишкомъ хорошо его знаетъ и оцѣниваетъ, чтобы не бояться новаго несчастія для нашей дипломатіи.

*

Царское Село, 17 Сентября 1813.

Канцлеръ объявилъ, что не вернется въ городъ и скорѣе зазимуетъ въ деревнѣ, нежели поселится въ канцлерскомъ домѣ и вступить въ него только для сдачи дѣлъ. Онъ сдѣлалъ эту декларацію передъ 20 лицами, прибавя, что ждѣть съ нетерпѣніемъ отставки и свободы. Онъ, видимо, въполномъ отчаяніи, узнавъ, сколько важныхъ дѣлъ обсужденено и рѣшено безъ его участія, о которыхъ онъ вовсе и не помышлялъ. Ему даже не сообщили о ходѣ настоящихъ сношеній между союзными дворами, такъ что каждое рѣшеніе является для него неожиданностью и усиливаетъ огорченіе видѣть, какъ его обошли Нессельроде и Анштедтъ. Готовить ему домъ на Галерной²⁾ для его прїѣзда въ началѣ зимы, и Богъ съ нимъ! Я желаю ему всякаго покоя, лишь бы онъ только не вредилъ дѣламъ и не имѣлъ бы возможности вредить имъ.

¹⁾ Оберь-церемоніемейстера. П. Б.

²⁾ На Галерную выходилъ и тотъ домъ (нынѣ дворецъ Великаго Князя Павла Александровича), гдѣ, до перевоза въ Москву, находился Румянцевскій Музей. П. Б.

*

Петербургъ, 29 Сентября 1813.

Послѣдніе дни нѣтъ никакихъ новостей. Арміи, видимо, оставались на прежнихъ позиціяхъ, къ несчастію для Бонапарта, терявшаго людей безъ боя отъ голода, недостатковъ и усталости. Лучше всего на это указываютъ перехваченныя письма, которыя ваше сіятельство вѣрно уже читали и снова найдете въ прилагаемой газетѣ. Есть и другія письма неоспоримо достовѣрныя, какъ Бертье, Коленкура и др., кои будутъ напечатаны.

Со вчерашняго дня распространился слухъ, что Бонапартъ въ Лейпцигъ, послѣ того какъ взорвалъ укрѣпленія Дрездена, мы—въ Галле, а Блюхеръ перешелъ Эльбу. Все болѣе чѣмъ вѣроятно, но нѣтъ прочнаго и подлиннаго основанія для этой вѣсти. Ген.-адютантъ князь Волконскій пишеть, что Баварія и Виртембергъ объявили себя на сторонѣ праваго дѣла. Это сообщеніе считаются за очень вѣрное, чтѣ находить и герцогъ Серра-Капріола, ибо князь почти никогда не сообщаетъ политическихъ новостей. Въ письмѣ находится замѣчательное выраженіе: „Вотъ на 60.000 людей болѣе, чего мы раньше не имѣли и позиціи, каковыхъ Бонапартъ уже не найдеть“. Если все это точно, то я не постигаю, какъ сможетъ чудовище отвести не только свою армію, но и свою особу во Францію. Къ несчастію, извѣстіе слишкомъ хорошо, а чтѣ слишкомъ хорошо, тому нельзя легко повѣрить въ нашъ вѣкъ. Даже относительно дѣлъ, каковы они теперь, я постоянно боюсь дурного оборота со стороны Австріи, склонной къ продажности, и этотъ Меттернихъ производить такое же впечатлѣніе, какъ нашъ Р. въ былое время. Эстафеты изъ Вѣны принесли извѣстіе о занятіи Триеста Австрійцами.

Черезъ три дня состоятся здѣсь похороны генерала Моро*) съ военными почестями. Тѣло его выставятъ послѣ завтра въ Католической церкви. Увѣряють, будто его вдова получить 100.000 пенсій. Этотъ знакъ великодушія соответствуетъ величию имперіи и ея властелина; онъ достоинъ также памяти великаго человѣка, павшаго за правое дѣло и спасеніе міра. Но когда подумаешь, что вдова спасителя родины, бессмертнаго князя Смоленскаго, ждетъ до сихъ поръ указа о полученіи жалованья своего супруга, не зная до сихъ поръ, чтѣ ей дадутъ, и запуталась въ дѣлахъ, то нельзя не огорчиться при сравненіи. Говорятъ даже и съ большой увѣренностью, что ей дадутъ только

*) Какъ извѣстно, Моро, личный врагъ Наполеона, былъ убитъ, стоя рядомъ съ Александромъ Павловичемъ, который тутъ и въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ полную неустранимость. И. Б.

19.000 ассигнациями, содержаніе, которое главнокомандующій получалъ серебромъ, переступивъ границы Россіи. Этотъ излишekъ великолѣпія съ одной стороны и скупости съ другой не укладывается въ головѣ. Раньше не нашли бы достаточно сокровищъ вознаградить заслуги подобнаго Кутузова, даже въ отдаленнѣйшемъ его потомствѣ, чтобы сохранить родъ, столь драгоценный для родины*).

Есть известіе о прибытіи Вандама въ Москву. Потребовалась вся бдительность, чтобы спасти его отъ рукъ народа; не только полиція, но и нѣсколько отрядовъ гарнизона были необходимы для его личной безопасности. Графъ Р. помѣстилъ его въ верхнемъ этажѣ Сухаревой башни, дабы онъ могъ созерцать дѣло своего хозяина и соотечественниковъ. Однако, хотѣлось бы, чтобы его заставили проѣхаться за Ураль.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Стихи, найденные въ общественномъ саду въ Берлинѣ въ видѣ транспаранта, въ вечеръ иллюминаціи по поводу занятія Москвы Французами.

Durchmarschieren.

Войска пропускать.

Einquartiren.

Квартиры давать.

Alimentiren.

Ихъ же питать.

Requisiren.

Реквизиціи брать.

Conscribiren.

Конскриптовъ хватать.

Frau einfuiren.

Женъ похищать.

Haus verlieren.

Домъ свой терять.

Nicht resoniren.

Не смѣть толковать.

Und doch illuminiren.

А все иллюминовать.

Das ist zum krepigen.

Осталось что? Окальвать!

*

Петербургъ, 18 Октября 1813.

Графъ Бутурлинъ пріѣхалъ дней двѣнадцать тому назадъ. Онъ представлялся Ея Величеству царствующей Императрицѣ и преисполненъ радости отъ трогательного вниманія, которое Ея Величество выказываетъ къ его плачевному положенію и къ невозгравимымъ потерямъ. Графиня на этихъ дняхъ пріѣзжаетъ изъ Бѣлкина. Они не были въ Москвѣ, и графъ далъ обѣтъ никогда не бывать въ ней. Безъ сомнѣнія, никто

*) Н. М. Лонгиновъ еще не зналъ, что семья Кутузова (супругѣ и пяти дочерямъ) назначена была стотысячная пенсія, и при томъ вѣчная, такъ что потомки Кутузова и до сихъ поръ получаютъ ее. П. Б.

не потерялъ такъ много, какъ онъ; все его счастіе¹⁾ погребено подъ грудами пепла.

Есть слухъ, распространившійся здѣсь съ нѣкоторыхъ поръ, о повышеніи графа Михаила въ чинъ генерала отъ инфanterіи. Онъ не можетъ быть вѣренъ, судя по мнѣнію Государя на этотъ счетъ; но очень пріятно видѣть, что общество воздаетъ ему по заслугамъ. Этотъ слухъ сталъ общимъ, ибо всѣ считаютъ его достойнымъ такого повышенія, предпочтительнѣо передъ другими. Чѣмъ достовѣрно и что подтвердили мнѣ самъ князь Горчаковъ, это—письмо принца-регента (prince royal) къ Его Величеству, гдѣ онъ пишетъ: „чѣмъ болѣе онъ узнавалъ графа Михаила и оцѣнивалъ его качества и достоинства, тѣмъ болѣе убѣждался, что графъ Михаилъ не на своемъ мѣстѣ, будучи достоенъ командовать самостоителльно, а не оставаться подъ начальствомъ Винценгероде; что онъ умоляетъ Его Величество повысить его, какъ для него самого, такъ и для блага службы; что это повышеніе онъ считаетъ необходимымъ для командуемой имъ арміи, такъ какъ это повышеніе развязжетъ ему руки относительно Русскаго корпуса, входящаго въ ея составъ“²⁾. Копію этого письма прислали князю Горчакову²⁾, и я знаю про то отъ лица, читавшаго ее у него. Онъ самъ говорилъ мнѣ тоже. Я не посмѣлъ попросить показать ее мнѣ, ибо я знаю, до какой степени князю тягостно оставаться здѣсь, слѣдя приказамъ и повторяемымъ просбамъ Его Величества, хотя онъ просился въ армію, и сознавалъ, что онъ продолжаетъ оставаться генералъ-лейтенантомъ, тогда какъ младшиe его получаютъ милости, двигаются впередъ или получаютъ ордена, высшиe, нежели онъ, отягченный дѣлами, сложными и многочисленными въ данное время.

Усиленно говорятъ, что Татищевъ не пойдетъ больше въ Испанію и долженъ вернуться сюда, чтобы стать вторымъ (а въ дѣйствительности первымъ) чиновникомъ для веденія иностранныхъ дѣлъ. Утверждаютъ даже, что графъ Р. намекнулъ на него нѣкоторымъ лицамъ, удивляясь, что *T.*, въ бытность въ Лондонѣ, выказалъ таланты, коихъ онъ въ немъ не замѣчалъ.

Изъ арміи нѣть ничего значительнаго, развѣ что Бонапартъ, видимо, окруженъ и теряетъ голову. Декларація Баваріи и Виртемберга должна его неминуемо погубить. Послѣдній курьеръ привезъ приказы отослать на родину всѣхъ плѣнныхъ Баварцевъ. Кажется, и

¹⁾ Т. е. утраты сгорѣвшей въ Москвѣ библіотеки. И. Б.

²⁾ Военному министру. И. Б.

Данія скоро послѣдуетъ этому примѣру, такъ какъ Бломъ¹⁾, должностную выѣхать отсюда на этихъ дняхъ, получилъ разрѣшеніе остатъся.

*

Петербургъ, 21 Октября 1813.

Графъ Р. получилъ съ послѣднимъ курьеромъ письмо отъ Его Величества, въ которомъ, какъ говорятъ, находятся двѣ знаменательныя фразы: „Чтобы доказать вамъ, что я во Франкфуртѣ, посылаю вамъ письмо вашего друга Бетмана“²⁾ и дальше: „Спѣшу уведомить васъ, что наши три авангарда (или летучіе отряды) перешли Рейнъ“.

Это весьма похоже на двѣ пощечины.

Лордъ и лэди Литтлтонъ³⁾ здоровы и чувствуютъ себя здѣсь прекрасно. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и выказываютъ имъ уваженіе, вполнѣ заслуженное. Ея Величество говорила мнѣ съ большою похвалою про обоихъ и про лэди Л. въ особенности. Она нашла въ сей послѣдней пріятное обращеніе, привлекательный способъ выражаться, непринужденность и благородную откровенность. Это заставляетъ меня думать, что они останутся довольны своимъ пребываніемъ и даже продолжать его, чтобы увидѣть окрестности весною. Я отыскалъ имъ хорошее помѣщеніе, куда они переѣдутъ завтра.

*

Петербургъ, 22 Октября 1813.

Прежде чѣмъ ѻхать въ Казанскій соборъ на благодарственное молебствіе Всевышнему за блистательную побѣду подъ стѣнами Лейпцига, не могу лишить себя удовольствія отослать при семъ копію письма графа Михаила, которое я получилъ вчера вечеромъ черезъ генералъ-адъютанта Кутузова, гонца этой вѣсти.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

„Любезный Николай Михайловичъ! Поздравляю васъ съ достопамятною побѣдою вчерашняго числа и съ сегодняшнимъ занятіемъ Лейпцига. Вы все узнаете по реляціямъ. Вчера было сраженіе, по послѣдствіямъ первое изъ всѣхъ прежде бывшихъ. Въ первый разъ Бонапарте совершенно уступилъ мѣсто и признался побитымъ. Сегодня же, форсиря Лейпцигъ, мы взяли десятка полтора генераловъ,

¹⁾ Датскій при нашемъ дворѣ посланикъ.

²⁾ Извѣстнаго банкира. П. Б.

³⁾ За чѣмъ они прѣѣзжали къ намъ? П. Б.

20.000 плѣнныхъ, Лористона, Ренье, пропасть пушекъ. Понятовскій, говорять, утонулъ. Я сегодня видѣлъ императора Австрійскаго и короля Саксонскаго. Сей послѣдній, кажется, въ числѣ плѣнныхъ; войска же его вчера перешли во время сраженія и тотчасъ начали драться противъ Французовъ. Вчера ружейный огонь не былъ такъ великъ, а канонада сильнѣе Бородинской. А сегодня я чутъ-чуть не попался въ руки двумъ взводамъ Французскихъ кирасировъ, въ серединѣ города, когда занимали. Прощайте, будьте здоровы^{“”}), и пр.

Лейпцигъ, 7 (19) Октября 1813.

P. S. Я вскрываю письмо, чтобы объяснить, какъ графъ Михаилъ едва не сталъ плѣнникомъ. Оказывается, по свидѣтельству Кутузова, что онъ вошелъ въ Лейпцигъ первымъ во главѣ 14-го полка стрѣлковъ. Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, сейчасъ, что Государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра.

*

Петербургъ, 3 Ноября 1813.

Утверждаютъ, будто въ одной статьѣ нашего соглашенія съ Австріей сказано, что Австрійская династія (т. е. Марія-Луиза) должна царствовать во Франціи. Я не сомнѣваюсь въ доброй волѣ Австріи, но такъ какъ идетъ дѣло о вооруженіи всей Французской націи для своей собственной защиты, то она сама съумѣеть спросить отчета у Бонапарта и всей его адской породы, и тогда эта статья будетъ для Австріи недѣйствительна, ибо удостовѣreno, что никогда Французы не потерпятъ у себя Австрійцевъ; на Австрію падеть только стыдъ имѣть на рукахъ не императрицу, а госпожу Бонартъ съ ея незаконнымъ ребенкомъ. Бонартъ, говорять, уѣхалъ въ Парижъ; было бы дѣйствительно чудомъ, если бы онъ показался тамъ, какъ послѣ послѣдней кампаніи и удержался даже и теперь на окровавленномъ и колеблющемся тронѣ.

Баварія, говорять, послѣдовала примѣру Австріи, потребовавъ для пасынка, Богарнѣ, герцогства Пармскаго, Піаченцу и Модену, что было исполнено. Эта династія, слишкомъ грубая по происхожденію, чтобы возбудить въ комъ либо сомнѣніе, сможетъ, пожалуй, удержаться, тѣмъ болѣе, что будетъ царствовать въ земляхъ никому не принадлежащихъ, какъ скоро гнусная Корсиканская порода не осмѣлится именовать себя династіей. Вотъ понятія, кои я имѣю на сей счетъ. Ваше сіятельство, разумѣется, знаете, согласилась ли Англія на эти условія, обстоятельство столь же неизвѣстное мнѣ, какъ и канцлеру имперіи, который еще менѣе освѣдомленъ.

^{“”}) Письмо это писано по русски. II. Б.

Ваше сіятельство оказали мнѣ однажды честь, заговоривъ о женитьбѣ графа Михаила; я желаю этого болѣе, чѣмъ кто либо. Всѣ его друзья раздѣляютъ наши пожеланія, и никто лучше его не можетъ быть отличнымъ отцомъ семейства, дать счастіе своей женѣ, произвести для родины лучшихъ дѣтей и потомковъ одной изъ прославленнѣйшихъ фамилій. Это побуждаетъ меня говорить съ вашимъ сіятельствомъ напрямикъ. Здѣсь есть двѣ невѣсты, которыхъ я не знаю лично, но про нихъ всѣ отзываются очень хорошо. Къ красотѣ онѣ присоединяютъ примѣрные нравы и образъ дѣйствій; это—княжна Трубецкая изъ Москвы, дочь камергера, и графиня Салтыкова, внучка фельдмаршала Николая Ивановича, дочь его слѣпого сына. По смерти матери, три года назадъ, она стала матерью для своихъ младшихъ сестеръ. Есть много и другихъ достойныхъ, но мое мнѣніе, что эти двѣ заслуживаютъ предпочтенія. Меня нельзѧ заподозрить въ пристрастіи, такъ какъ я не имѣю чести знать ихъ лично. Если быть пристрастнымъ, то я желалъ бы его женитьбы на графинѣ Орловой, которую знаю достаточно. Она не обладаетъ красотою, но пріятна и къ большому уму присоединяетъ отмѣнныи образъ дѣйствій. Желаю этого брака единственно по той причинѣ, что никто лучше графа Михаила не сумѣетъ использовать это громадное богатство.

*

Петербургъ, 27 Декабря 1813.

Ваше сіятельство уже до полученія этого письма будете знать о важной новости, занимающей здѣсь всѣ умы. Я говорю объ отѣзду Ея Величества за границу по приглашенію Государя. Никогда не было такой всеобщей радости; можно сказать, что и уѣзжающіе, и остающіеся опьянены радостью и удовлетвореніемъ самыми живыми. Дай Богъ, чтобы надежды общества не оказались призрачными. Отѣзздъ состоится послѣ завтра, 29-го. Ея Величество приказала мнѣ готовиться къ ея сопровожденію, и я восхищенъ какъ никто; но и мнѣ хотѣлось бы скорѣе уѣхать: настолько усталость, предшествующая путешествію, тягостна. Не смотря на то, что со времени этого приказа были двѣ отправки почты, у меня не было ни минуты сообщить вашему сіятельству о немъ и о распоряженіяхъ, отданныхъ совмѣстно съ Постниковымъ по вашимъ дѣламъ. Ея Величество сказала, что путешествіе можетъ продолжиться самое большое 5 или 6 мѣсяцевъ. Дабы не произошло какого либо ущерба выгодамъ вашего сіятельства, считаю долгомъ сообщить вамъ о вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ. Постниковъ будетъ наблюдать за всѣмъ, и я предписалъ управляющимъ Москвы, Круглаго и въ Финляндіи обращаться къ нему и спрашививать его приказаній по всѣмъ вопросамъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. О. КУТЛУБИЦКАГО.

I.

Нераспечатанное почти сто лѣтъ письмо.

Въ Декабрьской книжкѣ „Русской Старинѣ“ 1882 г. помѣщены Записки Я. И. де-Санглена. На стр. 481 описывается онъ пріѣздъ въ Петербургъ во время императора Павла. „Я раздалъ (рекомендательныя) письма. Я былъ опредѣленъ въ Адмиралтейство-Колледжъ и былъ при вице-президентѣ *Иванъ Лопиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ*. Сей почтенный престарѣлый мужъ соединялъ въ себѣ остатки Петра I, Елизаветы и вѣка Екатерины. Къ обширнѣйшимъ познаніямъ присовокуплялъ онъ твердость Петра, доброту Елизаветы и велиможество Екатерины. Императору Павлу онъ давно былъ извѣстенъ, былъ имъ любимъ и уважаемъ. Супруга его, *Авдотья Ильинична*, могла служить образцомъ доброты душевной и дѣтской покорности мужу. Она напоминала конецъ XVII и первую половину XVIII столѣтія“.

Разбирая старыя письма Н. О. Кутлубицкаго, мы нашли среди нихъ запечатанный конвертъ съ слѣдующимъ адресомъ: „У *его пре-восходительства Лопини Ивановичи Голенищева-Кутузова*, милостивой государынѣ *Авдотьи Васильевны Кутузовой*. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ“. На оборотѣ конверта рукою Н. О. Кутлубицкаго сдѣлана помѣтка „2 года какъ умре!“ Конвертъ нераспечатанъ. Такъ какъ возвращать письмо тому лицу, которое писало его по-видимому поздно, то мы его распечатали и посыпаемъ въ „Русскій Архивъ“, на случай если бы кто либо изъ потомковъ пожелалъ на оное письмо написать отвѣтъ.

„Милостивая государыня и любезная моя сестрица Авдотья Васильевна. Я раза два къ вамъ писала, но не имѣя удовольствія отъ васъ ни одной строчки получить, рѣшилась черезъ вѣрную оказію къ вамъ еще писать черезъ его превосходительство Николая Осиповича

Кутлубицкаго, чтобы узнать о вашемъ здоровъи и гдѣ вы находитесь; мнѣ сказывала княгиня Мареа Петровна Трубецкая, что вы живете у Логина Ивановича; и потому рѣшилась къ нимъ въ домъ адресовать. Пожалоста, милая, напишите обѣ себѣ, а я ожидаю возвращенія мужа моего изъ ополченія, который случайно былъ у вашего братца въ Ровнахъ.... Засвидѣтельствуйте мое почтеніе ея превосход. Надеждѣ Никитишинѣ, пишите ко мнѣ въ г. Лукояновъ Ольгѣ Степановнѣ Вириландтѣ. Доброжелательная сестра ваша Ольга, урожденная Шульгина.

1814 года Декабря 20 дня, г. Лукояновъ, милому братцу вашему Сергею Васильевичу мое почтеніе. Цалую васъ мысленно“.

II.

Письмо монахини.

Въ числѣ писемъ на имя Н. О. Кутлубицкаго и жены его попадаются письма отъ вѣкоей кн. Варвары Голицыной, бывшей повидимому монахиней въ одномъ изъ женскихъ монастырей г. Арзамаса. Она не безъ основанія называетъ сама себя „бѣшеной“ дочкой.

Вотъ одно изъ этихъ писемъ.

„Почтенные мои благодѣтели и любезные друзья Авдотья Савельевна и Николай Осиповичъ, здравствуйте!

Душевно рада, что имѣю случай свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Мысленно у обоихъ цѣлую ручки при желаніи вамъ милости Божіей и доброго здоровья. Благодарю васъ, что не забываете бѣшеной вашей дочки. На Введеніе Божіей Матери, то есть 21 числа, я по приказанію вашему познакомилась съ Анной Ивановной Аннинковой¹⁾), она истинно примилая; обѣщалась ко мнѣ быть въ келію, и вѣрь я поджидаю—стъ вами моднѣе—генераль со звѣздою въ лентѣ, да и сама я буду въ крестѣ. Она была у обѣдни, и тѣмъ мнѣ мила, что мою маминьку и папиньку (т. е. васъ) любить. Знаю, что вы меня любите и за меня порадуйтесь: былъ у меня братъ родной князь Дмитрій Васильевичъ, который въ карты играетъ, мнѣ подарилъ 25 рублей. За обѣщанный капотъ благодарю, для зимы ненадобно лучшей награды. Бога ради пришлите, друзья мои благодѣтели, муки аржаной, крупки, et je vous en prie, ordonnez de me faire des souliers noirs, я гроша не имѣю.

Еще жаль оставить пера, скажу вамъ смѣхъ: Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ²⁾ прїѣжалъ стъ женою приложиться къ святителю Ни-

¹⁾ Анненковы старинные помѣщики Нижегородской губерніи (село Анненково въ Арзамасскомъ уѣздѣ).

²⁾ Бывшій генераль-прокуроръ, впослѣдствіи Московскій губернскій предводитель дворянства (Нижегородскій помѣщикъ).

колаю. Ее люди по всему монастырю несли на рукахъ, какъ павлина; а она кричить и всѣхъ монахинь разругала, что подъѣзду нѣтъ къ церкви. Это надобно было видѣть! Прощайте, мои благодѣтели, папенька и маменька. Не забывайте преданую богомъ данную дочку, и Господь васъ не оставитъ. Ваша покорнѣйшая слуга

Кн. Варвара Голицына.

Октября 11, 1809 г.

P. S. Скажу вамъ, мои благодѣтели, я по вашей милости укра-
сила свою келью вашимъ ковромъ прекрасно, хорошо и тепло, а
особенно модно и знатно. *Adieu, mes charmants amis.*

На печати вырѣзано: „Богъ мой покровитель“.

III.

О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности.

Въ Декабрѣ 1796 года императоръ Павелъ пожаловалъ своему любимому флигель-адъютанту Н. О. Кутлубицкому, въ день его совер-
шеннолѣтія, 1000 душъ крестьянъ. Въ Февралѣ 1797 года указано
было дать Кутлубицкому въ счетъ сего дворцового селенія въ Арза-
масскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи: Березовку, Алемаево, Крапивки
и *Костянку*^{*)} съ прилегающими дачами, всего около $6\frac{1}{2}$ тысячъ
десятинъ земли.

Высочайшимъ указомъ 1 Марта 1801 г. (за 10 дней до кончины
Императора) повелѣно было донарѣзать Кутлубицкому въ другихъ
сосѣднихъ губерніяхъ $8\frac{1}{2}$ тыс. десятинъ земли, по расчету 15 деся-
тинъ на душу (всего 15.000 дес.).

Указомъ Сената 7 Марта 1801 года въ счетъ недостающихъ
земель Кутлубицкому были указаны земли въ Казанской губерніи въ
Лаишевскомъ уѣздѣ „изъ казенной пустоши, лежащей по одну сторону
рѣки Чертыка, и по обѣ стороны рѣчки Бездны“ всего до $2\frac{1}{2}$ тыс.
десятинъ.

^{*)} Н. О. Кутлубицкій построился въ Костянкѣ и переселился туда вскорѣ послѣ
событий 11 Марта 1801 года. Здѣсь онъ выстроилъ въ память Императора большую
церковь во имя Петра и Павла, и переименовалъ Костянку въ Петропавловское. Но
название это не привилось. *Костянка*, какъ и Костянская волость, сохранила до сего
времени свое первоначальное название, какъ мѣстное, такъ и официальное. Название-же
„Петропавловское-то же“ сохранилось лишь на хозяйственныхъ планахъ бывшій имѣній
Кутлубицкаго. Родовое имѣніе это до самого послѣдняго времени въ теченіи 115 лѣтъ
оставалось въ роду Кутлубицкихъ, и только на дніхъ продано черезъ крестьянскій
банкъ правнучкою Николая Осиповича, Марией Николаевной Кутлубицкой, къ которой
перешли родовыя имѣнія покойнаго.

Остальная 6000 десятинъ Кутлубицкому пришлось дополучать уже въ царствование Александра I-го.

Событие 11 Марта вынудило Кутлубицкаго уѣхать изъ Петербурга; но у него, не смотря на близость къ Императору, не было денегъ, чтобы немедленно покончить свои дѣла въ Петербургѣ; 22 Апрѣля 1801 г. онъ занялъ подъ залогъ только что полученной Казанской земли у жены коллежскаго асессора Настасьи Ивановны Гавриловой 10.000 р. Подъ закладной этой свидѣтелями подписались „гофъ-фурьеъ II класса Степанъ Васильевъ и камергеръ графъ Петръ Львовъ сынъ Санти“. Деньги эти Кутлубицкій уплатилъ уже по переѣздѣ въ Костянину изъ Арзамаса въ Апрѣль 1802 года; а Казанская земли продалъ, выдавъ на то довѣренность Казанскому помѣщику Агаркову.

Въ 1802 и 1803 г.г. Кутлубицкій началъ хлопотать о дополученіи земель въ ближайшихъ губерніяхъ согласно высочайшему повелѣнію Павла. Онъ писалъ обѣ этомъ вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ и Михаилу Ивановичу Донаурову, но дѣло отъ этого по-видимому не подвигнулось.

Въ Мартѣ 1803 г. по этому поводу Кутлубицкому писалъ изъ Петербурга Нижегородецъ Мих. Алекс. Лѣнивцевъ: „Высыпайте скорѣе ко мнѣ письма для подачи ихъ въ очередь и снабдите меня рѣшительнымъ уполномочиемъ къ графу Кочубею; ибо если Трощинскій отрѣчется отъ этого доклада, то пойдетъ черезъ Кочубея. Къ Государю же въ письмѣ много я помѣстилъ Славянскихъ изъ Священнаго Писанія словъ, потому что Государь желаетъ, чтобы Русскій языкъ и коренные его красоты вводились въ употребленіе, и оныя очень любить. Въ Сенатѣ-же просить нечего: онъ чисто откажеть, а надо черезъ министровъ просить прямо обѣ имянномъ.“

P. S. Адресъ мой въ Петербургѣ, на Дворцовой набережной въ домѣ камеръ-фрау Верре, въ квартирѣ ся высокопревосходительства Наталіи Федотовны Плещеевой“.

То что называлъ Лѣнивцевъ „красотами языка“ заключается въ нижеслѣдующихъ совершенно несуразныхъ выраженіяхъ:

Послѣ словъ: „Все благополучie и счастie мое возсotворены токмо милостю въ Бозѣ почивающаго родителя твоего“ вписано „Желаніе сердца его и хотѣніе устно его нѣси (?) лишенno, предваренное благословеніемъ благостнымъ, всеблагое сердце всемилостивѣйшаго сына его! Воззову къ тебѣ, и услыши мя, яко милость твоя предъ очima моими есть!“ Въ концѣ прошенія: „Помяни щедрость Твоя, и милость Твоя, яко отъ вѣка суть!“

Кутлубицкій подписалъ это воззваніе и направилъ по назначенію въ домъ камеръ-фрау Верре, но своеобразныя „красоты“ также повидимому не подвѣствовали...

Только въ 1805 году межевой департамент Сената распорядился указать Кутлубицкому недостающія 6 тысячъ десятинъ въ далекой Саратовской губерніи... Тамошній губернаторъ Петръ Ульяновичъ Бѣляковъ (на гербовой печати которого видно „пылающее сердце“) въ концѣ 1805 года по поводу этихъ земель писалъ Кутлубицкому: „Ваше пр—во на всемилостивѣйше пожалованія вамъ земли намѣрены переселить нѣсколько сотъ душъ крестьянъ; но земли эти совершенно безводны и безлѣсны, почему предпріятіе сіе нахожу совершенно бесполезнымъ и невозможнымъ“.... При этомъ Бѣляковъ указывалъ земли, которыя, по его мнѣнію, должны считаться по Саратовской губерніи свободными: 1) въ уѣздѣ Хвалынскомъ въ Сосновской и Елшинской излишне захваченные и подлежащія отмежеванію отъ помѣщика Кокошкина и др. лицъ. 2) По Камышинскому уѣзду при селѣ Троицкомъ-Краишевка—тожь и 3) по Царинскому уѣзду „бывшія во владѣніи Волскаго Войска Казаковъ“, имѣвшихъ уже „неудовольствіе съ Рыбинскимъ селеніемъ“ и въ другихъ „неизপытныхъ местахъ“.

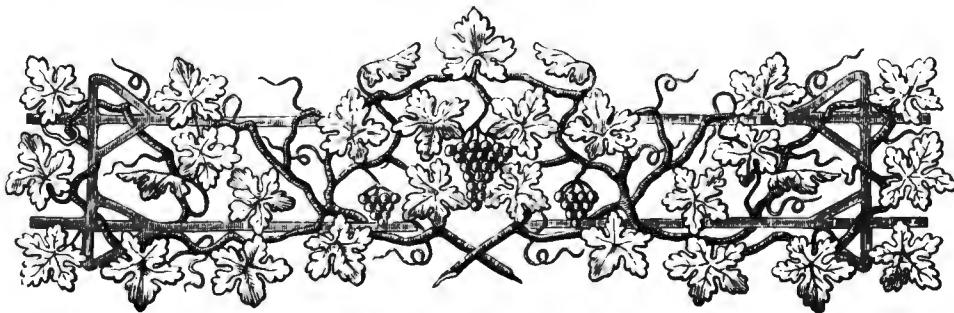
Въ 1806 году Кутлубицкій самъ былъ въ Саратовѣ у губернатора и выдалъ довѣренность на выборъ, пріемъ и продажу Саратовскихъ земель титулярному совѣтнику Василію Тимофеевичу Рѣшетникову, получивъ подъ ихъ залогъ 10.000 рублей. Земли эти повидимому были проданы затѣмъ тамошнему помѣщику Михаилу Андреевичу Устинову, чѣмъ видно отчасти изъ нижеслѣдующаго письма Ивана Трусевича, писанного къ Кутлубицкому изъ Москвы въ концѣ 1806 года.

„Увѣдомляю васъ, что повѣренный Мих. Andr. Устинова болѣе 3 руб. за десятину не даетъ, и то если вы скоро рѣшиетесь; а если до зимы пройдетъ въ перепискѣ, то и той цѣны не дадутъ. То невѣрно, что Климентъ Гаврилычъ Голиковъ покупаетъ ваши земли; я понѣшнее лѣто видалъ его проѣздомъ въ Москву и говорилъ ему, а онъ сказалъ, что ему ихъ даромъ не надобно, ибо онъ въ Саратовѣ скучилъ сверхъ жалованныхъ ему-же еще до 10.000 десятинъ по 1 руб. и по 2 руб. за десятину, но и 5% не можетъ съ нихъ выручить. При томъ онъ мнѣ сказалъ, что если Устиновъ дастъ за всю по 3 рубля, то напрасно не уступаете: дороже его никто не дастъ, если всю вообще и что послѣ будете и сами жалѣть“....

На этомъ краснорѣчивомъ сообщеніи переписка о жалованныхъ земляхъ заканчивается.

Скупивши эти земли за безцѣнокъ, вѣроятно въ настоящее время—
не въ проигрышъ!

Сообщилъ И. А. Бронскій.

СОБРАНИЕ РАЗНЫХЪ АНЕКДОТОВЪ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи знаменитые богачи*).

1.

Федоръ Петровъ сынъ Володимировъ, уроженецъ города Тулы, сынъ весьма небогатаго отца, нажилъ около четырехъ миллионовъ рублей торгомъ, завелъ въ С.-Петербургъ сахарную фабрику, былъ весьма искусный купецъ и умеръ купцомъ.

Сынъ его, Иванъ Федоровичъ, хотя фабрику туже содержить, но торговлю оставилъ и записался въ службу, получилъ чины, а фабрикою править, съ именемъ прикащица, Михаила Грыбановъ, имѣющій своего капитала болѣе четырехъ сотъ тысячъ рублей.

2.

Афанасій Авраамовъ сынъ Гончаровъ изъ небогатыхъ Калужскихъ гражданъ, около 20-ти лѣтъ своего возраста пошелъ во услуженіе къ нѣкоторому заводчику, котораго невеликому имѣнію онъ сдѣлался наслѣдникомъ. Въ теченіи 50 лѣтъ бумажную фабрику, жѣлѣзные заводы, парусныя полотна привелъ въ совершенство и въ славу, такъ что изъ Англіи требовали именно его полотна, и за доброту ихъ, бралъ онъ отъ трехъ до семи рублей излишняго въ кускѣ, коихъ выходило въ годъ отъ восьми до двадцати тысячъ. Успѣль нажить села, деревни; имѣніе его больше $3\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей простидалось. Сочинителю сего онъ самъ сказывалъ, что въ жизни его шель на него три раза золотой дождь; ибо кусокъ полотна, становившійся ему съ

*.) Печатается съ тетради, въ четверку листа, писанной на грубой бумагѣ почеркомъ стариннымъ. Сообщилъ У. Г. Иваскъ. П. Б.

расходами въ Петербургѣ менѣе 7 рублей, продавался отъ 15 до 17 р.; притомъ такъ что деньги приносили напередъ и брали полотно. Къ сему г. Гончарову Государь Петръ Великій въ 1718-мъ году, при письмѣ своемъ, прислалъ полотнянаго мастера, нанятаго въ Амстердамъ, съ тѣмъ, ежели наемъ дорогъ, то Государь оную плату пріемлетъ на себѣ *).

Онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры, заводъ его и домъ, отстоящіе отъ города Калуги въ 30 верстахъ, 1775-го года въ Ноябрѣ мѣсяцѣ удостоила своимъ посвѣщеніемъ Великая Екатерина II-я. Нарочно изволила ѻздить изъ Калуги. Умеръ онъ 1784 г. на 92-мъ году своей старости. Ростомъ былъ высокъ и сухощавъ, глаза быстрые, носъ большой съ горбиною, рѣчъ произносилъ громко, въ пищѣ и питьѣ для себя обыкновенно былъ умѣренъ до скучности; во всѣхъ частяхъ домашней, сельской фабричной и торговой экономіи былъ искусенъ, имѣлъ въ комерціи обширныя свѣдѣнія, дѣла всѣ самъ отправлялъ и счета самъ разматривалъ. Прикащику А. за 6 старыхъ рогожъ стоявшихъ 12 коп. учинилъ на письмѣ строгій выговоръ и на счетъ выставилъ, будучи уже девяти-десяти лѣтъ.

У него осталось два сына: 1-ый Николай, 2-ой Иванъ. Они оба по службѣ маюрами, наслѣдіе отцомъ наложило раздѣлили: Николаю досталась полотняная и бумажная фабрика близъ Калуги и прочее. Николай былъ частію охотникъ скотовъ, содержалъ до 700 собакъ, также охоту лошадиную и любилъ испить; разошелся съ женою и умеръ вскорѣ. По немъ наслѣдоваль сынъ его Афанасій, который вступаетъ въ слѣды своего дѣда и получилъ отъ Екатерины Великой дипломъ на дворянство въ 1789-мъ году; а нынѣ уже бригадиромъ, надворнымъ совѣтникомъ.

Иванъ живеть въ деревняхъ, ведеть брань съ волками и медвѣдями, жениться раздумалъ; а просилъ имѣніе его укрѣпить вѣкоторой женщинѣ съ тѣмъ, чтобы ему владѣть по смерти.

3.

Господа Демидовы, ведущіе родъ свой изъ Тульскихъ оружейниковъ. За скорое приготовленіе и дешевую цѣну ружей Никита Демидовъ былъ пожалованъ Петромъ Первымъ заводами въ Сибири. Въ цѣну и вновь заводить позволено, а потомъ пожалованъ въ 1721-мъ году дворянствомъ; потомки его получили величайшее богатство, состоящее въ неизчерпаемыхъ рудникахъ. Изъ нихъ особливаго замѣчанія

*) Дѣянія Петра Великаго VI часть, страницы 254, 255.

достоенъ Прокофій Акинфовичъ Демидовъ дѣйствительный статскій советникъ, какъ своею щедростію, такъ острыми и другими выдумками прославился, изъ коихъ нѣсколько слѣдуетъ здѣсь.

4.

Полицейскій офицеръ, строя себѣ домъ, пришелъ къ Прокофью и попросилъ, чтобы пожаловалъ ему желѣза на связи и подѣлки и кривельного сколько нибудь.—Прокофій спросилъ: „а сколько тебѣ необходимо?“ Офицеръ: „связанаго 160 пудовъ, полоснаго 80 пудовъ, кривельного 600 аршинныхъ листовъ“. Прокофій тотчасъ крикнулъ писца и приказалъ написать къ прикащику номеръ 5 ордеръ, чтобы сему офицеру выдалъ означенное количество требуемаго желѣза и, подписавъ отдалъ, а офицеръ благодаря вышелъ и спрашивалъ въ домѣ, гдѣ ему найти прикащику номеръ 5. Ему сказываютъ, что онъ въ Сибири далѣе 3,000 верстъ отъ Москвы. Офицеръ подумалъ, что Демидовъ въ имени ошибся, возвращается, докладываетъ, что номеръ 5 находится въ Сибири. Прокофій сказалъ: „Да это подлинно я знаю, отъ него и полуучи“.—Офицеръ: „я прошу здѣсь пожаловать“.—Прокофій: „Экая причина! Даю тебѣ яичко, да еще облупленное; я на тебя не холопъ, сюда возить; какая мнѣ нужда, хочешь берешь, хочешь нѣтъ; я здѣсь желѣзо продаю, а не даромъ даю“.

5.

За нѣкоторый родъ письма, въ которомъ Прокофій непристойно невѣстку свою порицалъ, присужденъ онъ былъ просить прощенія, а письмо вѣльно было сжечь чрезъ палача подъ висѣлицею, причемъ быть и Прокофію. Больше 25 лѣтъ народъ въ Москвѣ не видывалъ, смертной казни, а узнавши, что висѣлица поставлена на Царицыномъ лугу, что на Болотѣ, и слухъ пронесся, что въ 12-мъ часу будетъ экзекуція надъ преступникомъ, коего не знали, собралось разнаго званія, въ каретахъ, одноколкахъ, на дрожкахъ и пѣшкомъ великое множество народа. Наступилъ часъ, пришла полицейская команда, принесли пукъ соломы, готовъ былъ и огонь. Наконецъ пріѣхалъ Прокофій въ каретѣ съ главнымъ надъ экзекуціею. Читаютъ скороговоркою опредѣленіе, котораго силы народъ не можетъ понять; потомъ отдаютъ палачу письмо, а тотъ торжественно бросаетъ въ огонь. Прокофій, выглянувъ въ окошко изъ кареты сказалъ: вотъ сколько собралось дураковъ смотрѣть, какъ сгоритъ страничка бумаги.—Народъ, ожидавшій больше чего-нибудь, съ ропотомъ на Прокофія, пошелъ готовыхъ щей хлебать.

6.

Нѣкоторая госпожа просила у него на крайнюю нужду, на полгода 2,000 руб. денегъ. Онъ ей дать безпрекословно, но взялъ обязательство, въ которомъ написано условіе: что ежели она на срокъ денегъ не отдастъ, то должна называться б...., курвою, плѣхой и извергомъ изъ дворянства. Нужда госпожи принудила дать таковую подпиську, хотя съ великою горестью.—Пришелъ срокъ, госпожа привезла деньги; онъ принялъ, расписку выдалъ, по своему обыкновенію нѣсколько потчива1ъ, а между тѣмъ тайно оныя деньги фатюю велѣлъ положить той госпожѣ въ карету.—Госпожа, въ удовольствіи, что выручила свою рукопись, прїехала домой; лакей докладываетъ: куда деньги два мѣшка прикажетъ? Госпожа спрашиваетъ, какія? Слуга сказываетъ, что у Демидова фатюю ему вынесъ и положилъ въ карету.—Госпожа думаетъ, что фатюю ошибся, садится въ карету, ѳдетъ опять къ Демидову, велитъ несть къ нему деньги, отдаетъ, извиняясь, что она не знала, какъ положили ей въ карету.... Прокофій спрашиваетъ, какъ она исправилась ему заплатить? Она сказываетъ, что заплатя необыкновенный процентъ и заложа всѣ свои вещи. Прокофій велитъ ей деньги взять и прибавилъ еще 200 руб. Удивленная щедростью его госпожа благодарить его и принуждается забыть причиненную имъ ей прежде досаду.

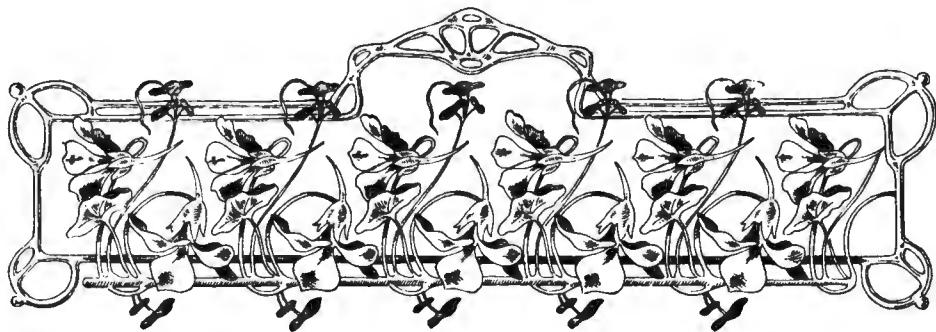
7.

Нѣкоторый молодой господинъ, промотавши все оставшееся отъ предковъ имѣніе и заложа послѣднюю свою деревню, провѣдавъ обѣ оказанной вышеозначенной госпожѣ милости, пришедъ къ Прокофію рассказывая, что деревня его стѣять пять тысячъ рублей, и буде онъ не сдѣлаетъ ему милости, онъ пропадетъ, въ двухъ тысячахъ рубляхъ: просилъ, чтобы онъ его тѣмъ одолжилъ, обѣщаюсь черезъ шесть дней ему деньги возвратить. Прокофій оставилъ его у себя отобѣдать, между тѣмъ искусно выспросилъ:—„Не оставилъ ли отецъ его послѣ себя долгъ? Получилъ отвѣтъ, что нѣтъ“.—„Не сгорѣло ли что у него“.—„Нѣтъ“.—„Не покрали ли чего“.—„Нѣтъ“.—„Не ручался ли по комъ“.—„Нѣтъ“.—„Не было ль въ деревняхъ его чумы“?—„Нѣтъ“.—„Сколько вамъ отъ отца досталось крестьянъ?“.—Молодчикъ сказалъ: „1,800 душъ“.
„Сколько теперь имѣете“.—„Отвѣчаль — 200 душъ“.—„А тысяча шесть сотъ душъ гдѣ?“ смиренно спросилъ Прокофій.—Смищенный симъ вопросомъ, молодецъ отвѣчаль: „прожилъ“.—„Прожилъ, сказалъ Прокофій; я этому не вѣрю, ибо тебѣ не больше 25 лѣтъ, развѣ не

проигралъ ли“.—Закраснѣвшись проситель отвѣчалъ, что случилось такъ, что онъ по несчастію нѣсколько проигралъ, а при томъ еще и отъ любви пострадалъ; ибо, влюбясь въ танцоршу, въ угодность ей 500 душъ прожилъ съ нею, 500 проигралъ,—600 ушли на бѣгунахъ, разобраны пѣсенниками, кулачными бойцами и тому подобными.—Прокофій сказалъ: „сожалѣю о тебѣ, мой сынъ“.—„А, отецъ мой“ бросясь на колѣни, сказалъ молодецъ, „помоги“.—Прокофій. „Такъ ты признаешь меня за своего отца“.—„Точно такъ“.—Прокофій сказалъ: „Ты человѣкъ молодой, скоро забудешь, что я тебѣ отецъ, когда дамъ тебѣ двѣ тысячи рублей“.—„Нѣть, любезный отецъ, вѣчно, вѣчно буду тебя моимъ отцомъ почитать“.—Прокофій: „Того-то я и жедаю; такъ дай же подпиську“.—Молодчикъ тотчась взялъ бумаги и написалъ: Благодѣтеля моего и милостивца Прокофія Акинфовича Демидова признаю за моего отца и во всемъ его волѣ повиноваться буду и все родительское право надо мною ему предоставляю навсегда такой-то, послѣ чего подалъ Прокофію, который покликалъ фатюя, отдалъ бумагу спрятать, а потомъ приказалъ кликнуть людей и подать плетей, да господина новаго сына взварилъ, опороль ему спину и бока: досталось, сказываютъ и брюху, уговаривая притомъ *).

*) Тутъ рукопись кончается. П. Б.

Московскіе городскіе головы, и замѣстители ихъ.

1782—1912 гг.

- 1782—1786. **Мещаниновъ**, Демидъ Демидовичъ, именитый гражданинъ *), коллежскій асессоръ.
- 1786—1789. **Ситниковъ**, Семенъ Дмитріевичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ. Временно должность исправлять 1-ой гильдіи купецъ
- Емельяновъ**, Егоръ Емельяновичъ.
- 1789—1792. **Губинъ**, Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1792—1795. **Долговъ**, Аѳанасій Ивановичъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1795—1798. **Жигаревъ**, Василій Яковлевичъ, именитый гражданинъ, надворный совѣтникъ.
- 1798—1802. **Емельяновъ**, Владимиръ Егоровичъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1802—1804. **Губинъ**, Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1804—1807. **Фалѣевъ**, Дмитрій Федоровичъ, именитый гражданинъ, коллежскій асессоръ.
- 1807—1810. **Кирьяковъ**, Григорій Абрамовичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1810—1811. **Насоновъ**, Иванъ Степановъ, именитый гражданинъ. первостатейный купецъ. Во время болѣзни Насонова должностъ его исправляли: 1-ой гильдіи купецъ, городовой староста

*) Для лицъ, прослужившихъ по порядку городовую службу, узаконено было званіе „именитыхъ гражданъ“. Высочайшимъ указомъ 1-го Января 1807 г. (ст. 19) званіе это отмѣнено.

- Агъевъ**, Петръ Ларіоновичъ, и 1-ой гильдіи купецъ
Грезенниковъ, Николай Ивановичъ. За два года до своей смерти, послѣдовавшей 4-го Декабря 1813 г., Насоновъ вышелъ въ отставку и на его мѣсто былъ избранъ первостатейный купецъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1811—1813. **Куманинъ**, Алексѣй Алексѣевичъ. Во время болѣзни Куманина его мѣсто заступалъ городовой староста, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ
Шелапутинъ, Прокофій Дмитріевичъ.
- 1813—1814. **Кожевниковъ**, Федоръ Ивановичъ, первостатейный купецъ. Онъ умеръ 12-го Сентября 1814 г. и его замѣнилъ 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ
- 1814—1819. **Титовъ**, Михаилъ Ивановъ, избранный затѣмъ (15-го Декабря 1815 г.) въ городскіе головы на трехлѣтіе 1816—1819 гг.
- 1819—1822. **Савельевъ**, Андрей Яковлевичъ, первостатейный купецъ.
 1822—1825. **Поповъ**, Алексѣй Гавrilовичъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1825—1828. **Куманинъ**, Константинъ Алексѣевичъ, первостатейный купецъ.
- 1828—1831. **Мазуринъ**, Алексѣй Алексѣевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1831—1834. **Ярцовъ**, Иванъ Матвѣевичъ, дворянинъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1834—1837. **Колесовъ**, Иванъ Алексѣевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1837—1840. **Куманинъ**, Валентинъ Алексѣевичъ, дворянинъ, первостатейный купецъ.
- 1840—1841. **Алексѣевъ**, Александръ Васильевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ. За болѣзнью и послѣдовавшей затѣмъ (2-го Октября 1841 г.) смертью Алексѣева, обязанности городского головы исполнялъ избранный къ нему въ кандидаты, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1841—1843. **Шапошниковъ**, Кондратій Карповичъ.
- 1843—1846. **Шестовъ**, Андрей Петровичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ. (См. о немъ въ сборникѣ „Наше купечество и торговля съ серъезной и каррикатурной стороны“, М. 1866 г., вып. II, съ портретомъ). Кандидатомъ

состоялъ потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ.

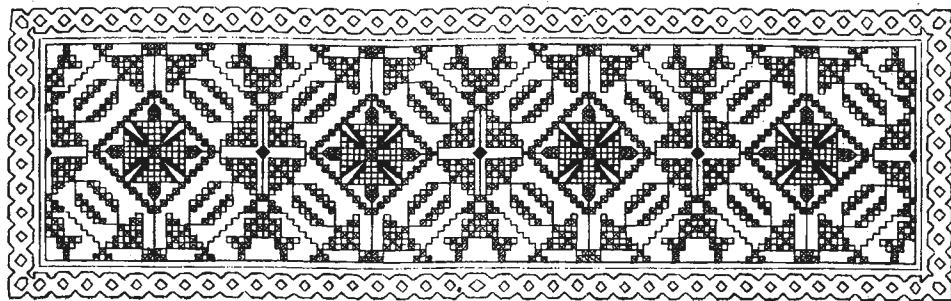
- 1846—1849. **Лепешкинъ**, Семенъ Логиновичъ, избранный затѣмъ въ городскіе головы на трехлѣтие 1846—1849 гг. Кандидатомъ при Лепешкинѣ состоялъ потомственный почетный гражданинъ
1849. **Кирьяковъ**, Клавдій Аѳанасьевичъ. По истечениіи срока службы Лепешкина, Кирьяковъ былъ избранъ въ городскіе головы на трехлѣтие 1849—1852 гг., а къ нему въ кандидаты—потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ
- 1849—1852. **Щекинъ**, Илья Аѳанасьевъ. Въ 1849 г. Кирьяковъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, въ которую вступилъ Щекинъ, а въ кандидаты къ послѣднему были избраны потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Спиридоновъ**, Христофоръ Дмитріевичъ,
Перловъ, Василій Алексѣевичъ, и
Мазуринъ, Федоръ Алексѣевичъ.
- 1852—1855. **Кукинъ**, Кириллъ Аѳанасьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, занялъ должность городского головы вмѣсто избранного, но не утвержденного въ должности, Фридрихсгамскаго первостатейнаго и временно московскаго 1-ой гильдіи купца Петра Ивановича Куманина. Кандидатомъ при Кукинѣ состоялъ степенный гражданинъ
- Русиновъ**, Алексѣй Пантелеевичъ.
- 1855—1858. **Колесовъ**, Алексѣй Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ. Кандидатами состояли потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Молчановъ**, Евграфъ Владиміровичъ, и
Борисовскій, Мартемьянъ Ивановичъ. Временно (съ 2—15 Марта 1855 г. и съ 11—26 Января 1856 г.) обязанности городского головы исполнялъ также 1-ой гильдіи купецъ
- Расторгуевъ**, Дмитрій Ивановичъ.
- 1858—1859. **Гучковъ**, Ефимъ Федоровичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, мануфактуръ соѣтникъ. Кандидатами на то же трехлѣтие состояли:
- Борисовскій**, Мартемьянъ Ивановичъ, и коммерціи соѣтникъ

- Кокоревъ**, Василій Александровичъ. Гучковъ умеръ 29-го сентября 1859 г., а Борисовскій перешелъ (въ 1858 г.) въ купечество г. Переяславля. Въ должность городского головы вступилъ потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ
- 1859—1861. **Ширяевъ**, Сергій Дмитріевичъ, избранный на эту должность 9-го Октября 1859 г. Въ 1859—1860 гг. временно исполнялъ обязанности городского головы 1-ой гильдіи купецъ
- Камынинъ**, Иванъ Степановичъ.
- 1861—1862. **Королевъ**, Михаилъ Леонтьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ. Кандидатами къ нему были избраны потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Хлудовъ**, Герасимъ Ивановичъ, и
Чижовъ, Андрей Гавриловичъ.
- Первымъ Московскимъ городскимъ головой послѣ введенія Нового Городового положенія былъ гвардіи поручикъ (потомъ статскій совѣтникъ), князь
- 1862—1869. **Щербатовъ**, Александръ Алексѣевичъ. Временно исполняли должность: потомственные почетные граждане, мануфактуръ-совѣтники:
- Рѣзановъ**, Федоръ Федоровичъ (съ 6—22 Апрѣля, 31-го Августа по 22 Сентября, 24-го Октября по 16 Ноября 1866 г.) и
- Бостанжогло**, Василій Михайловичъ (съ 19—31 Мая, 11—17 Іюля и 14—21 Августа 1867 г.).
- 1869—1871. **Черкасскій**, князь Владіміръ Александровичъ.
- 1871—1873. **Ляминъ**, Иванъ Артемьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, коммерціи совѣтникъ (потомъ статскій совѣтникъ). Товарищемъ состоялъ коллежскій совѣтникъ
- Ладыженскій**, Сергій Александровичъ.
- 1873—1876. **Шумахеръ**, Даніиль Даніловичъ, статскій совѣтникъ.
- Товарищемъ вновь былъ избранъ
- Ладыженскій**, Сергій Александровичъ.
- 1876—1882. **Третьяковъ**, Сергій Михайловичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ кандидатъ правъ
- Сумбуль**, Леонідъ Николаевичъ.

- 1882—1883. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ, статскій совѣтникъ, докторъ государственного права.
- 1883—1885. Тарасовъ, Степанъ Алексѣевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.
- 1885—1893. Алексѣевъ, Николай Александровичъ, потомственный почетный гражданинъ, убитый 11-го Марта 1893 г. Товарищемъ состоялъ статскій совѣтникъ Ушаковъ, Михаилъ Федоровичъ.
- 1893—1897. Рукавишниковъ, Константинъ Васильевичъ, тайный совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ надворный совѣтникъ Щепкинъ, Николай Николаевичъ.
- 1897—1905. Голицынъ, князь Владимиръ Михайловичъ, тайный совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ Лебедевъ, Иванъ Алексѣевичъ, статскій совѣтникъ.
- 1905—1912. Гучковъ, Николай Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ, нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ. Товарищемъ состоить потомственный дворянинъ Брянскій, Викторъ Діодоровичъ. До него (съ 1905—1907 г.) обязанности товарища исправлялъ членъ городской управы, надворный совѣтникъ Дувакинъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

У. Г. Иваскъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАЙ П. И. ЩУКИНА *).

Въ Декабрѣ 1878 года отецъ основалъ торговый домъ подъ фирмой: „И. В. Щукинъ съ Сыновьями“, принявъ братьевъ моихъ, Николая и Сергія, и меня въ качествѣ товарищѣй. Торговали мы попрежнему на Чижовскомъ подворьѣ, а въ 1878 году сняли еще другую лавку въ Юшковомъ переулкѣ и Шуйскомъ подворьѣ, въ домѣ Московскаго Купеческаго Общества.

До смерти отца жилъ я въ его домѣ, бывшемъ Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинскаго переулка.

На Пречистенкѣ, почти напротивъ настѣ, жилъ въ своемъ домѣ Владимиръ Дмитріевичъ Коншинъ. Въ этомъ домѣ мнѣ приходилось бывать; между прочимъ я присутствовалъ тамъ на свадьбѣ дочери Владимира Дмитріевича—Прасковыи Владимировны, вышедшей замужъ за Анатолія Ильича Чайковскаго, бывшаго впослѣдствіи Нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Свадьба была съ генералами, военными и статскими, до которыхъ Владимиръ Дмитріевичъ былъ большой охотникъ. Владимиръ Дмитріевичъ былъ всегда одѣтъ съ иголочки и тщательно выбритъ. Мы называли его между собой „лордомъ Биконс菲尔домъ“. Въ роскошно убранныхъ комнатахъ, которая занималъ Владимиръ Дмитріевичъ, кромѣ громадной книги „Коронація императора Александра II“, съ хромолитографированными картинками, было полное отсутствіе какихъ-либо книгъ, а изъ газетъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, не видать другихъ. Свой домъ со всей обстановкой Владимиръ Дмитріевичъ потомъ продалъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой за триста тысячъ рублей, а самъ перѣхалъ въ Большой Знаменскій переулокъ, въ домѣ моего отца, купленный у князя Трубецкого.

*) Съ позволенія достоуважаемаго Петра Ивановича Щукина, извлечено изъ X-го выпуска его „Сборника“, который издается имъ для немногихъ. П. Б.

На Пречистенкѣ же, ближе къ Пречистенскому бульвару, жилъ въ своемъ домѣ толстякъ, кавалергардскій офицеръ, Лихачевъ, который часто катался по Пречистенкѣ въ шарабанѣ, вмѣстѣ съ красивой Кронбергъ, бывшей Петербургской актрисой. Лихачевъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей „Салона де Варьетэ“, на Большой Дмитровкѣ, который содержалъ какой-то Кузнецова, и гдѣ иногда на ночь составлялось до десяти полицейскихъ протоколовъ. Рассказчикъ Гинцбургъ завѣдывалъ въ „Салонѣ“ репертуарной частью и самъ выступалъ на сценѣ. Получая въ банкирской конторѣ Ценкера деньги, Гинцбургъ всегда приглашалъ г-да Ценкера въ „Салонѣ“, говоря, что тамъ бываетъ „Seine Excellenz Herr Lichatscheff“.

Вслѣдствіе разстройства дѣлъ у Лихачева, домъ его былъ проданъ вдовѣ Михаила Алексѣевича Хлудова—Вѣрѣ Александровнѣ¹⁾. М. А. Хлудова я немного зналъ; онъ былъ пріятелемъ генерала Михаила Григорьевича Черняева и сопровождалъ его въ Туркестанскомъ походѣ. Съ Михаиломъ Алексѣевичемъ встрѣтился я дважды: разъѣхалъ съ нимъ изъ Петербурга въ Москву, другой разъ—изъ Турина въ Моданъ. Изъ Туркестана М. А. Хлудовъ привезъ молодого тигра, котораго держалъ у себя въ комнатахъ на свободѣ.

Далѣе, на Волконкѣ, въ домѣ князя Сергея Михайловича Голицына, находился музей, входъ въ который былъ со стороны нынѣ несуществующаго „Колымажнаго двора“, гдѣ помѣщалась пересыльная тюрьма²⁾. Въ нижнемъ этажѣ Голицынского дома жилъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ съ женой (урожденної графиней Капнистъ), а въ верхнемъ этажѣ помѣщался музей, учрежденный по мысли покойнаго князя Михаила Александровича Голицына³⁾ и открытый для публики въ 1865 году⁴⁾. Директоромъ музея состоялъ старишакъ, Нѣмецъ, докторъ медицины Карлъ Марковичъ Гинцбургъ. Съ нимъ я познакомился. К. М. Гинцбургъ, служившій въ прежнее время врачомъ у Голицыныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ человѣкъ очень начитанный, философски образованный, знатный Нѣмецкій, Русскій, Латинскій,

¹⁾ Теперь домъ Морица Филиппа.

²⁾ Въ настоящее время на мѣстѣ „Колымажнаго двора“ выстроено Музей изящныхъ искусствъ.

³⁾ Кн. М. А. Голицынъ былъ посланникомъ въ Мадридѣ; родился въ Москвѣ 12 Мая 1804 года, умеръ въ Монпелье, 17 Марта 1860 года.

⁴⁾ Музей этотъ былъ высочайше утвержденъ, и его не слѣдовало упразднить, въ чёмъ причиненъ покойный предводитель Московскаго дворянства, графъ А. В. Бобринскій, дѣйствовавшій изъ опасенія, чтобы Музей не достался Французамъ, которые предлагали за него сыну основателя князю С. М. Голицыну 800 тысячъ рублей и уже получили на то согласіе. П. Б.

Древне-греческій, Французскій и Англійскій языки. Гюнцбургомъ были написаны и изданы:

- 1) „Catalogue des livres de la bibliothèque du prince Michel Calitzin rédigé d'après ses notes autographes, par Ch. Cunzbourg“. (Мосcou, 1866).
- 2) Краткое описание Голицынского музея подъ заглавием „Московскій Голицынский музей въ 1866 году“. (М. 1867).
- 3) „Указатель Голицынского музея“. (М. 1869).
- и 4) „Основы умственного воспитанія и обученія въ связи съ психо-логіей и логикой“. (М. 1880).

Голицынский музей быль открытъ для посѣтителей по Средамъ и Воскресеньямъ, съ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Внизу при входѣ встрѣчалъ посѣтителей швейцаръ въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. По красивой лѣстницѣ поднимались во второй этажъ, гдѣ въ пяти залахъ были размѣщены старинныя картины разныхъ школъ, античныя произведенія изъ мрамора, бронзы и обожженой глины, старинныя серебрянныя вещи, фаянсъ, фарфоръ, часы, эмали, миніатюры, камеи, геммы, медали, монеты и т. д. Помню, на стѣнахъ висѣли два большихъ чудеснѣйшихъ gobelena, на коихъ, по рисункамъ Детруа, были изображены сцены изъ Ветхаго Завѣта: Эсфирь и Агасферъ. Съ боку на коврахъ были двѣ надписи: „Fait par Detroit à Rome 1793“; внизу: „Cazotte 1763“. Находившіяся въ музѣѣ двѣ парные вазы изъ слоновой кости съ бронзой въ стилѣ Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Маріи-Антуанеттѣ, ибо на нихъ имѣлся шифръ этой несчастной королевы. Библіотека, помѣщавшаяся въ отдѣльной залѣ, заключала въ себѣ драгоцѣнныя бібліографическія рѣдкости.

Голицынский музей быль въ сущности небольшой, но все, что въ немъ заключалось, было дѣйствительно прекрасно. Всѣ предметы, собранные княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, указывали на его вкусъ и знанія.

Сынъ его князь С. М. Голицынъ продалъ въ 1886 году въ Петербургъ всѣ свои коллекціи за относительно незначительную сумму (восемьсотъ тысячъ рублей) и тѣмъ лишилъ Москву прекраснаго музея, обогативъ и безъ того богатые Императорскій Эрмитажъ и Императорскую Публичную [Библіотеку]. Теперь не увидишь ни въ одномъ Московскому музѣѣ такихъ чудныхъ gobelenovъ, такого Северскаго фарфора и многихъ другихъ вещей, какія находились въ Голицынскомъ музѣѣ. Прошло 25 лѣтъ какъ закрылся этотъ музей, и обѣ его существованія большинство успѣло забыть. Только въ „Русскомъ Календарѣ“ Суворина изъ года въ годъ продолжаютъ печатать (см. Суворинский календарь за 1911-й годъ, стр. 347), въ какіе дни и часы Голицынскій музей открыть для посѣтителей, когда и самъ-то домъ не принадлежитъ

болѣе князю Голицыну, а Училищу Живописи, Ваянія и Зодчества¹⁾. Нѣть въ живыхъ и устроителя Голицынского музея, добрѣйшаго Карла Марковича Гюнцбурга.

Живя заграницей, я собиралъ Нѣмецкія и Французскія книги, фотографіи актрисъ, актеровъ, писателей, ученыхъ, военныхъ, коммунистовъ и др. Возвратясь въ Москву, стала я также собирать гравюры, литографіи и рисунки. Такимъ образомъ у меня составилось значительное собраніе гравюрокъ лучшаго Нѣмецкаго иллюстратора книгъ XVIII в., Даніила Ходовецкаго, офоротовъ и рисунковъ Фелисіена Ропса и литографій Гаварни, Гриведона, Буали и другихъ, XIX в.

Разъ съ братомъ Николаемъ, по рекомендаціи дяди П. Л. Пикулина, поѣхали мы къ старику Константину Ивановичу Лапкову, жившему въ Лефортовскомъ дворцѣ, на квартирѣ капитана Дарагана, и купили у него: „Le Temple de Cnide“, изд. 1772 года, съ прелестными гравюрами съ рисунковъ Eisen'a, за десять рублей; четыре тома in-4 „Метаморфозъ Овидія“, изд. 1767—77 г., во Французскомъ переводе аббата Баньё, со множествомъ гравюръ, за сорокъ рублей; двѣ серіи Gustave Moreau le Jeune, миніатюру на кости, представляющую Нимфу и Сатира, писанную Прудономъ, гравюры Гогарта XVIII в., и еще нѣсколько старинныхъ книгъ и гравюръ.

Потомъ купилъ я въ Столешниковомъ переулкѣ у антикварія, Француза Давида, прежде торговавшаго пивомъ Трехгорного завода²⁾ два тома „Pierres gravées du duc d'Orleans“, въ красныхъ сафьянныхъ старинныхъ переплетахъ, экземпляры замѣчательной сохранности, за сорокъ рублей. У врача Михаила Осиповича Вивьена былъ купленъ мною прекрасный оттискъ портрета Боссюэта, гравированный Петромъ Древэ (Drevet) въ 1723-мъ году, за пятнадцать рублей. Этотъ портретъ можно считать шедевромъ гравировального искусства.

Черезъ К. М. Гюнцбурга купилъ я собраніе маленькихъ томиковъ изданія Cazin XVIII в. и прекрасное Келевское изданіе Beaumarchais „Свадьба Фигаро“, съ пятью картинками Saint-Quentin.

Въ Москвѣ одновременно со мной собирали книги и гравюры нѣкоторые знакомые: Н. С. Мосоловъ, Н. В. Баснинъ, Н. Г. Егоровъ,

¹⁾ Въ Суворинскомъ „Русскомъ Календарѣ“ на 1912 годъ Голицынский Музей наконецъ-то не указанъ, но Боткинская картинная галерея въ Москвѣ, уже нѣсколько лѣтъ несуществующая, все еще приводится.

²⁾ Нѣкоторые изъ Московскихъ антикваріевъ, прежде чѣмъ сдѣлаться таковыми, занимались совсѣмъ другими дѣлами: такъ, антикварій Черномордикъ былъ канторомъ въ синагогѣ Л. С. Полякова, Парfenовъ — оберъ-кондукторомъ, Абрамовскій — бухгалтеромъ въ конторѣ Шлезингера.

С. С. Шайкевичъ, И. М. Остроглазовъ, В. С. Абакумовъ и В. К. Вульфертъ.

Николай Семеновичъ Мосоловъ, учившійся гравировальному искусству у Фламенга въ Парижѣ, самъ хороший офортистъ. Его болѣе известная и крупная работа—офорты съ картинъ Рембрандта, находящихся въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. У самого Николая Семеновича замѣчательное собраніе старинныхъ офортовъ, Нѣмецкихъ и въ особенности Голландскихъ мастеровъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ собиралъ также книги XVIII в. съ гравюрами.

Присяжный повѣренный Николай Васильевичъ Баснинъ (тоже еще здравствующій) собиралъ преимущественно гравюры XVIII ст.

Нынѣ покойный Николай Георгіевичъ Егоровъ служилъ цензоромъ въ иностранномъ отдѣленіи цензуры, помѣщавшемся тогда въ Шереметевскомъ переулкѣ. Н. Г. Егоровъ, человѣкъ одинокій, жилъ въ Антильевскомъ переулкѣ, въ домѣ Созановича, гдѣ занималъ небольшую квартиру. Онъ былъ цензоромъ. Егорову приходилось просматривать массу иностранныхъ изданій, между коими встрѣчалось много роскошныхъ. Николай Георгіевичъ пристрастился къ послѣднимъ и сталъ покупать Французскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX в., тратя на нихъ болѣшую часть своихъ средствъ. Пріобрѣтаемые книги Егоровъ посыпалъ обыкновенно въ Парижъ, откуда онъ возвращались въ дорогихъ переплетахъ. Свои книги Егоровъ держалъ въ шкафахъ, тщательно завернутыми въ бумагу. Впослѣдствіи Егоровъ былъ отдѣльнымъ Русскимъ цензоромъ, а его мѣсто въ иностранной цензурѣ занялъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, съ которымъ я тоже познакомился. По смерти Егорова¹⁾, его небольшое, но прекрасное книжное собраніе было продано въ 1907 году наследниками Московскому книготорговцу П. П. Шибанову.

Присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ сразу пріобрѣлъ большую часть известной Власовской²⁾ коллекціи гравюръ (небольшая ея часть находилась въ Голицынскомъ музѣѣ) и затѣмъ стала ее пополнять. Между прочимъ Самуилъ Соломоновичъ перевелъ съ Нѣмецкаго на Русскій известное руководство по собиранию гра-

¹⁾ Н. Г. Егоровъ родился въ 1839 году; умеръ 25 Декабря 1902 года. Это правнукъ княгини Е. Р. Дашковой. Ш. Б.

²⁾ Власовъ былъ небогатый помѣщикъ, но имѣлъ вкусы богатаго. Богачъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій предложилъ ему руку своей хромой дочери, на которой Власовъ женился и сталъ рязанымъ коллекціонеромъ. Чего только у Власова не было! И старинныя картины, и миниатюры первоклассныхъ художниковъ, и гравюры, и книги, и табакерки и фарфоръ, и бронза и т. д. Въ концѣ концовъ Власовъ разорился, и одна часть его собранія была продана съ аукціона, а другая разыграна въ лотерею.

вюръ Вессели. Наживъ адвокатской практикой хорошее состояніе и продавъ свой домъ въ Полуэктовскомъ переулкѣ, Шайкевичъ переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Судьба его коллекціи гравюръ осталась мнѣ неизвѣстна.

Товарищъ прокурора Московской судебнай палаты Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ жилъ въ своеемъ домикѣ на Бутыркахъ. При домикѣ былъ садъ, въ которомъ росло много ягодъ. Въ этомъ саду Иванъ Михайловичъ показывалъ мнѣ свое собраніе Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Онъ собирая также Русскія книжныя рѣдкости. У него видѣлъ я Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, „Вадима Новгородскаго“, самое миниатюрное изданіе басенъ Крылова и другія рѣдкія книги. Иванъ Михайловичъ перешелъ потомъ на службу въ Тулу, гдѣ и умеръ предсѣдателемъ Окружнаго Суда. Знаваль я также пріятеля Остроглазова, Кирилла Александровича Нарышкина. Остроглазовъ покупалъ вещи у антикварныхъ торговцевъ обыкновенно вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, держась слѣдующаго правила: когда Остроглазовъ торговалъ какую-нибудь вещь, Нарышкинъ всегда находиль въ ней недостатки и не совсѣмъ покупать, чѣмъ смущалъ торговца, который поѣтому невольно уступалъ въ цѣнѣ. По смерти Ивана Михайловича, его собраніе книгъ было продано Николаю Павловичу Рогожину, затѣмъ оно перешло къ сыну послѣдняго Владимиру Николаевичу. Въ настоящее время собраніе И. М. Остроглазова вмѣстѣ съ Рогожинской библіотекой составляетъ собственность Московскаго Историческаго Музея. Свое собраніе гравированныхъ портретовъ Иванъ Михайловичъ распродалъ еще при жизни.

Товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго суда Владимиръ Сергеевичъ Абакумовъ собирая гравюры и автографы. По смерти Владимира Сергеевича, согласно его волѣ, гравюры поступили въ Нижегородскій музей *), помѣщающійся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ одной изъ Кремлевскихъ башень, а автографы были разданы душеприказчикомъ В. К. Вульфертомъ пріятелямъ покойнаго. Такимъ образомъ нѣсколько автографовъ, какъ-то: Нижегородскаго губернатора Одинцова, игумены Митрофаніи (баронессы Розенть), адвоката Ф. Н. Плевако и другіе достались мнѣ.

Членъ Московской судебнай палаты Владимиръ Карловичъ Вульферть, бывшій раньше мировымъ судьей, собирая преимущественно рѣдкія книги, автографы и курьезныя объявленія и опечатки. Вульферть занимался переводами и кое-что написалъ, между прочимъ

*) В. С. Абакумовъ началъ свою службу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ.

интересный разсказъ „Вальдшнепъ“¹⁾). Вдова Владимира Карловича передала въ Московскій Историческій Музей всѣ неимѣвшіяся въ Музѣѣ, большею частію очень рѣдкія, книги.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного библіофіла, котораго хотя и не зналъ лично, но часто встрѣчалъ у букинистовъ, а именно потомственаго почетнаго гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одѣтый, онъ по цѣлымъ днямъ рылся въ книжныхъ лавкахъ, при чемъ иногда незамѣтно вырывалъ изъ рѣдкой книги листъ или два, чтобы ее обезцѣнить и купить подешевлѣ, а при случай даже и воровалъ книги. Мазуринъ покупалъ книги въ долгъ и постепенно платилъ. Будучи страстнымъ любителемъ книгъ, онъ обладалъ большими библіографическими познаніями. Жиль Федоръ Федоровичъ въ своемъ домѣ, окруженному котами и кошками, коихъ называлъ по имени и отечеству и съ коими не брезгалъ ѿсть изъ одной посуды. За котами и кошками ухаживали жившія у него въ домѣ старушки. Свои книги Федоръ Федоровичъ держалъ не въ шкафахъ, а въ сундукахъ. Мазуринъ, видя расточительность своей матери на украшеніе церквей и не будучи въ состояніи сдѣлать ей замѣчанія по мягкости своего характера, самъ наложилъ на себя опеку. Опекунами его были: Василій Алексѣевичъ Бахрушинъ и Михаилъ Алексѣевичъ Чернышевъ. По смерти Мазурина²⁾ опекуны передали его цѣнное собраніе печатныхъ книгъ и рукописей въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Домъ моего отца въ Лопухинскомъ переулкѣ былъ купленъ у Толмачевой за очень дорогую цѣну³⁾ значительно болыше, чѣмъ онъ

¹⁾ Вотъ списокъ печатныхъ трудовъ В. К. Вульферта, любезно сообщенный мнѣ Алексѣемъ Ивановичемъ Станкевичемъ:

I) Стихотворенія: 1) „Къ утренней зарѣ“. Подражаніе Овидію. 2) Отрывокъ „Разговоръ Fausta съ Мефистофелемъ“. 3) „Царь Рустемъ“. Восточное преданіе. Въ „Русскомъ Вѣстнике“ 1880 года, Августъ.

II) „Вальдшнепъ“. Разсказъ холостяка. Въ „Русскомъ Вѣстнике“ 1882 года, Августъ.

III) „Тяжба Гоголя подъ цензурою Дуббельта“. Въ Русскомъ Архивѣ 1887 года, II, стр. 256.

IV) „Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ судебнно-мировыхъ учрежденій 1866—1891 г.г.“ Москва, 1891. Отдельно книгою.

Въ письмѣ В. И. Солдатенкова (изъ Кунцева, отъ 15 Сентября 1883 г.) говорится еще о комедіи, написанной В. К. Вульфертомъ: „. . . . у насъ, пишеть Солдатенковъ, предполагается устроить домашній спектакль: пойдутъ двѣ піесы: „Гораций и Лидія“, комедія въ 1 дѣйствіи моего пріятеля Вульферта“.

²⁾ Ф. Ф. Мазуринъ умеръ 23 Декабря 1898 года, родился 21 Мая 1845 года.

³⁾ Домъ былъ купленъ съ мебелью за 250 тысячъ рублей. Кромѣ того отцу пришлось платить за купчую. По смерти отца наследники съ трудомъ могли продать этотъ домъ безъ мебели, за сто тысячъ рублей, Л. С. Полякову.

дѣйствительно стоилъ. Толмачева, при продажѣ дома, сумѣла отца, какъ говорится, обставить. Домъ имѣлъ форму буквы Г и былъ каменный трехъэтажный. При домѣ имѣлись: садъ, небольшая оранжерея и службы. Въ саду отецъ выстроилъ деревянную бесѣдку. Въ нижнемъ этажѣ дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиковъ и кухня, настолько большая, что въ ней во время вечеровъ пятнадцать поваровъ свободно готовили ужинъ. Какъ въ нижнемъ, такъ и во второмъ этажѣ всѣ комнаты были низкія и всѣ окна второго этажа полукруглые*). Во второмъ этажѣ находились столовая, буфетная, комнаты моихъ сестеръ и старшихъ братьевъ, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора.

Во второй и третій этажи вела парадная чугунная бронзированная лѣстница. Бильярдная находилась въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ комнат; изъ передней въ билліардную надо было подниматься по деревянной винтовой лѣстницѣ. Въ третьемъ этажѣ жили отецъ, мать и два младшихъ брата, Владимиръ и Иванъ, съ пожилой Нѣмкой Эммой Карловной Крузе. Всѣ комнаты третьаго этажа были высокія, причемъ парадныя—богато отдѣланы и роскошно меблированы. Потолокъ въ большомъ, родѣ залы, отцовскомъ кабинетѣ былъ красный съ бѣлыми съ золотомъ лѣпными орнаментами. Мебель въ двухъствѣтной залѣ была обита желтымъ шелковымъ штофомъ, и изъ такого же штофа были драпировки на окнахъ и дверяхъ. Изъ залы черезъ арку входили въ гостиную, стѣны и золоченая мебель которой были обиты пунцовской шелковой матеріей. За пунцовой гостиной слѣдовала голубая шелковая гостиная, затѣмъ бѣлый атласный будуаръ и спальня матери. Всѣ эти четыре комнаты составляли одну анфиладу. Въ коридорѣ третьаго этажа на потолкѣ и карнизахъ была хорошая фресковая живопись Итальянской работы; между прочимъ были написаны тигры. Въ третій этажѣ вела еще деревянная лѣстница, а изъ второго этажа въ нижній—каменная (черная).

Отецъ, человѣкъ хлѣбосольный, любилъ приглашать къ обѣду гостей, но не любилъ, если кто самъ напрашивался на обѣдь. Такъ, помню, разъ Константина Августиновича Тарновскаго сказалъ отцу: „въ Четвергъ я приду къ вамъ обѣдать“, на что отецъ отвѣтилъ: „мы будемъ вамъ очень рады, но только наскѣ дома не будеть“.

Изъ ближайшихъ родныхъ чаще другихъ обѣдалъ у насъ дядя Павелъ Петровичъ Боткинъ, служившій прежде въ Петербургѣ, въ

*) Толмачевъ быть откупщикъ, и въ его домѣ помѣщался винный складъ, чѣмъ и объяснялись имѣвшіяся во второмъ этажѣ полукруглые окна. Третій этажъ надстроили уже потомъ. Во время коронаціи императора Александра II, въ домѣ Толмачева стоялъ Австрійскій посланникъ Эстергази.

какомъ-то департаментѣ, а потомъ вышедшій въ отставку и переселившися въ Москву. Павелъ Петровичъ, старый холостякъ, былъ страстный любитель балета и оперы и поклонникъ прекраснаго пола. Неуклюжій, лѣнивый, съ бритымъ обрюзглымъ лицомъ, онъ напоминалъ Католического священника. Однажды гдѣ-то въ Испаніи его не пустили на балъ, принявъ за патера. Несмотря на свои ограниченныя средства, Павелъ Петровичъ много тратилъ на подарки актрисамъ, чѣмъ не мѣшало имъ водить его за носъ. О своихъ неудачахъ съ красивыми дамами онъ откровенно и наивно рассказывалъ. Напримѣръ, попросить его какая-нибудь изъ нихъ сопровождать ее на балъ; Павелъ Петровичъ закажетъ букетъ, найметъ карету и вмѣстѣ съ дамой пойдетъ на балъ. Но едва взойдутъ они въ залу, какъ подбѣжитъ гвардейскій офицеръ и уведетъ ее, а Павелъ Петровичъ останется при пиковомъ интересѣ и опечаленный вернется домой. Павелъ Петровичъ былъ, можно сказать, живыми святцами: помнилъ всѣ дни празднованій Русскихъ святыхъ.

Изъ двухъ Боткинскихъ семей, Петра и Дмитрія Петровичей, отецъ былъ ближе ко второй. Поэтому и наши общенія съ семьей Дмитрія Петровича были чаще. Дмитрій Петровичъ Боткинъ жилъ съ женой Софьей Сергѣевной (рожденной Мазуриной), дочерью Елизаветой и тремя сыновьями Петромъ, Сергѣемъ и Дмитріемъ, въ своемъ домѣ, на Покровкѣ, которую въ наимѣшку онъ называлъ: „наша гue de la Paix“. Человѣкъ съ большимъ вкусомъ, Дмитрій Петровичъ собралъ замѣчательную картинную галлерею иностранныхъ художниковъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время наслѣдниками частично продана, а частично увезена изъ Москвы. По Воскресеньямъ у Дмитрія Петровича бывали обѣды съ гостями зимой на Покровкѣ, а лѣтомъ въ Куницевѣ на его дачѣ. Бывали у него въ Московскомъ домѣ также балы и маскарады. Вообще семья Дмитрія Петровича отличалась радушiemъ и гостепріимствомъ.

Петръ Петровичъ Боткинъ, глава чайной фирмы „Петра Боткина Сыновей“, жившій на Маросейкѣ въ Петро-Веригскомъ переулкѣ, бывалъ у насъ рѣдко, какъ и его три дочери, Анна, Надежда и Вѣра; а супруга Петра Петровича Надежда Кондратьевна (урожденная Шапошникова) и совсѣмъ у насъ не бывала, да и вообще въ гости никуда неѣздила. Братья и я дѣлали визиты семьѣ Петра Петровича только въ первый день Рождества и Пасхи. Въ эти высокоторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обѣды, на которыхъ присутствовали близкіе родственники и Иванъ Федоровичъ Горбуновъ. Въ концѣ обѣда, когда еще никто не выходилъ изъ за стола, Иванъ Федоровичъ медленно поднимался со стула и, опершись руками о столъ, начиналъ какой-нибудь разсказъ.

Дядя Владимиръ Петровичъ Боткинъ, женатый на Аннѣ Ефимовнѣ Гучковой, былъ человѣкъ атлетического сложенія. Жилъ онъ съ семьей на дачѣ въ Сокольникахъ, гдѣ однажды захворалъ бѣлой горячкой, сталъ буйствовать, почему былъ связанъ и скоро умеръ, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Мы съ отцомъ пріѣхали въ Сокольники, когда Владимиръ Петровичъ лежалъ уже мертвый, и у воротъ дачи толпились гробовщики. Потомъ пріѣхалъ Петръ Петровичъ Боткинъ и, гробовщики стали приставать къ нему; одинъ говорилъ: „я дѣлалъ гробъ вашему батюшкѣ“; другой: „я дѣлалъ гробъ вашей сестрицы“; и т. д.¹⁾). Послѣ Владимира Петровича остались два сына: Федоръ и Михаилъ; старшій, Федоръ, нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ усердно занимался живописью и подавалъ надежды сдѣлаться хорошимъ художникомъ.

Отецъ и мать находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гучковыми²⁾), которыхъ было нѣсколько семействъ. Иванъ Ефимовичъ Гуч-

¹⁾ Похоронныхъ бюро тогда еще не существовало; гробовщики сами узнавали, гдѣ покойникъ, и являлись за получениемъ заказа.

²⁾ Родоначальникомъ Гучковыхъ былъ Федоръ Алексѣевичъ Гучковъ, крестьянинъ Калужской губерніи, Малоярославецкаго уѣзда. Онъ завелъ шерстянную фабрику въ 1790-хъ годахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ; въ 1840-хъ годахъ, за принадлежность къ старообрядчеству, Федоръ Алексѣевичъ былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, и дѣло перешло къ его сыновьямъ Ефиму и Ивану. Ефимъ Федоровичъ былъ Московскимъ городскимъ головой въ 1857 и 1859-мъ годахъ. Съ моимъ отцомъ оба брата состояли въ большой дружбѣ, и ихъ литографированные портреты висѣли у него въ кабинетѣ. Изъ имѣющейся у меня копіи съ духовнаго завѣщенія И. Ф. Гучкова видно, что душеприкащиками его были: Иванъ Ефимовичъ Гучковъ, Петръ Петровичъ Боткинъ, мой отецъ и Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ. Жена Ивана Федоровича Марья Павловна считалась одной изъ Московскихъ красавицъ. У Ивана Федоровича были дѣти: Павелъ, Владимиръ, Сергѣй, Николай, Александра, Марья, Екатерина и Юlia. Вначалѣ 1859 года Ефимъ и Иванъ Федоровичи раздѣлялись, и фирма стала называться „Ефимъ Федоровичъ Гучковъ“, а послѣ смерти Ефима Федоровича (29 Сентября 1859 года) дѣло продолжали сыновья его, Иванъ, Николай и Федоръ, подъ фирмой „Ефима Гучкова Сыновья“. Въ 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговлю продолжали. Въ Октябрѣ 1911 года Гучковы свое дѣло совсѣмъ прикончили.

Николай Ефимовичъ † въ 1884 году. Иванъ Ефимовичъ † въ 1904 году. Федоръ Ефимовичъ † въ 1909 году.

Дѣти Ивана Ефимовича:

{ Александръ.
Николай.
Федоръ.
Константинъ.

Николая Ефимовича:

{ Николай.
Василій.
Вѣра.

Федора Ефимовича—Федоръ.

ковъ былъ женатъ на Француженкѣ, Кораліи Петровнѣ. Одинъ изъ его сыновей, Николай Ивановичъ, женатый на Вѣрѣ Петровнѣ Боткиной, нынѣшній Московской городской голова; другой, Александръ Ивановичъ, известный лидеръ Октябристовъ и бывшій предсѣдатель Государственной Думы. Братья Ивана Ефимовича, Николай и Федоръ, жили въ Преображенскомъ, гдѣ у нихъ при домѣ былъ большой садъ съ прудомъ*). Къ нимъ яѣздила съ отцомъ. Съ Федоромъ Ефимовичемъ и его женой Ольгой Кирилловной я встрѣчалася также въ Биаррицѣ, куда они имѣли обыкновеніеѣздить осенью, и гдѣ у нихъ былъ пріятель, тамошній аптекарь Музампесь, напоминавшій Флоберовскаго аптекаря въ романѣ „Madame Bovary“.

Павелъ Ивановичъ Гучковъ, худощавый и одинъ изъ самыхъ высокихъ мужчинъ въ Москвѣ, любилъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ моимъ отцомъ. Павелъ Ивановичъ одно время торговалъ въ магазинѣ „Русскихъ издѣлій“ мануфактурнымъ товаромъ и былъ покупателемъ у моего отца; потомъ оставилъ торговлю и сталъ заниматься дисконтомъ и пріобрѣтать доходные дома. Женился Павелъ Ивановичъ на Лидії Семеновнѣ Перловой. Его братъ Владимиръ Ивановичъ служилъ волонтеромъ въ конторѣ у Розентауера въ Берлинѣ въ то время, когда я служилъ у Абелльдорфа и Мейера. Три сестры Павла Ивановича, Marie, Julie и Alexandrine, бывали у насъ. Александра Ивановна, очень красива, вышла замужъ за Буркина, а Марія и Юлія Ивановны остались въ дѣвицахъ. Бракъ съ Буркинымъ оказался неудачнымъ, и Александра Ивановна вскорѣ разошлась съ мужемъ. Помню, какъ молодые Буркины прѣѣзжали къ намъ въ Кунцево на тройкѣ лошадей, разукрашенныхъ пестрыми лентами съ бубенчиками.

Врачъ Иванъ Петровичъ Постниковъ приходился двоюроднымъ братомъ моей матери и жилъ въ Кудринѣ, въ собственномъ домѣ, одна стѣна котораго, выходившая въ садъ, была вся до крыши покрыта дикимъ виноградомъ. Иванъ Петровичъ самъ раздѣлывалъ свой садъ и сажалъ цвѣты; былъ онъ также охотникъ до разныхъ звѣрей, которыхъ дрессировалъ; своего попугая Иванъ Петровичъ научилъ говорить: „всякое дыханіе да хвалить Господа“. Иванъ Петровичъ увлекался фельетонами нѣкоего „Берендея“ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Врачебной практикой Постниковъ пренебрегалъ, и когда ему говорили: „не понимаемъ, какъ вы можете лѣчить“, онъ добродушно отвѣчалъ: „а я не понимаю, какъ у меня могутъ лѣчиться“. Иванъ Петровичъ любилъ рассказывать анекдоты въ родѣ того, какъ одна дѣвочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, съ испуга воскликнула: „мама, я заря-

*) Въ этомъ домѣ мои родители праздновали свою серебряную свадьбу.

дилась, я выстрѣлю“; или, что въ одномъ рецептѣ для приготовленія какого-то вина, было сказано: „для знатока положи вѣточку бузины“. За обѣдомъ Иванъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича, Марья Михайловна, была очень добрая и дѣятельная. Два сына его, Александръ и Петръ, были отличные гимнасты. Александръ Ивановичъ былъ притомъ замѣчательный конькобѣжецъ и давалъ уроки гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; къ сожалѣнію, онъ вслѣдствіи сошелъ съума и вскорѣ умеръ. Петръ Ивановичъ Постниковъ, извѣстный въ Москвѣ хирургъ, здравствуетъ и понынѣ.

Часто у насть гостила пріятельница матери Анна Леонтьевна Шустова, братъ которой, Николай Леонтьевичъ, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ. Очень занятой, Николай Леонтьевичъ являлся къ намъ лишь по вечерамъ, иногда даже тогда, когда мать уже была въ постели; но для него она вставала, одѣвалась и спускалась въ столовую, гдѣ бесѣдовала съ нимъ до поздней ночи. Мы прозвали Николая Леонтьевича „каменнымъ гостемъ“. Анна Леонтьевна, уже немолодая, сохранила слѣды прежней красоты: черты лица ея были чрезвычайно правильны; замужъ она не вышла и отличалась своей болтливостью. Не менѣе болтливою посѣтительницу моей матери была вдова Альфонсина Ивановна Постникова; мужъ ея, котораго мы звали „Американскимъ дядей“, служилъ въ Россійской Американской компаніи, и когда-то Альфонсина Ивановна жила вмѣстѣ съ нимъ въ Ситхѣ. Альфонсина Ивановна, несмотря на свои преклонные годы, очень интересовалась дамскими нарядами, о которыхъ могла рассказывать безъ умолку.

Сестра моей матери—Марья Петровна Фетъ, жила прежде съ мужемъ у себя въ деревнѣ, а потомъ они переселились въ Москву, и она стала часто бывать у насть. Въ Москвѣ Феты купили себѣ домъ на Плющихѣ, у Карауловыхъ *).

Младшая сестра матери, Анна Петровна Пикулина, подолгу жила заграницей и навѣщала насть, когда прїезжала въ Москву.

О дядѣ Павлѣ Лукичѣ Пикулинѣ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ „Сборникеъ“. Павелъ Лукичъ, разбитый на ноги параличемъ, выѣзжалъ изъ дома рѣдко; все родные и знакомые любили его навѣщать, въ томъ числѣ и я. Зимой Павелъ Лукичъ всегда принималъ посѣтителей въ халатѣ, сидя въ креслѣ за письменнымъ столомъ у себя въ кабинетѣ. Посѣтители принадлежали къ различнымъ классамъ

*) Г-жа Караулова, красава модная дама, фигурировала на Московскихъ балахъ, и за ней увивалось много военныхъ.

общества. Въ этомъ же кабинетѣ жили двѣ его любимыя левретки, которыя обыкновенно всюду лазили и приставали ко всѣмъ; случалось даже, что онѣ незамѣтно добирались до головы кого либо изъ плѣшивыхъ гостей и облизывали ее. Павелъ Лукичъ уже мало занимался врачебной практикой, но все же иногда приходили къ нему за совѣтами пациенты. Такъ, Пикулинъ лѣчила дочь извѣстнаго охотнорядскаго торговца Лобачева, у которой на лицѣ была сыпь; къ кому ни обращался Лобачевъ со своей дочерью, никто не могъ ее излѣчить. Пикулину же удалось совершенно избавить ее отъ этой сыпи, въ благодарность за что Лобачевъ присыпалъ Павлу Лукичу прекрасныхъ рябчиковъ, а левреткамъ тоже рябчиковъ, только похуже.

П. В. Шумахеръ приходилъ иногда къ Пикулину прямо изъ Сандуновскихъ бани, съ растрепанными волосами¹⁾, въ ночной сорочки, съ узелкомъ и березовымъ вѣникомъ, который подносилъ Павлу Лукичу какъ букетъ; Павелъ Лукичъ отъ души смеялся, а Анна Петровна нѣгодовала.

Одинъ изъ самыхъ стариныхъ друзей Пикулина былъ Николай Христофоровичъ Кетчеръ; крикливыи, онъ часто затѣвалъ съ Павломъ Лукичемъ споръ, къ сожалѣнію, переходившій иногда въ грубую взаимную брань. Волосы у Кетчера были всегда взъерошены, и курилъ онъ обыкновенно сигары, причемъ во время куренія такъ крутилъ сигару своими нервными пальцами, что развертывалъ табачные листы, изъ коихъ она была свернута. Въ компаніи пріятелей, когда пили вино, Кетчеръ любилъ всѣмъ подливать и сердился, если кто не пилъ, говоря: „что раскисъ? пей!“ Кетчеръ называлъ Павла Лукича тайнымъ членомъ Географическаго Общества, потому что тотъ плохо зналъ географію. Напримѣръ, однажды Пикулинъ адресовалъ письмо Александру Владимировичу Станкевичу въ Ниццу, въ департаментъ Ниженнихъ Пиренеевъ. (Basses Pyrénées). Въ другой разъ онъ искалъ монастырь „Grande Chartreuse“²⁾ на небольшомъ учебномъ глобусѣ. Когда П. В. Шумахеръ жилъ у Кетчера, то являлся иногда къ Пикулину вмѣстѣ съ нимъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться домой, Кетчеръ посыпалъ Пикулинскаго лакея Мишу нанять двухъ извощиковъ „къ Филиппу Митрополиту“, ибо вслѣдствіе тучности Шумахера Кетчеръ не могъ помѣститься съ нимъ на одномъ извощикѣ.

Однажды навѣстиль я Кетчера³⁾, которого засталъ въ саду копающимъ гряды. Жилъ Николай Христофоровичъ довольно неопрятно: въ

¹⁾ У Шумахера были густые волосы и совсѣмъ не было сѣдыхъ.

²⁾ Близъ Гренобля.

³⁾ Кетчеръ жилъ на 2-й Мѣщанской, близъ церкви Филиппа Митрополита, въ своеемъ домѣ. У Николая Христофоровича былъ братъ—Владимиръ Христофоровичъ, генералъ-маіоръ, имѣвшій въ Москвѣ свою мастерскую военныхъ принадлежностей.

своихъ комнатахъ держалъ паршивую собаку, которая даже спала на подушкѣ его постели. Вообще у Кетчера находили себѣ пріютъ изувѣченныя и больныя животныя, собаки, кошки птицы, коихъ онъ лѣчилъ. Одна комната у него постоянно завалена книгами, изданными К. Т. Солдатенковымъ. Кетчеръ любилъ читать романы Ксавье де Монтепена хотя и страшно ихъ ругаль; но все же, по его словамъ, онъ не могъ бросить чтеніе этихъ романовъ. Въ кабинетѣ у Николая Христофоровича висѣла на стѣнѣ въ обгорѣлой золоченой рамѣ прекрасная цвѣтная гравюра, Англійской работы, изображающая Наполеона консуломъ. По разсказу Кетчера, рама обгорѣла во время Московскаго пожара 1812 года. Послѣ смерти Кетчера эта гравюра досталась В. К. Вульферту.

Я уже говорилъ обѣ елкѣ, которую Пикулинъ какъ-то устроилъ своимъ собакамъ и кошкамъ¹⁾). Въ другой разъ онъ устроилъ елку своимъ пріятелямъ и сдѣлалъ имъ соотвѣтствующіе подарки. Такъ, Н. Х. Кетчеру онъ подарилъ намордникъ, Александру Николаевичу Аѳанасьеву (сказочнику) кусокъ мыла и мочалку²⁾), кому-то изъ безволосыхъ пріятелей—частый гребень, и т. д. Съ своей стороны пріятели поднесли Павлу Лукичу соску. Аѳанасію Аѳанасьевичу Фету Пикулинъ дарилъ на имянину большую коробку слабительного порошка (*Pulvis Liquiritae compositus*)³⁾.

П. В. Шумахеръ, познакомившійся у Пикулина съ Фетомъ, сразу не взлюбилъ его. Фету Шумахеръ тоже сталъ антипатиченъ, въ особенности послѣ того какъ однажды у Пикулина съѣль, во время закуски, почти всю зернистую икру. Впослѣдствіи Павель Лукичъ поссорился съ Шумахеромъ, и Шумахеръ пересталъ бывать у него. Пикулинъ такъ и умеръ, не примирившись съ Шумахеромъ.

Ходилъ къ Пикулину фаблопроизводитель Московской мѣщанской управы, Алексѣй Аѳанасьевичъ Виноградовъ, человѣкъ очень словоохотовливый. Помню, онъ рассказывалъ Пикулину, какъ у его брата описали и опечатали имущество вмѣсть съ живой канарейкой, которую позабыли взять. Еще разговорчивѣе Виноградова былъ тоже посѣщавшій Павла Лукича предсѣдатель Московскаго мирового съѣзда Петръ Николаевичъ Грековъ. Никто, напримѣръ, не рассказывалъ такъ подробно коронаціи императора Александра III, какъ онъ, не забывая даже упомянуть, сколько пирожковъ и съ какой начинкой онъ съѣль на царскомъ обѣдѣ. Но рассказывалъ Грековъ о коронаціи всѣмъ тѣми же словами, не прибавляя ни единаго слова.

¹⁾ См. „Щукинскій Сборникъ“, выпускъ седьмой, стр. 115.

²⁾ Аѳанасьевъ былъ неопрятенъ и рѣдко мылся.

³⁾ А. А. Фетъ ежедневно принималъ этотъ порошокъ.

Навѣщавшій Пикулина преподаватель Латинскаго языка, старичекъ Миндерерь, управляль дѣлами фарфороваго завода Гардинера; онъ куриль изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ табакъ Василія Жукова¹⁾. У Пикулина былъ запасъ этого табаку.

Встрѣчалъ я также у Пикулина жизнерадостнаго Дмитрія Васильевича Григоровича, скучнаго Бориса Николаевича Чичерина, постоянно жаловавшагося на нездоровье Александра Владимировича Станкевича, добродушнаго Ивана Егоровича Забѣлина, остряка, заику, библіотекаря Румянцевскаго Музея, Евгенія Федоровича Корша, книгопродавца, старичка Владимира Ивановича Готье, хирурга Ивана Николаевича Новацкаго, глазного врача Алексія Николаевича Маклакова, скрипача Безекирскаго, Егора Мина и многихъ другихъ.

Пикулинъ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми. Такъ, разговаривалъ онъ разъ съ однимъ крысоморомъ, которому замѣтилъ, что толочь мышьякъ²⁾ опасно, на что крысоморъ спокойно отвѣчалъ: „да мы сами и не толчемъ, а заставляемъ это дѣлать бабы“³⁾. Одна женщина говорила Пикулину: „я, батюшка, всѣхъ своихъ дѣтей пристроила: одного сына взяли въ солдаты, другой сошелъ съума, а дочь утонула“.

Одинъ бѣдный Итальянецъ ѿдетъ съ обезьянкой въ вагонѣ желѣзной дороги. „За собаку платить“, говорить кондукторъ. Итальянецъ показываетъ черепаху: „насѣкомое“, говорить кондукторъ: „ничего не полагается“.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Рулье умеръ на улицѣ, и тѣло его было доставлено въ Тверскую часть. Поэтому Московскій цензоръ³⁾, тоже генералъ, сталъ всегда носить при себѣ записку слѣдующаго содержанія: „сіе тѣло принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику“ такому-то.

Когда были еще въ модѣ высокія талии, то на одномъ балу въ Московскому Благородномъ Собраниі, у хорошенъкої 18-ти лѣтней княжны, нагнувшейся, чтобы оторвать отъ своего башмака волочившуюся ленточку, вдругъ выскочили груди. Какъ ни старалась растерявшаяся княжна ихъ спрятать, никакъ не могла; наконецъ одна дама догадалась накинуть на княжну шаль.

¹⁾ Петербургскій табачный фабриканть Василій Жуковъ былъ прежде рабочимъ у табачнаго фабриканта Фаллера.

²⁾ Мышьякъ называется въ тайной продажѣ „бѣлымъ камнемъ“. Отъ Н. Х. Кетчера я слышалъ, что Московскій оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ даль было приказъ сжечь нѣсколько цудовъ мышьяку, отобранного въ какой-то лавкѣ. Приказъ пришлось отмѣнить, по совѣту Кетчера, такъ какъ исполненіе его было бы очень опасно.

³⁾ Безсомыкинъ. П. Б.

За обѣдомъ разревѣлся ребенокъ. Писемскій, поднявъ стаканъ съ виномъ, сказалъ: „пью за доброго царя Ирода“.

Будучи студентомъ, Пикулинъ однажды отправился на балъ въ Благородное Собрание, переодѣвшись барышней. Большую часть вечера онъ провелъ въ дамской уборной. Товарищи-студенты часто водили его въ буфетъ, гдѣ поили Шампанскимъ. Все шло хорошо, но опьянѣвшій Пикулинъ вдругъ поднялъ платье, чтобы достать изъ кармана кошелекъ. Вышелъ скандалъ, Пикулина взяли въ часть. Къ счастью, дѣло это удалось замять, а то бы не сдѣбровать Пикулину въ тогдашнее строгое Николаевское время.

Когда прѣѣзжалъ въ Москву Константина Дмитріевича Кавелина, то собирались своихъ Московскихъ друзей у Пикулина.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе бывалъ у Пикулина ужинъ. Около 12 часовъ ночи Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, врачъ Николай Яковлевичъ Шкотъ, В. К. Вульферть, художникъ Николай Ефимовичъ Рачковъ и я выходили изъ Пикулинской квартиры на крыльцо и прислушивались, когда звѣзды. Иногда ночь бывала тихая и звѣздная. Какъ только загудятъ колокола, мы возвращались въ квартиру, все садились за ужинъ и начинались поздравленія съ праздникомъ.

Бѣдилъ Пикулинъ разъ въ годъ на имянини къ аптекарю Ивану Ивановичу Келлеру, жившему на Мясницкой. Иванъ Ивановичъ въ этотъ день устраивалъ ужинъ для своихъ пріятелей (Кетчера, Шкотта, Вульфера, К. М. Мазурина и др.), на который приглашалъ также кафе-шантаныхъ пѣвицъ. Иванъ Ивановичъ очень желалъ сдѣлаться членомъ Англійского Клуба; но его пріятели—члены этого клуба—не рѣшались предлагать И. И. Келлера на баллотировку, изъ боязни, что его не выберутъ, потому что онъ имѣлъ лишь званіе провизора.

О своемъ перѣѣздѣ на дачу въ Марьину Слободку Пикулинъ извѣщаѣ друзей открытками съ лаконической фразой, писанной карандашемъ: „сегодня перѣѣхалъ“. Моему брату Николаю Пикулинъ разъ прислали чистую открытку, позабывъ на ней написать „сегодня перѣѣхалъ“, и братъ понялъ въ чемъ дѣло. Большой шутникъ Н. Я. Шкотъ какъ-то отвѣтилъ Пикулину на его открытку открыткой же: „а я еще не перѣѣждалъ“.

На своей дачѣ въ хорошую погоду Пикулинъ обыкновенно сидѣлъ на террасѣ, въ пальто и картузѣ, окруженній своими комнатными собачками и дворовыми псами. Н. Е. Рачковъ очень удачно изобразилъ на своей картинѣ, писанной масляными красками, П. Л. Пикулина, сидящаго на террасѣ, въ картузѣ, съ закутанными пледомъ ногами, съ газетой въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ на стулѣ стоитъ одна изъ его

левретокъ, поставивъ правую переднюю лапку на столъ. На полу лежитъ дворовый песъ Болванъ. На кронштейнѣ висить колоколъ. Карандашный набросокъ этой картины Рачковъ дѣлалъ при мнѣ, на террасѣ, украдкой отъ Павла Лукича. Эта масляная картина была написана Рачковымъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ пріобрѣлъ К. Т. Солдатенковъ, другой находится у меня и былъ воспроизведенъ фототипіей въ изданномъ мною 2-мъ выпускѣ „Русскихъ Портретовъ“. Въ холодную погоду Пикулинъ надѣвалъ шубу, которую называлъ „лѣтней“. Иногда лѣтомъ можно было встрѣтить Павла Лукича ѣдущимъ въ каретѣ, въ шубѣ, въ соломенной шляпѣ и съ букетомъ цветовъ. Въ висѣвшій на террасѣ мѣдный колоколѣ Пикулинъ звонилъ, когда хотѣлъ позвать своего Мишу, котораго звалъ Михаиломъ, если былъ имъ недоволенъ. Разъ украли у Пикулина со стола террасы kleenку и находившіеся въ ящикѣ стола писанные Шумахеромъ стихи. Пикулина эта кражѣ очень забавляла и, извѣщая Шумахера о кражѣ его стиховъ, онъ добавилъ: „жалѣю я о ворѣ“.

Пикулинъ понималъ толкъ въ кухнѣ. У него была старушка-кухарка, вкусно готовившая. Въ хорошую погоду обѣдали на террасѣ, и на этихъ обѣдахъ обыкновенно присутствовали: К. Т. Солдатенковъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ф. Коршъ, Н. Я. Шкоттъ, П. Н. Грековъ, П. В. Шумахеръ, мой отецъ, Николай и я. К. Т. Солдатенковъ и мой братъ Николай присыпали на эти обѣды стерлядей, фрукты, Шампанское и разныя вина. Своихъ гостей Павелъ Лукичъ угощалъ чудесной земляникой съ грядь资料 of his garden.

Болѣе простыя кушанья Пикулинъ не считалъ за блюда. „Какъ подадутъ шпинатъ съ яичками“, писала мнѣ изъ деревни Марья Петровна Феть, „невольно вспомнишь Павла Лукича „у васъ въ деревнѣ—это блюдо“. Улицу Плющиху въ Москвѣ, гдѣ жили Феты, Пикулинъ называлъ деревней. Самъ онъ любилъ жить въ центрѣ города. Живя на Петровкѣ, онъ говорилъ, что отъ него близки и театры, и клубы (хотя онъ въ нихъ никогда не бывалъ).)

На дачу къ Пикулину прїѣзжалъ Московскій гражданскій губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ съ женой Прасковьей Федоровной (рожденной графиней Толстой). Прїѣзжалъ и Московскій вице-губернаторъ Иванъ Ивановичъ Красовскій, который впослѣдствіи былъ назначенъ губернаторомъ въ Томскъ, гдѣ и умеръ. Во время своего губернаторства въ Томскѣ, Красовскій присыпалъ Пикулину зимой съ жандармскимъ унтер-офицеромъ рыбу нельму и ягоду облѣпиху*);

*) Изъ облѣпихи дѣлали у Пикулина мороженое, которое напоминало вкусомъ персики.

взамѣнъ коихъ, съ тѣмъ-же унтер-офицеромъ, Пикулинъ посыпалъ Красовскому замороженныхъ Филипповскихъ калачей*).

Пикулинъ бывалъ всегда на имянинахъ у Кетчера (6 Декабря), гдѣ порядкомъ пили. Разъ произошелъ такой случай. Н. Я. Шкоттъ возвращался съ имянинъ Кетчера домой, въ саняхъ на извощикѣ, съ какимъ-то гостемъ. Оба были выпивши. Дорогой гость вывалился изъ саней; Шкоттъ велѣлъ извощику вернуться назадъ и скоро увидалъ валявшагося на снѣгу человѣка, поднялъ его, и такъ какъ это было недалеко отъ дома Кетчера, то Шкоттъ рѣшилъ отвезти его туда. Кетчерь уже легъ спать и, не посмотрѣвши кого привезъ Шкоттъ, велѣлъ положить гостя въ кабинетъ на диванъ. Утромъ, проснувшись, Николай Христофоровичъ пошелъ навѣстить своего гостя. Каково же было его удивленіе, когда онъ неожиданно увидалъ совершенно незнакомаго человѣка. Оказалось, что спутникъ Шкотта, вывалившись изъ саней, скоро очнулся, всталъ, взялъ извощика и преспокойно поѣхалъ домой; Шкоттъ же поднялъ и привезъ къ Кетчеру неизвѣстнаго пьяного.

Въ концѣ лѣта 1885 года Павель Лукичъ серьезно захворалъ у себя на дачѣ, былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и скончался 14 Сентября. Отпѣвали его въ церкви Григорія Богослова 18 Сентября, а похоронили въ Покровскомъ монастырѣ. Въ лицѣ Павла Лукича я потерялъ одного изъ лучшихъ моихъ друзей, который постоянно сердечно относился ко мнѣ и искренно меня любилъ. Смерть Пикулина также сильно огорчила Н. Х. Кетчера, который вскорѣ послѣдовалъ за нимъ: въ 1886 году Кетчерь умеръ. Со смертью Павла Лукича Пикулинскій кружокъ, гдѣ собирались столько интересныхъ людей, распался.

Лѣтомъ мы продолжали жить въ Кунцевѣ, все на той же дачѣ, которую снимали у К. Т. Солдатенкова. Козьма Терентьевичъ съ давнихъ порь находился въ дружбѣ съ моимъ отцомъ и называлъ его Ваней. Онъ былъ старообрядецъ по Рогожскому кладбищу, чтѣ не мѣшало ему жить съ Француженкой Клемансой Карловной Дюпюи; называлъ онъ ее Клемансой, а она его Кузей. Въ Москвѣ Козьма Терентьевичъ купилъ Клемансѣ Карловнѣ домъ, въ Кунцевѣ же она жила на дачѣ близъ оранжереи. Клеманса Карловна очень плохо знала по русски, а Козьма Терентьевичъ кромѣ Русскаго не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Однажды, будучи въ Константинополѣ, Солдатенковъ съ Клемансой Карловной отправились въ гаремъ какого-то паши, куда конечно его не пустили. Клеманса Карловна, сказавши

*) Замороженные калачи, положенные въ натопленную печь, получаютъ вкусъ свѣжихъ.

ему: „твой сидить, мой идеть“, вошла въ гаремъ, откуда прислала съ евнухомъ оставшемуся при входѣ Козьмѣ Терентьевичу кофею и розового варенья.

Зимой К. Т. Солдатенковъ жилъ на Мясницкой, въ своемъ домѣ, гдѣ было нѣсколько богато отдѣланныхъ комнатъ, въ томъ числѣ диванная въ Арабскомъ стилѣ; имѣлось много хорошихъ картинъ Русскихъ художниковъ, большая библиотека и молельня. Въ послѣдней служилъ самъ Козьма Терентьевичъ вмѣстѣ со своимъ дальнимъ родственникомъ, торговцемъ церковныхъ старопечатныхъ книгъ, Сергеемъ Тихоновичемъ Большаковымъ, для чего оба надѣвали кафтаны особаго покроя. Жилъ у Козьмы Терентьевича, въ качествѣ конторщика и управляющаго, Иванъ Ильичъ Барышевъ. Въ былое время Козьма Терентьевичъ торговалъ бумажной пряжей и занимался дисконтомъ векселей; впослѣдствіи онъ сталъ крупнымъ пайщикомъ на фабрикахъ Губнира, Цинделя, Даниловской мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры, Трехгорного пивоваренного Товарищества¹⁾, Московскаго Учтнаго Банка, Московскаго Страховаго Общества и въ другихъ предпрѣятіяхъ. Въ Старомъ Гостинномъ дворѣ К. Т. Солдатенковъ снималъ лавку, состоявшую изъ двухъ комнатъ, нижней и верхней; въ верхней обыкновенно Козьма Терентьевичъ занимался чтенiemъ газетъ, а въ нижней И. И. Барышевъ стоялъ или сидѣлъ за конторкой, и если не было дѣла, то писалъ фельетоны для „Московскаго Листка“ подъ псевдонимомъ „Мясницкаго“. Козьма Терентьевичъ никогда не начиналъ писать писемъ или записокъ, не поставивъ предварительно въ двухъ верхнихъ уголкахъ бумаги буквы: „Г“ и „Б“, что означало: „Господи благослови“²⁾. К. Т. Солдатенковъ ежегодноѣздили заграницу и, не зная иностранныхъ языковъ, бралъ всегда съ собой переводчика, обыкновенно изъ врачей. Такъѣздили онъ съ врачемъ Але-

¹⁾ Пивоваренный заводъ Трехгорного Товарищества въ Москвѣ основанъ въ 1875 г. Учредителями были: Т. С. Морозовъ, А. К. Крестовниковъ, торговый домъ „М. Борисовскій съ Сыновьями“. А. А. Карзинкинъ, С. П. Вишняковъ, П. П. Дюшенъ, К. Т. Солдатенковъ, Б. А. Гивартовскій, торговый домъ „И. В. Юнкеръ и Ко“, Н. С. Грачевъ, А. А. Лютрейль, А. фонъ-Барберъ, Н. Ф. Герике, А. К. Беккеръ и мой отецъ. Въ настоящее время этотъ заводъ одинъ изъ первыхъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, чѣмъ онъ много обязанъ своему директору, талантливому и энергичному Альберту Альбертовичу Кемпе, который съ самого основанія завода постоянно и зорко слѣдилъ за всѣми техническими изобрѣтеніями и улучшеніями въ пивоваренномъ дѣлѣ, успѣшио примѣнняя ихъ къ Трехгорному заводу. Лѣтомъ 1911 г. заводъ сталъ также производить искусственный ледъ.

²⁾ Нѣкоторые купцы тоже ставятъ въ своихъ торговыхъ книгахъ буквы: „Г“ и „Б“ или три крестика.

ксандромъ Яковлевичемъ Тугенгольдомъ*). Ездить съ Козьмой Терентьевичемъ было довольно трудно, такъ какъ онъ всюду спѣшилъ; напримѣръ, при осмотрѣ картинныхъ галлерей или музеевъ Тугенгольдъ едва поспѣвалъ за нимъ. Козьма Терентьевичъ опережалъ Александра Яковлевича иногда на двѣ или на три залы, и послѣднему приходилось бѣгать за нимъ, обливаясь потомъ.

Въ Кунцевѣ у К. Т. Солдатенкова всегда кто-нибудь гостили: то его племянникъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ (покуда Козьма Терентьевичъ не выстроилъ ему отдельную дачу), то художникъ Риццони, то В. Е. Грачевъ, и другіе. Риццони прїѣзжалъ на лѣто въ Москву изъ Рима, где усердно работалъ и откуда привозилъ цѣлые коллекціи тонко выписанныхъ картинонъ, представлявшихъ преимущественно кардиналовъ и женскія головки. Быть у Риццони еще и другой талантъ: насвистывать разныя оперы, что онъ исполнялъ весьма искусно.

Василій Егоровичъ Грачевъ имѣлъ прежде въ Москвѣ типографію, въ которой Козьма Терентьевичъ печаталъ свои изданія. Грачевъ носилъ некрахмальную сорочку изъ грубаго холста, ходилъ въ длинныхъ сапогахъ и вообще одѣвался очень просто. Козьма Терентьевичъ взялъ однажды Грачева съ собой заграницу; отъ этой поѣздки у Грачева не осталось въ памяти даже такихъ городовъ, какъ Римъ, Флоренція, Неаполь. Грачевъ все мечталъ о поѣздкѣ на Востокъ, въ Іерусалимъ, къ Святымъ мѣстамъ. Закрывъ свою типографію, онъ переехалъ жить изъ Москвы въ Пушкино, где поселился одинъ въ свое мѣсто домикѣ, и когда его спрашивали, не скучаетъ ли онъ въ одиночествѣ, Грачевъ отвѣчалъ: „скучать мнѣ некогда: утромъ встанешь, принесешь воды, наколешь дровъ, истопишь печь“, и т. д.

Прїѣзжали въ Кунцево къ Козьмѣ Терентьевичу также Н. Х. Кетчеръ, И. Е. Забѣлинъ, И. С. Аксаковъ, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, А. А. Козловъ, П. Л. Пикулинъ, художникъ Лагоріо и другіе. Всѣхъ ихъ Козьма Терентьевичъ радушно принималъ и угождалъ тонкими обѣдами; но старъя онъ становился скучне и сталъ приглашать къ обѣду не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ. На одномъ такомъ обѣдѣ, en petit comit , мой братъ Николай сказалъ: „угостили бы вы насъ, Козьма Терентьевичъ, спаржей“, на что Козьма Терентьевичъ возразилъ: „спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунтъ“. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Козьма Терентьевичъ сталъ обходить свой домъ и тушить электрическія лампочки, чтобы зря не горѣли.

*) А. Я. Тугенгольдъ єздилъ также заграницу съ графомъ А. А. Закревскимъ, уже послѣ его увольненія отъ должности Московскаго генераль-губернатора.

Умеръ Козьма Терентьевичъ въ своемъ любимомъ Кунцевѣ, 19 Мая 1901 года, переживъ своего друга, моего отца, на десять лѣтъ.

Въ концѣ лѣта 1884 года случилось въ Кунцевѣ грустное событіе, о которомъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ такъ писалъ одному своему пріятелю: „Еслибъ Кунцево въ состояніи было заговорить, оно навѣрно сказали бы, какъ Платонъ Михайловичъ въ „Горе отъ ума“: „Да! теперь уже я не то Кунцево, когда кусались отъ любви! Да, дѣйствительно отъ любви никто больше не кусается; но зато на дняхъ закусали или лучше сказать загрызли до смерти собаки одну молодую дѣвушку, которая вела ихъ купать“. Не думай, что это мои собаки отличились; нѣтъ, слава Богу, это собаки барона Кнопа!“

Ежегодно съ моими братьями, Николаемъ и Сергеемъ,ѣздила я на Нижегородскую ярмарку. Изъ Москвы выѣзжали съ вечернимъ поѣздомъ, въ раскладныхъ креслахъ первого класса и брали съ собой подушки. Въ Павловѣ были пирожки; утромъ въ Гороховцѣ умывались у бабъ, которые стояли на платформѣ станціи съ кувшинами, тазами, мыломъ и полотенцами, предлагая свои услуги; затѣмъ пили на станціи кофей или чай.

Съ 1878 года отецъ пересталъѣздить на ярмарку, мы же оставались тамъ до окончанія ея. Первые годы жили въ лавкѣ, гдѣ обыкновенно прислуживали намъ Татары Сабирь и другіе, прїѣзжавшіе изъ своей деревни въ Нижній лишь на ярмарочное время. Впослѣдствіи квартировалъ я въ центрѣ города, у Чернаго пруда, въ „Почтовой гостинице“, затѣмъ на Нижнемъ Базарѣ, въ домѣ Блинова, въ „Биржевой гостинице“, которую содержалъ Алексѣй Андреевичъ Филимоновъ. Завтракъ приносили намъ въ лавку изъ ресторана Никиты Егорова *), куда мы ходили обѣдать. Ресторанъ этотъ помѣщался на ярмаркѣ въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Вслѣдствіе большого наплыва посѣтителей, около ресторана разбивалась еще парусинная палатка.

У Никиты Егорова въ то время въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, было два стола: такъ называемый *Нѣмецкий столъ*, за которымъ обѣдали представители Московскихъ Нѣмецкихъ фирмъ: Богау, Кнопа, Ценкера и другихъ, и *Русский столъ*, за которымъ обѣдали почти одни Русскіе коммерсанты: фабриканть Павель Павловичъ Малютинъ, торговцы бурнусами братья В. Н. и К. Н. Кириковы, торговецъ бурнусами и Румынскій консулъ Николай Кононовичъ Голофѣевъ, фабриканть фарфора Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ, чайный торговецъ Василій Семеновичъ Перловъ, платочный фабриканть

*) Послѣ смерти Никиты Егорова ресторанъ перешелъ къ его сыновьямъ.

Антонъ Адамовичъ Гивартовскій, торговецъ, археологъ и земскій дѣятель (изъ Ростова Ярославскаго) Андрей Александровичъ Титовъ¹⁾ и другіе.

Послѣ обѣда подавался намъ общій счетъ, сумма котораго дѣлилась на число обѣдавшихъ за нашимъ столомъ. Заказывалъ обѣдъ обыкновенно А. А. Гивартовскій, котораго А. А. Титовъ прозвалъ „блинчиками“, потому что онъ неизмѣнно предлагалъ на сладкое это блюдо. Самъ Титовъ отличался скучностью. Такъ, онъ просилъ не брать съ него за вино; потому что онъ его пить не будетъ; между тѣмъ онъ вино пилъ и ничего не платилъ, говоря, что выпиваетъ за обѣдомъ лишь одинъ стаканъ; наконецъ однажды Титовъ совсѣмъ отказался платить и за самый обѣдъ, сказавъ, что издержался на покупку рукописей.

Въ нижнемъ этажѣ ресторана Егорова, напротивъ входа, помѣщался буфетъ: столъ, на которомъ красовались всевозможныя закуски, а за столомъ шкафъ съ бутылками разныхъ водокъ, ликеровъ и винъ. По вечерамъ въ буфетѣ часто сидѣлъ за столикомъ Александръ Максимовичъ Поповъ, сынъ известнаго суконщика Максима Ефимовича²⁾. На столикѣ стояла батарея полбутылокъ краснаго вина, ибо Александръ Максимовичъ пилъ лишь красное вино и не иначе какъ полбутылками. По мѣрѣ того какъ Александръ Максимовичъ опоражнивалъ полбутылки, онъ становился все развязнѣе и, встрѣчая входившихъ посѣтителей, бросался въ объятия каждого, уже не различая знакомаго отъ чужаго. Собутыльникомъ Александра Максимовича былъ его покупатель, торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, Константинъ Васильевичъ Епифановъ изъ Новочеркасска, который такъ напивался на ярмаркѣ, что былъ въ трактирахъ зеркала и посуду.

Бывалъ также у „Никиты“ (какъ коротко называли ресторанъ Н. Егорова) маклеръ по хлопку, Армянинъ Викторъ Агапитовичъ Эларовъ, знакомый намъ по дому Д. П. Боткина и прозванный Дмитриемъ Петровичемъ за Эфиопскаго типа лицо (въ родѣ покойнаго Менелика) „Дельнегро“. Эларовъ находился въ дружбѣ съ примадоннами и пѣвцами Итальянской оперы, пѣвшими въ Москвѣ.

Познакомился я на ярмаркѣ съ богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ Александромъ Тавріоновичемъ Молостововымъ, прѣзвавшимъ на ярмарку ни съ какой другой цѣлью, какъ покутить. Онъ пилъ только Шампанское, съ утра уже былъ пьянъ и разѣзжалъ по ярмаркѣ въ коляскѣ,

¹⁾ А. А. Титовъ скончался въ Ростовѣ 24-го Октября 1911 года.

²⁾ Въ Москвѣ въ то время были, какъ говорили Нѣмцы, три известныхъ фирмы Попова: „Schnaps-Popoff, Thee-Popoff und Tuch-Popoff“.

вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, академикомъ и сенаторомъ, Владимиромъ Павловичемъ Безобразовымъ¹⁾). Пѣвицамъ въ трактирахъ А. Т. Молостовъ дарилъ бриллиантовыя вещи.

Во всѣхъ ресторанахъ и трактирахъ пѣли хоры разныхъ достоинствъ. Въ ресторанѣ Барбатенко пѣлъ Русскій хоръ Анны Захаровны Ивановой; пѣнистомъ въ ея хорѣ былъ Пригожевъ, авторъ „Пары гнѣдыхъ“, а лучшей пѣвицей считалась красавица Варвара Николаевна. Въ ресторанѣ „Германія“, который содержалъ Нижегородскій Нѣмецъ Фаульдратъ, пѣлъ Шведскій хоръ²⁾ г-жи Мартини во главѣ съ красивой блондинкой, Датчанкой Эльвирой. Въ трактирѣ Бубнова пѣли Цыгане изъ Рыбинска.

Живя на Нижнемъ Базарѣ въ „Биржевой гостинницѣ“, я слышалъ рано по утрамъ пѣвучій и протяжный голосъ разнощика печного картофеля: „карто-о-о-фель, карто-о-о-фель“. Этотъ голосъ я слышу подъ-рядъ уже 33 года. Часто доносились до моего слуха разговоры изъсосѣдняго номера, которые теперь все забылъ, кромѣ одного, по своей дикости до сихъ поръ не изгладившагося изъ моей памяти. Занималъ сосѣдній номеръ какой-то пожилой чиновникъ съ молодой женой. (Я самъ ихъ не видалъ, но мнѣ говорилъ про нихъ содергатель гостинницы). И вотъ какъ-то поздно ночью слышу, мужъ упрекаетъ жену за то, что она въ церкви прежде его подходитъ ко кресту; жена удивляется этому упреку; наконецъ мужъ приводить жену, доведенной до слезъ, примѣръ изъ военного быта, совсѣмъ неподходящій къ данному случаю: что прежде ко кресту прикладывается корпусный командиръ, потомъ дивизіонные генералы, затѣмъ бригадные, и т. д.

Въ „Биржевой гостинницѣ“ устраивались иногда свадебные и другіе обѣды. Между прочимъ, управляющій дѣлами графа Строганова въ Нижнемъ Ширшевъ давалъ ежегодно въ ярмарочное время обѣдъ для своихъ покупателей желѣзняковъ, обѣдъ съ военнымъ оркестромъ и хоромъ пѣвицъ. По смерти Ширшева эти обѣды прекратились.

Изъ оконъ моего номера я любовался и до сихъ поръ любуюсь на Волгу, сливающуюся у Сибирской пристани съ Окой, на новый ярмарочный соборъ, на виднѣющемся вдали Сормово и на противопо-

¹⁾ „Молостовы“, писалъ мнѣ Р. Н. Гришинъ въ 1881 году, „почти сосѣди Даниловки (бывшее имѣніе Гришина въ Казанской губерніи). Они очень многочисленны, ихъ имѣніе лучшее въ Спасскомъ уѣздѣ. Академикъ Безобразовъ способный человѣкъ и иногда превосходный рассказчикъ и большой говорунъ; но, года два назадъ, его пригласили въ Зимній Дворецъ поразсказать великимъ князьямъ кое-что о Нижегородской ярмаркѣ: напримеръ сильно сплоховалъ“.

²⁾ Хоръ госпожи Мартини, хотя и назывался Шведскимъ хоромъ, но пѣлъ исключительно Нѣмецкія пѣсни.

ложный, поросший мелкимъ лѣсомъ съ бѣлѣющими церквами, берегъ Семеновскаго уѣзда¹⁾; эту картину оживляютъ то и дѣло проходящіе и гудящіе пассажирскіе и буксирные пароходы и ползущія баржи.

Каменные корпуса ярмарки, выстроенные Бетанкуромъ, со временемъ сдѣлались недостаточными для торговли; поэтому на свободной землѣ, противъ корпусовъ, стали устраивать временные досчатые лабазы. При губернаторствѣ графа Игнатьева было приказано замѣнить деревянные склады желѣзными²⁾; потомъ при губернаторѣ Безакѣ желѣзные склады замѣнили каменными, такъ какъ въ желѣзныхъ въ жаркую погоду было очень душно.

Клозетовъ въ старыхъ корпусахъ не было, а всѣ ходили въ устроенные подъ землей, на протяженіи всей ярмарки, сводчатые туннели, куда спускаются изъ каменныхъ башень и которые существуютъ до сихъ поръ и служатъ для большинства ярмарочнаго населенія и прѣѣзжаго люда. Въ старомъ Главномъ Домѣ, въ нижнемъ этажѣ, подъ низкими сводами, въ темнотѣ ютились небольшіе магазины, даже днемъ освѣщавшіеся копѣйшими керосиновыми лампами. Посрединѣ на деревянной эстрадѣ играла военная музыка; въ тѣснотѣ и духотѣ толкалась публика, состоявшая болѣею частію изъ Армянъ, Персіянъ, Бухарцевъ и сомнительныхъ женщинъ. Теперь на мѣстѣ стараго Главнаго Дома выстроенъ большой, довольно красивый, болѣе удобный и приличный, крытый стекломъ. Въ немъ живетъ во время ярмарки Нижегородскій губернаторъ и помѣщается ярмарочный комитетъ.

Что касается до уличной ярмарочной жизни, то она мало измѣнилась: какъ прежде, такъ и теперь ходячіе цирюльники бѣжутъ на улицѣ ломовыхъ, сидящихъ на своихъ телѣгахъ, а странствующіе сапожники чинять прохожимъ сапоги; женщины и мальчишки подбираютъ щенки, дощечки, бѣмагу, концы веревокъ и т. п.; снуютъ бабы съ Владимирскими вишнями, разнощики съ балыками, ветчиной, раками и другими товарами, Татары со шнурками каракуля, Персіяне съ коврами, орѣхами и сушеными фруктами, Бухарцы и Хивинцы въ своихъ пестрыхъ полосатыхъ халатахъ; хлѣбники на лубочныхъ лоткахъ разносятъ по лавкамъ бѣлый ситный хлѣбъ, а бабы на коромыслахъ—кушанья въ эмальированныхъ судкахъ и соленые огурцы въ желѣзныхъ ведрахъ. Все попрежнему прѣѣзжаетъ на заработки масса Татаръ. По чрезвычайно длинному плашкоутному мосту тянутся, какъ и

¹⁾ Семеновскій уѣздъ былъ когда-то знаменитъ старообрядческими скитами, жизнь которыхъ такъ художественно изобразилъ П. И. Мельниковъ въ своемъ романѣ „Въ лѣсахъ“.

²⁾ Нашъ желѣзный складъ на ярмаркѣ строилъ Сормовскій заводъ.

прежде, по двумъ противоположнымъ направлениямъ, безконечныя вереницы телъгъ, нагруженныхъ невыдѣланными кожами, разнымъ желѣзомъ и чугуномъ, ящиками, бочками и т. п.

Жить въ ярмарочныхъ помѣщеніяхъ было не всегда пріятно. Въ сильный жаръ, вслѣдствіе низкихъ комнатъ, бывала иногда такая духота, что спали голыми, а въ холода мерзли, ибо печей не было и отовсюду дуло, а чтобы хотя немного согрѣться, жгли спирть. Въ Воскресенія и праздничные дни торговали весь день, какъ и въ будни. Въ послѣднихъ числахъ Августа ярмарка замѣтно пустѣла: въ модной линіи, ближе къ старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, тоже дѣлали въ панскомъ гуртовомъ ряду мануфактурсты. Когда начинали появляться на ярмаркѣ козлы и козы, спускавшіеся съ городскихъ горъ, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась.

Пассажъ, выстроенный черезъ канаву напротивъ ярмарочнаго театра, называется „Бразильскимъ“. О происхожденіи этого названія если еще не все забыли, то во всякомъ случаѣ многіе не знаютъ. А дѣло было такъ. Въ одну изъ ярмарокъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ Бразилии привезли большую партію кофею, для ознакомленія и распространенія коего между Русскими Бразильцы выстроили черезъ канаву пассажъ, въ которомъ стали для рекламы угощать публику кофеемъ, а актрисамъ находящагося противъ пассажа театра подносить вмѣсто букетовъ мѣшки съ кофеемъ. Бразильцы уѣхали, а пассажъ остался, и осталось его название „Бразильского“.

Вечера во время ярмарки я проводилъ не всегда въ трактирахъ, театрѣ или циркѣ Никитина, но бывалъ иногда въ гостяхъ въ городѣ.

Радушный Дмитрій Михайловичъ Бурмistrovъ, нашъ хороший покупатель, приглашалъ меня къ себѣ на обѣды. Былъ онъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Рукавишниковой, большой охотницѣ до лошадей. Жили Бурмистровы на Откосѣ, и изъ ихъ дома и сада открывался прекрасный видъ на Волгу. При домѣ имѣлись образцовый конюшни, гдѣ стояли дорогіе рысаки. Дмитрій Михайловичъ, большой любитель садоводства, имѣлъ нѣсколько цвѣточныхъ и фруктовыхъ оранжерей и держалъ Нѣмца-садовника, которому платилъ три тысячи рублей въ годъ. Садъ утопалъ въ цвѣтахъ. Помню, Дмитрій Михайловичъ дарилъ мнѣ прекрасныя туберозы и угощалъ бѣлой малиной. Въ то время цвѣточныхъ торговцевъ въ Нижнемъ совсѣмъ не было. Въ ресторанѣ „Германія“ продавали астры, надушенныя пачулями. В. С. Перловъ доставалъ букеты, для подношенія ярмарочнымъ актрисамъ, у садовника Бурмистровыхъ и платилъ за эти букеты чаемъ.

На Бурмистровскихъ обѣдахъ познакомился я съ братьями хозяики: Иваномъ, Митрофаномъ и Николаемъ Михайловичами Рукавишниковыми, съ ея сестрой Юлией Михайловной и съ мужемъ послѣдней—Иваномъ Кузьмичемъ Николаевымъ. Бывали на этихъ обѣдахъ также: жена Ивана Михайловича Елена Николаевна, двѣ привезжавшія изъ Ярославля барышни, дочери Николая Петровича Пастухова, Нижегородскій фабрикантъ Зайцевъ, маклеръ Иванъ Юльевичъ Шульцъ изъ Москвы, домашній врачъ Бурмистровыхъ Штюрмеръ, домашній врачъ Николаевыхъ Никаноръ Ивановичъ Васильевъ и др. Сталъ бывать я и у Николаевыхъ, жившихъ на Большой Печерской улицѣ, съ единственнымъ малолѣтнимъ сыномъ Мишой, въ которомъ мать не чаяла души. У Николаевыхъ встрѣчалъ я только ихъ домашняго врача, старого и ворчливаго Н. И. Васильева, ими до крайности избалованнаго и пользующагося у нихъ большими авторитетомъ.

Вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, М. С. Кузнецовымъ, Н. В. Голофтьевымъ и братьями Кириковыми ходилъ я на Пески, въ трактиръ Журавлева, ѿсть пельмени, которые подавали сотнями, при чемъ въ одной мискѣ были пельмени, а въ другой бульонъ.

Однажды Владимиръ Карловичъ фонъ-Меккъ пригласилъ меня принять участіе въ прогулкѣ по Окѣ, на его пароходѣ. Вечеромъ у него въ конторѣ, которая находилась на пристани, на такъ называемой Стрѣлкѣ, собрались: В. С. Перловъ, привѣхавшіе изъ Москвы К. А. Тарновскій и П. И. Гучковъ, братья Кириковы и др., и на Мекковскомъ пароходѣ, съ военной музыкой, пошли мы вверхъ по Окѣ. Ночью пристали къ берегу Оки, гдѣ высадились. У рыбаковъ купили тоню стерлядей и раковъ и заставили рыбаковъ варить намъ уху. Слуги отъ Никиты Егорова вынесли съ парохода на берегъ столъ, Винские стулья и Мекковскій поставецъ съ серебряными стаканами; накрыли столъ; принесли зернистой икры, холодной дичи, въ дыняхъ маседуанъ изъ свѣжихъ фруктовъ; захлопали пробки отъ Шампанскаго—и пошло пиршество. По желанію В. С. Перлова послали за дѣвицами въ ближайшую деревню и заставили ихъ водить хороводы. На обратномъ пути все гости съ хозяиномъ засѣли въ каютѣ вокругъ большой льдины съ бутылками Шампанскаго, и пиршество, начатое на берегу, продолжалось до ярмарочной пристани, куда пришли часовъ въ семь утра, и гдѣ уже ждали извощицы коляски, которая развезли всѣхъ по гостиницамъ и лавкамъ.

Припоминаю пріѣздъ на ярмарку великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Павломъ Васильевичемъ Осиповымъ и Нижегородскимъ губернаторомъ Безакомъ, великий князь поѣхалъ нѣсколько лавокъ, въ томъ числѣ и

нашу. Увидавъ у насть рубашечный ситецъ, великий князь сказалъ: „хорошо бы на солдатскія рубашки“. Выходя изъ лавки, П. В. Осиповъ поцроросилъ великаго князя посѣтить еще кого-то, на что великий князь отвѣтилъ: „слушаю-сь“. Вечеромъ состоялся праздникъ въ лагерѣ, который былъ иллюминованъ. Въ палаткѣ, убранный щитами изъ штыковъ, былъ накрытъ ужинъ, во время которого играла военная музыка и пѣлъ хоръ А. З. Ивановой. Изъ лагеря великий князь поѣхалъ на ночлегъ въ Главный Домъ, сопровождаемый солдатами, бѣжавшими съ зажженными факелами и кричавшими ура.

Пріѣзжалъ на ярмарку и великий князь Владимиръ Александровичъ съ великой княгиней Марией Павловной. Ихъ Высочествамъ ярмарочное купечество давало обѣдъ на Зевековскомъ пароходѣ, стоявшемъ на Сибирской пристани. Во время обѣда играла военная музыка. Я сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, и намъ вмѣсто стерляди подали шипа. Послѣ обѣда пароходъ съ Ихъ Высочествами и гостями отчалилъ отъ пристани и пошелъ въ Сормово, откуда вернулись опять на Сибирскую пристань.

П. В. Осиповъ, будучи предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета, дѣлалъ большиe денежные поборы на губернаторскіе обѣды съ торговавшихъ на ярмаркѣ купцовъ. Оставшися отъ обѣдовъ вина и сигары относились къ П. В. Осипову на квартиру.

О бывшемъ одновременно съ П. В. Осиповымъ Нижегородскомъ губернаторѣ Б. тогдашній Французскій посолъ въ Петербургѣ генераль Шанзи былъ не особенно лестнаго мнѣнія. „Вмѣсто ярмарочныхъ свѣдѣній“, разсказывалъ въ Петербургѣ Шанзи, возвратившись изъ Нижнаго, „за которыми я пробовалъ не разъ обращаться въ разговорѣ къ генералу Б., онъ нарисовалъ мнѣ картину Парижскихъ кафе-шантановъ *avec leurs sujets principaux*“. Не лучше Б. былъ и тогдашній Нижегородскій полиціймайсторъ Каргеръ, который, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ пріятелямъ, не стѣснялся вызывать по тревогѣ пожарныхъ.

Скажу кое-что о нѣкоторыхъ торговцахъ, покупавшихъ у насть въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Одними изъ первыхъ и лучшихъ покупателей изъ Сибири считались тогда Стахѣевы, Александръ Федоровичъ Второвъ^{*)}, Петровъ и Михайловъ, Иванъ и Николай Герасимовичи Гадаловы, Бѣлоголовый и Киселевъ, братья Зензиновы, братья Бутины и Семенъ Семеновичъ Кальмайеръ. А. Ф. Второвъ пользовался большой популярностью на Нижегородской ярмаркѣ.

^{*)} А. Ф. Второвъ умеръ 20 Октября 1911 года.

Изъ Армянъ покупали у насъ братья Цавьянены, братья Вартановы, Иванъ Исаевичъ Питаньяница (всѣ трое изъ Тифлиса), братья Бабасиновы (изъ Нахичевани), Карпъ Ивановичъ Яблоковъ (изъ Ростова на Дону), Кириллъ Моисеевичъ Поповъ (изъ Луганскаго завода), Минай Лукьяновичъ Шоршоровъ (изъ Екатеринодара), Христофоръ Христофоровичъ Харагилеевъ и другіе.

Армянинъ Макаръ Ивановичъ Улухановъ (изъ Моздока), толстый, безволосый, съ важнымъ, но тупымъ выраженіемъ лица, любилъ почетъ. У него была красавица сестра, которую увезли въ плѣнъ Черкесы, во время набѣга на Моздокъ; потомъ она стала женой Шамиля. Когда Макара Ивановича спрашивали, хорошо ли была его сестра, то онъ съ важностью, показывая на себя, отвѣчалъ: „какъ я“ . При этомъ надо было видѣть его болѣе чѣмъ непривлѣкательное лицо. Позднѣе явились къ намъ покупатели Армяне изъ Армавира: братья Таракановы, братья Багорсуковы, братья Багдасаровы, братья Сеферовы, Акимъ Манаевичъ Каспаровъ, братья Давыдовы и братья Шахъ-Назаровы. Въ началѣ братья Таракановы жили весьма скромно: ъздили по желѣзной дорогѣ въ третьякъ классъ, возили съ собой мѣшкі съ сухарями изъ чернаго хлѣба, которыми питались дорогой, носили зимой потертые бараны шубы; но потомъ они разбогатѣли, и мы увидали ихъ въ собольихъ шубахъ съ бобровыми воротниками.

Когда на Кавказѣ начались беспорядки, то богатые Армяне стали переселяться въ Москву. Въ прежнее время говорили въ Москвѣ только объ одномъ богатомъ Армянинѣ Иванѣ Степановичѣ Анановѣ, имѣвшемъ домъ на Мясницкой. Въ настоящее время говорятъ о нѣсколькихъ миллионахъ Армянахъ, переселившихся со своими семьями въ Москву изъ Армавира, Екатеринодара, Баку и другихъ городовъ Кавказа. Своихъ хорошенъкіхъ дочерей Армяне стали посыпать заграницу учиться, въ лучшіе пансіоны и одѣвать ихъ по послѣдней модѣ; стали заводить автомобили и строить себѣ въ Москвѣ дворцы.

Нашимъ самыемъ крупнымъ покупателямъ въ Ростовѣ на Дону былъ Павелъ Федоровичъ Севрюговъ. Донскіе казаки Иванъ и Николай Андреевичи Абрамовы, люди очень почтенные, были одними изъ лучшихъ покупателей изъ Новочеркасска. Они, по старому обычаю, привозили намъ въ подарокъ прекрасное Цимлянское вино собственнаго приготовленія, въ Шампанскихъ бутылкахъ, или отличные Донскіе балыки.

Одинъ изъ крупныхъ Саратовскихъ покупателей былъ Иванъ Герасимовичъ Кузнецovъ, прозванный за свой малый ростъ „Аршиномъ Герасимовичемъ“. Разъ во время ярмарки въ нашей лавкѣ служили молебенъ; Иванъ Герасимовичъ стоялъ за прилавкомъ, такъ что была

видна одна его голова. По окончаніи молебна священникъ, не зная, что Иванъ Герасимовичъ въ родѣ карлика, сталъ ему выговаривать за то, что онъ сидѣлъ во время службы. Иванъ Герасимовичъ пріѣзжалъ въ Москву или на ярмарку со своимъ взрослымъ сыномъ Василіемъ Ивановичемъ, которого называлъ Васенькой.

Изъ Пятигорска пріѣзжали къ намъ два брата Зипаловы, а изъ Перми—два брата Киселевы. Старшій Киселевъ, Вячеславъ Васильевичъ, былъ всегда въ мрачномъ настроеніи духа. Одинъ изъ самыхъ веселыхъ покупателей былъ Армянинъ изъ Ставрополя-Кавказскаго Давыдъ Вареоломеевичъ Поповъ. Казанскій покупатель Савватей Савватеевичъ Саввательевъ, старикъ въ очкахъ, которые чаще были у него на лбу, чѣмъ передъ глазами, имѣлъ привычку мять въ рукахъ кусочекъ тѣста, которое всегда носилъ съ собой.

Покупатель Фуфыкинъ явился однажды къ намъ на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщилъ, что не можетъ уплатить стараго долга, сказавъ: „торговали кирпичемъ и остались ни при чемъ“. Благодаря присяжному повѣреному Меморскому, бывшему потомъ Нижегородскимъ городскимъ головой, мы получили сполна состоявшій за Фуфыкинымъ долгъ. Вообще, когда кто не желалъ совсѣмъ платить своихъ долговъ, являлся къ кредиторамъ плохо одѣтымъ, выпачканнымъ и нерѣдко пьянымъ. Такъ было и съ Константиномъ Васильевичемъ Епиановымъ изъ Новочеркасска, прекратившимъ свои платежи. Другіе должники, не желавши платить полнымъ рублемъ, приглашали, какъ говорятъ купцы, на чашку чаю, т. е. собирали своихъ кредиторовъ и просили о скидкахъ и разсрочкахъ долга. Объ одномъ неплательщикѣ, Армянинѣ, дѣло котораго слушалось въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, мой отецъ разсказывалъ слѣдующее. Армянинъ этотъ подписался на выданномъ имъ вексель по армянски, и на судѣ переводчикъ перевелъ эту надпись, оказавшуюся такого содержанія: „когда хочу, тогда плачу, а кисея твоя г.....“

Покупали у насъ также Евреи изъ Одессы, Кишинева, Бердичева и другихъ городовъ, Татары и Нѣмцы-колонисты. Изъ Одессы покупали у насъ между прочимъ Евреи, торговавшіе подъ фирмою „Гимель-фартъ и Фингерхутъ“. Кишиневскіе Евреи-покупатели пріѣзжали лѣтомъ въ Москву въ своихъ длинныхъ лапсердахъ, надѣтыхъ непосредственно сверхъ нижняго бѣлья. Въ мою бытность въ Кишиневѣ, нашъ тамошній покупатель, старикъ Ерей Шулимъ Перельмутеръ, выказалъ ко мнѣ большое вниманіе и любезность: его довѣренный, Рейтигъ, возилъ меня въ коляскѣ и показывалъ городъ; потомъ мы заѣхали къ самому Перельмутеру, жившему въ своей усадьбѣ, въ простомъ деревянномъ домикѣ, окруженному виноградниками, гдѣ Перельмутеръ

угощалъ меня виномъ своего приготовленія и по моей просьбѣ далъ мнѣ попробовать мамалыгу (густая каша изъ кукурузы). Зятя Перельмутера не было въ Кишиневѣ; но меня все же повезли къ его молодой женѣ, дамѣ съ нѣкоторыми претензіями, гдѣ меня, какъ видно, ждали, потому что былъ накрытъ столъ съ разными угощеніями и даже приготовлено Шампанское. За столомъ прислуживали лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Татаринъ Баязитовъ изъ Стерлитамака былъ безъ одной челюсти, чѣму онъ былъ обязанъ искусству какого-то дантиста на Ирбитской ярмаркѣ. Однажды одинъ изъ нашихъ рабочихъ попросилъ у Баязитова на чай. Баязитовъ счелъ это за оскорблѣніе, нашумѣлъ и, выпросивъ себѣ кусокъ матеріи, успокоился. Баязитова хорошо знали на пароходахъ, ходящихъ по рѣкѣ Бѣлой. „Мы будемъ фарсить“, говоривъ онъ, заказывая себѣ стерлядку. Изъ Уфимской губерніи Баязитовъ привозилъ на продажу въ жестяныхъ коробкахъ липовый медъ, который держалъ на ярмаркѣ у насъ въ лавкѣ, подъ лѣстницей. Вообще Баязитовъ отличался своей грубостью и назойливостью.

Самымъ послѣднимъ нашимъ покупателемъ на ярмаркѣ былъ Пётръ Ивановичъ Батуевъ изъ Вятки; его покупкой заканчивалась у насъ ярмарка.

Въ Нижнемъ познакомился я съ фотографомъ-художникомъ Андреемъ Осиповичемъ Карелинымъ, который имѣлъ фотографію въ своемъ домѣ, на Малой Покровкѣ. Большая зала въ его домѣ напоминала антикварный магазинъ. Тогда я былъ еще далекъ отъ идеи собирания старинныхъ Русскихъ вещей; но художники Василій Васильевичъ Верещагинъ и Константинъ Егоровичъ Маковскій уже покупали ихъ у Карелина. По фотографіи Карелинъ сдѣлалъ нѣкоторые важныя изобрѣтенія, но, увлекшись собираниемъ старинныхъ и новыхъ вещей, сталъ мало заниматься фотографическимъ дѣломъ; а между тѣмъ у него явился серьезный конкурентъ, фотографъ Дмитриевъ, и постепенно фотографическое дѣло у Карелина стало падать, а у Дмитриева развиваться. Домъ свой на Малой Покровкѣ Карелинъ прожилъ и сталъ жить по квартирамъ, гдѣ давалъ уроки рисованія Нижегородскимъ барышнямъ, писалъ недурные и очень схожіе портреты и снималъ фотографіи. Во время ярмарки по вечерамъ можно было встрѣтить Андрея Осиповича въ Ярославскомъ ряду у старьевщиковъ, гдѣ онъ искалъ рѣдкостей.

Мое знакомство съ Персиянами началось съ покупокъ на ярмаркѣ, по порученію отца, ковровъ для дома, которые мы покупали у Сафара Алеева въ Персидскихъ рядахъ. Въ этихъ рядахъ до сихъ поръ сохранились свои нравы и обычаи: въ лавкахъ, между мѣшками съ фисташ-

ками, миндалемъ, рисомъ, драгантомъ, чернильными орѣшками, ящи-
ками съ сабзой и другими товарами, можно видѣть Персіянъ въ ихъ
национальныхъ костюмахъ, курящихъ кальянъ. Тутъ же можно наблю-
дать, какъ Персидскій Фигаро брѣть голову краснобородому сыну
Ирана. Въ караванъ-сарай пекутъ Персидскій хлѣбъ „лавашъ“, въ
видѣ большихъ, круглыхъ, плоскихъ лепешекъ, которыя, кроме своего
прямого назначенія, замѣняютъ у Персіянъ ложки и салфетки. Персія
меня интересовала: я много читалъ о ней книги на Русскомъ, Нѣмец-
комъ и Французскомъ языкахъ. Еще въ Москвѣ познакомился я съ
Московскимъ Персидскимъ вице-консуломъ и комиссіонеромъ мирзой
Нематулой Ашимовымъ¹⁾, который зналъ по русски и порядочно
говорилъ по французски. На ярмаркѣ онъ останавливался въ караванъ-
сарай, гдѣ я его разъ навѣстилъ и засталъ его сидящимъ на диванѣ,
поджавши подъ себя ноги, въ голубомъ шелковомъ засаленномъ халатѣ,
и курящимъ кальянъ. У него и у торговца коврами Усейнова стала я
пріобрѣтать разныя Персидскія вещи: калимданы (пеналы), голябпаши
(флаконы для розовой воды), кячколи (чаши для воды, носимыя дер-
вишами), рубэндѣ (платокъ, которымъ женщины закрываютъ себѣ лицо),
шербетныя ложки, ларцы, гребни, кривые кинжалы ферашей и другія
преимущественно современные вещи Персидского искусства и быта.

Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Темиръ-Ханъ-Шуры
фотографъ Роиновъ со своимъ „передвижнымъ Кавказскимъ музеемъ“.
У Роинова купилъ я небольшую Персидскую занавѣску²⁾, вышитую
шелками, серебромъ и золотомъ, XVII в., изъ дворца Нухинскаго хана,
и три старинныя Персидскія фаянсовыя тарелки съ изображеніями: на
одной—кисти руки, на другой—двухъ козъ, на третьей—всадника.

На Нижегородской же ярмаркѣ пріобрѣлъ я большую Китайскую
занавѣску, богато вышитую по красному Русскому сукну разноцвѣт-
ными шелками и золотомъ. Вообще на Нижегородской ярмаркѣ сдѣлалъ
я починъ по собиранию предметовъ Востока, точно такъ же, какъ

¹⁾ Въ 1877, 1878 и 1889 гг. шахъ Насръ-Эддинъ былъ въ Европѣ. Пріѣзжалъ онъ и въ Москву, гдѣ на балу у генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова сказалъ указывая пальцемъ на залитую всю бриллиантами Шаблыкину: „laide“, а о какой-то красивой дамѣ выразился: „belle, comme les vers de Pouchkine“. Р. Н. Гришинъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 Октября 1887 г. писалъ: „Въ мою бытность въ Астрахани, гдѣ я началъ мою службу, мнѣ приходилось не одинъ разъ бывать на балахъ Персидского посланника и участвовать въ загородныхъ Персидскихъ торжествахъ; образованныхъ Персіянъ не удавалось видѣть“.

²⁾ Точь въ точь такая же занавѣска хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Роиновъ рассказывалъ мнѣ, что спасъ проданную мнѣ занавѣску, которую собирался жесть одинъ Персіянинъ—для получения выжиги.

потомъ сдѣлалъ починъ по собиранію старинныхъ Русскихъ вещей, купивъ тамъ же серебряный жалованный ковшъ Яицкаго войска.

Въ 1889 году, будучи съ отцомъ на всемирной выставкѣ въ Парижѣ, я купилъ въ Японскомъ отдѣлѣ много художественныхъ предметовъ: ширмы шелковыя, тканыя и вышитыя, представляющія съ лицевой стороны четыре времени года, за 6 тысячъ франковъ; другія ширмы съ искусно сдѣланными изъ разныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ матерій фигурами по золоченому фону, изображающія сцены изъ Японской жизни, за 3 тысячи франковъ; лаковую этажерку (лучшую лаковую вещь, которую продавало Японское правительство) за 6 тысячъ франковъ, и другія Японскія вещи.

Въ то время, когда мой братъ Сергій и я были на ярмаркѣ, отецъ, а потомъ и братъ Дмитрій заботились о своевременной высылкѣ намъ товара иѣздили на фабрики Гюбнера, Цинделя и Прохорова, гдѣ торопили исполнять наши заказы.

Вообще отецъ вѣль очень дѣятельную жизнь. Какъ человѣкъ уже пожилой, онъ ложился спать рано и вставалъ тоже рано; въ театрахъ отецъ обыкновенно не досиживалъ до конца представлѣнія, а въ ложахъ Московскаго Большого театра, гдѣ имѣются комнатки съ диванами, обыкновенно засыпалъ во время Итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любилъ. По утрамъ изъ всей нашей семьи вставалъ раньше всѣхъ отецъ. Передъ тѣмъ какъ спуститься съ верху въ столовую пить кофей, въ халатѣ и туфляхъ, отецъ вызывалъ къ себѣ повара Егора, котораго пробирали за не такъ приготовленныя наканунѣ кушанья и заказывали завтракъ и обѣдъ на текущій день. Поваръ Егоръ, или, какъ мы его звали, Егоръ Петровичъ, не пилъ, не курилъ и вообще готовилъ хорошо, притомъ былъ очень набожный; даже въ кухнѣ онъ держалъ Библію и въ свободное время читалъ ее, для чего надѣвалъ очки. Егоръ любилъ употреблять кулинарные термины на Французскомъ языкѣ, немилосердно коверкая его; даже кушанье приготовленное по-русски, онъ иначе не называлъ какъ „а-ла-рюсъ“ (*). Поваръ былъ онъ довольно упрямый: когда отецъ говорилъ ему, что надо сдѣлать такъ, Егоръ противорѣчилъ, „а по моему такъ“.

Отецъ любилъ красное вино и былъ большими его знатокомъ; Шампанскаго же не переносиль. Сладкое варенье посыпалъ еще сахаромъ. За завтракомъ и обѣдомъ отцу, чтобы онъ не пачкалъ скатерти,

*) Французскій языкъ вообще коверкаютъ Русскіе повара и трактирщики. Извѣстный трактирщикъ Лопашевъ всегда предлагалъ П. В. Шумахеру кушанье, которое называлъ „бушеглазомъ“, что означало по французски „bouché glacé“; по словамъ Шумахера, это кушанье состояло изъ куска филейной говядины въ густомъ соусѣ въ родѣ столярного kleя.

клали подъ приборъ клеенку темнаго цвѣта. Однажды у насъ въ первый разъ обѣдалъ пріѣхавшій изъ Харькова нѣкій Алчевскій, котораго посадили на мѣсто отца, но позабыли снять клеенку; гость такъ и просидѣлъ весь обѣдъ, ибо, кромѣ моихъ младшихъ братьевъ, никто не обратилъ на это вниманія.

Къ отцу въ столовую каждое утро вызывался артельщикъ Михайло Хайлова, которому отецъ давалъ разныя порученія; потомъ приходилъ прикащикъ Иванъ Ивановичъ Челышковъ, и отецъ просматривалъ съ нимъ остатокъ долговъ за покупателями. Тому и другому нерѣдко отъ отца доставалось. Какъ-то Хайлова, стоя у стола, за которымъ отецъ пилъ кофей, оперся руками о столъ; тогда отецъ, не говоря ни слова, всталъ, взялъ стулъ и предложилъ ему сѣсть, чѣмъ конечно очень его сконфузилъ.

Нашего кассира Трещалина отецъ почему-то называлъ всегда Пищалинымъ и вообще часто искажалъ фамилії*). Отецъ былъ сильный брюнетъ; но съ годами волосы на головѣ и борода стали у него сѣдѣть; только однѣ брови, которыя были чрезвычайно густыя, оставались черными. У отца были такие выразительные каріе глаза, что отъ одного его взгляда дѣти моментально переставали ревѣть; взглядъ отца дѣйствовалъ и на взрослыхъ; говорилъ онъ всегда очень громко, все равно, было ли это дома, въ гостяхъ, или на улицѣ; даже заграницей говорилъ на улицѣ такъ громко, что прохожіе оборачивались; рѣчь у него была ясная и выразительная. Вотъ два его характерныхъ выраженія: обѣ одномъ мушинѣ, у котораго было много волосъ на головѣ, отецъ сказалъ, что „у него волосъ на три добрыя драки“; обѣ одномъ горькомъ пьяницѣ отецъ выразился такъ: „пить запоемъ да еще каждый день пьянъ“.

Изъ столовой отецъ шелъ въ контору и, проходя мимо дѣвичьей, если замѣчалъ какой-нибудь безпорядокъ, то бранилъ горничныхъ, причемъ употреблялъ выражение: „хуже пустого мѣста“. Въ конторѣ отецъ просматривалъ торговыя книги и тутъ обыкновенно не обходился безъ замѣчаній конторщикамъ. Изъ конторы отецъ поднимался къ себѣ на верхъ, одѣвался иѣхалъ на одну изъ трехъ фабрикъ: къ Гюб-

*) Мастеръ искажать фамиліи былъ служившій у насъ въ швейцахъ Егоръ Акимовъ Касьяновъ. Напримеръ, Рошфора онъ иначе не называлъ какъ Растворомъ. Какъ иногда Русскіе люди искажаютъ не только фамиліи, но и самый смыслъ сказанного, могу указать на два случая. Мой братъ Дмитрій разъ послалъ своего служащаго купить черныхъ запонки; служащий вернулся и сказалъ, что черныхъ жаворонковъ нѣтъ. Въ другой разъ братъ поручилъ купить тому же служащему Швейцарскаго сыра; вернувшись тотъ заявилъ, что не напелъ Цыцарскаго мыла.

неру¹⁾ подъ Дѣвичье, или къ Цинделю²⁾ въ Кожевники, или къ Прохорову на Три-Горы, откуда возвращался частью пѣшкомъ, въ то время какъ экипажъ слѣдовалъ за нимъ шагомъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, отецъ немного отдыхалъ, а потомъ отправлялся въ театръ или въ гости.

По Четвергамъ у насъ обыкновенно обѣдали нѣсколько человѣкъ родныхъ и знакомыхъ. Бывали еще врачи: Иванъ Карловичъ Монигетти, Юлій Ивановичъ Вольфъ и Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, драматургъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій, Московскій оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ, П. В. Шумахеръ, нотаріусъ Пётръ Дмитріевичъ Переvoщикovъ, Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, маклеръ Александръ Яковлевичъ Верленъ и другіе. Врачъ императорскихъ Московскихъ театровъ И. К. Монигетти, лѣчившій отца, принадлежалъ къ числу мало разговорчивыхъ людей; послѣ него отца сталъ лѣчить Юлій Ивановичъ Вольфъ³⁾, весьма деликатный и обстоятельный врачъ, подолгу распрашивавшій пациента и подолгу дававшій совѣты. Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ врачъ Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, по специальности акушеръ, „Accoucheur de la ville de Moscou“, какъ значилось у него на визитныхъ карточкахъ, бывавшій у насъ лишь въ качествѣ гостя. Болѣе веселаго, жизнерадостнаго человѣка я не встрѣчалъ. Несмотря на свои почтенные годы и сѣдые волосы, Михаилъ Осиповичъ отличался замѣчательной подвижностью; танцевалъ онъ, въ особенности мазурку, какъ никто. Въ жилахъ Вивьена текла Французская кровь; хотя его предки (Вивьенъ-де-Шатобренъ) и были Французы, но самъ онъ, кромѣ Русскаго, собственно не говорилъ ни на какомъ языке. Онъ былъ большой каламбуристъ и забавный шутникъ. Когда его спрашивали, гдѣ онъ останавливается въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: „въ своей улицѣ—рю Вивьенъ“. Въ Біаррицѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ П. И. Гучковымъ въ пансіонѣ г-жи Жилось. Вспоминая о жизни въ этомъ пансіонѣ, Вивьенъ говорилъ: „у мадамъ Жилось какъ намъ жилось“. Изъ поѣздки въ Марсель онъ только и вспоминалъ объ одной большой бутылкѣ коньяку, поданной въ какой-то кофейнѣ. Когда Михаила

¹⁾ А. О. Гюбнеръ жилъ на фабрикѣ, гдѣ у него былъ садъ. Въ саду было много цветовъ и стояла большая желѣзная клѣтка, въ которой лѣтомъ сидѣло множество разнообразныхъ пѣвчихъ птичекъ. Впослѣдствіи Гюбнеръ купилъ себѣ домъ въ Парижѣ, въ улицѣ Téhéran, куда перѣхалъ вмѣстѣ со всей своей семьей и гдѣ жилъ зимой. Лѣтомъ Гюбнеръ жилъ на своей виллѣ близъ Базеля, въ Сизахъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности.

²⁾ При Цинделевской фабрикѣ былъ прекрасный фруктовый садъ, за которымъ ухаживалъ самъ старикъ Эмиль Эмильевичъ Циндель, основатель фабрики. Циндель, какъ и Гюбнеръ, былъ Эльзасецъ.

³⁾ Родной братъ Альфонсины Ивановны Постниковой.

Осиповича спрашивали меню какого-нибудь обѣда, онъ обыкновенно скороговоркой отвѣчалъ: „супъ—щи, пироги—ватрушки, рыба-раки, говядина—телятина, пирожное—мороженое“. Чай онъ называлъ бранд-хлыстомъ; за то вино, водки и ликеры такъ уважалъ, что нерѣдко пилъ ихъ не въ мѣру. Наливая себѣ въ стаканъ вино, Вивьенъ говорилъ:

„Rempli ton verre vide,
Bois ton verre plein
Et fais qu'il soit ni plein, ni vide“.

Михаиль Осиповичъ очень мило пѣлъ оперу, въ которой мотивы были взяты главнымъ образомъ изъ оперы „Марта“, а слова неизвѣстно откуда. Начало дѣйствія этой оперы происходитъ въ Марьиной рощѣ, и самоварщицы поютъ:

„Чашки чисты,
Чай душистый,
Московѣцкая вода,
Вы пожалуйте сюда,
Всечестные господа“.

Далѣе Вивьенъ пѣлъ: „Играетъ музыка принца Фридриха Карла полка, кака, какака, какака“. Послѣднее дѣйствіе заканчивалось въ полицейскомъ участкѣ и въ заключеніе Михаиль Осиповичъ пѣлъ: „Былъ вѣрно пьянъ мосье Вивьенъ“. Онъ также отлично читалъ наизусть „Маюра“ Федотова, „Гросъ-Фатера“ и „Сенсаціи госпожи Курдюковой“ Мятлева. „Сенсації“ онъ читалъ такъ хорошо, что какая-то важная особа сказала ему: „вы примирили меня съ Мятлевымъ“. О своей акушерской дѣятельности (Вивьенъ былъ полицейскимъ врачомъ) онъ говорилъ, что другіе врачи отправляютъ людей на тотъ свѣтъ, онъ же—на этотъ. На маскарадѣ къ Д. П. Боткину Михаиль Осиповичъ явился разъ въ костюмѣ яко бы баши-бузука: въ красной фескѣ, съ ятаганомъ за поясомъ. Къ намъ на вечеръ онъ пріѣхалъ въ домино и въ кошачьей маскѣ, причемъ такъ мяукаль и фыркалъ, какъ настоящая кошка. Однажды въ Парижѣ въ театрѣ Вивьенъ сидѣлъ въ креслахъ; къ нему стала обращаться съ вопросами на Англійскомъ языкѣ сидѣвшій съ нимъ рядомъ Англичанинъ, на что Вивьенъ все время отвѣчалъ: „oh yes!“ Должно быть на послѣдній вопросъ Михаиль Осиповичъ отвѣтилъ невпопадъ, потому что Англичанинъ разсерженнымъ тономъ спросилъ: „mais, monsieur, parlez vous anglais?“

Вивьенъ одинъ разъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку и останавливался у насть въ лавкѣ. На ярмаркѣ онъ ходилъ въ красной фескѣ. Проходя какъ-то ночью мимо трактира Бубнова, гдѣ на балконѣ сидѣли

арфистки, Вивьенъ вдругъ громко запѣлъ: „Привѣтъ тебѣ, пріють родимый!“ О некрасивыхъ лицахъ Михаилъ Осиповичъ говорилъ: „у него или у нея лицо рылотивное“. Про одну монахиню онъ выразился такъ: „была монашенка, а стала мамашенькой“.

Вивьенъ уже подъ конецъ своей жизни женился на Мулаткѣ, съ острова св. Фомы. Свадьба состоялась у него на квартирѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ. Вѣнчаль пасторъ Дикгоффъ. Вивьенъ былъ Католикъ, а Мулатка—Лютеранка. На свадьбѣ присутствовало очень мало приглашенныхъ: Московскій виноторговецъ Александръ Ивановичъ Арабажи, мой братъ Дмитрій, я, да еще кто-то. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ. Вивьенъ называлъ свою жену „Арабишъ-фантазія“ и лѣтомъ жилъ съ ней на дачѣ въ Перервѣ. Однажды я съ братомъ Дмитріемъ навѣстили молодыхъ въ Перервѣ. Михаилъ Осиповичъ шутилъ со своей Мулаткой и расчесывалъ ей курчавые жесткіе волосы щеткой изъ желѣзной проволоки, въ родѣ скребницы, какой чистятъ лошадей. Впослѣдствіи, безъ вѣдома Михаила Осиповича, Мулатка открыла въ Москвѣ прачечное заведеніе подъ вывеской: „Прачечная госпожи Вивьенъ“. Михаилъ Осиповичъ распорядился снять эту вывеску. Въ 1887 году М. О. Вивьенъ захворалъ и умеръ. Мой братъ и я были на отпѣваніи въ костелѣ, что въ Милитинскомъ переулкѣ¹⁾.

Насколько много было естественного въ Вивьенѣ, настолько много напускного въ Константина Августиновича Тарновскаго. Старикъ высокаго роста, полный, совершенно лысый, съ остроконечной бородкой, всегда болѣе или менѣе эксцентрично одѣтый, въ широкихъ брюкахъ, которыхъ книзу суживались, Константина Августиновича напоминалъ Французскаго отставнаго военнаго временъ Наполеона III. Если Тарновскій не могъ кого переспорить, то во всякомъ случаѣ могъ перекричать²⁾. Константину Августиновичу, порядкомъ вравшему,

¹⁾ У М. О. Вивьена было два брата: архитекторъ (Эдуардъ) и пьянистъ. Племянникъ Михаила Осиповича дирижировалъ оркестромъ у Лентовскаго въ Эрмитажѣ. На Воздвиженкѣ находилась библиотека Вивьена, принадлежавшая другому племяннику Михаила Осиповича. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ Михаилъ Осиповичъ имѣлъ свои дачи, но онѣ были заложены. Въ своей квартирѣ на Цвѣтномъ бульварѣ Вивьенъ сдавалъ внаемъ комнату клоунамъ изъ цирка Соломонскаго.

²⁾ К. А. Тарновскій былъ другомъ дома въ семьѣ графа А. А. Закревскаго. Маркевичъ изобразилъ Константина Августиновича въ своемъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“. Какъ графиня Аграфена Федоровна, такъ и ея дочь Лидія Арсеньевна Закревская не отличались цѣломудріемъ. Лидія Арсеньевна была красива, нѣсколько полная блондинка съ голубыми глазами. (Мнѣ пришлось видѣть ее въ Ліонѣ, уже старушкой). Пикулинъ разсказывалъ, что Лидія Арсеньевна понравился молодой, красивый часовщикъ, приходившій заводить часы въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Полураздѣтая, лежа на постели, она ожидала прихода часовщика. Но вмѣсто молодого, красиваго пришелъ уродливый старикъ. Отъ Пикулина же я слышалъ, что актера Самарина, отличавшагося въ молодости красотой, возили къ Лидіи Арсеньевнѣ.

мой отецъ говоривъ: „если и четверть того, чѣдѣ вы разсказываете, правда,—и то хорошо“ . Вивьенъ называлъ Константина Августиновича „Konstantin“ и „Паномъ Твардовскимъ“. Тарновскій говорилъ Вивьену: „ты изъ вѣры вышелъ“, на что послѣдній отвѣчалъ: „ошибаешься, мою мать вовсе не звали Вѣрой“.

Александръ Александровичъ Козловъ рассказывалъ много забавнаго о своей службѣ въ Петербургѣ. Такъ, когда онъ былъ тамъ градона-чальникомъ, однажды ему донесли, что на Васильевскомъ островѣ, у одной купчихи-вдовы бываютъ студенческія сходки. Козловъ вызвалъ къ себѣ эту купчиху и прикрикнулъ было на нее за то, что у нея собираются сходки: „Какія, батюшка, сходки! завопила смущенная купчиха: студенты—это мои „пѣтушки“ . И дѣйствительно оказалось, что вдова только прикармливала студентовъ.

П. В. Шумахеръ любилъ проводить время въ нашей семье. Без-подобный рассказчикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, онъ бывалъ всегда желаннымъ гостемъ. П. В. Шумахеръ былъ очень начитанъ; знать въ совершенствѣ Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки, на которыхъ даже сочинялъ стихи; свободно читалъ Малороссійскія, Польскія и Итальянскія книги. Пользуясь книгами моего собранія, Шумахеръ при чтеніи дѣлали карандашемъ на поляхъ книги замѣтки, которые всегда были интересны и часто остроумны. Навѣщалъ и я Шумахера зимой, когда онъ жилъ у Н. Х. Кетчера, потомъ у Пер-фильевыхъ на Тверской, въ губернаторскомъ домѣ, затѣмъ въ Странно-пріимномъ домѣ графа Шереметева, у Сухаревой башни; лѣтомъ навѣщалъ его въ „Забытой усадьбѣ“, въ Спасскомъ, близъ Нового Іерусалима и въ Кусковѣ, въ „Голландскомъ домикѣ“.

У Н. Х. Кетчера Шумахеру не жилось. Недаромъ актеръ Вильде сказалъ Петру Васильевичу относительно его жития у Кетчера:

„Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ;
Не слѣдѣ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ“.

Съ Василіемъ Степановичемъ*) и Прасковьей Федоровной Пер-

*) В. С. Перфильеву по дѣламъ службы часто приходилосьѣздить по уѣздамъ Московской губерніи. Въ Верѣ, въ домѣ одного старообрядца, гдѣ ему была отведена квартира, на стѣнѣ висѣлъ въ золоченой рамѣ написанный уставомъ листъ слѣдующаго содержанія:

„Аристотель книга говоритъ тако:

- В. Что лучше злата?
- О. Яхонть.
- В. Что лучше яхонта?
- О. Добродѣтель.
- В. Что лучше добродѣтели?
- О. Богъ.

фильевыми Шумахеръ очень сошелся, въ особенности съ послѣдней. Но и у нихъ онъ не былъ увѣренъ, что можетъ спокойно провести остатокъ своей жизни, ибо квартира, занимаемая ими, была казенная; возможно было и перемѣщеніе по службѣ Василія Степановича куданибудь въ Москву; наконецъ, могли Перфильевы и умереть. Поэтому Шумахеръ чрезвычайно обрадовался, когда, благодаря графу Сергию Дмитріевичу Шереметеву, онъ могъ не только перѣѣхать въ Страннопріимный домъ, но и поселиться тамъ въ отдѣльной комнатѣ, а не въ одной изъ общихъ палатъ для призрѣваемыхъ, и имѣть отдѣльный столъ.

„Забытая усадьба“, гдѣ Шумахеръ прожилъ одно лѣто до поздней осени, была дѣйствительно забытая, ибо въ ней не жило ни души, и все было запущено: барскій домъ, службы и паркъ. Въ этой усадьбѣ все было предоставлено въ полное распоряженіе Петра Васильевича. Близъ усадьбы находилось имѣніе глазного врача Алексія Николаевича Маклакова Дергайково. Шумахеръ въ усадьбѣ жилъ анахоретомъ: самъ готовилъ себѣ пищу; только иногда заглядывалъ къ нему староста Андрей Ивановъ, который єздилъ въ Москву, при чемъ исполнялъ порученія Петра Васильевича. Крестьяне приносили Шумахеру курь, цыплятъ, молоко, масло, яйца, ягоды, грибы. Въ барскомъ домѣ нашлась небольшая библиотека, состоявшая изъ старинныхъ книгъ, разборомъ коихъ занялся Петръ Васильевичъ.

Перѣѣхавъ въ Страннопріимный домъ, Шумахеръ сталъ жить лѣтомъ въ Кусковѣ, гдѣ по распоряженію графа С. Д. Шереметева,

- В. Что лучше Бога?
- О. Ничто.
- В. Что злѣе тигра?
- О. Аспидъ.
- В. Что злѣе аспида?
- О. Демонъ.
- В. Что злѣе Демона?
- О. Злая жена.
- В. Что злѣе Демона?
- О. Ничто.

Аще бы было все небо—бумага, всѣ моря—чернила, всѣ звѣзды—перья, всѣ ангелы—писцы, то и тогда не могли бы женского лукавства описать“.

В. С. Перфильевъ былъ пріятелемъ генераль-адъютанта Черевина, съ которымъ бывалъ въ разныхъ ресторанахъ. Между прочимъ Черевинъ присыпалъ Василію Степановичу прѣскруантъ новооткрывшагося въ Петербургѣ трактира, въ родѣ Тѣстова въ Москвѣ. Въ этомъ прѣскруантѣ тминная водка была переведена по французски: „Eau de vie de Tmin“; здѣшняя—„d'ici“, бѣлая померанцевая—„de Pomeranie blanche“.

У Прасковы Федоровны въ квартирѣ имѣлся, можно сказать, маленький звѣринецъ; между прочимъ были бѣлый какаду и обезьяна мартышка, которую звали Яшкой; эта Яшка много проказничала.

ему отдали „Голландскій домикъ“; завтракъ и обѣдъ Шумахеръ получалъ отъ управляющаго Кусковымъ, главнаго садовника, Нѣмца Пича.

Шумахеръ по временамъ страдалъ отъ подагры, почему И. С. Тургеневъ называлъ его своимъ коллегой по литературѣ и подагрѣ. Разъ Шумахеру пришла въ голову странная мысль: вымораживать подагру изъ своей ноги. Онъ поѣхалъ на извозчикѣ въ сильный морозъ, надѣвъ на болѣзней ногу лишь одинъ нитяный чулокъ. Лѣчилъ онъ свою ногу и копытной мазью Иванова. Универсальнымъ же средствомъ почти отъ всѣхъ болѣзней была у Шумахера баня. Живя въ Спасскомъ, онъ єздилъ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ мылся въ банѣ у настоятеля монастыря и гдѣ такъ сильно парился, что разъ паромъ вышибло оконную раму, и служка чуть не вылетѣла изъ парильни. Въ Москвѣ Шумахеръ посѣщалъ Сандуновскія бани, куда отправлялся на весь день и гдѣ долго мылся и сильно парился. На полкѣ Шумахеръ обыкновенно выпивалъ бытулку ледяного квасу прямо изъ горлышка. Парили его два банныхъ. Потомъ Петръ Васильевичъ спалъ нѣсколько часовъ въ раздѣвальной. У себя въ комнатѣ Шумахеръ клалъ подъ голову сухой банный вѣникъ, когда отдыхалъ на диванѣ. Шумахеръ воспѣлъ въ стихахъ и подагру, и баню. Въ комнатѣ у него всегда была чистота и все прибрано; во всемъ онъ былъ аккуратенъ. Зимой Шумахеръ любилъ заходить въ кондитерскую Сіу на Тверской, гдѣ пилъ шоколадъ и єлъ пирожки съ яблоками (*rommes en chemises*), и гдѣ надѣй большой, тучной его фигурой, во время его єды, барышни-продавщицы подсмѣшивались, переглядываясь между собой. Пить и єсть Шумахеръ могъ много. Случалось, что въ одинъ вечеръ онъ выпивалъ до девяти бутылокъ Бургонскаго и не быть пьянъ, а напротивъ—дѣлался краснорѣчивѣ. Если ставили передъ Петромъ Васильевичемъ бутылку съ коньякомъ, или шартрезомъ, или съ другимъ какимъ-нибудь крѣпкимъ напиткомъ, то онъ считалъ невѣжливымъ оставлять бутылку невыпитою. Когда Шкоттъ говорилъ Шумахеру: „вы пьяница“, тотъ отвѣчалъ: „отъ пьяницы слышу“. Блиновъ Шумахеръ съѣдалъ изрядное количество и єлъ ихъ, разрывая пальцами, находя, что таѣ они вкуснѣе. Курилъ онъ и папиросы, и сигары, но предпочиталъ курить табакъ въ трубочкѣ*).

*) У Шумахера видѣлъ я транспарантъ съ печатной надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ“ такой-то. Шумахеръ рассказывалъ, что въ молодости Грейгъ, будущий министръ финансовъ, служилъ подъ его, Шумахера, начальствомъ, въ какомъ-то департаментѣ, и чинилъ ему гусиные перья (стальныхъ перьевъ тогда еще не употребляли). „Мажеть“, говорилъ Шумахеръ Грейгу, и бросалъ перо, и Грейгъ опять принимался чинить, пока не удовлетворялъ Шумахера.

Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, женатый на известной благотворительницѣ, кавалерственной дамѣ, Александрѣ Николаевнѣ *) былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, деликатный, пріятный собесѣдникъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, Степанъ Степановичъ любилъ хорошо покушать, и выпить и поиграть въ карты.

П. Д. Переvoщиковъ былъ сынъ известнаго астронома, а А. Я. Верлень, очень дальний маклеръ, черезъ котораго отецъ покупалъ миткаль.

Всѣ вышенназванныя лица были болѣе или менѣе постоянными посѣтителями нашихъ Четверговъ. Бывали также у насъ, а скоро приходили ко мнѣ, цензоръ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Дмитрій Васильевичъ Каншинъ и Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ.

М. Н. Ремезовъ, большой труженикъ, по окончаніи службы въ цензурѣ, сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ журналѣ „Русская Мысль“, въ которомъ занимались переводами его жена и дочь. Сынъ Митрофана Ниловича, полковникъ, въ настоящее время командиръ Самогитскаго полка.

Д. В. Каншинъ устроитель дешевыхъ столовыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ его столовой на Никитскомъ бульварѣ, теперь уже не существующей, Дмитрій Васильевичъ угостилъ разъ П. В. Шумахера и меня вкуснымъ обѣдомъ.

Археологъ Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ занималъ должность хранителя Московской Оружейной Палаты и хранителя христіанскихъ и Русскихъ древностей при Румянцевскомъ Музѣѣ. Будучи студентомъ, Юрій Дмитріевичъ описалъ собраніе старинныхъ вещей Карабанова, въ которомъ было много поддѣлокъ, чего тогда онъ еще не вѣдалъ. Карабановское собраніе было пріобрѣтено Погодинымъ, а отъ него куплено для Московской Оружейной Палаты. Юрій Дмитріевичъ былъ человѣкъ прямой: занимаясь въ Оружейной Палатѣ, онъ, не стѣсняясь дворцовой прислуги, вслухъ ругалъ своего непосредственнаго начальника, называя его солдатомъ и дуракомъ. Когда К. Т. Солдатенковъ отказался дать деньги на какое-то научное изданіе, то Филимоновъ ему въ лицо сказалъ: „вы не Козьма Медичи, а какой-нибудь Козьма-кучеръ“. Иногда Юрія Дмитріевича можно было застать въ гардеробной Румянцевскаго Музея, гдѣ, сидя въ вицѣ-мундирѣ со звѣздой, онъ курилъ папиросы и бесѣдовалъ со швейцарами-солдатами. Какъ археологъ, Юрій Дмитріевичъ былъ весьма опытный, и у него можно было многому научиться по части археологии. Съ Юріемъ Дмитріеви-

*) А. Н. Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась въ 1821 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за С. С. Стрекалова; умерла въ 1904 году.

чемъ я разбиралъ старинныя ткани и шитье въ складѣ Оружейной Палаты. Жиль Филимоновъ въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ домикѣ рядомъ съ гауптвахтой. Въ 1898 году 26 Мая Юрій Дмитріевич умеръ въ Сухумѣ.

Въ 1882 году я сдѣлался членомъ Московскаго Англійскаго клуба*), гдѣ уже состояли членами мой отецъ и братъ Николай, и сталъ бывать тамъ на Субботнихъ обѣдахъ.

Между членами клуба было много военныхъ генераловъ: Манзей (старшина), Дукмасовъ, Бискупскій, А. А. Козловъ, графъ Олсуфьевъ, князь М. М. Голицынъ, графъ В. Ф. Келлеръ и другіе. Въ клубѣ же познакомился я съ адмираломъ Асланбековымъ и съ капитаномъ 1-го ранга Калагерасомъ, командиромъ клипера „Наѣздникъ“. На этомъ клиперѣ совершилъ кругосвѣтное плаваніе сынъ Петра Ивановича Бартенева, знакомый мнѣ Иванъ Петровичъ.

*) Московскій Англійскій клубъ—старѣйшій изъ Московскихъ клубовъ, вслѣдствіе того, что во время пожара 1812 года лишился всего своего архива, не знаетъ ни дня, ни года своего основанія. Въ напечатанномъ мною документѣ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музѣѣ П. И. Щукина“, М. 1898, 5-я часть, стр. 227) „Определеніе Московской Полиціймейстерской Канцеляріи, 6 Іюня 1772 года“ сказано, что Англійскій клубъ содержали въ этомъ году Французы Петръ Павловъ Тюлье и Леопольдъ Годенъ въ Красномъ Селѣ, въ домѣ графа Карла Ефимовича Сиверса. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Каменного приказа, упоминается въ Нѣмецкой слободѣ, въ Посланниковской улицѣ, въ домѣ Годена, „Англійскій Клубъ“. Въ третьямъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1783-й годъ тоже упоминается Англійскій Клубъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ „Копіи съ дѣла о переводѣ Моск. Англійскаго клуба въ домъ князя Ю. В. Долгорукова, 1790 года“ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музѣѣ П. И. Щукина“, М. 1901, 8-я часть, стр. 427) приведенъ весь уставъ Англійскаго клуба того времени. Въ 1793 году Англійскій клубъ помѣщался въ домѣ княгини Черкасской, между Никольскими и Ильинскими воротами. Слѣдовательно столѣтіе его существованія давно уже миновало. Въ 1802 году Англійскій клубъ былъ открытъ на Петровкѣ, въ домѣ князя Гагарина. (Въ этомъ домѣ теперь помѣщается Ново-Екатерининская больница). Съ Петровки клубъ перешелъ на Большую Дмитровку, въ домѣ Муравьевъ (впослѣдствіи Лицей Каткова, затѣмъ „Салонъ де Варьетэ“), а оттуда на Тверскую, въ домѣ графа Разумовскаго (прежде домѣ писателя Хераскова), гдѣ онъ находится и теперь. Изъ всего вышесказанного видно, что Московскій Англійскій клубъ часто менѣялъ свое помѣщеніе. Въ пятой же части моего „Сборника стар. бумагъ“ (стр. 228) напечатано заявленіе 19-ти членовъ Англійскаго клуба къ старшинамъ этого клуба: „обратиться съ просьбою къ Московскому Военному генерал-губернатору графу Закревскому, дабы онъ исходатайствовалъ оному клубу Всемилостивѣшее разрѣшеніе не называться долгѣ Англійскимъ Клубомъ, а Московскимъ Собраниемъ“. У меня имѣются: одинъ билетъ Англійскаго клуба, выданный на 1818-й годъ Николаю Ивановичу Тургеневу, и два билета того же клуба 1826 и 1827 г., подписанные старшиной-Англичаниномъ „Thomas Pickersgill“. На всѣхъ этихъ билетахъ въ орнаментальныхъ рамкахъ напечатано: „Знакъ для входа въ Английское Собрание“, на такой-то годъ.

Въ Англійскомъ клубѣ были старики-члены, которые обижались, если кто нибудь садился, даже по незнанію, на кресла, на которыхъ они привыкли сидѣть много лѣтъ. Членъ Иванъ Васильевичъ Чижовъ, напоминавшій Фальстафа въ „Вивзорскихъ Кумушкахъ“, пилъ много Шампанского, которое въ видѣ пота выходило у него изъ безволосой головы. Старикъ Михаилъ Михайловичъ Похвисневъ, пріятель С. С. Стрекалова, по Субботамъ нарочно садился на краю обѣденного стола, съ котораго начинаютъ обносить кушанье и, любя мороженое, сваливалъ себѣ на тарелку громадную порцію, а пуншъ-гласе бралъ пять-шесть бокаловъ. Столѣтній Геннадій Владимировичъ Грудневъ, состоявшій на государственной службѣ уже въ 1812 году, ъль съ большимъ аппетитомъ. Когда офиціантъ спрашивалъ его: „супъ или щи?“ Геннадій Владимировичъ отвѣчалъ: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ; давай щей“. Отставной гвардіи полковникъ Казаковъ, имени котораго пріютъ для дворянъ находится на Поварской, несмотря на то, что бытъ слѣпъ, прѣзжалъ на Субботніе обѣды. За стуломъ Казакова всегда стоялъ его слуга и накладывалъ ему на тарелку кушанья; Казаковъ же самъ, безъ посторонней помощи, рѣзалъ и ъль. Князь П. В., которому дома, вслѣдствіе запрещенія врача, не давали ни водки, ни закуски, забѣжалъ въ Англійскій клубъ, чтобы наскоро выпить рюмку водки и закусить, послѣ чего отправлялся домой обѣдать. Богатый, но скучой В. И. Я. пилъ только яблочный квасъ, а вино лишь тогда, когда его угощали. Разъ только, по случаю какого-то радостнаго события въ его семье, онъ разошелся и спросилъ бутылку Донского, которымъ сталъ угощать своихъ знакомыхъ. При этомъ мой отецъ иронически замѣтилъ ему, что „мы не казаки и по случаю такой семейной радости слѣдовало бы выпить настоящаго Шампанского“. Анатолій Васильевичъ Каншинъ, съ черной шелковой повязкой на одномъ глазу, извѣстный любитель Цыганъ, носившій прозвище „Цыганского Каншина“, со своимъ пріятелемъ Николаемъ Николаевичемъ Дмитріевымъ пили исключи-тельно дорогія вина. Дмитріевъ съ пренебреженіемъ относился къ членамъ клуба, которые играли въ карты по небольшой ставкѣ; „перехватить съ нихъ какую-нибудь сотню рублей“, говоривалъ онъ, „не стоитъ и мараться“. Когда Дмитріевъ проходилъ мимо хора пѣвицъ, пѣвшихъ иногда въ клубѣ, то всегда съ презрѣніемъ показывалъ имъ языки.

Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ тоже посѣщалъ Англійскій клубъ, гдѣ игралъ на билліардѣ съ маркеромъ, или слушалъ Русскій хоръ А. З. Ивановой *).

*) Князь В. А. Долгоруковъ всегда присутствовалъ на предводительскихъ балахъ. На одинъ изъ этихъ баловъ явился молодой человѣкъ въ красномъ фракѣ, что не по-

Иногда я ходилъ съ отцомъ по Вторникамъ обѣдать въ Купеческій клубъ. Въ то время однимъ изъ членовъ, этого клуба былъ товарищъ прокурора Московскаго окружного суда графъ Алексѣй Павловичъ Барановъ, женатый на танцовщицѣ Петербургскаго балета, красивой А. Ф. Веригиной. Графъ Барановъ любилъ острить. Напримѣръ, увидавъ одного своего знакомаго въ шляпѣ съ очень большими полями, онъ сказалъ ему: „вы напоминаете мнѣ Кочубея: „его поля необозримы““. Однажды графъ хотѣлъ сѣсть въ купѣ вагона желѣзной дороги, но былъ остановленъ кондукторомъ, заявившимъ ему, что купѣ занято однимъ извѣстнымъ миллионеромъ (Ереемъ); графъ отвѣтилъ: „я не брезгливъ“. Когда графъ встрѣчалъ въ клубѣ Семена Ивановича Лямину, одѣвавшагося довольно эксцентрично, то начиналъ напѣвать на мотивъ „Венеціанскаго Карнавала“: „Се-менъ И-ванычъ Ля-минъ“.....

Малый театръ находился еще въ апогей своей славы. Въ „Свадьбѣ Кречинскаго“ отличались Шумскій и Провъ Михайловичъ Садовскій; въ „Заколдованнымъ принцѣ“ былъ безподобенъ Разсказовъ; прекрасно исполнялъ роль Француза-гувернера въ пьесѣ „Гувернеръ“—Петровъ, а въ „Ямщикахъ“—старосту старика Степановъ¹). Никто не игралъ такъ хорошо свахъ и купчихъ какъ Акимова, а чиновниковъ и лакеевъ—Никифоровъ²). Даже незначительныя роли исполнялись мастерски. Помню, въ одномъ водевилѣ Живокини вынималъ изъ своего кармана дырявый носовой платокъ и, обращаясь къ публикѣ, говорилъ: „у меня такихъ съ полдюжины“. Въ другомъ водевилѣ участвовали на сценѣ музыканты, которымъ Живокини долженъ былъ раздавать ноты; но нотъ была всего одна тетрадка; Живокини рвалъ тетрадку на клочки, и эти клочки раздавалъ музыкантамъ.

нравилось князю, и полиція попросила красный фракъ удалиться съ бала. На балахъ у князя В. А. Долгорукова въ генераль-губернаторскомъ домѣ ужинъ подавали поздно, когда большая часть гостей уже разѣдется. Князь спрашивалъ нѣсколько разъ во время бала: сколько остается гостей? И когда находилъ, что уѣхало достаточно, то приказывалъ подавать ужинъ. Одна изъ первыхъ красавицъ, фигурировавшая на тогдашнихъ балахъ, была Марья Семеновна Пустовалова.

¹) Въ прежнее время Степановъ, игравшій въ „Горе отъ ума“ князя Тугоуховскаго, копировалъ извѣстнаго князя Гагарина, который показывался на всѣхъ Московскихъ гуляньяхъ въ коричневомъ фракѣ и со звѣздой. Часто можно было видѣть князя верхомъ, во фракѣ и со звѣздой. Въ „Горе отъ ума“ Степановъ сдѣлалъ самъ себѣ парикъ изъ лисьего мѣха и надѣлъ звѣзду, снятую съ военного чепрака (носить на сценѣ настоящую запрещали). Относительно разныхъ театральныхъ запрещеній тогда и на Западѣ было не лучше, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, въ Австріи запрещали Мефистофелю надѣвать красное трико, потому что красные штаны носили Австрійскіе генералы. Въ Римѣ, во время папъ, балетныя танцовщицы должны были носить трико зеленаго цвѣта.

²) Никифоровъ былъ мастеръ приготовлять столовую горчицу, которую дарила пріятелямъ.

Въ Большомъ театрѣ еще давались маскарады, для чего сцену соединяли съ зрительнымъ заломъ. Въ одномъ изъ этихъ маскарадовъ оказался пьяный господинъ; блюститель порядка, приставъ, увидавъ его, строго обратился къ нему со словами: „я велю васъ сейчасъ вывести“. Пьяный, и безъ того искашій тщетно выхода изъ театра, съ радостью воскликнулъ: „сдѣлайте милость, буду вамъ очень благодаренъ“.

Въ былое время верхній и нижній Прѣсненскіе пруды соединялись между собою туннелемъ, находившимся подъ Прѣсненскимъ мостомъ. Въ нижнемъ саду былъ выстроенъ театръ, гдѣ Новиковъ содержалъ Русскую оперу. У Новикова пѣла Кадмина, впослѣдствіи кончившая жизнь самоубийствомъ. И. С. Тургеневъ, въ своей повѣsti „Клара Миличъ“, изобразилъ Кадмину. На открытой сценѣ въ нижнемъ Прѣсненскомъ саду давались разнообразныя представленія и пѣли Француженки.

Въ настоящее время восхищаются постановками піесъ Московского Художественного театра. Въ 80-хъ годахъ, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Москву прѣѣзжала Мейнингенская труппа, отличавшаяся такъ же, какъ и Художественный театръ, отсутствиемъ выдающихся актеровъ и актрисъ, но зато замѣчательная по сценическимъ постановкамъ. Въ послѣднемъ отношеніи Мейнингенцы пожалуй даже превзошли Художественный театръ. Напримѣръ, въ драматической трилогіи Шиллера „Лагерь Валленштейна“, „Пиколомини“ и „Смерть Валленштейна“ декораціи, костюмы, мебель, вся обстановка, до послѣдняго стакана, были археологически вѣрны, чего нельзя сказать о Художественномъ театрѣ, гдѣ напримѣръ, тоже въ драматической трилогіи графа Алексія Толстого „Смерть Иоанна Грознаго“, „Царь Федоръ Иоанновичъ“ и „Борисъ Годуновъ“ замѣчались нѣкоторые недочеты: на боярыняхъ сарафаны были сшиты изъ Русскихъ матерій конца XVII и начала XIX в., а на боярахъ одежда, вместо того чтобы быть сдѣлана изъ восточной или западной фасонной бархатной парчи XVI и XVII в., была изъ манчестера, аляповато расписанного красками; что касается до декорацій, то ихъ иногда ставили слишкомъ близко къ рампѣ, такъ что невольно бросалась въ глаза ихъ грубая техника.

Въ 80-хъ же годахъ въ Соловьевниковскомъ пассажѣ былъ театръ, въ которомъ процвѣтала Французская оперетка.

Лѣтомъ 1883 года Московскую публику весьма привлекали скороходы, бѣгавшіе въ саду „Эрмитажъ“ у Лентовскаго. Во время бѣга у одного скорохода лопнули штаны, такъ что было видно голое тѣло. Бѣгали также и женщины; при этомъ изъ толпы слышались громкія

замѣчанія: „понатужься, блондинка!“ и т. п. Ахенбахъ заставлялъ на бульварахъ мальчишекъ бѣгать въ перегонку за деньги. Въ Нижегородской ярмаркѣ (на мѣстѣ, где бываютъ скачки) Русскій газетчикъ перегналъ скорохода мистера Кинга.

Въ одинъ прекрасный день поѣхалъ я съ К. А. Тарновскимъ по Рязанской желѣзной дорогѣ къ инженеру Николаю Ивановичу Ильину, въ имѣніе Быково, раньше принадлежавшее графу Воронцову-Дашкову. Быково было продано Ильину всего за 125 тысячъ рублей. Въ барскомъ каменномъ домѣ было все оставлено: мебель, бронза, фарфоръ, библиотека и даже фамильные портреты и вина. Передъ обѣдомъ мы вдвоемъ съ Тарновскимъ ходили въ отлично устроенный винный подвалъ, где выбирали къ обѣду хорошаго рейнвейна. Въ библиотекѣ оказалось собраніе рѣдкихъ Англійскихъ каррикатуръ.

Въ 1882 году моя сестра Ольга вышла замужъ за Александра Ивановича Іоста, который управлялъ имѣніями А. А. Фета *), а потомъ имѣніями Боткиныхъ. Однажды навѣстилъ я Фетовъ въ ихъ имѣніи Воробьевѣ. Они жили въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; при домѣ былъ прекрасный вѣковой паркъ, въ которомъ протекала рѣчка Тускарь. Въ Воробьевѣ на открытомъ воздухѣ созревали отличные персики-венусы, а Фетовскій поваръ приготовлялъ вкусную яблочную пастилу. Единственное неудобство было страшное количество мухъ, какого я нигдѣ не видывалъ: мухи летали цѣлыми роями по комнатамъ и отъ нихъ чернѣли бѣлые скатерти на столахъ; поэтому во время чая, завтрака или обѣда деревенскіе мальчики стояли у стола и махали большими вѣтками.

Въ Воробьевѣ встрѣтилъ я философа Владимира Сергеевича Соловьева, гостившаго у Фетовъ, и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Москву. Изъ Воробьевки же А. А. Фетъ прислалъ моей сестрѣ Ольгѣ слѣдующее стихотвореніе:

Спасибо вамъ, мы вспоминаемъ
Вашъ рѣзкий смѣхъ, съ умомъ живымъ.
Безъ васъ и Май бы не былъ Маень
И старый паркъ бы быть инымъ.
И не перила лишь пестрили
Вы разноцвѣтной чередой,
А всю весну для насы увили
Вы лентой изѣжно-голубой.

*) А. А. Фетъ владѣлъ тремя имѣніями: Воробьевкой (Курскої губерніи, Щигровскаго уѣзда), Ольховаткой (той же губерніи и того же уѣзда) и Грайворонкой (Воронежской губерніи, Землинскаго уѣзда). По смерти А. А. и М. П. Фетовъ Ольховатка и Грайворонка перешли къ ихъ племянницѣ Ольгѣ Васильевнѣ Галаховой, а Воробьевка къ племянникамъ Петру Дмитріевичу и Сергею Дмитріевичу Боткинымъ.

Не только мы, и чай „Колдунья“
 Не разъ вздохнетъ подъ сѣдовомъ:
 Зачѣмъ на мнѣ не та летунья,
 А этотъ неподъемный комъ.
 Adieu! счастливо оставаться.
 Іоньскій зной у насть насталъ,
 И хоть и лѣнъ за дѣло взяться,
 Но Gartenlaube къ вамъ послать.

Въ 1883 году мой отецъ вмѣстѣ съ моей сестрой Ольгой купили у Василія Ивановича Лужина, сына бывшаго Московскаго оберь-полиціймейстера, имѣніе Безсоновку, находящееся въ Курской губернії, Бѣлгородскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ железнодорожной станціи „Веселая Лопань“. Вмѣстѣ съ А. И. Гостомъѣ вѣздили я совершать купчую въ Курскъ. Тамъ мы остановились въ лучшей гостинице Монтрезора. Какъ большая часть Русскихъ гостинницъ, такъ и эта оказалась довольно грязноватой. Въ Курскѣ на главной площади смотрѣли мы Русскаго Блондена, ходившаго по канату, натянутому попрекъ площади на значительной высотѣ.

Въ Безсоновкѣ находились барскій домъ съ садомъ, съ небольшимъ прудомъ, со службами, амбарами и скотнымъ и штичымъ дворами. Какъ въ Малороссіи, бѣлѣли мазанкисосѣдняго села. Мѣстность вокругъ Безсоновки преимущественно степная, черноземная; кое-гдѣ сохранились еще небольшіе дубовые лѣса. Ближайшее отъ Безсоновки имѣніе принадлежало генералу Озерову. Въ 12-ти верстахъ находилось имѣніе поэта К. К. Случевскаго, а въ 18-ти верстахъ слобода Борисовка, нѣкогда принадлежавшая фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Теперь Борисовка принадлежитъ графу А. Д. Шереметеву*). Осеню изъ Борисовки тянулись мимо Безсоновки воза съ яблоками. Барскій домъ въ Безсоновкѣ былъ купленъ у Лужина вмѣстѣ съ мебелью; между прочимъ тамъ находились два большихъ масляныхъ портрета: одинъ императора Петра Великаго (копія съ Натѣ), а другой—Николая I, подаренный самимъ императоромъ оберь-полиціймейстеру Лужину. Эти портреты сестра подарила мнѣ. Въ Безсоновкѣ бываль я нескользко разъ, а также въ Бѣлгородѣ, гдѣ мы съ Александромъ Ивановичемъ останавливались въ грязныхъ номерахъ Шепелева. Въ Бѣлгородѣ сдѣлалъ я съ А. И. Гостомъ визитъ семейству Слатиныхъ, въ которомъ были двѣ взрослыя дочери; одна изъ нихъ, болѣе красивая, вышла потомъ замужъ за Москвича Владимира Владимировича Коншина. Сдѣлали мы также визитъ предсѣдателю Бѣлгородской земской управы

*) Во время беспорядковъ 1905—1906 гг. Борисовка была разграблена и вся усадьба сожжена. Погибъ въ огнѣ и домикъ Петра Великаго.

Говорухѣ-Отроку, очень почтенному старику. Въ Бѣлгородѣ же мы ходили въ клубъ, гдѣ ѿли бекасовъ и пили Шампанское. Въ клубѣ я познакомился съ Бѣлгородскимъ уѣзднымъ исправникомъ Павломъ Александровичемъ Сивохинымъ и съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами, батареи коихъ стояли въ Бѣлгородѣ.

Въ Безсоновкѣ Гости жили въ то время только наѣздоръ, большую же часть года они проводили въ Новотаволжанкѣ (тоже Бѣлгородского уѣзда), гдѣ на берегу Сѣвернаго Донца находится свеклосахарный заводъ Боткиныхъ. Не разъ гащиваль я у Гостовъ и въ Новотаволжанкѣ. Напротивъ Новотаволжанки находилось имѣніе графа Гендрикова „Напрасное“, съ барскимъ домомъ и громаднымъ паркомъ. Изъ Новотаволжанки ъздила я съ Александромъ Ивановичемъ въ ближайшій городъ Волчанска и въ нѣкоторыя имѣнія: въ Шебекино, принадлежавшее генералу Ребиндеру, гдѣ тоже былъ свеклосахарный заводъ и гдѣ имѣніемъ управлялъ извѣстный мѣстный дѣятель Краинскій; въ Графское, имѣніе одного изъ графовъ Гендриковыхъ, съ барскимъ домомъ, конскимъ заводомъ и вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ; въ Тихій Хуторъ, купленный Д. П. Боткинымъ, съ прекраснымъ барскимъ домомъ на берегу рѣки Волчей и съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности *).

Въ сырую погоду ъздили мы, гдѣ возможно, песками, а гдѣ приходилось ъхать черноземомъ,—колеса экипажа сильно вязли и ъхали съ трудомъ. Разъ поздней осенью, когда уже стемнѣло мы сбились съ дороги; пришлось зажечь фонарь и искать дорогу, которая оказалась перекопанной; въ концѣ концовъ прїѣхали къ какой-то помѣщицѣ, гдѣ были очень радушно приняты.

Ѣздила я съ Александромъ Ивановичемъ также на свекловичныя плантаціи и смотрѣль, какъ бабы выкапываютъ свеклу. Близъ одной такой плантаціи находился хуторъ, мимо которого намъ пришлось пройзжать. Поровнявшись съ домикомъ, вдругъ увидали, къ нашему удивленію, стоявшую на крылечкѣ красивую молодую даму въ изящномъ модномъ нарядѣ; странно было видѣть это, среди свекловичныхъ плантацій, а дѣло оказалось очень просто: на хуторѣ жила мать этой дамы, прїѣхавшей изъ Харькова ее навѣстить.

Въ 1881 году состоялась свадьба моей сестры Надежды, вышедшей за товарища прокурора Тульскаго окружнаго суда Александра Аристоновича Мясново. Въ этомъ же году братъ Николай ушелъ изъ

*) Александръ Ивановичъ Гость, замѣчательный сельскій хозяинъ, между прочимъ развелъ въ Безсоновкѣ, Новотаволжанкѣ и Тихомъ Хуторѣ виноградъ, который отлично созреваетъ.

нашой фирмы и поступилъ директоромъ въ Даниловскую мануфактуру; изъ отцовскаго дома онъ переѣхалъ на квартиру въ домъ Юліи Адальбертовны Воейковой, напротивъ храма Христа Спасителя.

Въ 1884 году женился мой братъ Сергѣй на Лидіи Григорьевнѣ Кореневой, а въ 1887 году вышла замужъ моя сестра Антонина за Алексея Ильича Лагодина. Въ 1889 году вышли замужъ двѣ мои двоюродныя сестры: Елисавета Дмитріевна Боткина за инженера путей сообщенія Константина Густавовича Дункера, и Надежда Петровна за художника Илью Семеновича Остроухова. Въ томъ же году скончались: моя тетка Софья Сергѣевна Боткина, а вскорѣ за ней и ея мужъ Дмитрій Петровичъ; а затѣмъ умеръ въ Ниццѣ дядя Сергѣй Петровичъ Боткинъ*).

Въ 1882 году отецъ купилъ домъ князя Трубецкого въ Большомъ Знаменскомъ переулкѣ, заплативъ за него всего 160 тысячъ рублей, при чёмъ одной земли при домѣ имѣлось болѣе десятины. Въ 1883 году домъ этотъ былъ сданъ внаемъ графу Клейнмихелю за 6 тысячъ рублей въ годъ; но графъ въ немъ не жилъ, и домъ простоялъ пустымъ цѣлый годъ. Въ 1884 году домъ нанялъ за ту же цѣну В. Д. Коншинъ; а въ 1885 году 7 Апрѣля въ домовой церкви этого дома вѣнчался Владимиръ Владимировичъ Коншинъ съ Марьей Николаевной Слатиной, съ которой я познакомился еще въ Бѣлгородѣ.

Мнѣ пришлось дважды быть присяжнымъ засѣдателемъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ: въ 1886 и 1888 годахъ. Предсѣдательствовали на засѣданіяхъ суда обыкновенно Рингъ и Рынкевичъ. Рингъ говорилъ плавно и хорошо резюмировалъ дѣлѣ. Былъ онъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей „Салона-де-Варьетэ“. Потомъ Рингъ вышелъ въ отставку и сталъ заниматься адвокатурой. Рынкевичъ, суетливый и бойкій, любилъ обрывать слишкомъ болтливыхъ адвокатовъ. Зимой онъ ходилъ въ лѣтнемъ пальто и спалъ съ открытымъ окномъ.

Въ память ярмарочныхъ обѣдовъ у Никиты Егорова участники оныхъ стали разъ въ мѣсяцъ собираться обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“, въ отдельной залѣ. Главный инициаторъ этихъ обѣдовъ былъ В. С. Перловъ, который заботился, чтобы на нихъ присутствовалъ также женскій элементъ. Василій Семеновичъ былъ въ своемъ родѣ Донъ-Жуанъ, но мало разборчивый: красивыя или некрасивыя, молодыя или старыя, актрисы или горничные казались ему одинаково хороши.

Однажды вечеромъ В. С. Перловъ затащилъ меня къ моему родственнику Воронину, котораго я совсѣмъ не зналъ. Жилъ Воронинъ

*). Въ 1869 году скончались три мои дяди: Иванъ, Николай, и Василій Петровичъ Боткины.

у Страстного монастыря, въ домѣ, принадлежавшемъ раньше извѣстному Московскому гастроному Рахманову. Войдя въ первую комнату, мы увидали Алексѣя Сергеевича Мазурина *), дирижировавшаго струннымъ оркестромъ вмѣсто капельмейстера, тутъ же стоявшаго. Въ слѣдующей комнатѣ никого не было; затѣмъ, посрединѣ небольшой комнаты стоялъ круглый столъ и на немъ громадная корзина съ фруктами; и въ этой комнатѣ не было ни души. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ шла азартная игра: на столѣ лежали кучи кредитныхъ билетовъ, самъ Воронинъ держалъ банкъ, и было нѣсколько человѣкъ гостей.

По праздникамъ В. С. Перловъ любилъ устраиваться у себя въ домѣ, на 1-й Мѣщанской, завтраки, на которыхъ присутствовали статскіе и военные. Послѣ завтрака кто нибудь изъ гостей игралъ на фортепьяно или пѣль. Въ особенности отличался недурно игравшій и пѣвшій, племянникъ ministra иностранныхъ дѣлъ, Гирсь, о которомъ В. С. Перловъ говорилъ, что „его дядя занимается постѣ ministra, а онъ занимается деньги“, намекая на привычку Гирса просить денегъ взаймы. Гирсь пѣль „Подъ душистою вѣткой сирени“ и другіе романсы.

У В. С. Перлова было два брата. Иванъ Семеновичъ, владѣлецъ образцовой фермы подъ Москвой, говорилъ лишь о бычкахъ, курахъ, уткахъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Толстопузый Николай Семеновичъ, напоминавшій барскаго кучера, постоянно рассказывалъ Армянскіе анекдоты. Иванъ Семеновичъ и Василій Семеновичъ были холостые, а Николай Семеновичъ женатъ на Марьѣ Кузьминишнѣ Усачевой; онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Василиемъ Семеновичемъ, только въ другой половинѣ, и устраивалъ у себя обѣды, на которые любиль приглашать полиціймейстеровъ, приставовъ и протодьяконовъ. Живя близъ Сухаревой башни, Николай Семеновичъ былъ всегдашимъ посѣтителемъ тамошняго воскреснаго рынка, гдѣ покупалъ всевозможныя вещи, старыя и новыя.

*) А. С. Мазуринъ — извѣстный любитель-фотографъ, превосходно снимавшій.

ПИСЬМА 1812 ГОДА.

Графъ К. В. Нессельроде къ тещѣ своей графинѣ Гурьевой¹⁾.

1.

Вильна, 27 Апрѣля 1812 г.

Кочубей, Шишковъ и Балашевъ присоединились, наконецъ, къ намъ; теперь, не достаетъ одного Армфельдта.

18 Апрѣля. Вчера мы снова говорили съ Николаемъ на счетъ его денежныхъ обстоятельствъ. Выяснилось, послѣ сдѣланного нами полнаго всему подсчета, что ему необходимо, даже при самой большой бережливости, отъ 800 до 1000 р. въ мѣсяцъ, пока его лошади не перейдутъ на казенный кормъ. Сѣно въ здѣшнихъ мѣстахъ 1 р. 10 к. сер. за пудъ, такъ что многіе говорятъ, что скоро будетъ выгоднѣе давать лошадямъ чай. Николай надѣется, что всѣ наши убытки покроются вскорѣ выгодными предпріятіями Александра²⁾.

2.

Графъ К. В. Нессельроде къ своей супругѣ.

Вильна, 13 Мая 1812.

Графъ Левъ Потоцкій передастъ тебѣ, дорогой другъ, 4 пакета. Онъ вполнѣ приличный человѣкъ и не безъ ума, кажется. Постарайся, чтобы съ нимъ обошлись съ пѣкоторымъ вниманіемъ. Онъ Ѳдетъ въ Петербургъ на время войны, и чтобы отдалиться отъ Польскихъ прописковъ.

¹⁾ Графиня Гурьева, рожденная Салтыкова. П. Б.

²⁾ Графы Николай и Александръ Дмитріевичы Гурьевы, сестра которыхъ, графиня Марія Дмитріевна поздолго передъ тѣмъ вышла за графа К. В. Нессельроде. П. Б.

Со времени нашей разлуки это первый върный случай, которымъ я пользуюсь, чтобы поговорить съ тобой, безъ стѣсненій, обо многомъ. что я не рѣшался довѣрить фельдегерю, зная, изъ достовѣрного источника, какъ всѣ письма вскрываются. Почта, по прибытии въ Петербургъ, доставляется Вязмитинову, гдѣ ее такъ перебираютъ, что одинъ восторгъ! Состояніе печатей на твоихъ письмахъ доказываетъ мнѣ, что и они не избѣгаютъ общей горькой участіи. Поэтому, умоляю тебя, не касайся политики, развѣ только черезъ самыя вѣрныя руки. На счетъ этого подозрительны болѣе, чѣмъ когда либо, и я имѣлъ много доказательствъ тому, за время моего пребыванія здѣсь.

Мое личное положеніе продолжаетъ быть какъ нельзя лучше, несмотря на сильную стычку мою съ канцлеромъ Румянцевымъ, въ которой побѣда осталась за мной, чего онъ не проститъ мнѣ во вѣки. Здоровье его плохо какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но подобная агонія затяжная въ томъ и другомъ отношеніи. Другъ его Аракчеевъ болѣе чѣмъ когда либо хорошо принялъ при дворѣ, и вѣроятно вернется на свое прежнее мѣсто. Фельдмаршалъ Гудовичъ подалъ въ отставку, и Растворчинъ замѣстилъ его. Генераль Эссенъ получить Рижскую губернію, а князь Лобановъ другую должностъ. Боюсь, что ему дадутъ роль примирителя¹⁾, такъ какъ ничего нѣть невѣроятнаго, что намъ будетъ въ томъ надобность. Вѣсти изъ Германіи самыя миролюбивыя, а Великій Мужъ, принялій такъ хорошо все, что доставилъ Сердобинъ²⁾, только затѣмъ и пріѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы заключить миръ. Внуши ему, Боже, подобное намѣреніе, и ничего не помѣшаетъ ему остаться на вѣки вѣрнымъ этому намѣренію.

Я достовѣрно узналъ здѣсь, что, по прежнему, впутываются въ государственные дѣла, что Кампенгаузенъ ведеть очень дѣятельную переписку прямо съ Государемъ на счетъ финансовъ, а Розенкампфъ съ барономъ Армфельдтомъ; что Голубцовъ, тайкомъ, душа всей этой каверзы, и очень хлопочетъ вернуться на свое прежнее мѣсто³⁾. Для твоего отца я болѣе всего желаю, чтобы Голубцовъ успѣлъ въ своихъ хлопотахъ, но для Россіи всего менѣе⁴⁾. Это несчастное министерство принесло бы твоему отцу, на случай войны, много непріятностей, а

¹⁾ Т. е. примирителя съ Наполеономъ, какъ тотъ же князь Лобановъ заключалъ миръ пять лѣтъ тому назадъ въ Тильзитѣ. П. Б.

²⁾ Незаконный сынъ князя Куракина, который былъ нашимъ посломъ при Французскомъ дворѣ. П. Б.

³⁾ Т. е. быть министромъ финансовъ. П. Б.

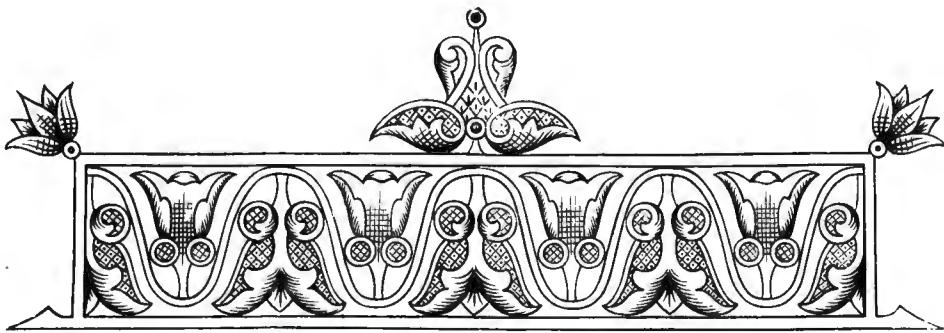
⁴⁾ Графу Д. А. Гурьеву († 1825) довелось оставаться министромъ финансовъ еще слишкомъ десять лѣтъ, и въ этомъ государственная его заслуга. П. Б.

положеніе его такое, что не видишь, какъ бы онъ изъ него вышелъ. Мнѣ кажется, однако, что онъ долженъ всегда имѣть эту мысль въ виду; въ концѣ концовъ и при неутомимомъ своемъ искусствѣ, онъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы своей цѣли.

Точно также стараюсь я не терять своюю цѣль. Всегда есть и будуть назначенія виѣ Россіи. Я никогда не заблуждаюсь на счетъ моего настоящаго положенія, какъ оно ни блестяще и какъ ему ни завидуютъ. Надѣюсь, что Господь пошлетъ мнѣ силу воли и здравый смыслъ, чтобы не поддаться обольщеніямъ. Я счастливъ, что ты, дорогой другъ, одинаково мыслишь со мной относительно этого. Меня болѣе всего прельщаетъ, въ случаѣ заграничной миссии, возможность быть всегда съ тобой.

Извлечено и переведено съ Французскаго изъ Архива графа Нессельроде, изданнаго внукомъ его графомъ Анатоліемъ Дмитріевичемъ. Читатель припомнить, что эти письма писаны почти наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію. Осторожный, исполнительный и дѣятельный графъ Нессельроде оставался на своей должности до Парижскаго мира (1856). Писано за мѣсяцъ до нападенія Наполеона на Россію. И. Б.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ¹⁾.

Пожаръ великий, несравненный,
Единственный во всей вселенной!..
Лишь тотъ великий огнь съ тобой сравнится,
Которымъ міръ испепелится,
Который царства все пожретъ.

Байронъ.

Когда уже столица начала пустѣть, улицы ея были наполнены только отъѣзжавшими изъ нея, или обозами съ военными снарядами и ранеными: тогда изъ Виенны прибылъ митрополитъ Платонъ въ послѣдній разъ взглянуть на любезную ему Москву. Говорятъ, что онъ хотѣлъ было ѿхать на Бородинское поле, или на Поклонную гору, и благословеніемъ своимъ одушевить воинство къ битвѣ за Москву. Пріѣхавъ въ Чудовъ монастырь, 28-го Августа, онъ сѣлъ въ креслахъ на входномъ крыльцѣ и долго со слезами смотрѣлъ на Кремль, какъ будто прощаюсь съ нимъ и какъ будто предчувствуя свою вѣчную съ нимъ разлуку и его жребій²⁾.

Преосвященный Августинъ, навсегда простиившись съ благодѣтелемъ своимъ³⁾ на Троицкомъ подворье и проводивъ его до самой кареты, занимался по духовной части распоряженіями, какія тогда можно было сдѣлать. Между прочимъ, для предупрежденія тревоги и смятія, онъ

¹⁾ Это запись И. М. Снѣгирева. Онъ ее напечаталъ въ своей (ныне рѣдкой) книжкѣ: „Очерки жизни Московскаго архиепископа Августина“. М. 1848, стр. 30 и слѣд. Подробности записаны вѣроятно со словъ самого Августина. П. Б.

²⁾ Митрополиту Платону шелъ 76-й годъ отъ роду. Онъ одаренъ былъ художественнымъ чувствомъ и любилъ всяческую картинность. П. Б.

³⁾ Т. е. съ митрополитомъ Платономъ, при которомъ онъ былъ викаріемъ. П. Б.

велѣль запирать колокольни при церквахъ, убирать ризницы, не касаясь виѣшнихъ украшеній въ церквахъ, самъ выдавалъ виды для выѣзда изъ Москвы священно и церковно-служителямъ, которые тогда безпрестанно обращались къ нему съ просьбами и вопросами. Непріятель уже подъ самою Москвою, но мысль объ отдачѣ ему древней столицы далека была отъ жителей Московскихъ; они молились, надѣялись на силу и храбрость воинства, вѣрили двухсмысленнымъ обнадеживаніямъ Растопчина и сами готовились отстаивать грудью престолъ Царя, святыню храмовъ, могилы предковъ, колыбели дѣтей, честь женъ; ожидали сраженія подъ стѣнами столицы и даже на улицахъ, съ тѣмъ убѣжденiemъ, что и пастырь ихъ не отречется душу свою положить за овцы своя. Вспомнили тѣ времена, когда святители выступали съ св. иконами и крестами на стѣны осажденныхъ городовъ, на поле битвы, и сплою молитвы низлагали враговъ отечества. Главными дѣйствующими лицами въ Москвѣ были архіерей, еще только викарій митрополіи, зависѣвшій отъ Св. Синода, и главнокомандующиій, которому приказана была Царемъ Москва. Народъ ждалъ и смотрѣлъ, чтѣ они станутъ дѣлать, слушалъ проповѣди одного, читалъ воззванія другаго.

Наконецъ Растопчинъ, по совѣщанію съ преосвященнымъ Московскимъ, рѣшился идти на Три-Горы съ крестнымъ ходомъ для приготовленія и благословленія народа и воинства къ рѣшительной битвѣ, которую предполагали дать непріятелю, не вѣдая еще тайного плана Кутузова и настоящаго положенія Русской арміи. „Москва и армія“, тогда доносиль Растопчинъ Государю, „соединяется для спасенія Россіи“ *). Между тѣмъ въ деревнѣ Филяхъ, предъ самою столицей, въ военномъ совѣтѣ, Кутузовымъ рѣшено уступить Москву Наполеону безъ боя. Это было вечеромъ въ Воскресенье, 1 Сентября, наканунѣ вступленія непріятелей въ Москву, чрезъ которую уже начали отступать наши войска въ тогъ же день на Коломенскую и Калужскую дороги, когда церковь, празднуя новолѣтіе, молила о „лѣтѣ Господнемъ пріятномъ“ и когда Москвѣ предстояла година тяжкаго испытанія. Августинъ, совершивъ въ Успенскомъ соборѣ литургію, со слезами молилъ Господа о низложenіи врага, о спасеніи Москвы и Россіи. Соборъ полонъ былъ народа и рыданій; казалось, что всѣ остальные жители Москвы собирались оплакивать предстоящія, но еще неизвидѣнныя ими бѣдствія. По окончаніи литургіи, преосвященный, складывая по

*) Карамзинъ, отправивъ семейство свое и бумаги въ Нижній, оставался у графа Растопчина и готовился принять участіе въ полмосковномъ бою, для чего была у него и лошадь. П. Б.

чину положенію антиминсъ, промолвилъ: „Скоро-ли Богъ удостоить насть служить въ семъ храмѣ?“

Изнуренный отъ трудовъ и сердечнаго волненія, онъ едва могъ изъ собора проѣхать среди разныхъ обозовъ на Савинское подворье и тамъ ожидалъ извѣстія отъ Растопчина, когда должно будетъ идти ему съ крестнымъ ходомъ на Поклонную гору, чтобы благословить Московскую дружину на рѣшительную битву за Москву. Озабоченный участію своей паствы, преосвященный безпрестанно посылаетъ къ нему извѣждаться; отвѣчаютъ ему не прямо, двусмысленно. Офиціальная и народная извѣстія, слухи и дѣйствія противорѣчили одни другимъ; потому что дальновидный Кутузовъ долго скрывалъ отъ Растопчина приговоръ военнаго совѣта, рѣшившій судьбу столицы. Между тѣмъ близъ Поклонной горы дѣлались укрѣпленія, войска наши стояли у Дорогомиловской заставы, а Московскіе жители—одни торопились выѣзжать и выходить съ семействами изъ столицы, другіе тѣснились въ Кремль у Арсенала, запасаясь оружиемъ, чтобы, по воззванію Растопчина, идти съ архиереемъ на битву противъ врага. Никто почти не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи подъ Москвою и даже въ самой Москвѣ; но едва-ли кто воображалъ, что она будетъ предана врагу и огню, какъ искупительная жертва за отечество. Растопчинъ тогдаувѣрялъ, что „жизнью своею отвѣчаетъ, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ“. Многіе готовились къ смерти напутствованіемъ себя Св. Тайнами. У воротъ Савинского подворья толшился народъ; одни кричали: „непріятель вступаетъ въ Москву“, а другіе: „Англичане идутъ къ нашимъ на помощь“; спрашивали объ архиерѣ, скоро ли пойдетъ онъ съ ними на Три Горы? Преосвященный оставался только съ нѣкоторыми духовными особами и секретаремъ своимъ; онъ приказывалъ запереть ворота подворья и на всякий случай готовить лошадей. Въ такомъ томительномъ ожиданіи и нерѣшимости настаетъ вечеръ. Непріятельскіе отряды уже появляются въ окрестностяхъ заставъ Московскихъ; слышны и выстрелы, и музыка; а народъ собравшійся на Трехъ Горахъ, ждеть главнокомандующаго и архиеря съ крестнымъ ходомъ, порывается постоять за матушку свою Москву, какъ будто горсть различно вооруженныхъ гражданъ могла одолѣть полчища Наполеона!

Наступила темная осенняя ночь; въ 11 часовъ прїезжаетъ къ Августину чиновникъ отъ гражданскаго губернатора Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что „непріятель у самой Москвы и что губернаторъ передъ выѣздомъ своимъ просить себѣ благословенія у преосвященнаго“. Это смущило пастыря и въ тоже время увѣрило, что ему уже нечего болѣе

ожидать. Велить приготовлять себѣ экипажи; но нельзя было ему ни выѣхать, ни оставаться безъ рѣшенія отъ главнокомандующаго. Наконецъ, въ слѣдь за тѣмъ получаетъ онъ письмо отъ графа Растворчина, что „Москва сдается Наполеону и что Московскому преосвященному назначень для выѣзда безопасный путь на Владимиръ съ тремя св. иконами, Владимирскую, Иверскую и Смоленскую“. Была уже полночь. Тотчасъ посылаетъ онъ Перервинскаго настоятеля Лаврентія взять изъ часовни у Воскресенскихъ воротъ образъ Иверской Богоматери, а секретарю своему Малиновскому поручаетъ привезти къ себѣ образъ Владимирской Богоматери изъ Успенского собора; икона же Смоленской Богоматери уже вывезена была изъ Москвы преосвященнымъ Иринеемъ. Когда съ предосторожностію, въ то время необходимую, доставлены были св. иконы на подворье и помѣщены въ экипажѣ: тогда Августинъ, помолившись въ домовой церкви, благословилъ всѣхъ и, надѣливъ деньгами оставшихся тамъ людей, эконома Юну и священника Иоанна, отправляется изъ Москвы въ два часа по полуночи, на 2 Сентября. Ему сопутствовали нѣкоторыя духовныя особы и секретарь.

Вокругъ столицы пылали уже села и деревни, зарево страшно разливалось по небосклону во мракѣ ночномъ и освещало ея улицы; по Смоленской дорогѣ издали видны были огни въ тaborахъ, изрѣдка раздавались выстрѣлы пушечные и ружейные; тащились раненые въ Москву, а изъ Москвы по Владимирской дорогѣ тянулись обозы жителей Московскихъ, пушки изъ Арсенала: крестьяне и ратники сопровождали отряды плѣнныхъ Французовъ, толпились пѣшие виѣсъ съ конными; по нейѣ ходилъ и нашъ архиепископъ и долженъ былъ иногда слышать несправедливые укоры и даже угрозы отъ встрѣчавшихся по дорогѣ крестьянъ за то, что покидаетъ паству свою и бѣжитъ какъ наемникъ; тогда и всѣхъ выходцевъ упрекали, что „они продали ее“. Но это былъ патріотическій ропотъ Русскихъ, нечаявшихъ, чтобы пожертвованіемъ Москвы можно было спасти Россію, и представлявшихъ себѣ въ стѣнахъ древней столицы все отечество свое. Въ 25 верстахъ отъ столицы преосвященный встрѣтился и переговорилъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, который съ ополченіемъ шелъ было къ Москвѣ, не зная еще, что она сдана непріятелямъ. На пути своемъ, часто обращая назадъ взоры свои, Августинъ и за сто verstъ отъ Москвы видѣлъ надъ нею ночью ужасное зарево.

Оставимъ викария Московскаго на пути его къ древней Митрополіи Россіи и столицы, посмотримъ, что станется съ Москвою, которая была позорищемъ сценъ совсѣмъ иного рода.

Наступилъ роковой для Москвы Понедѣльникъ, втораго Сентября, когда еще наши войска продолжали отступать черезъ нее, жители выѣзжать и выходить, покидая свои дома и большую часть имущества. Древняя столица представляла картину какого-то переселенія, или какъ тогда солдаты говорили: „Москва въ походѣ пошла“; но куда, за чѣмъ надолго-ли, никто не вѣдалъ, такъ какъ и того, что будетъ съ Москвою и чѣмъ станеть съ ними?) Въ рѣдкихъ церквяхъ слышень былъ благовѣсть къ обѣднѣ; опустѣли площади и улицы. Вдругъ среди самаго благовѣста къ вечернѣ на Ивановской колокольнѣ появились непріятельскія войска въ Троицкихъ и Никольскихъ воротахъ Кремля, гдѣ ихъ встрѣтила ружейными выстрѣлами толпа Русскихъ, обрекшихъ себя на смерть за свою родную Москву²⁾.

Съ самаго вступленія въ Москву Наполеоновыхъ войскъ, ночью загорѣлись въ Китай Гостинный дворъ и ряды, а на другой день, 3 Сентября, едва вошелъ Наполеонъ въ Кремль, какъ въ 7 часу пополудни, запылали москательныя лавки, масляные ряды и Зарядье въ Китаѣ, потомъ Балчугъ³⁾, Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ, зажженный хозяевами лавокъ; напослѣдокъ, ночью, пожаръ распространился по всему городу, пламя лилось быстрымъ потокомъ изъ улицы въ улицу, изъ одной части въ другую, носились клубами и языками надъ городомъ и рѣкою, искры и головни сыпались дождемъ; между тѣмъ бушевалъ и крутилъ ужасный вихорь. Казалось, Москва превратилась въ огнедышащую гору и пламенную лаву. Оставшіеся тогда жители думали, что свѣту преставленія настало. Безмолвіе въ городѣ прерывалось то трескомъ обрушавшихся зданій, то изрѣдка слышнимъ набатомъ на колокольняхъ, то выстрѣлами непріятелей, то воплемъ Москвичей, которые укрывались въ домахъ еще несгорѣвшихъ, и какъ скоро огонь обхватывалъ ихъ убѣжища, они бросались изъ одного мѣста въ другое, задыхаясь отъ дыма, преслѣдуемые пламенемъ и врагами, которые ихъ грабили и поражали. Но можно ли вполнѣ изобразить весь ужасъ, все бѣдствіе, которое тогда испытала Москва?

¹⁾ Еще не совсѣмъ разсвѣло, когда Кутузовъ пробирался отъ Дорогомиловской заставы съ провожатыми, которыхъ даль Растанчинъ. Они встрѣтились у Яузского моста, по которому шли наши войска. Вотъ предметъ для художника. П. Б.

²⁾ Первыми направлены были въ Кремль Польские отряды великой арміи. Они безъ разбору избивали столпившихся тамъ у Арсенала Москвичей. П. Б.

³⁾ Балчугомъ не въ одной Москвѣ называлось топкое мѣсто. Московскимъ балчугомъ доселѣ называется пространство между двумя мостами Москворѣцкимъ и тѣмъ, что надъ канавою. П. Б.

Такъ трое сутокъ горѣла она и еще не вся сгорѣла: въ ночь съ 5 на 6 Сентября запылало все Замоскварѣчье, и пламя его слилось въ одну ярко-багряную массу. Обширнѣйшій и величественнѣйшій городъ тогда представлялъ груды каменьевъ, пепла и курившихся головень; цѣлые улицы домовъ превратились въ смрадныя пожарища, гдѣ опаленные трупы человѣческие лежали вмѣстѣ съ конскою падалью. Нѣсколько церквей сдѣлалось добычею пламени, а уцѣлѣвшія были жертвою грабительства и поруганія. Въ оставленныхъ священнослужителями и запертыхъ церквяхъ грабители-непріятели выламывали двери и вторгались въ нихъ обдирать со св. иконъ золото и серебро, спарывать позументы съ облаченій, искать скрытыхъ драгоценныхъ утварей. Гдѣ они встрѣчали при церквяхъ священниковъ съ причетомъ, били и мучили ихъ, чтобы выпытать, гдѣ у нихъ спрятаны церковныя сокровища, и нѣкоторые изъ нихъ животь свой положили за святыни храма. Нерѣдко священниковъ, діаконовъ и причетниковъ брали подъ ношу, какъ вьючныхъ скотовъ. Кажется, что храмы Божіи въ Москвѣ болѣе испытывали поруганія отъ питомцевъ Революціи, ревнителей Реформаціи и Католицизма, нежели человѣческая жилица; многіе, уцѣлѣвшіе отъ пожара, обращены въ казармы, амбары, конюшни и бойни, гдѣ повторялись тѣ же буйства и мерзости, какія видѣла Москва назадъ тому два вѣка при Полякахъ. Враги Россіи были закоренѣлыми врагами и отечественной нашей Церкви, которая столько вѣковъ ратовала противъ замысловъ Папизма и Унії, противъ покушеній Лютеранства и Западнаго нечестія. И предъ глазами Наполеона въ Кремль поругана была святыня, и онъ издѣвался надъ старымъ священникомъ Михаиломъ Пылаемъ, приказавъ насильно облачить его въ архіерейскую одежду среди Успенскаго собора, чтобы видѣть изображеніе Россійскаго іерарха. Но, не взирая на всѣ ужасы пожара и неистовство враговъ, не взирая на грозившую отечеству опасность, нѣкоторые изъ оставшихся въ Москвѣ іереевъ совершили въ церквяхъ божественную службу безъ звона; напутствуя Св. Тайнами жителей, ежечасно ожидающихъ себѣ смерти.

Какъ Троицкое, такъ и Савинское подворье, преданы были грабежу и пожару, отъ коего уцѣлѣла на воротахъ икона Преподобнаго Саввы. На послѣднемъ экономъ и священникъ испытали жестокія истязанія и побои отъ враговъ. Въ архіерейскихъ покояхъ, тогда не сгорѣвшихъ, поселились комендантъ и три маіора.

Между тѣмъ непріятели въ Москвѣ спрашиваютъ: гдѣ архіерей Московскій? Гдѣ митрополитъ Платонъ? Тогда Платонъ жилъ въ Мах-

рицкомъ монастырѣ и молился о спасеніи Россіи; а преемникъ его, 5 Сентября, прибылъ во Владимиръ съ тѣмъ самымъ образомъ, который, назадъ тому четыре вѣка, оттуда взять былъ въ Москву, чудесно избавленную отъ свирѣпства Тамерланова. По свидѣтельству лѣтописцевъ, Владимирскіе жители тогда плакали, отпуская сю чудотворную икону, а теперь среди общей печали возрадовались, опять встрѣтивъ ее въ городѣ своемъ. По просьбѣ преосв. Ксенофона и жителей и по распоряженію преосв. Августина, тамъ ежедневно носили св. икону по городу съ крестнымъ ходомъ. Общее чувство сердечнаго умиленія и сближеніе душевное въ несчастіи проявились въ общемъ моленіи, слезахъ и рыданіяхъ.

Изъ Владимира, куда собрались жители древней столицы и другихъ городовъ, преосвященный Августинъ отправился въ Муромъ, куда прибылъ, 10 Сентября, съ чудотворными иконами Владимирской и Иверской, тамъ помѣщенъ былъ въ настоятельскихъ келляхъ Благовѣщенскаго монастыря, куда явились къ нему съ привѣтствіемъ почетнѣйшіе жители Мурома. За преосвященнымъ Московскимъ послѣдовали многіе изъ паствы его, не желая никакъ разлучиться съ паствремъ своимъ; самъ опечаленный, онъ долженъ былъ утѣшать огорченныхъ и подавать имъ примѣръ тверности духа въ бѣствіи. Не имѣя извѣстій объ отправленныхъ имъ ризницахъ, онъ весьма беспокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что онъ благополучно привезены въ Вологду и тамъ помѣщены въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ. Заботясь о судьбѣ родины своей и вмѣстѣ паствы, Августинъ писалъ въ главную квартиру къ князю Кутузову, отъ которого получилъ 25 Сентября утѣшительная обнадеживанія и часть отбитаго у непріятелей церковнаго серебра, между прочимъ и утвари, принадлежавшей Римско-Католической церкви, какъ доказательство, что враги не щадили и церквей своего исповѣданія.

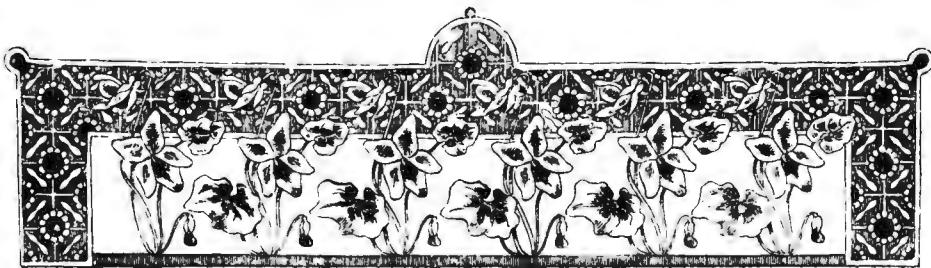
Уже оканчивался сорокодневный срокъ буйству и неистовству враговъ въ Москвѣ, но еще мѣра ея испытанія не исполнилась. Предъ выходомъ своимъ изъ древней столицы, Наполеонъ умыслилъ разрушить священный Кремль, съ тѣмъ, чтобы истребить всѣ памятники Русской отечественной древности, славы и святыни, чтобы расторгнуть всѣ связи Россіи съ ея сердцемъ—Московою. Въ ночь на 6 Октября, Наполеонъ выѣхалъ изъ столицы. Наканунѣ выступленія непріятелей изъ Москвы, на 11 Октября, около полуночи, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ очевидцевъ, въ 10 часовъ ночи, началось приготовленное Наполеономъ взорваніе Кремля: около стѣнъ его копали рвы, подкатаивали бочки съ порохомъ подъ зданія его, зажгены и скоропалитель-

ные фитили, проведенные отъ одного подкопа къ другому. Въ это самое время загорѣлся Кремлевскій дворецъ съ Грановитою палатою. Пять ужасныхъ взрывовъ сдѣдовали одинъ за другимъ: они разрушили только Арсеналь и верхъ Никольской башни, южную часть Никольской стѣны съ тремя башнями, Филаретовскую, Колокольную и Рождественскую въ ней церковь. Иванъ-Великій всколебался, треснулъ, но устоялъ; всѣ соборы, церкви и монастыри въ Кремлѣ уцѣлѣли отъ взрывовъ съ Грановитою палатой и Теремнымъ дворцомъ. Сии ужасные, неожиданные взрывы, далеко отзывавшіеся во всѣхъ концахъ и окрестностяхъ Москвы, сперва почтены были за землетрясеніе. Отъ нихъ разсыдались и падали каменные стѣны обгорѣвшихъ зданій; не только лопались стекла, но и выпадали самыя оконницы и двери въ домахъ; бревна и камни летали по городу; людей кидало съ одного мѣста на другое. Въ это самое время, среди безоблачнаго неба, нахлынувшій дождь и груды каменьевъ и земли отъ взрывовъ остановили дѣйствіе прочихъ подкоповъ въ Кремлѣ, изъ коихъ вынуто 60 бочекъ пороха. Наставшій день послѣ страшной ночи освѣтилъ полуразрушенный Кремль, слѣды бѣгства враговъ и появленіе Русскихъ войскъ въ Москвѣ.

На третій день, утромъ, въ Страстномъ монастырѣ раздался первый благовѣстъ къ божественной литургіи и благодарственному молебну, повторенный, по условленному знаку, на всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ и не слышанный въ Москвѣ сорокъ дней. Это было торжественнымъ благовѣстіемъ для собравшихся жителей Москвы, которые вскидали: „Слава Богу, матушка наша Москва очнулась“.

Въ Муромѣ еще не вѣдали всѣхъ печальныхъ подробностей о Москвѣ; но услышали только объ освобожденія ея отъ враговъ; 18 Октября Августинъ получилъ отъ графа Растроцчина радостную и вмѣстѣ прискорбную вѣсть, что „Москва разграбленная и сожженная освобождена отъ враговъ, и что враги бѣгутъ и преслѣдуются“. Вѣсть сія тогда была благодатнымъ дождемъ послѣ долговременной засухи. Весь Муромъ подвигся отъ радости; всѣ, знакомые, другъ друга поздравляли, обнимали и плакали. Сии чувства раздѣляль и Августинъ съ жителями древняго города. Муромскіе жители и Московскіе странники стекались въ соборный храмъ для принесенія благодаренія Господу, Спасителю Россіи; туда же прибыль и Августинъ. Предъ совершеніемъ литургіи, прочтено было письмо графа Растроцчина, а послѣ литургіи, преосвященный въ рѣчи своей, обращенной къ жителямъ Мурома, высказалъ тѣ чувствія, какими объято было тогда его сердце.

Забота графа С. Р. Воронцова о нашемъ солдатѣ.

Прославившійся въ должности Русскаго посла въ Англіи, графъ С. Р. Воронцовъ, въ первую Турецкую войну Екатеринина царствованія отличился въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ. Имъ вѣроятно не безъ участія графа Румянцева-Задунайскаго, составленная ниже слѣдующая

инструкція господамъ ротнымъ командирамъ*).

Три года тому назадъ хотя и предписана была господамъ ротнымъ командирамъ инструкція касательная до обученія солдатъ и до прочаго, но какъ опытами и временемъ много мною отмѣнилось, иное пропущено, иное, за настоящимъ нынѣ военнымъ временемъ, неспособнымъ мнѣ оказаться: для чего вышеозначенная инструкція назадъ отбирается, а сю новую къ непремѣнному и наиточнѣйшему исполненію господамъ ротнымъ командирамъ здѣсьлагаю.

1-е.

Излишнимъ я считаю распространяться о сюбординаціи, ибо объ оной ясно и пространно въ Военномъ Уставѣ и въ Военныхъ Артикулахъ показано, а упомянуть только, что между тѣми артикулами, кои до солдатъ принадлежать (кои здѣсь ниже показаны будуть и кои дважды еженедѣльно всѣмъ строевымъ чинамъ господа ротные командиры читать и толковать имѣютъ), 27-й артикулъ 3-ей главы наипаче утверждать и толковать своимъ подчиненнымъ. Вслѣдствіе онаго наблюдать сюбординацію, чтобы рядовой предъ ефрейторомъ, оный предъ капраломъ, капраль предъ унтеръ-офицеромъ, а сей предъ сержантомъ и такъ далѣе во всѣхъ чинахъ роты, младшій предъ старшимъ, во

*) Печатается со списка, который сохранился у потомка одного изъ ротныхъ командинровъ. П. Б.

всѣхъ дѣлахъ по службѣ встрѣчающихся въ страхѣ, повиновеніи, покорномъ послушаніи и безмолвіи неотмѣнно всегда находился; а въ противномъ случаѣ никто изъ преступниковъ наказанъ въ ротѣ быть не можетъ, а представленъ быть имѣть къ полку, поелику опричъ того что за такое преступленіе наказаніе долженствуетъ быть наиже-сточайшее и такое какое въ ротѣ учинить не можно, сіе наказаніе сверхъ того должно быть публичное и въ виду всего полка учиненное, дабы примѣромъ одного всѣ прочіе воздержались. Вслѣдствіе той же сюбординації отнынѣ впредь и навсегда воспрещается чрезъ младшихъ старшихъ наказывать, то есть если проступитъ ефрейторъ или кап-раль, то не приказывать рядовымъ его бить палками и такъ далѣе, а приказывать чинить наказаніе чрезъ унтеръ-офицера, унтеръ-офицеръ чрезъ сержанта, сей чрезъ старшаго сержанта, а сего послѣдняго самъ только ротный командиръ наказывать имѣть: ибо сіе противно военному порядку, и онъ совсѣмъ разворачається, когда младшій, долженствующій всегда бояться и почитать старшаго, можетъ иногда имѣть случай бить онаго и хотя онъ по приказу вышняго командира сіе дѣлаетъ, однако же того, котораго онъ биль внутренно уже почитать много не можетъ. Сіе установленіе необыкновенно у насъ въ службѣ: но какъ я его наиважнѣйшимъ почитаю, то и исполненіе онаго весьма строго взыскивать буду.

2-е.

Прежде нежели приступить къ поученію до разума и разсужденія солдатъ принадлежащему, объяснить нужно все что до тѣла ихъ ка-сается. Чистота, опрятность суть вещи, кои неотмѣнно отъ нихъ требовать, взыскивать и толковать имъ должно, для чего онъ взы-скиваются: ибо первая сохраняетъ ихъ здоровье. другая даетъ имъ видъ пріятный и благородный. И для того заставлять каждого неотмѣнно ежедневно умывать лицо и руки, чесать голову, промывать глаза, полоскать роту, стричь у рука ногти еженедѣльно два раза, ноги мыть разъ въ недѣлю, дважды въ мѣсяцъ стричь у ногъ ногти на кварти-рахъ, всякую недѣлю разъ ходить въ баню, а въ лагерѣ, когда есть рѣка, купаться. Еженочно, какъ въ квартирѣ, такъ и въ лагерѣ, разу-ваться; ибо изъ лѣнности иной того не дѣлаетъ такъ себѣ натираетъ ноги, что на оныхъ дѣлаются раны, и съ трудомъ потомъ залечить ихъ можно; подъ нитяные чулки или такъ на голую ногу подъ сапоги ничего шерстянаго, гаруснаго и бумажнаго носить не дозволяется, поелику все сіе для тѣла есть вредное, причиняетъ чесотку и при наималѣйшемъ оцарапливаніи расгравливааетъ раны большія и глубо-

кія, и затѣмъ такія одежды носить всегда сверхъ нитяныхъ чулокъ или холстинныхъ обертковъ, ибо одно только описаное или посконное полотно или нитяныя чулки для тѣла здоровы: Рубахи перемѣнить бѣлыя по крайней мѣрѣ не рѣже какъ два раза въ недѣлю; сіе, кромѣ того что для здоровья нужно, но и для экономіи ихъ сходно: ибо рубахи болѣе отъ долгой носки на тѣлѣ нежели отъ частаго мытья дѣрутся. Опрятность состоить въ томъ, что, кромѣ того, чтобы все на немъ не висѣло ни чтобы не было разодрано, а все бы было хорошо зашито и такъ чтобы нитки не видны были. Вѣтхой мундирѣ носить не стыдно, а разодранный весьма не прилично, и сколько бы на оному дырь ни было, но ровно и плотно зашиты, такъ что нитки не видны, то и дурнаго виду нѣть. Сей пунктъ кромѣ виду, но и для экономіи наблюдать имѣется; ибо чѣмъ болѣе умѣдливаешь зашить то что разодрано, тѣмъ болѣе оное дерется и наконецъ въ сущую негодность приходитъ. Не на караулѣ и не на вѣстяхъ, а какъ бы солдатъ за просто одѣть ни былъ, чтобы все на немъ было не разодрано, чулки бы были и сапоги натянуты, штаны шлифными пряжками застегнуты, галстухъ хорошо застегнутъ и чтобы рубашечный воротъ изъ подъ него не вылезилъ; голова бы была причесана и въ плетешкахъ, пуговицы бы не оторваны и не висѣли, грязи и ниже пыли на платьѣ бы его не было. Однимъ словомъ, пріучать ихъ къ чистотѣ и опрятности, необходимость и пользу оныхъ толковать имъ и весьма строго взыскивать. Тѣ кои, поверхности о существѣ дѣлъ разсуждая, ненужными мелкостями вышеписанное почитаютъ и еще развратно думая наблюденіе онаго подлымъ для офицера упражненіемъ считаютъ; но тѣ кои представлять себѣ, что отъ чистоты здоровье зависитъ и отъ опрятности солдатъ видѣ званію своему принадлежащій имѣть и тѣмъ откроется видимо отличнымъ: то удостовѣряется въ томъ, что нѣть ненужныхъ мелкостей въ службѣ и что все до солдата касательно офицеру стыдно не знать и обѣ оному не имѣть попеченія.

3-е.

Если беспокойное, трудное и опасное есть состояніе военнаго человѣка предъ прочими въ государствѣ, столь же и отличается неоспоримою отъ нихъ честью и славою: ибо, превозмогая труды часто несносные и нещадя своей жизни, обезпечиваетъ своихъ согражданъ, защищаетъ отъ враговъ отечество, обороняетъ Святую Церковь отъ порабощенія невѣрныхъ и симъ заслуживаетъ признаніе и милость Государя, благодарность земляковъ и молитвы чиновъ духовныхъ. Все сіе нужно довольно твердить и повторять солдатамъ и прилежно ста-

раться должно вліять въ нихъ сколько можно болѣе честолюбія, которое одно возбуждаетъ на преображеніе трудовъ и опасностей, на всѣ славные подвиги: честолюбивый солдатъ все изъ амбиціи дѣлаетъ и слѣдовательно все дѣлаетъ лучше. Но прежде нежели приступить къ симъ внушеніямъ, надлежитъ истребить изъ него духъ крестьянства, который не токмо въ рекрутахъ, но еще и въ старыхъ солдатахъ нерѣдко, къ сожалѣнію и удивленію моему, находится. Для чего неотмѣнно должно говорить почасту со всѣми вообще и со всякимъ по одиночкѣ. дабы всякий умѣль говорить такъ какъ солдату прилично, быль бы смѣль, команда своего, если онъ за собой ничего дурнаго не знаетъ, не опасался. Толковать ему все что до солдата принадлежитъ, чтобы всякой зналъ свою мѣру, сколько вершковъ, свое мѣсто подъ кѣмъ и выше кого стоитъ, въ какой шеренгѣ, зналъ бы имена всѣхъ офицеровъ и штабовъ въ полку и кто въ какой ротѣ; зналъ бы бригаднаго, частнаго и дивизіоннаго командира, каждого по имени, по отечеству и прозванію; зналъ бы фельдмаршала, котораго славныя дѣла имъ рассказывать, помнилъ бы всѣхъ генераловъ, у коихъ быль въ командѣ. Надлежитъ стараться вливать въ нихъ любовь и привязанность къ полку, въ которомъ служить; а какъ честь, которую полкъ заслужилъ, всякий и на свою долю дѣлить считаетъ, что и справедливо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ рядовыхъ и нужно сохранять и умножить, сіе мнѣніе: надлежитъ всякому объяснять полковую исторію, рассказывать всякому что сей полкъ предъ начатіемъ прошедшей Прусской войны въ 1756 году имѣлъ честь и счастіе сформированъ быть главнокомандующимъ нынѣ арміею, то есть первымъ, и наиславнѣйшимъ полководцемъ нашимъ, что онъ быль собранъ изъ лучшихъ grenaderскихъ ротъ всей арміи. Въ 1757-мъ году подъ Велау, на первой съ Прусаками бatalіи сей полкъ отмѣнно отличился; тоже самое учинилъ въ 1758 году на бatalіи подъ Цорндорфомъ, гдѣ самъ Прусскій король противу нась командовалъ и гдѣ сей полкъ болѣе 1000 человѣкъ имѣлъ убитыхъ и раненыхъ; что подъ Франкфортомъ въ 1759 году, гдѣ тоже самъ король противу нась командовалъ, сей полкъ болѣе всѣхъ отличился: ибо когда третья арміи была превосходнымъ непріятельскимъ огнемъ съ мѣста сбита и прочія части съ трудомъ оборонялись, первый grenaderскій полкъ вступилъ въ бой и принудилъ непріятеля ретироваться; выигрышъ сей бatalіи неоспоримо ото всѣхъ сему полку приписывается. Во время продолжавшихся въ Польшѣ беспокойствъ, сей полкъ раздробленъ быль почастно, и всѣ части онаго со славою вездѣ дѣйствовали, какъ напримѣръ на штурмахъ городовъ Бара и Краіово. Въ нынѣшнюю войну какъ полкомъ, такъ и почастно прославился; тому свидѣтельствомъ служили тѣ роты, кои

отъ полку отдѣлены были и кои кромъ генеральныx баталіевъ 7-го и 21-го числа 1770 года были при занятіи Измаила, Киліи, Аккермана, Браилова, на двухъ штурмахъ Журжи и вездѣ, по свидѣтельству корпусныхъ командировъ, духъ неустрашимости полку сохранили и при томъ служили въ примѣръ и поощреніе. Полкъ же самъ собою заслужилъ безсмертную славу на баталіи 21-го числа Іюля 1770 года подъ Кагуломъ и, по свидѣтельству главнокомандующаго арміею, дѣйствительно споспѣшествовалъ полученной тамъ побѣдѣ, о чемъ отъ фельдмаршала и Государынъ донесено было. Въ прошлой кампаніи 1773 года подъ Силистрію, когда полкъ отдѣленъ былъ въ передовой корпусъ, отъ онаго посланъ будучи одинъ впередъ 12 числа Іюня и будучи въ 8 ротахъ, въ коихъ только 600 человѣкъ было и когда за большимъ числомъ орудіевъ, кои между обоими баталіонами были, каре нельзя построить было, то хотя въ такомъ случаѣ окруженье былъ спереди, боковъ и тылу въ восемь разъ превосходнымъ числомъ непріятеля и не имѣлъ долго ни отъ кого помощи, храбро отборонылся и наконецъ отбилъ непріятеля. 18-го числа того же мѣсяца и около того же города съ Куринскимъ полкомъ вмѣстѣ сіи два полка отбили Черкесъ-пашу, который велъ 3000 человѣкъ непріятельской конницы на помощь городу и, встрѣтясь съ сими двумя полками, тщетно покушался ихъ разбить своимъ стремленіемъ. Однимъ словомъ, храбрость и отмѣнныя дѣла сего полка съ начала его формированія и по нынѣ вѣмъ извѣстны и вездѣ славятся, отчего происходит, что всѣ командинущіе арміями и всѣ генералы первой grenадерской полкъ отмѣнно любятъ и почитаютъ. Сие самое обязываетъ всякаго grenадера въ ономъ служащаго вести себя отмѣнно добропорядочно и храбро, дабы поведенiemъ своимъ полку стыда не сдѣлать. Надлежитъ неотмѣнно толковать каждому, сколь необходимо нужны строй и порядокъ, что оними столько же какъ и храбростью побѣды получаются, а что одна храбрость безъ оныхъ ни къ чему не служить. Примѣръ сему Турки, народъ прехрабрый, но строю и порядку не знающій; отчего, не смотря, что вездѣ былъ сильнѣе нась, но тамъ гдѣ мы строй и порядокъ сохранили, тамъ и побѣдителями остались; напротивъ того, то малое число неудачъ, что мы въ сію войну имѣли, произошло отъ разстройки и беспорядка, и 12-го числа прошлаго Іюня мѣсяца если бы не токмо одинъ плутоній, но иѣсколько рядовъ пришли бы въ замѣшательство, то весь бы полкъ былъ изрубленъ; напротиву того, онъ устоялъ и отбилъ непріятеля строемъ, порядкомъ и повиновеніемъ къ командѣ.

Если солдаты будутъ имѣть амбицію и будутъ сохранять строй непоколебимо, то и непобѣдимы будутъ отъ какихъ бы превосходныхъ силъ ни было, и ничто противъ ихъ стоять не будетъ. Я разумѣю,

что сіи подробныя поученія и толкованія каждому рядовому господамъ ротнымъ командирамъ трудны покажутся, но знаю и то, какая великая разница есть командовать людьми прямо выученными, совершенно знающими долгъ своего званія и преисполненными благороднымъ честолюбiemъ или такими, кои подъ имянемъ солдата образъ житія образъ мыслей и духъ крестьянства сохраняютъ. Сколь лестно первыми и сколь грустно послѣдними предводительствовать! Для того требую, яко начальникъ въ полку, точное исполненіе сего артикула и строго по оному взыскивать буду; а съ другой стороны убѣждаю господъ ротныхъ командировъ собственнымъ ихъ удовольствіемъ, честью и славою.

4-е.

Неотмѣнно должно, чтобы всякий солдатъ зналъ чистить, бѣлить и лощить свою аммуницію и чтобы онъ имѣлъ къ тому охоту, толкуя каждому, какъ стыдно отъ другаго отстать въ сей исправности или другихъ своихъ товарищѣй тѣмъ беспокоить, чтобы они на него чистили. Въ семъ случаѣ неприлежныхъ наказывать должно и какъ во всякой ротѣ есть нѣкоторые, изъ коихъ иной лучше ружье свое полируеть, иной лучше ложу чернить и лакируетъ, иной лучше бѣлить перевязь, иной лучше чернить и лощить суму: для того такихъ мастеровъ заставлять, чтобы они всѣхъ прочихъ томужъ учили. Не всѣхъ вдругъ, ибо сіе невозможно, а по нѣкоторому числу, кои лишь научатся, то на мѣсто ихъ дать другихъ, и такъ перемѣння довести до того, чтобы вся рота совершенно чистить и бѣлить аммуницію умѣла. Парикмахеровъ особливыхъ, чтобы въ ротѣ отнюдь не было; ибо сіе званіе сохраняется затѣмъ, что не всѣ въ ротѣ волосы убирать умѣютъ, а надобно, чтобы всѣ безъ исключенія и малые, и большиe, и молодые, и старые всѣ чтобы неотмѣнно знали убирать волосы. Сіе въ самомъ дѣлѣ не столь трудно, какъ кажется; ибо уборка въ полку употребляемая есть самаго простаго роду, и самый вялый, непроворный и непонятный въ три недѣли легко научиться можетъ. Господа ротные командиры должны еще неотмѣнно заводить въ своихъ ротахъ портныхъ и сапожниковъ, какъ можно болѣе, и стараться, чтобы во всякомъ капральствѣ не менѣе было какъ по четыре человѣка портныхъ, и сапожниковъ тоже число, объявя старымъ мастеровымъ, что ихъ никогда не оставлять, если они положенное на нихъ число учениковъ выучать изъ молодыхъ. Выбрать также нѣкоторое число, какъ напримѣръ по одному въ капральствѣ, которые бы брить учились, ибо одного фершала и одного ученика мало.

5-е.

При приводѣ рекрутъ всякаго изъ оныхъ отдать на руки одному старому и добропорядочному гренадеру, который долженъ смотрѣть за его поведеніемъ и учить его мало по малу разбирать и сбрасывать свое ружье, чистить оное и потомъ чистить свою аммуницію; онъ же и учить его одѣваться, и все сіе съ ласкою и безъ наималѣйшей суро-вости. Маршировать и пріемамъ самъ ротной командиръ рекрутъ учить имѣеть; а если рекрутъ много, такъ что ему времени не достанеть, то самъ по себѣ возьметъ нѣкоторое число, а прочихъ раздѣлить по офицерамъ или унтеръ-офицерамъ или рядовымъ весьма знающимъ, и то въ своемъ присутствіи. За маршировку и за пріемы отнюдь не бить и не скучать показывать какъ имъ должно дѣлать; ибо я довольно примѣчалъ, что разсудительный, знающій и терпѣливый офицеръ ни-когда, уча пріемамъ и маршированію, дратся не станетъ, а особливо съ малоумѣющими; одинъ только лѣнивый и незнающій офицеръ въ такомъ случаѣ дерется затѣмъ, что или видя, что люди худо дѣлаютъ и ошибаются, а прямо растолковать не умѣя, бѣть ихъ, или показавъ разъ пять или шесть, теряя несправедливо терпѣніе, наказываетъ съ досады, не понимая того, что не всѣ равно проворны родятся и что если есть такие изъ солдатъ, кои скоро все понимаютъ, большая часть есть такихъ, кои весьма тупо принимаются, и такихъ бить есть дѣло весьма безразсудное и безчеловѣчное. Неприлично и вредно, если сол-датъ ружье свое ненавидить чтѣ легко дѣлается, когда за ученье его бываютъ и когда онъ на оное инако взирать не можетъ какъ на инстру-ментъ своего мученія. Какъ дѣлать пріемы, при семъ описание прила-гается, а между тѣмъ сіе здѣсь прибавляю, что всего болѣе и нужноѣ учить заряжать скорымъ зарядомъ и прикладываться подъ мышку, держа ружье горизонтально такъ, чтобы дуло отнюдь вверхъ не подни-малось, и толковать каждому необходимость сихъ двухъ предписаній, что чѣмъ скорѣе заряжаетъ, тѣмъ болѣе бѣть непріятеля, а который убить, тотъ уже по тебѣ не стрѣляеть. Въ горизонтальномъ прикладѣ изъяснять каждому, что если прикладывается не такъ, а такъ какъ у насъ въ арміи обыкновенно дѣлаются, то дуло всегда почти выше замка, и пули всѣ вверхъ летаютъ, такъ что изъ ста тысячъ пуль ни одна въ непріятеля не попадаетъ.

6-е.

Если новоприведеннаго рекрута, не выуча его прежде позитурѣ, поворотамъ и маршированію, зачать тотчасъ учить ружьемъ, оное его совсѣмъ изломаетъ, и онъ уже никогда ни стоять, ни маршировать

порядочно умѣть не будетъ. Затѣмъ надлежитъ мало по малу, но прилежно учить его позитурѣ, которая есть слѣдующая. Поставить его безъ ружья вытянувшись прямо, такъ чтобы ни впередъ ни въ задъ не нагибался; плечи назадъ и ровно такъ, чтобы одно другаго не было выше, грудь впередъ, животъ въ себя, колѣни выворочены и вмѣстѣ. такъ какъ и ляжки; каблуки вмѣстѣ, носки выворочены правой на право, а лѣвой на лѣво; правая рука должна быть опущена, вольно въ натуральной позиціи, такъ чтобы оная не оттоныясь и не проплынутая къ тѣлу была; кисть у одной руки должна быть свернутая, но также непринужденнымъ образомъ и чтобы на сжатый кулакъ не походила, и вся сія рука должна быть нѣсколько назадъ: голову ни впередъ не нагибать, ни назадъ не перекидывать, а держать прямо, глазами смотрѣть быстро и весело. При семъ толковать надлежитъ, что когда стоитъ во фронтѣ, весьма мало поворотить на ту сторону; а если стоитъ на часахъ или идетъ рапортовать, то должны и голову держать прямо, рапоргую и смотрѣть прямо, и во всякомъ случаѣ когда съ кѣмъ говорить, то долженъ прямо и быстро смотрѣть въ глаза той особы кому рапортуетъ или съ кѣмъ разговариваетъ. Такимъ образомъ должно ставить неумѣющаго, но не надолго, а только повторять по часту.

Повороты на мѣстѣ на право и на лѣво, такъ какъ на право кругомъ и во фронтѣ, дѣлать на однихъ каблукахъ только и отнюдь всею ступенью ихъ не дѣлать. Когда онъ дни три или черезъ четыре совершенно будетъ знать позитуру, на ногахъ стоять будетъ твердо и повороты дѣлать не шатаясь и проворно, тогда начинать учить маршированью слѣдующимъ образомъ: поднять ногу съ вытянутымъ весьма колѣномъ, такъ чтобы въ ономъ ни малѣйшаго сгиба не было, ногу и ступню выворотить какъ можно болѣе въ полѣ*), носокъ какъ можно болѣе внизъ и опуская ногу, чтобы ступить, отнюдь колѣна не изгибать и не становиться на каблукъ прежде нежели на пальцы, а всегда оными прежде. Когда онъ выучится маршировать одинъ совершенно, тогда ставить его съ другими старыми, дабы въ взводѣ идучи съ оными ноги ровнять учился, въ чемъ состоить наипервѣйшая краса маршированія. Еще, уча его ходить по одиночкѣ, должно учить его на походѣ безъ остановки, какъ у насъ водится, на право, на лѣво и на право кругомъ оборачиваться. Сіе послѣднее надлежитъ всегда дѣлать ступя на лѣвую ногу и на оной поворачиваться, чтобъ послѣ и въ взводѣ пріучать почасту; тоже учить поспѣшному маршу, при которомъ наблюдать должно, чтобы шаги были не такъ велики какъ въ обыкновенномъ, но несравненно чаще, и притомъ при ономъ марши-

*) Старинное выраженіе, значить наружу. И. Б.

рованій имѣть тѣло гораздо впередъ. Какъ онъ все сіе знать будеть, то зачинать учить ружьемъ, наблюдая то, чтобы сперва ставить въ позитуру ружьемъ на плечѣ и повторять сіе много разъ, примѣчая, чтобы отъ тягости ружья одно плечо не было другаго ниже и чтобы онъ не терялъ вольной видъ, ибо человѣку необыкшему къ ружью трудно съ онымъ стоять съ непринужденнымъ видомъ. Потомъ учить его поворотамъ, имѣя ружье на плечѣ, потомъ маршировать одному съ онымъ, примѣчая, чтобы отъ тягости ружья не шатался; когда-жъ къ тому привыкнетъ, то учить его маршировать въ шеренгѣ и пріучать, чтобы умѣлъ ровнять себя и свое ружье съ прочими, а потомъ учить приемамъ, не отягощая его долгимъ ученемъ, учить цо малу съ большими роздыхами и немного въ день, такъ, чтобы ему въ охоту было; между тѣмъ толковать ему всю должностъ солдатскую и смотрѣть, чтобы учили его одѣваться и чистить всю свою аммуницію. Обходиться съ нимъ ласково, примѣчать его нравъ и стараться вперять въ него амбицію. Такъ выученный рекрутъ будетъ навѣкъ добропорядочный, надежный и прочный солдатъ.

7-е.

Ротной командиръ неотмѣнно долженъ всякаго изъ роты куда ни есть командированаго человѣка на караулъ, на ординарцы или на вѣсти куда, самъ осмотрѣть наиприлежнѣйшимъ образомъ, порядочно ли онъ одѣтъ и когда найдеть во всемъ исправно, тогда изъ роты выпустить, ибо всякая неопрятность въ одномъ или неравенство во многихъ на ротномъ командирѣ взыщется; а какъ одѣваться и обуваться, то уже во всѣхъ ротахъ прошло зимою въ Яссахъ даны мѣры, по коимъ непремѣнно слѣдовать и ни въ чемъ не перемѣнять. Кромѣ того, что онъ и въ исправности одежды осмотрѣть, онъ долженъ всякаго выходящаго на караулъ осмотрѣть аммуницію, а особенно исправность ружья, потомъ долженъ ему повторить, если тотъ идетъ на караулъ, какъ ему надлежитъ стоять бодро и пупце всего осторожно, какъ онъ долженъ думать о важности своей особы, когда онъ на часахъ стоитъ и что не токмо брань или грубое слово, но даже ни малѣйшей неучтивости никто, какого бы званія или чину человѣкъ ни былъ, ему сдѣлать не можетъ; а если тотъ осмѣлится, то онъ часовой долженъ его убить, и сіе отъ воли его зависитъ штыкомъ или прикладомъ, а если примѣтится, что онъ сіе стерпѣлъ, не сдѣлавъ тому наказанія, то по смѣнѣ съ караула самъ безъ пощады наказанъ будетъ. И для того неотмѣнно господамъ какъ ротнымъ командинамъ, такъ и прочимъ офицерамъ отнюдь, подъ опасенiemъ жестокаго штрафа, не дерзать говорить грубо и неучтиво съ часовыми и

не слѣдовать примѣру другихъ полковъ, гдѣ капитаны, не зная службы, отваживаются въ своихъ ротахъ бранить часовыхъ, если они въ чемъ ошибутся, не имѣя терпѣнія дожидаться, когда они съ караула смѣняются.

8-е.

Табели, списки арматурные и формулярные должны быть въ ротахъ въ самой точнѣйшей исправности. Ротный командиръ долженъ имѣть великое попеченіе о ротномъ провіантѣ и за цѣлость онаго отвѣтствуетъ; онъ же долженъ наблюдать, чтобы котлы въ ротѣ всегда вылу-жены были, отчего здоровье людей зависитъ.

9-е.

Вездѣ, куда бы то ни было, гдѣ пошлиются два или три человѣка, всегда одному изъ нихъ быть старшему, которому другіе или другой во всемъ повиноваться долженъ, а старшій за всякой безпорядокъ того или тѣхъ отвѣтствуетъ. Равномѣрно и на квартирахъ, если стоять два или три вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ долженъ начальствовать и за всѣхъ отвѣтствовать.

10-е.

Военные артикулы должны быть читаны въ ротѣ два раза въ недѣлю по Середамъ и по Воскресеньямъ всѣмъ нижнимъ чинамъ въ присутствіи одного офицера; при сихъ случаяхъ и самому ротному командиру часто присутствовать. Чтеніе сихъ артикуловъ должно быть громко, не скоро и явственно, а читать нижеслѣдующія главы и арти-кулы. Въ главѣ 3-ей артикулы 26-й и 27-й; въ главѣ 4-ой артикулы 41-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й и 49; въ главѣ 6-я артикулы 59-й и его толкованіе; въ главѣ 13-й артикулы 101-й и 103-й; въ главѣ 14-й артикулы 104-й, 105-й и его толкованіе; въ главѣ 15-й артикулы 117-й, 119-й, 121 и 122-й; въ главѣ 16-й артикулы 124-й, 125-й, 126-й, 127-й, 129-й и его толкованіе; въ главѣ 17-й артикулы 133-й, 135-й, 136-й, 137-й, 138-й; въ главѣ 19-й артикулы 154-й, 155-й, 156-й, 157-й, 160-й, 161-й, 162-й, 163-й; въ главѣ 21-й артикулы 178-й, 179-й, 180-й, 181-й, 182-й, 183-й, 184-й, 185-й, 188-й, 192-й, 194-й, 195-й, въ главѣ 22-й артикулы 196-й и его толкованіе; 197-й, 198-й и его толкованіе, 199-й, 200-й, 201-й, 202-й, и его толкованіе и артикуль 203-й.

Всѣ сіи главы и артикулы должно въ каждой ротѣ списать въ особливую тетрадь и читать рядовымъ, какъ уже показано, дважды въ недѣлю.

11-е.

Если нужно, чтобъ рядовой зналъ свою должностъ, кольми паче нужно, чтобъ сержанты, унтеръ-офицеры, капралы и ефрейторы оную знали, и затѣмъ ротному командиру неотмѣнно должно зачать съ того, чтобъ оныхъ совершенно ихъ должностіи выучить: ибо оные суть исполнители его приказовъ, надзиратели исправнаго исполненія оныхъ и суть тѣ самые, которые примѣромъ и дѣломъ во всякомъ случаѣ должны поправлять рядовыхъ, какъ въ экзерциціи, такъ въ одеждѣ, въ чистотѣ и въ добромъ поведеніи. Часто случается, что незнающій унтеръ-офицеръ или капраль своимъ незнаніемъ рядовыхъ совсѣмъ развращаетъ. И такъ надлежитъ сихъ надзирателей солдатскихъ по часту учить, по часту экзаменовать и стараться приводить въ совершенное должностіемъ ихъ принадлежащее состояніе; ибо къ крайнему моему негодованію я вижу много такихъ, кои за ружье приняться не умѣютъ, кои на караулѣ стоять и даже что на часы порядочно развести не знаютъ.

12-е.

Нужно также, чтобъ всѣ рядовые могли всегда и вездѣ ходить мельдѣ-ефрейторами*), и для того учить сему всякаго по одиночкѣ. Мельдѣ-ефрейторъ долженъ идти ни скоро, ни тихо, а натуральнымъ шагомъ; ружье нести подъ курокъ, а взять его подъ прикладъ, когда онъ будетъ въ 15 шагахъ той особы, къ которой посланъ и подошедши за три шага остановиться, сдѣлать, ружьемъ вольно, считая въ мысляхъ разъ, два, три, четыре между каждымъ темпомъ и рапортую говорить не сильно громко и не сильно тихо, а такъ какъ обыкновенно въ разговорѣ говорится. Должно произносить слова смѣло и явственно и какъ ружьемъ дѣлая, такъ и говоря, смотрѣть глазами быстро и весело, прямо въ глаза той особы, къ которой посланъ. Обороть долженъ дѣлать проворно и не всегда на право кругомъ, а смотря по мѣсту куда назадъ идти; ежели то просто на лѣво, на лѣво и поворотиться, ежели на право, то на право, а если прямо назадъ, то на право кругомъ. Ежели же отрапортовавши идти впередъ надлежитъ, чтобъ часто въ лагерь и на дворѣ случается, то не оборачиваясь никуда имѣеть идти прямо мимо той особы и прошѣдъ шаговъ 15-ть беретъ опять ружье подъ курокъ. Ежели жъ мельдѣ-ефрейторъ

*) Т. е. вѣстовыми (отъ Нѣмецкаго *melden*). П. Б.

идеть въ горницу и дверь отворена или кто другой ему отворить, то проходя оную, дабы не зацѣпить ружьемъ, долженъ такъ какъ онъ держаль оное на плечѣ вытянуть лѣвую руку впередъ горизонтально во всю руку и поворотить ее такъ, чтобы кисть руки была въ верхъ приклада, а миновавъ дверь опять поставить однимъ разомъ ружье на плечо, отнюдь не дотрогиваясь правою рукою; ежели-жъ дверь затворена, то чтобы ему ловко оную отворить можно было, то, взявъ ружье правою у того самаго мѣста гдѣ нынѣ берутъ, дѣлать къ ногѣ и опустить его; но чтобы прикладомъ до полу не доставало, лѣвою рукою отворить дверь и пошедъ затворить оною же рукою, а потомъ однимъ разомъ бросивъ ружье на плечо идти куда надлежить. Мельдѣ-ефрейторъ отнюдь не долженъ быть застѣнчивъ, а напротивъ того смѣлъ, бодръ и весель и въ состояніи бы говорить и отвѣтывать прилично; а до сего состоянія солдаты доходятъ только способомъ частаго обращенія съ офицерами, а особенно съ ротнымъ командиромъ. Ротной командиръ можетъ довольно часто съ рядовыми обращаться; онъ долженъ къ себѣ на квартиру или въ палатку по часту призывать ихъ, самъ долженъ весьма часто ходить къ нимъ въ квартиры или между палатками. Гдѣ бы онъ ни увидѣлъ, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ рядового своей роты, онъ не долженъ пропустить случай, чтобы у него чего не спросить и поговорить съ нимъ, хотя мало; надобно, чтобы онъ и офицеровъ своей роты къ тому пріучалъ, чтобы они, обращаясь съ grenадерами, толковали бы имъ какъ можно болѣе должностъ солдатскую.

13-е.

Ротной командиръ долженъ учить офицеровъ своей роты, чтобы они знали совершенно экзерцицію ружьемъ, ибо если они оную не знаютъ, то подчиненныхъ учить и поправлять не могутъ; чтобы они знали салютовать ружьемъ на мѣстѣ и на походѣ, командовать плутонгами, полудивизіонами и прочее что въ строю всякому офицеру случаться можетъ, чтобы они знали военный уставъ, военные артикулы, обряды службы и всякія къ полку по службѣ учрежденія. Неотмѣнно должно, когда рота стоитъ вся вмѣстѣ на квартирахъ и въ лагерѣ, чтобы ежедневно быть въ ротѣ одинъ офицеръ дневальный, который бы о всемъ вѣдалъ, которому бы все капитанъ приказывалъ и на немъ бы все онъ взыскивалъ. Ротной командиръ долженъ неприлежныхъ офицеровъ возбуждать къ прилежанію, стараться вперять въ нихъ охоту къ службѣ, а когда въ томъ не успѣть, меня увѣдомить.

14-е.

О эволюціяхъ я здѣсь ничего не предписываю, ибо сie есть не ротное дѣло и когда люди выучены совершенно маршировать, колоны строить, деплоировать и равняться фронтомъ, то изъ нихъ все что захочешь сдѣлаешь. Всего нужнѣе, чтобы пріучали ротные командиры людей своихъ, фронтомъ идучи, равняться и не терять ноги. Для первого надобно всякому толковать, чтобы онъ въ ту сторону куда равняются, могъ бы видѣть четвертаго человѣка, и для послѣдняго если съ ноги сбились, и чтобъ не останавливающись сie поправить, то надлежитъ барабанщику велѣть бить короткую дробь, а послѣ оной одни палки; дробь затѣмъ чтобъ фронтъ имѣлъ вниманіе и пріуготовился бы къ слѣдующему, то есть съ палками тотчасъ поднять лѣвую ногу, хотя уже ею кто бы и ступилъ и поднялъ было правую, однакожъ тотчасъ съ палками долженъ перемѣнить и поднять лѣвую.

15-е.

Наказанія должны быть въ ротѣ за вину, но разбирай оныя, напримѣръ: за ученье ружьемъ нужды нѣть, а иначо не наказывать какъ многимъ учениемъ тѣхъ, въ коихъ надлежащаго проворства не имѣется. Наказывать должно лгuna, лѣниваго, неряху, пьяницу; но смотрѣть, чтобъ наказанія не подходили къ жестокости; довольно 30-ть или 40 палокъ, ихъ охотно достать не захочетъ и конечно впередъ убѣгать ихъ будетъ; а если болѣе бить, симъ человѣка не исправишь, а въ лазаретъ отошлешь. Если же кто сдѣлалъ большое преступленіе, укралъ много или мало, ибо хотя на денежку, оное вину его не уменьшаетъ; если на караулѣ напился пьянъ, если начальника не послушалъ и спорилъ съ нимъ или грубянствовалъ съ онымъ, такихъ отнюдь да не дерзаетъ ротной командиръ у себя въ ротѣ наказывать, а немедленно имѣть къ полку представить, гдѣ жесточайшимъ образомъ безъ пощады наказанъ быть имѣеть.

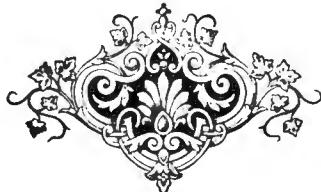
16-е.

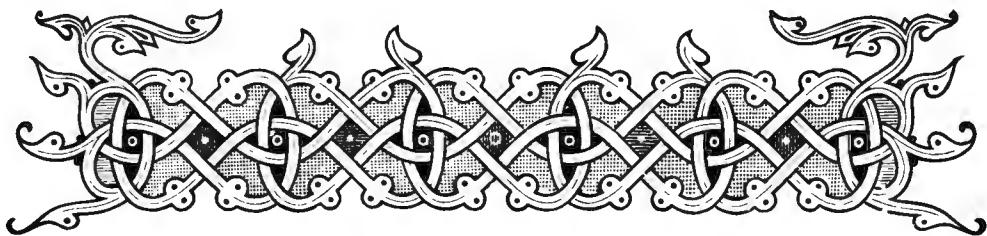
Ротной командиръ долженъ всегда при себѣ имѣть ротной списокъ съ показаніемъ всѣхъ отлучекъ, другой ранжирной всей роты, третій расписанный по капральствамъ, дабы во всякомъ случаѣ основательнѣе бы могъ дать отвѣтъ своимъ командирамъ.

17-е.

Сколь нужно, чтобъ капитана яко главу боялися всѣ въ ротѣ и почитали, столь же нужно, чтобъ его любили и имѣли бы къ нему наисовершеннѣйшую довѣренность. Онъ долженъ себя вести какъ отецъ съ дѣтьми, увѣщевая непорядочныхъ, поправляя ихъ совѣтами и наказывая милости недостойныхъ; отличать добрыхъ, дабы они сами и всѣ прочіе видѣли, что есть наказаніе за зло и воздаяніе за исправность и добродѣтель. Онъ долженъ входить во всѣ подробности ротнаго хозяйства, помогать имъ своими совѣтами, изыскивать имъ всѣ выгоды, кои отъ него безъ нарушенія службы зависятъ, имѣть попеченіе о ихъ цѣлости, посѣщать своихъ больныхъ; какъ можно чаще смотрѣть, есть ли за ними довольно призрѣнія, однимъ словомъ, имѣть попеченіе какъ о своихъ дѣтиахъ.

Дана оная инструкція Генваря 17-го дня 1774 года, въ Морженели.
Подлинную подпись графъ Воронцовъ.

Выдержки изъ записной книжки издателя „Русского Архива“.

На Французской выставкѣ въ Москвѣ можно было любоваться гипсовымъ груднымъ бюстомъ Екатерины. Его помѣстили такъ, что проходящимъ видна была надпись, находившаяся сзади: *Haec effigies sculpta fideliter exponit oblata reverente optimae reginarum memoriae a sua pronepte Ludmilla. ANNO MDCCCLXXXIX. In infelice spes.* Т. е.: это вѣрно изваянное изображеніе въ почтительную память лучшей изъ царицъ выставлено ея правнучкою Людмиллою. 1889 года. Въ несчастіи надежда. Означено имя ваятеля: *Millet de Marsilly.*

Такъ заявила себѣ Людмила Павловна Бутурлина, рожденная графиня Бобринская. Какое было у нея несчастіе и на что надежда, не знаемъ.

*

Въ 22 верстахъ отъ ст. Серго-Ивановской, по Московско-Брестской ж. дорогѣ, есть большое село Тёсово со стариннымъ домомъ, церковью и каменными службами. Теперь это владѣніе Сергѣя Сергѣевича Иванова, а прежде Тёсово принадлежало графу Ивану Петровичу Салтыкову, отъ которого пріобрѣтено известнымъ откупщикомъ Екатеринина вѣка Логиновымъ.

Какъ Логинова дать оправить,
Который золотомъ гремитъ?

говорилъ Державинъ. Логиновъ пользовался покровительствомъ князя Потемкина. Общее твердое преданіе увѣряетъ, что Логиновъ въ царствованіе Павла былъ удавленъ пріѣхавшими изъ Петербурга людьми въ подвалѣ Тёсовского дома. Одна изъ внучекъ Логинова, въ замужествѣ за иностранцемъ, живеть въ Италии и хранить письма къ ея дѣду отъ Потемкина и Екатерины. Другая внучка, Прасковья Ивановна, за известнымъ Казанскимъ губернаторомъ Никол. Яковлевичемъ Скарятиномъ, который нынѣ живеть въ двухъ верстахъ отъ богатаго помѣстя Тесовскаго, въ скромномъ поселкѣ, на берегу большаго проточнаго пруда. Деревянныя стѣны его небольшаго домика даже не оштукатурены, но все прибрано прилично и уютно, благодаря заботливости жены и дочери, Александры Николаевны (которую

я позволилъ себѣ прозвать морскою волною, за прекрасный густой ея голосъ). Я провелъ у нихъ съ 9 до 12 часовъ утра 26 Іюля 1885, возвращаясь изъ села Дугина на Серго-Ивановскую станцію Московско-Брестской ж. дороги, и со словъ Прасковы Ивановны записалъ ниже слѣдующее.

1. Иванъ Власьевичъ Логиновъ, Новгородскій дворянинъ. Измайловскій офицеръ, пріятель Потемкина и винный откупщикъ, былъ такъ богатъ, что въ одномъ Петербургѣ имѣлъ до 60 домовъ. Павелъ попросилъ у него денегъ. Логиновъ посовѣтовался съ Потемкинымъ и отказалъ. Воцарившись, Павелъ проѣзжалъ мимо его дома, къ чему-то придрался и велѣлъ снять съ дома крышу. На ту пору боленъ былъ сынъ Логинова отъ первого брака, Николай Ивановичъ, который и умеръ отъ этой передряги. Во второмъ бракѣ Логиновъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Арцыбашевой (ея сестра за Рубцовыми, во второмъ бракѣ за Чихачевыми, мать путешественника). Логиновъ удивленъ въ подвалѣ своего дома въ Тѣсокѣ, о чёмъ до сихъ поръ говорить вся округа, увѣряя, что и теперь въ одной комнатѣ, откуда шелъ ходъ въ подвалъ, бываютъ стуки и видѣнія. (Это подтвердилъ мнѣ владѣлецъ Тѣсова, С. С. Ивановъ, нѣкогда мой сослуживецъ по Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

2. Иванъ Ивановичъ Логиновъ, адъютантъ принца Виртембергскаго въ Витебскѣ, пріятель Якушкина, братъ Муравьевыхъ, ум. въ 1842 г. въ Ахенѣ, гдѣ поселился и имѣлъ свой домъ. Женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Ильиной, дочери артиллериста, служившаго въ Кіевѣ (ея сестра Елисав. Вас. за графомъ Петромъ Степановичемъ Толстымъ).

Паулина Ивановна за начальникомъ первого Кадетскаго корпуса Годде. Ея сынъ гусарь Петръ Годде ж. на Сапожниковой, а ея внука за графомъ Ростовцевымъ.

Елизавета Ивановна за Раевскимъ. Ихъ дочь Анна Михайловна за Хитровымъ, внукомъ князя Кутузова.

Людмила Ивановна за маркизомъ Делла-ди-Карабіола, княземъ Торелли, живеть въ Римѣ и владѣть бумагами дѣда.

Прасковья Ивановна Скарятини имѣеть сына Григорія, женатаго на княжнѣ Черкасской, и двухъ дочерей, дѣвицу Александру и Ольгу за Итальянскимъ кавалерійцемъ Гальяно.

Александра Ивановна за Мартенъ-Монте-ди-Беккаріа въ Туринѣ.

Софья Ивановна за Болонскимъ маркизомъ ди-Чентуріони.

По Запискамъ Державина, Логиновъ приличенъ былъ въ томъ, что взялъ откупъ, не представя своихъ залоговъ, а добывъ для того у Московскаго комисаріатскаго чиновника Руднева 400.000 казенныхъ денегъ. Онъ, по настоянію Державина, за это и поплатился; но у него все таки оставалось большое состояніе.

*

Вскорѣ по кончинѣ Павла Петровича, императрица-вдова его заказала икону, на которой изображенъ Спаситель на престолѣ, а передъ Нимъ стоящій на колѣняхъ Павелъ. Подъ иконою подпись: „Апокалипс. гл. VI, ст. 10“. Икона была поставлена мѣстною въ иконостасѣ Павловской дворцовой церкви. Тамъ случайно увидѣлъ ее Александръ Павловичъ и остался очень недоволенъ. Когда Павловскѣ достался въ наслѣдство Великому Князю Михаилу Павловичу, эта икона, по волѣ Государя, вынута изъ иконостаса и хранится теперь въ шкафѣ, въ алтарѣ той же церкви.

(Сообщено графомъ М. В. Толстымъ).

*

Графъ А. В. Адлербергъ сказывалъ, что не задолго до своей кончины Александръ Павловичъ отвелъ своей супругѣ старинные покой, въ которыхъ нѣкогда жила великою княгинею Марья Федоровна и гдѣ родился Николай Павловичъ. Императрица-мать не жила въ Царскомъ, и эти покой вовсе не были ей нужны. Однако она нѣсколько недѣль сердилась на сына за это распоряженіе. Она была женщина по преимуществу парадная и даже любила поимператорски. А. О. Смирнова, бывшая фрейлиной еще при ней, сказывала, что каждое утро надѣвали на нее мокрое лосинное платье, которое передъ отходомъ ко сну надо было распарывать, и оттуда вываливалось грузное тѣло, въ теченіи дня стянутое кожею, кромѣ корсета. Только величавой представительности успѣла она выучиться у Екатерины Великой.

*

Графъ А. В. Адлербергъ сказывалъ, что въ Берлинѣ на парадахъ Николай Павловичъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ своему тестю и даже публично цѣловалъ ему руку, что ихъ, молодыхъ офицеровъ, тогда оскорбляло.— „Нашъ пріѣхаль, настоящій!“ толковало Пруссское солдатство про Николая. Къ тому же и щедрота разливалась царская. Множество вещей въ Прусскихъ дворцахъ состоять изъ Русскихъ подарковъ; безчисленныя просьбы о вспоможеніи въ Русскомъ посольствѣ, въ проѣздѣ нашихъ царей, оплачивались даже и гораздо позднѣе, каждая не менѣе 10 талеровъ, и Варнгагенъ-фонъ-Энзѣ говорилъ мнѣ, что въ числѣ этихъ просьбъ бывали и отъ Берлинскихъ профессоровъ;

а протоіерей Палисадовъ (1858) сказывалъ, что его просьба о бѣдной Русской колоніи подъ Потсдамомъ оставлялась безъ уваженія.

*

Стихи Пушкина Соболевскому:

На досугѣ отобѣдай
У Пожарского въ Торжкѣ,
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налеткѣ.

Дочь ямщика въ Торжкѣ, Дарья Евдокимовна Пожарская, готовила котлеты для проѣзжающихъ. Онѣ понравились Государю Николаю Павловичу и вошли въ моду. Мало по малу слава Пожарскихъ котлетъ дошла до того, что сама Дарья уже нанимала съ кухни графа Нессельроде поваровъ готовить ихъ. Ловкая дѣвка, толстая, рослая и себѣ на умѣ стала вхожа ко двору; въ ней заискивали, и она умѣло пользовалась своею близостью къ сильнымъ міра сего. Слышано отъ Г. В. Грудева.

По кончинѣ фельдмаршала Воронцова († 1856, 6-го Н.) его вдова, подобно многимъ другимъ вдовамъ, принялась разбирать его переписку, долго этимъ занималась и производила уничтоженія. Тутъ же она разбирала и собственные свои бумаги. Попалась небольшая связка съ письмами Пушкина, и княгиня ихъ истребила: но домоправитель ея (впослѣдствіи и секретарь) Григорій Ивановичъ Тумачевскій, помогавшій ей въ разборѣ бумагъ, помнить въ одномъ Пушкинскомъ письмѣ выраженіе: *Que fait votre lourdaud de mari?* (Чтѣмъ дѣлаетъ вашъ неуклюжій супругъ?). Въ глубокой старости княгиня Елисавета Ксаверьевна восхищалась сочиненіями Пушкина: ей прочитывали ихъ почти каждый день, и такое чтеніе продолжалось цѣлые годы. Это сказывала мнѣ и жившая при ней до самой ея кончины (въ Одесѣ въ 1880) Ельвина Ланге.

12 Апрѣля 1889.

Въ Одесѣ проживаетъ у брата своего гр. А. Г. Строганова Идалія Григорьевна II., лѣвая дочь извѣстнаго сластолюбца графа (барона) Г. А. Строганова, воспѣтаго даже Байрономъ *), отъ какой-то Гречанки или вообще инородки. Она—вдова. У нея дочь за границею. Нрава она рѣзкаго или что Французы называютъ *acariâtre*. Мужъ ея нѣкогда служилъ въ кавалергардахъ. Это былъ наглецъ. Во времія Польскаго похода 1831 года онъ живился на счетъ графа Д. Н. Шереметева и даже завладѣвалъ его вещами и походною кроватью. Пріят-

*) Джулія говорить мужу въ доказательство своей безупречности: „Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій. Осталась я глуха къ его мольбамъ“. (Донъ Жуанъ въ переводѣ Козлова, I, 149).

телемъ ему былъ кавалергардъ, убійца Пушкина Гекернъ. Пушкинъ же часто бывалъ въ обществѣ кавалергардовъ, и Т. В. Шлыкова, вспоминая про Пушкина, говорила, что въ театрѣ встречала его постоянно съ кавалергардами. Покойная княгиня В. Ф. Вяземская обвиняла Идалію Григорьевну въ томъ, что она сводила Гекерна съ Наталіей Николаевной, которая съ ужасомъ рассказывала княгинѣ Вяземской, что однажды Идалія нарочно оставила ее вдвоемъ съ Гекерномъ, и что положеніе ея дѣлалось критическимъ, но ее спасла вѣжливая въ комнату дѣвочки, дочь Идаліи.

Смѣшно и для П. позорно, что нынѣ, въ глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говоритъ, что ее оскорбляетъ воздвигаемая въ Одессѣ статуя Пушкина, что она намѣрена поѣхать и плонуть на нее, что это былъ извергъ, и т. д. Елена Григорьевна Шереметева, недавно наѣхавшая въ Одессѣ престарѣлого графа А. Г. Строгонова, любя и хорошо зная поэзію Пушкина, была изумлена этими отзывами. Идалія Григорьевна заявляетъ большую нѣжность къ памяти Натальи Николаевны. Она разсказываетъ, что однажды ониѣхали въ каретѣ и напротивъ сидѣлъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ схватить ее за ногу. Наталья Николаевна пришла въ ужасъ, и потомъ по ея настоянію Пушкинъ просилъ у нея прощенія.

Есть поводъ думать, что Пушкинъ, зная свойства Идаліи, оскорблялъ ее, и она, изъ мести, была сочинительницей анонимныхъ писемъ, изъ которыхъ произошелъ поединокъ.

Графъ А. Г. Строгановъ, полувторя сестрѣ (которая отчасти имъ командуетъ) отзыается о Пушкинѣ полуупрѣзительно, какъ о какомъ-то рилемоплетѣ. Онъ говоритъ, что послѣ поединка онъѣздилъ въ домъ раненаго Пушкина, но увидалъ тамъ такія разбойническія лица и такую сквачину, чѣмъ предупреждалъ отца своего неѣхать туда.

Московская статуя Пушкина находится прямо противъ Страстного женскаго монастыря. Освящалъ ее митрополитъ Макарій. Какой-то шутникъ сказалъ:

Страстной въ восторгѣ монастыры:
Предъ нимъ стоить поэтъ отшельникъ.
„Монахини, долой Псалтырь
Вотъ вамъ Кавказскій пѣнникъ!“

въ плащѣ, а надъ нимъ фигура со свѣтильникомъ, представляющая Генія". „Не можешь себѣ представить, писалъ В. А. Мухановъ изъ Москвы своему Петербургскому брату, какъ Груша хохотала, когда мы ей читали второй разговор Татьяны съ Филиппевной; но она явно сердилась о первомъ, когда Татьяна говорить сказала, что она влюблена. Поступокъ яви ей очень не понравился. Она говорить, что на ея мѣстѣ она бы розгами хорошенко".

Заслуживаютъ вниманія письма къ Завалишину отъ извѣстнаго путешественника по Россіи Максимова, знатока простонародной жизни. Тутъ, если не ошибаемся, въ первый разъ въ нашей печати говорится охулительно про графа Муравьевъ-Амурскаго; но все таки не выясняется загадочная личность Завалишина.

Особенно занимательны воспоминанія самаго издателя съ подробностями о его рабочей службѣ въ Ліонѣ и потомъ въ Берлинѣ. Исполняешься уваженіемъ къ отцу его Ивану Васильевичу Щукину, который умѣлъ такъ попечительно и такъ дѣловито воспитать сыновей своихъ и оставилъ имъ не только крупное состояніе, но и привычку къ труду, къ занятіямъ дѣльными и любовь къ произведеніямъ искусства. Имя старшаго изъ нихъ Петра Ивановича остается навсегда памятнымъ въ Москвѣ, которой представилъ онъ въ собственность прекрасный Музей, плодъ своей непрерывной многолѣтней дѣятельности. П. Б.

* * *

О „Гербовнике“ Князева.

Въ библіотекѣ Казанскаго Университета, среди книгъ, поступившихъ туда изъ библіотеки князя Потемкина, хранится рукописный сборникъ дворянскихъ гербовъ, срисованныхъ съ печатей. Гербовникъ этотъ извѣстенъ, по имени его составителя, подъ названиемъ „Гербовникъ Анисима Титовича Князева“.

С. Н. Тройницкому, уже получившему извѣстность не одной работой въ области геральдики, пришла счастливая мысль издать этотъ любопытный сборникъ*). Задачу эту онъ вы-

полнилъ весьма успѣшно, и за это ему скажутъ большое спасибо любители Русской геральдики.

Особенное значеніе придаютъ этому изданію тѣ обстоятельно и старатально составленныя примѣчанія, которыми издатель сопровождаетъ отдѣльные рисунки гербовъ. Князевъ допустилъ въ своеемъ сборникѣ немало ошибокъ и неточностей. Часто одинъ и тотъ же гербъ приписанъ разнымъ лицамъ и т. п. Всѣ эти недочеты отмѣчены г. Тройницкимъ въ его примѣчаніяхъ. Кроме того, имъ отмѣчены всѣ обнаруженныя въ рисункахъ Князева особенности въ сравненіи съ гербами Высочайше утвержденными и съ гербами Польскими. Что касается послѣднихъ, то вліяніе ихъ на Русскую геральдику не подлежитъ сомнѣнію. Но при установлѣніи этого вліянія, намъ бы хотѣлось видѣть нѣсколько большую точность въ выраженіяхъ со стороны составителя примѣчаній. Такъ напр. есть большее основаніе говорить о сходствѣ между собою гербовъ Бакьевыхъ (стр. 5, рис. № 15) и Ергольскихъ (стр. 53 рис. № 152),—хотя въ главной своей части они совершенно несходны между собою, нежели о сходствѣ того и другого герба съ Польскимъ гербомъ „Наленчъ“, который отличается отъ нихъ фигурой, и нашлемникомъ. Однаково нельзя признать сходства между Гербомъ фамиліи фонъ-Липгардъ (стр. 84, рис. № 243) и гербомъ Масловыхъ (стр. 90, рис. №№ 264 и 265). Провѣривъ, въ отдѣльности, всѣ рисунки, такихъ случаевъ мы замѣтили немало. Съ другой стороны опять вызываетъ недоумѣніе, почему напр. г. Тройницкимъ не отмѣчено несомнѣнное сходство между гербомъ Буниныхъ (стр. 15, рис. № 41) и Польскимъ гербомъ „Бонъча“.

Эти наши замѣчанія нисколько не умаляютъ значенія работы г. Тройницкаго. Повторяемъ, трудъ его заслуживаетъ всякаго одобренія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что приложенныхъ къ книгѣ снимковъ, а равно и описанія вѣшности рукописи, вполнѣ достаточно, чтобы имѣть ясное и опредѣленное представлѣніе о ней.

У. Г. Иваскъ.

*) Гербовникъ Анисима Титовича Князева 1785 года. Издатель С. Н. Тройницкий. Спб. Въ тип. «Сиріусъ». 1912. 4^т. VIII+16 вен.-

190+2 вен. стр. Съ фототипическими и цвѣтнографическими снимками въ текстѣ и на отдельныхъ листахъ. Ц. 10 рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКИЙ АРХИВ
1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусксовъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русского Архива».

Нижеслѣдующія годовые изданія «Русского Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по пѣнѣ случайной и большою частію возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Уцѣлѣвшія отдельныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русского Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1903 продаются по 7 рублей за каждый годъ, годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ, платить за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексея Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

пятидесятий годъ.

РУССКІЙ АРХІВЪ

1912

6.

стр.

161. Изъ письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. 1814—1815 г.
206. Завѣщаніе Федора Петровича Гваза.
212. Московскіе храмы по уходѣ Французовъ. Запись И. М. Снѣгирева.
218. Очерки Терской Старины. Побѣга въ горы. Исторія одной раскольнической обители у Шамиля (1848—1859). Федора Чернозубова.
226. Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ М. И. Драгомировѣ. Безсмертного.
228. Письмо Ф. Ф. Вигедя. (Его послѣдняя жизнь въ Москве).
232. Злоключенія депутата. Къ исторіи Екатерининской Комиссіи. Н. Г. Иvasка.
234. Къ исторіи Поволжского раскода. Пришибенскіе иконоборцы. П. Юдина.
240. Искушеніе въ пустынѣ. Стихотвореніе Ф. Н. Глинин.
243. Къ годовщинѣ 1812 года. Эль-Эсь.
244. Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ. Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго. Сообщила И. А. Броинский.
254. Раненый Севастополецъ о поридкахъ въ Самферопольскомъ госпиталѣ 1855—1856. Записка Лебедева.
282. Переписка В. А. Жуковскаго съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ о Киревскомъ, съ предисловіемъ Д. Ф. Кобено.
287. Замѣтки о письмахъ Пушкина и о разнотченіяхъ въ его стихахъ. Ч. О. Лернера.
292. Письмо А. П. Зонтагъ къ П. И. Бартеневу.
295. Къ дѣлу о Царевичѣ Алексѣи Петровичѣ. Н. Г. Высоцкаго.
301. Списокъ ремесленниковъ, высланныхъ изъ Дерпта въ 1708 г. Сообщила Н. Г. Иvasка.
302. Челобитъе Марыи Ивановны Сурминой.
304. Александръ III. Рѣчь о Немъ А. М. Золотарева.
305. Привѣтъ старой Москвы Русскому Царю 28 Мая 1912. А. А. Александрова.
306. Письма къ П. И. Бартеневу отъ П. А. Плетнева и Н. П. Гилярова.
Внутри обложки: Голодъ во Франціи передъ нашествіемъ на Россію.
изъ Записокъ канцлера Панье, извлечено С. Фарфоровскимъ.

МОСКА.
Синодальная Типографія.

1912

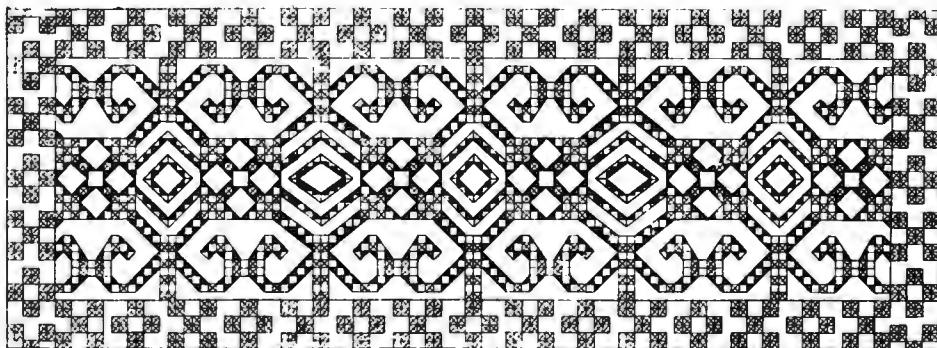
Положение Франции перед походом Наполеона в Россию.

Въ нашей печати почти ничего не говорится о внутреннемъ положеніи Франціи перед походомъ 1812 года. Много показаний о томъ даютъ Записки Пакье*), рисующія положеніе страны и то настроеніе, какимъ окочачено было тогда Наполеонъ. „Повышение изъ офицеровъ въ императоры, въ связи съ поставленными военными задачами, вскружило голову Наполеону, который вѣрилъ въ незакатность сїой звѣзды.

Внутреннее состояніе Франціи было ужасно. Неурядицы, волненія въ столицѣ, разраженіе въ провинціяхъ и департаментахъ, все это требовало долгой, неустанный внутренней работы. Наполеонъ, какъ военный гений, предоставляемъ эту работу мелкимъ чиновникамъ. Въ его военной головѣ всѣ такие вопросы разрѣшались легко и просто. Когда ему представляли, что нельзя рубить съ плеча, онъ гнѣвался, кричалъ, что окружающіе неспособны понять даже самыхъ простыхъ истинъ. Въ концѣ концовъ рѣшительнымъ средствомъ для прекращенія запутанности вопроса служилъ императорскій декретъ, прекращавшій всѣ затрудненія. И въ то время, какъ бѣдные чиновники должны были распутывать, подъ страхомъ наказанія, всѣ еще болѣе запутанные декретомъ вопросы, завоеватель устремлялся на поле битвы, въ походъ, въ ту атмосферу, где онъ жилъ и дышалъ свободно.

Въ концѣ 1811 года Францію постигъ лодѣй. Въ самомъ Парижѣ хлѣбъ сталъ рѣдкостью, пѣна на него возрасла, казенные запасы были незначительны. Чѣмъ дѣлать? Наполеонъ приказываетъ дать субсидію пекарямъ, отпустить изъ казенныхъ магазиновъ ржи и пшеницы по низкой цѣнѣ. Оказалось, что это не понизило цѣны на хлѣбъ, а обогатило пекарей. Тогда было решено, чтобы пекаря покупали муку по дорогойѣ цѣнѣ, а хлѣбъ продавали по лѣпшевой. Разница должна быть выплачиваема правителствомъ. Привести въ исполненіе это рѣшеніе оказалось нельзя, въ виду возможной стачки пекарей съ мухоморомъ.

*) Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

1814-й годъ *).

Льежъ, 3 (15) Февраля 1814.

Проведя шесть недѣль въ дорогѣ, путешествуя быстро и неудобно въ такое суровое время года, не имѣя времени писать вашему сіятельству, я не удивлюсь, что вы будете изумлены, увидя письмо помѣченное такимъ городомъ, гдѣ я и не думалъ быть самъ нѣсколько дней тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ сонъ, едва вѣроятный; и однако я дѣйствительно въ этомъ городѣ, въ комнатѣ графа Михаила и даже въ его присутствіи, пріѣхавъ провести съ нимъ нѣсколько дней и имѣть удовольствіе найти его въ добромъ здоровьи. Въ короткихъ словахъ, исторія вышла такая: обманутый въ своихъ надеждахъ встрѣтить его въ Берлинѣ или по дорогѣ изъ Лейпцига во Франкфуртъ, какъ онъ мнѣ предлагалъ, я рѣшился нагнать его въ Кельнѣ, руководясь числами и маршрутами, которыя онъ мнѣ прислая. И такъ, только я пріѣхалъ въ Брюссель, и Ея Величество отправилась на 6 дней въ Карльсруе (гдѣ братъ ея приготовилъ блестящія торжества въ честь ея) я предпочелъ употребить это время на поѣздку, и Ея Величество благоволила дать мнѣ отпускъ на недѣлю. Я пріѣхалъ въ Кельнѣ 31 прошлаго мѣсяца, къ несчастью на пять часовъ позже отѣзда графа Михаила въ Эксъ-ла-Шапель; какъ ни былъ я раздосадованъ и, такъ сказать, обезкураженъ, чтобы нагонять его въ этомъ городѣ, я рѣшился упорствовать и не останавливаться на половинѣ пути, пріѣхавъ уже сорокъ миль по Германіи. Наконецъ мнѣ посчастливилось найти графа почти въ минуту его отѣзда въ Льежъ, куда я его и сопроводилъ третьяго дня. Завтра мы оба уѣзжаемъ, онъ на Намюръ и Реймсъ,

*) См. выше, стр. 30.

а я—въ Брюссель, мѣсто, назначенное для пребыванія Ея Величества съ ея племянницею маркграфинею. При отѣзданіи Ея Величество въ два приема поручила мнѣ передать графу Михаилу свои привѣтствія и привести ей о немъ добрая вѣсти. Вообще она уважаетъ его больше всѣхъ почти нашихъ генераловъ.

Не стумѣю описать вамъ, графъ, все удовольствіе, испытанное отъ свиданія съ вашимъ сыномъ послѣ трехъ лѣть разлуки, лѣть, полныхъ важными событиями, какъ для всѣхъ въ совокупности, такъ и для каждого въ частности. Но особенно радъ я сказать вамъ, что относительно его здоровья я желалъ бы, чтобы ваше сіятельство могли сами убѣдиться, насколько оно удовлетворительно. У него прекрасный видъ, гораздо больше силы, нежели было въ Петербургѣ, и отг҃анокъ веселья и хорошаго расположения духа; я уѣзжаю восхищенный своей поѣздкою и счастливъ, что возымѣлъ эту благую мысль. Въ разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ, что ваше сіятельство одно время имѣли намѣреніе прїѣхать на материкъ для свиданія съ нимъ. Безъ сомнѣнія, это самое подходящее время: путешествіе по морю до Helvetsluys будетъ не долго, приближеніе прекраснаго времени года и счастливая развязка политическихъ дѣлъ, близость граfa Михаила, котораго ваше сіятельство увидите тотчасъ же, какъ кончится кампанія, чтѣ не преминеть, я думаю, исполниться именно къ нашему прїѣзду, пребываніе въ Брюссель Ея Величества, которая будетъ такъ рада васъ видѣть—все это причины, совокупность коихъ, можетъ быть, побудить ваше сіятельство выполнить ваше намѣреніе, не взирая на предложеніе граfa Михаила сѣѣздить въ Англію, какъ скоро кончится война. Путешествіе Ея Величества, какъ я имѣлъ честь сказать, было чрезвычайно трудное, часто почти невѣроятное; останавливались мы среди дороги изъ за невозможности двигаться дальше, и случилось два раза, что Ея Величеству не могли приготовить постели, и она совсѣмъ не почивала. Ваше сіятельство легко можете заключить, что это могло произойти только вслѣдствіе распоряженій завѣдующаго путешествіемъ*) подобнаго нашему, и судить, чтѣ испытывала часто свита Ея Величества. Я продолжаю до сихъ поръ удивляться, какъ могла Ея Величество перенести всю усталость и неудобства, она, которая никогда не путешествовала со временемъ своего прибытія въ Россію. Морозъ и выюги преслѣдовали насъ безпрерывно до береговъ Рейна, и только на другой день нашего прїѣзда въ Брюссель погода смягчилась. Проѣздъ Ея Величества черезъ Пруссію проходилъ какъ тріумфальное шествіе, пріятное для насъ, утомительное для нея, принужденной покоряться долгимъ и скучнымъ ока-

*) Т. е. Александра Львовича Нарышкина. И. Б.

зательствамъ. Нигдѣ не видѣлъ я такого энтузиазма къ нашей націи и ея властелинамъ, какъ въ Пруссіи и особенно въ коренной Пруссіи. Дальше, демонстраціи чувствъ были менѣе сильны, пропорционально нищетѣ, бѣдствіямъ и угнетенію, подавившимъ народный духъ. Съ Потсдама почти до Майнца видѣли мы слѣды бѣгства Бонапарта, и можно было бы сказать, что всѣ вороны съ земного шара слетѣлись въ эти мѣста на многочисленные трупы лошадей, чтобы указать проѣзжимъ дорогу, мѣстами совсѣмъ скрытую подъ глубокимъ снѣгомъ. Когда увидишь Путлеръ, Гельнгаузенъ, Ганау, можно составить себѣ вѣрное представленіе о разгромахъ войны по Бонапартовскому образцу; но, хвала Промышленію, это чудовище скоро погибнетъ, и мнѣ кажется, никакая власть не сможетъ спасти его, ибо очевидно, что Всемогущій Властелинъ навсегда отвернулся отъ него.

Во время моего пребыванія въ Веймарѣ великая княгиня часто говорила мнѣ о вашемъ сіятельствѣ и о лэди Пемброкъ, повторяя не разъ просьбу передать вамъ ея привѣтствія и сказать, что вспоминается о васъ всегда съ удовольствіемъ; она повторила это порученіе еще разъ въ тотъ день, когда я прощался съ нею. Эта добрая и отличная княгиня входила въ подробности всего, что касается лэди П. и ея дѣтей¹).

Шведская королева²), остающаяся въ Брюсселѣ, тоже спрашивала о васъ. Я имѣлъ случай восхищаться величію, съ какимъ она переносить свои несчастія. Ея сынъ очаровательный мальчикъ, замѣчательной наружности и, говорять, уменъ.

Принцесса Амалія тоже въ числѣ семьи въ Брюсселѣ и, вернувшись туда, я уже застану королеву Баварскую, которую ждали дней черезъ 8—10 послѣ моего отѣзда. Я желалъ бы, чтобы ваше сіятельство видѣли Ея Величество въ такіе рѣдкіе дни. Государь тоже долженъ былъ прїѣхать, но быстрый ходъ побѣдъ и событий, рѣшающихъ судьбу Европы, задержитъ его, вѣроятно, во Франціи до полной развязки политическихъ дѣлъ. Могу увѣритъ ваше сіятельство, что его нѣжность и заботы къ супругѣ счастливятъ всѣхъ и возбуждаютъ надежды на будущее. Безъ сомнѣнія въ данную минуту для него и Россіи не достаетъ только этого счастія³).

*

Брюссель, 5 (17) Марта 1814.

Такъ какъ Свининъ, развозящій прекрасныя извѣстія, проѣзжаетъ Брюссель на пуги въ Англію, то я не могъ удержаться поздравить ваше

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ называлъ ее перломъ семьи (*la perle de la famille*).

²⁾ Это сестра нашей императрицы Елизаветы Алексѣевны. П. Б.

³⁾ Этому, по свидѣтельству короля Леопольда, мѣшала императрица-матерь. П. Б.

сіятельство съ новыми успѣхами, пріобрѣтенными графомъ Михаиломъ въ его службѣ, славной и отмѣнной среди героевъ нашей родины. Раньше свиданія съ Свининнымъ, отправившись къ ихъ императорскимъ высочествамъ, великимъ князьямъ, кои прибыли сюда вчера поздно вечеромъ, и направляясь въ главную квартиру, я узналъ эту новость отъ молодыхъ прекрасныхъ великихъ князей, которые съ восхищеніемъ говорили мнѣ о графѣ Михаилѣ и о томъ, что онъ совершилъ. 24 часа держался онъ съ 18.000 людей на опасной позиції противъ 52.000 Французскихъ избранныхъ солдатъ, съ Бонапартомъ во главѣ, потерявъ 4.000 человѣкъ, но произвѣлъ страшное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ и забралъ плѣнныхъ и орудія. Великіе князья прибавили, что за это дѣло онъ долженъ былъ получить Георгія 2-й степени. Къ несчастію, въ этомъ кровавомъ дѣлѣ убить молодой графъ Строгановъ, единственный сынъ вашего друга, прекрасный молодой человѣкъ, надежда своей почтеннной семьи. Онъ былъ только что назначенъ къ графу Михаилу, что было горячимъ желаніемъ его родителей. Какое горе для семьи и какъ долженъ быть огорченъ графъ Михаилъ такой ужасной потерей! Послѣствіемъ этого дѣла было, что на слѣдующій день Блюхеръ окончательно разбилъ армію, а послѣдствіемъ сраженія—взятие приступомъ Реймса, 14.000 плѣнныхъ, по большей части старыхъ солдатъ, 50 пушекъ и бѣгство Бонапарта, котораго преслѣдуютъ Блюхеръ и Винцегероде и вѣроятно настигнуть до Парижа.

*

Намюръ, 27 Марта (8 Апрѣля) 1814.

Послѣ того, какъ я имѣлъ честь въ своемъ послѣднемъ письмѣ уведомить ваше сіятельство о несчастіи, случившемся съ графомъ Строгановымъ и предупредить о моей поѣздкѣ къ нему вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, мы дѣйствительно были уже во Франкфуртѣ, чтобы предварительно устроить нѣкоторая денежнага дѣла Ея Величества, какъ она прислала сказать намъ, чтобы мы неѣхали дальше, потому что графъ Витгенштайнъ, прибывъ въ Брухзаль, не согласился на отѣздъ графа Строганова изъ арміи, и самъ Государь, говоря о смерти его сына, совсѣмъ не упоминаетъ о немъ самомъ. Нѣсколько дней спустя, я имѣлъ счастіе получить письмо отъ графа Михаила и узналъ, что послѣ всѣхъ этихъ ужасныхъ дѣлъ съ 23 по 27 Февраля, онъ находится въ добромъ здоровьѣ. Изъ этого же письма узнали мы обѣ отѣзды графа Строганова въ Эксъ-ла-Шапель, и Ея Величество сказала намъѣхать къ нему на слѣдующій же день. Не заставть его тамъ, мы продолжали путь до сего города, гдѣ онъ былъ задержанъ тяжелымъ положеніемъ генералъ-лейтенанта Ланского, тяжело ранен-

наго въ дѣлѣ 23 Февраля, схватившаго затѣмъ гнилостную горячку и наконецъ умершаго здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Чтобы судить объ этой ужасной рѣзни, достаточно сказать, что этотъ день стоилъ намъ 4.000 солдатъ и семи генераловъ, изъ коихъ Ушаковъ убить, Ланской умеръ отъ ранъ (это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ кавалерійскихъ офицеровъ) и пятеро ранены. Вознесемъ хвалу Провидѣнію, сохранившему намъ графа Михаила, хотя и у него была прострѣлена шинель нѣсколькими пулями и ранена лошадь. Большинство лицъ его окружавшихъ и съ коими я познакомился за свою послѣднюю поѣздку или убиты или ранены, и огорченіе, которое я испыталъ отъ этого, отнимаетъ желаніе знакомиться впредь съ уважаемыми людьми, дѣйствующими на поприщѣ славномъ, побѣдоносномъ.

Я узналъ здѣсь отъ графа Строганова, что графъ Михаиль уже получилъ за свое геройство Георгія 2-й степени. Изъ всѣхъ его наградъ эта доставила мнѣ наибольшее удовольствіе, и я отъ всего сердца поздравляю ваше сіятельство. Такъ какъ вѣроятно, что, благодаря необычайной дѣятельности, въ которой онъ находится, ваше сіятельство не будете имѣть отъ него частыхъ вѣстей, то я съ тѣмъ большею радостью пользуюсь случаемъ сообщить вамъ о немъ. Генераль-адъютантъ Кутузовъ, проѣхавшій сегодня утромъ съ вѣстями о событияхъ прекрасныхъ, равно и необычайныхъ, которыя произошли въ Парижѣ, видѣлъ графа Михаила пять дней тому назадъ. Это онъ досталъ графу Строганову разрѣшеніеѣхать въ Россію, благодаря письму, написанному имъ послѣ сдачи графу Строганову командованія его корпусомъ: ибо адъютантъ послѣдняго, посланный имъ съ рапортами и т. д., пропалъ и не появлялся въ главной квартирѣ. Кутузовъ говорить, что графъ Михаиль не въ Парижѣ, а двинулся дальше. Слава Богу, онъ, кажется, отѣдался отъ Винценгероде, допустившаго перебить его прекрасную кавалерію близь Витри и не прїехавшаго въ Парижъ. Признаюсь, очень тягостно видѣть графа Михаила подъ начальствомъ этого проходимца, который поступаетъ со времени соединенія своего съ Блюхеромъ довольно загадочно; не только генералы, но и самые мелкіе офицеры громко ропщутъ на него. Съ нетерпѣніемъ жду еще извѣстій о графѣ Михаилѣ, ибо, кажется, ему суждено нанести послѣдній ударъ Бонапарту; а какое счастіе не страшиться больше опасностей, особенно если Ожерѣ, Мармонѣ и Мортѣ перешли на правую сторону.

Графъ Строгановъ поручилъ мнѣ напомнить о себѣ вашему сіятельству, равно и князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Мы нашли первого удрученного горемъ и очень похудѣвшаго; однако онъ

переносить свое несчастіе съ возможною твердостью и покорностью, и здоровье его не плохо.

Мы уѣзжаемъ всѣ вмѣстѣ сегодня послѣ полудня на Кельнъ, гдѣ разстанемся: онъ пойдетъ въ Россію, а мы вернемся къ Ея Величеству. Не представляю себѣ, какъ несчастная графиня Строганова перенесеть свое бѣдствіе, она—такая хрупкая и слабая здоровьемъ.

Къ нашемъ путешествіи произошла задержка по случаю проѣзда пресловутаго Шведскаго принца. Онъ никакъ не могъ доѣхать къ Государю въ главную квартиру, встрѣтивъ въ дорогѣ Бонапарта, отнявшаго у него генерала Шильдебрандта и его адютанта, бѣхавшихъ впереди. Итакъ, онъ повернуль назадъ и въ данное время идетъ на Брюссель. Это немного поздно и, кажется, онъ начинаетъ испытывать страхъ, и не безъ причины. Въ этихъ мѣстахъ ненавидятъ его и его Шведовъ, захватившихъ и сѣѣвшихъ громадное количество припасовъ и набравшихъ еще припасовъ для Швеціи, кои они отправили туда за счетъ страны. Кромѣ того онъ, его свита и всѣ офицеры жили здѣсь даромъ. Ужасное паденіе Бонапарта должно навести его на печальныя размышенія, особенно въ виду затрудненій съ Норвегіею. Шепчуясь, что союзники возымѣли великодушіе или жалость предложить Бонапарту избрать себѣ пріютъ и попросить чего нибудь для поддержанія его существованія. Я отъ этого въ отчаяніи; это означаетъ, если слухъ вѣренъ, что чудовище не успокоится и будетъ возбуждать новыя смуты во Франціи и Италии. Къ тому же справедливость требуетъ, чтобы онъ искупилъ свои преступленія на эшафотѣ.

*

Баденъ, 20 Іюня (2 Іюля) 1814.

Мы покидаемъ Баденъ завтра утромъ, узнавъ, что Государь можетъ прибыть въ Брухзаль послѣ завтра или день спустя. Ея Величество чувствуетъ себя прекрасно, и я даже нахожу, что она пополнѣла. Она поручила мнѣ напомнить вамъ о ней. Къ сожалѣнію дурная погода не позволила вполнѣ воспользоваться этимъ очаровательнымъ и однимъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстомъ. Я однако воспользовался имъ, чтобы принять до двадцати ваннъ, принесшихъ мнѣ некоторую пользу. Многіе изъ нашихъ раненыхъ офицеровъ находятъ здѣсь облегченіе, но дороговизна чрезмѣрна. Пріѣздъ Ея Величества былъ истиннымъ счастіемъ для бѣдняковъ. Поляки все портятъ азартную игрою; они изъ числа того отвратительного пріобрѣтенія, которое Россія сдѣлала изъ офицеровъ Бонапартовыхъ, и я считаю ихъ настоящей язвою. Надѣюсь,

что эти Поляки составлять отдельный корпус и не внесутъ заразы въ нашу храбрую армію.

*

Брухзаль, 6 (18) Іюля 1814.

Ваше сіятельство спрашиваете о подробностяхъ пребыванія здѣсь Государя и о времени возвращенія его въ Россію. Имѣю честь отвѣтить вамъ, что Государь провелъ здѣсь только шесть дней и прошлую Среду уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ останавливался на два часа въ Гейльбронѣ, столько же въ Дармштадтѣ и часть во Франкфуртѣ; въ Веймарѣ онъ долженъ былъ остановиться только для обѣда и на нѣсколько часовъ въ Лейпцигѣ. Онъ разсчитывалъ быть въ Петербургѣ 15 (27) этого мѣсяца. Онъ предложилъ Государынѣ остаться здѣсь и пріѣхать въ Вѣну, чтобы провести вмѣстѣ время, пока будетъ длиться конгрессъ. Онъ разсчиталъ, что 31 Августа ст. ст. выѣдетъ изъ Петербурга и будетъ въ Вѣнѣ 13 Сентября. Всѣдѣствіе этого Ея Величества предполагаетъ покинуть эти края въ концѣ Августа, провести недѣли двѣ въ Мюнхенѣ и выѣхать оттуда въ Вѣну 14 или 15 Сентября. Послѣ конгресса Государь думаетъ прїѣхать съ Ея Величествомъ въ Мюнхенъ и Штутгартѣ, чтобы выполнить обѣщаніе, данное королю Баварскому и Вюртембергскому, провести нѣсколько дней съ маркграфинею, и тогда уже решать, будетъ ли Ея Величество сопровождать его въ Берлинъ или пройдеть прямо въ Петербургъ. Его Величество не можетъ миновать Берлинъ, ибо здѣсь ждутъ дней черезъ пять-шесть Прусского короля, а такъ какъ онъ привязанъ къ Ея Величеству памятю покойной королевы, не считая другихъ причинъ, связывающихъ его съ Государемъ и Россіею, то я увѣренъ, что онъ попытается пригласить Ея Величество, и Ея Величество не сможетъ не принять приглашенія, такъ какъ должна близко пройзжать отъ столицы. Ваше сіятельство видите, что этотъ распорядокъ продержитъ насъ до Ноября, и я не думаю, чтобы мы могли вернуться домой раньше начала Декабря, если не произойдетъ какой либо перемѣны въ планѣ. Весь этотъ разсчетъ основанъ на словахъ Нессельроде и Булгакова, сказавшихъ мнѣ, что конгрессъ не продлится свыше трехъ недѣль, такъ какъ все уже зарапѣе обсужденено въ Парижѣ и Лондонѣ и могутъ явиться только второстепенные обсужденія; дѣло будетъ, слѣдовательно, заключаться, по обычаю, только въ изложеніи всего письменно.

Что касается въ частности Ея Величества, мы всѣ въ восторгѣ и въ радости. Дѣйствительно, невозможно выказать больше заботъ и трогательныхъ доказательствъ самой нѣжной дружбы по отношенію къ Ея Величеству и вниманія ко всей семье, какъ это дѣлалъ Государь.

Все было слишкомъ очевидно, чтобы мы не прониклись радостью и надеждами на будущее. Дай Богъ, чтобы такъ и осталось; Россія и самъ Государь будуть счастливы и довольны. Первое свиданіе въ Рорбахѣ, насколько я знаю, было въ высшей степени трогательно. Ея Величество сопровождали только ея сестра, принцесса Амадія, и одна изъ нашихъ придворныхъ дамъ. Взаимное удовлетвореніе Ихъ Императорскихъ Величествъ было тѣмъ болѣе очевидно, что было отмѣчено самой настоящей искренностью. Опасна поѣзда въ Россію*). Ея Величество была готова и рѣшила ѿхать нѣсколько дней спустя за Государемъ въ Петербургъ; но окончательное рѣшеніе было предоставлено Государю. Шведская королева и в. княгиня Екатерина заставили рѣшить по своему желанію: первая для дѣтей, коимъ Государь взялся подъ секретомъ быть опекуномъ, а вторая, дабы съ Ея Величествомъ можно бы и ей ѿхать въ Вѣну. Минѣ давно известны ея виды на эрц-герцога Карла, и такъ какъ мы теперь уже остались, то я желаю сердечно ей успѣха. Но, признаюсь, не могу не жалѣть о сей отсрочкѣ, во первыхъ по причинѣ разныхъ сплетень и пр. и пр.; во вторыхъ, что не надо было жертвовать настоящимъ для будущаго, которое не всегда вѣрно, а всегда неизвѣстно. Но съ надеждою на Бога остается намъ еще жить здѣсь шесть недѣль безвыѣздно.

Послѣ отѣзда Пруссаго короля, коего ждутъ 13 (25) Сентября, сего мѣсяца, Ея Величество и весь дворъ ѿдутъ въ Баденъ, мѣстопребываніе пріятное и коимъ я хочу воспользоваться и пить воды, которыя принесли мнѣ нѣкоторое облегченіе въ тѣ десять дней, чѣмъ я тамъ провелъ. Король и королева Баварскіе пріѣдутъ туда послѣ завтра; слѣдовательно вся семья снова будетъ въ сборѣ. Минѣ очень хотѣлось совершить трехнедѣльную поѣзду, чтобы повидать ваше сіятельство и лично выразить чувства почтительной и вѣчной преданности; но, къ несчастію, будучи единственнымъ для всякаго рода работъ, имѣя кромѣ того деньги и кредитъ на свое имя, а также обязанность привѣрять счета, я не смѣю просить объ этомъ Ея Величество, тѣмъ болѣе, что князь Голицынъ уже получилъ разрѣшеніе Ея Величества на поѣзду въ Швейцарію и уѣзжаетъ послѣ завтра.

Если, однако, въ будущемъ, особливо, если Ея Величество поѣдетъ обратно съ Государемъ, я увижу, что не такъ необходимъ ей, то моимъ величайшимъ счастіемъ будетъ увидѣть своего благодѣтеля, второго отца, коему я обязанъ своимъ положеніемъ, благосостояніемъ, всѣмъ,

*) Эти четыре слова написаны по русски. П. Б.

включая чувства и правила, руководящія мною. Я увѣренъ, что ваше сіятельство не откажете мнѣ въ милости быть свидѣтелемъ вашего свиданія съ графомъ Михаиломъ и примите меня какъ человѣка, преданного вамъ на всю жизнь. Одна мысль о такомъ счастіи дѣлаетъ скучное пребываніе при Нѣмецкомъ дворѣ переносимымъ, и я всѣмъ сердцемъ желаю возможности ее осуществить.

Государь послѣ моего назначенія къ Ея Величеству скоро уѣхалъ въ армію, и только здѣсь имѣлъ я счастіе быть ему представленнымъ въ первый разъ Ея Величествомъ. Могу поздравить себя съ милостью и добротою, съ коими онъ меня принялъ. Между прочимъ онъ спросилъ, сколько лѣтъ я былъ при вашемъ сіятельствѣ и сказалъ, что видѣлъ васъ въ добромъ здоровьѣ и безъ всякой перемѣны съ поѣздки въ Россію. Я понимаю восторгъ Англичанъ при видѣ Государя, коего привѣтливость, доброта и милость равны его славѣ и величію. Государь самъ восхищаетъ Англію; онъ сказалъ Ея Величеству, что очень жалѣлъ обѣ ея отсутствіи въ Лондонѣ, пребыванія въ коемъ онъ никогда не забудетъ; что касается Парижа, то онъ покинулъ его съ удовольствиемъ, какъ самый худшій изъ бивуаковъ.

*

Баденъ, 16 (28) Августа 1814.

Въ данное время Ея Величество готовится покинуть Баденъ 1-го Сентября н. ст. и Карлсруэ 8-го числа, чтобы прибыть въ Мюнхенъ 10-го. Къ 15-му она должна быть въ Вѣнѣ непосредственно послѣ прїѣзда Государя. Это тѣ же предположенія, чтѣ были сдѣланы въ бытность Государя здѣсь и подтвержденіе коихъ онъ прислалъ Ея Величеству съ курьеромъ, прибывшимъ нѣсколько дней тому назадъ; съ нимъ же Государь сообщаетъ о своемъ отѣѣздѣ изъ Петербурга въ послѣдній день Августа. Такимъ образомъ я принужденъ завтра утромъѣхать въ Аугсбургъ, приготовить нужные для путешествія деньги, и вернусь въ Карлсруэ за три дня до отѣѣзда Ея Величества. Пока съ довѣріемъ говорять о возвращеніи сюда Ея Величества съ Государемъ послѣ конгресса, и я съ трепетомъ помышляю о времени, когда это возвращеніе состоится. Дай Богъ, чтобы послѣдствія были счастливы для Россіи и Ея Величества.

Я читалъ въ газетахъ обѣ отѣѣздѣ лорда Каствлрѣ, а изъ Парижа извѣщаютъ, что Талейранъ тоже готовится къ отѣѣзу. Потребуется много тонкости работать съ этимъ человѣкомъ. Франція береть тонъ, отъ котораго могла бы пока воздержаться послѣ несчастій,

причиненныхъ ей міру и справедливаго униженія, испытаннаго ею въ наказаніе за столько преступленій. Признаюсь, роль, которую въ данное время играетъ Людовикъ XVIII, указываетъ на слабость, чего въ началѣ въ немъ не предполагали. Утверждать почти всѣ гнусныя учрежденія Бонапарта развѣ не значитъ признавать ихъ законность? Послѣдствія могутъ оказаться неисчислимы и пагубны. Герцогъ Беррійскій въ Корсикѣ тоже задаетъ тонъ своими воинственными предложеніями: было бы лучше, если бы онъ отплылъ съ своими храбрецами и баҳвалами на завоеваніе Санть-Домінго, нежели говорить о своихъ будущихъ подвигахъ въ Европѣ.

Говорять, нѣть границъ, на которыхъ Австрія не дѣлала бы проектовъ своего расширенія, и потому неудивительно, что Виртембергъ открыто вооружается, а остальные Нѣмецкіе принцы дѣлаютъ тоже втихомолку. Въ Италии большинство частныхъ владѣній конфисковано. Принцесса Августа Баварская, жена бывшаго вицекороля, не можетъ даже получить свои приданые наряды, конфискованные у нея, не смотря на просьбы. Указываютъ на черты жадности и Гарпагоновой скучности этого правительства, которая не къ славѣ его будутъ заявляться на конгрессѣ. Но все же невозможно ждать войны, какъ слѣдствія конгресса. Хотя многіе вѣрятъ въ это, и нѣкоторыя письма изъ нашей арміи о томъ говорятъ.

*

Вѣна, 11 (23) Октября 1814.

Нашъ отъѣздъ отсюда такъ неопределѣнъ, что Ея Величество сама не можетъ указать на точный срокъ. Впрочемъ думаютъ, что конгрессъ не продолжится дальше 15 Ноября н. ст. Путешествіе зимою будетъ ужасно, а такъ какъ видимо рѣшено, что остановка въ Мюнхенѣ продлится не болѣе 5 дней, въ Штутгардтѣ 2 дня и въ Брухзаль—8, къ чему слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько дней на Веймаръ и Берлинъ, то въ Петербургъ мы, вѣроятно, будемъ въ Генварѣ. Государь изъ Берлина сѣздицъ въ Варшаву. Не смотря на привычку, образовавшуюся здѣсь, быть вмѣстѣ и жить въ согласіи, которымъ окружающіе не могутъ достаточно налюбоваться и которое сулитъ въ будущемъ счастіе для Россіи, мало вѣроятія, чтобы Государь, привыкшій путешествовать быстро, день и ночь, свыкелъ съ такимъ путешествіемъ, на которое будетъ обречена Ея Величество. Впрочемъ, дальше станетъ видно. Дай Боже, чтобы въ Петербургѣ не было больше горя; а на это можно надѣяться съ отѣздомъ Н.*), которая уѣхала въ Парижъ на два года, а можетъ, надѣюсь, и на болѣе долгій срокъ. Разъ это обстоятельство

*) Мары Антоновны Нарышкиной. П. Б.

будетъ уложено, можно будетъ сказать, что Россія восторжествовала надъ всѣми врагами виѣшними и внутренними. Особенно можно будетъ это сказать и въ томъ увѣриться, если, какъ пишутъ изъ Петербурга, уничтоженіе министерствъ и возвращеніе къ прежнимъ формамъ управлениія будетъ одною изъ первыхъ мѣръ послѣ конгресса. Полнаго счастія достигнетъ Россія только съ паденіемъ всѣхъ этихъ мелкихъ тирановъ и когда умъ великаго основателя Россійской имперіи оживить всѣя омертвѣвшія части. Отставка графа Румянцова, призывъ Троицинскаго въ Министерство Юстиціи и Мордвинова въ президенты экономической части Совѣта, довольно хороши для начала; найдутся и Мѣрковы, и Салтыковы, и Новосильцовы, и другіе; стоить только серьезно этого захотѣть.

Послѣдній государственный секретарь, Шишковъ сдѣланъ членомъ Совѣта безъ назначенія кого либо на его мѣсто; въ этой отсрочкѣ видѣть какъ бы признакъ упраздненія Совѣта, образецъ коего данъ Бонапартомъ.

Я знаю, графъ, что эрцъ-герцогъ Карлъ былъ первымъ женихомъ, предназначавшимся великой княгинѣ Екатеринѣ и къ которому она дажечувствовала расположеніе. Я думаю, что ихъ бракъ былъ почти рѣшенъ до поѣздки въ Лондонъ; именно тамъ представилась новая партія и была предпочтена первой. Эрцъ-герцогъ былъ самъ потомъ въ Эгра (Egra); говорили, будто онъ получилъ формальный отказъ. Но судя по вниманію и заботамъ, которыя онъ оказываетъ ей до сихъ поръ, нужно думать, что отвѣтъ былъ уклончивъ. Королевскій принцъ Виртембергскій *) болѣе сдержанъ, вѣроятно вслѣдствіе присутствія всей Баварской семьи, но держится съ видимою увѣренностью. Оба, видимо, увлечены ею. Пока неизвѣстенъ отвѣтъ Императрицы-матери и приняла ли она послѣдняго, но ихъ бракъ считаются рѣшеннымъ, чего съ своей стороны очень желаетъ король. Такъ какъ известно, что преобладающая страсть великой княгини—честолюбіе, и мать слишкомъ обожаетъ ее, чтобы отказать въ томъ, чего она желаетъ, то можно смотрѣть на это дѣло, какъ на рѣшеное, по крайней мѣрѣ почти всѣ такъ и смотрѣтъ. Причины, выставляемыя вашимъ сіятельствомъ, слишкомъ важны, чтобы не видѣть, что этотъ бракъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе перваго, какъ бы ни было это безнравственно по отношенію къ принцессѣ Баварской, коей разводъ и несостоятельность брака объявлены. Я видѣлъ эту несчастную принцессу въ Мюнхенѣ. Ея умъ, кротость и доброта заставляютъ забывать о безобразіи, которое вовсе не такое

*) Это сынъ Зельмпры. П. Б.

отталкивающе, какъ я полагалъ. Думаю, что она будетъ хорошо отомщена своей преемницею.

Мнѣ пишутъ, что графъ Растопчинъ поѣхалъ въ деревню; другіе увѣряютъ, что онъ поѣдетъ за границу, чemu я не вѣрю. Вѣрно то, что онъ просилъ уволить его отъ управления Москвою. Наскучивъ всякими придирками, которыя начаты покойнымъ Валуевымъ и продолжены многими другими, онъ, думаю, потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Меня увѣряютъ, что Государь обошелся съ нимъ очень милостиво, и такъ какъ его назначили членомъ Совѣта, то, пожалуй, онъ будетъ имѣть значеніе, если департаменты нашего управления преобразуются согласно началамъ Петра Великаго, а едва ли пайдется болѣе ревностный приверженецъ этихъ началъ, какъ графъ Растопчинъ. Князь Чарторыжскій здѣсь и просилъ меня напомнить о себѣ вашему сіятельству. Онъ, повидимому, не играетъ никакой роли; впрочемъ, онъ достаточно сдержанъ и скроменъ, чтобы выставляться. Новосильцевъ пока въ Варшавѣ и въ проѣздѣ Государя получилъ ленту св. Александра. Что касается графа Строганова, то онъ здоровъ, но его горе неизлечимо, и я съ прискорбиемъ узнаю, что онъ сталъ страдать острой меланхоліей. Ваше сіятельство можете быть покойны относительно своего письма къ нему въ Эксѣ-ла-Шапель; онъ говорилъ мнѣ о немъ съ глубокимъ чувствомъ, когда я видѣлъ его въ Намюрѣ.

Нѣсколько дней уже весь городъ занятъ слухомъ, ложнымъ или вѣрнымъ, трудно сказать, но достаточно необычнымъ, чтобы не сообщить о немъ вашему сіятельству: это—даръ здѣшняго дома со всѣмъ что въ немъ, поднесенный графомъ Разумовскимъ Государю. Нѣть сомнѣнія, что онъ его сдѣлалъ, но что Государь принялъ, какъ думаютъ, невѣроятно. Вотъ какія подробности этого дѣла узналъ я отъ освѣдомленныхъ людей. Графъ Разумовскій, давшій нѣсколько дней тому назадъ обѣдъ ихъ величествамъ и высочествамъ, явился на слѣдующій день благодарить Государя за оказанную честь и между прочимъ прибавилъ: „Ваше Величество обѣдали у себя, ибо я вывезъ изъ Россіи для постройки этого дома миллионъ рублей не для того, чтобы оставлять его въ Вѣнѣ. Я строилъ домъ съ мыслю, что онъ навсегда останется дворцомъ для посольства вашего величества (ясно, что онъ просился опять въ послы). Теперь я умоляю принять его для таковой надобности, и такъ какъ онъ имѣеть достаточный запасный капиталъ для оплачиванія расходовъ по содержанію, то я буду имѣть утѣшеніе знать, что выстроилъ это помѣщеніе для пользы общественной и что оно не будетъ въ тягость родинѣ“. Государь отвѣчалъ, что не хочетъ

лишать племянниковъ и племянницъ графа такого значительного наслѣдства и не требуетъ такой большой жертвы для доказательствъ усердія графа, которое онъ всегда влагалъ въ свою службу. Графъ, говорять, продолжалъ настаивать, и тогда Государь сказалъ: „Вы узнаете черезъ нѣсколько дней, графъ, какъ я умѣю цѣнить и награждать достоинства и долгія и важныя заслуги, оказанныя мнѣ вами“ . Этаъ неопределенный отвѣтъ далъ поводъ думать, что Государь принялъ дворецъ Разумовскаго и назначаетъ его канцлеромъ. Зная однако, что графъ не помышляетъ о возвращеніи въ Россію, предполагаютъ, что, получивъ это званіе, онъ вернется сюда посломъ и останется жить въ собственномъ дворцѣ. При отѣздѣ ихъ величествъ вопросъ долженъ выясниться. Другое охотно вѣрятъ, что мысль о возможности брака великой княгини съ эрцъ-герцогомъ Карломъ дала поводъ графу Р. сдѣлать это предложеніе; нѣкоторыя низости, не довольно скрываемыя, которыя все замѣтили въ этомъ великолѣпномъ и горделивомъ человѣкѣ, придаютъ слуху вѣроятность. Самъ графъ Штакельбергъ испыталъ живѣйшее беспокойство, но видимо успокоился съ того времени, какъ Государь удостоилъ быть у него на балу, нѣсколько дней тому назадъ, и обѣщалъ прїѣхать еще разъ. Самое вѣроятное заключеніе, которое можно сдѣлать изъ этого слуха, по моему мнѣнію, то, что Государь пожелалъ дать большой обѣдъ на слѣдующій день годовщины Лейпцигской битвы генераламъ и офицерамъ всѣхъ союзныхъ державъ, и графъ Р. предложилъ ему свое обширное помѣщеніе и такъ какъ дѣйствительно обѣдъ данъ въ его дворцѣ, то это истолковали совсѣмъ иначе. Обѣдъ состоялся 7(19) числа и, увѣряютъ, былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ; 360 персонъ были обслужены такъ, какъ будто ихъ было не болѣе 25. Говорятъ, что обѣдъ и убранство стоили 200.000 флориновъ, чѣдъ составляетъ по теперешнему курсу столько же рублей. Наканунѣ, т. е. 18 (6) императоръ Австрійскій далъ военный праздникъ съ молебномъ, совершеннымъ въ Пратерѣ и съ парадомъ, послѣ чего 17.000 солдатъ обѣдали на прилегающей долинѣ. Этаъ праздникъ, по мѣстоположенію, красивому и обширному, по изобилію угощенія для солдатъ, по богатству убранства, по чудному виду и особенно по воспоминанію, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ (потому что все эти такъ называемые Нѣмецкіе праздники замѣчательно скучны). Вечеромъ того же дня Меттернихъ далъ балъ, и иллюминаціи изображали всюду Лейпцигъ, гдѣ Меттернихъ и компания принимали такъ мало участія. Было замѣчено, что Шварценбергъ единственный отсутствовалъ и, говорять, онъ никогда не упускаетъ случая выказать свое глубокое презрѣніе къ этому министру. Онъ, вѣрно, и не прїѣхалъ бы въ Вѣну, если бы Государь не послалъ нарочно графа Потоцкаго въ

Богемію пригласить его сюда для свиданія. Вообще этотъ министръ не можетъ похвалиться, чтобы его любили или даже особенно уважали.

Государь на этихъ дняхъ уѣзжаетъ въ Венгрію, какъ для посѣщенія могилы своей сестры, такъ и для смотра нѣкоторыхъ Венгерскихъ полковъ. Вѣнскій дворъ не спѣшить съ конгрессомъ, занимая безпрерывно властелиновъ смотрами, балами и охотами, чѣмъ они не особенно довольны. Впрочемъ увѣряють, будто дѣла почти окончены и остается только выяснить нѣкоторыя подробности. Такъ какъ судьба Саксоніи, которую очевидно раздѣлять на три части, достаточно отвратила меня отъ политики, чтобы умѣрить мое любопытство, и я болѣе не спрашиваю вѣстей, то не съумѣю, графъ, дать вамъ какихъ нибудь удовлетворительныхъ указаний; пусть опошливаютъ королевскую власть, крова изъ нея пять или шесть королей, Европа не станетъ отъ этого ни спокойнѣе, ни счастливѣе. Если продолжать систему Бонапарта, дѣлать раздѣлы, обмѣны, промѣны, естественнымъ и очевиднымъ слѣдствіемъ явится то, что народы не могутъ быть привязаны къ своимъ властелинамъ, на коихъ смотрѣть, какъ на временныхъ хозяевъ; нужно отказатьться отъ мысли и надежды возстановить прочный миръ; наоборотъ, этими мѣрами сѣять сѣмена раздора и будущихъ войнъ, за которыхъ потомство нась не поблагодарить. Карада короля Саксонскаго, думаю, по справедливости, было несправедливостью наказывать весь народъ, который такъ достойно себя велъ и всегда могъ имѣть короля среди другихъ вѣтвей царствующей такъ давно въ Саксоніи династіи. Къ несчастію, на конгрессѣ приняли, видимо, за основаніе устранить личность Бонапарта, но не его политику, такъ хорошо подходящую для Австріи и Пруссіи. Говорить, Польша будетъ намъ принадлежать не какъ королевство, а какъ герцогство Варшавское. Я недоволенъ, ибо никогда не слѣдуетъ дѣлать дѣло на половину; впрочемъ возстановленіе королевства въ лицѣ Государя Россіи было нѣкіимъ образомъ обѣщано Полякамъ, и только листя чрезмѣрному тщеславію этой низкой и мятежной націи, можно держать ее въ покоѣ. Она также будетъ подличать передъ великимъ княземъ въ лицѣ вице-короля, какъ передъ Бонапартомъ. Или слѣдовало бы переселить большую часть Польского населенія въ незаселенные мѣста Россіи и замѣнить ихъ настоящими Русскими, на которыхъ можно бы было положиться. Россія достаточно обширна и могущественна, чтобы перенести лѣтъ въ пять эту важную и столь необходимую для будущаго спокойствія операцию. Еще ничего неизвестно о судьбѣ Италіи, но надѣются, что Австрія согласится на высылку Мюрата. Марія-Луїза въ Шёнбрунѣ и не показывается, въ обществѣ. Она и Ея Величество обмѣнялись обычными визитами.

Австрійская императрица захотѣла непремѣнно привести къ Ея Величеству эту дуру. Мнѣ разсказывали, что эта бывшая императрица въ свой проѣздъ изъ Парижа черезъ Линцъ, послѣ послѣдней революціи, выказала столько спѣси, высокомѣрія и дерзости по отношенію къ дамамъ, что во второй разъ, когда она проѣзжала городъ по дорогѣ въ Экѣ, никто не явился представиться ей кромѣ тѣхъ, кои обязаны были по долгу службы. Она много вѣздить верхомъ, доѣзжая даже до Бадена и къ обѣду возвращается. Я ея не видѣлъ, но видѣлъ ребенка, отправившись какъ-то съ Русскими въ Шёнбрунъ посмотретьъ дикихъ звѣрей. Мы много смѣялись тому, что начали съ него, и все стоило намъ только два дуката. Заявившись г-жѣ Монтескье, мы были ею довольно вѣжливо приняты. Маленький чертенокъ стоялъ возлѣ нея въ напяленной Венгерской формѣ, зеленої съ серебромъ, и держался на караулѣ, положивъ руку на саблю, висѣвшую съ боку; онъ все время оставался въ этомъ положеніи, предписанномъ ему, полагаю, его гувернанткою. Онъ отвѣчалъ намъ „да“ и „нѣть“ на нѣкоторые вопросы, заданные нами ему, но довольно неохотно, такъ что мы не могли подмѣтить и признака того ума, который ему приписываются. Онъ очень болокуръ, болѣль, великъ ростомъ, толстъ, съ голубыми глазами, однимъ словомъ, не имѣющій ни одной черты своего чудовища-отца. Разсказываютъ, что когда ему сказали при входѣ Австрійскаго императора: „Поклонитесь вашему дѣдушкѣ“, онъ отвѣчалъ: „Какъ, это нашъ злѣйшій врагъ!“ Въ общемъ постоянно выдумываются разговоры и приписываютъ ихъ этому ребенку, который въ его годы не можетъ имѣть о нихъ даже и понятія. Я увѣренъ, что онъ уже и забылъ, что былъ королемъ. Вице-король Евгеній Богарнѣ также здѣсь, и увѣряють, будто ему дадутъ значительное княжество, которое хотятъ образовать для него изъ владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Тревскому электорату. Австрійскій дворъ въ началѣ дурно обращался съ нимъ, но какъ только замѣтили, что нашъ Государь обращается съ нимъ милостиво и даже нѣсколько разъ приглашалъ его на обѣды, начали его также приглашать на праздники и обѣды при Австрійскомъ дворѣ. Кажется, узнали о словахъ нашего Государя, сказавшаго, что, кто обходится дурно съ зятемъ Баварскаго короля, тѣмъ выказываетъ сему непочтеніе послѣднему. Я имѣлъ случай часто видѣть его въ Баденѣ, Мюнхенѣ и здѣсь; нахожу, что онъ честный человѣкъ и никогда не выказалъ бы притязаній, если бы не имѣлъ въ супругѣ Баварскую принцессу. Онъ показывалъ нѣкоторымъ письмо, полученное имъ отъ Бонапарта, гдѣ тотъ задаетъ ему такой вопросъ: „Скажите, чтосталось съ Италіей; потому что я сижу на своемъ острову въполномъ нѣвѣдѣніи того, что происходитъ на театрѣ Европы“.

Никогда Вѣна не была, думаю я, такъ скучна, какъ въ данное время. Я даже удивляюсь, что прежде слышалъ похвалы нашихъ соотечественниковъ пребыванію въ Вѣнѣ. Безспорно, въ ней есть источники для искусствъ, наукъ и любознательности путешественниковъ, но общества никакого. Только иностранцы, т. е. мы, Русскіе, держимъ открытый домъ, а потому я не понимаю, почему не тратить свои деньги въ Россіи, тѣмъ болѣе, что источники, о коихъ я упомянуль, настолько здѣсь тощи, что въ три недѣли можно все увидать и все узнать. Что касается Вѣнцевъ, то они ограничиваются нѣсколькоими плохими зваными обѣдами, на которыхъ много скучи, еще больше этикета и самая дурная провизія. Большинство живеть у себя и для себя; но стоять иностранцу устроить чай, маленькой ужинъ или завтракъ, какъ сбѣгается весь городъ. Я встрѣчалъ князя Штаремберга въ нѣкоторыхъ домахъ; онъ вспомнилъ Лондонъ и сказалъ мнѣ по секрету, что ненавидитъ свою страну всѣмъ сердцемъ. Не желая никому дѣлать визитовъ, я не пошелъ и къ нему. Его младшая дочь очень красива.

Сборъ государей здѣсь представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище: никогда не видалъ я такихъ смѣшныхъ или глупыхъ уродовъ, какъ эти князья Нѣмецкой имперіи; иногда нельзя удержаться отъ смѣха или жалости при видѣ этихъ людей, великихъ у себя и ничтожныхъ здѣсь¹⁾. Нельзя не пожалѣть, что собраніе, подобное здѣшнему, выставило ихъ всѣхъ на показъ и отняло всякую иллюзію, которая могла бы существовать, тѣмъ болѣе, что съ этихъ поръ каждого можно оцѣнивать по его настоящей стоимости. Среди королей, Датскій, какъ говорятъ, ниже посредственности; но это можетъ быть оттого, что онъ самый несчастный, и природа была къ нему особенно безжалостна, надѣливъ его отвратительной фигурую; это какой то Альбиносъ, привидѣніе, существо омерзительное, не обладающее, повидимому, даже даромъ слова, чтобы заставить забыть свое гнусное безобразіе. А говорить, что это человѣкъ съ головою. Что касается Виртембергскаго короля²⁾, то онъ такъ любезенъ и обладаетъ такимъ умомъ, что непріятное впечатлѣніе отъ его громоздкой фигуры исчезаетъ тотчасъ же, какъ съ нимъ заговоришь. Говорять, будто большинство министровъ, сѣѣхавшихся на конгрессъ, люди съ большими достоинствами, но я мало кого знаю. Наша канцелярія для конгресса состоить, кромѣ графа

¹⁾ Тоже самое читаемъ въ Запискахъ графини Эдлингъ. П. Б.

²⁾ Это бывшій у насъ Выборгскій генераль-губернаторомъ, мужъ Зельмиры, которую онъ колотилъ. П. Б.

Нессельроде, изъ Анштедта, Булгакова и графа Воронцова¹). Помимо нихъ здѣсь Штейнъ и Лагарпъ. Сей послѣдній сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; онъ сказалъ мнѣ, что разсчитываетъѣхать въ Россію только будущею весною; не знаю, чтобы оставаться ли на нашей службѣ или только повидать Государя и Россію²). Знаю, что онъ не пользуется любовью и уваженіемъ въ Швейцаріи, и Государь это также хорошо знаетъ; знаю даже, что онъ старался узнать причины нерасположенія Швейцаріи. Сюда вызваны Поццо изъ Парижа, Каподистрія изъ Швейцаріи и Козловскій изъ Туриніа. Этотъ совершилъ большую глупость, попросившись сюда, чтобы придать себѣ важности, ибо не хотятъ его возвращенія въ Туринъ и устраиваютъ это, а онъ и не подозрѣваетъ. Онъ такой же сумасшедшій, какимъ былъ въ Лондонѣ и не перестаетъ хвалиться передо мною благорасположеніемъ вашего сіятельства и *иѣкимъ уваженіемъ*, коимъ онъ пользуется у васъ! Разумѣется, я сдѣлалъ видъ, что ничего не знаю и радуюсь узнать это отъ него. Въ сущности я не знаю, что можно сдѣлать на конгрессѣ съ этимъ человѣкомъ, развѣ что впередѣ разгласить всѣ дѣла. Къ счастью, его ни до чего не допускаютъ.

Несчастная графиня Протасова въ такомъ положеніи, что не протянетъ и зиму. Не смотря на это, ея притязанія и страсть ко двору не уменьшились, такъ что Ея Величество постоянно въ страхѣ, что она умретъ у нея въ прихожей, или на лѣстницѣ. Печально видѣть человѣка, упорство котораго протянуть, можетъ, всего на нѣсколько дней свою непрочную и тѣгостную жизнь, заставляеть подвергаться случайности умереть на улицѣ; а между тѣмъ въ Петербургѣ у нея пять племянницъ, и много друзей, могущихъ закрыть ей глаза. Она намѣренаѣхать въ Италію и провести зиму въ Ниццѣ; но всѣ доктора не вѣрятъ, чтобы она была въ состояніи совершить такую поѣздку³).

*

Вѣна, 5 (17) Ноября 1814.

Я снова растроганъ добротою вашего сіятельства, выказывать которую вы не устаете, исправляясь съ отеческою заботою заблужденія въ нѣкоторыхъ моихъ мнѣніяхъ, происшедшія отъ предубѣжденія и ненависти къ Бонапарту и его учрежденіямъ. Если я обвинялъ Людовика XVIII въ слабости, то за то, что онъ сохранилъ нѣкоторая изъ нихъ, кои могъ измѣнить или въ названіи или въ формѣ, какъ напримѣръ По-

¹) Это былъ молодой Ларіонъ Ивановичъ, первый графъ Воронцовъ-Дашковъ, отецъ вынѣшняго Кавказскаго намѣстника. П. Б.

²) Сколько известно, этотъ прїѣздъ къ намъ Лагарпа не состоялся. П. Б.

³) Графиня Анна Степановна Протасова прожила еще нѣсколько лѣтъ. П. Б.

четный Легіонъ. Я знаю, что было немыслимо уничтожить этот орденъ изъ за пенсій и многихъ преимуществъ, коими пользуются по крайней мѣрѣ 40—50 т. человѣкъ, въ особенности военныхъ (они стали бы заключенными врагами того, кто захотѣлъ бы ихъ отнять); но, сохранивъ ихъ выгоды, прекрасно можно было дать ордену менѣе ненавистное название и присвоить признаки и болѣе почетные, и болѣе подходящіе къ обстоятельствамъ. Миѣль въ свое время говорили, что королю указывали на возможность возбудить тѣмъ ненависть, и онъ принужденъ былъ измѣнить рѣшеніе, принятое имъ, оставить прежнихъ пенсионеровъ Легиона и не назначать новыхъ, и роздалъ ордена даже эмигрантамъ, взиравшимъ на орденъ съ ужасомъ. Впрочемъ причины были такъ важны, что пришлось уступить необходимости успокоить умы, и король такою жертвою достигъ того, что во Франції лишь немногіе вспоминаютъ Бонапарта. Онъ на своемъ острову, такъ сказать, забыть всѣмъ свѣтомъ, начиная съ Франціи.

Съ того времени, какъ я имѣлъ честь вамъ писать, познакомился я съ Кукомъ. Трудно найти человѣка болѣе почтенного внѣшностью и обращениемъ, а чтѣ касается до его разговора, то это разговоръ человѣка испытанного въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе пріятный, что онъ очень простъ и безъ всякаго пустословія. Имѣль я удовольствіе видѣть его два раза, и если бы онъ не былъ такъ близокъ къ дѣламъ, я бы желалъ видѣть его чаще; но въ то время, что оба наши отечества въ очевидной политической оппозиції, я боюсь показаться нескромнымъ, видаясь съ нимъ слишкомъ часто и имѣть видъ любопытнаго или желающаго вмѣшиваться въ дѣла, меня нисколько не касающіяся. Я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ получилъ обо мнѣ благопріятное представление.

Графъ Мюнстеръ*) благодарить ваше сіятельство за память и сказалъ мнѣ вчера, что полу́чилъ отъ васъ письмо. Онъ женился. Я видѣлъ его жену, когда она представлялась на балу Ея Величеству, нѣсколько дней тому назадъ и вчера. Ей за тридцать, и она весьма некрасива; но такъ какъ красота не составляетъ часто достоинства супруги, то обладаетъ заслугою быть существомъ исполненнымъ ума и талантовъ, по мнѣнію всѣхъ. Князь Гагаринъ, князь Голицынъ, княгиня Прозоровская, графъ Иванъ и Булгаковъ просили меня напомнить о нихъ вашему сіятельству. Всѣ здоровы, начиная съ Ея Величества.

Барклай-де-Толли не здѣсь, а въ главной квартирѣ близъ Варшавы. Я знаю его лично только съ Брухзала и Бадена, гдѣ я имѣлъ случай

*) Прусскій министръ. П. Б.

любоваться его достойнымъ уваженія характеромъ, полнымъ умѣренности, мягкости и достоинства; онъ говорилъ мнѣ тогда съ удовольствіемъ, что знаемъ вашему сіятельству. Наша царская свита самая многочисленная среди другихъ дворовъ, а такъ какъ ваше сіятельство любопытны узнать, изъ кого она состоить, то я счелъ, что вы охотно просмотрите общи спісокъ иностранцевъ, находящихся здѣсь. Въ этомъ предположеніи я имѣлъ честь послать вамъ печатный указатель съ добавленіемъ, въ которомъ помѣтилъ, въ отдѣлѣ Россіи, лицъ входящихъ въ свиту Ихъ Величествъ. Тѣ кои не помѣчены—путешественники или люди пріѣхавшіе для леченія.

Нашъ отъездъ отсюда не рѣшенъ, такъ же какъ окончаніе конгресса. Сегодня говорять о 2 Декабря н. ст., какъ о послѣднемъ срокѣ нашего пребыванія, но такъ какъ я не вижу никакого основанія для этого слуха, то считаю его празднымъ вымысломъ, чтѣ случалось уже не разъ. Увѣряютъ, будто дѣла уладятся, несмотря на противодѣйствіе Англіи, поддерживаемой Австріей. Извѣстно, что послѣдняя всегда, гдѣ возможно, прячется за спину другихъ; но это ей не всегда удается. Говорятъ, что Пруссія прямо заявила себя сторонницею нашему и что король былъ не весьма доволенъ, узнавъ, что Гарденбергъ совсѣмъ попался въ сѣти интригъ Меттерниховыхъ, поддержанныхъ вѣроятными послами Австріи на основаніи обѣщаній Англіи и даже Франції. Чтѣ касается первой, то указываютъ на одну ноту лорда К., писанную довольно рѣзко и предлагающую соображенія сдѣлокъ и условій непріемлемыхъ. Относительно второй, увѣряютъ, будто Талейранъ (уже въ теченіи двухъ недѣль, что ждутъ возвращенія его курьера) извиняется, что не получаетъ отвѣта на свои депеши по поводу Польши, хотя къ нему прибыло уже нѣсколько курьеровъ. Вслѣдствіе этого предполагаютъ, что Франція отрекается отъ требованій, выставленныхъ Талейраномъ тотчасъ по прибытіи, такъ что Австрія, имѣя поддержку только въ Англіи, принуждена будетъ уступить, особенно если, какъ думаютъ, и съ нашей стороны будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки. Что касается Англійской ноты, увѣряютъ, будто Государь самъ съ Чарторыжскимъ составилъ отвѣтъ, коимъ отвергается посредничество и предложенія, сдѣянныя лордомъ С. Впрочемъ, зная о дѣлахъ политики только изъ косвенныхъ и довольно невѣрныхъ источниковъ, я боюсь писать и представлять событія, можетъ быть, иначе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Но достовѣрно, что слухи о войнѣ, коей намъ открыто грозили, съ нѣкоторыхъ поръ прекратились, и настало миролюбіе. Одинъ изъ Англійскихъ чиновниковъ говорилъ со мною въ этомъ смыслѣ; но непростительно и даже глупо, что ихъ пресловутый

посоль Ст. сказалъ генералу Олсуфьеву, когда сей послѣдній отѣзжалъ съ великимъ княземъ*): *прощайте до свиданья на аванпостахъ.* Въ томъ же духѣ говорилъ онъ и на нѣкоторыхъ званыхъ обѣдахъ. Лишь бы намъ дали возможность уѣхать, я бы охотно предоставилъ всѣ политические вопросы тѣмъ, кто въ нихъ больше понимаетъ, нежели я. Боюсь, что болѣзнь Государя еще отсрочить нашъ отѣздъ, ибо четыре дня, какъ онъ не выходитъ изъ комнаты и лежитъ въ постели. Онъ уже больной пріѣхалъ на балъ графа Пальфи; но вмѣстѣ съ тѣмъ много танцевалъ, въ надеждѣ, что пройдетъ ознобъ, его беспокоившій. Онъ четыре раза спрашивалъ чаю, но подъ конецъ чуть не лишился чувствъ. Всю ночь была у него сильная лихорадка, а къ утру показалась на ногѣ рожа. Ему лучше, и сегодня онъ даже всталъ съ постели; но нельзѧ надѣяться, чтобы рожа прошла раньше недѣли. Онъ слишкомъ мало берегъ себя и такъ какъ днемъ онъ участвовалъ на охотахъ, смотрахъ и прогулкахъ, а вечеромъ на празднествахъ, то для работы ему оставались только ночи, а известно, что онъ по двѣ, по три ночи подрядъ не спалъ, разсчитывая на крѣпость своего сложенія. Никакое здоровье не можетъ противостоять такой усталости.

Говорять, что отсюда мы поѣдемъ черезъ Прагу въ Берлинъ и оттуда въ Россію; но и этотъ слухъ не имѣть основанія. Обѣщаніе Государя королямъ Баварскому и Виртембергскому было вернуться въ Мюнхенъ и Брухзаль, и я думаю, онъ захочетъ сдержать слово, тѣмъ болѣе, что онъ не оставилъ никакихъ знаковъ милости двору своей тещи, хотя и былъ тамъ два раза, а откладывалъ это до своего возвращенія.

Теперь, когда графъ Румянцевъ, такъ сказать, выгнавшій меня изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, самъ оттуда выгнанъ, я просилъ съ соизволенія Ея Величества, графа Нессельроде вернуться въ то вѣдомство, гдѣ служилъ, чтобы числиться тамъ, оставаясь при Ея Величествѣ. Государь словесно согласился, но указъ еще не подписанъ. Мнѣ даютъ надежду на повышеніе. При упоминаніи о вѣдомствѣ, вашему сіятельству, можетъ быть, будетъ любопытно узнать о предполагаемыхъ назначеніяхъ на незанятыя мѣста. Камергеръ Балкъ уже имѣть обѣщаніе Государя на должность въ Португаліи; это человѣкъ съ умомъ, но большой оригиналъ; онъ путешествовалъ по всей Европѣ въ теченіи 13 лѣтъ, не возвращаясь въ Россію. Графъ Паленъ, говорять, ёдетъ въ Туринъ, а Козловскій въ Америку. Сей послѣдній здѣсь и ничего

* Константиномъ Павловичемъ П. Б.

не подозрѣваетъ. Не знаю, что сдѣлаютъ съ пресловутымъ Дашковымъ*). Генераль Ханыковъ будеть въ Мюнхенѣ, потому что должность въ Дрезденѣ упраздняется. Говорять, будто Аиштедтъ расчитывалъ на сіе послѣднее мѣсто, и его какъ бы отнимаютъ. Не могу повѣрить, чтобы Штахельбергъ, какъ увѣряютъ, просился въ Римъ, предвидя, что долженъ будеть уступить Вѣну Разумовскому; развѣ, что онъ захочеть обезпечить себѣ убѣжище и, такъ сказать, пожизненную пенсію, ибо онъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы удовлетвориться такимъ незначительнымъ мѣстомъ. Это человѣкъ довольно пріятный, но кое-что мнѣ въ немъ не нравится, и онъ, кажется мнѣ, человѣкъ непрямой.

*

Вѣна, 14 (26) Ноября 1814.

Здоровье Государя несравненно лучше; уже нѣсколько дней у него нѣть лихорадки, но онъ еще не можетъ дѣйствовать болыною ногою. Рожа съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, и онъ каждый день правильно занимается дѣлами, по крайней мѣрѣ текущими.

Я имѣль счастіе видѣть доказательство сему на себѣ четыре дня тому назадъ, когда онъ милостиво подписалъ указъ, коимъ я снова принялъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ повышеніемъ въ коллежскіе совѣтники и съ сохраненіемъ мѣста при Ея Величествѣ. Я въ восторгѣ снова числился въ томъ вѣдомствѣ, которое напоминаетъ мнѣ про начало моего служебнаго поприща подъ отеческимъ покровителствомъ вашего сіятельства и въ которомъ всегда пріятно имѣть для себя открытую дверь, хотя бы только для ношенія формы. Уходъ того, кто все стараніе прилагалъ, чтобы обезчеститься, долженъ неизбѣжно поднять значеніе вѣдомства гражданской службы, бывшаго всегда однимъ изъ лучшихъ; и если когда либо этотъ человѣкъ снова выступить на сцену, что невѣроятно, не смотря на угрозы при его уходѣ снова вернуться и взяться за дѣла, онъ не сможетъ дѣлать мнѣ тѣхъ придиrokъ, которыя заставили меня уйти изъ нашей злосчастной дипломатіи, сдѣлавшейся притчею для всѣхъ государствъ. Если онъ дѣйствительно разсчитываетъ вернуться, то вѣрно забылъ поговорку: отсутствующіе всегда въ накладѣ; справедливость ея не разъ потверждалась даже въ нынѣшнее царствованіе. Баронъ Тюиль-де-Сераскеркенъ вернулся изъ Неаполя; такимъ образомъ тамъ не осталось ни повѣренного въ дѣлахъ, ни агента отъ Россіи. На это смотрять какъ на доказательство, что изгнаніе Мюрата рѣшено союзными державами и что Австрія, един-

*) Дѣдомъ Павла Яковлевича Дашкова. П. Б.

ственная покровительница этого короля-людоѣда, принуждена предоставить его судьбѣ его, отказываясь отъ своихъ обязательствъ. Увѣряють, будто онъ забираетъ все, что можно, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе.

*

Вѣна, 6 (18) Декабря 1814.

Здоровье Ея Величества прекрасно, а относительно Государя начинаютъ бояться повторенія рожи, отъ которой онъ считалъ себя совершенно избавленнымъ; говорять, онъ часто испытываетъ острый боли въ ногѣ, пораженной недавно рожею, хотя его видятъ гуляющимъ пѣшкомъ съ тѣхъ поръ, какъ установилась хорошая погода. У него было нѣсколько возвратовъ подобной рожи четыре года тому назадъ. Здѣсь заняты разными закупками для предстоявшаго къ намъ посѣщенія Австрійскаго императора; но не думаютъ, чтобы этотъ отвѣтный визитъ состоялся раньше 1816 года. Чѣмъ касается дѣлъ конгресса, то онъ, видимо подвигаются не скоро. Всю прошлую недѣлю, были ежедневныя совѣщанія; но чѣмъ кончились, неизвѣстно. Если Франція выставляетъ столько затрудненій изъ за отдачи Швейцаріи четырехъ миль земли, то какого же успѣха можно ожидать въ болѣе важныхъ дѣлахъ? Сербскія дѣла вызвали новыя затрудненія. Сербы осаждаются Бѣлградъ и, можетъ быть, уже его взяли. Тиранія Турокъ и рѣзня, недавно произведенная ими, вызвали почти поголовное восстаніе въ Сербіи. Черногорія выступила на сцену съ изумительными денежными средствами, коихъ у нея не подозрѣвали, и со значительными силами.

1815-й годъ.

Вѣна, 3 (15) Генваря 1815.

Сегодня утромъ получилъ я письмо отъ графа Михаила изъ Варшавы отъ 28 Декабря ст. ст. и спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что онъ прибылъ туда благополучно и въ добромъ здоровьї. Такъ какъ онъ пишетъ мнѣ два часа спустя по прибытии съ курьеромъ, отправленнымъ сюда, и извѣщає только о своемъ прїездѣ и о томъ, что видѣлъ проѣздомъ черезъ Калишъ свою дивизію, я могъ узнать отъ курьера только, что онъ поселился у своего друга Сабанѣева; но курьеръ ничего не могъ сказать мнѣ о продолжительности его пребыванія въ Варшавѣ.

Здѣсь сэръ Сидней Смитъ, таскающій и показывающій всюду декларацио Шведскаго короля Густава, въ которой тотъ надумалъ заявить, немного поздно, что хотя онъ для себя и отказался отъ Шведской короны, но не имѣлъ права сдѣлать того же по отношенію къ

своему сыну. Онъ избралъ странный путь доставить документъ на конгрессъ, ибо Сидней тоже немного не въ своемъ умѣ; и видимо заявленіе не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія, а Сидней показываетъ его только, чтобы придать значеніе своей особѣ. Думаю, что я уведомляль ваше сіятельство, что Государь еще въ Брухзаль принялъ на себя опеку надъ своими Шведскими племянникомъ и племянницами, и это въ послѣдствіи будетъ имѣть болѣе значенія, нежели министерство Сиднея Смита.

Нарышкина еще здѣсь и такъ какъ видимо она помирилась съ Вѣною, благодаря 2—3 лишнимъ приглашеніямъ ко двору, то и не думаетъ уѣзжать въ Парижъ. Она сказала Австрійской императрицѣ, что вернется въ Россію, какъ только услышитъ о ея поѣздкѣ въ Петербургъ. Впрочемъ здѣсь не думаютъ, чтобы посѣщеніе властелиновъ состоялось раньше будущаго года, и Нарышкинъ^{*)} уже составилъ программу празднествъ, которыя дасть. Онъ поѣхалъ въ Венецію и вернется ко дню рожденія Ея Величества. Единственнымъ объясненіемъ этой поѣздки является скуча оставаться на одномъ мѣстѣ. Какие расточители! Содрогаешься, зная, что у дѣтей часто нѣтъ и копѣйки.

Получены подробности о революціи въ Китай; она, видимо, еще не кончена, хотя замыселъ изгнать царствующую Монгольскую династію и объявить императоромъ отпрыскъ старинной Китайской, на этотъ разъ разрушенъ. Въ манифестѣ признаются, что уже въ теченіи восьми лѣтъ во всѣхъ провинціяхъ существовали клубы революціонеровъ, а за четыре года была уже цѣлая армія ихъ на различныхъ позиціяхъ и въ крѣпостяхъ, и настоящій императоръ даже не зналъ того. Это было ниже его достоинства; но теперь, говорять, онъ хочетъ заниматься дѣлами самъ.

*

Вѣна, 1 (13) Февраля 1815.

Я исполнилъ порученіе вашего сіятельства, сообщивъ Ея Величеству поздравленія и пожеланія счастья къ новому году. Когда я подошелъ къ упоминанію о беременности, я сложилъ письмо. Увы! Не смотря на все, чтѣ говорили, слухъ оказался ложнымъ, и сожалѣнія Россіи еще не окончились. Невозможно проникнуть, въ чёмъ причина; но это бѣдствіе для нашей родины, которой не достаетъ только надежды на счастливое и спокойное будущее. Извѣстно и удостовѣreno, что

^{*)} Александръ Львовичъ; братъ его Дмитрій женатъ былъ на пресловутой Марѣ Антоновнѣ. И. Б.

личность, о которой ваше сиятельство дѣлаете намеки въ своемъ письмѣ, много способствовала ослабленію этой надежды у Россіи, и боятся, что даже теперь она очень замѣшана¹⁾). Знаютъ также, какимъ образомъ, пріѣхавъ сюда заранѣе, она хотѣла подготовить почву своими „если“ и „но“; но хотя она и не достигла цѣли, все же имѣеть достаточно причинъ утѣшиться. Были удивлены выраженіемъ столькаго почтенія и уваженія, если не сказать, низости, послѣ всего, чтѣ она говорила; а потому она искусно перемѣнила фронтъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. Эта ненависть извѣстна и отмѣчена всѣми, хотя единственнымъ основаніемъ, думается мнѣ, является превосходство противницы во всѣхъ отношеніяхъ. Впрочемъ эта личность никого не любить, даже свою мать, несмотря на какое-то обожаніе послѣдней къ любимой dochери. Рассказываютъ даже о случаяхъ отвращенія или ненависти, коихъ невозможно разгадать. Все, въ чемъ есть намекъ на зависимость, нетерпимо подобнымъ характерамъ, громко заявляющимъ право на первенство. Остается посмотретьть, удастся ли ей это.

Я въ восторгѣ отъ знакомства съ Кокошкинымъ, такимъ прекраснымъ человѣкомъ. Онъ достоинъ похвалъ, коими вы его награждаете и искренно привязанъ къ вамъ. Я вручилъ его судьбу Булгакову²⁾ отъ вашего имени. Очень печально, что Русскіе не получаютъ должностей, которыхъ нужно было бы предоставить только имъ и, ознакомившись съ составомъ нашихъ миссій, найдешь естественнымъ изумленіе иностранцевъ, что среди нихъ совсѣмъ нѣть Русскихъ.

Пріѣздъ лорда Веллингтона или, вѣрнѣе, отъездъ лорда Каствльра, внесъ въ конгрессъ такой приливъ дѣятельности, что разные спорные вопросы, тянувшіеся пять мѣсяцевъ, разрѣшены въ недѣлю. Участъ Саксоніи и Польши рѣшена, и первая, убавленная на половину, сохранить своего короля. Что касается второй, Богъ вѣдаетъ, что станется съ нею подъ владычествомъ Россіи. Ни разу не упоминалось о предполагаемыхъ тамъ учрежденіяхъ. Боюсь, что она окажется въ разрядѣ Финляндіи, и вполнѣ естественно думать, что Чарторыжскій и всѣ его соотечественники будутъ работать въ этомъ духѣ, если правда, что онъ пустилъ въ ходъ все свое значеніе, чтобы отстоять королевство. Вѣрно то, что по этому поводу хранять самую глубокую тайну, и весьма вѣроятно, что только послѣ совершившагося Россія узнаетъ, должна ли она радоваться или бояться за свое будущее процвѣтаніе.

¹⁾ Великая княгиня Екатерина Павловна, враждовавшая противъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. П. Б.

²⁾ Константину Яковлевичу. П. Б.

Надѣются также, что въ теченіи недѣли окончательно рѣшится вопросъ о Германской конституції. Какъ только рѣшатся всѣ эти важные вопросы, имѣющіе ближайшее соприкосновеніе съ Россіею, Государь можетъ покинуть Вѣну, не дожидаясь окончанія конгресса, и дѣла Италіи и другихъ странъ будутъ обсуждаться въ его отсутствіи. Есть иѣкоторые намеки, что таково его намѣреніе, и уже дѣлаются приготовленія къ путешествію. Ея Величество уѣдетъ, думаю, впередъ, особливо, если мы сдѣлаемъ большой кругъ по Германіи.

Бракъ великой княгини съ принцемъ Виртембергскимъ внѣ сомнѣнія, и увѣряютъ, что онъ состоится въ Петербургѣ. А пока въ спорахъ по Германскимъ дѣламъ остается назначить его фельдмаршаломъ Германской конфедерациіи, съ чѣмъ не соглашаются, и предоставить ему въ резиденцію Майнцъ, чтѣ съ упорствомъ оспаривается. Не знаю, будетъ ли удовлетворена ихъ любовь къ независимости.

Государь, по собственному побужденію, обѣщалъ мѣсто въ Бразиліи камергеру Балку, а Флоренцію—генералу Хитрову, находящемуся здѣсь и едва имѣющему человѣческій обликъ: такъ онъ скорченъ и разбитъ ревматизмами*). Предполагаютъ, что въ нашемъ Петербургскомъ министерствѣ произойдутъ большія перемѣны, но пока никого не называютъ. Графъ Румянцевъ въ Петербургѣ по газетамъ называющимъ его не канцлеромъ, а тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса. Богъ знаетъ, на что его употребятъ; но я думаю, что онъ останется безъ должности, въ виду того, что Государь никогда не береть обратно тѣхъ, кто самовольно подалъ въ отставку.

*

Вѣна, 10 (22) Февраля 1815.

Получивъ третьяго дня вечеромъ письмо графа Михаила на имя вашего сіятельства, помѣченное Краковымъ, гдѣ онъ еще находился 1-го числа сего мѣсяца по причинѣ дурныхъ дорогъ, я спѣшу переслать его вмѣсть съ этимъ по адресу Гамильтона. Я смотрю на эту помѣху, задержавшую графа Михаила въ Краковѣ, какъ на обстоятельство болѣе полезное и пріятное для него, вслѣдствіе интереса, представляемаго городомъ и варницами Велички, нежели сидѣть безъ дѣла и скучать въ такомъ жалкомъ городѣ, какъ Калишъ, который впредѣ будетъ принадлежать намъ и служить пограничнымъ городомъ. Недавно я имѣлъ случай бросить взглѣдъ на новую карту, составленную по

*) Это второй супругъ дочери князя Кутузова, Елизаветы Михайловны, въ первомъ бракѣ графини Тизенгаузенъ. II. Б.

протоколамъ конгресса; кажется, что наша граница составляетъ выступъ съ Калиша на Торнъ, а Познань и много другихъ городовъ остаются за Пруссіей. Торнъ и Краковъ на двухъ концахъ, какъ свободные города, владѣютъ довольно значительной территоріей. Боюсь, что именно въ этихъ двухъ республикахъ совѣтъ себѣ гнѣздо всѣ каверзы, имѣвшія до того своимъ очагомъ Варшаву. Еще неизвѣстно, какого рода конституцію они получать. Остальная Польша присоединится къ Россії. Говорить также о конституції для этого новаго пріобрѣтенія, но на какихъ основаніяхъ, я не могъ узнать. Но видимо, Государь весьма измѣнилъ свой взглядъ на характеръ этой націи и болѣе не хочетъ дѣлать большихъ тратъ въ ея пользу. Князь Чарторыжскій, видимо, будетъ играть выдающуюся роль, каковая ему уже и опредѣлена, судя по назначенію къ нему графа Льва Потоцкаго; слѣдовательно, онъ не вернется въ Лондонъ. Одно время говорили, что онъ вернется къ намъ министромъ иностраннаго дѣла; но я скорѣе склоненъ вѣрить, что онъ зайдетъ одно изъ главныхъ гражданскихъ мѣстъ на своей родинѣ. Именно ему, говорить, поручено выработать основы правленія и конституціи въ бывшей Польшѣ, а Анштедту—совѣщанія по опредѣленію границъ.

По всѣмъ, довольно благопріятнымъ, признакамъ, видно, что дѣла конгресса очень двинулись впередъ, и нашъ отѣѣздъ можетъ состояться въ половинѣ Марта. Князь Волконскій сказалъ, что Государь объявилъ, что будетъ говорить только въ Петербургѣ на Страстной недѣль. Главное, получить рѣшительный отвѣтъ Англіи на судьбу Мюратова, такъ какъ лордъ Кастильрѣ уже соглашался здѣсь на его изгнаніе изъ Неаполя. Онъ взялся убѣдить свое правительство согласиться и принять дѣйствительныя мѣры для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія. Австрія одна еще не соглашается, такъ какъ не желаетъ съ нимъ войны; но можно полагать, что она послѣдуетъ побужденіямъ остальныхъ державъ, согласившихся по этому поводу. А пока на этихъ дняхъ закончать Нѣмецкія дѣла, въ которыхъ главное затрудненіе состоить въ томъ, чтобы убѣдить Австрійскаго императора снова стать главою Германской имперіи. До сего времени Вѣнскій кабинетъ упорно отказывался. Съ другой стороны Марія-Луиза бомбардируетъ конгрессъ, не желая отказаться отъ герцогствъ Пармы и Піаченцы въ пользу Этрурской фамиліи, хотя было рѣшено отобрать ихъ у нея и дать взамѣнъ помѣстье въ Богеміи и двойную пенсію. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта трагикомедія. Таковы приблизительно вкратцѣ новости дня.

Говорить съ увѣренностью, что графъ Штакельбергъ останется здѣсь и будетъ назначенъ посломъ; Государь, видимо, уже обѣщалъ ему

это мѣсто. Невозможно знать, что станется съ графомъ Разумовскимъ. Поѣдетъ онъ въ Россію? Не поѣдетъ? Такъ какъ ему выдали впередъ 150.000 червонцевъ въ долгъ безъ процентовъ на 17 лѣтъ для перестройки дворца, то нужно думать, что у него есть намѣреніе остатся здѣсь на покоѣ. Третью суммы онъ уже получилъ, остальное получить въ два срока въ теченіи шести мѣсяцевъ.

*

Вѣна, 2 Марта н. ст. 1815.

Третьяго дня нашъ отъездъ наконецъ рѣшенъ, и мы покинемъ Вѣну въ будущій Четвергъ, 9 Марта н. ст., и снова сдѣлаемъ кругъ по Германіи, направляясь къ дорогой родинѣ. Ея Величество остановится въ Мюнхенѣ, чтобы подождать Государя, который останется здѣсь еще нѣсколько дней закончить дѣла и уѣдетъ между 13 и 15 числами н. ст. Еще не рѣшили, поѣдетъ ли Ея Величество съ Государемъ въ Штутгардтъ; дѣло въ томъ, что она не особенно этого желаетъ и хотѣла бы проѣхать мимо. Пребываніе въ Мюнхенѣ и Брухзальѣ можетъ продолжиться по восьми дней каждое и столько же въ Берлинѣ. Какъ бы ни надѣялись прїѣхать въ Петербургъ къ Пасхѣ, я сомнѣваюсь, чтобы это было возможно; но, конечно, немного поторопившись, мы можемъ прїѣхать на праздникахъ. Всѣ въ восторгѣ покинуть Вѣну, сдѣлавшуюся скучнымъ мѣстопребываніемъ, и вернуться къ себѣ; что касается меня, я не могу скрыть своей радости, все болѣе и болѣе чувствуя, насколько такая кочевая жизнь не подходитъ къ моему положенію, гдѣ я долженъ работать совсѣмъ одинъ, а пользоваться ею—меньше чѣмъ кто-либо.

Нарышкина уѣхала сегодня утромъ въ Парижъ. За границею много труднѣе жить, нежели въ Россіи, и она стѣсняла всѣхъ. Эти знатныи дамы не должны были никогда покидать своей родины; ибо, когда онъ начинаютъ сумасбродничать съ такимъ умомъ, то себя превосходить, и Анна Степановна на ряду съ ними явится ангеломъ кротости и доброты.

*

Мюнхенъ, 10 (22) Марта 1815.

Мы остановились здѣсь среди шути, благодаря филантропическимъ заботамъ (смѣшнымъ до крайней степени) сохранить такого интереснаго человѣка острова Эльбы! Извѣстіе о бѣгствѣ Бонапарта прибыло въ Вѣну за день до нашего отѣзда, но такъ какъ приготовленія къ путешествію уже были сдѣланы, то сочли нужнымъ юхать, несмотря на настоянія императора и императрицы Австрійскихъ остатся и дождаться дальнѣйшихъ событий. Послѣдняя сопровождала Ея Величество до первого ночлега и разсталась съ нею съ трогательною горестью и

выраженіями искренней и дѣйствительной дружбы. Въ Вѣнѣ еще предполагали, что Бонапартъ направится къ Миорату для совмѣстныхъ дѣйствій, и только здѣсь узнали мы о его высадкѣ во Францію и о быстромъ походѣ до Ліона, а также о всѣхъ бѣдствіяхъ, грозящихъ королю и всей Франціи. „Въ сей землѣ, начиная съ первого ministра и особливо его жены, есть столько людей, кои не могли скрыть своей радости и не увеличивать дурныя извѣстія, присылаемыя изъ Швейцаріи отъ подобного имъ повѣренного въ дѣлахъ, что въ первые дни беспокойство наше поминутно было увеличивающе разными ложными слухами, но основанными на таковыхъ же офиціальныхъ извѣстіяхъ, какъ ихъ называютъ. Южная Германія столь заражена въ правилахъ, какъ и Франція. Съ перемѣною правиль Баварскаго короля и его политики, перемѣнилась и довѣренность его къ министру, а тѣмъ болѣе сей ненавидимый человѣкъ долженъ желать успѣховъ всеобщему врагу человѣчества. На развалинахъ его силы основалось могущество князя Вреде, коего правила совершенно противны, и во всякомъ случаѣ честныхъ людей больше и его партія сильнѣе. Монжеласъ никогда не проститъ, что въ конгрессѣ не онъ, а Вреде участвовалъ и что миновало время, когда при Бонапартѣ онъ значилъ одинъ Баварію, короля и все¹⁾“.

Частные письма изъ Вѣны извѣщаютъ, что бракъ великой княгини Екатерины состоится въ будущемъ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ, но такъ какъ это будетъ еще нашъ постъ, то я не вѣрю; до нашего отѣзда изъ Вѣны говорили, что бракосочетаніе будетъ въ Августѣ въ Петербургѣ. Впрочемъ я не понимаю, зачѣмъ такъ медлили; лучше было сдѣлать это раньше, и можно было это великой княгинѣ посовѣтовать, тѣмъ болѣе, что влюблена она или кажется влюбленной, а онъ очень мало и даже совсѣмъ не влюбленъ. Разъ онъ на конгрессѣ получить все, чего ищетъ, онъ сможетъ измѣнить намѣреніе. Въ подобного рода союзахъ интересъ политика, честолюбіе составляютъ все; сумасшедшімъ будетъ тотъ, кто ищетъ чувства. При томъ извѣстно, что онъ сказалъ: „О, я научу ее, какъ должно почитать свою невѣстку²⁾ и умѣть ее цѣнить!“ Всѣ видѣли, что неоднократно онъ ей оказывалъ явную холодность и невниманіе; видно, что онъ ее понялъ весьма хорошо, почему для нея было бы благоразумно свадьбу поторопить; иначе, по успѣхѣ его на конгрессѣ, опасно, чтобы онъ не раздумалъ и не пріискалъ себѣ другую подругу.

Здѣсь получено извѣстіе, что Виртембергскіе штаты единодушно отвергли конституцію, предложенную королемъ, сохранившимъ за собою

¹⁾ Означенное кавычками написано во французскомъ подлинникѣ по русски. П. Б.

²⁾ Т. е. его сестру Екатерину, жену Иеронима Бонапарта. П. Б.

право налагать подати и двинуть войска вслѣдствіе пунктовъ Парижскаго трактата и основъ, заложенныхъ для будущей Германской конституції. За него быть только одинъ голосъ на собраніи всѣхъ сословій, и члены его семьи, такъ же какъ и его любимецъ (бывшій лавочникъ во Франкфуртѣ, теперь генераль-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ и богачъ) были первыми, заявившими себя противъ него, совмѣстно съ большинствомъ министровъ. Выходя изъ собранія, уязвленный и провожаемый недоброжелательными взглядами народа, тогда какъ остальныхъ онъ горячо привѣтствовалъ, король отставилъ нѣкоторыхъ министровъ, и между прочими своего брата, военнаго министра, говоря, что онъ не можетъ лучше отомстить ему, какъ предавъ въ руки кредиторовъ. Онъ хвастался, что первый въ Германіи далъ конституцію, думая, что удивленіе и новшества скроютъ его хитрость; а потому онъ удивленъ, что долженъ поступить какъ другіе и уязвленъ, что поставилъ себя въ неловкое положеніе.

Марья Алексѣевна*), узнавъ по дорогѣ о событияхъ, грозящихъ Франції, остановилась въ Карлсруэ и въ данное время во Франкфуртѣ, намѣреваясьѣхать въ Голландію. Во всякомъ случаѣ вашему сіятельству угрожаетъ, и ея сосѣдство, и ея посѣщеніе. Пробѣжая мимо Мюнхена, она сказала караульному офицеру объявить о ея пріѣздѣ во дворцѣ. Офицеръ сказалъ неизвѣстно кому; думали, что она заявитсѧ на слѣдующій день и были очень удивлены, узнавъ черезъ день, что она уѣхала, поручивъ съ неудовольствіемъ хозяину гостинницы сказать, что она давала о себѣ знать и ея не удостоили вниманіемъ. До сихъ поръ смѣются надъ новой претензіей горделивой школьнницы. Ваше сіятельство справедливо говорите, что надъ ними обоими слѣдуетъ учредить опеку; къ несчастью, скоро никакая опека не поможетъ.

*

Мюнхенъ, 10 (22) Апрѣля 1815.

Полу-офиціальная свѣдѣнія изъ Вѣны увѣряютъ настѣ, что отъѣздъ Государя состоится 3-го Мая, 5-го онъ прибудетъ сюда, а Австрійскій императоръ—7-го того же мѣсяца. Это сообщаетъ повѣренный по Австрійскимъ дѣламъ, но прямая извѣстія Ея Величеству и королю Баварскому пока обѣ отъѣздѣ не упоминаютъ, въ виду того, что остается закончить еще много дѣлъ. Хотятъ, слышно, положить основы будущей Германской конституціи, дабы каждый зналъ, почему ему надо бороться противъ общаго врага. Упустили драгоцѣнное время уладить самое важное дѣло, съ чего и начали бы, если бы вмѣсто

*) Рожденная Сенявина, тетка графа М. С. Воронцова? И. Б.

Меттерниха и Н.¹⁾ были другіе министры; а теперь возникнетъ опасеніе не совершатся ли на спѣхахъ промахи, трудно исправимые въ будущемъ. „Князь Козловскій, который пріѣхалъ сюда сегодня, возвращаясь въ Туринъ, увѣряетъ, что Государь, съ общаго согласія конгресса, принимаетъ титулъ Царя Польскаго (а въ переводѣ круль и гоi) и что изготавляется о семъ манифестъ; но какъ нельзя всѣмъ новостямъ его вѣрить, то и сю не выдаю за вѣрную. Онъ же говоритъ, что войска Польскія съ великимъ княземъ также идутъ въ походъ съ арміей фельдмаршала Барклая. Боюсь, что мы приведемъ наилучшихъ союзниковъ Якобинцамъ и Бонапарту, а намъ однимъ преопаснѣйшихъ товарищѣ—змѣй за пазухой. Одна надежда—великъ Богъ Русскій! Еще онъ увѣряетъ, что графъ Паленъ, если уже не назначенъ, то близко къ назначенію посланникомъ сюда. Жаль, что до сихъ порь нѣть здѣсь нашего министра, коего вліяніе, въ нынѣшнее время особливо, такъ здѣсь нужно. Народъ хорошъ и честенъ, король добръ; но все, что на мѣстахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, или явные или тайные враги доброго дѣла, а дѣйствовать противъ нѣть кому. Живучи здѣсь, не спрашиваю о новостяхъ, потому что всегда въ отвѣтъ объявляютъ дурныя и ложныя вѣсти. Министръ ихъ въ Англіи, къ сей же шайкѣ принадлежащій, съ своей стороны пишетъ, что оппозиція усилилась; что парламентъ за Людовика не вступится, субсидій не дадутъ, и что войнѣ не бывать. Послѣ сего, что сказать о здѣшней политикѣ? На нее вовсе нельзя бы считать, если бы не 500 тысячъ штыковъ подстрекали съ тылу“²⁾.

Если судить по тому, что случилось съ герцогомъ Ангулемскимъ и прислушиваться къ здѣшнимъ разсужденіямъ, дѣлу Бурбоновъ погибель; ибо здѣсь всѣ даннныя основываются приблизительно на лживомъ „Монитерѣ“. Провидѣніе, бдившее до сихъ порь надъ правымъ дѣломъ, не покинетъ насъ и на сей разъ и не отдастъ Европу въ руки нѣсколькихъ негодяевъ, мечтающихъ о беспорядкѣ, ужасной тираніи или еще болѣе жестокой анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть Бонапарта, мѣняющаго по очереди тактику и систему и превращающагося изъ деспота въ яростнаго Якобинца. Если бы дѣло шло не о войнѣ, грозящей Франціи, я увѣренъ, что черезъ революцію, такъ легко вызываемую, Фуше, Карно и компанія низвергли бы его въ преисподнюю. Но въ данное время надо нанести безъ промедленія рѣшительный ударъ; отъ этого зависить все, и Боже сохрани дать ему время закрѣпить

¹⁾ Т. е. Нессельроде. Ему и не предоставлялась виновательность. П. Б.

²⁾ Означенноe кавычками во Французскомъ подлинникѣ написано по русски, конечно въ предосторожность отъ почты. П. Б.

этую новую революцию и приготовить средства для войны, каковыхъ онъ сейчасъ не можетъ еще имѣть. Бонапартъ въ томъ же положеніи, что и Мюратъ: первый ударъ рѣшилъ его дальнѣйшую судьбу. Здѣсь вчера уже получено извѣстіе, что Итальянцы, колебавшіеся еще нѣсколько дней тому назадъ, послѣ пораженія Мюрата въ его первыхъ выступленіяхъ и отступленія къ Анконѣ, начали настремляться надъ нимъ, говоря: „Un r   de'marmitonи ´ per far gli macaroni“. Такимъ образомъ коварныя прокламаціи послужили ни къ чему, и про ихъ уже забыли. Утверждаютъ, будто Мюратъ раненъ тяжко въ руку. Можно поблагодарить его, что онъ своей надменностью и объявленіемъ войны рѣшилъ участіе Италии; ибо теперь, надѣюсь, не нужны будутъ сдѣланныя раньше предложенія ему верховной власти, выяснится настроеніе умовъ и до какой степени были обмануты его якобы популярностью въ Италии: ложь, имѣвшая больше приверженцевъ, чѣмъ того заслуживала. Во Франціи люди, безъ сомнѣнія, еще хуже, ибо дѣйствія показываютъ, что лучшій изъ Французовъ все же плохъ; но я увѣренъ, что послѣдствія для Бонапарта будутъ таковы же, какъ для Мюрата въ Италии. Можетъ быть, мое предположеніе сочтуть слишкомъ рѣзкимъ; но когда видишь, какъ столько маршаловъ, изъявлявшихъ свою преданность королю, возвращаются къ Бонапарту, то нужно считать, что суховарно. Бертье, оставшійся съ королемъ и вернувшись въ Бомбергъ, прося пріюта у Баварскаго короля, черезъ нѣсколько дней началъ снова проситься въ Парижъ! Разумѣется, ему было отказано; но это доказываетъ, до какой степени эти люди унизились и развратились.

*

Мюнхенъ, 2 (14) Мая 1815.

Я могу увѣрить, ссылаясь на г-на Эсмента (достойнаго молодого человѣка и привязаннаго къ своему начальнику) что графъ Михаилъ пользовался совершеннымъ здоровьемъ и былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, хотя частная его жизнь была не очень хорошо обстановлена, такъ какъ изъ всѣхъ его людей при немъ былъ только Рѣщи-ковъ и плохой Французскій поваръ. Дѣйствительно, вся его обстановка была уже въ Петербургѣ, куда онъ намѣревалсяѣхать, когда прибытие Бонапарта все перевернуло верхъ дномъ. Теперь, по словамъ Эсмента, онъ ждетъ людей, вещей и картъ изъ Петербурга, пославъ за ними еще изъ Варшавы. Онъ двинулъся лично съ первой колонной, состоящей изъ двухъ стрѣлковыхъ полковъ и артиллеріи; двѣ другія колонны состояли каждая изъ такого же количества полковъ пѣхотныхъ и артиллериі. Съ нимъ былъ только одинъ адъютантъ Митюша*) и маіоръ

*) Дмитрий Васильевичъ Нарышкинъ. П. Б.

Бароцци въ качествѣ бригаднаго маіора. Эсмонть находится при немъ временно, пока Бѣлорусскіе гусары не нагонять арміи, слѣдя по Силезской и Саксонской дорогамъ. Въ этой дивизіи былъ только одинъ ген.-маіоръ Богдановскій, тотъ самый, что служилъ полковницомъ у него въ Нарвскомъ полку. Таковы подробности, кои мнѣ удалось узнать и кои безъ сомнѣнія займутъ ваше сіятельство, такъ какъ касаются обстановки вашего сына. А вотъ то, что я узналъ потомъ отъ Нейдгарта, свитскаго полковника и адъютанта Барклай-де-Толли, только что уѣхавшаго, по заключеніи конвенціи относительно прохода нашихъ войскъ черезъ Баварію. Армія подъ начальствомъ Барклай, при немъ четыре генерала, командующіе каждый корпусомъ: Сакенъ, Дохтуровъ, Раевскій, Ланжеронъ. Не знаютъ, будуть ли еще другие, ибо все просятся въ дѣйствующую армію, какъ Витгенштейнъ, Милорадовичъ и т. д. Генералъ Ермоловъ, другъ графа Михаила, достойный человѣкъ и отмѣнныи генералъ, командуетъ авангардомъ, состоящимъ изъ трехъ дивизій, гдѣ находится и графъ Михаилъ, такъ сказать, по своему собственному выбору и желанію. Но когда армія станетъ на квартиры въ Баваріи, ждутъ перемѣнъ, т. е. Ермоловъ получить корпусъ гренадеръ, который составить резервъ, а дивизія графа Михаила перейдетъ въ корпусъ Сакена, что въ смыслѣ пріятности составить разницу для графа Михаила. Впрочемъ Нейгарть сказалъ мнѣ, что эти распоряженія выработаны въ Варшавѣ, а въ послѣдствіи могутъ быть и перемѣнены. Говорять, армія простоитъ по меньшей мѣрѣ три недѣли на квартирахъ, и графъ Михаилъ станетъ въ окрестностяхъ Бамберга, тогда какъ главная квартира командующаго будетъ въ Нюренбергѣ. Франконія страна хорошая и обильная, и я надѣюсь, что армія отдохнеть и не будетъ терпѣть лишеній, несмотря на все затрудненія и непріятности, кои этотъ плутъ Монжеласъ замышлялъ; надѣюсь также, что эта жестокая революція окончится безъ новой войны погибелюю Корсиканскаго изверга, зажегшаго ее, и его союзниковъ-Якобинцевъ. Мнѣ все кажется, что разъ Бонапартъ уѣдетъ къ арміи и Парижъ освободится отъ войскъ, контррь-революція совершился еще легче, нежели тріумфъ Бонапарта и эмиграція Бурбоновъ. Но если и будетъ война, она будетъ непродолжительна, и въ счастливомъ исходѣ нельзѧ сомнѣваться; да избавить насъ только Богъ отъ утраты и огорченій! Что касается дальнѣйшихъ распоряженій, я не съумѣю съ точностью отвѣтить на вопросы вашего сіятельства. Короля извѣстили о прибытіи нашего Государя къ 27 Мая; знаютъ также, что главная квартира Шварценберга будетъ одна съ монархами; но будетъ ли наша армія состоять подъ его началомъ или нѣтъ, никто не знаетъ, равно какъ и то, будетъ ли она дѣйствовать отдѣльно. Увѣряю, и думаю, спра-

ведливо, что Шварценбергъ, человѣкъ прямодушный и честный, самъ просилъ нашего Государя не давать ему командованія надъ арміей, дабы избѣжать зависти и недовольства, вполнѣ справедливыхъ въ генералахъ и солдатахъ, изъ коихъ первые имѣютъ столько достоинствъ и славы, а послѣдніе самолюбія и привязанности къ своимъ командирамъ и чтобы не допустить открытой ненависти, могущей возникнуть между двумя императорскими арміями, и что послѣ не разъ повторенной просьбы Государь, наконецъ, согласился. Надо жалѣть, что въ подобномъ случаѣ именно Шварценбергъ явился образцомъ деликатности, если дѣло дѣйствительно обстояло такъ. Съ другой стороны говорять, будто откроетъ кампанію Нѣмецкая армія, а наша останется во второй линіи и выступить только, когда явится необходимость. Я не знаю, будеть ли она тогда дѣйствовать сообща, чтѣ желательно для общѣй выгоды. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что такъ какъ Государь будетъ съ Шварценбергомъ, то у него будетъ свой корпусъ; по крайней мѣрѣ такъ было бы приличнѣе. Когда дѣйствія разовьются, я не премину поставить ваше сіятельство въ извѣстность, на сколько это будетъ отъ меня зависить.

Я читалъ статью Рея и очень удивленъ, что напечаталъ человѣкъ, осмыслившійся такъ обращаться къ Бонарпарту. Вѣрно, что онъ и Якобинцы составляютъ союзъ по декларациіи конгресса 13 Марта и по трактату союзниковъ противъ Франціи; безъ этого они давно уже перегрызли бы другъ другу горла. Общая опасность является основою ихъ союза, но придетъ еще время, когда они все погибнутъ. Если бы эта нація, подлая и униженная, могла истребить себя, не приводя всей Европы въ волненіе, какъ бы ни было противно человѣчеству подобное пожеланіе, надо сознаться, что это было бы настоящимъ и величайшимъ благодѣяніемъ для вселенной.

Здѣсь больше нѣть извѣстій о Франціи, и ложь ихъ не проникаетъ сюда; даже приверженцы Бонарпартскаго якобинизма не находятъ что сказать. Это отлученіе и своего рода политическій карантинъ должны служить самымъ чувствительнымъ и унизительнымъ наказаніемъ дерзкому самолюбію Французовъ и явятся страшнымъ орудіемъ въ первую голову противъ Бонарптарта и Якобинцевъ.

Въ Швейцаріи общественное мнѣніе выражается съ безпримѣрной энергіею: пожилые люди наравнѣ съ молодежью становятся въ ряды арміи Бахмана, размѣщенной близъ Женевы, вслѣдствіе движенія Французовъ на Аннесі и Коппѣ; но кажется, это движеніе произве-

дено раньше извѣстія о пораженіи Мюрата и является только диверсію. Теперь, когда этому королю-шарлатану отказано даже въ капитулациі при условіи дать ему возможность вернуться къ себѣ, со стороны Швейцаріи не было болѣе движенія. Окончанія кампаніи и низложенія Мюрата ожидаютъ на дняхъ. Надо надѣяться, что его паденіе будетъ предвестникомъ такого же для Бонапарта, и безъ промедленія. Говорятъ, что чудовище заковано съ головы до пять въ латы, такъ что едва можетъ ходить, согбенный подъ такой ненужной тяжестью, потому что кончить онъ долженъ на плахѣ, и не иначе. Утверждаютъ, будто онъ сказалъ про герцогиню Ангулемскую, что среди Бурбоновъ онъ нашелъ только одного мужа и это она—женщина. Это величайшая похвала и, можетъ быть, единственная правда, сошедшая съ его усть.

Мы пользовались здѣсь въ теченіи двухъ недѣль феноменомъ-Козловскимъ, возвращавшимся на свое мѣсто въ Туринѣ, которое онъ снова получилъ вопреки всему. Все, что говорилъ этотъ человѣкъ, такъ глупо, что порадовались, когда онъ уѣхалъ. Между прочимъ разглагольствовалъ онъ передъ Французами и Нѣмцами безъ различія, что раздѣлъ Франціи рѣшенъ и Прускій король не хочетъ слышать о какомъ либо смягченіи, зарождая такимъ образомъ ненависть къ одному изъ важнѣйшихъ союзниковъ. Бѣдняга начинай всегда: мы на конгрессъ, и я былъ вынужденъ напомнить ему, что на конгрессѣ въ Вѣнѣ онъ праздно шатался по улицамъ, какъ каждый изъ насть и многіе другіе, ибо единственная бумага, которую ему поручили написать порусски, оказалась такъ плоха, что Государь ее разорвалъ. Этотъ наглецъ не переставалъ плести чепуху; изъ извѣстій, сообщенныхъ имъ, извѣстіе о походѣ Поляковъ оказалось ложнымъ, ибо о немъ никогда не было и рѣчи. Мы еще не знаемъ, какое впечатлѣніе получилось въ Варшавѣ отъ титула Царь Польскій, каковой былъ объявленъ тамъ генераль-адъютантомъ Ожаровскимъ.

*

Нимфенбургъ, 17 (29) Мая 1815.

Я видѣлъ графа Михаила въ Нюренбергѣ, откуда я вернулся сюда третьяго дня въ полночь, выѣхавъ наканунѣ.

Я очень признателенъ Ея Величеству за полученное дозволеніе, въ то время, какъ я откланивался ей, оставаться у графа Михаила насколько возможно долго; благодаря этому разрѣшенію и особливо нашему неувѣдѣнію относительно скораго прїѣзда Государя, я провелъ вмѣсто четырехъ дней восемь съ удовольствіемъ всегда новымъ и ни-

когда не забываемъ. Я пріѣхалъ въ Нюренбергъ на часъ раньше графа. Я уже нашелъ тамъ генераль-адъютанта Закревскаго, достойнаго и задушевнаго друга его со времени Молдавскихъ кампаній, и въ то время, что я былъ съ нимъ, насы извѣстили о его пріѣздѣ, такъ что, отправившись къ нему, мы провели тамъ весь вечеръ, а на утро и переселились къ нему. Черезъ день пріѣхалъ генералъ Ермоловъ, и наша кампанія умножилась, ибо онъ поселился съ нами. Это самый достойный человѣкъ, съ рѣдкимъ умомъ и образованіемъ и одинъ изъ тѣхъ характеровъ, коимъ нельзя достаточно надавить, истинно Русскій, горячо любящій свою родину, жертвующей всѣмъ для достоинства націи и счастія родины, безъ какой либо примѣси личной выгоды. Два брата не могутъ быть тѣснѣе связаны дружбою и довѣріемъ, не жели онъ и графъ Михаилъ, и эта близость доставляетъ счастіе обоимъ. Лично для меня знакомство съ генераломъ Ермоловымъ, удостоившимъ и меня своею дружбою, является выгоднымъ пріобрѣтеніемъ. Я видѣлъ послѣдовательный пріѣздъ генераловъ и офицеровъ, между коими генералъ Богдановскій, единственный въ дивизіи графа Михаила, и полковникъ Букинскій изъ Нарвскаго полка заслуживаются особаго упоминанія, потому что выбраны самимъ графомъ Михаиломъ и, не говоря о ихъ признанныхъ достоинствахъ, видно по дѣйствіямъ и обхожденію, что это люди очень замѣчательные, одновременно заслуживающіе и внушающіе довѣріе. Изъ остальныхъ трехъ генераловъ 12-й дивизіи, Гурьевъ (сынъ министра), только что женившійся на дочери графа Петра Толстого, долженъ пріѣхать, а два другіе къ счастію не двинулись съ мѣста: Свѣчинъ, къ выгодѣ графа Михаила, получилъ отпускъ подъ предлогомъ болѣзни, а Глѣбовъ захотѣлъ остаться въ резервѣ со вторыми батальонами въ Калишѣ. Разумѣется, они доставили великое удовольствіе своему начальнику подобнымъ смѣлымъ и умнымъ рѣшеніемъ. Графъ Михаилъ просилъ генерала Красовскаго для командованія бригадою, но выставили затрудненія въ виду того, что у него есть бригада въ дивизіи grenaderскихъ стрѣлковъ. Это человѣкъ съ большими заслугами, который далъ себѣ узнать графу Михаилу въ чинѣ маюра и съ той поры обязанъ ему своимъ повышеніемъ, коего онъ выказалъ себя достойнымъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть также моихъ братьевъ, выросшихъ и сдѣлавшихся хорошими офицерами, какъ меня всѣ увѣряютъ; по крайней мѣрѣ ими довольны какъ за поведеніе, такъ и за любовь ихъ къ дѣлу. Я особенно былъ доволенъ видѣть, что они любятъ свое занятіе и проникнуты благодарностью къ графу Михаилу за все, что онъ для нихъ сдѣлалъ. Бригада стрѣлковъ, составленная изъ 6-го и 41-го полковъ, прошла Нюренбергъ; она прекрасна, хотя первый (бывшій покойнаго графа Сень-При) на три четверти

состоить изъ рекрутовъ, потерявъ въ послѣднія кампаніи, особенно при Реймсѣ, своихъ старыхъ солдатъ. Имъ командаeтъ полковникъ Жамбонъ, Русскій, хотя и Французскаго происхожденія. Полковникъ 4-го полка Русскій, но я забылъ его фамилію. Объ пѣхотныя бригады прошли по другой дорогѣ, и графъ Михаилъ выбралъ день, когда 1-я бригада уходила изъ Эрлангена, а 2-я вступала, чтобы показать ихъ въ совокупности генералу Ермолову. Это одно изъ лучшихъ войскъ, и если бы не ростъ, то по выправкѣ и порядку его можно было бы сравнить съ Русской гвардіею. 1-я бригада, составленная изъ Смоленскаго и Нарвскаго полковъ, подъ начalomъ Богдановскаго; я забылъ фамилію полковника первого полка, Эстонца изъ Ревеля; полковникомъ второго—Букинскій. 2-я бригада состоять изъ полковъ Алексопольскаго и Ново-Ингерманландскаго; полковникомъ первого—Панцербittterъ *), хороший офицерь, уже старикъ и не генераломъ, потому, что судьба его никогда не баловала; онъ командаeтъ бригадою и полкомъ; полковникъ второго—Русскій, фамиліи коего я не узналъ. Послѣ смотра Ермоловъ простился съ этой прекрасной дивизіей и выразилъ трогательную чувствительность, въ виду того, что она переходитъ въ корпусъ генерала Сакена, равно какъ и его корпусъ раздѣлили между другими начальниками, а ему даютъ гренадерь, еще не прибывшихъ. При 12-й дивизіи находятся три роты пѣшай артиллеріи; изъ нихъ двѣ великолѣпны, особенно своими лошадьми, а третья, состоять вся изъ старыхъ артиллеристовъ, а потому превосходить остальныхъ. Двѣ подъ командою полковниковъ Синельникова и Зенича, а третья—капитана, фамиліи коего не знаю. Каждый полкъ, по приказу Государя, имѣеть резервъ въ 400 человѣкъ безъ оружія, съ соотвѣтственнымъ числомъ офицеровъ, назначенный для немедленного пополненія убыли во время кампаніи; такимъ образомъ въ каждомъ батальонѣ 200 человѣкъ сверхъ комплекта, могущихъ немедленно пополнить ряды, если встрѣтится надобность.

Я видѣлъ также въ Нюренбергѣ проходить дивизіи легкой конницы, составленной изъ полковъ Ахтырскаго, Бѣлорусскаго, Александрійскаго и Мариупольскаго съ двумя ротами конной артиллеріи. За всю жизнь не видаль я такого прекраснаго зрѣлища; можно было подумать, что люди идутъ на парадъ, и дивишься, видя солдатъ съ 2 и 3 медалями. Лошади у этихъ полковъ и артиллеріи таковы, что частный

*.) Князь П. А. Вяземскій сказывалъ мнѣ, что въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ случалось ему находить стихотворенія какого-то Панцербittтера, и въ числѣ ихъ одно про Екатерину Великую, неприличнаго содержанія. (Горюетъ вдовушка, горюетъ день и ночь и горю своему не знаетъ, какъ помочь. Такого горя ей и съ роду не бывало). П. Б.

человѣкъ не пожелалъ бы для себя лучшихъ. Эта дивизія командуется младшимъ Васильчиковыемъ, но такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи, ее вѣль прежній генераль-маиръ Мезенцовъ; вторая—генераль-маиромъ, княземъ Мадатовыемъ, Армяниномъ изъ Грузіи, известнымъ партизаномъ. Затѣмъ шла 9-я дивизія бывшаго корпуса Ермолова, но я не могъ ее видѣть; говорять, она хороша, но хуже дивизіи графа Михаила.

Здоровье его прекрасно, лучшаго нельзя желать; я только замѣтилъ у него столько сѣдыхъ волосъ, что удивился, судя по его годамъ. А относительно расположения духа, то его и нельзя не имѣть прекраснымъ въ томъ обществѣ, какое я нашелъ у него и среди людей, уважающихъ другъ друга и связанныхъ тѣсными узами дружбы. Первымъ дивизіоннымъ адъютантомъ у него капитанъ Васильковскій, человѣкъ дѣятельный и порядливый, а вторымъ—бывшій адъютантъ Ягницкій *), который долженъ пріѣхать изъ Круглаго и вѣроятно привезетъ съ собою часть экипажей. Кромѣ того при немъ Арсеньевъ, Раевскій, князь Лобановъ и Митюша, который произведенъ въ капитаны и получилъ орденъ св. Анны съ брилліантами. Капитанъ Бетневъ квартирмейстеромъ; это, показалось мнѣ, малый знающій и дѣятельный. Личный персоналъ ограничивается Рѣщиковыемъ и деньщиками; но первый изумительно дѣятеленъ, и можно подумать, что прислуживаетъ дюжина людей, а это онъ одинъ вѣдаеть гардеробъ, туалетъ, вещи, услугу за столомъ и даже готовить нѣкоторыя Русскія кушанья. Графъ Михаилъ писалъ еще изъ Варшавы, чтобы ему прислали камердинера Михайловскаго, Аѳанасія Гнѣздарева, берейтора Петра Еремѣева, повара, и вмѣстѣ съ ними пріѣдетъ также Англичанинъ Венъямінъ Эллісъ, отмѣнныій человѣкъ въ смыслѣ порядка и честности. У него достаточно верховыхъ лошадей, и онъ ждетъ изъ Круглаго коляску съ 6 упряженными. Пока онъ пользуется коляской Льва Нарышкина. На слѣдующій день по моемъ отѣзду, т. е. 15 (27) числа, онъ долженъ быть разстаться съ своимъ другомъ Ермоловыемъ въ Нюренбергѣ иѣхать къ себѣ въ главную квартиру въ Гасфуртѣ передъ Бомбергомъ. Генералъ Сакенъ уже находится въ семъ послѣднемъ. Кромѣ этого командующаго генерала и трехъ другихъ, каковы Раевскій, Дохтуровъ, Ланжеронъ, кавалерійскій генералъ князь Голицынъ (брать графини Строгановой) долженъ командовать кавалеріей подъ началомъ фельдмаршала, а князь Яшвиль—артиллеріею. Говорятъ также, что корпусъ Витгенштейна войдетъ въ составъ дѣйствующей арміи, но позднѣе. Другіе корпуса, включая и армію, двинулись въ походъ, но въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій остановятся на нашихъ прежніхъ грани-

*) Позднѣе управлявшій обширными имѣніями графа и его супруги. П. Б.

цахъ. Говорять, что слишкомъ известная Польская армія составить часть нашей южной арміи подъ начальствомъ Бенигсена и пойдеть на границы Турціи.

Духъ въ арміи великолѣпный, и генералъ Ермоловъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ его корпусѣ болѣе 200 человѣкъ, уже выслужившихъ свой срокъ и получившихъ отставку (есть даже покрытые ранами и вернувшіеся), просыпавъ про новую войну, просятъ позволенія служить и отомстить за Французское вѣроломство. Возвращается много офицеровъ, и я видѣлъ одного безъ руки, желающаго служить волонтеромъ въ Ахтырскомъ полку, откуда онъ вышелъ въ отставку, не взирая на свое разрушенное здоровье и положеніе болѣе чѣмъ несамостоятельное. Разсказываютъ о многихъ подобныхъ случаяхъ. Безконечно жалѣютъ, что генералъ Сабанѣевъ покинулъ должность начальника главнаго штаба и принялъ командованіе дивизіей. Его, вѣроятно, утомили, удручили и раздражили люди, осаждающіе главный штабъ, и особенно женщины, вмѣшивающіяся въ дѣла. Фельдмаршаль, славный человѣкъ, долженъ быть бы, ради собственного достоинства и спокойствія, отправить вонъ свою*) и тѣмъ подать примѣръ другимъ. Сабанѣева замѣнилъ нѣкій генералъ-лейтенантъ Дибичъ; ему приписываются достоинства, но онъ молодъ и не можетъ обладать тѣмъ твердымъ и непреклоннымъ характеромъ, который выказывалъ его предшественникъ во всѣхъ дѣлахъ, кои онъ считалъ, по своей совѣсти, правыми. Фельдмаршаль долженъ пріѣхать послѣ завтра въ свою главную квартиру въ Бамбергъ, и вся армія въ теченіи двухъ недѣль станетъ на квартиры, занявъ страну отъ Нюренберга до Фульды. Намѣчены три мѣста переправы черезъ Рейнъ, Мангеймъ, Оппенгеймъ и Майнцъ; но это еще не вѣрно.

*

Нимfenбургъ, 19 (31) Мая 1815.

Я расчитывалъ остаться еще день съ графомъ Михаиломъ, какъ офицеръ, пріѣхавшій изъ Вѣны 14 (26), объявилъ намъ о прибытіи Государя въ Мюнхенъ на слѣдующій день; а потому я счелъ нужнымъ выѣхать изъ Нюренберга въ тотъ же вечеръ и, прибывъ въ Мюнхенъ 15 (27) поздно вечеромъ, узналъ, что онъ дѣйствительно находится въ Нимfenбургѣ съ 8 часовъ вечера. Третьяго дня пріѣхали послѣ обѣда императоръ и императрицы Австрійскіе. Все время происходила суматоха, а я долженъ быть еще устраивать денежные дѣла съ княземъ Волконскимъ. Австрійскій дворъ отбылъ сегодня рано послѣ обѣда на Штутгартъ и Луисбургъ, имѣя въ виду по дорогѣ провести день

*) Рожденную Снарскую, происхожденіе Польского. П. Б.

или два въ помѣстьѣ сестры Австрійской императрицы, курфюрстины, якобы вдовствующей (которая замужемъ за своимъ гофмаршаломъ графомъ Аркѣ и ведеть себя такъ непотребно, что мужъ мирволить только изъ за ея положенія и званія; въ прошломъ году, при рождениі своего послѣдняго ребенка, эта безстыдница сказала королю, что сама не знаетъ, отъ кого ребенокъ, отъ патера или отъ grenадерскаго офицера). Нашъ Государь только что уѣхалъ въ 11 съ половиною часовъ вечера по дорогѣ на Аугсбургъ и прибудетъ въ Штутгардть завтра вечеромъ. Властелины пробудутъ въ этомъ городѣ и въ Луисбургѣ самое большое два дня и оснютъ свои главныя квартиры въ Гейльбронѣ. Государь, рѣшая нашу судьбу, т. е. что Ея Величество можетъ или должна оставаться пока въ Германіи на время его отсутствія, совѣтовалъ ейѣхать къ матери не раньше 8 (20) Іюня, когда наши войска перейдутъ Рейнъ. А потому кажется, что этотъ срокъ назначенъ для открытія кампаніи, и арьергарду нашей арміи не удастся отдохнуть на квартирахъ.

„Хотя супруги, казалось, жили между собою лучше сіи 3 или 4 дни, чѣмъ подъ конецъ въ Вѣнѣ; но я не вижу ни повода, ни удовольствія, для чего намъ еще скитаться. Если для того, чтобы имѣть часто извѣстія, то прошлогодній опытъ, когда по мѣсяцу и 6 недѣль проходило безъ малѣйшаго слова, долженъ бы тѣмъ скорѣе усѣсть насъ домой и избавить отъ безчисленныхъ поговорокъ и стыда. Даже о занятіи Парижа не было намъ повѣщено; до самаго выѣзда изъ Калѣ¹⁾ не получено ни строки, тогда какъ къ великой княгинѣ К. П. былъ тотчасъ посланъ генералъ-адъютантъ, и газеты заставили насъ краснѣть передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но дѣло, по несчастію, рѣшено, и мы осуждены, можетъ быть, еще и теперь такое же униженіе переносить²⁾.

Великія княгини выѣхали изъ Вѣны; Веймарская, проѣзжая черезъ Зальцбургъ, должна встрѣтить въ Рatisбонѣ Австрійскую императрицу на ея обратномъ пути въ Вѣну, а великай княгиня К. встрѣтить ее въ Линцѣ. Насъ увѣряли изъ Вѣны, что сія послѣдняя получила приказъ отъ Государяѣхать въ Россію, быть при матери и не шататься по свѣту; но королева сказала мнѣ противное, и она знаетъ отъ Австрійской императрицы, что великай княгиня останется на Рейнѣ, дабы имѣть возможность получать скорѣе извѣстія отъ своего будущаго супруга. „Вотъ для насъ новая радость“³⁾. Ея Величество разсчитываетъ совершилъ поїздку въ Зальцбургъ на будущей недѣлѣ, а по возвращеніи мы

¹⁾ Т. е. на пути Государя въ Англію. П. Б.

²⁾ Означенное ковычками писано въ подлинникѣ по русски. П. Б.

³⁾ Это пять словъ въ подлинникѣ тоже по русски. П. Б.

поѣдемъ сперва въ этотъ ужасный Брухзаль, на который я смотрю какъ на могилу, куда насы заживо погребаютъ.

Свита Государя состоить изъ князя Волконского, Чернышова, генерала Толя, квартирмейстера Брозина¹), Вилье и Марченко; послѣдній военнымъ секретаремъ, человѣкъ съ умомъ, но къ несчастью не знающій языковъ; кроме того много офицеровъ въ свитѣ другихъ лицъ. Здѣсь познакомился я съ Толемъ, который слыветъ между своими за человѣка съ большими достоинствами, хотя и съ злымъ характеромъ, чего я не имѣлъ времени провѣрить. Мне любопытно было услыхать его мнѣніе о войнѣ, и онъ сказалъ, что ждетъ большого рѣшительного сраженія, которое Бонапартъ принужденъ будетъ дать приблизительно между Шалономъ, Реймсомъ, Лаономъ и Суасономъ; но онъ его положительно проиграетъ и будетъ раздавленъ тремя арміями: Веллингтона, Блюхера и нашею, потому что онъ не можетъ становиться на позиціи, гдѣ его окружать, особенно послѣ опыта подъ Лейпцигомъ²). Толь думаетъ, что послѣ произойдутъ отдѣльные схватки до Парижа, и Бонапартъ съ своими ожесточенными солдатами, желая защищать столицу и не будучи въ состояніи, разрушить ее до основанія, какъ это намѣревались сдѣлать въ прошломъ году. Европа приметъ это благодѣяніе особенно охотно отъ тѣхъ, кто сдѣлалъ Парижъ очагомъ всѣхъ злодѣйствъ. Судя по этому, Толь даетъ войнѣ самое большое три мѣсяца срока, и есть много лицъ, раздѣляющихъ это мнѣніе. Дай Богъ, чтобы она кончилась скоро и счастливо и особенно на радость вашему сѣтельству, каковое желаніе я не перестану высказывать во всю мою жизнь.

*

Нимфенбургъ, 5 (17) Іюня 1815.

Едва вернулись мы изъ поѣздки, которую Ея Величество совершила въ Зальцбургъ и Инсбрукъ и въ которой я имѣлъ счастіе ее сопровождать, какъ прибылъ отъ Государя курьеръ, объявившій намъ вчера (14 часовъ спустя послѣ нашего возвращенія), что Ея Величество можетъ въ данное время безопасноѣхать къ матери въ Брухзаль. А потому Ея Величествоѣхать сегодня же вечеромъ, не переночевавъ, чтобы прибыть въ Брухзаль 20-го, день имянинъ маркграфини. Такъ какъ изъ за такого поспѣшнаго отѣзда нѣть возможности сдѣлать распоряженій о необходимомъ количествѣ лошадей, то странствующая

¹⁾ За него внослѣдствіи вышла замужъ овдовѣвшая знаменитая Марья Антоновна Нарышкина. П. Б.

²⁾ Толь предсказалъ сраженіе подъ Ватерлоо, въ которомъ намъ не пришлось участвовать, и окончательную гибель Наполеона. П. Б.

колонія дѣлится на три отряда. Князь Голицынъ и я съ дамами, находясь во второмъ, отправимся послѣ завтра рано утромъ и доѣдемъ въ три дня до мѣста назначенія. Богъ знаетъ, сколько времени проведемъ мы въ этомъ отвратительномъ Брухзаль, гдѣ весь свѣтъ заключается въ маленькомъ дворѣ: положеніе не завидное!

Я все же надѣюсь, что война не продлится долѣе четырехъ мѣсяцевъ, и мы, наконецъ, будемъ имѣть радость вернуться къ себѣ. Я буду имѣть честь писать вашему сіятельству изъ Брухзала; въ данное время голова идетъ кругомъ, и я едва могу нести возложенныя на меня обязательства.

*

Брухзаль, 26 Июня (8 Июля) 1815.

Я ъездилъ въ Гроссъ-Жердъ близъ Дармштадта повидать графа Михаила, котораго нашелъ въполномъ здоровью. На слѣдующій день сдѣлалъ полу-переходъ и переправился съ нимъ черезъ Рейнъ около Опенгейма, гдѣ мы обѣдали, послѣ чего онъ продолжалъ свой походъ до ночлега въ Альзенъ, а я вернулся сюда черезъ Мангеймъ, гдѣ находилась главная квартира. Проѣзжая городъ, я передалъ генералъ-адъютанту Закревскому письмо для вашего сіятельства, порученное мнѣ графомъ Михаиломъ, подъ адресомъ г-на Гамильтона.

Генераль Сакенъ смотрѣлъ, какъ проходила 12-я дивизія черезъ Опенгеймъ и остался необычайно доволенъ. Дѣйствительно, я самъ видѣлъ въ Гейдельбергѣ, какъ проходили 9 и 11 дивизіи Раевскаго, и ни одна не могла сравниться съ дивизіей графа Михаила, ни выдержкою, ни здоровьемъ, ни бодрымъ видомъ солдатъ, чтѣ особенно удивляло Сакена и графа Остермана, находившагося также тамъ; его люди имѣли видъ, какъ будто только что вышли съ квартиръ, а не совершили такого быстраго и дальнаго перехода. Остерманъ находится въ корпусѣ Сакена, но не имѣть подвластныхъ частей, считаясь въ данное время сверхштатнымъ. Судя по расположению войскъ, корпусъ Сакена составляетъ, видимо, центръ нашей арміи, корпусъ Раевскаго—лѣвый, а Дохтурова—правые фланги, Ланжеронъ въ резервѣ для осады и блокированія крѣпостей, тогда какъ Ермоловъ съ гренадерами составить резервъ арміи. У Сабаньевъа также корпусъ изъ двухъ дивизій на правомъ флангѣ подъ началомъ Дохтурова. Повидимому, графъ Михаиль, равно какъ и генераль Сакенъ, вполнѣ довольны другъ другомъ. Я восхищенъ и польщенъ, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства, описавъ главный штабъ графа Михаила во всѣхъ подробностяхъ при своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Нюренбергъ. Въ данное время мнѣ остается только упомянуть имя Басаргина, ординарца Нарвскаго полка; это сынъ дво-

рянина-сосѣда по Андреевскому*). Онъ вернулся въ Нюренбергъ, когда я уѣзжалъ, изъ поѣздки въ Дрезденъ съ порученіями къ Сабанѣеву. Это малый живой, неутомимый, и его обычно называютъ чрезвычайнымъ посланникомъ, потому что онъ въ постоянныхъ разѣздахъ и всюду, гдѣ надо кого нибудь послать. Я его также увезъ съ собою въ Мангеймъ, нагруженного порученіями къ Закревскому, и въ эту короткую поѣздку могъ судить, какъ необходимъ человѣкъ съ такими свойствами при начальникѣ, подобномъ графу Михаилу. Чѣмъ касается, какъ говорите ваше сіятельство, приближенныхъ, якобы фаворитовъ, которые не любятъ вашего сына, то это не имѣть послѣдствій: у нихъ зависѣсть считается заслугою, а съ этимъ далеко не уйдешь, хотя иногда временно и успѣваешь, ибо цѣну человѣка составляетъ не фаворъ, а общее уваженіе. Я не имѣлъ извѣстій отъ графа Михаила со времени нашего свиданія; но, благодаря Богу и Веллингтону, нѣть основанія очень беспокоиться въ данное время, и война, равно какъ и революція, должна, несомнѣнно окончиться и, надѣюсь, въ послѣдній разъ. Въ данную минуту нась извѣщаютъ, что Блюхеръ передъ Парижемъ, и Людовикъ XVIII призналъ и провозглашенъ королемъ. Бонапартъ покинулъ Парижъ, и пока неизвѣстно, куда онъ направился; онъ просилъ у лорда Веллингтона паспорта въ Америку, въ чемъ послѣдній, разумѣется, отказалъ. Я вовсе не буду удивленъ, если этого негодяя убьетъ кто нибудь изъ своихъ же на кучѣ мусору. Я читалъ прокламацію короля; въ ней хорошо только параграфъ о наказаніи за измѣну; въ остальномъ слишкомъ много добродушія, если не сказать слабости, и не такая мѣра нужна для настоящаго поколѣнія Франціи. Впрочемъ, принимая во вниманіе все, Эльзасцы хуже самихъ Французовъ; ибо до сихъ поръ вооруженные крестьяне убиваютъ въ лѣсахъ курьеровъ, путешественниковъ, офицеровъ и солдатъ, и нашъ курьеръ, вернувшійся сегодня утромъ, принужденъ былъ спасаться отъ этихъ гнусныхъ Нѣмцевъ, переодѣвшись почтальономъ.

*

Баденъ, 17 (29) Сентября 1815.

Я бы очень хотѣлъ сѣздиТЬ въ Парижъ, чтобы имѣть счастіе хотя нѣсколько мгновеній повидать ваше сіятельство въ кругу вашей семьи; но эта ужасная неопредѣленность, ежедневное ожиданіе приказа обѣ отъѣздѣ и, можетъ быть, даже прїѣзда Государя, не позволяетъ намъ, такъ сказать, шевельнуться. Такова была и будеть до конца исторія нашего путешествія, такъ превозносимаго! Впрочемъ Ея Величество заявила намъ, что ни въ какомъ случаѣ не продлить своего

*) Не будущій ли это Декабристъ? П. Б.

пребыванія въ этой странѣ дольше 15 (27) Октября, дабы вернуться въ Петербургъ раньше зими, и что даже она могла бы уѣхать раньше, если получить на этотъ счетъ приказаніе Государя. Я было надѣялся, что ваше сіятельство пріѣдете повидать Ея Величество, такъ какъ Парижъ находится всего въ четырехъ дняхъ пути; но движение войскъ и позднее время года начинаютъ отдалять эту надежду и, можетъ, быть, ваше сіятельство не выѣдетѣ изъ Англіи до отѣзда властелиновъ и окончанія дѣлъ.

То, что происходитъ въ королевствѣ Виртембергскомъ только начало, и если не обратить вниманія, то вся Германія можетъ стать театромъ новыхъ ужасовъ революціи. мнѣ кажется, что союзники, пока они еще въ сборѣ, должны бы залечить зло, подвергающее всю Европу опасности; было бы осторожно и даже благодѣтельно тотчасъ же принять мѣры, чтобы подавить зародышъ революціи, которая начинается въ Штутгардтѣ, а кончится, Богъ вѣсть, гдѣ и когда. Относительно Франціи, все что оттуда исходитъ заставляетъ опасаться, что дѣла не останавливаются, и надо ожидать великихъ бѣдствій. Признаюсь, что съ величайшимъ беспокойствомъ ожидаю я открытия палаты депутатовъ и нового набора арміи. Если по несчастію послѣдняя составится изъ погибшихъ людей прошлаго года, какъ это естественно предвидѣть, то чего хорошаго можно ожидать отъ нихъ? А если къ тому же депутаты будутъ изъ нового поколѣнія, то всей мудрости короля не достанетъ, чтобы вести корабль при этихъ ужасныхъ буряхъ, которые до сихъ поръ мучаютъ Францію. Происходить перемѣны въ администраціи; этимъ хотятъ, немного поздно, исправить безразсудства, и совершаются другія, каковыхъ бы не было, если бы раньше были приняты надлежащиа мѣры. Какими бы иллюзіями ни пытаться, невозможно не согласиться съ вашимъ сіятельствомъ, что произойдетъ еще революція, которая, безъ ошибки, кончится признаніемъ дома Орлеановъ, поддерживаемаго всякими Якобинцами и мерзавцами, вместо теперешняго дома, правящаго безъ популярности, къ несчастію, для людей мирныхъ, но не имѣющихъ ни авторитета, ни силы. Однимъ словомъ, Европа еще далека до успокоенія, и я боюсь, что мы будемъ свидѣтелями еще многихъ ужасныхъ катастрофъ.

„По всѣмъ извѣстіямъ видно, что Государь пойдетъ въ Брюссель, и если Богъ дастъ, что совершился бракъ наследника Голландскаго съ нашою великою княжною, то отъ союза сего Россія можетъ надѣяться великой пользы въ дѣлахъ политическихъ, какъ и въ торговыхъ. Сколько я примѣчаю, Англичане, какихъ удалось мнѣ здѣсь видѣть, крайне симъ недовольны и весьма сердиты на свою принцессу Шарлотту. Впр-

чемъ я нимало не удивлюсь, если бы они сему предполагаемому браку помѣшали. Нѣть сомнѣнія, что взаимныя выгоды гораздо значительнѣе отъ союза Голландіи съ Англіею, чѣмъ съ нами^{“”}).

*

Баденъ, 30 Сентября (12 Октября 1815).

Я узналъ отъ великихъ князей Николая и Михаила, уѣхавшихъ отъ насъ вчера, о прїездѣ вашего сіятельства въ Парижъ. Они остановились въ Нанси, чтобы повидаться съ графомъ Михаиломъ, но не нашли его къ ихъ большому сожалѣнію, потому что онъ только что уѣхалъ въ Парижъ на встрѣчу къ вашему сіятельству и къ лэди Пемброкъ. Они питають большую дружбу къ графу Михаилу и имѣли намѣреніе провести у него цѣлый день.

Въ сумятицѣ отѣзда въ Россію и нашего перѣзда въ Карлсруэ на нѣсколько дней и затѣмъ въ Брухзаль на такой же срокъ, мнѣ невозможно и мыслить о поѣздкѣ въ Парижъ, такъ какъ тяжесть этихъ перѣездовъ лежить по преимуществу на мнѣ; но еслибы я узналъ, что ваше сіятельство прїѣдете посмотрѣть квартиры своего сына и войскъ, которыми онъ командуется въ Нанси, еще до нашего отѣзда изъ этой страны, ничто на свѣтѣ не сдѣлало бы меня счастливѣе, какъ эта поѣздка столь дорогая моему сердцу. Мы покидаемъ Баденъ въ данное время. Ея Величество останется въ Карлсруэ до Вторника 5 (17) Октября и въ Брухзаль до 13 (25); этотъ день и, самое позднее, слѣдующій назначенъ для нашего отѣзда въ Россію. По курьеру, присланному Государемъ къ Ея Величеству, мы надѣемся застать его дня 3—4 въ Берлинѣ до отѣзда его въ Варшаву. По дорогѣ Ея Величество остановится только на короткій срокъ въ Дармштадтѣ и Веймарѣ, изъ Берлина прослѣдуетъ прямо въ Петербургъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ Ея Величество сказала великимъ князьямъ, до какой степени она рада услыхать о прїездѣ вашего сіятельства въ Парижъ и знать, что вы прїѣдете въ Нанси, потому что она можетъ надѣяться, что вы прїѣдете повидаться. И я не сомнѣваюсь, что ея надежды исполнятся, если ваше сіятельство будете такъ близко отъ насъ.

Поздравляю отъ всего сердца ваше сіятельство съ повышеніемъ вашего достойнаго сына въ чинъ генералъ-адъютанта.

*

Петербургъ, 28 Декабря 1815.

Ваше сіятельство найдете въ послѣднихъ номерахъ нашихъ газетъ указъ, весьма суровый, противъ Іезуитовъ, которыхъ всѣхъ выселили за слишкомъ большое стремленіе обратить нашу церковь въ Католи-

^{“”}) То что въ кавычкахъ писано по русски. П. В.

чество. Множество женщинъ высшаго сословія обращены открыто; молодые люди, ввѣренные ихъ воспитанію, также совращены, и Іезуитскіе наставники дошли до такой дерзости, что начали совращеніе съ собственнаго племянника министра вѣроисповѣданій. Указъ хорошо написанъ Шишковымъ, и Государь подписалъ его не медля ни минуты¹⁾). Министръ Сардиніи, графъ де-Местръ, ханжа и болѣе, чѣмъ Іезуить, обвиняется въ пособничествѣ прозелитизму; известно, что ему обязаны они доступомъ въ знатные дома. Этотъ взрывъ долженъ произвести спасительное дѣйствіе на слабые умы новыхъ Католиковъ. Минѣ, однако хотѣлось бы, чтобы также поступили съ нашимъ Библейскимъ Обществомъ, которое принесетъ впослѣдствіи больше зла, чѣмъ Іезуиты.

Я посылаю вмѣстѣ съ газетами два оттиска церемоніала прїѣзда и аудіенціи Персидскаго посланника. Онъ былъ ослѣпленъ блескомъ и пышностью нашего двора, гвардіи и т. п. и сказалъ, что никогда не видалъ подобнаго. Къ счастью, все это кончилось къ великому удовольствію нашихъ солдатъ и бѣдныхъ слоновъ, съ трудомъ таскавшихъ ноги, обутыя въ сапоги, по холоду и снѣгу. Лошади, приведенные въ подарокъ, великолѣпны, равно и шали и жемчуга, а ткани, золотошвейныя матеріи и ковры хороши, но не въ нашемъ вкусѣ. Въ отвѣтъ ему готовятъ великолѣпные подарки; между прочимъ фарфоровые и стеклянныя фабрики заняты этимъ дѣломъ.

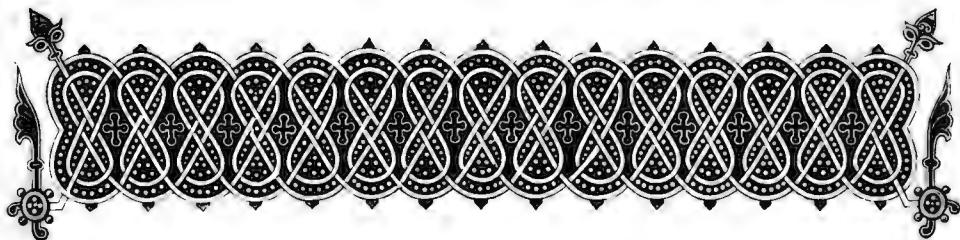
Я ничего не пишу о новомъ трактатѣ дружбы, союза и братства, который обнародованъ Сенатомъ²⁾; ваше сіятельство должны были ознакомиться съ его содержаніемъ въ Парижѣ. Это явленіе столь новое въ дипломатіи, что нельзя впередъ сказать, какое впечатлѣніе оно произведетъ; но я думаю, что его постигнетъ также участъ, чтѣ и другіе трактаты, существовавшіе до сей поры. У политики есть свой опредѣленный путь, такъ что пока трактатъ продержится обстоятельствами, ему благопріятными.

Бракосочетаніе великой княгини Екатерины состоялось сегодня: быть большой обѣдъ и баль при дворѣ.

¹⁾ Гр. Жозефъ де-Местръ говорилъ, что при разговорѣ съ нимъ Александръ Павловичъ такъ горячился, что, казалось, у него ноздри были въ пламени: le feu lui sortait de narines. (См. Р. Архивъ 1866, стр. 1492). П. Б.

²⁾ Т. е. о Священномъ Союзѣ. П. Б.

ЗАВЪЩАНІЕ ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА ГАЗА¹⁾.

Копія.

Я все размышляю о благодати, что я такъ покоенъ и доволенъ вѣмъ, не имѣя никакого желанія, кромѣ того, чтобы воля Божія исполнялась надо мною. Не введи меня во искушеніе, о Боже Милосердый. Милосердіе коего выше всѣхъ Его дѣлъ. На Него я бѣдный и грѣшный человѣкъ вполнѣ и единственно уповаю. Аминь.

Какъ я признанъ совершенно несостоятельнымъ²⁾), то родные мои не могутъ имѣть никакой претензії на то, что можетъ оставаться послѣ меня. Равномѣрно и кредиторы мои, раздѣливши все, чтѣ имъ по суду досталось, кажется, не будутъ имѣть больше претензії на то, что могло бы оказаться у меня, почему я осмѣливаюсь полагать, что не приведу начальство въ затрудненіе чрезъ покорнѣйшую мою просьбу, что все могущее оказаться послѣ меня, не подвергая опечатанію, по моему искреннѣйшему желанію и просьбѣ, было бы предоставлено моему старинному искреннему пріятелю, дѣйствительному статскому совѣтнику Андрею Ивановичу Полью³⁾), котораго я симъ прошу не отказать мнѣ быть душеприкащикомъ, при помощи нашихъ товарищѣй и друзей: Павла Яковлевича Владимирова, Федора Михайловича Елецкаго, Василія Филипповича Собакинскаго, Христіана Федоровича Поль, Льва Григорьевича Гофмана, Ивана Алексѣевича Нечаева и старинныхъ нашихъ друзей Ивана Федоровича Померанцева и Василія Ивановича Розенштрауха⁴⁾). Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ для него не будетъ никакого особеннаго затрудненія. Я предоставляю Андрею Ива-

¹⁾ Изъ архива Московскаго Надворнаго Суда.

²⁾ Нѣкогда Ф. П. Газъ былъ такъ богатъ, что ему принадлежалъ на Кузнецкомъ мосту огромный домъ (нынѣ наслѣдниковъ доктора Захарыни). П. Б.

³⁾ Извѣстному въ Москвѣ врачу-оператору; онъ ввелъ раздробленіе камня въ мочевомъ цузырѣ. П. Б.

⁴⁾ Извѣстному въ то время владѣльцу галантерейнаго магазина на Кузнецкомъ мосту, на углу Рождественки. П. Б.

новичу распорядиться безъ всякой отвѣтственности во всемъ томъ, что придется сдѣлать. Я прошу Андрея Ивановича подарить всякому, кто бы что желалъ имѣть на память.

Книги, кои способны и назидательны для бібліотеки при церкви нашей*), всѣ дарю въ бібліотеку церкви нашей, равно фортепіаны и Латинскія пѣсни, какія у меня окажутся. Два тома Лексикона Бланкарда оставить при конторѣ Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ и нѣсколько книгъ медицинскихъ, сколько разсудится Андрею Ивановичу, такъ чтобы при больницѣ составилась маленькая медицинская бібліотека.

Сверхъ того изъ другихъ медицинскихъ книгъ, сколько Андрею Ивановичу разсудится, подарить Николаю Агапитовичу Норшину; а всѣ прочія книги и вещи я желаю по продажѣ ихъ сумму раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одну Андрей Ивановичъ будетъ раздавать бѣднымъ при нашей церкви, а другую часть предоставить раздавать другу моему Павлу Яковлевичу Владимирову при нашей больницѣ, какъ онъ прежде сіе дѣлалъ при большей моей благодарности и къ великому моему утѣшенню.

Книги Американскія о трезвости надобно переплѣтать и стараться продавать ихъ за 50 коп. серебромъ и заплатить г. Мерелису сколько я останусь должностнымъ за полученные отъ него для продажи книги.

Если бы оказались у меня остальныя наличныя деньги, то я желалъ бы всѣ другія находящіяся въ бѣлыхъ, т. е. А, Б, В, Христіанскаго Благонравія и всѣ картоны азбукъ переплѣтать и такъ беречь ихъ, пока со временемъ онъ мало по малу будутъ продаваться или даромъ раздаваться, какъ Павлу Яковлевичу сіе благоразеудится.

О милыхъ моихъ родныхъ я здѣсь не упоминаю, предоставляя Господу Богу, что Онъ склонитъ сердце Царя и велитъ ему возвратить все, чтѣ чрезъ несправедливость 7-го Департамента Правительствующаго Сената они потеряли; а что они могли бы отъ царской милости получить, я желаю, чтобы они удовлетворили всѣхъ кредиторовъ, которые остались обижены чрезъ меня. При томъ я очень помню, что я остался долженъ моимъ братьямъ и сестрамъ пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями, и сіи 15 тысячъ сперва надобно отдать отъ денегъ, которыя могутъ быть по царской милости пожертвованы для удовлетворенія случившейся мнѣ обиды и потери, и 15 тысячъ рублей тогда будутъ выданы тѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые меня ссудили, а потомъ деньги, которыя останутся, какъ мнѣ принадлежащія, всѣ братья и сестры должны раздѣлить по равнымъ частямъ, а въ

*) Т. е. церкви св. Людовика на Малой Лубянкѣ? П. Б.

число братьевъ и сестеръ принять милаго племянника Якова, сына благодѣтеля моего отца профессора Гааза. Я знаю, что всѣ мои милые и добрые родные раздѣлять со мною духъ повиновенія во всемъ волѣ Божіей и всегда съ искреннимъ сердцемъ скажутъ Ему слава и похвала во вѣки. Всѣмъ, которые будутъ полагать, что они остаются мнѣ что нибудь должны, да будетъ известно, что я имъ все прощаю.

Покорнѣйше прошу добрѣйшаго Алексѣя Николаевича Бахметева¹⁾ иногда обратить око милосердія на жалкаго Филиппа Андріянова. Первая милость, которую показалъ ему Алексѣй Николаевичъ, сдѣлалась причиной всего того, что я послѣ него дѣлалъ. Кажется, очевидно, что Провидѣніе хотѣло вручить его обѣимъ нашимъ рукамъ.

На моемъ столѣ находится маленький ящикъ, въ коемъ лежитъ чернильница, перо и мости Св. Франциска Солеауса. Сей ящикъ надобно передать Боголюбѣ Давыдовнѣ Боевской, которая со временемъ такъ устроитъ, что сія мости можно хранить при Католической церкви въ г. Иркутскѣ. Въ верхнемъ ящикѣ комода находятся двѣ картины папенъки моего и маменьки; я ихъ передаю, чтобы она ихъ тихимъ образомъ хранила при себѣ. Я прошу добрѣйшаго моего благодѣтеля Николая Алексѣевича Муханова²⁾, чтобы онъ продолжалъ вѣсколько времени мѣсячные десять рублей серебромъ, которые прошу чрезъ Андрея Ивановича передать бѣдной добрѣйшѣй Боевской, которая мнѣ какъ духовная дочь и сестра. О какая твоя благодѣтельная для меня ручка, мой почтенѣйшій Алексѣй Николаевичъ!

Еще имѣю нѣкоторыхъ бѣдныхъ, которымъ я отъ г. Муханова всякой мѣсяцъ даваю: Аннѣ Петровнѣ Тринклеръ два рубля, г-жѣ Безсоновой одинъ рубль, г-жѣ Рылѣвой одинъ рубль, бѣдной дѣвушкѣ въ Набилковской богадѣльнѣ Иринѣ одинъ рубль, г. Медединой одинъ рубль; Матренѣ съ дочерьми одинъ рубль, кои прошу чрезъ Павла Яковлевича, ежели получится вспомоществованіе, продолжать выдавать.

Два портрета моихъ благодѣтелей графа Зотова и генерала Бутурлина передаю моему другу Андрею Ивановичу Полю, который раздѣляетъ обѣ нихъ мои чувства любви и преданности.

¹⁾ Въ то время бывшаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа. П. Б.

²⁾ Ф. П. Гаазъ былъ связанъ дружбою съ семействомъ Мухановыхъ. Онъ сопровождалъ ихъ на Кавказскія минеральныя воды, описаніе которыхъ и сдѣлалъ: Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810, par le docteur Frederic-Joseph de Haas, mÃ©decin en chef de l'hôpital de Paul à Moscou. M., 1811. 4°. П. Б.

На счетъ картины Вандика, которую почетный гражданинъ Федоръ Егоровичъ Уваровъ во время моей болѣзни подарилъ мнѣ, за что я не въ состояніи выразить чувства глубочайшей благодарности; я думаю, что этимъ подаркомъ сдѣлалъ онъ для меня самую пріятную вещь. которая могла быть сдѣлана для меня въ свѣтѣ. Молюсь Богу, чтобъ онъ возвратилъ Федору Егоровичу во сто разъ то, что я чувствовалъ, что получилъ отъ него. Я прошу гг. священниковъ нашей церкви, г. Эларова, г. Кампиона и Михаила Дормидоновича Быковскаго, чтобы они нашли приличный способъ помѣстить ее возлѣ алтаря Божіей Матери въ нашей церкви. Она должна быть поставлена на мраморномъ брускѣ и на семъ брускѣ написаны сіи слова, чтѣ Божія Матерь говорила всѣмъ въ Канѣ Галилейской: сдѣлайте все, что Онъ скажетъ (*Quodcunque vobis dixerit, facite*) Св. Ioан., глав. 11, ст. 4. Важность сей картины состоить въ томъ, что Божія Матерь всѣмъ молящимся Ей показываетъ Младенца и всегда намъ говорить эти слова, которые Она сказала въ Канѣ Галилейской: сдѣлайте все, что онъ скажетъ; *Quodcunque vobis dixerit, facite*.

Велѣствие сего наставленія Божіей Матери сдѣлано Спасителемъ нашимъ чудо, о которомъ Онъ сперва объявилъ, что Онъ не намѣренъ быть въ тотъ день чудо дѣлать и что Провидѣніемъ отъ вѣка вѣковъ не назначено было, что оно должно быть сдѣлано въ тотъ день; однакожъ сіе единственное чудо сдѣлано чрезъ участіе, которое Божія Матерь приняла въ этомъ дѣлѣ, а участіе состояло въ томъ, что она научила людей исполнять все, что Ея сынъ, нашъ Богъ, намъ скажетъ. Утѣшаетъ меня очень мысль, что чрезъ прибавленіе къ сей прекраснѣйшей картинѣ материнскихъ словъ: „сдѣлайте все, что Онъ скажетъ“, во многихъ сердцахъ откроется настоящее отношеніе нашихъ молитвъ къ Божіей Матери, т. е. что наши молитвы къ Божіей матери могутъ имѣть только успѣхъ, когда мы исполняемъ наставленіе Ея исполнять все, что Онъ намъ скажетъ. Не надобно жалѣть расходовъ, дабы это было сдѣлано очень прилично. Добрый мой Андрей Ивановичъ найдетъ уже на сей предметъ нужная деньги.

Занимаютъ меня еще два предмета: 1, Представленіе мое къ награжденію служащихъ при больницѣ. Я прошу покорно моего друга Александра Ивановича Овера, чтобъ онъ попросилъ Ивана Васильевича Капниста*) самому разсмотрѣть сіе дѣло, которое вѣрно тогда будетъ при-

*) Въ то время бывшаго въ Москвѣ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

знато достойнымъ одобренія. 2-ой предметъ есть, что покорнѣйше прошу Комитетъ согласиться на мою просьбу препоручить нѣкоторымъ членамъ сдѣлать справки о полученныхъ мною чрезъ Комитетъ отъ Губернскаго Правленія кандалльныхъ денегъ, излишки которыхъ должны принадлежать мнѣ какъ подрядчику; но, не желая имѣть отъ этого ни малѣйшей пользы, я просилъ Комитетъ дать шнуровую книгу для записи о расходѣ сихъ денегъ, кои я всегда писалъ въ шнуровую комитетскую книгу.

Я бы желалъ чтобы было разсмотрѣно подъ предсѣдательствомъ члена нашего Комитета Дмитрія Ивановича Коптева, при членахъ г. Кондратьевѣ, г. Шеншинѣ, при сынѣ г. Розенштрауха Федорѣ Васильевичѣ, при правителѣ дѣла Комитета Ильѣ Ивановичѣ Захаровѣ. Я прошу пригласить для изъясненія сего дѣла Ивана Алексѣевича Нечаева, который одинъ лучше всего знаетъ, что тамъ на Воробьевыхъ горахъ всегда дѣжалось.

Кажется, Комитетъ не будетъ отказывать мнѣ въ такой просьбѣ, чрезъ которую откроется важное для меня обстоятельство въ дѣйствіяхъ моихъ въ Цересольномъ Замкѣ, ибо старшій писарь Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ Петръ Андреевъ Игумновъ открылъ, что я передержалъ противъ полученнаго отъ Губернскаго Правленія значительную сумму. А сie могло случиться слѣдующимъ манеромъ. Часто меня просили, не угодно ли мнѣ изъ кандалльной экономіи расходовать на это, это и это, на что я очень легко всегда соглашался; ибо истинно знали, что я желалъ расходовать всю экономію по кандаламъ и точно иногда затруднялся, чтѣ сдѣлать изъ остатковъ экономіи, которые въ прежнія времена иногда оставались значительны, то и легко могло случиться, что я, полагая, что экономія есть, соглашался на разныя раздачи, но никогда не намѣренъ быть изъ моихъ собственныхъ денегъ дѣлать никакого пожертвованія. Я часто удивлялся, что, пріобрѣтая иногда деньги, имѣвшіи тогда практику, не израсходывая для себя особеннаго ничего, все находилъ себя безъ денегъ, и по открытии писаремъ Игумновымъ я вижу теперь, что мои собственные деньги пропали въ этихъ расходахъ, кои назывались кандалльными, а за сie ежели окажется истинно, то я прошу Андрея Ивановича выдать Игумнову сто рублей серебромъ. Ежели окажется, что я по ошибкѣ въ пользу Комитета расходовалъ, то я надѣюсь, что онъ мнѣ возвратить сумму, которую предоставляю получить Андрею Ивановичу Полю, а его прошу ихъ употреблять для трехъ извѣстныхъ ему предметовъ.

Еще уповаю на доброго моего Андрея Ивановича, что онъ найдеть способъ наградить всѣхъ столь много трудящихся около меня, а книжки *Problèmes de Socrate* я очень желаю, чтобы были напечатаны въ память дружбы моей къ Николаю Николаевичу Бутурлину, сыну моего большого благодѣтеля генерала Бутурлина. Я чувствую, что Размышленія о системѣ Сократа могутъ быть многимъ полезны, но покорнѣйше прошу г-на Пако *), г. Кроткаго, г. Чедаева и г. Цурикова принимать въ семъ дѣлѣ христіанское участіе и стараться совершить эти Размышленія такъ какъ слѣдуетъ.

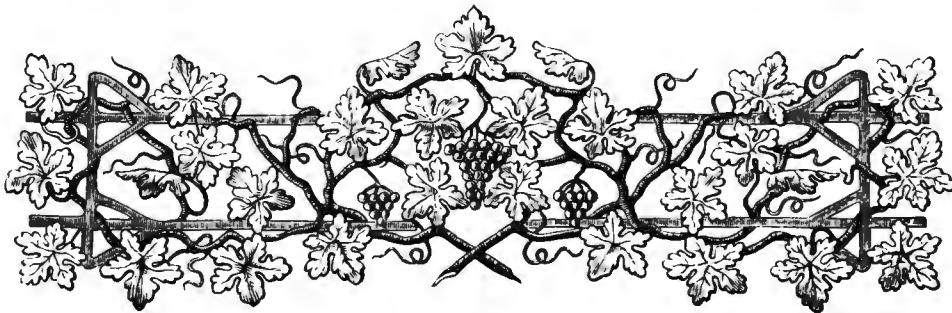
Я просилъ г. Эларова, чтобы похороны были на счетъ Церкви, на одной парѣ лошадей, безъ всякихъ прибавленій.

Москва, Іюня 21 дня 1852 года.

(Изъ сборника П. И. Щукина, выпуска X-го).

*) Это профессоръ Французскаго языка въ Московскомъ университетѣ, достойнейший Степанъ Ивановичъ Пако, уроженецъ Нормандіи, приглашенный Ф. В. Самариномъ въ наставники къ сыну его Юрию Федоровичу. П. Б.

МОСКОВСКИЕ ХРАМЫ ПО УХОДЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

Запись И. М. Снѣгирева *).

20 Октября (1812), жители Мурома проводили преосвященного Августина за городъ, при колокольномъ звонѣ, съ крестнымъ ходомъ, въ коемъ несли на себѣ болѣе пяти верстъ иконы Иверской и Владимиранской Богоматери. За пастыремъ слѣдовали и жители Москвы на свои пепелища.

Вскорѣ по прїездѣ въ Москву графа Растворчина, Августинъ, 31 Октября, прибылъ изъ Мурома въ село Черкизово, сіе древнее помѣстье Св. Алексія митрополита. Въ самой Москвѣ негдѣ ему было остановиться: архіерейскія подворья были или разорены, или сожжены. Кремль, вмѣстилище святыни, до его прїезда былъ запертъ; онъ нашелъ монастыри разграбленными, церкви обращенными въ казармы и запасные магазины, а нѣкоторыя даже въ конюшни и бойни, священнослужителей безъ должности и пропитанія, приходы безъ прихожанъ и церквей: ибо изъ 237 Московскихъ церквей 12 сгорѣли, 115 повреждены были отъ пожара, а прочія почти всѣ разграблены, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отправлялось богослуженіе оставшимися священниками. Тогда іерархъ на паствѣ своей былъ, какъ землемѣтъ на нивѣ, побитой градомъ; но его утѣшало возвращеніе на свое родное пепелище, въ Москву, освобожденную отъ враговъ; онъ встрѣчалъ и привѣтствовалъ своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ возваніемъ: Христосъ Воскресе!

Вскорѣ получилъ Августинъ отъ Государя Императора повелѣніе устроить духовную часть и возстановить поруганную врагомъ святыню.

*) См. выше, стр. 134.

7 Ноября, изъ Черкизова онъ переѣхалъ въ Срѣтенскій монастырь; на другой же день, совершивъ тамъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, онъ вступилъ почю въ Кремль черезъ Боровицкія ворота для осмотра соборовъ; его сопровождали Симоновскій архим. Герасимъ, соборные ключари, Чудовскій намѣстникъ, секретарь его и отставной маіоръ П. В. Головинъ.

Внутренность Кремля была завалена грудами каменьевъ и мусора отъ взрыва Филаретовской колокольни, Рождественской церкви и нѣкоторыхъ башень, стѣнъ и Арсенала, разнаго рода оружіемъ, понтонными лодками, фургонами, конскими и человѣческими трупами, мебелью, между коими попадались даже св. иконы и утварь. Двери Успенского собора были затворены и запечатаны; снаружи въ стѣнахъ его кругомъ пробиты были гнѣзда, въ кои вставлены брусья для коновязей, а другіе полагали, для взрыва онаго порохомъ. Не знали, что находилось во внутренности храма; опасались, нѣть ли въ немъ подкоповъ или какихъ ухищреній: отъ коварного и отчаяннаго врага можно было всего ожидать. Но Августинъ велѣлъ отворить съверные двери собора; потомъ, обратясь къ предстоявшимъ, сказалъ: „помолитесь“, трикраты самъ помолился въ землю предъ Господомъ на священномъ прагѣ, и, осѣнивъ входъ крестнымъ знаменіемъ, воскликнулъ: Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его! Онъ первый вступилъ во храмъ, за нимъ и спутники его съ зажженными свѣчами.

При видѣ мерзости запустѣнія на мѣстѣ святыни, они зарыдали и содрогнулись: имъ открылось плачевное зрѣлище поруганной святыни, разграбленнаго и оскверненнаго храма. Отъ ужасныхъ взрывовъ окна въ соборѣ перебились, и внутренность его отчасти занесло снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ пылью, стружками, углями и навозомъ: на мѣстѣ огромнаго серебренаго паникадила тамъ были вѣсы для вѣшанія награбленнаго серебра и золота, и на правомъ столбѣ иконостаса, у патріаршаго мѣста начертанъ счетъ онаго (325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота) недавно только закрытый позолотою; среди собора поставлены плавильные горны и изъ Оружейной Палаты деревянные болваны въ богатырскихъ доспѣхахъ; съ алтарнаго иконостаса ободрано было все серебро басменной работы, кромѣ одного уголка, какъ будто для того, чтобы онъ могъ послужить обращикомъ при возобновленіи храма. Иконы, снятые съ мѣстъ и лишенныя драгоцѣнныхъ окладовъ, утвари изломанныя, церковныя одежды разодранныя разбросаны были по полу вмѣстѣ съ разнымъ оружіемъ такъ, что едва можно было пройти. Съ гробницъ святителей сняты серебреныя украшенія, запе-

чатаанная рака св. Петра Митрополита вскрыта. мощи Святителя Филиппа лежали виѣ раки на помостѣ. Надъ гробами митрополичими сдѣланы были стойла для лошадей. При этомъ позорищѣ архиастыры съ чувствомъ скорби воскликнуль: „Боже, придоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святый Твой!“ Но какимъ чувствомъ умиленія обѣялось сердце преосвященнаго. когда онъ, среди такого разрушенія и поруганія святилища, увидѣлъ моши Святителя Іоны не только неприкосновенными на своемъ мѣстѣ въ серебреной ракѣ. но даже и при нихъ серебрянную лампаду, подсвѣчникъ и образъ Спасителя въ серебрянномъ окладѣ.

Архангельскій и Благовѣщенскіе соборы подвергались одинаковой участіи съ Успенскимъ и Кремлевскими церквами; только, къ удивленію, въ послѣднемъ три верхнія церкви съ иконостасами въ серебрѣ остались совершенно неприкосновенными. Еще дивное и вмѣстѣ отрадное зрѣлище представилъ нашему архиастырю уцѣлѣвшій отъ хищенія образъ Спасителя въ серебрянной позолоченой ризѣ на Спасскихъ воротахъ. Никольская башня. примыкающая къ Арсеналу, взорвана была по самый кіотъ образа св. Николая; но икона осталась невредимою со стекломъ и съ фонаремъ. Объ этомъ чудѣ засвидѣтельствовалъ преосвященный Августинъ въ проповѣди своей, а императоръ Александръ I въ слѣдующей надписи, изображенной на мраморной доскѣ подъ самымъ образомъ: „Въ 1812 году, во время непріятельского нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля: но чудесною силою Божіею св. образъ великаго угодника Божія Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камнѣ, и не токмо самый образъ. но и самое стекло, прикрывавшее онъ, и фонарь со свѣщею осталась невредимыми. Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“!

1812 года, 10 Ноября, Августинъ. отслуживъ молебенъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, читалъ отъ себя особую молитву со слезами, прерывавшими чтеніе оной; потомъ перенесъ съ крестнымъ ходомъ икону Иверской Богоматери въ часовню у Воскресенскихъ воротъ и, до поставленія образа на прежнее мѣсто, совершилъ водосвятіе передъ дверми часовни. вокругъ коей вся площадь, развалины строеній и обгорѣлые стѣны домовъ покрыты были народомъ. Тогда всѣ глаза обращались къ небесамъ со слезами умиленаго сердца; всѣхъ уста повторяли молитвы, а руки возносились для крестнаго знамени.

Въ тотъ же день обозрѣвая Чудовъ монастырь, преосвященный смутился скорбію, не находя моцей св. основателя сей обители, въ коей

алтарь главной церкви служилъ пріютомъ для маршала Наполеонова Даву. Наконецъ, по усилиномъ исканіи, въ кучахъ ободранныхъ и распоротыхъ ризъ, въ преддверіи Благовѣщенской церкви найдены были моши св. Алексія Митрополита, къ великой радости Августина, который поставилъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

Комиссія духовныхъ училищъ изъ суммъ, состоявшихъ въ ея вѣдѣніи, пожертвовала на сей предметъ¹⁾), съ разрѣшенія Св. Синода, 3,500,000 рублей. Исполненіе это было возложено на преосвященнаго Августина.

Въ первый день послѣдняго мѣсяца 1812 года, Августинъ положилъ начало возобновленію и устройству той важной части столицы, которая сосредоточивается въ себѣ торговлю съ промышленностю и по преимуществу именуется Городомъ. Собравъ все бывшее въ Москвѣ духовенство, преосвященный въ этотъ день освятилъ Покровскій соборъ, памятникъ завоеванія Царства Казанскаго.

По распоряженію Августина, съ пѣніемъ и кропленіемъ св. водою, начался крестный ходъ отъ Лобнаго мѣста вокругъ Китая-города тремя отдѣленіями. Въ семъ ходу несли чудотворныя иконы Богоматери Иверской, Грузинской, Владимирыской и Утоленія Печалей. Въ первомъ отдѣленіи преосвященный самъ слѣдовалъ по Ильинкѣ за Ильинскія ворота: второе шло Старою площадью и Никольскою улицею до Никольскихъ воротъ; третье по Москворѣцкой улицѣ на Набережную. Обойдя кругомъ стѣны Китая, они сошлись у Варварскихъ воротъ, черезъ кои тѣмъ же порядкомъ учредитель сего священнаго хода возвратился въ Покровскій соборъ, сопровождаемый всѣми тремя отдѣленіями.

Освященіемъ Бѣлаго города преосвященный ознаменовалъ день рожденія императора Александра I и вмѣстѣ день возврата солнца съ зимы на лѣто, чтѣ принято было жителями Москвы за благодатное предвѣстіе возврата прежняго ихъ благоденствія. Платоновъ преемникъ²⁾ умѣлъ воспользоваться и симъ случаемъ, чтобы доставить скорбящимъ утѣшеніе св. вѣры: онъ учредилъ крестный ходъ въ двухъ отдѣленіяхъ, которыя, во время освященія имъ соборной церкви въ Срѣтенскомъ монастырѣ, обойдя улицы Бѣлаго города, сошлись въ сей обители. Тамъ при чрезвычайномъ стеченіи народа, въ новоосвященномъ храмѣ графъ Растворчинъ читаль извѣстія о побѣдахъ Русскихъ надъ полчищами Наполеона. Духовное и вмѣстѣ гражданское торжество довершено побѣднымъ громомъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ, стоявшихъ близъ стѣнъ Срѣтенскаго монастыря.

¹⁾ Т. е. на возстановленіе Кремлевской святыни. П. Б.

²⁾ Т. е. Августинъ. П. Б.

Продолжая заниматься дѣлами званія своего, Августинъ перемѣстился изъ Срѣтенского въ Богоявленскій монастырь, который замѣнялъ каѳедру до открытия Архангельского собора.

Но Кремль еще не доступенъ былъ для любопытства: никто не могъ входить въ него безъ особеннаго позволенія начальства. Туда Августинъ ъзилъ каждый день. Ревнители благочестія, видя вездѣ поруганіе святыни, заботились о томъ, сохранились ли св. моши и чудотворныя иконы въ Кремлевскихъ соборахъ; они собирались на Красную площадь предъ запертыми воротами Кремля сътоварить обѣ этомъ. Для ихъ успокоенія и утѣшенія преосвященный Августинъ высыпалъ Симоновскаго архимандрита Герасима.

Торжественное открытие Кремля (1 Февраля 1813) началось освященіемъ Архангельского собора, приведенного Августиномъ въ возможное устройство; ибо въ другихъ соборахъ еще не совсѣмъ изглажены были скверные слѣды враговъ, не пощадившихъ въ нихъ ни святыни, ни древности. При освященіи же храма—блестителя праха Государей Россійскихъ—обносимы были вокругъ его съ крестнымъ ходомъ св. моши благовѣрного царевича Дмитрія, сохраненная священникомъ Іоанномъ Веніаминовымъ за иконостасомъ въ Вознесенскомъ монастырѣ и доставленная преосвященному вскорѣ по прїѣздѣ его въ Москву. Въ праздникъ же Срѣтенія Господня (это было на другой день) носили св. моши порfirороднаго Мученика вокругъ стѣн Кремлевскихъ въ сопутствіи освященнаго собора и въ предшествіи хоругвій, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ.

Послѣ освященія Чудовской церкви, графъ Растворчинъ въ трапезѣ монастырской представилъ Московскому архиерею 243 человѣка, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ непріятеля. Преосвященный, сдѣлавъ пастырское наставленіе, приличное положенію сихъ несчастныхъ, роздалъ имъ 15,000 рублей, доставленныхъ ему отъ С. Петербургскаго Общества призрѣнія разоренныхъ.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ не оставалось ни одного почти дома; въ другихъ прихожане не только причетъ, но и себя содергать не въ силахъ были: жители не скоро собирались, невдругъ могли обстроиться и обзавестись. Надлежало взять мѣры въ разсужденіи храмовъ, не имѣвшихъ пособій для своего возобновленія; должно было придумать средства къ устроенію священнослужителей. Преосвященный входилъ обѣ этомъ съ мнѣніемъ своимъ въ Св. Синодъ, который разрѣшилъ ему приписать нѣкоторыя церкви къ другимъ, изъ 237 приходовъ оставить 137, а нѣсколько священниковъ помѣстить на время въ сельскіе приходы.

Исполненіе сей мѣры начато преосвященнымъ съ 4 Февраля 1813 года; однакожъ не обошлось безъ нареканій ему и безъ сѣтования, такъ что, видя ревность въ народѣ къ сохраненію и возобновленію храмовъ и слыша общее желаніе, онъ представлялъ высшему начальству: „что жители не прежде начинаютъ обстроивать свои дома, пока не увидятъ освященными свои церкви“. Наконецъ, уже въ 1816 году высочайше повелѣно: „Преосвященному Августину разоренные и сожженныя церкви, по прошенію и согласію прихожанъ, дозволять исправлять, если не окажется къ тому законныхъ препятствій, оставляя церкви приписными до того времени, когда соберется и водворится достаточное число прихожанъ“.

Почивающія въ Успенскомъ соборѣ св. мощи Петра митрополита Московскаго, въ царствованіе Иоанна Васильевича, запечатаны были въ гробницѣ ихъ царицею Анастасіею; послѣ нашествія Поляко-Литовцевъ, похитившихъ золотую раку съ св. останковъ храмоздателя, онѣ до 1812 года лежали запертыя, подъ спудомъ, въ сребропокованной гробницѣ; но святотатственная рука врага сорвала печать и замокъ съ верхней гробницы, заключавшей въ себѣ раку съ мощами первосвятителя Московскаго. Августинъ просилъ у Св. Синода позволенія оставить св. моши Петра навсегда открытыми.

Открывъ раку, онъ до земли поклонился и облобызalъ святые останки великаго іерарха; потомъ совершилъ молебное пѣніе, а по окончаніи литургіи окропилъ святою водою материалы, приготовленные для поновленія св. иконъ въ соборѣ. Самыя иконы были съ крестнымъ ходомъ перенесены въ мироваренную палату Патріаршаго дома, гдѣ избранные иконописцы, священно и церковнослужители, въ облаченіяхъ, сверху коихъ были на нихъ бѣлыя препоясанія, приняли благословеніе отъ своего архипастыря и приступили къ своему дѣлу, обратившему на себя вниманіе ревнителей старины. Преосвященный почти каждый день самъ надзиралъ надъ производствомъ сей работы, достойной служителя алтаря, поощряя трудившихся и руководствуя ихъ повелѣніемъ Екатерины II: поновлять соборы, не измѣняя ихъ древняго стиля. Тогда же въ Чудовѣ монастырѣ дѣлали серебряныя ризы на Успенскій иконостасъ по оставшемуся на немъ образчику. Въ три мѣсяца окончено поновленіе трехъ сотъ семидесяти пяти св. иконъ въ Успенскомъ соборѣ и онъ приготовленъ былъ къ освященію*).

—————
*) Успенскій соборъ открыть былъ только 30 Августа 1813 года. П. Б.

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

IV. Побѣги въ горы^{1).}

Исторія одной раскольничьей обители у Шамиля (1848—1859).

11.

Мы рассказали исторію раскольнической обители у Шамиля^{2).}
Но что же въ это время происходило на Линії?

Побѣгъ пяти Червленцевъ лѣтомъ 1849 года сильно встревожилъ Гребенское начальство. Правда, и раньше скитничество въ Кумскихъ и Терскихъ лѣсахъ процвѣтало; въ безмолвіе лѣсной глухи удалялись казаки, склонные къ подвижничеству и ждали пришествія Антихриста вдали отъ мірской суеты. „Кизлярскіе коменданты³⁾ посылали драгунскія команды по лѣсамъ забирать гнѣздившихся тамъ раскольниковъ, какъ людей опасныхъ въ пограничномъ краѣ“. Но все это было дѣломъ далекаго прошлаго.

Командиръ Гребенского полка полковникъ баронъ Розенъ наивно писалъ⁴⁾ наказному атаману Феликсу Антоновичу Круковскому: „побѣговъ на богомолье до сего никогда не было“. О раскольникахъ-отшельникахъ очевидно забыли. Забыли потому, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ съумѣлъ развить у казаковъ национальное чувство. Забыли еще потому, что во главѣ горцевъ стоялъ Шамиль, во владѣнія котораго зазорно было идти Русскому человѣку. И, забывъ про это историческое явленіе, упустивъ изъ виду законъ повторяемости извѣст-

¹⁾ См. 1912, I, 452.

²⁾ См. 1912, I, 64.

³⁾ И. Попко.

⁴⁾ Рапортъ 19 Іюля 1852 года № 3835. св. № 17, дѣло № 375.

ныхъ жизненныхъ событій, начальство рѣшило, если не разслѣдовать вполнѣ причины побѣговъ казаковъ на богоомолье въ горы, то во всякомъ случаѣ найти виновныхъ и потушить пожаръ.

Необходимость энергичныхъ мѣръ стала особенно очевидна, когда въ Ноябрѣ 1850 года вновь бѣжало изъ Червленной тринадцать душъ подъ предводительствомъ Ивана Башмакова. Дѣло принимало серьезный оборотъ: приходилось дѣйствовать. Командиръ Гребенскаго полка *), желая открыть истинную причину побѣговъ, назначилъ комиссію изъ одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ.

Къ крайнему сожалѣнію, въ архивахъ Гребенскаго полка, и Войскового Дежурства Кавказскаго Линейнаго войска, какихъ-либо документовъ по этому вопросу нѣть, или (будемъ надѣяться) пока не найдено. Судя по описямъ, громадное число очень интересныхъ дѣлъ было уничтожено по минованіи десятилѣтней давности. Разные архиваріусы и помощники старшихъ адъютантовъ, не имѣя возможности содѣржать архивы въ порядкѣ и заботясь только о необходимомъ мѣстѣ для вновь поступающихъ на храненіе документовъ, ревностно, на законномъ основаніи, уничтожали оптомъ все, что казалось не нужнымъ или потерявшимъ интересъ. Они конечно нанесли познанію старины гораздо больше вреда, чѣмъ хищники-любители, вырывавшіе и уносившіе изъ архивовъ отдѣльные драгоценныя документы. Сіи послѣдніе, хотя изрѣдка, но все-же обогащали исторію плодами своихъ дурныхъ инстинктовъ.

О дѣятельности комиссіи, назначенной барономъ Розеномъ, мы знаемъ очень мало. Послѣ тщательныхъ секретныхъ обысковъ и спросовъ она, хотя и не могла найти виновныхъ, но заподозрѣла главными участницами и побудительницами къ побѣгамъ женщинъ посторонняго вѣдомства (т. е. не казачекъ), живущихъ въ скитахъ Червленной станицы: „ибо онѣ, проживая издавна въ скитахъ при этой станицѣ и именуя себя монахинями, учили молодыхъ казаковъ фальшивымъ понятіямъ о религіи и ханжеству изъ собственнаго интереса. чѣмъ пріобрѣли большое уваженіе и почтеніе, въ особенности же отъ казачекъ“. Къ такому рѣшенію, очевидно, пришли, исходя изъ побѣга въ горы двухъ монахинь Евпраксіи и Фелицитаты, будто бы пришедшихъ въ Червленскіе скиты изъ Иргизскихъ монастырей.

Затѣмъ комиссія выяснила передачу монахинями писемъ съ деньгами Червленскому казаку Мѳодію Богданчикову для пересылки въ разныя мѣста, заподозрѣвъ его въ знаніи о намѣреніи бѣжать въ горы

*) Предписаніе отъ Команд. войсками Кавказ. линіи 28 Сентября 1856 года № 20036.

не только двухъ монахинь, но всѣхъ казаковъ. „Богданчиковъ, имѣя почти постоянное пребываніе въ скитахъ“ (доносила комиссія) „завелъ и въ своеемъ домѣ часовню, чѣмъ заслужилъ отъ нѣкоторыхъ жителей уваженіе. Къ тому общій голосъ подтверждалъ, что всѣ бѣжавшіе бывали у казака въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ въ скитахъ“. Было приложено даже пять писемъ, найденныхъ при обыскѣ одного скита, писанныхъ Богданчиковымъ къ монахинямъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ подписывается цифрами, а въ другомъ называетъ себя Меѳодіемъ Смиреннымъ¹⁾.

Итакъ по мнѣнію начальства подстрекателями къ побѣгамъ являлись скиты и отдѣльные раскольнические главари.

Виновность скитовъ была несомнѣнна; начальство распорядилось выслать на мѣста жительства въ Россію шестнадцать монахинь, обитавшихъ въ скиту въ Червленной. Относительно Богданчикова велись дополнительныя разслѣдованія для выясненія причастности еще и другихъ раскольническихъ учителей.

Но вотъ случились события, пришедшия на помощь начальству.

Въ Ноябрѣ 1851 года²⁾ Кизлярскаго полка сотникъ Кирѣевъ представилъ своему командиру подполковнику Суходольскому, по долгу службы и присяги, письмо, адресованное на его имя и писанное къ родителямъ братомъ его фельдшеромъ Александромъ Кирѣевымъ, бѣжавшимъ, къ непокорнымъ горцамъ³⁾. Фельдшеръ Кирѣевъ между прочимъ писалъ, чтобы родители, если пожелають отвѣтить, переслали бы письмо въ Червленную къ казаку Антону Шавыреву, который уже знаетъ, какъ поступить; вѣдь сынъ его также находится тоже въ горахъ.

Затѣмъ въ Февралѣ 1852 года Чеченскій приставъ маіоръ Доможировъ⁴⁾ прислалъ войсковому старшинѣ Тиханову два письма, посланныя жителями Калиновской станицы къ бѣжавшимъ въ горы и доставленныя къ нему Староюртовскимъ жителемъ Далакъ-Алтамировымъ.

Обнаруживались сношенія съ бѣжавшими на богомолье Червленскихъ и Калиновскихъ казаковъ.

Переписка о фельдшерѣ поступила къ временно командующему Гребенскимъ полкомъ. Тогда войсковой старшина Тихановъ немедленно

¹⁾ Донесенія полк. барона Розена 25 и 27 Янв. 1851 г. № 1 и 3. (Самыхъ рапортовъ не найдено).

²⁾ Рапортъ Команд. Греб. пол. Войск. Стар. Тиханова 22 Февраля 1852 г. № 10, св. № 17, дѣло № 375.

³⁾ Выписка изъ судного дѣла о сношеніяхъ казаковъ Червленной съ бѣжавшими въ горы. Св. № 17, дѣло 375.

⁴⁾ Рац. воск. стар. Тиханова 29 Февраля 1852 года № 1152 св. № 17, дѣло № 375.

предписалъ Полковому Правленію секретно приступить къ открытию законопротивныхъ дѣйствій казака Антона Шавырева¹).

Полковое Правление прибыло къ дѣйствию, которое въ настоящее время называется провокацией. оно было тогда въ большемъ ходу. Оно написало два подложныхъ письма: одно къ фельдшеру Кирѣеву, будто бы отъ его родителей, а другое отъ нихъ же къ Шавыреву съ просьбою переслать влагаемое въ горы.

Принимая эти письма отъ неслужащаго казака Карагичева, Шавыревъ поблагодарилъ: „Спаси Христосъ“.

Затѣмъ войсковой старшина Тихановъ сталъ выжидать: не объявить ли казакъ Антонъ Шавыревъ ему или начальнику станицы о получении законопротивныхъ писемъ. Но Шавыревъ молчалъ.

Наступило наконецъ шестнадцатое Февраля пятьдесятъ второго года. Командующій полкомъ получилъ отъ Чеченского пристава документы о сношении Калиновцевъ съ обителью въ горахъ. Прибылъ въ этотъ же день и бѣжалшій изъ горъ Василій Митрошкинъ, давшій весьма цѣнныя для начальства показанія. Войсковой старшина Тихановъ побоялся затягивать дѣло и вызвалъ Шавырева въ Правленіе²). Но старый раскольникъ сталъ на издревле испытанный въ то время способъ защиты: „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Тогда засѣдателю, сотнику Федюшкину, да начальнику Червленной хорунжему Пономареву приказали произвести обыскъ³).

Искали, рыли, все перевернули. Наконецъ въ сундукѣ жены бѣжалшаго Ефима Шавырева, въ маленькомъ узелкѣ нашли письмо: мужъ благодарилъ за присланный подружникъ, за ниточки и калачики, кланялся Меѳодію Маркеловичу Богданчикову за подарочки, а казаку Сѣргѣеву просилъ передать признательность за старанія.

Сильно уже заподозрѣнныи Богданчиковъ серьезно уличался. По представленію начальства главнокомандующій приказалъ предать военному суду Антона и Степаниду Шавыревыхъ, Богданчикова и другихъ причастныхъ лицъ⁴).

Въ Тифлисѣ придавали большое значеніе обители въ горахъ и понимали необходимость распутать таинственное и глубоко задуманное дѣло. На судѣ предстало два, быть можетъ заблуждавшихся, но крѣпкихъ и сильныхъ духомъ человѣка. Два фанатика, но два нравственныхъ, глубоко религіозныхъ человѣка. Два казака преданныхъ, вѣроятно. идеѣ осуществленія неисполнимой мечты вольности и свободы.

¹) Св. № 17, дѣло 373. Рапортъ войск. стар. Тиханова 17 Окт. 1852 г. № 5424.

²) Рапорты войск. стар. Тиханова св. № 17, дѣло № 375.

³) Рап. барона Розена 8 Іюля 1852 г. № 272, св. № 17, дѣло 375.

⁴) Рап. Пом. Нач. Гл. Шт. 6 Февр. 1853 г. № 342 св. № 17, д. № 375.

Предстала также казачка, обыденная чисто-Русская женщина, любящая мужа, готовая слѣдовать за нимъ на край свѣта.

Особенно выдѣлялся по облику Богданчиковъ. совсѣмъ молодой человѣкъ¹⁾ слабаго тѣлосложенія, съ поврежденной ногой, съ шестнадцати-лѣтняго возраста ходившій на костыляхъ. Но тѣлесная немощь пробудила въ немъ духовную дѣятельность, направивъ умъ и сердце къ Богу.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, на подобіе часовни обвѣшанной и обставленной старинными иконами, перешедшими отъ предковъ, весь обложенный книгами, въ молитвѣ и чтеніи пребывалъ Богданчиковъ, отдавая досуги обученію казачьихъ и офицерскихъ дѣтей грамотѣ, церковному пѣнію, Россійскому письму и переплету книгъ²⁾.

Такихъ старообрядческихъ школъ въ Червленной въ 1849 году было еще пять. Ихъ просвѣтительная дѣятельность въ глазахъ большинства властей и православнаго духовенства всегда казалась ничѣмъ инымъ, какъ пропагандою раскола. Думается, однако, что болѣе знакомое съ сущностью дѣла казачье начальство имѣло основанія считать ихъ лишь простымъ орудіемъ для пріобрѣтенія знанія и развитія ума среди дѣтей. Къ этому, повидимому, особенно стремился вполнѣ грамотный, развитой и начитанный Богданчиковъ, имѣвшій кромѣ церковныхъ и „книги гражданской Русской литературы, въ коихъ онъ почиталъ за благо упражняться, видя въ нихъ ученый плодъ“.

Великое уваженіе, которымъ пользовался Богданчиковъ, создавало ему выдающееся положеніе среди раскольничихъ главарей. Оно вызывало и зависть старовѣрческихъ дѣятелей, обвинявшихъ Богданчикова въ куреніи табаку, чтеніи православныхъ книгъ и другихъ грѣховныхъ поступкахъ. И неѣтъ никакого сомнѣнія въ принадлежности Богданчикова къ какой-нибудь новой въ то время сектѣ, усиленно распространявшей толки и разныя разсужденія, а въ особенности предсказанія о скоромъ пришествіи Антихриста съ цѣлью расположить казаковъ къ побѣгамъ въ горы, для спасенія души молитвами въ скрытыхъ мѣстахъ. Быть можетъ, этимъ и ограничивался единственно Богданчиковъ; но статься также, что манила-ли къ себѣ начитанного и образованного наставника мечта о созданіи въ горахъ вольныхъ казачихъ станицъ, свободныхъ вполнѣ въ дѣлѣ вѣры и самоуправлѣнія? Такъ надо думать, сопоставляя разные намеки офиціальной переписки, вытекавшіе, вѣроятно, изъ содержанія канувшихъ нынѣ въ вѣчность секретныхъ бумагъ. Такъ слѣдуетъ еще полагать, глядываясь въ свѣтлую фигуру Богданчикова и прислушиваясь къ ходящимъ еще по

¹⁾ Въ 1852 году было ему 24 года.

²⁾ Судебное дѣло, а также прошенія матери Богданчикова св. № 17, дѣло № 375.

Червленной преданіямъ о жизни безусловно-умнаго раскольника. На это наводить еще на мысль объ отношеніи Шамиля къ фактическому настоятелю раскольничьей обители въ горахъ, къ Тимофею Янхотову.

Антонъ Шавыревъ, человѣкъ старый, вполнѣ сочувствовалъ Богданчикову, отличался также строгою жизнью, но былъ умомъ попроще. Вскорѣ послѣ преданія суду этотъ раскольникъ умеръ.

Въ Мартѣ 1853 года началось дѣло¹⁾ и по обычной въ то время волокитѣ, переходя отъ одного начальника къ другому, было конфирировано временно-командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи лишь въ Сентябрѣ 1855 года²⁾.

Комиссія военнаго суда, признавъ Богданчикова и Шавырева виновными въ сношеніяхъ сть бѣжавшими на богомолье казаками и передачѣ имъ хлѣба и разныхъ вещей, а Степаниду Шавыреву въ намѣреніи бѣжать къ мужу, приговорила: Богданчикова, какъ вреднаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами черезъ пятьсотъ человѣкъ два раза и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ. Степаниду Шавыреву, также лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми черезъ палача двадцатью ударами и сослать въ каторжныя работы на шесть лѣтъ. А подсудимаго Шавырева за смертію „оставить безъ послѣдствій“³⁾.

Завѣдывавшій Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ полковникъ Мейеръ посмотрѣлъ на процессъ въ высшей степени благожелательно. Судное дѣло поступило къ нему на заключеніе въ концѣ 1854 года, когда обитель уже развалилась и все предпріятіе потерпѣло неудачу. Полковникъ Мейеръ бытъ склоненъ сильно смягчить участъ подсудимыхъ, но тутъ Богданчиковъ по собственной винѣ вышелъ изъ равновѣсія и ухудшилъ свое положеніе⁴⁾.

Ореолъ, окружавшій Богданчикова въ станицѣ, захватилъ повидимому въ свои лучи и Гребенское начальство⁵⁾. Подсудимому, старались дѣлать всякия поблажки: его увольняли часто съ Червленской гауптвахты домой и къ знакомымъ, разрѣшали вести корреспонденцію по почтѣ черезъ разныхъ людей и даже офицеровъ; позволяли читать, переплетать и разрисовывать старовѣрческія церковныя книги. Словомъ Богданчиковъ пользовался необыкновенными льготами.

Но у кого нѣть на этомъ свѣтѣ враговъ? Нашлись конечно и у Богданчикова недоброжелатели и завистники. Послѣдовалъ доносъ, и

¹⁾ Выписка 1854 года, св. № 17, дѣло № 375.

²⁾ Предп. г.—л. Козловскаго 28 Сент. 1855 г. № 20036.

³⁾ Судебное дѣло 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁴⁾ Докладъ 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁵⁾ Отнош. Нач. Штаба 1855 г. № 2059, св. № 47, дѣло № 375.

высшее войсковое начальство распорядилось содержать подсудимаго подъ арестомъ, строго, согласно законамъ. Мѣра эта подорвала въ корень уже расшатанный престижъ Богданчикова среди Гребенцовъ.

Безусловно трудно было расколъничью наставнику сидѣть подъ арестомъ, переживать всѣ тягости состоянія подъ судомъ. Но еще ужаснѣе было умному Богданчикову сознавать паденіе своего авторитета. Люди съ сильно развитымъ самолюбіемъ, знающіе себѣ цѣну и высоко о себѣ мнящіе, рѣдко сохраняютъ равновѣсіе до конца. Такъ случилось съ Богданчиковымъ. Онъ рѣшилъ восстановить свой престижъ какимъ-либо поступкомъ, который вызвалъ бы со стороны властей суровыя мѣры. „Тогда, быть можетъ“, думалъ Богданчиковъ „симпатіи сораскольниковъ вновь вернутся ко мнѣ, какъ къ мученику за старую вѣру“¹).

Расколъничій главарь сталъ сопротивляться распоряженіямъ караульного начальства, началъ браниться, буйствовать и подстрекать арестантовъ къ неповиновенію. Но баронъ Розенъ былъ на сторожѣ и сразу понялъ въ чемъ дѣло. Тихо и спокойно, въ наказаніе за скверное поведеніе, онъ отправилъ Богданчикова къ Кизлярскому коменданту для содержанія въ крѣпостномъ казематѣ впредь до рѣшенія суднаго дѣла²).

Проигравъ такимъ образомъ въ глазахъ единомышленниковъ. Богданчиковъ своими поступками могъ все же усугубить тягость положенія. Въ тѣ времена юстиція не щутила.

Но Кавказское начальство, повторимъ еще, было на высотѣ положенія. Оно не отклонилося до конца отъ намѣченной политики по отношенію ко всѣмъ виновнымъ въ созданіи обители въ горахъ.

Командовавшій войсками опредѣлилъ: „избавивъ Богданчикова отъ тѣлеснаго наказанія, отправить въ арестантскія роты въ Кіевъ на пять лѣтъ, а затѣмъ зачислить въ регулярныя войска. Степаниду же Шавыреву отъ наказанія совсѣмъ освободить, но для пресѣченія возможности сношенія съ мужемъ и побѣга въ горы переселить въ одну изъ станицъ внутренней четвертой бригады“³).

Вскорѣ начальство убѣдилось въ дѣйствительности смерти въ горахъ Ефима Шавырева и вернуло Степаниду въ Червленную⁴). Богданчиковъ же, по просьбѣ матери, былъ помилованъ и возвращенъ домой въ 1858 году⁵.

¹⁾ Рапортъ бар. Розена 1855 года № 3744.

²⁾ Рапортъ полк. Мейера 1855 г. № 5377.

³⁾ Предп. г.—л. Козловскаго 1855 г. № 20036. св. 17, дѣло 375.

⁴⁾ Предп. Штаба войскъ Кавк. Линіи 1856 г. № 14176 и прошеніе Шавыревой 25 Марта 1866 г. св. 17, дѣло 375.

⁵⁾ Предп. нач. гл. шт. 1858 г. № 732. св. № 17, дѣло 375.

Во время своего нахождения въ Киевѣ, Богданчиковъ, по ходящимъ преданіямъ написалъ рукопись „Желѣзный вѣкъ“, будто бы сохранившуюся еще у родныхъ. О немъ до сихъ поръ въ Червленной живеть добрая память.

Перенесемся изъ Червленной въ Калиновскую. Вернемся къ письмамъ присланнымъ маюромъ Доможировымъ*).

Начальству было совершенно ясно, что сношенія съ бѣжавшими въ горы поддерживали и Калиновцы: отставной хорунжій Раsterяевъ, урядникъ Аревъ, казаки Ларіонъ Епифановъ, малолѣтній Фока Персіановъ, Ефросинья Ремизова и Прасковья Кудрявцева. Ихъ арестовали, но обыскъ ничего не далъ. Наученные Червленскими событиями, Калиновцы приняли предосторожности.

И тутъ обвиняемые пустили въ ходъ разные извороты: все велось крайне толково и умѣло. Дѣло запутывалось и затягивалось, дополнялось и пересматривалось и завершилось лишь въ пятьдесятъ шестомъ году.

Но тогда про обители почти забыли.

По конфirmaціи командующаго войсками хорунжему Ремизову было вмѣнено въ наказаніе судъ и содержаніе подъ арестомъ при производствѣ дѣла, Арева и Кудрявцеву совершенно простили.

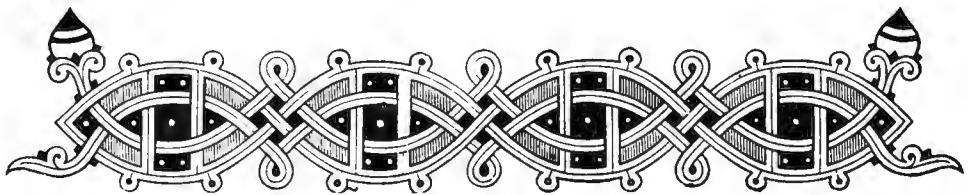
Калиновцы отдалились еще легче Червленцевъ.

Когда оглянешься назадъ на все разсказанное, сердце невольно радуется, что идея образованія вольныхъ казачьихъ станицъ и скитовъ у горцевъ подъ покровительствомъ Шамиля, въ самое острое время Кавказской войны, потерпѣла неудачу. Случилось это конечно благодаря умнымъ мѣрамъ Кавказскаго начальства, промаху Шамиля, не съумѣвшаго обращаться съ раскольниками, а въ особенности вслѣдствіе близорукости самихъ сектантовъ, пустившихъ въ обитель не желательный элементъ, а главное не подходящихъ женщинъ.

Все это такъ конечно. Но если бы даже обстоятельства сложились въ пользу мечтателей воскрешенія казачьихъ идеаловъ, мысль не имѣла бы успѣха. Все хорошо въ свое время. А пятидесятые года прошлаго столѣтія безусловно не допускали возможности уклоненія върнаго Россіи Терского казака отъ наслѣдственно переданаго ему долга служить дѣлу распространенія и укрѣпленія владычества своего Царя на Кавказѣ.

Федоръ Чернозубовъ.

*) Св. № 17, дѣло 397 о сношеніяхъ съ бѣжавшими жителями Греб. полка отставн. хорун. Ремизова и другихъ.

Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ М. И. Драгомировѣ.

У покойнаго Михаила Ивановича Драгомирова была прекрасная черта не считать свой ученый кантъ и знакъ, украшенный лаврами, единственными мѣрилами всякихъ достоинствъ и талантовъ.

Глубоко былъ правъ генераль баронъ И. П. Оффенбергъ (рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова), утверждая, что тотъ, кто всѣхъ кромѣ себя считаетъ дураками и мошенниками, навѣрно самъ и первый дуракъ и не послѣдній плутъ *).

М. И. Драгомировъ признавалъ, напримѣръ, за одного изъ лучшихъ генераловъ того времени Р. Т. фонъ-Мевеса, знаменитаго командира Павловскаго полка; равно былъ очарованъ и генераломъ Войновымъ, лицами даже близко не подходившими къ Военной Академіи.

Слѣдующій случай можетъ подтвердить вышесказанное.

Почти четверть вѣка назадъ, въ Петербургѣ, среди офицеровъ генеральнаго Штаба, блисталъ звѣздою первой величины нѣкто Т...въ. Большой говорунъ, не-дуракъ, великій нахаль, вынырнувъ изъ нѣдра глубокой арміи, чутъ ли не изъ какой-то захолустнѣйшей крѣпостной артиллеріи и украсившись значкомъ съ лаврами, онъ возомнилъ о себѣ, какъ о Мюратѣ.

Какъ ни странно, но именно крѣпостная артиллерія почему-то воюю судебъ имѣла специальностью поставлять для усовершенствованія „оружія боговъ“, т. е. кавалеріи, „табуретныхъ“ Зейдлицевъ и Мюратовъ. Кромѣ Т.., были и Г.. и Ч.. и мало ли букашекъ совсѣмъ мелкаго калибра.

* Баронъ И. П. Оффенбергъ (1792—1870 г.) въ концѣ 50-хъ годовъ былъ начальникомъ почти всей нашей армейской кавалеріи по званію командира резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Поэтому не удивительно, что вмѣсто роты Т... командовалъ (для ценза конечно) казачьей сотнею, и долго по Кавказу ходили разсказы о трюкахъ, продѣланныхъ симъ новоявленнымъ Баклановымъ. Вмѣсто батальона Т... отбывалъ цензъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку и засѣдалъ во всѣхъ кавалерійскихъ комиссіяхъ.

Въ одну прекрасную осень, Т.., какъ новый авторитетъ, былъ командированъ за-границу. Сѣѣздишъ. Дѣло простое; вернувшись—представь отчетъ и займись своимъ дѣломъ... Какъ бы не такъ! У такихъ господъ сейчасъ же явится пространное сочиненіе, озаглавленное въ родѣ: „Работа на конѣ днемъ и ночью въ теченіе 100 $\frac{1}{2}$ часовъ“.

Драгомировъ въ тѣ времена былъ начальникомъ Академіи Генерального Штаба; къ нему Т.. и почель нужнымъ заявиться.

Угрюмый Драгомировъ принялъ Т.. и, выслушавъ цѣлый фейерверкъ словоизверженій въ моментально-кавалерійскомъ духѣ, спросилъ: „Да вамъ, собственно, что же отъ меня-то угодно?“—„Да я, ваше пре-восходительство, собравъ заграницей такой богатый материалъ, же-лалъ бы отъ васъ получить указанія“.

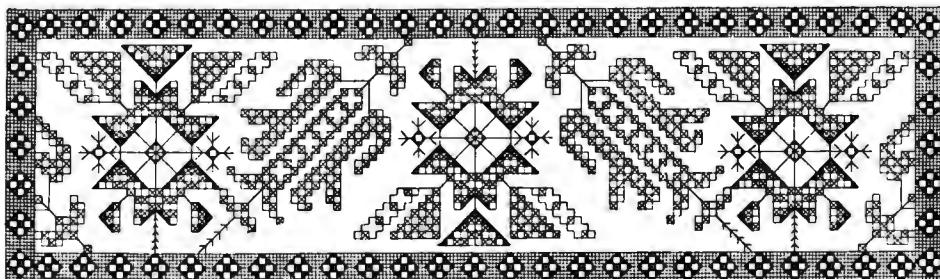
Михаилъ Ивановичъ, разведя по своей привычкѣ руками, изрекъ: „Начните вы хоть такъ: Изъ дальнихъ странствій возвратясь, какой-то дворянинъ....—ну, а дальше сами уже знаете какъ!.... Желаю быть здоровымъ!“...

Озабоченный Т.. турманомъ вылетѣлъ отъ Драгомирова и вскорѣ (склоненъ думать я, не на горе кавалеріи) Господу Богу угодно было отозвать его туда, гдѣ нѣть ни маневровъ. ни отчетовъ.

Безсмертный.

Мартъ 1912 г.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ къ одной родственницѣ.

Милая сестрица Мареа Ефимовна.

Виноватъ, давно собираюсь вать поздравить и все не успѣлъ. Да и съ чѣмъ поздравить? Съ умноженіемъ семейства. Минѣ бы хотѣлось, чтобы ваше потомство было менѣе велико и болѣе богато. Въ этомъ только не похожу я на старую Русь, когда многочадіе почиталось благословеніемъ Божіимъ; въ этомъ только случаѣ принадлежу я къ Европѣ и къ девятнадцатому вѣку.

Я получилъ повѣстку на тысячу рублей серебромъ, но не поспѣшилъ еще послать за деньгами, ибо полагаю, что при нихъ нѣть письма. Вы, мнѣ кажется, писали о 1500 ассигнаціями за выручкою отъ хлѣба, отъ урожая 1851 года, а прошлогодній урожай оставили до болѣе благопріятнаго времени; когда получу деньги, то можетъ быть это узнаю.

У меня времени какъ-то ни на что не достаетъ. Ко множеству старого знакомства присоединилось еще много нового, такъ что едва успѣваю я выѣзжать по приглашеніямъ. Иной сказалъ бы, что мнѣ житьѣ здѣсь да и только, но съ моей хворостью и слабостью, одинъ Богъ знаетъ чего это мнѣ стѣбѣтъ. Впрочемъ это можетъ быть меня и поддерживаетъ, и я не совсѣмъ опустился и облынился. Вотъ таки третьяго дня я былъ на великолѣпномъ балѣ у графа Закревскаго. Чѣмъ? Онъ, говорять, не любить, когда его приглашеніями не хотятъ пользоваться, а между тѣмъ онъ такъ ко мнѣ добръ. Много посѣщаю я старухъ, напоминающихъ мнѣ старые амуры; напримѣръ княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова, въ которую я слылъ влюбленнымъ тому сорокъ пять лѣтъ. Она была тогда во всемъ блескѣ славы и красоты, и теперь еще въ семьдесятъ почти лѣтъ кажется лѣтъ пятидесяти и въ совершенной только зрѣлости. Мы все говоримъ о быломъ, о прошедшемъ,

шемъ; она увѣряетъ меня, будто изъ молодыхъ она мало видѣла столь красивыхъ какъ я былъ; я увѣраю, что красивѣе ея не видѣлъ я тогда женщины, и это взаимно пріятно. Меня останавливало посѣтить ее то, что сынъ ея женился на Лужиной, племянницѣ Ховриной; но мы встрѣтились, объяснились, и я нашелъ, что не только она, но и невѣстка ея раздѣляютъ мои чувства къ этой архидурѣ-педанткѣ, которая мучила ребячество княгиньки. Она умѣла теперь выжить ее изъ дома отца, и сама (Салтыкова) съ мужемъ у него поселилась.

Еще навѣщаю я одну старуху, но уже весьма опустившуюся, графиню Софью Ивановну Сологубъ. Положеніе ея не завидное; необыкновенный умъ ея не ослабѣлъ, но нѣтъ уже той веселости, которая прежде оживляла разговоры наши. Чтобы развеселиться, вижусь я нерѣдко съ двумя молодыми, еще красивыми женщинами, Алекс. Василь. Кирѣевой и извѣстной графиней Растопчиной; я говорю молодыми въ сравненіи, хотя имъ подъ сорокъ лѣтъ; обѣ меня жалуютъ и напрашиваются меня посѣщать. Съ Четвертинскимъ и его многочисленнымъ семействомъ живу я, право, какъ съ родными. Мнѣ весело бываетъ со знакомымъ вами, вѣчно веселымъ кн. Владимировъ Голицынымъ и его милой женой; но онъ бѣдняжка очень боленъ. Я обѣдалъ у него наканунѣ почти того дня, когда у него открылся карбункуль; ему дѣлали операцию, и вотъ болѣе недѣли что онъ не выходитъ изъ опасности... Знаете ли, что ваши Горсткины здѣсь въ большой модѣ и никакъ не тоскуютъ о Пензѣ; на дняхъ какъ-то я у нихъ обѣдалъ; дочь ихъ не красавица, но миленькая. Литвинова въ пріязни и часто посѣщаетъ Лидію Нессельроде, дочь Закревскаго; она ко мнѣ такъ добра, что передъ отѣзломъ въ Пензу хочетъ посѣтить меня вмѣсть съ Лисаветой Осиповной. Если я горемычный ищу веселыя лица, за то почитаю долгомъ навѣщать скорбныхъ и страждущихъ неизцѣлимymi болѣзнями, какъ напримѣръ вдову Мих. Ник. Загоскина и еще чаще больную нашу Софью Дмитріевну, у которой братъ Артемій вотъ третій мѣсяцъ между жизнью и смертію.

Хотѣлось бы чаще видѣть милостивца моего и доброхота Алексѣя Петрова. Ермолова, но въ десять дней едва могу улучить нѣсколько часовъ, чтобы съ нимъ побесѣдоватъ. Онъ всегда мнѣ радъ, никуда почти не выѣзжаетъ, хворость и его постигла, тѣломъ онъ опустился, но свѣтлый умъ его никакъ не потемнѣлъ. Въ такомъ же положеніи и еще хуже находится бывшій министръ графъ Уваровъ; его я вижу еще рѣже. Отрадно мнѣ бываетъ также не столько съ Сергѣемъ Павловъ, какъ съ Анной Евграф. *) Называть ли мнѣ вами Соймоновыхъ, Писем-

*) Шиповичъ. П. Б.

скаго, Ник. Вас. Сушкова, княг. Черкасскую? Если я приневоливаю себя ъздить на ихъ званые вечера, то оттого, что меня убѣдительно приглашаютъ, а если сіе дѣлаютъ, то вѣроятно благоволять ко мнѣ. Черезъ Понедѣльникъ или два бываю я у новаго вельможи, барона Боде. Еслибы вы знали, какъ это скучно: всѣ играютъ въ карты, за то никто не курить. Подъ бокомъ у меня сосѣдка или скорѣе хозяйка дома, гдѣ живу, кн. Алекс. Павлов. Голицына, урожденная гр. Кутайсова. Чтѣ это за милая, почтенная женщина; тутъ я отдыхаю, стоять до нея сдѣлать нѣсколько шаговъ, и я имѣю всегда позволеніе всегда быть въ сюртукѣ. На дняхъ въ большомъ домѣ ея поселилось богатое, почтенное и любезное семейство князя Львова, женатаго на сестрѣ новаго военнаго министра Долгорукаго; по сосѣдству и туда меня сильно приглашаютъ. Не знаю, какъ мнѣ управиться съ временемъ: около сорока домовъ: пожалѣйте обо мнѣ*)!

Почитайте это письмо Елизаветѣ Филипповнѣ, къ которой отъ части оно адресуется. Ей будетъ пріятно; вы знаете какъ она меня любить и въ разсѣянной жизни видѣть великое удовольствіе, чего я совсѣмъ не вижу. Какъ подумаешь, какой контрастъ у меня между нынѣшней и прошлогодней зимой... Почти до Декабря были дни теплые, даже жаркіе, потомъ пошли частые, холодные дожди, сырость и грязь; но вдругъ дня на два покажется солнышко, бываетъ 15 град. тепла и въ Симферопольскихъ домахъ тамъ и сямъ открываются окошки до Февраля. За то, чтѣ за люди, что за общество, что за образъ жизни! Нынѣ 3 Октября постоянно вижу небо свинцового цвѣта, землю всю покрытую какъ бы саваномъ и частые довольно большие морозы; за то перемѣшанная съ удовольствіями, не скучная, но болѣе тяжелая жизнь. Случается, что людей, которыхъ никогда не видалъ, знаешь только по заочности, но непонятно, отъ чего полюбишь всѣмъ сердцемъ. Вотъ что случается у меня съ вашимъ зятемъ. Когда я прошу васъ обнять за меня дѣтей вашихъ, я думаю, что онъ не откажется принять отъ меня, но вашими устами. лишній поцѣлуй. Пріимите же и вы его отъ меня.

Вашъ братъ и другъ Ф. Вигель.

Москва 27 Генваря 1853.

Какъ умѣлъ старался здѣшнимъ сенаторамъ растолковать ваше дѣло. Всѣ они сказали мнѣ, что если оно подлинно такъ, то съ вели-

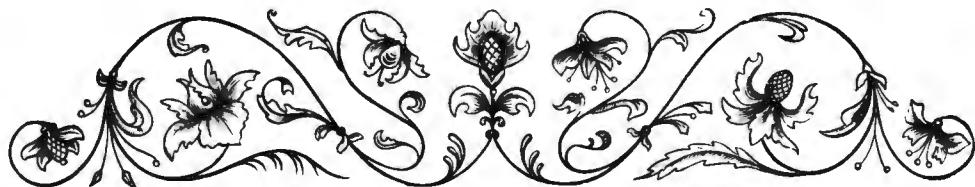
*) И однако вскорѣ Вигель перѣѣхалъ въ Петербургъ и по смерти императора Николая Павловича вновь прїѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался 20 Марта 1856 г. всѣми оставленный. П. Б.

чайшимъ пристрастіемъ въ пользу сильныхъ нельзя его иначе судить, какъ Саратовская Палата.

Я совсѣмъ приступалъ къ запечатанію, когда мнѣ принесли съ почты ругательное письмо отъ Филиппа Николаевича*). Оно меня никакъ не удивило, ни оскорбило, ни даже нимало не встревожило. Я слишкомъ хорошо знаю этого человѣка. Онъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ не позволяетъ себѣ дерзостей, это было бы нѣсколько опасно; но съ родными, особенно съ женщинами, съ престарѣлыми, коихъ почитается онъ беззащитными, это другое дѣло: онъ тутъ ничего не рискуетъ. Какъ не избѣгать непріятныхъ столкновеній съ родственникомъ, это былъ бы срамъ, позоръ, отъ которого всякий порядочный человѣкъ уклонится. Оттого, пользуясь безнаказанностью, онъ такъ смѣло клеветами и грубостями преслѣдуется всѣхъ родныхъ своего отца, своей матери и своей жены. Французы по всей справедливости назвали бы *lacheté*. Письмо его пошло въ каминъ, туда же куда и письмо, писанное лѣтъ пятнадцать тому назадъ, гдѣ онъ жестоко поносилъ покойнаго мужа вашего, моего друга и брата; то я принялъ болѣе къ сердцу, и если вы такъ равнодушны, что послѣ того живете съ нимъ въ ладахъ, то это уже ваше дѣло. Бранить ему за сына, кажется, не слѣдуетъ, благодарить тоже не за что; если я принималъ участіе въ образованіи ума и сердца бѣднаго мальчика, то отъ того, что съ такимъ отцомъ видѣлъ въ немъ сироту.

Въ письмѣ этомъ есть нѣчто и забавное: онъ увѣряетъ, что съ гнусной, запачканной репутацией, всѣми отверженный, я принужденъ скитаться по миру, нигдѣ не находя пристанища. Увы, сколько есть подобныхъ мнѣ, богаче, моложе и здоровѣе меня! Иной, слышишь, живеть въ Римѣ, глядишь онъ уже въ Парижѣ, обернешься онъ уже въ Рязанской губерніи, въ Москвѣ, а тамъ опять куда нибудь отправится. Вѣкъ странствованія, и я не буду уже смеять это называть бродяжничествомъ. Конечно, и благоразумнѣе, и спокойнѣе и дешевле киснуть неподвижно въ глухи, но все еще я не могу на то рѣшиться. Здѣсь Ник. Иван. Тулиновъ бываетъ у меня, и я у него. Онъ ничего себѣ не позволяетъ на счетъ племянника; замѣтно однако, что онъ далекъ отъ всякой къ нему нѣжности; зато къ внуку успѣль я внушилъ ему живѣйшее участіе. Но послѣ такого поступка, разумѣется я въ дѣла обоихъ, отца и сына, болѣе мѣшаться не намѣренъ. Мнѣ недолго остается жить, и хочется провести послѣдніе дни въ тишинѣ и спокойствіи. Охъ, доживу ли я до лѣта? Тогда опять уединеніе, писаніе, чтеніе, прогулки, такая жизнь, какая мнѣ нравится.

*.) Это племянникъ, Вигеля, женатый на богачкѣ Тулиновой жившій въ Воронежѣ. П. Б.

ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ ДЕПУТАТА¹⁾.

Къ исторії Екатерининской Коммісії.

По обнародованіи въ Декабрѣ 1766 г. манифеста объ избраніи депутатовъ въ Коммісію для сочиненія новаго уложенія, возбуждено было городомъ Перновомъ ходатайство объ освобожденіи его отъ этой обязанности въ виду полнаго источенія городскихъ средствъ. На самомъ дѣлѣ это было не единственной и, кромѣ того, не главнѣйшей причиной для ходатайства. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ вновь утверждены были верховной властью дѣйствовавшіе въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстные законы и привилегіи, и городъ не безъ основанія опасался напоминаніемъ о себѣ лишиться этихъ преимуществъ. Сенатъ отклонилъ просьбу Пернова, подчеркнувъ, что всѣ пункты манифеста должны быть выполнены на точномъ основаніи. Дѣлать было нечего. и 27 Марта 1767 г. приступлено было къ выборамъ. Избраннымъ оказался штадтъ-физикусъ, докторъ Виссель, но онъ не былъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ графомъ Броуномъ изъ-за „vitiis nullitatis“²⁾). На вторично назначенныхъ выборахъ, состоявшихся 16 Апрѣля, всего лишь 12-ю голосами (изъ 50-ти) былъ избранъ портновскій мастеръ Фридрихъ Ганфъ. Избраніе простого ремесленника-портного на такую отвѣтственную должность, какъ депутата Коммісіи, наиболѣшимъ образомъ свидѣтельствуетъ объ отрицательномъ отношеніи города къ самой Коммісії.

Права и преимущества, связанныя со званіемъ депутата, не могли заглушить въ Ганфѣ того ужаса, съ которымъ онъ думалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ во внутрь невѣдомой страны, безъ знанія языка. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ своего нового званія и съ этой цѣлью подалъ генералъ-губернатору обширное прошеніе. Выставивъ въ немъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ по его мнѣ-

¹⁾ По документамъ Перновскаго Городскаго Архива. См. Отчеты Перновскаго Археологическаго Общества, т. IV.

²⁾ Изъ за ущерба, сопряженного съ ничтожествомъ? П. Б.

нію, причинъ, какъ напр. сильныя боли въ рукѣ, незнаніе Русскаго языка и „Латинскихъ и юридическихъ терминовъ“, наконецъ, заявленный имъ еще передъ выборами протестъ противъ избрания его въ депутаты, Ганфъ всѣми силами старался убѣдить начальство въ своей непригодности къ возложеной на него миссіи. „Такъ какъ я вслѣдствіе вышеуказанныхъ важныхъ обстоятельствъ (кончается прошеніе) рискую поѣздкою въ Москву потерять жизнь и все свое земное благополучіе, не будучи въ тоже время въ состояніи принести пользу Пернову и исполнить Высочайшія Ея Императорскаго Величества намѣренія, то колѣнопреклонно, со слезами въ глазахъ, умоляю освободить меня отъ важныхъ обязанностей депутата“.

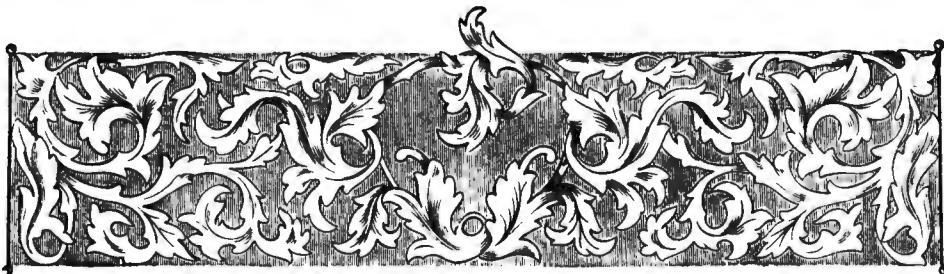
20-го Іюня 1767 г. послѣдовалъ отвѣтъ, съ указаніемъ, что время не терпить никакихъ дальниѣшихъ отсрочекъ и переизбраній и съ предписаніемъ о скорѣйшемъ выѣздѣ избранника въ Москву.

Снабженный подробными инструкціями, выработанными обѣими гильдіями, и деньгами на дорогу, Ганфъ волей-неволей выѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ не безъ удовольствія увиѣль себя среди высокопоставленныхъ и знатныхъ людей. Онъ живо вошелъ въ роль защитника интересовъ родного города и, надо отдать ему справедливость, горячо ихъ отстаивалъ.

По распущеніи Коммиссіи въ 1769 г., Ганфъ вернулся на родину и, вмѣстѣ съ отчетомъ о своей дѣятельности, представилъ городу счетъ на произведенные имъ въ Москвѣ и Петербургѣ расходы. Но получить деньги съ города оказалось не такъ просто. Обѣ гильдіи на отрѣзъ отказались возмѣстить Ганфу его издержки. Ничего не добившись у города, онъ прибѣгъ къ содѣйствію генерал-губернатора, но когда ему и здѣсь не повезло, онъ въ отчаяніи обратился непосредственно къ маршалу Коммиссіи, генералу Бибикову. Получивъ отъ послѣдняго предписаніе уплатить Ганфу требуемую имъ сумму, городъ тѣмъ не менѣе остался при своемъ первоначальномъ рѣшеніи, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Ганфъ жилъ въ Москвѣ несообразно своему простому званію. Только въ 1771 г., послѣ вторичнаго обращенія къ Бибикову, Ганфу, наконецъ, удалось добиться уплаты денегъ. Но этой своей настойчивостью онъ нажилъ себѣ много враговъ среди товарищѣй по гильдіи и даже просто среди бывшихъ друзей и знакомыхъ. Цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ, возбужденныхъ противъ него изъ за малѣйшихъ пустяковъ, преслѣдовалъ до самой его смерти, послѣдовавшей въ Мартѣ 1777 г.

У. Г. Иваскъ.

КЪ ИСТОРИИ ПОВОЛЖСКАГО РАСКОЛА.

Пришибенскіе иконоборцы*).

1892—1896.

Несмотря на обширность Астраханской губерніи, обнимавшей собою въ былое время нынѣшнія губерніи Астраханскую, Саратовскую, Ставропольскую, части Самарской и Симбирской и область Терскую и соприкасавшуюся съ внутренними болѣе зараженными духомъ раскола губерніями Воронежской и Рязанской и Областью Войска Донского,—рѣкомое старообрядчество стало укрѣпляться въ ней сравнительно недавно. Судя по переписи 1744 года, только нѣсколько семей старовѣровъ проживало въ Саратовѣ, да на сѣверномъ Кавказѣ, среди тамошнихъ казаковъ Гребенского войска, сохранился почти же укладъ быта и обычаевъ и тотъ же строй вѣроисповѣдныхъ возврѣній, какіе позаимствовали казаки въ древней Руси, при первомъ оставленіи ими своего домашняго крова. Сѣмена раздора въ города Низового Поволжья заносились большею частію изъ губерній Московской, Рязанской и Симбирской прибывшими на новыя мѣста поселенцами, да изъсосѣдней области Уральскихъ казаковъ, издавна исповѣдывавшихъ старую вѣру. Но сильнѣе стала укрѣпляться тамъ расколъ послѣ основанія знаменитыхъ Иргизскихъ скитовъ. Однако это старообрядчество, такъ называемая поповщина, далеко все-таки была не враждебно настроено противъ существующаго гражданскаго порядка и вѣроисповѣдного строя простолюдиновъ. Ненависть къ православію и Русской народности болѣе проявили переселенные въ концѣ XVIII столѣтія императрицей Екатериной II Нѣмцы-колонисты, явившіеся въ Новоузенскихъ и Саратовскихъ степяхъ съ своими Менонитскими и Мормонскими возврѣніями. Немного позднѣе стали проникать сюда и съ Кавказа вѣрованія, противныя исконному Русскому духу.

Секта мистического характера впервые появилась въ Астраханской губерніи въ 1822 году; она носила громкое название „иконоборческой“, хотя послѣдователи ея мало имѣли общаго съ той ересью, которая возникла при Византійскомъ императорѣ Львѣ Исаврининѣ въ 726 г. и продолжала существование до временъ Константина Копронима (780 г.).

*) По бумагамъ Астраханскаго губернскаго архива..

Открылась секта эта сначала въ с. Пришибѣ, куда занесъ ее крестьянинъ Михайла Суриковъ изъ села Прасковіи Кавказской губерніи, гдѣ онъ съ своимъ братомъ Романомъ около года работалъ въ Георгіевской крѣпости *).

Какъ Михайла, такъ и прочіе его родичи не принадлежали къ кореннымъ обитателямъ Пришиба. Пересялились они туда только въ 1805 году изъ одноворческаго села Козловки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Семья ихъ была довольно многочисленная и состояла изъ 60 лѣтнаго старика отца, Дементія Федорова и сыновей: Михайлъ съ женой Марьей Титовой, Романа и его жены Варвары Ларіоновой, Кирика, женатаго на Татьянѣ Ивановой, Никиты съ Еленой Федоровой и, наконецъ, младшаго Федора. Спустя лѣтъ десять послѣ переселенія, Михайла отправился въ Георгіевскъ, гдѣ некоторое время находился въ обществѣ сектантовъ „Моисеева закона“, а по томъ, „по наученію Субботниковъ“, и самъ вскорѣ перемѣнилъ вѣру отцовъ своихъ. Возвратившись въ Пришибъ, „сначала потаенно принялъ Молоканскую секту“, уговаривалъ и родныхъ послѣдовать его примѣру. „Напрасно, говорилъ онъ имъ, вы поклоняетесь иконамъ: ни въ пророческихъ и апостольскихъ посланіяхъ, ни въ Евангеліи, ни въ одной даже книгѣ я не нашелъ указаній, чтобы дѣлать имъ поклоненія“.

На его преступныя рѣчи прежде всѣхъ сдались Романъ и старикъ Дементій. Слѣдомъ за ними перекинулись въ секту „духовныхъ христіанъ“ и остальные члены семьи. Съ 1817 г. Михайла Суриковъ уже „явно“ обнаруживаетъ свое исповѣданіе и открыто начинаетъ проповѣдывать его своимъ сельчанамъ. Успѣху его проповѣди много способствовало то обстоятельство, что въ село Пришибъ долгое время не было назначено приходскаго священника. Какъ разъ къ тому же, около этого же времени, старикъ Дементій былъ избранъ сельскимъ старостой.

Вдвоемъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, они сильнѣе действовали на малопросвѣщенныхъ сельчанъ, распространяя ересь гдѣ лаской и обѣщаніями, а иной разъ употребляя противъ неподатливыхъ силу и власть. Какъ будто проповѣдывали они новое ученіе, совершенно несходное съ ученіемъ Субботниковъ или Жидовствующихъ.

Пришибенскіе „иконоборцы“ „взирали“ на Единаго начальника вѣры и совершилеля Іисуса, вѣрили, что Богъ пребываетъ въ трехъ лицахъ, принимая „свидѣтельство ко спасенію душъ по двумъ завѣтамъ“. Они почитали пророковъ, апостоловъ и Іоанна-Крестителя; другихъ же угодниковъ хотя „не хулили“, но и не оказывали имъ поклоненія, такъ какъ о томъ не было указаній „ни въ одномъ пророчествѣ“. „Священника и архіерея имѣемъ мы одного“, говорили сектанты, иже сидить одесную Бога“. Видимаго водного крещенія ученія ихъ не признавало. По вѣрованію Суриковыхъ, послѣднее состояло „въ покаяніи и оставленіи грѣховъ“, какъ глаголалъ ученикамъ Христосъ: „Шеди, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, и

*) Дѣло Астрах. губ. архива за 1822 г., вѣзка 403, № 14.

какъ говорилъ Іоаннъ-Креститель: „*Азъ крещаю водою въ покаяніе, той въ креститъ Духомъ святымъ и огнемъ*“.

Таинство покаянія въ точномъ смыслѣ не признавали Пришибинскіе иконоборцы или, скорѣе, не понимали, какъ и таинство причащенія. Покаяніе т. е. раскаяніе въ грѣхахъ, они называли „исповѣданіемъ“, по свидѣтельству апостола Павла, говорившаго: „*Исповѣдайте другъ другу согрешенія и молитесь другъ за друга, яко да исцѣлитесь*“, добавляя къ этому еще слова Спасителя: „*Аще кто согрешишъ, ходатая имамы ко Отцу и той—отпущеніе грѣховъ*“.

Подъ именемъ „причащенія“, Пришибинцы разумѣли „Слово Божіе“, такъ поясняя его: Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „*Ядый Мою плоть и піяніи Мою кровь во Мне пребываетъ и Азъ въ немъ*“. Въ другомъ же мѣстѣ Св. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: „*Слово плоть бысть и всемица въ ны*“. Наконецъ, апостолъ Павелъ называетъ „*причастниковъ, бывшихъ Духа Святаго и доброю вкусившихъ Божія благодатъ*“. Исходя изъ этихъ изрѣченій, сектанты поучали, что всякий вкусившій (познавшій) „Слова Божія“, вкусилъ такимъ образомъ и плоть Христову, а слѣдовательно содѣлался и причастникомъ жизни вѣчной.

Поэтому они не считали необходимымъ имѣть видимую церковь (т. е. храмъ Божій) съ ея іерархиєю для совершенія таинствъ и богослуженія. По слову Спасителя, иконоборцы признавали церковью собраніе зѣрующихъ. Какъ заповѣдалъ апостолъ Павелъ, „аще снидется церковь вся вкупе“, такъ и мы, говорили они, собираемся на молитву вмѣстѣ, мужья и жены, памятуя слова св. Павла апостола: „*Всякою молитвомъ и моленіемъ молящійся на всякое время Духомъ на сеѧ утверждается*“.

Пользуясь властью старости, Дементій Суриковъ переманилъ въ секту сельского писаря Николая Степанова. Нѣсколько времени спустя, къ концу 1821 года, къ нимъ присоединился переселенецъ Егоръ Лепихинъ, „вовлеченный въ секту еще въ г. Усмані Тамбовской губерніи“, а за нимъ одноворецъ Сергій Бабининъ. Всѣ старанія приходскаго священника о. Герасима Семёнова къ обращенію заблудшихъ на путь истины не имѣли желаемаго успѣха, несмотря на его кроткія и любвеобильныя увѣщеванія. Напротивъ, сектанты съ озлобленіемъ и силою вступали въ споръ съ батюшкою, публично понося православную церковь, таинства ея и св. иконы.—Какое тамъ у васъ тѣло Христово,—выкрикивали ихъ вожаки,—просто даете темнымъ мужикамъ бѣлый хлѣбъ, а вмѣсто крови—вино.

Особенно нагло и дерзко поступалъ неграмотный Дементій Суриковъ. Входя въ дома православныхъ сельчанъ, онъ плевалъ на иконы.—Что за чучелы у васъ поставлены? Снимите ихъ, ибо онъ вредять вашему спасенію!..

Его примѣру слѣдовали и сыновья его Михайла и Никита.

— Однажды по веснѣ, рассказываютъ одноворцы Луневъ и Востриковъ, мы строили Никитѣ избу. Глядимъ, а между неприличнымъ мѣстомъ и клѣтью валяется икона неизвѣстнаго намъ изображенія. Мы подняли и поставили ее на плетень, но къ вечеру пришелъ Михайла. Увидя икону, онъ взялъ ее и началъ тесать топоромъ. Икона не шодавалась, такъ какъ была писана на

холстъ. Тогда Михайла пуще съ поруганиемъ стала смѣяться надъ ней.—Вотъ вы, дураки,—обратился онъ къ плотникамъ,—поклоняйтесь дереву и холсту. А може холстъ-то этотъ былъ у бабъ на подолѣ?

Изъ своихъ иконъ Михайла дѣлалъ къ ведрамъ днища. Сергѣй Бабининъ устраивалъ дѣтямъ игрушки. У послѣдняго образа валились на подлавкѣ.—Гдѣ онѣ тутъ спрятались,—говорилъ онъ при сельчанахъ.—Мнѣ надо сдѣлать ребятишкамъ коляску, а онѣ (иконы) для того очень способны.

Когда въ Іюнѣ 1822 г. въ с. Пришибъ пріѣхалъ дворянскій засѣдатель Енотаевскаго земскаго суда Шустовъ, командированный губернскимъ начальствомъ для разслѣдованія иконооборческой секты, и зашелъ съ волостнымъ старшиной въ домъ Бабанина, иконъ въ избѣ не оказалось. Засѣдатель нашелъ одну изъ нихъ воткнутой въ плетень у сѣней. На спросъ Шустова: „какой онъ вѣры?“ Сергѣй отвѣчалъ дерзко:—„По вашему молоканинъ, а по нашему духовный христіанинъ“, при чемъ назвалъ себя „апостоломъ“.

Шустовъ распорядился заковать его въ кандалы и отправилъ въ земскій судъ, но черезъ нѣсколько времени его оттуда выпустилъ.

Послѣ этого Пришибинские вожаки еще злѣе стали сѣять сѣмена раздора, съ каждымъ днемъ больше умножая число своихъ послѣдователей. Суриковы, Степановъ и Бабининъ открыто устраивали въ своихъ домахъ соборища для слушанія читаемыхъ ими книгъ, куда заманивали и православныхъ. Секта перешла въ сосѣднія селенія Никольское, Селитряное и Сасыкольское. Въ послѣднемъ главарями ея были: Терентій Бѣлозеровъ, два брата Колониныхъ и жена Ивана Колонина Татьяна. Лжеученіе ихъ состояло въ томъ, что „они, въ видѣ начальниковъ секты, разъясняли на собраніяхъ Свящ. Писаніе, а при совершенніи браковъ читали евангелие и апостолъ“. Къ концу 1822 г. число иконооборцевъ съ 118 достигло 255. Расколь сталъ проникать и въ другія крестьянскія поселенія и даже въ казачьи станицы Астраханскаго войска. По вѣдомости, составленной въ 1824 году тамошнимъ губернскимъ правленіемъ, сектанты различныхъ направлений гнѣздились въ 18 селеніяхъ Астраханскаго, Енотаевскаго и Черноярскаго уѣздовъ *), тогда какъ лѣтъ 80 назадъ тамъ не было слышно ни о какихъ неправославныхъ вѣроученіяхъ.

Въ Сентябрѣ 1822 г. преосвященный Авраамій, епископъ Астраханскій и Кавказскій, просилъ губернатора Попова оказать возможное содѣйствіе къ вразумленію заблудшихъ. Послѣдній поручилъ земскому суду произвести разслѣданіе о вредныхъ дѣйствіяхъ иконооборцевъ. На этотъ разъ (24 Октября) вмѣстѣ съ засѣдателемъ Шустовымъ прибылъ въ Пришибъ и уѣздный стряпчій Поповъ; а слѣдомъ за ними пріѣхалъ туда командированный отъ губернскаго

*) Вотъ эти селенія: *Астрах.* уѣзда: Иванчугъ (поморцы), Уваринское (безпоповцы), Чогонъ, Ново-Александровское, Новопавловка (во всѣхъ поповщина и поморы), Федоровское и станица Лебяжинская (названіе секты неизвѣстно); *Енотаевскаго:* станицы Замыянъ (попов. и поморы), Косикинская (помор.) и Грачевская (неизв.) сел. Селитряное (попов. помор. и молокане) и Сасыкольское (молок.); *Черноярскаго:* Цацынского (помор.), Красный Яръ, Солонники и Никольское (помор. и молок.) и Свѣтлоярское (молок.).

правлениі для наблюденія за производствомъ слѣдствія Черноярскій земскій исправникъ Бухвостовъ.

Сектанскіе вожаки, повидимому, струхнули. Не имѣя чѣмъ оправдать свои преступныя дѣянія, они свалили всю вину на только что не задолго передъ тѣмъ назначенного въ с. Пришибъ священника Петрова, показывая на допросахъ, что о. Макарій „не употреблялъ ожидаемыхъ по сану его наставлений и разумленій заблуждающимся, подавая соблазнительные примѣры неприличнымъ своимъ поведеніемъ: вмѣстоувѣщаній, угрожалъ имъ вѣскими словами, приходилъ въ домъ Никиты Сурикова въ пьяномъ видѣ и ругался непотребно, сыпалъ на иконоборцевъ табакомъ и подносилъ оный къ носу каждого“.

По его наущенію, 43 чел. Пришибинскихъ жителей 29 Октября составили приговоръ о распространеніи Суриковыми иконоборческой секты и о ихъ зазорныхъ дѣйствіяхъ. Какъ доносиль (24 Іюня 1823 г.) губернаторъ Поповъ преосвященному Аврааму и начальнику Кавказскаго края генералу Ермолову, 33 замѣшанныхъ въ дѣлѣ иконоборца были одобрены сельчанами на повальной обыскѣ, что „хозяйство ведутъ порядочно, отъ исправленія повинностей не уклоняются, праздными не бываютъ и начальству повинуются“.

По этимъ причинамъ, „слѣдя человѣколюбивому Его Императорскаго Величества милосердію и кротости, основанному на вниманіи ко впадшимъ по единому заблужденію въ преступленіе“, Астраханское губернское правлениѣ рѣшило испытать ихъ прежде, не могутъ ли они, познавъ истину Христовой вѣры и раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, обратиться по прежнему къ православной церкви, или же напротивъ удостовѣриться въ степени закоренѣлости ихъ къ иконоборческой ереси и тогда уже предать обсужденію для опредѣленія наказанія по мѣрѣ оныхъ судебному мѣсту“.

Какъ владыка, такъ и генералъ Ермоловъ ничего не имѣли противъ такой благожелательной мѣры. Въ Сентябрѣ вожаки Пришибенскихъ сектантовъ были вызваны въ Астрахань. Убѣждать ихъ пришлось довольно долго. Наконецъ, 28 Ноября, Дементій и Михайла Суриковы, Сергѣй Бабининъ и Николай Степановъ, казалось, признали свои заблужденія и въ поданной преосвященному просьбѣ ходатайствовали о присоединеніи ихъ съ семействами къ церкви. Долѣе другихъ колебался Романъ, но и онъ въ концѣ концовъ изъявилъ желаніе быть православнымъ. Вслѣдствіе этого, было предписано приходскому священнику приготовить ихъ къ присоединенію.

О такомъ радостномъ событиї губернаторъ сообщилъ генералу Ермолову и управляющему Министерствомъ Внутр. Дѣлъ. Однако д. т. с. Ланской усумнился въ столь скромъ окончаніи дѣла и искренности сектанскаго раскаянія. 22 Декабря онъ просилъ т. с. Попова удостовѣриться ближе, „дѣйствительно ли иконоборцы обратились паки въ нѣдра православной церкви“. Разслѣдованіе дало печальные результаты. „Съ настоящимъ раскаяніемъ обратились въ пра-

вославіе только Бабининъ и Николай Степановъ, но жена послѣдняго еще колебалась въ своемъ рѣшеніи. Дементій же Суриковъ хотя пріобщался въ Филиповъ постъ св. таинъ, но съ того времени въ церковь больше не ходилъ. А его сыновья Михайла, Никита, Романъ со дня прибытія изъ Астрахани остаются въ прежнемъ своемъ заблужденіи, подъ разными предлогами скрываясь отъ присоединенія къ церкви“.

По этому поводу д. т. с. Ланской входилъ съ запиской въ комитетъ министровъ. На основаніи высочайше утвержденного 11 Декабря 1823 г. положенія, было постановлено: „Всѣхъ уличенныхъ въ распространеніи ереси, съ оказаніемъ соблазна и ругательства св. иконъ предать уголовному суду, какъ нарушителей благоустройства общественнаго. Прочихъ послѣдователей, буде не почувствуютъ раскаянія и останутся непреклонными въ заблужденіяхъ своихъ, удалить въ Таврическую губернію на поселеніе къ ихъ единомышленникамъ“.

Пока ходила обѣ этомъ переписка, перекинулись въ секту и Бабининъ съ Николаемъ Степановымъ. Послѣдній даже сталъ устраивать у себя въ квартирѣ частые „соборы“, „доносясь отъ нихъ всѣми выгодами“. Поэтому уѣздный судь нашель необходимымъ заключить и его подъ стражу до разбирательства дѣла. Въ другихъ селеніяхъ Енотаевскаго уѣзда открылось еще 180 послѣдователей иконооборчества. И хотя командированные, по распоряженію архиепископа Меѳодія, священники Маркъ Студицкій и Іоаннъ Ремезовъ учищевали ихъ, но не достигли цѣли.

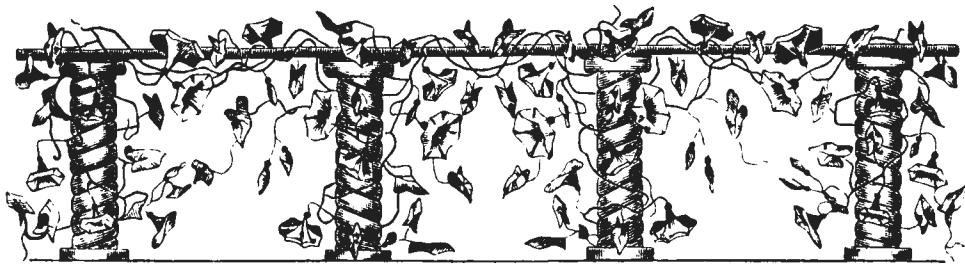
Виновные были преданы уѣздному суду. 28 Мая 1825 г. сей послѣдній рѣшилъ ихъ дѣло, представивъ его на ревизію Астраханскую Палату уголовнаго суда. Всѣхъ сектантовъ оказалось въ с. Пришибѣ 24 семьи—съ 57 чл. муж. п. и 69—ж. п.; сел. Сасыкольскомъ 19 семействъ 73 м. и 70 ж. п. и Селитряномъ 3 семьи съ 15 муж. и 13 женщинами, всего 297 человѣкъ (въ томъ числѣ и дѣти).

Когда приговоръ Палаты поступилъ на заключеніе главнаго начальника края, генералъ Ермоловъ предписалъ Астраханскому губернатору отправить ихъ всѣхъ въ Таврическую губернію, нарядивъ для конвоированія 25 Астраханскихъ казаковъ.

Въ Январѣ 1826 г. выѣхали иконооборцы, подъ присмотромъ дворянскаго засѣдателя Эмецъ, и 2 Марта достигли мѣста назначенной имъ ссылки. Ихъ поселили на ранѣе отведенныхъ земляхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

П. Юдинъ.

ИСКУШЕНИЕ ВЪ ПУСТЫНѢ*).

Стихи Θ. Н. Глинки.

И видѣли, на высотѣ скалы
Два образа, двѣ тѣни рисовались.
Одинъ былъ Онъ, съ Своей главой въ лукахъ,
Тихъ, величавъ, въ хитонѣ аломъ, цѣльномъ,
Съ лазурною одеждой на плечахъ,
Съ волнистыми власами по плечамъ...
Изъ подъ тѣлесной оболочки
Сияло въ Немъ, какъ солнце, Божество.

И гнусное другое существо
Кругомъ Его тревожно суетилось
Безвласое чудовища чело
Имѣло видъ и тусклый отблескъ мѣди.
Огромныя два черныя крыла
Поверхъ хребта горбатаго дрожали,
Какъ испаренія глухихъ болотъ...
Но красиль онъ уста свои улыбкой
И шепотомъ привѣтнымъ говорилъ:

„Взгляни на долъ.... на эту даль земную.
На этотъ міръ.... Имъ люди дорожатъ!...
Я царства всѣ раскинулъ предъ Тобою.
И я скажу тебѣ большую тайну.
Народы тамъ рождаются и живутъ,
Не зная, какъ, къ чему и для чего...
Не вѣдая, зачѣмъ пришли на землю;
Не знать что съ своею дѣлать жизнью
И вѣтренно играютъ съ нею въ жмурки....

*.) Это стихотворение высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ нѣкогда почтилъ особыннмъ просвѣщеннмъ вниманіемъ. Примѣчаніе В. С. Арсеньева.

Толкаяся вокругъ ничтожныхъ цѣлей.
 Ихъ суетность и тѣшить, и манить;
 Они бѣгутъ за всякою приманкой,
 И ссорятся, завидуютъ, враждуютъ,
 И рѣжутся за все.... и за ничто!!...
 И я скажу Тебѣ еще одно:
 Знать, это ужъ врождено человѣку,
 Что долженъ онъ повиноваться силѣ....
 Несмысленъ, тупъ.... онъ любить въ дѣствѣ жить,
 И за вождемъ, закрывъ глаза, ходить....
 Вотъ сторона,—умѣй лишь только взяться,
 Съ которой ихъ судьбѣ легко схватить
 И вѣсъ зажать въ горстѣ, а тамъ, какъ куколь,
 Ихъ выпускай на нитяхъ. Но смотри,
 Чтобъ воли имъ не передать: не стѣятъ!!...
 Обманчивы, неблагодарны, злы,
 Все сдѣлаютъ изъ выгоды и страха.
 Вотъ, отчего я крѣпко ихъ держу
 На поводахъ изъ злата и желѣза....
 И взнуданныхъ, какъ месковъ и коней.
 Я часто ихъ бичемъ моимъ хлещу.
 Наскучить миръ..... я крикну, возмущу.
 И ринутся народы на народы,
 Какъ двухъ морей завихренныя воды.
 А безъ того, вѣдь человѣкъ лѣнивъ.
 Лѣнивъ, я говорю: ему дай волю,
 Онъ будетъ спать, и спать, и только спать!..
 Но иглами страстей и нуждъ бодомый,
 На все готовъ. Умѣй вести его.
 Вести грозой, а иногда и лаской....

Послушай же, держися за меня
 Ты громомъ дѣль пронзишь грядущи вѣки
 И ветхій Римъ раздавиши подъ пятой....
 Бери-жь вѣнецъ и выбирай короны
 И надъ толпой народовъ возносись;
 Но только мнѣ, для вида..... поклонись!..
 Я оболью тебя земною славой!"....

И замолчалъ. Съ улыбкою лукавой
 Глядить и ждать что скажется въ отвѣтъ.
 А между тѣмъ всѣ царства съ городами,
 Съ ихъ чудною, живою пестротой,
 Раскинулись, какъ свитокъ развитой....

Онъ выслушалъ.... и, бросивъ грустный взглядъ
На гнуснаго совѣтчика, вздохнулъ.
И коротко сказалъ въ своеемъ отвѣтѣ:
„Я вѣдаю, Кому Мнѣ поклоняться!....
Читалъ ли ты въ Писаніи слова:
Я Богъ? Кумировъ не твори,
И никому не кланяйся иному!...
Такъ говорить въ законѣ Вседержитель!
Иди же прочь—и даѣтъ не дерзай?!..

Заскрежеталъ зубами искуситель
И побѣжалъ отъ солнца правды прочь,
Какъ отъ лучей бѣжитъ на утрѣ ночь....
Двѣ молніи—два острые меча—
Изъ глазъ его сердитыхъ засверкали,
И звонко холмы застучали
Подъ крѣпкою, мохнатою ногой.

И ринувшись съ земли къ зыбямъ воздушнымъ,
Всю толщу воздуха онъ разодралъ...
И въ областяхъ превыспренняго свѣта
Стемнѣлъ, какъ тьма, зардѣлся, какъ комета...
Рой ангеловъ съ путей его бѣжалъ;
Болѣзненно вздыхали небеса,
И звѣзды на осяхъ своихъ трещали,
Когда онъ имъ налетомъ угрожалъ:
За чистоту онъ свою дрожали,
Зане близъ нихъ нечистый пролеталъ!..

Это стихотвореніе сообщено въ „Русскій Архивъ“ многоуважаемымъ Василіемъ Сергеевичемъ Арсеньевымъ. Оно взято имъ изъ поэмы Ф. Н. Глинки: „Таинственная Капля“, которая въ печати составляетъ большую книжную рѣдкость. П. Б.

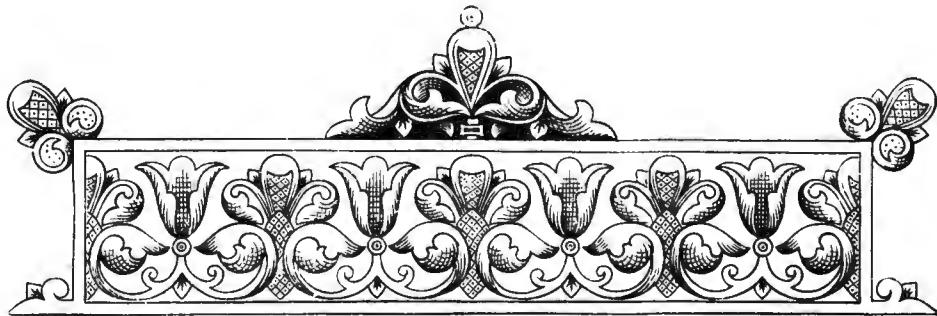
КЪ ГОДОВЩИНЪ 1812 ГОДА.

Великая годовщина славной, тяжелой, обильно политой потомъ и кровью борьбы Россіи съ народами Запада наступаетъ. Какая громадная вереница лицъ и событий проходитъ передъ глазами, когда начинаешь вспоминать всю эту легендарную эпоху, которая кажется теперь въ дымкѣ столѣтней давности какою-то волшебною сказкою! Большое было время, и большіе были люди. Они не побоялись, послѣ погрома подъ Аустерлицемъ, пораженій подъ Фридландомъ и Прейсишъ-Эйлау, вновь вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ однимъ изъ величайшихъ на всемъ пространствѣ исторіи хищниковъ. Эти люди и послѣ пораженій не боялись вѣрить въ себя и послѣ тогдашняго Портсмута-Тильзита не забыли оскорблений передъ лицомъ всего міра и понимали, что его необходимо смыть кровью. Сентиментальныхъ, мечтательныхъ фразъ о призрачномъ всеобщемъ мирѣ и разоруженіи тогда не говорили, и никто не сталъ бы ихъ слушать. Тогда не умѣли покорно склонять шею подъ ударами побѣдителя и съ новымъ и новымъ упорствомъшли на борьбу, длившуюся не годъ, не два, а цѣлый рядъ лѣтъ. Эти люди умѣли бороться и не только умирать, но и побѣждать. Какой неисчерпаемый запасъ вдохновенія и наблюденія для художника, поэта, ученаго и особенно для военныхъ! На зловѣщемъ фонѣ пороховыхъ грозящихъ тучъ, застилавшихъ по волѣ маленькаго Корсиканца столько лѣтъ поля Европы, яркими звѣздочками горятъ имена героевъ, озаренныхъ „священной памятью двѣнадцатаго года“. И хорошо было бы каждому Русскому человѣку по душѣ и сердцу оглянуться въ даль истекшаго столѣтія. Какой это прекрасный урокъ для слабовольнаго, унылаго и скептическаго поколѣнія дней Портсмутского договора! Молодежь, особенно еще юную, должны мы уберечь отъ разлагающаго, жалкаго и бесплоднаго невѣрія въ себя. Нѣть сомнѣнія, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ великой годовщинѣ будетъ отведено подобающее ей мѣсто. Но нужно только пожелать отъ всей души, чтобы тѣни унылой казенщины, столь присущей нашей школѣ и все сушащей, не было въ этихъ бесѣдахъ о событияхъ, въ которыхъ столько прошло яркой, бившей ключомъ жизни. Здѣсь должна прийти на помощь патріотическая печать первомъ и кистью, рассказывая о чудесномъ прошломъ литературно и художественно, полно и сжато, словомъ и рисункомъ. Такими изданіями должны быть не только тѣ, которые предназначаются для войскъ, народа и начальной школы, но и для культурного класса, который, къ слову сказать, далеко не можетъ похвалиться знаніемъ родной исторіи и родного прошлаго. На этотъ путь уже начали становиться иѣкоторые изданія, и недавно вышло въ свѣтъ чрезвычайно цѣнное изданіе въ этомъ родѣ. Девизъ его: „За Вѣру, Царя и Отечество“.

Эль-Эсъ.

(Изъ „Нового Времени“ 24 Марта 1812).

16*

Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ.

Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.

Въ сохранившейся послѣ Н. О. Кутлубицкаго (бывшаго генераль-адъютантомъ императора Павла) перепискѣ, въ с. Костянкѣ, Арзамасскаго уѣзда, гдѣ онъ прожилъ все царствованіе Александра I-го, имѣются письма современниковъ о 1812-мъ годѣ. Не заключая въ себѣ ничего нового, эти письма живо рисуютъ настроеніе Русскаго общества того времени по отношенію къ нашествію „нечестивыхъ“, и къ Наполеону, „злодѣю рода человѣческаго“, какъ тогда выражались. И. Б.

I.

Къ письму изъ Нижняго отъ нѣкоего Степана Зарембы приложено слѣдующее извѣщеніе о Бородинскомъ боѣ.

Сего числа получено изъ арміи самое достовѣрное извѣстіе о двухъ сраженіяхъ, 24 и 26 числа сего мѣсяца произошедшихъ. 24-го непріятель со всѣми своими силами остановилъ армію нашу, при селеніи Бородинѣ расположеннную, но былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ съ величайшимъ урономъ, потерявъ 5 пушекъ и множество людей, намъ въ плѣнъ доставшихся.

25 числа военныхъ дѣйствій не было.

26-го въ 5 часовъ непріятель вторично покусился атаковать насъ; сраженіе было самое кровопролитное и вскорѣ сдѣжалось генеральнымъ. Пушечная пальба продолжалась безпрерывно 15 часовъ. Въ сей день также непріятель былъ опрокинутъ и разбитъ совершенно вездѣ, гдѣ только тщетныя его усилия наиболѣе упорствовали противъ храбрыхъ войскъ нашихъ.

Потеря наша людьми какъ убитыми, такъ и ранеными немаловажна, но никакъ не можетъ сравняться съ непріятельской, которая несчетна.

Непріятель принужденъ бытъ отступить и занять прежнюю свою позицію. Мы взяли 12 пушекъ и нѣсколько генераловъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны лишились генер.-майора Тучкова 2-го, убитаго на полѣ сраженія; ранены генераль князь Багратіонъ, генер.-лейт. Тучковъ 1-й, Горчаковъ, генераль-майоры графъ Кутайсовъ, графъ Воронцовъ и Бахметевъ; генер.-лейт. графъ Остерманъ-Толстой и Сенъ-При получили контузіи.

Полагаютъ, что непріятель отступить по дорогѣ къ Смоленску. Сраженіе при селеніи Бородинѣ конечно означаетъ въ лѣтописяхъ нашихъ безпримѣрную неустрашимость и храбрость Русскихъ воиновъ, вяще одолѣвающихъ для защиты вѣры. Государя и отечества.

Подпісалъ: генераль-губернаторъ Принцъ Георгій Голстинскій.

27 Августа 12 г. г. Ярославль.

На этомъ сообщеніи приписано Зарембой:

Съ третьимъ курьеромъ.

По отправленіи послѣдняго курьера взять въ плѣнъ король Неаполитанскій, маршаль Даву убить на мѣстѣ, и взято въ плѣнъ 5 генераловъ, побито со стороны Французовъ около 45 тысячъ; съ нашей стороны урону убитыми около 15 тыс. Князь Багратіонъ раненъ пулѣю. Генераль-лейтенантъ Коновницинъ и Ливронъ, полковникъ Гудовичъ ранены-же. Извѣстіе привезъ Василій Ивановичъ Чертковъ.

Во время сраженія, изъ которого пріѣхали въ Можайскъ: князь Багратіонъ раненъ пулей въ берцо, которая осталась въ ногѣ, и онъ не согласился дать ее вырѣзывать; говорять, что и послѣ того все еще командовалъ! Ранены кн. Горчаковъ, гр. Воронцовъ, Тучковъ 2-й, Сенъ-При, Ермоловъ, Пашкевичъ, Коновницынъ. Мѣшковъ еще оставилъ самое жестокое сраженіе, онъ вчера въ 6 часовъ поутру съ Озно-бишинскимъ пріѣхалъ, и Нарышкинъ тоже раненъ пулей въ лобъ 24 числа, но очень легко.

Степанъ Заремба. Нижній-Новгородъ.

II.

Тотъ-же Заремба 12 Октября сообщаетъ изъ Нижняго. Новостей не имѣть кромѣ что разбили Французовъ 6 Октября. Изъ 50 тысячъ взяли въ плѣнъ 2000, на мѣстѣ положили 2500, пушекъ 36, одно знамя и гнали ихъ легкоконные полки за Вороново 25 верстъ. На другой день, говорять, Бонапартъ вышелъ изъ Москвы и направлениe имѣть назадъ! А тамъ навѣрное его наша армія встрѣтить и попотчи-ваетъ. Видно, и ему пришелъ матъ!...

PS. 80 тысячъ здѣсь будеть, кн. Лобановъ-Ростовскій формировать, и теперь такая нужда въ квартирахъ, что и сказать нельзя! Есть селенія подъ Нижнемъ, гдѣ у каждого мужика по 27 человѣкъ стоять, чтобы не разбивать батальоновъ; а у самаго меня гостей, гостей. Не знаю, какъ и съ шеи спустить.....

III.

Въ Сентябрѣ пишеть нѣкій г. Станкевичъ изъ Арзамаса: „Нечестивые все еще въ Москвѣ! Прощать пережжено, о чемъ въ точности вамъ доложить А. И. У нея человѣкъ только что пришелъ изъ Москвы. Однако коммуникація у нечестиваго вся прекращена, ему будетъ худо; говорять, и вся нація ихъ отказалась давать ему сикурсъ.....

Мы ждемъ обратно посланаго въ Москву; тогда рѣшимъ, куда отправляться. Домъ нашъ въ Москвѣ сгорѣлъ до основанія, и ничего не спасли; но за то Богомъ сохранена подмосковная, тамъ ничего не тронуто. О дѣтяхъ извѣстить не имѣю, но надѣюсь, что посланный дасть рѣшительное извѣстіе, чтѣ Господь имъ опредѣлилъ!.... Воинскія дѣйствія идутъ хорошо: вездѣ бываютъ нечестивыхъ, а морозъ ихъ какъ червей побиваетъ. Иныхъ находили безъ всякихъ ранъ здоровыхъ стоящихъ и лежащихъ замерзлыми; можете-же себѣ представить, каково имъ! Говорять, что Чичаговъ взялъ большую контрибуцію съ герцогства Варшавскаго, и приказано ему взорвать Прагу.

Говорять также, что 60 тысячъ войска шедшаго на помошь къ Бонапарту положили оружіе и что онъ шибко побить.

Для конвоированія плѣнныхъ везутъ на почтовыхъ ополченскіе полки. Богъ умилосердился надъ нами!

Купцамъ, говорять, Государь даетъ 170 миллионовъ на поправку состоянія (!), а про дворянъ не знаю; сказываютъ, что еще двухъ рекрутъ со 100 будутъ братъ: это наша участъ!...

Къ Лобанову-Ростовскому присланъ курьеръ, спрашивать мнѣнія на счетъ войска, которое здѣсь формируютъ, когда удобнѣе перевести его въ Орловскую губернію, сейчасъ или весною? Лобановъ отвѣтилъ, что сейчасъ удобнѣе, пока его только 11 тысячъ, чѣмъ когда всѣ соберутся, да Воронежской и Тамбовской губ. туда легче поставить...

IV.

Изъ Пензы пишуть:

„Если-бѣ не нынѣшнія тяжелыя обстоятельства, то вѣрю у насъ было бы здѣсь весело: такъ много прїезжихъ изъ Москвы и Смоленска, и какие все знатные люди! Ахъ проклятый Бонапартъ, какую онъ

неожиданную перемѣну произвелъ въ Россіи! Но, слава Богу, теперь слухи идутъ хорошіе и особливо великой герой и потомокъ Сухарева¹⁾ графъ Витгенштейнъ себя прославляетъ и вѣрно чорта Бонартія доказываетъ!“

19 Ноября:

„Дошли пріятные слухи, что общій всему свѣту врагъ уже отправился воевать на тотъ свѣтъ; но и тамъ, считаю, что сами черти съ нимъ нескоро сладять, а прочая сволочь нечестивая превратится въ пыль по Россіи. Нашъ губернаторъ сейчасъ сообщилъ, что корпусъ не упомню какого маршала разбить совершиенно, а самъ онъ взять въ плѣнъ, какъ и нашъ генералъ Винценгероде. А Бонартій съ остальнымъ войскомъ загнать въ лѣсъ, окружень со всѣхъ сторонъ и претерпѣваетъ такой недостатокъ, что солдаты ѻдятъ человѣческое мясо (такъ лучше избавиться отъ заразы!), а по общему слуху, Бонартъ самъ себя *отравилъ ядомъ*, который былъ у него въ солитерѣ. Итакъ честь и слава Россійскому народу, слава золотому герою Витгенштейну и Кутузову...“.

V.

Извѣстный государственный дѣятель Н. С. Мордвиновъ²⁾ (графъ) пишетъ въ Ноябрѣ изъ Пензы:

„Сгорѣли наши дворцы Московскіе, и не знаемъ, куда теперь дѣваться; обращаемъ взоры вокругъ Пензы, но вездѣ, сказываютъ, тѣсно. Намѣревались ѻхать въ Крымъ, но тамъ новая бѣда: на всемъ почти полуостровѣ открылась чума и въ самыхъ селеніяхъ мнѣ приналежащихъ. При сей поражающей нась судьбѣ, слава Богу, что верховный сатана бѣжитъ съ земли нашей. Желаль-бы я слышать также, что всѣ злые духи бѣгутъ по всѣмъ дорогамъ изъ городовъ нашихъ: исчадія адскія—Французское ученіе, Французскія прихоти, наряды, одежды, Французскія книги, театры, газеты, Французскій языкъ и порожденныя онымъ привычки и мысли. Благословленное время для доброго начала! Упустить минуту, и останемся мы навѣки въ порабощеніи гнуснѣйшемъ и пагубнѣйшемъ, нежели были въ опасеніи отъ меча и огня ихъ. Дай Боже, чтобы духовный пламень очистилъ и умы, и сердца наши. Кто поразилъ врага усердїе въ настоящія времена? Тѣ, кои не читали Французскія книги и очарованіями ихъ не смущали слуха своего. Но боюсь, что иго тяжко на нась лежить и цѣпи крѣпки, кои добровольно мы наложили на себя“....

1) ? П. Б.

2) Переписка его съ Н. О. Кутлубицкимъ опубликована частію П. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г.

Н. О. Кутлубицкій отвѣчалъ Мордвинову: „О дворцахъ Московскихъ говорить теперь нечего, всѣ погорѣли, а вообще во всей Москвѣ съ лачужками уцѣлѣло около 2000 домовъ. По выходѣ нечестивыхъ въ Москвѣ успѣли оправить до 400 домовъ, и боюсь, что пустятся туда жить, а весною и тамъ можетъ быть чума, ибо всѣ погреба, колодцы и даже рѣка загружены тѣлами. Вчера получилъ изъ Нижняго вѣрное извѣстіе, что съ 7 Окт. по 7 Ноября, съ выхода нечестивыхъ изъ Москвы, ихъ побито и поколѣло отъ мороза до 100 тысячъ человѣкъ; 6 числа, говорять, убить Вестфальскій король, а Неаполитанскій взять въ плѣнъ и 1 маршалъ, 4 генерала, а самъ атаманъ нечестивыхъ безъ вѣсти пропалъ; полагаютъ, или убить или скрылся. Сохрани Богъ бѣдную Русь отъ вторичнаго демонскаго нашествія, а если его не поймаютъ, то онъ опять свою сволочь обманетъ и еще 500 тыс. соберетъ и къ намъ пожалуетъ докончить свое покровительство!....“.

Къ этому письму отъ 22 Ноября 1812 г. Кутлубицкій между прочимъ прилагаетъ особую записочку, въ которой сообщаетъ Мордвинову секретъ:

„М. М. С. увезли изъ Нижняго въ Пермь и тамъ, говорять, оказали ему отцовское милосердіе: лишили всего и въ каторжную работу. Это рассказалъ тотъ частный офицеръ, который былъ откомандированъ его въ Пермь доставить“....

Это былъ слухъ о М. М. Сперанскомъ.... Изъ письма Мордвинова, помѣщенного уже въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. (отъ 2 Дек. 12 г. изъ Пензы) извѣстенъ отвѣтъ его Кутлубицкому:

„По приложенной отъ васъ записочки извѣстіе не можетъ быть вѣрнымъ: таковыя вѣсти разносятъ Французскіе духи... Избави нась Боже отъ событія таковыхъ приключений! Горше было бы Московскаго пожара: тогда не было бы ни вамъ въ Костянкѣ, ни мнѣ въ Пензѣ безопасности! И вѣсль, и меня и всякаго могли бы безъ суда и расправы сослать въ каторжную работу. Не вѣрьте разсказчикамъ, коихъ научаютъ въ Москвѣ, гдѣ изрубили подсудимаго (Верещагина) до рѣшенія судей. Виновнаго должно судить и по приговорѣ казнить“....

VI.

Въ Декабрѣ Н. С. Мордвиновъ писалъ изъ Пензы Кутлубицкому:

„Московскіе и Смоленскіе раззоренные наполнили всѣ дома и заняли даже всѣ хижины, но здѣсь и лучшіе дома построены съ однимъ поломъ и несносно холодны. Но уѣхать нельзя: проѣздъ теперь опасенъ; по многимъ деревнямъ открылись заразительныя горячки отъ проходящихъ плѣнныхъ“....

VII.

Изъ писемъ Дм. Полочанинова въ Ноябръ 1812 г.

„О да будетъ милость Божія на нась, и да не прогнѣвается до конца за излишнюю нашу приверженность къ учителямъ развращенія!...

Отъ Московскихъ слышно, что по немногу городу начинаеть быть легче, но все еще тяжко, ибо по сю пору двухъ добрыхъ комнать отыскать нельзя....

По партикулярнымъ-же изъ Петербурга свѣдѣніямъ ко многимъ слышно, что Наполеонъ изъ Вильны выгнанъ. Осталось у него не болѣе 17 тыс. и до 40 пушекъ. Многіе плѣнныи утверждаютъ бѣдственное его положеніе; ибо онъ нѣсколько маршей дѣлалъ пѣшкомъ съ солдатами, ъль съ ними ихъ пищу явно, а тайно—свой завтракъ. Онъ изъ генераловъ и приверженыхъ ему офицеровъ (всѣ Почетнаго Легіона) составилъ роту, поклявшуюся раздѣлить съ нимъ не только бѣдствія, но и саму смерть, такъ что офицеры составляютъ рядовыхъ, генералы—офицеровъ, а самъ разжаловалъ себя въ капитаны. Авось дождемся, что опять увидимъ его порутчикомъ. Но сія малая гвардія по увѣренію плѣнныхъ служить ему неусыпно бѣдствующимъ карауломъ, дабы онъ ихъ не оставилъ или не бѣжалъ бы, ибо многіе требовали отъ него за сію компанію отчета.

Шварценбергъ изрубленъ, а корпусъ его разбитъ безъ поправки Сакеномъ и З-мъ Эссеномъ.

Макдональдъ былъ уже на два марша отъ соединенія съ Наполеономъ, но Витгенштейнъ его такъ отрѣзалъ, что заставилъ идти на Тильзитъ, а письмо его къ Бертье перехвачено“.

VIII.

А. Казариновъ пишеть изъ Нижняго 29 Ноября: ... „Время нынѣ славное быть Русскимъ литераторомъ, и авось нашъ языкъ сдѣлается отнынѣ дипломатическимъ! Спасибо Англичанамъ, раскрываютъ живо націю вражескую... Что они пишуть въ „Сѣверной Почтѣ“, то достойно золотыми буквами написать на стѣнахъ въ домахъ, чтобы и намъ такъ поступать и не забывать... Завтра идемъ къ молебну о побѣдѣ... Отливаются волку миролюбивыя овечьи слезки... Побѣда надъ Французами, миръ съ Англичанами, истребленіе враговъ подаютъ несомнѣнную надежду имѣть въ Россіи все наилучшее и дешевое, Аглицкое. Щеголихи ъдутъ въ великій постъ и сюда, а въ Питерѣ, слышно и, нынѣ сукна по прежней цѣнѣ. Не удивляйтесь, что здѣсь дорого: Мо-

сква сгорѣла, и сюда товаровъ взять неоткуда. Все торговое въ большой разстройкѣ. Одинъ знакомый въ Питерѣ обратилъ имѣніе въ серебряныя деньги, горюя пишеть сюда, что тамъшибко лажъ упадаетъ, и онъ оттого на 400 тысячъ весьма много теряетъ.

Нижній былъ набить Московцами; виноградъ и прочие фрукты какъ метлой подмели, былъ въ возахъ виноградъ 25 коп. фунтъ, по 4 и 5 р. боченокъ, потомъ уже 8—15, а теперь загнилъ, а ужъ 20 рублей! Арбузы были 40 к.—15 к. и 5 к. а потомъ уже даромъ бросали“....

IX.

Братъ А. С. Кутлубицкой Н. С. Ваксель пишеть 19 Ноября изъ Пензы:

„Вы спрашиваете, любезный братецъ, когда я уѣхалъ изъ Москвы и какой дорогой прїѣхалъ въ Пензу? Выѣхалъ я 30-го Августа на Коломну, Зарайскъ, Рязань, Спасскъ Тамбовскій и черезъ Ломовъ въ Пензу; это самая ближняя дорога и самая проѣзжая, но отъ Рязани до Пензы не почтовая. Въ Пензу прибыли 12 числа Сентября. А сестра уѣхала изъ Москвы, говорять, на Коломну; но когда я черезъ нее проѣзжалъ, ея уже тамъ не было и куда поѣхала, не могъ узнать. Теперь узнать, что видѣли ихъ въ Козловѣ; значитъ, они подвигаются къ Калугѣ, гдѣ ея дочь Катя замужемъ за помѣщикомъ Паншинымъ. Злодѣи тамъ не были, и имѣніе ихъ вѣроятно въ цѣлости... Имѣніе-же сестры въ Смоленской губерніи, также какъ и мое тамъ-же, сожжено и разгромлено... Въ Пензѣ никого не знаю и думаю подвинуться къ Тулѣ, къ Калугѣ или Рязани поближе къ роднымъ; да мнѣ, какъ опекуну дворянской опеки, необходимо быть поближе къ своей губерніи по должности... Найму гдѣ нибудь изъ этихъ городовъ квартиру и буду жить кое-какъ, ибо теперь у меня нѣть уже домишко собственнаго, даже стула не осталось въ Москвѣ; тоже и у супруги дяди Марка Абрамовича и всѣхъ родныхъ всѣ дома сожжены и все въ нихъ бывшее сожжено, а въ Смоленской губерніи и домъ и церковь разграблены и сожжены, равно и деревни всѣ! Когда гдѣ окончательно расположусь, вѣсь увѣдомлю, а пока пишите въ Пензу. Я благодарю Бога, что еще счастливѣе другихъ, что, лишившись разореніемъ главныхъ моихъ деревень, имѣю еще въ цѣлости въ Саратовской губерніи деревню оброчную, да у жены осталась деревня Тульская“....

X.

М. Брянцева 1 Декабря изъ Калужской губерніи пишеть:

„Горестныя обстоятельства лишили меня средствъ писать вамъ... Вотъ уже 4 мѣсяца я съ дочерью и сыномъ странствую по свѣту и

болѣе двухъ мѣсяцевъ была въ дорогѣ, безъ цѣли, безъ предпріятія, еже-минутно спасаясь отъ злодѣя... Къ тому-же еще была оставлена въ дорогѣ людьми своими, и безъ нихъ проѣзжала съ дѣтьми 800 верстъ! Къ счастію моему Провидѣніе послало мнѣ благодѣтелей случайныхъ, которые и вели насъ, но за всѣмъ тѣмъ мы столько претерпѣли горестей, что невозможно исчислить. Судьба завела насъ въ Калугу, и Богъ послалъ намъ здѣсь генеральшу Марию Сергеевну Карову, живущую недалеко отъ Калуги; она взяла насъ къ себѣ, и вотъ двѣ недѣли мы въ ея домѣ отдыхаемъ, но не знаю, чтѣ буду дѣлать дальше, рѣши-тельно всего лишившись какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ деревнѣ нашей.

Дочь моя съ своей матушкой поѣхала съ Польскими помѣщиками Голынскими изъ Смоленска, и съ тѣхъ поръ я совершенно не знаю, гдѣ она. Многіе оттуда поѣхали въ Нижній, не у вѣсъ-ли нашла она себѣ покровительство? Если надежда эта не обманываетъ меня, ради Бога одушевите несчастную мать своимъ увѣдомленіемъ; я каждую минуту трепещу за ея участъ и не знаю болѣе, къ кому обратиться!...

Село Сергіевское-Горяново, 30 верстъ отъ Калуги“.

XI.

Сестра Н. О. Кутлубицкаго Марія Горленко писала изъ Ливенъ:

„Разскажу вамъ все подробно, чтѣ со мной случилось въ до-рогѣ, какъ я уѣхала изъ вашей Костянки... Я доѣхала благополучно до Мурома и здѣсь увидала безчисленное множество каретъ, Ѣдущихъ изъ Москвы, но я съ твердостью рѣшила продолжать путь мой. Не доѣзжая до Владимира, повстрѣчалась съ камергеромъ Мусинъ-Пушки-нымъ, который Ѣхалъ всѣмъ семействомъ изъ Петербурга въ Казань. Они очень меня обласкали и спрашивали, куда Ѣду. Я отвѣчала, что въ Малороссію, и они всѣ удивились, что я рѣшилась Ѣхать на Москву, потому что тамъ ужасъ что теперь происходитъ. Они мнѣ многое рассказали чтѣ дѣлается въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ, чего я и не посмѣю, зная вѣсъ, вамъ описывать... Въ концѣ концовъ жена Мусина-Пушкина подарила мнѣ на дорогу персиковъ, и мы разѣхались въ разныя стороны....

Во Владимирѣ я увидала страхъ и ужасъ, изображенные на всѣхъ лицахъ. Два дня я тамъ поневолѣ оставалась, и въ эти дни проѣзжало болѣе тысячи, каретъ, колясокъ и повозокъ. Самые знатнѣйшіе господа Ѣдутъ и бѣгутъ изъ Москвы, сами не зная, куда и зачѣмъ. Купцы всѣ свои товары увозятъ въ Тамбовъ и въ Казань. Московскій Инсти-тутъ при мнѣ провезли на Казань, почему и нельзѧ было достать лошадей. Изъ Москвы платили до Владимира за пару лошадей 800 р.,

купцы за товары оть Москвы до Казани по 6 и по 10 р. съ пуда... Въ Москвѣ, говорять, не даютъ болѣе никому подорожной, и я разсудила, что когда пріѣду въ Москву, то послѣднія свои деньги издержу, а тамъ что-же запросять съ меня извощики? Рѣшилась поэтому нанять здѣсь во Владимирѣ 6 лошадей за 900 рублей. Дешевле найти не было возможно, да еще съ тѣмъ условиемъ, что плачу въ дорогѣ только 200 рублей, а остальные 700 дома.... Вотъ какія критическія обстоятельства для всѣхъ пришли, и мнѣ на хорошее трудно было разсчитывать. Вотъ до чего мы дожили, любезный братецъ! Но надо ко всему себя приготавлять, и чтѣ Богу угодно, то пусть и будетъ съ нами.... Говорятъ, что непріятель нашъ вездѣ гдѣ проходитъ, обѣщаетъ крестьянамъ свободу. Ваша покорная и послушная сестра Марія Горленкова.

Г. Ливны, 4 Сентября 12 года".

XII.

Прошли 1812-й и 1813-й годы. Поздравляя Н. О. Кутлубицкаго съ наступлениемъ 1814-года, Н. С. Мордвиновъ пишетъ:

"...Мы должны благодарить Бога, премилосерднаго Нашего Творца, за прошедшій годъ, въ коемъ явилось спасеніе наше, а нынѣшній причислить къ столѣтію, въ которое Французы уже не наступятъ на насъ съ огнемъ и мечемъ. Вѣроятно, что и мы и чада наши на столѣтъ искупились отъ сихъ изверговъ вооруженныхъ. Но не знаю еще, до какой степени останемся свободными отъ прельщенія ядовитыхъ ихъ языковъ. Сie только впередъ познаемъ.... Мы все еще въ селѣ Столыпинъ*) поживаемъ и къ веснѣ намѣреваемся юхать въ Москву и на Сѣверъ взглянуть, чтѣ тамъ дѣлается, если Наполеонова участъ совершился, и конецъ всѣмъ бѣдамъ послѣдуетъ"....

Въ заключеніе сообщаемъ письмо Кутлубицкаго къ графу Аракчееву, какъ тотъ-же отголосокъ Отечественной войны, написанное имъ 26 Апрѣля 1816 года.

"Сиятельныйшій графъ, милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ!

*) Мордвиновъ писалъ Кутлубицкому еще въ Маѣ 1813 года: "По существующимъ карантинамъ въ полуденной части Россіи долженъ я отложить поѣзdkу въ Крымъ, а дабы не истлѣвать въ тяжкомъ городскомъ воздухѣ, старался и отыскать праздный деревенскій домъ и получилъ дозвolenіе отъ Аркадія Алексѣевича Столыпина занять его, находящійся въ 60 верстахъ отъ Саранска, и на сихъ дняхъ въ оный переѣзжаю. Мы очень будемъ счастливы, если нась тамъ посѣтите; деревня называемая „Столыпино“ всѣмъ извѣстна, и домъ, сказываютъ, довольно великанъ; а если и будетъ тѣсно, то надѣюсь, что и не примѣтите по той дружбѣ, которую ко мнѣ питаете"....

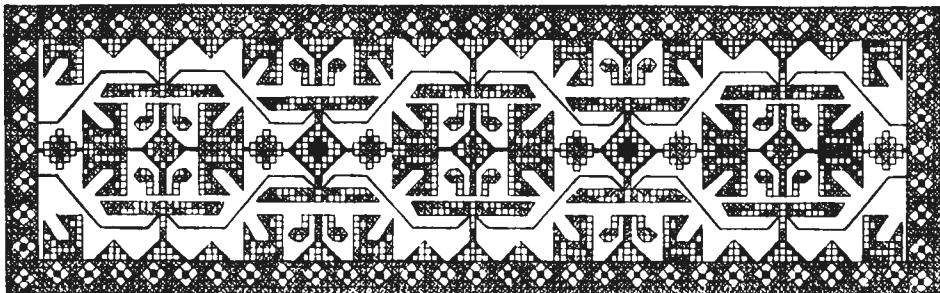
Пользуясь всегда и во всякое время вашимъ благосклоннымъ расположениемъ, осмѣливаюсь васъ утруждать, какъ главнаго покровителя всѣхъ изувѣченыхъ въ нынѣшнюю Отечественную войну, моей всепокорнѣйшей просьбой: подарить меня старого вашего подкомандующаго*) нѣсколькими минутами для прочтенія моего приношенія... Живя въ деревнѣ и занимаясь воспитаніемъ Богомъ данныхъ дѣтей, а равно и деревенской экономіей, получилъ я по сей почтѣ вѣдомости, въ коихъ напечатанъ поднесенный отъ вашего сіятельства Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ объ изъисканныхъ источникахъ къ составленію капитала для пособія изувѣченыхъ въ Отечественную войну. Въ немъ предоставлены права быть соучастниками въ пособіи только тѣмъ, которые впредь имѣютъ счастіе получать монаршія милости. Если вы милостиво примете мое мнѣніе, то не должны быть лишены въ участіі сего отечественного пособія и тѣ, кто уже имѣли счастіе нѣсколько разъ получать монаршую милость: ибо кѣмъ-же защищены были наши жены, дѣти и села и все имущество, какъ не тѣми, кто, будучи изувѣчены, не въ силахъ нынѣ продолжать службу военную и должны пользоваться пособіемъ?.. А посему осмѣливаюсь представить вашему сіятельству изъ числа излитыхъ на меня великихъ щедротъ и милостей въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Павла Перваго, отца и благодѣтеля моего, какъ въ деревняхъ, такъ и въ алмазныхъ перстняхъ состоящихъ, приказать принять прилагаемые при семь 1000 рублей и причислить ихъ къ суммѣ вспомоществованія изувѣченнымъ. Приношеніе мое хотя не болѣе единой капли въ морѣ, но причисленіе оной къ богоугодному заведенію утѣшитъ меня какъ вѣрнѣйшаго изъ числа сыновъ отечества... .

Прося о продолженіи благосклоннаго вашего расположенія, за честь ставлю себѣ пребывать навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностью вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Н. Кутлубицкій“.

(Сообщилъ И. А. Бронскій).

*) Аракчеевъ командовалъ въ 1793 году Гатчинской артиллеріей Павла Петровича, когда Кутлубицкій былъ ея адъютантомъ; въ 1799 г. Аракчеевъ былъ генералъ-инспекторъ артиллериі, а Кутлубицкій шефомъ гвардейской артиллериі.

Раненый Севастополецъ о порядкахъ въ Симферопольскомъ госпиталѣ*).

1855—1856.

Тетрадь въ 15-ть листовъ, написанная мною съ трудомъ въ теченіе мѣсяца: раны не дозволили этого сдѣлать скорѣе.

Съ искренними чувствами уваженія, почтенія, преданности имъю честь посвятить эту записку его сіятельству, Виктору Илларіоновичу князю Васильчикову. Покорнѣйшій слуга и Севастопольскій подчиненный И. Лебедевъ.

Вмѣсто предисловія.

(Изъ стихотвореній Бенедиктова: Встрѣчный голосъ при торжественному вѣзду Его Императорскаго Величества въ С. Петербургъ. Взято изъ „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“).

Не терпи, Родимый, лжи и злоуправства,
Бѣдкаго пронырства, низкаго лукавства,
Хитрости змѣиной, лести ядовитой!
Истинѣ священной путь стели открытый.
Выслушай порою, съ благостію кроткой,
Искреннее слово мужичка съ бородкой.
Пусть, Отецъ нашъ, тѣми что къ тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!
Поуймемъ, посдержимъ роскошь-лиходѣйку,
Да на черный день мы сбережемъ копейку.

*) Эта записка подана 14 Февраля 1857 г. князю В. И. Васильчикову, въ проѣздѣ его черезъ Харьковъ. Онъ тогда находился по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ нашей врачебной части въ Крымскую войну. Записка доставлена „Русскому Архиву“ другомъ князя Васильчикова Николаемъ Оедоровичемъ Козлениновымъ вмѣстѣ съ письмомъ къ нему Виктора Илларіоновича, которое помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909, II, 143. П. Б.

Родственно-живая связь Царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
Ты бъ насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ жъ, Родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотрять зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто какъ снаружи,
Чтобъ внутри святая правда разгоралась,
А снаружи злая гибель не подкрадалась.
Дай тебѣ Всевышній провозрѣній быстрыхъ,
Счастія въ народѣ, радостей въ министрахъ,
И въ мужахъ Собѣта, сихъ опорахъ царства,
Да найдешь ты доблестъ, а не гнилость барства,
Да узришь въ нихъ знанье, честь и правосудье,
Да не скажутъ люди, что у насъ безлюде.
Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
Мыслятъ о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требахъ.
Пусть не тунеядцы у тебя на хлѣбахъ
Плаваютъ въ довольствѣ. Всѣ мы молимъ Бога;
Будь тебѣ въ работѣ царственной подмога!

Дай Богъ, чтобы этотъ благородный голосъ поэта въ точности исполнился, что-бы про него можно бы сказать съ Веневитиновымъ:

И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.
Уронишь ты его не даромъ;
Оно чужую грудь зажжетъ,
Въ нее какъ искра упадеть,
А въ ней пробудится пожаромъ.

И. Лебедевъ.

Февраля 14-го, 1857 г.

Харьковъ.

Его сіательству, Виктору Илларіоновичу, князю Васильчикову
(Для соображенія и ходатайства при случаѣ). Отъ И. Лебедева.
Января 14-го дня, 1857 года. Харьковъ.

*Письмо это заключаетъ подробности объ ordinаторѣ госпиталя, о
смотрительѣ госпиталя и о главномъ докторѣ въ офицерскомъ отдѣлѣ-
ніи Симферопольскаго военнаго госпиталя, въ домѣ Мейера.*

Отрывокъ изъ письма къ подполковнику генерального штаба
Вильку, отъ 31-го Мая 1856 г. изъ Харькова. Письмо это написано
подъ вліяніемъ справедливой и неостывшей еще ненависти къ Сим-
феропольскому военному госпиталю.

Я теперь въ Харьковѣ. Какъ я радъ, что не въ проклятомъ, гниломъ домѣ Мейера въ Симферополѣ, гдѣ о раненыхъ нимало не заботились на счетъ „успокоенія“, и успокаивалъ развѣ одинъ Богъ сномъ смерти нѣкоторыхъ страдальцевъ. Пища, бѣлье, постель госпитальные: это одно отвращеніе и гадость; у многихъ раненыхъ было все свое и даже медикаменты! Медикаменты эти покупались въ вольной аптекѣ. И я полагаю что медиковъ и госпитальныхъ чиновниковъ Симферополя прилично назвать именемъ *душегубцевъ*. Всякому извѣстно по газетамъ, что вся Россія жертвовала веци и деньги во множествѣ „въ пользу раненыхъ“, и гдѣ все это?? Многое, нѣть сомнѣнія, продано и украдено; а между тѣмъ сколько было *статьишекъ* въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Сѣверной Пчелѣ“, статьишекъ сладкихъ и ложныхъ „объ успокоенії“ въ Крыму раненыхъ,—обидныхъ и оскорбительныхъ для раненыхъ, такъ что я порывался было написать редакторамъ газетъ и намѣревался попросить ихъ, во имя чести дворянина, не позволять печатать статьи о какомъ-то „успокоенії“ раненыхъ, чего никогда не бывало. Но потомъ передумалъ, вспомнивъ, что *интересъ и деньги* дороги для редакторовъ, а лесть общее ихъ упражненіе.

Замѣчательно, что душегубцы Симферополя наши же „православные“, богомольцы и лицемѣры. „Нельзя же“, скажутъ они съ набожнымъ видомъ, „вѣра первое дѣло!“ Тѣмъ болѣе, что кивать руками и головою, какъ вѣтреными крыльями у мельницы, ровно ничего не стойтъ: денегъ за это благочестивое занятіе не платятъ, а „душа спасается“. Такъ, думать надобно, разсуждаетъ Симферопольскій душегубецъ, размахивая въ церкви руками и поставивъ свѣчу на украшенія у страдальцевъ раненыхъ деньги... Славная молитва и хороша эта свѣча!

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“, № 83, отъ 11-го Апрѣля 1856 г., напечатанъ приказъ о преданіи военному суду арестованныхъ за госпитальная злоупотребленія главнаго доктора, вашего знакомаго, *Протопопова*, и аптекаря *Веймара*. Въ приказѣ сказано: „Высочайше повелѣно учреждаемому военному суду надъ статскимъ совѣтникомъ *Протопоповымъ* и коллежскимъ ассесоромъ *Веймаромъ* имѣть въ виду, при дальнѣйшемъ разъясненіи всѣхъ непростительныхъ безпорядковъ по Симферопольскому госпиталю, чтобы никто изъ виновныхъ не остался безъ заслуженного наказанія“.

Дай Богъ, чтобы поболѣе Симферопольскихъ душегубцевъ было оборвано и казнено. Что жалѣть злодѣевъ? Послѣднее время я убѣдился

въ бездушіи нашего ординатора *Лаврентьева*. Видите, не было воды, и масло было горькое и вонючее въ жаркомъ: бездѣлица! Смотритель, какой-то раненый въ руку, и думать надобно въ мозгъ, прапорщикъ началъ говорить дерзости сердобольной старухѣ Хоботовой, такъ что раненые за нее застутились. Я также говорилъ этому смотрителю, что онъ не похожъ на офицера: ибо ему говорять дѣло о необходимостихъ раненыхъ, при раненыхъ-де „воды нѣтъ и масло въ пищѣ вонючее,— отъ чего? по какому случаю? Вмѣсто того, чтобы узнать объ этомъ толкомъ, выслушать и исполнить потребности раненыхъ, онъ говорилъ дерзости сестрѣ сердобольной или (какъ выражался одинъ раненый) „сердцеболѣзненной“. *Лаврентьевъ*, ординаторъ нашъ, ушелъ, застутился за смотрителя; „сердцеболѣзненную“ сестру называлъ „вздорною“; говорилъ мнѣ: „если палку поставятъ, то онъ,—разумѣя подъ этимъ свое начальство,—будетъ слушаться!!“ Старая, нелѣпая фраза, слышанная мною лѣтъ 25 тому назадъ. „Моя хата съ краю, я ничего не знаю“ и т. д.. Это его слова.

Хорошъ застуничъ за раненыхъ! А подарки, конечно добровольные, братъ умѣлъ, какъ будто не нарочно. „Эдакая Хохландія!“ Онъ, *Лаврентьевъ*, грубый Хохоль,увѣрялъ однажды, что „Крымское вино имѣть букетъ „печоной груши“ (—мягко, какъ говорятъ Хохлы). Славный букетъ!! О медицинскихъ познаніяхъ скажу вотъ что: *Лаврентьевъ* самъ отмачивалъ мнѣ рану водою, накладывалъ корпію „съ всемогущею“ по его словамъ, ляписною примочкою; туго самъ забинтовывалъ, говоря, что рана заживеть чрезъ мѣсяцъ, что огнившія у меня жилы отъ гангрены „чрезъ полгода возстановятся“. Здѣсь же Харьковскія знаменитости, учители „букета печеної груши“, т. е. *Лаврентьева*, доктора Нарановичъ и Калинченко объявили мнѣ свѣдѣнія, діаметрально противоположныя рѣчамъ „букета печоной груши“: водою отмачиваются раны только гангренозныя, а негангренозныя вредно мочить водою. Доказательство тому Нарановича не дурно: „у меня по этой методѣ не мочить водою раны“ (слова Нарановича), „изъ трехъ сотъ раненыхъ умеръ всего одинъ!“ А у насть, при Симферопольскихъ душегубцахъ, въ день умирало иногда по два и по три офицера; а солдатъ, какъ говорили, до полутораста, если это такъ. „Прибираєтъ же ихъ, Господь“, говорила разъ сердобольная сестра изъ солдатскаго госпитального отдѣленія. И на эту гибель воиновъ Симферопольскіе медики глядѣли какъ на гибель мухъ. Да и могли ли душонки ихъ тревожиться чувствами благородными? „Всемогущая“ по словамъ „букета печоной груши“, ляписная примочка могла сдѣлать „рану мозолистою“, неисцѣлимую; „отъ тугаго бинтованія у меня

наожата Ахиллова жила, и это бинтованіе помогло, что я безъ ноги, такъ что еще черезъ годъ или и болѣе станеть нога въ подъемѣ разгибаться. Слова Нарановича: „Сгнившія у меня жилы никогда не восстановятся“. Назначиль мнѣ Нарановичъ примочку изъ ромашки, по часу утромъ и вечеромъ, дѣлать припарки изъ льянаго сѣмени; перевязывать ее три раза въ день, выжимая ромашку изъ корпіи, бинтовать не цѣлымъ, жесткимъ бинтомъ, но рванымъ съ мягкими краями бинтомъ, бинтовать слабо; и послѣдствія лучшаго леченія скоро оказались: нога стала терять опухоль, красноту, пальцы стали гнуться, такъ что это леченіе видимо умнѣе и полезнѣе леченія „букета печоной груши“.

Это было помѣщено въ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству отъ 14-го Января сего 1857 г. А теперь помѣщаются для полноты выписки изъ моихъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ по дѣлу раненыхъ и инвалидовъ съ Симферопольскимъ госпиталемъ и Комитетомъ 1814 года.

„Забыть вамъ сказать слѣдующую рѣдкость. На другой день послѣ оскорблѣнія „сердцеболѣзненной“ сестры Хоботовой, главный смотритель поручикъ Рагоза, тоже изъ сонма Симферопольскихъ „доброжелателей и благомыслящихъ людей“, желая явить полезный примѣръ „заботливости объ успокоеніи раненыхъ“ (это послѣ семи мѣсяцевъ отвратительного раненыхъ содержанія), этотъ Рагоза, комиссаріатская душа, мошенникъ отъ младыхъ своихъ „ногтей“, говорилъ, что онъ въ Симферополѣ 17-й смотритель и не безъ достоинства“, пришелъ въ домъ Мейера рано утромъ и самъ принесъ въ своихъ достойныхъ рукахъ горшокъ свѣжаго масла, а „сердцеболѣзненная“ сестра, не совсѣмъ пожилая, пришла съ этимъ 17-мъ смотрителемъ и своими руками принесла связку свѣжей петрушкі. Эта сердцеболѣзненная сестра объявила, „что отнынѣ раненые будуть имѣть сливочное масло!“ (чего однако не случилось). Тогда одинъ раненый замѣтилъ въ полѣголоса: „что если это сливочное масло будетъ сбивать Рогоза съ сестрою, то должно быть масло это будетъ очень вкусно“.

Потомъ пришелъ на свою визитацию „букетъ печоныхъ грушъ“, т. е. ординаторъ Лаврентьевъ. Далѣе: ожидаемы были, но не п-о-ж-а-л-о-в-а-л-и (это слово надобно произнести въ носъ и на распѣвъ, какъ говорить иные чваные, чопорные господа), членъ попечительного о раненыхъ Комитета, вполнѣ удивительного, 22-хъ лѣтній юноша съ желтымъ лицомъ Дурасовъ, и монахъ Агаѳанель служать молебень.

„Какая смѣсь одеждь и лицъ!!“ Ну чтѣ, если бы эти лица,—сущій винигреть,—и 17-й смотритель не безъ достоинства и съ масломъ, и сестра съ петрушкою, и букетъ печоныхъ грушъ, и членъ удивительнаго Комитета и монахъ Агаѳангель запѣли бы молебенъ! Это было бы чудо! Чтѣ передъ этимъ воемъ былъ бы квартетъ Крылова??!! Это я написалъ, чтобы посмѣшить васъ; но здѣсь выдуманнаго *ни на волосъ*: все такъ точно было, какъ я описалъ здѣсь. Я подобралъ даже стихи Протопопова и Веймара, и вотъ послушайте дуэтъ:

Дуэтъ или ария.

(Подражаніе Арабскому, изъ А. С. Пушкина). Поютъ Протопоповъ, Веймаръ и т. п. душегубцы:

„Обрекъ себя я плутовству,
Но не стыдись: на вѣкъ ты мой!
Въ насть страсть одна все къ воровству,
И жизнью мы живемъ одной“.

Пьють водку, вино, Ѣдять селедку и продолжаютъ пѣть громче и чаще:

„Не боимся мы насмѣшекъ—
Мы сдвоились межъ собой,
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой“.

Хорошъ орѣшекъ, неправда ли??

Остается этимъ поющимъ душегубцамъ зарѣзаться, чтобы окончить свое тлетворное существованіе, и тогда бы съ трупами ихъ дьяволъ такъ бы распорядился:

„Лукавый прилетѣль и къ трупамъ бы приникъ,
Возжегъ въ нихъ жизнь, взвился бѣ съ своей добычей
смрадной,
И бросиль трупы тѣ въ гортань геенны хладной.
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ злодѣя и врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаниемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Раскравшія весь хлѣбъ у воиновъ Христа.

И въ заключеніе, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ, слухъ объ этихъ злодѣяхъ и душегубцахъ

..... Вездѣ пройдеть по всей Руси великой,
И назоветъ ихъ сущій въ ней языкъ:
И храбрый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Вотъ вамъ еще анекдотъ, слышанный мною въ госпиталѣ. Анекдотъ этотъ можетъ быть и вымысленъ кѣмъ-либо; но онъ хорошо изображаетъ сущность людскую и въ особенности спѣсивыхъ баричай.

Когда графъ Віельгорскій-Матюшкинъ, главный членъ Попечительскаго о раненыхъ Комитета, умеръ отъ тифа, его бальзамировали; тѣло лежало въ разныхъ кислотахъ, наиболѣе напитывали хлоромъ. Тогда кто-то изъ прѣѣзжихъ, желавшій видѣть графа, спросилъ: „дома ли графъ Віельгорскій?“ На это ему будто бы отвѣтили: „дома, но его квасятъ!“ Именно квасятъ! Теперь въ комнатахъ, гдѣ квасили Віельгорскаго, помѣщается гостинница „Таврида“, и слышенъ голосъ маркера: „28 и никою, или 46 и очень мало!“

„Гдѣ гробъ стоялъ, тамъ столы яствъ“.
Тамъ ъдятъ и пьютъ во всѣ часы сутокъ, днемъ и ночью.
„Гдѣ были надгробные лики, тамъ пиршества слышатся крики“.

Къ этому: буйные разговоры, ссоры и разныя трактирныя картины, извѣстныя всѣмъ и каждому“.

Слѣдующая выписка изъ письма къ редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, отъ 24-го Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на его ко мнѣ письмо, посвящается не мнимой, но дѣйствительной пользѣ Русскихъ инвалидовъ отъ раненаго ихъ сослуживца.

Если це угодно будетъ вашему сіятельству сохранить эту рукопись отъ своего по Севастополю подчиненнаго, то да хранится сія рукопись въ родѣ Лебедевыхъ на память о злосчастной судьбѣ раненыхъ и обѣ Иванѣ Лебедевѣ.

24-го Декабря, 1856 г. Харьковъ.

Адресъ для передачи этихъ записокъ, по минованіи въ нихъ надобности, въ С. Петербургъ Петру Семеновичу Лебедеву, Генеральнаго Штаба полковнику. На Торговой улицѣ, противъ Католической церкви,

въ домъ сенатора Лавинского; и въсъ, г. полковнику генеральному штаба Лебедевъ З-й, прошу лично передать въ С. Петербургъ записки эти старшему брату и крестному моему отцу Николию Семеновичу Лебедеву 1-му, Корпуса инженеровъ путей сообщенія г. полковнику.

„И ежели ужь будетъ милость ваша,
Такъ князю вы изволите доложить,
Что, молъ, Петровъ, высокому начальству
Солдатскою слезою поклонился“.

Изъ сочиненія: „Солдатъ Петровъ“.

Солдатъ Петровъ, изъ отряда князя Андronикова, въ 1853 году получилъ орденъ Св. Георгія и просилъ выразить свою благодарность князю Андronикову: „Солдатскою слезою поклониться“.

Разумѣется, это слеза признательности. Подобно этому, но въ смыслѣ противоположномъ, вмѣсто поздравленія съ новымъ 1857 годомъ „и съ новымъ счастіемъ“, Русскіе инвалиды, забытые и оскорбляемые Комитетомъ 1814 г. и его газетою, кланяются имъ также „солдатскою слезою“, т. е. слезою горя и печали.

*Прошу „узнать дѣло“, о коемъ говорю здѣсь ближсе и подробнѣе.
(слова письма вашею).*

Примѣчаніе, весьма важное, для редактора газеты „Русскій Инвалидъ“.

Милостивый государь Петръ Семеновичъ *)!

Предположивъ, что ваши дѣти, которыхъ вы любите, и дѣти другихъ вашихъ женатыхъ братьевъ, по призванію и влечеію, изъ заведеній пойдутъ въ военную службу; будетъ война, и случится съ дѣтьми этими раны,увѣчья, т. е. съ ними, чего не дай Богъ, повторится точь въ точь, слово въ слово, также исторія что и со мною, съ тою только разницаю: будутъ ли ихъ увѣчья въ чинѣ штабъ-офицера при знакахъ отличій, или въ маленькомъ чинѣ безъ знаковъ отличій, тогда и голосъ ихъ будетъ послабѣе, и много они выстрадаютъ, а пожалуй и погибнутъ, когда въсъ и отцевъ ихъ или не станетъ, или если они застигнуты будутъ „нemoщами старости скорбной“. Не лучше ли теперь, пока не поздно, положить начало попечительности „объ инвалидахъ“ на дѣлѣ, а не на словѣ, сказавъ мнѣ въ душѣ спасибо

*) Этотъ И. С. Лебедевъ получилъ въ то время известность своею книгою „Братья Панины“, где онъ невѣрно изобразилъ ихъ виновниками болѣзеннаго настроенія въ цесаревича Павла. П. Б.

за поданную мысль, т. е. о попечительности своевременной, ибо поздняя помошь,—чрезъ годъ и болѣе,—какъ я на себѣ испытываю, не получая „покровительства этого“ уже семнадцать мѣсяцевъ, съ 27-го Августа 1855 г. по 27-е Января 1857 г., поздняя, говорю, помошь все равно что ничего: „инвалидъ“ можетъ въ это время въ ожиданіяхъ, въ лишеніи и нищетѣ, можетъ умереть или пропасть съ голоду, холоду и разныхъ неудобствъ, особенно зимою, когда дрова дороги и придется ему жить въ нетопленой горницѣ. Это не только „прискорбно“ (слова изъ вашего письма: „знаю, что это прискорбно для страждущихъ“), но даже *иabelno!*

Письмо ваше отъ 7-го Декабря написано въ обвинительномъ тонѣ, во 1-хъ, безъ малѣйшаго сочувствія къ дѣлу израненыхъ Русскихъ инвалидовъ; 2) нѣкотороя выраженія вашего письма не ясны; 3) вы напрасно придаете чрезвычайно много важности ничего не стоящимъ и нимало неудовлетворительнымъ для раненыхъ „отчетамъ“ (въ которыхъ ровно ничего нѣть отчетливаго), ко мнѣ вами присланнымъ, „о дѣйствіяхъ за 1855 годъ Комитета, прихода и расхода суммъ онаго, напечатанныхъ въ № 113 Русскаго Инвалида“, Мая 1856 года. И потому нельзя не написать этого письма, какъ отвѣтного на ваши на меня обвиненія и на ваши весьма ошибочные мысли о быстрой дѣятельности Комитета 1814 г., издающаго газету, должно носящую заслуженное имя „Русскій Инвалидъ“. Будемъ безпристрастны. Вы помните слова Хемницера: „Уставъ ужли переступить!!“ Непремѣнно переступить, потому что онъ извѣшаль, и положить начало попечительности о „раненыхъ слугахъ Отечеству. „Лиха бѣда начало“. Начало,— дорогу проведите, а тамъ будетъ и хороший путь.

Не глядите такъ равнодушно и пронически на слова раненыхъ; пожалѣете послѣ не на нихъ, а на дѣтяхъ своихъ, вашихъ близкихъ и друзьяхъ, какіе у васъ есть, что не приложили силъ своихъ поправить укоренившуюся жестокость съ раненымъ и инвалидомъ и не бреженіе объ ихъ существованіи, пока они доживаются свою несчастную жизнь. Послѣ же кончины ихъ, „немедленно“ записываютъ имена мертвцевъ на мраморную доску, о чёмъ печатаются по формѣ приказы „въ Русскомъ Инвалидѣ“, т. е. дается камень послѣ смерти, попечительности и заботливости. Очень нуженъ этотъ камень послѣ смерти, ускоренной бѣдностью и нищетою!! Повторяю: будьте безпристрастны; безпристрастно, и не торопливо, со вниманіемъ прочтите и хорошоенько размыслите о моихъ словахъ. Я разберу всякую фразу вашу, и этотъ разборъ лучше докажетъ, что цѣлью моей дѣйствительная, а не на

однихъ словахъ польза Инвалидовъ, а слѣд. и моя; польза на самомъ дѣлѣ, скоро и своевременно, безъ допущенія инвалидовъ къ нищетѣ и смерти.

„Отвѣчу, какъ редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ“ не для защиты этой газеты (узнавъ дѣло ближе и подробнѣе, вы сами, можетъ быть, удержитесь отъ нападокъ на нее), но дабы избавить васъ отъ непріятности затѣять дѣло безцѣльное и навлечь на себя осужденіе людей благомыслящихъ“... (Слова редактора газеты „Русскій Инвалидъ“ по случаю того, что я намѣренъ былъ просить перемѣнить название это, нимало газетою не оправдываемое: ибо о живыхъ инвалидахъ въ ней почти нѣть ни заботливости, ни вниманія).

Совершенно напротивъ, благомыслящіе, т. е. честные люди, у которыхъ Богъ не на языкѣ, а въ сердцѣ и поступкахъ, порадуются моему предложенію и поблагодарятъ меня. „Нападокъ“ никакихъ я не могу себѣ позволить, а говорю одну правду, съ цѣлью принести скорую помощь и пользу „Инвалидамъ“ и себѣ. „Непріятностей“ воину бояться нечего, худшей не будетъ непріятности какъ нищета, въ слѣдствіе невниманія Комитета и его газеты, печатающей за 1855 годъ въ 1856-мъ году „отчеты“ о какихъ-то „дѣйствіяхъ“, тогда какъ это не дѣйствія, а просто бѣглый, темный очеркъ, ничего не значацій. „Осужденія“ эгоистовъ страшиться стыдно честному человѣку, который говорить истину для пользы своей и раненыхъ сотоварищѣй, забытыхъ и заброшенныхъ Комитетомъ. Благомыслящіе люди встрѣтять съ участіемъ всякую попытку къ добру. Съ помощію Божіею, не теряя нимало надежды на Прорицаніе, я увѣренъ, что доживу до того времени, когда Комитету непремѣнно повелѣно будетъ, вмѣстѣ съ газетою „Русскій Инвалидъ“, обратить своеевременное вниманіе и попечительность на самомъ дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, т. е. оказывать въ самомъ исполненіи „попечительную заботливость о храбрыхъ воинахъ, запечатлѣвшихъ кровю своею доблестное исполненіе долга Престолу и Отечеству“. (Слова Высочайшаго приказа по арміямъ и флоту отъ 26-го Августа 1856 года).

О первыхъ отчетахъ учредителя „Русскаго Инвалида“ і. т. с. Поміана-Пезаровіуса.

„Мнѣ кажется все происходитъ отъ того, что вамъ не известны исторія Инвалида и условія его изданія (Слова изъ письма ко мнѣ редактора газеты „Русскій Инвалидъ“).

Исторія „Інвалида“ миъ хорошо извѣстна изъ вашихъ же словъ № 144 „Русскаго Инвалида“ отъ 1-го Іюля 1856 года.

Военный Листокъ. „Поищите въ исторіи Русскаго инвалида дѣль, и вы найдете дѣла умныя, добрыя, патріотическія, великия“. Далѣе говорится о заслугахъ т. с. Помміана-Пезаровіуса. Онъ представилъ слѣдующій первый отчетъ о состояніи кассы „Русскаго Инвалида“: „Нижеподпісаншійся издатель сего, въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ, обязался въ предъувѣдомленіи своеемъ извѣщать ежемѣсячно публику о состояніи кассы, вырученой съ сего изданія; поелику онъ таковою токмо откровенностию въ производствѣ дѣла своего и строжайшею исправностію въ наблюденіи при отчетахъ своихъ опредѣлительной формы удостовѣрить можетъ болѣе и болѣе публику въ безкорыстности предпріятія своего. Нынѣ впервыя наполняетъ онъ сіе обѣщаніе, или лучше сказать, свою обязанность“. Прекрасно! Но представленные отчеты Пезаровіуса не всѣ удовлетворительны по краткости своей; *въ нихъ не видно обѣщанной откровенности, и потому читатели не могутъ быть ублаждены въ безкорыстности предпріятія, хотя онъ и было на самомъ дѣль безкорыстно.* Напр.: „Число инвалидовъ, получившихъ изъ этой кассы вспоможеніе, по большей части за годъ впередъ, простидалось до 825; вдовъ солдатскихъ до 40“ Здѣсь долженъ быть непремѣнно, какъ въ „Морскомъ Сборнику“ именный списокъ этихъ 825 и 40, съ представкою, когда и сколько каждому и каждой выдано. А то что за „отчетность“, поверхностная, мелькомъ! Далѣе: „изъ одной же суммы, на вспоможеніе отправляющимся къ арміи недостаточнымъ офицерамъ выдано 5000“. Опять нѣтъ списка, и неизвѣстно, когда, кому и сколько денегъ выдано! Глухо.

Далѣе: „сіи деньги (20,965 руб.) безъ задержанія выдаваемы были тѣмъ, кому имянно отъ благотворителей оныя назначались“.

„Изъ вспомогательной кассы выдано: Недостаточнымъ раненымъ офицерамъ, вдовамъ ихъ и сиротамъ 84,013 руб. На годовые инвалидные пенсіоны по билетамъ—71,541 руб. 42 коп.“ На вспоможеніе инвалидамъ, вдовамъ и ихъ сиротамъ единовременно 14,718 руб. 85 коп.“

Что это за „отчеты“?? Необходимо приложить списки къ каждой выдачѣ денегъ, ко всякой суммѣ: когда, кому именно и сколько было выдано. А такие пустые „отчеты“, въ огромныхъ цифрахъ, „опредѣлительной формы“, по мнѣнію Пезаровіуса, совершенно темны, глухи и неопределены, ничего не стоять и никого не удостовѣряютъ.

Разборъ отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 г., учрежденного для „покровительства“ раненыхъ.

Присланныя вами два „отчета“ Комитета за 1855 годъ напечатаны весьма поздно: въ 1856 году. Нимало не утѣшительно для раненыхъ такое несвоевременное печатаніе; оно почти бесполезно. Ужъ если печатать отчеты, то своевременно, а не древніе, минувшихъ лѣтъ. Если была причина почему нельзя было напечатать этотъ бѣглый, пустыій отчетъ, по мѣрѣ выдачи денегъ, или въ третью; то почему Комитету этого печатно не объявить раненымъ для свѣдѣнія тутъ же при этихъ бѣглыхъ и пустыхъ „отчетахъ“, напечатанныхъ въ 1856 году? Въ сихъ ничего незначащихъ отчетахъ за 1855 годъ, въ статьяхъ:

I. О генералахъ, штабѣ и оберъ-офицерахъ.

II. О родителяхъ, вдовахъ и сиротахъ воиновъ, убитыхъ въ сраженіяхъ и отъ ранъ умершихъ.

III. Объ инвалидахъ.

Въ этихъ трехъ статьяхъ ничего нѣть удостовѣрительнаго и подробнаго

Не поименовано и не означено:

Кто и когда принять въ кандидаты для опредѣленія къ должности?

Кто и когда опредѣленъ къ какой должности?

Кто и когда принять въ Николаевскую Измайловскую военную богадѣльню для призрѣнія?

Кому, когда и сколько пожаловано пенсій?

Кому, когда и по скольку ассигновано для найма прислуги?

Кому, когда и по скольку ассигновано пособій?

Кто и когда принять на пенсіи изъ инвалиднаго капитала?

Кому и когда разрѣшены просьбы?

Чьи, когда и почему просьбы отнесены къ разрѣшенію на слѣдующій годъ?

Кто, когда и куда выбылъ изъ кандидатовъ къ должности?

Не означены: имена родителей, вдовъ и сиротъ, коимъ пожалованы, и какие, пенсіоны?

Чьи дѣти, и куда доставлены въ казенные заведенія?

Кому, когда и по сколько дано единовременного вспоможенія инвалидамъ?

Словомъ, напечатанныя за 1855 годъ цифры не суть отчеты; они ничего не стоять: темны, неопределены, глухи; въ нихъ ровно ничего не видно, кто, сколько и когда получилъ пособія?

Далѣе: „Статья IV о капиталахъ“. Расходъ показанъ также точно глухо.

Окончаніе разбора отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 года.

1. На пенсіоны 451,566 руб.

Кому, когда и сколько?

2. На содержаніе въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей офицеровъ 27,064 руб. Чыхъ именно дѣтей и по сколько на одного?

И т. д. всѣ „отчеты“ ничего не выражаютъ: мутно, темно, глухо; ясности и подробности въ расходѣ ни малѣйшей не видно.

Примѣненіе къ жизни мертваго выраженія: „на пользу инвалидовъ или раненыхъ“.

Вотъ почему я и просилъ сравнить по содержанію „Русскій Инвалидъ“ съ „Морскимъ Сборникомъ“. Я разумѣлъ здѣсь не специальность, а открытая, нетайнственная объявленія для пользы инвалидовъ; напр. отчетъ о занятіяхъ Комитета и его рѣшеніяхъ и всѣ подробнѣя извѣщенія. Чѣмъ такое именно дѣлаетъ каждый день этотъ „покровительствующій“ Комитетъ „для пользы инвалидовъ? „Польза Инвалидовъ“,—это слово темное; надобно показать ясно что оно именно значитъ въ примѣненіи къ жизни, на дѣлѣ; тогда и всякий будетъ видѣть эту пользу „инвалидовъ“. Весьма недостаточно говорить все „о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, и т. д. (о пользѣ), 10000000 а не показать никому ясно, подробно и отчетливо этой пользы на дѣлѣ. Я видѣлъ на опытѣ семь мѣсяцевъ въ Симферопольскомъ офицерскомъ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, что значитъ слова: „въ пользу раненыхъ“, и вмѣстѣ со всѣми ранеными требую не подобного,

мерзостнаго явленія, но совѣстливаго отчета: какъ, когда и кому, чѣмъ именно, помогаетъ Комитетъ раненымъ и что онъ дѣлаетъ,—пусть печатаетъ для всеобщаго свѣдѣнія. Когда все объяснится, то не будетъ ловли рыбы въ мутной водѣ, какъ это случилось съ извѣстнымъ ловцомъ Политковскимъ, ограбившимъ инвалидный капиталъ.

Далъе, ваши слова: „Морской Сборникъ“ превосходное и дешевое изданіе; но для этой цѣли на него отпускается болѣе 10 т. руб. сер., ибо издержки не покрываютъ изданія по подписной цѣнѣ; следовательно вамъ угодно, чтобы „Русскій Инвалидъ“ вмѣсто того, чтобы давать доходъ въ пользу инвалидовъ, напримѣръ въ 31,008 руб. 49 коп., получалъ изъ кассы, ассигнумой на ихъ пособіе, тѣль 36,651 руб. 31 коп., которые нынѣ расходуются на ею изданіе, и согласитесь, что подобное предложеніе нельзя назвать выподнымъ“. Это не ясно.

*

Въ дешевомъ журнальѣ всѣ объявленія отставнымъ солдатамъ, не получающимъ весьма дорогую по цѣлѣ своей газету „Русскій Инвалидъ“, но посѣщающимъ трактиры, харчевни и кабаки, (какъ собранія, доставляющія удовольствіе и развлеченіе) всѣ такія солдатамъ объявленія дойдутъ до слуха тѣхъ, къ кому относятся и перестанутъ быть одною пустою формальностію, исполняемою не для окончанія дѣла, а для очистки бумагъ. Объялено въ „Инвалидѣ“; о томъ, дойдетъ или ипуть до свѣдѣнія, мнѣ что за нужда: я самъ съѣхъ, одѣтъ, въ теплѣ, въ довольствіе, очень мнѣ нужно заботиться!! Вотъ голосъ газеты „Инвалидъ“ и ея составителей.

Пока не догадались издавать подобный журналъ для народа другіе, посторонніе (не отъ Комитета 1814 г.), не худо теперь же поторопиться и привести эту мысль Комитету оному въ исполненіе, для увеличенія капитала инвалидовъ. Этотъ общенародный журналъ въ накладѣ не останется, если въ крошечной Польши онъ имѣть до 3 т. подписчиковъ и множество сотрудниковъ. При публикаціи о газетѣ *Cytelnia Niedzielna, Воскресное Чтеніе*, были приведены слова святаго Винцентія: *Скорѣе не достанетъ бѣдныхъ, нежели хлѣба, ежели всѣ будуть вѣрно исполнять свои обязанности*.

„Впрочемъ“, говорить редакторъ „Инвалида“ Лебедевъ З-й, съ будущимъ годомъ цѣна на „Инвалидѣ“ положена Комитетомъ на одинъ рубль мене для подписчиковъ“. Это не дурно; но все таки цѣна на годовое изданіе „Русскаго Инвалида“ очень высока и недоступна

каждому. Это очевидно, и противу того не мѣшало бы принять мѣры, и довести о томъ до свѣдѣнія вышаго начальства.

„Объяснивъ вамъ все“, пишетъ редакторъ газеты „Инвалидъ“, согласно вашему желанію, я предоставлю обратиться съ письмами и просьбами о томъ, что „Инвалидъ“ не исполняетъ своего назначенія и долженъ издаваться какъ „Морской Сборникъ“.

Вы мнѣ ничего ровно не объяснили согласно моему желанію, ибо сильно налагаете на нестоющіе ничего, пустые итоги цифръ, названные „отчетами“, не имѣющими никакого значенія для раненыхъ инвалидовъ. Насчетъ писемъ о самозванной газете „Инвалидъ“, я пополню въ свое время: увижу, какъ будетъ издаваться „Русскій Инвалидъ“: по прежнему ли безъ малѣйшаго вниманія на живыхъ инвалидовъ, или точно будетъ показывать на дѣлѣ и на словѣ *призрѣніе*, а *не презрѣніе* инвалидамъ. Постараюсь въ пользу инвалидовъ со всѣмъ огнемъ и рвеніемъ Кавказца и Севастопольского служиваго, и Богъ поможетъ въ столь добромъ предпріятіи. Увидимъ, а пока подождемъ и посмотримъ, станетъ ли газета „Русскій Инвалидъ“ оправдывать въ 1857 году свое знаменитое имя.

Я калѣка, а о пенсіи все идетъ *переписка*. Пенсія слово громкое. Но съ тѣхъ порь какъ введенъ курсъ денегъ на серебро, все стало въ $3\frac{1}{2}$ раза дороже: ибо на серебро считаютъ какъ на ассигнаціи. Дорогизна вездѣ и во всемъ непомѣрная; а слѣд. и пенсія весьма не много значитъ. Кроме того необходимо пояснить: что именно и сколько долженъ получать раненый на службѣ и раненый въ отставкѣ? „Пенсіи „изъ государственного казначейства“, пенсіи „изъ инвалидного капитала“. Надобно сказать, сколько *всего*, *одною суммою*, должны получать увѣчные 2-го напр. класса офицеры, на службѣ состоящіе и пользующіеся отъ ранъ, и въ отставкѣ. На стр. 150-й Памятной Книжки для Русскихъ Офицеровъ, сказано: „Подполковнику, увѣчному и тяжело раненому, который ни военной, ни гражданской службы продолжать не можетъ, назначено пенсіи изъ инвалиднаго капитала:

руб. коп.	руб. коп.
214—27 $\frac{1}{2}$	321—43 сер.

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“, 1856 г., кн. 2-я, была напечатана новая табель „прибавленныхъ“ пенсій, а именно:

„Подполковнику раненому, 2-го класса 285 руб. сер. Чѣд тутъ прибавленаго—не видно! 285 руб. есть среднее число между 214 р. и 321 р. Увеличеніе не пояснено. 285 руб. сер., чтобы лечиться и жить очень немного при нынѣшней дешевизнѣ денегъ и курсѣ на серебро.

При томъ, ни подъ какимъ видомъ никогда не можетъ быть одинакова пенсія напр. *безрукому и безногому*: тотъ можетъ ходить и слѣдовательно не тратить денегъ на извощикивъ, а безъ употребленія ноги ходить нельзя, особенно какъ напр. нога у меня пробита въ верху и въ низу, такъ что отъ ходьбы на костыляхъ я получилъ счетомъ *тринадцать ранъ: двѣ въ вверху надъ входомъ пули, одну рану глубокую и шириной въ толстоту пальца, въ паху, и десять на животъ отъ воспаленія и отгнившей клѣтчатки*. Матерія густая, какъ тѣсто, кусками выходила изъ брюшныхъ ранъ, и пользовавшій меня докторъ Нарановичъ изъявилъ свое удивленіе, что я выдержалъ эту болѣзнь, которая могла кончиться гангреною.

Извощики и дороги, и необходимы тому, кто не можетъ ходить; а это, столь важное условіе, при назначеніи пенсій, нимало не принято въ соображеніе. Къ тому жалкая ходьба на деревяшкѣ и на двухъ костыляхъ возможна лишь въ сухое время, по мѣсту ровному, твердому, не скользкому. Мягкій грунтъ, грязь, ледъ, лѣстницы каменные и желѣзныя, суть неодолимыя препятствія для раненаго, противу воли своей влachaщаго свою бѣдственную жизнь на двухъ палкахъ, и эти препятствія, т. е. лѣстницы, ледъ, грязь, и то могутъ быть для ходящаго на костыляхъ и на деревяшкѣ причиной паденій, ушибовъ и смерти. Это аксиома, не требующая доказательствъ. Стойте только ближе вникнуть и присмотрѣться.

Или издавать газету сѣрную для одного только простаго народа и солдата (чѣд будетъ гораздо лучше), и при дешевизнѣ таковой сѣрой газеты подписки будуть во множествѣ, лишь бы всѣ провѣдали объ изданіи этой дешевой газеты, и къ этому можно пригласить мѣстныя власти и духовенство заходить и внушать страсть къ чтенію этой общенародной газеты, которая тогда, подобно газетѣ „Варшавскій Курьеръ“, будетъ расходиться живо, ибо цѣна будетъ всѣмъ очень доступна; а всякому грамотному простолюдину любопытно „почитать“ газету и узнать новости. Тогда, пожалуй, во многихъ трактирахъ и харчевняхъ и даже кабакахъ, заведется сѣрая, малаго формата газета и послужить къ образованію народа и къ увеличенію суммъ инвалид-

наго капитала на действительную пользу солдатъ и ремесленникамъ. Въ эту газету можно помѣщать статьи: напр. изъ Польской газеты. „Воскресное Чтеніе (Czytelnia Niedzielnia), выходящей съ 1856 года въ Варшавѣ, подъ редакцію образованной дамы А. В. Петровой, дочери сенатора. Этотъ журналъ (коему ильть въ Россіи ничего подобного), предназначенъ для ремесленниковъ, служь и вообще для простонародья, уже имѣть около 3 т. подписчиковъ. Въ немъ принимаютъ участіе лучшіе Польскіе литераторы. Журналъ этотъ чрезвычайно занимателенъ и вполнѣ достичаетъ своей цѣли. (П. Дубровскій. Изъ журнала „Русскій Вѣстникъ“, 1856 года, Ноябрь, книжки 1я, стр. 41“). Я, какъ „инвалидъ“ имѣю право говорить объ инвалидномъ капиталѣ и предлагаю не пренебрегать очевидными выгодами сказанного изданія сѣрой малаго формата для простаго народа газеты.

На первый разъ на изданіе отъ Комитета 1814 г. двухъ газетъ „Русскій Инвалидъ“, обыкновенной, доселѣ издававшейся газеты этого имени, и другой на сѣрой бумагѣ малаго формата для народа и солдатъ, потребуется издержекъ; но они вознаградятся, если только редакторъ ея будетъ патріотъ и честный человѣкъ, подобный г-жѣ Петровой: въ огромной Россіи будетъ болѣе 3 т. подписчиковъ (Польша капля противъ Россіи), и этотъ журналъ неминуемо послужить къ увеличенію суммъ Комитета, не говоря о своей пользѣ для народа. Объ этомъ стдить подумать, и мысль эту съ 1857 г. привести въ исполненіе; только бы обнародовать властямъ и народу эту мысль: за дѣломъ и сотрудниками не станетъ. А на первый случай за весь 1856 годъ журналъ Польскій, Czytelnia Niedzielnia, послужить готовымъ матеріаломъ для перевода и приспособленія Русскому народу.

Въ „Морскомъ Сборникѣ“ всегда есть чертежи и картины, а они стоятъ дорого. Притомъ и бумага гораздо лучше. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ ничего кромѣ текста, и потому, оставя специальность въ покое, не предстоитъ такихъ издержекъ, какъ на „Морской Сборникѣ“.

Главное уподобленіе „Русскаго Инвалида“ относится не къ специальности, а къ добросовѣстнымъ для инвалидовъ и раненыхъ подробностямъ. Все письмо ваше написано уклончиво, а не съ прямотою, какъ я вѣсъ просилъ. Я нарочно выписалъ заглавіе „Морского Сборника“ и говорилъ, что не худо взять съ него примѣръ подражанія къ добру. Напр., почему также не печатать „въ Инвалидѣ“ кромѣ краткаго отчета о занятіяхъ Комитета 1814 г. за каждый мѣсяцъ, „именные списки помѣщиковъ, отпустившихъ на волю безвозмездно раненыхъ (т. е. вѣроятно семейства раненыхъ), въ кампанію 1853—1855 гг.“

солдатъ", списокъ дѣтіямъ лицъ сухопутныхъ войскъ, воспитывающимся въ казенныхъ заведеніяхъ?

Въ XXVI кн. „Морскаго Сборника“, № 18, Декабрь 1856 г. именные списки по коимъ розданы денежныя пособія и пособіе воспитанію дѣтей. Роздано для сего денегъ 94960 руб. 80 коп. Ничеого подобнаго пытъ ни по какому вѣдомству т. е. чтобы добро было „не подъ спудомъ, но въ живомъ, своеевременному явленіи“, иначе слово: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“ есть одна клевета на добро не бывалое, ибо „дорога милость во время скудости“, а „не на томъ свѣтѣ угольками“ чрезъ годъ, два и далѣе, послѣ томительного ожиданія въ бѣдствіяхъ лишеній и нищеты, нимало непонимаемой здоровъмъ, сытымъ и благоденствующимъ въ довольствѣ Комитетомъ 1814 г., дѣятельности котораго не видно. Предложеніе мое очень выгодно тѣмъ „для инвалидовъ“, что если газета „Русскій Инвалидъ“ будетъ въ главномъ подобна „Морскому Сборнику“ и будетъ также помѣщать именные списки и отчетливыя извѣщенія ежемѣсячно, то сдѣлаетъ въ самомъ дѣлѣ добро „инвалидамъ“ и не будетъ тогда самозванцемъ, должно носящимъ заслуженное название, которое газета въ главномъ, существенномъ для инвалидовъ нимало не выполняетъ. Меньше будетъ поступать денегъ въ инвалидный капиталъ: это не бѣда. „Инвалиды“ и раненые вполнѣ заслужили вниманіе къ себѣ, и я не даромъ писалъ и повторяю это, что „Русскій Инвалидъ“ (т. е. газета, носящая это имя) обязанъ помнить своихъ собратій, быть честнымъ, правдивымъ и добрымъ на дѣлѣ, а не на языкѣ одномъ, и не „кремнемъ кремневичемъ“, обязанъ быть благодѣтелемъ всей огромной семьи несчастныхъ своихъ сотоварищѣй „инвалидовъ“, большую частію изнывающихъ въ нищетѣ, особенно солдатъ, нимало не обеспеченныхъ словами указа: „бороду брить, по міру не ходить“, слѣдствіемъ чего они по міру ходятъ и бороды не брѣютъ.

Объ измѣненіи и улучшеніи указа объ отставкѣ солдатъ.

Въ искреннемъ желаніи добра и пользы родинѣ и въ справедливомъ вниманіи къ долголѣтней, трудной, 25 годовой службѣ Русскаго солдата, не мѣшало бы старинный указъ измѣнить къ лучшему, а именно:

- 1) Славянскій языкъ, какъ напр. *житія*, вмѣсто жизни, и старый, странный слогъ измѣнить въ рѣчь общепринятую, ясную.
- 2) Рифмованную прозу: „бороду брить, по міру не ходить“, исключить, замѣнивъ словами не въ риѳму.

3) Къ указу приложить всѣ упомянутыя въ немъ §§ и статьи законовъ и постановленій, чтобы отставной солдатъ не затруднялся хожденiemъ и просьбами, узнавая содержаніе прописанныхъ §§ и статей въ указѣ объ отставкѣ. Это хожденіе можетъ стоить долгаго времени и денегъ, чтò солдату тягостно и невозможнo, особенно неграмотному и раненому.

4) Обезпечить, сколько можно, на самомъ дѣлѣ судьбу отставного, прописавъ всѣ необходимыя для того правила ясно, подробно и удобоисполимо.

5) Опубликовать въ газетахъ и вѣдомостяхъ вновь составленный указъ объ отставкѣ и пригласить всѣ мѣстныя власти, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, неослабно заботиться успокоеніемъ престарѣлыхъ отставныхъ раненыхъ, *дѣломъ самыи и исполненіемъ не позднимъ, и своевременнымъ.*

Капиталы на святыни, иконы и лавры жертвуются большіе, а отчета этихъ капиталовъ никогда никогда не было видно.

6) Для сего ясно и подробно (съ приложеніемъ именныхъ списковъ отставнымъ и раненымъ, немогущимъ зарабатывать себѣ содержаніе по своей болѣзни и увѣчью) публиковать въ газетахъ и вѣдомостяхъ *ежесколько разъ въ году* и сообщать для всеобщаго, удовлетворительнаго свѣдѣнія: а) сколько, когда и кому дано изъ капиталовъ, во 1) собранныхъ за концертъ, маскарадъ, спектакли, въ такъ называемую „пользу инвалидовъ“, темную по своей безотчетности; во 2) сколько и когда дано изъ капиталовъ, собранныхъ духовными властями и особенно чернымъ духовенствомъ (пріявшиимъ „Чинъ Амельскій“, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірскаго, отъ всего земнаго по слову Апостола, жить во Христѣ, нищетюющими“), изъ капиталовъ напримѣръ отъ служенія при явленныхъ иконахъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Харьковѣ и т. д.; иъ 3) сколько, кому иногда дано изъ капиталовъ жертвованныхъ при поспѣщеніи святынь, напр. Кіево-Печерской Лавры, Сергіе-Троицкой Лавры, Александро-Невской Лавры, въ Воронежѣ при мощахъ Св. Митрофania, и т. д.; опубликовать *приходъ и расходъ означенныхъ суммъ*, съ приложеніемъ всякихъ разъ именныхъ списковъ: кому, когда и сколько денегъ было выдано; и вообще всѣ жертвованныя въ Россіи суммы приводить въ отчетливую извѣстность для публики по приходу и расходу, и тогда конечно можно будетъ достигнуть обезпеченія воиновъ въ отставкѣ, безъ допущенія ихъ

къ бѣдности и нищенству, сколько гибельному, столько же и постыдному: ибо нищенство ведетъ къ бродяжничеству, порокамъ и преступленію.

„Помѣщеніе въ „Русскомъ Инвалидѣ“ подробныхъ отчетовъ о дѣятельности Комитета и о призрѣніи раненыхъ, по мѣрѣ распоряженій о томъ со стороны Комитета, будетъ принято во вниманіе, и мною составлена обѣ этомъ докладная записка“. (Слова редактора газеты „Русский Инвалидъ“).

Весьма жаль, что не прислали копіи съ этой записки: я бы сообщилъ ее раненымъ, и они бы увидѣли, могутъ ли надѣяться на улучшеніе газеты „Русскій Инвалидъ“, или не могутъ и должны дѣйствовать сами, пока живы.

„Но и эти извѣстія“, продолжаетъ редакторъ г. Лебедевъ З-й, „должно печатать, въ видѣ особыхъ прибавлений, чѣмъ потребуетъ расходу до 3 т. руб. сер. вѣ годъ“. Что же такое? 3 т. мало, можно и побольше чѣмъ на „Морской Сборникъ“, отдать для тѣхъ, кто своею кровью защищалъ Государя и Отечество, подѣлавшись чрезъ то калѣкою, не живеть уже, а влечь бѣдную, мучительную жизнь!! Это слишкомъ очевидно.

Окончаніе о томъ, какъ примѣнить къ жизни раненыхъ и инвалидовъ мертвое выраженіе: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“.

„Ибо, говорить редакторъ Г. Лебедевъ З-й, подписывающіеся на нашу газету хотятъ разнообразія и занимательности и требуютъ новостей, литературныхъ, военныхъ и политическихъ“. Это такъ. Но повѣрьте, много значить, что къ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ въ настоящее время не имѣть Россія особенного сочувствія, потому что она не видѣть благой ея цѣли. Надобно раскрыть эту благую цѣль, говорить обо всемъ побольше правды, и тогда больше будетъ уваженія и участія къ журналу, который, при интересѣ и занимательности, будетъ, какъ патріотъ, добро творить такъ, что оно станеть ясно всѣмъ и перестанетъ скрываться подъ темнымъ словомъ: „на пользу инвалидовъ“, „въ пользу раненыхъ“, или подъ итогами большихъ чиселъ, называемыхъ „отчетами“.

И положимъ, самъ Государь Императоръ узнаеъ, что „издержки на изданіе газеты „Русскій Инвалидъ“, требуютъ увеличенія преж-

няго до 1857 г. расхода на изданіе, то онъ конечно приметъ мѣры, чтобы издавался „Русскій Инвалидъ“ подобно „Морскому Сборнику“, на славу, честь и пользу Россіи и ея сыновъ и воиновъ, коимъ Отечество обязано дать приличное успокоеніе и оказывать вниманіе.

Издание „Инвалида“, продолжаетъ редакторъ этой газеты г. Лебедевъ З-й, „на спрой бумагѣ не можетъ быть допущено, потому что свидетъ редакцію въ такое затрудненіе, которое покажется непонятнымъ для человѣка несвѣдущаго“. Даѣе слѣдуютъ весьма понятныя затрудненія, очень простыя и очевидныя для каждого несвѣдущаго типографскаго дѣла, а именно: „Инвалидъ“ изданіе ежедневное, а „Московскія Вѣдомости“ два раза въ недѣлю; чѣже до газеты „Варшавскій Курьеръ“, то малый его форматъ позволяетъ для каждого сорта бумаги имѣть особый наборъ и печатать одновременно газету на всѣхъ сортахъ бумаги, а „Инвалидъ“, въ числѣ 6 т. экземпляровъ, не имѣть болѣе 4-хъ часовъ времени для печатанія. Согласитесь, что при этомъ не представляется возможности для сортировки, и будетъ происходить всякий разъ либо замедленіе, либо беспорядокъ“. Почему же не доложить чрезъ Комитетъ высшему начальству и Государю: не будетъ ли средство печатать газету „Инвалидъ“ на сѣрой бумагѣ малаго формата, кромѣ обыкновенной издаваемой газеты „Русскій Инвалидъ“? Сѣрая малаго формата газета будетъ въ родѣ Польской газеты *Воскресное Чтеніе*, о чѣмъ уже подробно изъяснено. Ничего въ этомъ нѣть ни затруднительнаго, ни невозможнаго. Конечно „при 4-хъ часовомъ времени для напечатанія въ числѣ 6 т. экземпляровъ „Русскаго Инвалида“ надобно будетъ тогда пріискать новаго редактора, чиновниковъ, помощниковъ и типографщиковъ на эту сѣрую газету для „неимущихъ“ офицеровъ, получающихъ отъ казны пособіе, называемое пенсіею, которая *при нынѣшнемъ курсѣ денегъ на серебро, при крайней дешевизнѣ денегъ и непомѣрной во всемъ дороговизнѣ для жизни, очень невелика*, чтобы платить нынѣшнюю огромную цѣну за газету „Инвалидъ“, съ пересылкою 16 руб. сер., или 56 руб. ассигнаціями.

Обширное поприще, открытое нынѣ исполнителямъ воли Ея Величества по облегченію страданій и доставленію всевозможныхъ удобствъ храбрымъ защитникамъ Отечества, дало графу Віельгорскому-Матюшкину и его достойнымъ помощникамъ новое право на общую признательность.

Съ 3-го Сентября 1855 г. я былъ уже въ Симферопольскомъ военномъ госпиталѣ и могу спросить: „какія это облегченія страданій?

Какія это удобства, и притомъ удобства всевозможны??!! Не отвратительная ли по неопрятности и весьма скудная пища въ вонючей, грязными тряпицами вытертой посудинѣ? Не бѣлье ли, часто во вshaхъ, притомъ сырое, узкое и изорванное?! Отъ сырого бѣлья я получилъ горячку и едва не померъ: это я на себѣ знаю, и съ тѣхъ поръ сталъ носить свое бѣлье. Не вонючія ли подушки и смрадный матрацъ, набитый бурьяномъ, жесткимъ какъ камень? Не казенные ли халаты, тѣсные, узкие и худые? Не медикаменты ли, которыхъ не дождешься нѣсколько часовъ изъ казенной аптеки, а между тѣмъ раненый умираетъ. О, конечно нѣть! Какія это удобства?! Не медикъ ли необыкновенный? Также нѣть: по доброй волѣ мы „благодарили“ его, т. е. складывались деньги, но онъ не оказался ни знатокомъ медицины, ни человѣкомъ съ чувствомъ, ибо не смѣлъ пикнуть противу своего медицинского госпитального начальства. Въ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, было два фельдшера и весь домъ; ночью ихъ не было; дежурного офицера не было; даже привратника у воротъ не было, и потому ночью ходили разные мошенники и крали у сонныхъ раненыхъ часы и т. п. Какія же это удобства, и при томъ всевозможныа? Это интересно. Ужъ не вонючій ли госпитальный воздухъ, тлетворный, ядовитый, ничѣмъ не освѣжаемый?! Нѣть что это за „удобства!!“ Что нѣбудь другое. Что же такое именно? А вотъ на стр. 1333 сказанного № 262-го „Сѣверной Пчелы“ „изображена“ попечительность Комитета. Выписать бы эту удивительную попечительность. „Изъ приложенной къ сему рапорту (отъ 7-го Октября) вѣдомости видно, чтѣ въ кладовую Комитета поступило въ теченіе Іюня, Іюля, Августа и Сентября мѣсяцевъ 1855 года“.

Изъ всего исчисленнаго здѣсь расхода, исключивъ коршю, бинты, компрессы, 31-го предмета, означеннаго въ вѣдомости, не видали раненые офицеры, пока не прочитали съ изумленiemъ и огорченiemъ цифры напечатанными. Куда все это дѣвалось, Богъ знаетъ*)! Віельгорскій, какъ баричъ и по воспитанію благородный человѣкъ, но ни на одну каплю не хозяинъ, никакого нѣть сомнѣнія самъ не бралъ, а у него изъ подъ носу крали другіе. Кто эти другіе, мнѣ неизвѣстно; но совѣстно читать, стыдно, горько и обидно видѣть подобную нелѣпую опись, и знать, что подъ видомъ „ползы раненыхъ“, нажились

*) Въ 1855—1857 годахъ, когда вся Россія волновалась слухами о покражахъ въ Крыму, графиня А. Д. Блудова такъ умиряла мое негодованіе: Сходите въ Имп. Публичную Библіотеку; тамъ сберегаются листы газеты: Times. Можете прочитать, какъ у Англичанъ воровались даже пушки, назначенные для отправленій подъ Севастополь. П. Б.

воры и подлецы, конечно здоровые, и уморили тѣмъ не одного страдальца раненаго. Если бы всѣ исчисленныя вещи и продукты пошли бы бѣднымъ и несчастнымъ раненымъ, сколько бы изъ нихъ не умерло! Особенно напр. „клюквенный экстрактъ“, когда горло перегоритъ въ горячкѣ и гангренѣ; чай, если есть, и тотъ кажется хуже помоеvъ; а 125 бочекъ клюквенного экстракта принесли бы большую пользу!! Я и всѣ офицеры со мною ни одной капли не получали этого экстракта, хотя онъ въ лавкахъ продавался по 1 $\frac{1}{2}$ и по 2 руб. сер.

Помѣщены ничего не значащіе итоги темные и неопределенные, названные весьма странно: „отчетомъ“. Что же въ нихъ „отчетливаго“? Напр. „Изъ полученныхъ нынѣ отчетовъ видно, (кому это видно?), что по 1-е Января 1856 г. произведены слѣдующіе расходы:

1) Роздано дѣнежныхъ пособій.

а) „Раненымъ“:

	руб.	коп.
„974 Штабъ и оберъ, офицерамъ“	75421	— 90 сер.
„493 юнкерамъ и подпрапорщикамъ“	8703	— 75 сер.
„Нижнимъ чинамъ“	<u>42437</u>	— 80 сер.
	<u>126564</u>	р. 45 коп.

Ничего не сказано: когда, кому, сколько?!

б) Плѣннымъ:

(Также безъ обозначенія: когда, кому именно, и сколько)	руб.	коп.
	138396	— 84

2) На улучшеніе быта раненыхъ въ госпиталяхъ

„Отпущенное въ распоряженіе доктора Пирогова“ 3000 руб. сер.

Употреблено на покупку медикаментовъ и Ждановской жидкости 629 руб. сер.

Кому покупали медикаменты и кто изъ раненыхъ знаетъ, какъ пахнетъ неизвѣстная въ Симферопольскомъ госпиталѣ эта жидкость?!

На покупку сахару, чаю, кофе, водки и табаку 7757 р. 89 к. сер.

Для кого это? Всѣ офицеры покупали на свои деньги сахаръ, чай, водку и табакъ; я даже помню, какъ сердобольная старушка сбирала разъ деньги на чай одному больному бѣдному офицеру.

„На заготовленіе костылей“.

613 руб. 5 коп. сер.

Костыли всѣ офицеры покупали на свои деньги.

На разные предметы по госпиталямъ 3400 руб. 76 коп. сер.

(Это за чѣмъ и кому??!!)

Итого: „На улучшеніе быта раненыхъ въ госпиталяхъ употреблено“ 16,176 руб. 70 коп. сер.

И это: „отчеты!!“

„Какъ много благородныхъ словъ...
А дѣль не видно благородныхъ!!..“

Вотъ отрывокъ изъ моего письма помѣщенного въ „Р. Инвалидѣ“ (№ 117): „Въ три недѣли, изъ ста саперъ моей роты, находившейся на 5-мъ отдѣлѣніи, во время бомбардировокъ непріятеля днемъ и ночью, производившихся съ крайнимъ ожесточеніемъ, убито бомбами 27 саперъ; ранено осколками и пулями 37; контужено по два и по три раза осколками бомбъ и камней 26. Остальные 10 человѣкъ, во время штурма 27-го Августа, очищали ровъ и вѣроятно убиты вдругъ наступившимъ непріятелемъ, который бросался изъ траншеи, находившейся впереди нашего 2-го бастіона, всего въ 25 саженяхъ.“

Слѣдовательно мнѣ есть для кого хлопотать, чтобы не ходили по миру и не „пресмыкались въ нищетѣ“. Я уже и дѣйствую для нихъ. Къ этому подала удобный случай слѣдующая переписка. По командѣ мнѣ объявлено 6-го Ноября 1856 г., что „главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ представилъ Его Императорскому Высочеству генераль-инспектору по инженерной части, представилъ (составленныя мною) записки о сверленіи и заряжаніи цилиндровъ въ камняхъ и деревьяхъ. Его Императорское Высочество, находя этотъ трудъ подполковника Лебедева весьма похвальнымъ и заслуживающимъ одобренія, изволилъ приказать изъявить ему за онай благодарность Его Высочества и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить, что ему угодно было бы сдѣлать съ означенными записками?“ Почему я и просилъ, если можно, то издать записки въ пользу изувѣченыхъ, раненыхъ саперъ, поименованныхъ въ приложенныхъ спискахъ. Въ случаѣ же смерти кого либо изъ сихъ саперъ, въ пользу родственниковъ, подъ расписку получателей, засвидѣтельствованную двумя свидѣтелями, находившимися при выдачѣ денегъ и пр.

Редакторъ газеты „Инвалидѣ“ увѣряетъ „что Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону; дѣла въ немъ идутъ быстро, и замедленія

въ отвѣтахъ происходить отъ несоблюденія просящими законныхъ формъ. Знаю, что это прискорбно для страждущихъ, но чтѣ же оградить неприкосновенность капиталовъ и назначеніе пособій сообразно со степенью раны, если не строгое соблюденіе всѣхъ постановленій? Съ этимъ во многомъ нельзѧ согласиться. Что „Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону“, это очевидно. „Дѣла въ немъ идутъ скоро“, это по вашему ошибочному мнѣнію, а вы не ранены, въ довольствѣ и обеспечены; а по мѣру дѣла въ Комитетѣ идутъ нестерпимо долго: ибо онъ не имѣетъ искры участія къ раненымъ, хотя и называется „покровительствующимъ раненымъ“. Участіе этого онъ ничѣмъ не обнаружилъ, хотя могъ бы миллионы разъ это сдѣлать, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи газету „Русскій Инвалидъ“. Что стоило Комитету этому, два-три года тому назадъ и теперь, напечатать въ „Русскомъ Инвалидѣ“ всѣ тѣ статьи закона, коими окончательно утверждается всякий о раненыхъ документъ, и изложить всѣ способы къ ускоренію разрѣшенія Комитетомъ пенсій, и т. п. образомъ выразить свою о раненыхъ заботливость или напомнить кому-либо и отъ себя и чрезъ газету „Русскій Инвалидъ“ о высылкѣ такого-то удостовѣренія; короче „проявлять свое покровительство раненымъ“ никто не мѣшалъ Комитету. Но ничего подобнаго не случилось, ибо подобные объявленія раненымъ объ ускореніи разрѣшенія имъ пенсій могутъ быть сдѣланы людьми, у коихъ сердце не изъ булыжника, а есть къ раненымъ сочувствіе и участіе. Комитетъ занимается „очисткою“ бумагъ, а не скорымъ исполненіемъ дѣлъ, т. е. разрѣшеніемъ пенсій безъ малѣйшей проволочки. Равнодушіе,—или, лучше сказать, твердость желѣза,—видно въ словахъ вашихъ: „знаю, что это (замедленіе раненымъ отвѣтовъ изъ Комитета, см. стр. 40), „прискорбно для страждущихъ!“ Только!? Только „прискорбно“? Не болѣе? Не прискорбно, а это пахнетъ смертью, милостивый государь мой. Не всякому вполнѣ понятно, особливо здоровому и обеспеченному въ средствахъ человѣку, что значитъ нужда со всѣми ея принадлежностями, и еще зимою, безъ средствъ къ самой скучной жизни. Но вы можете себѣ составить хотя сколько нибудь близкую къ истинѣ идею: что долженъ вытерпѣть, никому того не обнаруживая, послѣ долгой, боевой службы раненый, съ незаживающими, требующими леченія ранами?

Ограждайте законностію капиталы, непремѣнно ограждайте; но отвѣчайте и дѣйствуйте съ огнемъ усердія, а не молчаніемъ и одною „очисткою бумагъ“.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ циркулярно начальникамъ губерній, отъ 14 Мая 1855 г., „что исполненіе служебнаго долга

состоитъ не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ“. И по сему кромѣ „отписки бумагъ“, слѣдуетъ стремиться не къ очищенію, но къ существенному исполненію дѣлъ.

Меньше денегъ на лицо безъ пользы—меньше и покушенія. Политковскій уже однажды показалъ на себѣ всю силу этого искушенія, промотавъ большую сумму (впослѣдствіи г. Яковлевымъ пополненную) изъ капитала инвалиднаго *). Я хочу здѣсь сказать, что тяжкій грѣхъ допускать солдатъ нищенствовать, нимало ничѣмъ ихъ не обезпечивая, послѣ той непонятной ни для кого изъ Европейцевъ трудовой жизни, въ которой 25 лѣтъ солдатъ, храбрый и стойкій, преданный и терпѣливый, былъ всегда выше солдата Австрійскаго, Англійскаго, а не могъ, по неимѣнію средствъ, получать напр. какъ солдатъ Англійскій въ Крыму: „по десяти шиллинговъ или рубль серебра въ день; кофе, портеръ, вино, сахаръ, ромъ, говядину, одѣяло, матрацъ, фуфайку“, какъ сказывали о томъ въ 1856 г. лѣтомъ въ Севастополь Англичане брату Владимиру Семеновичу, а напротивъ солдатъ нашъ довольствуется весьма малымъ, и только подемѣвается тихонько въ тоскѣ своей. Такъ напр. онъ насыщенно поетъ, что получаетъ

По три денежки въ день,
Куды хочешь, туда день!

Припѣвъ къ этой пѣснѣ:

Ой, калина, ой малина.
Купи мыла, купи kleю,
Побѣль-бы портулею.
Теперь амуниція черная, слѣд.
Купи мыла, купи сажи
Почернить бы патронташи и т. п.
Купи мыла, купи сала,
Да и выпить чтобы стало.

Мало средствъ на улучшеніе быта солдатъ; но за то весьма много небреженія о нихъ у частныхъ начальниковъ, вместо попечительности и заботливости.

Въ повѣсти: Рубка лѣсу, разсказъ юнкера графа Л. Н. Толстого, „изъ ученыхъ“ солдатъ, артиллеристъ насыщенно говор-

*) Напомнимъ читателю, что Государь Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя, когда раскрылось воровство Политковскаго. Онъ тогда воскликнулъ: „Рылѣевъ съ братею конечно мнѣ этого не сдѣлали бы“ (см. нашъ Сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ“ кн. 1-я). Изъ за этого показанія сборникъ былъ задержанъ, но Государь Александръ Николаевичъ приказалъ выпустить его въ свѣтъ. П. Б.

рить про свое житье: „Я говорю: живемъ хорошо, милый человѣкъ; провіантъ сполна получаемъ; утро и вечеръ „по чашкѣ щиколата идетъ на солдата; а въ обѣдъ идетъ господскій супъ изъ перловыхъ крупъ; а замѣсть водки модера полагается по крынкѣ. Модера диверѣ, что безъ посуды, моль, сорокъ двѣ!“

Имянно: *Модера дивирье*, хотя этой фразы не слыхалъ я у солдатъ; она не солдатская, но кстати.

Хорошо также видно состояніе солдата въ извѣстной на Кавказѣ пѣснѣ:

„Ну вотъ, вспомните ребята,
Какъ стояли въ Зеренахъ“.

Пѣсня эта, говорятъ, сочинена генераломъ Пассекомъ; но ее солдаты еще лучше и вѣрнѣе Пассека дополнили по своему:

Вотъ Кавказские солдаты
Ходятъ обѣ руку съ нуждой,
Завсегда горемъ богаты,
Его носятъ за спиной!

Голосъ этой пѣсни протяжный и заунывный.

Севастопольскій громъ прогремѣлъ какъ звучное слово Верховнаго Мироправителя. Пора вспомнить Всемогущаго Бога, завѣщавшаго любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ. А между тѣмъ сколько людей утопаютъ въ избыткахъ, и они, съ затекшимъ отъ жира сердцемъ, ничего не видятъ кромѣ „комфорта“ жизни, жены, ея нарядовъ дѣтей, экипажей, оперы, и проч. удовольствій!..

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1856 г., Май, книжка 1-я напечатано прекрасное стихотвореніе „Благотворитель“, какъ вѣрное изображеніе что значить „въ пользу бѣдныхъ“ дѣлать благотворенія.

Благотворитель *).

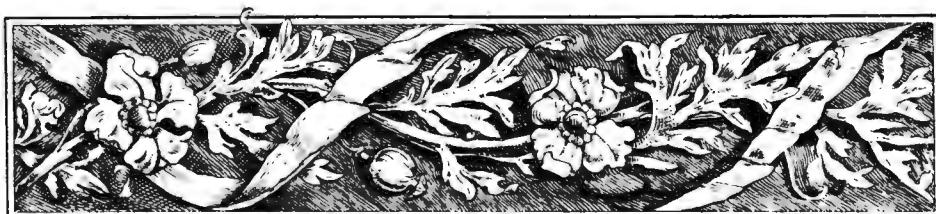
Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей
Весь годъ я тѣшился въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.
Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выbildungъ изъ силъ;

*) Сочинилъ Николай Филипповичъ Павловъ. П. Б.

Я танцевалъ для хромоногихъ,
 Я для голодныхъ ёлъ и пиль.
 Рядился я для обнаженныхъ,
 Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
 Для погорѣвшихъ, разоренныхъ
 Отдѣлалъ за-ново свой домъ.
 Моихъ малютокъ миныхъ кучу
 Я человѣчеству обрекъ:
 Плясала Машенька качучу,
 Дивила полькою Сашокъ.
 Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
 Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
 Занемогла моя Анюта
 Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.
 Я для смѣыхъ пошелъ въ картины
 И отличался какъ актёръ,
 Я для глухихъ пѣлъ каватины,
 Я для калѣкъ катался съ горъ.
 Вѣдь мы не варвары, не Турки:
 Кто слезы отереть не радъ?
 Ну какъ не проплясать мазурки,
 Когда страдаетъ меньшій братъ?
 Во всемъ прогрессъ по волѣ неба *)
 Законъ развитія во всемъ.
 Людей безъ крова и безъ хлѣба
 Все больше будетъ съ каждымъ днемъ.
 И съ болѣшей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
 Пойду, храня священный жаръ,
 Опять на все я за несчастныхъ,
 На балъ, на раутъ, на базаръ!

*) Это безъ сомнѣнія насмѣшка надъ людьми, кои, говоря о прогрессѣ, о развитіи, на дѣлѣ того ни мало не осуществляютъ, довольствуясь разговорами и проектами. Авторъ сочувствуетъ несчастнымъ и смѣется надъ фразерами-благотворителями, думающими только о себѣ самихъ: „богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ“. П. Б.

Переписка В. А. Жуковского съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ о Кирѣевскомъ.

Критикъ, мыслитель и извѣстный писатель, славянофилъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій родился 22 Марта 1806 г. Приналежалъ онъ къ числу образованнѣйшихъ Русскихъ людей первой половины XIX в. и оставилъ послѣ себя рядъ замѣчательныхъ статей, собранныхъ и изданныхъ уже послѣ его смерти въ Москвѣ, въ 1861 году, въ 2 томахъ. Отъ брака съ Натальей Петровной Арбеневой онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей, старшій изъ которыхъ Василій родился въ 1835 году.

Воспитаніе его очень озабочивало родителей. Иванъ Васильевичъ остановился на мысли помѣстить его въ Императорскій Александровскій Лицей, признавая это учебное заведеніе надежнѣйшимъ мѣстомъ для хорошаго нравственнаго и ученаго образованія. Онъ желалъ опредѣлить сына на казенное содержаніе и обратился за содѣйствиемъ къ своему свойственнику и другу В. А. Жуковскому, который письмомъ 31 Марта 1849 г. передать его ходатайство попечителю Лицея Принцу П. Г. Ольденбургскому. Однако опредѣлить молодого Кирѣевскаго въ Лицей на казенный счетъ оказалось невозможнымъ въ силу правиль дѣйствовавшаго тогда устава Лицея¹⁾, почему онъ на 1849/50 уч. годъ помѣщенъ былъ въ пансионъ Ф. В. Гроздова, специально подготавлившаго кандидатовъ къ поступленію въ Лицей, куда и былъ онъ принятъ въ Іюнѣ 1850 года своеокаштнымъ воспитанникомъ XXI курса. Объ отроческихъ годахъ В. И. Кирѣевскаго встрѣчается нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній въ Дневникѣ Елисаветы Ивановны Поповой²⁾. Она была дочь Ив. Вас. Попова, типографа, издателя извѣстной въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. фирмы „Люби, Гари и Поповъ“. По словамъ издателя ея дневника „она была тѣсно связана съ семьею Елагиныхъ и Кирѣевскихъ, постоянно видалась съ Аксаковыми, Хомяковыми и Свербеевыми, была вся проникнута интересами Славянофильскихъ кружковъ сороковыхъ годовъ“. Не выйдя замужъ, она достигла глубокой старости и умерла въ Москвѣ въ 1876 году.

Приводимъ выдержки изъ ея Дневника:

¹⁾ Подлинное письмо Жуковского и отпускъ съ письма Принца хранятся въ архивѣ Лицея, въ дѣлѣ о пріемѣ воспитанниковъ въ 1850 году.

²⁾ Издание въ Москвѣ въ 1911 году.

7 Мая 1849 г. Кирьевские нынче утромъ поѣхали съ сыномъ въ Троицкую Лавру; по возвращеніи оттуда повезутъ его въ Петербургскій Лицей.

18 Мая. Кирьевские уѣхали въ Петербургъ. Они грустить, отдаля отъ себя сына, чтобы впослѣдствіи уготовать путь ему къ блестящей будущности. Я раздѣляю печаль ихъ, но, сверхъ того, боюсь Петербурга: „тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрь“¹⁾), и, что еще хуже, во всякомъ развратѣ.

11 Июня 1850 г. Иванъ Васильевичъ (Кирьевскій) прїѣхалъ сюда изъ Петербурга съ своимъ любезнымъ сыномъ. Послѣдній выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ Лицей.

20 Іюля. Вечеръ, 10 часовъ. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ Кирьевскій прїѣхалъ сюда²⁾ съ своимъ сыномъ, безъ жены. Она осталась въ деревнѣ....

24 Іюля. Я проводила Васиньку въ Петербургъ.

Блестящая будущность, путь къ которой думали уготовать Кирьевскому, далеко не была достигнута. По отзыву многихъ изъ его товарищѣй, онъ поступилъ въ Лицей мальчикомъ религіознымъ, хорошо подготовленнымъ, близко знакомымъ съ языками Французскимъ, Нѣмецкимъ и Англійскимъ, а Латинскій языкъ зналъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Сверхъ того, онъ порядочно рисовалъ и игралъ на фортепіано. Однако въ теченіе шестилѣтняго (1850—1856) пребыванія въ Лицѣ онъ никакъ не желалъ подчиниться обязательности школьныхъ занятій. Во время уроковъ въ младшемъ курсѣ и лекцій въ старшемъ онъ никогда не слушалъ преподавателей и профессоровъ, а либо читалъ постороннюю книгу, либо рисовалъ, либо рѣшалъ шахматныя задачи, либо же... наконецъ, мечталъ. Результатомъ подобного отношенія къ учению была его малоуспѣшность, не смотря на то, что отъ природы онъ былъ не лишенъ способностей и дарованія. Кое-какъ переходилъ онъ изъ класса въ классъ и въ Іюнѣ 1856 года былъ выпущенъ изъ Лицея съ чиномъ губернскаго секретаря, послѣднимъ изъ двадцати семи воспитанниковъ XXI курса.

Въ Лицѣ онъ пытался писать стихи, образцомъ которыхъ можетъ служить привѣтствіе товарищамъ въ день выпускного акта 4 Іюня 1856 года, напечатанное въ Памятной Книжкѣ Лицея на 1856/₁₈₅₇ г.

Оставивъ Лицей, Кирьевскій поступилъ въ Измайловскій полкъ, но пропоручилъ въ немъ недолго. Онъ получилъ послѣ смерти отца, скончавшагося 11 Іюня 1856 года, порядочное наслѣдство, уѣхалъ заграницу, гдѣ прожилъ не менѣе 15 лѣтъ, странствуя преимущественно по Италіи. Вернувшись въ Петербургъ, онъ пытался пристроиться къ какому-нибудь дѣлу; но это ему рѣшительно не удавалось. Наскучивъ бездѣльемъ, Кирьевскій въ 1877 году отправился въ Черногорію, гдѣ и поступилъ волонтеромъ въ армію, дѣйствова-

¹⁾ Слова эти взяты въ ковычки самою Е. И. Поповою; они заимствованы изъ „Горе отъ ума“.

²⁾ Т. е. въ Москву.

вавшую противъ Турокъ. Въ это время командированы были въ Черногорію служившій въ Министерствѣ Финансовъ товарищъ Кирѣевскаго по ХХІ курсу А. А. Рихтеръ¹⁾ и служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ лицей XIX курса баронъ А. Е. Врангель²⁾. Оба они имѣли порученіе закупить и доставить въ Цетинѣ хлѣбъ для снабженія Черногорцевъ и бѣжавшихъ въ Черногорію Герцеговинцевъ. Баронъ Врангель въ воспоминаніяхъ своихъ о пребываніи въ Черногоріи говоритъ, что въ самомъ началѣ 1878 года „насъ часто посѣщалъ здѣсь Русскій доброволецъ Кирѣевскій, товарищъ по Лицею Рихтера—престранная, оригинальная, безобидная личность. Всякій разъ, видя его, я спрашивалъ себя, съ какой стати эти любители всякихъ приключений идутъ воевать? А сколько такихъ оригиналовъ шло тогда въ Сербію и Черногорію и какъ надѣ ними зло трунили Черногорцы! Кирѣевскій всегда былъ влюблѣнъ въ какую-нибудь Черногорку и распѣвалъ ей на гитарѣ по вечерамъ подъ окномъ серенады. Этихъ нѣжностей Черногорцы не знаютъ и удивлялись имъ“³⁾.

Въ томъ же году В. И. Кирѣевскій вернулся въ Петербургъ.

Д. Кобеко.

КЪ ПРИНЦУ ПЕТРУ ГЕОРГІЕВИЧУ.

I. Письмо В. А. Жуковскому.

Милостивѣйшій государь.

Ваше Императорское Высочество всегда оказывали мнѣ благосклонность. Это даетъ мнѣ смѣость обратиться къ Вамъ съ покорнейшею просьбою, на которую благоволите обратить милостивое вниманіе.

Вотъ въ чёмъ состоить моя просьба. Я имѣю родственника, близкаго мнѣ не по одному родству, но и по сердцу. Это Кирѣевскій (какой онъ чинъ имѣть, не знаю), дворянинъ, помѣщикъ въ Тульской губернії. Онъ отецъ пятерыхъ дѣтей и при весьма ограниченномъ состояніи употребляетъ главныя издержки свои на ихъ доброе, домашнее воспитаніе. Старшій сынъ достигнулъ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ нужно домашнее воспитаніе замѣнить публичнымъ. Онъ желаетъ помѣстить своего сына въ Императорскій Лицей, который, ввѣренный просвѣщенному покровительству Вашего Императорскаго Высочества,

¹⁾ Извѣстенъ заслугами по крестьянскому дѣлу, первоначально въ должностіи мирового посредника первого призыва въ Самарской губ., а впослѣдствіи въ должностіи директора департамента окладныхъ сборовъ. Умеръ въ 1898 году въ должностіи члена Совѣта министра финансовъ.

²⁾ Впослѣдствіи былъ посланикомъ при Саксонскомъ и Брауншвейгскомъ дво-рахъ, нынѣ въ отставкѣ.

³⁾ „Новое Время“ 1911 г. Иллюстрированное приложеніе къ № 12666, стр. 7.

кажется ему самыиъ надежнѣйшимъ мѣстомъ для хорошаго нравствен-
наго и ученаго образованія.

Принося Вашему Императорскому Высочеству просьбу мою о
соизволеніи на принятіе Кирѣевскаго въ Лицей, я долженъ обратить
Ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Приемъ въ Лицей будетъ
только въ будущемъ 1850 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ; тогда Кирѣевскому
будетъ 15 лѣть и 3 мѣсяца, то есть онъ будетъ девятымъ мѣсяцами
старѣе того возраста, въ который принимаются воспитанники въ 4-й или
нижній классъ Лицея; въ третій же классъ будетъ ему вступить еще
невозможно: ибо, не привыкнувъ къ способу общественнаго ученія, онъ
отсталъ бы отъ товарищей, и въ его образованіи произошелъ бы
скакокъ, вредный для цѣлости образованія. Могу ли просить и на-
дѣяться, что Ваше Императорское Высочество, снисходя на мою покор-
нѣйшую просьбу, согласитесь вычеркнуть эти лишніе девять мѣсяцевъ
изъ молодой жизни моего родственника? Вы окажете не однімъ его
родителямъ, но и мнѣ истинное благодѣяніе. Я еще не имѣлъ случая
ни о чёмъ просить Васъ; теперь мнѣ стукнуло 66 лѣть. Не откажите
старiku Жуковскому въ большой радости присоединить къ тому сер-
дечному уваженію, которое такъ давно имѣеть къ Вашему благород-
ному характеру, и чувство личной къ Вамъ благодарности. Вѣнцемъ
этаго благотворенія, о которомъ прошу Ваше Высочество, было бы то,
когда бы нашлась возможность помѣстить Кирѣевскаго на казенный
счетъ: родители его имѣютъ весьма, весьма ограниченное состояніе; а
я ходатайствую за сына ихъ, какъ за своего собственнаго. При этомъ
долженъ сказать Вашему Высочеству, что у меня дѣйствительно есть
уже собственный сынъ; быть можетъ, случится мнѣ просить васъ и за
него; но всего вѣроятнѣе, что, если въ этомъ будетъ надобность, это
сдѣлано будетъ безъ меня и послужить только воспоминаніемъ обо мнѣ.
Пока прошу за живо и еще не о своемъ сынѣ, и смѣю думать, что
Ваше Высочество примете милостиво просьбу мою.

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастіе встрѣтить Ваше Высочество
въ Висбаденѣ, Германія перевернулась вверхъ дномъ. Загнанный хо-
лерою и болѣзнью жены моей въ Баденъ-Баденъ, я провелъ тамъ
прошлую зиму въ совершенномъ отчужденіи отъ всѣхъ вѣнчнихъ
тревогъ политическихъ; мое уединеніе было такъ ненарушимо, что я
имѣлъ возможность перевести послѣднюю половину Одиссеи; XIII—
XXIII пѣсней кончены, XXIV-ю надѣюсь на сихъ дняхъ кончить.
Говорю Вамъ объ этомъ потому, что Вы любите древнихъ и особенно
покровительствуете гекзаметръ. Когда кончится печатаніе моего послѣд-
няго изданія моихъ сочиненій (печатаемыхъ въ Карлсру), въ томъ

числь и Одиссеи, я позволю себѣ представить экземпляръ ихъ Вашему Высочеству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга В. Жуковскій.

1849. 31 Марта (12 Апрѣля).

Bade-Bade. Maison Kleinmann am Graben.

II. Отвѣтъ Принца П. Г. Ольденбургскаго В. А. Жуковскому.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

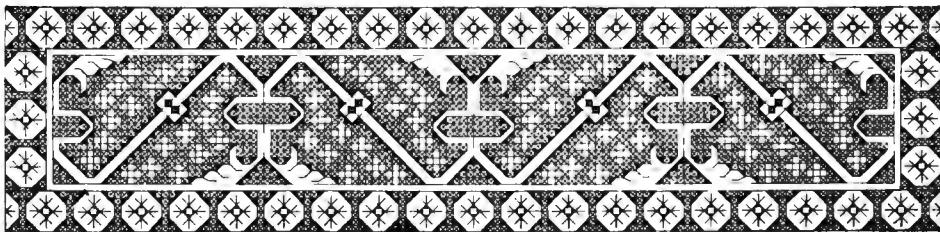
Душевно радъ, что нашлось обстоятельство, которое понудило Васъ обратиться ко мнѣ. и, получивши Ваше письмо, въ которомъ Вы просите о родственникѣ Вашемъ, Кирѣевскомъ, я съ удовольствиемъ сдѣлалъ всѣ зависящія отъ меня распоряженія. Къ поступленію Кирѣевскаго въ Лицей, какъ видно изъ письма Вашего, представляются два затрудненія: изъ нихъ излишекъ возраста можно, по вашему ходатайству, не считать препятствиемъ къ принятію его въ Лицей, тѣмъ болѣе, что отзывъ вашъ заставляетъ меня надѣяться, что оказанное ему снисхожденіе не будетъ безплодно. О принятіи его на казенный счетъ я долженъ сказать Вамъ, что оно возможно только въ томъ случаѣ, если отецъ его имѣть чинъ генераль-маіора или гражданскій не ниже четвертаго класса; но и въ этомъ случаѣ необходимо разрѣшеніе Государя Императора.

Благодарю Васъ за обѣщанный мнѣ экземпляръ новыхъ сочиненій Вашихъ и раздѣляю радость просвѣщенныхъ любителей Русскаго слова о томъ, что Вы не перестаете дарить нась прекрасными произведеніями Вашего пера.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ уваженіи.

(Подписано) Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Замѣтки о письмахъ Пушкина и о разночтѣніяхъ въ его стихахъ.

„Русскій Библіофиль“ напечаталъ въ прошедшемъ году нѣсколько автографовъ Пушкина, хранящихся въ Тургеневскомъ архивѣ, который переданъ покойнымъ И. Н. Тургеневымъ въ Академію Наукъ. По поводу нѣкоторыхъ писемъ и записокъ Пушкина, а также разночтѣній „Надписи къ портрету Жуковскаго“, намъ представляется нeliшнимъ привести нѣсколько замѣчаній и разъясненій.

I. Время, когда написано письмо къ князю И. А. Вяземскому, пріуроченное къ Сентябрю 1831 г. (№ 7), съ значительной вѣроятностью можно опредѣлить точнѣе. „Сей часъ ўду изъ Ц. С. въ П.б., мебели твои оставлены мною здѣсь“, пишетъ Пушкинъ. Значить, эти строки написаны передъ самимъ перѣѣздомъ Пушкина съ дачи въ городъ, что произошло въ Октябрѣ. 21-мъ Октября въ Петербургомъ помѣчено письмо его къ С. С. Уварову, а 22-го Пушкинъ писалъ Нащокину¹⁾: „вотъ я въ П.б., гдѣ я былъ принуждентъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной въ домѣ Брискорнъ“. 23-го сестра поэта О. С. Павлищева, жившая тогда въ Петербургѣ, писала мужу, что Пушкины, по возвращеніи въ городъ, „ne sont pas tout-à-fait installés encore; à leur arrivée ils ont pris une maison, qui a fini par leur déplaire, et ils ont trouvé une autre à la Galerna“²⁾. Такимъ образомъ, 22—23 Октября молодые супруги еще не устроились какъ слѣдуетъ на своей новой квартирѣ въ Галерной улицѣ, быть можетъ проведя нѣсколько дней въ другой квартирѣ, очевидно, той самой, адресъ которой Пушкинъ сообщаетъ Вяземскому: „у Измайловскаго мосту, на Воскресенской³⁾ улицѣ, въ домѣ Берникова“. Когда же перѣѣхалъ Пушкинъ въ Петербургъ? И. И. Миллеръ, встрѣчавшійся въ то время съ нимъ, указываетъ неопредѣленно, что въ концѣ Октября⁴⁾; это не-

¹⁾ Письма Пушкина приводятся по Академическому изданію, В. И. Сайтова.

²⁾ „Пушкинъ и его современники“, XV, 101. Въ полуфантастическихъ „Воспоминаніяхъ“ Л. Н. Павлищева (стр. 263) оно невѣрно помѣчено 2 Ноября.

³⁾ Здѣсь, конечно, описка: вмѣсто Вознесенской улицы (т. е. Вознесенского проспекта).

⁴⁾ „Русс. Архивъ“ 1902 г., III, 235.

вѣрно, потому что, какъ мы уже видѣли, 21 Октября Пушкинъ писалъ изъ Петербурга Уварову. П. В. Анненковъ⁵⁾ говорить, что „22-го числа Пушкинъ покинулъ Царское Село и перѣхалъ въ Петербургъ“, но и это, конечно, не-вѣрно. Едва-ли Пушкинъ сталъ бы во время хлопотъ, вызванныхъ перѣездомъ съ дачи и мѣной квартиры въ городѣ, отвѣтать Уварову; написалъ онъ ему, конечно, тогда, когда очутился во второй квартирѣ, на Галерной улицѣ. 7 Октября онъ писалъ Нащокину изъ Царскаго и не только ничего не говорилъ о перѣздѣ въ городѣ, но просилъ своего друга писать на имя Ольги Сергеевны. „Я слышу [Языковъ] съ Кирѣевскимъ затѣваютъ журналъ“, говорить Пушкинъ. Кирѣевскій написалъ Пушкину о своемъ „Европейцѣ“ въ концѣ Октября, но Пушкинъ уже зналъ о новомъ журнале отъ Жуковскаго, которому Кирѣевскій писалъ изъ Москвы: „Мой журналъ заставилъ больше писать Боратынскаго и Языкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе“⁶⁾. Это письмо помѣчено въ Московскомъ почтамтѣ 6 Октября; значитъ, получено Жуковскимъ и могло стать извѣстно Пушкину не ранѣе 10-го числа. Въ протоколѣ празднованія лицейской годовщины, состоявшагося въ 1831 г., какъ всегда, 19 Октября, сказано⁷⁾: „Пушкинъ не былъ потому только, что не напечаталъ квартиры“ (Яковлева, у которого собирались первокурсные). Значитъ, Пушкинъ былъ 19 Октября въ Петербургѣ. „Повѣсти мои печатаются“, пишетъ Пушкинъ („Повѣсти Бѣлкина“). „Повѣсти мои напечатаны“, пишетъ Пушкинъ Нащокину 22-го числа. 28 Октября Д. Н. Блудовъ писалъ своей семье: „посылаю вамъ вновь вышедшее собраніе повѣстей Пушкина; я не читалъ его, получивъ только вчера“⁸⁾. „Дворъ у васъ“, говоритъ Пушкинъ князю Вяземскому, бывшему тогда въ Москвѣ. „Что-то Москва? Какъ вы приняли Государя?“ спрашивалъ Пушкинъ Нащокина въ письмѣ 22 Октября. Царь приѣхалъ въ Москву 12 Октября, а 15-го приѣхала государыня, и начались балы и праздники⁹⁾. По всему этому новоизданное письмо Пушкина къ князю Вяземскому¹⁰⁾ нужно считать написаннымъ въ день перѣезда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, приблизительно между 15 и 19 Октября.

II. Записку къ А. И. Тургеневу, помѣченную № 9, лучше означить менѣе опредѣленно, 1834—1837 г.г., такъ какъ для пріуроченія ея именно къ 1834 году содержаніе ея не даетъ основаній.

III. Записка къ князю Вяземскому (№ 11) правильно означена 1836 годомъ, но невѣрно отнесена къ началу Апрѣля. Въ примѣчаніяхъ къ ней

⁵⁾ „Материалы для біографіи П—на“, изд. 2-ое, стр. 312.

⁶⁾ „Русс. Арх.“ 1909 г., I, 591—592; Полн. собр. сочин. И. В. Кирѣевскаго, ред. М. Гершензона, II, 224.

⁷⁾ „П—нъ и его современники“, XIII, 51.

⁸⁾ „Русс. Арх.“ 1875 г., I, 152.

⁹⁾ Тамъ же, 148, 150.

¹⁰⁾ Оно напечатано въ „Русс. Библіофилѣ“ неточно. Напримеръ, Пушкинъ жалуется, что Косичкинъ „принужденъ былъ пріютиться въ Гелеконѣ“ (sic!). Несомнѣнно, въ подлинникѣ нѣтъ никакого „Гелекона“, а есть „Телескопъ“.

справедливо указано, что въ ней говорится о цензурованіи первой книги „Современника“. Но въ началѣ Апрѣля книга уже вышла въ свѣтъ¹⁾, съ цензурнымъ дозволеніемъ отъ 31 Марта. Пушкинъ пишетъ, что „сей часъ начинается печатать“ статью князя И. Б. Козловскаго; значитъ, это было задолго до выхода книги. Далѣе онъ сообщаетъ о расправѣ цензуры съ „Хроникою Русскаго“, А. И. Тургенева. 23 Января Вяземскій писалъ Тургеневу: „Изъ записки ко мнѣ Пушкина увидишь ты, что цензура тебя сѣть и рубить“²⁾; очевидно, Вяземскій при этомъ письмѣ послалъ Тургеневу записку Пушкина, которая и осталась въ Тургеневскомъ архивѣ и теперь обнародована³⁾). Такимъ образомъ устанавливается и время ея написанія, хотя не вполнѣ точно. Дѣло въ томъ, что означение времени при письмѣ князя Вяземскаго къ Тургеневу въ „Остафьевскомъ Архивѣ“ представляется сомнительнымъ: письмо, помѣченное въ этомъ изданіи № 751, состоить изъ трехъ частей, „19 Января“, „24-го“ и „23-го“; по содержанію частей видно, что онѣ расположены въ правильномъ хронологическомъ порядке, и странно, что вторая часть означена позднѣе третьей. Здѣсь можно подозревать ошибку или опечатку, и записку Пушкина приходится означить приблизительно 19—24 Января 1836 г.

IV. Письмо Пушкина къ И. А. Осиповой (№ 12), судя по описанію и снимку (въ которомъ, впрочемъ, воспроизведено не все письмо), не имѣеть въ подлиннике никакой помѣты. Въ перечиѣ документовъ Тургеневскаго архива оно помѣчено (стр. 9) 20 Декабря 1836 г., а надѣль самымъ текстомъ иначе—24 Декабря, при чемъ никакихъ основаній какъ для той, такъ и для другой даты не приведено. Однако, ни ту, ни другую нельзя признать вѣрною. Осипова отвѣтала Пушкину на это письмо въ день его полученія, 6 Января 1837 г.⁴⁾, а 9 Января писала ему опять: „je vs ai écrit, mon cher Александръ Сергеевичъ en reponse à vtr lettre du 22 de l'anée passée que j' avois recu le jour des 3 Rois“. Итакъ, Осипова 6 Января отвѣтила Пушкину на его письмо отъ 22 Декабря, на то самое письмо, которое теперь и появилось въ печати.

V. Указаніе (стр. 8, 10—11) на „исчезнувшія“ четыре рукописи Пушкина, которыхъ не оказалось въ 1910—1911 г.г. въ Тургеневскомъ архивѣ и слѣдовъ которыхъ не могли найти такие знатоки, какъ И. Морозовъ, М. Лемкѣ и И. Рейнботъ, объясняется тѣмъ, что всѣмъ участвовавшимъ въ этихъ поискахъ лицамъ неизвѣстенъ весьма рѣдкій и малодоступный источникъ—II-й выпускъ изданія „Пушкинъ и его современники“. Тамъ, на стр. 1—9, напечатано подробное описание этихъ рукописей, переданныхъ въ 1903 г.

¹⁾ 8 Апрѣля Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что она выйдетъ 11 Апрѣля („Къ біографіи А. С. Пушкина“, вып. II, М., 1885, стр. 63; „Остафьевск. Арх.“, III, 312).

²⁾ „Остафьевск. Арх.“, III, 290.

³⁾ Въ примѣчаніяхъ къ „Остаф. Архиву“, III, 676, въ свое время было сказано, что эта записка не сохранилась.

⁴⁾ Оно напечатано В. И. Сантовымъ въ Академич. изд. переписки Пушкина, т. III, № 1128 (на это указано въ „Рѣчи“ с. г., № 264).

П. Н. Тургеневымъ въ библиотеку Академіи Наукъ¹⁾). Отсутствуетъ также справка, что послѣдняя изъ нихъ (записка къ А. И. Тургеневу 26 Января 1837 г.) въ 1905 г. была напечатана П. А. Ефремовымъ²⁾.

VI. О „Надписи къ портрету Жуковскаго“ считаемъ нeliшнимъ сообщить, что до сихъ поръ были известны въ печати три ея чтенія. Одна, самая ранняя, появилась въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. III, № 7, стр. 24; другая въ сборникахъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 г.г.; третью напечаталъ Н. И. Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи Русской литературы“, С.-Іб., 1822, стр. 312, и такъ какъ до сихъ поръ она не обратила на себя ничьего вниманія, мы приводимъ ее вполнѣ. „Въ заключеніе характеристики (Жуковскаго) говорить Гречъ, „нельзя не привести тѣхъ стиховъ, которые написалъ Пѣвецъ Руслана и Людмилы къ портрету Жуковскаго. Въ этихъ пяти строкахъ, кажется, болѣе сказано о немъ, нежели мы нашлись сказать на нѣсколькихъ страницахъ:“

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ времень таинственную даль;
Услыша ихъ, воспламенится Младость,
Утѣшится безмолвная Печаль—
И рѣзва задумается Радость.“

Близкое знакомство Греча съ обоими поэтами придаетъ значеніе этой редакціи; она, къ тому же, нѣсколько тщательнѣе редакціи „Благонамѣренного“, отъ которой выгодно отличается отсутствиемъ неловкаго „въ“ во второмъ стихѣ, болѣе удобнымъ расположениемъ словъ въ четвертомъ (въ „Благонамѣренномъ“ было: „Безмолвная утѣшится печаль“) и прописными буквами въ словахъ: „Младость“, „Печаль“ и „Радость“, подчеркивающими художественную персонификацію этихъ абстракцій. Гречевская редакція близко подходитъ къ чтенію напечатанному съ автографа. Съ ними значительно сходится чтеніе, сообщенное по памяти престарѣлымъ поэтомъ А. И. Подолинскимъ³⁾, современникомъ Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ времянъ таинственную даль,
Читая ихъ, воспламенится младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзва задумается радость.

„Безспорно“—находилъ Подолинскій—*время* выразительнѣе, чѣмъ *вѣковъ*; *застывшая даль*—черезчуръ замысловато; и *всемъ* вздохнѣтъ о *славѣ младости*—стихъ *вліяй*, не *Пушкинскій*(?); *воспламенится* выражаетъ мысль несравненно поэтичнѣе и полнѣе, чѣмъ только вздохъ о славѣ, да и

¹⁾ „Рѣчи“, тамъ же.

²⁾ Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 594.

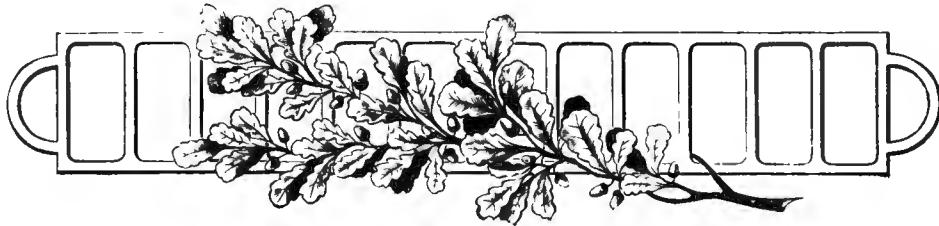
³⁾ „Русская Старина“ 1884, Апрѣль, 219—220.

самый вздохъ понятнѣе о прошломъ, чѣмъ о будущемъ. „Это сличеніе“, заключилъ Подолинскій „кажется, можетъ достаточно убѣдить, что стихи, приводимые мною, вѣриѣ—будто бы вѣриѣ окончательной редакціи, которую (о чёмъ забылъ Подолинскій) напечаталъ самъ Пушкинъ въ двухъ своихъ сборникахъ, и которую по всѣмъ соображеніямъ необходимо, какъ „самую настоящую“, предпочтеть всѣмъ другимъ *). Въ числѣ послѣднихъ автографъ Тургеневскаго архива занимаетъ одно изъ промежуточныхъ мѣстъ, а именно между редакціей „Благонамѣреннаго“ и той, которую сообщилъ Гречъ.

Н. Лернеръ.

*) См. наши примѣчанія къ этой пьесѣ въ Сочин. II—на, изд. Венгерова, I, 476.
19*

ПИСЬМО АННЫ ПЕТРОВНЫ ЗОНТАГЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ¹⁾.

Мишенское, 25-е Сентября 1853 года.

Ваше письмо, милостивый государь Петръ Ивановичъ, такъ смутило меня, что я долго не могла собраться съ мыслями и смотрѣла на себя какъ на изгнаницу изъ дорогого моего Мишенского. Конечно, мнѣ грустно, что оно не перейдетъ въ руки моей дочери²⁾, но продать его... мнѣ кажется это какимъ-то преступленіемъ. Не говорю о томъ, что это единственный уголъ, какой я имѣю; за деньги всегда найдешь себѣ уголъ, но никакой другой не можетъ быть мнѣ такъ милъ. Если бы я могла передать Мишенское самому Жуковскому, я отдала бы его не за деньги, а за кусокъ хлѣба, которымъ бы онъ обязался кормить меня по смерть мою. Жуковскому Мишенское было бы столь же священно какъ и мнѣ самой, но дѣти его не имѣютъ причины любить этотъ святой для нась уголокъ. Здѣсь скончаны предки мои, которыхъ я не знала, здѣсь скончаны: дѣдъ мой Аѳанасій Ивановичъ, бабка моя Марья Григорьевна Бунина (она была мнѣ вмѣсто матери); здѣсь скончаны отецъ мой, мать моя, тетка, сестра моя, которыхъ уже я знала—и мнѣ продавать кости ихъ!.. Сверхъ того въ Мишенскомъ каждое лицо мнѣ знакомо; почти каждого крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нѣтъ ни одного человѣка, которому бы я не дѣлала добра; всѣмъ имъ хорошо жить при мнѣ, слѣдственно

¹⁾ А. П. Зонтагъ, старшая дочь Варвары Аѳанасьевны (род. Буниной) и Петра Николаевича Юшковыхъ, овдовѣвъ послѣ Егора Ивановича Зонтага, проживала въ своемъ наследственномъ имѣніи, которое было родиной Жуковскаго. Лѣтомъ 1853 года сѣѣздила я въ это село Мишенское подъ Бѣлевымъ, чтобы взглянуть на воспѣтое Жуковскимъ мѣсто его рожденія и первыхъ лѣтъ жизни. О красотѣ Мишенского написать я въ Петербургъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, и та возымѣла мысль, чтобы Наслѣдникъ-Цесаревичъ приобрѣтъ это имѣніе и подарилъ его дѣтямъ своего наставника, которымъ тогда привезены были своею матерью въ Москву. Объ этой мысли я написать владѣтельницѣ Мишенского, и А. П. Зонтагъ, на него отвѣтала помѣщаемымъ здѣсь письмомъ. П. Б.

²⁾ Марыи Егоровны Гутмансталъ, которая жила со своимъ супругомъ (Австрійскимъ подданнымъ) и сыновьями за границею. П. Б.

всѣ они меня (за исключеніемъ, можетъ статься, двухъ-трехъ всего домовъ) любить, и я стану продавать эти христіанскія души, которыхъ называютъ меня матерью! При самомъ Жуковскомъ крестьянамъ Мишенскимъ было бы еще лучше нежели при мнѣ; не такъ будеть при дѣтяхъ его. Пока они въ малолѣтствѣ, имъніе ихъ достанется въ управлениѣ Лифляндскимъ дворянамъ или Лифляндскимъ управителямъ, которые крестьянъ вообще, а особливо Русскихъ крестьянъ, считаютъ рабочими скотами, сътворенными Господомъ Богомъ только для того, чтобы доставлять помѣщику доходъ. Несчастье бѣдныхъ моихъ крестьянъ и въ могилѣ не дастъ мнѣ покоя. Продать деревню противно моей совѣсти, а особливо продать Мишенское. Мнѣ скажутъ, что я уже продала маленькую Козельскую деревню генералу Скобелеву. Это правда. Я также продала семью дворовыхъ людей; но тогда имъніемъ моимъ распоряжался мужъ мой, который лучше меня зналъ что дѣлать.

Конечно, казна не дастъ и половины того чего стоить мое имъніе, послѣ моей смерти, и дочери моей достанется послѣ меня меньшѣ, чѣмъ теперь, если бы я согласилась на предлагаемую продажу. Но дочь моя сама выбрала судьбу свою; я сказала ей все что она теряетъ. По крайней мѣрѣ я умру спокойно, думая, что крестьяне мои перейдутъ въ руки царскія, отъ которыхъ предки мои получили отчину въ награду за вѣрность ихъ отечеству. Дочь моя не сохранить этой вѣрности и потерпить ущербъ въ своихъ выгодахъ; это справедливо. Крестьяне же вообще довольно счастливы въ казенномъ управлениѣ, хотя со времени Киселевского министерства имъ хуже прежняго. Для Пашеньки¹⁾ Жуковскаго Мишенское не будетъ имѣть той цѣны, которую оно имѣло для отца его. Слѣдственно это имъніе, или какое другое, для него все равно. И можетъ статься, имъніе въ Остзейскихъ губерніяхъ было бы для него пріятнѣе. Его пріучаютъ быть Нѣмцемъ, и я боюсь, что онъ навсегда останется Нѣмцемъ²⁾.

Вотъ отчасти тѣ мысли, которыхъ мнѣ внушило ваше письмо.

Я хотѣла пріѣхать въ Москву въ Августѣ, но у насъ по нынѣшній день безпрестанно шли проливные дожди, и дороги такъ дурны, что даже отъ меня до Бѣлева³⁾ нѣтъ никакого проѣзда; сверхъ того на эту ненастную погоду я простудилась и все была больна; теперь мнѣ

¹⁾ Т. е. для Павла Васильевича Жуковскаго. П. Б.

²⁾ Опасеніе ни малѣйше неоправдавшееся. П. Б.

³⁾ Всего четыре-пять верстъ. П. Б.

лучше, но все еще я не оправилась, почему и отложила свой пріѣздъ въ Москву до первого пути.

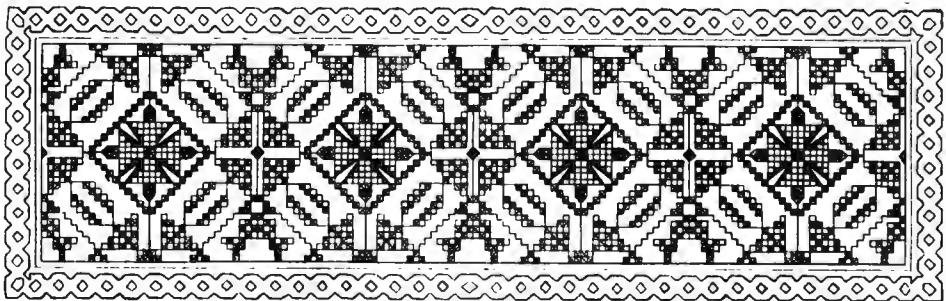
Мнѣ жаль, что вы поспѣшили сообщить Антонинѣ Дмитріевнѣ слово сказанное вскользь. Продать Мишенское я считаю преступленіемъ. Я не продала бы его, если бы мнѣ предлагали миллионы; а если бы я была такъ безсовѣстна, чтобы согласилась на эту продажу, то огромной цѣны, какъ вы пишете, я не стала бы требовать: ибо имѣніе это хотя имѣть многія выгоды по сосѣдству своему къ городу и судоходной рѣкѣ, но очень мало земельно. Резоны мои покажутся, можетъ статья, смѣшными, но я ихъ глубоко чувствую и люблю Мишенское какъ старинного друга. Жуковскій понялъ бы меня. Какая судьба ожидаетъ эту деревню послѣ моей смерти *), это во власти Божіей, а мое желаніе положить мои кости возлѣ праха моихъ родителей. Пока Мишенская церковь стоять будетъ, въ ней будутъ молиться за создателей и благотворителей храма сего. Слѣдовательно будутъ молиться о моей бѣдной душѣ. Можетъ статья, молитва какого нибудь доброго человѣка будетъ услышана. Если же я продамъ, то боюсь нажить себѣ проклятіе. И изъ чего?... Изъ того, чтобы доставить дѣтямъ моимъ немного больше денегъ!

Прощайте, Петръ Ивановичъ. Будьте здоровы. Благодарю васъ однако: вы хотѣли сдѣлать мнѣ добро, но не знали хорошенъко моихъ мыслей.

Увѣряю васъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Ваша покорная Анна Зонтагъ.

КЪ ДѢЛУ О ЦАРЕВИЧѢ АЛЕКСѢ ПЕТРОВИЧѢ¹⁾.

Въ концѣ Іюня 1718 года, по указу Царя Петра Алексѣевича, повелѣно было взять въ С.-Петербургъ „для допросу“ Кіевскаго митрополита Іоасафа Краковскаго²⁾, по розыскнмъ дѣламъ.

За митрополитомъ поручено было съѣздить гвардіи капитану Богдану Скорнякову-Писареву. Онъ немедленно отправился въ Кіевъ, взялъ престарѣлаго владыку и также спѣшилъ направилъ обратно въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ была взята Скорняковымъ-Писаревымъ найденная при немъ довольно обширная личная переписка, при чмъ письма при выемкѣ не разбирались, а брались всѣ подрядъ. Пересмотръ и разборъ ихъ предполагалось сдѣлать въ Петербургѣ.

Но до Петербурга престарѣлому митрополиту не суждено было доѣхать: 1-го Іюля въ Твери онъ умеръ. По докладу о томъ Скорня-

¹⁾ Предлагаемая статья взята изъ приготовляемаго изданія подъ заглавіемъ: „Очерки по истории Русской церкви и просвѣщенія въ первой четверти XVIII-го вѣка“. Она написана по дѣламъ Коллегіи Экономіи и Монастырскаго Приказа, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиції.

²⁾ Поводомъ ко взятию Кіевскаго митрополита въ С.-Петербургъ для допроса по розыскнмъ дѣламъ, вѣроятно, послужило слѣдующее обстоятельство. 25 Іюня 1718 года, на пыткѣ, царевичъ Алексѣй сказалъ, что онъ писалъ письма къ Кіевскому митрополиту, предлагая ему припять мѣры къ возмущенію мѣстнаго населенія, чтобы путемъ народнаго восстанія проложить себѣ дорогу къ Россійскому престолу. Конечно, такое показаніе Царевича и заставило слѣдственную власть немедленно привлечь къ допросу такую важную особу.

кова-Писарева, Царское Величество указалъ совершить погребеніе умершаго владыки въ Твери „какъ обыкновенно“. Погребеніе, по чину архіерейскому, было совершено 24 Августа, въ соборной церкви города Твери, преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Тверскимъ, „со архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“.

Неожиданная кончина митрополита Іоасафа вызвала вопросъ, какъ поступить съ оставшимися послѣ него „пожитками“, а также и съ отобранными у него письмами. По приказанію Царя, „пожитки“ умершаго владыки должны были пойти „въ расходъ на погребеніе тѣла его“, а „бывшихъ при немъ служителей“ повелѣвалось отпустить назадъ въ Кіевъ. Чѣдъ касается писемъ, то, съ цѣлью розыска, къ разбору ихъ приступили тотчасъ по смерти митрополита, не дожидаясь его погребенія. Разборка личной переписки умершаго естественно наводила иногда слѣдственную власть на такія явленія, которыхъ не имѣли прямого отношенія къ дѣлу, но которыхъ не могли не обращать на себя вниманія лицъ, руководившихъ розыскомъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдственная власть возбуждала особыя дѣла, вчиняла новыя разслѣдованія.

Междудругимъ, въ числѣ писемъ оказалась одна „цыдуля“ къ усопшему владыкѣ отъ іеромонаха Гедеона Вишневскаго, бывшаго въ то время учителемъ Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ. Эта цыдуля показалась предосудительной и „неприличною“ для лица въ положеніи, какое занималъ Гедеонъ Вишневскій. Поэтому слѣдственная власть сочла своимъ долгомъ попутно начать дѣло о цыдулѣ іеромонаха Гедеона къ митрополиту Іоасафу.

19 Іюля Петръ Толстой, руководившій розыскомъ по дѣлу царевича Алексія, писалъ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, находившемуся во главѣ Монастырскаго Приказа:

„Мой государь, графъ Иванъ Алексѣевичъ.

По разбору, въ письмахъ Кіевскаго архіерея явились при письмѣ іеромонаха Гедеона Вишневскаго, который нынѣ въ Москвѣ, къ нему архіерею цыдуля о вѣдомостяхъ, гдѣ Его Царское Величество обрѣтается, и обѣ отъѣздѣ изъ Россіи царевича Алексія Петровича и о другихъ дѣлѣхъ, съ которой (цыдули) при семъ для лучшаго вамъ извѣстія копія прилагается, что имъ весьма неприлично и не надлежитъ о такихъ дѣлѣхъ писать. Того для изволите приказать того іеромонаха въ Москвѣ сыскать и обѣ ономъ ему и другимъ учителемъ

сказать, чтобы они впредь ни къ кому межъ себя о такихъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ не писали, за что могутъ истязаны быть жестоко.

Слуга вашъ *Петръ Толстой*.

Іюль, 19 день, 1718. Въ Санктъ-Петербургѣ.

Въ приложенной при письмѣ копіи написано было слѣдующее:

„При настоящемъ письмѣ въ цыдуль къ архіерею Киевскому монахъ Гедеонъ Вишневскій отъ 4 Апрѣля 1717 года изъ Москвы по-латинѣ пишеть:

Вѣдомости.

P.S. „Его Царское Высочество, купно съ Государынею Царицею, по сіе время умѣдлеваютъ въ Амстердамѣ, и не надѣются Ихъ Величествъ въ Санктъ-Петербургъ сего лѣта.

Его Величество Алексѣй Петровичъ, отпустивъ весь дворъ свой къ Москвѣ, поѣхалъ съ государства. Сказываютъ, что былъ въ Вѣнѣ и въ Римѣ. А куда заподлинно поворотилъ, или гдѣ обрѣтается, по сіе время неизвѣстно.

Войска Россійскія отсюду собираются къ границамъ своимъ, для того, что зимовая ихъ станція вельми досадна была въ Помераніи и Мекленбургіи.

Пристань Ревельскую, великимъ коштомъ Царскимъ сдѣланную, волненіе морское мало не всю разбило, при которой шесть кораблей оторвало.

Преосвященный Рязанскій по сіе время обрѣтается въ Москвѣ, который чрезъ два мѣсяца уже зѣло боленъ есть.

Пречестному отцу Прокоповичу назначено въ Псковскую епископію, хотя въ живыхъ еще и первый старый архіерей, который изъ Пскова въ село недалече, хотя и отѣхалъ, однакожъ отъ епископіи отлучиться весьма не хочетъ, хотя и повторный уже указъ есть Царскаго Величества, что быть ему на митрополіи Сибирской“.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ приведенной „цидульѣ“ пѣть ничего особенного и ничего такого, чтѣ могло бы быть „неприличнымъ“ для лицъ духовнаго званія. Въ „цидульѣ“ сообщаются достовѣрныя свѣдѣнія и приводятся слухи, дѣйствительно ходившіе въ

то время въ обществѣ. Здѣсь нѣтъ ни лжи, ни сознательнаго обмана, ни обнаруженія государственныхъ тайнъ. Повидимому, не было никакихъ основаній считать эту „цыдулю“ предосудительною. Но если принять во вниманіе тогдашнее *настроеніе* Петровскаго правительства, если припомнить всю остроту непріязни между Петромъ и духовенствомъ, которая особенно была замѣтна въ это именно время, то для насъ станетъ понятнымъ подозрительное отношеніе слѣдственной власти къ „цидулѣ“ іеромонаха Гедеона Вишневскаго.

26 Июня, послѣ учиненнаго въ присутствіи Царя застѣнка, въ Трубецкомъ раскатъ Петропавловской крѣпости въ гарнизонѣ, скончался царевичъ Алексѣй Петровичъ*). Многолѣтняя драма завершилась ужаснымъ финаломъ. Впечатлѣніе розыска еще было очень свѣжо. Загадочная смерть Царевича не могла успокоить какъ правительственныйную власть, такъ и общественное сознаніе. При такомъ настроеніи правительственныйной власти всякое ея подозрѣніе даже къ призраку, къ отдаленному намеку было вполнѣ естественно.

Розыскъ, приведшій къ смерти царевича Алексѣя, ясно обнаружилъ значеніе духовенства въ его дѣлѣ. Не даромъ Петръ, когда все уже было выяснено, говорилъ Толстому: „Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Духовенство своимъ сочувствіемъ къ Царевичу питало въ немъ то, что было такъ ненавистно для Петра. И никогда еще, ни прежде, ни послѣ, Петръ не чувствовалъ такой вражды къ духовенству, какъ именно теперь, у свѣжей еще могилы своего несчастнаго сына. Это настроеніе Царя, конечно, передается и его правительству. Правительство и духовенство въ это время стояли другъ передъ другомъ, какъ два непримиримѣйшихъ врага. Духовенство во всемъ видѣло только дурное, старалось сгустить краски, насколько это было возможно. Конечно, это дѣжалось не открыто, не смѣльмъ и гордымъ выступленіемъ. Вражда таилась въ складкахъ монашескихъ рясъ и клобуковъ, видимость которыхъ не внушала собственно никакихъ опасеній. Для правительства борьба съ такимъ настроениемъ была особенно тяжела, такъ какъ никогда не давала увѣренности въ его окончательномъ искорененіи.

*). Лишь очень недавно въ колоколыѣ Петропавловской крѣпости найденъ гробъ царевича Алексѣя Петровича. Его дѣло въ теченіи цѣлаго слишкомъ столѣтія окружено было тайною. Оно хранилось въ архивѣ 1-го баталіона Преображенского полка, и его открыть князь С. М. Воронцовъ, когда командовалъ этимъ баталіономъ. И. Б.

„Цыдуля“ Гедеона Вишневского, повидимому, была безхитростнымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ событій; но присмотритесь къ ней внимательнѣе, задавъ себѣ вопросъ о томъ, почему только обѣ этихъ событіяхъ находить нужнымъ сообщить іеромонаху Гедеону, несомнѣнно опуская рядъ другихъ явленій, не менѣе обращавшихъ на себя вниманіе сторонняго наблюдателя,— и для васъ станетъ ясно то скрытое настроеніе, которымъ проникнута „цидуля“. Все нехорошо по мысли писавшаго ее: вездѣ плохо, куда ни посмотрѣть. Царя нѣтъ въ Россіи, по сіе время умѣдливается въ Амстердамѣ. Царевичъ Алексій скрылся, бѣжавъ изъ государства; многолѣтняя война со Швейціей затягивается все дальше, войска испытываютъ мученія отъ безпрестанныхъ передвиженій и ужасныхъ условій; Ревельскую пристань, стоившую великихъ трудовъ и денегъ, чуть не размыло морское волненіе, уничтожившее при этомъ шесть кораблей; Стефанъ Яворскій продолжаетъ быть не въ чести, онъ все еще проживаетъ въ Москвѣ, не принимая участія непосредственно въ дѣлахъ управления Русскою церковью; Феофана же Прокоповича назначаютъ на Псковскую епископскую каѳедру, не стѣсняясь тѣмъ, что тамъ есть епископъ, котораго стараются ради Феофана убрать въ Сибирь. Писавшій „цидулю“ отъ себя ничего не говоритъ, но его мысль ясна и проникнута горькой ироніей къ тому, что совершаются кругомъ. Его „цидуля“ и безъ поясненій должна вызывать грустныя думы въ читателѣ и будить въ немъ недобрыя въ отношеніи правительственной власти чувства. А это, конечно, предсудительно. Но это еще не все. „Цыдуля“ была обращена къ Кіевскому митрополиту, къ которому, Царевичъ писалъ письма, какъ обнаружилъ на пыткѣ 25 Іюня, чтобы тамъ въ Кіевѣ привести къ возмущенію народъ съ цѣлью такимъ путемъ завладѣть престоломъ. „Цыдуля“ къ такому человѣку и такого именно положенія несомнѣнно заключала въ себѣ нечто больше, нежели то, что говорило о ней первое впечатлѣніе. Оставить ее безъ всякаго вниманія для слѣдственной власти не представлялось возможности. Наконецъ, развѣ дѣло монашеское сообщать и заниматься тѣмъ, чтѣ служить содержаніемъ „цидули“? Тутъ политика, а не аскетика. Монаху не слѣдѣ заниматься политикою; ему нужно заботиться о душевномъ спасеніи, а не о мірскихъ дѣлахъ.

Получивъ отъ Петра Андреевича Толстого приведенное выше письмо, графъ Мусинъ-Пушкинъ безъ замедленія старается исполнить заключавшееся въ немъ предписаніе. 25 Іюля онъ подписываетъ приказъ слѣдующаго содержанія:

„1718 года, Іюля въ 25 день, по указу Великаго Государя, тайный совѣтникъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ приказалъ

въ Москвѣ Феодору Поликарпову, Спасскаго монастыря, чтѣ за иконнымъ рядомъ, архимандриту Феофилакту Лопатинскому, Славенолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишневскому и другимъ тѣхъ школъ учителемъ сказать Его Великаго Государя указъ съ запискою и съ приложеніемъ рукъ, дабы они впередъ ни къ кому о таковыхъ вѣдомостяхъ, которыя объявлены въ присланной копіи и о иныхъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ отнюдь не писали. А ежели отъ нихъ отъ кого явится впередъ о такихъ дѣлѣхъ или къ тому приличныхъ какія къ кому письма, и за то они истязаны будутъ жестоко. И вышеписанную съ приложеніемъ рукъ записку прислать въ Канцелярію Сената съ доношеніемъ. И о томъ ко оному Поликарпову послать Его Великаго Государя указъ и съ выписанной вѣдомости копію".

Означенный указъ быль изготовленъ въ тотъ же день, 25 Іюля. При указѣ приложена и копія съ „цидули“. Но въ Москвѣ указъ быль полученъ лишь 8 Августа.

Феодоръ Поликарповъ, получивъ указъ, немедленно приступилъ къ его исполненію. Первоначально, вѣроятно, онъ только устно сообщилъ содержаніе указа всѣмъ лицамъ, которыхъ онъ касался. А затѣмъ имъ было составленно подробное доношеніе въ Канцелярію Сената, гдѣ, изложивъ съ буквальною точностью указъ Великаго Государя и приведя при этомъ копію „цидули“, писалъ слѣдующее:

„И по тому Его Великаго Государя указу, Спасскаго монастыря, чтѣ за иконнымъ рядомъ, архимандриту Феофилакту Лопатинскому, Славенолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишневскому и другимъ тѣхъ школъ учителемъ Его Великаго Государя указъ съ запискою сказанъ и съ приложеніемъ рукъ ихъ подъ симъ вѣдѣніемъ изъ Приказу книгъ печатнаго дѣла для вѣдома въ Канцелярію Сената послано“. Доношеніе по листамъ скрѣплено подписью Феодора Поликарпова. Въ концѣ же его идутъ собственноручныя подписи лицъ, къ которымъ относился указъ. Указъ слушали и руку приложили:

Архимандритъ Феофилактъ Лопатинскій.

Іеромонахъ Гедеонъ Вишневскій.

Іеромонахъ Иннокентій Колчицкій.

Гедеонъ Грембецкій.

Іеромонахъ Рафаилъ Зaborовскій.

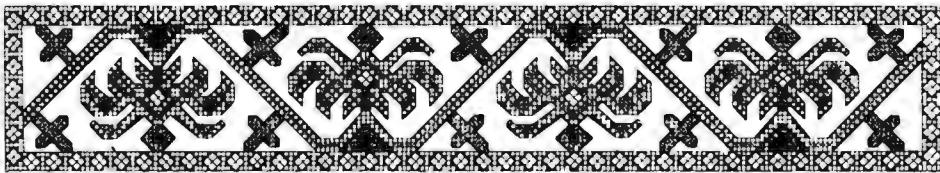
Іоасафъ Туркевичъ.

Григорій Мокрицкій.

Давидъ Скалуба.

Такъ окончилось дѣло о „цидулѣ“.

Н. Г. Высоцкій.

Списокъ ремесленниковъ города Дерпта, высланныхъ въ 1708 г.

Въ 1708 году послѣ взятія Дерпта, около половины всѣхъ ремесленниковъ этого города, по повелѣнію Петра Великаго, было сослано въ Вологду, Устюгъ, Воронежъ, Казань и Москву. Подробный списокъ этихъ лицъ, съ указаніемъ числа лицъ составлявшихъ семьи каждого изъ нихъ, сохранился въ книгахъ Дерптской св. Иоанна церкви.

Ссылка послѣдовала вслѣдствіе желанія императора пріобрѣсти опытныхъ иноземныхъ мастеровъ. Большинство изъ сосланныхъ затѣмъ получило разрѣшеніе вернуться на родину.

Schneidermeister Johann Weilep
Schneidermeister Joachim Bestorff
Schneidermeister Michael Ruuth
Schneidermeister Peter Brass
Kleinschmied Hans Kissenbrükker
Aeltermann Waffenschmied Johann Gross

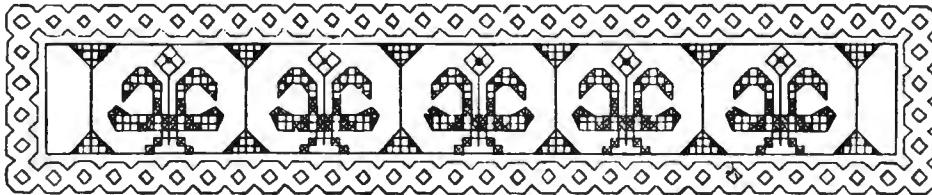
Wittwe Anna Margarete Gärtner und Tochter wurden umgetatt
(т. е. были перекрещены)

Frau Anna Magdalene Kloot und Sohn Johann Köelert
Goldarbeiter Lucas Möller
Maurer Zaiharias Felschau
Десять человѣкъ сапожниковъ и башмашниковъ.

Schusterswittwe Dorothea Brunss, die hernacher Невамме bei
I. M. Gemahlin Catharina worden (вдова сапожника Доротея Брунсь,
которая потомъ была повивальною бабушкою при Ея Величествѣ
супругѣ, Екатеринѣ).

Сообщилъ Н. Г. Иvasиъ.

М. И. СУРМИНА¹).

По члобитю моему нижеименованной, минувшаго 1733 году Октября 23 дня, данъ мнѣ нижайшей Вашего Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода указъ, въ которомъ изображенъ, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ, повелѣно мнѣ нижайшей отъ бывшаго мужа моего лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Юрія Долгорукова быть свободною и за младостію мою повелѣно посягнуть во второбрачіе.

А о взятыхъ имъ, Долгоруковымъ, у меня нижайшей и у матери моей пожиткахъ всякихъ, и о посудѣ серебряной два пуда, и о деньгахъ 14 тысячахъ, и объ лошадяхъ, и о сбруѣ конской, всего двадцати девяти тысячахъ пятистахъ рубляхъ, указу объ отдачѣ никакого не учинено.

А послѣ онаго Долгорукова имѣются въ разныхъ городѣхъ вотчины и дворъ Московскій каменный. По высылкѣ его Долгорукова за явившіяся его государственныя преступленія онъя вотчины отписаны на Ваше Императорское Величество всѣ, въ томъ числѣ и Сузdalская его вотчина, село Воскресенское съ селами и прочими деревнями, коя имѣлась у бывшаго отца моего Ивана Сурмина²) въ закладѣ, данною отъ него бывшаго Долгорукова отъ крѣпостныхъ дѣль крѣпостью въ четырехъ тысячахъ рубляхъ, отписана жъ на Ваше Императорское Величество, о чмъ значится въ Московской крѣпостной конторѣ въ записныхъ книгахъ.

Подлинную крѣпость онъ Долгоруковъ по пріѣздѣ своемъ въ Кострому ко мнѣ нижайшей силою своею, до женитьбы его, взялъ у меня и у матери моей; да и прочія крѣпости многія онъ же, Долгоруковъ, тою же своею силою побралъ. И по онymъ крѣпостямъ сбиралъ его

¹) Она была въ послѣдствіи супругою Романа Илларіоновича Воронцова; умерла въ 1744 году; въ этомъ же году родился графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ. П. Б.

²) Онъ служилъ „конюшимъ Патріаршаго Приказа“. П. Б.

человѣкъ Григорій Ш. изъ долговъ съ Костромскихъ купецкихъ людей, по которымъ имъ Ш. собрано 15 тысячъ рублей, и таковы деньги онъ Ш. ему бывшему Долгорукову отдалъ. Да и вышеписанныя деньги 14 тысячъ изъ нашихъ помѣстій онъ же Ш. бралъ съ аудиторомъ Апушкинымъ.

И за оныя взятыя у меня нижайшей и у матери моей пожитки всякие, и за посуду серебрянную, и за деньги, и лошадей изъ движимыхъ и недвижимыхъ бывшаго Долгорукова имѣній ничего мнѣ нижайшей и матери моей не возвращено. А обѣ вышесказанномъ его бывшаго Долгорукова оборѣ насильномъ оть матери моей нижайшей записано въ Костромской духовной конторѣ явочное члобитье со всякимъ изыясненiemъ, о чмъ въ томъ члобитьѣ подлиннѣе значится. А нынѣ я нижайшая по оборѣ его бывшаго Долгорукова и съ матерью едва себѣ имѣемъ дневную пищу съ великою нуждою. О чмъ обѣ ономъ оборѣ оный бывшіи Долгоруковъ, при высылкѣ въ ссылку въ 1731 году Декабря, узнавъ свою винность, объявилъ господамъ офицерамъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитану поручику Феодору Ушакову, да лейбъ гвардіи жъ Семеновскаго полка поручику Андрею Сабурову, что онъ взялъ у насть нижайшихъ и возврату не училъ.

Да повелить Высокодержавство Ваше сie мое прошеніе въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ принять, и для своего Императорскаго Величества, и всей Вашего Величества порfirородной фамиліи здравія, и для поминовенія предковъ Вашего Императорскаго Величества блаженные памяти, вышеписанное насильно взятое наше бѣдныхъ сиротъ имѣніе вышеозначенными его бывшаго Долгорукова изъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній возвратить намъ нижайшимъ, дабы намъ бѣднымъ сиротамъ и никакой кромѣ Бога и Вашего Императорскаго Величества помощи не имѣющимъ, было изъ чего пропитаніе имѣть.

Вашего Императорскаго Величества нижайшая раба Мареа Иванова дочь Сурмина.

Въ 1734 году. Прошеніе писалъ ея жъ служитель Козьма, Кириловъ сынъ, Нагаевъ. Къ поданію надлежитъ въ Санктъ-Петербургъ, въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Полтинникъ (два черновыхъ экземпляра, одинъ нѣсколько сокращенный противъ другого) писанъ, можетъ быть, рукою Мареи Ивановны; почеркъ не разборчивъ въ обоихъ экземплярахъ. Сообщено Г. А. Александровымъ изъ архива, что въ Лефортовскомъ дворцѣ П. Б.

Александр Третій.

(Рѣчь Акима Михайловича Золотарева).

Вечеръ 27 Мая 1909 года. Обширный Дворянскій залъ наполненъ сверху до низу. Среди собравшихся, несолько министровъ, много известныхъ общественныхъ дѣятелей. На каѳедру входитъ генералъ небольшого роста, съ приятнымъ, серьезнымъ лицомъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь, и въ публикѣ замѣтно нѣкоторое недовольство: слабый голосъ и, вѣроятно, неизбѣжное волненіе оратора побудили кого-то крикнуть: „громче!“ „Прошу не шумѣть, и все услышите“, замѣтилъ генералъ. Акимъ Михайловичъ продолжаетъ свой докладъ, и все по-немногу смолкли и превратилось въ одно вниманіе. Съ каѳедры писется одно заявленіе опредѣлениѣ другого. Убѣжденный тонъ, искренность произносимаго и огненный патріотизмъ скоро проложили дорогу словамъ оратора вплоть до отдаленнѣйшихъ уголковъ зала. Раздается первый взрывъ одобренія. Заnimъ вскорѣ слѣдуетъ другой, третій... Энтузіазмъ растеть, и оратору устраиваютъ горячую овацию.

Чѣмъ Акимъ Михайловичъ поднялъ такъ общее настроеніе? Онъ нарисовалъ картину давней несправедливости въ отношеніяхъ, которыхъ у насъ проявлялись къ собственному крестьянину и пришельцу ино-родцу-колонисту. А главное—онъ съ рѣдкой убѣжденностью развивалъ положеніе, что Императоръ Александръ III первый национальный Русский монархъ, первый народный Русский Царь. Подобно Іоанну III, свергшему Татарское иго, Императоръ Александръ III свергъ иго Нѣметчины, иго западно-европейское. А. М. Золотаревъ особенно благоговѣлъ передъ Александромъ III. „Мы видѣли Русскія войска на берегахъ Дуная, Одера, Рейна и даже Сены, но никогда голосъ Русскаго Царя не слушался такъ предупредительно, какъ слушали слова Александра III, который не только ни разу не обнажалъ свой мечъ, но ниразу даже не пригрозилъ его обнаженіемъ...“

„Въ чемъ же сила Александра III? Чѣмъ могъ онъ въ какія-нибудь 13 лѣтъ достигнуть уваженія въ Европѣ, какимъ не пользовался до него ни одинъ монархъ Россіи?.. „Александръ III былъ первый национальный Русский Императоръ“, отвѣчалъ Золотаревъ. Онъ совмѣщалъ съ Русскимъ обликомъ чисто Русскія душу и сердце. Въ его работѣ лежала печать глубокаго знанія исторіи и характера Русскаго народа. При Императорѣ Александрѣ III по всей державѣ прозвучали слова: „Россія для Русскихъ“. Онъ безконечно дроргъ, онъ безгранично любъ Россіи и Русскимъ... Онъ пробудилъ Русскій патріотизмъ... Это онъ съ гордостью носилъ имя Русскаго... Глубоко религіозный, проникнутый идею чести, права и правды, онъ былъ идеаломъ гражданина, супруга и отца, идеаломъ высоко нравственного человѣка...“

„Льготы въ Россіи могутъ быть допускаемы лишь для Русскихъ“— говорилъ открыто и смѣло передъ тысячной аудиторіей А. М. Золотаревъ. Многіе ли въ наши дни имѣютъ мужество исповѣдывать подобные политическія мысли?“

Эта страница принадлежитъ г-ну М. Бородкину. (Извлекаемъ ее изъ „Нового Времени“ отъ 23 Мая 1912 года). П. Б.

ПРИВЪТЬ СТАРОЙ МОСКВЫ РУССКОМУ ЦАРЮ.

28 Мая 1912 года.

Я жду Тебя!.. Я встала до зари...*)
Желанный мой! Иди, побудь со мною,
Къ моимъ святынямъ припади душою:
Такъ дѣлали всѣ Русскіе Цари.

Я много видѣла, я испытала много
И много принесла изъ глубины вѣковъ;
Я принесла Тебѣ святую милость Бога,
Владычицы-Заступницы покровъ.

Передъ Тобой отверсты всѣ мои святыни.
Къ нимъ духомъ царственнымъ смиренно припади:
Какъ въ годы старые, онѣ спасутъ и нынѣ....
Иди ко мнѣ, желанный мой, иди!

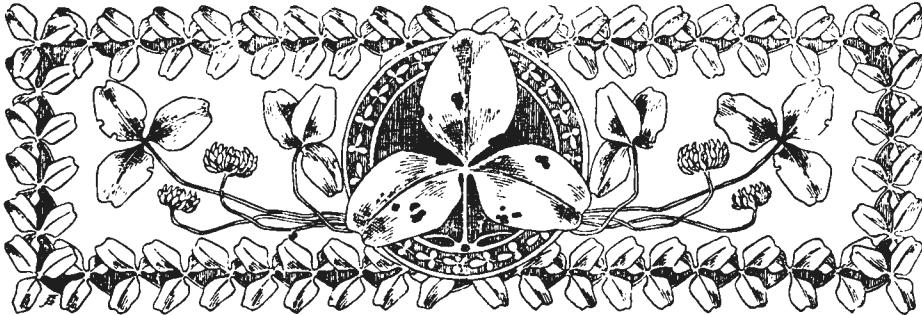
Анатолій Александровъ.

Москва давно и долго ждала Царскаго посѣщенія. Думали, что Государь и Его семейство сподобятся и теперь, какъ въ 1903 году, отговѣть у насъ въ Кремль; но этому не было суждено произойти. Назначенъ быль и день пріѣзда, какъ пришлось отложить его вслѣдствіе внезапной кончины Государева дяди, Датскаго короля.

Царское пребываніе въ Москвѣ, съ 28-го Мая по 1-е Июня 1912 года включительно есть событие вполнѣ историческое. П. Б.

*) Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 28 Мая 1912.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

I. Петра Александровича Плетнева.

16 Августа 1853. Санктпетербургъ.

Очень благодаренъ я доброй Аннѣ Петровнѣ¹⁾), что она передала вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ, вѣсточку о сердечномъ желаніи моемъ знать про ваше житье-бытье. А васъ отъ души благодарю, что вы не полѣнились исполнить мое желаніе. Все, чтѣ вы пишете о своихъ занятіяхъ, чрезвычайно для меня интересно, и я радуюсь, что любовь ваша къ отжившимъ друзьямъ моимъ²⁾ не остываетъ. Это даетъ мнѣ надежду, что въ вашемъ тепломъ сердцѣ и мнѣ уголокъ сохранится.

Напрасно поделикатничали вы, не сказавъ мнѣ откровенно, что родные Жуковскаго за многое сердятся на меня: во 1-хъ за біографическая ошибки въ статьѣ моей, во 2-хъ за помѣщеніе ея въ сборникѣ³⁾), а въ 3-хъ (и всего болѣе) за недоставленіе имъ особыхъ оттисковъ этой статьи. Но если бы имъ известны были подробности труда моего, они сознались бы, что я передъ ними нисколько не виноватъ. Статью писалъ я совершенно безъ всякихъ пособій, а только по памяти и по нѣкоторымъ литературнымъ соображеніямъ. И такъ мнѣ было простиительно ошибаться еще болѣе. Если же бы я не написалъ ничего, это и подавно свело бы въ забвеніе столь славную для насъ память. Те-

¹⁾ Зонтагъ, съ которою П. А. Плетнѣвъ находился тогда въ перепискѣ по поводу своей книжки о скончавшемся 12 Апрѣля 1852 года В. А. Жуковскому. П. Б.

²⁾ Т. е. къ Пушкину, Баратынскому и Жуковскому. П. Б.

³⁾ Илюшара. П. Б.

перъ же всѣ встрепенулись. Моя статья не помѣха блестящему перу ни Блудова, ни Вяземскаго. Плюшаръ соблазнилъ меня къ напечатанію въ книгѣ своей, предваривъ, что онъ украсить біографію картинками къ тексту, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ изъ нашихъ издателей. Особыхъ же отисковъ до сихъ поръ я и себѣ не могъ достать ни экземпляра, да кажется и не будетъ ихъ до Новаго года, какъ я думаю, отъ того, что издатель боится отъ появленія ихъ подрыва дорогой своей книгѣ. Но пусть другіе на меня сердятся и ни слова не говорять о томъ, о чёмъ я такъ желалъ бы откровенно потолковать съ друзьями покойнова. А вы, какъ любитель такой работы и мой искренній другъ, обязаны изложить мнѣ все, чтѣ думаете объ этомъ дѣлѣ. Вамъ на меня сердиться не за что. Продолжайте прекрасный трудъ свой и все, чтѣ приготовите къ печати, отдайте въ „Москвитянинъ“. только съ условіемъ, чтобы непремѣнно заплатили они вамъ столько, по скольку платятъ Петербургскіе журналисты. Безъ этого войдите въ переговоры сначала съ Панаевымъ; а ежели и тутъ не добьетесь толку, то разрѣшаю вамъ обратиться даже къ Жиду-Краевскому, какъ это ни гадко для чистыхъ рукъ *).

Намѣреніе ваше выдержать экзаменъ на магистра я вполнѣ одобряю: это поможетъ вамъ двинуться въ полученіи мѣста и чина.

Повидайтесь съ С. А. Соболевскимъ; онъ живеть на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Мальцова. Узнайте отъ него и увѣдомите меня, когда навѣрное онъ возвратится въ Петербургъ. Тоже побывайте и у Шевырева: онъ совсѣмъ забросилъ меня. Ужели и онъ раздѣляеть съ другими смѣшное на меня негодованіе? Поклонитесь доброму Бергу. Засвидѣтельствуйте особенное почтеніе А. П. Елагиной и Е. А. Жуковской.

Мои всѣ вамъ кланяются. П. Плетневъ.

15 Сентября 1853. Спб.

На два письма ваши (1 и 8 Сент.), любезный другъ Петръ Ивановичъ, отвѣчаю разомъ. Не можете ли вы мнѣ дать знать, гдѣ въ Спб. будетъ квартировать Вигель? Я тоже иногда люблю поговорить съ нимъ. Еще одолжили бы вы меня, если бы, кончивъ и переписавъ свою статью о матери и первомъ дѣтствѣ Жуковскаго, переслали ее ко мнѣ для прочтенія. Что касается до готоваго у васъ указателя къ статьямъ Жуковскаго, когда и гдѣ они были напечатаны, смѣло пересылайте его ко мнѣ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Я увѣренъ, что и вознагражденіе вамъ послѣдуетъ

*) Я не обращался никуда. П. Б.

наравнѣ съ другими. О томъ, что Жуковскій видѣлъ Екатерину съ хорь въ авансъ-залѣ Зимняго дворца¹⁾ на какомъ-то выходѣ Императрицы, я слышалъ объ этомъ изъ собственныхъ устъ поэта. Мнеъ только не пришло тогда въ голову спросить, за какимъ дѣломъ привезли его въ Спб. Послѣ же, когда узналъ я, что Посниковъ увозилъ Жуковскаго изъ Тулы въ Нейшлотъ, я и догадался, что это былъ тотъ самый случай, на которомъ маленький юнкеръ явился въ Петербургъ и въ толпѣ посмотрѣлъ на Государыню. Другого случая не было въ тогдашнемъ periodѣ жизни его.

Увѣдомьте Елизавету Алексѣевну²⁾, что г. Родионовъ не сообщалъ мнѣ никакого извѣстія на счетъ постановки Цесаревичемъ на могилѣ В. А. Жуковскаго памятника собственнымъ Его Высочества иждивенiemъ. Теперь Государя Наслѣдника въ Спб. нѣть, а возвратится онъ конечно скоро, но будетъ озабоченъ близкимъ разрѣшенiemъ отъ бремени Великой Княгини супруги его. За мѣсяцъ передъ симъ ко мнѣ писалъ г. Олсуфьевъ, гофмаршалъ двора Наслѣдника, что Великій Князь соорудить памятникъ Жуковскому и намѣренъ на немъ приказать изсѣчь всю послѣднюю пьесу Жуковскаго „Царскосельскій Лебедь“, для чего и присыпалъ г. Олсуфьевъ рукопись ея, чтобы я просмотрѣлъ, нѣть ли въ ней описокъ³⁾). Но изъ этого я не смѣю заключить, чтобы этотъ памятникъ приготовляемъ былъ для могилы; а я полагаю, что онъ будетъ поставленъ въ Царскомъ Селѣ, на такъ называемомъ „Дѣтскомъ Острову“, о чёмъ говорила мнѣ вскорѣ послѣ кончины поэта В. К. Марія Николаевна и о чёмъ тогда же подробно писалъ я во Франк-фуртъ къ Елизавете Алексѣевнѣ. Мнеъ кажется, всего удобнѣе ей и вѣрнѣе обо всемъ спросить у г. Родионова, такъ какъ онъ при дворѣ служить и всегда состоялъ комиссіонеромъ по дѣламъ Жуковскаго.

Достойнаго наставника для дѣтей поэта конечно нигдѣ нельзя лучше обрѣсти, какъ въ Москвѣ. Вы можете содѣствовать къ тому, навѣдываясь и у профессоровъ, и у бывшихъ товарищѣвъ вашихъ. Мнѣ очень жаль, что Шевыревъ затрудненъ въ отвѣтахъ на письма, чего я, признаться, никогда не испыталъ и не очень понимаю. Простиительно такъ отговариваться лѣнтию-Соболевскому или человѣку не желающему переписываться; а нашему брату, у котораго перо изъ

¹⁾ Не Зимняго, а Таврическаго дворца, на Потемкинскомъ празднике 1791 г. П. Б.

²⁾ Вдову Жуковскаго. П. Б.

³⁾ Это желаніе Александра Николаевича не было приведено въ исполненіе. Устройствомъ надгробія надъ привезеннымъ изъ Баденъ-Бадена прахомъ Жуковскаго завѣдывала Сербиновичъ, по мысли графа Блудова. Вышло нѣчто несуразное, подражаніе гробницѣ Ярослава (что въ Киевскомъ Софійскомъ Соборѣ). П. Б.

рукъ не выходить, писать такъ же естественно и легко какъ дышать. Чѣд тутъ за выборъ свободнаго времени?

Вы хорошо сдѣлали, что послали свою статью¹⁾ Краевскому; онъ конечно презрѣннѣйшее существо изъ всѣхъ журналистовъ, но и богатѣйшее за то; а намъ работникамъ нѣтъ надобности разбирать, изъ какихъ рукъ выходятъ деньги: правило, котораго держался еще императоръ Вѣспасіанъ, приговаривая: „запахъ прибыли всегда пріятенъ, даже и отъ урины“. П. Плетнѣвъ.

2 Декабря 1853, Спб.

Хоть я терпѣть не могу долговъ, а вотъ обстоятельства заставили меня задолжать вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ: я не отвѣчалъ вамъ на два письма ваши отъ 24 Сентября и 14 Ноября. Причиною тяжелая для меня всякой годъ эпоха отъ Октября до Января. Тутъ я занятъ собираниемъ матеріаловъ и составленіемъ годичныхъ отчетовъ по Академіи Наукъ или по Университету.

Все чѣд вы рассказываете мнѣ про ученіе дѣтей Жуковскаго меня интересуетъ въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что сама Елизавета Алексѣевна писала ко мнѣ только разъ, да и тамъ не упомянула объ этомъ предметѣ²⁾). Помоги Господь Москвѣ сдѣлать всѣхъ ихъ такими Русскими, какъ былъ самъ поэтъ. „Отеч. Записки“, видно, намѣрены отвадить вѣсть отъ печати. Но вы не приходите въ отчаяніе: то ли еще бываетъ, когда свяжешься съ такими особами, какъ пресловутая Краевщина? Вотъ я статью вашу о Жуковскомъ, которую прислали вы мнѣ въ рукописи, перечитывалъ и перечитываю съ наслажденіемъ. Только совсѣмъ вамъ изъ подлинныхъ записочекъ, теперь приставленныхъ въ видѣ приложенийъ, побольше выбрать, нисколько не отдаляясь отъ ихъ редакціи. Это придастъ болѣе не только полноты, но и точности въ сообщаемыхъ вами свѣдѣніяхъ.

Вы мнѣ позволите нѣсколько времени подержать у себя вашу статью. Нѣтъ надобности печатать ее теперь отдельно. Она будетъ въ высшей степени интересна, какъ часть полной біографіи поэта, но утратить лучшую часть прелести своей, если напечатать ее отдельно. Между тѣмъ въ свободные часы отъ вашихъ приготовленій къ магистерству продолжайте составленіе этой біографіи и чѣд у васъ бу-

¹⁾ „Родъ и дѣтство Пушкина“. Радуемся, что нынѣ, благодаря всестороннимъ разысканіямъ о Пушкинѣ, статья эта уже не имѣтъ вовсе значенія. О статьѣ моей узналъ Т. Н. Грановскій и послалъ ее въ „Отечественные Записки“. Совершенно для меня неожиданно, онъ потомъ отдалъ мнѣ отъ Краевскаго 45 рублей. П. Б.

²⁾ Учителемъ дѣтей Жуковскаго былъ приглашенъ сынъ Лютеранскаго пастора К. К. Зедергольмъ, впослѣдствіи обратившійся въ Православіе и въ Оптиної пустыни припавшій монашество. П. Б.

деть скопляться, то пересылайте по частямъ мнѣ. Теперь здѣсь Великая Княгиня Ольга Николаевна; можетъ быть, ей захочется прочитать о дѣтствѣ поэта; вотъ въ такомъ случаѣ мы съ вами и одолжимъ Ея Высочество.

Когда я увижусь въ Москвѣ, я вамъ этого не могу сказать на-вѣрное. Женѣ моей невозможно пуститься со мною въ путь, а оставить ее здѣсь одну съ дѣтьми жалко*).

14 Дек. 1853., Спб.

Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Сербиновичъ. Вы знаете, что этотъ че-ловѣкъ нѣкогда помогалъ Карамзину, составляя для него выписки изъ Польскихъ хроникъ. Послѣ онъ сохранилъ лучшія отношенія къ Пуш-кину и Жуковскому. Теперь онъ умѣлъ пріобрѣсти равносильное вліяніе на министра просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода. Все это я рассказываю вамъ, милый другъ мой Петръ Ивановичъ, для того, чтобы вы не удивились, зачѣмъ я навязываю на васъ хлопоты для этого человѣка. Сербиновичъ, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и украшенный множествомъ звѣздъ, остается въ нашемъ министерствѣ, чѣмъ бы вы думали? редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ему очень хочется въ 1-мъ его номерѣ 1854 года помѣстить какую-нибудь (а если коротенькая, то какая нибудь двѣ-три) изъ статей Жуковскаго въ прозѣ религіозно-нравственнаго содержанія. Хоть всѣ эти статьи хранятся у меня, но я безъ согласія Елизаветы Алексѣевны никакъ не рѣшусь на подобное дѣло. Ущербу для интересовъ семьи Жуковскаго я никакихъ тутъ не вижу. Не продавать же намъ ихъ по гравеннику за строчку? Но выгоды (какъ замѣтилъ и Сербиновичъ) отъ этого произойти могутъ: Журналъ М. Н. П. у себя все печатаетъ безъ всякой цензуры. Появленіе въ печати такихъ статей, которыя духовною цензурою нѣкогда были оставлены, а теперь самимъ правительствомъ допущены до общаго свѣдѣнія, можетъ снять нѣсколько опалы со всѣхъ рукописей поэта, лежащихъ безнадежно.

И такъ, сейчасъ же по прочтеніи моего письма, отправляйтесь къ А. П. Елагиной и разскажите ей, почему я рѣшился просить у Елизаветы Алексѣевны позволенія выдать Сербиновичу двѣ-три неболь-шія пьески въ прозѣ нравственно-религіознаго содержанія. Авдотья Петровна поможетъ намъ, сама ли она примѣтъ на себя изложить все это дѣло вдовѣ, или отправить къ ней васъ ходатаемъ. Во всякомъ случаѣ одно только помните, что вашъ рѣшительный отвѣтъ я дол-женъ получить не позже Субботы нынѣшней недѣли (19 Дек.) такъ

*) Плетневъ такъ и не былъ никогда въ Москвѣ. П. Б.

какъ сегодня Понедѣльникъ, журналъ же долженъ выдти около первыхъ чиселъ будущаго Января.

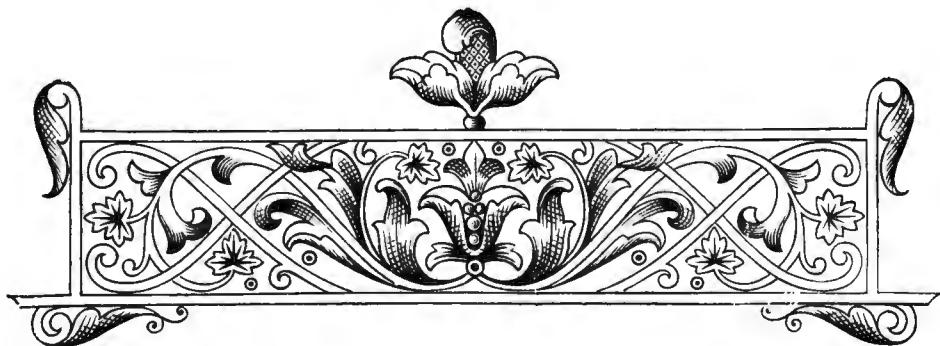
Вамъ хочется знать про статью вашу о Жуковскомъ, достойна ли она памяти его. Да какъ же и можетъ быть иначе? Вы не только собираете съ любовію все о немъ до малѣйшихъ подробностей, да и пишете даже съ видимою нѣжностію, съ благоговѣніемъ къ памяти его и къ его высокопоэтической жизни. И такъ естественно, что въ вашемъ изложеніи удерживается равновѣсіе между предметомъ и изложеніемъ, а въ литературѣ только это и составляетъ главнѣйшее достоинство произведенія.

По явившемуся у насъ номеру „Москвитянин“ я слишкомъ убѣдился, какъ его редакція прогнѣвала на васъ за то, что вы не приносите ей въ даръ статей своихъ. Вотъ такова-то у насъ литературная дружба! Но вы не обезкураживайтесь. Надобно сохранить въ жизни одно: внутреннее убѣжденіе, что дѣйствія мои не въ противорѣчіи съ честію и совѣстію. Все же прочее можетъ приходить и уходить по произволу.

Довѣренность Пушкина, которую онъ формально выдалъ мнѣ на всѣ сдѣлки съ альманашниками и прочими литературными факторами, собственноручно имъ написана и подписана 7-го Сентября 1828 года.

....На Руси ни о комъ писать нельзя, не упоминая о его производствѣ въ чины. Это неизбѣжная хронологія нашихъ успѣховъ въ жизни. Даже, говоря о Крыловѣ, я не смѣль и не могъ пропустить этого; а Крыловъ былъ только статскимъ совѣтникомъ. Знаютъ ли родные, что чинъ тайного совѣтника Жуковскій принужденъ былъ самъ просить себѣ? Это случилось передъ свадьбою Цесаревича, послѣ которой назначался обѣдъ во дворцѣ для чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Безъ чина тайного совѣтника Жуковскій не имѣлъ бы права явиться на обѣдъ, который устроенъ былъ въ честь его воспитанника. Вотъ что значитъ у насъ чиноположеніе! Я никогда не описывалъ поэта царедворцемъ; скорѣе онъ представленъ какъ бы членомъ Августѣйшей фамиліи, а это приносить равную честь той и другой сторонѣ.

II. Никиты Петровича Гилярова.

Никита Петровичъ Гиляровъ (1824—1887), когда я былъ съ нимъ въ перепискѣ, читалъ у Троицы въ Московской Духовной Академіи о ересяхъ и расколахъ. Съ цѣлью пріобрѣсти извѣстность, отдавалъ онъ почти явное предпочтеніе старообрядчеству передъ государственными церковными порядками, и митрополитъ Филаретъ долженъ былъ удалить его отъ должности. Никогда и ни отъ кого не слыхивалъ я столько дурнаго, какъ въ то время отъ Гилярова о митрополитѣ, который, узнавъ Гилярова ближе, сдѣлался ему благодѣтелемъ и выручалъ его изъ бѣдь. Гиляровъ былъ старше меня на пять лѣтъ, а ученостю и дарованіями превосходилъ и Каткова, и Аксакова; но къ нему можно отнести сказанное миѣ про графа Л. Н. Толстого однимъ изъ бывшихъ у него въ Ясной Полянѣ учителей сельской школы: очковая змѣя, овладѣть въ человѣкѣ всѣмъ что въ немъ есть, а потомъ кидаетъ его какъ совершенно ненужное.

Я тогда служилъ въ Московскому Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ обществѣ былъ своимъ у Хомякова, Аксаковыхъ, Кириевскихъ, Елагинихъ, Каткова, и—главное—находился въ перепискѣ съ графинею А. Д. Блудовой (два старшихъ племянника ея, Иванъ и Дмитрій Шевичи, незадолго передъ тѣмъ были моими учениками). Гилярову былъ я нуженъ какъ почтитель и ревностный способникъ. Когда Блудовы прѣѣхали на лѣто въ Нескучное, я ввелъ къ нимъ Гилярова.

*

С. Посадъ. 3 Дек. 1854.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Благодарю васъ за присланнія книги и за записку вашу. Обѣ ваши просьбы постараюсь исполнить. Относительно, собственно, свѣдѣній о жизни покойнаго Голубинскаго, думаю, что онъ вамъ надобны не сейчасъ, потому что некрологъ лицъ, скончавшихся въ нынѣшнемъ году, конечно, долженъ явиться или въ самомъ концѣ настоящаго или въ началѣ слѣдующаго года. Между тѣмъ къ тому времени я соберу

свѣдѣнія, какъ нужно, и прибавлю нѣкоторыя замѣчанія оть себя. Разумѣется, это должно быть въ полномъ секретѣ. Паукъ *) удержалъ у себя біографію покойнаго, писанную однимъ моимъ сослуживцемъ, и едва ли дастъ ей явиться на свѣтъ. Посему разумѣвайте и о прочемъ.

Есть у меня къ вамъ просьба; не знаю только, возможно ли для васъ ея исполненіе. и хватить ли въ васъ охоты ее исполнить. Дѣло вотъ въ чёмъ.

Въ Университетской бібліотекѣ, безъ всякаго сомнѣнія, есть Люитпрандъ, лѣтописецъ среднихъ вѣковъ. мнѣ до него есть нѣкоторая надобность, и полагаю, что вы можете его достать. Если это можно, и если у васъ будетъ охота услужить мнѣ, то предлагаю два средства. Во первыхъ или перешлите мнѣ его по почтѣ. Это для меня удобнѣе; въ такомъ случаѣ, я возвращу его вамъ черезъ недѣлю, не болѣе, или спишите для меня нѣкоторыя мѣста (это менѣе удобно для меня, потому что не могу на угадъ знать нужное для меня въ этой книгѣ).

Въ Люитпрандѣ нужны для меня слѣдующія мѣста.

1) libri, cap. 7. повѣствованіе о избраніи папы Формоса, полное мѣсто.

2) libri 1, cap. 8. Повѣствованіе о томъ, какъ Сергій папа отсѣкъ Формосу пальцы. Мѣсто нужно какъ можно больше въ полномъ видѣ. Оно начинается словами. *Formoso defuncto atque Arnulpho...* оканчивается: *a religiosissimis Romanae urbis viris audivi*. мнѣ нужно было бы это мѣсто выписать, взявъ еще повыше и продолживъ нѣсколько далѣе (чтобы увѣриться, что до моего дѣла ни предшествующее, ни послѣдующее не относится).

3) Мѣсто изъ предисловія, гдѣ говорить Люитпрандъ, что онъ былъ очевидецъ описываемыхъ событий. Не знаю, какъ велико предисловіе и потому указать самаго нужнаго не могу. Если оно не велико, то лучше мнѣ получить его вполнѣ.

Чувствую, что исполненіе просьбы моей затруднительно. Но можетъ быть, какънибудь она и удобоисполнима. Повторяю, гораздо бы лучше, если бы можно было переслать мнѣ самую книгу. Чрезвычайно жалѣю, на этотъ разъ, что незнакомъ коротко ни съ однимъ изъ Университетскихъ профессоровъ. Полагаю, что въ такомъ случаѣ путешествіе Люитпранда не составило бы ни малѣйшаго затрудненія. А мнѣ онъ крайне нуженъ. Въ концѣ Декабря должна быть непремѣнно напечатана въ нашемъ изданіи моя статья, въ которой отсутствіе указанныхъ мѣсть составить значительный ущербъ для основательного изложенія дѣла. Впрочемъ вполнѣ подлагаюсь на вашу дружбу

*) Т. е. Филаретъ.—Книга о Голубинскомъ, съ его портретомъ и съ его стихами, вышла въ 1855 г. П. Б.

и надѣюсь, что вы сдѣлаете все для вѣсъ возможное и притомъ примете во вниманіе нужду поспѣшности. Если переслать книгу нельзя, а выписки сдѣлать можно, и вы этимъ не затруднитесь: то, разумѣется, нужно указать годъ и мѣсто изданія книги, равно какъ и страницы, на которыхъ напечатаны нужные для меня мѣста.

О себѣ сказать вамъ ничего не могу. Чувствую себя до крайности гадко. Дѣла прощаю; условія дѣла офиціальный невыносимы. Кромѣ того, жду формального выговора, по поводу читанной мною студенческой диссертациі, хотя въ тоже время—о чудеса—никакъ не могу заранѣе опредѣлить, за что сдѣланы были замѣчанія, за пустоту ли диссертациі, или за умничанье. До такой степени неопредѣлимъ образъ мыслей тѣхъ кто дѣлалъ замѣчанія, что оба противоположныя замѣчанія равно вѣроятны. Извѣстія о Голубинскомъ пришло вскорѣ. Вашъ Гиляровъ.

Н.В. Въ концѣ письма я припѣсалъ вамъ просьбу о книгѣ, именно о присылкѣ ея. Теперь, сообразивши, я раздумалъ. Къ вамъ явится отъ меня уполномоченный Иванъ Андреевичъ Веніаминовъ, которому довѣрьте, о чемъ онъ вѣсъ отъ моего имени попросить. Вѣроятно, онъ придется къ вамъ въ самый день полученія письма.

С. Посадъ, 21 Дек. 1854.

Отрываю кусокъ своего, чрезвычайно скучнаго времени, чтобы писать къ вамъ, любезнейшій Петръ Ивановичъ, и благодарили васъ за присылку нужныхъ мнѣ выписокъ. Съ своей стороны, и я посылаю вамъ вѣсъма сокращенная свѣдѣнія о Голубинскомъ. Боюсь, не опоздаю ли я; потому что вы просили прислать къ 15 Декабря. Да къ тому же смущаетъ меня одно обстоятельство: на дняхъ поѣдегъ въ Москву, съ просьбой о помѣщеніи въ „Московскія Вѣдомости“, сданная, наконецъ моему сослуживцу біографія Голубинского, состоящая, какъ и слѣдуетъ, изъ общихъ риторическихъ фразъ. Во всякомъ случаѣ дѣлайте какъ знаете. Ранѣе не могъ я послать къ вамъ ничего по простой причинѣ, что не вызналъ года рожденія покойнаго. Теперь, вотъ вамъ, во первыхъ выписки изъ послѣдняго списка покойнаго и изъ оставшагося послѣ него календаря.

Федоръ Александровичъ Голубинскій родился 1797 года, 22 Декабря. Отецъ его Александръ Андреевичъ посвященъ въ стихарь 1790 года Іюня 23. Указъ о постановленіи дьячка получилъ 1791, Авг. 18. Женился 1794, Окт. 29. Переведенъ во Троицкій Соборъ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ въ псаломщики 1795 г. Іюля 30. Посвященъ въ иподьякона 1802, Сент. 7, посвященъ въ дьякона 1805, Янв. 7, во священника къ Богословской церкви 1820, Ноября 6.). Мѣсто рожденія Федора Александровича Ипатьевская Слобода, за рѣкой Костромой, въ Костромѣ. Учился Федоръ Александровичъ въ Костромской

семинарии съ 1806 по 1814 годъ. За годъ по окончанія семинарскаго курса, поступилъ въ новооткрывшуюся тогда (1814) Московскую Академію. Учился хорошо какъ въ Семинаріи, такъ и въ Академіи, и въ первой, бывши воспитанникомъ, занималъ должность информатора Греческаго языка. (Информаторами въ Семинаріяхъ и Академіяхъ стараго устройства назывались воспитанники не кончившіе курса и продолжавшіе ученье, но въ тоже время занимавшіе должность учительскую). По окончаніи Академического курса, въ 1818 году, былъ назначенъ въ ту же Академію баккалавромъ философическихъ наукъ, 1818 г. Авг. 27. Отсель идетъ служебная дѣятельность Федора Александровича и описывается въ послужномъ спискѣ такъ: 1820, Іюля 30 произведенъ въ члены Академической конференціи, 1820 Іюля 31 въ преподаватели Нѣмецкаго языка (съ оставленіемъ прежней каѳедры), 1822 Авг. 28 въ экстраорд. профессора философіи, 1824 Окт. 21 въ ординарного, 1826 Іюля 7 въ члены Цензурнаго Комитета, 1828 Авг. 16 во священника, 1828 Сент. 4 въ цензора преобразованнаго Цензурнаго Комитета, 1828 Ноября 19 въ члены Внутренн. Правленія Академіи, 1829 Янв. 17 въ чл. Внѣшн. Правленія, 1829 Іюля 29 въ протоіерея. 1840 Мая 14 уволенъ, по прошенію отъ должности члена Правленія, 1851 Ноября 22-отъ должности цензора. Въ 1854 году представлена къ совершенному увольненію, по слабости силъ, но не получиль его. Умеръ въ Костромѣ 1855 Авг. 22.

Пропускаю скуфы, кресты и благословенія Св. Синода.

Слѣдовало бы сказать о внутреннихъ качествахъ покойнаго, и я обѣщаю вамъ дать нѣсколько замѣчаній. Простите: скудость времени моего не позволила мнѣ сдѣлать это самому, и я просилъ крестника покойному, по каѳедрѣ, сдѣлать безпристрастный очеркъ его личности. Тотъ, обѣщавшись, обманулъ меня. Если можете подождать до святокъ, то получите этотъ очеркъ, увѣдомивши напередъ о своемъ желаніи. Скажу здѣсь только нѣсколько словъ.

Не стану повторять о нравственныхъ качествахъ, о смиреніи, незлобивости, вообще о высотѣ нравственного характера, объ удивительной памяти, съ какою Федоръ Александровичъ узнавалъ напр. по почерку всѣхъ воспитанниковъ Академія за тридцать лѣтъ и называлъ по имени, отечеству и фамиліи и проч. Объ этомъ вы слышали отъ меня у Блудовыхъ.

Скажу здѣсь, что этотъ человѣкъ замѣчательенъ, собственно, по своей обширной богословской и философической эрудиціи и страшному трудолюбію, съ какимъ напр., какъ рассказываютъ, при цензированіи книги Венелина (въ недавнихъ годахъ) для нѣсколькихъ строкъ цензорскихъ, напечатанныхъ въ книгѣ, онъ прочиталъ цѣлые томы. Но

таланта къ конструктивности, къ созданію самобытному этотъ человѣкъ не имѣлъ и ничего въ жизнь свою, кажется, не произвелъ, кромѣ первого письма о конечныхъ причинахъ, отпечатанного въ Твор. Св. Отцовъ. Но и здѣсь является только собирателемъ, не болѣе.

Покойный читалъ Введенія въ Философію, Метафизику и Исторію Древней Философіи. Чѣмъ сказать о его системѣ? Философія, по выражаемъ во Введеніи и Метафизикѣ понятіямъ, должна быть развитіемъ идеи безконечнаго. Идея безконечнаго, хотя прирожденная и прирожденная и присущая каждому человѣку, не есть врожденное понятіе, понятіе опредѣленное, не есть и формальная идея въ Кантовомъ смыслѣ, но можетъ быть понимаема какъ стремленіе къ безконечному, къ божеству: пустое, неопредѣленное сначала, и притомъ запутанное и не ясное. Это стремленіе чрезъ прираженіе человѣческаго сознанія къ міру дѣйствительности наполняется и становится опредѣленіемъ. Идея является, сообразно тремъ сторонамъ духа, идею истины, добра и красоты. Въ чёмъ состоить путь восхожденія сознанія къ понятію о безконечномъ, и какъ, при свѣтѣ идеи о безконечномъ, открываются существенные свойства, причины и цѣли сущаго, но раскрываемыя по тремъ вышесказаннымъ сторонамъ, въ этомъ должно состоять построеніе философіи, раздѣляющейся, по основному понятію, на метафизическую, нравственную философію и эстетику. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ основное понятіе о философіи. Но это понятіе въ системѣ не является выдержанымъ. Въ своей Метафизикѣ Федоръ Александровичъ былъ эклектикомъ и даже не синкретистъ. Понятія, которыя онъ раскрывалъ, онъ подгонялъ только вообще къ своему основному понятію, но въ частнѣйшемъ проведеніи терялъ, какъ бы, основную нить, существовавшую его руководить. Являлась кругообразность (напр., бытіе идеи доказывалось изъ свойствъ божественныхъ, а свойства божественные раскрывались и доказывались опять изъ идеи же). Въ изложеніи покойнаго ясность была дѣйствительно необыкновенная, при общей репутаціи философовъ, какъ людей туманныхъ. Но нужно решить, не зависѣла ли эта ясность отъ того только, что мысль не держалась философіи въ сфере отвлеченной, а вращалась въ кругу обыденныхъ представлений. И такъ, можетъ быть, это недостатокъ, а не достоинство.

Видите,—и самъ я чувствую, что сказаннаго мною мало, и высказанное мною неясно обрисовываетъ что нужно. Въ душѣ моей лежитъ болѣе полный образъ какъ самаго покойнаго, такъ и подробное понятіе о немъ, какъ о философѣ. Но повторяю, извините меня: не имѣю и часа свободнаго времени.

Объ Агапитѣ ничего не знаю. Нужно справиться у чиновниковъ Синодальной конторы: они знаютъ.

Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ. Прошу и требую непремѣнно отвѣта вашего. Въ Москву не єду, потому что заваленъ по горло официальными дѣлами, и въ частности статьею. Была бы у меня къ вамъ еще просьба, но не смѣю навязываться вамъ. Если для васъ будетъ легко, и можно сдѣлать скоро, сдѣлайте. Въ числѣ хроникёровъ средневѣковыхъ есть иѣкто Martinus Polonus; нельзя ли достать и прислать мнѣ его, или книгу, въ которой онъ помѣщенъ, на три-четыре дня? Совѣтно высказывать подобную просьбу. Но.... кетати, какъ писать адресъ графинѣ?*)

* С. Посадъ, 16 Марта 1855.

Выувѣдомляете меня, что изъ Петербурга настоятельно просятъ о доставленіи извѣстнаго моего сочиненія, въ надеждѣ, что оно, при теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть очень полезно. Не знаю, что вамъ отвѣтить по поводу этого приглашенія. Вопервыхъ, я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ сочиненіе мое можетъ быть полезно, и притомъ въ теперешнее время. У нечитавшихъ моего сочиненія, конечно, могла родиться такая мысль, въ слѣдствіе слуховъ, что сочиненіе написано умно и хорошо; и конечно, такие отзывы и порождаемая ими надежда очень лестны для меня. Но съ другой стороны мнѣ остается только пожалѣть, что я подалъ поводъ къ этимъ слухамъ и этимъ отзываю.

Словомъ, я не понимаю, о какой пользѣ моего сочиненія можетъ быть рѣчь въ теперешнее время, но по мнѣнію моему, изъ моего письма пользы не можетъ быть никакой, а вредъ порядочный. Мое письмо писано было въ Октябрѣ 1853 года, при первыхъ только слухахъ о затѣявшихся новостяхъ, и съ другой стороны, писано человѣкомъ рвавшимся сдѣлать посильное добро общественное, какъ одно простое напоминаніе, но никакъ не въ видѣ совѣта или мнѣнія. Въ такомъ именно случаѣ, то есть когда письмо будетъ принято какъ одинъ памятникъ прошлаго, я готовъ вручить его скромности уважаемыхъ мною лицъ, за тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не видѣли въ отказѣ моемъ простого упрямства, или даже чего нибудь еще хуже.

Между прочимъ, появилось было у меня желаніе самому побывать въ Петербургѣ; можетъ быть, отчасти это было бы полезно. Но, не говоря о безчисленныхъ затрудненіяхъ, чисто официальныхъ, подобная поѣздка не дозволяется мнѣ даже состояніемъ здоровья.

*) А. Д. Блудовой. П. Б.

Да, любезнейший Петръ Ивановичъ, вы оканчиваете свою краткую записку желаниемъ мнѣ здоровья и счастья. Какую иронію прочиталъ я въ этомъ желаніи! Я теперь боленъ, лечусь, принимаю микстуры, и безъ надежды выздоровленія, потому что причины, кромѣ физического изнуренія, главнымъ образомъ, чисто-психическія. Помнится мнѣ въ домѣ графа Дм. Ник. я какъ-то сказалъ, что не знаю, вынесу ли я даже этотъ годъ. Ан. Дм. засмѣялась на это; но увы, предсказаніе мое не совсѣмъ было лишено основанія. Первное разстройство у меня сильнейшее.

*

С. Посадъ, 1 Апр. 1855.

Занимаюсь я въ настоящее время исторіей и теоріей церковнаго пѣнія, преимущественно древняго. Чудныя, оригинальныя вещи встаютъ предо мной. Работы предъ собой вижу много, и не знаю, до какой степени удастся мнѣ выяснить существо древней церковной музыки, основанной, какъ видится, на совершенно иной системѣ, нежели теперешняя музыка.

При этомъ кстати просьба. Я просилъ И. С. А.¹⁾ адресоваться къ Алексѣю Степановичу²⁾ съ тою же просьбою, но можетъ быть у Ал. Степ. нѣть того, о чёмъ я прошу. И такъ я думаю адресоваться еще къ другому лицу. Но въ Москвѣ ли Стаковичъ? Онь меня, кажется, знаетъ. И вотъ я желалъ бы получить какую нибудь книгу, которая заключала бы въ себѣ общую теорію современного музыкального искусства. У него подобная книга должна быть; а мнѣ бы она нужна на краткое время. Вы, хотя чрезъ Елагиныхъ, имѣете способы сообщить ему мою просьбу.

При этомъ передайте ему мою мысль. Приходила ли ему догадка, что гамма у Русскаго народа, поющаго пѣсни, не та, какая употребительна въ обыкновенной музыкѣ, и построена на особенной системѣ? Я почти увѣренъ въ этомъ и готовъ, если угодно, представить образчикъ пѣсни, которую невозможно выразить нашими нотами, по сказанной мною причинѣ. Начавшему изученіе музыки по нынѣшней системѣ, можетъ быть, трудно въ этомъ увѣриться; но мнѣ, воспитавшемуся впервые на звукахъ народнаго пѣнія, чувствуется очень ясно, что наша нынѣшняя система ниже музыки народной. И какая система. по математическому вычисленію пропорцій между тонами, правильнѣе, это другой вопросъ, о которомъ разсуждать негдѣ теперь и никогда.

¹⁾ Аксакова. П. Б.

²⁾ Хомякову. П. Б.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы спрашиваете, не оставилъ ли я желанія перемѣнить службу. Отвѣтъ вы получили уже. Я спрашивалъ васъ о мѣстѣ, котораго лѣтомъ, по многимъ отношеніямъ, я не хотѣлъ бы принять, если бы его даже и предложили. Ваше извѣстіе несказанно меня порадовало. Чья-то безыменная клевета такъ мнѣ угодила, что я вынужденъ просить отставки и подаю просьбу немедленно объ увольненіи.. Паукъ запустилъ въ меня свои лапы и хотѣлъ задушить окончательно.

Подробности отлагаю до скораго личнаго свиданія. Дотолѣ прошу и надѣюсь, что дружба ваша сохранить мои намеки въ строжайшемъ секрѣтѣ. Между тѣмъ увѣдомьте меня, что это за мѣсто, могущее скоро открыться. Можете судить, что это меня крайне интересуетъ. Если извѣщеніе объ этомъ возможно по почтѣ, увѣдомьте меня въ Субботу. Если же нужна оказія, то представляются два способа: во первыхъ, въ Москвѣ семейство Аксаковыхъ, которое, кажется въ Воскресенье отправится въ деревню. Впрочемъ гдѣ оно остановилось, не знаю... Другой способъ простѣйший, хотя для васъ и болѣе затруднительный: нужно сѣѣздить ко Кресту, т. е. около Троицкой заставы, гдѣ на дворѣ, кажется, Астафьевы Троицкіе ямщики. Вручить ямщикамъ письмо, съ надписью: подателю столько-то (по договору), если доставить письмо тогда-то (по договору-же). Хорошо, если ямщикъ попадется Мокеевъ или Моисеевъ: они меня знаютъ. Цѣна доставки съ утра на вечеръ, или съ вечера на утра, болѣе обыкновенная 50 коп. серебромъ, которые и должны быть уплачены мною. Во всякомъ случаѣ жду отъ васъ увѣдомленія, для соображенія своихъ дѣйствій.

Поблагодарите графиню за память обо мнѣ. Я предъ ней виноватъ, что не исполнилъ обѣщанія ей даннаго: но обстоятельства мои были таковы, что не о томъ нужно было думать. При семъ прилагаю письмо къ ней. Оно можетъ быть отправлено не иначе какъ по оказіи. Если таковой нѣтъ, то пусть оно будетъ у васъ.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы, конечно слышали, что лѣтомъ я искалъ мѣста начальника отдѣленія у васъ въ Архивѣ и что исканіемъ своимъ я опоздалъ. Прошу васъ теперь, увѣдомьте меня немедленно, замѣщена ли вакансія библіотекаря или нѣтъ? Извѣстіе это мнѣ крайне нужно.

На дняхъ я буду въ Москвѣ и увижу васъ. Дотолѣ прошу васъ не говорить о моемъ порученіи никому ни слова.

Жду отъ вашей дружбы немедленнаго увѣдомленія. Если письмо вы получите въ Четвергъ, то пошлите отвѣтъ мнѣ, если можно, въ

тотъ же день, хотя со штрафомъ лишняго гравенника, часу въ пятомъ. Въ Четвергъ ходить почта изъ Москвы къ Троицѣ. А то придется ждать до Субботы, а мнѣ до Воскресенья.

*

С. Посадъ, 14 Окт. 1855.

Прошу вѣсль покорнѣйше о двухъ вещахъ.

Во первыхъ, пошлите прилагаемое письмо къ графинѣ. Если есть немедленная оказія, то съ оказіей; если нѣть, то и по почтѣ: ибо въ письмѣ нѣть, кажется, ровно ничего, заслуживающаго посторонняго вниманія. Самъ не посылаю, потому не знаю адреса, не измѣнѣнъ ли онъ съ прошлаго года*).

Второе, если Кошелевъ въ Москвѣ есть или будетъ, хорошо. если бы вы побывали у него и безъ всякихъ дальнихъ разговоровъ объявили ему, что я по непріятности выхожу изъ службы. Я отъ него жду письма, но письма нѣть. Можетъ быть мои обстоятельства и побудятъ его написать мнѣ. А безъ того повторить къ нему письмо не рѣшаюсь; ибо могу предполагать, что онъ на меня сердитъ, и въ такомъ случаѣ смѣшно мнѣ писать къ нему пустое письмо.

Извините, что я заваливаю вѣсль порученіями. Искренно желаю, чтобы какъ нибудь и мнѣ выпалъ случай чѣмъ нибудь отплатить вамъ за ваше участіе. Вашъ Гиляровъ.

Увѣдомьте меня о полученіи и о времени полученія этого письма. Мнѣ нужно для расчета съ ямщикомъ, который вамъ его доставляетъ. Адресъ пишите.

*

22 Окт. 1855.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Новая ко мнѣ оказія прїехала въ Москву и остановилась въ Петровскомъ монастырѣ, въ видѣ эконома Московской Духовной Академіи, іеромонаха отца Геронтия. Если есть ко мнѣ письмо, перешлите съ нимъ.

Да не можете ли вы мнѣ сообщить, въ какомъ положеніи редакторское мѣсто „Московскихъ Вѣдомостей“? Уволенъ ли Катковъ, и что за симъ послѣдовало далѣе? И если есть еще какая нибудь надежда, то не присовѣтуете ли вы мнѣ.... что нибудь дѣлать? Сижу здѣсь, ничего не знаю. Говорить, Вяземскій скоро будетъ въ Москвѣ, и я думаю во всякомъ случаѣ побывать у него. Вашъ Гиляровъ.

*) Графъ Блудовъ и его дочь многие годы жили въ Петербургѣ въ домѣ Бодиско, на Большой Итальянской улицѣ. П. Б.

торговцами. Закрыли заставы Парижа для вывоза изъ столицы муки и хлѣба.
Чтобы уѣхать жителѣй, имѣ выдали сюо (sic) мѣшковъ муки изъ казны.
Коммуны были добывать хлѣбъ, какъ знали.

Голодъ усиливался. Въ Нормандіи начались волненія. Въ окрестностяхъ Кана вспыхнула бунтъ. Грабили, жгли мельницы. Принеслось послать щоль императорской гвардіи. Укrocеніе отличалось беспыканной жестокостью; казнили женщины, дѣтей, но голода не прекратили. Наполеонъ рѣшилъ издать проектъ таксы, чтобы этой энергичной мѣрой положить конецъ эадности изживавшихся. Члены совѣта продовольствія отклонили эту бесполезную мѣру. Тогда въ Монмартрѣ появился декретъ о тайсѣ, исходившій только отъ императора. Гектометръ зерна таксировался въ 33 франка для шести департаментовъ, которые могли поставлять хлѣбъ на рынокъ. Это не помогло дѣлу, но Наполеону было некогда. Несмотря на голодъ, онъ издаєтъ декретъ о наборѣ 200,000 рекрутовъ. Наборъ былъ произведенъ послѣ организаціи национальной гвардіи въ три призыва. Брали съ моби отъ 20 до 60 лѣтъ. Первый призывъ состоялъ изъ молодежи отъ 20 до 26 лѣтъ. Призывъ былъ разделенъ на три когорты (по 100 человѣкъ). Этими Наполеонъ могъ призвать къ войнѣ лишнихъ 100,000 человѣкъ. Когорты первого призыва были отданы въ распоряженіе военного министра, для защиты границъ и поддержания внутренняго порядка. Эти громадные наборы вызвали въ странѣ глухое недовольство.

Иго завоевателя стало для всѣхъ невыносимо. Воспитанный въ палатѣ, явившись къ концу революціи, Наполеонъ понялъ ее материальную только сторону. Всѣ его стремленія были глубоко эгоистичны и сводились къ узкимъ, личнымъ цѣлямъ; въ угоду имъ присносили онъ все, десятки тысячъ людей, благо Европы и т. д. „Я выростъ на поляхъ битвы, для меня ничто живъ миллионъ людей“, вотъ подлинныя слова его. Прибавьте его презрѣніе къ идеологии и къ мирной практической работѣ, и мы поймемъ, что первая неудача должна была повести его къ падению.

С. Фарфоровский.

Елисаветполь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКИЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусксовъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Книгопродающимъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать** копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русского Архива».

Нижеслѣдующія годовые изданія «Русского Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продаєтся по **три** рубля.

Упѣтѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русского Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1903 продаются по 7 рублей за каждый годъ, годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексея Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

пятидесятый годъ.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1912

7.

стр.

321. Екатерина Великая. Труды ея въ первые два года царствованія. Свое-
ручныя письма и замѣтки.
336. Еще своеуручныя замѣтки Екатерины Великой, разныхъ годовъ. (Изъ Мо-
сковскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).
383. Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. 1816—1823.
417. 1812-й годъ. Общій очеркъ войны. Составилъ А. П. К.
439. Изъ Записокъ А. Е. Егорова: Служба и жизнь въ Москве 1866—1869.
453. Старые гдѣ. Изъ архива Н. О. Кутаубицкаго. Сообщилъ А. А. Бронскій.
461. Письма инженерки Е. Р. Дашковой къ князю А. Б. Куракину въ графу А. Н.
Самойлову.
466. Воцареніе Екатерины Великой. П. Б.
468. Императоръ Александръ Второй во Владимирик Н. Диленторского.
470. Письма къ П. И. Бартеневу: И. А. Коновица, архимандрита Порфирия.
Ю. Ф. Самарина, Н. И. Лорера, князя П. В. Долгорукаго, Н. И. Крылова и С. Т.
Аксакова.
479. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (князь С. В. Шаховской).
480. Памятка Тютчева. (Стихи).
- Внутри обложки: Обѣ изданія Портретной Галлереи 1812 года.—О дневникахъ
Итальянскаго офицера Цефпра Ложье.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.

1912.

1812—1912. Военная Галерея 1812 года. Сиб. въ Экспедиції Государственныхъ бумагъ. Больш. 4-ка, 83 листа съ портретами 399 лицъ, помѣщенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, и 291 стр. пояснительного текста съ азбучнымъ указателемъ. На заглавномъ листѣ видъ Зимняго Дворца и Александровской колонны. На второмъ листѣ слова: „Достойнымы потомкамъ доблестныхъ предковъ Николай.“ Мы имѣемъ тутъ автографъ Государя Императора.

Государь Императоръ соблагоизволилъ издать Портретную Галлерею Зимняго Дворца и поручилъ произвести это изданіе Великому Князю Николаю Михайловичу, многоопытному довершителю того, что начато державными его дѣдомъ. Вспомнимъ стихи про эту единственную въ своемъ родѣ Галлерею:

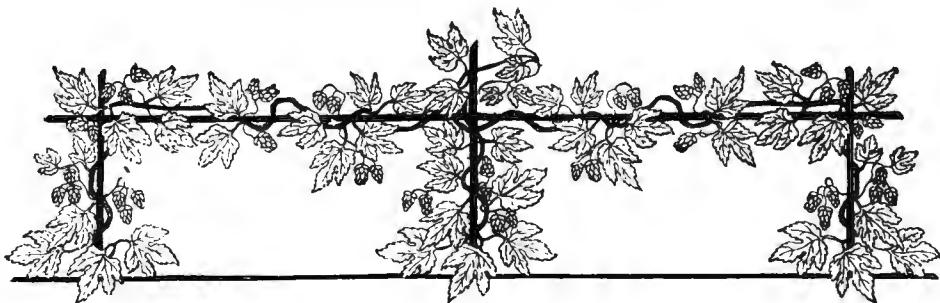
У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата;
Она не золотомъ, не янтаремъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ,
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Свою кистью свободной и широкой
Ее разрисовала художникъ быстрою.

Мысль объувѣковѣченіи памяти защитниковъ и спасителей отечества въ гигантской борьбѣ съ Западною Европою возникла еще у Императора Александра Павловича: въ Царскомъ Селѣ противъ дворца Великаго Князя Владимира Александровича поставлена имъ тріумfalная арка съ надписью на Французскомъ и Русскомъ языкахъ: „Моимъ сослуживцамъ (A mes chers compagnons d'armes). Онъ же первоначально озабочился о снятіи портретовъ съ этихъ своихъ сослуживцевъ и для этого выписалъ Англійскаго художника Георга Дау, который работалъ и въ слѣдующее царствованіе. Портретная Галлерея была готова и размѣщена, когда 17 Декабря 1837 года Зимній дворецъ сгорѣлъ. Портреты конечно, были вынесены и сбережены: гвардейцы на Дворцовѣй площади охранили спасенное отъ пламени царское достояніе.

За портретами слѣдуетъ въ книгѣ справочное изложеніе. Работа эта исполнена секретаремъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Голомбіевскимъ. Это только формуларные списки, взятые большою частью изъ военнаго архива, чтѣ въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворѣ.

Мы еще обратимся къ этому справочному тексту, а теперь только привѣтствуемъ этотъ великолѣпный даръ, принесенный Отечественной исторіографіи. Тутъ не взгляды личные, не сужденія, которыя иной разъ бываютъ односторонними, а налицо сами подвижники, которые своею доблестью снасли насть отъ Наполеона и га.

Конечно, многіе изъ этихъ портретовъ повторяютъ собою тѣ, которые мы уже имѣемъ въ пятитомномъ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича: „Русскіе Портреты.“ Любители могутъ запиться сравненіемъ, но бываетъ такъ, что лицо изображенное въ молодости совсѣмъ не похоже на снятое въ старости. Можно указать на нѣсколько лицъ, портреты которыхъ повторенные нѣсколько разъ, почти вовсе не имѣютъ сходства между собою: такова портретная зыбкость, которая обусловливается возрастомъ, общественнымъ положениемъ и житейскими обстоятельствами того, кто снимался. **П. Б.**

Е К А Т Е Р И Н А В Е Л И К А Я.

Труды ея въ первые два года царствованія.

Своеручныя письма и замѣтки *).

Въ самый день восшествія на престолъ, прежде чѣмъ отправиться въ Петергофъ съ гвардіею, Екатерина написала графу З. Г. Чернышеву указъ о возвращеніи его съ Русскими войсками домой отъ Фридриха. Указъ начинается: „Понеже желаніемъ всего народа, а паче Божіимъ всемогущимъ вспомоществованіемъ, мы вступили самодержавно на Всероссійскій престолъ“.

Чьею рукою писанъ этотъ указъ, который свидѣтельствуетъ о вполнѣ ясномъ самосознаніи и не обличаетъ никакой уторопленности, столь естественной въ тѣ минуты, не знаемъ.

На случай, буде Фридрихъ станетъ задерживать у себя графа Чернышева, графу П. И. Панину приказано, присоединивъ войска, находившіяся подъ его начальствомъ, къ Австрійскимъ, снова занять и обложить податями населеніе Пруссіи.

25 Іюля 1762 г. дѣйствительный камергеръ Сергій Васильевичъ Салтыковъ назначается въ Парижъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ на мѣсто графа П. Г. Чернышева. 20 Августа 1762 г. онъ получаетъ рескрипть объ этомъ назначеніи. На немъ своеручная замѣтка Екатерины: „Отправить скорѣе Сергія Салтыкова“. Этотъ рескрипть поданъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 19 Августа чрезъ камергера Григорія Григорьевича Орлова. И такъ Салтыковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ

*) Извлечены изъ 48 и 51 томовъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. П. Б.

Гамбурга (онъ былъ тамъ резидентомъ) и во дни воцаренія Екатерины могъ бывать при дворѣ, гдѣ онъ имѣлъ столько знакомствъ въ царствованіе Елизаветы Петровны.

*

„Михайла Ларіоновичъ, пишеть Екатерина канцлеру графу Воронцову, брата моего¹⁾) посланникъ можетъ, хотя онъ мнѣ и не представленъ, въ церкви завтра съ Цесарскимъ посломъ входить. Въ десятомъ часу въ Субботу“. Помѣта канцлера: Получено 24 Сентября 1762 г.

Собственноручные записки канцлеру.

Для памяти господину канцлеру примѣчается, что въ секретныхъ письмахъ не находится никогда письма барона Гольца²⁾), и думать надлежитъ, что оный посланникъ пересыпаетъ черезъ купцовъ; и такъ прикажите осматривать письма Погенполя и тѣхъ купцовъ, которые имѣютъ корреспонденцію въ Берлинъ, Бреславъ или въ Саксонію.

Помѣта канцлера: Получено 25 Сентября 1762.

Михайла Ларіоновичъ, прикажите написать (и отошлите) паспортъ для фельдмаршала Миниха юхать въ чужie края³⁾). При семъ прилагаю рапортъ сенаторской конторы о отправленіи въ Англію морскихъ офицеровъ и кадетовъ; не известно ли вамъ, отправлены ли они уже? Морскому капитану Борисову, по той причинѣ, что онъ жену и дѣтей оставляетъ, надлежитъ дать тысячу рублей (восемь сотъ ему, а двѣсти женѣ) покамѣстъ онъ въ Англіи будетъ; и тако желаю знать, что о семъ до васъ дошло и деньги откудова оные офицеры получать имѣютъ. Приложенное письмо извольте на почтѣ отослать къ графу Кейзерлингу.

Помѣта: Получено 28 Сентября 1762.

*

Рескриптъ князю Репнину въ Берлинъ.

Его свѣтлость владѣтельный князь Ангалтъ-цербстской, любезный нашъ братъ, просить насть чрезъ присланнаго къ намъ полковника Ротшица, сдѣлать заступленіе его величеству королю Пруссскому, чтобъ собираемая ежегодно съ Ангалтъ-цербстскихъ земель контрибуція, про-

¹⁾ Этотъ единственный братъ Екатерины ни разу не допускался въ Россію (таковы были его свойства). П. Б.

²⁾ Пруссскаго посланника. П. Б.

³⁾ Кажется, что возвращенный изъ ссылки Петромъ III-мъ славный Минихъ не воспользовался этимъ паспортомъ и не юздилъ къ себѣ на родину, въ Ольденбургъ. П. Б.

стирающіяся до ста двадцати тысячъ талеровъ и составляющія всѣ княжескіе доходы, такожъ поставки рекрутъ и прочихъ военныхъ тягостей отложены, и чтобы освобожденье былъ маркизъ Дюфренъ, находившійся Французскимъ посланникомъ при Цербстскомъ дворѣ и схваченный по указу короля Пруссакого въ княжескомъ замкѣ. Мы повелѣваемъ вамъ именемъ нашимъ его величеству королю сдѣлать по тому представленію и домогаться, чтобъ Ангальтъ-цербстскія земли отъ всякихъ поборовъ и налоговъ избавлены были и маркизъ Дюфренъ на свободу отпущенъ былъ, чтобъ почтѣмъ мы за особливое къ представленіямъ нашимъ уваженіе. Мы будемъ въ свое время ожидать доношенія вашего, какой отвѣтъ вы получите отъ короля Пруссакого. Данъ въ Москвѣ, Октября 24 дня 1762 года.

Записки канцлеру.

Михайла Ларіоновичъ. Пріѣзжалъ сюда бухарецъ Иріазарь и привезъ къ вамъ письмо при бывшемъ императорѣ отъ Киргизъ-кайсацкаго хана, и онъ паки отъ васъ отправленъ; пожалуй, дайте мнѣ знать о происшествіи всего того дѣла и какъ онъ отправленъ и съ какими подарками, и впредъ если отъ тѣхъ народовъ какія присылки будутъ и по какимъ причинамъ, и для чего бывшія до меня не были допущены. Помѣта канцлера: получено 4 Ноября 1762.

Канцлеръ графъ Воронцовъ отвѣчадъ того-же числа: „О дѣлѣ Бухарца Иріазара, который мнѣ письмо отдалъ отъ нѣкоторыхъ Киргизъ-кайсакъ я совершенно не помню содержаніе онаго донести В. И. В—ву, а прикажу въ Коллегіи сочинить краткую выписку. Сколько мнѣ помнится. Киргизъ-кайсаки, Бухарцы и другіе Азіатики весьма желаютъ имѣть позволеніе чрезъ Россію проѣзжать въ Мекку на поклоненіе къ гробу Магометову, токмо имъ для статскихъ резоновъ дозволеніе не дается. Что-же касается до дѣлъ, которыя сей Бухарецъ здѣсь имѣлъ, онъ чаятельно были въ Сенатѣ или въ Кабинетѣ, а не въ Коллегіи, и я не вѣдаю, когда, отъ кого и съ чѣмъ онъ изъ Россіи отправленъ; впрочемъ посланцевъ изъ Бухаріи нынѣ здѣсь нѣть, а всѣ Азіатики вѣдомства Коллегіи были представлены В. И. В—ву“.

*

Понеже я нынѣ намѣрена послать къ владѣтельной герцогинѣ Мекленбургъ-шверинской кавалерію св. Екатерины, то отправить оную кавалерію къ Мусину-Пушкину въ Гамбургъ, дабы онъ къ той принцессѣ поѣхалъ и ей вручилъ, также и письмо мое къ ней съ тѣмъ наставленіемъ, чтобы онъ и къ прочимъ близко лежащимъ въ Нижней

Саксонії княжескимъ домамъ поѣхалъ, будто бы изъ любопытства, и вездѣ при случаяхъ отозвался, что мое твердое намѣреніе есть совершенно протежировать всѣ вольности и права членовъ Римской имперіи, заступаться вездѣ за нихъ и не допускать до малѣйшаго имъ утѣсненія, разговаривая при томъ, сколь полезно бы было для нихъ, если бы Россія была гарантомъ сихъ нынѣшнихъ ихъ конституцій, и ему Пушкину пріготовить духи, сколь его возможности будеть. Изъ Коллегіи къ такой ъездѣ переслать къ нему приличную сумму денегъ и окончивъ онъ вояжъ о всемъ происходящемъ ему рапортовать, въ какихъ сентиментахъ онъ сихъ князей нашелъ, къ которой державѣ болѣе склонности имѣютъ и пр. и пр. Помѣта канцлера: Получено 11 Декабря 1762.

Рескрипть посланнику Мусину-Пушкину въ Гамбургъ.

„Быть по сему“.

Въ знакъ императорскаго нашего благоволенія къ герцогскому Мекленбургъ-Шверинскому дому и для изъявленія особливой нашей благосклонности къ ея свѣтлости владѣющей герцогинѣ, всемилостивѣйше заблагоразсудили мы оную герцогиню пожаловать орденомъ святаго Екатерины, знаки котораго купно съ нашю къ ея свѣтлости грамотою при семъ къ вамъ посылаемъ. По получениіи оныхъ имѣете вы сами въ Шверинъ отправиться, и какъ грамоту нашу, такъ и орденскіе знаки ея свѣтлости вручить на испрашиваемой особливо для того аудіенціи съ пристойнымъ (по содержанію приложенной при семъ копіи съ той грамоты) именемъ нашимъ чинимымъ комплементомъ, который равномѣрно-жъ учинить имѣете и его свѣтлости герцогу съ такимъ присовокупленіемъ, что надѣемся мы, что онъ оказуемую его супругѣ отличность съ удовольствіемъ приметь, удостовѣряясь тѣмъ о нашемъ къ герцогскому дому его благоволеніи. Какимъ образомъ окончите вы сію комиссію, о томъ будемъ мы ожидать въ свое время обстоятельнаго доношенія, а между тѣмъ поручаемъ вамъ еще и другую гораздо важнѣйшую.

Когда совсѣмъ вы изъ Шверина отправитесь, то имѣете возвратный вашъ путь такъ распорядить, чтобы можно вамъ было и къ прочимъ ближнимъ въ нижней Саксонії лежащимъ княжескимъ домамъ заѣхать, не подавая однако ни малѣйшаго вида, якобы вы такую поѣздку дѣлаете по точному нашему указу, но паче стараясь увѣрить всѣхъ, что вы предпринимаете оную изъ единаго собственнаго вашего любопытства.

Мы на благоизобрѣтеніе ваше оставляемъ, къ кому вы по способности изъ означенныхъ князей заѣхать за удобное разсудите, а какъ мы не сумнѣваемся, что вы въ разсужденіи имѣющаго на себѣ характера нашего министра вездѣ съ отличною аттенцію принимаемы будете, то надобно вамъ въ тѣхъ мѣстахъ, а особливо въ Шверинѣ, якобы отъ себя при удобныхъ къ тому случаяхъ отзываться, коимъ образомъ мы твердо намѣреніе совершенно защищать вольности, преимущества и правости всѣхъ членовъ Римской имперіи и, заступая за нихъ повсюду, ни до малѣйшаго ихъ утѣсненія, разсуждая при томъ далѣе, сколь для всѣхъ ихъ полезно было-бъ, когда бы мы гарантомъ были въ ненарушимомъ соблюденіи всѣхъ ихъ конституцій, къ чему вамъ при удобныхъ случаяхъ, насколько возможно, приготовлять тамошніе духи, однакожъ весьма искуснымъ и безпримѣтнымъ образомъ. Мы уповаляемъ, что вы стараться будете сю поручаемую вамъ комиссию окончить сходственно съ нашимъ желаніемъ, и по исправленіи вашего вояжа не оставите донести намъ подробно, какъ о всемъ во время пути вашего происшедшемъ, такъ особливо о томъ, въ какихъ сентиментахъ означенные князья находятся и къ которой державѣ болѣе склонности имѣютъ, что все зависитъ главнѣйше отъ вашего примѣчанія и отъ приличныхъ къ тому разговоровъ вашихъ.

Мы сей нашъ рескрипты посылаемъ къ вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ фонъ-Визинъмъ*), а для исправленія дорожныхъ издержекъ опредѣляемъ вамъ 2000 рублей, которые деньги вскорѣ къ вамъ переведены будутъ изъ помянутой Коллегіи.

По отѣздѣ вашемъ изъ Гамбурга можете вы на время отсутствія вашего акредитовать тамо находящагося при васъ переводчика Вихляева и наказать ему, чтобы онъ о всемъ тамо происходящемъ доносилъ сюда въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. И пребываемъ и т. д. Дань въ Москвѣ, Декабря 16 дня 1762 года.

*

Мысли, могущія служить для отвѣта Англійскому послу.

Что желательно было бы, если бы возможно, воспрепятствовать королю Пруссскому соединиться съ Франціей, такъ какъ то было до нынѣшней войны; что для достиженія сего намѣренія еще время не настоитъ, чтобы принять явнымъ образомъ прежнюю систему, которая не оставляла сему государю иного способа, какъ соединиться съ Фран-

^{*}) Это прославившійся позднѣе Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. П. Б.

цією. Сіе князю Репину пересказать королю и также оному князю наставлениe дать, дабы онъ продолжалъ свои старанія внушать, сколь мы можемъ поспѣшествовать мирной ногоціаціи и что требование короля о нашемъ стараніи весьма нашу къ нему повѣрность привлечетъ, особенно при нынѣшихъ конъюнктурахъ.

Князю Голицыну въ Вѣнѣ надлежить ни малѣйшаго знака дать, что онъ о сей ногоціаціи извѣстенъ, а когда къ нему о томъ отзываться будуть, онъ съ холодною кровью отвѣтствовать имѣть, что его дворъ о томъ уже давно извѣстился и, не имѣвъ въ томъ откровенности отъ Вѣнскаго, видѣлъ съ сожалѣніемъ, что своей податливости оказать не можетъ. Хотя общий интересъ бы и требовалъ болѣе съ ихъ стороны откровенности, но, не видя ея въ ономъ случаѣ, и мы не нашли за благо дать знать, что Французскій дворъ ногоцировалъ нейтралитета Нѣмецкихъ князей съ королемъ Прусскимъ въ предосужденіе цесаревы, о чёмъ мы за подлинно извѣстны. Съ экспедиціей на эстафетѣ не мѣшкатъ.

(На конвертѣ) Отдать графу Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову.
Помѣта: Получено 7 Января 1763.

Записки канцлеру.

Есть-ли жалоба будетъ отъ графа Мерсія и прочихъ чужестранныхъ министровъ о раскрываніи ихъ писемъ, надлежить имъ отвѣтствовать, что чаятельно, что въ Митавѣ ихъ принцъ Карлъ раскрываетъ, а на насъ вину кладеть. Помѣта: Получено 7 Января 1763.

*

Михайло Ларіоновичъ, я для нѣкоторой комнатной нужды отправила сержантѣ Толстова въ Варшаву, а нынѣ онъ назадъ пріѣхалъ и привезъ съ собой приложенный пукъ писемъ для чужестранныхъ министровъ, который я къ вамъ посылаю, дабы они формою шли. Пакетъ для вашей Коллегіи я распечатала и при семъ прилагаю. Также и депеша Симолина. По прочтениi пришли ихъ обратно ко мнѣ. Что до Курляндіи касается, прикажите Адаму Васильевичу*) сообщить. Помѣта канцлера: Получено 8 Января 1763.

*

Аша, который куріеромъ пріѣхалъ отъ графа Кейзерлинга, надлежить съ извѣстнымъ рескриптомъ и съ печатными переводами, опять,

*) Олсуфьеву. П. Б.

какъ скоро успѣть можно, отправить, а изъ Кабинета онъ снабдѣнъ будетъ пятьюдесятью тысячами червонными въ натурѣ на четъ (счет?) сверхъ расходу, остаточную сумму штатъ-конторы для употребленія въ Польшѣ какъ для комиссіи о дѣдомажементѣ¹⁾ Польскихъ жителей въ бытность нашей арміи, такъ и для прочихъ графу Кейзерлингу уже извѣстныхъ расходовъ.

Къ Симолину написать, дабы онъ, какъ скоро герцогъ Эрнѣсть-Іоаннъ вѣдеть въ Митаву, отдалъ ему все во владѣніе, снявъ секвестръ со всѣхъ доходовъ, какъ скоро онъ самъ потребуетъ. Помѣта: Получено въ Коллегіи 17 Генваря 1763.

*

Изъ Иностранный Коллегіи снабдить полковника Пучкова восемью тысячами рублями изъ тѣхъ тридцати тысячъ, которыхъ я Коллегіи на секретныя употребленія приказала выдать, а инструкція ему отъ насъ дана будетъ. Помѣта канцлера: Получено 19 Генваря 1763 года.

*

Фельдмаршалъ Ляси былъ посланъ къ маршалу де-Саксѣ, когда сей послѣдній хотѣлъ въ Курляндіи укрѣпиться, съ тѣмъ, чтобы сказать ему, чтобы онъ изъ Митавы выѣхалъ. Тоже и нынѣ надлежитъ дѣлать: генералу Броуну велѣть въ Митаву съ такимъ же комплиментомъ къ принцу Карлу ѿхать; а можно изъ архива, если онъ здѣсь²⁾, къ тому принадлежащія піесы сыскать, а если ихъ здѣсь на лицо не имѣется, такъ и безъ нихъ обойтиться можно. Получено 21 Января 1763 г.

*

Михайла Ларіоновичъ, извольте требовать съ господина Борха рѣчъ, которую онъ при аудіенціи мнѣ говорить намѣренъ, а послѣ я означу по пристойности день, а то можно быть и нелѣпу говорить станеть. Помѣта канцлера: Получено 12 Февраля 1763.

*

Мнѣ кажется послу Англійскому отвѣтствовать удобно на его домогательство о союзномъ трактатѣ, что желательно было напередъ согласиться о мѣрѣ въ случаѣ выбора будущаго короля Польскаго, такъ какъ я уже не однажды оному послу внушить приказала, но еще мнѣніе его двора неизвѣстно. А если онъ на то скажетъ, что они на все согласны, что я по онымъ дѣламъ предпріму, тогда можно отвѣтствовать, что сіи генеральныя термины не довольны, если они не въ

¹⁾ Dédommagement, возмѣщеніе, уплата. П. Б.

²⁾ Т. е. въ Москвѣ. П. Б.

инструкції Англійского министра въ Варшавѣ, дабы онъ согласно могъ поступать съ моимъ посломъ. Помѣта канцлера: Получено 16 Февраля 1763.

*

1. Тѣсная голова Ржичевскаго¹⁾ не могла понять, что если ему приказано было у двора рекомендовать къ произведеніямъ тѣ персоны, о которыхъ Чарторискіе просили, онъ могъ ихъ также рекомендовать и у примаса и прочихъ. Лучше всего видится, дабы впредъ тамъ не думали, что мы двоякую роль играемъ, приказать ему поступать по наставленіямъ Кейзерлинга; я сверхъ того вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Бриля, а я желаю, чтобы не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было. Въ силѣ всего, однако-же безъ выговора и умѣря слова, наставленіе ему дать надлежитъ для переду. Помѣта канцлера: Получено 16 Ноября 1762.

2. Велите внушить графу Брюлю, что если по Курляндскимъ дѣламъ онъ единый противный моей волѣ шагъ сдѣлаетъ, я велю покинуть всѣ мои старанія у короля Пруссаго обѣ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всѣмъ, чѣмъ только вздуматъ онъ можетъ, всѣхъ тѣхъ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану покамѣсть его изъ Польши не выгоню. Сие внущеніе господину канцлеру, разговоромъ съ которымъ изъ здѣсь резидующихъ министровъ чужестранныхъ онъ за способнымъ къ тому выберетъ, имѣть, а мнѣ кажется Датскій или Шведскій способнѣе, и то начинавъ индеферентно и разговаривая съ великимъ уничиженіемъ о мнимомъ стараніи графа Бриля по Курляндскимъ дѣламъ, и что онъ хотѣлъ выбрать Польскихъ двухъ сенаторовъ и посыпать въ Митаву, и что такой и всякой иной его Брюля поступокъ противъ моей воли меня доведеть сутенировать всѣхъ тѣхъ, которые стараются о его погибели и то всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силы имѣю. И такъ стараться, чтобы сіе до Прассе²⁾ дошло, дабы знали мои намѣренія, а графъ Бриль бродливъ какъ кошка и трусливъ какъ заяцъ.

Помѣта: Полученъ 10 Декабря 1762.

3. Помнится, что у магнатовъ Польскихъ въ Вингеріи также сады наемные; если имѣть то позволяетъ, то кажется будто бы оное дѣло было только возбуждено въ досаду бывшаго императора³⁾; о семъ князю

1) Нашего посланника въ Саксоніи при Польскомъ королѣ. И. Б.

2) Саксонскаго въ Петербургѣ посланника. И. Б

3) Чтобы имѣть свое Токайское вино, императрица Елизавета купила въ Венгріи землю и развела виноградники. Объ этомъ см. письмо ея къ Вишневскому (предку княгини Юрьевской) въ „Р. Архивѣ“ 1870(2) г. Сады эти поставляли вина къ нашему двору еще при Александрѣ Николаевичѣ, но имѣ поддарены Австрійскому императору. И. Б.

Голицыну легко навѣдываться можно, сирѣчь есть ли у Польскихъ магнатовъ въ Вингеріи сады, и тѣмъ подкрѣпить свои старательства.

*

Въ отвѣтъ къ князю Репнину надлежитъ писать, чтобы онъ короля Пруссаго отъ меня благодариль за дружескую откровенность о мирной негоціації. Я сіе не иначе принимаю, какъ за знакъ желанія сего государя всѣми мѣрами умножить конфиденцію и повѣренность между нами и весьма радуюсь, что приближаются съ обѣихъ сторонъ къ миру; а что о семъ Вѣнскій дворъ предо мной таится, не удивительно, и ничто иное, какъ слѣдствіе стараній моихъ о мирѣ, которыя тому двору казались не иначе какъ парціальны послѣ конфirmaції.

*

Михайлъ Ларіоновичъ, сейчасъ я получила Французскую книгу именованную *Mémoires pour servir à l'Histoire de Pierre III Empereur de Russie, avec un détail historique des differends de la maison de Holstein avec la cour de Danemark, publié par M-r D. G. Francfort et Leipzig au dépends de la Compagnie. MDCCLX III.*

Прикажите всѣмъ нашимъ министрамъ, гдѣ вы за приличнѣе находите, прилежно изыскивать автора, требовать, дабы онъ наказанъ быль, конфисковать всѣ едиціи и заказать привозъ оной книги въ Россію; она еще оскорбителнѣе для націи, какъ персонально для меня. И все то немедленно учинить. На концѣ оной книги есть *Supplément aux Mémoires*, которой хуже книги, а сказываются, оныя здѣсь находятся, обѣ чѣмъ васъ гр. Гуронскій увѣдомить можетъ.

*

Двумя письмами къ вице-канцлеру отъ 3 (14) и 7 (18) Сентября изъ Лондона, графъ А. Р. Воронцовъ сообщаетъ о изданной тамъ противъ Русскаго двора газетѣ.

Резолюція. На сіе три способа есть:

1) Зазвать автора куда способно и поколотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать въ защищеніе; а у двора, кажется, дѣлать нечего. И тако изъ сего имѣете выбирать, чтѣ вамъ приличнѣе кажется, а сіе пишется къ вице-канц.

Помѣта: Получено изъ дворца 15 Октября 1763.

Собственноручная записка.

Можно господину Борху сказать, что вѣсъ оные труды лишны, что я не перемѣню своихъ сентиментовъ по Курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; что его персона пріятна мнѣ. а его комиссія весьма не такова; что удивительна нелѣпость его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, чтѣ и того удивительнѣе, вездѣ упоминаетъ, будто я по наученьямъ чімъ либо поступаю. Назначить ему наискорѣйше особый день для конференціи у канцлера, гдѣ, выслушавъ его, вышеписанное ему объявить, означивъ притомъ, что на третій день ему отпускная аудіенція будетъ сказана.

Помѣта канцлера: Получено 24 Февраля 1763.

Видя слабость здоровья Сергея Салтыкова, писать къ князю Дмитрю Голицыну¹⁾, дабы онъ безъ дальнаго указа архивъ Салтыкову не отдавалъ, а рескрипты впередъ писать къ князю Голицыну, и оставаться ему шарже де за феръ²⁾.

Помѣта канцлера: Получено 27 Февраля 1763. Отправленъ рескрипты кн. Голицыну за № 13 отъ 27 Февраля.

*

Я бы очень хотѣла имѣть оть времени до времени экстрактъ изъ происшествій всѣхъ пограничныхъ народовъ, дабы обѣ нихъ прямой идеи имѣть, а стороной по оной матеріи много вздора до моихъ ушей доходитъ. Помѣта канцлера: Получено 27 Февраля 1763 г.

*

Николай Федоровичъ Алфимовъ, думаю, способенъ будетъ Ѳхать консуломъ при ханѣ Крымскомъ, да придать ему купца вмѣсто секретаря.

Помѣта канцлера: Получено 10 Марта 1763.

¹⁾ Т. е. въ Парижъ. И. Б.

²⁾ Chargé des affaires, повѣренный въ дѣлахъ. Дальнѣйшая судьба С. В. Салтыкова мало извѣстна: кажется, что онъ подолгу оставался въ чужихъ краяхъ, а въ Россіи жилъ въ своемъ селѣ Ершовѣ, подъ Москвою, близъ Савина монастыря. Село это нынѣ принадлежитъ графу Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву, правнуку сестры Салтыкова, Маріи Васильевны, бывшей въ замужествѣ за статск.-секретаремъ А. В. Олсуфьевымъ. Въ Ершовѣ сохранился и поясной портретъ Салтыкова масляными красками. Салтыковъ, родившійся въ 1725 году, женился въ Москвѣ 29 Января 1749 г. на Матрениѣ Навловичѣ (рожд. Балкѣ), но дѣтей не имѣлъ. На старости лѣтъ онъ захотѣлъ еще разъ побывать во Франціи, поѣхалъ туда въ дни революціи и скончался, неизвѣстно гдѣ именно и когда. Въ Москвѣ ему принадлежалъ домъ на углу Большой Дмитровки и Кузнецкаго переулка. Поэтому и переулокъ, идущій съ Большой Дмитровки къ Петровкѣ, называется Салтыковскимъ. Про Салтыкова Екатерина писала графу Н. И. Панину, что онъ вездѣ останется „пятою спицей въ колесницѣ“. П. Б.

Михайла Ларіоновичъ, не забудьте скорѣе переслать къ Кейзерлингу тѣ сто тысячъ рублей, о которыхъ Сенатъ вамъ далъ знать, дабы онія деньги не къ чemu иному аплікованы были. Я давно столько не смѣялась, какъ надъ дурацкою выдумкой Любскаго агента; весьма хитрая инвенція его всѣхъ насть удивила. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получено 18 Марта 1763.

Михайла Ларіоновичъ, письмо племянника вашего не удивляетъ меня: вездѣ супсонарируютъ мои намѣренія въ Польшѣ, но pour donner le change¹⁾, понеже еще рано открываться, можно кому ни принадлежить знать по сей матеріи сказать, что еще подлинаго ничего не означено и если Польскій король не показалъ бы столько огорчительныхъ поступковъ по Курляндскимъ дѣламъ, то можно было и меня склонить на его дѣма сторону; а Александру Романовичу²⁾ можно сказать, что въ скоромъ времени дастся ему знать, какія мѣры взяты. Я сердечно сожалѣю о болѣзни вашей и весьма благодарствую за ваше ко мнѣ усердіе. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получена 25 Марта 1763.

*

Пошлите господину Борху сказать, что, видя отъ его короля не иного какъ крайнія мнѣ оскорбления и его собственный поступокъ по двору его наставленію, уже моему достоинству противной, равно со слаться на декларацію объ императ. титулѣ, я повелѣваю ему въ сорокъ восемь часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить. И прибавить къ тому, что результатъ сенатус-консиліума тому причиню, изъ котораго видится, что они хотятъ меня принудить изъ пріятельскихъ поступокъ выходить, хотя въ семъ случаѣ Саксонская министерія не болѣе благопристойныхъ мѣръ взяла, какъ и во всемъ и столь республику оскорбила, сколь и меня. Чтобы они знали, что я герцога Эриста-Іоанна и вольности Польской защищать буду всѣмъ. чѣмъ Богъ меня благословилъ.

Помѣта канцлера 27 Марта 1763.

Канцлеру и вице-канцлеру.

Борху можно дозволить проститься съ вами, канцлеромъ и вице-канцлеромъ, и при сихъ свиданіяхъ каждый дискурсивно ему изъяснить

¹⁾ Въ замѣнѣ. П. Б.

²⁾ Т. е. нашему посланнику въ Лондонѣ, графу А. Р. Воронцову (которому тогда было всего 22 года отъ роду). П. Б.

имъеть, что я совершенно различаю министерство Саксонское (яко своимъ пристрастіемъ недоброжелательное къ дружбѣ моей и къ добромъ согласію съ Польшею) отъ сей республики, о благосостояніи, о правахъ и вольности которой я никогда не перестану искренно усердствовать; что онъ Борхъ не можетъ быть принять министромъ Польской республики за недостаткомъ признанія отъ нея мнѣ императорскаго титула, я же, не наруша о сей моей генеральной деклараціи, не могу приступить ни къ какому средству, почему онъ Борхъ отъ сюда высылается совсѣмъ не въ качествѣ ministra республики Польской, но какъ такая персона, которая прислана была сюда съ дѣлами составленными министерствомъ недоброжелательнымъ къ моей дружбѣ съ республикою, на что получа мой рѣшительный отвѣтъ, дальнѣйшее отъ него производство такихъ инструкцій было бы уже поврежденіе моего собственнаго достоинства. Равнымъ образомъ я тутъ не смѣшию моихъ сентиментовъ почтенія и дружбы къ персонѣ его Польского величества, а только вижу съ сожалѣніемъ, что его добрая вѣра и правосудіе столь много сюпренированы подъ маскою родительской любви, и потому я остаюсь въ непремѣнномъ намѣреніи всѣми отъ Бога мнѣ данными силами защищать и укрѣплять правы и вольности республики Польской, такъ какъ и законное владѣніе герцогствами герцога Эриста-Іоганна; что впрочемъ я не имѣю никакого неудовольствія къ персонѣ его, Борха, зная, что онъ поступалъ по силѣ помянутыхъ непристойныхъ инструкцій, въ знакъ же сего моего къ нему благоволенія дать ему презентъ въ тысячу рублей. При семъ же свиданіи можно отсрочить ему отѣздъ еще сутки на другіе, отправленіе курьера также отказать не для чего по отправленію нашей эстафеты. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получено 28 Марта 1763.

*

Михайла ·Ларіоновичъ. Оренбургской губернаторъ между прочимъ ко мнѣ пишеть о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ Киргизского народа остановкахъ и притѣсненіяхъ; и тако прикажите Коллегіи, чтобы она не умѣдля употребила съ онимъ Киргизскимъ народомъ пристойныя средства, коими бы такъ чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были.

Помѣта канцлера: Получено 31 Марта 1763.

*

Реляцію 7 отъ 13 (24) Февр. изъ Парижа кн. Дм. Голицынъ извѣщаетъ о вступлении Салтыкова въ должность посланника, и прилагая счетъ издержкамъ въ бытность свою повѣреннымъ въ дѣлахъ, просить повелѣнія обѣ уплатѣ.

Переслать немедленно по присланному счету сто рублей на мѣсяцъ, пока онъ бытъ повѣренный въ дѣлахъ.

Помѣта. Возвращено отъ ея имп. в—ва 5 Апрѣля 1763.

Михайла Ларіоновичъ, для Бога скорѣе означьте кандидата для Крымской посылки; можете обнадежить, что кто добровольно пойдетъ, можетъ себя ласкать великихъ авантажей впередъ, и дѣйствительно я ничто не пожалѣю за такую знатную и нужную услугу, а къ Обрѣзкову хотя пять тысячъ для первого случая велите перевести, хотя изъ Кабинета на счетъ статьи-конторы или лучше изъ тѣхъ 30,000 рублейъ, которыя я Коллежи на такія издержки велѣла выдать. Я чутъ обѣ нихъ не позабыла.

Помѣта канцлера: Получено 9 Апрѣля 1763.

*

Къ графу А. Р. Воронцову.

Предъ нѣкоторыми днями статьи-дама наша княгиня Дашкова получила на почтѣ письмо отъ 22 Марта сего года изъ Литтиха отъ нѣкоторой будто Англичанки именемъ Amelie Oldfields, которая пишеть къ ней образомъ собственнаго своего разсужденія, что по причинѣ взятаго нами въ Курляндскихъ дѣлахъ участія подвергаемъ мы жизнь нашу опасности и злодѣйскимъ предпріятіямъ всѣхъ въ Курляндіи, Польшѣ и Саксоніи злодѣевъ, которые будто по нарушенію отъ насъ правъ и преимуществъ сихъ трехъ народовъ и отъ честныхъ между оними людей легко поощрены и ободрены быть могутъ. Изъ сего изъясненія можете вы сами натурально заключить, какой нѣжности дѣло, которое мы вамъ поручаемъ. Пускай упоминаемая Амелія Олдфильдсъ сама себѣ, безъ малѣйшаго повода, вперила въ мысль предъявляемая опасности; но по крайней мѣрѣ осторожность и попеченіе, которыми мы въ разсужденіи собственной персоны нашей обязаны отечеству и всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, требуютъ употребленія всѣхъ удобовозможныхъ мѣръ къ распознанію сущей правды. И для того, опредѣляя по приложенному при семъ векселю на дорогу въ оба пути тысячу рублей, повелѣваемъ мы вамъ какъ наискорѣе ѿхать подъ какимъ ни есть предлогомъ въ Литтихъ и тамъ сыскать вышеозначенную Амелію Олдфильдсъ, въ чёмъ можетъ вамъ служить руководствомъ собственно отъ нея данный адресъ Литтихскаго купца Павла Бюртона.

По учененіи сего первого поступка, имѣете вы далѣе: 1) достовѣрнѣйше освѣдомиться о родѣ, воспитаніи, житіи, настоящемъ состояніи

и душевныхъ качествахъ сей женщины; 2) адресоваться къ ней самой и объявить, что статсъ-дама наша княгиня Дашкова, получа ея письмо, не оставила оное намъ представить, что мы оказываемое къ намъ усердіе принимаемъ къ совершенной нашей благоугодности и конечно не оставимъ взыскать ее существенными опытами щедрости, если она толькоувѣдомленіе свое достаточными изъясненіями доказать и подтвердить можетъ; ибо мы разсуждаемъ, что образъ ея внушенія подъ видомъ ея собственныхъ рефлексій можетъ быть для того учиненъ, что она поопаслась ввѣрить почтъ прямая дѣла обстоятельства, мы восхотѣли подать ей надежной черезъ васъ, яко аккредитованнаго нашего министра, способъ доставить намъ безъ малѣйшаго опасенія всѣ тѣ извѣстія, которыя она имѣть можетъ; и что напослѣдокъ по одной только ненадежности почты не отвѣтствовала ей княгиня Дашкова; 3) стараться по возможности достать какое-нибудь письмо руки помянутой Амеліи Олдфильдсъ, дабы оное сличить здѣсь съ дошедшими къ княгинѣ Дашковой. Впрочемъ, если сія женщина тамъ найдется и вы въ ней такія мысли откроете, то надлежить вамъ при томъ стараться оныя истребить particuliарными разсужденіями, доказывая извѣстное вамъ наше правосудіе и справедливость, по которымъ мы освободили и дали наше покровительство герцогу Эрнесту-Іогану. Отправляя сей ре스크риптъ для поспѣшности съ нарочною стафетою, взаимно повелѣваемъ мы вамъ и отвѣтъ на оной изъ Литтиха равнымъ образомъ безъ укосненія сюда прислать.

При отѣздѣ вашемъ можете вы поручить исправленіе дѣль нашему секретарю посольства Струве, который и сюда въ нашу Коллекцію Иностранныхъ Дѣль о происходящемъ въ отсутствіе ваше доносить имѣтъ. Впрочемъ, рекомендуя вамъ поспѣшность и лучшее сего нашего указа исполненіе, пребываемъ мы вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, Апрѣля 17 дня 1763.

По именному Е. И. Величества указу. Г. Михайла Воронцовъ.

К. Александръ Голицынъ.

*

Изъ всѣхъ примѣровъ справедливости и милосердія нашей всемилостив. Государыни, свидѣтелями коихъ мы бываемъ ежедневно, нѣть болѣе разительного, ни такого, которымъ болѣе обнаружилось бы великолѣпіе ея, какъ поступокъ ея (14 Апрѣля въ Понедѣльникъ) по отношенію къ преступнику, равно преступившему какъ противъ человѣческихъ, такъ и противъ божественныхъ законовъ. Митрополитъ Ростовскій Арсеній прислалъ въ Св. Синодъ два донесенія, собственно ручно имъ подписаныхъ. При чтеніи ихъ, это судилище съ ужасомъ

увидало, что они съ начала до конца преисполнены злостными и наискорбительнейшими для величества выражениями. Синодъ немедленно донесъ объ этомъ Государынѣ, представляя, какъ то и было его обязанностю, что гнусностью своего преступленія этотъ архіерей заслужилъ, чтобы съ нимъ поступлено было по всей строгости закона. Ея имп. в. возвратила вышеупомянутая донесенія Св. Синоду и объявила, что предоставляетъ ему самому сужденіе виноватаго. Всльдствіе этого Синодъ потребовалъ офицера гвардіи, чтѣ и было ему разрѣшено, который, отправившись въ Ростовъ, доставилъ архіерея въ Москву въ Симоновскій монастырь для отчета въ его поведеніи. При первомъ допросѣ въ полномъ собраніи Св. Синода обвиняемый призналъ себя виноватымъ и созналъ всю свою дерзость, и потому Синодъ приговорилъ его за доказанное оскорблѣніе величества и злоумышленное лжетолкованіе Св. Писанія и преданій свв. отцевъ, къ лишенію епископскаго сана, къ растриженію и къ преданію его затѣмъ свѣтскому суду. Когда этотъ приговоръ былъ представленъ на конфirmaцію Императрицы, то ея имп. в.—во, повинуясь свойственнымъ ей великодушію и милосердію, помиловала этого несчастнаго освобожденіемъ его отъ свѣтскаго суда и повелѣла, оставивъ его въ званіи простаго монаха, сослать его въ отдаленный монастырь, гдѣ онъ будетъ находиться подъ присмотромъ настоятеля. Св. Синодъ, вызывавъ предъ себя преступнаго Арсенія, снялъ съ него санъ епископа и священства и въ точности исполнилъ повелѣніе Императрицы.

*

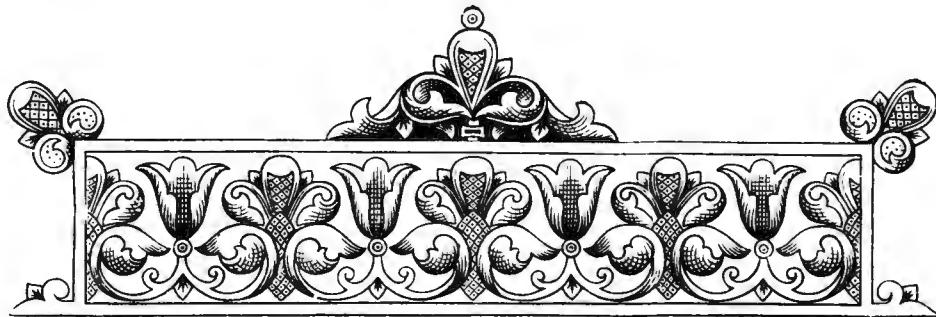
9 Мая 1763 года Императрицѣ представлена канцлеромъ журналъ, возвратившагося изъ командировки къ хану Крымскому Керимъ-Гирею съ требованіемъ о постановлениі письменнаго съ консуломъ Никифоровымъ обязательства о консульскихъ правахъ и преимуществахъ поручика Бастевика, въ которомъ, между прочимъ, онъ доносить о соображеніи ему ханомъ намѣренія населить Волохами слободу на Крымской слободѣ по р. Бугу.

Справиться, не будетъ ли оное селеніе противъ мирнаго трактата, и для лучшаго усмотрѣнія при семъ посыпается карта Новой Сербіи, дабы о семъ можно было Никифорова инструктировать.

*

Михайла Ларіоновичъ, пожалуй послѣдите побѣзду Никифорова и сколько можно снабдите его всѣми подарками, что они требуютъ, дабы для бездѣлицы не испортилось столь великое и важное дѣло. Я не могу довольно Бога благодарить за столь счастливый во всѣхъ дѣлахъ успѣхъ. Продолжи Богъ милость свою далѣе.

Помѣта канцлера: Получено 9 Мая 1763.

ЕЩЕ СВОЕРУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Подлинники хранятся въ бумагахъ князя Безбородки въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ я служилъ (1853—1858). Тогдашній начальникъ Архива, князь М. А. Оболенскій приказалъ мнѣ разбирать Безбородкинскія бумаги. Въ числѣ ихъ сохранились краткія донесенія И. И. Неплюева о состояніи Петербурга въ тѣ часы (28—29 Июня 1762 г.), когда избранная представителями всѣхъ сословій, Государыня во главѣ гвардейскихъ полковъ, отправилась въ Петергофъ. Неплюевъ каждые полчаса посыпалъ къ ней Ѳздоковъ, и въ одномъ изъ донесеній просилъ прислатъ указъ о внесеніи въ церкви св. иконъ, которая, по распоряженію Петра III-го, были изъ нихъ вынесены. Князь Оболенскій проходилъ мимо меня, когда я нашелъ это донесеніе. Прежде чѣмъ успѣлъ я списать его, князь взялъ его у меня, унесъ въ присутственную комнату и пріобщилъ къ бумагамъ которая онъ собираль о Екатеринѣ. Не знаю, въ какой отдель положилъ онъ это донесеніе. Бумаги у него дѣлились на секретныя, секретнѣйшія и тайнѣ подлежащія. Въ послѣдствіи было узнано, что св. иконы выносились только изъ домовыхъ церквей. П. Б.

Указъ гвардіи нашей тремъ пѣхотнымъ полкамъ, господамъ штабамъ.

Какъ со времени императора Петра Великаго и императрицы Анны Іоанновны лейбъ-гвардіи нашей полкамъ никакого штату не сдѣлано, и никакого положенія ни ружью, ни мундирамъ, ни амуничнымъ вещамъ не утверждено: то мы, желая видѣть сіи наши лейбъ-гвардіи полки въ наилучшемъ порядкѣ, повелѣли сочинить примѣрные штаты и табели оружейнымъ, мундирнымъ и амуничнымъ вещамъ, также полагаемымъ при полкахъ артиллерии и упряжкамъ. По разсмотрѣніи же оныхъ имѣете со мнѣніемъ представить намъ на конфirmaцію.

Или для всѣхъ четырехъ полковъ гвардіи сдѣлать одну школу.

Прибавить. Въ Муромской инвалидной ротѣ опредѣлять всегда офицера, заслуженнаго и достойнаго по аттестату штабовъ.

*

На другомъ листкѣ.

Sevastopol doit être fermé pour les vaisseaux marchands.

Eupatoria et Theodosie pourront être ports marchands, de port-franc à débarrasser en pour et contre.

Il est très sûr que Perekop pourrait avoir une douane qui remédierait à la contrebande. On pourrait en faire un essai pour trois, cinq ou sept ans.

Taganrok et Herson conserveraient leurs douanes.

Взять для меня свѣдѣнія, въ чёмъ состоять его убытки и собравъ доложить.

*

Есть ли баронъ Бретель будетъ требовать знать, намѣренна ли я продолжить покойной государыни начатая секретная переписка съ его королемъ, то не имѣю иного отвѣтствовать, какъ то что въ оныхъ писемъ изображено, а именно, что миновать нельзя, чтобъ дѣла трактованы были министрами, резидующими при респективныхъ дворахъ. И такъ уничтожается сама собою оная переписка. Et ce ne serait qu'un verbiage unitile qui ne tenterait point au fait. Я не находила малѣйшей важности въ оной корреспонденціи.

И такъ въ весьма учтивыхъ терминахъ свободите насъ отъ вышереченной переписки.

Писано собственноручно императрицею Екатериною на согнутомъ листѣ золотообрѣзной бумаги. Внизу помѣта великаго канцлера гр. Воронцова: „Получено 29 Декабря 1762“.

*

Неоднократно я уже приказывала безъ всякаго подозрѣнія и остановки отсылать къ Елизавѣтѣ Романовнѣ письма ея фамиліи и отвѣты къ нимъ на оныя дозволять писать; а нынѣ вновь подтверждаю не лишить ихъ сего невиннаго удовольствія и о томъ дать знать Роману Ларіоновичу.

Писано на перегнутомъ полулистѣ золотообрѣзной бумаги, рукою императрицы Екатерины. Внизу помѣта, руки гр. М. И. Воронцова: „Получено 2 Ноября 1762 года“.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

1816-1823 годы*).

С.-Петербургъ, 22 Февраля 1816 г.

Вы совершенно справедливо находите, ваше сиятельство, что бумага нашихъ газетъ невозможная; но могу васъ увѣритъ, что на точно такой же печатаются газеты и для Его Величества. Пока не разрѣшать ввозъ бумаги изъ Голландіи или изъ какого другаго мѣста, у насъ и не будуть дѣлать лучшей. Фабриканты отлично понимаютъ, что производство плохой бумаги дешевѣй обходится, чѣмъ хорошей, а спросъ на дурную будетъ такой же, какъ на хорошую.

Вы предполагаете, что послѣ дарованія конституціи Польшѣ, подумываютъ о введеніи ея и въ Россіи, которая должна быть дороже сердцу Императора, чѣмъ Польша, по всему великому и прекрасному, содѣянному Россіею. Признаюсь, въ настоящую минуту ни по чему не видно, чтобы шла обѣ этомъ рѣчь; я даже не знаю, предполагаютъ-ли дать конституцію въ будущемъ, какъ говорять нѣкоторые. По моему, все ограничится частичными установленіями по улучшенію дѣлопроизводства въ разныхъ вѣдомствахъ. Боюсь, что всѣ подобныя нововведенія не принесутъ никакой пользы, чѣмъ мы не разъ уже испытали. Я вообще замѣчалъ, что у насъ больше занимаются вѣнчаною стороною гражданской и правительствованной службы, чѣмъ самою ихъ сущностью, которая пребываетъ въ прежнемъ состояніи; вотъ почему всѣ преобразованія были только ни къ чему не приводившими новшествами.

*) См. выше, стр. 161.

*

С.-Петербургъ, 19 (31) Марта 1816 г.

Третьаго дня Карамзинъ быль принятъ Государемъ и поднесъ ему восемь томовъ своей Русской Исторіи, только что имъ оконченные. Онъ довелъ ее до покоренія Казани. Трудъ его быль принять милостиво и будеть напечатанъ на пожалованные для сего Императоромъ 60 т. р. Автора сдѣлали статскимъ советникомъ (но не дѣйствительнымъ) и пожаловали ему Аннинскую ленту, чего раньше никогда не бывало, такъ какъ для этого требовался чинъ генераль-маюра; единственнымъ сему исключенiemъ было пожалованіе покойнымъ императоромъ такой же ленты капитану линейнаго корабля Белю, за взятие Неаполя. Я прослушалъ двѣ главы этой Исторіи, *Мамаево побоище* и введеніе къ царствованію царя Ивана Васильевича, эпохъ, съ которой установлено самодержавіе. Если все осталъное въ соотвѣтствіи съ этими двумя главами, то этотъ трудъ останется выдающимся. Слогъ простъ, изященъ и совсѣмъ не цвѣтистъ, чего можно было ожидать отъ Карамзина; въ большинствѣ случаевъ онъ сохранилъ подлинныя выраженія подтверждительныхъ архивныхъ бумагъ, чтѣ придаетъ событиямъ много ясности и достовѣрности. Карамзинъ просилъ меня напомнить вамъ о немъ¹⁾.

Полетики еще нѣть²⁾). Съ нимъ приключилось въ Москвѣ несчастіе: пріѣхавъ туда съ Булгаковымъ и съ бывшимъ полицеймейстеромъ Волковымъ, онъ остановился въ домѣ сего послѣдняго. Домъ деревянный и черезъ нѣсколько дней по ихъ прибытии сгорѣлъ до тла; съ большимъ трудомъ спасли жену и дѣтей Волкова, а Полетику, помѣстившагося на верху, было еще труднѣе спасти. Онъ выскочилъ почти голый, все его платье и прочія вещи сгорѣли. Булгаковъ пріютилъ злосчастныхъ въ домѣ Почтамта, куда только что самъ перѣхалъ.

Большихъ новостей нѣть никакихъ, кромѣ подписанія указа о новомъ тарифѣ, который, слава Богу, удовлетворить, наконецъ, жданію народа и государства. Всѣ ждали этого счастья, какъ единственнаго средства противъ нашего обѣднѣнія. Хотя указъ еще необъявленъ, но увѣряютъ, что всѣ товары впускаются при условіи внесенія очень высокихъ таможенныхъ пошлинъ, черезъ что у всѣхъ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе, что можно открыто получать, чего желаешь, и знать,

1) Въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ Карамзинъ говорить, какъ онъ посыпалъ графа С. Р. Воронцова въ Лондонѣ. П. Б.

2) Петъ Ивановичъ Полетика см. отрывки изъ его Записокъ въ „Русскомъ Архивѣ“. 1885, III (11) П. Б.

что этимъ обогащается казна, а не контрабандисты и таможенные надсмотрщики, которые наживались за счетъ государства и налагали контрибуцію на капиталы и собственность громаднаго населенія имперіи.

Разрѣшено (или по крайней мѣрѣ терпимо) каждому кружку выражать гласно свои мнѣнія, чтѣ вызываетъ и смѣхъ, и жалость. Послѣ органа министра внутреннихъ дѣлъ (*Співрной Почты*), появилась книженка адмирала Мордвинова. Бѣдняга! Его разбила во всю неизвѣстная газетка, поставивши его на ряду съ учениками, не умѣющими еще справляться съ силлогизмами. Не зная его совсѣмъ, я только считалъ его посредственнымъ государственнымъ дѣятелемъ; но, познакомившись въ его брошюрѣ съ его кружкомъ и съ выражаемыми въ ней мнѣніями, я низвелъ его въ ряды жалкихъ писакъ, литературныхъ воришекъ, да къ тому-же и пошлыхъ.

Не думаю, чтобы вашему сіятельству было любопытно познакомиться съ подобными безмыслицами, тѣмъ болѣе, что утвержденіе тарифа положило конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Вексельный курсъ немного палъ послѣ подписанія указа, и побѣжденная сторона не упустила случая покричать на тѣхъ, кто взялъ верхъ; но я думаю, что правота сихъ послѣднихъ будетъ доказана по открытіи навигації, когда состояніе курса вполнѣ докажетъ виновность тѣхъ, кто помѣшалъ государству пустить въ дѣло, еще съ начала 1813 г., всѣ свои средства, въ то самое время, когда союзни нации воспользовались нашими побѣдами, намъ однимъ принадлежавшими. Доказано, что одною контрабандою принесено казнѣ 60 милл. убытку; нажившіе эти миллионы могутъ, въ продолженіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, пожертвовать пятью или шестью миллионами на недолгое пониженіе курса, такъ какъ непредотвратимая сила вещей все подчинитъ себѣ, какъ только торговля пойдетъ опять своимъ естественнымъ путемъ.

Ваше сіятельство продолжаете ожидать у насъ конституції; но я могу вѣсЬ увѣрить, что нѣть даже малѣйшихъ признаковъ того. Ни почему не замѣтно, чтобы желали выслушать мнѣніе народа или правительственныйхъ органовъ относительно предмета столь высокаго значенія. Еслибъ имѣлось въ виду такое важное измѣненіе въ образѣ правленія, это чѣмъ нибудь проявило бы себя; развѣ что ограничается простымъ изданіемъ указа о томъ. Конечно, конституція, введенная такимъ способомъ, была бы также просто и измѣняема, какъ всякое другое постановленіе. Но тогда уже нельзѧ было бы считать ее конституціей. Думается, что намъ до нея еще далеко. Теперь сильно заняты

приведенiemъ въ порядокъ администраціи, исключенiemъ изъ нея людей неспособныхъ или не заслуживающихъ довѣрія. Но всѣ эти мѣры, безъ кореннаго измѣненія законовъ, послужатъ лишь къ временному улучшению въ дѣлахъ управлениія. Богу одному известно, когда мы дождемся полнаго свода законовъ; тотъ, надъ которымъ такъ долго работали, совершиенно уничтоженъ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ писать. На дніяхъ, говорять, выйдетъ уставъ о гражданской службѣ, касательно того, сколько лѣтъ нужно прослужить въ одномъ чинѣ для полученія слѣдующаго, такъ что коллежскому ассесору, напр. придется пробыть на службѣ чуть ли не 24 г. до полученія сего чина, т. е. когда почти все его начальство помретъ или будетъ какъ бы похоронено. Конечно, подобный уставъ, буде таковой появится, никогда не продержится, а исчезнетъ самъ по себѣ. Вѣдь замѣщеніе выѣшихъ мѣстъ должно же происходить, и нельзя постоянно давать преимущество военнымъ за ихъ храбрость на полѣ браніи, при ихъ полномъ невѣдѣніи дѣлъ гражданскихъ въ министерствахъ и канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ *). Дѣйствительно много въ гражданской службѣ настоящихъ воровъ, грабителей, клятвопреступниковъ и даже неспособныхъ, а развѣ нѣть генераловъ наживающихъ на солдатскихъ сухаряхъ и крупѣ и умирающихъ, не внеся тысячи и сотни тысячъ рублей сбереженія по полку или артельямъ.

*

Петербургъ, 1 Мая 1816 г.

Я ничего не слышалъ про отмѣну двадцатипроцентнаго налога съ лицъ, проживающихъ заграницей, и думаю, что онъ и впредъ будетъ взиматься. Казна, конечно, не обогатится; но ваше сіятельство не могли не замѣтить, что у насъ вся система экономіи сводится экономіей на пустяки, за которыми тщательно наблюдаются, между тѣмъ какъ бесполезно тратятся по военному вѣдомству сотни миллионовъ, какъ будто мы все еще въ 1812 г., и Наполеонъ ведеть на насъ всю Европу. Въ настоящее время сокращаются жалованье гражданскимъ чиновникамъ, а они и безъ того чутъ не мрутъ съ голоду отъ неслыханной на все дорогоизны. Больше всѣхъ за это сокращеніе жалованья графъ Аракчеевъ, доказывающій, что нельзя гражданскимъ чиновникамъ давать больше жалованья противъ военныхъ; но сіи послѣдніе живутъ въ казармахъ или на постое у жителей, получаютъ фуражъ и денъ-щиковъ, а здѣсь малѣйший уголь, не то что комнату, не найти дешевле 350 р. Какъ же быть тѣмъ, кто всего получаетъ 350 р.? Не

*) Припомнется Пушкинское: Бывало, важный генералъ служилъ и грамотѣ не зналъ. П. Б.

указывается ли имъ путь на воровство или на продажу дѣлъ и правосудія; не потворствуютъ ли взяткамъ, заранѣе обезпечивая ихъ ненаказуемость, такъ какъ это единственный способъ чиновнику что-нибудь раздобыть себѣ на существование? Къ этому еще хотять, чтобы жалованье было повсюду одно и тоже; но развѣ можно жить здѣсь на то, чего совершенно достаточно въ Казани или Воронежѣ?

Поверхностныя знанія, безпредѣльное самолюбіе, изысканный эгоизмъ, глубокая, скрытая гордость, пристрастіе къ нѣкоторымъ любимцамъ при полномъ недоброжелательствѣ ко всѣмъ прочимъ, при извѣстной долѣ жестокости и недопущеніи никого другого до Государя,— можно-ли такъ обманываться, чтобы такое безобразное сочетаніе считать за любовь къ отечеству или за любовь къ общественному благу? Преслѣдуютъ чиновниковъ, которыхъ почти что заставляютъ быть мошенниками, а смотрѣть сквозь пальцы на то, что творится у военныхъ, которыхъ, по многимъ на то примѣрамъ, можно поставить на одну линію съ тѣми.

Столько уже и раньше сего преступныхъ умниковъ привели Россію къ страшному истощенію, довершенному чрезвычайными обстоятельствами; а плательщики теперь не въ состояніи платить подати, не голодая сами съ своими семьями. Повелѣно представить недоимки въ четырехмѣсячный срокъ. Тверской губернаторъ привелъ это въ исполненіе, заставляя продавать у крестьянъ послѣднее ихъ добро. Вмѣстѣ съ недоимками онъ представилъ вѣдомость о смертности отъ голода и нищеты и просыбу въ отставку. Его уволили съ выговоромъ, а господа Аракчеевы и Гурьевы, подписывающіе подобные приказы, сидятъ, чтобы продолжать подобная же противорѣчія, отдѣльваясь разъясненіями Сената, что указъ о недоимкахъ относился только къ виннымъ и солянымъ откупщикамъ! Но какъ они тамъ ни разъясняй, всѣмъ извѣстно, что Тверской губернаторъ Озеровъ не глупѣе ихъ, а что погибшіе Тверскіе крестьяне воскреснутъ только въ день Страшного Суда, когда Аракчееву и Гурьеву придется дать отчетъ объ ихъ ужасной смерти.

Велѣствіе разъясненій Сената касательно послѣдняго указа о взысканіи недоимокъ, приступять на будущей недѣлѣ къ продажѣ имѣній винныхъ и соляныхъ откупщиковъ, въ числѣ коихъ графъ Дмитрій Зубовъ. Но подобныхъ господъ нечего жалѣть: такъ они себя сами уронили, водясь со всякаго рода дрянью. Но кто достоинъ сожалѣнія — это давшіе имъ залоги, такъ какъ, въ случаѣ непокрытія не-

доимокъ продажею имущества откупщиковъ (а они почти всѣ ловкіе мошенники и, конечно, успѣли попріпратить многое), приступать къ продажѣ имѣній залогодателей; вотъ тутъ и будетъ нанесенъ смертельный ударъ дворянству, который сразить и нѣкоторыхъ богачей, но особенно тяжело отзовется на мелкихъ помѣщикахъ, которые и не подозрѣваютъ, что имъ грозить такое несчастіе.

Но я предпочитаю не разстраивать васъ картиною грядущихъ бѣдъ и, опуская занавѣсь, перейду къ бѣдному Трощинскому. Онъ сильно заболѣлъ отъ всѣхъ этихъ мѣръ, къ которымъ онъ никакъ не причастенъ, и отъ неимѣнія силъ хладнокровно приводить въ исполненіе эти жестокіе приговоры. На время его болѣзни, Козодавлевъ править Министерствомъ Юстиціи. По счастью, Трощинскому лучше, къ общей радости, такъ какъ всѣ видятъ въ немъ защитника отъ разрушителей счастія и славы Россіи.

*

С.-Петербургъ, 16 Іюня 1816 г.

Вашему сіятельству будетъ очень пріятно узнать, что послѣ такого явнаго и продолжительного пренебреженія благоденствіемъ Россіи, Императрица, кажется, послѣднія недѣли болѣе довольна, чѣмъ была до времени. Заботы и вниманіе, которыми ее окружаютъ и отъ которыхъ она поотвыкла, доставляютъ ему, повидимому, большое удовольствіе. Не знаю, приведеть-ли это къ полному согласію или нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, ея не такъ забываютъ, какъ это было съ Вѣны. Пошли Господь, чтобы это подымающееся счастіе соотвѣтствовало умноженію членовъ царской семьи, такъ какъ послѣ 22-го Іюля уѣдетъ и великая княгиня Марія Павловна, и тогда останутся только обѣ Императрицы, добруму согласію между которыми слѣдовало бы пріумножаться.

Нѣсколько дней назадъ я послалъ графу Михаилу списокъ съ указа объ освобожденіи крестьянъ-Эстонцевъ. Я расчитывалъ послать вашему сіятельству печатный указъ; но кажется, онъ будетъ напечатанъ только по эстонски, и списокъ вы можете получить отъ вашего сына. Выраженія въ этомъ указѣ выдаютъ мысли и желанія касательно этого предмета. Слава Богу, что не вздумали напечатать его по русски. Стдитъ только разсмотрѣть положеніе Эстляндіи, чтобы видѣть, что дворянине тамъ пожертвуютъ немногимъ. Крестьянамъ въ Эстляндіи всегда будутъ мѣшать выселяться, съ одной стороны море, а съ другой и безъ того населенные губерніи Имперіи, не считая выгодъ отъ портовъ и большой торговли, чтѣ будетъ ихъ удерживать еще болѣе, чтобъ дать имъ

пользоваться сбытомъ предметовъ своей промышленности. Большая часть Русскихъ губерній не имѣютъ подобныхъ поводовъ, и Богъ вѣсть, что съ нами произойдетъ, если подобную мѣру захотѣлъ по-опрѣдѣлить въ остальной Россіи. Принцъ Ольденбургскій получилъ Влади-мирскую ленту за это, какъ генералъ-губернаторъ и предсѣдатель этой комиссіи; прочие депутаты получили тоже награды за свои невеликія старанія. Вотъ чѣмъ пока ограничивается ожидаемая конституція, и я думаю, что на этомъ мы надолго остановимся. Вообще, большая часть времени поглощена военщиною.

Самое существенное, что теперь вводятъ, это переводъ 11-ой пѣхотной дивизіи на постоянныя квартиры въ окрестностяхъ Смоленска¹⁾. Я не знаю точно, на чёмъ это основано, но полагаю, что, если даже только одни резервы будуть черезъ это прокормлены, то доходы государства много выигрываютъ, такъ какъ ихъ едва достаетъ на содержаніе одной арміи. Засѣдаетъ комитетъ о предлагаемыхъ измѣненіяхъ по артиллеріи и касательно предположенія уничтожить почти весь обозъ полка и завести отдѣльные фурштаты, подъ независимымъ управлениемъ изъ строевыхъ офицеровъ. Подобные фурштаты существуютъ въ Австріи, гдѣ легко бы и узнать, пригодны ли они или нѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Австрійцы вѣчно голодаютъ съ своими фурштатами и должны прибѣгать къ воровству и грабежу, чтобы удовлетворить этой первой необходимости существованія и не умереть отъ истощенія.

Вы, вѣрно, не удивляетесь, что списокъ нашимъ генераламъ—секретъ. Если князь Волконскій не рѣшался заказать отъ себя безъ разрѣшенія Государа въ Тулѣ пару пистолетовъ для Ея Величества, назначавшей ихъ въ подарокъ своему племяннику²⁾, а морской министръ не счелъ себя въ правѣ, безъ той же формальности, взять на фрегатъ слугу, можно ли ихъ называть министрами? Гдѣ тутъ значеніе ministra? А между тѣмъ люди эти счастливы и обогащаются.

Персидскій посолъ уѣхалъ десять дней тому назадъ очень недовольный и дѣлами, которыя не устроились, и полученными подарками. Онъ не захотѣлъ принять двѣ шубы, такъ онѣ были плохи, и пришлось замѣнить ихъ лучшими. Содержаніе его обходилось тысячу р. въ день, а одновременно съ этимъ ему отказывали въ портерѣ и другихъ пустякахъ, ссылаясь на дороговизну. Къ стыду нашему, Англичане

¹⁾ Этотъ опытъ долженъ будетъ въ 4 года или въ 5 лѣтъ доказывать, можно ли его будетъ примѣнить ко всей арміи.

²⁾ Сыну Шведской королевы. П. Б.

подарили ему 200 бутылокъ портеру. Воровство и мошенничество стали у насъ, дѣйствительно, ужасными, и этого бѣднягу, за тысячу р. въ день, кормили Богъ знаетъ чѣмъ, а свиту его морили голодомъ.

Замѣчаніе вашего сіятельства касательно Іезуитовъ вполнѣ справедливо, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя были у насъ. Невѣроятно, до чего много перешло въ Католичество, особенно женщинъ. Но указъ о Іезуитахъ поудержалъ ихъ творить публичный скандалъ изъ своего вѣроотступничества. Графа де-Местра, посланника Сардинскаго короля при нашемъ дворѣ, перваго Іезуита, проведшаго два года у нихъ въ монастырѣ въ Полоцкѣ, чтобы написать о нихъ хвалебную книгу, обвиняютъ совершенно справедливо, что онъ ввелъ Іезуитовъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, и что больше всего перешли въ Католичество его друзья. Жаль, что его не выпроводили за однажды Іезуитами.

Предполагаютъ, что мѣсто въ Копенгагенѣ оставляется для кого-то изъ военныхъ. Я уже не знаю, Пфуль-ли уступить свое мѣсто кому-нибудь изъ болѣе всего покровительствуемыхъ и удовольствуется другимъ, или же Тюиль будеть туда назначенъ, чтобы такимъ образомъ очистить мѣсто въ Римѣ Италинскому, которому предоставляется это мѣсто, какъ почетный покой его старости. Баронъ Строгановъ, заступающій его мѣсто въ Константинополѣ, отправляется туда въ этомъ мѣсяцѣ. Генералъ Ермоловъ, Ѳдущій посломъ въ Персію, чтобы потомъ сдѣлаться главнокомандующимъ въ Грузіи, прибылъ сюда вчера. Думаютъ, что онъ поѣдетъ одновременно съ Персидскимъ посланникомъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ оживить въ этихъ краяхъ память о покойномъ князѣ Цициановѣ. Адмиралъ Грейгъ отбылъ для командованія Черноморскимъ флотомъ.

*

С.-Петербургъ, 1 Августа 1816.

Здѣсь уже не выходить болѣе никакого исторического календаря, какъ это было при Императрицѣ Екатеринѣ, а *Карманній Календарь*, переводъ съ очень плохаго Нѣмецкаго календаря, съ самыми пошлыми анекдотами. Его не стоитъ посыпать заграницу; да къ тому же онъ только по названію *Карманній*, а его и въ мѣшокъ едва уложишь. Я не знаю никакого историческаго труда о Россіи за послѣднія 12 лѣтъ, кроме одной хорошей исторіи Россіи Стрітера, 3 т. въ 4-ку, но она вышла раньше годовъ вами назначенныхъ. Скоро приступятъ къ печатанію Исторіи Карамзина, которую я и буду высылать вашему сіятельству по мѣрѣ выхода каждого тома. Ваши сѣтованія касательно сквер-

ной бумаги, на которой у насъ печатаютъ книги, вполнѣ основательны. Признаюсь, я приписываю это нашему еще варварству въ этомъ отношеніи, и на днѣхъ я присутствовалъ при переговорахъ Карамзина и Закревскаго на счетъ изданія Исторіи первого изъ нихъ. Онъ особенно старался выбрать самую сѣрую, непрочную бумагу, какъ самую дешевую: 13 рублей всего. Такая жадность меня возмущила. Ему дано на изданіе 60 тыс., а ему эти 1000 экземпляровъ обойдутся не болѣе 40 тыс., слѣдовательно онъ выгадаетъ 20 т., кромѣ того что получить отъ продажи тысячи экземпляровъ. Всего сто только экземпляровъ будутъ напечатаны на бумагѣ немного получше. Я тщетно искалъ чего-нибудь напечатанного о странахъ около Кавказа, Каспійскаго и Чернаго морей и Аракса; рѣшительно ничего не появлялось по этому предмету. Клапротъ, путешествовавшій на деньги нашего правительства, издалъ для Нѣмцевъ, на Нѣмецкомъ, книгу о своемъ путешествіи, переведенную и на другіе языки; говорятъ, что вѣроятно онъ доставилъ Академіи какой-нибудь рапортъ, скрытый подъ спудомъ пыли и нашей лѣни, такъ что мы, самые заинтересованные въ этомъ, остаемся въ полномъ невѣдѣніи. Вообще, у насъ ограничиваются переводомъ нѣсколькихъ плохенькихъ романовъ, только разстраивающихъ воображеніе и развращающихъ нравы.

*

С.-Петербургъ, 8 Сентября 1816 г.

Совершенно вѣрно, что Государь былъ до крайности любезенъ въ Москвѣ. Онъ посѣтилъ самыхъ почетныхъ въ ней дамъ, чего у него нѣть въ обыкновеніи дѣлать здѣсь, а также всѣ общественные учрежденія, наградилъ всѣхъ по заслугамъ и, вообще, особо милостиво обошелся, какъ съ дворянствомъ, такъ и съ гражданами. На другой день по его прибытіи, представлялась ему депутація отъ дворянъ, при чемъ онъ держалъ къ нимъ рѣчь безъ приготовленія. Сущность ея въ томъ, что за всѣ наши побѣды мы должны быть благодарны Провидѣнію, избравшему именно насъ, чтобы уничтожить врага всей Европы и установить порядокъ и тишину. Закончилъ онъ благодарностію дворянству за сдѣланнія имъ пожертвованія и за стойкость и храбрость, съ которыми оно перенесло бѣдствія Москвы.

Говорятъ о многихъ другихъ милостяхъ, еще не объявленныхъ здѣсь официально, какъ напр. о четырехъ фрейлинахъ, въ числѣ коихъ дочь Кутайсова и какая-то Киселева. Графиня Марія*) пишеть мнѣ, по секрету, что и она получила свою долю милостей разрѣшеніемъ ей

*) Марія Григорьевна Разумовская. П. Б.

ссуды въ 30 т., на 15 лѣтъ, о которой она просила Государя письмомъ переданнымъ ему графомъ Каподистрію. Проходя съ ней вечеромъ того же дня въ Польскомъ, Государь лично подтвердилъ ей это разрѣшеніе. Ссуда эта позволить ей расплатиться съ долгами, а ей легко будетъ погашать ихъ ежегоднымъ взносомъ въ 2 т. Не знаю, посланъли объ этомъ сюда указъ, но графъ Каподистрія приложилъ къ этому дѣлу столько старанія, что конечно, доведетъ его до конца. А къ тому-же, въ лицѣ Северина у нея добрый защитникъ ея выгодъ у помянутаго графа. Самая странная и поражающая новость въ числѣ этихъ милостей, это указъ о назначеніи Сперанского губернаторомъ въ Пензу, а Магницкаго вице-губернаторомъ въ Воронежъ. Ваше сіятельство прочтете этотъ указъ въ газетѣ, которую посылаю графу Михаилу. Увѣренъ, что подобною цѣною немногіе захотѣли бы получить милость такого рода.

*

С.-Петербургъ, 1-ое Декабря 1816 г.

Что касается госпожи Буниной, этой жалкой Русской Сафо, то ее отправили въ Англію, чтобы дать тамъ печальный образчикъ нашихъ поэтесъ. Она немало надоѣдала мнѣ и преслѣдовала меня, и только что сѣла на корабль въ Кронштадтѣ, какъ стала посыпать мнѣ посланія въ Бруксаль, чтобы получить отъ меня письма къ вашему сіятельству и къ барону Николаи, въ виду ея нужды въ деньгахъ. Поэтому я ничего и не сдѣлалъ ей. Она злоупотребляла также добротою Ея Величества, которая часто отказываетъ себѣ въ необходимомъ для дѣлъ благотворенія. Графиня Строганова только потому и знаетъ ее, что содѣйствовала къ ея отправкѣ и дала ей письмо къ вашему сіятельству по просьбѣ господина Шишкова, горячаго ея покровителя. За это, послѣ смерти, получишь прекрасную біографію или панагерикъ въ какой-нибудь газетѣ: вотъ и все. Надѣюсь, что эта несчастная Сафо избавить васъ скоро отъ своего присутствія и вернется къ намъ, чтобы уже больше никогда не предпринимать такихъ поэтическихъ путешествій.

*

С.-Петербургъ, 4 Января 1817 г.

Здѣсь ожидали къ Новому году большихъ милостей и перемѣнъ въ управлениі; но оказалось, что о послѣднемъ нѣть и рѣчи, а награды ограничились пожалованіемъ Андреевской ленты Гурьеву, а князю Волконскому и Коновничу брилліантовыхъ знаковъ Александра Невскаго. Четырнадцатилѣтняя дочь Коновницына пожалована во фрейлины. Думаю, что этимъ назначеніемъ обязываютъ его остаться въ такъ называемомъ Военному Министерствѣ, откуда онъ не перестаетъ

просить увольненія. Судя по наградѣ Гурьеву, нужно считать наши финансы въ блестящемъ положеніи и, дѣйствительно, состояніе Монетнаго Двора, показаннаго Государю, было для него столько же пріятно, какъ и неожиданно, по невѣроятному количеству хранящейся тамъ монеты. Но это никому неизвѣстно, а перестань это быть тайною, тогда вѣроятно и перестало бы быть чудомъ. Послѣ этого осмотра Монетнаго Двора дано много наградъ въ Министерствѣ Финансовъ. Однакоже, по моему крайнему разумѣнію, сдѣлки въ Ригѣ на хлѣбѣ, на 25 миллионовъ, больше поспособствуютъ поднятію нашего курса, чѣмъ предполагаемыя сокровища господина Гурьева. Козодавлевъ участвовалъ тоже въ пожалованныхъ наградахъ, но совершенно особенно. Жена его причислена 12-го Декабря къ кавалерственнымъ дамамъ ордена св. Екатерины, а такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ не былъ у Государя съ докладомъ, то черезъ Аракчеева просилъ позвolenія принести свою благодарность въ кабинетѣ Его Величества, чѣмъ и воспользовался, чтобы выпросить 50 тысячъ для выкупа своего дома, который онъ отдавалъ виннымъ откупщикамъ для залоговъ. Вѣроятно, бѣдняга затруднялся изъ своихъ капиталовъ взять эту сумму, тогда какъ капиталовъ у него водится немало. Полагаю, что онъ не будетъ послѣ сего благодарить Государя въ кабинетѣ: вѣдь Государь выкупаетъ его домъ уже въ третій разъ.

*

С.-Петербургъ, 4 Марта 1817 г.

Сегодня утромъ я былъ у графини Строгановой, пожелавшей переговорить со мной о положеніи одной семьи, по своему имени дорогой вашему сіятельству и графу Михаилу*). Братъ адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, флотскій капитанъ въ отставкѣ, Сергій Дмитріевичъ, давно вынужденъ былъ оставить службу изъ за многочисленной семьи своей (11 человѣкъ дѣтей) и жить въ маленькомъ имѣніи, подъ Калугою, довольствуясь самимъ необходимымъ, но, по крайней мѣрѣ, не въ тяжелой нуждѣ. Графиня Строганова воспитала на свой счетъ двухъ его дочерей въ здѣшнемъ Екатерининскомъ Институтѣ, и ихъ считаютъ за своихъ у нея въ домѣ. За ними одна ихъ красота и приданое, которое имъ сдѣлаетъ графиня, при выходѣ въ замужество. Отецъ ихъ, достойнѣйший человѣкъ, по словамъ графа и графини Строгановыхъ, въ настоящее время въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ при томъ немногомъ, что имѣеться, какъ ваше сіятельство увидите это изъ прилагаемаго письма, переданнаго мнѣ графинею Строгановой. Желаніе ея сдѣлать извѣстнымъ вашему сіятельству положе-

* Графъ С. Р. Воронцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной. П. Б.

женіе этой семьи, имѣющей счастье быть съ вами въ свойствѣ, основано на увѣренности, что только вы съ графомъ Михаиломъ можете помочь Сенявинамъ въ ихъ нуждѣ. Графиня Строганова давно уже говорила мнѣ, что собирается написать вамъ, чтобы расположить вѣсть и графа Михаила принять участіе въ двухъ барышняхъ Сенявиныхъ и пристроить ихъ; но тревоги графини за здоровье мужа не позволили ей до сихъ поръ привести свое намѣреніе въ исполненіе; а теперь она просить меня взяться за это порученіе. Я позволилъ себѣ замѣтить графинѣ, что, для доказательства своего полнаго къ вамъ обоимъ довѣрія, ей слѣдуетъ точно опредѣлить, какого рода помочь она просить для Сенявиныхъ. Графиня согласилась на это, не боясь по извѣстной ей щедрости вашей показаться нескромною. Для полнаго удовлетворенія этой семьи нужно, по словамъ графини, тысячу рублей, чтобы выкупить имѣніе въ пользу отца и меньшихъ дѣтей, и по двѣ тысячи каждой изъ двухъ старшихъ дочерей. Что касается ихъ приданаго, то графиня ничего не пожалѣеть, чтобы сдѣлать его достойнымъ полученнаго ими воспитанія и носимаго ими имени.

*

С.-Петербургъ, 7 Іюля 1817 г.

Скончался достойнѣйшій графъ Строгановъ¹⁾. Какъ я это предчувствовалъ и какъ доктора тоже предсказывали, онъ скончался на второй день послѣ своего отплытія изъ Копенгагена, гдѣ онъ разстался съ графинею и съ княземъ Дмитріемъ Голицынамъ, потребовавъ настоятельно ихъ возвращенія домой и сказавъ имъ при этомъ, что онъ чувствуетъ себя очень плохо, а они ему ни въ чёмъ помочь не могутъ. Врачи, на консультациіи въ Копенгагенѣ, опредѣлили, что ему не прожить болѣе двухъ-трехъ дней. Графиня должна была повидать его еще разъ въ Эльзинорѣ, на другой день; но, пріѣхавъ туда, узнала, что, по желанію графа, фрегатъ не остановился тамъ. Онъ скончался на другой же день или, лучше сказать, угасъ какъ свѣча, отъ полнаго истощенія силъ физическихъ: но до самаго конца сохранялъ силы душевныя, говоря съ докторомъ по англійски, съ племянникомъ, барономъ Строгановымъ²⁾ по французски, а со слугою по руски. Вскрывалъ тѣло Датскій докторъ, вмѣстѣ съ Англичаниномъ, докторомъ графа, и обнаружилось, что у него вмѣсто легкихъ былъ кусокъ, не большие двухъ дюймовъ величины, покрытый множествомъ гнойныхъ нарывовъ и въ полномъ разложеніи. Похороны проходили вчера, въ

¹⁾ См. о немъ нашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887, I. II. Б.²⁾ Графомъ Александромъ Григорьевичемъ. II. Б.

присутствіи Государя и великихъ князей Константина и Михаила¹⁾. Государь очень опечаленъ кончиною своего друга съ дѣтства, а на бѣднаго Новосильцова²⁾ тяжело было смотрѣть, какъ онъ сдерживалъ свою скорбь, видя вмѣсто друга гробъ съ его прахомъ. Рѣдко смерть вызывала такое общее сожалѣніе, какъ кончина графа Строганова, котораго всѣ уважали за его качества и убѣжденія. Графиню вся ея семья встрѣтила близъ Выборга, въ имѣніи ея матери, княгини Голицыной. Она остановилась у себя на дачѣ недалеко отъ Каменного острова, только чтобъ повидать своихъ двухъ младшихъ дочерей, и, не заѣзжая въ городской домъ, проѣхала въ имѣніе свое на Тоснѣ, въ ста верстахъ отсюда. Состояніе ея здоровыя, при неутѣшной скорби, грозить новымъ горемъ для ея семьи, и такъ уже жестоко испытанной за послѣднее время тяжелыми утратами³⁾.

Наша эскадра съ войсками⁴⁾ прибыла сюда 2-го числа, совершивъ переходъ въ 10 дней, по истинѣ удивительный: солдатамъ некогда было и поболѣть. Два прибывшіе на ней полка назначены въ ученіе, которое будетъ производиться послѣ Петергофского праздника.

Свадьба великаго князя⁵⁾ и празднества задержали отправку курьера, и я готовлю это письмо, не зная точно, когда оно пойдетъ. Въ числѣ всякихъ милостей одна изъ самыхъ значительныхъ—пожалованіе Ламсдорфу графскаго титула, при арендѣ въ 8 т. рублей серебромъ на 50 лѣтъ, и множество цѣнныхъ подарковъ на великую сумму. Пашковъ, зять умершаго графа Толстаго, тотъ, что завѣдывалъ послѣ него дворомъ, сдѣланъ гофф-маршаломъ, къ вящему недовольству имѣющихъ передъ нимъ старшинство по службѣ. Две дочери покойнаго князя Суворова⁶⁾ пожалованы во фрейлины, какъ и еще много другихъ, но

¹⁾ Архимандритъ Филаретъ говорилъ долгую проповѣдь, и тутъ Александръ Павловичъ могъ насмотрѣться на человѣка, которому черезъ немногого лѣтъ поручилъ написать завѣщаніе, оставшееся не безъ бѣдъ въ Русской исторіи. Долгая проповѣдь эта, въ значительно иномъ видѣ противъ того, что позднѣе появилось въ Собраниі словъ и рѣчей Филарета, вполнѣ напечатана Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ его книгѣ о графѣ П. А. Строгоновѣ. П. Б.

²⁾ Кажется, мать Новосильцова была лѣбою дочерью барона Сергія Николаевича Строганова; иначе Н. Н. Новосильцовъ унаслѣдовалъ бы отъ матери богатство, но онъ его не имѣлъ. П. Б.

³⁾ Графиня Софья Владимировна прожила до 1845 года. П. Б.

⁴⁾ Изъ Франціи. П. Б.

⁵⁾ Николая Павловича. П. Б.

⁶⁾ Кн. Марья Аркадіевна (за кн. Голицынымъ, потомъ за Остоловскимъ) и кн. Варвара Аркадіевна (за Башмаковымъ и потомъ за кн. Горчаковымъ). П. Б.

незнакомыхъ въ Петербургѣ. Новая Великая Княгиня пришлась здѣсь по душѣ; повидимому она добра, любезна и умна.

О будущемъ назначеніи Новосильцова еще ничего неизвѣстно. Сперва его прочили въ министры народнаго просвѣщенія, а затѣмъ на мѣсто Троцкаго, который давно просится въ отставку. Теперь же говорять, что великий князь¹⁾ ни за что не разстанется съ нимъ. Новосильцову дѣлаетъ честь, что Поляки не менѣе великаго князя желаютъ, чтобы онъ остался у нихъ, и это, несмотря на почти открытую непріязнь князя Адама²⁾. Людей, которые знали про ихъ долгую, тѣсную дружбу, эта непріязнь очень удивляетъ, и они ищутъ объяснить ее разными неподходящими причинами, тогда какъ единственная и самая простая причина въ томъ, что одинъ изъ нихъ Русскій, а другой Полякъ. да еще озлобленный, можетъ быть, тѣмъ, что ему не удается имѣть, съ помощью Россіи, значеніе, которое до него игралъ Понятовскій. Говорятъ даже, что онъ избѣгаетъ Русскихъ. Это становится и смѣшно, и не забавно.

*

С.-Петербургъ, 7 Августа 1817 г.

Ѣду завтра въ Царское Село, откуда думаю побывать у графини Строгановой, которую я еще не видѣлъ по ея возвращеніи. Знаю, что скорбь ея все такая же; но Государь, по своей добротѣ, облегчилъ ей, по крайней мѣрѣ, ея затрудненія въ дѣлахъ, поручивъ Новосильцову составить указъ по завѣщанію ея покойнаго мужа, коимъ утверждаются главныя статьи онаго. Говорятъ, въ завѣщаніи есть очень странныя статьи, какъ напр. та, которую графъ запрещаетъ всѣмъ своимъ наслѣдникамъ закладывать хотя бы малѣйшую часть имѣній. А самъ онъ, между тѣмъ, не далѣе какъ прошлой зимой, прибѣгъ къ этому, чтобы не допустить до продажи всѣхъ своихъ заложенныхъ имѣній, устроить свои дѣла и успокоить этимъ себя и семью. Онъ пожертвовалъ на это 1.200.000 т. рублей. Но какъ при этомъ обернуться, чтобы уплатить 5 миллионовъ долгу и по 3 миллиона каждой изъ трехъ младшихъ дочерей³⁾, т. е. всего 14 миллионовъ? Увѣряю (но это еще требуетъ подтвержденія), что по старой тяжбѣ, только что рѣшенной Совѣтомъ, Государь приметъ на себя 5-ти миллионный долгъ графа, какъ вознагражденіе за розданныя въ другія руки имѣнія Строгановыхъ, со

¹⁾ Т. е. Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ. П. Б.

²⁾ Чарторыжскаго. П. Б.

³⁾ Графини Натальи, Елизавета и Ольга; четвертая дочь Аделаида уже была въ супружествѣ за кн. Вас. Серг. Голицынымъ (котораго мать Марія Ивановна—сестра Я. И. Булгакова). П. Б.

временъ Петра Великаго, въ виду невозможности вѣрнуть имъ эти имѣнія. Однако и въ этомъ случаѣ все же останется приготовить 9 миллионовъ въ приданое тремъ младшимъ дочерямъ, изъ которыхъ одна уже въ возрастѣ невѣсты, а другая того достигнетъ года черезъ 4. Баронъ Сергѣй Строгановъ¹⁾, женившись на старшей, унаслѣдуетъ и графское имя и всѣ, безъ исключенія, имѣнія на вышеприведенныхъ условіяхъ; но при этомъ графиня остается пожизненно полною распорядительницею всего состоянія.

Графъ Михаилъ долженъ былъ передать вашему сиятельству проповѣдь архимандрита Филарета, произнесенную при погребеніи графа Строганова. Онъ считается здѣсь самымъ лучшимъ проповѣдникомъ, но такъ какъ его третьяго дня сдѣлали епископомъ и викаріемъ здѣшняго митрополита, то, можетъ, это была его послѣдняя проповѣдь. Не становясь судьею, скажу однако, что въ проповѣди были нѣкоторыя слабыя мѣста, особенно гдѣ онъ говорилъ о судьбѣ, какъ бы по Корану.

*

С.-Петербургъ, 1 Сентября 1817 г.

Государь отправился 25-го Августа во внутреннія губерніи на смотры и ученья, начавъ ихъ съ Могилева, гдѣ главная квартира фельдмаршала²⁾, и куда онъ назначилъ прибыть въ день Александра Невскаго. Въ этотъ день положено обнародовать указъ о пожалованіи столовыхъ денегъ батальоннымъ командинамъ, какъ это недавно было даровано полковникамъ и генераламъ, завѣдующимъ отдѣльными частями. Здѣсь, въ этотъ день, объявлять манифестъ о томъ, что въ будущемъ году не будетъ рекрутскаго набора. Вѣроятно, прослѣдуютъ еще нѣкоторыя менѣе важныя милости, о которыхъ мы узнаемъ изъ Могилева. Завершивъ свой объѣздъ Государь, въ концѣ этого мѣсяца, Тарутинскимъ, гдѣ гренадерскій корпусъ Остермана произведеть военные передвиженія. Въ день Кульмской битвы, 17-го Августа, Остерманъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, на память объ этой битвѣ, гдѣ у него отстрѣлило руку и онъ привелъ наши войска къ блестящей победѣ. Курьеру, который везъ этотъ приказъ, повелѣно было явиться съ нимъ къ Остерману въ самый день празднованія Кульмской битвы. Послѣ Тарутинского смотра, Государь отбудеть въ Москву, куда, къ тому же времени, прибудуть и Императрицы, для совмѣстнаго торжественнаго вѣзда. Я буду имѣть честь сопровождать Ея Величеству въ Москву, и отѣздъ нашъ назначенъ на 23-ье или 24-ое сего мѣсяца. Свита Ея Величества немногочисленна и будетъ состоять изъ фрейлинъ

¹⁾ Незабвенный для нашего Московскаго Университета его попечитель. П. Б.

²⁾ Графа Барклай-де-Толли. П. Б.

Валуевой и княжны Волконской, госпожи Пигъ, князя Голицына, министра духовныхъ дѣлъ штаммейстера Посникова, доктора Штофрегена и меня. Вдовствующая Императрица выѣдетъ 25-го со свитою гораздо многолюднѣе, говорять. Великій князь Николай Павловичъ и его супруга выѣдутъ 17-го, чтобъѣхать только днемъ, не торопясь, съ цѣлью не утомлять ея высочество въ ея положеніи. Здоровье ея очень не крѣпко и часто давало поводъ тревожиться за нее. Предполагаютъ, что дворъ вернется въ Мартѣ мѣсяцѣ къ родамъ великой княгини, такъ какъ Императрица-мать не соглашается, чтобъ это событие произошло въ Москвѣ*). Но моему, лучше бы въ такомъ случаѣ отложить поѣздку до весны. По крайней мѣрѣ, тогда воспользовались бы лучшимъ временемъ года.

*

Москва, 10 Ноября 1817 г.

Вы спрашиваете, графъ, правда ли, что Ермоловъ привезъ съ собой Французовъ-Бонапартистовъ. Я скажу вамъ вполнѣ увѣренно, что нѣтъ, такъ какъ онъ не терпитъ всѣхъ иностранцевъ вообще, а Французовъ особенно. У него первымъ переводчикомъ Негри изъ Греко-Валаховъ, зять покойнаго князя Ипсаланти; искій Соколовъ—совѣтникомъ миссіи, тотъ самый, который во время князя Михаила состоялъ при князѣ Циціановѣ; Армянинъ Худобошевъ, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и морской офицеръ Коцебу, сынъ писателя. Всѣ прочіе при Ермоловѣ Русскіе, преимущественно изъ военныхъ. Впрочемъ, Ермоловъ пишетъ все самъ, а остальные больше для представительства и для снятія пустынщихъ, быть можетъ, списковъ. Я читалъ одно его письмо, въ которомъ онъ самъ оправдываетъ политику своей миссіи, и я нахожу, что онъ отлично дѣлаетъ, не довѣряя людямъ, не имѣющимъ, по своимъ качествамъ, никакихъ правъ на довѣріе съ его стороны. А умъ и тонкость Ермолова давно вошли въ поговорку. Графъ Михаиль разскажетъ вамъ, какъ Ермоловъ отдалъ встрѣтившагося ему полковника изъ Бонапартистовъ за то, что онъ жестоко наказалъ двухъ музыкантовъ. Онъ донесъ объ этомъ Государю, который одобрилъ его дѣйствія въ настоящемъ случаѣ.

*

Москва, 21 Февраля 1818 г.

Вы совершенно правы, графъ, строго осуждая описание Москвы, сдѣланное Карамзинымъ для Императрицы-матери. Онъ любить быть

*) Это нерасположеніе къ Москвѣ унаслѣдовано и родившимся въ ней 18 Апрѣля 1818 года Александромъ Николаевичемъ, который однажды выразился, что изъ Москвы онъ уѣзжаетъ, какъ изъ душного заклена (слышано отъ гр. А. Д. Блудовой). Когда онъ подросъ, то, по приказанію бабушки, его возили поклоняться гробницѣ Фридриха II-го. И. Б.

занимательнымъ при этомъ дворѣ, гдѣ его баловали больше, чѣмъ слѣдовало. Это, впрочемъ, постоянный грѣшокъ всѣхъ писателей. Что касается его Исторіи, то двѣ главы, которыя онъ самъ прочелъ мнѣ, очень мнѣ понравились, но я еще не могу сказать моего мнѣнія обо всей книгѣ. Я вамъ посылаю два экземпляра Исторіи Государства Россійского съ настоящимъ курьеромъ, не успѣвъ даже ихъ просмотрѣть, такъ какъ получилъ ихъ только третьаго дня.

* Москва, 18 Марта 1818 г.

Со дnia отѣзда Государя, обѣ Императрицы ведутъ почти что домашній образъ жизни. Для императрицы Елизаветы приготовляютъ дачный дворецъ „Васильевское“, принадлежавшій сперва князю Долгорукову, а теперь князю Юсупову; а вдовствующая Императрица будетъ имѣть пребываніе въ имѣніи графа Тормасова¹), подъ самымъ городомъ. Май проведемъ здѣсь. Государь останется въ Варшавѣ до 18-го Апрѣля, т. е. на все время Сейма. Оттуда онъ поѣдетъ на смотръ 2-ой арміи и т. д. Графъ Бенигсенъ ждетъ этого, чтобы подать отставку, которая, я думаю, давно ему изготовлена. Барклай получилъ позволеніе ѿхать на воды. Если, въ его отсутствіе, Витгенштейнъ будетъ командовать 1-ой арміей, въ такомъ случаѣ Сакенъ получить 2-ую армію и будетъ дѣйствительнымъ командующимъ, а Витгенштейнъ только временнымъ. Несправедливость будетъ такимъ образомъ прикрыта соблюденіемъ приличій, такъ какъ Витгенштейнъ имѣть старшинство передъ Сакеномъ, но неоспоримо уступаетъ ему въ достоинствѣ. Продолжаютъ говорить о поѣздкѣ осенюю обѣихъ Императрицъ за границу; но, кажется, Государь отложилъ рѣшеніе этого вопроса до своего возвращенія. Такъ по крайней мѣрѣ, говорила обѣ этаомъ Императрица-мать.

Уѣзжая изъ Москвы, Государь утвердилъ одно дѣло чрезвычайной важности, а именно, о соединеніи Москвы рѣки съ Волгою, посредствомъ рѣки Клязьмы. Для здѣшней торговли это будетъ истиннымъ благо-дѣяніемъ. Мысль далеко не новая; она принадлежитъ знаменитому Демидову и была представлена имъ еще Петру Великому. Теперь, предложеніе это пересмотрѣно инженернымъ вѣдомствомъ и другими знающими лицами и признано годнымъ гдѣ выполненню. Неизвѣстно, когда начнутся работы, такъ какъ деньги на него еще не назначены²).

¹⁾ Тогдашняго Московскаго генерал-губернатора. Гдѣ была у него подмосковная, не знаемъ. П. Б.

²⁾ Водопроводные расчеты оказались невѣрными, и памятникомъ этого несостоявшагося предпріятія остается образовавшееся большое озеро Синѣжъ, между нынѣшними станціями Николаевской желѣзной дороги, Крюковымъ и Подсолнечнымъ. Оно снабжаетъ Москву рыбой. П. Б.

Рескриптомъ Государя на имя графа Головина, президента экономического отдѣла въ Совѣтѣ, на мѣстѣ Мордвинова, составленъ комитетъ изъ самого графа, министра исповѣданій князя Голицына и генерала Бетанкура о перестройкѣ Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, по плану архитектора Монферрано. Работы распределены на три года и обойдутся въ не сколько миллионовъ. То что будетъ сломано за это лѣто стоило, вѣроятно, полъ-милліона! Соборъ будетъ расширенъ и, какъ это было въ первоначальномъ планѣ, получить форму креста, съ 5-ю куполами.

*

Москва, 25 Апрѣля 1818 г.

Вы, вѣроятно, уже прочли рѣчъ, произнесенную въ Варшавѣ¹⁾. Не разбирая ея, скажу только, что она произвела въ обществѣ сильное впечатлѣніе. Нѣть ничего опаснѣе неопределенныхъ словъ, которыхъ каждый истолковываетъ по своему. Со временемъ, эта тревога и опасенія однихъ съ надеждами и преувеличенными мечтами другихъ, могутъ имѣть гибельныя послѣдствія. Слава-Богу, пока все остается смутно и неопределенно. Но, между тѣмъ, духовенству разрѣшено указомъ доносить на помѣщиковъ, и въ Сенатъ поступило уже много подобныхъ дѣлъ, довольно соблазнительного рода, какъ я слышалъ это отъ Посникова.

Удаленіе митрополита Амвросія было для Мартинистовъ полнымъ торжествомъ, какъ и назначеніе ему въ преемники Михаила, бывшаго Черниговскаго архіерея. Онъ человѣкъ вполнѣ достойный, получившій известность еще во времена Новикова и пр., по своимъ сочиненіямъ въ духѣ его секты писаннымъ, когда онъ еще былъ простымъ священникомъ. Впрочемъ, его благочестіе и строгость монашеской жизни признаются всѣми.

Слухъ о заграничной поѣздкѣ Императрицѣ подтверждается. Мухановъ²⁾ собственно затѣмъ иѣздили въ Петербургъ, чтобы распорядиться на счетъ экипажей.

*

Москва, 9 Іюня 1818 г.

Государь, кажется, остался доволенъ своею поѣздкою на Югъ и особенно Одессою. Кромѣ разныхъ денежныхъ выдачъ и преимуществъ,

¹⁾ Мы уже имѣли случай замѣтить, что, читая эту рѣчъ, невольно вспоминаешь вѣщанія покойнаго графа П. А. Валуева. П. Б.

²⁾ Сергей Ильичъ. П. Б.

дарованныхъ имъ этому городу, онъ пожаловалъ герцогу Ришелье Андреевскую ленту, а Ланжерону (военному губернатору) аренду въ сорокъ тысячъ. Всѣ очень сожалѣютъ о кончинѣ Барклая. Кажется, его замѣнить Сакенъ. Бенигсенъ получилъ отставку, съ оставленіемъ ему полнаго содержанія; Витгенштейнъ занялъ его мѣсто, а герцогъ Витембергскій—мѣсто послѣдняго въ Курляндіи. Митрополитъ Амвросій, замѣщенный по собственной просьбѣ (вынужденной у него Мартинистами) Черниговскимъ архіереемъ, скончался вскорѣ послѣ своего прибытія въ Новгородъ. Даже монахъ не могъ перенести униженія быть удалену отъ двора, и этого одного достаточно, чтобы умалить сожалѣніе о немъ, какъ о представителѣ церкви.

*

С.-Петербургъ, 28 Августа 1818 г.

Государь изволилъ выѣхать вчера, а Императрица выѣдетъ сего-дня. Она ѿдѣть прямо въ Штудгардтъ, черезъ Варшаву и Прагу, оттуда въ Брюссель и вернется въ концѣ Декабря, на Веймаръ и Берлинъ. Дорога намъ назначена на Кенигсбергъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Лейпцигъ (Берлинъ пропустимъ), Веймаръ, Кобургъ, Вюрцбургъ и Дармштадтъ. Вернемся въ Январѣ, но еще не рѣшено, какимъ путемъ. Что касается подробностей и причинъ этого „*voyage d'émigration*“ *), они такъ необыкновенны, что даютъ поводъ ко всевозможнымъ толкамъ; но я, для себя лично, счастливъ быть Ея Величеству чѣмъ-либо пріятну и полезну, считая это ни во что, за всѣ ея ко мнѣ милости.

*

Карлсруе, 3 Декабря н. ст. 1818 г.

Графъ Михаилъ вполнѣ восторжествовалъ надъ этимъ подлымъ судомъ, приносящимъ такъ много вреда у насъ. Князь Меньшиковъ говорилъ мнѣ здѣсь, что смотрѣ положилъ конецъ всѣмъ навѣтамъ и больше чѣмъ когда либо поднялъ доброе мнѣніе о графѣ, и это, конечно, послужило къ вящему смущенію его клеветниковъ. А князь Меньшиковъ (какъ я узналъ) также мало питаетъ пріязни къ графу, какъ всѣ тѣ, которые всячески старались ему вредить. Здѣсь увѣряютъ, что Чернышевъ, не смотря на свою наглость и дерзость, былъ въ большомъ смущеніи передъ смотромъ, а послѣ смотра въ Ахенѣ пришелъ еще въ болѣшее. Пора бы Государю понять, какую цѣну можно давать невѣрнымъ доношеніямъ лжецовъ, которыхъ, по несчастью, такъ много вокругъ него. Отъ моего брата, состоящаго при генералѣ Удомѣ, я узналъ, что почти всѣ представленія графа Михаила, остававшіяся у князя Волконского, уважены. Въ Мобѣжѣ я

*) Поѣздка выселенія.

былъ свидѣтелемъ радости графа отъ всего, что Государь сдѣлалъ для его подчиненныхъ; поэтому могу себѣ представить, какъ онъ будетъ доволенъ настоящими наградами: это онъ считаетъ какъ бы наивысшею наградою для самого себя. Я въ восторгѣ, что послѣдовавшее за этимъ объясненіе графа съ княземъ Волконскимъ прекратило бывшее между ними охлажденіе, такъ вредно отзывающееся на дѣлахъ и такъ тяготившее графа Михаила. Князь Волконскій отзывался мнѣ здѣсь о графѣ очень дружественно, и я увѣренъ, что чувства его искренни. Я мало знаю князя, но мнѣ кажется, что ему не было никакой надобности говорить неправду, тѣмъ болѣе, что онъ самъ завелъ рѣчь о графѣ, давая мнѣ свѣдѣнія объ его пребываніи въ Ахенѣ и сообщая о предстоящей ему поѣздкѣ на два дня въ Парижъ.

Я имѣлъ удовольствіе показать Ея Величеству то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите о ней, и выслушать ея сожалѣніе, что ей не удалось повидать васъ здѣсь, на что она расчитывала, какъ и я. Она поручила мнѣ благодарить васъ за вашу память о ней и передать вамъ ея истинноеуваженіе и расположение. Она расчитываетъ быть отчасти вознагражденою свиданіемъ съ графомъ Михаиломъ, котораго мы надѣемся повстрѣчать, вѣроятно около Лейпцига, судя по расписанію его пути.

Отѣзданъ Ея Величества отсюда былъ назначенъ на 8-ое число настоящаго мѣсяца (н. ст.), по четыре дня тому назадъ она упала, сходя по лѣстницѣ въ Ращадтѣ, и вывихнула себѣ ногу, вслѣдствіе чего у нея сдѣлалась рожа на большомъ мѣстѣ. Однако, вчера не было уже жара, и она чувствовала себя хорошо, хотя и вынуждена лежать спокойно. Докторъ говорить, что ничего опаснаго нѣть, но что это замедлить ея отѣзданъ дня на два, на три. По своеобразно составленному расписанію нашихъ перенѣздовъ, Государыня должна была въ Штутгардтѣ только отобѣдать, въ Мюнхенѣ провести 3-4 дня, въ Барейтѣ одинъ день для свиданія съ Великою Княгинею Анною; въ Лейпцигѣ приѣхать 7-го (19) или 8-го (20) Декабря, и затѣмъ продолжать путь на Франкфуртъ-на-Одерѣ, Кенигсбергъ, Ковну, Митаву и Ригу, гдѣ расчитывала провести первый день Рождества, а въ Петербургѣ возвратиться 28-го или 29-го Декабря по нашему стилю. Дай Богъ, чтобы случай съ ногою прошелъ безслѣдно и не вызвалъ никакихъ перемѣнъ въ путешествіи. Я боюсь этой задержки здѣсь особенно потому, что братъ Ея Величества очень плохъ, и если онъ скончается, во время нашего здѣсь пребыванія, ей придется еще дольше оставаться здѣсь. Посѣщеніе Государемъ всей здѣшней семьи и семьи королевы Шведской было

самое дружественное. Онъ долженъ быть вчера выѣхать изъ Штутгардта въ Веймаръ, отдумавши ѿхать въ Мюнхенъ. Дѣйствительно, если жители Баденскаго маркграфства выказали Государю столько во-сторга за неприкосновенность ихъ земли и за дарованіе имъ великаго герцога изъ ихъ владѣтельнаго дома, черезъ признаніе за Гогсберскою вѣтвью правъ на наслѣдованіе престоломъ, то Баварцы всѣми этими устройствами очень недовольны, послѣ предъявленныхъ ими чрезмѣрныхъ притязаній. Я не думаю поэтому, что пребываніе наше въ Мюнхенѣ будетъ пріятно, особенно для Государыни.

Со дня оставленія Государемъ Ахена, курьеры, вѣроятно, остановлены въ Веймарѣ, такъ какъ мы уже двѣ недѣли не получаемъ писемъ изъ Россіи. Меня мучаетъ больше всего, что я раньше Лейпцига или Кенигсберга не получу извѣстій о разрѣшеніи жены. По послѣднимъ извѣстіямъ, отъ 16-го Октября, она чувствовала себя хорошо. Я вамъ очень принателенъ, графъ, за ваше участіе къ намъ, при настоящемъ случаѣ, отъ котораго зависить мое будущее.

*

Франкфуртъ-на-Майнѣ, 22 Декабря 1818 г. (3 Января 1819).

Я прїѣхалъ сюда вчера вечеромъ, какъ по дѣламъ Государыни касательно ея возвращенія въ Россію, такъ и для свиданія съ графомъ Михаиломъ, который писалъ мнѣ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ изъ Касселя, что думаетъ оставить свои войска въ Торгау 16-го (28) и, по дорогѣ въ Парижъ и Лондонъ, заѣхать сюда. Отъ души сожалѣю, что мнѣ не удалось повидать его; вѣроятно, ему пришлось вести свои войска до Польши, чтобы сдать ихъ лично Великому Князю, къ которому они переходятъ.

Государыня назначила свой отѣзѣдъ въ Россію на 28 Декабря (9 Января), слѣд. черезъ недѣлю. Изъ Карлсруе мы поѣдемъ на Штутгардъ и Мюнхенъ, гдѣ она остановится на одинъ день, потомъ на Байретъ, съ остановкой тоже на одинъ день, для свиданія съ Великой Княгиней Анной, а затѣмъ на Лейпцигъ по прежней дорогѣ. По расписанію, мы должны быть въ Петербургѣ 28-го Января (10-го Февраля), если не случится чего-нибудь непредвидѣнаго, отъ чего, какъ мы надѣемся, Господь избавить насъ, послѣ печального случая, когда кончины брата Ея Величества грозила опасностью для ея здоровья. Она, вмѣстѣ со всей семьей, неотлучно была при братѣ, до самой его кончины.

*

Царское Село, 23 Июня 1819 г.

Императоръ отбылъ сегодня, рано утромъ, въ свое путешествіе въ Архангельскъ, черезъ Олонецъ и Вытегру; на обратномъ пути, съ

половины дороги, онъ свернетъ черезъ Куопіо въ Финляндію; говоритьъ, что онъ проѣдетъ въ Торнео, Вазу, Або и пр. Сюда его ждуть 3-го Сентября, всего на нѣсколько дней, такъ какъ, вскорѣ за этимъ, онъ поѣдетъ въ Варшаву. Передъ его отѣзdomъ, вчера, въ день именинъ вдовствующей Императрицы, въ числѣ пожалованныхъ наградъ, Бенкendorфъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ, а состоявшіе при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ кавалеры получили аренды и мѣста. такъ какъ, по достижениіи имъ совершеннолѣтія, въ нихъ нѣть болѣе надобности. При нась остается только Алединскій, въ должности завѣдывающаго его дворомъ. Генералъ Паскевичъ оставленъ тоже при немъ, полагаю, въ видѣ руководителя по дѣламъ его должности. Великій Князь Михаилъ Павловичъ назначенъ вчера командиромъ бригады Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и вступилъ въ должность начальника артиллеріи, фельдцейгмейстеромъ. Отрадно видѣть, что весь его дворъ и свита составлены изъ порядочныхъ людей. Старшимъ его флигель-адъютантомъ полковникъ Винсперь; по несчастью, этотъ достойнѣйший человѣкъ такого слабаго здоровья, что чуть не умеръ, и ему разрѣшено юхать въ Неаполь, для возстановленія силъ.

*

С.-Петербургъ, 12 Ноября 1819 г.

На этой недѣлѣ графу Михаилу станеть извѣстно рѣшеніе положенное на его прошеніе о полномъ увольненіи отъ службы. Государь отказалъ ему въ этомъ, и насколько я могу разузнать на счетъ отвѣта Его Величества, это отвѣтъ самый любезный, съ предложеніемъ безсрочнаго отпуска, или же, безъ всякаго отпуска, свобода жить, гдѣ ему хочется или путешествовать и, вообще, дѣлать, чтѣму угодно, такъ какъ Государь не можетъ примириться съ мыслю не видѣть въ спискѣ своихъ генераловъ такого достойнаго и даровитаго человѣка. Не знаю, на что рѣшился графъ Михаилъ; но, по моему, ему слѣдуетъ настаивать на просьбѣ обѣ отставкѣ, на которую онъ рѣшился не случайно, а по зрѣломъ обсужденію. Онъ пишетъ мнѣ, что ждеть отвѣта Государя, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Одессу, посмотретьъ разныя вещи, посланныя имъ туда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 17 Января 1820 г.

Довѣріе, которое вы мнѣ оказываете, говоря о положеніи вашего сына, очень для меня дорого, но оно обязываетъ меня говорить съ вами откровенно, безъ всякихъ стѣсненій касательно дѣлъ графа Михаила. Хорошо освѣдомленный о всемъ проишшедшемъ въ Валансіенѣ и Мобежѣ во время моего прошлогодняго пребыванія въ семъ послѣднемъ городѣ, и бывъ время отъ времени свидѣтелемъ того, чтѣдуалось

здѣсь, я былъ близокъ къ чувству отвращенія отъ службы, послѣ столькихъ несправедливостей и непрѣятностей. Чувство это присуще всякому порядочному человѣку, а графу Михаилу болѣе чѣмъ всякому другому, по всему, что онъ сдѣлалъ, чтобы получить ту заслуженную дань всеобщаго удивленія и безпредѣльной преданности, которая питаютъ къ нему не только войска, бывшія у него подъ командою, но и всѣ вообще, кто знаетъ его лично или по наслышкѣ; т. е., это равносильно тому, еслибъ я сказалъ, что всѣ военные въ Россіи раздѣляютъ эти чувства къ графу Михаилу. Исходя изъ этой неоспоримой правды, я не удивлю васъ, графъ, заявляя, положительно, что причиной всего происшедшаго съ нимъ и съ его войскомъ была именно эта общая любовь къ графу и его громкая слава; а что касается безчестія, которое, по вашему мнѣнію, должно было глубоко уязвить чуткую и благородную душу вашего сына, то могу васъ увѣрить, что никогда и никто и не думалъ о чѣмъ-либо подобномъ. Слѣдовательно, если дѣло въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, то ихъ нужно искать не за графомъ Михаиломъ, а за тѣми мелкими людышками, которые выискивали всякия мелочи, чтобы только досадить ему. Больше всего оскорбило графа раздробленіе его полковъ. Я могу ошибаться, но мнѣ эта мѣра вообще кажется настолько же ошибочною, какъ и несправедливою. Можно ли не имѣть довѣрія къ солдатамъ, которые честно выполняли только то, что имъ приказывали; и какъ ихъ разсѣять по всей Имперіи, если ихъ понятія и условія жизни признаются неподходящими для Россіи? Однако, графу Михаилу было известно, такъ какъ я самъ обѣ этомъ писалъ ему въ 1815 или 1816 г., что многія вліятельныя здѣсь лица, узнавъ о преимуществахъ дарованныхъ войскамъ графа рескриптомъ Государя, посланнымъ ему изъ Берлина, заявляли, что по возвращеніи этихъ полковъ изъ Франціи, нужно будетъ подыскать для нихъ необитаемый островъ, иначе пропасть войскамъ нельзя будетъ примириться съ ихъ старыми распорядками; да къ тому-же и содержаніе этихъ путешественниковъ не подойдетъ уже къ установленному содержанію прочихъ войскъ. Меня увѣряли здѣсь, что фельдмаршаль Толли, когда подняли вопросъ о формированиіи оккупационной арміи во Францію, сказалъ Государю: „Ваше Величество! Вамъ нужно помнить, что Вы выиграли сраженіе, но потеряли 30 тыс. человѣкъ!“ Если я вамъ привожу все это, графъ, то для доказательства, что графъ Михаилъ тутъ не при чѣмъ, и что всякий другой, при подобныхъ обстоятельствахъ, оказался бы въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ онъ; но у него хоть то преимущество, что онъ можетъ доказать свою правоту. Всѣ генералы, у кого есть вернувшіеся изъ Франціи полки, въ одинъ голосъ не нахваляются ихъ примѣрнымъ поведеніемъ, выдержанкою и благородствомъ. Государь

знаетъ объ этомъ отовсюду, а въ Москвѣ ему передавали объ томъ же графъ Толстой и князь Дмитрій Голицынъ. Во время пребыванія царской семьи въ Москвѣ, постоянно были разныя непріятныя исторіи въ полкахъ, и ни одной въ 38-мъ егерскомъ и въ Апшеронскомъ. стоявшихъ тамъ гарнизономъ, съ большимъ количествомъ гвардіи и съ пятью или шестью армейскими полками. Всѣ эти подробности должны быть извѣстны тому, кто за всѣмъ наблюдаетъ и кто слѣдить за ходомъ дѣлъ. Но для графа Михаила этихъ обстоятельствъ было недостаточно; ему необходимо было добиться полнаго оправданія, не оставляющаго никакихъ сомнѣній въ людяхъ, которымъ они могли быть не вполнѣ извѣстны. Всѣ не только что ожидали, но вполнѣ были увѣрены, что скорѣе пожертвовали бы многимъ, чѣмъ уволить графа Михаила: такъ подобная отставка послужила бы не къ посрамленію его, а всѣхъ носящихъ военный мундиръ! Что его отставки не примутъ, въ этомъ никто не сомнѣвался; но это вызвало объясненія, а за ними и удовлетвореніе. Пріемъ, сдѣланный здѣсь графу, доказалъ всѣмъ, какимъ онъ пользуетсяуваженіемъ и вниманіемъ, а его залистниковъ онъ привелъ въ такую яростъ, что имъ было совсѣмъ показаться ему. Заслуги графа Михаила слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы удивляться тѣмъ отличіямъ, которыя ему выказываютъ, а наговорщики, какъ я предсказывалъ, всѣ исчезли. Вы отъ самого графа узнаете подробности трехъ или четырехъ бывшихъ у него объясненій, и какое ему дается скромное удовлетвореніе, черезъ которое только еще лучше докажется благородство его души и его забота о благѣ всѣхъ его подчиненныхъ. Если же будутъ какія повышенія, то, конечно, графъ Михаилъ будетъ въ числѣ ихъ. Его настойчивость покончитъ со службою, доставившей ему столько огорченій, дѣлаетъ ему честь: но въ настоящее время настаивать дальше на отставкѣ было бы непростительно: таково мнѣніе самыхъ усердныхъ его друзей. Имѣющій появиться ре скрипть подтвердить его заслуги и полное довольство Государя войскомъ, заслужившимъ благодарность Россіи и всей Европы, и это свидѣтельство о доблести командующаго общей съ простымъ солдатомъ перейдетъ въ потомство. Если я, до настоящаго случая, не входилъ въ такія разсужденія съ вашимъ сіятельствомъ, то причины тому тѣ же, по которымъ графъ Михаилъ воздерживался говорить съ вами о своемъ дѣлѣ. Но изъ нихъ явствуетъ, что люди, одинаково чувствующіе, сходятся въ своихъ мнѣніяхъ и, не сговариваясь, приходятъ къ соглашенію, даже не находясь вмѣстѣ. Посѣщеніе Государемъ супруги вашего сына на третій день по его возвращеніи возбудило зависть между многими военными, жены которыхъ не удостоились подобной чести.

*

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1820 г.

Въ городѣ много толкуютъ о заготовленномъ уже приказѣ по назначенію графа Михаила командующимъ З-мъ корпусомъ 1-ой арміи, стоящимъ въ Кременчугѣ. Этимъ корпусомъ во времена Барклай-де-Толли командовалъ Сакенъ, смѣненный потомъ княземъ Горчаковымъ. Въ настоящее время князь Горчаковъ занялъ во Владимирѣ мѣсто князя Голицына, назначенаго генералъ-губернаторомъ въ Москву. Назначеніе графа Михаила сдѣлано Государемъ, чтобы онъ могъ служить на Югѣ, какъ желалъ этого. Я видѣлъ вчера графа, который ничего не зналъ о своемъ назначеніи, такъ какъ еще не выходитъ: но меня увѣряли, что въ этомъ же приказѣ генералъ Эмме назначается исправлять должность графа, который такимъ образомъ сохранить на полгода свободу, которую предоставилъ ему Государь увольненіемъ въ отпускъ.

*

С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1820 г.

Вы получите отъ графа Михаила манифестъ, объявленный три дня тому назадъ, по случаю развода Великаго Князя Константина Павловича. Событие это причинило много тревогъ. Будемъ надѣяться, что Государь переживетъ своего августейшаго брата; въ противномъ случаѣ, нельзя ручаться, что потомство госпожи Грудзинской не сдѣлается именно тѣмъ, чѣмъ манифестъ не хочетъ. чтобы оно было.

Невѣроятно, какъ это вдовствующая Императрица согласилась на разводъ для этой Польки, на которой, по общему мнѣнію, Великій Князь женится. Однакожъ, говорить и то, что онъ въ послѣднее свое здѣсь пребываніе, высказался какъ-то, что, пожалуй, онъ выпишетъ какуюнибудь „Mecklembourgeoise“ себѣ въ жены. Конечно, всѣ предпочли бы ее Полькѣ. А, въ ожиданіи рязвязки дѣла, эти обстоятельства полны тревогъ для Россіи и сожалѣній о Великой Княгинѣ Аннѣ. Ей будетъ оставленъ ея титулъ, съ увеличеніемъ противъ прежняго содержаніемъ, но съ утратою положенія.

*

С.-Петербургъ, 27 Октября 1820.

Пользуюсь отъѣздомъ сына доктора Симпсона, который берется передать вамъ этотъ пакетъ, въ сохранности. Я повторю въ настоящемъ письмѣ, что писалъ въ томъ, которое осталось непосланымъ, за исключеніемъ говореннаго о друзьяхъ графа Михаила, такъ какъ онъ, вѣрно уже самъ удовлетворилъ на счетъ этого ваше любопытство

и родительскую заботливость. Я ограничусь завѣреніемъ, что по общему отзыву, всѣ его старые друзья остались ему вѣрны, но иѣкоторыхъ изъ новыхъ нужно было испытать. Впрочемъ, если, при возвращеніи своемъ, графъ Михаиль и не найдетъ ихъ уже такими, какъ оставилъ, то потеря не велика: такие люди, при постоянной смѣнѣ обстановки и обстоятельствъ легко замѣняются другими; новы только имена и лица.

Перехожу къ другому предмету, о которомъ выскажусь съ тою откровенностью, какую обязанъ имѣть по отношенію къ вамъ.

Государь не любить графа Михаила и, какъ я полагаю, никогда не полюбить. Человѣкъ, выдающійся изъ общаго уровня, никогда не былъ у него въ милости, а особенно если этотъ человѣкъ съ твердыми началами, неуязвимый никакими оскорблѣніями, любимецъ солдатъ и въ уваженіи у общества. Можно, право, подумать, что Государь начинаетъ завидовать своему подданныму, какъ только видить его достоинства. Если я вамъ говорилъ о первомъ отличномъ приемѣ графа, то въ немъ нельзя было ему отказать никакимъ образомъ; что же касается до втораго приема, то я отлично видѣлъ, что онъ милостивъ только для приличій; однако были дни, когда и этотъ приемъ возбудилъ во многихъ тревогу. Но дѣло не пошло далѣе, такъ какъ графъ Михаиль уѣхалъ по собственному желанію. Тоже самое повторится, хотя бы онъ десять разъ прїѣзжалъ сюда; но я долженъ признаться, что я, какъ и вы, не безъ тревогъ на счетъ времени, когда онъ вступитъ въ командованіе корпусомъ. Вы указываете мнѣ въ примѣръ Барклай; я могу съ своей стороны указать вамъ на Сакена и Витгейштейна, которымъ также чинять непріятности. Но, можетъ, даже лучше командовать корпусомъ, чѣмъ арміей; есть, по крайней мѣрѣ, иногда возможность укрыться значеніемъ командующаго арміей. Крайній эгоизмъ, съ его неизбѣжными спутниками въ видѣ деспотизма и жестокости, судить не по однимъ дѣйствительнымъ заслугамъ, но еще и по тому, приносятся-ли они лицемъ слѣпо боготворящимъ своего монарха и приникающимъ себя передъ нимъ. Подобные монархи пользуются словомъ отечество только тогда, когда имъ нужно обольстить или вызвать къ себѣ довѣріе своимъ подданныхъ. А въ прочихъ случаяхъ это слово рѣжетъ имъ слухъ, возбуждаетъ опасенія, какъ призывный кличъ народолюбцевъ, людей возмущающихся противъ воли одного, если воля эта дурно направлена и ведеть страну къ гибели. Одно уже это слово „патріотъ“ пугало; тогда какъ о началахъ мало заботятся, если только это люди преданные монархіи. Вотъ почему такая любовь къ людямъ ничтожнымъ, особенно къ податливымъ Нѣмцамъ или къ другимъ иностранцамъ, которые сходять за людей порядочныхъ, между

тѣмъ какъ они достойны одного презрѣнія. Очень естественно, что подобная шайка людей, безъ всякаго достоинства, безъ дарованій и большею частью совсѣмъ необразованныхъ, никогда ни къ чему не стремится за предѣлы возможнаго и довольствуется наилегчайшимъ. Мы видимъ неграмотныхъ солдатъ постигающихъ ремесло капрала; это настоящая модная манія, тѣмъ пригодная, что занимаетъ собой великое число людей и не даетъ имъ ни времени, ни средствъ относиться участливо къ дѣламъ, въ которыхъ не желаютъ посторонняго вмѣшательства. Прибавить къ этому каверзы общества и политики, и получится картина, такъ называемаго военнаго двора, достойная Гогарта. Графу Михаилу все это знакомо лучше чѣмъ мнѣ, смотрящему на обстановку равнодушнымъ зрителемъ, а онъ слишкомъ уменъ и опытъ, чтобы поддаться такому обману. Его рѣшеніе держаться въ сторонѣ чрезвычайно благоразумно. Придетъ время, когда отечество обратится къ его заслугамъ, дарованіямъ и извѣстности, и тогда всѣ преимущества окажутся на его сторонѣ, если даже, по возвращеніи изъ заграницы, онъ и утратилъ нѣкоторыхъ: и слава его тогда еще будетъ громче. Вы можете, графъ, быть совершенно спокойны насчетъ этого: такой человѣкъ, какъ вашъ сынъ, всегда будетъ выше всѣхъ носящихъ съ нимъ одинаковый мундиръ.

Посылаю вашему сіятельству, въ особомъ конвертѣ напечатанный *Отчетъ государственныхъ кредитныхъ установлений* и списокъ съ Устава военныхъ поселеній. Покаюсь, что я не читалъ первого, такъ мало я вынесъ пользы отъ чтенія прошлогодняго отчета; да къ тому же, вижу, что нынѣшній годъ также неблагопріятенъ для нашихъ финансъ. Бумага *Отчета* отвратительна, но лучшей нѣть. Впрочемъ, это читается изъ любопытства, и вслѣдъ за этимъ забывается до будущаго года. Что касается Устава, я такъ много уже писалъ вашему сіятельству о военныхъ поселеніяхъ, что мнѣ нѣть надобности возвращаться къ этому предмету. Вы увидите, что можно думать объ этихъ новыхъ стрѣльцахъ, которые со временемъ приведутъ Россію къ революції. Тридцать лѣтъ тому назадъ, можно было пройти всю Россію безъ всякой палочки даже; а теперь по Новгородской дорогѣ, да и по Царскосельской, не пройдешь, чтобы не быть ограблену или убиту. Это еще только цвѣтки: можно ожидать въ будущемъ ужасныхъ плодовъ. Въ порядкѣ вещей, что рано или поздно Россія не избѣгнуть революції, такъ какъ вся Европа прошла черезъ это. Пожаръ начнется у насъ съ этихъ пресловутыхъ поселеній; даже въ настоящее время достаточно одной искры, чтобы все заполыхало.

Чугуевскій полкъ, у котораго отмѣнили прежнее устройство и перевели его на положеніе военныхъ поселеній, показалъ, чего можетъ ожидать правительство при упорномъ отстаиваніи своихъ выгодъ, льготъ, собственности, предразсудковъ, или при сопротивленіи несправедливостямъ тѣхъ, кто долженъ бы не притѣснять ихъ, а защищать. Для подавленія бунта двинули пѣхоту и артиллерию, и только силой могли сломить упорство Чугуевцевъ; но Боже мой, какія были экзекуціи! 60 человѣкъ умерли подъ ударами и 400 сосланы въ Сибирь; а, между тѣмъ, духъ оставшихся все тотъ же! Я неувѣренъ, но, кажется, точно также хотятъ отнять и у Донскихъ казаковъ ихъ самоуправлѣніе. Извѣстный Чернышевъ живетъ тамъ уже полтора года. Въ прошломъ году онъ прѣѣжалъ сюда на короткое время съ вытянутой физіономіей (а она у него и отъ природы достаточно длинна), такъ какъ не достигъ никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Съ осени его снова послали на Донъ, и съ тѣхъ поръ онъ еще не былъ здѣсь ни разу. Неизѣстно, что онъ тамъ дѣлалъ кромѣ подавленія въ Екатеринославской губ. мятежа, охватившаго цѣлый уѣздъ. Этимъ лѣтомъ онъ проѣхалъ оттуда прямо въ Варшаву, а затѣмъ въ Троппау, такъ что до сихъ его порученіе остается непроницаемою тайною, и неизѣстно, добился-ли онъ чего нибудь. Сохрани Богъ, если воинственные и спіпатичные казаки подымутся противъ собственного отечества и неблагодарного правительства! Послѣдствія подобныхъ революцій трудно усчитывать; поэтому трудно сказать, что насть ждетъ тамъ въ будущемъ, и каково оно будетъ для населенія степей, Кавказа, Грузіи и др. Я только одно знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевъ у казаковъ, у нихъ здѣсь тайный агентъ, всегда предупреждающій своихъ о посыпаемыхъ Чернышеву инструкціяхъ.

Изъ всего мною сказаннаго вашему сіятельству не трудно будетъ судить о быстромъ ходѣ распаденія, которое не замедлитъ сдѣлаться полнымъ. Если оно такими гигантскими шагами распространяется въ самой Россіи, что уже говорить про Польшу, эту язву, разъѣдающую Россію, по вашему справедливому опредѣленію. Внезапное прекращеніе преній, полная соболѣзнованія рѣчи, такая неравномѣрная подача голосовъ въ собраніи, гдѣ правительство, можно сказать, не имѣло никакого значенія, ни интереса или вліянія, все это доказываетъ, что о расчлененіи Россіи генеръ уже не думаютъ. Вѣдь было бы безуміемъ давать оружіе и силы нашимъ врагамъ, которымъ despotsы такъ завидуютъ, такъ что пылкіе Поляки своею неблагоразумною наглостью не достигли желанной цѣли. Посмотримъ, послужить ли намъ этотъ урокъ въ будущемъ. Сосѣди наши должны радоваться подобному

исходу, могущему, со временемъ, быть на пользу ихъ политикѣ. Поляки могутъ только гордиться этимъ, такъ какъ они добились причинить досаду и вселить опасенія Государю, назначеніе которого презирать этотъ когда-то довольно известный, а теперь выродившійся народъ. Удивительного будетъ мало, если онъ дастъ, когда нибудь, царей Россіи! Великій Князь Константинъ Павловичъ слишкомъ горячъ и слабъ, чтобы не содѣствовать плану, дорогому и выгодамъ и желаніямъ его супруги. Если жалкая Фредериксъ съ своимъ „*bâtard*“ ^{омъ} вертѣла имъ, какъ хотѣла, но тѣмъ легче дѣйствовать на него законной супругѣ, вмѣстѣ со своими соплеменниками и безчисленными родичами. Конечно, не обойдется безъ оппозиціи, но какъ ручаться за послѣдствія? Возражаютъ, что Курляндія и Лифляндія преданы Россіи; но исторія доказываетъ, что Польша постоянно имѣла большое вліяніе на эти двѣ провинціи, которыхъ Россія никогда не оберегала. Два старшіе Великіе Князя подозрѣваютъ другъ друга, такъ какъ одинъ изъ нихъ лишенъ въ своемъ потомствѣ права на престолъ въ пользу дѣтей втораго, а этотъ не можетъ ручаться, что старшій, по примѣру своихъ предшественниковъ, не измѣнить своею властію престолонаслѣдія, какъ это самодержавно сдѣлалъ царствующій Императоръ. Всѣ они, сколько ихъ ни есть, только и добиваются чести прослыть военными, которые одни и признаваемы за людей полезныхъ въ государствѣ. Слѣдовательно, и споръ ихъ за взаимныя ихъ права рѣшится военною силою, и горе если Поляки одержать верхъ. Наступитъ, со временемъ, пора, когда Россія сама расправится собственнымъ судомъ съ угнетающимъ ее правительствомъ и положить новую эру своей политической и умственной жизни. Таковъ обычный ходъ и ростъ государственныхъ революцій; а между тѣмъ, хотя предписывать законы другимъ народамъ, пренебрегая своимъ собственнымъ и не устранивъ причинъ, ведущихъ къ гибели.

Карбонаріевъ родить отчаяніе народовъ; и у насъ есть на то матеріалъ, начиная въ самихъ защитниковъ отечества, которые, хотя и считаются единственными людьми, достойными уваженія въ государствѣ, тѣмъ не менѣе самые несчастные въ немъ люди. Отчаяніе Семеновцевъ доказываетъ это лучше всего. При первомъ появлениі нового командира, полковника Шварца, солдаты говорили: *хорошъ командръ, и Георгіевскаго креста нѣть!* Затѣмъ, узнавъ, что онъ изъ Жидовъ, спрашивали другъ друга, крещенъ-ли онъ или слѣдуетъ закону Моисея? Говорятъ, что, когда Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ бригадный командиръ Преображенского и Семеновского полковъ, по назначеніи своего адъютанта Пирха полковымъ команди-

ромъ Преображенского полка, сталъ просить Государя назначить этого Шварца въ Семеновскій полкъ, то Государь нѣсколько разъ отказывалъ, отзыаясь, что подобное назначеніе не приведетъ къ добру; но Великій Князь продолжалъ настойчиво просить о Шварцѣ, предъявляя, что только съ такимъ офицеромъ и возможно достичнуть чего нибудь хорошаго, т. е. съ офицеромъ, который по своему ничтожеству будетъ въ полной зависимости отъ Его Высочества. Ну, и понадѣлали чудесныхъ вещей! Такъ какъ солдаты не могутъ существовать на отпускаемое имъ казною, то лѣтомъ они ходятъ на издѣльныя работы, которыя очень хорошо здѣсь оплачиваются, и тѣмъ поддерживаютъ свои артели. Шварцъ отпускалъ своихъ солдатъ только на два дня и даже въ каникулы производилъ ученія и, кромѣ батальонныхъ и ротныхъ ученій, призывалъ къ себѣ по 12-ти человѣкъ, безъ исподняго платья и на босу носу, чтобы лучше судить о гибкости ноги и точности шага; онъ самъ ложился, при этомъ, на полъ, чтобы легче выравнивать носки съ помощью щедро расточаемыхъ ударовъ шпаги или шомпола. Въ своемъ бѣшенствѣ онъ билъ солдатъ кулакомъ подъ подбородокъ, вырывалъ усы, заставлялъ держать ротъ открытымъ, а остальная рота должна была проходить мимо и плевать этимъ несчастнымъ въ ротъ! Отродясь, не слышалъ я о подобныхъ ужасахъ. Въ Воскресенье, 17-го Октября, онъ назначилъ первую роту въ ученіе, а въ Понедѣльникъ полкъ долженъ былъ смѣнить гвардію. Первая рота отказалась идти на ученіе, говоря, что у нихъ нѣть болѣе силъ, что Царь даетъ Воскресенье на отдыхъ, и что послѣ ученія они не успѣваютъ вовсе отдохнуть, чтобы идти на смѣну гвардейцамъ на слѣдующее же утро. Приказаніе было вновь строго отдано, но и на него послѣдовалъ отказъ. Предупредили тотчасъ начальство и рѣшили всю первую роту отправить въ крѣпость. Только что ихъ увѣли въ тотъ же день вечеромъ, какъ изъ казармъ вышелъ 1-ый батальонъ, безъ ружей, и потребовалъ возврата первой роты или позволенія послѣдовать за нею въ крѣпость. За 1-ымъ батальономъ выступилъ весь полкъ и простоялъ всю ночь, подъ дождемъ и холодомъ, не соглашаясь возвратиться въ казармы. Подошли пѣхота, конная гвардія и заряженныя пушки, но солдаты продолжаютъ стоять недвижимы и только повторяютъ, чтобы или вернули первую роту, или позволили имъ раздѣлить ея участъ. Шварцъ еще съ вечера спасся у Великаго Князя; все что у него было въ квартирѣ перебито, кромѣ портретовъ царской фамиліи. Утромъ прѣѣхалъ изъ Гатчины Великій Князь и сталъ говорить: „братьцы, ребята!“ Гробовое молчаніе. Это его поразило. Онъ поспѣшилъ къ Шварцу, котораго не нашелъ дома. Васильчиковъ, Милорадовичъ и Потемкинъ, бывшіе командиры Семеновскаго полка, и полковой священникъ, сколько ни уговаривали сол-

датъ, все напрасно. Тоже молчаніе или тѣ же слова: верните 1-ую роту, или отправьте и насъ къ ней. Рѣшили весь полкъ отправить въ крѣпость, и 21-го, во Вторникъ утромъ, послѣ военнаго совѣта, постановлено оставить 1-й батальонъ въ здѣшней крѣпости, 2-ой отправить въ Свеаборгъ, а 3-ій въ Кексгольмъ. Въ настоящее время производится слѣдствіе военнымъ совѣтомъ, засѣдающимъ въ крѣпости, и неизвѣстно, чѣмъ рѣшать дѣло. Вчера уже въ Троппау¹⁾ должно быть обо всемъ извѣстно; конечно, извѣстіе это произведетъ дурное впечатлѣніе, и я полагаю, что Государь ускорить свое возвращеніе сюда. Опасались немало, что примѣру Семеновцевъ послѣдуютъ прочіе полки гарнизона, но благодареніе Господу, порядокъ нигдѣ не нарушился въ городѣ, и въ полкахъ все было спокойно. И даже сосѣди Семеновцевъ узнали обо всей этой исторіи только по собраннымъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, войскамъ.

Передъ отѣзdomъ Великаго Князя Николая Павловича, всѣ офицеры Измайловскаго полка рѣшили выйти изъ полка. Начиная съ 1-го Сентября, ежедневно трое подавали прошенія объ отставкѣ, по очереди и по жребію. Лишь послѣ извиненій Великаго Князя²⁾ и просьбы объ отставкѣ полковаго командира Мартынова, офицеры согласились взять свои прошенія обратно. И какъ совмѣстить такое ужасное униженіе военныхъ съ такою любовью ко всему военному? Если вы не въ военной формѣ, на васъ не стоять и обращать вниманія, а по гражданской службѣ даютъ мѣстѣ только носящимъ мундиръ. Предпочитаютъ лучшее отказаться отъ дѣтей, чѣмъ пустить ихъ на какое либо другое по-прище, такъ какъ въ Россіи, въ настоящее время, только и есть одно поприще: военное. Столица и провинція полны людьми неспособными, ворами, продажными мошенниками, вышедшими изъ рядовъ арміи, а между тѣмъ постоянно корять гражданскихъ чиновниковъ, ничего не дѣлая для ихъ поднятія, такъ какъ вмѣсто мѣръ полезныхъ и дѣйствительныхъ думаютъ сдѣлать это военнымъ мундиромъ. *Великій Русскій Бонъ*; иначе бѣдной Россіи давно бы не существовать.

Графъ Иванъ Воронцовъ³⁾ благополучно доѣхалъ въ Крымъ, гдѣ онъ схватилъ лихорадку, которая и задержала его тамъ три недѣли.

¹⁾ Т. е. на конгрессѣ. П. Б.

²⁾ Эти извиненія Николай Павловичъ принесъ по настоянию И. В. Васильчикова, котораго впослѣдствіи горячо благодарили за то, а воцарившись воззвѣлъ его въ графское и за тѣмъ въ книжеское достоинство. Такъ цѣнилъ этотъ Государь правдивое слово, будучи вообще гораздо менѣе самовластцемъ, нежели его преемникъ, не терпѣвшій прѣти-ворѣїя. П. Б.

³⁾ Отецъ нынѣшняго Кавказскаго намѣстника, графъ Иванъ Иларіоновичъ былъ внукомъ и тѣскою третьимъ изъ Елизаветинскихъ графовъ Воронцовыхъ и одной изъ дочерей казненнаго при Аннѣ Ioannovnѣ Артемія Волынскаго. П. Б.

Изъ Крыма онъ отправился въ Одессу, откуда и было его послѣднее письмо къ матери¹⁾, въ которомъ онъ ее извѣщалъ, что вызванъ въ Трапау, куда тотчасъ и выѣзжаетъ. Графиня здорова и собирается скоро перебраться къ себѣ въ домъ, передѣлка которого была очень продолжительна. Вы правы, графъ, удивляясь, что такой порядочный человѣкъ, какъ графъ Иванъ, остается въ бездѣствіи, несмотря на расположение и милость, которыми онъ пользуется у графовъ Нессельроде и Каподистріи; вѣдь такой человѣкъ во всякой другой странѣ быль бы по праву отличенъ передъ прочими. А единственная причина тому, что онъ не военный и къ тому же вполнѣ независимый по воспитанію, положенію и состоянію. Оттого Бенкendorфы и подобные имъ, безъ преимуществъ графа Ивана, но болѣе пронырливые, всегда будутъ предпочтены ему. Правда, ему обѣщано мѣсто, но это будетъ коль скоро среди военныхъ не найдется больше охотниковъ на дипломатію. Что касается предполагаемой его женитбы за графинѣ Паленъ, то все это выдумки, по словамъ графини, какъ и я думаю. Молодой графинѣ Паленѣ всего 17 лѣтъ. Она, въ настоящее время, первая невѣста, какъ гр. Михаилъ первый женихъ, и для общества достаточно этого, чтобы выводить подходящія изъ сего заключенія. Но, со временемъ, бракъ этотъ можетъ состояться. О характерѣ молодой графини самые лучшіе отзывы, а состояніе у нея громадное²⁾.

Я ничего не знаю о Татищевѣ; онъ въ Москвѣ съ своей дражайшей половиной. Я его не видѣлъ за все лѣто; но знаю, что онъ игралъ тутъ прежалку, чтобы не сказать прегнусную, роль, стучась во всѣ двери и позволяя женѣ своей интриговать, чтобы поддерживаться ея ловкостью, мошенничествомъ и лукавствомъ. Онъ былъ всеобщимъ посмѣшищемъ³⁾. Отъѣздъ Государя оставилъ ихъ въ убийственной праздности; поэтому они, въ началѣ осени, отправились въ провинцію попытать, не раздобудутъ ли тамъ денегъ. Непостижимо, какъ такая глупая и пошлая женщина ловко приводить въ дѣйствіе пружины своихъ каверзъ. Ей навѣрное удастся поднять своего мужа изъ той грязи, въ которую онъ завязъ своимъ поведеніемъ въ Испаніи.

Въ городѣ ходятъ слухи, что молодой баронъ С., женатый на гр. К.⁴⁾ очень не ладитъ съ своей женой, и будто дѣло доходило до

¹⁾ Графинѣ Иринѣ Ивановнѣ, рожд. Измайловой, известной своимъ склонностямъ. П. Б.

²⁾ Она вышла за графа Самойлова. П. Б.

³⁾ Супруга Дмитрія Павловича Татищева Юлія Александровна, родомъ Канопка, была сначала за Безобразовымъ. Самъ онъ внукъ Сергея Даниловича Татищева и Прасковы Илларіоновны Воронцовой. Ему покровительствовала княгиня Дацкова. П. Б.

⁴⁾ Это графъ Александръ Григорьевичъ, женатый на дочери гр. Кочубея, Натальѣ Викторовнѣ. П. Б.

насилій. Я не могу ручаться за достовѣрность этого слуха, такъ какъ не посѣщаю барона, но, судя по тому, что слухи эти всегда повторяются, долженъ, къ сожалѣнію, вѣрить имъ. Нѣкоторые говорятъ, что причиною несогласія запущенная болѣзнь мужа; другое, что его влечеть къ старой театральной привязанности, а еще что виновны въ этомъ обѣ семьи взаимными требованіями. Какъ кажется, со стороны барона это былъ бракъ по расчету, а любовь была только со стороны невѣсты. Когда я зналъ молодого барона, онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ по своему уму, порядочности и многимъ другимъ качествамъ; но, видно, чтобы быть хорошимъ мужемъ, нужно еще что нибудь другое.

*

С.-Петербургъ, 26 Февраля 1821 г.

Пользуюсь отъѣздомъ молодого Симпсона, чтобы писать вашему сіятельству и вернуть письмо господина Полье, которое очень заняло Ея Величество. Когда я прочелъ ей то, что вы пишете мнѣ о судьбѣ я племянника*), она была тронута до слезъ вашимъ искреннимъ къ нему участіемъ и поручила мнѣ передать вамъ, что ваши о немъ заботы прибавляютъ къ ея чувствамъ уваженія еще и глубокую благодарность къ вамъ. Да и невозможно не благодарить васъ, графъ, за преподанные ему совѣты и указанія на счетъ его судьбы, которую вы ему сулите такою славною, что сердце нѣжно любящей его тетки преисполнилось радости. Государыня добавила, что переговоры о службѣ ея племянника въ Англіи велись черезъ наше посольство въ Лондонѣ; такъ какъ встрѣтились препятствія въ законахъ страны, то была предложена служба въ Ганноверѣ, дающая одинаковыя права на пребываніе въ Англіи, какъ дѣйствительная служба въ ней. Но мать принца предпочла обратиться къ Австріи, по особымъ причинамъ, тожественнымъ, вѣроятно, съ приводимыми вашимъ сіятельствомъ въ послѣднемъ письмѣ. Но пока еще ничто не рѣшено. Конечно, принцу нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ въ Англіи по ея близости къ странамъ, влекущимъ къ себѣ его сердце, и гдѣ, со временемъ, при посредствѣ Англіи, могли бы пожелать такого даровитаго принца. И гдѣ же найти лучшіе законы для его безопасности, какъ не въ Англіи? Хотя и въ Австріи онъ будетъ въ безопасности и на видномъ мѣстѣ, все же Англія для него была бы лучше, въ отношеніи политическомъ. Пока, еще не знаю, какъ устроится его судьба, но онъ достоинъ того, чтобы пожелать ему, заодно съ вами, всего лучшаго, и чтобы судьба

*.) Это сынъ бывшаго Шведскаго короля Густава и принцессы Фридерики. Онъ поступилъ потомъ на Австрійскую службу. И. Б.

осыпала его своими дарами. Если судить по условиямъ даннаго ему въ Англіи отпуска, можно надѣяться, что онъ еще вернется туда, и меня не удивить, если въ Вѣнѣ, гдѣ къ нему очень расположены, ему посовѣтуютъ тоже, чтѣ ваше сіятельство. Что касается Полье, вы помните, графъ, какъ я всегда отзывался объ этомъ достойномъ человѣкѣ, столь преданномъ своему воспитаннику и такого чуднаго характера; но онъ мнѣ еще болѣе пришелся бы по душѣ, не будь онъ такъ увлеченъ піэтизомъ и мистицизомъ, которые теперь въ модѣ повсюду, въ Германіи особенно. Но, чѣ же дѣлать? Приходится иногда мириться въ человѣкѣ со многимъ. Полье, по крайней мѣрѣ, вполнѣ добросовѣстный человѣкъ, и набожность его искрення и не похожа на этихъ лицемѣровъ, прикрывающихъ маскою благочестія самые ужасные пороки и тѣмъ самымъ безнаказанно играющихъ роль негодяевъ. Я все же надѣюсь, что Полье не оставитъ принципа, въ какомъ бы онъ ни оказался положеніи *).

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я упоминалъ о назначеніи генерала Иловайскаго Донскимъ атаманомъ, на мѣсто Денисова. Теперь, говорить, что тамъ учреждается Совѣтъ, гдѣ предсѣдателемъ будетъ извѣстный Чернышевъ, а атаманъ—только вице-президентомъ. Не знаю, чтѣ хотятъ сдѣлать изъ земли войска Донского и изъ этихъ храбрыхъ казаковъ; но думаю, что добираются до ихъ учрежденій и обычаевъ. Я прихожу къ этому заключенію по тому, что сдѣлано съ Чугуевскимъ полкомъ, который во многомъ походилъ на порядки войска Донскаго; въ настоящее время, полкъ этотъ вошелъ въ общій составъ военныхъ поселеній, но покорился этой перемѣнѣ или, вѣрнѣе, этому жестокому перевороту послѣ долгихъ сопротивленій и послѣ суровыхъ карь. Дай Богъ, чтѣ не повторилось ничего подобнаго на Дону. Мнѣ кажется, что графъ Михаиль знаетъ этого Иловайскаго З-го и можетъ, поэтому, судить, чего отъ него ждать, а еще отъ него не скроется и тайна всѣхъ продолжительныхъ дѣйствій Чернышева на Дону, по сіе время никому неизвѣстныхъ.

Графъ Кочубей поручилъ мнѣ напомнить о немъ вашему сіятельству. Онъ перенесъ тяжкую болѣзнь, заставившую одно время опасаться за его жизнь. Это былъ летучій ревматизмъ на подагрической почвѣ, бросившійся на легкія; у него и раньше бывали подобные припадки, но далеко не столь сильные. Я былъ у него вчера и нашелъ его очень

*) Не тотъ ли это Полье, за которого вышла вторымъ бракомъ графиня Шувалова (въ третьемъ бракѣ княгиня Бутера)? Своего Полье она такъ любила, что воздвигла ему памятникъ подъ Петербургомъ. П. Б.

слабымъ; онъ говоритъ, что доктора совѣтуютъ емуѣхать заграницу, въ чёмъ онъ и самъ находить надобность, и ждетъ только возвращенія Государя, чтобы просить отставки. Въ настоящее время его уходъ будетъ незамѣнимой потерей, такъ какъ, сколько ни перебирай, нѣть человѣка, который бы могъ его замѣстить. И безъ того, финансы наши въ плачевномъ состояніи; чѣ же будетъ, если и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ окажется въ неискусныхъ рукахъ? Гурьевъ не геній, но нельзя его винить, что расходы государства не въ соотвѣтствіи съ его доходами, и не онъ виноватъ, что нѣть болѣе чѣмъ онъ, свѣдущаго въ финансахъ человѣка, и что вся дѣятельность его основана на томъ, чтобы ничего не мѣнять. Вы справедливо говорите, что въ Англіи лучше всего образуется хорошій канцлеръ казначейства черезъ оппозицію, имѣющую всегда въ своей средѣ готоваго ему замѣстителя. У насъ дѣло обстоитъ иначе; поэтому мы никогда не уйдемъ далеко по этой части. Оппозиція у насъ тоже найдется въ лицѣ Кампенгаузена, состоящаго въ постоянной открытой войнѣ съ министромъ финансовъ. Недавно, по слу-чаю новой смѣты, съ недоборомъ около 80 милл. (не считая непредви-дѣнныхъ расходовъ, которые у насъ также громадны, какъ и неизвѣстны), Гурьевъ предложилъ новые налоги на разные предметы торговли. Кам-пенгаузенъ прежде всего заявилъ, что не согласенъ съ этой мѣрой и предоставляетъ себѣ изложить письменно свои возраженія. И дѣйстви-тельно, онъ привелъ причины, извѣстныя каждому школьніку, а именно, что дорогоизна одного предмета увеличивается въ извѣстномъ соотвѣтствіи стоимость всѣхъ другихъ и поощряетъ тайный провозъ и т. п. На этомъ онъ и остановился. Ну и отдалъ-же его Гурьевъ въ Коми-тетъ Министровъ, объявляя, что члену министерства непозволительно представлять свою жѣлчную критику и не идти далѣе, такъ какъ тутъ дѣло не въ преніяхъ о тарифѣ или объ какомъ нибудь отдельномъ правилѣ, а объ общей смѣтѣ, чѣ обязывается возражающаго пред-ставить новую смѣту, или же указать средства къ исправленію обсужденаго. Говорять, что Гурьевъ обошелся съ Кампенгаузеномъ также строго, какъ бы обошелся съ плохимъ ученикомъ, а такъ какъ все велось письменно, то и отправлено къ Государю. И то правда, что Кампенгаузенъ только и дѣлаетъ, что придирается ко всѣмъ, а къ Гурьеву въ особенности. Оппозиція, подобная этой, не можетъ при-вести у насъ ни къ чему. Извѣстно, напр., что въ этомъ самомъ комитетѣ, графъ А., круглый невѣжда, всегда начинаетъ свои возраженія слѣдующими словами: *Извините, я на мѣдныхъ деньги у приход-скою дѣячка учился.* По представленію этого же графа А., предавался суду одинъ губернаторъ или, скорѣе, долженъ былъ, какимъ бы то ни было способомъ, быть изничтоженъ. Послѣ совѣщенія соглашаются на

преданіе губернатора суду, о чемъ и слѣдовало постановить точное рѣшеніе, и всѣ выжидаютъ страшнаго приговора графа А. о способѣ приведенія сего въ исполненіе. Онъ объявляетъ, что губернатора должна судить Уголовная Палата той губерніи, где онъ былъ губернаторомъ. Всѣ молчатъ. Государственный секретарь Молчановъ, которому надлежало занести это рѣшеніе въ журналъ и изготовить бумагу о преданіи суду губернатора, заявляетъ, что онъ не можетъ вписать такой нелѣпости въ журналъ Комитета Министровъ, ибо губернаторы судятся только Сенатомъ.—Почему это Сенатомъ, и что есть общаго между нимъ и виновнымъ губернаторомъ? Онъ предается суду Комитетомъ Министровъ, и на это есть *Уголовная Палата*.—Существуетъ законъ, возражаетъ Молчановъ, по которому только Сенатъ можетъ судить губернаторовъ.—*Ну, такъ законъ дуренъ!*—Законъ этотъ не мною установленъ, но я здѣсь для напоминанія о немъ и для примѣненія его.—Значить, нѣтъ никакого способа для правосудія? говорить А.—Правосудіе будетъ, да не по вашему способу; но тѣмъ не менѣе Сенатъ сдѣлаетъ это такъ же хорошо, если даже не лучше.—Зачѣмъ вы все говорите прежде всего о Сенатѣ, и все о Сенатѣ?—Повторяю вамъ, что этого требуетъ законъ.—А почему такой дурной законъ?—Законъ превосходный, потому что первая основа справедливости, на которой и созданъ этотъ законъ, та, что всякий судится судомъ равныхъ себѣ. Вѣдь если губернатора предать суду Уголовной Палаты его губерніи, судьями его будуть его же подчиненные; въ Сенатѣ же его судьями будутъ равные ему. Къ тому же законъ этотъ не мною писанъ, но онъ существуетъ вездѣ, чѣмъ доказывается его пригодность.—Язвительная гнусная усмѣшка съ вѣчнымъ извините мѣдныя деньги и приходскій дьяченъ, вотъ въ чёмъ выражалось извиненіе всесильного министра. А Сенатъ не только что оправдалъ губернатора, но тотъ же Комитетъ Министровъ нашелъ, что ему слѣдовало получить три награды, по статуту, при чезъ все же допустили его умереть въ нищетѣ! Достаточно, кажется, и этихъ двухъ примѣровъ нашей оппозиції.

Я очень доволенъ принятымъ гр. Михаиломъ рѣшеніемъ не торопиться къ командованію корпусомъ. Надѣюсь, всѣ признаютъ причины его уважительными; а еслибъ даже отдали корпусъ кому другому, такая жертва вполнѣ необходима. Для полнаго его счастія, какъ и вашаго и всей семьи, ему только нужно бы теперь потомство достойное его самого и имени, которое онъ носить; этого такъ же ждутъ его друзья и отечество. Если бы графъ сталъ спѣшить къ разрѣшенію графини въ Парижѣ, какъ первоначально предполагалъ, а не въ Россіи, онъ этимъ подвергъ бы и дитя и мати всякаго рода опасностямъ и

случайностямъ; тогда какъ если графиня Лиза не будетъ въ Парижѣ, и она и ребенокъ, къ общему успокоенію, будутъ въ полной безопасности. А я того же мнѣнія какъ и вы, что если ребенку суждено родиться въ чужихъ краяхъ, лучше ему быть Англичаниномъ, чѣмъ Французомъ. Да и нигдѣ такъ легко не остаются вѣрны Русскому сердцу, какъ въ Англіи; въ Парижѣ же совсѣмъ не знаютъ сердца.

*

Царское Село, 8 Іюня 1821 г.

Возвращаюсь къ принцу Густаву. По тому, что мнѣ недавно говорила Государыня, дѣломъ его занимались въ Лайбахѣ. Не знаю, чѣмъ кончили, но, какъ кажется, его хотятъ устроить въ Австріи. Принцъ предпочитаетъ военную службу всякой другой, и я увѣренъ, что онъ отличится на ней. Чѣмъ касается Полье, я очень порадовался вашему сообщенію, что онъ отсталъ отъ мистицизма; я увѣренъ, что этому поспособствовалъ здравый смыслъ Англичанъ. У него это отъ отца, извѣстнаго въ Швейцаріи не мистика, а піэтиста (сектамъ этимъ нѣть конца, и счастливъ тотъ, кто не принадлежить ни къ одной). Полье-сынъ былъ въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ Юнгомъ Штиллингомъ, человѣкомъ умнымъ и даже высокой честности. въ Карлсруе они видались ежедневно; и я понимаю, что онъ не могъ не смеяться надъ Крюднеръ и не презирать ее. Сначала она все перенимала съ Штиллинга, а кончила тѣмъ, что образовала новую секту, такую же безумную, иначе сказать, изступленную, какъ и презрѣнную. Полье, по своему уму и образованію, не могъ не познать тщеты ученія обѣихъ этихъ сектъ, и если сперва, по дружбѣ къ Штиллингу, онъ придерживался его ученія, то смерть послѣдняго, зрѣлый возрастъ и жизненный опытъ привели Полье къ отрѣзленію, столь же почтенному, какъ и счастливому для него самого. Полагаю, что онъ не покинетъ своего воспитанника.

Вамъ любопытно, графъ, узнать причины отрѣшенія отъ должности атамана Денисова. Собственно говоря, его не увольняли, но вынудили подать въ отставку. Одна изъ главныхъ причинъ, приведшихъ этотъ край къ болѣшимъ затрудненіямъ, это заселеніе у казаковъ цѣлыхъ окружовъ крѣпостными бѣглыми и всякими другими людьми, которыхъ они обратили и у себя въ крѣпостныхъ; многіе изъ этихъ казацкихъ вельмож имѣютъ до 12—14 тысячъ душъ. Пресѣчь подобное злоупотребленіе было такъ трудно, что самъ Денисовъ, какъ затронутый въ этомъ положеніи вещей и какъ атаманъ, прибѣгая къ нѣкоторымъ средствамъ, до того запутался, что не зналъ, какъ выйти изъ затрудненій. Чернышева снова отправляютъ на Донъ, и мы, можетъ быть, увидимъ,

какъ кончится это дѣло. Мнѣ неизвѣстно, какія мѣры намѣreno предпринять правительство, чтобы измѣнить настоящій порядокъ вещей; но вообще подобная перемѣна приведеть многихъ къ разоренію, и вотъ для чего хотять измѣнить порядки въ управлениі казацкомъ. Много послужили казаки Россіи, да и теперь нужны ей.

Говоря о Крюднерѣ, я забылъ сказать, что дама эта, съ прошлой зимы, проживаетъ въ Петербургѣ, съ дочерью своей и зятемъ, барономъ Беркгеймомъ. Про эту компанію можно сказать, что кто съ кѣмъ сходится, тогъ тѣмъ и водится; поселились они всѣ у княгини Голицыной, рожд. Всеволожской, такой же кающейся Магдалины, какъ и Крюднерь. Сія послѣдняя провела два года въ Лифляндіи совершенно тихо, благодаря маркизу Паулуччи, отдавшему ее подъ присмотръ полиціи, къ великому соблазну всей благочестивой шайки. Сюда она прїѣхала лѣчить своего зятя, который, отъ изступленія, совершенно рехнулся, а, можетъ, она только воспользовалась этимъ поводомъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Первое время о ней ничего не было слышно, но мало по малу гостей у нея собиралось все больше, а теперь у нея постоянная толпа, и дошло до того, что спрашиваются другъ друга, бываютъ-ли у нея и удивляются, если находятся такие оставленные Богомъ люди, которые не желаютъ ее посѣщать. О князѣ Голицынѣ, министрѣ исповѣданій, громко говорятъ, что онъ одинъ изъ усердныхъ ея посѣтителей; но больше всего осаждаются ея домъ благочестивыя барыни. Ну, и помогай имъ Господь! Докторъ Ея Величества, Штофрегенъ, противъ обыкновенія, занялся очень усердно лечениемъ Беркгейма, расчитывая, что Крюднеръ употребить свое краснорѣчіе на его восхваленіе въ своихъ святыхъ проповѣдяхъ: но когда онъ объявилъ, что бреды у прославленного больнаго прекратились, и что явилась полная увѣренность въ его выздоровленіи, пророчица воскликнула, что она отлично знала, что, кромѣ ея молитвъ, не могло быть другаго средства для его спасенія, и что онъ, Штофрегенъ, долженъ теперь убѣдиться въ дѣйствительности ея молитвъ. Взбѣшенный такимъ новымъ способомъ благодарности докторъ убѣжалъ отъ нея, и только нѣсколько дней спустя, гнѣвъ его утихъ, и онъ могъ смѣяться надъ происшедшими. До сихъ поръ всѣ эти собранія (ихъ много другихъ, кромѣ Крюднеръ) терпѣлись, даже поощрялись, такъ какъ власти посѣщали ихъ, и это, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за этимъ непріятностями, ускорило кончину добродѣтельнаго митрополита Михаила. Не знаю, чтѣ будетъ дальше, такъ какъ говорятъ, что Императоръ окончательно перемѣнилъ свое мнѣніе о вѣроисповѣдныхъ сектахъ, особенно послѣ данной имъ (въ Лайбахѣ, по повтореннымъ проосьbamъ императора Франца)

аудіенції Іезуїтамъ. Они ему доказали, что если они виноваты въ стремлениі обращать въ свою вѣру, то ихъ нельзя винить въ расшатываніи монархій, такъ какъ первое правило ихъ ордена и ихъ основное начало держаться монарховъ и поддерживать ихъ всевозможными средствами. При этомъ они указали на грозящую правительствамъ опасность отъ всѣхъ этихъ тайныхъ сектъ, распространяющихся съ безпримѣрнымъ неистовствомъ. Говорять, что, въ подкрайненіе своихъ доводовъ, они дали такія неопровергимыя доказательства, что привели въ трепетъ. Графъ Паулуччи здѣсь; онъ говорилъ мнѣ, что онъ обязанъ предъявить имѣющіяся у него бумаги и нарушить и здѣсь покой г-жи Крюднеръ, которая, уѣзжая изъ Лифляндіи, объявила, что она не хочетъ жить въ странѣ, где царствуетъ сатана. Какой онъ ни на есть сатана, у него то достоинство, что онъ не боится высокаго покровительства, которымъ она пользуется; онъ и прежде присыпалъ сюда образчики переписки, которые, во всякомъ другомъ мѣстѣ, сочли бы достаточными, чтобы ее повѣсить.

*

Царское Село, 13 Июля 1821 г.

Новостей, заслуживающихъ вниманія, почти нѣть никакихъ. Сперанскій, прѣѣхавшій сюда по дѣламъ Сибири, отказывается, кажется, отъ своего тамъ мѣста, чтобы быть оставлену здѣсь. Государь часто и подолгу занимается съ нимъ, и онъ почти все время живеть здѣсь. Очень возможно, что онъ замѣнить графа Кочубея, который осенью собирается въ чужie края, такъ какъ еще недавно онъ кашлялъ съ кровью, да и глядить онъ человѣкомъ серьезно больнымъ. Прошлую зиму онъ былъ на шагъ отъ смерти, какъ говорять, и вторая зима, подобная той, можетъ пресечь преждевременно его жизнь. Многіе объясняютъ, что въ настоящее время къ Сперанскому перешла большая часть дѣлъ бывшихъ доселѣ у графа А., который оставался здѣсь только двѣ недѣли по возвращеніи Государя, а съ тѣхъ поръ пребываетъ въ своемъ чудномъ имѣніи, недалеко отсюда. Утверждаютъ даже, что графъ А. только сохранить начальство надъ военными поселеніями и будетъ занять лишь дѣлами, которыя до нихъ касаются. Увидимъ, что окажется вѣрнымъ изо всѣхъ этихъ слуховъ; но можно сказать съ увѣренностью, что Сперанскій останется здѣсь; повидимому, онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Кочубеемъ.

*

С.-Петербургъ, 4-ое Сентября 1821 г.

Въ настоящее время не имѣется въ виду никакой войны, и Турки расположены, кажется, дать удовлетвореніе, по скольку для нихъ это возможно. Однако я сомнѣваюсь, чтобы дѣла остались въ настоящемъ ихъ

положеніи: весна выяспить многое. Въ миролюбивомъ настроеніи Государя нельзѧ сомнѣваться, и самые сомнѣвавшіеся должны убѣдиться въ этомъ по отмѣнѣ рекрутскаго набора въ этомъ году. Если же въ будущемъ году возмутъ двойное число рекрутъ, въ случаѣ войны, то, все же эта отмѣна успокоиваетъ, что никакихъ приготовленій къ войнѣ нѣтъ въ настоящую минуту. Но въ будущемъ намъ не избѣгнуть войны, такъ какъ Туркамъ никогда не покорить Грековъ, развѣ что съ постороннею помощью. Россія не можетъ нравственно поддерживать Турокъ, а всякая другая держава, которая вмѣшается въ это, тотчасъ возбудить войну. Особенно старается предотвратить разрывъ Австріи; но въ общемъ у насъ весь противъ вліянія этой державы, не смотря на вкрадчивость и полную самой тонкой хитрости сметку ея посланника Лебцельтерна. Многихъ возмущаетъ его короткость съ нашими дипломатами. Можетъ, и правда, что онъ больше бы выигралъ въ этомъ дѣлѣ, еслибы не такъ выставлялъ на показъ эту близость; но это потому, что забываютъ примѣры прошлаго, хотя и Коленкуръ и Румянцевъ оба еще здравствуютъ.—Вы думаете, графъ, что я жалѣю Ипсиланти. Я его, дѣйствительно, одно время хорошо зналъ и не могу не жалѣть, что онъ впутался въ такое скверное дѣло, безъ соотвѣтствующихъ его предпріятію средствъ. Онъ не безъ отваги и между Греками самый развитой и образованъ всесторонне. Во время Вѣнскаго конгресса я могъ лично убѣдиться, что онъ только будетъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто вершитъ дѣла больше, чѣмъ онъ. Какъ пылкій и восторженный молодой человѣкъ, онъ примкнулъ къ обществу, въ составъ которого входили люди очень вліятельные и пронырливые женщины, мечтавшія освободить свою родину по мановенію волшебной палочки, а когда онъ понялъ несостоятельность всѣхъ обѣщаній, отступленіе было уже невозможно. Одна ошибка всегда ведетъ къ другой и т. д. Вотъ откуда его надежда на поддержку нашего двора и другія самообольщенія. Обстоятельства, на которыхъ онъ могъ расчитывать, такъ внезапно обратились противъ него, какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Піемонтѣ, что онъ не вѣрилъ себѣ, очутившись между Валахами и Молдаванами, окруженный предателями и разбойниками, вместо того, чтобы встрѣтить храбрыхъ Сербовъ и отчаянныхъ Грековъ изъ Мореи, готовыхъ его поддержать. Я увѣренъ, что дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, еслибы Италія отвлекла Австрію и Россію. Я еще удивляюсь, какъ онъ еще могъ продержаться четыре мѣсяца съ такимъ сбродомъ подлыхъ бродягъ, да еще въ странѣ, где не было никакихъ средствъ набрать какое-нибудь годное войско. Но если правда, что ему позволили отправиться въ Морею, то о немъ еще услышать. Что касается его братьевъ, я только по виду знаю ихъ, да и они были

здесь такими еще юными, что нельзя было судить объ ихъ способностяхъ; но безрукій, повидимому, и даровить, и опытень. Тяжело думать о причиненныхъ имъ бѣдствіяхъ и о многочисленныхъ жертвахъ его безразсудства; впрочемъ, всѣ вожди восстаній, если не таковы сначала, то дѣлаются впослѣдствіи кровожадными чудовищами. Имъ руководить одно честолюбіе, кровь самыхъ близкихъ такъ же ихъ троаетъ, какъ кровь Турокъ, и они питаются самыя низменныя страсти.

Въ числѣ наградъ 30-го Августа, краткій списокъ которымъ я послалъ гр. Михаилу съ послѣдней почтой, пожалованы Андреевскія ленты графу Кочубею и маркизу Траверсе. Не приходится много говорить о награжденіи маркиза, такъ какъ Государь воленъ жаловать, кого онъ считаетъ сего достойнымъ. На мнѣніе о немъ Государя могло по-дѣйствовать и мѣсто, и возрастъ, и долгое, хотя неважное. но за то съ большой экопоміей, управление Морскимъ Министерствомъ, а, можетъ, еще и дружба маркиза съ графомъ А. Но извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, онъ не добивался этой награды съ такимъ безмѣрнымъ желаніемъ, какъ многіе другіе; къ тому же онъ уже три мѣсяца живетъ у себя въ имѣніи. Графъ К. другое дѣло: всѣ знаютъ, какъ давно онъ страстно желалъ этой награды. Но, при его характерѣ, и этой наградою онъ не сочтеть себя удовлетвореннымъ; его честолюбіе, не знающее предѣловъ, заставляетъ его мечтать о шифрѣ для жены, а, затѣмъ, и о другихъ милостяхъ. Воздавая должное рѣдкимъ качествамъ графини¹⁾, я долженъ сказать, что она поддерживаетъ честолюбіе мужа, не уступая ему въ ономъ. Они оба въ такой милости при дворѣ, что всѣ ихъ желанія по части наградъ будутъ удовлетворены. Недавно, ихъ зять²⁾ пожалованъ во флигель-адъютанты Государя; а эа этимъ придется очередь графини. Ихъ страсть ко двору вошла въ поговорку; но нужно замѣтить, что тамъ теперь такъ мало людей выдающихся, что имъ само собою приходится играть первыя роли. При такихъ вожделѣніяхъ, огромное ихъ состояніе и разстроенное здоровье только побуждаютъ ихъ къ скорѣйшему достижению возможно большаго. Я не думаю, чтобъ полное оставленіе дѣль и двора входило въ ихъ планы; лишь только здоровье поправится, они непремѣнно вернутся сюда. Управление Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было принято имъ съ сознаніемъ, что это свыше его силъ и лишь на время. такъ какъ не было тогда, да и теперь нѣть, кому бы его поручить. Если онъ не уйдетъ вовремя,

¹⁾ Марія Васильевны, рожд. Васильчиковой, племянница того Васильчика, который былъ любимцемъ Екатерины, послѣ женитьбы князя Г. Г. Орлова и передъ ея бракосочетаніемъ съ Потемкинымъ. П. Б.

²⁾ Т. е. графъ А. Г. Строгановъ. П. Б.

онъ себя уморить этимъ. Потеря будетъ тяжелая; вѣдь стоитъ только пробѣжать списокъ его товарищѣй, чтобы убѣдиться, что онъ лучше ихъ всѣхъ: на безрыбье и ракъ рыба.

Одно время говорили, что его замѣнять Татищевымъ, если онъ подастъ въ отставку. Что Татищеву это очень желательно, въ этомъ нѣть сомнѣнія; но нужно еще знать, желаетъ ли сего Государь. За неимѣніемъ лучшаго, онъ, кажется, доволенъ теперь своимъ мѣстомъ въ Брюссель; но куда его влечеть, это въ Константинополь, и я не удивлюсь, если онъ попадетъ туда: баронъ Строгановъ¹⁾. какъ можно полагать, не вернется, какія бы ни были послѣдствія происходящихъ тамъ, въ настоящее время событій, или могущихъ произойти впослѣдствіи. Его ожидаютъ сюда со дня на день.

*

С.-Петербургъ, 23 Января 1822 г.

Пользуюсь отѣзdomъ Поггенполя, чтобы доставить вашему сіѧтельству календарь на нынѣшній годъ и списокъ генераловъ. Календарь переплетенъ кадетомъ Рѣзчиковымъ, и единственный недостатокъ, который я нахожу, это неровность въ позолотѣ. Впрочемъ, успѣхи Рѣзчикова въ переплетномъ дѣлѣ обѣщаютъ, что онъ будетъ очень полезенъ библіотекѣ графа Михаила.

Поггенполю, должно быть, поручили нѣкоторыя сообщенія относящіяся къ Турецкимъ дѣламъ. Полученое оттуда, дня 4 тому назадъ, не было удовлетворительно; а такъ какъ у насъ главнымъ дѣятелемъ по этой части Австрійское посольство, то можно заранѣе быть увѣрену, что вся политика этого двора только и стремится къ уничтоженію нашего вліянія въ этой части Европы и нашей славы, снисканныхъ послѣдними событіями въ Германіи и во Франціи.

Закадычный другъ князя Меттерниха, Лебцельтернъ²⁾, пріобрѣлъ тутъ такое вліяніе, что, прямо, возмутительно. Я совсѣмъ не сторонникъ войны, однако, боюсь, что кануть до того натянули, что, если его не отпустятъ вовремя, онъ подъ конецъ лопнетъ. Вчера отбылъ въ Одессу Рибопьеръ, посланный туда для ревизіи дѣлъ порто-франка, карантинна и таможенья. Порученіе очень важное, конечно, но не настолько, чтобы отрывать отъ собственного дѣла человѣка, стоящаго во главѣ двухъ банковъ: заемного и торгового, годовые обороты которыхъ около 75 милл. Выборъ сдѣланъ удачный, и Государь остановился на

¹⁾ Позднѣе графъ Григорій Александровичъ. П. Б.

²⁾ Лебцельтернъ женился на внучкѣ богачки Козицкой. П. Б.

немъ самъ. По занимаемому Рибопьеромъ мѣсту, онъ будетъ въ состояніи знать, какіе есть свободные запасы, коими можно располагать, какъ казенными, такъ и частными. Назначеніе это взволновало дипломатической кружокъ, а Австрійское посольство очень встревожено имъ. Дай Богъ, чтобы дѣло этимъ и кончилось, безъ войны, которая довершила бы разореніе нашихъ финансъ. Пенять на Государя нельзя будетъ никогда, послѣ доказанной имъ умѣренности и миролюбія, которыя убѣдили, наконецъ, всѣхъ, что война, которую считали неизбѣжною въ началѣ Греческихъ волненій, минуетъ насъ. Черезъ мѣсяцъ все должно выясниться.

Относительно самозванства Ипсиланти, о которомъ вы упоминаете въ послѣднемъ письмѣ, я далекъ отъ того, чтобы оправдывать его поступки, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. У революціонеровъ вездѣ и всегда одна система: обманъ, клевета, коварство, кровожадность, грабежъ, убийства, попраніе всѣхъ правъ, Божескихъ и человѣческихъ; они ничѣмъ не брезгаютъ, считая все позволительнымъ для себя; это доказано революціями всѣхъ временъ, а въ настоящее время мы видимъ это въ Испаніи и въ Португаліи. Ипсиланти не слѣдуетъ употреблять ни въ какія дѣла и нигдѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ хитрый Грекъ и человѣкъ съ большими познаніями, онъ можетъ сдѣлать изъ нихъ самое дурное употребленіе.

*

С.-Петербургъ, 16 Мая 1822 г.

Графъ Иванъ Воронцовъ имѣлъ прощальную аудіенцію наканунѣ отѣзда Государя; а въ прошлое Воскресенье въ Павловскѣ, у Императрицы-Матери и Великихъ Княгинь. Царствующая Императрица приметъ его здѣсь послѣ завтра, и онъ, въ вечеръ того же дня, уѣдетъ вмѣсть съ Татищевымъ, который возвращается въ Вѣну, снабженный новыми инструкціями *). Я его видѣлъ только мимоходомъ, въ дворцѣ и въ гостяхъ; но знаю, что, сверхъ всякихъ ожиданій, онъ сталъ очень миролюбивъ. Если дѣла съ Портою кончатся благополучно, то нѣть сомнѣнія, онъ будетъ назначенъ въ Константинополь. Баронъ Строгановъ ни въ какомъ случаѣ не возвратится туда, а Татищевъ всегда мечталъ получить это мѣсто, тѣмъ болѣе теперь, когда Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ему еще придется подождать. Въ первую свою поѣздку въ Вѣну онъ получилъ отъ Австрійского императора ларецъ

*) Татищеву было поручено склонить Австрію къ устраненію нашей войны съ Турцией, и за это онъ получилъ большое денежное пожалованье. П. Б.

въ 20.000 р., а здѣсь—награду своей женѣ, когорой Государь пожаловалъ третьяго дня орденъ св. Екатерины. Сопровождавшій его Ко-кошкинъ, котораго вы знавали въ Лондонѣ, сдѣланъ камергеромъ, чтѣ повышаєтъ его только при дворѣ, такъ какъ онъ остается тѣмъ же надворнымъ совѣтникомъ, какимъ былъ при камеръ-юнкерствѣ. Онъ и въ настоящую поѣздку сопровождаетъ Татищева и съ такими же, вѣрно, для себя выгодами. Графъ Иванъ Воронцовъ хотѣлъ повидаться съ гра-фомъ Михаиломъ въ Бѣлой Церкви, или въ какомъ другомъ мѣстѣ; но я не знаю, успѣть ли онъ сдѣлать это, если уѣзжаетъ одновременно съ Татищевымъ. Графиня Ирина говорила мнѣ, что она въ Августѣ или Сентябрѣ поѣдетъ къ сыну въ Мюнхенъ, но что это еще зависить отъ того, какое приметь рѣшеніе графъ Паленъ¹⁾, по прїѣздѣ своемъ сюда. Если онъ откажется отъ своего мѣста въ Мюнхенѣ, то оно останется за гра-фомъ Иваномъ; если же нѣтъ, то графу Ивану придетсяѣхать назадъ, пока не представится чтонибудь другое. Но я увѣренъ, что графъ Паленъ не останется въ Мюнхенѣ, такъ какъ онъ мнѣ говорилъ, еще въ 1818 г., что климатъ Баваріи дурно дѣйствуетъ на его грудь. Его рѣшеніе извѣстно и Государю, и министерству, и говорятъ даже, что онъ выражалъ желаніе замѣнить Полетику въ Америкѣ. Я пред-ставилъ вчера графинѣ Иринѣ Смирнова²⁾, котораго она приняла чрез-вычайно любезно. Со днія его прїѣзда сюда, у него такъ много было разѣздовъ, что я успѣлъ представить его очень немногимъ; но какъ только онъ покончить съ своими дѣлами, я его перезнакомлю со всѣми моими друзьями. Онъ чудесный молодой человѣкъ и располагаетъ къ себѣ всѣхъ, кто имѣетъ случай узнать его. Графиня Строганова хотѣла замолвить о немъ графу Нессельроде; а я, съ своей стороны, поговорю графу Каподистріи.

*

Царское Село, 8 Июня 1822 г.

Какъ ни доволенъ я, что графъ Михаилъ въ Бѣлой Церкви, но очень сожалѣю, что онъ не былъ въ Вильнѣ, во время пребыванія тамъ Государя. Конечно, прїѣхавъ къ себѣ 22-го, онъ никоимъ обра-зомъ не могъ бы поспѣть къ 25-му, дню отѣзда Государя изъ Вильны; но это было бы очень легко сдѣлать при первоначальномъ его намѣреніи оставить графиню, чтобы она продолжала путь на Во-лынѣ, а самому свернуть на Литву. Кромѣ того, что онъ узналъ бы, чѣмъ рѣшили его судьбу (такое долгое поджиданіе отвѣта становится

¹⁾ Графъ Петръ Петровичъ, храбрый воинъ, человѣкъ безукоризненной чест-ности. П. Б.

²⁾ Это сынъ Лондонскаго нашего протоіерея, отца Якова, который былъ другомъ графа С. Р. Воронцова, а въ послѣднія недѣли царствованія Павла управлялъ дѣлами посольства. П. Б.

иногда невыносимымъ) было бы еще гораздо предпочтительнѣе представиться Государю лично, чѣмъ доносить о своемъ возвращеніи рапортомъ. Я не хочу этимъ ничего критиковать; мнѣ это совсѣмъ не по-добаетъ, да я и не посмѣль бы сдѣлать это, не зная побудительныхъ причинъ дѣйствіямъ графа, кромѣ самой для него важной—положеніе графини; но, живя здѣсь и насмотрѣвшись на многое, я опасаюсь ложнаго толкованія дѣйствій собственно самыхъ простыхъ. Я, впрочемъ, думаю, что если графъ измѣнилъ свои намѣренія, даже послѣ полученія въ Ландсгутѣ моего письма изъ Радзивилова, въ которомъ я говорилъ ему о путешествіи Государя и позволилъ себѣ посовѣтовать ему сѣѣздить въ Вильну, то, вѣрно, онъ имѣлъ на это уважительныя причины. Если графъ пріѣдетъ сюда, какъ предполагалъ, зимой, то вовсе не увидитъ Государя, который останется здѣсь до конца Августа, а потомъ, какъ говорятъ, поѣдетъ въ Варшаву и оттуда во Флоренцію. Пока, это одни толки, но, кажется, довольно обоснованные, какъ мнѣ еще вчера говорилъ графъ К. Гвардія возвращается сюда къ полному довольству голодныхъ губерній, гдѣ она стояла, и, какъ думаю, и къ своему.

Я провелъ очень пріятно два дня у барона Николаи, въ Монрепо; наша съ нимъ прочная, двадцатилѣтняя дружба и нахлынувшія воспоминанія о быломъ послужили содержаніемъ бесѣдъ чрезвычайно занимателныхъ. Что касается его дѣлъ, то, по тому, что мнѣ известно о нихъ (за время, чтѣ я занимался ими, пока онъ жилъ въ Англіи и Даніи) у него все-же, не смотря на разстройство его состоянія, капиталъ тысячъ въ пятьсотъ, если даже не болѣе, не считая Монрепо и движимости, въ которой самое цѣнное его библіотека. Онъ ни за что не хочетъ разстаться съ этимъ имѣніемъ, которое доходу не даетъ никакого, а требуетъ немало денегъ на поддержаніе.

*

Царское Село, 3 Іюля 1822 г.

Я только что собрался писать къ вашему сіятельству, какъ получилъ извѣщеніе графа Михаила объ его пріѣздѣ, чтѣ для меня пріятная неожиданность, такъ какъ, по его вчерашнему письму, я не ожидалъ его ближе двухъ дней. Въ Субботу я передалъ его письмо князю Волконскому, и уже въ Воскресенье онъ получилъ приглашеніе къ царскому столу, а вечеромъ представился Вдовствующей Императрицѣ въ Павловскѣ. На мой взглядъ, графъ Михаилъ имѣть вполнѣ здоровый видъ; а Государыня нашла, что онъ помолодѣлъ и бодрѣе, чѣмъ два года тому назадъ. Графъ не нахвалится пріемомъ, какой оказалъ ему всей царской семьею. Онъ лучшаго ничего не могъ сдѣлать, какъ пріѣхать.

сюда. Когда я говорилъ граffу Сакену, что жду его, онъ замѣтилъ, что очень этому радъ, такъ какъ его присутствіе здѣсь также пріятно, какъ и необходимо. Въ настоящее время, поговариваются, что Паленъ получить Нидерландское мѣсто, если только не увлечеть его страсть къ Америкѣ, куда поѣдетъ Тюиль, вмѣсто него. Прекурьозная вещь съ Татищевымъ, назначеннымъ въ Брюссель, куда онъ и не помышляетъ ѿхать, по той простой причинѣ, что тамъ отъ него откроциваются руками и ногами и просятъ избавить ихъ отъ подобной нацости. Онъ теперь играетъ совсѣмъ другую роль; да и времена настали другія, какъ кажется, и рѣчи другія, и начала другія. Кто имѣлъ случай говорить съ нимъ (мнѣ это не удалось ни разу), не надивится этому превращенію бывшаго съ головы до ногъ вооруженнаго воина въ ангела мира. Вотъ какую метаморфозу смогли сдѣлать 160 тыс. годового жалованья (задаромъ) и 10 тыс. ежемѣсячно, во время этого экстраординарного порученія въ Вѣну, не считая денегъ на дорогу. До чего это все доведеть его, не знаю, но сомнѣваюсь, чтобы онъ достигъ тѣхъ верховъ, о которыхъ мечтаетъ. Самое большое, если его назначать въ Константинополь, по возобновленію нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, о чемъ онъ, конечно, позаботится. Онъ разстался съ нашею политикою доброго, старого времени, отъ которой Россіи есть чѣмъ хвалиться, и будеть продолжать идти по новому пути, лишь бы только онъ былъ для него выгоденъ; а дѣла его теперь въ лучшемъ, чѣмъ вы можете думать, положеніи. Баронъ Строгановъ сдѣлалъ отлично, уѣхавъ къ водамъ. Положимъ, что онъ дѣйствительно нужны ему, но тѣмъ не менѣе это былъ самый лучшій способъ удалиться съ достоинствомъ и прилично, какъ для себя, такъ и для всѣхъ другихъ. По счастью, я рѣшительно ничего не знаю о творящемся въ Вѣнѣ, но полагаю, что Татищеву расчетъ оставаться тамъ, насколько возможно дольше.

Сочиненія Ломоносова были въ печати еще въ прошломъ году, и я полагаю, что теперь они уже вышли. Есть нѣсколько книгъ о соѣднѣхъ съ Россіею странахъ. Только что появилась книга въ этомъ родѣ, полковника Муравьевъ, котораго генералъ Ермоловъ посыпалъ въ Хиву. Въ газетахъ помѣщаются иногда выдержки изъ Записокъ столь известнаго Рязанова, а также офицера, изъ той же экспедиціи, барона Мейendorфа, который былъ во главѣ Бухарской экспедиціи этого болвана Негри; но это все газетныя статьи, такъ какъ отдельно въ печати этихъ записокъ нѣть. Что касается Назарова, о которомъ вы изволите писать, я его видѣлъ здѣсь, два года тому назадъ, въ должности переводчика при одномъ Киргизскомъ ханѣ. Онъ родомъ

Бурять, учился въ народномъ училищѣ въ Оренбургѣ или въ окрестностяхъ его. Помнится, по просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я представилъ его записку Государынѣ: она пожаловала ему за нее какой-то подарокъ. Отъ него нельзя было и ожидать большаго, но я просилъ Ея Величество принять во вниманіе его бѣдность и усердіе или доброе намѣреніе, единственно, чтобы поощрить этимъ другихъ, болѣе способныхъ, которые пойдутъ по его пути. Не будь на немъ мундира и какого-то маленькаго чина, ему бы быть въ числѣ прислуги.

*

С.-Петербургъ, 12 Іюля 1822 г.

Графъ Михаиль уѣзжаетъ завтра, и я пріѣхалъ сюда провести съ нимъ послѣдній день, но надѣюсь повидать его еще завтра въ Царскомъ. Онъ вполнѣ доволенъ, и пріемомъ ему оказаннымъ, и тѣмъ, какъ устроились его отъездъ и будущее назначеніе; онъ вступить въ командованіе своимъ корпусомъ только съ переводомъ его главной квартиры изъ Житомира снова въ Кременчугъ, гдѣ она была, когда графъ получилъ корпусъ и куда ее возвращаются по сдѣланному прежде размѣщенію; а до тѣхъ поръ графу предоставляется полная свобода, чтобы заняться вашими и своими дѣлами. Николай уѣзжаютъ на другой день послѣ графа, и я жалѣю, что видѣть ихъ на такое короткое время.

Слѣдующій конгресъ произойдетъ, вѣроятно, въ Веронѣ, и уже готовятся къ этому путешествію; но Каподистріи на немъ не будетъ, чemu одинаковы рады и онъ, и Государь, такъ какъ въ настоящее время расходятся ихъ политическіе взгляды и начала. Каподистріи предложено попутешествовать для здоровья, которое, дѣйствительно, въ очень плохомъ состояніи, но, съ условіемъ быть здѣсь къ возвращенію Государя. Все, что затѣмъ послѣдуетъ, зависитъ отъ рѣшеній, которыя будутъ приняты на конгресѣ. Стало быть, графъ Нессельроде назначается на конгресъ, и я не знаю, что для него лучше, отѣлаться ли отъ совѣстника, съ которымъ онъ, однако, жилъ и работалъ столько лѣтъ, или навязать себѣ на шею Татищева, который никогда не будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ, какъ это дѣлалъ Каподистрія изъ одного усердія къ службѣ и съ рѣдкою при томъ охотою. До сихъ поръ, Н. былъ въ большой милости у Меттерниха, а теперь, какъ говорять, Татищевъ въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ, такъ что, съ самаго начала, конгресъ будетъ очень страннымъ. Съ отѣздомъ отсюда Татищева уже сдѣгалось известнымъ его въ немъ участіе. Можно уже предвидѣть, какова на немъ будетъ работа, и каковы вліянія, не предрѣшай, однако, какія произойдутъ въ Веронѣ поста-

новлениія, относительно дѣйствующихъ лицъ и дѣлъ. Баронъ Строгановъ на дняхъ уѣзжаетъ на воды, онъ уже откланился и здѣсь, и въ Павловскѣ. Партию гр. К.*^{*)} это очень устраиваетъ, такъ какъ оба они, одинъ по убѣжденіямъ, другой по своей народности (что никогда нельзя считать проступкомъ) рѣшили удалиться отъ неподходящаго имъ дѣла.

*

С.-Петербургъ, 22 Августа 1822 г.

На прошлой недѣлѣ графъ Михаилъ писалъ мнѣ, что у нихъ всѣ, слава Богу, здоровы, чѣму я очень порадовался. Графиня Браницкая поручила мнѣ купить ей, изъ Михайловскаго дворца, чудесный мозаичный каминъ и двери краснаго дерева съ позолоченой бронзой, назначаемые ею въ новый домъ, который будетъ себѣ строить графъ Михаилъ. Покупка эта обошлась въ 5350 р., т. е. менѣе чѣмъ въ третью настоящей стоимости этихъ вещей. Дворецъ этотъ отданъ инженерному вѣдомству, состоящему въ вѣдѣніи Великаго Князя Николая Павловича, и передѣливается, съ подобающей его новому назначенію простотою, на деньги вырученныя отъ продажи ненужныхъ украшеній. Много чудныхъ вещей продано за пустякъ.

Послѣднія извѣстія о Государѣ были изъ Варшавы. Приблизительно теперь онъ долженъ выѣхать изъ Польши. Свита его очень не велика: кромѣ князя Волконскаго и князя Меньшикова, сопровождающихъ его всегда, еще при немъ только генераль-адъютанты Ожаровскій и Чернышевъ; да и то первый изъ нихъ почти что силой упросилъ Государя взять его съ собой, и еще наканунѣ отѣзда о немъ не было и рѣчи, такъ какъ уже раньше ему было форменно отказано въ его просьбѣ быть въ свитѣ Государя въ его путешествіяхъ. Вотъ такъ-то слезами и назойливостью больше добиваются, чѣмъ заслугами. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно, какое ничтожное значеніе придали этому обстоятельству.

Передъ своимъ отѣздомъ, Государь на мѣсто Бетанкура, назна-
чилъ герцога Виртембергскаго, который переѣзжаетъ сюда изъ Витебска,
и я не думаю, чтобы черезъ это его управлѣніе департаментомъ сдѣла-
лось лучше. Нельзя отнять у Бетанкура его умѣнья вести свое дѣло,
но по части административныхъ распоряженій онъ, положительно,
ничего не смыслить. Поэтому, расхищены громадныя суммы, въ чѣмъ
онъ, какъ я полагаю, непричастенъ. А къ тому же онъ совсѣмъ не
знаетъ Русскаго языка, и въ этомъ, какъ полагаютъ, и есть самая

^{)} Графа Кацодистрії. П. Б.

большая ошибка. Подобный человѣкъ могъ бы быть чрезвычайно полезенъ, не во главѣ этого вѣдомства, а какъ лицо подначальное. За такія-то неосторожныя назначенія у насъ частенько платится миллионами, по которымъ отчета нельзя представить и на половину.

На имя графа Кочубея данъ рескрипты касательно тайныхъ обществъ, по которому закрываются всѣ масонскія ложи, а отъ всѣхъ состоящихъ на службѣ требуется форменная подпись о непринадлежности ни къ какому тайному обществу и о непосѣщеніи ихъ собраній. Я только что отослалъ такую подписку, чтѣ мнѣ ничего не стоило дать, такъ какъ я никогда не состоялъ членомъ какого бы то ни было общества и не посѣщалъ ихъ собраній. Рескрипты этиотъ напечатаны, и вы его увидите.

Сюда ожидаютъ графа Сакена, которому Государь передалъ свои полномочія, какъ во время войны, пока онъ въ отсутствіи. Графу приготовлено помѣщеніе во дворцѣ. Въ гвардіи пока царствуетъ полный порядокъ, и я убѣжденъ, что его легко будетъ поддержать, только бы начальство сумѣло хорошо вести такое чудное войско.

Въ обществѣ только одна и есть новость, о которой много поговорять, а именно женитьба Австрійского посланника на младшей дочери Лаваля¹⁾). Кажется, онъ заручился своимъ мѣстомъ въ Россіи. Впрочемъ, обѣ этомъ и не толковали бы, еслибы не Еврейское происхожденіе жениха. Я побаиваюсь, какъ бы этотъ бракъ не оказалъ намъ, кое-гдѣ, плохія услуги; а привычка и случай на это всегда на готовѣ у Лебцельтерна, какъ покорнаго слуги Меттерниха. Вы можете, по всему этому, составить себѣ понятіе о положеніи нашей иностранной политики, при такомъ господинѣ здѣсь, и при тѣхъ, кто у насъ въ Вѣнѣ²⁾).

*

С.-Петербургъ, 5 Ноября 1822 г.

Послѣднія извѣстія оть графа Михаила были изъ Одессы. Въ настоящее время онъ вѣрно уже объѣхалъ большую часть южнаго берега Крыма и скоро вернется въ Бѣлую Церковь. Графиня и дѣти были въ вожделѣнномъ здравіи. Если его не призовутъ къ командованію корпусомъ до зимы, то ему удастся побывать въ Москвѣ, и я надѣюсь, что тогда онъ пріѣдетъ и сюда, что я ему очень совсѣтую, особенно если Государь уже будетъ тутъ. Его возвращенія съ конгреса ожидаются, по его обѣщаніямъ, въ началѣ Декабря, и частныя письма

¹⁾ Старшая дочь была за княземъ Трубецкимъ, который конечно не могъ противодействовать каверзамъ Лебцельтерна. П. Б.

²⁾ Т. е. при Татищевѣ.— Все болѣе подтверждается, что событие 14 Декабря 1825 года произошло не безъ участія Меттерниха. П. Б.

изъ Вероны подтверждаютъ это. Но, какъ знать? Не помышаютъ ли этому дѣла, которыя все болѣе и болѣе усложняются.

*

С.-Петербургъ, 14 Ноября 1822 г.

Въ числѣ привезенныхъ послѣднимъ курьеромъ распоряженій есть одно очень пріятное и произведшее большое впечатлѣніе. Нѣкій Лабзинъ уволенъ отъ службы, безъ права жительства въ столицахъ. Онъ былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и членомъ ученаго департамента въ Адмиралтействѣ. Это человѣкъ безнравственный, фальшивый и по своему лицемѣрію совершенно подходящій къ безумной Крюднерѣ. Онъ перебывалъ во всѣхъ масонскихъ ложахъ, завелъ и свою собственную, закрытую два года тому назадъ, издавалъ „Сіонскій Вѣстникъ“, состоявшій изъ компиляціи сочиненій Нѣмца Юнга Штиллинга, но правительство запретило этотъ журналъ, возмѣстивъ ему убытки, по представленію князя Голицына, тремя тысячами въ годъ, якобы столовыхъ, за какія-то богословскія сочиненія, вѣроятно непонятныя княземъ Голицынымъ; онъ получилъ Владимира 2-ой степени, а теперь онъ совершенно обезумѣлъ отъ послѣдняго распоряженія о закрытіи всѣхъ ложъ и обязательной отъ всѣхъ состоящихъ на службѣ лицъ подпискѣ о непричастности къ какимъ бы ни было тайнымъ обществамъ. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академіи, президентъ ея Оленинъ предложилъ въ почетные члены графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Остермана. Лабзинъ отвергъ это предложеніе, говоря, что эти люди не имѣютъ никакого значенія для искусства, а сіе послѣднее для нихъ. Президентъ, возражая ему на это, добавилъ, что люди эти по одному своему положенію и по близости къ особѣ Императора, довѣріемъ коего они пользуются, окажутъ только честь Академіи, сдѣлавшись ея членами, и что избраніе ихъ совершенно согласно съ ея уставомъ. Лабзинъ смолчалъ, но послѣ ихъ избранія, на правахъ вице-президента, предложилъ въ почетные члены Академіи Илью, первого кучера государева, ссылаясь на то, что нѣть никого ближе къ Царю, какъ человѣкъ сидящій у него на козлахъ. Послѣ этого предложенія, сдѣланного по всѣмъ правиламъ, президентъ, просто, закрылъ засѣданіе; но, по дошедшемъ о предложеніи Лабзина до генераль-губернатора графа Милорадовича слухамъ, сей послѣдній затребовалъ офиціального о семъ сообщенія. Такъ какъ протокола не было составлено, то Оленинъ отвѣчалъ офиціально графу Милорадовичу, воспроизведя въ подробности все происшедшее. По докладѣ Государю объ этомъ скандальному засѣданіи Академіи Художествъ, онъ повелѣлъ отрѣшить этого негодяя Лабзина отъ всѣхъ его должностей, съ лишениемъ жалованья, столовыхъ, квартиры въ Академіи, права жительства

въ столицахъ, а Оленинъ получилъ выговоръ за то, что не составилъ протокола о засѣданіи, какъ того требуетъ Академической уставъ. Это рѣшеніе Государя чрезвычайно порадовало, какъ доказательство, что подобный шарлатанъ не можетъ глумиться надъ обществомъ, несмотря на сльное покровительство, которое оказано ему нѣкоторыми людьми съ положеніемъ.

*

С.-Петербургъ, 6 Февраля 1823 г.

Увѣряють, что въ Мартѣ Государь отправится на осмотръ 2-ой арміи. Не знаю пока, вѣрны ли эти слухи. Толкуютъ еще о неизбѣжности войны съ Турцией; но, не взирая на то, что она еще недавно захватила нѣсколько торговыхъ кораблей изъ Одессы и удерживаетъ ихъ, не думаю, чтобы это привело къ открытому разрыву и къ войнѣ столь разорительной для нашихъ финансовъ. Повидимому, Испанія не останется спокойною, и въ лицѣ Ріего, Мина и Торріоса и т. п. покажутся новые Пѣпе, которые разбѣгутся прежде всѣхъ отъ первого выстрѣла съ Пиринеевъ. Мы живемъ въ вѣкъ повсемѣстныхъ волненій, революцій и предательствъ. Я опасаюсь, что жертвою ихъ погибнетъ и король Фердинандъ, такъ вся эта Испанская революція во всемъ сходствуетъ съ, печальной памяти, Французской революціей. Предполагаютъ, что весной пошлютъ нашъ наблюдательный корпусъ къ Польской границѣ.

Съ самого возвращенія Государя не перестаютъ толковать о разныхъ перемѣнахъ, между прочимъ и въ Петербургскомъ генераль-губернаторствѣ. Конечно, графъ Милорадовичъ менѣе всего подходитъ къ такому мѣstu; а, между тѣмъ, не указываютъ, куда его перемѣстить. Еще никогда не было въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстера, какъ настоящій Гладковъ, такъ же слабый ногами, какъ и головой. На его мѣсто прочатъ Кайсарова. На мѣсто умершаго графа Коновницына главнымъ начальникомъ надъ учебными заведеніями назначенъ генералъ Кутузовъ, подъ вѣдѣniемъ Великаго Князя Константина. Судя по характеру Кутузова, можно ожидать, что его назначеніе принесеть пользу: такъ мѣсто по немъ, а онъ по мѣstu.

Графъ Штейнгель, генераль-губернаторъ Финляндіи, подалъ, по болѣзни, въ отставку. На его мѣсто назначенъ Демидовъ, который извѣстенъ какъ военный, но не знаю, какимъ его считаютъ по гражданской части, гдѣ ему еще никогда не доводилось проявить себя. Финляндію онъ знаетъ отлично. Графъ Сакенъ долженъ быть сегодня отправиться отсюда въ Могилевъ; я надѣюсь, что онъ встрѣтить по дорогѣ графа Михаила, котораго онъ очень желалъ повидать. Вообще,

онъ по прежнему отлично расположень къ графу Михаилу, въ чемъ не сходится съ начальникомъ Главнаго Штаба Д.....ъ*), величайшимъ пронырой, съумѣвшимъ такъ вкрасться въ милость при дворѣ, что ему тамъ довѣряютъ больше, чѣмъ его настоящему начальнику.

*

С.-Петербургъ, 9 Мая 1823 г.

„Новороссійскій генералъ-губернаторъ и полномочный намѣстникъ области Бессарабской“, такъ именуется во вчерашнемъ указѣ графъ Михаилъ! Изъ всѣхъ гражданскихъ мѣстъ это единственное подходящее къ положенію графа какъ по значительности самой должности, такъ личнымъ преимуществамъ для графа и по выгодамъ для дѣлъ домашнихъ. Стѣть взглянуть на карту Россіи и на политическое и естественное положеніе этого обширного края, чтобы понять, какую великую и неисчислимую пользу можетъ ему принести такой человѣкъ, какъ вашъ сынъ, графъ. Я повторю слова графа Кочубея, который писалъ ему, что если онъ можетъ поздравить его съ такимъ назначеніемъ, то еще больше поздравляетъ край съ такимъ начальникомъ. Дай Богъ Россіи побольше подобныхъ ему губернаторовъ; но, къ сожалѣнію, немногія страны могутъ похвалиться такимъ государственнымъ человѣкомъ, который бы одновременно пользовался заслуженою общцею извѣстностью и былъ бы и такимъ при этомъ вельможей. Я не нахожу, кого бы можно сравнить съ нимъ въ Россіи. Бессарабія до сихъ поръ управлялась отдельно отъ Новороссіи, и графу Михаилу не хотѣлось присоединять ее къ ней; но съ другой стороны, если Бессарабія умножить его заботы и труды, то все же это предпочтительнѣе для графа, чѣмъ имѣть сосѣдомъ какого нибудь губернатора, который можетъ мѣшать обширнымъ намѣреніямъ такого человѣка, какъ графъ Михаилъ, который въ состояніи ихъ выполнить, если будетъ единственнымъ начальникомъ всѣхъ рынковъ на Югѣ Россіи и края, прилегающаго къ границѣ. Государь, при этомъ назначеніи, обошелся съ графомъ Михаиломъ въ высшей степени мягко, доказавъ, какъ онъ заботится о благѣ своего государства. Онъ многимъ говорилъ, что не нарадуется сдѣланному выбору, съ которымъ его такъ справедливо поздравляютъ, какъ самый удачный для мѣста такой важности.

Я еще возвращусь къ этому въ слѣдующемъ письмѣ, а въ настоящее время я радъ засвидѣтельствовать вамъ, что и графъ, и графиня здоровы и чрезвычайно довольны этимъ назначеніемъ, особенно-же условіями, на которыхъ Государь согласился или. по крайней мѣрѣ,

*) Дибичемъ. Его отецъ привезъ изъ Германіи молодого принца Евгенія Виртембергскаго, котораго Императоръ Павелъ воспитывалъ себѣ въ преемники на престолѣ. П. Б.

объщалъ согласиться. 1-ое условіе: графу предоставляется выбрать себѣ мѣстожительство въ любомъ городѣ края и мѣнять оно, когда онъ сочтеть это нужнымъ. Графъ хочетъ поселиться въ Крыму, въ Симферополѣ. 2-ое—право ъздить, не спрашивая разрѣшенія изъ Петербурга. въ Бѣлую Церковь или въ другія сосѣднія имѣнія, такъ часто, какъ онъ это благоразсудить. 3-ье, ему никогда не будетъ отказано въ разрѣшеніи ъздить въ Англію, для свиданія съ вашимъ сіятельствомъ, и 4-ое, позволеніе прїѣзжать въ Петербургъ по дѣламъ такъ часто, какъ онъ это сочтеть нужнымъ. Графъ располагаетъ выѣхать отсюда недѣли черезъ 2—3, какъ только дороги исправятся.

*

С.-Петербургъ, 15 Мая 1823 г.

Паденіе графа Гурьева и назначеніе Канкрина на его мѣсто служить предметомъ всѣхъ разговоровъ, особенно по неожиданности этой перемѣны. Наканунѣ Свѣтлаго праздника, чѣкоторыя лица изъ самыхъ посвященныхъ въ дѣла правительственные, перешептывались о возможности отставки Гурьева, но большинство сомнѣвалось въ ней. Въ самый праздникъ она была уже для всѣхъ совершившимся дѣломъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали о семъ указа, который появился только на третій день Пасхи и положилъ конецъ сомнѣніямъ. Странно было видѣть, какъ всѣ волновались, спрашивая безпрестанно, состоялось ли это увольненіе. Думали вѣроятно, что оставаться и 12 лишнихъ часовъ министромъ было много для человѣка, 12 лѣтъ управлявшаго Министерствомъ Финансовъ. Никто и не справлялся о способностяхъ и качествахъ его замѣстителя, котораго вообще мало знаютъ; и я, право, думаю, что рады бы были всякому прикащику изъ лавки, лишь бы только Гурьева смѣстили. Жалѣть о немъ небольшой кружекъ его созданій, которыхъ онъ щедро надѣлилъ деньгами, богатствомъ, арендами, пенсіями, чудными землями, ловко награбленными у казны, или не доставшимися тѣмъ, кому онъ назначались Государемъ, какъ людямъ болѣе заслужившимъ.

Дня три или четыре по своемъ увольненіи, графъ Гурьевъ съ трудомъ могъ набрать себѣ соигральщиковъ въ вистъ между своими гостями, такъ какъ и самые ему вѣрные люди начинали устраивать свои дѣла въ другомъ мѣстѣ. Я могу говорить объ этомъ не стѣсняясь, такъ какъ не имѣлъ чести бывать у него, иначе какъ въ кабинетѣ его, по какому нибудь дѣлу, и то не часто. Чрезмѣрная гордость, пошлость рѣчей, умъ тяжеловѣсный и вялый, безчувственное сердце, упорство характера, ничему не уступающее, какъ только себѧлюбію. низость самаго подлаго царедворца, спѣсь самая грубая и жестокая, дерзость часто наказанная, но всегда остающаяся неисправимою, все

это не дастъ еще полнаго портрета этого толстяка, такъ какъ жадность и корыстолюбіе со многими другими добавленіями должны необходимо служить основною подкладкою этой картины. Не считая около 180 тыс. содерянія въ годъ, чего только онъ ни набралъ, какъ для себя, такъ и для Нессельроде*), изъ лучшихъ земель и арендъ въ Россіи! Всего п'есколько дней, какъ Канкринъ вступилъ въ должность, да его и очень мало знаютъ, а уже на биржѣ держать пари, что эта перемѣна подыметъ нашъ вексельный курсъ. Не знаю, на чёмъ основано подобное предположеніе; но говорять, что Канкринъ, первымъ дѣломъ, уничтожилъ условіе на почти что заключенный уже заемъ у Ротшильдовъ. Предшествующіе займы нисколько не подействовали на обѣщанное улучшеніе нашихъ рынковъ; напротивъ, послѣднія банкротства доходятъ до 20 мил. р., и графъ Гурьевъ, по созданной имъ странной и сумасшедшей системѣ, громогласно возвѣщалъ, что такія банкротства нисколько не противодѣйствуютъ блестящему положенію нашихъ финансовъ (блестящи они только въ его воображеніи) потому, что разореніе небольшаго числа людей обогащало многихъ другихъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ. Дальше онъ ничего не видѣлъ и, вѣроятно, и не догадывался, что онъ обогащаетъ только Ротшильдовъ и многихъ иностранцевъ, уничтожая нашу торговлю и капиталы, и нисколько не умножаетъ доходы государства, такъ какъ недочетъ растеть съ каждымъ годомъ, не смотря на варварскіе поборы, взыскиваемые по его приказаніямъ съ такихъ мѣстностей, где три года не было никакого урожая и где не доставало на пропитаніе жителямъ, умиравшимъ съ голоду и холоду по большимъ дорогамъ и въ избахъ своихъ. Въ началѣ зимы сенаторъ Барановъ, этотъ подлый, никѣмъ не чтимый человѣкъ, былъ посланъ въ Витебскъ и Могилевъ для раздачи 1.800.000 р. потерпѣвшимъ отъ неурожаевъ; но графъ Гурьевъ преподалъ ему такія наставленія, что, повинуясь имъ, онъ раздалъ не болѣе 600.000 р., къ великому удовольствію графа Гурьева, а жители едва ли получили по рублю на человѣка. А тѣмъ временемъ онъ наложилъ запрещенія на всѣ частныя имѣнія, а помѣщиковъ отдалъ подъ судъ за то, что они не имѣютъ чѣмъ прокормить своихъ крестьянъ. Однако доказано, что смертность и острая нужда были больше всего между казенными крестьянами. Во всякой другой странѣ подобного человѣка, какъ причинившаго смерть столькихъ тысячи человѣкъ, повѣсили бы, а у насть его наградили рескриптомъ за его безчеловѣчное усердіе и объявили то во всеобщее вѣдѣніе. Паденіе этого жалкаго финансиста было вызвано многими причинами. Когда съ годъ тому назадъ, Государь сдѣлалъ

* Графъ Нессельроде—зять графа Гурьева. И. Б.

Канкрина членомъ Государственного Совѣта и поручилъ ему ревизію счетовъ Министерства Путей Сообщеній при Бетанкурѣ, то уже говорили, что Государь намѣчаетъ Канкрина въ министры финансъ. Гурьевская фальшивая система таможенныхъ пошлинъ и винные откупа (на чемъ онъ именно основывалъ увеличеніе доходовъ) промелькнули какъ метеоръ, и лишь въ началѣ приносили настолько, чтобы вселить довѣріе къ этому нововведенію; а затѣмъ, они только оставили въ наслѣдіе: первая—недобросовѣтность и паденіе нашей торговли, а откупа полный упадокъ нравственности и узаконенное право обворовывать казну, заставляя настоящее поколѣніе пить сколь возможно больше, въ приемъ будущимъ поколѣніямъ. Директоръ этого департамента, человѣкъ, какъ мнѣ говорили, вполнѣ честный, еще недавно говорилъ мнѣ въ оправданіе системы пошлинъ и откуповъ, которые нечѣмъ замѣнить, что они за 4 года ихъ введенія увеличили доходы на 80 милл. р., что очень важно для государства, въ которомъ расходы превышаютъ доходы. Если даже допустить, прибавилъ онъ, что 10 или 20 мил. были украшены, какой другой найти способъ заполнить эту страшную пропасть? А тутъ, отвѣчалъ я ему, который бы помѣшалъ украсть эти 20 милл. Вѣдь вполнѣ ясно, что государство отягощено сто-милліоннымъ долгомъ; и въ добавокъ, для достиженія дешевизны вещей, прибѣгаютъ къ разнымъ химическимъ ухищреніямъ, а чтобы товаръ не оставался на рукахъ,пускаютъ въ ходъ самая безстыдныя средства, такъ что Государю пришлось утвердить мѣры, карающія эти мошенничества, при такомъ взиманіи таможенныхъ пошлинъ, которая ему же восхвалили. Если допускаютъ воровство и растраты на такую сумму въ одномъ вѣдомствѣ, можно ли ручаться, что въ другихъ не дѣлается ничего подобнаго? Нѣть государства, за исключеніемъ Россіи, которое въ восемь лѣтъ по окончаніи войны не погасило бы своего долга въ громадномъ размѣрѣ. Мы же не подвинулись въ этомъ ни на шагъ; напротивъ, источники народнаго богатства изсякаютъ съ каждымъ годомъ, а государственный долгъ все растетъ. Графъ Гурьевъ былъ такъ наивенъ, что вѣрилъ въ благоденствіе народа и въ мудрость своихъ началь, такъ какъ легко находилъ довѣріе въ Европѣ; но онъ не видѣлъ, что настанетъ время, когда не окажется средствъ выполнить принятыхъ обязательствъ и что мы можемъ прийти къ тому, печальной памяти, времени, когда завтракъ или пара сапогъ платились по 35 тыс. франковъ. Самовластіемъ, которымъ онъ себѣ предоставилъ право никому не платить въ государствѣ, или же задерживать платежи насколько можно больше, разорено множество людей въ Россіи. Онъ употреблялъ годы на признаніе справедливаго долга, а срока на полученіе по немъ денегъ не было никакого, такъ что иному случалось умереть нищимъ, имѣя въ рукахъ

признанные счеты и цѣнныя бумаги только по тому, что онъ былъ лишенъ возможности пускать ихъ въ оборотъ и жить на нихъ. А взысканія, предписываемыя граffомъ Гурьевымъ, дѣлались самымъ жестокимъ образомъ. Я могу подтвердить это поражающими обстоятельствами, какъ наприм. дѣломъ Перетца, который живъ и еще въ Петербургѣ. У него продали съ аукціона за долгъ казнѣ его землю дома и движимость въ полтора миллиона р., а, между тѣмъ казна ему должна 4 милл., по признаннымъ одной комиссіей претензіямъ, которымъ Гурьевъ все не могъ установить счетъ. Нынѣшній министръ финансовъ, тогда интенданть арміи, участвовалъ въ этой комиссіи. Хотя Перетцъ и Жидъ, но тѣмъ не менѣе въ 1812 и 1813 годахъ онъ оказалъ Россіи величайшія услуги и спасъ армію отъ погибели и голодной смерти, доказавъ рѣдкую преданность, за которую его отблагодарили тюрьмою для него и сумою для сына. И подобныхъ сему примѣровъ тысячи. Несостоятельность этого жалкаго управлѣнія финансами обнаружилась въ прошломъ еще году, когда въ Государственномъ Совѣтѣ многія изъ предложенныхъ граffомъ Гурьевымъ мѣръ были отвергнуты чрезвычайно дружно и когда недочетъ въ 8 милл., по однимъ откупамъ, доказалъ всю ихъ безнравственность и безсмысленность, а также и неосновательность всѣхъ расчетовъ ministra. Не обладая даромъ оратора, граff Гурьевъ вскипѣлъ противъ главнаго контролера Кампенгаузена, удалилъ изъ Лайбаха директора его канцеляріи и добился отъ Государя утвержденія общей смѣтѣ финансовъ на предстоящій годъ, несмотря на разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ и даже при несоблюденіи обычныхъ формъ. Однако на Государя все это произвело неблагопріятное впечатлѣніе, и онъ только потому утвердилъ смѣту, что не хотѣлъ задержать ходъ дѣлъ во время своего отсутствія. Въ прошломъ году граff Гурьевъ представилъ въ Государственный Совѣтъ предписаніе о налогѣ съ наследствъ. Между многими нелѣпостями этого проекта болѣе всего возмутило всѣхъ предполагаемое учрежденіе около четыре тысячи щедро оплачиваемыхъ чиновниковъ при Министерствѣ Финансовъ, все дѣло которыхъ будетъ состоять въ томъ, чтобы, не давъ еще умереть человѣку, прежде всего опечатать всю его движимость и недвижимость, сдѣлать всему оцѣнку и распоряжаться всѣмъ, пока не будутъ внесены страшно высокія, по замыслу ministра, государственные пошлины. Мордвиновъ мастерски составилъ свое сужденіе о семъ дѣлѣ и далъ съ него списки двумъ-тримъ пріятелямъ, чтѣ вызвало со стороны граffа Гурьева жалобу Государю на Мордвинова, якобы принижающаго его въ мнѣніи всего города. Хотя Государь и далъ понять, подъ рукою, Мордвинову, что въ дѣлахъ государственныхъ подобаетъ быть сдержаннѣе при ихъ обсужденіи и не разглашать о нихъ преждевременно,

однако картина имъ нарисованная плачущихъ вдовъ, сиротъ и близкихъ родственниковъ отъ этого варварского, постыднаго и возмутительнаго налога, такъ подействовала, что дѣло не пошло далѣе. Къ тому-же, было доказано, что прибыли казнѣ не будетъ никакой, такъ какъ все, что она получить этимъ налогомъ, уйдетъ на содержаніе чиновниковъ, которые будутъ его взыскивать и тѣмъ только разорять наследниковъ. Два съ лишнимъ года тому назадъ министръ финансовъ, по поводу нѣкоторыхъ сужденій въ Государственномъ Совѣтѣ, предложилъ соединить старый Заемный Банкъ съ новымъ Коммерческимъ и преобразовать ихъ. Государь согласился на это, основываясь на мнѣніи Государственного Совѣта. Надъ этимъ много работали и составили, наконецъ, сводъ правилъ для этихъ банковъ; но когда стали ихъ обсуждать въ совѣтѣ министра финансовъ, у него въ кабинетѣ, то къ общему великому удивленію, увидѣли, что графъ Гурьевъ былъ въ противорѣчіи съ самимъ собою относительно Заемнаго Банка, который, вмѣсто преобразованій въ немъ, онъ просто хотѣлъ совсѣмъ упразднить. Ему тутъ же замѣтили, что подобныя измѣненія недопустимы послѣ того, что все было обсужденено въ Государственномъ Совѣтѣ и утверждено Государемъ. Графъ всталъ и положилъ свое абсолютное Veto, на чёмъ дѣло и остановилось. Графу Ламберту, который былъ съ Муравьевымъ въ Испаніи, а въ настоящее время предсѣдателемъ комисіи погашенія долговъ, наперснику графа Гурьева, поручено передѣлать проектъ въ смыслѣ уничтоженія Заемнаго Банка. Стало доискиваться причинъ такого крутаго поворота въ самыхъ основаніяхъ дѣла и открыли, что этотъ самый графъ Ламберть часто совѣщался съ Вилламовымъ, секретаремъ Императрицы-Матери; а ей, имѣющей въ своемъ вѣдѣніи Ломбардъ, очень нежелательно существованіе Заемнаго Банка, наносящаго ущербъ ея Ломбарду, такъ какъ и онъ даетъ деньги изъ процентовъ и подъ обеспеченіе. Какое достойное для государстvennаго человѣка основаніе! Передѣланый графомъ Ламбертомъ проектъ встрѣтилъ въ Государственномъ Совѣтѣ почти всеобщее возраженіе. Графъ Гурьевъ не смогъ хорошо возразить на горячія пренія, которыя ему пришлось выслушать, и затѣялъ еще переписку по этому поводу съ княземъ Яковымъ Лобановымъ, предсѣдателемъ этого отдѣла Государственного Совѣта; но и въ письменныхъ разъясненіяхъ ему также мало повезло, какъ и въ устныхъ. Ему доказали пользу Заемнаго Банка, и что операциіи его, въ нѣкоторомъ родѣ, неизмѣнны, такъ какъ идутъ непрерывно; а еще, что по смыслу и буквѣ манифеста императрицы Екатерины II при открытии этого Банка, въ немъ есть нѣсколько основныхъ законовъ, касающихся льготъ дворянству и подтвержденія его правъ, черезъ что дѣлается невозможнымъ закрытие Заемнаго Банка, развѣ

что учредить что нибудь ему соответствующее и съ такою же цѣлію. Тутъ-то графъ Гурьевъ и доказалъ свое непонятное невѣжество, говоря, что если Ломбардъ не можетъ удовлетворять всѣ просьбы дворянства о ссудахъ (что дѣйствительно и есть, такъ какъ приходится ждать годъ-другой очереди), то этому можетъ помочь Коммерческій Банкъ. Ему на это возражаютъ, что по уставу этого банка онъ выдаетъ ссуды только подъ учетъ векселей на срокъ, подъ товаръ сырьемъ и подъ фабрики, оставляемыя ему въ залогъ. Графъ Гурьевъ отвѣчаетъ, что. такъ какъ и у дворянъ есть фабрики и производства оныхъ, то они могли бы пользоваться при этомъ правами купцовъ. Князь Яковъ Лобановъ замѣчаетъ ему, что онъ, какъ небогатый помѣщикъ 800 душъ. не имѣющій никакой фабрики, увѣренъ, что на послѣднемъ основаніи его первого лишили бы льготъ, пожалованныхъ императрицей Екатериной, но что онъ можетъ указать на многихъ очень богатыхъ дворянъ, какъ напр. двухъ Нарышкиныхъ, у которыхъ, при 30—40 тыс. душъ, нѣть ни единой фабрики, и что если, поестественному, отказывать имъ въ ссудахъ, это тоже, что лишать помощи земледѣліе, составляющее главное богатство государства. Графъ Гурьевъ стойть на томъ, что если хотять улучшить финансы, надлежитъ поднять торговлю и поддержать тотъ разрядъ людей, который ближе всего къ ней прикасается. Ему отвѣчаютъ, что земледѣліе основа торговли, и что прежде всего, поестественному, слѣдуетъ поддерживать земледѣліе, которымъ держится дворянство и жители деревень, крестьяне, которые и суть настоящіе земледѣльцы. За мнѣніе графа Гурьева было всего два голоса, всѣ прочіе были противъ него, и предложеніе его рухнуло въ бездну, какъ большая часть его предначертаній, съ тѣхъ поръ какъ Государь, три года тому назадъ, повелѣлъ обсуждать ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ: а до этого онъ всегда прикрывался какимъ нибудь ловко выманиеннымъ указомъ, послѣ котораго, разумѣется, не было мѣста никакимъ обсужденіямъ.

За послѣдніе мѣсяцы въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждались еще два предложенія графа Гурьева, и ихъ постигла такая же печальная участъ. Первое касалось о помощи двумъ Бѣлорусскимъ губерніямъ, пострадавшимъ отъ голода и гдѣ отъ этого страшная смертность. Графъ Гурьевъ находилъ, что нѣть средствъ для этой помощи, и что Государь не можетъ кормить всѣхъ голодающихъ. Тонъ его, при этихъ словахъ, былъ такой безсердечный, что Кампенгаузенъ возразилъ ему, что сытому и толстому никогда не понять голодныхъ и тощихъ, но что Государственный Совѣтъ обязанъ выискать средства на помошь имъ. Тутъ вскакиваетъ Мордвиновъ и говоритъ, безъ приготовленій, рѣчь,

произведшую большое впечатлѣніе. Онъ доказываетъ, что двѣ пострадавшія отъ голода губерніи могли быть прокормлены и поддержаны остальными 50-ю губ. въ продолженіе только нѣсколькихъ мѣсяцевъ года, еслибъ сенатору Баранову не было указано вернуть, поменышей мѣрѣ, двѣ трети денегъ, данныхыхъ ему на раздачу населенію этихъ двухъ губерній, и еслибъ были своевременно приняты мѣры, которыя Мордвиновъ тутъ же подробнѣ излагаетъ. Гурьевъ на все это твердитъ одно, что денегъ нѣть и неоткуда ихъ достать, и что на этомъ основаніи слѣдуетъ отказать въ помощи пострадавшимъ губерніямъ. Графъ А., давшій сперва свой голосъ за Гурьева, послѣ рѣчи Мордвинова взять протоколъ и, зачеркнувъ свое тамъ имя, подписался подъ мнѣніемъ послѣдняго, чѣму послѣдовали всѣ прочіе. На слѣдующемъ собраніи Совѣта обсуждалось прошеніе Александра Львовича Нарышкина къ Государю о покупкѣ у него казною его чудесной дачи, по Петербургской дорогѣ, за 700 тыс., или о ссудѣ ему, подъ залогъ ея, этой суммы. Государь отказалъ въ покупкѣ, а на счетъ ссуды приказалъ Совѣту дать свое мнѣніе. Многіе изъ членовъ Совѣта, съ Гурьевымъ во главѣ, были готовы разрѣшить эту ссуду. Тогда остальные члены напоминаютъ Гурьеву, что онъ только что на предыдущемъ засѣданіи Совѣта утверждалъ, что у него нѣть миллиона на помощь Бѣлоруссіи. Онъ отвѣчаетъ, что Нарышкину можно выдать ссуду изъ свободныхъ капиталовъ удѣльного вѣдомства, доходящихъ до, не знаю сколько, миллиона. Тутъ на него сильно нападъ Кампенгаузенъ, говоря, что для удовлетворенія одного человѣка или одной семьи онъ тотчасъ находить нужные деньги, скрывая ихъ, когда дѣло идетъ о спасеніи двухъ такихъ важныхъ для Россіи губерній. Мнѣніе свое онъ изложилъ письменно, Совѣтъ принялъ его большинствомъ голосовъ, и Нарышкину было отказано.

Это было послѣднее дѣло Гурьевскаго министерства; оно было рѣшено на шестой недѣлѣ поста. Онъ понялъ, что ему слѣдуетъ подать въ отставку, такъ какъ на него нападки со всѣхъ сторонъ, а ни въ себѣ, ни въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не находилъ способовъ защиты, а главное еще и потому, что онъ видѣлъ, что Государь склоненъ ее принять. Лучшимъ тому доказательствомъ были невозможность добиться, какъ бывало прежде, указовъ, и передача всѣхъ его предложеній на обсужденіе Совѣта, чѣмъ ему сильно не нравилось. Только поэтому Россія и избавилась отъ него, такъ долго занимавшаго столь важное мѣсто, не смотря на то, что онъ мало подходилъ къ нему. Только невозможностью найти лучшаго министра финансовъ и можно объяснить такое явленіе. Съ замѣной коллегій министерствами подоб-

ныя затрудненія будуть постоянно. При коллегіяхъ дѣла продолжали идти своимъ чередомъ, если даже въ иной изъ нихъ не было президента или вице-президента, и случалось, что какой нибудь въ ней мелкій чиновникъ управлялъ ими не хуже своихъ начальниковъ: дѣла никогда не прерывались. Теперь же, когда главою одинъ министръ, занимающійся отдельно съ каждымъ изъ своихъ подчиненныхъ, директорами или другими служащими, или когда онъ предоставляетъ это своему секретарю, всегда затруднительно найти человѣка способнаго его замѣнить, въ случаѣ его отставки или смерти.

Графъ Кочубей отѣзжаетъ въ чужіе края, и всѣ теряются въ догадкахъ, кто будетъ на его мѣсто. А Министерствомъ Финансовъ еще труднѣе управлять, по безчисленному множеству разнообразныхъ дѣлъ, находящихся въ его вѣдѣніи. Каждый директоръ особаго департамента въ этомъ министерствѣ знакомъ только съ дѣлами своего, нисколько не касаясь и не интересуясь прочими. Вотъ съ чего Россію и наводнило такое безчисленное множество чиновниковъ съ канцеляріями, тогда какъ прежде одна канцелярія завѣдывала дѣлами 5—6 департаментовъ одной Коллегіи. Всѣ эти чиновники поглощаютъ большую часть доходовъ государства и сдѣлались подневольными у министровъ, директоровъ департаментовъ и начальниковъ отдельеній; на ихъ награды на чины, жалованье и проч. ничего не жалѣютъ. Вотъ почему казна пуста, и ея земельные запасы истощены на много лѣтъ впередъ.

Графъ Гурьевъ, оставляя Министерство Финансовъ, сохранилъ себѣ все свое содержаніе, какъ глава Кабинета и министръ удѣловъ. и чудное свое помѣщеніе въ домѣ, предусмотрительно купленномъ не для Министерства Финансовъ, а для удѣльного вѣдомства; на это у него хватило догадки при всей его тупости.

Судить о новомъ министрѣ еще преждевременно, такъ мало еще его знать; но всякий министръ, которому придется замѣнить Гурьева, принесетъ пользу уже тѣмъ, что займется разсмотрѣніемъ и исправлениемъ всѣхъ его ошибокъ, упорно защищать которыя ему нѣтъ никакой надобности, какъ это дѣлалъ ихъ виновникъ.

Канкринъ родомъ изъ Ганновера или Брауншвейга, принятый надворнымъ совѣтникомъ на Русскую службу, при императорѣ Павлѣ. Онъ съ хорошимъ образованіемъ и у себя на родинѣ былъ совѣтникомъ правленія. Говорятъ, онъ много писалъ по предмету политической экономіи, и одно изъ его сочиненій напечатано въ Германіи. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ должностей онъ въ 1812 г. служилъ

въ Витебскѣ по провіантской части, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вскрѣ затѣмъ онъ былъ сдѣланъ главнымъ интендантомъ арміи, гдѣ заслужилъ извѣстность человѣка способнаго, честнаго и умѣющаго поддерживать порядокъ и бережливость. По окончаніи столь разорительной войны онъ удивилъ Государя, представивъ ему 26 милл. остатку, котораго никакъ не предполагали въ военныхъ казначействахъ. Ему пришлось быть въ постоянныхъ спорахъ съ правительствами Пруссіи, Польши и Австріи по ихъ поставкамъ; но какъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ и глубокимъ расчетомъ, онъ доказалъ имъ, что мы имъ должны всего только шестую часть предъявленнаго ими счета. По окончаніи этого дѣла, онъ былъ сдѣланъ генераль-лейтенантомъ, а затѣмъ, членомъ Совѣта съ порученіемъ обслѣдовать дѣла Бетанкура. Открытыя въ этомъ вѣдомствѣ злоупотребленія заставили Государя отдать этотъ департаментъ въ вѣдѣніе герцога Виртембергскаго. Пока еще ничего не рѣшено относительно сдѣланныхъ имъ обслѣдованій, такъ какъ Государь еще не положилъ своего утвержденія. Говорить, что Канкринъ справедливъ, скроменъ, съ большими здравыми смысломъ и, вообще, расположены къ добру. Отъ Министерства Финансовъ онъ упорно отказывался, но вынужденъ былъ согласиться, такъ какъ рѣшительно не было другаго выбора. Я знаю его только по виду, встрѣчая въ нѣкоторыхъ домахъ. Порусски и пофранцузски онъ изъясняется плохо, но пишеть на этихъ языкахъ хорошо. Дай Богъ ему умѣнья, силъ и терпѣнія залечить глубокія раны, причиненные намъ Гурьевымъ. Конечно, для Россіи было бы лучше имѣть въ лицѣ его преемника чисто-русскаго человѣка; но, по несчастію, такого положительно нѣтъ. Я увѣренъ, что Канкринъ будутъ попрекать, что это пролаза-иностранецъ; а между тѣмъ онъ, не такъ какъ многие другіе, не имѣвшіе у себя на родинѣ высокаго чина, самъ дослужился въ Россіи до высокихъ ступеней, женился на Русской*) и принялъ Русское подданство.

Шайка мошенниковъ такъ опустошила это министерство, что уже и то будетъ хорошо, если онъ очистить его отъ нея. Гурьевъ, зная заранѣе кого Канкринъ не потерпить при себѣ, поспѣшилъ таковыхъ перевести въ Министерство Удѣловъ; а изъ высшихъ служащихъ въ Министерствѣ Финансовъ самый глупый, подлый, дерзкій, злой и корыстолюбивый, Обрѣзковъ (начальникъ департамента таможень, и поэому свободно занимавшійся контрабандой) самъ выходить изъ министерства, какъ имѣющій старшинство передъ Канкринымъ, по чину генераль-лейтенанта. И другіе еще уйдутъ.

*) Екатеринѣ Захаровнѣ Муравьевої, брагъ которой потомъ стала Декабристомъ. П. Б.

Отставка Гурьева потому еще такъ всѣхъ поразила, что въ это время только и говорили о путешествіи князя Волконского и объ усиливающихся ежедневно слухахъ про отставку князя Лобанова, министра юстиціи. Первый и отправился путешествовать, а второй еще сидитъ, вѣрно, за грѣхи наши; но все же есть надежда, что нась избавять, наконецъ, отъ этого правосудія въ ботфортахъ и шпорахъ. Здоровье князя Волконского дѣйствительно плохо и требовало, если не поѣздки на воды, то временнаго отдыха. А можетъ быть, онъ лелеѧлъ какія нибудь мечты, которая не захотѣли разгадать. Но нужно отдать ему справедливость, что онъ, изъ тонкаго чувства, никогда ничего не просилъ для себя, а еще и то, что врядъ ли сыскать на свѣтѣ подобнаго ему человѣка, который бы одновременно былъ какъ бы первымъ министромъ и какъ бы послѣднимъ камердинеромъ, при 9 тысячномъ окладѣ, да еще ассигнаціями. Впереди у него наслѣдство отъ тетки *), которая любить его какъ сына, но, въ настоящее-то время, онъ бѣденъ. Онъ имѣлъ квартиру при дворѣ, но всегда платилъ за столъ своей семьи пѣзъ своихъ или жениныхъ средствъ. Когда его жена по-просила въ Веронѣ о ссудѣ въ 200 тыс., ей сразу отказали въ этомъ; а между тѣмъ, сколько получавшихъ гораздо большія ссуды! За неисчислимые труды ея мужа эти 200 т. можно бы подарить ему, и никто бы не имѣлъ ничего противъ: вѣдь онъ получалъ въ награду только чины, ленты и 2—3 табакерки съ бриллантами. А когда онъ представилъ два указа (одинъ, обѣ оберъ-камергерѣ Нарышкинѣ, которому оставляли все его содержаніе, а другой—о самомъ себѣ, съ умолчаніемъ на счетъ послѣдняго) оба указа подписали безъ измѣненій! Онъ даже приготовилъ себѣ коляску, чтобъѣхать на парѣ лошадей. Только передъ самимъ его выѣздомъ, Государь приказалъ дать ему коляску изъ своихъ экипажей, 5 тысячъ червонцевъ на дорогу и сохранилъ ему его содержаніе. Подозрѣваютъ, что, помимо здоровья, вѣрно были еще другія причины этого путешествія, такъ какъ князь былъ очень грустенъ и смущенъ, когда получилъ отпускъ, котораго, казалось, онъ не ожидалъ, и всѣ свидѣтельствуютъ, что до самаго отѣзда его съ нимъ обращались очень холодно, чтобъ не выразиться смѣлье.

Въ это же время и князь Меньшиковъ получилъ отпускъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было ему оставаться безъ своего принципала? Вѣдь если Государь два года съ лишнимъ терпѣлъ такого лживаго интригана, да еще со злымъ языкомъ, то только изъ за князя Волконского, которому, казалось, онъ былъ очень преданъ, конечно, изъ корыстныхъ

*) Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской, рожд. Мельгуновой. П. Б.

видовъ. Я полагаю, что князь Волконскій, по возвращеніи, снова займетъ свое мѣсто; но сомнѣваюсь, чтобы Меньшиковъ вернулся на свое мѣсто; вѣрѣю, что онъ увеличитъ собой число лежебоковъ своей касты. Уѣхавшій въ это же время генералъ Закревскій еще въ прошломъ году получилъ разрѣшеніе повторить свое лѣтнєе леченіе, такъ какъ первое не принесло ему достаточно пользы. Его мѣсто никѣмъ не занято, такъ какъ департаментъ смотровъ имѣетъ вице-директора, генералъ-маіора Княжнина; въ аудиторіатѣ есть дежурный генералъ-аудиторъ; а что касается до личной его канцеляріи, въ ней есть директоръ и, кромѣ того, полковникъ Генеральнаго Штаба, которые и исправляютъ должность Закревскаго. Генералъ баронъ Дибичъ исправляетъ должность князя Волконскаго, но только какъ начальникъ Главнаго Штаба; прочія же дѣла, бывшія въ вѣдѣніе князя, въ настоящее время распределены слѣдующимъ образомъ: дѣла по Министерству Двора перешли къ князю Голицыну, министру исповѣданій, у которого они и были передъ этимъ, а канцелярія, которою управлялъ князь Меньшиковъ и которая въ настоящее время вѣдає только военные дѣла, поручена полковнику Генеральнаго Штаба Бибикову. Теперь мы выжидаемъ, останется-ли князь Лобановъ министромъ юстиції; прошеніе объ отставкѣ онъ уже подалъ, и такъ какъ оно ему не возвращено, то есть надежда, что насъ отъ него избавятъ.

Я вспоминаю теперь слышанные мною отъ вашего сіятельства нѣкоторые о немъ анекдоты; и на сто книгъ достало бы, еслибы описывать всѣ его смѣшныя стороны, странности, вспышки, спѣсь и глупости. Тутъ будетъ умѣстно разсказать, какъ онъ попалъ въ министры. Эта князь міри совершенно случайно оказался на паромѣ въ Тильзитѣ, такъ какъ Государь желалъ имѣть при этомъ кого нибудь титулованнаго, а онъ, какъ нарочно, и случись тутъ. Употребивъ его на дѣло, къ которому принудили *), пришлось поддержать лицъ, употребленныхъ на подобное порученіе; его и сдѣлали здѣсь генералъ-губернаторомъ. Но дѣла при немъ шли такъ дурно, что его перевели на формированіе ополченій и на рекрутскіе наборы. По окончаніи войны онъ все просилъ какой нибудь должности, и его сдѣлали предсѣдателемъ комиссіи по ревизіи счетовъ Военнаго Министерства. Князь Горчаковъ чудный человѣкъ, храбрый воинъ, но совсѣмъ непригодный къ дѣламъ распорядительнымъ, чуть не сдѣлался

*) Т. е. на подписаніе вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ послѣдняго Тильзитскаго мира. Оба они не замѣтили, что миръ подписанъ 27 Июня, т. е. днемъ Полтавской битвы, чтѣ конечно было устроено Французами нарочно. Тоже повторилось въ 1856 году: миръ подписанъ 19 Марта, т. е. въ день нашего взятія Парижа. И. Б.

жертвой положенного о немъ мнѣнія княземъ Лобановымъ. Спасла его только преждевременная смерть. Но сколько изъ его подчиненныхъ томятся и по сіе время въ тюрьмахъ! Конечно, многіе изъ нихъ заслужили наказаніе посильнѣе тюрьмы, такъ какъ довѣрчивый князь Горчаковъ не допускалъ существованія мошенниковъ и не видѣлъ, какъ онъ былъ окружены ими. По окончаніи этой ревизіи, князь Лобановъ снова сталъ просить дѣла. А тѣмъ временемъ Государь былъ очень недоволенъ Троцкимъ. Онъ отѣзжалъ тогда къ арміи, откуда долженъ былъѣхать въ Москву, куда и весь дворъ отправлялся за нимъ. Въ ту самую минуту какъ уже была подана коляска, ему подали пакетъ съ просьбой Троцкаго обѣ отставки; онъ ея еще не дочирилъ, какъ ему доложили о князѣ Лобановѣ, желавшемъ откланяться Его Величеству. Государь воскликнулъ: „Самъ Богъ мнѣ его послалъ!“ и предложилъ князю мѣсто Троцкаго, конечно принятное имъ. И вотъ, какъ у насъ появился министръ юстиціи, подобного которому никогда не видѣли. Невозможно описать все имъ творимое. Онъ, стоящій на стражѣ законовъ, постоянно поступалъ противъ нихъ и жертвовалъ ими. Казалось, что его прихоти и причуды составляютъ весь законъ. Ему было ни почемъ отрѣшить указомъ сенатора, подавшаго голосъ противъ него, въ дѣлѣ неправомъ, за которое онъ стоялъ, и при этомъ, онъ забываетъ Регламентъ Петра Великаго (на который однако постоянно ссылается), что сенаторъ можетъ быть смѣненъ только по суду. Случай, о которомъ я говорю, былъ въ Москвѣ, съ сенаторомъ Кутузовыемъ, котораго слѣдовало уволить во многихъ другихъ случаяхъ, но только не въ настоящемъ; вся его вина была въ томъ, что онъ не соглашался съ министромъ. Живеть онъ съ гадкой женщиной, отъ которой у него много дѣтей; о нихъ онъ любить говорить повсюду, даже и въ церкви, и женщина эта на глазахъ у всѣхъ принимаетъ все предлагаемое. Одинъ стряпчій, извѣстный взяточникъ и разбойникъ, любимецъ у министра, и жена его стала закадычнымъ другомъ его любовницы, лишь бы дѣлить взятки. Не отстаетъ отъ нихъ правитель канцеляріи, давнишній любимецъ князя. Что касается директора департамента ему идетъ особая плата, только бы онъ не мѣшалъ другимъ братъ. Этотъ изъ вольноотпущеныхъ, не получившій никакого образования, но такъ набилъ руку въ службѣ и къ тому же смѣливъ, что ведеть дѣла съ большими искусствомъ. За три года своего директорства онъ пріобрѣлъ 600 душъ, но, затѣмъ, спохватился и сталъ уже покупать на чужое имя; въ настоящее время у него двѣ тысячи душъ. Береть ли самъ министръ или не береть, какъ же не сказать, что въ его министерствѣ все продажно, если тамъ цѣлая компания грабителей? Недавно, при трехъ послѣдовательныхъ случаяхъ, министръ

выказалъ себя съ самой гнусной стороны. По протекціи своего директора департамента, онъ предложилъ въ Комитетъ Министровъ одного кандидата на мѣсто предсѣдателя Гражданской Палаты. Комитетъ заслушалъ эти представлениа въ числѣ текущихъ дѣлъ, въ чемъ министры не стѣсняются (каждый изъ нихъ продѣлывая у себя тоже). Государь, которому представили это назначеніе на утвержденіе, возвратилъ его въ Комитетъ со строгимъ выговоромъ за то, что члены не обратили вниманія на столь важное обстоятельство, что представленный ими кандидатъ находится еще подъ судомъ Уголовной Палаты за преступленія, совершенныя имъ въ должностіи губернского прокурора. Понятно, какъ были возмущены всѣ члены, что ихъ такъ подвели, употребивъ во зло ихъ довѣріе. При этомъ, князь Куракинъ предложилъ поставить за правило, чтобы ни единий министръ или какой другой сановникъ не предлагалъ единолично отъ себя кандидатовъ на подобныя мѣста, такъ какъ, по Регламенту Петра I, право это предоставлено одному Сенату. Безъ сомнѣнія, Государь согласится съ этимъ.

Великій монархъ, установившій подобный законъ, имѣть въ виду, что всегда легко ввести въ заблужденіе одного человѣка, или найти одного корыстнаго, но что въ цѣломъ составѣ Сената всегда найдется какой нибудь членъ, чтобы вывести дѣло наружу тѣмъ членамъ, которые не обратили на дѣло должнаго вниманія или же побоялись идти противъ сильнаго покровителя предлагаемаго кандидата. Князю Лобанову пришлось, такимъ образомъ, перенести возвращеніе его представлениа, которое возмутило Государя по такому недостойному кандидату. Въ это же время, любимый юрисконсультъ министра, къ которому благоволила и его дама сердца, иѣкій упомянутый мною Анненковъ, былъ уличенъ во взяткѣ по одной и той же тяжбѣ, съ обѣихъ сторонъ. Повѣса князь Долгорукій заплатилъ ему 5 тысячъ, а дѣло выигралъ его противникъ, давшій 6 тысячъ. Тогда князь Долгорукій прибѣгъ къ такой хитрости: онъ явился къ Анненкову, укоряя его въ предательствѣ и намекая, что ему известно, что и противникъ его заплатилъ ему, и если онъ не хочетъ, чтобы князь раскрылъ всѣ его продѣлки, то долженъ дать ему совѣтъ, какъ добиться пересмотра всего дѣла. Анненковъ, по голосу котораго князь Долгорукій и проигралъ тяжбу, составляетъ ему пѣлую записку, ссылаясь на законы и примѣры, чтобы возстановить разсмотрѣніе дѣла и затянуть его до безконечности. Князь Долгорукій въ восторгѣ, что заручился такимъ документомъ, вышелъ отъ Анненкова въ полномъ на него негодованіи, обѣщаюсь расплатиться съ нимъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Онъ подалъ прошеніе Государю, приложивъ къ нему записку Анненкова и просилъ пересмотра своего

дѣла. Онъ доказывалъ справедливость свою тѣмъ, что тотъ, изъ кото-
рого онъ его проигралъ, самъ въ прилагаемой запискѣ признаетъ
его правоту; слѣдовательно, тутъ сыграла роль какая нибудь скрытая
причина. Государь зналъ, какъ и всѣ, продажность Анненкова и по-
велѣлъ Совѣту разсмотрѣть жалобу князя Долгорукаго. Совѣтъ при-
зналъ, что Анненкова слѣдуетъ исключить изъ службы, а Государь
повелѣлъ и впредь ни на какую службу его не принимать. Этимъ
увольненiemъ прекращалось и обогащеніе возлюбленной князя Лобанова,
пока не найдется другой кто, чтобы дѣлить съ нею обычную дань.
Тутъ многіе начали убѣждать ministra, что ему слѣдуетъ заступиться
за своего искуснаго юриконсула, и князь Лобановъ обратился къ Госу-
дарю съ просьбой о прощеніи Анненкова, во вниманіе его глубокаго
знанія законовъ и рѣдкихъ заслугъ. Государь на это замѣтилъ князю
Лобанову, что онъ защищаетъ всѣмъ извѣстнаго вора, и что ему
тяжело высказать, что ему извѣстно, какъ всѣ у него и вокругъ него
берутъ взятки, а что онъ вмѣсто ихъ искорененія защищаетъ негодяя.
Послѣ этого, князь Лобановъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Было еще одно дѣло, доказавшее Государю, до какой степени
князь Лобановъ злоупотреблялъ своею властью и мѣстомъ. Нѣсколько
мѣсяцевъ тому назадъ умерла очень богатая вдова сенатора Кушелева.
У ней было двѣ дочери: одна за сенаторомъ Молчановымъ, другая за
полковникомъ Маюровымъ. Сія послѣдняя умерла нѣсколько лѣтъ тому
назадъ, оставивъ дочь, которая воспитывалась у своего отца. Онъ не-
давно вторично женился на племянницѣ графа Кочубея. По духовному
завѣщанію Кушелевой, опекунами надъ имуществомъ Маюровой дѣла-
лись мужъ и жена Молчановы, чѣмъ вполнѣ естественно, такъ какъ, въ
случаѣ смерти ихъ племянницы, наследниками ея состоянія будуть
ихъ дѣти. Маюровъ, породнившись съ графомъ Кочубеемъ, получилъ
чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и записанъ кандидатомъ въ
губернаторы. Какъ человѣкъ болѣе самонадѣянный, чѣмъ что-нибудь
значущій, онъ вбилъ себѣ въ голову жаловаться въ Сенатъ на Молча-
новыхъ, чтобы опека надъ имуществомъ его дочери перешла къ нему;
но, до подачи форменного прошенія, онъ предупредилъ объ этомъ ми-
нистра юстиціи, который обѣщалъ ему свою поддержку, думая вѣроятно
угодить этимъ своему товарищу, министру внутреннихъ дѣлъ. И дѣй-
ствительно, еще до жалобы Маюрова въ Сенатъ, князь Лобановъ даетъ
прокурору Сената предписаніе за №., по которому онъ ему указываетъ,
какъ онъ долженъ рѣшить дѣло въ пользу Маюрова и какъ, вѣроятно
въ очередь, тотчасъ предложить его на обсужденіе Сената, чтѣ допускается
только по особому указу Государя. Прокуроръ получаетъ жалобу

Маярова шесть дней спустя и тотчасъ представляется ея къ докладу по своему департаменту. На вопросъ сенаторовъ, почему дѣло не было вписано въ очередь, прокуроръ предъявилъ приказъ министра. Господа сенаторы рѣшаютъ дѣло, какъ желалъ министръ, за исключеніемъ одного или двухъ, воздержавшихся отъ подачи голоса, по родству или дружбѣ съ заинтересованными сторонами. Молчановы, узнавъ обо всемъ этомъ, затребовали протоколъ обсужденія дѣла и копію съ приказа министра прокурору, предъявленного имъ въ засѣданіи, для оправданія того, что иначе зачлось бы ему какъ преступлениѣ, и заявили обо всемъ этомъ въ своемъ прошеніи къ Государю. Такой невѣроятный произволъ поразилъ Государя, и онъ повелѣлъ передать все дѣло въ Комиссію Прошеній, пока еще не высказалшую своего о томъ рѣшенія. Вотъ каковы эти три дѣла, которыя послѣдовали одно за другимъ и даютъ такое жалкое понятіе о нашемъ правосудії. Можно будетъ поздравить и Государя, и Россію, когда они избавятся отъ настоящаго министра юстиції, только глумящагося надъ нею. Богъ знаетъ, кѣмъ его замѣнить; впрочемъ, обѣ этомъ мало спрашиваются, интересуясь главнымъ образомъ, отставленъ ли князь Лобановъ, ко всеобщей великой радости. Если медлять съ его увольненіемъ, то все по той же причинѣ, которую я приводилъ выше, а именно потому, что молодымъ людямъ нѣть школы, гдѣ бы они подготовлялись занять мѣста старыхъ, и что, съ уходомъ министра, дѣла останавливаются, пока не найдутъ человѣка могущаго ихъ вести, а это до того трудно, что отставнаго канцлера изъ Англіи приняли бы съ удовольствіемъ, такъ какъ въ этомъ все же было бы больше смысла, чѣмъ въ назначеніи князя Лобанова министромъ юстиції.

Вы такъ хорошо освѣдомлены, графъ, на счетъ военныхъ поселеній, что я, право, не нахожу, что я бы могъ еще сообщить вамъ о нихъ. Если же, при всемъ этомъ, вы не можете понять ни духа, ни цѣли этого учрежденія, то это потому, что все это на самомъ дѣлѣ непонятно. Только отъ полнаго незнанія исторіи вообще, а родной въ особенности, или же отъ пренебреженія примѣрами прошлаго, можно, не считаясь съ уже видѣнными событиями, не опасаться за Россію съ установлениемъ этого наслѣдственного военнаго сословія, которое вы совершиенно вѣрно называете *новыми стрѣльцами*. Въ настоящее время ихъ уже 80 тыс. Слава Богу, пока въ этихъ военныхъ поселеніяхъ не было бунтовъ, за исключеніемъ Чугуевскаго полка, гдѣ приѣхали къ суроюмъ мѣрамъ для усмиренія мятежнаго духа и для возвращенія порядка. Этотъ примѣръ долженъ бы послужить предупрежденіемъ, что если, по несчастію, прочие полки послѣдуютъ за

Чугуевскимъ, или, если со временемъ приведутъ всю армію на положеніе военныхъ поселеній, и она возмутится, гдѣ же тогда взять артиллерію и пѣхоту для обузданія ими своихъ же товарищѣй солдатъ, какъ это смогли сдѣлать при возмущеніи Чугуевскаго полка? Петръ Великій, именуя полки по городамъ и губерніямъ, имѣлъ въ виду, чтобы въ мирное время они были для нихъ постояннымъ мѣстомъ стоянки, а на время войны, чтобы въ нихъ оставались ихъ резервы, семьи и хозяйство. Солдаты могли точно такъ же, какъ теперь, воздѣлывать свои огороды и пашни, не составляя, однако, особаго сословія въ государствѣ, такъ какъ по окончаніи срока службы они возвращались на мѣстѣ своего рожденія, къ своимъ родственникамъ.

Въ настоящее время военные поселенія такъ обособлены, что мѣстная гражданскія власти и полиція не имѣютъ права и показываться тамъ для отправленія своихъ обязанностей. Того, чтѣ стоять эти поселенія, было бы достаточно по меньшей мѣрѣ на содержаніе четвертой части всей арміи; а если бы эти деньги обратить на улучшеніе земледѣлія или ремесль, государство достигло бы благосостоянія и богатства. Особенно странно, что, кроме графа Аракчеева, никто не посвященъ въ дѣла военныхъ поселеній, ни Комитетъ Министровъ, ни Совѣтъ, и все ведется самимъ Государемъ съ графомъ Аракчеевымъ. А между тѣмъ министръ финансовъ въ смѣтѣ, представленной Совѣту, выставлялъ эту огромную статью расхода, какъ видно, для проформы только, такъ какъ никогда никто не дѣлалъ ни единаго замѣчанія по этому поводу. Роскошь построекъ, ихъ чистота и исправность поражаютъ всѣхъ, кому привелось видѣть эти поселенія. Для нихъ и лучшіе жеребцы, и самые породистые быки, и все прочее. О Херсонскихъ военныхъ поселеніяхъ графа Витте разказываютъ чудеса; солдатскія дѣти такъ тамъ обучены, что могутъ отлично читать, писать и говорить пофранцузски и понѣмецки. Эта каста людей, черезъ все это, дѣлается еще опаснѣе и вреднѣе, такъ какъ она уничтожитъ дворянство и сама захочетъ добиться дворянства, по врожденному въ каждомъ человѣкѣ желанію стать выше другаго, лишь только представится на то случай. Если настоящее поколѣніе сидитъ смироно, изъ этого еще нельзя заключать, что будущее поколѣніе или за нимъ послѣдующее не произведутъ беспорядковъ, о которыхъ придется сожалѣть потомкамъ. и которые доведутъ нашу великую Имперію до паденія; тогда какъ ей слѣдовало только совершенствовать свои древнія учрежденія и улучшать свое внутреннее политическое устройство, чтобы на многіе вѣка оставаться цѣлой и несокрушимой. Въ результатѣ всего этого вы убѣдитесь, графъ, что графъ Аракчеевъ любить мѣшательно во все, но еще

больше любить, чтобы никто не мѣшался въ это дѣло. Онъ всегда держался пріемовъ графа Гурьева и многихъ другихъ, добиваясь царскаго указа, по простому представленію имъ дѣла, и тѣмъ пресѣкалъ всякое его обсужденіе, нисколько не заботясь о томъ, хорошо-ли или дурно имъ предлагаемое, и не противно-ли оно законамъ, въ которыхъ онъ ничего не смыслить. Такимъ образомъ, творя все, что ему хочется и что ему подходитъ, онъ выгораживаетъ себя указомъ, сваливая всю его гнусность на Монарха.

Послѣ моего послѣдняго письма, въ которомъ я имѣлъ честь говорить вашему сіятельству о назначеніи графа Михаила на высокую должность Новороссійскаго генераль-губернатора и полномочнаго намѣстника области Бессарабской, ничего не произошло такого, что могло бы измѣнить его довольство этимъ назначеніемъ, или уменьшить всеобщую радость послѣ того, что таковое сдѣгалось извѣстно. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что нельзя было найти никого другого, кто бы болѣе былъ расположенъ и способенъ принести этому чудному краю дѣйствительную пользу. Графъ Михаилъ пользуется полнымъ довѣріемъ. Онъ же самъ такъ усердно отдался своему дѣлу, что трудно найти у него свободную минутку, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Онъ вполнѣ доволенъ, какъ съ нимъ обращаются, и я увѣренъ, что въ этомъ не произойдетъ никакой перемѣны, такъ какъ очень хорошо понимаютъ, что не найти въ Россіи человѣка, который бы получилъ столь важную должность съ такимъ добрымъ именемъ, съ такими заслугами и достоинствами, какъ нашъ графъ Михаилъ. Годика черезъ два, край слѣдится неузнаваемъ, и тогда-то весь Югъ возблагодарить Государя за столь удачное назначеніе. Графъ собирается выѣхать около 27—28-го числа настоящаго мѣсяца, а пока онъ знакомится съ дѣлами своей должности, такъ что онъ очень занятъ. Ему обѣщано, что полковникъ Казначеевъ, тотъ самый, который былъ при немъ во Франціи, будетъ переведенъ въ гражданскую службу, чтобы сдѣлаться правителемъ его канцелярии. Вы такъ хорошо, графъ, знаете Казначеева, что мнѣ нѣть надобности распространяться обѣ его достоинствахъ и честности. Послѣдняя и побудила графа Михаила тотчасъ же предложить это мѣсто Казначееву, который такъ ему преданъ, что согласился слѣдовать за нимъ безъ всякаго колебанія. Брату моему тоже выпадаетъ счастье сопутствовать графу Михаилу, и я увѣренъ, что онъ найдетъ въ немъ толковаго исполнителя своихъ распоряженій. Вѣдь братъ мой провелъ три года въ самомъ важномъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно въ департаментѣ исполнительной полиціи, который соединяетъ въ себѣ почти всю дѣятельность бывшаго Министерства Полиціи, и

въ которомъ сосредоточены самыя существенные дѣла гражданскаго управлениѧ. Когда графъ Михаилъ будетъ на мѣстѣ и увидитъ, кого ему еще нужно, онъ безъ труда найдетъ здѣсь достойныхъ чиновниковъ готовыхъ съ нимъ служить; а онъ уже знаетъ, что за жалкій народъ входить въ составъ настоящаго управлениѧ этимъ краемъ, состоя главнымъ образомъ изъ Грековъ, Армянъ, Евреевъ, Итальянцевъ и изъ презрѣннѣйшихъ людей Подоліи, оставленныхъ Бахметевымъ въ наслѣдство Бессарабіи, чтобы безжалостно разорять ее и дѣлиться плодами своего разбойничества съ его супругой. Графу Михаилу приходилось лично видѣть все это, а теперь и министерство дало ему доказательство того же. Ланжеронъ, съ своей стороны, немало оставилъ ненужнаго народа, скорѣе даже вреднаго, чѣмъ бесполезнаго. Бѣднягу едва терпѣли на его мѣстѣ, гдѣ онъ не принесъ ни малѣйшаго блага и гдѣ, потерявъ всякое значеніе и вліяніе, сдѣлялся игрушкою въ рукахъ тѣхъ, кому выгодно было имъ вертѣть *). При назначеніи сына графа Гурьевы губернаторомъ въ Одессу, не сообразили, что этого недостаточно; напротивъ, и отецъ и сынъ рѣшили, что, для вящаго достоинства ихъ и чести, слѣдуетъ спихнуть генералъ-губернатора изъ Одессы въ Екатеринославъ. Съ Ланжерономъ имъ это удалось, такъ какъ онъ не умѣлъ поддержать своего положенія, да къ тому же всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его увольненія. Другое дѣло съ графомъ Михаиломъ, которому предоставленъ выборъ мѣстопребыванія и даже, если встрѣтится ему въ томъ надобность, перемѣна онаго. Такимъ образомъ, грачъ проведеть въ Одессѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и графу Гурьеву уже нельзя будетъ обижаться на это, какъ при Ланжеронѣ.

*

Царское Село, 7 Июня 1823 г.

Графиня Елизавета откланялась еще третьяго дня, а графу Михаилу было назначено сегодня въ 10 ч. быть у Государя, по дѣламъ его новой должности, при чемъ Государь сказалъ ему, что хочетъ непремѣнно, чтобы они оба отобѣдали въ этотъ день при дворѣ, и что поэтому графиня Елизавета можетъ еще разъ откланяться, если сочтеть это удобнымъ. Тотчасъ послѣ этого обѣда Государь пріѣхалъ къ нимъ проститься и оставался больше часа; вообще, онъ такъ былъ любезенъ къ нимъ все это время, что они уѣхали вполнѣ довольные. По моему, все это предвѣщаетъ много для успѣха дѣль, а черезъ это самое и для пріятности графу Михаилу на важномъ мѣстѣ. Объявляя графу о своемъ отѣздѣ 16 Августа для смотра войскъ, Государь, при этомъ

*) Ланжеронъ былъ до того легкомысленъ, что давалъ Пушкину читать письма, которыхъ получалъ, въ царствованіе Павла, отъ Александра Павловича. П. Б.

пригласилъ его въ Тульчинъ, на 26-е Сентября, день, въ который онъ будетъ дѣлать смотръ 2-ой арміи.

Императрица-матерь приказала приготовить въ Гатчинскомъ дворцѣ помѣщеніе для графа и графини, со всѣмъ необходимымъ для подобающаго ихъ пріёма. Тамъ они и должны были сегодня переночевать, а въ настоящую минуту они вѣрно уже порядочно отъѣхали отъ Гатчины. Они расчитывали быть въ Бѣлой Церкви дней черезъ 12, такъ какъ должны остановиться въ Могилевѣ у графа Сакена, а еще и въ Черниговѣ. Графъ предполагалъ пробыть въ Бѣлой Церкви и въ Мошнѣ дней десять, а затѣмъ направиться въ Одессу, черезъ Екатеринославъ и Херсонъ. Въ Одессѣ онъ проведетъ нѣсколько дней, а оттуда поѣдетъ на нѣсколько недѣль въ Кишиневъ, чтобы осмотрѣть разныя части Бессарабіи. Постояннымъ же его мѣстомъ пребыванія будетъ Одесса. Если въ моихъ предыдущихъ письмахъ я говорилъ вашему сіятельству, что онъ будетъ жить въ Симферополѣ, то это потому, что графъ очень желалъ этого, да и не перестаетъ желать и теперь еще. Но, такъ какъ его главное вниманіе должно быть обращено на устройство Бессарабіи, то Одесса, по своей близости къ ней, удобнѣе ему, чѣмъ Симферополь; а къ этому еще въ Одессѣ есть дворецъ, вполнѣ приспособленный для генераль-губернатора, тогда какъ въ Симферополѣ пришлось бы строить домъ и долго ждать, пока онъ будетъ готовъ, чтобы въ немъ было гдѣ хорошо помѣститься графу и всему его окруженню. Бессарабія была такая несчастливая страна, отданная на грабежъ цѣлой ужасной шайкѣ мошенниковъ, привезенной Бахметевымъ изъ Каменца, какъ самое худшее, что было въ Подолії. А атаманомъ этой шайки была его жена, и при одномъ разсказѣ объ ихъ подвигахъ становится страшно. Такъ какъ въ Бессарабіи не существовало никакого зачатка правительства, то все доносилось сюда Каподистріи, а онъ уже докладывалъ Государю. Вы легко поймете, графъ, какъ такой слабый человѣкъ какъ Бахметевъ, сдѣлался почти что, преступнымъ соучастникомъ своей жены и всѣхъ этихъ Поляковъ Грековъ, Армянъ и Евреевъ, которыми онъ населилъ города, и какъ всѣ его судебныя мѣста дѣлали черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Замѣщавшій его временно Илизовъ, человѣкъ больной, лѣнивый, безъ всякихъ способностей и какого бы тѣ ни было вліянія, только и смогъ сдѣлать, что предоставилъ дѣламъ идти какъ прежде.

Съ отѣздомъ Каподистріи было поручено Блудову составить общиій уставъ, по официальнымъ даннымъ и документамъ, а теперь вопросъ въ томъ, чтобы графъ Михаилъ пересмотрѣлъ его на мѣстѣ и

ввелъ бы, послѣ того, какъ онъ будетъ окончательно утвержденъ. Дѣло весьма трудное, требующее полнаго его вниманія, но помимо его, никто бы не справился утвердить такое благодѣяніе. Господь, давшій ему такія способности и средства, ниспошлетъ ему и для того здоровья.

*

Царское Село, 4 Сентября 1823 г.

Братъ мой сопровождалъ графа Михаила въ Бессарабію и писать мнѣ, что они тамъ нашли такіе ужасныя вещи, что волосы становятся дыбомъ. Въ тюрьмахъ оказались люди, посаженные туда безъ всякаго слѣдствія, многіе и умерли въ острогѣ. А держали ихъ тамъ изъ страха, чтобы они не донесли, какъ ихъ обкрадывали, грабили и жестоко обижали; и все это продѣльвалось на глазахъ Инзова, жившаго въ самомъ Кишиневѣ. Гр. Михаилу пришлось отрѣшить всю полицію въполномъ ея составѣ и замѣнить тотчасъ совершенно новою; надъ старою же онъ назначилъ слѣдствіе. Честныхъ людей найдется достаточно для замѣщенія мошенниковъ, такъ какъ ихъ не принимали на службу изъ за ихъ честности, а всѣ ихъ мѣста продавались Бахметевой за деньги; у нея же были особые ставленники, которымъ предоставлялось грабить и обирать всѣхъ безъ разбору, лишь бы они дѣлились съ ней по сдѣланному о томъ условію. Конечно, къ ней нахлынули всѣ мошенники на службу; Подолія особенно много ихъ доставила, какъ родина Бахметевой, рожденной графини Потоцкой и бывшей первымъ бракомъ за графомъ Шуазелемъ. Здѣсь ея славная репутація такъ была всѣмъ извѣстна, что она нигдѣ уже не можетъ найти ни заступничества, ни оправданій. Въ прошломъ году, когда она была здѣсь, она всюду вертѣлась лишь бы встрѣтить Государя, а особенно здѣсь въ Царскомъ, гдѣ онъ всегда очень привѣтливъ къ дамамъ. Государь знаетъ ее коротко, но онъ ни разу не остановился даже, чтобы выказать самую обыкновенную вѣжливость. Тогда она написала ему, прося его сдѣлать ей покрайней мѣрѣ милость, прислать къ ней князя Волконскаго, чтобы она могла оправдаться въ позорящихъ ее слухахъ. Черезъ десять дней Его Величество послалъ къ ней государственного секретаря Muравьеву, чтобы узнать, что она имѣеть ему сказать. Но съ отвѣтомъ отъ Государя Muравьевъ уже не возвращался, а такъ какъ Государь вскорѣ затѣмъ уѣхалъ, то и Бахметевой пришлось уѣхать очень сконфуженною, что ей не удалось разубѣдить Его Величество, какъ она надѣялась. Вы увидите изъ этого, графъ, что никакого заступничества всей этой шайкѣ, такъ долго угнетавшей Бессарабію, нигдѣ не будетъ оказано. Въ спискѣ чиновниковъ нѣть ни одной знакомой фамиліи. Гражданскій губернаторъ Катакази, хотя и сливеть за человѣка честнаго, но при этомъ всѣмъ также извѣстна его слабость

въ управлениі. Впрочемъ, при генераль-губернаторахъ или полномочныхъ намѣстникахъ должность гражданскихъ губернаторовъ сводится на должность члена Губернскаго Правленія или оберъ-полицей-майстера; а кому-же неизвѣстно, что Инзовъ все оставилъ въ томъ положеніи, въ какомъ нашелъ послѣ Бахметева. Графа Михаила такъ хорошо всѣ понимаютъ, что клеветникамъ придется молчать, да и неподкупность всѣхъ лицъ его окружающихъ также хорошо извѣстна. Государь назначилъ графа Михаила по собственному побужденію, что явствуетъ изъ того, что когда онъ послѣ своего назначенія, представлялся графу Аракчееву, то сей послѣдній, слышавшій за все знающаго, спросилъ графа Михаила, по какому поводу онъ является къ нему, и когда тотъ ему объяснилъ причину своего официального визита, онъ сказалъ, что ничего не зналъ объ его назначеніи, но что очень доволенъ имъ.

При первомъ случаѣ я пошлю вашему сіятельству выписку изъ письма моего брата о восторженномъ пріемѣ, который сдѣланъ графу Михаилу въ Одессѣ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, показываютъ, при какихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ начинается дѣятельность графа. Что касается до сосѣднихъ властей, конечно, нужно быть готовымъ на могущи возникнуть иногда непріятные споры; но я не думаю, чтобы было возможно, а еще менѣе прилично, нападать на человѣка съ такой безукоризненной извѣстностью и съ такимъ характеромъ, какъ графъ Михаилъ; это свободно позволяли себѣ съ людьми чувствующими себя виноватыми во взяточничествѣ, въ несправедливостяхъ или же въ столь же преступной поблажкѣ.

Отъ всего сердца желаю, чтобы всѣ эти причины могли успокоить вашу родительскую заботливость о графѣ Михаилѣ, котораго всѣ считаютъ способнымъ устроить благополучіе ввѣреннаго ему края. Такъ какъ графъ одновременно и гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ, то онъ имѣть право, если я не ошибаюсь, имѣть четырехъ адъютантовъ, а какъ полномочный намѣстникъ еще двухъ, добавочныхъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ я не вполнѣ увѣренъ, но на счетъ первого это вполнѣ точно. Въ настоящую минуту у него ихъ 4: князь Шаховской, племянникъ графа Пушкина, Сенявинъ, князь Херхеулидзе изъ Грузинъ, рекомендованный Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и Варламъ, зять Булгакова, родомъ изъ Валахіи. Онъ обѣщалъ взять еще въ адъютанты князя Циціанова, племянника убитаго въ Грузіи Циціанова. Баронъ Франкъ, произведенный въ полковники, остался при графѣ Михаилѣ.

*

С. Петербургъ, 16 Октября 1823 г.

Мы ожидаемъ возвращенія Государя 4-го Ноября. Тогда только и узнаемъ что нибудь точное чтѣ произошло на Черновичскомъ совѣщаніи. А пока, говорятьъ, что графъ Нессельроде прислалъ сюда приказъ все приготовить къ скорому возвращенію нашей миссіи въ Константинополь; что нашъ генеральный консулъ въ Германштадтѣ, или вѣрнѣ въ Яссахъ (куда онъ не могъ еще прїѣхать, по неопределеннности хода нашихъ политическихъ дѣлъ) Минчаки отправленъ уже въ Константинополь, чтобы приготовить и тамъ все, чтѣ нужно къ прїѣзду нашей миссіи. Эта приказъ подписанъ во Львовѣ, куда графъ Нессельроде прїѣзжалъ повидать графа Меттерниха, занемогшаго въ пути, не знаю какимъ физическимъ, моральнымъ или политическимъ недугомъ. Еще неизвѣстно, кто будетъ вмѣсто Строганова; но увѣряютъ, что Татищевъ, который сперва только и бредилъ получить это мѣсто, теперь отказывается отъ него, напуганный, вѣроятно, опаснымъ шагомъ, угрожавшимъ Строганову. Если это вѣрно, то я уже не знаю, куда его дѣнуть. Онъ не хочетъ въ Константинополь, а въ Брюсселѣ не желаютъ его; въ Испанію ему нельзя и показаться, въ Вѣнѣ его всѣ осмѣютъ! Ливенъ и Понцо здравствуютъ, такъ что нигдѣ нѣтъ свободного мѣста. Безъ сомнѣнія, онъ предпочелъ бы всему остаться здѣсь, гдѣ онъ можетъ поддерживать *dolce il far riente* 170.000 рублями, которыя бездоимочно ему выплачиваются, а также и другими доходами его жены отъ нѣкоторыхъ ея знакомыхъ и въ которыхъ по привычкѣ она ему отдаетъ вѣрный отчетъ. Не знаю, выгодно-ли правительству оставлять его въ беспокойствіи, платя ему, какъ бы правящему Имперіей. Его ждутъ сюда со дня на день, съ его дражайшей половиной, которая изъ объятій молодаго и багатаго вдовца графа Апраксина бросилась на границу въ объятія мужа. Между тѣмъ она знала, что онъ прїѣдетъ сюда. Но общество не такъ-то легко обмануть, и всѣ громко толкуютъ, что ее смущило возвращеніе Маріи Антоновны, и что она была рада придраться къ супружеской любви, чтобы отлучиться отсюда, по крайней мѣрѣ до возвращенія повелителя или супруга, боясь растеряться при первомъ свиданіи съ своей старой пріятельницей, которую она такъ отблагодарила за оказанное ей довѣріе. Готовятся сильно позабавиться предстоящими комическими сценами или шумными столкновеніями. Красавица Марія Антоновна привезла съ собой свою дочь Софію, которая, говорятъ, вовсе не красива. Хотя и менѣше, но все же толкуютъ еще про ея свадьбу съ графомъ Иваномъ В.; а такъ какъ графиня Ирина отѣ-

лываеть свой домъ, который, впрочемъ, безъ большихъ передѣлокъ быль невозможенъ для жизни въ немъ, то въ этомъ находять новое доказательство предстоящей свадьбѣ. Съ другой стороны, гр. Растопчина мнѣ говорила, что барышня эта слишкомъ разборчива, если нашла гр. Ивана не отвѣчающимъ ея представлениемъ о немъ. и что по этому въ Парижѣ рѣшили, что этой свадьбѣ не бывать. И дѣйствительно, я не вижу смысла въ пріѣздѣ сюда молодой девушки, если ей предстояло выйти за человѣка, живущаго за границей, и мать котораго предполагаетъ бхать жить съ нимъ, тогда какъ ея мать здѣсь съ нею.

*

С. Петербургъ, 14 Ноября 1823 г.

Послѣднее время я получалъ много писемъ изъ Одессы и еще вчера получилъ письмо отъ самой графини Елизаветы. Изъ нихъ всѣхъ видно, что какъ графиня, такъ и внукъ вашего сіятельства въ самомъ вожделѣнномъ состояніи здоровья. Государыня поручила мнѣ поздравить васъ съ рожденіемъ этого ребенка *), надежды всей семьи, и выразить вамъ всѣ ея добрыя пожеланія родителямъ и ему. Она желаетъ, чтобы онъ достигъ вашихъ лѣтъ, и чтобы, нося ваше имя, унаследовалъ вашимъ добродѣтелямъ и вашей любви къ отечеству, которому, добавила она, нужно поддержаніе и умноженіе вашего рода. При этомъ, она очень подробно разспрашивала меня про ваше сіятельство и говорила, что она себѣ представляеть васъ, какъ будто только еще вчера видѣла васъ; такъ ей казалось лѣть 20 тому назадъ, что въ васъ уже не можетъ произойти никакой перемѣны. Государыня была повержена въ тяжкую скорбь кончиною своей сестры, принцессы Амаліи, которая провела съ ней 12 лѣтъ и собиралась со временемъ вернуться сюда. Это была добрая сестра и другъ, котораго ей некѣмъ замѣнить въ собственной даже семье. Государыня и по сіе время еще не совсѣмъ успокоилась; но здоровье ея, во время этого тяжелаго испытанія, было довольно сносно. Она еще въ Царскомъ, въ которомъ пребываніе больше для нея подходило во время ея печали. Государь, возвратившійся 3-го, большую часть времени проводить съ нею, а Императрица-матерь пріѣзжаетъ къ ней довольно часто изъ Гатчины.

*) Князя Семена Михайловича, родившагося въ Одессѣ 23 Октября 1823 г. II. Б.

Пропущенный въ 5-й тетради „Русского Архива“ письма.

Кто здѣсь совсѣмъ изводится, въ продолжительномъ ожиданіи Государя, это Персидскій посолъ. Большимъ для него утѣшеніемъ былъ Великобританскій посланникъ въ Персіи Ауслей (тоже поджидавшій здѣсь Государя) по его знанію Персидскаго языка и другихъ восточныхъ языковъ, и по ихъ хорошимъ отношеніямъ еще въ Персіи. Но Ауслей не могъ ждать долѣе, и только что уѣхалъ съ женою въ Лондонъ. Персидскій посолъ понимаетъ поанглійски и порядочно объясняется на этомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе его никто не посѣщаетъ и никто имъ не занимается. Говорять, что онъ очень жалуется, и что у него были какія-то недоразумѣнія, относительно этикета, съ тайнымъ совѣтникомъ Вейдемейеромъ, замѣняющимъ канцлера въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, на время отсутствія канцлера, который здѣсь. Г-нъ Вейдемейеръ воплощенная вѣжливость; но, когда ему нужно предпринять что либо, онъ такъ долго обсуждаетъ свое рѣшеніе, что ждущему его оно кажется слишко продолжительнымъ; впрочемъ, у него основательныя причины для своихъ правъ и требованій. Трудно себѣ представить, что такое Россія безъ своего повелителя! Здѣсь канцлеръ пользуется тѣмъ, чего такъ добиваются многіе государственные люди, или дѣлаютъ видъ, что добиваются: „*Oti ut sim dignitate*“. Онъ даетъ большиe обѣды, на которые приглашаешь во фракахъ. Я никогда не присоединялся къ кричавшимъ противъ него, въ извѣстную эпоху, потому, что я никогда не считалъ его Русскимъ императоромъ: каждый Государь знаетъ, какъ ему поступать, и министръ, держащейся мыслей своего повелителя, всегда правъ; я даже вижу геройство жертвовать, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, своей системой и склонностями. Во времена Коленкура я слышалъ, какъ говорили: лучше подать въ отставку, чѣмъ быть привѣтливымъ съ подобнымъ господиномъ! Да, но это легко только на словахъ. Нечего, впрочемъ, и толковать объ этомъ. Государь доказалъ, въ 1812 и 1813 гг., что, когда нужно, онъ способенъ и на нѣчто другое, чѣмъ любезности.

Г-нъ де Ноаль*) готовится къ отѣзду, который я объясняю себѣ его отозваніемъ. Ни Испанскаго, ни Австрійскаго, ни Португальскаго посланниковъ нѣть здѣсь. Англійскій посолъ и посланники Швеціи, Даніи и Виртемберга, если еще не въ главной квартирѣ, то не замедлять своимъ туда прибытіемъ; милордъ Вальполь тоже готовится выѣхать.

*) Французскій посолъ. П. Б.

Возвращаюсь къ предмету, съ которого началъ. Я бы очень желалъ получить списокъ нашихъ отечественныхъ произведеній, на которых можно ожидать здѣсь большой спросъ. Я подумалъ о сырцѣ, о парцахъ, о бархатѣ, о шеколадѣ, и проч. Я бы попросилъ ваше сіятельство познакомить меня покороче съ этой частью и заняться специально винами. Курсъ все такой же низкій: червонецъ стоитъ 13 рубл. (а нарицательная цѣна—3 р.). Громадное число отбывающихъ офицеровъ новое бѣдствіе для ихъ семействъ и для государства, такъ какъ на это нужны наличныя деньги. Кабинетъ Его Величества не платить болѣе золотомъ, и это даже по пепсіямъ, установленнымъ на золото, но онъ свято придерживается курса, когда платить ассигнаціями. Жаловаться не имѣютъ права. Къ бѣдствіямъ отъ цѣпей, наложенныхъ на торговлю, и отъ расходовъ на военные надобности, присоединяются еще и другія, какъ послѣдствія злоупотребленій и проч.; а все это происходитъ отъ того, что машина безъ главнаго двигателя. Цѣны на все подымаются до невѣроятія; прямо, не знаютъ, какъ существовать.

Персидскому послу дали почетный караулъ, какъ бы принцу: это по восточному этикету и не имѣть никакого значенія для крещеныхъ посланниковъ; согласно восточному же обычаю, онъ на полномъ содержаніи Государя; столь его обходится 25 т. въ мѣсяцъ. Интересно видѣть какъ лица, въ вѣдѣніи которыхъ это громадное управлѣніе, умѣютъ при этомъ наживаться. Зрѣлище презабавное. Не въ одной Латинской церкви говорится: *ad utilitatem quoque nostram...*

*

Петербургъ, 13 (25) Июля 1815 г.

Установленъ новый титулъ для Польскихъ владѣній, а именно титулъ: „Царя“; Государь именуется, царемъ Казанскимъ, Астраханскимъ, Польскимъ, Сибирскимъ и Таврическимъ. Однакожъ, Поляки говорятъ и пишутъ на своемъ языкахъ: „Король и Королевство“, и имъ въ этомъ не мѣшаютъ, а объ своей конституціи они говорятъ открыто. Я не имѣю никакого понятія, изъ чего будетъ состоять это королевство. Русскіе, какъ я уже говорилъ вашему сіятельству, очень озлоблены противъ Польши, такъ какъ они спекулировали ея землями, это во первыхъ, а потомъ, они чувствуютъ себя приниженными этой конституціей, до которой ихъ будто считаютъ недоросшими. Придираясь къ слушаю, они строго осуждаютъ характеръ и нравы Поляковъ, что, дѣйствительно, достойно осужденія.

Почти всѣ эти письма переведены съ Французскаго изъ ХХIII-й книги „Архива Князя Воронцова“, и тамъ они составляютъ лишь малую часть того, что Николай Михайловичъ Лонгиновъ писалъ графу Семену Романовичу въ теченіи слишкомъ четверти вѣка. Когда книга эта печаталась, внукъ его князь Семенъ Михайловичъ уже лежалъ на одрѣ предсмертной болѣзни. Однажды его навѣстиль бывшій министръ народнаго просвѣщенія Александръ Васильевичъ Головнинъ. Я сидѣлъ тутъ же и выразилъ сожалѣніе, что не имѣется у меня подъ руками отвѣтныхъ писемъ графа Семена Романовича, а черновиковъ онъ ему не писалъ. Тогда Головнинъ сказалъ: „Да вѣдь эти письма, конечно, сберегаются у живущей въ Москвѣ вдовы Лонгинова Маріи Александровны. Я ей напишу, и она, конечно, доставить ихъ, такъ какъ мнѣ она обязана большюю ценсіей, которую я ей выпросилъ, когда она овдовѣла“. Потомъ я узналъ, что Марія Александровна сначала отнѣкивалась, а потомъ обѣщала исполнить обѣщанное и выражала намѣреніе пересыдать письма черезъ Московскаго генералъ-губернатора. Но вскорѣ князь Семенъ Михайловичъ скончался (6 Мая 1882 г.), и вдова Лонгинова не исполнила своего обѣщанія. Письма хранятся у ея внучки княгини Анны Михайловны Козловской, отецъ которой, пріятель мой, Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, сказывалъ мнѣ, что сохранились и автобіографическія записки Николая Михайловича. Эта достопамятный человѣкъ, бывшій секретаремъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, приверженный къ ней, оберегавшій ея покой до конца, заслуживаетъ особаго жизнеописанія, и внукъ слѣдовало бы про это помнить.

Вдова Лонгинова мнѣ сказывала, что онъ былъ сыномъ бѣднаго сельскаго священника Харьковской губ., а когда его сынъ, Михаилъ Николаевичъ, служа при графѣ Закревскомъ (супруга которого по своей бабкѣ, Дубасовой, иногда даже творила крестное знаменіе по старообрядчески) завѣдывалъ въ Москвѣ Рогожскимъ кладбищемъ и по этой своей должности имѣлъ пререканія съ нашимъ духовенствомъ, то митрополитъ Филаретъ выразился про него: свой на своихъ воз stash. Вѣроятно протоіерей нашего посольства въ Лондонѣ Я. В. Смирновъ вызвалъ юношу Лонгинова къ себѣ въ причетники. Но потомъ ему пришлось перемѣнить эту должностъ.

Когда, въ войну 1799 года, Русскія войска потерпѣли пораженіе въ Бельгіи отъ Французовъ, Англійское правительство отвело имъ помѣщеніе на одномъ изъ острововъ и возбудило переписку относительно ихъ содержанія. Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ графу Семену Романовичу принять ихъ въ свое вѣдѣніе, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ военнымъ управлениемъ, будучи нѣкогда, въ первую Турецкую войну Екатерины, въ родѣ начальника штаба у графа Румянцева-Задунайскаго. (Издавая „Архивъ Князя Воронцова“, полюбопытствовалъ я прочитать депеши графа Семена Романовича относящіяся къ этому времени и отыскивалъ ихъ въ Московскому Главному Архиву Министерства Иностр. Дѣлъ; мнѣ подали двѣ или три коробки, но въ нихъ я нашелъ только листки съ помѣтами: „взято полковникомъ Милутинымъ“. Съ тѣхъ поръ начальство Архива многократно обращалось къ автору „Исторіи войны 1799 года“,

но безуспешно. Надеемся что по его кончинѣ эти дипломы найдутся въ бумагахъ почившаго). Такимъ образомъ письмоводство при нашемъ Лондонскомъ посольствѣ возросло, и графъ Семенъ Романовичъ причислилъ даровитаго и получившаго книжное образованіе еще въ Россіи церковника къ своей канцеляріи. Этимъ опредѣлилось дальнѣйшее его служебное поприще. Лонгиновъ выучился пофранцузски (графъ С. Р. Воронцовъ по англійски не зналъ) и проявилъ толковитость и добросовѣтность въ своей работѣ. Послѣ Аusterлицкаго сраженія онъ посланъ былъ въ Парижъ къ находившемуся тамъ для соглашенія съ Наполеономъ нашему уполномоченному Убри. Въ это же время находился въ Лондонѣ графъ П. А. Строгановъ. Онъ сдѣлался его покровителемъ и когда Лонгиновъ за чѣмъ-то былъ посланъ въ Петербургъ, узнала его супруга графа Строганова, бывшая другомъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая испросила у Императора Александра назначить Лонгина къ ней секретаремъ.

Для оценки нижеслѣдующихъ писемъ не мѣшаетъ припомнить, что въ опустѣлый нынѣ у Полицейскаго моста Строгановскій домъ-дворецъ частоѣзжали Государь и Государыня и, бывая тамъ, Лонгиновъ имѣлъ возможность пересыпать въ Лондонъ извѣстія наиболѣе достовѣрныя.

Графа Семена Романовича Лонгиновъ считалъ своимъ благодѣтелемъ и питалъ къ нему искреннюю приверженность. Князь Семенъ Михайловичъ мнѣ говорилъ, что когда онъ служилъ молодымъ человѣкомъ въ Преображенскомъ полку, отецъ приказывалъ емуѣздить въ праздники къ Лонгинову (тогда уже тайному совѣтнику) съ поздравленіемъ, и всякий разъ Лонгиновъ, проводя молодого человѣка до выхода, говорилъ ему: Не подумайте, что это для васъ; я это дѣлаю въ память вашего дѣда и въ уваженіе къ вашему отцу.

Письма Лонгина кромѣ общаго исторіографическаго значенія важны для біографіи фельдмаршала князя Воронцова, каковой мы къ сожалѣнію до сихъ поръ не имѣемъ, такъ какъ книга о немъ М. П. Щербинина есть только распространенный формуллярный списокъ, а между тѣмъ памятники ему и въ Одессѣ и Тифлисѣ воздвигнуты безъ правительственного пособія, а на приношенія частныхъ, и онъ—одно изъ самыхъ крупныхъ лицъ въ Русской Исторіи XIX вѣка. П. Б.

1812-й ГОДЪ.

(общий очеркъ).

Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія, твердости показала Россія!... Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществоѣ своихъ, ни жизни, составили едину душу, вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико любовю къ Богу. (Изъ манифеста 25 Декабря 1812 г.).

Двѣнадцатый годъ—главный эпизодъ „начало конца“ той великой Европейской борьбы съ революціонною и Наполеоновскою Франціей, которая извѣстна подъ именемъ „эпохи коалицій“, продолжавшейся около 25 лѣтъ (1792—1814). Въ этой борьбѣ, осложнившейся давнимъ соперничествомъ Франціи и Англіи, видное участіе принимала Россія, хотя и не безъ колебаній. Уже Екатерина Великая вела переговоры о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Франціи, но только сынъ ея съ цѣлью „возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе“, сначала вступилъ въ коалицію противъ „неистовой“ Французской республики (Италійскій походъ Суворова 1799 г.), а затѣмъ въ союзѣ съ Франціей готовился къ войнѣ съ Англіей. Борьба съ Наполеоновскою Франціей всецѣло выпала на долю внука великой императрицы, императора Александра I-го.

Послѣ пятилѣтія выжидательной политики Александръ начинаетъ упорную борьбу съ „императоромъ Французовъ“ сначала въ союзѣ съ Австріей (Аустерлицъ 20 Ноября 1805 г.), затѣмъ въ союзѣ съ Пруссіей (Пултускъ 14 Дек. 1806 г., Эйлау 27 Янв. и Фридландъ 2 Іюня 1807 г.). Этотъ первый разрывъ съ Наполеономъ (по выражению С. М. Соловьева) былъ какъ бы „увертюрою будущей оперы“, т. е. войны 1812 г. Оставшись въ одиночествѣ ..на развалинахъ Пруссіи“, Алек-

сандръ принужденъ бытъ заключить Тильзитскій миръ и союзъ (27 Іюня 1807 г.), въ слѣдующемъ году скрѣпленный свиданіемъ въ Эрфуртѣ (здѣсь, на Веймарской дорогѣ, 2 Окт. 1808 г. императоры разстались навсегда). Тильзитскій миръ бытъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ пятилѣтнимъ перемириемъ. Не говоря о томъ, что (по выраженію Вигеля) въ Россіи „все роптало“ на союзъ съ Наполеономъ, принятая по этому договору такъ назыв. „континентальная система“ (декретъ о ней 2 Ноября 1806 г. въ Берлинѣ), наносившая такой ущербъ Россіи, была настоящею причиной войны 1812 г. Уже Австрійская война 1809 г., такъ называемая безкровная война“ (одна изъ пяти войнъ, веденныхъ тогда Россіей), вытекавшая изъ Тильзитскаго союза, заключала въ себѣ „зародышъ войны 1812 г.“. Въ ряду нѣсколькихъ поводовъ второго разрыва, какъ, напр., захватъ Ольденбургскаго герцогства, нарушавшій историческія и династичаскія выгоды Россіи, Польша (23 Дек. 1809 г. Наполеонъ отказался ратифицировать конвенцію о Польшѣ) была „основнымъ поводомъ“ войны 1812 г. Разрыву предшествовала дипломатическая и таможенная борьба (Тріанонскій тарифъ 5 Авг. и положеніе о торговлѣ 19 Дек. 1810 г.). Въ послѣдніе два года открыто шли приготовленія къ войнѣ. Наполеонъ полагалъ основаніе „великой арміи“, укрѣпляя города на Вислѣ (Модлинѣ), заключать союзы (съ Пруссіей 24 Февр. и съ Австріей 2 Марта 1812 г. при чемъ обѣ эти державы вели „двойную игру“), Александръ тоже усиливъ армію на Западной границѣ, но пока оставался въ одиночествѣ. Манифестъ 23 Марта 1812 г. о рекрутскомъ наборѣ бытъ первымъ правительственнымъ дѣломъ, которое указывало на близость войны. 14 Апрѣля Александръ отправился къ арміи въ Вильну, а 27 Апр. Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ. Русскій и Французскій послы, князь Куракинъ и герцогъ Лористонъ, получили свои отзывныя грамоты. Война стала неизбѣжной.

I.

1. Въ ночь 11—12 Іюня у Kovны началась переправа „великой арміи“ черезъ Нѣманъ, тогдашнюю границу Россіи, при чемъ 300 Поляковъ шли впереди. Извѣстіе обѣ этомъ Александръ получилъ на балу въ Закретѣ, предмѣстіи Вильны. Оставляя Вильну, Государь отправилъ рескрипты на имя князя Салтыкова. и въ немъ, между прочимъ, было сказано: „мы не положимъ оружія, доколѣ хотя единый изъ враговъ будетъ оставаться въ предѣлахъ земли нашей“. 16-го Наполеонъ бытъ уже въ Вильнѣ, гдѣ оставался 18 дней. Въ Вильнѣ онъ издалъ свою знаменитую прокламацію: „Вторая Польская война началась.... Россія

увлекается рокомъ“ и т. д. Александръ отвѣчалъ приказомъ по арміи: „На начиающаго Богъ“... и все еще послалъ ген.-адъют. Балашова съ мирнымъ письмомъ къ Н. „Даже боги не могутъ сдѣлать, чтобы не было того, чтѣ случилось“, отвѣчаль классическою фразою Н. и спрашивалъ Балашова о кратчайшей дорогѣ въ Москву.

Обезпечивъ фланги. Наполеонъ главныя свои силы, доходившія по наименьшему счету до 375 т., направилъ противъ Русской Западной арміи, насчитывавшей до 175 т. (ген. Харкевичъ). Согласно господствовавшей тогда теоріи Фуля, Западная армія была раздѣлена на 2 неравныя части: 1-я армія М. Б. Барклай-де-Толли съ главною квартирою въ Вильнѣ и 2-я армія князя П. И. Багратіона съ главною квартирой въ Волковискѣ. Послѣ перехода непріятеля 1-я армія стала отступать къ Дриссѣ (притокѣ З. Двины), гдѣ рѣшено было устроить „укрѣпленный лагерь“ (на подобіе Торресъ-Ведрасъ у Лиссабона) и даже перейти въ наступленіе (приказъ 27 Іюня, въ день Полтавы). Вслѣдствіе такого передвиженія разстояніе между нашими арміями увеличилось отъ 100 до 250 верстъ, и Н., казалось, имѣлъ основаніе сказать, что „теперь Багратіонъ и Барклай больше не увидятся“. Оставилъ противъ 48 т. Багратіона 80 т. Іеронима, да въ центрѣ 75 т. вице-короля Евгенія Богарне, Н. главную свою армію, доходившую до 220 т., направилъ туда, гдѣ З. Двина и Днѣпръ (между Витебскомъ и Оршой) образуютъ какъ бы родъ „естественныхъ воротъ“ во внутреннюю Россію, и искалъ случая нанести рѣшительный ударъ арміи Барклай, насчитывавшей до 127 т. Къ счастью, военный совѣтъ въ Дрисскомъ лагерѣ (между прочимъ, здѣсь состоялись важныя назначенія: генераль-квартирмейстеромъ назначенъ К. Ф. Толь, а начальникомъ штаба А. П. Ермоловъ, оказавшия неоцѣнимыя услуги въ эту кампанію) призналъ Дриссу второю „Пирною“, система Фуля была безповоротно осуждена, и Барклай отвелъ свои войска къ Полоцку (2 Іюля). Въ тоже время, для защиты Петербурга противъ корпусовъ Майдональда и Іорка (Пруссаки), стоявшихъ на З. Двінѣ и осаждавшихъ Ригу (Русскій ген. Эссенъ), отъ 1-й арміи былъ выдѣленъ „отдѣльный корпусъ“ П. Х. Витгенштейна (до 30 т.). Сie послѣднее обстоятельство заставило и Наполеона усилить свой лѣвый флангъ присоединеніемъ къ нему корпусовъ Удинѣ и Виктора. На правомъ флангѣ великой арміи находились корпуса князя Шварценберга (Австрійцы) и Рене (Саксонцы), противъ которыхъ стояла наша 3-я или „обсерваціонная“ армія А. П. Тормасова съ главною квартирой въ Слуцкѣ (на Стыри), насчитывавшая до 43 т. (съ нею должна была соединиться Дунайская армія Чичагова. приказъ 18 Іюля).

Между тѣмъ, 7 Іюля, Государь рѣшилъ временно покинуть армію и обратиться съ призывомъ къ своему народу. Поручивъ А. С. Шишкову, остававшемуся въ Дриссѣ, составить „Воззваніе“ къ Москвѣ и Манифестъ о всеобщемъ ополченіи („Да встрѣтить непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина... Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружемъ въ рукахъ, и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“), Государь черезъ Смоленскъ направился въ Москву. Прибытие Государя вызвало настоящій взрывъ патріотического чувства. Смоленское дворянство (7 Іюля) рѣшило выставить 20 т. ополченія. Въ Москвѣ, куда Государь прибылъ ночью (11—12 Іюля), многотысячная толпа народа встрѣчала его кликами: „Веди насъ, куда хочеши: веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ“ и т. п. Въ Успенскомъ соборѣ, по распоряженію встрѣчавшаго Государя архіеп. Августина, пѣвчіе вмѣсто „Спаси, Господи“ пропѣли: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“; престарѣлый митрополитъ Платонъ въ благословеніе Государю прислалъ образъ препод. Сергія Радонежскаго. 15 Іюля въ Слободскомъ дворцѣ столь, же горячо откликнулись на призывъ Государя Московское дворянство и купечество: рѣшено выставить по одному ратнику съ 10 душъ и въ короткое время собрано пожертвованій до $2\frac{1}{2}$ м. рублей. „Этого дня я никогда не забуду“, сказалъ растроганный Государь и въ знакъ особаго расположенія поцѣловалъ графа Ф. В. Ростопчина (Московскій ген.-губер. съ 23 Мая). 18 Іюля, въ день своего отѣзда, Государь издалъ манифестъ объ организаціи ополченія (указъ Сенату 31 Іюля): 16 „ополченныхъ“ губерній раздѣлены на три округа Московскій, Петербургскій и Казанскій. Ополченія выставлялись и другими губерніями и даже отдельными лицами: таковъ напр., „Украинскій полкъ“ Кіевской и Подольской губ., батальонъ вел. кн. Екатерины Павловны, два конныхъ полка графа Дмитріева-Мамонова и графа Салтыкова, отрядъ Херсонскаго помѣщика Скаржинскаго и др. Въ тоже время стекались пожертвованія припасами и деньгами со всей Россіи, даже изъ далекой Сибири: такъ, наприм., рабочій г. Барнаула Бѣлкинъ пожертвовалъ 5 р., завѣщанныхъ ему отцомъ, „на черный день“. Война становится священнаю и народною.

Между тѣмъ Барклай, съ отѣздомъ Государя изъ арміи получившій большую самостоятельность, окончательно склоняется къ „системѣ отступленія“ (или „системѣ ретроградныхъ линій“, какъ ее называли), которую онъ находилъ (еще съ 1807 г.) наиболѣе цѣлесообразною въ борьбѣ съ Н. и наиболѣе соотвѣтствовавшею обстоятель-

ствамъ. Система эта, мѣшавшая возможности нанести Русской арміи быстрый и рѣшительный ударъ, очень раздражала Наполеона, и онъ презирительно называлъ ее „Парѳянскимъ способомъ войны“, на который способенъ только Нѣмецъ, какимъ и былъ по своему происхожденію Барклай. По занятіи Французами Полоцка, Барклай отступаетъ къ Витебску и въ тотъ же день, 7 Іюля, посыпаетъ приказъ Багратіону соединиться съ 1-ю арміей. (8 Іюля въ Великихъ-Лукахъ подписанъ трактатъ съ Испаніей). Съ цѣлью задержать натискъ Наполеона, происходитъ рядъ аріергардныхъ боевъ подъ Витебскомъ (13, 14, 15 Іюля; между прочимъ, гр. Коновницынъ писалъ женѣ, что 13-го подъ Островно „видѣлъ Бонапарта на бѣлой маленькой лошадкѣ безъ хвоста“). Такъ какъ Багратіонъ былъ задержанъ подъ Могилевомъ и не могъ поспѣть къ Витебску, то Барклай продолжаетъ отступленіе къ Смоленску, куда и стягиваетъ войска къ 20 Іюля. Между прочимъ, Смоленскіе крестьяне спрашивали: „не будемъ-ли въ отвѣтѣ, если убьемъ Француза?“

Бодрящее впечатлѣніе производили дѣйствія 3-ї арміи Тормасова при Кобринѣ (15 Іюля, гр. Ламберть), Городечнѣ (31 Іюля, оба подъ Брестомъ), а также дѣйствія отдѣльного корпуса кн. Витгенштейна: при Клястицахъ (18—19 Іюля), Боярщикѣ (20 Іюля), гдѣ былъ убитъ Я. П. Кульневъ—воинъ „духа высокаго“, и при Сволынѣ (31 Іюля, подъ Дриссою 2-я армія Багратіона, „растянутая какъ кишкѣ“, не только избѣжала опасности быть раздавленной превосходными силами непріятеля (48 т. противъ 155), но, пользуясь тѣмъ, что непріятель наступалъ двумя колоннами (Вандаммъ и Груши на Минскъ—Оршу, смѣнившій Еронима Даву и Понятовскій на Игumenъ—Могилевъ), имѣла еще частичный успѣхъ: при Мирѣ (подлѣ Новогрудка, 27 Іюня) взята въ пленъ бригада Турнѣ, при Романовѣ (подлѣ Слуцка, 2 Іюля), по донесенію атамана Платова, „два лучшихъ непріятельскихъ полка истреблены въ прахъ“. 6 Іюля Багратіонъ былъ уже въ Бобруйскѣ. Получивъ приказъ соединиться съ 1-й арміей, послѣ упорныхъ боевъ 11 Іюля у Салтановки и Фатовой (подъ Могилевомъ, занятымъ Даву еще 8 Іюля), главнымъ героемъ которыхъ былъ Н. Н. Раевскій съ двумя сыновьями-юношами, Багратіонъ переправился черезъ Днѣпръ у Старого—Быхова (И. С. Дороховъ со своими „Изюмцами“ перешелъ рѣку вплавь). Идя „распашнымъ шагомъ“ (въ послѣдніе 20 дней онъ прошелъ 600 верстъ, потерявъ въ пути до 10 т.), Багратіонъ 22 Іюля подошелъ къ Смоленску, гдѣ и произошло соединеніе 2-й и 1-й армій. Несмотря на свое старшинство по службѣ, Багратіонъ, къ удовольствію

Государя подчинился Барклай, хотя обѣ арміи продолжали дѣйствовать отдельно.

По присоединеніи Багратіона, славнаго сподвижника Суворова, военный совѣтъ 25 Іюля рѣшительно высказался за наступленіе, не смотря на то, что соединенные силы Русскихъ все-же значительно уступали силамъ Наполеона (120 т. противъ 180 т.). Въ силу такого рѣшенія Русская армія начинаетъ наступленіе на Витебскъ. Оставивъ Багратіона ближе къ Смоленску (приказъ—Выдра), Барклай со своею арміей направляется на Рудню (на половинѣ пути отъ Смоленска въ Витебскъ), но, замѣтивъ обходное движение непріятеля (къ Порѣчью), осторожный Барклай приказываетъ Багратіону отходить обратно къ Смоленску, и самъ отступаетъ на удобную позицію (Волково). Дѣйствительно, Наполеонъ черезъ ту же Рудню, Инково (здѣсь Платовъ нанесъ пораженіе генералу Себастіані) подходитъ къ Днѣпру, перевивается на лѣвый берегъ (въ Расаснѣ) и подступаетъ къ Смоленску.

2—6 Августа подъ Смоленскомъ, этимъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи“, происходитъ рядъ боевъ, въ которыхъ Русская армія и ее вожди покрыли себя неувидаемою славою. 2—4 Авг. Д. П. Невѣровскій подъ натискомъ кавалеріи Мюрата „какъ левъ“ отступаетъ черезъ Ляды къ Красному. 4—5 Авг. Раевскій съ 13—15 т. болѣе сутокъ держится въ Смоленскѣ противъ цѣлой арміи Наполеона: къ нему на подмогу спѣшить Багратіонъ. „Другъ мой, писалъ онъ Раевскому, я не иду, а бѣгу. чтобы скорѣе соединиться съ тобою“... Раевскаго смѣняетъ больной Д. С. Дохтуровъ, предпочитая „умереть на полѣ, а не на постели“, и съ 20 т. продолжаетъ удерживать непріятеля. Въ этой оборонѣ Смоленска участвовали также Коновницынъ, пр. Евгений Виртембергскій и д. 5 Авг., во время всенощной, шла канонада Смоленска изъ ста орудій, городъ представлялъ собою „изверженіе Везувія“; изъ 2250 домовъ его уцѣлѣло только 350. Наконецъ, по приказанію Барклай, Дохтуровъ отступаетъ, при чемъ изъ пылающаго города вынесена чудотворная икона Смоленской Божіей Матери (6 Авг.). На слѣдующій день произошелъ новый бой подъ Смоленскомъ у Лубина (Валутино), гдѣ взятъ въ плѣнъ раненый П. А. Тучковъ З-й. 8 Авг. Тучковъ I-й и Дохтуровъ соединились у Соловьевой переправы и перешли Днѣпръ. Русскія потери подъ Смоленскомъ доходили до 20 т. Въ эти же дни происходили бои подъ Полоцкомъ (5 Авг.), въ которыхъ выдающееся участіе принимали Петербургская и Новгородская „дружины“ (между прочимъ здѣсь участвовалъ писатель М. Н. Загоскинъ), послѣ чего

главныя силы Витгенштейна отошли къ Бѣлому (подлѣ Боярщины), гдѣ и оставались около двухъ мѣсяцевъ (до 4 Окт.).

Со взятиемъ Смоленска въ рукахъ Наполеона оказался почти весь Западъ Россіи, Литвы и Бѣлоруссія, гдѣ и было введено Французское управление (архиеп. Могилевскій Варлаамъ въ церкви поминалъ Наполеона); это былъ очевидный успѣхъ, но успѣхъ болѣе политической чѣмъ нравственный. Иначе дѣло обстояло въ стратегическомъ отношеніи: движение великой арміи отъ Нѣмана до Днѣпра въ продолженіе 7 недѣль стоило ей огромныхъ потерь (до $\frac{1}{3}$ арміи, какъ считаются); хотя эта армія своею численностью значительно превосходила Русскую армію, но послѣдняя не только не была разбита, по послѣ упорного сопротивленія отступила и загородила Москву. Въ Смоленскѣ Наполеону предстояло решить важную дилемму: пріостановить ли кампанію и остановиться въ Смоленскѣ, или идти на Москву? Наполеонъ, хотя и чувствовалъ, что его увлекаетъ внутрь Россіи, вопреки мнѣнію своихъ маршаловъ избралъ второе рѣшеніе и послѣдовалъ за отступающими Русскими войсками въ Москву.

Система отступленія, которой неизмѣнно слѣдовалъ Барклай, была непріятна не одному Наполеону; она была непривычна, непонятна не сооствѣтствовала настроенію ни Русской арміи, ни Русского общества и съ самаго начала вызывала къ себѣ отрицательное и даже враждебное отношеніе. Александръ былъ вынужденъ сдѣлать уступку общему голосу недовольства и пожертвовать Барклаемъ, которому вполнѣ довѣрялъ. Въ дни Смоленскихъ боевъ. 5 Авг. чрезвычайный комитетъ въ Петербургѣ избралъ новаго главнокомандующаго, на которого указывалъ общій голосъ: то былъ недавно закончившій Турецкую войну (Бухарестскій миръ 16 Мая) 67-лѣтній „свѣтлѣйшій“ князь (съ 29 Іюля) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Представившись Государю въ Каменноостровскомъ дворцѣ и помолившись въ Казанскомъ соборѣ, 11 Авг. новый главнокомандующій „съ христіанскимъ смиренiemъ, но безъ робости“, отправился на „великое дѣло“, сопровождаемый кликами народа: „спаси нась, побей супостата!“ Кутузовъ откровенно говорилъ, что разбить Наполеона онъ не надѣется, но надѣется его „обмануть“. Недаромъ Н. называлъ Кутузова „le renard du Nord“*) и къ этому предусмотрительно добавлялъ, что „ключъ къ Москвѣ взять“. т. е. Смоленскъ.

*) Лисицею Сѣвера.

10 Авг. заключенъ въ Або Русско-Шведскій договоръ, въ силу котораго 10 тыс. отрядъ Штейнгеля изъ Финляндіи присоединился къ Витгенштейну; при этомъ Александръ высказалъ Бернадоту мысль о возможности отступленія „даже не до береговъ Волги“ Въ тоже время у него крѣпнетъ рѣшиимость не заключать мира съ врагомъ: „скорѣе отрошу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ пустыняхъ Сибири, нежели заключу постыдный миръ“, сказалъ онъ Вильсону, Англійскому агенту.—17 Авг. новый главнокомандующій прибылъ къ отступавшей арміи на позицію у Царева-Займища, а на третій день издалъ приказъ объ отступленіи. Въ числѣ основаній такого распоряженія могло быть и то, что 20 Авг. гр. М. А. Милорадовичъ, съ этого времени оставшійся при арміи, привель сформированная имъ ополченія Тульское, Орловское, Черниговское. Впрочемъ, отступленіе теперь продолжалось недолго: 22 Авг. Русская армія остановилась у с. Бородина на р. Колочѣ. 24 Авг. Французы заняли Колоцкій монастырь и Шевардинскій редутъ, который защищалъ кн. Горчаковъ 2-й, а 26 Авг., какъ уступка общественному мнѣнію, произошла „эпическая битва“, „великая битва подъ Москвою“—Бородинскій бой.

Подъ Бородинымъ (собственно три села: Семеновское, Бородино и Горки) у Наполеона было 126—130 т. и 556 орудій, у Русскихъ 115—125 т. и 660 орудій (ген. А. Скугаревскій). Здѣсь были всѣ представители арміи „двадесяти языковъ“: въ порядкѣ численности, послѣ Французовъ слѣдуютъ Поляки (Бронниковскаго, Хлопицкаго, Понятовскаго), Нѣмцы (Пруссаки, Саксонцы, Вестфальцы, Баварцы, Виртембергцы и др.), Италианцы, Португальцы и Испанцы; былъ также Иллирійскій полкъ Южныхъ Славянъ и даже Голландцы и Швейцарцы. Съ Русской стороны въ битвѣ участвовало и Московское ополченіе (въ немъ находились князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, Ф. Н. Глинка, а въ конницаѣ была дѣвица-кавалеристъ Дурова-Александрова). Здѣсь пало 52 т. Русскихъ (около $\frac{1}{2}$ арміи) и до 35 т. Французовъ. Русскіе вѣрили въ свою побѣду. Кутузовъ доносилъ, что „послѣ кровопролитійшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія... непріятель никогда не выигралъ ни шага земли съ превосходнѣйшими своими силами“ (занятая непріятелемъ такъ наз. Курганная батарея ночью была очищена имъ). Подъ Бородинымъ, по выраженію Ермолова, „Французская армія расшиблась о Русскую“. Послѣдовали щедрыя награды: Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршала и получилъ 100 т. р.; оставшійся въ арміи и послѣ назначенія Кутузова Барклай, подъ которымъ въ Бородинскомъ бою было убито пять лошадей, получилъ Георгія 2 ст., раненый Багратіонъ получилъ милостивое письмо Государя и

50 т. р., 14 генераловъ получили Георгія 3 ст., а солдаты сверхъ наградъ по 5 р. Правдивая реляція Кутузова была напечатана съ пропускомъ тѣхъ мѣсть, гдѣ говорилось объ огромныхъ потеряхъ и разстройствѣ Русской арміи, а также о намѣреніи Кутузова отступить. Французы одержали здѣсь тактическую побѣду, но понесли стратегическое пораженіе. Наполеонъ за 800 лье (болѣе 3000 верстъ) отъ Парижа хотѣлъ не привести въ разстройство свою 20 тыс. гвардію и довершить побѣду. Впослѣдствіи императоръ Французовъ высказалъ мысль, что „изъ 50 сраженій имъ данныхъ въ битвѣ подъ Москвою высказано наиболѣе доблести и достигнутъ наименьшій успѣхъ“, а по выраженію другого участника боя, „если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забыть на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ Правды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями“ *).

27 Августа „гробовая могила Бородина вторгается въ Москву“. 1 Сент. на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Кутузовъ рѣшилъ взять на себя великую историческую отвѣтственность—сдать Москву безъ боя и отступить: „Я чувствую, что мнѣ придется платить за разбитые горшки. Жертвуя собой для блага Отечества. Приказываю отступать. Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія.“ 2 Сент. Русская армія уныло проходила черезъ Москву, при чёмъ гр. Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ Мюратомъ до 7 ч. утра, а 3 Сент. по двумъ пушечнымъ сигналамъ непріятель устремился въ Москву. Наполеонъ на Поклонной горѣ, любуясь городомъ, ждалъ депутаціи Московскихъ бояръ, которыхъ онъ приказалъ привести, но вместо депутаціи узналъ „небывалое, неслыханное дѣло: столица отступаетъ, Москва ушла!“ (С. М. Соловьевъ). При гробовомъ молчаніи Наполеонъ въѣзжаетъ въ опустѣвшую Москву. Около мѣсяца Французы употребили на путь отъ Смоленска до Москвы (около 300 в.), куда дошло ихъ около 100 т.

Москву стали покидать жители еще послѣ Смоленска. Графъ Растопчинъ не могъ не предвидѣть возможности оставлења Москвы, хотя для успокоенія оставшагося населенія говорилъ иное въ своихъ знаменитыхъ „афишахъ“ (Корнишка Чихиринъ). Только въ послѣдніе дни были вывезены Московскія святыни, присутственные мѣста и даже

*.) Въ „Р. Инвалидѣ“ помѣщенъ приказъ Наполеона послѣ Бородинскаго боя; приказъ этотъ начинается такъ: „Французы! Вы разбиты! Вы позволили себѣ покрыть бесчестіемъ и позоромъ! Только одною кровью Русскою вы можете смыть это пятно!“ Черезъ два дня объщается новое сраженіе и т. д.

пожарный обозъ, хотя и тогда еще гр. Растворчина звалъ народъ на Три Горы и отдалъ на судъ его 20-лѣтняго парня Верещагина, который перевелъ одну изъ прокламаций Наполеона. Наконецъ, вслѣдъ за арміей, и гр. Растворчина покинулъ Москву, въ которой оставалось 20—30 т. простого народа.

Со вступлениемъ Наполеона въ Москву начались грабежи и пожары: горѣль Гостиный дворъ, горѣло Замоскворѣчье; буря въ ночь 3—4 Сент. развела цѣлое море пламени, угрожавшее и Кремлю, въ которомъ помѣстился Н. Страшная истина открылась ему тогда: „Это они сами поджигаютъ!... Чѣмъ это за люди: это Скиѳы!“ Онъ побѣженъ. 4 Сент. „сквозь пожаръ“ Н. принужденъ былъ перебѣхать на нѣсколько дней въ Петровскій дворецъ. Сгорѣло $\frac{3}{4}$ Москвы, до 800 церквей, изъ 30 т. домовъ осталось нѣсколько тысячъ. 8 дней затѣмъ продолжался организованный грабежъ: пострадали монастыри (Даниловъ. Заиконоспасскій), богатыя подмосковныя села (Вороново гр. Ростовчина, Кусково гр. Шереметева), при чемъ особенно отличались тѣ „Французы“, которые понимали и говорили по-русски, т. е. Поляки. „Правда о Московскомъ пожарѣ“ графа Растворчина до сихъ поръ не вполнѣ выяснила происхожденіе этого пожара, и обѣ стороны, т. е. Русскіе и Французы, взаимно обвиняли одна другую въ „варварскомъ“ поступкѣ; Н. прямо приписывалъ пожаръ Москвы распоряженіямъ гр. Растворчина, т. е. умышленнымъ поджогамъ, и учредилъ (12 Сент.) судныя комиссіи надъ „поджигателями“, къ числу которыхъ былъ отнесенъ и „какой-то“ строитель воздушнаго шара Леппихъ-Шмидтъ, хотя, конечно, пожары могли быть и слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ со стороны непріятельскихъ солдатъ. Какъ бы то ни было, но послѣдствія пожаровъ и грабежей для Наполеоновской арміи были печальны: погибло множество остававшагося въ Москвѣ провіанта и всякаго рода запасовъ, что въ скоромъ времени вызвало прямой недостатокъ въ нихъ (уже въ первый день пребыванія Французовъ въ Москвѣ съ трудомъ можно было достать бѣлаго хлѣба), началось также то нравственное разложеніе великой арміи (упадокъ дисциплины, мародѣрство, общая дезорганизація), которое было одною изъ главныхъ причинъ ея гибели. Такъ „при заревѣ Московскаго пожара стало меркнуть солнце Аустерлица“.

Занятіе и пожаръ Москвы конечно произвели сильное и тяжелое впечатлѣніе на все Русское общество; но уже въ своемъ донесеніи Государю Кутузовъ говорилъ, что „занятіе Москвы не есть еще покореніе Россіи“. Получивъ извѣстіе о гибели Москвы, Государь тогда же

высказалъ (полк. Мишо) свою твердую рѣшимость до конца продолжать борьбу съ Наполеономъ, этимъ „Аттилою нашего времени“: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Также мысль высказана въ манифестѣ 8 Сент.: „Не въ ту сторону зашель Наполеонъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ... Россія не привыкла покорствовать, не потерпить порабощенія“. Потеря Москвы ударъ нравственный и политический, писалъ Александръ Бернадоту. Лично на Государя пожаръ Москвы произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ въ одну ночь посѣдѣлъ и изъ диста превратился въ вѣрующаго человѣка. „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу“, говорилъ онъ впослѣдствіи. Большую нравственную поддержку въ эти дни оказала Государю его супруга, Елизавета Алексѣвна, а также его сестра-другъ в. кн. Екатерина Павловна, герц. Ольденбургская, проживавшая съ своимъ мужемъ въ Ярославлѣ. Въ Петербургѣ подняла было голову партія мира, къ которой принадлежали вел. князь Константинъ Павловичъ, гр. Румянцовъ, гр. Аракчеевъ и др. 15 Сент., въ день коронованія, народъ (по свидѣтельству графини Эдлингъ) встрѣтилъ Государя въ Казанскомъ соборѣ мрачнымъ и страшнымъ молчаниемъ... Но скоро все измѣнилось. Русское общество охватилъ „святой энтузіазмъ“, разгоралась народная жажда мести, настало, по выраженію одного современника, „время жестокое и обманчивое“. Скоро всѣ поняли, что Москва лишь „западня Наполеону“, что съ занятіемъ Москвы „для Русскихъ тогда лишь начиналась война“.

До 14 Сент. Наполеонъ какъ-то упускалъ изъ вида Кутузова, который, по оставленію Москвы, перешелъ сначала на Рязанскую дорогу, а за тѣмъ направился къ Красной Пахрѣ (притокъ р. Москвы) и къ 20 Сент. сталъ на позиціи у Тарутина на Калужской дорогѣ. т. е. прикрылъ хлѣбородныя губерніи Россіи, Тулу и Брянскъ съ ихъ заводами и занялъ положеніе на флангѣ непріятеля. На двѣ недѣли война какъ бы замираетъ. Въ этихъ, какъ и послѣдующихъ дѣйствіяхъ, во всей своей силѣ сказались военный талантъ Кутузова, его прозорливость и огромный боевой опытъ. Поставивъ себѣ цѣлью подольше задержать непріятеля въ Москвѣ, Кутузовъ въ это время разставляетъ ему сѣти: пополняетъ и приводить въ порядокъ свою армію, организуетъ партизансскую войну (так. наз. „малая война“), какъ бы въ помошь которой разгорается настоящая народная война. Тогда же произошли вѣкоторые перемѣны и въ высшемъ командномъ составѣ нашей арміи: мѣсто вышедшаго въ отпускъ Барклая занялъ Тормасовъ (армія его перешла подъ начальство Чичагова, къ 9 Сент. соединив-

шагося съ 3-й арміей на р. Стыри), а графъ Коповницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ.

Къ Тарутино подходять ополченія: Тверское, Ярославское, Влади-мирское, Тульское, Калужская „милиція“, ополченія южныхъ городовъ, 20 т. Донскихъ казаковъ. Къ концу Сентября въ Тарутинскомъ лагерѣ было до 120 т. человѣкъ (118.500 ч., въ томъ числѣ 10 т. ополченцевъ и 20 т. казаковъ) и около 700 орудій. Москва охватывается кольцомъ партизанскихъ отрядовъ: въ окрестностяхъ Москвы А. С. Фигнеръ, на Рязанской дорогѣ полк. Ефремовъ, на Серпуховской кн. Кудашевъ, на Боровской поруч. Фонвизинъ, между Боровскомъ и Москвою А. Н. Сеславинъ, на Можайской дорогѣ кн. Вадбольскій и отрядъ Д. В. Давыдова (организаторъ первого партизанского отряда еще съ 24 Авг.) развѣзжали отъ Можайска до Вязьмы; кромѣ того, извѣстны еще партизаны: И. С. Дороховъ, Бенкендорфъ, Прендель, Чернозубовъ, Фиглевъ, Иловайскій 2-й и другіе „богатыри эпохи сильной, эпохи славной“ (кн. Вяземскій). Развѣдочная служба, тысячи убитыхъ и пленныхъ непріятелей, захватъ обозовъ и провіантa, стѣсненіе фуражировки (о чёмъ, между прочимъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ переговоры Мюратса съ Милорадовичемъ).

Партизанамъ и войскамъ оказываетъ содѣйствіе весь Русскій народъ, который организуетъ свою народную войну (подобно Испанской гверильѣ: „Россія—новая Испанія безъ границъ“). Начавшись съ занятіемъ Смоленска, народная война разгорается съ занятіемъ Москвы, какъ жажда народной мести за поруганіе святынь, за пожары, грабежи и насилия. Главную народную военную силу составляли дворянскія ополченія въ губерніяхъ, занятыхъ непріятелемъ. Тутъ участвуютъ люди разныхъ званій, состояній, возрастовъ и даже половъ. Такъ, въ Смоленской губ. извѣстны: мѣщанинъ Манчинковъ Порѣчскаго у., гдѣ раньше всего началась народная война, предводители дворянства Колековъ, Нахимовъ, Храповицкій, помѣщики Энгельгардъ († 15 Окт.) и Шубинъ († 24 Окт.), кн. Тенишевъ, исправники Богуславскій, Семичевъ, городничій Адамовичъ, п.-полк. Дибичъ, маіоръ Емельяновъ, городской голова Полозовъ (Рославльскій у.), бурмистръ с. Левшина, старостиха Василиса (Сычевскій у.), гусарскій солдатъ Самусь (Гжатскій у.), Тверской помѣщикъ Цзызыревъ, Волынской г. помѣщикъ Самуровъ („Самуровцы“); въ Московской г. извѣстны: голова Вельяминовской волости Ив. Андреевъ, сотскій с. Лучинскаго Пав. Ивановъ, священникъ Ioannъ Скабеевъ (с. Дубровна Верейскаго у.); крестьянинъ Герас. Куринъ и староста Стуловъ (с. Павлово Богород-

скаго у.), между прочимъ, истребили два непріятельскихъ эскадрона. Крестьяне держали побсты, выслѣживали и истребляли или забирали въ плѣнъ шайки „міродёровъ“ (мародеровъ) и т. п.

Междуд тѣмъ Наполеонъ въ Москвѣ очутился „въ положеніи мореплавателя на необитаемомъ островѣ“ (С. М. Соловьевъ). Среди несбыточныхъ плановъ о походѣ на Петербургъ, не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны Александра, Н. при случаѣ самъ заговариваетъ о мирѣ то черезъ плѣнного Тучкова (еще въ Смоленскѣ), то черезъ Тутолмина, начальника Воспитательного дома въ Москвѣ, наконецъ черезъ отставнаго гвардейскаго капитана Яковлева, бывшаго въ Москвѣ. Наполеону удается (9 Сент.) доставить письмо Александру („простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе“), но отвѣта нѣть, гробовое молчаніе. 22 Сент. Н. съ тою же цѣлью посыпаетъ гр. Лористона къ Кутузову, отъ котораго получаетъ отвѣтъ, что при его назначеніи слово „миръ“ даже не было произнесено. На воззваніе интендента Лессепса (21 Сент.), приглашавшее населеніе къ открытію правильнаго торга въ Москвѣ, отклика тоже не послѣдовало. Междуд тѣмъ положеніе непріятельской арміи въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: съ развитіемъ партизанскихъ отрядовъ и народныхъ ополченій сталъ онущаться недостатокъ въ провіантѣ, лошади грызли кору, начинался голодъ и его спутники—болѣзни, въ арміи усиливался упадокъ дисциплины и даже приказы Наполеона (отъ 27 Сент.) оказывались безсильными. Сбывались слова Кутузова, сказанныя имъ еще въ Филяхъ: „Доведу я Французовъ, какъ въ прошломъ году Турокъ, что они будутъ Ѣсть лошадиное мясо“ („Ворона и Курица“). Пора было подумать о выходѣ изъ такого положенія.

Наконецъ, и Кутузовъ выходитъ изъ своего кажущагося бездѣйствія („Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвѣ“, писалъ ему, между прочимъ, Государь). 6 Октября произошелъ авангардный Тарутинскій бой, на р. Чернишнѣ, имѣвшій большое нравственное значеніе: непріятель, оставилъ трофеи (1 штандартъ, 38 оружій, 40 зарядныхъ ящиковъ, 1500 плѣнныхъ), впервые отступилъ. Къ сожалѣнію, здѣсь палъ доблестный ген. Багговутъ. Кутузовъ получилъ золотую шпагу, Л. Л. Бенигсенъ Андрея Первозванн. и 100 т. р. (вскорѣ оставилъ армію). Въ эти же дни (5—8 Окт.) марш. Сенъ-Сиръ, замѣнившій раненаго Удинѣ, очистилъ Полоцкъ, при чемъ Тептярскій казачій полкъ захватилъ обозъ и казну ген. Вреде, а Чаплицъ (изъ арміи Чичагова) взялъ въ плѣнъ генер. Конопку.

Гулъ Тарутинскаго боя, о которомъ было доложено Наполеону во время смотра арміи, заставилъ его ускорить свое рѣшеніе. Въ туже ночь 6—7 Окт. Наполеонъ началъ выступленіе изъ Москвы, отдавъ приказъ марш. Мортье взорвать Кремль. Черезъ два дня, въ ночь 8—9 Окт. покинулъ Москву и Мортье, захвативъ въ плѣнъ ген. Винцингероде и Нарышкина (отбиты 28 Окт.). 11 Окт. въ очищенную непріятелемъ Москву вступилъ ген. Иловайскій 4-й. Взрывъ Кремля, котораго Москвичи ждали какъ „послѣдняго дня міра“, не вполнѣ удался, и куполь Ивана Великаго, хотя и безъ креста, попрежнему заблестѣлъ на радость жителей. Картина выступленія 107 тыс. непріятельской арміи, затрудняемой огромными обозами съ награбленнымъ добромъ, наглядно свидѣтельствовала объ упадкѣ арміи, возстановить которую уже не въ силахъ былъ императоръ Французовъ. Н. направилъ къ Фоминскому и былъ выслѣженъ Дороховымъ и Сеславинымъ. 11 Окт. маіоръ Болховитиновъ привезъ извѣстіе объ очищениіи Москвы фельдмаршалу (въ Леташевку). „Боже, Создатель мой, наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!“ Послѣ почти пятинедѣльного пребыванія въ Москвѣ (3 Сент.—8 Окт.) началось отступленіе великой арміи.

II.

1. Изъ Москвы армія Наполеона направилась на Калужскую дорогу. Но „этотъ Скиоѣ“ уже предупредилъ? 12 Окт. раздался гулъ битвы при Малоярославцѣ, продолжавшейся 18 часовъ: 5—8 разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, изъ 200 домовъ едва уцѣлѣло 20, съ той и другой стороны было по 5—6 т. убитыхъ, и хотя за наступившей темнотою поле битвы осталось за Французами, но Милорадовичъ, сдѣлавшій въ этотъ день переходъ въ 50 верстъ („ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“, сказалъ Кутузовъ), ночевалъ на позиціи, а Кутузовъ въ $2\frac{1}{2}$ вер.: дорога на Калугу была загорожена (Дохтуровъ получилъ Георгія 2 ст.). На слѣдующій день казаки Платова взяли 11 орудій и едва не захватили самого Наполеона (онъ ночевалъ въ Городнѣ, въ лачугѣ ткача и съ Малоярославца носилъ при себѣ опіумъ). Наши разѣзды направились на Медынь—Юхновъ—Ельню—Смоленскъ.

Послѣ Малоярославца, на военномъ совѣтѣ Наполеонъ (между прочимъ съ нимъ произошелъ глубокій обморокъ) прямо заявилъ, что предстоитъ 250 лье (болѣе 1000 верстъ) отступленія, что уже достаточно сдѣлано для славы и надо думать о спасеніи арміи. Принято

рѣшеніе отступать по кратчайшей дорогѣ на Верею—Можайскъ—Смоленскъ. Съ этого времени „звѣзда Наполеона начинаетъ меркнуть“. Съ этого же времени начинается знаменитое фланговое движенье Кутузова и преслѣдованіе отступающей великой арміи. Кутузовъ, предвидя неизбѣжную гибель непріятельской арміи („все это рушится безъ меня“, говорилъ онъ), думалъ только о томъ, „чтобы было дешевле“, „чтобы было съ чѣмъ прійти къ границѣ“; вопреки пылкой военной „молодежи“ онъ полагалъ, что не слѣдуетъ доводить непріятеля до отчаянія, „лучше построить золотой мостъ непріятелю, чѣмъ получить отъ него coup de collier“ (непоправимый ударъ); да и по соображеніямъ политическимъ Кутузовъ былъ противъ полнаго разгрома Наполеона. полагая, что наслѣдство его все равно достанется не намъ.

14 Окт. Н. отступаетъ къ Боровску, а Кутузовъ къ Детчину. т. е. обѣ арміи расходятся въ противуположныя стороны. Н. теперь думалъ о Парижѣ, какъ прежде о Москвѣ. При непривычныхъ утренникахъ до 4^о Н. черезъ Бородино (16 Окт.) спѣшилъ къ Смоленску. Кутузовъ преслѣдуетъ его только своими передовыми отрядами. У Колоцкаго монастыря (19 Окт.) Давѣ бросилъ 23 знамени, 27 орудій, взорвалъ зарядные ящики. 22 Окт. у Вязмы произошелъ аріергардный бой: гр. Милорадовичъ и Платовъ, потерявъ 700 чел., захватили 3 т. пѣхонныхъ. 13 знаменъ, 3 орудія, непріятель оставилъ 4 т. убитыхъ; наступила полная деморализація корпуса Давѣ. У Дорогобужа, въ Землинѣ (24 Окт.), между прочимъ, брошенъ въ озеро крестъ Ивана Великаго (по другимъ, крестъ брошенъ въ Вильнѣ, есть также извѣстіе, что онъ вовсе не былъ увезенъ изъ Москвы); здѣсь же 25 Окт. начинаются снѣгъ, метель и первые морозы, доходившіе до 8^о, и вокругъ ночныхъ костровъ начинаютъ попадаться трупы замерзшихъ враговъ. 27 Окт. Кутузовъ былъ въ Ельнѣ; партизаны Давидовъ, Сеславинъ, Фигнеръ и гр. Орловъ-Денисовъ взяли въ пленъ бригаду Ожерд (19 офицеровъ, 1650 солдатъ). До Смоленска Французы потеряли всего 240 орудій. 28-го же, черезъ 15 дней послѣ Малоярославца, Н. прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ морозъ дошелъ уже до 12^о, и назначилъ 4 дня отдыха. Въ арміи Н. усиливается мародерство, противъ котораго оказывался безсильнымъ его геній. 26 Окт. взять Витебскъ (ген. Гарпѣ). Въ этотъ день Витгенштейнъ и Чичаговъ (въ Слонимѣ) получаютъ извѣстіе объ очищеніи Москвы (т. е. спустя двѣ недѣли), при чемъ Витгенштейнъ организуетъ такъ наз. „подвижные магазины“. 28 Окт. Чернышевъ, идя на связь съ Витгенштейномъ, между прочимъ освободилъ Винценгероде и Нарышкина. захваченныхъ въ Москвѣ.

2. Отъ Смоленска до Березины начинается новая фаза (вторая) не-бывалаго, страшнаго отступленія, продолжавшагося тоже 15 дней (2—16 Ноября). Въ Смоленскѣ была произведена нѣкоторая реорганизація арміи Наполеона: 4 кавалерійскихъ корпуса сведены въ одинъ, у ген. Заіончека (корпусъ Понятовскаго) было 800 чел., Вестфальцы Жюнд составляли 700 чел. пѣхоты и 500 белошадныхъ кавалеристовъ, всего оставалось 42—50 т. вооруженныхъ, въ томъ числѣ 5 т. конныхъ. 2-го Ноября Н. выступилъ изъ Смоленска. Шедшая впереди дивизія Клапареда (главная квартира) вытѣснила изъ Краснаго Ожаровскаго. 3 Ноября Н. съ 16 т. проходилъ въ виду 12 т. гр. Милорадовича, причемъ одна изъ колоннъ Наполеоновской гвардіи сдалась въ плѣнъ; затѣмъ Н. напалъ на Ожаровскаго (у Путкова) и вступилъ въ Красное. 4 Ноября (у Мерлина) гр. Евгеній Виртембергск. и Паскевичъ стали поперекъ дороги корпуса вице-короля, который потерялъ 2 т. убитыхъ, 2220 плѣнныхъ и 17 орудій (карре ген. Гюльминд). Въ это время Кутузовъ стоялъ въ 5 верст. отъ Краснаго и попрежнему заботился только о томъ, чтобы непріятель не свернулъ съ опустошенной дороги: голодъ, зима и преслѣдованіе должны довершить остальное; „за десятерыхъ Французовъ не дамъ я одного Русскаго“, говорилъ онъ.

5 Ноября Н. со своими маршалами (въ Польскихъ костюмахъ, съ березовыми палками въ рукахъ, какъ любять описывать Польскіе историки) атакуетъ Русскихъ подъ Краснымъ. Тормасову приказано отступать, и Н. (черезъ Доброе) направляется къ Оршѣ, и только Ней, „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, остался въ Смоленскѣ отрѣзаннымъ. Доволенъ былъ и Кутузовъ: ему досталось „не вставая съ постели“ (какъ онъ говорилъ) 5—7 т. вооруженныхъ плѣнныхъ (всего же около 30 т.), до 70 орудій, маршальскій жезлъ Даву; множество монеты также было оставлено въ лагерѣ. За Красное Кутузовъ—„Смоленскій“, Платовъ—графъ. (Тогда же Кутузовъ издалъ человѣколюбивый приказъ о немщеніи Бѣлоруссамъ). Въ тоже время Ней, взорвавъ 8 Годуновскихъ башень и королевскую крѣпость, бросивъ 140 орудій, 600 фуръ, всѣхъ больныхъ и раненыхъ, выступилъ изъ Смоленска съ 16 т., изъ которыхъ только 8 т. вооруженныхъ, 300 лошадей и 12 орудій. 6 Ноября въ Смоленскѣ вступили Русскіе и возвратили икону Божіей Матери („Пребысть же Мариамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой“. Лук. I, 56). Красное открыло Наполеону путь къ Оршѣ (путь этотъ онъ совершилъ на конѣ) и далѣе къ Борисову. 9 Ноября въ Оршу прибылъ и Ней, но только съ 800 чел.: онъ потерялъ почти весь свой отрядъ въ Лосминскомъ оврагѣ (дивизія Рикара и Милорадовичъ) и перешелъ Днѣпръ съ 3 т. (у Сырокореня). Красное довер-

шило разстройство непріятеля („Волкъ на пасарнѣ“). Страшная трагедія близилась къ развязкѣ.

Въ то время какъ остатки арміи Наполеона подвигались къ Днѣпру и Березинѣ, туда же направлялись, сближаясь между собою, три Русскихъ арміи (считая и армію Кутузова), чтобы желѣзнымъ кольцомъ охватить непріятеля (такой планъ былъ выработанъ въ Петербургѣ еще 30 Авг.). Передовой отрядъ арміи Чичагова, подъ начальствомъ гр. Дамберта, пройдя Несвижъ (1—3 Ноября, здѣсь было отбито на 1 мил. р. награбленного въ Москвѣ жемчуга и брилліантовъ), Минскъ (4 Ноября), 9 Ноября, т. е. опередивъ Французовъ, былъ уже въ Борисовѣ, куда стянулась и остальная армія Чичагова (30 т. и 180 орудій), къ которой присоединилось еще 3500 ч. Лидерса (15 т. Эртеля остались въ Мозырѣ, а 30 т. Сакена сторожили Шварценберга и Ренье). Разославъ по арміи „примѣты сего человѣка“ (т. е. Наполеона) и оставивъ по сю сторону (Брили, противъ Студянки) Чаплица, Чичаговъ переправился на лѣвую сторону Березины, чтобы идти къ Оршѣ противъ Наполеона. Въ это же время „спаситель Петрополя“ Витгенштейнъ (при Смоленцахъ 2 Ноября) не успѣлъ войти въ связь съ Чичаговымъ и отбросить Виктора и Удинѣ отъ главныхъ силъ, съ которыми они и соединились 11 Ноября у Бобра (между Борисовымъ и Оршей). 12 Ноября Чичаговъ неожиданно былъ оттѣсненъ на правый берегъ Березины, причемъ потерялъ ок. 1000 чел. и фургоны съ столовымъ серебромъ, и Удинѣ овладѣлъ Борисовымъ. Главная армія Наполеона, съ которой теперь соединились войска Виктора и Удинѣ, представлялась послѣднимъ какъ „толпа привидѣній“ и требовала реорганизаціи. Соединенная армія, въ которой насчитывалось 80—100 т. чел., имѣла вооруженныхъ только до 40 т.; 1800 чел. спѣшеннай гвардейской кавалеріи были соединены въ два батальона, резервной конницы было 150 чел., изъ 500 офицеровъ образованъ „священный эскадронъ“ подъ командою Грушѣ и Себастіани, сожжены императорскіе „орлы“ всѣхъ полковъ.

Въ то время какъ Чичаговъ, введенный въ заблужденіе противорѣчивыми и ложными извѣстіями, направился съ своею арміей верстъ на 30 къ Югу отъ Борисова (Шабашевичи), Наполеонъ приказываетъ наводить мости черезъ Березину (инженеры Эблѣ и Шассу) въ 16 вер. къ Сѣверу отъ Борисова у дер. Студянки, и 14 Ноября начинается переправа, которой не могъ помѣшать находившійся на противуположномъ берегу небольшой отрядъ Чаплица и Корнилова. 15 Ноября (въ этотъ день морозъ съ 10° дошелъ до 27—30°) перешла Березину

старая гвардія съ Наполеономъ, и въ Студянкѣ оставался еще только корпусъ Виктора да толпы безоружныхъ. Теперь только стала возвращаться армія Чичагова, приближался Кутузовъ и прибылъ въ Борисовъ Витгенштейнъ, которому сдалась находившаяся тамъ дивизія Партуно. 16 Ноября самые ужасные часы переправы: Витгенштейнъ атаковалъ корпусъ Виктора, бой продолжался весь день, на протяженіи квадратной версты были вырыты траншеи среди труповъ („траншеи Эблѣ“), на Березинѣ образовался цѣлый островъ изъ труповъ людей и лошадей. трупы оказывались даже въ положьяхъ саней... Всего подъ Березиной погибло до 50 т. чел. Изъ 40 т. вооруженныхъ непріятелей послѣ Березины осталось тыс. 15, а черезъ три дня ихъ было только 9 т. Того же 16 числа произошли неудачныя дѣйствія отрядовъ Чичагова противъ Удинѣ у Зембина, гдѣ были ранены Чаплицъ, Воиновъ, кн. Щербатовъ, но выручены Павлоградскими гусарами.

„Березинская переправа (14, 15 и 16 Ноября) дѣлаетъ болѣе чести побѣжденнымъ“ (Богдановичъ). Современники обвиняли въ неудачахъ исключительно Чичагова („Щука и Котъ“), но если тутъ были виноватые, то къ числу ихъ слѣдовало бы отнести и Витгенштейна, и Чаплица, дѣйствіями которого особенно былъ недоволенъ Кутузовъ.

3. Оставался еще путь отъ Березины до Нѣмана, на который потребовалось тоже 15 дней. Зембинская плотина на Виленской дорогѣ, по которой направились Н. и остатки его арміи, представляла собою „похоронную процессію среди еловыхъ лѣсовъ“ (В. К. Надлеръ), при чемъ натискъ Русскихъ все усиливался. Въ Молодечнѣ Н. рѣшилъ покинуть свою армію (заговоръ Малѣ въ Парижѣ). Опубликованный тогда „29-й бюллетень“ (22 Ноября), правдоподобно объясняя причины неудачи кампаніи, между прочимъ, изливаетъ злобу на казаковъ—эту „негодную конницу“, которая „подобно Арапитянамъ въ пустынѣ“ отхватывала обозы. Тоже повторилъ Н. въ своей прощальной рѣчи въ Сморгони (23 Ноября): единственный побѣдитель нашъ чрезвычайная стужа (но зима въ 1812 г. даже запоздала), также пожаръ Москвы, низкіе происки и нѣкоторыя ошибки. Оставилъ своимъ „намѣстникомъ“ Мюрата и приказалъ ему держаться въ Вильнѣ, Н. incognito (заговоръ Лапи) покинулъ армію. 24-го онъ былъ въ Вильнѣ („что касается арміи, то ея нѣть“, сказалъ онъ Маре, герцогу Бассано), оттуда на саняхъ пана Вибскаго направился въ Волковискъ, 28-го былъ уже въ Варшавѣ въ гостиннице „Англія“, гдѣ представителямъ Варшавскаго герцогства, между прочимъ, сказалъ, что „не въ силахъ воевать съ стихіями“. „дикимъ суевѣрнымъ народомъ-рабами“ и „дьяволами-каза-

ками“, у которыхъ „чортъ сидить въ тѣлѣ“; „отъ великаго до смѣшного только шагъ“), за тѣмъ черезъ Дрезденъ онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ 7 Декабря.

Наступила агонія остатковъ великой арміи. Въ день отъѣзда Наполеона (въ арміи говорили: онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ въ Египтѣ) произошло полное пораженіе корпуса Виктора Дунайскою арміей, и аріергардъ великой арміи былъ уничтоженъ. 25 Ноября Мюратъ прибылъ въ Вильну; отъ всѣхъ дивизій осталось 4.300 чел., въ городѣ начался дикий грабежъ, а 26 Ноября (въ день великомуч. Георгія Побѣдоносца) въ окрестностяхъ Вильны былъ уже Сеславинъ. 27-го Мюратъ выѣхалъ изъ Вильны въ каретѣ, за нимъ верхами маршалы Даву, Лefевръ, Мортье, Бесссьерь; остатокъ аріергарда порученъ Ней. Въ арміи былъ полный хаосъ, такъ что даже Виленскіе Евреи проявили мужество и отрѣзали батальонъ гвардіи. На Поварской горѣ, въ 6 верстахъ отъ Вильны, потеряна послѣдняя артиллерія, добыча, трофеи, казна, даже карета Наполеона, все это было захвачено Донцами. 28 Ноября Вильну заняли Русскіе, и нашли тамъ 140 орудій, 14 т. четв. ржи, 5 т. ч. муки. 30 Ноября въ Вильнѣ Кутузовъ былъ встрѣченъ Чичаговымъ, который поднесъ фельдмаршалу ключи города („взятые у васъ въ Борисовѣ экипажи съ посудою и пр. отобраны и велѣно вамъ доставить“, будто сказалъ при этомъ фельдмаршалъ). Въ честь Кутузова, „Спасителя Отечества“, была устроена арка. Довольный фельдмаршалъ выразилъ опасеніе найти въ Вильнѣ вторую „Капую“. Между тѣмъ Мюратъ 29 Ноября былъ уже въ Ковнѣ. сдѣлавъ въ три дня около ста верстъ. 1 Дек. Мюратъ, порицая Н. за бѣдствія арміи, выступилъ изъ Ковны съ 1000—1500 чел., 2—4 орудіями и 20 т. безоружныхъ. 2 Дек. Ней занялъ Алексатинскія высоты Ковны; въ 10 ч. утра Оруркъ и Платовъ показались на Гюмбивенскихъ высотахъ, и Ней, зажегши Ковну, направился по Тильзитской дорогѣ, гдѣ Пруссаки пугали бѣглецовъ „казаками“ и сторонились ихъ зловонныхъ отрядовъ. Поздно ночью въ Волковискѣ раздался стукъ въ квартиру ген. Дюма, и на вопросъ хозяина послѣдовалъ отвѣтъ: „это я, аріергардъ великой арміи, маршалъ Ней“. Мюратъ прискакалъ въ Кенигсбергъ, за нимъ прибыло 450 гвардейцевъ, 600 конныхъ и 9 орудій, изъ корпусовъ осталось по нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Въ Кенигсбергскихъ госпиталяхъ находилось до 10 т. больныхъ, среди которыхъ; не смотря на самоотверженные труды врачей (человѣколюбивый докторъ Ларрей) развился тифъ, уносившій множество жертвъ (Ларибуссьерь, инжен. Эблѣ). Попытка реорганизаціи арміи собрала всего до 10 т. чел.

Исторія не помнить такой страшной катастрофы: изъ 620 т. (640 т.) великой арміи обратно за Вислу перешло только 80 т. (большею частью войска обоихъ фланговъ), а 540 т. стали жертвами похода. изъ нихъ 190 т. (ок. 200 т.) пленныхъ, а изъ остальныхъ 350 т. половина погибла отъ меча, а другая половина отъ усталости, голода, холода и болѣзней.

Велики были потери и у Русскихъ: за 45 дней (отъ Малоярославца) Русскіе потеряли 60-70 т., 48 т. больныхъ и 12 т. убитыхъ. Въ Вильнѣ у Кутузова было около 86 т., да въ походѣ 15—16 т., а всего ок. 100 т. и 557 орудій.

11 Дек. въ Вильну прибылъ Государь. Кутузову былъ поднесенъ на серебряномъ блюдѣ Георгій 1 ст. 12 Дек., ровно черезъ 6 мѣс. послѣ начала войны, Государь на балу, въ день своего рожденія, сказалъ Кутузову: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“. Манифестъ 25 Дек., между прочимъ, свидѣтельствовалъ, что „уже нѣть ни одного врага на лицѣ земли нашей“. Тогда же въ особомъ „Воззваніи“ было возвѣщено народу о намѣреніи Государя „въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа“.

Одинъ подвигъ Александра не мириться съ Наполеономъ закончился. Начинался другой его подвигъ докончить борьбу съ Наполеономъ.

4. Наполеонъ, хотя и одинъ, но ушелъ. Еще въ Сморгони и Варшавѣ онъ говорилъ, что оставляетъ за тѣмъ, „чтобы привести триста тысячъ солдатъ“ и „вести вторую кампанію, потому что впервые война не кончилась одною кампаніей“, и обѣщалъ Полякамъ „возвратиться весною съ новой арміей“. Наполеонъ не могъ примириться съ положеніемъ, въ какое его поставилъ исходъ кампаніи 1812 г. Это понимали многіе, и яснѣе другихъ понималъ это Александръ, который еще послѣ Московскаго пожара сказалъ: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Кампанія 1813—1814 гг. была рѣшена, какъ необходимое продолженіе войны 1812 г.

Важнымъ толчкомъ къ началу войны 1813 г. было заключеніе Прусскимъ ген. Іоркомъ Таурогенской конвенціи, 18 Дек. подписанной Дибичемъ. 24 Дек. Витгенштейнъ направляется въ Кенигсбергъ, а 28-го вся Русская армія выступаетъ изъ Вильны за границу, подъ предводительствомъ Кутузова, котораго Пруссаки встрѣчали привѣт-

ствіями: „Vivat der Grosse Alte!“ Благодаря стараніямъ Прусскихъ патріотовъ, особено „желѣзного барона“ Штейна, въ Февралѣ заключенъ Калишкій договоръ съ Пруссією (3 Марта произошло свиданіе Александра и Фридриха-Вильгельма въ Бреславлѣ); къ союзу присоединились Англія и Швеція, затѣмъ и Австрія, началась война 1813—1814 гг. „за освобожденіе Европы“ и Германіи въ частности. Александръ является „вождемъ безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды“, „Агамемнономъ среди царей“, „Пастыремъ народовъ“. Начинается какъ бы обратное движение волны Европейскихъ народовъ: какъ прежде Наполеонъ во главѣ почти всей Европы прошелъ отъ береговъ Сены до береговъ Оки, такъ теперь Александръ во главѣ Европейской коалиціи проходитъ отъ береговъ Оки до береговъ Сены.

Война 1812 г. называется также „нашествіемъ Наполеона“ и „Отечественною воиною“. Точнѣе въ 1812-мъ году было „нашествіе Европы“ подъ предводительствомъ Наполеона. По своей разорительности и по пространству, на 12 губерній нашествіе это далеко оставляетъ за собою сто лѣтъ предъ тѣмъ бывшее нашествіе Карла XII, и въ народной памяти какъ бы воскресаютъ времена великой „Разрухи“ и даже времена Батыя („безсчастный сонъ и плачъ красной дѣвицы“ въ народныхъ пѣсняхъ). По своей цѣли—защита, оборона отечества, по тому единодушію какое проявилъ тогда весь Русскій народъ, наконецъ, по тѣмъ неисчислимымъ жертвамъ, какія онъ принесъ (насчитываютъ, что въ 1812-мъ году было выставлено 320 т. ополченцевъ, въ томъ числѣ 50 т. конныхъ, не считая чисто народныхъ ополченій, и пожертвовано болѣе ста мил. рублей) война эта имѣеть преимущественное право на название „отечественной“ войны. Она потребовала крайняго напряженія всѣхъ силъ народныхъ, не только материальныхъ, но и духовныхъ. Поднялось до высшей степени присущее Русскому народу благочестивое и патріотическое чувство, т. е. чувство любви къ отечеству и народной гордости. Истиннымъ выразителемъ такого настроенія народнаго былъ А. С. Шишковъ, составитель „воззваній“ къ народу и манифестовъ, „Русскій Фихте“, какъ его называли. Тогда начался походъ противъ „французоманіи“ (выраженіе Шишкова), т. е. Французского языка, модъ, театровъ. Такой подъемъ народнаго чувства нашелъ себѣ отраженіе и въ литературѣ: появляется Пушкинъ „нашъ поэтъ, наша отрада, святая искра, выбитая изъ груди Россіи нашествіемъ Европы“ (П. И. Бартеневъ), происходить расцвѣть Русской литературы въ ближайшія десятилѣтія. Сама война 1812-го года долго служила источникомъ вдохновенія лучшихъ нашихъ поэтовъ и писа-

телей, не только современниковъ и даже участниковъ событія (какъ Жуковскій, князь Вяземскій, Батюшковъ, Глинка, Загоскинъ, Лажечниковъ), но и послѣдующихъ (отъ Пушкина, Лермонтова и Тютчева до Майкова и графа Л. Толстого). Эта же эпоха нашла себѣ отраженіе и въ архитектурѣ (А. Л. Витбергъ, К. А. Тонъ), и въ живописи (полотна В. В. Верещагина) и въ музыкѣ Глинки. Война 1812-го г. и необходимое продолженіе ея, заграничный походъ 1813—14 г.г., пробуждаетъ общественную мысль, которая направляется главнымъ образомъ на критику крѣпостного права: въ концѣ царствованія Александра I-го происходятъ „общественные движения“, завершившіяся 14 Декабря 1825 г.

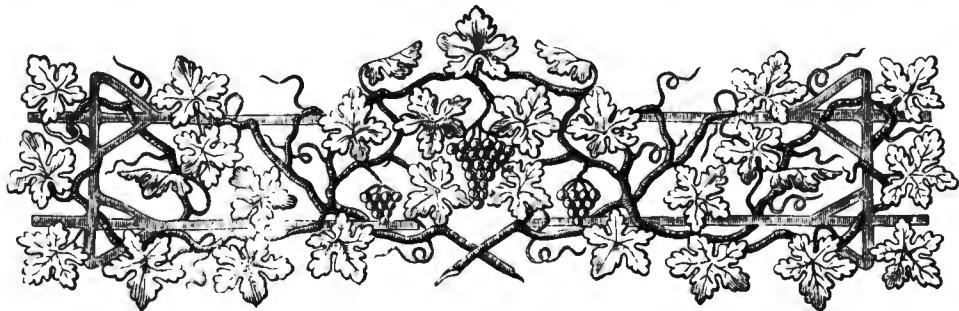
Въ 1812-мъ году рѣшалась судьба не одной только Россіи, но и Европы и Германіи въ частности, что открыто и признавалось современниками. (4 Іюня 1818 г. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ своимъ наследникомъ и свитою, обозрѣвая въ Москвѣ ряды обгорѣлыхъ улицъ и домовъ, „сталъ на колѣни, приказавъ и сыну своему сдѣлать тоже: отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: „вотъ наша спасительница!“). Съ этого времени Россія приобрѣтаетъ первенствующее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ, получаетъ преобладающее влияніе на дѣла Европы.

„Подвигомъ“ Русскаго народа была война 1812-го года, и въ этомъ отношеніи Александръ былъ истиннымъ представителемъ своего народа. Занимая центральное мѣсто въ великой борьбѣ 1812—1814 гг.. исходъ которой, можно сказать, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ его проницательности, настойчивости, твердости, неусыпныхъ трудовъ, выдающагося дипломатического таланта. Александръ въ тоже время проявляетъ необыкновенную скромность и сильно развитое благочестивое чувство. По окончаніи тяжкой борьбы, воздавъ должное всѣмъ сословіямъ, всему Русскому народу, который по всесвѣтному признанію его (въ манифестахъ) является какъ бы „главнымъ героемъ“ этой борьбы, Александръ отказывается отъ присвоенного ему современниками, но оставшагося за нимъ въ исторіи имени „Благословленнаго“ и смѣренно относить все содѣянное Промыслу Божію: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, гласить надпись на медали 1812 года.

Таково вкратцѣ значеніе „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“.

А. П. Н.

12 Іюля 1912 г. Е—граль.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНАТОЛИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЕГОРОВА.

Къ новому мѣсту служенія моего въ Москву я прибылъ, сколько мнѣ помнится, во второй половинѣ Января мѣсяца 1866 года.

Тотчасъ по прибытіи моемъ я, разумѣется, явился къ моему новому начальнику, отдѣльному цензору по иностранной цензурѣ Владимиру Максимовичу Ведрову. Уже изъ разсказовъ о немъ, я понялъ, что буду имѣть дѣло хотя и съ образованнымъ, но достаточно взбалмошнымъ человѣкомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ и оказалось.

Бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университѣтѣ, Ведровъ, послѣ какой-то непріятной исторіи съ своими коллегами профессорами этого университета, попалъ цензоромъ въ Москву. Какъ всесторонне образованный человѣкъ, несомнѣнно имѣлъ онъ свои достоинства и хотя не вполнѣ отвѣчалъ своему новому назначенію, не умѣя говорить ни на одномъ иностранномъ языѣ, но теоретически зналъ ихъ и не затрудняясь давалъ отзывы о прочитанныхъ имъ книгахъ. Припоминая эту особенность языковѣдѣнія моего первого начальника по иностранной цензурѣ, я долженъ сказать, что впослѣдствіи мнѣ приходилось имѣть дѣло въ этой специальной цензурѣ съ такими со-служивцами, которые, не зная вовсе иностранныхъ языковъ, ни теоретически, ни практически, преблагополучно фигурировали въ ней въ роли цензоровъ, возбуждая удивленіе умѣньемъ выворачиваться въ критическіе моменты изъ „паскуднаго положенія“... Но если съ этой стороны Ведровъ стоялъ головою выше такихъ фальсифицированныхъ полиглотовъ, то съ другой онъ, по суetливости и мелочности своего характера, могъ также одержать верхъ надъ любой капризной бабой. Немного надо было мнѣ времени, чтобы понять, что если я избавился отъ печальной доли влечить свое существованіе на развалинахъ Симбирскаго пожарища, за то здѣсь, въ столицѣ, гдѣ жизни сулила мнѣ

столько пріятныхъ перспективъ, я нарвался на человѣка, отъ неуживчивости нрава котораго жизнь эта будетъ мнѣ отравлена.

Со свойственной молодости жизнерадостностью, я принялъся, однако, не теряя бодрости духа, за новое служебное дѣло и за ознакомленіе съ новой жизненной обстановкой моей. Не имѣя тогда, по роду моей канцелярской обязанности, никакого прямого отношенія къ самому процессу цензированія, я находилъ мою новую обязанность уже тѣмъ пріятной, что въ ней мнѣ приходилось значительно менѣе удѣлять времени канцелярщикамъ и отдавать его больше на просмотръ книгъ и журналовъ на языкахъ всего свѣта. Уже одно соприкосновеніе къ такого рода работѣ давало мнѣ возможность расширить мой кругозоръ и развить умъ при выборѣ чтенія по вкусу и по желанію. Въ этомъ отношеніе служба по иностранной цензурѣ имѣть несомнѣнно свои пріятныя стороны передъ всякой другой. Но рядомъ съ этимъ мнѣ приходилось очень туго по части материальной: я получалъ весьма скучное содержаніе. Особенно чувствительнымъ для меня былъ этотъ недостатокъ въ первое время, пока канцелярія Московскаго отдѣльного цензора по иностранной цензурѣ и комитетъ внутренней цензуры помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія стараго Университета, и я не имѣлъ казеннай квартиры, которая мнѣ была предоставлена уже позднѣе. Перемѣщеніе названныхъ цензурныхъ учрежденій изъ занимаемаго ими помѣщенія въ зданіе принадлежащее Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго они тогда отошли въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ Шереметевскій переулокъ, въ домъ княгини Мещерской, совершилось черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Москву. Тогда только я нѣсколько оправился, имѣя прекрасную даровую квартиру въ двѣ комнаты съ отопленіемъ, и зажилъ какъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ братомъ Несторомъ (нынѣ д. ст. сов., занимающій должность предсѣдателя Мирового Съезда въ Варшавѣ и члена консультациіи при Министерствѣ Юстиції), только что окончившимъ тогда гимназію въ Харьковѣ и поступившимъ сначала на математическій факультетъ Московскаго Университета, а потомъ перемѣнившій его на юридический.

Первымъ предсѣдателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета по внутренней цензурѣ, по введеніи новаго устава о цензурѣ и печати и по назначеніи въ Петербургъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатора М. П. Щербинина, былъ Н. П. Мансуровъ, назначенный на эту должность изъ Самарскихъ губернаторовъ. Это былъ природный бюрократъ-карьеристъ, который, не особенно утруждая себя службой, успѣлъ внослѣдствіи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, добраться благополучно до предѣла чиновничыхъ стремле-

ній—Члена Государственного Совета. Долженъ однако отмѣтить, что онъ относился, какъ къ моему двоюродному брату, который былъ при немъ секретаремъ Московскаго Комитета, такъ и ко мнѣ, человѣку ему не подчиненному, весьма доброжелательно.

Что касается цензорской коллегіи, то въ составѣ ея (первомъ по сформированіи Московскаго комитета внутренней цензуры по Уставу 1865 года я засталъ слѣдующихъ лицъ: Роковшенку, Федорова, Рахманинова, Прибilla и Безсмыкина. Двое первыхъ смѣнили Мансурова поочередно въ предсѣдательствованіи въ названномъ Комитетѣ, а о послѣднемъ изъ нихъ я буду имѣть случай говорить еще. Относительно же остальныхъ могу сказать, что цензоръ Рахманиновъ слыть за человѣка выдающагося ума, Прибиль былъ родственникомъ сенатора Щербинина, а о Безсмыкинѣ, что онъ отличался своими чудачествами, изъ коихъ слѣдующее было извѣстно о немъ чуть-ли не всей Москвѣ. Страшась болѣе всего умереть внезапной смертью на улицѣ, онъ постоянно носилъ при себѣ въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира записку такого содержанія: сей трупъ принадлежитъ дѣйствительному статскому советнику Ивану Ивановичу Безсмыкину, живущему тамъ-то. Быть онъ человѣчкомъ небольшого роста, типичнаго Московскаго стариннаго склада, образованный, весьма вѣжливый и со всѣми очень обходительный. Всѣ они теперь уже покойники. Миръ праху ихъ!

Черезъ два года по нахожденіи моемъ въ цензурѣ, я, одновременно съ нею, а именно съ Ноября 1868 г., принялъ предложенную мнѣ должность помощника правителя дѣлъ въ канцеляріи Совета высочайше утвержденного Московскаго Благотворительного Общества 1837 г.. правителемъ дѣлъ котораго былъ камергеръ Панинъ. Попалъ я на эту должность по настоянію покойнаго дяди моего, директора Межевого архива, Дмитрія Андреевича Егорова, пожелавшаго почему-то ввести меня въ кругъ Московскаго высшаго общества. Предсѣдательницей названнаго благотворительного общества была маститая, 80-ти лѣтняя столбовая дворянка и коренная Москвичка Татьяна Александровна Савина, жившая въ собственномъ старинной архитектуры домѣ съ бѣлыми колоннами и лѣпными украшеніями на Арбатѣ. Женщина она была властнаго характера и типичной наружности, носила постоянно чепецъ съ рюшами на сѣдой головѣ и платья стариннаго фасона на худощавой, высокой и прямой фигурѣ своей. По воспитанію своему это была одна изъ послѣднихъ представительницъ Русскаго высшаго общества временъ Александра I. По французски она говорила и писала безупрочно, а по русски говорила по наслышкѣ отъ деревенскихъ бабъ. Она, напримѣръ, произносила слова такъ: рабенокъ, скелетарь, пришпектъ и т. п.

Дядя мой, далеко не свѣтскій человѣкъ и оригиналъ большой руки, родившійся и умершій въ Москвѣ никуда изъ нея ни разу не выѣзжавшій, имѣлъ собственный небольшой деревянный домъ на Зубовскомъ бульварѣ, не далеко отъ дома сестры своеї, Екатерины Андреевны Прониной, находившагося противъ церкви Тройцы въ Зубовѣ, въ началѣ Дѣвичаго поля. Онъ былъ большой знатокъ по части гражданскихъ дѣлъ, и это обстоятельство побудило Т. А. Савину, имѣвшую вѣчно какіе-то процессы по своей Смоленской вотчинѣ, познакомиться съ нимъ и на столько помнить его, что безъ его совѣта и аппробаціи она ничего не предпринимала. Въ виду такого отношенія къ дядѣ моему, она оказывала и мнѣ особенное свое благорасположеніе и требовала, чтобы я непрѣмѣнно бывалъ у нея каждое Воскресеніе вечеромъ, когда она принимала своихъ знакомыхъ и дамъ-патронессъ, въ числѣ коихъ я припоминаю слѣдующихъ: кавалерственную даму генеральшу Чертову, Стрекалову, княгиню Трубецкую, графиню Олсуфьеву, фрейлину Тютчеву, Ершову и пр. По поводу первой изъ нихъ ходилъ тогда анекдотъ, будто она, будучи дѣвицей, долго отказывала своему жениху генералу Чертову, не рѣшаясь носить его демоническую фамилію. но подъ конецъ согласилась и написала своей подругѣ: „*malgr  tout, je suis devenue diablesse!*“ . Ею оставленъ по завѣщанію значительный капиталъ на учрежденіе института въ Москвѣ, который нынѣ и находится на Пречистенкѣ и носитъ ея имя. Эти барыни были попечительницами надъ находившимися въ вѣдѣніи нашего общества женскими руководльными школами, размѣщеннымъ по всей обширной Бѣлокаменной, и каждая изъ этихъ попечительницъ вносила свою долю благотворительной заботливости о питомцахъ ввѣренной ей школѣ, откуда выходили не столько грамотныя дѣвушки, сколько умѣлые швеи и мастерицы по женскимъ руководльямъ. Для меня самымъ пріятнымъ временемъ посѣщенія этихъ школъ былъ Ноябрь мѣсяцъ, когда въ нихъ проходили экзамены. Тогда каждая изъ этихъ знатныхъ барынь устраивала въ своей школѣ роскошный завтракъ, соперничая въ изысканности яствъ одна передъ другой, такъ какъ кромѣ предсѣдательницы всѣхъ попечительницъ служившихъ въ Обществѣ, приглашался на него, вмѣсто немощнаго владыки митрополита Филарета, первый викарій его, епископъ Леонидъ, любимицъ всѣхъ этихъ барынь. На меня возлагалась обыкновенно миссія приглашенія его, и я не разъ бывалъ у него по этому поводу у него на подворіи на Тверской, гдѣ всякий разъ поражался массою удивительной работы подушекъ: этими подношеніями его поклонницъ были завалены у него въ два ряда его диваны. Преосвященный этотъ, надо сказать, былъ дворянскаго происхожденія, служилъ во флотѣ и имѣлъ, при пріятной наружности, свѣт-

скія манеры, чѣмъ и плѣнялъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, а особенно барынь. И ужъ какіе-же закатывали онѣ ему завтраки! Завтраки эти были конечно постные, но приготовленные первоклассными поварами и сервированные на фамильныхъ золотыхъ, серебрянныхъ и фарфоровыхъ сервизахъ, съ ихъ гербами и лакеями въ ливреяхъ цвѣта ихъ гербовыхъ щитовъ, что представляло, по контрасту со скромной школьнай обстановкой, среди которой завтраки давались, совсѣмъ необычайное и интересное для наблюденій зрѣлище. Такихъ „постныхъ“ блюдъ, кулебякъ, стерлядей, осетровъ и проч. какъ въ тѣ Ноябрскіе дни экзаменовъ нашихъ женскихъ школъ, мнѣ болѣе не доводилосьѣть; да и надо сказать, что вѣдь и тѣхъ бары что были тогда, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостного права, теперь уже и слѣдѣ простыль!.. Ихъ знали еще только тѣ, которые, какъ я, пережили эпоху великихъ реформъ Царя-Освободителя, положившихъ конецъ безшабашной расточительности Россійскихъ феодаловъ.

Посѣщая воскресные вечера моей гостепріимной патронессы, къ которой все въ Москвѣ относились съ особеннымъ уваженіемъ (хотя по мужу своему, она была только всего вдовою поручика) и которую самъ Принцъ Ольденбургскій наѣзжая въ Москву по дѣламъ своего вѣдомства, обязательно посѣщалъ и цѣловалъ ей руку, я имѣлъ возможность познакомиться со многими представителями и представительницами тогдашняго Московскаго общества. У Савиной я, между прочимъ встрѣчалъ Юрия Самарина, прославившагося только что изданной имъ тогда книгой о нашей Остзейской окраинѣ. Однажды я засталъ у нея-же мальчика, лѣтъ 16, въ Лицейской курткѣ, обратившаго на себя мое вниманіе необыкновенной юркостью и умѣніемъ подластиться къ хозяйкѣ дома. Мальчикъ этотъ оказался внукомъ Т. А. Савиной и въ своемъ родѣ тоже знаменитостью, прогремѣвшей впослѣдствіи своими мошенническими подвигами на весь свѣтъ, извѣстный корнетъ Савинъ. дѣйствовавшій больше подъ фамиліями князя Савина, графовъ Тулузъ-Лотрека, Ламберта и проч. Можно было уже и тогда предвидѣть, что изъ этого юнца, высидѣвшаго потомъ въ тюрьмахъ старого и новаго свѣта, не выдетъ добродѣтельного человѣка.

Выше я упомянулъ о митрополитѣ Филаретѣ. Въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ пришлось два раза видѣть этого знаменитаго іерарха Русской церкви и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ первый разъ я видѣлъ его еще въ 1858 г., когда я, будучи воспитанникомъ Виленскаго Института, прїезжалъ на каникулы къ родителямъ моимъ въ Москву, гдѣ отецъ мой занималъ въ то время должность начальника Инженернаго Округа. Это было 22 Іюля, въ день

Марії Магдалины и тезоименитства императрицы Марії Александровны, въ Успенскомъ соборѣ. Отецъ мой взялъ меня съ собой на богослуженіе, чтобы показать мнѣ знаменитаго митрополита Московскаго. Какъ теперь вижу его небольшую худощавую фигуру, въ которой только одни глубокіе и проницательные глаза горѣли жизненнымъ огнемъ, отражая въ себѣ мощь его духа. Когда наступилъ моментъ проповѣди, Филаретъ вышелъ изъ алтаря и, опираясь на посохъ, произнесъ свое слово твердымъ и отнюдь не старческимъ голосомъ, раздавшимся съ одиваковой силой по всему собору, при затаившей дыханіе сплошной массѣ народа и окружившихъ его со всѣхъ сторонъ архіереевъ и священнослужителей, участвовавшихъ въ богослуженіи. Онъ говорилъ на тему о покаявшихся подобно Марії Магдалинѣ грѣшникахъ, и проповѣдь эта (находящаяся въ общемъ собраніи его рѣчей) отличалась тѣмъ-же мастерствомъ богословскаго изложенія и языка, соперничать съ которымъ могъ съ нимъ развѣ только другой знаменитый духовный витія нашей церкви—архіепископъ Херсонскій Иннокентій. На меня, какъ самая наружность проповѣдника и особенно необыкновенное выраженіе его удивительныхъ глазъ, такъ и его проповѣдь, произвели сильное, до сихъ поръ неизгладимое впечатлѣніе, хотя съ тѣхъ поръ прошло полвѣка... Въ другой разъ, я видѣлъ того-же святителя девять лѣтъ спустя, въ 1867 г., уже въ гробу, въ Чудовомъ монастырѣ. Долго ходившая по Москвѣ молва о болѣзnenномъ состояніи, происходившемъ отъ старческой немощи почти девяностолѣтняго архипастыря, завершилась наконецъ его вѣчнымъ сномъ. Помню его похороны. Я находился на Тверской, гдѣ была вся Москва, въ ожиданіи прохода печальной процесіи изъ митрополичьяго дома въ Чудовъ монастырь въ Кремль. Еще ничего не видя, можно было догадаться о выходѣ ея съ мѣста по проѣзжавшему въ сплошной народной массѣ движенію, словно отъ электрическаго тока. Какой-то стихійный гулъ сопровождалъ колесницу съ гробомъ, становясь постепенно яснѣй и сильнѣй по мѣрѣ приближенія ея къ мѣсту, гдѣ я находился, и, когда наконецъ шествіе поровнялось со мною, гулъ этотъ превратился въ какой-то стонъ, прерываемый криками раздавленныхъ. Устоять на мѣстѣ не было возможности, не рискуя жизнью. Не упомню въ настоящее время, кто именно изъ іерарховъ былъ во главѣ того необозримаго сонма духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ Филарета; но могу сказать, что такого количества архіереевъ, архимандритовъ и прочаго разнаго рода лицъ духовнаго званія мнѣ никогда больше не приходилось видѣть. Здѣсь были представители не только всѣхъ сорока сороковъ церквей Московскихъ, но и многихъ иногороднихъ. Особенное-же вниманіе обращали на себя ряды монашествующихъ изъ всѣхъ древнихъ Московскихъ

мужскихъ и женскихъ монастырей и единовѣрческое духовенство, шествовавшее за гробомъ съ заженными свѣчами краснаго и зеленаго воска. Сама-же колесница, запряженная двумя лошадьми въ черныхъ попонахъ и девевянный гробъ, покрытый архіерейской мантіей, представляли, по контрасту своему со всей остальной духовной процессіей, суровый по скромной простотѣ своей видъ.

Тѣло митрополита Филарета было выставлено на три дня въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ и погребено. Не имѣя возможности протискаться до него днемъ изъ-за массы народа, непрерывнымъ потокомъ осаждавшей Чудовъ монастырь, я проникъ туда въ поздній часъ ночи. Съ лицомъ покрытымъ воздухомъ, лежалъ покойный митрополитъ въ гробу изъ кипарисового дерева, на катафалкѣ, среди церкви. На ноги его была возложена святительская мантія, а вокругъ гроба лежали на табуретахъ атрибуты его сана. Только одна сухая рука его виднѣлась изъ его облаченія, и народъ прикладывался къ ней какъ къ нетлѣнной. Монахи въ черныхъ мантіяхъ, смыняясь, читали положенные при архіерейскихъ похоронахъ Евангелія, и по всему древнему храму, освѣщенному пѣсколькими лампадами и восковыми свѣчами, разносился запахъ ладона, смышанный съ запахомъ кипариса отъ гроба съ прахомъ великаго духовнаго витіи.

Въ Москвѣ я пробылъ ровно четыре года. Хотя служба моя не приносила мнѣ материального довольства, и я долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать, но, обладая прирожденной способностью приоровляться къ жизненнымъ обстоятельствамъ, я сумѣлъ лавировать въ столичной жизни благополучно, не отказывая себѣ и въ развлеченияхъ. Большой интересъ представляла для насъ тогда моему двоюродному брату, секретарю, а впослѣдствіи цензору Московскаго Комитета Н. В. Егорову, пріятелю моему Л. С. Кроткову (съ которымъ я еще въ Симбирскѣ познакомился) и мнѣ бывать въ судебныхъ учрежденіяхъ въ Кремль и высиживать тамъ по цѣлымъ часамъ при разбирательствѣ разныхъ уголовныхъ дѣлъ, выслушивая рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ и наблюдалъ съ особеннымъ вниманіемъ за всей процедурой новаго для Россіи гласнаго суда, введенаго по волѣ великаго преобразователя Судебными Уставами 20 Ноября 1864 года. коими начата исторія нашей гражданственности.

Первыми пionерами судебной реформы были въ Москвѣ: предсѣдатель Окружного Суда Люминарскій и товарищи его Андреевскій-Синеоковъ, Дейерь и Арсеньевъ. Они старались всячески подчеркнуть независимость новаго суда, а Е. Е. Люминарскій тотъ даже прославился тѣмъ, что встрѣтилъ самаго министра юстиціи графа Палена,

посѣтившаго Московскій Окружной Судъ, не на крыльцѣ, а занимаясь у себя въ кабинетѣ. Въ адвокатскомъ же мірѣ блисталъ краснорѣчіемъ князь Урусовъ, при первомъ дебютѣ котораго въ судѣ по дѣлу о какой-то дѣвицѣ Маріи, задушившей въ болѣзненномъ припадкѣ родовъ своего внѣбрачнаго ребенка, я присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ той овации со стороны публики, которая была сдѣлана ему по вынесеніи присяжными засѣдателями оправдательного вердикта этой несчастной жертвѣ темперамента. Все это было ново, невидано и сіяло такимъ разительнымъ контрастомъ съ тѣмъ отжившаго и безвозвратно погребенного суроваго прошлаго нашей горемычной родины, о царившемъ правосудії въ которой до того И. С. Аксаковъ говорить, что при воспоминаніи о немъ „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ по кожѣ дереть“, чтѣ мы, свидѣтели славныхъ дней ея обновленія, съ пламеннымъ восторгомъ встрѣчала всѣ вводимыя и быстро слѣдовавшія одна за другой коренные реформы въ государственномъ управлѣніи. То была великая эпоха наивысшаго проявленія творческаго духа въ преобразовательной дѣятельности Царя-Освободителя.

Какъ всякая великая эпоха въ исторіи народовъ, такъ и эта, отразилась также и на родномъ искусствѣ. Никогда еще наша сцена не достигала такой высоты, какъ въ ту незабвенную эпоху. Образцовый Московскій Малый Театръ, всегда и прежде стоявшій впереди прочихъ, дошелъ въ ту пору до зенита своей славы. Такія имена, какъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ, Медвѣдева, Васильева, Рыкалова, Федотова, Никулина и Акимова украшали ея подмостки и были кумирами Всероссійскими.

Я видѣлъ на Маломъ театрѣ Щепкина всего разъ въ моей жизни. Это было въ томъ-же 1858 году, когда въ пріѣздѣ мой въ Москву видѣлъ я и Филарета. Шла, тогда еще новая пьеса Сухого-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“ въ такомъ составѣ исполнителей: Шумскій-Кречинскій, Садовскій-Расплюевъ, Щепкинъ-Муромцевъ, Рыкалова—его жена, Федотова—дочь. мнѣ много разъ случалось потомъ видѣть туже пьесу, но такого высоко-художественнаго воспроизведенія ея, въ такомъ составѣ геніальныхъ исполнителей, мнѣ, да и не мнѣ только, а и современнымъ мнѣ и будущимъ поколѣніямъ, на врядъ ли когда-либо прійдется увидѣть, въ этомъ я твердо увѣренъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но впечатлѣніе отъ игры этихъ великихъ артистовъ врѣзалось у меня въ памяти до того, что они стоять передо мной какъ живые во всемъ недосягаемомъ своемъ творческомъ величіи, будто я ихъ сейчасъ вижу. Играли-ли они Гоголя, Островскаго, Грибоѣдова, Сухого-Кобылина или Бобарыкина, Дьяченку, Александрова-Крылова—безразлично, даже въ самыхъ пустыхъ по содержанію и

слабыхъ пьесахъ, повсюду они всецѣло перевоплощали себя въ изображаемую ими личность; олицетворяя ее и отрѣшавшись отъ собственной, они давали художественно законченные типы со всѣми подобающими чертами и особенностями. Умѣніемъ и тайной такого перевоплощенія владѣютъ немногіе лицедѣи, и тогда они именуются уже не просто актерами, а артистами. Для такихъ избранныковъ драматического искусства не существуетъ слабыхъ, эпизодическихъ ролей: достаточно нѣсколько авторскихъ намековъ, чтобы изъ недомолвленной роли они создали живой сценическій образъ. Къ плейдѣ такой категоріи артистовъ Русской сцены я, кромѣ поименованныхъ Москвичей, могу причислить за мое время еще только трехъ на Петербургской сценѣ, а именно: Самойлова, Васильева и Давыдова; но обѣихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Возвращаясь же къ игрѣ Московскихъ артистовъ, долженъ сказать, что всякий изъ нихъ, въ своемъ амплуа, не имѣлъ себѣ соперниковъ и конкурентовъ. Таковъ, напримѣръ, Шумскій былъ въ Кречинскомъ; Садовскій—этотъ серіозный комикъ подобного которому мнѣ уже не доводилось видѣть, былъ единственъ въ роляхъ Расплюева, Осипа въ „Ревизорѣ“ и во всѣхъ пьесахъ Островского; Самаринъ въ характерныхъ роляхъ резонеровъ и драматическихъ, Никифоровъ въ бытовыхъ и эпизодическихъ, Живокини, котораго Московскіе купцы называли „Животина“ за его тучность, смѣшилъ всѣхъ до упаду оструміемъ и комизмомъ и въ этомъ отношеніи нашелъ себѣ впослѣдствіи соперника въ Петербургскомъ Варламовѣ, также какъ и онъ, готовомъ жужжать въ роли мухи въ „Орфей въ адѣ“ и плясать качучу въ женскомъ нарядѣ. Что касается женщинъ, то кто видѣвъ Федотову въ роли Катерины въ „Грозѣ“, или въ „Василисѣ Мелентьевнѣ“, или Никулину въ роляхъ старыхъ дѣвъ. Медведеву и Васильеву въ роляхъ *grande-dame*, а Акимову въ роляхъ свахъ и приживалокъ, тотъ не можетъ забыть игру этихъ удивительныхъ артистокъ и быть имъ неблагодаренъ за минуты высокаго эстетического наслажденія. Но не однѣ эти звѣзды первой величины украшали тогда сцену Малаго театра: были и такія, которые мерцали на ней не столь ярко, принося на алтарь родного искусства и свою посильную лепту, хотя и въ менѣе ответственныхъ, но всегда добросовѣстно и съ должной выдержанкой исполненныхъ роляхъ. Таковы были: Вильде, Петровъ, Федотовъ, Степановъ, Музиль, Рябовъ и неизмѣнныи лакей и половой—Гельцерь. Содѣствуя своей прекрасною игрою успѣху дѣла, они связываютъ въ моемъ воспоминаніи свои имена съ именами своихъ великихъ товарищѣй по искусству и усиливаютъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ общей картины исполненія.

Чтобы постичь, на сколько было совершенно исполнение пьесъ въ этомъ замѣчательномъ ансамблѣ Московской труппы Малаго театра, я приведу слѣдующій примѣръ. Одно время репертуаръ даваемыхъ въ этомъ театрѣ пьесъ былъ существенно измѣненъ, и вмѣсто драматическихъ произведеній Русскихъ авторовъ, въ немъ стали давать классическая переводная пьесы иностранныхъ, Шекспира, Шиллера, Мольера, Расина, Кальдерона и проч. И что-же? Тѣ самые исполнители, которые, казалось, были созданы для нашихъ только отечественныхъ писателей, въ такомъ же художественномъ совершенствѣ выполнили эту новую для нихъ задачу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ въ „Maison Molière“, т. е. въ извѣстномъ театрѣ „Comédie Française“, Тартюфа съ Кокленомъ и съ прочими артистами этого прославленного театра, и я вспоминалъ Самарина въ роли Тартюфа и Шумскаго въ роли Оргонта, игра которыхъ въ этихъ роляхъ была несравненно художественнѣе и выше прирожденныхъ Французовъ. Тоже могу сказать и объ „Укрощеніи Строптивой“, видѣнной мной на лучшемъ въ Германіи театрѣ, Мюнхенскомъ, и тутъ игра нашихъ несравненныхъ Москвичей была куда совершеннѣе Нѣмцевъ. „Актеръ, говорить Суворинъ по поводу юбилея В. Н. Давыдова, это исключительный художникъ. Онъ не оставляетъ послѣ себя писанныхъ произведеній, не оставляетъ своей души въ нихъ, какъ художники въ картинахъ, въ статуяхъ, какъ писатели въ поэтическихъ произведеніяхъ. Артистическая душа только на сценѣ, и затѣмъ она переходить въ устные разсказы, въ анекдоты, воспоминанія, и легенды и черезъ эту память невидимое въяніе руководить подростающимъ поколѣніемъ артистовъ“.

Вотъ именно этимъ сіяніемъ талантовъ, этою артистичностью первыхъ великихъ исполнителей Московской сцены Малаго театра держится и понынѣ въ немъ духъ былого, и еще долго, будемъ надѣяться, пребудетъ онъ въ поколѣніяхъ служителей Русскаго искусства.

Одновременно съ такимъ высокимъ процвѣтаніемъ Малаго театра, отличался въ ту пору своими исполнителями въ Итальянской оперѣ и стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Большой театръ, одинъ изъ обширнѣйшихъ театровъ въ Европѣ. Тамъ приводили всѣхъ въ восторгъ замѣчательныя пѣвицы: Арто, сестры Маркизіо, Онноре, Феруччи, Бенатти и пѣвцы: Станіо, Падилла, Рота и неизмѣнныи Итальянецъ-Москвичъ Финокки. Арто была лучшей ученицей Віардо, и дѣйствительно мнѣ рѣдко доводилось слышать болѣе выработанный голосъ въ soprанныхъ партіяхъ, какъ у нея. Мужъ ея, баритонъ Падилла, былъ также недюжинный пѣвецъ. Сестры Маркизіо отлича-

лись необыкновенной спѣвкой своей въ дуэтахъ, и коњкомъ въ ихъ репертуарѣ была „Семирамида“. Теноръ Станіо, обладая прекраснымъ голосомъ и красивой наружностю, производилъ фуроръ въ „Робертѣ“, особенно въ нѣмой сцѣнѣ съ балериной Кеммереръ на монастырскомъ кладбищѣ.

Но кромѣ вокальной части, тогда проявилась также и музыкальная въ лицѣ двухъ братьевъ Рубинштейновъ, которыми подѣлились обѣ столицы: первый водворился въ Петербургѣ и тамъ основалъ Консерваторію; второй—въ Москвѣ, гдѣ имъ также основана Консерваторія.

Съ Николаемъ Рубинштейномъ и его игрою я познакомился впервые у Погодиныхъ. Большая пріятельница моей матери и жены историка профессора М. П. Погодина, вдова Виленского вице-губернатора В. И. Пельской, жила въ то время въ Москвѣ у Погодиныхъ, въ ихъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ занимала тѣ самыя комнаты въ мезонинѣ, гдѣ проживалъ Гоголь. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея на одинъ изъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые изрѣдка устраивалъ маститый историкъ въ своей извѣстной портретной галлереѣ Русскихъ писателей, я засталъ тамъ между прочими гостями и Николая Рубинштейна. Послѣ чтенія хозяиномъ дома изъ его исторіи Россіи отрывка о „Несторѣ-Лѣтописцѣ“, сѣлъ за фортепіано Николай Рубинштейнъ и сыгралъ намъ знаменитую рапсодію Листа такъ, какъ только онъ, Николай, умѣлъ играть. Сильное впечатлѣніе произвело на меня тогда это геніальное произведеніе въ исполненіи такого музыкального колосса. какимъ былъ Московскій Рубинштейнъ; но потомъ, когда я услышалъ въ Петербургѣ игру великаго Антона, я забылъ о братѣ его!.. То былъ поистинѣ царь фортепіано, и о немъ мнѣ придется еще сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, Московская жизнь моя протекала не среди однихъ служебныхъ занятій, но и среди разновидныхъ удовольствій, а такъ какъ театръ составлялъ для меня предметъ страстнаго обожанія и стоялъ всегда на первомъ планѣ всякихъ удовольствій, то я имѣлъ возможность вдоволь насладиться имъ.

Возвращаясь къ цензурѣ, скажу, что за время нахожденія моего въ Москвѣ произошли въ составѣ служащихъ нѣкоторыя перемѣны. Такъ предсѣдатель Цензурнаго Комитета Мансуровъ получилъ назначеніе въ Петербургъ, а мѣсто его занялъ старшій по службѣ изъ цензоровъ Рокковшленко. Почти въ тоже время и начальникъ Главнаго Управлениія по дѣламъ печати сенаторъ М. П. Щербининъ ушелъ въ Сенатъ первоприсутствующимъ, а на его мѣсто назначенъ М. Н. Похвисневъ, бывшій Виленскій гражданскій губернаторъ, поступившій туда на эту должность вмѣсто Россета и хорошо знавшій моего отца.

Послѣднее обстоятельство послужило къ немалой моей пользѣ: такъ уже въ Декабрѣ 1869 г. я получилъ отъ предсѣдателя С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета Александра Григорьевича Петрова письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ поступить пока къ нему въ Комитетъ помощникомъ секретаря съ тѣмъ, что, можетъ быть, возможно будетъ перейти мнѣ на высшую должность въ центральный комитетъ иностранной цензуры, при чёмъ добавлялъ: „при благорасположеніи М. Н. Похвиснева къ вамъ, можно будетъ что либо для васъ сдѣлать“. Разумѣется, я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и 14 Января 1870 г. былъ назначенъ въ Петербургъ на предложенную мнѣ Петровымъ должность. Но прежде чѣмъ переброситься въ моихъ воспоминаніяхъ изъ Москвы въ Петербургъ, я долженъ еще удѣлить нѣсколько словъ бывшему первому начальнику Главнаго Управлѣнія по дѣламъ печати сенатору Щербинину.

Подъ начальствомъ М. П. Щербинина мнѣ почти не довелось служить, и я съ нимъ познакомился, какъ съ дальнимъ родственникомъ, только по прїездѣ моемъ въ Петербургъ. Какъ личность, онъ былъ человѣкъ стараго закала, весьма образованный чиновникъ Воронцовской школы. Онъ состоялъ управляющимъ канцелярию, когда графъ, а впослѣдствіи князь Воронцовъ, былъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Въ благодарную память о своемъ начальнике, онъ посвятилъ ему книгу съ описаніемъ его біографіи и объ управлѣніи имъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями.

Покойный М. П. Щербининъ очень любилъ вспоминать свое прошлое; но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ разсказовъ его у меня остался въ памяти только одинъ, и то относящійся еще ко времени предсѣдательствованія его въ Московскому Цензурному Комитету.

„Въ одинъ изъ Царскихъ прїездовъ въ Москву, рассказывалъ онъ, пришлось мнѣ выдержать большое испытаніе. Аксаковъ издавалъ тогда свой „День“ въ Москвѣ, и вотъ въ цензуру была представлена одна изъ его статей для этого журнала, которая была запрещена. Получаю вдругъ приглашеніе отъ генераль-губернатора кн. Долгорукаго пожаловать къ нему. Являюсь. Встрѣчаешь меня князь заявлениемъ, что императрица Марія Александровна, находившаяся тогда вмѣстѣ съ Государемъ въ Москвѣ, по просьбѣ фрейлины Тютчевой (сестра которой была за Аксаковымъ) желаетъ, чтобы запрещенная нами статья была непремѣнно напечатана въ „Днѣ“. Собираю цензоровъ, перечитываемъ еще разъ эту статью и находимъ ее положительно невозможной, о чёмъ я и сообщаю князю Владимиру Андреевичу. Не тутъ-то было! Императрица приказала мнѣ вторично сказать черезъ ministra двора графа Адлерберга, что она непремѣнно желаетъ, чтобы статья

появилась въ „Днѣ“. Отвѣчаю опять, что, по долгу службы, я, къ огорченію моему, не могу исполнить волю Ея Величества. Назначается балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, и я получаю приглашеніе. Государь, проходя мимо и увидя меня, дѣлаетъ рукой знакъ, чтобы я подошелъ къ нему. Когда я поспѣшилъ приблизиться, онъ задаетъ мнѣ вопросъ, правда-ли, что я отказалъ Императрицѣ въ просьбѣ на счетъ дозволенія статьи Аксакова? Отвѣчаю утвердительно и привожу причину мою отказа.—„И прекрасно сдѣлалъ“, сказалъ Александръ II, подавъ мнѣ милостиво руку *).

Досадую очень, что не могу припомнить содержанія Аксаковой статьи, подавшей поводъ къ неудовольствію съ одной стороны и одобренію съ другой и заставившей пережить нѣсколько непріятныхъ дней рассказщику.

Къ этимъ немногимъ строкамъ прибавлю выписки изъ тѣхъ циркулярныхъ распоряженій, которыя были изданы въ то время и которыя характеризуютъ правительственную власть первого периода вступленія въ силу Устава о цензурѣ и печати 1865 года.

14 Декабря 1865 г. № 747.

Циркулярное распоряженіе, въ которомъ относительно пожара 1864 г. въ г. Симбирскѣ сказано:

„Въ послѣднее время напечатаны были въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, на основаніи частныхъ корреспонденцій, и затѣмъ перепечатаны въ нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ periodическихъ изданіяхъ, извѣстія и слухи касательно подробностей производившагося въ г. Симбирскѣ разслѣдованія о причинахъ бывшихъ тамъ въ 1864 г. пожаровъ. Такъ какъ означенное дѣло подлежитъ еще дальнѣйшему производству, то, до окончательного его разясненія и преданія виновныхъ суду по закону, преждевременное оглашеніе упомянутыхъ извѣстій и слуховъ не можетъ не препятствовать существенно успешному движению слѣдственныхъ розысканий и пр.“

Сообщая объ этомъ, начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенаторъ М. П. Щербининъ предлагаетъ подвѣдомственнымъ ему цензурнымъ учрежденіямъ „неуклонно руководствоваться изложенными соображеніями, при просмотрѣ сочиненій и повременныхъ изда-

*) Передъ отѣздомъ изъ Москвы, Государыня Марія Александровна приказала тогдашнему предсѣдателю Ошкунского Совѣта князю Н. И. Трубецкому передать М. Н. Каткову ея желаніе, чтобы не распространяться въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о посыпаніи Императоромъ Московскихъ женскихъ учебныхъ учрежденій. Князь Трубецкой, видѣвший въ Катковѣ только газетчика, считая для себя неумѣстнымъ Ѳхать къ Каткову и приказалъ своему чиновнику М. П. Полуденскому передать Каткову это желаніе Государыни. (Слышало отъ М. П. Полуденского). П. Б.

ній, въ которыхъ не должны быть допускаемы никакія извлеченія изъ вышеупомянутыхъ статей о Симбирскихъ пожарахъ или полемики по этому поводу“.

14 Мая 1866 г. № 939.

Конфиденціально сообщается сенаторомъ Щербининымъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ, что министръ Императорскаго Двора сообщилъ о желаніи Государя Императора, чтобы кромѣ предположенной къ сооруженію у Лѣтняго Сада часовни, въ означенованіе Божественной благодати, охранившей Его Величество отъ опасности, что либо напоминало и могло увѣковѣчить преступное покушеніе наpareубийство. О таковомъ высочайшемъ повелѣніи предлагается строго наблюдать, „чтобы преступное покушеніе на жизнь Его Величества не было изображенено въ рисункахъ, картинахъ и другихъ художественныхъ произведеніяхъ подлежащихъ просмотру“.

28 Іюня 1866 г. № 1497.

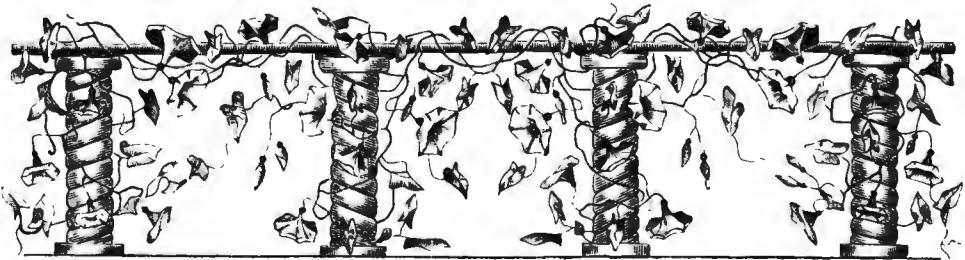
Имъ-же циркулярно по вѣдомству предлагается сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ подлежащихъ предварительному разсмотрѣнію, впредь, отнюдь не были напечатаны, безъ испрошенія на то каждый разъ особаго разрѣшенія, „никакія извѣстія касательно посѣщенія женскихъ учебныхъ заведеній Ихъ Императорскими Величествами“.

23 Сентября 1866 г. № 1935.

Щербининъ-же дѣлаетъ распоряженіе по цензурному вѣдомству о недопущеніи къ перепечатанію сочиненія подъ заглавиемъ „Война кухарки съ барыней или нашла коса на камень, Петербургъ, исторійка Нестора Око“, изд. второе, дозволенное въ Москвѣ въ 1866 г., такъ какъ „означенная книга, по своему стремленію возстановить прислугу противъ хозяевъ, можетъ при распространеніи произвести весьма вредное вліяніе на нѣкоторую часть общества“.

Анатолій Егоровъ.

СТАРЫЯ ПИСЬМА.

(Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго).

Извѣстный государственный дѣятель, первый (по времени) министръ, предсѣдатель департамента Государственнаго Совѣта, адмиралъ графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (1754—1845), не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, былъ въ тѣсной дружбѣ съ бывшимъ генераль-адъютантомъ импера-тора Павла Н. О. Кутлубицкимъ (1775—1849) и постоянно съ нимъ пере-писывался.

Близкое знакомство ихъ началось въ Петербургѣ въ царствованіе Павла, когда Мордвиновъ былъ еще вице-адмираломъ; а переписка открылась впослѣдствіи изъ деревни, куда Кутлубицкій благоразумно переселился по кончинѣ Павла и прожилъ въ ней все царствованіе Александра Павловича.

Кажется, что ихъ сближала и дружба, въ которой находились между собою ихъ супруги. Часть этой переписки обнародована П. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1897 г., большая часть утрачена; но въ домашнемъ архивѣ Кутлубицкаго сохранились еще слѣдующія три письма Мордвинова.

I.

Петербургъ, 10 Ноября 1816 года.

М. г. Николай Осиповичъ.

Подношу вамъ мою маленькую книжку, въ которой требуемое скромно, а обѣщаемое—велико. Но и жолудь не велико зерно, а прорастаетъ дубъ, дерево высокое и вѣтвистое. Книжку мою я посвятилъ Россійскому дворянству, ибо сему сословію достойно есть подвизаться всегда во благо отечества, въ коемъ и ихъ собственное тѣсно заключено.

Если вы одобрите начала и виды, то удостойте предлагаемое вашимъ покровительствомъ. Сочинитель усердно желаетъ добра вамъ

живущимъ и чадамъ вашимъ по всѣмъ вѣкамъ грядущимъ, доколѣ на землѣ имя Россіянина извѣстно будетъ.

Пишетъ онъ чистосердечно и убѣждаетъ, потому что самъ въ томъ убѣжденъ, ибо у всѣхъ народовъ частное пособіе, вкупѣ соединенное, единымъ было вѣрнымъ средствомъ къ достиженію всячаго благоустройства....“

Намъ неизвѣстно название сочиненія Н. С. Мордвинова, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь, но о немъ-же говорилъ Мордвиновъ, когда писалъ Кутлубицкому 8 Апрѣля 1816 года. „Меня прокляли здѣсь (въ Петербургѣ) въ прозѣ и въ стихахъ, въ журналахъ и газетахъ; всѣ единогласно приговаривали меня запереть накрѣпко и лѣчить отъ сумасбродства по поводу печатной моей книжки, гдѣ я сказалъ, что у насъ все будетъ дорого и не будетъ денегъ для покупки привозныхъ игрушекъ и флѣровыхъ одеждъ....¹⁾“ („Русская Старина 1897).

2.

Петербургъ, 24 Октября 1820 года.

Мы окружили нашимъ проѣздомъ всю Европу или, правильнѣе сказать, лучшую ея часть. Путешествіемъ нашимъ были довольны, но рады, что возвратились домой на свои собственныя постели, безъ переноски ихъ по трактирамъ и переноски сундуковъ изъ дома въ домъ.

Вездѣ и хорошо, и худо, по одинаковой участи, всѣмъ человѣкамъ вообще пред назначенной.

Въ Парижѣ, съ буйными головами и игрушками въ великомъ у нихъ изобилии, мы проводили зиму и много сидѣли дома, потому что кололи женщины и рѣзали князей²⁾ въ то время....

Генріетта Александровна моя³⁾ отъ страховъ была больна и донынѣ еще въ слабомъ состояніи, а я возвратился, какъ бы и не отлучался

¹⁾ Т. е. вслѣдствіе управлениія графа Гурьева Министерствомъ Финансовъ. О томъ писалъ и Н. М. Лонгиновъ (см. выше). П. Б.

²⁾ Въ этомъ 1820-мъ году былъ убитъ наследникъ Французскаго престола, герцогъ Беррийскій; но къ чему относятся слова „кололи женщины“, не знаемъ. П. Б.

³⁾ Супруга Н. С. Мордвинова, Генріетта Александровна. Англійскій обликъ ея повторился въ ея внукахъ Столыпиныхъ и въ величавой красотѣ ея внучки, княгини Маріи Аркаїевны Вяземской; она отличалась и наилучшими нравственными качествами своихъ дѣда и бабки, рожд. Коблэ (1764—1843), которая въ свою очередь была въ постоянной перепискѣ съ женою Кутлубицкаго Авдотьей Савельевной, рожд. Ваксель (1777—1840); переписывались онѣ по французски и по англійски, зачастую переходя съ одного языка на другой въ одномъ и томъ же письмѣ.

отсюда. Два года прошли, и бывшія передо мной явленія исчезли; кажутся они, будто я видѣлъ ихъ во снѣ.... Вѣроятно, что при старости такъ и со всеми бываетъ: ничто уже болѣе не поражаетъ, ни глубоко не впечатлѣвается въ ослабѣвшихъ уже чувствахъ; желаю однако, чтобы ваши долго бы воспоминали вамъ молодость....

3.

Петербургъ, 16 Января 1825 года.

Бѣдствія наши не были такъ велики, какъ ихъ разнесла молва. При всеобщемъ почти въ Европѣ наводненіи наше менѣе вреда причинило, нежели въ другихъ мѣстахъ, а съ щедрымъ пособіемъ всемилостивѣйшаго Государя, Царской фамиліи и благодѣтельныхъ особъ наиболѣе потерпѣвшіе вознаграждены въ убыткахъ....

Въ нижнемъ этажѣ моего дома¹⁾ вода была на 2 аршина и 2 вершка. Потери мои въ городскомъ домѣ и на дачахъ простираются до 7 тысячъ рублей; хотя при скучныхъ въ настоящее время доходахъ нашихъ сія сумма и значительна, но безъ бѣды жизни не проживешь.....“

*

Изъ большинства писемъ и записочекъ Мордвинова между прочимъ видно, что онъ постоянно страдалъ изнурительной болѣзнью, рожистымъ воспаленіемъ на головѣ; такъ 12 Ноября 1812 года онъ пишетъ:

„Два мѣсяца весь домъ мой захворалъ, и я по сіе число лежу хоть и не въ постели, а на канапѣ окутаннымъ. Наступила на насъ презная капель, которая переходитъ отъ одного къ другому²⁾, а ко мнѣ присовокупилась и рожа“.

отъ 14 Марта 1814 г. „Опять рожа овладѣла моей головой; не могу и писать. Съ трудомъ поднялся съ подушки, чтобы написать вамъ и пожелать счастья на великие наступающіе праздники“.

отъ 24 Апреля 1820 г. „Давно писать бы къ вамъ, еслибы не враждебная рожа на головѣ, часто посѣщающая меня въ Петербургѣ,

¹⁾ Въ 1815 году адресъ Мордвинова въ Петербургѣ, судя по конвертамъ, былъ въ домѣ графини Головиной на Екатерининскомъ каналѣ, между Кукушкинымъ и Вознесенскимъ мостами; где онъ былъ въ 1825 году, памъ не извѣстно.

²⁾ Капель (въ настоящемъ случаѣ повидимому коклюшъ) у Н. С. Мордвинова называется въ женскомъ родѣ; здѣсь-же и „канапѣ“ склоняется по-русски. Мордвиновъ и Наполеона своеобразно называлъ „Неаполеономъ“.

которая уже два раза удерживала меня въ постели по возвращеніи. Въ чужихъ краяхъ она меня совсѣмъ было оставила, а здѣсь старую пріязнь ко мнѣ изъявляетъ „... и т. д.

Однако этотъ недугъ не помѣшалъ Николаю Семеновичу Мордвинову принимать постоянно видное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, произносить долгія рѣчи, вести продолжительную тяжбу изъ за обширныхъ Крымскихъ земель на Южномъ берегу Крыма, которая были заняты имъ, когда онъ начальствовалъ въ Николаевѣ, и дожить до 90 лѣтнаго возраста.

Большинство другихъ писемъ Мордвинова касается исключительно будничныхъ событій семейной жизни. Отмѣчаемъ изъ нихъ лишь одну фразу Мордвинова по отношенію къ Кутлубицкому, которая въ устахъ извѣстнаго филантропа, никому никогда не льстившаго, является замѣчательной и даетъ нѣкоторое разъясненіе этой дружбы. Она заключена въ словахъ: „да укрѣпить васъ Богъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ и сердечныхъ чувствахъ, коими Онъ васъ такъ щедро одарилъ!“

Подчеркиваемъ это выраженіе и потому, что до сего времени мало было слышно о щедро одаренныхъ Гатчинцахъ.... Ихъ чаще всего рекомендовали намъ какъ „оپричниковъ Павловскаго царствованія“, изъ которыхъ лучшій, по выраженію Растанчина, заслужилъ быть колесованнымъ безъ суда.... Беремъ на себя трудъ, въ ряду дальнѣйшихъ писемъ и очерковъ, на примѣръ Н. О. Кутлубицкаго показать, что Растанчинъ былъ неправъ въ своей рекомендациіи и что среди Гатчинцевъ были люди заслуживающіе глубокагоуваженія и симпатій, въ чемъ здѣсь росписался и Н. Мордвиновъ, одинъ изъ передовыхъ людей того времени....

II.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ 1809 ГОДА.

Изъ писемъ братьевъ Василія, Николая и Дмитрія Егоровичей
Кишенскихъ *) къ Н. О. Кутлубицкому.

„С. Петербургъ, 2 Іюля 1809 г.

Послѣ долгихъ странствованій достигли мы наконецъ здѣшнихъ шумныхъ и кичливыхъ мѣсть, гдѣ лишь чахнетъ человѣкъ!

Я нашелъ здѣсь все дорого и всѣхъ жалующихся на дороговизну и судьбу, а щеголи и щеголихи нарядовъ своихъ не умаляютъ, и сами однако всѣ въ долгу...

*) Отецъ Кишенскихъ, Егоръ Васильевичъ, былъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства съ 1798 по 1804 г., смѣнивъ князя Г. А. Грузинскаго. О событиї этихъ выборовъ въ формулѣ князя Грузинскаго записано: „Князь Георгій

Квартира у насъ прекрасная, но очень шумно, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ штатской совѣтницы Кисловой подъ № 102.

Новости тѣ же что и у Насъ: сахаръ 65 р. пудъ, кофей—56 р. сукно Аглицкое 28. овесь купилъ по 8 р. 30 к., а сѣно 45, мука 15.

Государь изволитъ на сихъ дняхъѣхать въ Финляндію.—У генераловъ отняли пампахи, отличаются они теперь одними кокардами. А у гвардейскихъ отняли эксельбанты. а будутъ уже два эполета....

Слышимъ, что и султаны скоро будуть сняты.

Что будетъ, Богъ знаетъ; но есть похожее на миръ....

Николай Кишенскій.

P.S. Я вамъ давно не писалъ, и причиной моего молчанія было то, что вы при прощаніи нашемъ у батюшки сдѣлали мнѣ сухое пріѣздіе, чтѣ меня весьма оправировало. Впрочемъ, если мнѣ это только показалось, то прошу извинить....

2 Ноября 1809 г., С. Петербургъ.

Новость здѣсь только та, что пріѣхалъ сюда на дняхъ Австрійскій шарже д'аферъ Сенъ-Жюліантъ. Ваша супруга собирается въ Петербургъ въ дорогое время; хорошо кабы могла запастись дровами: они здѣсь 12 рублей за сажень. Невразумительная дороговизна даже въ своихъ продуктахъ, а къ иноземнымъ приступу нѣть! Однако позвольте реко-

Александровичъ Грузинскій (Елизаветградскаго легкоконнаго полка капитанъ, уволенъ 1788 г. въ отставку майоромъ) губернск. предв. дв., съ 1795 г. избранъ вторично на 3-хъ лѣтіе съ 1798 г. Сего же числа 1 Іюня въ 7-мъ часу пополудни, въ присутствіи Губернского Правленія, вице-губернскій кн. Ухтомскій объявилъ высочайшее именное Е. И. В. повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Господинъ ст. сов. Нижегород. вице-губ. кн. Ухтомскій! Преноружако вамъ объявить заѣщему дворянству волю мою на то, чтобы на мѣсто кн. Грузинскаго выбранъ бытъ другой губернскій предводитель дворянства. Пребываю къ вамъ благосклонный Павель“. Въ Нижнемъ Новгородѣ, Іюня 1 дня 1798 г. Того ради въ Губернскомъ Правленіи опредѣлено: означенное Е. И. В. повелѣніе, для самоскорѣйшаго по оному исполненія, находящимся здѣсь нынѣ г.г. дворянамъ, позвать ихъ въ сей день въ присутствіе Губернского Правленія, объявить... и объявлено.... Выслушавъ объявление имене Е. И. В. повелѣніе, г.г. дворяне того-же 1 Іюня избрали на мѣсто кнізя Грузинскаго губернскимъ предводителемъ надворнаго совѣтника Егора Васильевича Кишенскаго, о чемъ составили постановленіе... и сообщено того же 1 Іюня 1798 г. за № 73 вице-губернатору“... Е. В. Кишенскій служилъ въ должностіи губернскаго предводителя по 1804 годъ, въ которомъ его смѣнилъ кнізь Петръ Сергеевичъ Трубецкой. И. Б.—Напомнимъ читателю, что въ этомъ 1798 году императоръ Павель совершилъ второе свое путешествіе по Россіи и обозрѣлъ восточные губерніи (въ 1797 г. онъѣхалъ по губерніямъ западнымъ). П. Б.

мендовать для вашей супруги магазинъ madame Kolin, гдѣ есть кружево по 300 рублей аршинъ! Посмотришь по баламъ на наряды, подумать можно, что торговля процвѣтаетъ, а рублевики уже по 260! Впрочемъ у васъ кадочки наполнены, и жирные рублевики ваши не допустить почувствовать здѣшней дороговизны....

Василій Кишенскій.

Н. О. Кутлубицкій, начитавшись о справочныхъ цѣнахъ „Петербургъ, повидимому не стерпѣль и отвѣчалъ такъ:

„На силу-то бумага сдешевѣла, любезной Николай Егоровичъ! А судя по сему, можно надѣяться, что и съ другихъ товаровъ курсъ спадеть.... И нимало не претендую, что вы въ три мѣсяца по своемъ отѣздѣ мнѣ не писали: надо думать, что бумага и перья, а можетъ быть и песокъ, словомъ все, было чрезвычайно дорого. Но теперь по дешевизнѣ бумаги и мы удостоились получить одно письмо.... Въ немъ между прочимъ вижу, что вы при разставаніи со мной въ домѣ вашего батюшки сочли мое прощеніе за „сухое“ привѣтствіе.... Благодарю васъ за истолкованіе онаго, а теперь напередъ покорно прошу васъ разъяснить мнѣ, какого рода бываетъ привѣтствіе мокрое, дабы я со временемъ умѣль оныя различать, за что буду вамъ очень и очень благодаренъ.

Теперь скажу вотъ что: право-же мнѣ было досадно, что вы въ три мѣсяца за всѣ мои къ вамъ ласки, ни разу обо мнѣ не вспомнили....

Эти реплики также интересны для характеристики Н. О. Кутлубицкаго. По нимъ видно, какъ бывшій „Гатчинецъ“ свободно владѣлъ перомъ, что такъ необычно для того времени, когда и монархи еще писали по русски „штоцъ“ вмѣсто „чтобъ“.

III.

Рядная запись приданаго.

Къ сей записи ген. лейт. Н. О. К. жена его, урожденная Вакселева руку приложила.

У сей рядной записи свидѣтелями были и руку приложили: 1) бригадиръ Николай Ив. сынъ Нефедьевъ. 2) совѣтникъ Александръ Никитичъ с. Висленевъ, 3) Мих. Сем. с. Мавринъ, 4) Иванъ Никит. с. Казнаковъ. 5) Александръ Семен. Крюковъ, 6) Дмитрій Федор. с. Глинка, 7) Гавріилъ Григорьев. с. Баршевъ, 8) Андрей Алексѣев. с. Карцевъ, 9) Секундъ-майоръ Андреянъ Иван. с. Хвостовъ.

Сю запись писалъ С. Петербурской палаты Суда и Расправы 2-го департамента крѣпостныхъ дѣлъ Александръ Ушаковъ. „Совершить по указамъ, секретарь Василій Шелаголинъ“ 1800 г. Февраля 10-го.

Внизу записи сдѣлана приписка рукой Авд. Сав. „22 Апрѣля 1801 года значущія по сей записи деньги отъ мужа моего получила и сверхъ того отъ

него-же 10.000 рублей займообразно для покупки дома С. Петербургского у вдовствующей госпожи дѣйств. ст. совѣтницы Федосы Ивановой Елагиной и въ немъ по реэстру мебелей“.

Въ старину считалось повидимому нелишнимъ дѣлать запись приданаго, при томъ дѣлали его официально въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Этотъ обычай даетъ намъ возможность развернуть бытовую страничку изъ давно прошедшаго и кстати указать не только на родство, но даже и на кругъ знакомства лицъ давно умершихъ. Такова запись приданаго Авдотьи Семеновны Кутлубицкой, супруги Н. О. Кутлубицкаго, рожденной Ваксель, которую Императоръ Павелъ называлъ „колибри“ за ея малый ростъ“.

„Лѣта 1800 Февраля въ 10 день покойнаго государственной коллегіи совѣтника и кавалера Савелія Савельева сына Вакселя жена, вдова Анна Иванова дочь, въ родѣ своемъ не послѣдняя, выдала я дочь свою Авдотью Савельевну въ замужество за генераль-лейтенанта и кавалера Н. О. Кутлубицкаго и въ благословеніе ей дала святые образа—первый Спасителевъ, второй—Феодоровской Богоматери, третій—Св. Евдокіи, всѣ они въ серебряныхъ ризахъ снаружи вызолоченныхъ. Да въ награжденіе слѣдующихъ ей указныхъ частей изъ имѣнія рѣченаго покойнаго моего мужа, а ея родителя Савелія Савельева сына Вакселя, движимаго, состоящаго въ наличныхъ деньгахъ и за домъ С. Петербурскій, всего восемьдесятъ тысячъ рублей; недвижимаго лежащаго въ Костромской и Вологодской губерніяхъ въ разныхъ округахъ селахъ и деревняхъ 736 душъ мужеска пола, полагая душу по 200 рублей. Разными брилліантовыми, золотыми и серебряными вещами и платьемъ по цѣнѣ 8487 р. 73 к., о чёмъ учинена особая запись, подъ коею онъ Кутлубицкій и дочь моя Авдотья своеручно расписались. Затѣмъ наличными деньгами 11626 руб. да сверхъ всего онаго людей дворовыхъ, писаныхъ по 5-й ревизіи и въ подушный окладъ, положенныхъ за мною съ ней Авдотьей и сыновьями моими, а ей родными братьями Львомъ, Апполономъ и Николаемъ Вакселевыми-же.... (идеть перечисленіе дворовыхъ людей изъ Вологодской губерніи деревни Лендовки, дер. Хомутихи, Кадниковской округи и дер. Ростовки, а также Костромской губерніи, села Поповки). „Чѣмъ я Авдотья съ своей стороны, оставаясь навсегда довольной, и впредъ обѣ ономъ мнѣ Авдотѣ и моимъ наследникамъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ не просить“...

„Къ сей записи покойнаго Государst. Адмиралт. Коллегіи совѣтника С. С. Вакселя жена вдова Анна Ив. д. руку приложила. Къ сей записи ген. лейт. Н. О. К. жена А. С. рожденная Вакселева, руку приложила.

Слѣдуетъ подробный „Реэстръ“ приданаго. „Кровать штофная съ приборомъ, занавѣси къ окнамъ атласныя, кровать бѣлая кисейная съ приборомъ, занавѣси къ окнамъ кисейныя же. Покрывала тканья Аглицкаго съ фольбарами, покрывала кисейныя съ фольбарами, покрывала шиты по розовому атласу съ фольбарами, одѣяла атласныя розовыя, бѣлое атласное стеганое и пр. (въ томъ-же духѣ съ присовокупленіемъ 2 тюфяковъ сафьяновыхъ зеленыхъ, перинъ пуховыхъ и подушекъ къ нимъ).

Далѣе идутъ: „муфта соболья, хвосты на шею собольи, опушка на бекефъ (?) соболья-же“.... и пр. Перечисляются засимъ „дезабилье канифасныя съ фэлбарами, дезабилье коленкоровыя, Аглицкаго тканья съ фэлбарами“; тамъ-же значутся „пудреныхъ рубашекъ 5, сертучковъ 2, ктрановъ (?)—6. и т. д. Слѣдуетъ переходъ на скатерти камчатныя, и скатерти ткателья; полотенца, „два фарфора“, ручные тонкія, и „поровнѣе“, есть и „городская позолотка“. Цифры всѣхъ этихъ необходимыхъ предметовъ“ кажутся довольно круглыми, но безъ излишства, напримѣръ: „салфетокъ камчатныхъ 2 дюжины, тоже другого сорту 3 дюжины, тоже „столовыхъ“ 9 дюжинъ, для закуски камчатныхъ 4 дюжины“ итого салфетокъ 18 дюжинъ. Интереснѣе другихъ разрядъ „платья верхняго“, которое выписываемъ цѣликомъ.

„Платье Русское объяренное (!) серебряной накладкой, тафтяное круглое, къ нему сертучекъ и юпки къ нему-же, круглое тарлатановое съ синелевой накладкой, лено-батистовый, парчи бѣлой Турецкой съ золотыми цветами, парчи Турецкой синей съ золотыми цветами-же, Кисеи Французской шитой въ тамбуръ, тоже кисеи тамбурной, кисеи шитой бумагой разнымъ узоромъ, кисеи Ость-Индской шитой золотомъ, матеріи Польской, ленобатистовое полосатое, атласное полосатое, тафты розовой, атласу розового, кисеи Турецкой шитой шелкомъ, Французской черной матеріи, и атласу зеленаго.... Тутъ-же значится кисеи тамбуріи для туалету 13 арш., тоже атласу розового $22\frac{1}{2}$ арш. А всего по цѣнѣ на 8487 р. 73 коп. 24 Дек. 1799 года. Подписано „Анна Векселева“:

Сообщилъ И. А. Бронскій.

ПИСЬМА КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ*).

I. Къ князю А. Б. Куракину.

Писано до воцаренія Павла Петровича.

1.

1782. 1 Марта, Болонья.

Я не дала вамъ никакихъ извѣстій о моемъ мѣстопребываніи, дорогой кузень, чтобы имѣть предлогъ написать вамъ отсюда и повторить увѣренія въ почтеніи и искренней дружбѣ, которую я къ вамъ издавна питаю, и которая можетъ, конечно, только возрасти, чѣмъ больше узнаешьъ. Это и оправдывается на мнѣ: при послѣднихъ нашихъ свиданіяхъ я нашла новыя основанія любить и уважать васъ, и я надѣюсь, когда мы хорошенько устроимся въ Петербургѣ, я буду часто наслаждаться вашимъ обществомъ, и вы не будете считать меня такой ужъ букой. Вы согласитесь, если я не была всегда въ веселомъ настроеніи, это потому, что положеніе мое до сихъ поръ было тягостнымъ и непріятнымъ, чтобы не сказать болѣе, и другой пріобрѣль бы ненависть къ роду человѣческому, который я люблю, хотя 20-лѣтній несчастный опытъ не способствовалъ этому. Наконецъ, если справедливо оцѣнить моихъ дѣтей такъ, чтобы они были счастливы, и оставлять меня хотя бы въ покоѣ, вы всегда найдете во мнѣ пылкаго и постояннаго друга, иѣжную, но просвѣщенную мать, рѣдкую женщину, которая не желаетъ ничего лучшаго, какъ быть веселой и въ мирѣ со всѣми, какъ и сама съ собой.

Я не оправдываюсь въ томъ, что нацарапала и царапаю; я пишу, какъ говорю, безъ прикрасъ, чистосердечно; не думайте найти, что

*) Переведено съ французскаго изъ 14-й книги „Старины и Новизны“, съ любезнаго позволенія В. И. Смольянинова. Въ письмахъ знаменитая княгиня выражаетъ себя гораздо подлиннѣе, нежели въ своихъ Запискахъ. Зачѣмъ она вошла въ сношенія съ другомъ Павла Петровича и зачѣмъ писала не порусски, надо догадываться. П. Б.

либо кромъ рапсодій въ моей перепискѣ, которой прошу придать правильность и постоянство. Общайтесь мнѣ по прочтеніи сжигать мои письма: тогда я буду писать вамъ свободно и съ удовольствіемъ.

Я провела два съ половиной дня съ кардиналомъ Лега, который безспорно одна изъ умнѣйшихъ головъ Италии. Онъ очень снисходителенъ ко мнѣ, а это, признаюсь, нисколько не вредить въ людскихъ отношеніяхъ. Возможно, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; таково по крайней мѣрѣ его желаніе, и онъ превосходно выразился, говоря объ Императрицѣ: это, сказалъ онъ, женщина, которую нельзя не повидать; въ противномъ случаѣ пришлось бы упрекать себя, какъ въ непростительномъ поступкѣ въ томъ, что не видаль ея, будучи ея современникомъ.

Кстати, вы увидите въ Тосканѣ архимандрита Фокшани, который, оказавъ въ послѣднюю войну большія услуги нашей арміи, потерялъ вслѣдствіе этого свой монастырь и блестящее положеніе; по какому-то подозрѣнію Потемкина онъ былъ очень плохо вознагражденъ. Это очень умный и талантливый человѣкъ; я весьма рекомендую вамъ его. Будьте его заступникомъ; представьте его Ихъ Императорскимъ Высочествамъ и передайте ему мой привѣтъ, такъ же Вадковскому и Плещееву. Желаю Салтыковымъ много здоровья и терпѣнія. Надѣясь въ Петербургѣ найти въ нихъ тоже расположеніе, которое, какъ мнѣ казалось, они имѣли къ моимъ дѣтямъ и ко мнѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждаю ихъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что Петербургъ очень чуждъ мнѣ. Онъ всегда былъ такимъ, съ тѣхъ поръ какъ я перестала быть ребенкомъ, и общество ихъ тамъ будетъ для меня драгоцѣнно.

Кардиналъ Лега, послѣ того какъ я написала эти строки, поручаетъ мнѣ просить васъ предупредить его заранѣе о пріѣздѣ Ихъ И. В., чтобы онъ могъ приготовить лошадей.

Прощайте, мой дорогой кузенъ, будьте здоровы и вспоминайте иногда о той, которая никогда не перестанетъ быть, съ полнѣйшимъ уваженіемъ, вашей покорной слугой и другомъ.

2.

1782. 2 Октября. Пиза.

Льщу себя надеждой, что мой любезный кузенъ, князь Куракинъ, не совсѣмъ меня забылъ, и что моя дружба къ нему извинить въ глазахъ его эти строки, обращаемыя къ нему по просьбѣ отъ Компасси. Этотъ человѣкъ питаетъ въ душѣ благодарность и восхищеніе передъ Россіей, хотѣлъ бы имѣть счастье поцѣловать руку Е. И. В. Великаго

Князя. Онъ бѣденъ, у него прекрасный еще голосъ: вотъ его достоинства. Обратите на нихъ вниманіе Е. И. В. и какая нибудь полсотня червонцевъ осчастливить бѣднагу.

Надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ либо въ Венеціи, либо въ Вѣнѣ и представиться ко двору Ихъ И. В. Могу ли я оспѣлиться передать имъ черезъ васъ мое глубокое почтеніе? Я не имѣю счастья знать Великую Княгиню; но по всему, что я о ней слышала, она уже пріобрѣла мое почитаніе. Великій Князь не узнаетъ своего крестника: настолько онъ выроѣтъ и возмужалъ. Если онъ будетъ осчастливленъ покровительствомъ В. К., я не буду сожалѣть, что недостатокъ значенія нашего уважаемаго Никиты Ивановича *) оставляетъ его безъ всякой опоры. Льщу себя надеждой, что Его И. В. увидить, что онъ ничѣмъ не пренебрѣгъ, чтобы стать способнымъ служить ему, когда нибудь настолько же успѣшно, насколько онъ всегда будетъ усерденъ въ своей службѣ.

Моя дочь присоединяется къ своему брату, чтобы напомнить вамъ о себѣ; они радуются васъ снова увидѣть, такъ же какъ и мамаша, которая остается съ полнымъ почтеніемъ, князь, ваша слуга и искренній другъ.

3.

1796 г. 29 Ноября. Село Троицкое.

Я надѣюсь, вы извините меня, дорогой кузенъ, что я немножко надоѣдаю, обращаясь къ вамъ, но я такъ боюсь имѣть видѣть будто я уклоняюсь отъ моихъ обязанностей, что я не могу не воспользоваться вашей старинной ко мнѣ дружбой, для исполненія слѣдующихъ порученій.

Первое, передать Его Величеству, нашему милостивому Государю, мое поздравленіе и изъявленіе преданности. Я сдѣлала бы это сама, если бы не думала, что у Е. И. В. множество дѣла и безъ чтенія моего письма, о чёмъ свидѣтельствуютъ всеобщія народныя милости, которая онъ изливаетъ на свое государство.

Второе, поблагодарить его за увольненіе меня на покой, котораго настоятельнѣйше требуетъ мое здоровье.

Я присягнула ему, еще не зная, что не нахожусь болѣе на службѣ; но все же не перестану возносить мольбы о его благополучіи, хотя я вновь веду частный образъ жизни, который, женщина больная и сраженная горемъ должна предпочитать всему. Я знаю образъ

*) Графа Панина, который тогда доживалъ свой вѣкъ. П. Б.

мыслей и просвещенное воспитание Е. В., которое было направлено къ тому, чтобы заставить его любить справедливость и добродѣтель. Поэтому я надѣюсь, что, когда Е. В. сравнить прохожденіе моей службы съ тѣмъ, какое было, къ несчастью, довольно обычнымъ, онъ обратить ко мнѣ свое благоволеніе: нужно отдать мнѣ справедливость, что среди всяческихъ хищеній я сдѣлала однако около полу-мильона сбереженій для Академіи Наукъ и Российской Академіи, основательницу которой я была и, не взявъ ничего изъ причитавшагося мнѣ жалованія въ 5.000 рублей, имѣла счастье оставить ей 50.000 р. наличными деньгами и два каменные дома, построенные на ея средства.

Я желаю лишь уваженія моей службѣ, которую я имѣю отъ честныхъ людей. У меня нѣть ни пенсіи, ни богатствъ; но, привыкнувъ сокращать потребности до необходимаго, я ничего кромѣ этого не желаю. Будь въ живыхъ вашъ дѣдъ-дядя, онъ отдалъ бы мнѣ справедливость въ другомъ событии и въ моемъ поведеніи, которымъ я заслужила его уваженіе и о которомъ мы поговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть¹⁾.

Мое третье порученіе извиниться передъ г. Донауровымъ, отъ котораго я только что получила письмо, извѣщающее меня, что Е. И. В. велѣлъ ему заявить мнѣ, что я уволена отъ Академій какъ Наукъ такъ и Российской²⁾). Я бы тотъ же часъ отвѣчала о полученіи сего, также какъ я графу Самойлову писала, но, не имѣя чести господина Донаурова знать (а живу я за 110 верстъ отъ Москвы), не могу свѣдѣть здѣсь обѣ отчествъ его и чинѣ. Бога ради, меня извините передъ нимъ иувѣрьте его, что, если-бъ я не считала за неучтивость безъ имени и отчества къ нему относиться, то бы я, всеконечно, о полученіи его письма съ должнымъ уваженіемъ его увѣдомила. Я прилагаю при семъ копію письма, которое я написала нѣсколько дней тому назадъ г. Самойлову³⁾, для того, чтобы вы узнали въ немъ, мой милый

¹⁾ Намекъ на „Петербургское дѣйство“, участіе въ которомъ княгиня Дашкова сильно преувеличивала, когда это было выгодно: въ ночь на 28 Июня она спокойно спала дома и явилась къ Екатеринѣ уже тогда, когда та изъ Казанского собора перешла во дворецъ. Сама Екатерина писала Понятовскому, что шесть мѣсяцевъ была въ сношеніяхъ со всѣми вождями заговора, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя.

²⁾ Княгиня Дашкова была отставлена отъ всѣхъ должностей 12 Ноября 1796 г., т. е. черезъ пять дней по воцареніи Павла.

³⁾ Письмо княгини Дашковой генераль-прокурору Самойлову: „Милостивый государь мой, графъ Александръ Николаевичъ. Прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ одолженіе донести Правительствующему Сенату, что я получила указъ Его Императорскаго

кузенъ, ту, которая, старая и немощная, всегда неизмѣнна къ своимъ старымъ друзьямъ.

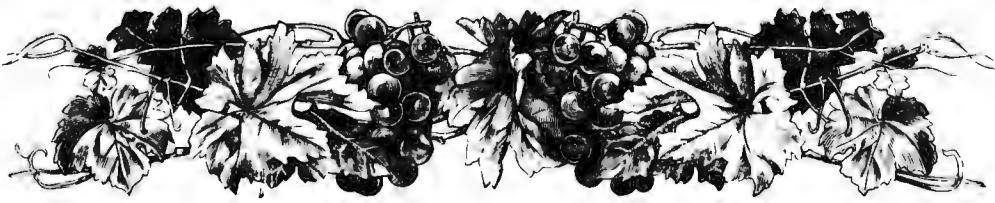
Выполнивъ сейчасъ то, что я была должна, чтобы успокоиться по отношенію къ г. Донаурову, обращаюсь къ вамъ съ моимъ четвертымъ порученiemъ: доложить Е. И. В. Императрицѣ мое низайшее почтеніе и поздравленіе. Теперь васть искренне поздравляю и желаю всевозможного благополучія. Всѣ честные люди будутъ радоваться, когда станеть преуспѣвать человѣкъ честный и съ такимъ благороднымъ образомъ мыслей, какъ вашъ. Не забудьте, что уже годъ какъ вы обѣщали достать мнѣ портретъ Е. И. В. Государя. Достаньте мнѣ, пожалуйста, портретъ и супруги его, Императрицы, и я съ удовольствиемъ и признательностью уплачу вамъ, что они вамъ будутъ стоить.

Черезъ три или четыре дня я покину свое прелестное убѣжище, чтобы ѿхать въ Москву, хотя я хромаю, и бываютъ минуты, что отъ схватокъ въ ногахъ бываютъ у меня невыразимыя боли. Я въ Москвѣ усядусь на диванъ, и тамъ друзья и многочисленная родня, своими стараніями выразить мнѣ свою дружбу, заставятъ меня забыть, что я дѣлаюсь, подобно Скарону, калѣкою, не имѣя въ утѣшеніе талантовъ, которыми онъ обладалъ.

Прощайте, дорогой кузенъ. Прошу васъ, продолжайте свою дружбу ко мнѣ; мою же вы давно пріобрѣли вмѣстѣ съ самымъ душевнымъ уваженiemъ, съ которымъ пребываю, князь, вашей покорной слугой и кузиной. Княгиня Дашкова.

Величества, по которому всемилостивѣйше увольняюсь отъ бремени, по болѣзнямъ моимъ неспособного мнѣ, чѣмъ я считаю себя облаготвореною. При семъ случаѣ пріимитеувѣреніе личной моей къ вамъ дружбы и почтенія, съ которымъ пребуду на всегда вамъ, милостивый государь мой, покорная служница, княгиня Дашкова. Село Троицкое. 26 Ноября (1796).

Воцареніе Єкатерины Великої.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось полтораста лѣтъ съ восшествія на Русскій престолъ Єкатерины Великой.

Подъ династією Рюрика, первые вѣка бытія своего Россія про-
цвѣтала и превосходила просвѣщеніемъ Западную Европу; затѣмъ
эта династія вынесла на плечахъ своихъ Татарское иго, объединила
на громадномъ пространствѣ пестрое народонаселеніе и самодержавіемъ
возродила твердую государственную силу, и когда эта династія пре-
сѣклась избранъ быль на царство Годуновъ, какъ государь самодержав-
ный. Въ 1613 году тѣми же правами самодержавія облечень быль отрокъ,
мало кому известный Михаилъ Романовъ. Эта династія процарствовала
почти полтораста лѣтъ. Вѣчная ей благодарственная память за уми-
реніе Россіи послѣ ляхолѣтья, за Уложеніе, за Петра Великаго.

Но внукъ нашего генія является Божіимъ наказаніемъ за совер-
шенныя преступленія. „Какъ въ 1612 г. въ Русской исторіи, такъ и
вообще, когда прекращается, смертю или измѣною, самое бытіе приз-
нанной народомъ власти, народъ, верховный рѣшитель своихъ судебъ,
возобновляетъ прервавшееся отношеніе, утверждая новую власть“ (слова
Ѳ. И. Тютчева). Нѣть народа, который бы такъ охотно повиновался
своему правительству какъ народъ Русскій; но Русскимъ людямъ
стало не въ терпежь, когда плоды нашихъ побѣдъ были почеркомъ
пера отданы захватчивому сосѣду, когда государь въ Петербургѣ
оскорблялъ церковно-служителей, устроилъ себѣ въ Зимнемъ Дворцѣ
(тамъ гдѣ нынѣ аптека) Лютеранскую кирку и ѿздилъ въ Ора-
ніенбаумъ самолично служить Лютеранскую обѣдиню; когда изъ пра-
вославныхъ церквей по его приказанію выносились иконы. и полко-
вымъ священникамъ приказано было, чтобы они склоняли солдатъ
отправляемыхъ на безмысленную войну противъ Даніи, ѿсть скромную
пищу въ Петровъ посты; когда въ Мемель созывались Нѣмецкіе пасторы
для обсужденія мѣръ къ объявленію Лютеранства господствующимъ

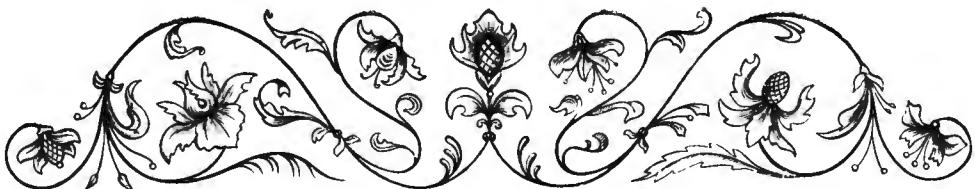
исповѣданіемъ въ Россіи. Отечество наше находилось на краю полной гибели. Кто же станетъ во главѣ его? Не жалкій ли, невмѣняемый Шлиссельбургскій узникъ, правнукъ царя Іоанна Алексѣевича? Представители всѣхъ сословій государства находились тогда въ гвардейскихъ полкахъ. Духовенство все было за Екатерину (Еще въ послѣдніе годы Елисаветинскаго царствованія одинъ діаконъ возглашалъ ее при богослуженіи не Высочествомъ, а Величествомъ). Собирать голоса, какъ при избраніи Михаила Федоровича, не было ни времени, ни возможности; всяко другое представительство было невозможно, и только зложелатели Россіи, одержимые къ ней, по выраженію Екатерины, Каинскимъ бесознательнымъ братоненавидѣніемъ, да наши своей землѣ-несвоеземцы, которые глядѣть на Русскія событія въ иностранныя очки, могутъ оставаться въ убѣженіи, будто Екатерининское восшествіе на престолъ уподоблялось сценамъ императорскаго Рима.

Екатерина Великая, которую Русскіе люди знали и цѣнили уже много лѣтъ, которая, въ одномъ частномъ письмѣ къ Гримму называла наше вѣроисповѣданіе дубомъ, предназначеннымъ подъ своею сѣнью укрывать весь міръ, сознавала себя ясно и отчетливо, съ перваго же дня своего царствованія, не только самодержавною Русскою Государынею, но и народною избранницею.

„Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ“,

сказалъ Державинъ, офицеръ Измайловскаго полка, въ который она пріѣхала раннимъ свѣтлымъ утромъ 28 Іюня 1762 года. Никакого колебанія, ни малѣйшей угоропленности. Съ первыхъ же часовъ правленія умныя, ясныя и вполнѣ положительныя приказанія, такъ что на третій день царствованія государственный канцлеръ графъ Воронцовъ пишетъ въ Лондонъ своему племяннику, что Екатерину любить уже, какъ покойную Елизавету. Можно сказать, что съ каждымъ годомъ своего царствованія она все больше влюблѣлась въ Русскій народъ и усвоивала себѣ его душу, отдавая ему предпочтеніе передъ другими народами. Вотъ разгадка ея успѣховъ. Она основательница новой династіи, при которой Россія могла одолѣть Наполеона (представителя Католической Европы), при которой расширилась Россія, умножилось слишкомъ въ десять разъ ся населеніе, и Гоголь могъ сказать: „Русь, куда же несешься ты? Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, летить мимо все, что ни есть на землѣ, и коса сясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“...

Лишь бы не забывались народолюбивые завѣты Екатерины Великой, начертавшей и нынѣшнюю Государственную Думу, и Государственный Совѣтъ. П. Б.

Императоръ Александръ Второй во Владимирѣ.

1858.

Крестьянство и потомственное дворянство отпраздновали юбилей освобождения крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но остался классъ мелкихъ чиновниковъ, коимъ это преобразованіе принесло только горе, такъ какъ потомственное дворянство, въ замѣнь бывшихъ крѣпостныхъ, успѣло создать новыхъ крѣпостныхъ, такъ называемое „личное дворянство“ изъ мелкаго чиновничества, дослужившагося до чина 10-го класса, и нажившаго себѣ клокъ земли или домишко, кои и обложены налогами въ пользу потомственныхъ дворянъ. Также обложены и всѣ недворяне, обучавшися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ чиномъ 10-го класса и владѣющіе имуществомъ въ родѣ вышеозначенаго. При этомъ эти „личные дворяне“ не имѣютъ никакихъ дворянскихъ правъ, какъ то: не могутъ опредѣлять дѣтей въ дворянскія учебныя заведенія, поступать въ дворянскія богоадѣльни, служить по выборамъ и т. д. Словомъ, „личные дворяне“ обязаны только платить, не имѣя никакихъ дворянскихъ правъ *).

Не вхожу въ дальнѣйшія подробности конца освобождения, а вспомню его начало по отношенію къ собственной личности и товарищамъ моимъ по воспитанію, коихъ живыхъ уже очень мало. Когда Редакціонныя въ Петербургѣ Коммиссіи встрѣтили сильный реакціонный отпоръ дворянъ въ центральныхъ губерніяхъ, рѣшена была поѣздка Императора Александра II по этимъ губерніямъ и въ томъ числѣ по Владимирской, въ коей я учился въ гимназіи.

За два мѣсяца до прїѣзда Государя (въ 1858 году) начались приготовленія къ его прїѣзду. Дворянское Собраніе помѣщалось въ одномъ домѣ съ гимназіей, но съ вывѣской: „Домъ Благороднаго Дворянства“. Дворянскій залъ сообщался съ гимназическою залою, такъ что Госу-

*) Забыто было также и великое число дворовыхъ. Большинство ихъ стало добывать себѣ пропитаніе наймомъ труда, но престарѣлые, малолѣтніе остались не причемъ, и, кажется, только въ Москвѣ позабылся о нихъ благодѣтельный К. Т. Солдатенковъ. П. Б.

дарь, пройдя черезъ залу дворянъ, вошелъ и въ нашу залу, гдѣ рядами стояли гимназисты, съ трепетомъ ждавшіе въ первый разъ увидѣть своего Государя.

Два мѣсяца передъ прїѣздомъ Государя были употреблены со стороны дворянъ на устройство помѣстной выставки въ Дворянскомъ Собрани, и начальство гимназіи стало обучать гимназистовъ строиться по солдатски, кричать „здравія желаемъ и ура“. Инструкторами были наши дядьки изъ Николаевскихъ солдатъ. Кричать то или другое привѣтствіе гимназисты обязаны были смотря по тому, которую руку подыметь инспекторъ.

Ждали съ ранняго утра, полагая, что Государь прибудетъ по осмотрѣ выставки, послѣ полудня. Но онъ прибылъ раньше, и чѣмъ-то взволнованный. За нимъ губернаторъ и нѣсколько военныхъ.

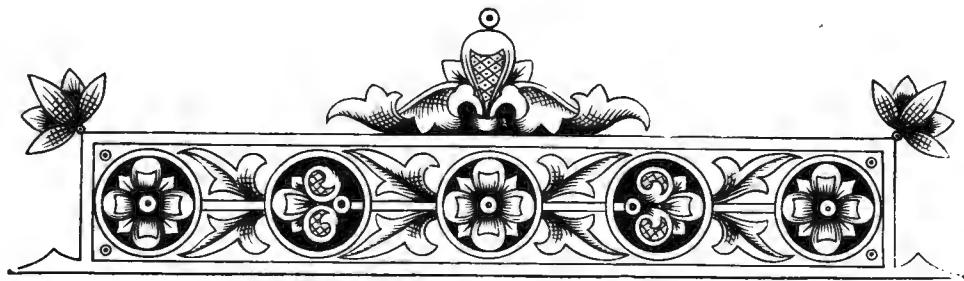
Увидавъ строй гимназистовъ, Государь спросилъ: „почему у нихъ нѣть ранцевъ?“ Кто-то изъ свиты отвѣталъ, что это не кадеты. На привѣтъ Государя мы отвѣтили „здравія желаемъ....“ Государь поморщился и прошелъ въ нижній этажъ, гдѣ стояли строемъ наши дядьки, отвѣтившіе на привѣтъ громкимъ „здравія желаемъ....“ Подойдя къ пансионскому лазарету, Государь замѣтилъ, что тутъ „пахнетъ“ и возвратился во второй этажъ, гдѣ мы стояли рядами. Государь рѣзко сказалъ: „прощайте, дѣти!“ Начальство замахало руками, и гимназія грянула „ура“. Государь вспыхнулъ и, крикнувъ: „я этого не люблю“, быстро уѣхалъ въ губернаторскую квартиру, а за тѣмъ вскорѣ и изъ Владимира.

Помню: не у одного меня брызнули слезы отъ словъ Государя, а начальство напоминало послѣднюю сцену изъ „Ревизора“.

Всѣдѣ за отѣѣздомъ Государя стали выгонять гимназическое начальство, замѣнять его новымъ, къ крайнему нашему огорченію: не понимали за что такая напасть.... старались, хлопотали, и—вдругъ...

Н. Дилекторскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

I. Кастана Андреевича Коссовича.

Драгоцѣнной для меня памяти, К. А. Коссовичъ (вѣроятно Бѣлоруссъ), былъ уроженцемъ города Слуцка. Родители его были до того бѣдны, что по зимамъ ему приходилось забираться на чердачъ, чтобы согрѣться висѣвшими тамъ шубами домохозяевъ-Евреевъ. За отличіе въ наукахъ онъ посланъ былъ въ Московскій Университетъ и, живя въ казенныхъ номерахъ на Моховой, перечисленъ былъ, вслѣдствіе Возсоединенія Унії (1839), въ православные. Онъ долго преподавалъ Греческій языкъ въ Московской 2-й гимназіи. Ему случилось давать уроки въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи какого-то Француза, который переманилъ къ себѣ мальчика-Армянина, привезенного изъ Ордубата въ Москву вмѣстѣ съ шелковыми товарами. Коссовичъ освободилъ его изъ Французской семьи. Это былъ Степанъ Никитичъ Теръ-Макартычъ, мой товарищъ по Университету, и у него-то меня узналъ Коссовичъ, черезъ кото-раго вошелъ я и въ домъ А. С. Хомякова: племянника его М. П. Бестужева ъездилъ я (1849) въ Сызранскій уѣздъ готовить въ 3-й классъ гимназіи. Занятіе Санскритскимъ языкомъ сблизило меня съ Коссовичемъ. Ниже слѣдующее письмо его писано изъ Петербурга, гдѣ для него, благодаря графу Д. Н. Блудову, устроено было мѣсто редактора ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ. Коссовичъ выписалъ меня въ Петербургъ для занятій съ Шевичами, двумя старшими внуками графа Блудова, чтѣ было для меня счастіемъ. Позднѣе Коссовичъ занялъ должность профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Письмо его написано по случаю тяжкой болѣзни А. С. Хомякова, котораго Коссовичъ считалъ благодѣтелемъ, такъ какъ Хомяковъ далъ ему 5000 р. для поѣздки на Лондонскую всемирную выставку 1851 года, дабы онъ получилъ возможность познакомиться съ прѣѣхавшими на выставку Индѣйцами. П. Б.

Дорогой и незабвенный Петръ Ивановичъ.

Приношу вамъ глубокую благодарность за страшная, но, слава Богу, и отрадная вѣсти о нашемъ единственному Алексѣю Степановичу.

Вчера только я узналь отъ Костича¹⁾, что Ал. Степановичъ очень боленъ, но что ему лучше; изъ вашего же письма я вижу ясно всю грозу, уже бывшую у самыхъ оснований жизни человѣка, съ которыми соединено столько любви и упований. Благодареніе Провидѣнію, не отнявшему отъ насъ этой жизни. Свѣдѣнія ваши утѣшительны, но больной еще слабъ. Если аlopатія нестерпима для Ал. Ст. и болѣе уже не нужна, то попеченія врачей (но врачей не эгоистовъ, по крайней мѣрѣ за режимомъ) не были бы излишни; ибо въ подобномъ случаѣ можно и должно отказаться имъ отъ теоріи и не оставить никакихъ способовъ, остающихся вѣтъ теоріи, къ тому, чтобы больной выздоровѣлъ. Вы, конечно, навѣдываетесь каждый день. Каждую вашу вѣсточку сочту благодѣяніемъ. Скажите, что его друзья поддерживаютъ его искреннею и сердечною молитвою.

Приношу вамъ сердечную благодарность и за трудъ вашъ. Столъ живы эти письма Алексія Михайловича, что, принявши съ, я прочиталъ ихъ въ одинъ вечеръ, и этимъ въ душѣ благодарилъ уже васъ въ тотъ же день. Благодарность на словахъ откладывалась со дня на день; виною отсрочки, частью, было и незнаніе адреса. Сколько за подарокъ, столько же и еще болѣе, благодаренъ вамъ за душевную теплоту, которую согрѣты ваши оба ко мнѣ письма. Если вы хотѣли оживить меня, я былъ оживленъ и глубоко порадованъ ими; цѣль ваша. слѣдовательно, относительно ко мнѣ была достигнута. Подобное письмо было бы для меня всегда наградою за лучшія дѣла жизни, которыхъ, къ сожалѣнію, не знаю за собою.

Радъ бы вамъ сказать что нибудь о себѣ: увѣренъ, что радостное для меня было бы и для васъ радостно. Но нѣть у меня настоящихъ внутреннихъ радостей. Доброе расположение меня окружаетъ, это правда; но внутренній мой путь весь въ терніяхъ, подсѣкающихъ самую основу моего бытія²⁾. Тернія не отъ занятій ученыхъ (о да прильпнетъ языки! если бы я это сказалъ и если бы это было), бываютъ тернія между наукой и человѣкомъ. отбивающія его отъ нея, какъ отъ невѣсты, которую самъ Богъ, кажется, ему назначилъ. Не фаталисти я, благодарю Бога, и стараюсь, чтобы все было какъ слѣдуетъ; но порядочная доля бѣды нашей и счастья, какъ ни старайся и ни хлопочи, суждется счастіемъ.

¹⁾ Сербъ, жившій у Блудовыхъ.

²⁾ К. А. Коссовичъ съ Москвы былъ влюблена въ Елизавету Николаевну Делоне. Она позднѣе вышла за доктора душевныхъ болѣзней Балинского; тогда и самъ онъ нашелъ себѣ семейное счастіе въ супружествѣ. И. Б.

Я въсъ смутилъ, можетъ быть, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ подобными мыслями. Но въдь это—я; меня же хотѣли вы мысленно видѣть, ожидая, безъ сомнѣнія, отъ меня какой нибудь вѣсточки.

Прощайте, безцѣнѣйшій. Не забывайте писать ко мнѣ. Ахъ, если бы имѣлъ я право, я бы возложилъ на васъ обязанность писать ко мнѣ о Хомѣ. каждый день, покуда оба мы не будемъ совершенно спокойны.

Прощайте, сердечно вамъ благодарный и преданный Коссовичъ.

1857 г. 9 Января. СПБ.

*

II. Архимандрита Порфирия Успенского.

Милостивый государь.

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за переданныя мнѣ отъ васъ книги. При чтеніи ихъ у меня прежде родилось желаніе, чтобы Господь благословилъ полнымъ и ожидаемымъ вами успѣхомъ труды ваши для блага соотчичей. И теперь при воспоминаніи о васъ всякой разъ мысленно повторяю это молитвенное желаніе вамъ утѣшительныхъ успѣховъ на поприщѣ вашей литературной дѣятельности. Очень сожалѣю, что не удалось мнѣ видѣться съ вами въ Москвѣ. Но надѣюсь, что Господь не лишилъ меня случая и къ личному знакомству съ вами.

Присланная вами рукописи комитетъ поручаетъ мнѣ для прочтения; съ полнымъ удовольствиемъ беру на себя это дѣло, постараюсь прочитать ихъ въ возможной скорости. Съ истиннѣйшимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ усерднѣйшимъ слугою

Генв. 11 дня 1857 г.

Архим. Порфирий.

III. Ю. О. Самарина.

Препровождаю къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ, аптеозу Незабвеннаго*) и воспоминаніе о Журавскомъ. Я такъ спѣшилъ, что оно вышло очень нескладно, но въ смысли авось пройдетъ. Если же вамъ эта вещь покажется черезъ чуръ небрежно написанною, то, пожалуйста,

*) Это подаренная мнѣ Ю. О. Самаринъ литографія съ картины Берлинца Кригера, на которой Николай Павловичъ изображенъ съ кадящими ему архіереями. Государь приказалъ убрать эту литографію изъ магазиновъ, и она сдѣлалась рѣдкостью. П. Б.

безъ церемоніи, возвратите мнѣ съ отмѣтками и замѣчаніями. Искренно
вамъ преданный Юрий Самаринъ.

Изъ деревни, Апрѣля 29-го 1857¹⁾.

IV. Н. И. Лорера²⁾.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Получилъ 25 руб. и не понимаю за что. Неужели мой рассказъ Русского офицера, который я шутками рассказалъ княгинѣ Е. Алекс.³⁾ стоитъ 25 руб.? Дорого и щедро платите за подобные рассказы. Впрочемъ увидимся, переговоримъ. Обнимаю васъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ. Сердечно сожалѣю, что скоро съ вами разстанусь; постараюсь воспользоваться послѣдними минутами чаще вать видѣть. Примите мое душевное уваженіе, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Лорерь.

19 Мая 1857.

V. Князя П. В. Долгорукова.

1.

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1856.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ,

Письмо ваше отъ 17 Февраля имѣлъ я честь получить и спѣшу отвѣтить вамъ, что Бантышъ-Каменскій, въ своихъ книгахъ, надѣлалъ кучу промаховъ, напримѣръ, смѣшалъ въ одно лицо двухъ Ивановъ Максимовичей Шуваловыхъ, двухъ родныхъ братьевъ, изъ коихъ старшій, генераль-маіоръ, умеръ въ 1736 году, а младшій, отецъ знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова, послѣ смерти брата своего былъ раненъ при взятіи Минихомъ Очакова. Точно также Бантышъ смѣшалъ въ одно лицо двухъ Василіевъ Федоровичей Салтыковыхъ, изъ коихъ одинъ (родной дядя императрицы Анны) умеръ въ 1730 году, а другой, дальний родственникъ его, умеръ въ 1775 году. Точно также Бантышъ увѣряетъ, что отъ брака предка моего князя Юрия Алексѣевича Долгорукова съ княжною Пожарскою произошелъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, завоеватель Крыма. Князь Юрий женатъ былъ два раза; отъ первого брака съ Морозовою онъ имѣлъ сына Михаила, моего предка, отъ 2-го брака съ княжною Пожарскою дѣтей не имѣлъ,

¹⁾ Въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 года, которою я тогда завѣдывалъ, помѣщено было воспоминаніе Ю. Ф. Самарина о Журавскомъ. П. Б.

²⁾ Это изгѣстный Декабристъ, дядя А. Ф. Смирновой.

³⁾ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Черкасской. Б. П.

а завоеватель Крыма былъ правнукомъ брата князя Юрья, князя Дмитрія Алексѣевича. Также Бантышъ напечаталъ, что фельдмаршалъ князь Долгоруковъ былъ сыномъ князя Владимира Михайловича, тогда какъ онъ былъ сыномъ князя Владимира Дмитріевича. Все это можетъ дать вамъ понятіе, какъ писалъ Бантышъ; основываться на Бантышѣ все равно, что строить на пескѣ.

Напечатанная въ моей книгѣ родословная Шуваловыхъ извлечена изъ бумагъ Павла Федоровича Карабанова, который лично зналъ Ивана Ивановича и сестру его княгиню Голицыну. Павлу Федоровичу было уже тридцать лѣтъ въ эпоху смерти Ивана Ивановича Шувалова.

Почему вы не присыаете мнѣ родословной вашей фамилії?

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностю имѣю честь быть, милостивый государь Петръ Ивановичъ. вашимъ покорнѣйшимъ слугою князь Петръ Долгоруковъ.

2.

1 Іюля 1857 года. Село Богословское-Спѣшнево.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Съ величайшимъ удовольствиемъ прочелъ я вашу прекрасную біографію И. И. Шувалова. Трудъ образцовъй.

Вы сѣтуете, что я, въ Россійской Родословной Книгѣ, не указываю источниковъ, но не разочли, что если бы я захотѣлъ указывать источники, то Родословная Книга, вмѣсто 9 или 10 томовъ, имѣла бы ихъ двадцать? *).

Когда я уже печаталъ 4-ю часть, графъ Петръ Шуваловъ (нынѣ СПБ. губернскій предводитель дворянства) мнѣ сообщилъ подлинные фамильные акты и бумаги, на основаніи коихъ поколѣнная роспись Шуваловыхъ, возведенная до половины XVI вѣка, напечатана въ концѣ 4-й части Родословной Книги.

Съ тѣхъ поръ, узналъ я еще одинъ фактъ. Въ 1767 году, при собраніи депутатовъ Всероссійскихъ, 23-хъ лѣтній графъ Андрей Петро-

*). Ихъ всего напечатано четыре. Князь Петръ Владимировичъ Долгорукій увлекся своею враждою къ правительству, къ сожалѣнію не кончилъ своей прекрасной генеалогической работы и уѣхалъ въ чужіе края. Гдѣ теперь его бумаги по новой Русской исторіи, которую онъ зналъ отлично, но односторонне и злобно? П. Б.

вичъ Шуваловъ избранъ бытъ секретаремъ, и ему поручено было вести протоколы этаго бессмертнаго собранія. Ему дано было иѣсколько помощниковъ, въ томъ числѣ 22-хъ лѣтній Мих. Иллар. Голенищевъ-Кутузовъ. Замѣтьте молодость лѣтъ ихъ. Въ то время не требовалось одного удара паралича для поступленія въ Сенатъ, и двухъ для поступленія въ Государственный Совѣтъ. Такъ какъ вы большой охотникъ на ссылки, то сошлюсь вами, для факта о Шуваловѣ, на Записки о жизни Александра Ильича Бибикова, изданныя сыномъ его сенаторомъ А. А. Бибиковымъ (СПБ., 1817, страница 91).

Александръ Григорьевичъ, управлявшій имѣніями Шуваловыхъ, бытъ бригадиръ Александръ Григорьевичъ Гурьевъ, отецъ первого графа Гурьева, который первоначальнымъ возвышениемъ своимъ, свадьбою съ графинею Салтыковою и приобрѣтеніемъ черезъ нее родствомъ, обязанъ покровительству фамилії Шуваловыхъ. Александръ Григорьевичъ женатъ бытъ на Аннѣ Михайловнѣ Еропкиной, семейство которой было коротко знакомымъ съ семействомъ Шуваловыхъ.

Если вы будете еще писать Русскія біографіи, и если вамъ угодно будетъ вашу рукопись сообщить мнѣ до ея напечатанія, я всегда готовъ передать вамъ свѣдѣнія, какія могу имѣть. Написавъ Русскую исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ и записки обѣ этой эпохѣ (все это находится въ рукописи, и во избѣжаніе офиціального любопытства, хранится не у меня), я могу сообщить вамъ многое и всегда съ удовольствиемъ готовъ это сдѣлать.

Лѣтній адресъ мой: Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, на станцію Войковскія Выселки, а зимній въ С. Петербургъ, на Владимирской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса. (Съ 1 Мая по 1 Октября я въ деревнѣ). Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностю вашъ покорнѣйший слуга

князь Петръ Долгоруковъ.

VII. Н. И. Крылова.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Передъ отѣзломъ своимъ въ деревню, мнѣ нужно бы лично видѣться съ вами, и я съ этою цѣлью заѣжалъ вчера къ вамъ, но не захватилъ васъ дома. Въ мою 2-ю статью вкрались иѣкоторые опечатки и пропуски: надо ихъ оговорить въ 3-ей книжкѣ „Бесѣды“. Для справки мнѣ необходимъ мой манускриптъ, благоволите мнѣ его возвратить:

я люблю сберегать старое тряпье. По обѣщанію А. И. Кошелева, мнѣ слѣдуетъ получить 50 экземпляровъ моей статьи; теперь я ѿду въ деревню и тороплюсь раздать ее, кому заблагоразсудится моей личности. Въ заключеніе не мѣшало бы дѣлателю получить кой-какую мзду. Надѣясь на ваше благорасположеніе, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Крыловъ.

Р. С. До 12 часовъ я буду дома.

5 Июля.

VII. С. Т. Аксакова.

1.

23 Апрѣля 1856.

Любезный Петръ Ивановичъ.

Я раздѣляю чтеніе „Хроники“ на два раза, потому что будетъ тѣсно и душно. И такъ прошу васъ завтра не прїѣзжать, и если вы извѣстили о моемъ приглашеніи П. А. Безсонова, то сдѣлайте одолженіе, написать съ нему, чтобы и онъ не прїѣзжалъ. Черезъ недѣлю повторимъ чтеніе, и тогда милости прошу. Вашъ С. Аксаковъ.

Понедѣльникъ.

2.

Любезный Петръ Ивановичъ.

Я видѣлся съ вами на такое коротенькое время, что не успѣлъ поговорить съ вами о томъ, что я пишу и попросить вашего содѣйствія. Дѣло состоить въ слѣдующемъ: я пишу на память, пишу о томъ, что слышалъ и въ обоихъ случаяхъ могу надѣлать большихъ ошибокъ, а потому на можете ли вы мнѣ сдѣлать большаго одолженія, навести справки о слѣдующихъ вопросахъ:

1) Въ которомъ году былъ открытъ пансіонъ для Донцевъ у Сергея Николаевича Глинки?

2) Кто такой былъ Шатровъ? Вы мнѣ уже говорили о томъ, но я забылъ.

3) Правда ли, что когда Шатровъ, дослужившись до коллежскаго ассесора и получивъ грамоту на потомственное дворянство, сталъ просить герба, то императоръ Александръ I-й приказалъ помѣстить въ гербъ золотую лиру? Это Шатровъ рассказывалъ при мнѣ Шушерину. Объ этомъ вы можете достовѣрно узнать отъ Степана Алексѣевича Маслова, который очень бы меня одолжилъ, еслибы сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Николаѣ Петровичѣ Николевѣ, особенно о томъ, что сдѣлалось съ его трагедіей Малахадель, и вообще съ оставшимися послѣ него рукописями?

4) Нельзя ли достать біографію Николева, написанную Масловымъ? Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ былъ такъ обязателенъ, что обѣщаіа мнѣ ее достать.

5) Когда Николай Ивановичъ Ильинъ былъ правителемъ канцеляріи у Растворчина, и даже правда ли это?

Пожалуйста поклонитесь и поблагодарите за меня М. Н. Лонгинова за его посѣщеніе и книги. Если ему попадутся какія нибудь свѣдѣнія обѣ А. И Писаревѣ до 1826-го года, то онъ очень одолжитъ меня, если сообщить ихъ вамъ или прямо мнѣ въ Сергиевскій Посадъ. Прощайте, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, надѣюсь что вы по дружбѣ своей не потяготитесь моими просьбами. Вашъ душевно

С. Аксаковъ.

3.

24 Сентября 1856.

Не вижу словъ, какъ благодарить васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за ваше дружеское вниманіе и обязательное исполненіе моей просьбы. Я получилъ ваши письма отъ 15 и 17 Сентября; получилъ также книжку: „Памятникъ Друзей“ и письмо отъ почтенаго Степана Алексѣевича Маслова. Сегодня я не успѣю писать къ нему, но на дняхъ непремѣнно напишу и поблагодарю. Вы такъ радушно готовы одолжить меня, что я не премину обратиться къ вамъ съ разными докукаами. Надѣюсь въ исходѣ Октября проѣхать въ Москву съ оконченной статьею и попрошу васъ ее немедленно выслушать и не отказать въ вашихъ совѣтахъ, потому что въ этой статьѣ много будетъ по вашей части. Благодарю за поздравленіе 65 лѣтняго новорожденнаго. Обнимаю васъ. Вашъ душевно С. Аксаковъ.

4.

20 Іюня 1857.

Премного благодарю васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за всѣ ваши заботы и хлопоты о моей книгѣ. Издание вышло славное, и большая половина политипажей очень хороша¹). Прилагаю обертку, которая мнѣ нравится болѣе другихъ.

Константинъ сказалъ мнѣ, что вы желаете взять все изданіе на тѣхъ условіяхъ, на какихъ беретъ у меня книги Базуновъ. Я очень охотно на это соглашаюсь²). Я предлагалъ третье изданіе Руж. Охотн. Базунову, но онъ отвѣта мнѣ не далъ и хотѣлъ напередъ посмотреть книгу, а потому я не считаю себя обязаннѣмъ не отдавать ее другому.

¹) Это „Записки Ружейлаго Охотника“, во второмъ изданіи, я занимался имъ. Оно съ рисунками, которыми завѣдывалъ профессоръ К. Ф. Рулье. П. Б.

²) Это не состоялось. П. Б.

И такъ, когда вы получите оть переплетчика всѣ 1200 экземпляровъ, то деньги (2250 р. сер.) можете отдать моей дочери, которая живеть въ Москвѣ. Книга же будетъ продаваться по 2 р. 50 к. с.

Теперь покорнѣйше прошу, 1-ое, расплатиться съ типографіей и дать имъ 10 р. на водку: пусть они раздѣлятъ между собой, какъ знаютъ. 2-е, расплатиться за политипажи съ К. Ф. Рулье и дать ему столько экземпляровъ, сколько онъ потребуетъ изъ числа тѣхъ 50 экземпляровъ, которые я приказалъ напечатать особо для подарковъ. 3-е, расплатиться съ переплетчиками. Деньги на все это извольте взять у моей дочери Ольги Сергеевны или затратьте свои въ счетъ будущей расплаты.

Еще разъ благодарю васъ за дружескія заботы. Я теперь сижу за пересмотромъ исторіи моего дѣтства. Статья въ „Бесѣду“ будетъ доставлена черезъ недѣлю. Обнимаю васъ всею душою. С. Аксаковъ.

5.

5 Августа 1857. Абрамцево,

Вы уже отдали деньги, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, изъ чего я долженъ заключить, что вы получили мое письмо и мою статью для „Бесѣды“. Я надѣялся, что вы напишите ко мнѣ объ этомъ хоть одну строчку. Не мало ли вы оставили у себя денегъ на расплату съ типографіей, переплетчиками и съ Рулье за политипажи? Убѣдительно васъ прошу прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, корректуру моей статьи: въ ней должна быть сдѣлана весьма важная поправка.

Обнимаю васъ. Душевно вашъ С. Аксаковъ.

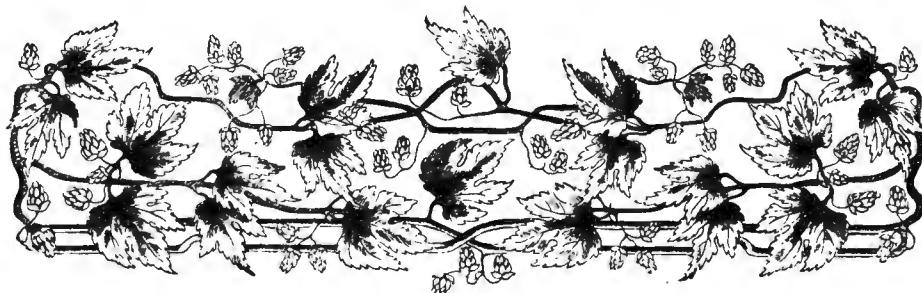
6.

Препокорнѣйше васъ благодарю, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за присланные счеты и за всѣ ваши заботы. У меня есть маленькая слабость къ аккуратнымъ счетамъ, и вы можете судить, какъ меня радуетъ вашъ подробнѣйшій отчетъ. Я еще съ просьбой къ вамъ: узнайте, пожалуйста, у Каткова адресъ имя и отчество Вишневскаго.

Обнимаю васъ всею душою С. Аксаковъ.

P. S. Сдѣлайте одолженіе доставьте мнѣ 15 мѣсяца Іюня Revue de deux Mondes, попросите оть меня Мих. Ник. Лонгинова. Онъ вѣрно достанетъ. Мнѣ только прочесть статью о моей „Хроникѣ“.

Изъ Записной Книжки «Русского Архива».

24 Июля 1893 въ Ревелѣ.

Эстляндскій губернаторъ князь С. В. Шаховской, внучатый племянникъ славнаго комика и братъ отмѣнно даровитаго супруга старшой дочери Каткова, самъ мнѣ разсказывалъ о началѣ своей известности. Будучи вице-консуломъ въ Рагузѣ, сдѣлался онъ агентомъ Славянскаго Благотворительного Общества и на присылаемыя Аксаковымъ деньги Московскихъ купцовъ доставлялъ оружіе и порохъ, которыя держалъ у себя подъ поломъ и раздавалъ Герцеговинскимъ повстанцамъ. Паша въ Рагузѣ имѣлъ жену Француженку, которая ему надоѣла. Однажды онъ познакомилъ съ нею нашего вице-консула.

Начались катанья верхомъ, и отвергнутая своимъ господиномъ жена до того сблизилась съ Русскимъ вице-консуломъ, что для него похитила у мужа тайнопись его переписки. Молодой князь такимъ образомъ получилъ возможность заранѣе узнавать о направлениіи и передвиженіяхъ Турецкихъ войскъ, предупреждалъ повстанцевъ и тѣмъ облегчалъ имъ побѣды и одолѣніе. Вдругъ нашъ посолъ Вѣнскій требуетъ его телеграммой въ Вѣну и оттуда немедля посыпаетъ его въ Петербургъ. До Русской границы провожалъ его Австрійскій жандармъ, далѣе Русскій. Его приводятъ въ Мин. Ин. Дѣль, и Гирсь, тогдашній директоръ Азіатскаго Департамента, объявляетъ ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ много занимается Славянскимъ Благотв. Обществомъ. Князь ссылается на то, что общество это дозволено, и что вѣроятно самъ Николай Карловичъ членомъ какого-либо благотворительного учрежденія, при чёмъ объявляетъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на стѣсненіе этой его дѣятельности. За тѣмъ идетъ онъ къ князю Горчакову, его не принимаютъ, къ Вестману, къ Гамбурберу—тоже. Горе и смущеніе свое сообщаетъ онъ графинѣ Блудовой; та его утѣшаетъ и велитъ прийти къ ней тогда-то, въ часъ дня. Оказывается, это день ея имянинъ; у нея накурено, принаряжено. Вскорѣ

приходитъ Государь, и когда князь хочетъ удалиться, графиня вмѣсто того представляетъ его. „Такъ вотъ ты какой молодецъ! Ну сказывай, какъ по твоему справляется тамъ съ Турками?—Если прислано будетъ столько-то миллионовъ, да прибудутъ переодѣтые Русскіе солдаты, тогда можно ручаться.—Ужъ очень ты горячъ!“

Вечеромъ того же дня присыпаетъ за нимъ канцлеръ. Но князь велитъ сказать посланцу, что такъ какъ онъ не былъ принятъ и подаётъ въ отставку, то не имѣть никакой надобности беспокоить его свѣтлость своимъ посвѣщеніемъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно подалъ прошеніе и уѣхалъ въ Москву, гдѣ умиралъ его дядя, симпатичнѣйшій Александръ Павловичъ Ефремовъ. Отецъ отнесся довольно сурово къ быстрому решенію сына, который за тѣмъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Нежданно-негаданно телеграмма отъ канцлера съ запросомъ о здоровью его чиновника. Отецъ пишетъ отвѣтъ о его болѣзни. Отъ канцлера снова телеграмма съ просьбою ежедневно уведомлять о ходѣ болѣзни. Потомъ выяснилось, что за частнымъ обѣдомъ у Наслѣдника, гдѣ были Государь и графиня Блудова, Цесаревна стала жаловаться на кн. Горчакова и объясняла болѣзнь молодого князя Шаховскаго его съ нимъ обращеніемъ. По выздоровленіи онъ получилъ отличную должность въ Одессѣ и тутъ, переодѣваясь чумакомъ, успѣлъ перевести въ Румынію много оружія, доставленнаго Аксаковымъ.

*

Памяти Тютчева.

И у домашняго простаго камелька,
И въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суety солонной,
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой юдкою, съ душою благосклонной.
Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслю обнялъ все, чтѣ на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобы сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтель.
Искусство, знаніе, событія нашихъ дней
Все откликались въ немъ будило неизбѣжно,
И словомъ брошеннымъ на акты и людей
Клеймо онъ вѣчное накладывалъ небрежно.
Вы помните его среди его друзей,
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые.

ЦЕЗАРЬ ЛОЖЬЕ. Дневникъ офицера Великой Арміи въ 1812 г. Переводъ съ Французскаго. м. 8-ка. М. Х й 367 стр.

Въ предисловіи къ этому дневнику А. М. Васютинскій говоритьъ, что Ложье былъ офицеромъ Итальянской королевской гвардіи, входившей въ составъ корпуса принца Богарне. Но фамилія де Ложье не Итальянская, и частички *de* вовсе нѣтъ у Итальянцевъ. Удивляясь, какъ будучи въ походѣ, могъ онъ до такихъ подробностей все записывать о незнакомыхъ ему мѣстахъ, до упоминанія числа домовъ въ городахъ и селеніяхъ. По образованію, Ложье превосходилъ большинство своихъ товарищѣй и не забываетъ, что въ немъ течеть кровь древнихъ побѣдителей міра—Римлянъ. Въ Наполеона онъ вѣритъ, какъ въ Бога и говорить, что за нимъ всѣ охотно шли, не зная даже куда.

То что признано за высшее проявленіе любви къ отечеству въ Русскихъ, которые жгли свое достояніе, лишь бы ничего не досталось непріятелю, Ложье называетъ разореніемъ, которое оставляли эти Татарскія орды. Казаковъ онъ выставляетъ трусами и грабителеми и считаетъ главнымъ двигателемъ ихъ нападеній одну корысть, что въ битвѣ 26 Августа побѣда осталась за Наполеономъ, что напоминаетъ приводимыя барономъ Байемъ чьи-то слова, что въ Бородинѣ побѣдили Русские, а въ битвѣ *de la Moskva* побѣдилъ Наполеонъ. Но Ложье тутъ же прибавляетъ, „что никакое бѣдствіе, никакое проигранное сраженіе не сравняется въ ужасахъ съ Бородинскимъ царемъ, „на которомъ мы остались побѣдителями.“ Для людей военныхъ дневникъ Ложье, по точности описываемыхъ имъ сраженій, стычекъ и другихъ военныхъ дѣйствій, долженъ быть любопытенъ. Мы же, профаны въ ихъ дѣлѣ, съ довольствиемъ читаемъ дневникъ который въ изложеніи знакомыхъ

намъ событий внесъ много непосредственнаго. Непомнится, чтобы кто изъ писавшихъ о пребываніи Наполеона между Суражемъ и Яновичами, гдѣ онъ держалъ военный совѣтъ о дальнѣйшемъ шествіи ва Москву, обратилъ вниманіе, какое тяжелое чувство испытали солдаты итальянцы образовавшіе кругомъ палатки Императора двойное каре, при видѣ изобилія кушаний и тонкихъ винъ на столѣ Императорской прислуги, въ то самое время, какъ они голодали. Ложье восхищается Польскими аристократами, образовавшими подъ начальствомъ князя Огинскаго почетную гвардію императора, и считаетъ еще все Польскими Литовскія и Бѣлорусскія губерніи. Такъ Ляды онъ называетъ пограничными городами Польши.

Можно привѣтствовать издательство „Задруга“ за переводъ этой любопытной книги, и пожелать, чтобы она была во всѣхъ библіотекахъ нашего юношества и молодежи. Языкъ перевода мѣстами страдаетъ галлицизмами. Странно звучитъ сочетаніе вахмистръ съ фамиліей Грассіни.

Нельзя не коснуться читая о роли, Поляковъ въ 1812 г., какъ Александръ I щедро отблагодарилъ ихъ за предательство, какъ онъ писалъ этому самому Огинскому, что возстановить Польшу въ границахъ 1772 г. т. е. вернетъ ей Подолію, Волынь и Кіевъ....

За одни подобныя обѣщанія ему дѣйствительно можно было бы обрѣть себя на безпрерывные переѣзды, но онъ вѣроятно до послѣднихъ дней своихъ не созналъ, какъ онъ былъ виноватъ предъ Россіей.

Подсчитъ того, что осталось отъ великой арміи при переходѣ черезъ Березину, при Студянкѣ, до сихъ поръ наводить ужасъ, какъ и описание того, что претерпѣвали несчастные возвращавшіеся изъ Россіи. А въ концѣ концовъ невольно спросишь, по чьей винѣ мы выпустили Наполеона? И что было бы, если бы его задержали у себя?

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКИЙ АРХИВ
1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **дѣвънадцать** выпускъ съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**дѣвънадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать** копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русского Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русского Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большою частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русского Архива».

Годы: **1889, 1890, 1894, 1898—1906** продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы **1907, 1908, 1909 и 1910**, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ **1907** и **1908-мъ** Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНО. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексея Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1912

8.

стр.

- 481. Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.
- 492. Императоръ Александръ Павловичъ и В. С. Поповъ. Ихъ разногласіе.
- 494. Императоръ Павелъ. Изъ Архива Н. О. Кутлубицкаго.
- 529. Рассказы о старинѣ. А. Ханенко.
- 539. 1812-й годъ. Госпожа Сталь въ Россіи.
- 580. Рядовой Сушкинъ (былы). Изъ воспоминаній старого гусара. Безсмертный.
- 583. Изъ воспоминаній П. И. Щукина.
- 597. Стихи князя П. А. Вяземскаго приписанные Ф. И. Тютчеву. Левъ Зиловъ.
- 604. Н. И. Тургеневъ. Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.
- 630. С. М. Иконниковъ. Участникъ войны 1812 года.
- 632. Изъ Записной книжки «Русского Архива».

Внутри обложки: о книге В. И. Маслова «Литературная деятельность Е. Ф. Рылеева».

МОСКА.
Синодальная Типографія.

1912.

В. И. МАСЛОВЪ. Литературная дѣятельность К. Ф. Рылѣева. Кіевъ. 1912. 8-ка. V, 371 и 144, съ портретомъ К. Ф. Рылѣева и на заглавномъ листѣ съ изображеніемъ мечтателя.

К. Ф. Рылѣевъ! Сколько думъ припоминается этимъ именемъ, какъ долго оно было запретнымъ, и тѣмъ съ большею охотою произносилось негласно.

Судьба Рылѣева, конечно, необыкновенна: поэтъ всенародно повѣщенный 13 Іюля 1826 года. Карамзинъ утверждалъ, что честному человѣку не подобаетъ заслуживать себѣ висѣлицу (*il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d' être pendu*). Конечно, Рылѣевъ какъ частный человѣкъ, былъ человѣкомъ отлично-честнымъ; но какъ дѣятель общественный онъ достоинъ быть висѣлицы, такъ какъ затѣяль, произвольно и не спросясь парода, измѣнить государственное управление. Эту двойственность усмотрѣлъ въ немъ Императоръ Николай I Павловичъ, который, очевь вѣроятно, прочиталъ бы его стихи; ибо мы знаемъ, что еще въ молодыхъ годахъ восхищался онъ Державинымъ и потомъ приблизилъ къ себѣ Жуковскаго. Пушкинъ вѣрою про него сказалъ, что кого караль онъ явно, тому онъ втайвѣ милости твориль, и эта милость пролилась на Рылѣева на другой же день послѣ кроваваго событія, котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ возбудителей. По отношенію къ Декабристамъ Государь выразилъ себѣ въ письмѣ къ графинѣ Потемкиной, которая попросилась у него повидаться съ братомъ своимъ княземъ Трубецкимъ въ Цетропавловской крѣпости. Онъ до мелочей заботился о сосланныхъ въ Сибирь Декабристахъ. Жаль, что до сихъ поръ не напечатаны его письма къ комендантту Читы Лепарсому. Читавшій эти письма, цокойный князь Друцкой-Соколинскій сказывалъ намъ, что эти письма по истинѣ умилительны. Попечевіемъ Государя пользовались семейства сосланныхъ и пятерыхъ повѣщенныхъ. Дальній родственникъ Рылѣева Александръ Михайловичъ, уроженецъ Севастополя и участникъ его обороны, взыскалъ былъ его вниманиемъ: онъ даже опредѣлилъ его адютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу. Этотъ Рылѣевъ по воцареніи Александра Николаевича просилъ у него позволеніе напечатать сочиненія Кан-

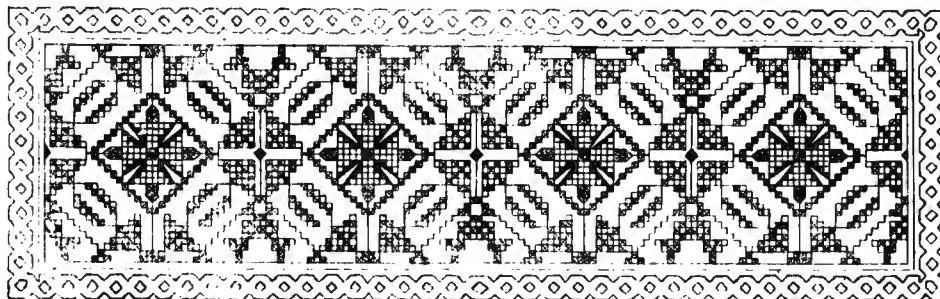
дратія Федоровича, которые потребовали втораго изданія; но, когда издатель вздумалъ приложить портретъ, то Государь отклонилъ просьбу о томъ. Еще долго запретъ тяготѣлъ надъ Рылѣевымъ и его произведеніями. Прекрасная статья о нихъ А. Н. Сиротинина едва не подтверглась аресту въ „Русскомъ Архивѣ“ и спасена была только заступничествомъ К. П. Побѣдоносцева, который зналъ наизусть много стиховъ Рылѣева.

Немногіе изъ Декабристовъ могли догадываться, что приведенію ихъ замысловъ къ исполненію радѣли въ Вѣнѣ. Представителемъ Австріи былъ у насъ тогда Лепцельтернъ, родомъ Еврей, женившійся на Лаваль, внучкѣ Козицкой, которая отъ дѣда своего Мясницкова, одного изъ „прибыльщиковъ“ Елисаветинского царствованія, унаследовала большія богатства. На другой внучкѣ женатъ былъ тотъ князь Трубецкой, котораго заговорщики назначали диктаторомъ будущей Россійской республики. Въ домѣ Лавали уже спито было новое государственное знамя. Невозможно, чтобы Лепцельтернъ не принималъ тутъ своего тайного участія: онъ исполнялъ этимъ тайныя же приказавія Меттерніха, который разсчитывалъ напугать новаго Государя заговоромъ и держать его подъ своею опекою, какъ его предшественника.

В. И. Масловъ озаглавилъ свою книгу *Литературная дѣятельность*, но сія послѣдняя такъ переплелась съ заговоромъ, что, восхваляя Рылѣева какъ писателя, невольно воздается ему хвалу и какъ заговорщику.

Во всякомъ случаѣ эта книга заслуживаетъ полнаго признательного вниманія. Составитель съ отмѣнною добросовѣстностію перечислилъ не только все то, что писалъ Рылѣевъ, но и то, что о немъ писали у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Извѣстно, что А. С. Хомяковъ на вечерѣ у Рылѣева, гдѣ собирались его сообщники, доказалъ имъ, что они никакъ не уполномочены измѣнять государственную жизнь Россія. Доводы его были такъ искренни и такъ сильны, что Рылѣевъ безъ шапки уѣжалъ съ собственной своей квартиры. Изъ книги г. Маслова узнаемъ, что Хомяковъ подѣйствовалъ на Рылѣева; въ бумагахъ изложена эта же самая мысль,

Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу*).

Получившій отличное образованіе, членъ стаиннаго Курляндскаго дворянства, Германъ-Карлъ Кайзерлингъ (1677—1764) нѣкогда вывелъ въ люди Бирона, который, утвердившись въ Россіи, сдѣлавшись, по своей близости къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогомъ Курляндскимъ, возблагодариль его своимъ покровительствомъ. Въ 1633 году Кайзерлингъ былъ уже президентомъ Императорской Академіи Наукъ; но вскорѣ перемѣниль ученое поприще на дипломатическое и получилъ должность нашего полномочнаго ministра при королѣ Польскомъ Августѣ III-мъ. Онъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, но потомъ опять дѣйствовалъ въ Варшавѣ. Онъ умѣлъ отлично отстаивать выгоды Россіи и отстранять воздействиѣ на нее поднимавшагося въ политическомъ отношеніи первого короля Пруссаго, съ которымъ дружилъ Петръ Великій. Внутреннее состояніе Курляндіи и Польши были близко знакомы Кайзерлингу, и онъ лучше чѣмъ кто другой могъ помочь Екатеринѣ въ ея замыслахъ,клонившихся къ возвышенію избравшей ее своею самодержицею Россіи. Екатерина вѣроятно знала его еще въ царствованіе Елизаветы Петровны. По воцаренію Екатерины, онъ своими совѣтами могъ утвердить ее въ мысли о возвращеніи Бирону Курляндскаго герцогства. Ближайшее изученіе подлинныхъ дѣлъ послужить, можетъ быть, къ нѣкоторому оправданію Бирона и относительно его жестокостей. Не даромъ С. М. Соловьевъ почти умалчиваетъ о нихъ. Не даромъ Пушкинъ защищаетъ Бирона противъ Лажечникова. Сама Альна Ивановна, подобно своей матери, была женщина жестокая, упражнялась въ сараѣ, рядомъ со дворцомъ, стрѣльбою въ кабановъ, увеселялась ледянымъ домомъ, казнила Волынскаго (по женѣ родственника ея дядѣ Петру Великому), его друзей и князей Долгорукихъ.

Екатерина вступила въ переписку съ Кайзерлингомъ вслѣдъ за своимъ вѣничаніемъ на царство и продолжала ее до его кончины. П. Б.

*) Подлинники напечатаны въ 48 и 51 томахъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Русскій переводъ, тамъ же помѣщенный, принадлежитъ С. М. Горянинову. П. Б.

*

Къ графу Кайзерлингу. 25 Сентября 1762: Je vous écris en français; mais si cela vous gêne, je vous écrirai à l'avenir dans un mauvais allemand que j'ai coutume de parler¹⁾.

*

Графъ Кайзерлингъ, посылаю вамъ съ унтеръ-офицеромъ моей гвардіи Толстымъ (это тотъ самый, который открылъ заговоръ Хрущевъхъ и Гурьева) орденъ св. Александра для графа Браницкаго²⁾, который былъ здѣсь съ принцомъ Карломъ Курляндскимъ³⁾. Меня просили объ этомъ знакъ отличія для него; впрочемъ я весьма желала бы знать, каково его положеніе и розданы ли наши ордена въ Польшѣ сообразно заслугамъ, родовитости или общественному положенію. Уполномочиваю васъ вручить или задержать этотъ орденъ смотря по тому, что вамъ покажется болѣе сообразнымъ съ моимъ достоинствомъ и интересомъ. Нужно согласиться, что этотъ графъ Браницкій оказалъ услугу и обнаружилъ много усердія ко мнѣ въ свое пребываніе здѣсь въ 1758 г. Вы дадите понять графу Брюлю⁴⁾ тѣмъ способомъ, какъ вы найдете удобнѣе, что онъ можетъ быть увѣренъ, что если по Курляндскимъ дѣламъ онъ будетъ сопротивляться моимъ планамъ, я изведу его въ конецъ и выгоню изъ Польши. Вы будете имѣть возможность съ Толстымъ сообщить мнѣ болѣе точныя подробности о всемъ, что относится до положенія моихъ дѣлъ въ Польшѣ, много ли вамъ нужно денегъ, слѣдуетъ ли въ видахъ привлеченія къ намъ Поляковъ назначить новую комиссию о вознагражденіяхъ, и какъ велико должно быть расходъ на этотъ предметъ. Однимъ словомъ, старайтесь поставить мои дѣла тамъ, где вы находитесь, на блестящую ногу, а я не пренебрегу ничѣмъ, чтобы содѣйствовать вамъ въ этомъ; создавайте мнѣ друзей, заставляйте трепетать моихъ враговъ и будьте увѣрены, что я буду всегда къ вамъ благосклонная Екатерина.

Москва. 7 Декабря 1762.

PS. Мнѣ очень хочется уволить Ржичевскаго и послать на его мѣсто Левашева, бывшаго въ Регенсбургѣ: всѣ единовѣрцы наши въ Польшѣ очень недовольны первымъ; я же нахожу его очень глупымъ, преданнымъ Брюлю и слишкомъ трусивымъ. По этой послѣдней при-

¹⁾ Пишу къ вамъ пофранцузски; но если для васъ это неудобно, буду писать на плохомъ Нѣмецкомъ языкѣ, какимъ обыкновенно говорю.

²⁾ Родной дѣдъ князя С. М. Воронцова. П. Б.

³⁾ Во время Семилѣтней войны. П. Б.

⁴⁾ Первому министру Августа III-го, короля Польскаго. П. Б.

чинѣ онъ плохо поддержалъ нашихъ друзей; ему можно было бы назначить небольшую пенсію и уволить его.

*

Графъ Кайзерлингъ. Я получила со Стрекаловымъ ваши №№ VI, VII, VIII, IX, X и буду теперь отвѣтать на нихъ по порядку. Поблагодарите моихъ друзей за докладные записки, которыя они мнѣ прислали и за довѣріе, которое они мнѣ показываютъ, иувѣрьте ихъ, что они вполнѣ могутъ разсчитывать на мою дружбу и поддержку. Я признаю ихъ друзьями Россіи и моими собственными въ частности.

На первую памятную записку. Вы можете сказать въ отвѣтъ князьямъ Чарторижскимъ, что я желала бы избавить республику отъ неустройства, въ которомъ она къ несчастію находится, и что конечно я помогу моимъ друзьямъ и деньгами и войскомъ, чтобы поддержать ихъ, но что прежде всего я желала бы знать: 1) Сколько нужно того и другаго, чтобы устроить конфедерацию? 2) Будетъ ли она направлена противъ личности короля или злоупотребленій? 3) Какимъ образомъ и когда состоится начало этого союза? 4) Кто будутъ тѣ начальники, которыхъ намѣреваются призвать? Когда я буду извѣщена объ этихъ подробностяхъ, то буду имѣть возможность сообразоваться и принять надлежащія мѣры.

Я не отвѣщаю на вторую памятную записку; нахожу только, что будетъ нѣсколько затруднительно имѣть успѣхъ по этому проекту. Тѣмъ не менѣе я приказала дать вамъ инструкцію поддерживать домогательство моихъ друзей тамъ, где вы находитесь, и представлять двору на вакантныя мѣста и милости. не ожидая приказаній отсюда, всѣхъ которыхъ вы признаете принадлежащими къ моей партіи. Прибавлю этимъ письмомъ, что я желала бы въ особенности, чтобы это были: графъ Браницкій, которому я послала орденъ. стольникъ Понятовскій, графъ Ржевусскій, оберъ-каммергеръ Понятовскій.—На вашъ № VIII имѣю вамъ сказать, что я приказала отвѣтить на записку подъ-канцлера и что по дѣламъ Курляндіи я посмотрю что придется дѣлать, ежели секвестръ, наложенный по моему приказанію на доходы герцога, внушенія которыя я приказала сдѣлать принцу Карлу, что если онъ не удалится изъ Курляндіи, то долженъ опасаться за свою свободу также какъ и за своего любезнаго Брюля (Цигенгайнъ)—не будуть имѣть успѣха.

Я согласна на созваніе комиссіи въ Варшавѣ подъ вашимъ наблюденіемъ. и я приказала вставить пунктъ о честныхъ людяхъ,

которые должны быть выбраны. Вамъ слѣдовало бы опредѣлить сумму, которую мы удовлетворимъ кредиторовъ и всѣхъ остальныхъ. Постарайтесь же привлечь къ намъ Масальскихъ.—На вашъ № IX отвѣтъ, что я только что получила отъ короля Пруссаго, въ отвѣтъ на письмо которое я ему писала, письмо, которымъ я очень довольна. Ваши мысли нравятся мнѣ, и я тѣмъ болѣе была бы рада прийти къ соглашенію съ Пруссскимъ королемъ относительно Польскихъ дѣлъ, что такимъ образомъ этотъ король былъ бы вырванъ изъ рукъ Франціи; нужно, чтобы это происходило въ величайшей тайнѣ и еще лучше непосредственно между королемъ и мною. Я также очень желала бы, чтобы предположеніе исходило отъ него. Посмотрите, не можете ли вы устроить это, на что, какъ мнѣ кажется, вы надѣетесь.—Вашъ № X приглашаетъ меня вернуться въ Петербургъ, чего я не сдѣлаю этого зимию: всѣмъ такъ хорошо, и я боюсь подвергнуть опасности великаго князя, который счастливо вызволился *). Карнаваль начался, и теперь все только и думаютъ обѣ удовольствіяхъ.

*

3 Января 1763 г. Москва.

О депешѣ увѣрить можно посла, что ни единая оригинальная не бывала и не есть въ рукахъ Пруссаго короля, но что страсть бывшаго императора такъ велика была, что онъ иногда невинныя слова какъ будто вредныя королю Пруссому толковалъ и тако и ему сообщалъ, и то не въ оригиналѣ.

Сie можетъ служить графу Бюту въ оправданіе противъ великое множество его злодѣевъ, которые ищутъ ему кримъ дѣлать изъ его разговоровъ съ нынѣшнимъ вице-канцлеромъ.

*

Москва. 27 Января 1762.

Графъ Кайзерлингъ. Я получила черезъ Толстого ваши № 12 и 13 и, кажется, по почтѣ № 11 и 14 и чрезъ Аша 15 и 16. Я приказала выслать вамъ 50000 тысячъ червонцевъ звонкою монетою съ курьеромъ.

Ваша записка съ изложеніемъ основаній есть образцовое произведеніе; отвѣтъ на нее дерзокъ и обнаруживаетъ крупное невѣжество

*) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ до того былъ смертельно боленъ, что бывшій канцлеръ Бестужевъ предлагалъ Екатеринѣ выдти замужъ за графа Г. Г. Орлова, привѣнчать младенца, получившаго позднѣе имя Бобринскаго, какъ привѣнчаны были обѣ дочери Петра Великаго, и на основаніи „Правды воли Монаршей“, объявить его наследникомъ Русскаго престола. П. Б.

автора, когда онъ говоритъ: „это изложение очевидно переносить отвѣтственность на имп. Елис., ея министерство и на самый Русскій Сенатъ“. Очевидно, что онъ не знаетъ, что Русскій Сенатъ вмѣшивается лишь въ исполненіе законовъ внутри страны. Когда ему представляютъ или онъ самъ изыщетъ какой нибудь новый проектъ, полезный для внутреннихъ дѣлъ, онъ его обсуждаетъ и испрашиваетъ моихъ приказаний, чтобы его осуществить, но онъ никогда не мѣшается и не вмѣшивался въ дѣла виѣшнія и тѣмъ менѣе давать совѣты по онымъ своему монарху. Я приказала отправить къ вамъ ре скриптъ предложеній нами. Я надѣюсь, что, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, которыя вы примите и средствамъ, мною доставляемымъ партии, которую я имѣю, и поддержкѣ, которую я вамъ окажу, если и соберется чрезвычайный сеймъ, то онъ тѣми или другими способами обратится въ мою пользу. Мои намѣренія весьма далеки отъ того чтобы захватить Курляндію. У меня нѣть жажды завоеваній. У меня достаточно народовъ, которыхъ я обязана дѣлать счастливыми, и этотъ уголокъ земли не прибавить ничего къ ихъ счастію, которое я поставила себѣ цѣлью. Но взявшись за дѣло правое и потому славное, я буду поддерживать его со всею твердостію, которую Богъ даровалъ мнѣ. Я приказала Симолину, чтобы лишь только герцогъ Іоганнъ¹⁾ прибудетъ въ Митаву, ему было передано все, что ему принадлежитъ.

Я твердо рѣшилась учредить въ Варшавѣ комиссію о вознагражденіяхъ²⁾. Вамъ вышлеется отвѣтъ на Декабрьскую записку Двора, который вы представите за своею подписью, измѣнивъ его по вашему усмотрѣнію. Вы назначите содержаніе, кому найдете нужнымъ для моей службы въ Польшѣ. Говорять, что Струбе сошелъ съ ума. Я душевно рада придти къ соглашенію съ Пруссскимъ королемъ по Польскимъ дѣламъ; я, кажется, сообщала вамъ уже объ этомъ и, такъ какъ мы теперь находимся на такой ногѣ, чтобы вести частную переписку, то это будетъ наилучшимъ средствомъ придти къ соглашенію въ полной тайнѣ. Посылаю Пучкова въ Литву, снабженного всѣмъ что ему нужно, и адресую его къ Флеммингу съ собственноручнымъ моимъ письмомъ. Молодой графъ Понятовскій можетъ купить при вашемъ содѣйствіи что ему нужно. Я приказала держать на готовѣ еще 20000) червонцевъ, на случай если этихъ денегъ вамъ было бы недостаточно. Я вамъ душевно признательна за все привѣтливое, что вы говорили на мой счетъ молодому графу Орлову; онъ передалъ это все своимъ братьямъ. Еще разъ рекомендую вамъ

¹⁾ Т. е. Биронъ. И. Б.

²⁾ За издержки, понесенные Поляками на содержаніе проходившихъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну. И. Б.

этого молодого человѣка¹⁾; онъ обѣщается сдѣлаться очень хорошимъ малымъ; онъ пошелъ въ родъ свой, съ которымъ благодарность связываетъ меня по гробъ.

Помѣта канцлера: Получено 28 Января 1763.

*

Я только что получила вашъ № 17. Борхъ²⁾, какъ говорять, возвратился, когда узналь, что въ Курляндіи все кончено. Если это извѣстіе должно, его личность будетъ хорошо. а возложенное на него порученіе дурно приняты.

Вашъ № 18-й весьма интересенъ; я очень одобряю данный вами отвѣтъ. Нужно будетъ посмотрѣть, что изъ этого послѣдуетъ. Я ссылаюсь въ этомъ дѣлѣ на мои предыдущія письма. Не имѣю ничего возражать противъ всего этого. Минъ только было бы любопытно знать, не есть ли этотъ Корфъ тотъ самый, который хромаетъ и который когда-то натворилъ столько интригъ здѣсь, что не поможетъ его пребыванію здѣсь сдѣлаться пріятнымъ. Пучковъ имѣть приказаніе сноситься съ вами.

*

4 Февраля 1763.

Въ отвѣтъ на вашъ 19 сообщаю вамъ, что, видя опасность, въ которой находится Польскій король, что мнѣ было подтверждено Французскимъ курьеромъ, я собрала совѣтъ, чтобы опредѣлить, какія мѣры слѣдовало бы предпринять въ моихъ интересахъ въ случаѣ смерти этого короля. Было рѣшено въ принципѣ дѣйствовать въ пользу одного изъ Пястовъ, а именно графа Понятовскаго, а если бы его кандидатура не удалась, то въ пользу князя Адама Чарторыжскаго, хранить это въ секрѣтѣ, держать въ готовности на границѣ тридцать тысячъ человѣкъ, а также пятьдесятъ тысячъ, которые могли бы служить имъ подкрепленіемъ, постараться узнать предположенія другихъ дворовъ о ихъ кандидатахъ.

Извѣщаю васъ о всемъ этомъ, дабы вы знали, чего держаться и чтобы получить ваше мнѣніе по этому предмету. Надѣюсь, что Ашъ уже прибылъ къ вамъ.

*

Графъ Кайзерлингъ. Я очень рада видѣть изъ вашего № 23, что г. Ашъ прибылъ благополучно. Я приказала послать вамъ сто тысячъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о младшемъ Орловѣ, Владимира Григорьевичѣ. Онъ уѣхалъ тогда въ Лейпцигъ учиться. П. Б.

²⁾ Прѣхавшій къ Екатеринѣ изъ Курляндіи. П. Б.

рублей векселями и такимъ образомъ сохраню вамъ на закуску тѣ двадцать тысячъ, о которыхъ вы просите; ружья, карабины и другіе военные припасы отправлены подъ величайшимъ секретомъ въ Киевъ и Смоленскъ. Прусскій король писалъ мнѣ (никто не видѣлъ его письма) о Польскихъ дѣлахъ; онъ сообщилъ мнѣ, что для него безразлично, кого бы ни возвели на престолъ, лишь бы то не былъ Австрійскій принцъ и что онъ былъ бы не прочь отъ одного изъ Пястовъ. Я отвѣтила ему, что соглашусь на устраненіе Австрійца, подъ условіемъ чтобы онъ (король) поступилъ такъ же по отношенію ко всякому кандидату, поддержанному Франціею, что я также очень расположена въ пользу Пяста, лишь бы онъ не находился на краю гроба или на жалованья какой либо державы. Такъ какъ вы желаете сохранить Ржичевскаго, то я вамъ его оставлю, но берегитесь, чтобы онъ не оказался въ рукахъ графа Брюля: выплатите ему то, что ему слѣдуетъ, т. е. 1507 червонцевъ.

Посылаю вамъ при семъ два письма, о которыхъ вы просили; я очень рада, что число нашихъ друзей ростетъ теперь. Я очень интересуюсь знать, что сдѣлаетъ Пучковъ; смертельно боюсь, чтобы Радзивилль не распорядился его убить. Многіе изъ моихъ подданныхъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ Радзивиллами, описали мнѣ ужасными красками ихъ злодѣйства. Будьте здоровы и будьте увѣрены въ моемъ расположеніи. Екатерина.

*

1 Апрѣля 1763.

Графъ Кайзерлингъ, ваши №№ 26—29 съ ихъ приложеніями были переданы мнѣ Тиромъ. Я читала съ большимъ удовольствіемъ секретные депеши; я очень рада, что вы вполнѣ раздѣляете мое мнѣніе относительно Польши. Я приказала запечатать эти депеши и запретила ихъ давать кому бы то ни было. Чтобы лучше сохранить секретъ, я не держала совѣта и не буду его держать; я приказала канцлеру и вице-канцлеру говорить любопытствующимъ о дѣлахъ Польскихъ, что я была бы не прочь помочь Саксонскому кронъ-принцу взойти на престолъ, если бы король не дѣйствовалъ съ такою враждебностію противъ меня. На будущее время надѣюсь, что тайна будетъ сохраняться лучше, ибо я не буду посвящать никого въ то что будетъ имѣть видъ секрета; все еще ново, и я изучаю своихъ (сотрудниковъ), чтобы вполнѣ овладѣть ими.

Вы можете для блага моей службы раздать находящіяся у васъ деньги, а также и тѣ которые получите, отчитываясь только лично

мнѣ, какъ бы въ моихъ личныхъ деньгахъ, о чёмъ я извѣщу и Коллегію, и Кабинетъ, что вы будете лично мнѣ давать отчетъ.

Одобряю, чтò вы сдѣлали относительно примаса; его слабость непостижима: примасъ, подающій столь дурные примѣры, будеть плохимъ вице-королемъ въ теченіи времени, пока престолъ будеть вакантнымъ. Одобряю всѣ сдѣланные вами расходы и молю Бога, чтобъ Литовскій трибуналъ имѣлъ успѣхъ. Такъ какъ вы вновь настаиваете относительно писемъ Масальскимъ отцу и сыну, посылаю вамъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ письмомъ къ вамъ по этому предмету. Если вы того желаете, я напишу также примасу. Распустите слухъ, тѣмъ способомъ который признаете приличнымъ, что если дерзнуть схватить, чтобы засадить въ Кенигштейнъ кого-либо изъ друзей Россіи, я населю Сибирь своими недругами и спущу Запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію, чтобы просить меня дозволить имъ отомстить обиды, наносимыя мнѣ Польскимъ королемъ (гайдамаковъ любятъ въ Польшѣ).

Если сеймъ не можетъ закончиться въ мою пользу безъ того, чтобы сеймики состоялись подъ покровомъ конфедерациі, было бы полезно, чтобы это произошло въ такое время года, когда мои войска имѣли бы возможность ихъ поддержать. Я буду имѣть въ Маѣ мѣсяцъ 15000 человѣкъ въ Смоленскѣ, 18000 между Киевомъ и Черниговыми и гораздо значительнѣйшій корпусъ въ Ригѣ. Если желаюсь, чтобы эти войска двинулись къ Олицѣ и Слуцку, необходимы на мѣсяцъ жизненные припасы, коихъ посылаю вамъ списокъ, а если на четыре мѣсяца, то нужно четверное количество. Если бы мои друзья взялись устроить эти склады, я выслала бы имъ необходимую сумму. 200 гусаръ, 100 казаковъ и 100 артиллеристовъ будутъ 1 Мая въ Киевѣ, и совершенно такое же число въ Смоленскѣ. Всѣ военные припасы будутъ на мѣстѣ къ тому же числу, и я надѣюсь выслать вамъ съ этимъ же курьеромъ пятьдесятъ т. червонцевъ, которыхъ у меня просятъ на указанное мнѣ употребленіе; я пошлю запечатанное предписаніе въ Смоленскѣ и другое въ Киевѣ, которыя по простому письму графа Кайзерлинга, моего послы, должно будетъ распечатать и въ которыхъ будетъ выражено, чтобы отпускать все что онъ потребуетъ и чему я безъ задержательно вышлю списокъ. Въ Смоленскѣ губернаторомъ князь Козловскій, а въ Киевѣ генералъ-губернаторомъ господинъ Глѣбовъ; но въ случаѣ его отсутствія нужно будетъ обращаться къ генералъ-маюру Чичерину, которому я немедля пошлю мои приказанія.

*

Я пишу вамъ это письмо, чтобы узнать ваше мнѣніе. Англія очень торопитъ меня скорѣйшимъ заключеніемъ со мною коммерческаго

и союзного договоровъ. Прежде чѣмъ согласиться на это, я хотѣла посмотретьть, какой оборотъ примутъ Европейскія дѣла. Съ этою цѣлью я подъ различными предлогами избѣгала даже разсмотрѣнія предложеній, которыя мнѣ дѣлали: теперь, не имѣя болѣе хорошихъ предлоговъ для ссылки на нихъ, я приказала выслушать предложенія Англійского посла. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ составила проектъ союзного и оборонительного договора; но прежде чѣмъ принять рѣшеніе, я желала бы знать ваше мнѣніе объ этомъ. Я приказала довѣрительно объявить Вѣнскому и Прускому дворамъ, что Англія дѣлаетъ предложенія относительно союзного договора, что я не хотѣла дать своего согласія, не сообщивъ имъ прежде объ этомъ; я сдѣлала это, чтобы эти дворы не взяли подозрѣніе и чтобы они могли сдѣлать мнѣ предложенія относительно (заключенія) дружественныхъ договоровъ, о чѣмъ я лично недѣлю тому назадъ написала королю. Я вамъ скажу безъ обиженія, что моя цѣль—быть связанной дружбою и даже оборонительными союзами со всѣми державами, чтобы всегда имѣть возможность стать на сторону болѣе угнетаемаго и такимъ образомъ быть арбитромъ Евроны; прошу вѣсть сказать мнѣ, если я ошибаюсь, и при томъ не стѣсняясь. При семъ посылаю вамъ проектъ составленный въ Коллегії.

*

Петергофъ, 26 Іюля 1763.

Всѣдѣствіе вашихъ секретныхъ донесеній, адресованныхъ мнѣ въ собственныея руки, я вамъ открыла мои намѣренія, что я не хочу и не могу назначить другаго срока, какъ кончина Польскаго короля, чтобы подать руку конфедерациіи этой земли. Я однако не удивляюсь нетерпѣнію, которое мои друзья обнаруживаютъ усиленными ходатайствами, дабы привести дѣла къ этой развязкѣ ранѣе срока. Ихъ интересъ такъ великъ и ихъ планы такъ важны, что если они успѣютъ ихъ осуществить, то будутъ заслуживать извиненія въ глазахъ публики за всѣ средства.

Иное дѣло въ отношеніи меня. Моя истинная слава пострадаетъ безъ сомнѣнія, когда я окажусь содѣйствующею низложенню съ престола владѣтеля сосѣдняго и дружественнаго безъ всякой другой причины, какъ развѣ за слишкомъ большое его довѣріе къ министру недобросовѣстному и слабому (находящемуся притомъ на краю могилы), который настолько же дерзокъ въ замыслахъ своихъ предпріятій, насколько трусливъ въ ихъ исполненіи. Но затѣмъ конфедерацию и поддерживать ее до смерти—столь неопределеннное пространство времени не поглотить ли у меня суммы денегъ столь зна-

чительныя и не пошатнеть ли и не измѣнить ли настолько мой вѣсъ и вліяніе у прочихъ, что дѣйствительно окажется труднымъ оцѣнить, на сколько то и другое соотвѣтствуетъ пріобрѣтенной выгода—избранію національного короля. Впрочемъ мнѣ кажется нѣтъ надобности изъяснять вамъ въ этомъ письмѣ о политической подкладкѣ, относительно моей имперіи, въ непродолжительной конфедерациі, которая окончилась бы возстановленіемъ добра го порядка во внутреннихъ дѣлахъ королевства (если вообще подобный порядокъ можетъ имѣть мѣсто при такомъ правительству). Я вѣдь слишкомъ знаю, графъ Кайзерлингъ, за посланника просвѣщенного и преданного, чтобы хотя минуту сомнѣваться въ вашемъ усердіи и проницательности по отношенію къ столь важному и постоянному интересу моей имперіи, потому что безъ сомнѣнія не случайный деспотизмъ партіи, находящей себѣ поддержку въ интригахъ собственного двора, въ состояніи создать наконецъ монархическое правление, которое есть единственный и дѣйствительный предметъ тревогъ для сосѣдей; поэтому не слѣдуетъ ли смотрѣть на настоящій деспотизмъ скорѣе, какъ на продолженіе анархіи. имѣющей источникомъ самыи принципъ ихъ правительства, чѣмъ на дѣйствительное приближеніе къ постоянному порядку вещей для нації? Я хотѣла указать вамъ на эти предварительныя соображенія единственно для вашего собственного свѣдѣнія, дабы вы могли видѣть основанія, по которымъ составлены послѣдніе мои собственноручные приказы вамъ удерживать моихъ друзей отъ преждевременной конфедерациі, давая имъ въ тоже время увѣренія самыя положительныя, что мы неизмѣнно будемъ поддерживать ихъ во всемъ, что благоразумно, до смерти короля, по воспослѣдованіи коей мы безъ сомнѣнія будемъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Я сочла тѣмъ болѣе нужнымъ написать вамъ это письмо, что усмотрѣла изъ вашей депеши, адресованной въ Коллегію за № 77, отъ 20-го н. ст. сего мѣсяца, что неблагонамѣренная партія очень хлопочетъ, чтобы побудить ихъ и ихъ войска къ вооруженіямъ. Когда я сопоставляю это сообщеніе съ тѣмъ, которое вы сдѣлали мнѣ лично*), т. е. что наши друзья вооружаются и вербуютъ людей съ такимъ усердіемъ и такою поспѣшностью, какъ будто бы они имѣли уже мое положительное согласіе на немедленное составленіе конфедерациі, я нахожу довольно вѣроятнымъ, что первые могли бы болѣе взволноваться необдуманнымъ рвениемъ нашимъ.

Предстоящее вступленіе въ Польшу моихъ четырехъ полковъ можетъ вызвать еще большее броженіе въ умахъ, въ особенности въ виду пере-

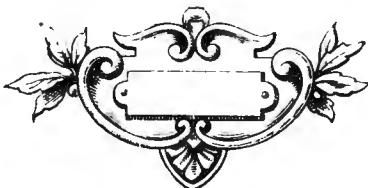
*) Значить, графъ Кайзерлингъ побывалъ въ Петербургѣ. Н. Б.

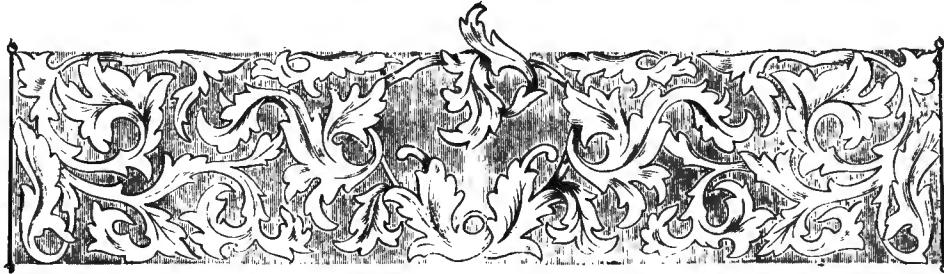
движеній и дѣйствій этихъ войскъ, которыя вы должны направлять согласно моимъ приказаніямъ. Всѣдѣствіе сего я нахожу нужнымъ указать вамъ направлять то и другое со всею свойственною вамъ осторожностю и предусмотрительностю, довольствуясь смягченіемъ того, что въ дѣйствительности могло бы оказаться невыносимымъ для благонамѣренныхъ въ дѣйствіяхъ Виленскаго трибунала, дабы то содѣствіе, которое мы рѣшились дать по ихъ ходатайству, не перевершило наше стремленіе, заключающееся въ томъ, чтобы не допустить ихъ дѣла до открытаго разрыва прежде предполагаемаго нами срока. На этотъ конецъ я желаю, чтобы вы сократили пребываніе моихъ полковъ въ этой землѣ елико окажется для васъ возможнымъ и чтобы вы имъ указали для возвращенія въ свои квартиры слѣдованіе по мѣстности наименѣе возбужденной. Вы сами хорошо поймете, что все что я вамъ симъ предписываю имѣть цѣлью предупредить возникновеніе конфедерациіи, противной моимъ интересамъ.

Незначительность времени, которымъ мы можемъ располагать, не дозволяетъ отсылку вамъ суммъ, о которыхъ вы просите; поэтому уполномочиваю васъ занять въ Варшавѣ или Данцигѣ такую сумму, которая потребна для надобностей службы, выдавая векселя съ уплатою здѣсь на имя тайного совѣтника Панина и генералъ-квартирмейстера князя Вяземскаго; эти выданные вами векселя будутъ уплачены здѣсь по истеченіи 6 дней, такъ какъ сумма на этотъ предметъ совершенно готова.

*

Въ день воцаренія Екатерины жилъ въ Петербургѣ другой Кайзерлингъ. На него ссылался Фридрихъ II-ой, бесѣдя съ проѣзжавшимъ въ Петербургѣ на посольство графомъ Сегюромъ, которому король выражалъ увѣренность въ томъ, что Екатерина неповинна въ погибели Петра III-го, и прибавилъ, что обѣ этомъ можетъ разсказать ему, графу Сегюру, Кайзерлингъ. П. Б.

Императоръ Александръ Павловичъ и В. С. Поповъ.

Ихъ разномысліе.

1811¹⁾.

„Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія. Подобныя внушенія всегда въ устахъ известныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи не созрѣли еще умы къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго дара вольности: умствованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ея могутъ быть ужасны“. Слѣдуетъ перечень слѣдствій. Въ примѣръ приводится Франція съ подробностями. Далѣе Поповъ²⁾ пишетъ: „Истина историческая неоспорима, что крестьяне въ Россіи за 200 лѣтъ были вольны. Но что тогда въ ней происходило?“ Слѣдуетъ перечень бѣдствій и смутъ. Заключеніе письма: „Государь, благосостояніе и сила Имперіи основываются на твердости связей, всѣ части соединяющихъ. Внушенія о расторженіи ихъ весьма опасны“.

Вотъ собственноручный отвѣтъ Императора В. С. Попову.

Писаніе ваше нахожу я совершенно излишнимъ; позвольте мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи какъ и вы. Въ упоминаемой книжѣ ничего похожаго вѣдьмъ вашимъ опасеніямъ я не нашелъ, и пышныя ваши напоминанія о мѣрахъ принятыхъ въ прошедшія времена не могу признать вѣрными. Вообще не вижу я иначе въ подвигѣ вашемъ какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же искренно привязанъ къ своему отечеству какъ и вы. Благосостояніе онаго составляло и будетъ составлять всегда первейшую мою заботу.

¹⁾ Помѣщается съ позднѣйшаго списка. Н. Б.

²⁾ Василій Степановичъ. П. В.

Прочтите 1767 годъ Трудовъ Вольнаго Економического Общества 2-й части, стр. 11, 12, 13, и вы удостовѣритеъ, что и при блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ II мысли подобныя не счтены были столь опасными какъ вы ихъ представляете, и отвѣтъ, о коемъ я упоминаю, получилъ отъ нея обѣщанное награжденіе.

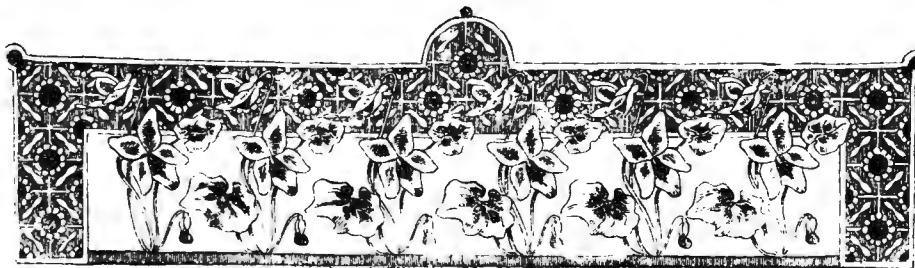
Александръ".

Сентября 12-го 1811 года.

Сообщеніе В. С. Попова.

Имѣя доступъ къ Императрицѣ, бабкѣ Вашего Величества, я однажды въ бесѣдѣ слышалъ отъ нея: дѣло зашло о неограниченной власти ея не только внутри Россійской Имперіи, но и въ чужихъ земляхъ. Я говорилъ ей съ изумленіемъ о томъ слѣпомъ повиновеніи, съ которымъ воля ея вездѣ была исполняема и о томъ усердіи и ревности, съ какими старались все ей угоджать. Это не такъ легко, какъ ты думаешьъ, сказала она. Во-первыхъ, повелѣнія мои конечно не исполнялись бы съ точностю, если бы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешьъ, съ какою осмотрительностью поступаю я въ изданіи моихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ яувѣренъ обѣ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешьъ слѣпымъ повиновеніемъ, и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не принаровлено къ обычаямъ, къ мнѣнію народному, и когда въ ономъ я бы послѣдовала одной своей волѣ, не размыслия о слѣдствіяхъ. Во-вторыхъ, ты ошибаешьъ, когда думаешьъ, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ угодное. Напротивъ того: это я, которая, принуждала себя, стараюсь угоджать каждому сообразно съ заслугами, достоинствами, склонностями и привычками, и повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всѣхъ, нежели чтобы все тебѣ угоджали. Напрасно сего будешь ожидать и будешь огорчаться; но я сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изъятія по моему дѣлалось. Можетъ быть, сначала и трудно было себя къ тому пріучить; но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что, не имѣя прихотей, капризовъ и вспыльчивости, не могу я быть въ тягость, и бесѣда моя всѣмъ нравится.. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь послѣ мнѣ спасибо.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ.

Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.

Чѣмъ занять былъ коменданть Михайловскаго Замка предъ событіемъ 11 Марта 1801 года? Трудно представить болѣе бережное отношеніе къ письменному матеріалу, чѣмъ это проявилъ Н. О. Кутлубицкій въ своеемъ архивѣ, въ которомъ онъ сохранилъ ученическія тетради изъ шляхетнаго корпуса временъ П. И. Мелиссино, письма своего отца, служившаго при графѣ П. А. Румянцовѣ-Задунайскомъ (который управлялъ тогда Малороссіей), отпуски служебныхъ бумагъ со времени царствованія Павла; официальная и частная письма, когда либо имъ полученные; ежедневныя записи своихъ личныхъ расходовъ, начиная съ 1799 года; распоряженія по имѣнію за всѣ 50 лѣтъ своего въ немъ проживанія и пр.

И такъ онъ дѣлалъ до послѣднихъ дней 75-ти лѣтней жизни. Нужно думать, что онъ придавалъ своему архиву не безъ основанія важное значеніе въ дальнѣйшемъ.... Къ сожалѣнію, этотъ обширный архивъ не былъ своевременно разобранъ, и въ теченіи свыше 60 лѣтъ по кончинѣ Н. О. Кутлубицкаго, перемѣшиваясь съ перепиской позднѣйшихъ поколѣній, образовалъ груду разрозненныхъ бумагъ, служившую нѣкоторое время для растопки каминовъ и другихъ „хозяйственныхъ надобностей“ управлявшихъ имѣніемъ. Пожары помѣщичьихъ усадебъ 1905—1906 гг. довершили истребленіе архива, какъ въ Нижегородской, такъ и въ Черниговской губерніи, куда переселился Н. О. Кутлубицкій въ концѣ 40-хъ годовъ (незадолго до своей кончины) въ имѣніе своей сестры В. О. Войцеховичъ, подъ г. Городней, на хуторѣ „Никольскій“.

Не лучшая участіе постигла и большую часть старинныхъ предметовъ, бывшихъ у Николая Осиповича: многіе портреты императора Павла, портреты всѣхъ членовъ императорской фамиліи, начиная съ Екатерины и Петра III-го, бюсты Павла, его шпаги и пр. Только по „Русскому Архиву“ 1868 года можно узнать, что трость императора Павла, подаренная Кутлубицкому на одномъ изъ парадовъ, сохранилась у Александра Ивановича Ханенко, который, будучи друженъ съ Кутлубицкимъ, напечаталъ черезъ 17 лѣтъ послѣ его смерти въ

томъ же „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года воспоминанія его о временахъ Императора Павла*), служащія до сего времени цѣннымъ матеріаломъ для характеристики, какъ этого царствованія, такъ и самого Кутлубицкаго.

Но и въ уцѣльвшихъ бумагахъ попадается кое-что достопамятное. Таковъ, напримѣръ, реэстръ бумагъ, полученныхыхъ Кутлубицкимъ въ бытность его комендантомъ Михайловскаго дворца. Судя по сохранившейся нумерации этихъ бумагъ, пѣлы всѣ поступившія къ коменданту за 1800—1801 г., а изъ числа бумагъ исходящихъ отъ коменданта уцѣль черновикъ приказа по карауламъ № 20, написанный Кутлубицкимъ въ первыхъ числахъ марта 1801 г.

На коменданта дворца лежала обязанность наблюдать „за чистотой и порядкомъ во дворцѣ и вокругъ онаго“; распоряженія-же по охранѣ касались только карауловъ вѣшнихъ, но не внутреннихъ. Это ограниченіе обязанностей низводить роль Коменданта до роли „смотрителя“, и вмѣстѣ съ тѣмъ снимаетъ съ него ответственность за происшедшее въ дворцѣ въ ночь съ 11 на 12 марта, передъ чѣмъ Кутлубицкаго арестовалъ лично генераль-губернаторъ графъ Наленъ, предъявивъ вымышленный имъ приказъ Императора.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ напомнить, что торжественное освященіе замка происходило 8 Ноября 1800 г. Приказъ о назначеніи свиты Его Величества генер.-лейтенанта Кутлубицкаго на должность коменданта отданъ 12 Ноября 1800 г. Переѣздъ Павла изъ зимняго дворца послѣдовалъ 1 Февраля 1801 г. Императоръ указалъ гр. Налену, что ему известно о заговорѣ утромъ 9 марта 1801. („On veut renouveler 1762 an“). Вечеромъ въ 10 час. 11 марта Кутлубицкій былъ арестованъ Наленомъ („Генераль, пожалуйте вашу шпагу:

* АLEXANDR PAVLOVICH HANSENKO († 4 Іюля 1895 г.) былъ большимъ любителемъ письменныхъ памятниковъ Малороссійской старинѣ. Въ 40-хъ годахъ, во время знакомства его съ Н. О. Кутлубицкимъ, онъ былъ предводителемъ дворянства Суражскаго уѣзда. Онъ умеръ 80 лѣтнимъ старцемъ; всѣ знавшіе его помнятъ присущія ему „доброту и незлобіе“, качества, которыми отличался и Кутлубицкій. Изъ печатныхъ трудовъ его известны: „Святитель Феодосій Углицкій“, „Історія Межеваго учрежденія въ Малороссії“, Очеркъ города Погара (Стародуба). А. И. Х. былъ высокообразованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ. Извѣстно его стихотвореніе, начинающееся словами:

Быть иѣкогда ужасный вѣкъ.
Въ какомъ-то странномъ ослѣплены
Своихъ собратій униженемъ
Тогда гордился человѣкъ!
Но вотъ ужъ новой жизнью вѣтъ,
Настала счастія пора,
И сколько славы и добра
Въ прекрасномъ будущемъ свѣтлѣсть!

(Написано наканунѣ 19 Февраля 1861 г.).

Государь приказалъ вѣсль арестовать", и на возраженія Кутлубицкаго повторилъ: "развѣ вы не знаете порядка (службы)?". А 12 марта 1801 г. комендантомъ императорской резиденціи назначенъ генералъ Бенигсенъ.

Реестръ приходящимъ дѣламъ по части коменданта Михайловскаго Замка.

№ 1.

24 Декабря 1800 г.

Въ Придворную Канцелярію Михайловскаго Замка коменданта Кутлубицкаго.

Государю Императору благородно было поручить мнъ наблюдать въ Михайловскомъ Замкѣ какъ внутри, такъ и около оного всю чистоту и порядокъ, для исправленія чего непремѣнно нужно имѣть:

- 1) Въ коридорахъ, по лѣстницамъ и крыльцамъ около замка и внутри около для таиной чистоты 50 человѣкъ рабочихъ.
- 2) Снабдить ихъ метлами, деревянными и желѣзными лопатами, топорами и ломами и всегда снажать, чтобы въ тѣхъ инструментахъ ни малѣйшей остановки не было.
- 3) Для усыпанія по лѣстницамъ и крыльцамъ песку, котораго нынѣ при Замкѣ совсѣмъ не имѣется.
- 4) Для чистки и вывозки нужныхъ мѣстъ подрядчика, или какъ разсудить придворная канцелярія, ибо отъ однихъ караульныхъ солдатъ и придворныхъ служителей довольно той нечистоты, которую нужно немедля вычистить.
- 5) Для вывозки изнутри Замка снѣгу необходимо должно имѣть 10 лошадей, ибо изъ Замку приказано снѣгъ всегда вывозить.
- 6) Для освѣщенія по лѣстницамъ и коридорамъ фонарей, которыхъ нынѣ поставлено 244, въ каждый фонарь по 3 свѣчи— $3\frac{1}{2}$ пуда: въ караульныхъ постахъ 20 фут. а всего въ сутки 4 пуда свѣчей, и для зажженія оныхъ и чистки фонарей нужно имѣть 10 человѣкъ.

Посему за нужное нахожу въ Придворную Канцелярію сообщить и требовать, дабы она благоволила въ самоскращеніе времени нуж-

нымъ снабдить, чтобы ни въ чёмъ ни малайшой остановки не было, или неудобно ли будетъ поручить мнѣ взять подрядчика, на что, я надѣюсь, канцелярія повелѣніе уже получила?

Передъ мраморными лѣстницами нужно имѣть по два круга для очищенія ногъ, а лѣстницы мраморныя мести щетками, которыхъ и нужно всегда имѣть.

*

26 Дек. 1800 г.

Изъ Придворной Е. И. В. Канцеляріи.

На сообщеніе в. пр-ва отъ 24 сего Декабря, касательно отпусканія по высочайшему Государя Императора повелѣнію для наблюденія всякой чистоты и порядка разныхъ потребностей и пр. Придворная Канцелярія уѣдомляетъ, какъ ваше пр-во полагать изволите удобище имѣть на то подрядчика, то канцелярія и предоставляетъ прискать онаго в. пр-ву, съ тѣмъ, что потребныя деньги платить будетъ по присыпаемымъ отъ васъ счетамъ.

№ 3. Дек. 26 дня 1800 г.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Мнѣ нужно знать, отъ экспедиціи-ли освѣщаются фонари внутри Замка, на дворѣ и около него состоящіе, а равно по прошпекту до воротъ? Буде отъ экспедиціи, то благоволить того подрядчика или кто онѣ освѣщаетъ, прислать сегодня-же въ вѣдомство мое, дабы я могъ сдѣлать взысканіе за позднее освѣщеніе и нечистоту фонарей, и сообщить по которое число онъ долженъ освѣщать. Г. л. Кутлубицкій.

Отвѣтъ.

получ. 27 Дек. 1800 г.

Освѣщеніе по наружности Замка обязался исправлять крестьянинъ Иванъ Васильевъ въ 1798 г. на 3 года отъ Гофъ-Интенданской, какъ изъ прилагаемой при семъ копія приказа усмотрѣть изволите. Что же касается до внутреннихъ у Замка фонарей, то онъ-же Васильевъ далъ подписку освѣщать и содержать онѣ съ 15 Сентября 1800 г. на 1 годъ цѣною по 9 р. 65 к. за каждый, а съ ночниковъ во дворцѣ, которые освѣщаются дено и нощно, по 14 р. 55 к. въ годъ; но на заключеніе съ нимъ договора отъ его сіят. г. оберъ-гофмейстера и кавалера графа Ив. Андр. Тизенгаузена резолюціи еще не послѣдовало,

безъ коей онъ Васильевъ отозвался освѣщать вынѣ не болѣе какъ по 1 Января будущаго 1801 г.

Карлъ Кюхельбекеръ *).

Григорій Баженовъ.

Декабря 27 дня 1800 г. № 1782.

Секретарь Вас. Быковъ.

Въ Придворную Канцелярію.

№ 4. Декабря 26 дня 1800 г.

Для предосторожности отъ пожара въ Михайловскомъ Замкѣ и во флигеляхъ оного по усмотрѣнію моему необходимо сдѣлать до 15 постовъ. На каждомъ посту по разсчету моему должно имѣть достаточное количество разнаго пожарнаго инструмента, котораго имѣется весьма недостаточно, почему нахожу за нужное сообщить въ Придворную Канцелярію и требовать, чтобы оная благоволила въ наискорѣйшемъ времени по прилагаемой вѣдомости всѣ инструменты исправить, и если послѣдуетъ промедленіе, то неисправность въ случаѣ несчастія—пожара безъ оныхъ, останется на отчетѣ Придворной Канцеляріи. Ген. лейт. Кутлубицкій.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Дек. 26 дня 1800 г.

Отъ экспедиціи строенія производится топка въ замкѣ, на кухняхъ въ 1-го, 3 и 4-го этажахъ безъ всякаго присмотру и притомъ еще къ ночи. Изъ каминовъ и печекъ жарь и головни выпадаютъ, и ни одного смотрителя надъ ними въ комнатахъ во время топки не бываетъ. Отсего можетъ произойти неминуемое несчастіе: кромѣ того отъ всѣхъ почти каминовъ и нѣкоторыхъ печей, покуда они не растопятся, вездѣ идетъ дымъ. Во флигеляхъ-же Замка, которые еще совсѣмъ не отстроены, живутъ отъ экспедиціи разночинцы и мастеровые люди. Тамъ-же по коридорамъ и по лѣстницамъ и чуланамъ и въ нѣкоторыхъ кухняхъ, словомъ сказать, вездѣ запакощено и нечистотъ вездѣ довольно, а нужныя мѣста полны; за тѣми-же флигелями въ саду въ ямахъ таковыя-же нечистоты зарыты во множествѣ, отчего весною можетъ произойти не только привеликій запахъ, но и болѣзни (отъ чего Боже сохрани!)

*) Отецъ поэта-декабриста.

Посему необходимымъ нахожу въ экспедицію сообщить и требовать, чтобы она обратила все свое вниманіе и имѣла крайнюю осторожность въ топкѣ печей и каминовъ и чтобъ кто топить, были безотлучно въ комнатахъ, а кто ихъ смотрители, дать мнѣ знать, дабы я могъ отъ себя часто напоминать объ исполненіи порученного имъ дѣла; а каминъ и печи, изъ которыхъ идеть дымъ, заранѣе исправить. Въ означенныхъ-же флигеляхъ приказать всѣ нечистоты въ самоско-рѣшемъ времени вычистить, и кто отъ экспедиціи будетъ приставленъ, того прислать ко мнѣ, дабы я могъ дѣлать взысканіе въ случаѣ нечи-стоты. Ген. л. Кутлубицкій.

Отвѣтъ.

На отношеніи № 5 отъ в. пр-ва экспедиція имѣть честь отвѣтствовать: что смотрѣніе по внутренности Михайловскаго дворца не принадлежитъ до ея вѣдомства, для чего съ онаго отношенія препро-вождена къ его сіятельству графу И. А. Тизенгаузену конія. Чи-стота-же прочихъ строеній поручена протоколисту Лошкареву, которому и сдѣлано подтвержденіе о наблюденіи за оной, такъ и очистить нужныя мѣста въ саду.

Карлъ Кюхельбекеръ.

№ 1783 Декабря 29 Ян. 1800 г.

Секретарь В. Быковъ.

*

Въ Придворную Канцелярію. На вторичное требование объ отпускѣ пожарныхъ инструментовъ послѣдовалъ такой отвѣтъ:

Касательно отпуска пожарныхъ инструментовъ, о сихъ его сія-тельство приказалъ отозваться, что именнымъ высочайшимъ указомъ особо повелѣнія сего не было, а посему на отпускъ оныхъ приказанія онъ дать не можетъ.

Совѣтникъ 4-го класса Данауровъ.

№ 18, 5 Янв. 1801. Секретарь Матвѣевъ.

Отъ 11 Генваря 1801 года.

С.-Петербургскому коменданту Епифанову.

Милостивый государь Николай Дмитріевичъ.

Всеподданнѣйше докладыvalъ я Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, Великому Князю Александру Павловичу о пла-ц-адъютантѣ Михайловскаго Замка г. артиллеріи поручикѣ Мацелевѣ.

касательно прибавочнаго жалованья въ сравненіе тѣхъ плацъ-адъютантовъ, которые находятся подъ командою вашею, то Его Императорское Высочество повелѣть изволилъ, чтобы и на оного требовать вмѣстѣ съ вашими. То покорнѣйше прошу при будущихъ требованіяхъ на него требовать также со дня опредѣленія его въ Михайловскій Замокъ плацъ-адъютантомъ.

Высочайшій указъ:

*

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей Державинъ!

Состоящему при Михайловскомъ замкѣ плацъ-адъютанту Мацелеву повелѣваемъ производить жалованья изъ казначейства вашихъ по 300 р. на годъ, начиная со дня опредѣленія его на сей должности.

Пребываю вамъ благосклонный Павель.

Февр. 14 дня 1801 г.

Михайловскій Замокъ.

Съ подлиннымъ выс. указомъ свидѣтельствую надвор. совѣтникъ Александръ Посадовскій.

*

Письмо Державина.

М. г. мой Николай Осиповичъ!

Каковъ получиль я высочайшій Е. И. В. указъ въ 14 день Февраля, съ оного имѣю честь препроводить копію и притомъ увѣдомить васъ, мил. гос. мой, что въ исполненіи сего предписано отъ меня Петербургскому для остаточныхъ суммъ казначейству, дабы оное причитающеся за вычетомъ на госпиталь по 1 к. съ рубля, съ 12 Ноября 1800 г. по 1 Янв. 1801 г. 40 р. $42\frac{1}{2}$ к. отпустилъ.

Павріль Державинъ.

*

Оберъ гофмейстеру Е. И. В. Графу Тизенгаузену.

Такъ какъ уже кончены и торги съ подрядчикомъ, который долженъ держать для чистоты и пожарныхъ инструментовъ во всякое время 6 лошадей съ зимней и лѣтней упряжью, между первымъ кухоннымъ корпусомъ и ледникомъ, дабы лошади всегда стояли на чистомъ воздухѣ, то и прошу покорнѣйше ваше сіятельство кому слѣдуетъ приказать поскорѣе сдѣлать небольшой навѣсь, а также и для тѣхъ

полицейскихъ 8 лошадей, которыя наряжаютъ для порядка отъ полиції на мосту необходимо имѣть конюшню и небольшой сарай, котораго выстроеннымъ не имѣется.

Отвѣтъ графа Тизенгаузена.

Получ. 15 Января 1801 г. № 2.

Поспѣшаю увѣдомить в. пр—во, что сверхъ положенныхъ по плану въ Михайловскомъ дворцѣ никакихъ другихъ пристроекъ Государемъ Императоромъ производить не повелено, а потому самому я не осмѣливаюсь приступить къ построенію требуемаго вами навѣсу, безъ особаго на то Высочайшаго соизволенія.

*

Февраля 3 дня 1801 г.

Его сіятельству П. А. фонъ-деръ Палену.

Его Императорское Высочество Высочайше повелѣть соизволилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что позволяетъ всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій замокъ, не исключая и большого подъѣзда могутъ издѣть на театральный мостъ вокругъ замка до тѣхъ крылецъ и воротъ, къ которымъ имъ нужно будетъ, въ какихъ-бы то экипажахъ ни было. Исполняя симъ высочайшую волю имѣю честь быть съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью,

(Отвѣтъ.

Получ. Февр. 3 дня 1801 г.

Милостивый государь мой Николай Осиповичъ!

По полученному отъ вашего пр—ва отношенію съ изображеніемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія о дозволеніи всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій Замокъ не исключая и Большаго подъѣзда и на театральный мостъ вокругъ замка до тѣхъ крылецъ и воротъ, къ которымъ имъ нужно будетъ, въ какихъ бы то экипажахъ ни было: въ здѣшнемъ городѣ надлежащее обвѣщеніе учінено, о чёмъ увѣдомляя, имѣю честь и пр. Графъ фонъ-деръ Паленъ.

*

Въ Придворную Е. И. В. Канцелярію.

Февраля 4 дня 1801 г.

Сего года Генваря 4 дня сообщено было канцеляріи относительно пожарныхъ инструментовъ съ вѣдомостью для скорѣйшаго распоря-

женія, но и по сю пору никакого успѣха не имѣется, хотя отъ господина оберъ-гофъ-маршала Александра Львовича Нарышкина его сіятельству Ивану Андреевичу графу Тизенгаузену при мнѣ изыснно высочайшее повелѣніе объявлено, послѣ чего доставлено ко мнѣ 9 кадокъ для воды, изъ которыхъ, какъ скоро ихъ наполнили водою, все потекло, и едва потолки не промокли.

Посему за нужное нахожу вторично въ канцелярію сообщить и требовать исполненія по вѣдомости какъ слѣдуетъ; если-же и за симъ сдѣлается отъ канцеляріи промедленіе, а между тѣмъ случится (отъ чего Боже сохрани!) пожаръ, то все оное останется на отчетѣ канцеляріи.

*

№ 8. Февраля 4 дня 1801 г.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Еще прошлаго году Декабря 28 дня сообщено отъ меня въ оную экспедицію, чтобы зарытую въ саду всю нечистоту въ ямахъ, наполнившихся отъ рабочихъ людей, а равно и во флигеляхъ вычистить. однако и по сю пору не вычищено, отъ чего и теперь уже превеликая вонь въ саду, посему за нужное считаю еще разъ напомнить оной экспедиціи, съ тѣмъ однакоже, что если оная еще промедлитъ, то осень случать будетъ донесено („*Ею Им. Величеству*“ зачеркнуто, и сверху написано вновь) „*кому слѣдуетъ*“...

Притомъ на чердакахъ слуховыя окна прибиты наглухо, они-же непремѣнно должно быть на петляхъ, чтобы при несчастномъ случаѣ тотчасъ можно отворить, и къ каждому окну нужна лѣстница, да еще на чердакахъ задѣлать тѣ мѣста, куда снѣгъ набивается, чтобъ непремѣнно теперь же сдѣлать.

Отвѣтъ.

„Нужныя мѣста“ въ саду вычищены на вывозъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, о чемъ и рапортовано экспедиціи 12 Генваря протоколистомъ Дошкаревымъ, а какъ некоторые ямы отъ тѣхъ мѣсть не были засыпаны, то сего числа приказано засыпать ихъ мусоромъ. Что-жъ касается до кухонныхъ корпусовъ, то въ угольномъ, где живутъ служители „нужное мѣсто“ было вычищено прошлой осенью, а при другихъ корпусахъ „нужныхъ мѣсть“ по плану не положено; а потому, пока сіи сдѣланы не будуть, то по множеству живущихъ людей нельзя

не быть тамъ и дурному зачу. Но какъ для сихъ корпусовъ по нуждѣ были вырыты временно „три ножныя мѣста“, то экспедиція прикажеть оныя очистить и что-бы впредь оныя не засорять, просить в. пр—во приказать, или чтобы оныя ямы совсѣмъ засыпать.

На чердакахъ слуховые окошки на петляхъ, осталось придѣлать къ нимъ только завертки, что и приказано экспедиціей сдѣлать, тоже и лѣстницы.

Карль Кюхельбекеръ, Григорій Боженовъ.

№ 35. Февраля 5 дня 1801 г.

Февраля 4 дня 1801 г.

Его сіятельству графу П. А. фонъ-деръ Палену.

Милостивый государь Петръ Алексѣевичъ!

Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что позволяетъ всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій замокъ ѿздѣтъ также и съ лугу черезъ Луговой мостъ, въ какихъ бы экипажахъ то ни было.

Отвѣтъ.

Получ. 5 Февр. 1801 г.

Милостивый государь мой Николай Осиповичъ!

Всѣдѣствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія обѣявленнаго мнѣ вашимъ пр—вомъ, что позволяетъ всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій замокъ и съ лугу черезъ Луговой мостъ въ какихъ бы то экипажахъ ни было: учинено въ здѣшнемъ городѣ надлежащее обвѣщеніе. Увѣдомляя о семъ имѣю честь быть и проч. Графъ фонъ-деръ Паленъ.

(Безъ числа).

Г. караульному офицеру стоящему у Садовыхъ воротъ.

Предписывается вамъ строжайше подтвердить всѣмъ часовымъ стоящимъ у желѣзныхъ воротъ, чтобы пропускать въ боковые желѣзныя ворота всѣ экипажи въ шорахъ, въ саняхъ, подъ фартуками и вѣрхами по аллеѣ до Замка, и обратно въ тѣ же вороты. Въ ямской же упряжкѣ никакихъ экипажей въ тѣ вороты и по аллеѣ ни къ замку ни обратно не пропускать, которымъ назначенъ прїездъ въ Симеоновскіе ворота.*). Средніе же вороты остаются только для Высочайшей фамиліи и по словъ.

*.) Ворота противъ Симеоновскаго моста черезъ Фонтанку.

Приписано: „Въ Свѣтло Христово Воскресеніе, во время заутренїи, первый сигналъ въ 12 часовъ, а второй въ часъ“.

*

Февраля 6 дня 1801 года.

Его Высокопревосходительству Петру Хрисановичу Обольянинову.

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть созволилъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, чтобъ представляю-щемуся сего числа драгунскаго Энгельгардта полку прапорщику Ермо-лаеву, который отставленъ къ штатскимъ дѣламъ по старости лѣтъ и долгой его службы, дать мѣсто по званію его, гдѣ онъ пожелаетъ.

*

Въ экспедицію строенія.

Февраля 7-го 1801 г.

Его Императорское Величество усмотрѣть изволилъ, что на Михайловой площади за шлакъ-баумомъ, на углу у канавы, лежитъ очень много большихъ каменьевъ, то высочайше повелѣть изволилъ мнѣ, чтобъ тѣ каменія убрать въ 12 часовъ на счетъ экспедиціи, которая каменія и убраны прочь и отвезены на дворъ Кабинета, и за ону перевозку заплачено мною сто рублей, то и сообщаю въ ону экспедицію, чтобъ по полученіи сего сообщенія немедленно отпустить оныя деньги подъ росписку плацъ-адютанта г. Мацелеву.

Отвѣтъ № 13 пол. 11 Марта 1801 г. отъ графа Тизенгаузена.

Экспедиція строенія Михайлова Замка доноситъ мнѣ, что в. пр-во сообщеніе требовать изволите отъ нея за уборку и перевозку лежащихъ около воротъ и мостовъ камней 100 рублей денегъ, а какъ изъ сообщенія вашего не видно, у какихъ именно воротъ и мостовъ камень, сколько числомъ и куда именно убрано не известно: то я покорно прошу васъ, милостиваго государя моего, напередъ объ ономъ уведомить меня обстоятельно, дабы можно было по отпуску денегъ, показать именно въ отчетахъ.

*

Въ Гофъ-Интенданскую канцелярію.

8 Февраля 1801 г.

Нанятый отъ экспедиціи строенія трубочистъ Гейслеръ чистить въ замкѣ трубы по контракту, копію съ котораго прилагаю. Однакожъ,

по многократному моему понужденію, онъ трубочистъ контракту не выполняетъ, за что я его уже нѣсколько разъ штрафовалъ арестомъ; обязавшись чистить трубы въ недѣлю разъ или болѣе, онъ и въ мѣсяцъ двухъ разъ не чистить, а когда и чистить, но не все и неначисто. Отъ сего уже нѣсколько разъ выкидывало изъ трубъ; и чистку производить самъ-третей не болѣе, а какъ не безъизѣстно мнѣ, что оная канцелярія Михайловскій Замокъ приняла, почему и счелъ нужнымъ сообщить въ оную, чтобы канцелярія благоволила въ самое скорѣйшемъ времени принять всѣ свои мѣры нанять другого за счетъ его, или прибавить ему людей до 10 человѣкъ и дать ихъ въ мое вѣдомство, чтобъ я могъ во избѣжаніе несчастія къ чисткѣ ежечасно ихъ понуждать.

По сообщенію в. пр-ва отъ 8 сего Февраля касательно неисправности трубочистнаго мастера Гейслера, экспедиція строенія отзвалась, что трубочистый мастеръ Гейслеръ состоялъ подъ вѣдѣніемъ экспедиціи до 1 Ноября 1800 года, а съ того времени по приказанію его сіят. оберъ-гофмейстера графа И. А. Тизенгаузена отданъ въ команду г-ну капитану Замка тайн. совѣтник. Нащокину, а посему въ силу означенаго повелѣнія его сіят. экспедиція не можетъ принять его обратно въ свое вѣдомство и не отвѣтствуетъ за его неисправность. Сего-же 11 Февраля означенный трубочистъ Гейслеръ по призывѣ въ гофъ-интенданскую, подписанной обязался: по силѣ контракта чистку трубъ производить съ крайнимъ прилежаніемъ и раченіемъ, дабы никогда въ ономъ остановки быть не могло, а такъ какъ отъ Гейслера залогу взято не было при заключеніи договора за неисправность, то отъ здѣшней Ремесленой Управы затребовалъ свѣдѣнія состої-ли онъ Гейслеръ въ числѣ цеховыхъ трубочистныхъ мастеровъ и можно ли, ему въ разсужденіи сего обязательства сдѣлать довѣріе. Статскій совѣтникъ Ильинъ.

Караульному капитану, стоящему на гауптвахтѣ въ Михайловскомъ Замкѣ.

По полученіи сего приказа извольте имѣть наистрожайшее смотрѣніе и вѣрнѣе при смѣнѣ карауловъ сдавать, чтобы часовые стоящіе на наружныхъ постахъ отъ вашего караула отнюдь не врали, чтѣ слу-чается весьма часто.

во 1-хъ: позволять всѣмъ ѻздить кругомъ Замка во всякихъ эки-пажахъ, то есть въ каретахъ, коляскахъ, саняхъ и съ поклажей черезъ всѣ мосты къ воротамъ или крыльцамъ.

во 2-хъ: чтобы часовые смотрѣли, если кто пріѣдетъ къ кото-
рымъ бы то ни было воротамъ или мостамъ. когда сѣдоки выйдутъ
вонь изъ экипажа, или поклажу снимуть, то чтобы пустые экипажи
и сани ъехали на то мѣсто, гдѣ имъ показано стоять; также если кто
захочетъ ъехать обратно отъ воротъ или мостовъ, то позволять экипа-
жамъ подъѣзжать.

въ 3-хъ: Черезъ верхній садъ позволять всѣмъ ъездить во всѣ
стороны.

въ 4-хъ: Чтобъ часовые отнюдь не приказывали скидать шляпъ
и шапокъ проходящимъ, а оставляли на ихъ волю (а когда будетъ
повелѣно, то обѣ ономъ будетъ и особо предписано).

въ 5-хъ: Черезъ Садовый мостъ, чтѣ къ Нижнему саду, кромѣ
Высочайшей фамиліи никому не позволять ъездить.

въ 6-хъ: Актерскимъ экипажамъ позволять стоять промежду
Театральнымъ мостомъ и большимъ крыльцомъ.

въ 7-хъ. Чтобы всѣ караулы, принадлежащіе къ Михайловскому
Замку относились къ вамъ г. капитанъ, на гаупвахту: а вамъ отно-
ситься прямо черезъ дежурнаго штабъ-офицера ко мнѣ. а болѣе ни
подъ какимъ видомъ никуда: буде-же паче чаянія послѣ сего приказу
воспослѣдуетъ противное, то будетъ строго взыскано съ г. караульного
капитана. Командантъ Мих. Замка ген. лейт. Кутлубицкій.

*

Г. Кардинальному офицеру стоящему у Воскресенскихъ воротъ *).

№ 17. (Числа не указано).

По полученію сего приказа извольте наистрожайше смотрѣть и
вѣрнѣе при смынѣ карауловъ сдавать, чтобы часовые вашего караула
отнюдь не врали, что случается очень часто, а выполняли бы по ниже-
слѣдующимъ пунктамъ, а именно:

Часовые у Воскресенскихъ воротъ должны (*наблюдать* зачеркнуто
и рукой Императора Павла написано „смотрѣть“), чтобы во время
пріѣзду къ замку всѣ парадикулярные экипажи, какъ-то кареты въ

*). *Воскресенскими воротами* называли *главные*, выходящіе на южный фасадъ
дворца, къ статуѣ Петра Великаго.

шорахъ или хомутахъ и сани парами, подъѣзжали на подъѣзды, а придворные экипажи въ шорахъ цугомъ и парные шталмейстерскіе могутъ въѣзжать въ ворота, а потомъ выѣзжаютъ долой со двора, также и сани придворные могутъ выѣзжать въ ворота (а потомъ выѣзжаютъ); придворные экипажи остаются на горнверкѣ, то есть на площади у монумента, а партикулярные экипажи становятся за горнверкомъ, то есть на площади къ фонтану и кругомъ горнверка.

Часовые у средняго моста должны смотрѣть, чтобы черезъ ихъ мость не ѻздили на извоницахъ въ одиночку, также чтобы каковой нибудь поклажи черезъ онай мость не везли, а чтобы оную поклажу везли на боковые мости а впрочемъ, всѣ экипажи и сани парами могутъ ѻхать черезъ мость къ Замку на подъѣздѣ.

Буде-же послѣ сего что окажется противное, то взыщется строго съ г. караульного офицера *).

№ 18. Г. караульному капитану стоящему на гауптвахтѣ въ Михайловскомъ замкѣ. (Число не указано).

Хотя и было приказано уже нѣсколько разъ, чтобы г. капитанъ имѣть бы смотрѣніе за гауптвахтой и за караулами, которые на оную относятся, чтобы не ломали и не били вещей, которыя имъ даны въ караульни равномѣрно и стеколь, но никакого успѣху не вижу: то и принужденъ предписать вамъ г. капитанъ, что буде послѣ сего приказу что будетъ разбито и изломано или утрачено, то все оное будетъ взыскано за гауптвахту съ г. капитана, а за прочие караулы съ тѣхъ кто на нихъ былъ.

№ 19. Сходственно полученнаго мною сего 16 Февраля отъ господина дѣйств. тайного советника и Государственного казначея Держа-

*) Черновикъ этого приказа написанъ на перечеркнутомъ рапортѣ нижеслѣдующаго содержанія:

Отъ гауптвахты Февраля 14 дня 1801 года.

На всѣхъ караулахъ и постахъ нового ничего нѣть.

Главный рундъ визитиръ-рундъ и патруль исправно ходилъ.

Пароль былъ „Киль“.

Посты обѣзжалъ по поѣздкѣ въ 3³⁷, часа полковникъ Рахмановъ I-й. Главнымъ рундомъ ходилъ въ 11 часовъ и посты осматривали пополуночи въ 6¹, часовъ штабсъ-капитанъ Яхонтовъ I-й, визитиръ-рундомъ ходилъ въ 1 часъ прaporщикъ Аксаковъ. Унтеръ-офицерскій патруль въ 12 часовъ, ефрейторскій для порядка въ 2 часа, а въ прочие часы патрули каждые четверть часа исправно ходили. (Подписано). Дежурный при караулахъ полковникъ Симаковъ? (или Саблюковъ, не разборчиво).

вина сообщенія, которымъ онъ увѣдомляетъ, чтобъ требовалъ я изъ казначейства слѣдуетое жалованье состоящему при Михайл. Замкѣ плацъ-адъютанту Мацелеву съ 12 Ноября 1800 г. по 1 Январь 1801 г., потому и благоволить оное казначейство означенную сумму денегъ отпустить Мацелеву подъ его расписку 40 р. 42 $\frac{1}{2}$ к.

№ 20. Г. Караульному офицеру, стоящему у Новыхъ воротъ.

По полученіи сего приказа извольте наистройайше подтвердить и смотрѣть, чтобъ ваши часовые (у всѣхъ 4 воротъ, какъ-то у старыхъ, у новыхъ, у ранжерейныхъ и у садовыхъ) не врали; во первыхъ всѣмъ позволять єздить во всѣ вороты во всякое время безостановочно какъ днемъ, такъ и ночью *), а смотрѣть имъ только, чтобы пьяный народъ и побродяги не таскались, а буде который побродяга заупрямится, того брать подъ караулъ, а въпрочемъ никого не останавливать; во вторыхъ: чтобъ случится, то обо всемъ относиться прямо на гаупвахту въ Замокъ, а болѣе никуда.

Сохранившіеся приказы коменданта по наружнымъ карауламъ со времени перѣѣзда Государя во дворецъ, мѣстами даются намекъ на беспокойство, что можетъ что-то случится, о чмъ необходимо доносить только ему, и „ни подъ какимъ видомъ и никуда болѣе“; но намеки эти слишкомъ неопределены и не даютъ основанія утверждать, что комендантъ своеевременно зналъ что-либо о готовящемся событіи. Личный просмотръ нѣкоторыхъ приказовъ самимъ Императоромъ, съ собственноручной его помѣткой „смотришь“ (вместо „наблюдашь“) еще не дѣлаетъ ихъ съ этой стороны сколько-нибудь важными. Гораздо болѣе говорить случайно сохранившейся рапортъ дежурного по карауламъ полковника отъ 14 Февраля 1801 г., изъ которого видно, что „патрули *каждыя* четырти часа исправно ходили“, что указываетъ на болѣе чѣмъ достаточную *внимательную* охрану Замка, почти за мѣсяцъ до трагического событія.

Вышеприведенные бумаги коменданта, отмѣченныя въ его реестрѣ, конечно далеко не исчерпываютъ всѣхъ его распоряженій, изъ которыхъ большинство несомнѣнно отдавались словесно, иногда отъ него лично, иногда отъ имени Государя, къ которому Кутлубицкій являлся раньше другихъ генераловъ каждое утро.

Что касается 11 Марта 1801 г., то искать въ реестрѣ официальныхъ бумагъ коменданта что-нибудь относящееся къ свершившемуся событію, конечно не приходится. Въ этомъ случаѣ необходимо обратиться къ личнымъ воспоминаніямъ Н. О. Кутлубицкаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., насколько

* Было написано „до 10 часовъ вечера“, но зачеркнуто.

это было возможно при условияхъ тогдашней цензуры.... Воспоминанія эти забыты и не повторены въ исторіи царствованія Павла даже Н. К. Шильдеромъ, сочиненіе котораго является наиболѣе подробнымъ. Кутлубицкій избѣгалъ говоритьъ объ этомъ событии даже съ ближайшими къ нему людьми, и ни на какія вопросы на эту тему, ему предлагаемые любопытными, обыкновенно не отвѣчалъ. Единственнымъ естественнымъ исключеніемъ изъ этого правила является продолжительный (болѣе часа) разговоръ его съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, при проѣздѣ сего послѣдняго черезъ Нижній-Новгородъ въ 1837 году; но что онъ передать въ этомъ разговорѣ Государю, всегда интересовавшемуся событиемъ 11 Марта 1801 г., никому не можетъ быть известно, такъ какъ разговоръ этотъ происходилъ наединѣ.

*

Рассказы генерала Кутлубицкаго о временахъ Павла I-го *).

15 Июля 1849 года, въ хуторѣ Никольскомъ, въ 6-ти верстахъ отъ города Городни (Черниговской губерніи) скончался генералъ-лейтенантъ, бывшій генералъ-адъютантъ императора Павла I-го, Николай Осиповичъ Кутлубицкій. За нѣсколько лѣтъ до кончины поселился онъ съ жившею при немъ незамужнею дочерью въ хуторѣ родной сестры своей В.—О.—В., оставивъ на попеченіе сына имѣніе, въ Нижегородской губерніи, подаренное ему Павломъ Петровичемъ и состоящее изъ 1399 душъ.

Я познакомился съ Николаемъ Осиповичемъ въ деревнѣ у родныхъ моихъ, гдѣ онъ гостила по недѣлѣ и болѣе. Онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе. Потомъ нѣсколько разъ я бывалъ у него въ Никольскомъ, гдѣ меня прѣняли особенное, неподдѣльное радушіе и доброта старика и его дочери, невыразимаяискренность и гостепріимство хозяїки и ея любезныхъ дочерей, племянницъ старика, который горячо любилъ сестру и ея дѣтей: помогалъ сыновьямъ ея, бывшимъ на службѣ, предназначалъ пособіе, которымъ желалъ обезпечить недостаточное состояніе своихъ племянницъ. Все это семейство чрезвычайно влекло къ себѣ всякаго. У нихъ, бывало, чувствуешь себя настоящимъ человѣкомъ: нѣть ни приторной угодливости, ни холодной вѣжливости; все такъ тепло, горячо и свободно, все просто,

*) Статью эту написалъ достопамятный дѣятель просвѣщенія въ Черниговской губерніи Александръ Ивановичъ Ханенко, ровно какъ и слѣдующую за нею. Онѣ перепечатываются изъ „Русскаго Архива“ 1866 и 1868 годовъ, нынѣ принадлежащихъ къ числу книжныхъ рѣдкостей. П. Б.

все отъ души. Пословица „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“, въ ихъ обществѣ никогда мнѣ не приходила въ голову. Они были очень религиозны; съ особеннымъ усердіемъ посѣщали церкви: любимымъ чтеніемъ ихъ были книги духовнаго содержанія, которыя они выписывали, но охотно читали и другія книги. Бѣдный всегда ими былъ не только надѣленъ, но и обласканъ у нихъ; нуждающемся они искали сами какъ бы помочь дѣйствительнѣ. Роскоши у нихъ не было, но довольство и чистота такъ и улыбались вездѣ. Глядя на ихъ старый домъ, я часто думалъ: въ такихъ-то домахъ жили когда-то правда и счастіе вмѣстѣ съ нашими дѣдами.

Комната старика украшалась нѣсколькими иконами въ переднемъ углу. Надъ скромной постелью, въ головахъ, безъ рамокъ прибиты были два портрета: Серафима и Марка, подвижниковъ Саровской пустыни. Въ углу небольшой бюстъ императора Павла, и его же портретъ масляными красками, по срединѣ другой стѣны, надъ кроватью. Кроме этого Николай Осиповичъ еще имѣлъ золотую табакерку съ портретомъ его благодѣтеля Павла I-го и съ надписью: По Богу онъ единъ, я имъ и существую. Табакерка эта обратила на себя вниманіе покойнаго императора Николая Павловича и переходила изъ рукъ въ руки придворныхъ, на завтракъ въ Гатчинскомъ дворцѣ, куда Кутлубицкій приглашенъ былъ государемъ, во время представленія ему въ Петербургѣ (послѣ обѣдни къ Николаю Осиповичу явился ординарецъ въ мундирѣ императора Павла, и потомъ онъ приглашенъ былъ къ завтраку).

У Николая Осиповича былъ еще перстень съ камнемъ, на коемъ вырѣзанъ было удивительного сходства профиль императора Павла, работы извѣстнаго въ то время рѣзчика Можжечкова. Во время прїѣзда въ Нижній-Новгородъ покойнаго государя Николая Павловича, Кутлубицкій представлялся ему, особенно отъ другихъ дворянъ, въ кабинетѣ. Государь разговаривалъ съ нимъ болѣе часа. Тогда же онъ обратилъ вниманіе на перстень: велѣлъ его снять, чтобы ближе разсмотрѣть работу и возвращая сказавъ: „если бы мнѣ не жаль было лишить тебя этой вещи, то я бы отнялъ ее у тебя“. Николай Осиповичъ всегда помнилъ эти слова и въ послѣдствіи (въ 1843 году) завѣщалъ одному изъ любимыхъ племянниковъ своихъ, чтобы перстень этотъ, послѣ его смерти, какимъ бы ни было образомъ, былъ переданъ въ руки государя, чтѣ и было исполнено въ 1852 году.

Старикъ Кутлубицкій любилъ поговорить о прежнемъ времени, а я, часто бывая съ нимъ по нѣскольку часовъ на единѣ (впрочемъ

онъ не всегда говорилъ обо всемъ при всѣхъ), любилъ послушать и старался выпытывать у него всѣ подробности царствованія, котораго онъ былъ живая лѣтопись. И потому въ памяти моей сохранился цѣлый рядъ разсказовъ, которые я теперь хочу записать, зная, что иногда самое незначительное происшествіе пустой анекдотъ могутъ бросить новый свѣтъ на характеръ историческихъ лицъ и самого времени; а все прошлое для насъ такъ драгоцѣнно. Всякая подробность прежняго быта, всякая мелочь старины, открывая особенные обычаи или привычки нашихъ предковъ, намъ болѣе и болѣе уясняютъ картину ихъ прежняго быта; и, возсоздавая такимъ образомъ прежнихъ людей и прежнее время, дается возможность современному человѣку наблюдать всѣ незначительныя пружины, всѣ незамѣчаемыя обстоятельства, направлявшія ходъ исторіи. Только на основаніи изученія прошедшаго можно гадать о будущемъ. Только въ прошедшемъ можно наблюдать тѣ законы, по которымъ двигалось человѣчество и по которымъ вѣроятно будѣтъ двигаться впередъ.

Въ предлагаемыхъ мною разсказахъ Кутлубицкаго, я по возможности, сколько помню, буду стараться сохранить тонъ и манеру самаго разсказщика, даже нѣкоторыя его выраженія. Онъ разсказывалъ мнѣ въ разное время, какъ что приходилось; и же постараюсь записать ихъ въ возможно-послѣдовательномъ порядке, хотя много и нельзя будетъ связать хронологической нитью по отдѣльности происшествій.

У Павла Петровича, когда онъ былъ великимъ княземъ и наследникомъ престола и жилъ еще въ Гатчинѣ, была собственная его рота, и при ней пушка, въ которой сдѣлалась раковина. Задѣлывать въ пушкахъ раковины въ то время считалось секретомъ, и задѣлывающій ихъ назывался секретнымъ мастеромъ (весь секретъ состоялъ въ томъ, чтобы, снявъ воскомъ форму раковины, задѣлать ее серебромъ). Наслѣдникъ желалъ самъ видѣть производство этой работы, почему, по его требованію, Мелессино¹⁾ и прислалъ къ нему секретнаго мастера съ адъютантомъ своимъ Аракчеевымъ. Его высочество былъ очень доволенъ, вспомнилъ, что его видѣлъ у его начальника, и въ разговорѣ съ наследникомъ Аракчееву удалось намекнуть: не угодно ли ему въ Гатчинѣ завести артиллерійскую батарею? Павлу это понравилось; онъ попросилъ у императрицы Екатерины двухъ артиллерійскихъ офицеровъ: императрица поручила Мелессино спросить: кто пожелаетъ перейти въ батарею наследника? Старики отвѣчали: *«кого матушкѣ*

¹⁾ Петръ Ивановичъ Мелессино, начальникъ артиллерійского корпуса.

угодно, пусть и назначить; а сами вызываться не станемъ⁴. Мелессино доложилъ ихъ отвѣтъ Екатеринѣ, которая, какъ кажется, была довольна ихъ привязанностью къ ней; а между тѣмъ, желая сдѣлать пріятное наслѣднику исполненiemъ какъ бы уже нѣсколько забытой его просьбы, назначила къ нему вмѣсто двухъ школьнѣхъ офицеровъ (кажется, четырехъ) изъ кадетъ, коихъ ученические чертежи лежали у нея въ кабинетѣ. Она приказала ихъ подать: подъ первымъ чертежомъ подписано было имя Капцевича, подъ другимъ—Кутлубицкаго. Ихъ и назначила она съ другими товарищами. Аракчеевъ, подавшій мысль о составленіи батареи, былъ сдѣланъ ея командиромъ, а Кутлубицкій адъютантомъ при этой батареѣ. Онъ находился всегда при наследнике, который его очень любилъ, называть его Николкой и очень часто заставлялъ его у себя въ кабинетѣ перечерчивать большею частію планы и фасады какихъ-то дворцовъ. Впослѣдствіи жену Кутлубицкаго императоръ называлъ колибри, по причинѣ малаго ея роста.

Однажды, когда онъ принялъ передвигать столъ для своей работы съ одного мѣста на другое, Павелъ Петровичъ сказалъ ему: „Оставь, это не твоѣ дѣло, ты слуга государственный; у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка“ (въ Гатчинѣ онъ зналъ домашнюю жизнь каждого изъ своихъ приближенныхъ). „Иванъ, закричала онъ на Кутайсова, передвинь столъ“. Иванъ Павловичъ Кутайсовъ слышалъ весь разговоръ изъ передней, и съ той поры уже не возлюбилъ Кутлубицкаго.

Черезъ нѣкоторое время его службы, кажется, чуть ли не черезъ годъ, Павелъ Петровичъ самъ предложилъ емуѣхать въ отпускъ къ отцу въ Малороссію; на дорогу подарилъ ему свою шинель, въ которой, говорилъ покойный Николай Осиповичъ, я только передѣлалъ воротничекъ: вмѣсто краснаго поставилъ черный. Великому князю было известно черезъ самого же Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ своемъ имѣніи Полтавской губерніи, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, служилъ въ канцеляріи графа Румянцева, управлявшаго Малороссіею, и находился при немъ въ Турціи, и что по милости графа самъ онъ былъ опредѣленъ въ корпусъ. Почему, отпуская его домой, Павелъ поручилъ ему передать письмо къ Румянцеву, самъ привязалъ его къ шнурку, на которомъ Кутлубицкій, по обыкновенію, носилъ на груди крестъ, приказалъ вручить тайно самому графу, замѣтивъ при томъ, что тайнаго съ нимъ свиданія онъ можетъ добиться чрезъ его карлика.

По пріѣздѣ молодого адъютанта къ обрадованному отцу, первымъ угощенiemъ, по старому обычаю, была ему предложена баня. Домъ отца Николая Осиповича состоять изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ большими сѣнями, въ которыхъ была сдѣлана печка. Послушный сынъ не смѣлъ отказаться отъ бани, а между тѣмъ куда спрятать письмо? Осмотрѣвъ, что въ сѣняхъ никого нѣтъ, вынуль онъ изъ печи кирпичину, положилъ туда свой крестъ съ письмомъ и осторожно закрылъ опять кирпичемъ; по возвращеніи же изъ бани, онъ поспѣшилъ вынуть положенное, такъ чтобы никто не могъ видѣть.

Послѣ первыхъ дней общей радости, проведенныхъ дома, Николай Осиповичъ сказалъ отцу, что ему слѣдовало бы сѣѣздить къ графу Румянцову, поблагодарить за его опредѣленіе въ корпусъ. Отецъ похвалилъ сына за его благородныя чувства, на другой день снарядилъ тележку и въ ней отправился съ сыномъ въ имѣніе графа Ташань, гдѣ онъ тогда проживалъ. Пріѣхавши на мѣсто, остановились въ постояломъ домѣ и, переодѣвшись, отправились въ домъ графа. По докладѣ о нихъ, старикъ вышелъ къ нимъ въ тулуpъ, поблагодарилъ отца и сына за память, погладилъ послѣдняго по головѣ, далъ ему поцѣловать свою руку и пригласилъ обоихъ къ обѣду.

Послѣ обѣда отецъ Николая Осиповича ушелъ отдохнуть, а сынъ сказалъ ему, что останется посмотреть садъ; и только что онъ ушелъ въ садъ, какъ и выбѣжалъ за нимъ карликъ графа, который безпрестанно увидался возлѣ него. Осмотрѣвшись, чтобы никого не было, Кутлубицкій едва успѣлъ сказать ему, что онъ имѣеть надобность видѣть на единѣ графа, какъ карликъ скрылся подъ балкономъ, и чрезъ нѣсколько минутъ кивнулъ ему, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, и провелъ темнымъ коридоромъ въ спальню графа, а самъ исчезъ. Кутлубицкій увидѣлъ передъ собою постель и перегородку, изъ за которой услышалъ слова графа: „взойди, мой другъ, сюда“. И когда онъ взошелъ, старикъ спросилъ его: „что тебѣ надо?“ Кутлубицкій объяснилъ ему свое порученіе и, вынувъ привязанное ко кресту письмо, подалъ его графу, который, поцѣловавъ печать, спросилъ: „за чѣмъ ты прежде мнѣ не сказалъ объ этомъ?“ и приказалъ завтра такимъ же образомъ взойти къ нему для полученія отвѣта. И когда на другой день Кутлубицкій былъ опять тѣмъ же путемъ проведенъ карликомъ, графъ самъ привязалъ ему на крестъ свой отвѣтъ наслѣднику. „Смотри, я тебѣ вручаю, сказалъ онъ, мою сѣдую голову; чтобы у тебя.... этого письма никто не видѣлъ; ежели, въ случаѣ, заболѣешь, сѣвшъ его“. Потомъ прибавилъ: „я вижу, что наслѣдникъ тебя любить;

когда онъ взойдетъ на престоль, вѣроятно ты будешьъ къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое старицкое наставлѣніе: проси у государя за всѣхъ и для всѣхъ; но для себя, чтобы языкъ не заикался, чего нибудь просить. Сердце царево въ руцѣ Божіей, и когда Богу угодно будетъ тебя наградить черезъ царя, то онъ и наградить. Но чтобы самъ ты никогда ничего не просилъ для себя⁴⁾. Кутлубицкій за все время пребыванія своего при дворѣ старался быть вѣренъ этому благородному наставлѣнію рѣдкаго по чувству и характеру вельможи временъ Екатерины и однажды имѣль случай разсказать о томъ императору Павлу, когда онъ спрашивалъ у него, зачѣмъ онъ никогда ничего для себя не просить.

Однажды великий князь, проѣзжая верхомъ по Мѣщанской улицѣ, встрѣтилъ партію арестантовъ и поручилъ слѣдовавшему за нимъ Кутлубицкому подать имъ милостыню. Одинъ изъ нихъ, видя наслѣдника престола, сказалъ такъ, что могъ слышать Павелъ, ѿхавшій шагомъ: „Помяни мя, Господи, егда прїидеши во царствіи твоемъ“. Великий князь приказалъ записать имя и фамилію произнесшаго эти слова и по восшествіи на престоль немедленно велѣль возвратить его на родину. (Записку эту всегда ему клали въ карманъ). Возвращенный былъ уроженецъ Симбирской губерніи Прохоръ Матвѣевъ, невинно осужденный за воровство.

Въ день неожиданной кончины императрицы Екатерины, великий князь Павелъ Петровичъ вѣзъ для развлечения на мельницу, въ Рошу, въ большихъ четверомѣстныхъ саняхъ, вмѣстѣ съ Марию Федоровною. Напротивъ ихъ сидѣлъ графъ Ильинскій, въ какомъ-то странномъ Польскомъ или охотничемъ уборѣ со шнурками, и какой-то другой придворный. На запяткахъ стояли Капцевичъ и Кутлубицкій. Доргой великий князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріей Федоровной снѣ. Сонъ этотъ разсказанъ въ Запискахъ графа Растворчина: „Послѣдній день царствованія Екатерины и первый день императора Павла“ *). По поводу этого сна, графъ Ильинскій сказалъ: „Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною“. У графа былъ процессъ съ казною о имѣніи въ нѣсколько тысяч душъ. На это великий князь отвѣчалъ: „Навѣрное выиграль бы; по моему бы всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управлѣніе: помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція“.

*) Напечатано въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. Росс. 1864, кн. 2.

Во время этой поѣздки пріѣхалъ въ Гатчину съ извѣстіемъ о болѣзни Государыни графъ Зубовъ (брать любимца) и послалъ къ вели-кому князю доложить о своемъ пріѣздѣ двухъ гусаръ по двумъ раз-личнымъ дорогамъ, не зная, по которой изъ нихъ онъ будетъ возвра-щаться.

На возвратномъ пути наслѣдникъ, примѣтивъ скакавшаго противъ него гусара, когда тотъ поровнялся съ санями, спросилъ у него по-Малороссійски (гусары все вообще были изъ Малороссіи): „Що тамъ таке?“ Посланный отвѣчалъ: „Зубовъ пріихавъ, ваше высочество“.— А богацько ихъ? спросилъ Павель¹⁾). Гусарь, вѣроятно часто слыша Русскую пословицу: одинъ какъ перстъ, и не понимая ее, отвѣчалъ: „одинъ якъ песь, ваше высочество“.— Ну съ однимъ можно справиться, отвѣчалъ наслѣдникъ; потомъ снялъ шапку и перекрестился.

Возвратясь во дворецъ, наслѣдникъ призвалъ къ себѣ Зубова въ кабинетъ, велѣлъ приготовить экипажи, но не поѣхалъ въ Петербургъ, пока не присялъ отъ себя нарочнаго находившійся при великихъ князьяхъ кн. Оболенскій²⁾). Тогда Павель уѣхалъ въ каретѣ, а вслѣдъ въ саняхъ съ однимъ изъ придворныхъ Кутлубицій. Дорогою они встрѣчали много посланныхъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ. По при-бытии въ зимній дворецъ, государя встрѣтили на крыльца со свѣчами. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были въ мунди-рахъ его полка (вѣроятно Гатчинскихъ).

По восшествіи уже на престолъ, однажды, когда сѣѣзжались во дворцовую церковь къ обѣднѣ, Павель, замѣтивъ въ окно очень красивыхъ лошадей, спросилъ: „Чьи они?“ И когда ему доложили, что это лошади графа Румянцева, то онъ сказалъ: „жалъ, что они не въ Нѣмецкой упряжи, они бы были еще красивѣе“. Узнавъ такое мнѣніе государя, генераль-губернаторъ Петербургскій Архаровъ побѣжалъ под-писки у всѣхъ жителей Петербурга, чтобы никто не ъѣзжалъ иначе, какъ въ Нѣмецкой упряженіи, о чёмъ немедленно далъ знать брату сво-ему, второму Московскому генераль-губернатору³⁾, который въ свою очередь обязать такими же подписками жителей Москвы, не спросясь о томъ предварительно у старшаго тамошняго генераль-губернатора

¹⁾ Т. е.: много ли ихъ?

²⁾ ?. . П. Б.

³⁾ Тогда въ столицахъ было по два генераль-губернатора, второй или младшій несъ должность оберъ-полицеймейстера и былъ замѣненъ имъ впослѣдствіи.

князя Долгорукова *). Стариkъ обидѣлся и написалъ о томъ государю. Получивъ письмо, Павель тотъ чашь же послалъ Кутлубицкаго съ приказаниемъ, чтобы Архаровъ просилъ прощенія у князя Долгорукова, поручивъ арестовать первого и посадить подъ Ивановскую колокольню, ежели онъ не примирится съ княземъ. „Смотри, прибавилъ государь, чтобы твоя одна нога была здѣсь, а другая въ Москвѣ. Всѧ Россія собирается въ Москву къ моей коронаціи, а они всѣхъ заставляютъ передѣлывать упряжи“.

Кутлубицкій пріѣхалъ къ князю Долгорукову; узнавъ, что онъ отдыхаетъ, просилъ его не будить; а между тѣмъ послалъ за Архаровымъ, рассказалъ ему причину своей посылки, объяснивъ ему необходимость просить у князя прощенія. Между тѣмъ князь проснулся, выслушавъ царскаго флигель-адъютанта, простила Архарова и поцѣловался съ нимъ по просьбѣ Кутлубицкаго, какъ онъ говорилъ, для того, чтобы донести ему можно было о томъ государю; просилъ также разорвать и самое письмо Долорукаго къ государю, привезенное имъ обратно. Окончивъ это, Кутлубицкій полетѣлъ на фельдъ-егерскихъ назадъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ часу въ 10-мъ вечера, прямо во дворецъ. Кутайсовъ, узнавъ, что Кутлубицкій стучится въ дверь, не велѣлъ его пускать; но тотъ успѣлъ продвинуть свою палку въ дверь и сильно стукнулъ въ нее кулакомъ, чтò случилось въ то самое время, когда Павель въ халатѣ и колпакѣ проходилъ въ свою опочивальню. Онъ вздрогнулъ, услыша стукъ; но когда ему объяснили Кутайсовъ, что это ломится въ дверь Кутлубицкій и что ему сказано было, что теперь не время беспокоить государя, то онъ велѣлъ его тотчасъ же впустить, прибавивъ, что онъ съ нетерпѣнiemъ ожидалъ его. Обрадованный донесенiemъ Кутлубицкаго, Павель надѣлъ на него снятый съ себя орденъ св. Анны, который онъ всегда носилъ на шеѣ. Когда онъ выходилъ изъ кабинета, камеръ-лакей успѣлъ ему шепнуть, что ему нужно что-то ему передать на единѣ. Кутайсовъ, увидѣвъ у Кутлубицкаго орденъ на шеѣ, приказалъ подать Шампанского, чтобы его поздравить. Выпили по стакану вина; наконецъ, чтобы узнать, чтò хочетъ сказать ему камеръ-лакей. Кутлубицкій просилъ Кутайсова перемѣнить данный государемъ орденъ: такъ какъ онъ къ нему привѣился, привыкъ, то вмѣсто того изъ орденовъ государя дать другой такой же.

По уходѣ Кутайсова, камеръ-лакей сказалъ ему, что наслѣдникъ престола просить его явиться къ нему во всякое время. Когда

*) Князя Юрія Владимировича.

онъ возвратится изъ Москвы, хотя бы и ночью. Кутлубицкій поспѣшилъ къ наслѣднику. Въ первой комнатѣ, по его словамъ, горѣла свѣча и сидѣла штатсъ-дама: другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась передъ образами лампадка. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ и, руководимый свѣтомъ лампадки, онъ прямо подошелъ къ кровати, на которой подъ одѣяломъ лежалъ Александръ Павловичъ съ своею супругою. Замѣтивъ у Кутлубицкаго пожалованный ему орденъ, онъ и Елизавета Алексѣевна поздравили его. Кутлубицкій поцѣловалъ руку наслѣдника и, обѣжавши кругомъ кровати, поцѣловалъ также поданную изъ подъ одѣяла руку его супруги. Александръ Павловичъ пригласилъ сѣсть Кутлубицкаго и разсказать ему, зачѣмъ онъ былъ посланъ въ Москву; Кутлубицкій отвѣчалъ: „кто же мнѣ поручится, что ваше высочество сохраните въ тайнѣ то что я скажу?“—„Какую же тебѣ нужно поруку: ну вотъ Богъ тебѣ порукою“, отвѣчалъ наслѣдникъ, указывая на образъ. Тогда Кутлубицкій и рассказалъ ему всѣ подробности своего порученія.

При этомъ разсказѣ, я замѣтилъ Николаю Осиповичу странность и неблаговидность его поруки, почти клятвы, у наслѣдника въ такомъ неважномъ дѣлѣ. Стариkъ мнѣ отвѣчалъ: „надо было жить въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, тогда бы поступокъ мой не показался бы страннымъ; я еще жалѣлъ, что не попросилъ таковой же поруки у Елизаветы Алексѣевны“.

По смерти императрицы Екатерины, Зубовъ оставался по дворцѣ по прежнему¹⁾. Между тѣмъ Павелъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдалъ его какъ дворецъ, только не велѣлъ ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на иѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, тогда, наканунѣ рожденія Зубова, государь послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія²⁾, и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и перѣѣхалъ со дворца въ подаренный ему домъ.

На слѣдующій день императоръ съ Марию Федоровною въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицкаго (на запяткахъ), послѣ обѣда,

¹⁾ Князь Зубовъ жилъ въ томъ помѣщениі съ Комендантскаго подъѣзда, гдѣ въ наши дни жила и скончалась графиня А. Д. Блудова. П. Б.

²⁾ Князю Зубову не было и 30 лѣтъ, родился онъ 15 Ноября 1767 года. П. Б.

отправился къ Зубову, который встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ руку по лѣстницѣ, при чёмъ Павелъ сказалъ ему: „кто старое помянетъ, тому глазъ воинъ“. Въ гостинной подали Шампанского; государь сказалъ графу: „сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добра“; и обращаясь къ государынѣ, сказалъ: „вышей все до капли“. И выпивши самъ разбилъ бокалъ, при чёмъ опять Зубовъ падалъ къ ногамъ его и былъ поднятъ съ повтореніемъ: „Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ воинъ“. Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи Федоровнѣ: разлей чай, у него вѣдь нѣть хозяйки. По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили и, по обыкновенію тогдашняго времени, опрокинули на блюдца чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: „вѣдь вы дома вѣроятно пьете по двѣ чашки и не хотите беспокоить государыню; она нальетъ вамъ и по другой.“ Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Зубовымъ по лѣстницѣ. Считаясь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ. Вскорѣ потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу.

Въ послѣднее время царствованія императрицы Екатерины, прѣѣжалъ изъ Германіи какой-то князь очень красивой наружности, по выражению Николая Осиповича, „какъ писанный“, и помѣщенъ былъ во дворцѣ *). Цѣль его прїѣзда была обратить на себя благосклонное вниманіе императрицы. Къ нему опредѣленъ былъ для показанія Петербурга чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Самъ ли кн. Зубовъ или изъ уображенія къ нему другое успѣли искусною интригою повредить прїѣзжему князю; не смотря на то, онъ по видимому начиналъ нравиться императрицѣ. Въ то время въ Измайлловскомъ полку служилъ князь Щербатовъ, молодой человѣкъ пылкаго нрава, иногда предававшійся увлеченіямъ и шалостямъ своихъ лѣтъ. Въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ кресель, сидѣлъ Нѣмецкій князь съ приставленнымъ къ нему чиновникомъ. Рядомъ съ надменнымъ гостемъ занималъ мѣсто упомянутый князь Щербатовъ, въ кафтанѣ, съ модною въ то время суковатою палкою. (Военнымъ вѣдь службы тогда позволено было ходить въ статскомъ платьѣ). Въ антрактѣ Щербатовъ спросилъ по французски своего сосѣда: Какъ вамъ нравятся, князь, наши Русскіе актеры? Но не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ по нѣмецки. Вмѣсто отвѣта гордый иностранецъ, обратившись къ своему приставу, сказалъ

*) Это былъ принцъ Десаксъ. П. Б.

ему: „Какъ дерзки у васъ молодые люди! Они такъ смѣло навязываются со своими разговорами“.—Ахъ ты, Нѣмецкая свинья. Я самъ Русскій князь, закричалъ вспыльчивый Щербатовъ, и ударилъ своею палкою по лицу надменнаго Нѣмца. Окровавленнао его увезли домой, но уже не во дворецъ, а въ лучшую гостиницу, куда перевезли всѣ его вещи. Встревоженный Зубовъ доложилъ тотчасъ же о случившемся непріятномъ происшествіи и объяснилъ, что онъ считаетъ теперь не-приличнымъ битаго князя помѣстить во дворцѣ и долженъ быть для него приготовить другое помѣщеніе. На другой день императрица черезъ Зубова послала ему табакерку съ своимъ портретомъ и съ изъявленіемъ крайняго сожалѣнія о случившемся. Князь, принявъ съ признательностью подарокъ императрицы, поблагодарилъ Зубова за случившееся съ нимъ, намекнувъ, что онъ найдетъ время съ нимъ расчитаться, и уѣхалъ за границу.

Молодой Щербатовъ былъ отставленъ изъ полка, съ запрещеніемъ вѣзжать въ столицу. По восшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ вызвалъ его изъ деревни и опредѣлилъ въ тотъ же полкъ съ пожалованіемъ чинами противъ сверстниковъ. Князь Зубовъ, находясь за границей, получилъ отъ оскорблennаго въ Россіи Нѣмецкаго князя вызовъ на дуэль; тотъ, считая себя не въ правѣ стрѣляться за Щербатова, переслалъ ему вызовъ. Императору было известно объ этомъ, и когда князь Щербатовъ просился у него въ отпускъ за границу, то онъ приказалъ дать ему на дорогу пять тысячъ рублей. Когда Щербатовъ по возвращеніи представлялся государю, онъ былъ очень доволенъ и спросилъ его: „что убилъ Нѣмецкую свинью?“ На что тотъ отвѣчалъ утвердительно.

Въ царствованіе императора Павла въ Петербургѣ было только семь Французскихъ модныхъ магазиновъ: онъ не позволялъ больше открывать, говоря, что терпить ихъ только по числу семи смертныхъ грѣховъ.

Во время пребыванія государя послѣ коронаціи въ Москвѣ, онъ любилъ по утрамъ гулять верхомъ по городу. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, онъ замѣтилъ у церкви Иоанна Воина, за Москвой-рѣкой, большое стченіе народа; узнавъ, что народъ собрался по случаю храмового праздника слушать проповѣдь отца Матея, онъ сошелъ съ лошади, отдалъ ее полицейскому чиновнику, а самъ, вошедъ въ церковь, остановился у самаго входа за народомъ, облокотясь на одного изъ мужиковъ. Между тѣмъ вышелъ въ рясѣ, изъ сѣверныхъ вратъ

алтаря, не служившій въ тотъ день священникъ отецъ Матвѣй, сталъ передъ налоемъ и началъ проповѣдывать. Предметомъ проповѣди была жизнь празднуемаго Святаго, Иоанна Воина. Проповѣдникъ не могъ видѣть государя и краснорѣчivo говорилъ о долгѣ воиновъ: не жалѣть своей жизни, сражаясь за вѣру и царя, и о проистекающей изъ того обязанности царей любить своихъ подданныхъ, дорожить ими и заботиться о ихъ благосостояніи. Проповѣдь эта такъ тронула государя, что глаза его были наполнены слезами; прослушавъ ее до конца, онъ вышелъ изъ церкви, и когда полицейскій чиновникъ подвелъ ему лошадь, онъ сказалъ ему: ты вѣрно сегодня на водкѣ у священника будешь видѣть отца Матвѣя; скажи ему мое спасибо. По возвращеніи во дворецъ, императоръ послалъ за митрополитомъ Платономъ и сказалъ ему: „Ты меня училъ закону Божьему и помазалъ на царство. но я отъ тебя не слыхалъ такого наставленія. какъ сегодня отъ отца Матвѣя; привези его сейчасъ ко мнѣ съ проповѣдью“, что немедленно было и исполнено. Когда вошелъ отецъ Матвѣй, государь подошелъ къ нему подъ благословеніе, и когда тотъ не хотѣлъ дать поцѣлововать ему руку, Павель сказалъ ему: „Я у тебя цѣлую руку, какъ у служителя алтаря, а ты у меня какъ у помазанника Божія. Если ты мнѣ не дашь своей, то и я не дамъ тебѣ моей руки“. Послѣ сего отецъ Матвѣй исполнилъ желаніе государя, который заставилъ его вновь прочесть предъ нимъ проповѣдь и просилъ его подарить ему. говоря. что онъ, вставши съ постели и помолившись Богу, прочтетъ ее, прежде чѣмъ начнетъ заниматься дѣлами. И съ тѣхъ поръ всегда на столикѣ предъ постелью государя клали вмѣстѣ съ молитвенникомъ и эту проповѣдь.

Государь тогда же пригласилъ отца Матвѣя быть придворнымъ проповѣдникомъ, поручивъ митрополиту озабочиться продажею его дома, по отѣзгѣ его въ Петербургъ, куда онъ тогда и отправился. На новомъ мѣстѣ своего назначенія, онъ къ каждому празднику приготовлялъ проповѣдь; но ни разу не произносилъ ихъ въ продолженіи года, потому что не получалъ на то приказанія. Въ продолженіи этого времени скончалась его жена, оставленная имъ въ Москвѣ. По случаю бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ палатиномъ Венгерскимъ, совершившагося въ Гатчинѣ, туда побѣжалъ весь дворъ, по тѣснотѣ помѣщенія митрополиту съ архіереемъ отведена была только одна комната. Отецъ Матвѣй пришелъ туда къ митрополиту и сказалъ ему о желаніи своеемъ принять монашество. Владыка одобрилъ его намѣреніе и обѣщался постричь его по возвращеніи въ Лавру. Нѣть, постригите меня здѣсь, потому что такъ желаетъ государь,

отвѣчалъ отецъ Матвѣй. На другой день по постриженіи съ именемъ Михаила, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Сергиевской пустыни близъ Петербурга, и на обѣднѣ во время церемонія его назначенія, передъ словами: аксіосъ, Кутлубицкій, по приказанію императора, принесъ на серебряномъ блюдѣ орденъ Иоанна Іерусалимскаго, который и былъ возложенъ на него императоромъ. На слѣдующій день онъ былъ хиротонисанъ во епископа и такимъ же порядкомъ Кутлубицкимъ былъ принесенъ орденъ первой степени Иоанна Іерусалимскаго, уже на золотомъ блюдѣ.

Однажды императоръ Павелъ ѿхалъ по Петербургу; за его экипажемъ слѣдовала верхомъ Кутлубицкій; онъ издали примѣтилъ карету, ѿхавшую на встрѣчу государю. И такъ какъ въ то время всѣ экипажи, встрѣчающіеся съ нимъ, должны были останавливаться: мужчины выходили изъ нихъ, а дамы дѣлали реверансъ на ступенькахъ кареты, почему всѣ почти экипажи избѣгали встрѣчи съ государемъ, завидѣвшіи его, сворачивали въ другія улицы, то Николаю Осиповичу пришло на мысль, что это какая-нибудь провинціальная. Когда карета поровнялась съ государемъ, дверки отворились, и на ступенькахъ появилась дама, горбатая съ переди и съзади. Государь хотѣлъ отвѣтить поклономъ на ся привѣтствіе; но онъ вдругъ отворотился и надулся. Кутлубицкій, замѣтивъ неудовольствіе государя, послѣшилъ догнать экипажъ и узналъ у лакея о имени и мѣстѣ жительства барыни. Императору понравилась расторопность Кутлубицкаго. Онъ подозвалъ его рукой къ себѣ и спросилъ: „что это за дама?“—Польская графиня такая-то.—„Зачѣмъ она сидѣла на ступенькахъ?“ Это такъ показалось вашему величеству, потому что она горбата съ переди и съзади.

По возвращеніи во дворецъ, государь приказалъ Кутлубицкому узнать, за чѣмъ прїѣхала эта графиня въ Петербургъ. Оказалось, что она имѣла значительный процессы въ Сенатѣ о помѣстьѣ, состоявшемъ изъ яѣсколькихъ тысячъ душъ, продолжавшійся уже лѣтъ десять. Она уже нѣсколько разъ, по приглашенію своихъ знакомыхъ, прїѣзжаетъ въ Петербургъ для окончанія этого дѣла; но, несмотря на обѣщанія, оно все не оканчивается. Государь на другой день по утру послалъ Кутлубицкаго къ генералъ-прокурору князю Куракину сказать, чтобы онъ не выпускалъ сенаторовъ изъ присутствія, пока они не кончатъ того процесса и чтобы онъ самъ привезъ къ государю рѣшеніе по оному.

Николай Осиповичъ засталъ князя Куракина въ уборной, окруженнаго оберъ-секретарями; они хотѣли удалиться, видя въ немъ

посланника Павла, но онъ просилъ ихъ оставаться и при нихъ передалъ приказаніе императора. Разумѣется, дѣло было кончено въ тотъ же день и въ пользу графини. Когда князь Куракинъ привезъ къ государю сенаторское рѣшеніе, то онъ приказалъ тотъ-часъ снять съ него кошю и завѣрить самому Куракину, и приказалъ отвезти таковую къ графинѣ, при чёмъ отойдя и подозревавъ Кутлубицкаго къ окну, сказалъ ему тихонько: „Николка, посторайся, чтобы завтра уѣхала изъ Петербурга эта графиня“. Николай Осиповичъ тотъ часъ же отправился къ ней и засталъ у нея почти всѣхъ сенаторовъ-Поляковъ, которые, узнавъ, что государь принимаетъ въ ея дѣлѣ участіе, нашли приличнымъ посѣтить ее. Когда Кутлубицкій подалъ ей отъ имени государя рѣшеніе, и она прочла его, то она перекрестилась и отъ радости не могла устоять на ногахъ. Пришедши въ себя, она сказала: „Позвольте, генералъ, выпить Шампанского за ваше здоровье?“ — „Хорошо, матушка, отвѣчалъ Кутлубицкій, сперва выпьемъ за здоровье государя, а потомъ и за меня грѣшнаго“. Послѣ Шампанского, онъ сказалъ графинѣ, отозвавши ее въ сторону, что государю угодно, чтобы она тотъ часъ выѣхала изъ Петербурга. Она отвѣчала, что очень рада была тотчасъ это исполнить, но не можетъ такъ скоро достать подорожную и лошадей. „Обѣ этомъ не беспокойтесь, матушка“, отвѣчалъ Николай Осиповичъ и, пославъ за частнымъ приставомъ, приказалъ ему тотчасъ доставить подорожную и лошадей. Графиня между тѣмъ собралась, и онъ верхомъ проводилъ ее до заставы. Когда, возвратясь во дворецъ, доложилъ государю о томъ, что она выѣхала и онъ проводилъ ее за заставу, то онъ былъ очень доволенъ и поцѣловалъ точнаго исполнителя его приказаній въ лобъ.

Государю, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, угодно было послать на ревизію полковъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ, Кутлубицкаго, несмотря на то, что ревизія этихъ войскъ только что произведена была двумя генералами, посланными по высочайшему повелѣнію. Николай Осиповичъ, прибывъ на мѣсто расположенія перваго, подлежащаго его ревизіи, полка, узналъ, что ревизоры брали съ каждого полка взятки, подъ видомъ денегъ на прогоны, тогда какъ имъ на дорогу и содержаніе отпущены были деньги передъ отправленiemъ ихъ изъ Петербурга. Почему онъ счелъ необходимымъ написать къ нимъ, чтобы взятыя ими съ каждого полка деньги были ими возвращены, о чёмъ онъ на обратномъ пути будетъ освѣдомляться, и, чтобы они такимъ образомъ избавили его отъ непріятности донести о томъ государю.

Въ эту поѣздку Николай Осиповичъ встрѣтился въ Каменцѣ-Подольскѣ со знакомой ему графинею, которой уродство принесло такую же существенную пользу, какую часто приносить красота. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовало могущество красоты, изъ уваженія къ которой удалено было ей противуположное.

По мѣрѣ возвращенія Николая Осиповича, по забраннымъ имъ въ полковыхъ канцеляріяхъ справкамъ, оказывалось, что взятая прежними инспекторами деньги были возвращены, исключая 4,000 рублей. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, бывшіе ревизоры успѣли, прежде представленія его императору, увидѣться съ нимъ, прося его пощадить ихъ. и, когда онъ спросилъ ихъ: зачѣмъ они не прислали остальныхъ денегъ, то они отвѣчали, что остальные взялъ Иванъ Павловичъ себѣ, и когда они ему говорили о возвращеніи, то онъ и слышать не хотѣлъ.

Государь былъ очень обрадованъ пріѣздомъ Кутлубицкаго, пожаловалъ, по словесному его представленію, семействамъ нѣкоторыхъ отставныхъ генераловъ и полковниковъ пансионы. По словамъ Кутлубицкаго нѣкоторые изъ нихъ были до того бѣдны, что жены и дочери сами воду носили. Поговоривъ съ нимъ, императоръ обыкновенно въ эту пору послѣ обѣда ходилъ къ Маріи Федоровнѣ пить кофе; онъ приказалъ идти за собою и Николаю Осиповичу, и представлялъ его государынѣ, говоря, что онъ очень радъ, что по ревизіи его не сдѣлано никого несчастнымъ. Выпивши вмѣстѣ съ государемъ чашку кофе изъ рукъ императрицы, онъ послѣдовалъ за нимъ по приказанію черезъ внутреннія комнаты въ залу, куда съѣзжались ежедневно по вечерамъ лица, составлявшія общество двора. Когда вошли въ залу, Кутлубицкій пробѣжалъ за колоннами и сталъ на свое мѣсто, какъ вдругъ государь позвалъ его и, обращаясь къ знаменитому Репнину, сказалъ ему: „Ваше сіятельство, вотъ мой щенокъ *), мой генераль-инспекторъ; онъ посланъ былъ на ревизію столькихъ полковъ, и я черезъ него не сдѣлалъ ни одного несчастнаго, а ваше сіятельство сегодня представили мнѣ двухъ капитановъ написать въ рядовые“.— Что жъ дѣлать, государь, отвѣчалъ Репнинъ, они этого стоили. „А ты думаешьъ какъ, Николака?“ сказалъ Павель, взглянувъ на Кутлубицкаго. Тотъ упалъ на колѣни со словами: государь, ты милостивъ, прости ихъ! „Растопчинъ“ сказалъ на это Павель, напиши указъ, что я ихъ прощаю“.

*) „Что онъ послалъ ревизовать нась своего щенка?“ говорили недовольные этой посылкой старики-генералы, но вѣроятно эти слова дошли до императора.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось Кутлубицкому, жившему во дворцѣ (по прежнему обычаю) ударить придворнаго лакея за грубость; тотъ пожаловался Нарышкину, который довелъ о томъ до свѣдѣнія государя. Онъ сдѣлалъ выговоръ Кутлубицкому и не велѣлъ ему являться на глаза. Это случалось съ приближенными Павла нѣрѣдко. Старикъ Николай Осиповичъ говорилъ, что это значило, что день онъ могъ отдохнуть дома, зная, что его не потребуютъ, тогда какъ въ обычновенное время и ночью онъ не совсѣмъ раздѣвался, чтобы быть готовымъ на призывъ императора. Но вышло противное. Когда разсерженный государь прогналъ Кутлубицкаго, Кутайсовъ навязывалъ ему галстухъ и на слова его: „Кутлубицкій слишкомъ уже распаниѣль“, отвѣчалъ „какъ ему не распанѣть, когда ваше величество такъ его балуете. Вотъ онъ посланъ былъ на ревизію полковъ; его предшественникамъ, прежнимъ ревизорамъ, назначено было на путевые издержки по 10,000 рублей, а ему ваше величество изволили забыть сдѣлать о томъ распоряженіе. Чтожъ, онъ не хотѣлъ даже попросить меня напомнить о томъ вашему величеству“. „Чѣмъ же онъ ъздилъ, возразилъ государь, браль ваятки?“ — „Мало чего не говорять по городу“, отвѣчалъ Кутайсовъ. — „Позвать Кутлубицкаго“, закричалъ вспылившій Павелъ, и Николай Осиповичъ, явившійся по зову, увидѣлъ въ камординерской Кутайсова и Нарышкина, сидящихъ на диванѣ. „Кутлубицкій, сказалъ изъ нихъ первый, вѣсъ требуетъ государь“ и указалъ на дверь.

Павелъ въ волненіи ходилъ по кабинету и, увида вошедшаго Кутлубицкаго, встрѣтилъ его гнѣвнымъ взглядомъ и словами: „такъ ты воръ!“. Но тотъ, мгновенно сmekнувъ въ чемъ дѣло и чувствуя свою невиновность, а также зная характеръ Императора, бросился передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Государь, ежели я виноватъ, повели меня казнить; но ежели я правъ, повели казнить и того кто меня оклеветалъ“. Павелъ, пораженный его словами, началъ успокiovаться. Тогда Николай Осиповичъ на болѣе спокойный вопросъ: откуда онъ взялъ денегъ на дорогу, объяснилъ, что онъ, незадолго передъ командировкою своею, получивъ въ подарокъ отъ него 1300 душъ, считалъ неприличнымъ просить еще денегъ на путевые издержки, и просилъ начальника недавно учрежденного тогда банка графа Румянцева дать ему подъ залогъ 100 душъ 20,000 рублей, который отвѣчалъ ему, что для этого нужно предварительно соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, требующихъ времени. почему онъ и предлагалъ ему пока своихъ 20,000, которыхъ онъ ему возвратить по совершеніи залога. — „Куда же ты дѣвали всѣ эти деньги? Ты ихъ не могъ употреб-

бить вѣсъ на дорогу?“ спросилъ его Павелъ.—Не спрашивай, государь. отвѣчалъ Николай Осиповичъ: но не смотря на неоднократное повтореніе: „не спрашивай, государь“, онъ наконецъ, по настоянію Павла, долженъ былъ признаться, что значительную часть этихъ денегъ отдалъ бѣднымъ отставнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, отъ имени императора, на что имѣеть ихъ расписки. Тогда государь отпустилъ милостиво Кутлубицкаго и закричалъ: „Ивана сюда!“ Николай Осиповичъ занялъ на диванѣ мѣсто Кутайсова, который поспѣшилъ на зовъ государя. Въ скважину замка видно было, какъ снята была съ него лента и посыпались на спину удары палкою, которыхъ Кутлубицкій съ Нарышкинымъ насчитали 40. Во время этой операциіи, шумъ отъ которой достигъ до кабинета Маріи Федоровны, бывшаго надъ самымъ кабинетомъ государя, прибѣжалъ камеръ-лакей государыни спросить: отъ чего шумъ въ комнатѣ императора? На что отвѣтилъ Кутлубицкій: скажи матушкѣ, что батюшка Иванку за Николку наказываетъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ кабинета съ повязанной лентой Иванъ Павловичъ, но на спинѣ виднѣлись слѣды палки. Онъ сѣлъ молча возлѣ Кутлубицкаго; но черезъ нѣсколько минутъ вызвалъ его въ другую комнату и сказалъ ему: „Прости меня, Николай Осиповичъ, я передъ тобою виноватъ“.—Богъ съ вами, Иванъ Павловичъ. Государь вѣсъ наказалъ и довольно; съ вола двухъ шкуръ не деруть.—„Поди же скажи объ этомъ Государю: онъ мнѣ не приказалъ являться къ нему на глаза, пока ты не простишь“. Кутлубицкій вошелъ въ кабинетъ, сталь передъ Павломъ на колѣни и сказалъ ему: Государь, прости Ивана Павловича; ты наказалъ его и довольно: съ вола двухъ шкуръ не деруть.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Павловичъ успѣлъ таки отдать отъ двора Кутлубицкаго: онъ былъ сдѣланъ членомъ артиллерійскаго департамента, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Аракчеевъ. Тотъ сейчасъ же хотѣлъ командировать его для осмотра Казанскаго порохового завода, но Николай Осиповичъ отклонилъ отъ себя это порученіе. Во время новаго назначенія онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ предсѣдателемъ и бывалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Гроздинѣ. Между тѣмъ, покровительствомъ Кутайсова, Аракчееву назначень былъ особенный докладъ государю, разъ въ недѣлю, въ Четвергъ, по дѣламъ артиллерійскаго департамента, чего никогда не бывало и не нужно было, потому что артиллерійскій департаментъ составлялъ часть вѣдомства Военной Коллегіи. Это сдѣлано было единственно для Аракчеева, чтобы доставить ему случай чаще быть въ сношеніи съ государемъ; но это продолжалось недолго: Аракчеевъ имѣлъ только всего два доклада.

Вотъ какъ это случилось. Государь тогда жилъ въ Гатчинѣ и послѣ первого доклада Аракчеева разсердился на Кутайсова, прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза, и передъ его квартирой, постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которая перемѣнялись каждые два часа, какъ бы въ ожиданіи, куда везти любимца. Пріѣхавши со вторымъ докладомъ. Аракчеевъ не нашелъ нужнымъ посѣтить находящагося въ немилости. Между тѣмъ въ Петербургѣ жила жена Кутайсова и не знала о происшествіи съ ея мужемъ: ей никто обѣ этмъ не говорилъ, чтобы напрасно ея не тревожить, такъ какъ это случалось съ приближенными императора нерѣдко и продолжалось недолго. Къ графинѣ Кутайсовой въ это время родственники прислали изъ деревни какого-то близкаго имъ сироту-мальчика, прося опредѣлить его въ кадетскій корпусъ. Такъ какъ Аракчеевъ былъ въ то время начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, то она послала этого мальчика къ нему съ адъютантомъ своего мужа, прося приказать опредѣлить его. Аракчеевъ наканунѣ возвратился изъ Гатчины и когда войдя въ пріемную увидѣлъ адъютанта съ мальчикомъ и узналъ отъ него въ чёмъ дѣло, то сказалъ при находящихся тогда въ его пріемной: „мнѣ все попрекаютъ Кутайсовъ, а я отъ него и выйденного яйца не видѣлъ; скажите графинѣ, что я не могу опредѣлить его въ корпусъ“. Когда адъютантъ передалъ слова эти графинѣ, она была въ непріятномъ волненіи и не могла понять, что это значитъ. Въ это самое время Николай Осиповичъ проходилъ мимо ея оконъ, она его подозвала и рассказала о случившемся. „Не беспокойтесь, графиня, возразилъ онъ, дайте мнѣ этого мальчика: я сейчасъ опредѣлю его“:—„Сдѣлайте одолженіе и если нельзя на казенный, то на мой счетъ“.—„Не беспокойтесь, повторилъ Николай Осиповичъ, каждый начальникъ корпуса его приметь, узнавъ, что онъ присланъ вами“. Такъ и случилось: онъ взялъ мальчика съ собою въ корпусъ, гдѣ при имени графини Кутайсовой его тотъ часъ же принесли. Графиня рассказала обо всемъ своему мужу, который, съ недѣлю посидѣвши дома и наслушавшись въ волю, не трогаясь съ места, почтоваго колокольчика, опять вступилъ въ прежнее значеніе при императорѣ. Оскорблennyй внезапной перемѣнной прежнихъ отношеній къ нему Аракчеева, Кутайсовъ задумалъ погубить его, и орудіемъ этого избралъ Кутлубицкаго, никогда искренно не расположеннаго къ Аракчееву. Графъ Иванъ Павловичъ былъ мастеръ въ интригахъ: недаромъ онъ, плѣнnyй Турченокъ, взятый въ Кутансѣ впослѣдствіи былъ отправленъ къ камердинеру Людовику XVIII-го, по словамъ Николая Осиповича, учиться дворскимъ хитростямъ.

Неожиданно Николай Осиповичъ быль потребованъ въ Гатчину. „Правда ли, спросилъ у него, государь, что Аракчеевъ у себя въ Грузинѣ выстроилъ домъ артиллерійскими солдатами? Вѣдь ты у него бывалъ тамъ?“ Николай Осиповичъ хорошо зналъ, что это правда и дѣйствительно быль у него въ Грузинѣ, но отвѣтилъ: „Я быль у Аракчеева не въ Грузинѣ, а въ другой отчинѣ и не думаю, чтобы это была правда, потому что у Аракчеева не двѣ головы и ему известна вся отвѣтственность за подобнаго рода поступки“. „Ну, Николака, сказалъ Павель, ты опять при моей особѣ подвижнымъ комендантомъ: гдѣ я буду, тамъ и ты. Теперь ступай, отпусти своихъ животовъ (лошадей) въ Петербургъ, а самъ въ придворномъ экипажѣ поѣзжай въ Петергофъ и приготовь все къ моему прїѣзду: я завтра туда перебѣжаю“.

У Николая Осиповича быль вѣрный кучерь Татаринъ, на котораго было можно совершенно положиться; а такъ какъ, по прежней адъютанской привычкѣ, онъ имѣлъ всегда карандашъ и клочокъ бумаги, то онъ поспѣшилъ написать на ней нѣсколько словъ, предупреждая Аракчеева, чтобы тотъ принялъ свои мѣры (потому что вѣроятно тотчасъ же будетъ посланъ въ Грузино флигель-адъютантъ для разслѣдованія этого дѣла) и отдавая записку въ руки кучера. сказалъ: по прїѣздѣ въ Петербургъ отнеси и отдай эту записку въ руки самому графу Аракчееву и когда онъ прочтетъ, попроси его при тебѣ же сжечь.

Когда Николай Осиповичъ прїѣхалъ въ Петербургъ, явился туда флигель-адъютантъ Балабинъ, говоря, что при отправленіи его для произведенія слѣдствія въ Грузинѣ, ему приказано было увидаться съ нимъ и распросить о дорогѣ.

Изъ Петербурга въ Грузино прямой проселочной дорогой было верстъ 75, а почтовой на Новгородъ верстъ 200. Николай Осиповичъ совѣтовалъ избрать ему послѣднюю, тѣмъ болѣе, что въ проѣздѣ его черезъ Новгородъ губернаторъ доставить ему все зависящее отъ него для удобнѣйшаго производства порученнаго ему на мѣстѣ разслѣдованія. Между тѣмъ, когда кучерь Кутлубицкаго явился къ Аракчееву, и отдалъ ему въ кабинетѣ глазъ на глазъ, отправленную черезъ него записку, Аракчеевъ прочелъ ее, и слезы покатились у него на глазахъ; и когда кучерь повторилъ просьбу Николая Осиповича, чтобы онъ эту записку при немъ сжегъ, Аракчеевъ отвѣчалъ: скажи своему генералу, что я не сожгу ея, а при тебѣ сѣмъ, и тотчасъ же это исполнилъ.

Немедленно посланъ бытъ Аракчеевымъ адъютантъ прямымъ путемъ въ Грузино и съ помощію мѣстного исправника успѣлъ устроить тамъ дѣло такъ, что, не смотря на то, что, по словамъ Николая Осиповича домъ строили артиллерійскіе солдаты, по приѣздѣ флигель-адъютанта оказалось, что домъ построенъ былъ наемными людьми, подъ распоряженіемъ отставнаго унтер-офицера.

Впослѣдствіі, въ царствованіе императора Александра Павловича, когда графъ Аракчеевъ, будучи на верху своего могущества, жилъ въ Грузинѣ, Николай Осиповичъ, бывшій давно въ отставкѣ, проѣзжая вблизи, оставилъ свое семейство на станціи, на перекладной сѣмѣло подъѣхалъ къ тому подъѣзду, къ которому кромѣ государя никто не сѣмѣло подъѣзжать, и не смотря на удивленіе пораженныхъ такою смѣлостію адъютантовъ и свиты Аракчеева, былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, какъ прежній сослуживецъ. Аракчеевъ все время разговаривалъ съ нимъ и упросилъ его остаться отобѣдать.

По словамъ Николая Осиповича, императоръ Павелъ всегда говорилъ на Страстной недѣлѣ; но въ послѣдній годъ царствованія отговѣлъ ранѣе, на Крестопоклонной, чтобы, какъ онъ самъ говорилъ, имѣть свободное время для принятія въ подданство Грузіи и, желая угодить своимъ новымъ подданнымъ, хотѣлъ явиться при этомъ торжественномъ случаѣ въ одеждѣ прежнихъ ихъ государей-императоровъ Греческихъ, почему и вѣльѣ приготовить для себя далматикъ. Одежда эта, дарованная Византійскими императорами, какъ отличіе, иѣкоторымъ святителямъ Восточной церкви, сдѣлалась впослѣдствіи священнымъ облаченіемъ сперва архіепископовъ, а потомъ и епископовъ, подъ смиреннымъ именемъ сакоса.. Всѣдствіи сего распространилась молва, будто бы императоръ желаетъ священнодѣйствовать, для чего и запаздѣлъ себѣ архіерейское одѣяніе.

Въ послѣднее время императоръ Павелъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, а въ послѣдній день своего царствованія, проснувшись, еще лежа въ постелѣ, позвалъ къ себѣ Кутлубицкаго и послалъ его за генераль-губернаторомъ Паленомъ. Когда онъ съ нимъ возвратился, императоръ былъ уже одѣтъ. Послѣ обѣда (обѣдъ при дворѣ былъ тогда въ 2 часа по полудни). отдохнувши, т. е. посидѣвши съ книгою около часа въ креслѣ, государь обыкновенно ходилъ къ императрицѣ, гдѣ пили кофе, и потомъ заходилъ къ дѣтямъ. Но въ этотъ день, вмѣсто того, онъ приказалъ позвать дѣтей къ себѣ; когда ихъ привели, а иѣкоторыхъ привезли на рукахъ, Павелъ сбросилъ

шпагу и бросивши на полъ съ дивана подушку, игралъ съ ними на полу. Потомъ, когда онъ ихъ отпустилъ, воротилъ опять великую княжну Анну Павловну: Аннушку ко мнѣ! закричалъ онъ. И когда няня принесла ее опять, государь сняль со стѣны небольшой образъ пресвятаго Богородицы, взлѣзши для этого на приставленный имъ столъ перекрестилъ ее и ѿскользко разъ образомъ и, положивъ его ей за пазуху, отпустилъ.

За и ѿскользко мѣсяцевъ впередъ, Паленъ сказалъ императору, что, рапортую ему ежедневно о благосостояніи города, ему бы необходимо было знать о благосостояніи дворца, какъ части города. Посему государь приказалъ Кутлубицкому, какъ коменданту дворца, предварительно доносить о благосостояніи онаго генералъ-губернатору. Николай Осиповичъ и дѣлалъ это поздно вечеромъ, иногда самъ, а чаще посылая съ рапортомъ о томъ къ Палену своего адъютанта. Въ этотъ день, послѣ обыкновенного, такъ называемаго собранія во дворцѣ, на которомъ присутствовалъ государь, Николай Осиповичъ, самъ пріѣхавъ въ 10 часовъ къ Палену, засталъ большое общество и и ѿскользко изъ бывшихъ съ Паленомъ того же вечера во дворцѣ, какъ то Зубова и другихъ. Онъ ихъ засталъ за Шампанскимъ, какъ ему сказали, по случаю именинъ или рожденія Палена. Николай Осиповичъ съ нимъ выпилъ такъ же стаканъ Шампанского за здоровье виновника торжества хозяина и вышелъ, чтобы отправиться домой, но его провожалъ Паленъ и въ передней сказалъ ему: „Генералъ, пожалуйте вашу шпагу, государь приказалъ васъ арестовать“. На возраженіе Николая Осиповича, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и что онъ просить позволенія поѣхать объясниться къ государю, который вѣроятно еще не спитъ, Паленъ отвѣчалъ: „Развѣ вы не знаете порядка?“ Такимъ образомъ Николай Осиповичъ долженъ былъ отдать ему шпагу и отвезенъ былъ адъютантомъ Палена на гауптвахту. На другой день возвратили ему шпагу, объявивъ ему, что государь ночью скончался отъ апоплексического удара.

РАЗСКАЗЫ О СТАРИНѢ*).

Въ дополненіе къ записаннымъ мною разсказамъ Н. О. Кутлубицкаго о временахъ Павла I-го (напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 г. стр. 1301—1331), присоединяю еще и ѿскользко не вошедшихъ туда, при чемъ считаю полезнымъ дополнить ихъ рассказами и другихъ современниковъ Кутлубицкаго; а также мѣстными преданіями

*) Изъ „Русского Архива“ 1868 года.

о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, близкихъ здѣшнему краю (Малороссіи).

Во время пребыванія двора въ Петергофѣ, однажды ночью позвали Н. О. Кутлубицкаго къ императору, который тогда спалъ одинъ, въ особой комнатѣ съ отвореннымъ окномъ и вставленною въ немъ проволочною стѣнкою. „Какъ тебѣ не стыдно, сказаъ ему государь, я только и сплю передъ разсвѣтомъ, а на взморѣ, въ кабакѣ, такой шумъ, что не даютъ мнѣ покоя. Пойди, уими ихъ. Да только не расправляйся съ ними строго“. Кутлубицкій приказалъ прислать за нимъ съ казаками верховую лошадь на взморье, а самъ отправился туда пѣшкомъ, прямою дорогою черезъ садъ. Сходя по золотой лѣстнице, онъ оглянулся, и ему показалось, что въ комнатѣ великой княгини Анны Федоровны горить свѣча, и она читаетъ книгу. Продолжая идти, онъ былъ невольно пораженъ, когда вблизи Монплѣзира увидѣлъ великую княгиню гулящую въ саду въ сопровожденіи великаго князя и наследника, который сказалъ ему нѣсколько словъ. Несмотря на прелесть ночи и очаровательную мѣстность, Кутлубицкій сильно беспокоился неудовольствиемъ государя. Въ такомъ взволнованномъ расположениіи духа онъ пришелъ на взморье, где уже засталъ казаковъ и свою лошадь, вошелъ въ трактиръ и попросилъ содержателя. Вместо содержателя къ нему вышелъ прикащикъ его въ халатѣ, съ чубукомъ въ рукахъ и на рѣзкія замѣчанія, сдѣланныя ему Кутлубицкимъ, отвѣчалъ грубо и дерзко до того, что вывелъ Николая Осиповича изъ терпѣнія, и тотъ приказалъ казакамъ укротить его нагайками. Оказалось, что этотъ прикащикъ тоже купецъ, и за самовольную съ нимъ расправу хотѣлъ жаловаться государю. Чтобы не допустить до этого, Н. О. на другой день заплатилъ ему 5 или 6 тысячъ рублей.

Когда я былъ еще холостымъ, рассказывалъ Н. О., то у меня были знакомыя камерь-юнгферы изъ прислуги государыни и великой княгини. Они по временамъ ко мнѣ заходили; вѣдь мнѣ нужно было знать все, что дѣлается во дворцѣ: иногда батюшка (такъ онъ часто называлъ Павла, изъ сыновней преданности къ своему благодѣтелю) спросить что нибудь.—такъ надо знать что отвѣтить. Вотъ однажды ко мнѣ забѣжала камерь-юнгфера великой княгини Анны Федоровны и говорить, что великая княгиня очень скучаетъ, даже чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою. Мнѣ пришло въ голову, что вѣроятно скучаетъ въ отсутствіи своего супруга цесаревича, находившагося тогда съ Суворовымъ въ Италіи и желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать; почему я на другой день, когда батюшка

отдыхалъ посль обѣда, побѣжалъ на половину великой княгини, и когда она мечя приняла, то я ей осмѣлился высказать свои предположенія и рѣшился предложить мой совѣтъ. Благодарю васъ, генералъ, за ваше участіе ко мнѣ, вы отгадали мое желаніе; но научите, какъ мнѣ это сдѣлать?—Очень просто, сегодня въ собраніи¹⁾ извольте принять на себя грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ вамъ и спросить о причинѣ вашей грусти; тогда вы и скажите, что скучаете въ отсутствіи великаго князя и чтобы находиться ближе къ нему, желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали. Императоръ самъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и уважаетъ всегда это чувство въ другихъ. Онъ вѣроятно тотчасъ же доставить возможность исполнить ваше желаніе. Такъ дѣйствительно и случилось: великая княгиня все исполнила по совѣту Н. О., и государь похваливъ ея чувства къ родителямъ, спросилъ: когда же вы желаетеѣхать къ родителямъ?—Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отвѣчала она.—Но сейчасъ этого нельзя сдѣлать, замѣтилъ императоръ; а завтра все будетъ готово къ вашему путешествію, и, призвавъ оберъ-шталмейстера, приказалъ къ завтрашнему дню приготовить двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу великой княгини.

Императоръ Павель покровительствовалъ женитьбѣ Кутлубицкаго и былъ расположены къ женѣ его, которую онъ часто называлъ колибри (она была маленькаго роста). Императоръ иногда заходилъ къ Николаю Осиповичу, помѣщавшемуся во дворцѣ, разговаривалъ и шутилъ съ его женою. Однажды онъ ее спросилъ: „Страшна ли я, боитесь ли вы меня?“ Нѣтъ, государь, отвѣчала она: вы не страшны, и я васъ не боюсь.—А красивъ ли? продолжалъ императоръ.—У васъ чудесные глаза, отвѣчала ловкая женщина. Разсказывая объ этомъ, Николай Осиповичъ прибавлялъ, что у покойнаго государя глаза были чудные.

Однажды на разводѣ императоръ отдалъ Николаю Осиповичу свою форменную трость²⁾, съ которой стариkъ не разставался никогда, и даже самъ размѣрилъ ею себѣ могилу. Я какъ-то спрашивалъ: Не съ этой ли палкою быть знакомъ И. П. К...въ?—Нѣтъ, отвѣчалъ стариkъ, въ кабинетѣ государя была другая палка изъ воловьей жилы.

¹⁾ Каждый вечеръ всѣ члены высочайшей фамиліи собирались въ известную залу, куда приходилъ императоръ и где находились также придворные, имѣющіе на то право; это и называлось собраніемъ.

²⁾ Эта самая палка находится теперь у меня: ее подарилъ мнѣ племянникъ Н. О., на память о его почтенномъ дядѣ.

Маститый старикъ, Пастовскій помѣщикъ, бывшій Зеньковскій предводитель дворянства, Петръ Петровичъ Пащенко, житель знаменитой сливами Опошни, рассказывалъ мнѣ, что онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Кутлубицкимъ и Капцевичемъ; но что онъ былъ большой шалунъ, лѣнивецъ и ничему не учился, а игралъ только въ карты (въ хлюсты) на мѣдныя деньги съ подобными ему товарищами изъ корпуснаго чердака. Такъ какъ его шалости всегда почти обращали вниманіе Аракчеева, бывшаго въ то время поручикомъ и командиромъ егерской малолѣтней роты, который часто поэтому имѣлъ привычку дергать его за пучекъ, то однажды товарищи его передъ танцевальнымъ классомъ натыкали ему въ пучекъ булавокъ; выведеній изъ терпѣнія его умышленными шалостями, Аракчеевъ и въ этотъ разъ схватилъ его за пучекъ и окровавилъ всю руку. Въ такомъ положеніи онъ привелъ его къ начальнику корпуса Мелессино, который улыбнулся и вѣдѣлъ наказать Пащенко, но потомъ запретилъ офицерамъ драться. Шалуна-кадета препорядочно высѣкли. Когда уже въ царствованіе императора Александра I-го Пащенко находился въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, куда онъ доставлялъ селитру, то случайно встрѣтился съ заѣхавшимъ туда Аракчеевымъ и представился ему. Аракчеевъ тотчасъ вспомнилъ о булавкахъ въ тупеѣ. Пащенко былъ выпущенъ изъ корпуса въ кавалерійскій полкъ, который былъ расположено возлѣ Слонима. Императоръ Павелъ проѣздомъ смотрѣлъ въ строю ихъ полкъ, а потомъ въ Слонимѣ, въ домѣ гетмана Огинскаго (гдѣ помѣщался государь), фельдмаршалъ Репнинъ представилъ ему офицеровъ: каждый изъ нихъ становился на правое колѣно, опираясь на палку лѣвою рукою и въ такомъ положеніи цѣловалъ руку императора.—По словамъ Пащенко, роскошь въ Полтавской губерніи и вообще въ Малороссіи началась со времени генерал-губернатора князя Куракина, которому сталъ подражать бывшій Полтавской губерніи предводитель Семенъ Михайловичъ Кочубей; у него было 13000 душъ, но онъ прожилъ все состояніе и разорился до такой степени, что не было чѣмъ его похоронить. До того времени въ Полтавѣ жили очень просто: поваровъ не было, всѣ держали кухарокъ *). Шампанского не знали, въ продажѣ было одно только Крымское вино по 1 руб. 50 коп. сер. за ведро; никто не зналъ иностранныхъ языковъ кромѣ Латинскаго; одинъ только Паскевичъ (отецъ фельдмаршала) говорилъ понѣмецки. Въ Опошнѣ Пащенко слылъ мѣстнымъ банкиромъ, составивъ разными предприятиями и оборотами порядочный

*) Изъ дневника прадѣда моего Н. Д. Ханенка видно, что въ 1730-хъ годахъ у значительныхъ Малороссіянъ были уже повара.

капиталъ въ продолженіи своей многолѣтней жизни. Рассказывали, что разъ, замѣтивъ молодого человѣка скучающаго и ко всему равнодушнаго, вслѣдствіи моднаго когда-то (въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія) байронизма, онъ сказалъ: я удивляюсь, что вы скучаете; мнѣ когда сдѣлается скучно, я перечту тысячу рублей пятаками и повеселю. Бывшій Малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ любилъ Пашенку, часто игралъ съ нимъ въ карты, иногда даже занималъ у него небольшія деньги (тысячи по двѣ). Пашенко всегда радъ былъ ему служить ими, только не иначе какъ на извѣстный срокъ и на честное слово; когда князь упоминалъ о заемномъ письмѣ, тогда Пашенко говорилъ, что на заемное письмо онъ не можетъ ему занять, а на честное слово—сколько угодно, хорошо зная, что въ послѣднемъ случаѣ князь непремѣнно возвратить ему деньги въ срокъ.

Упоминаемый въ разсказѣ Пашенко Семенъ Михайловичъ Кочубей, въ послѣдніе дни царствованія императора Павла, находился по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ; и такъ какъ, по особенному распоряженію государя, не позволено было ему оставаться долѣе назначенныхъ для того нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ дѣлѣа его не были еще окончены, то онъ и обратился съ просьбою помочь ему къ своему родственнику, бывшему передъ тѣмъ Малороссійскимъ губернаторомъ М. И. М.*), отозванному отъ должности за то, что въ одной изъ своихъ офиціальныхъ бумагъ выразился, что такой-то взять подъ стражу, тогда какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовало, по принятому порядку, писать: взять подъ караулъ или подъ арестъ. Этотъ родственникъ С. М. Кочубея, вѣроятно будучи лично извѣстенъ С.-Петербургскому генерал-губернатору Палену, прїѣхалъ къ нему вечеромъ 11 Марта 1801 года ходатайствовать о позволеніи остататься еще одинъ день Кочубею въ Петербургѣ. Когда доложили о немъ Палену, тотъ выбѣжалъ встревоженный и спросилъ: что вамъ нужно? Торопливо выслушавъ объясненіе, онъ отвѣчалъ: вашъ родственникъ, когда хочетъ, и навсегда можетъ оставаться въ Петербургѣ.

Одинъ Малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ Герольдіи о внесеніи его въ родословную книгу и, находясь въ Петербургѣ по одному общественному дѣлу, рѣшился подать лично прошеніе императору, прося прибавить къ его гербу девизъ: Помяну имя Твое въ роды родовъ. Прошеніе онъ по тогдашнему обычаю подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочель просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: сто душъ. Проситель отъ страха и радости упалъ

*) Михаилу Навловичу Миклашевскому, біографія которого написана О. В. Чижовымъ. П. Б.

ницъ. — Мало? сказаль императоръ. 200. Но тотъ, ничего не понимая, продолжать лежать. Мало, повторить государь. — 300, мало. — 400, мало. — 500, мало. — ни одной. Насилу наконецъ опомнившійся проситель всталъ; и хотя, не умѣя встать въ пору, не получилъ имѣнія, но дѣло его въ Герольдіи окончилось скоро и успѣшно.

Въ 10 верстахъ отъ уѣзданого города Суражъ, Черниговской губерніи, находится село Ляличи съ великоглѣбнымъ каменнымъ господскимъ домомъ, при немъ съ огромнымъ паркомъ, обведеннымъ прочною каменною оградою, со всѣми затѣями барства прежняго времени. Эта усадьба, роскошно отѣланная и меблированная, была выстроена по распоряженію императрицы Екатерины II, средствами всего края: планъ дома, проектированный знаменитымъ Гваренги, былъ исправленъ карандашемъ самою императрицею¹⁾; самое село было названо Екатеринодаромъ и подарено графу Петру Васильевичу Завадовскому. Рассказываютъ, что Завадовскій, представляя государынѣ для утвержденія составленный Гваренги проектъ для зданія Государственного Банка, такъ восхищался имъ, что Екатеринѣ вздумалось выстроить ему такой домъ же на мѣстѣ его родины²⁾.

Говорять также, что императрица намѣрена была поѣхать это роскошное жилище во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, но намѣреніе это не осуществилось. Признательный Завадовскій въ саду подаренного ему помѣстья поставилъ бронзовую статую своего благодѣтеля, гр. Румянцева, и никогда не проходилъ мимо нея, не снимая шляпы предъ лицомъ Катульского героя³⁾. По восшествіи на престолъ императора Павла, Екатеринодаръ вѣльно называть прежнимъ его име-

¹⁾ Этотъ планъ съ поправками императрицы многіе видѣли у прежнихъ владѣльцевъ Ляличъ.

²⁾ Отецъ его имѣлъ помѣстье близъ Стародуба и въ с. Дахновичахъ, а также и въ с. Красновичахъ, близъ Ляличъ. Брать И. В. Завадовскаго, Иванъ Васильевичъ, былъ полковникомъ Стародубскімъ. И. В., бывши въ силѣ, завладѣлъ многими монастырскими землями возлѣ Суражъ и даже, говорятъ, отнималъ почти насильно прилегающія къ его имѣнію земли своихъ небогатыхъ сосѣдей; почему онъ не пользовался особыніемъ расположениемъ своихъ землевладѣлѣй: братъ его, жившій возлѣ Стародуба въ с. Мериловѣ, Илья Васильевичъ, былъ очень добрый и всѣми любимый человѣкъ.

³⁾ Имѣніе Ляличи при сынѣ гр. Завадовскаго было продано Энгельгардту, потомъ барону Черкасову и теперь находится во владѣніи Н. А. Артыгашева. При продажѣ барону Черкасову, наследниками Энгельгардта увезена была статуя въ Смоленскую губернію. Въ прошломъ году купленъ этотъ замѣчательный памятникъ Черниговскимъ губернаторомъ, княземъ Сергеемъ Павловичемъ Голицынымъ и подаренъ городу Глухову, въ которомъ была сосредоточена административная дѣятельность графа, во время управлѣнія имъ Малороссіею, гдѣ эта статуя будетъ воздвигнута, какъ знакъ тройной признательности — современника, потомка и всего края.

немъ—Ляличи. Графъ Завадовскій отставленъ отъ службы и высланъ въ деревню, при чемъ, по мѣстному преданію, ему пожалованъ былъ орденъ: бѣлая лента съ оригинальною надписью.... И даже рассказывали, что въ первое время, приставленъ былъ къ нему полицейскій чиновникъ для наблюденія, чтобы ежедневно надѣвалъ этотъ орденъ. Другіе говорятъ, что ему была дана не лента, а бѣлая пуговицы на кафтанъ съ такою же надписью. Въ продолженіе всего царствованія Павла графъ Завадовскій жилъ въ Ляличахъ, откуда ему не дозволено было выѣзжать далѣе 10-ти верстъ. Исправнику повелѣно было наблюдать за нимъ. Этотъ исправникъ Шпаковскій, человѣкъ грубый и корыстолюбивый, дѣлалъ находящемуся въ опалѣ графу всѣ возможныя притѣсненія: безпрестанно щадилъ въ Ляличи и каждый разъ возвращался оттуда съ деньгами и разными вынужденными подарками; ежели иногда случалось графу отъ скучи выѣхать къ какому нибудь сосѣду верстъ за 10, то исправникъ сейчасъ являлся туда и заставлялъ графа, хоть въ полночь, несмотря ни на какую погоду, возвращаться домой. По восьмествіи на престолъ императора Александра I-го, Завадовскій немедленно былъ вызванъ въ Петербургъ и потомъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія. Рассказывали, что этотъ исправникъ такъ надоѣлъ графу, что онъ, будучи министромъ, употребилъ все свое влияніе, чтобы исправники были по выбору мѣстнаго дворянства, а не по назначенію отъ правительства, каковымъ былъ хорошо ему знакомый исправникъ.

Когда графъ Румянцовъ отправилъ своихъ секретарей: Безбородку и Завадовскаго на службу въ Петербургъ, то вышелъ за ними на крыльцо и сказалъ: Не забывайте меня старика¹⁾.

Безбородко прїехалъ въ Петербургъ слишкомъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка кромѣ Латинскаго; но въ два года выучился по французски, а потомъ по нѣмецки и итальянски. По-французски онъ писалъ и говорилъ отлично, только чрезвычайно бѣгло²⁾.

Назначенный статье-секретаремъ, Безбородко не былъ еще знакомъ съ Петербургскимъ обществомъ и потому иногда охотно, по просьбѣ своихъ товарищѣй, дежурилъ за нихъ въ праздничные дни. Однажды на масляной угодно было государынѣ приказать пригласить къ завтраку

¹⁾ Слышалъ отъ Петрушевича, отецъ которого въ то время служилъ у гр. Румянцева.

²⁾ Слышалъ отъ племянника Безбородка А. Я. Бакуринскаго.

на блины дежурныхъ статсь-секретарей. Камеръ-лакей доложилъ, что никого изъ нихъ нѣть во дворцѣ. „Какъ, спросила императрица, неужели нѣть даже дежурнаго?—Въ статсь-секретарской есть какой-то Безбородко, отвѣчалъ камеръ-лакей.—Пригласить его; вѣдь онъ тоже статсь-секретарь, сказала государыня. Въ разговорѣ съ Безбородкою императрица коснулась какого-то закона; онъ прочелъ его наизусть, и когда государыня приказала подать книгу, то пока ее принесли, онъ сказалъ на какой именно страницѣ напечатаны самыя слова. Стѣхъ порь государыня обратила особенное вниманіе на Безбородка. Память у него была превосходная; всѣмъ извѣстно, какъ онъ однажды императрицѣ прочелъ наизусть, держа передъ собою чистый листъ бумаги, одинъ чрезвычайно важный указъ, который онъ еще не успѣлъ написать по ея приказанію.

Племянникъ князя Безбородка, А. Я. Бакуринскій, жившій у своего дяди, находясь на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и бывшій у него домашнимъ человѣкомъ, рассказывалъ, что онъ часто посыпалъ его въ свою огромную библіотеку, не справляясь съ каталогомъ, взять въ такомъ-то шкапу, на такой-то полкѣ извѣстную книгу,— и никогда не ошибался. Этотъ же племянникъ разсказывалъ, какъ Безбородко прїѣжалъ въ Черниговъ къ его матери, сестрѣ своей, бывшей замужемъ за Черниговскимъ губернаторомъ Бакуринскимъ. Онь и братъ его, будучи дѣтьми, привѣтствовали дядю на крыльцахъ, причесанные по тогдашней модѣ съ тузыями, Латинской рѣчью, заранѣе приготовленною ихъ учителемъ-семинаристомъ. Изъ Чернигова Безбородко отправлялся въ Стальное, гдѣ жила его мать; онъ однажды ѿхалъ туда на лошадяхъ губернатора и, возвращаясь, говорилъ шутя своему зятю, что его кучерь очень удачно сострилъ надъ его управлениемъ почтовымъ вѣдомствомъ. Когда императрицѣ угодно было увеличить прогонные платежи, то, чтобы сдѣлать это менѣе непріятнымъ образомъ для народа, говорилъ Безбородко, я предложилъ государынѣ уменьшить самыя версты изъ 700 въ 600-тыся, чтѣ было одобрено и приведено въ дѣйствіе. Вашъ кучерь, везши меня пьяный, запѣпилъ колесомъ за версту, началь сердиться и ворчать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратился: Шо такъ густо наставлено столпикъ, что неможно проихать не зачепивши!

Безбородко всегда любилъ свою родину и покровительствовалъ своимъ землякамъ: прїѣзжая въ Петербургъ, все они являлись къ нему и находили у него ласковый пріемъ. Одинъ изъ нихъ, ожидая въ кабинетѣ за кресломъ князя, писавшаго письмо по его дѣлу къ одному

вліятальному лицу, оть котораго дѣло зависѣло, ловиль мухъ и замахнувшись разбиль стоявшую на пьедесталѣ дорогую вазу. „Поймаль?“ спросилъ Безбородко, не переставая писать. Другой Малороссіянинъ, никакъ не могъ застать его дома и забрался въ его карету, стоявшую у дворцового подъѣзда. Безбородко удивленъ былъ, заставши въ каретѣ посѣтителя, который объяснилъ ему дорогою причину такового обстоятельства и самое дѣло, по которому онъ искалъ, и нашелъ его покровительство.

Тотъ же племянникъ Безбородко рассказывалъ, что однажды, ожидая къ обѣду императрицу, которая обѣдала по тогдашнему обычаю въ 2 часа, онъ послалъ его сказать повару, чтобы обѣдъ былъ готовъ скорѣе, къ прїѣзу императрицы, и когда тотъ возвратился въ кабинетъ, графъ спросилъ его: „ну что онъ говоритъ?“ племянникъ отвѣчалъ, что поваръ сказалъ ему: дождите графу, что хороший обѣдъ нельзя такъ скоро сдѣлать какъ раздѣлить Польшу. „И ему до этого дѣло“, отвѣчалъ Безбородко.

Во время слѣдованія императора Павла І-го чрезъ Смоленскую губернію, не смотря на предварительное высочайшее повелѣніе, чтобы собственно для проѣзда государя не было дѣлано особыхъ приготовленій и исправленія дорогъ, онъ засталъ множество крестьянъ, чистившихъ дорогу; спрошенные государемъ, они сказали, что они высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, изволованій императоръ, въ присутствіи окружающихъ его придворныхъ и находившагося при немъ государя-наследника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній. Какъ вы думаете. Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолвствовали. Тогда онъ, обратясь къ наследнику престола, сказалъ: ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите такъ, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ. Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося тоже въ свитѣ государя. Великій князь наследникъ бросился къ нему, рассказалъ въ короткихъ словахъ произшедшее и просилъ его успокоить государя. „Будьте благонадежны“, отвѣчалъ Безбородко съ обыкновеннымъ своимъ Малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наследникомъ вошелъ въ комнату къ государю.—Ну вотъ, Александръ Андреевичъ, обратился къ нему Павель и объяснивъ

дѣло. прибавилъ: „какъ ты думаешьъ, хорошо ли я сдѣлалъ, что при-
казалъ Храповицкаго разстрѣлять?—Достодолжно и достопохвально,
государь, отвѣчалъ князь Безбородко съ тѣмъ же Малороссійскимъ
выговоромъ. Великій князь наслѣдникъ и всѣ были поражены тако-
вымъ его отвѣтомъ.—„Вотъ видите, воскликнулъ государь, чтѣ говор-
ить умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?“ Подождавъ немнога,
князь Александръ Андреевичъ продолжалъ: Только, государь. Храпо-
вицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника пове-
лѣній государя караетъ законъ: следовательно нужно послать указъ
Смоленской Уголовной Палатѣ, чтобы она немедленно прѣѣхала въ
полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе.
Государь на это согласился, и сейчасъ о томъ былъ посланъ съ фельдъ-
егеромъ указъ Уголовной Палатѣ, а государь отправился въ путь.
Безбородко съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши въ дали нѣсколько
с скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и зеркаломъ, вышелъ
изъ своего экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ
необыкновенный поѣздъ, остановилъ ихъ. спросилъ предсѣдателя.
отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи,
не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и
дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ
имъ дѣлѣ, что въ противномъ случаѣ онъ и вся палата могутъ под-
пасть подъ справедливый гнѣвъ императора.

По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія
дороги не по случаю проѣзда государя, а особенно потому, что она
была испорчена дождями, былъ оправданъ*).

А. Ханенко.

*) Рассказъ этотъ я слышалъ отъ двухъ почтенныхъ стариковъ, Черниговскихъ
номѣщиковъ; одинъ изъ нихъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ княземъ
Безбородкою.

1812-й годъ.

БАРОНЕССА СТАЛЬ ВЪ РОССІИ.

Было 14 Мая, когда въѣзжала я въ Россію. Эта годовщина первого дня революціи была для меня особенно знаменательна. Тутъ для меня закончился кругъ Французской исторіи, начавшійся 14 Іюня 1789 года. Когда застава, отдѣляющая Россію отъ Австріи, открылась, чтобы пропустить меня, я поклялась никогда не вступать въ предѣлы страны, подчиненной такъ или иначе Наполеону. Неужели эта клятва не позволить мнѣ опять видѣть прекрасную Францію?

Первымъ, съ кѣмъ я встрѣтилась въ Россіи, былъ Французъ, служившій когда-то въ конторѣ у моего отца, о которомъ онъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ, и это имя, произнесенное какъ напутственное слово, показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи, такъ несправедливо называемой варварской страною, я испытала лишь чувства добрая, благородныя. Пусть моя признательность призоветъ благословленіе на эту страну и на ея Государя! Я вступила въ Россію, когда Французская армія прошла уже далеко въ Русскіе предѣлы, а между тѣмъ иностранка-путешественница не подвергалась никакимъ непріятностямъ и притѣстненіямъ: ни я, ни мои спутники не знали ни слова порусски; мы говорили на языкѣ врачовъ, опустошившихъ страну. Но досадной случайности, у меня даже не было приелуги, которая говорила бы порусски, и если бы не врачъ Нѣменъ (докторъ Реннеръ), великодушно согласившійся быть нашимъ проводникомъ до Москвы, мы, право, заслужили бы название глухихъ и нѣмыхъ, какъ Русскіе называютъ иностранцевъ. Наше путешествіе было спокойно и безопасно: такъ сильно въ Россіи госте-

пріимство и у знати, и у простого народа. Съ первыхъ же шаговъ мы узнали, что прямой путь на Петербургъ уже занятъ войсками, и чтобы попасть въ столицу, надо проѣхать черезъ Москву. Это лишнихъ двѣсти миль, но мы уже сдѣлали ихъ полторы тысячи, и теперь я радуюсь, что мнѣ удалось увидѣть Москву.

Первой губерніей, черезъ которую намъ пришлось проѣзжать, была Волынь, часть Русской Польши. Это страна очень плодородная, переполненная Евреями, подобно Галиції; но она не такъ бѣдна, какъ сія послѣдняя. Я остановилась во дворцѣ одного Польского пана, къ которому меня направили; онъ посовѣтовалъ мнѣ поспѣшить отъѣздомъ, потому что Французы уже шли на Волынь, и они могли достигнуть ея черезъ восемь дней. Поляки вообще любятъ болѣе Русскихъ, чѣмъ Австрійцевъ. Русские и Поляки народы Славянскаго племени; они прежде были врагами, но они уважаютъ другъ друга, между тѣмъ какъ Нѣмцы, опередившіе Славянъ въ Европейскомъ просвѣщеніи, не относятся къ нимъ справедливо. Легко было замѣтить, что Поляки на Волыни не боялись нашествія Франузовъ и, хотя образъ ихъ мыслей былъ извѣстенъ, но ихъ не преслѣдовали въ мелочахъ, чтѣ могло бы только возбудить, а не сдерживать ненависть; а все таки покореніе одного народа другимъ явленіе весьма печальное: должно пройти много вѣковъ, пока водворится единеніе и изгладятся изъ памяти имени побѣженного и побѣдителя.

Въ Житомирѣ, губернскомъ городѣ Волыни, мнѣ рассказывали, что въ Вильну отправился начальникъ Русской полиціи, чтобы узнать поводъ къ наступленію Наполеона и надлежащимъ образомъ выскаться противъ его вторженія въ предѣлы Россіи. Трудно повѣрить, какихъ жертвъ стоило Александру поддерживать миръ; а на самомъ дѣлѣ не въ отступленіи отъ Тильзитскаго договора могъ Наполеонъ обвинять Александра, скорѣе въ слишкомъ добросовѣстной вѣрности губительнымъ условіямъ мира заслуживалъ упрека Русскій Императоръ. Александръ въ правѣ былъ объявить войну, такъ какъ Наполеонъ первый нарушилъ договоръ. Въ то время какъ Россія закрывала двери Англичанамъ, Наполеонъ позволялъ ввозить во Францію колоніальные товары и, сказать правду, главною цѣлью войны Франціи и Европы противъ Россіи было стремленіе сосредоточить въ рукахъ дома Бонапартовъ и компаний всю торговлю Англійскими товарами. Достойный поводъ, чтобы взволновать всѣ народы материка! Въ разговорѣ съ министромъ полиціи Балашовымъ Французскій императоръ предавался непонятной болтливости, которую можно было бы счесть за уступку, если не знать, что она была нужна ему, чтобы усилить страхъ, который внушалъ онъ, показывая, будто стоитъ выше всякихъ разсчетовъ. „Вы

думаете“, сказалъ онъ Балашову, что я забочусь объ Якобинцахъ-Полякахъ“? И на самомъ дѣлѣ, въ канцеляріи Румянцова вотъ уже нѣсколько лѣтъ лежитъ письмо г. Шампаны, въ которомъ онъ предлагаетъ вычеркнуть имя Польши и Поляковъ изъ всѣхъ Европейскихъ дѣловыхъ бумагъ. Какое несчастіе для этой націи, что императоръ Александръ не принялъ титулъ короля Польскаго и не пріобщилъ участіе этого угнетеннаго народа къ свободной жизни другихъ народовъ. Наполеонъ спросилъ при Балашовѣ одного своего генерала, былъ-ли онъ въ Москвѣ, и какой это городъ. Генераль отвѣчалъ, что Москва показалась ему скорѣе большой деревней, чѣмъ столицей. А сколько тамъ церквей? продолжалъ Наполеонъ. Около тысячи шести сотъ (сорокъ сороковъ). „Совершенно непонятно“, возразилъ Наполеонъ, „и при томъ, когда уже никто больше не вѣруетъ!“—Простите, ваше величество, сказалъ Балашовъ, Русскіе и Испанцы еще сохранили свое благочестіе. Отвѣтъ удивительный; онъ предвѣщалъ, надо было ожидать, что Москвичи будутъ Кастильцами Сѣвера.

Тѣмъ не менѣе Французская армія дѣлала быстрые успѣхи. Французовъ, которые дома не могли сопротивляться никакому игу, привыкли повсюду видѣть побѣдителями, и я имѣла основаніе бояться, что встрѣчу ихъ уже на пути къ Москвѣ. Странная моя судьба: сначала бѣжать отъ Французовъ, среди которыхъ я родилась, которые прославили моего отца, и бѣжать отъ нихъ до предѣловъ Азіи! Неужели судьба не можетъ низвергнуть человѣка, которому выпало на долю унижать родъ человѣческій? Я думала, что должна направиться въ Одессу, городъ сдѣлавшійся благоустроеннымъ, благодаря просвѣщенному управлению герцога Ришелье; оттуда я отправилась бы въ Константиполь и въ Грецію. Я рѣшилась на это большое путешествіе, думая о поэмѣ „Ричардъ Львиное сердце“, которую я предполагаю написать, если мнѣ это позволить мое здоровье. Эта поэма должна обрисовать нравы и природу Востока и освѣтить большой періодъ исторіи Англіи, когда энтузіазмъ крестовыхъ походовъ уступилъ мѣсто увлеченію свободою. А такъ какъ рисовать возможно только то, что мы чувствовали, то я должна бы отправиться въ Константинополь, въ Сирію и въ Сицилію, чтобы тамъ ознакомиться съ обликомъ Ричарда. Моя спутники, лучше меня зная мои силы, не совѣтовали мнѣ предпринимать это путешествіе и увѣряли, что поторопившись я могу Ѳхать на почтовыхъ скорѣе, чѣмъ движется армія. Мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ у меня оставалось мало времени.

Въ Киевѣ я познакомилась съ Русскимъ гостепріимствомъ. Губернаторъ генераль Милорадовичъ окружилъ меня любезными заботами. Онъ былъ адъютантомъ Суворова и такъ же, какъ и тотъ, неустра-

шимъ. Онъ вселилъ въ меня больше вѣры въ военные успѣхи Россіи. Такой вѣры у меня до той поры не было. Мне приходилось ранѣе встрѣтиться только съ нѣкоторыми офицерами Нѣмецкой школы, но съ Русскими они не имѣли ничего общаго. Въ Милорадовичѣ я увидѣла настоящаго Русскаго человѣка, пылкаго, храбраго, довѣрчиваго и незараженнаго духомъ подражанія, подъ которымъ иногда у его соотечественниковъ скрывается ихъ народный характеръ. Онъ рассказалъ мнѣ много о Суворовѣ. Все говорить, что это былъ человѣкъ высокообразованный, хотя сохранившій природное чутѣе, основанное на непосредственномъ знаніи людей и вещей. Онъ много работалъ, но скрывалъ это, чтобы сильнѣе поражать воображеніе своихъ солдатъ, во всемъ стараясь казаться вдохновленнымъ.

По моему, Русскіе имѣютъ гораздо больше общаго съ народами Юга или Востока, нежели Сѣвера. Но природѣ своей они жители Востока. Генералъ Милорадовичъ разсказывалъ мнѣ про одинъ полкъ Калмыковъ, который стоялъ гарнизономъ въ Кіевѣ. Начальникъ отряда этихъ Калмыковъ пришелъ однажды къ Милорадовичу и признался, что ему очень тяжело проводить зиму въ городѣ и онъ хотѣлъ бы получить разрешеніе перейти со своимъ отрядомъ въ соѣднѣй лѣсъ. Ему не могли отказать въ этомъ незатѣйливомъ удовольствіи, и онъ двинулъся со своимъ отрядомъ по сибѣйскимъ сугробамъ и расположился въ повозкахъ, служившихъ имъ одновременно и хижинами. Русскіе солдаты легко переносятъ усталость, всѣ неудобства климата и войны, а народъ во всѣхъ сословіяхъ пренебрегаетъ препятствіями и физическими трудностями. Все это свидѣтельствуетъ, что онъ способенъ совершить великие подвиги. Калмыцкій князь, которому деревянный домъ казался жилищемъ слишкомъ изысканнымъ, на зимнихъ балахъ дарилъ алмазы дамамъ, которыхъ особенно ему нравились. Не имѣя возможности говорить съ ними, онъ замѣнялъ комплименты подарками, какъ это дѣлаютъ въ Индіи и во всѣхъ безмолвныхъ странахъ Востока, гдѣ слово не имѣетъ такой выразительной силы, какъ у настѣ. Милорадовичъ въ день моего отѣзва пригласилъ меня на балъ къ одной Молдавской княгинѣ. Къ великому сожалѣнію я не могла тамъ быть. Всѣ иноземныя страны и народы, по своему складу еще далекіе отъ Европейцевъ, особенно возбуждаютъ воображеніе. Россія—это преддверіе иной невѣдомой земли Востока, откуда вышло столько вѣроисповѣданій. гдѣ еще скрыты необъятныя сокровища настойчивости и духовныхъ дарованій.

Почти девять сотъ верстъ отдѣляютъ Кіевъ отъ Москвы. Русскіе возницы мчали меня съ быстротой молнии; они пѣли пѣсни и этими пѣснями, какъ увѣряли меня, подбадривали и ласкали своихъ лошадей:

ну, бѣгите, голубчики, говорили они. Я не нашла ничего дикаго въ этомъ народѣ: напротивъ, въ немъ есть много изящества и мягкости, которыхъ не встрѣчаешь въ другихъ странахъ. Русскій возчикъ не пройдетъ мимо женщины, какого она бы ни была возраста или сословія, чтобы не поклониться, а она отвѣчаетъ наклоненіемъ головы, полнымъ граціи и благородства. Одинъ старикъ, который не могъ объясняться со мною словами, показалъ мнѣ сначала на землю, а потомъ на небо; это означало, что черезъ землю достигнетъ онъ скоро небесъ. Я знаю, что, возражая мнѣ, могутъ вполнѣ основательно указать на жестокія злодѣянія, имѣвшія мѣсто въ Русской исторіи: но я обвиняю во всемъ не народъ, а бояръ, развращенныхъ деспотизмомъ, который они поддерживали и отъ котораго сами же страдали. Къ тому же политическіе раздоры всегда и всюду искажаютъ народный характеръ, и нѣть ничего печальнѣе въ исторіи, какъ появленіе властелиновъ, которые черезъ преступленіе достигаютъ власти и черезъ преступленіе лишаются ея; но это явленіе всегда сопровождается роковымъ образомъ неограниченную власть. Люди изнапаго класса, ставшіе черезъ темные происки правителями своей страны, не имѣютъ ничего общаго съ жителями деревни, и я понимаю все худое, что о нихъ говорили и должны говорить. Для того, чтобы узнать воинственный народъ, надо узнать солдата и тотъ классъ, изъ котораго выходитъ онъ, землемѣльцевъ-крестьянъ.

Хотя двигалась я съ большой быстротой, но мнѣ казалось, что стою на мѣстѣ: на столько природа страны однообразна. Песчаныя равнины, рѣдкіе березовые лѣса да крестьянскіе поселки, находящіеся на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, съ ихъ деревянными, построенными по одному образцу избами. вотъ все, что встрѣчала я на пути. Меня охватилъ своего рода кошмаръ, который приходить иногда ночью, когда кажется, что дѣлаешь шаги и въ тоже время не двигаешься съ мѣста. Безконечно казалась мнѣ эта страна, и цѣляя вечность нужна, чтобы ее пройти. Постоянно на пути попадались гонцы; мчавшіеся тѣхали съ неимовѣрной быстротой; сидѣли они на деревянныхъ скамеекахъ, въ телѣгѣ, запряженной парой лошадей, и ничто не останавливало ихъ ни на мгновеніе. Толчки подбрасывали ихъ чуть ли не на два фута надъ повозкой и, падая на свое мѣсто съ удивительной ловкостью, они спѣшили крикнуть: ну, пошолъ! съ воодушевленіемъ, какое охватываетъ Француза въ день битвы. Славянскій языкъ удивительно звучень; я даже скажу, что въ немъ есть что-то металлическое, слышится бряканіе мѣди, когда произносятъ Славяне нѣкоторыя созвучія, столь непохожія на западныя нарѣчія. Мимо насъ проходили резервные батальоны: спѣшившіе къ военнымъ

дѣйствіямъ казаки присоединились къ арміи, но въ безпорядкѣ, безъ опредѣленной формы въ одѣждѣ, съ большимъ копьемъ въ рукѣ, въ сѣроватомъ одѣяніи, большой капюшонъ котораго они надѣвали на голову. Я совсѣмъ иначе представляла себѣ этотъ народъ. Они живутъ за Днѣпромъ и ведутъ независимый образъ жизни, подобно дикимъ, но на войнѣ отдаются въ полную власть военачальникамъ. Грозныя арміи мы привыкли представлять себѣ въ прекрасныхъ мундирахъ наиболѣе яркихъ красокъ. Тусклые цвѣта, въ какіе одѣваются казаки, наводятъ тоже страхъ, но своеобразный. Кажется, что это мертвцы поднялись на вѣсъ.

На полпути отъ Киева до Москвы стало труднѣе на станціяхъ доставать лошадей, ибо мы находились совсѣмъ вблизи арміи. Я боялась, что меня остановятъ какъ разъ въ то время, когда особенно надо было спѣшить и когда мнѣ приходилось ждать по пяти и шести часовъ у почтовой станціи, гдѣ рѣдко встрѣчалась удобная для отдыха комната. Я съ содроганіемъ думала, что вдругъ, почти на краю Европы, настигнетъ меня армія, и какъ трагично и въ тоже время смѣшно будетъ мое положеніе; полной неудачей закончилось бы мое предпріятіе. Обстоятельства, какія побудили меня къ нему, не совсѣмъ извѣстны; могутъ спросить, почему покинула я родину и даже нѣкоторые не лишенные доброты люди, зная, что родина стала мнѣ тюрьмою. съ сокрушеніемъ скажутъ, что, конечно, это очень тяжело, но все же было бы лучше не покидать ея.

Я прибыла въ Орловскую и Тульскую губерніи, которая потомъ столь часто упоминались въ бюллетеняхъ той и другой арміи. Прѣзжая черезъ Русскіе провинціальные города, я была принята во многихъ домахъ. Многіе дворянне изъ окрестностей прѣѣзжали повидаться со мною, сказали много пріятнаго о моихъ произведеніяхъ, и признаюсь, мнѣ было очень лестно узнать о моей литературной извѣстности въ такомъ отдаленіи отъ родины. Жена губернатора приняла меня поазіатски съ шербетомъ и розами; ея комната была изящно украшена картинами и музыкальными инструментами. Повсюду въ Европѣ рѣзка противоположность богатства и пищеты, въ Россіи же ни то ни другое не выдѣляется. Народъ не бѣденъ, а знать способна, когда это необходимо, вести такой же образъ жизни, какой ведетъ народъ. Съ одной стороны суровая лишенія, съ другой изысканныя удовольствія отличаютъ эту страну. Сами вѣльможи, въ палатахъ которыхъ вы найдете все, чтѣ есть блестящаго и роскошнаго во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ, питаются въ пути гораздо хуже Французскаго поселенія и способны переносить не только на войнѣ, но и во многихъ житейскихъ случаяхъ физическое существованіе очень стѣсненное.

Суровость климата, болота, лѣса и пустыни, покрывающія значительную часть страны, заставляютъ человѣка бороться съ природой. Фрукты и цвѣты произрастаютъ лишь въ оранжереяхъ, воздѣлываніе овощей не распространено, виноградниковъ совсѣмъ не встрѣчашь. Обстановка жизни, въ которой находится Французскій крестьянинъ, возможна въ Россіи лишь при большихъ затратахъ. Необходимое можно получить только въ роскоши; отсюда происходитъ, что когда роскошь невозможна, отказываются даже отъ необходимаго. Нѣть въ Россіи совсѣмъ того, чтѣ Англичане называютъ „комфортомъ“, а мы Французы просто довольствомъ. Ничто не въ состояніи удовлетворить воображеніе Русскаго вельможи; но когда поэзіи богатства нѣть, они пьютъ квасъ, спятъ на полу и Ѳдуть день и ночь въ открытой повозкѣ, не сожалѣя о роскоши, къ которой, казалось, они такъ привыкли. Они любить въ жизни ея величие и пышность болѣе, чѣмъ тихія радости, которыхъ она можетъ дать. Они, подобно людямъ Востока, выказываютъ необычайное гостепріимство иноземцу; его осыпаютъ подарками, а сами часто пренебрегаютъ обыкновенными удобствами личной жизни. Всѣмъ этимъ надо объяснять то мужество, съ которымъ Русскіе перенесли пожаръ Москвы, соединенный со столькими жертвами. Они заботятся о внѣшнемъ блескѣ болѣе, чѣмъ о своемъ благосостояніи; роскошью неизнѣжены, а денежная жертва удовлетворяетъ ихъ гордость тѣмъ вполнѣ, чѣмъ съ большей пышностью они ее приносятъ. Въ народѣ этомъ есть что-то исполинское; обычными мѣрами его не измѣрить. Я не хочу этимъ сказать, что тамъ нѣть ни истиннаго величія, ни постоянства, но отвага, пылкое воображеніе Русскихъ не знаютъ предѣла; у нихъ все болѣе колоссально, чѣмъ соразмѣрно, во всемъ болѣе смѣлости, чѣмъ благоразумія; и если они не достигаютъ цѣли, которую себѣ поставили, то это потому, что они перешли ее.

Я подѣзжала къ Москвѣ, но ничто не говорило о близости столицы. Тѣже далекія одна отъ другой деревни, тоже безлюдіе и тишина вдоль широкихъ полосъ, называемыхъ въ Россіи большими дорогами. Деревенскія избы не были многочисленнѣе. Въ Россіи такой просторъ, что все въ ней теряется, даже дворцы, даже само населеніе. Кажется, что мы проѣзжаемъ въ странѣ, изъ которой ушли обитатели. Отсутствіе птицъ усиливаетъ впечатлѣніе безмолвія. Животныя тоже рѣдки, по крайней мѣрѣ ихъ мало встрѣтишь по дорогѣ. Все тонеть въ необъятномъ пространствѣ, надъ всѣмъ царить оно и захватываетъ воображеніе, подобно многимъ метафизическимъ идеямъ, отъ которыхъ не можетъ освободиться мысль, разъ онѣ охватили ее. Наканунѣ моего прїезда въ Москву, вечеромъ послѣ утомительно жаркаго дня, я остановилась среди поля въ мѣстности довольно красивой. Крестьянки

живописно одѣтыя по обычаю страны возвращались съ работы и въ пѣсняхъ Украины воспѣвали любовь и свободу, но непонятная грусть и печаль слышались въ этой мелодіи. Я попросила ихъ поплакать, и онѣ согласились. Я не знаю ничего болѣе миловиднаго, граціознаго, какъ эти народныя пляски; въ нихъ выливается непосредственная красота, которую природа обогащаетъ искусства; въ нихъ вы найдете и долю стыдливаго сладострастія. Индійскія баядерки, по моему, должны воплощать это сочетаніе истомы и живости, въ которомъ заключается прелесть Русской пляски. Эта истома и эта живость говорять о мечтательности и страстности, двухъ чертахъ народнаго характера, которыхъ не коснулась еще образованность, которая она не успѣла еще видоизмѣнить, ни усмирить. Я была поражена милой веселостью этихъ крестьянокъ, какъ поражена была видѣть ее въ различныхъ оттѣнкахъ у большинства людей, съ которыми имѣла дѣло въ Россіи. Я воображаю, какъ страшны бываютъ они, когда ихъ страсти возбуждены: у нихъ нѣть выдержки, какую даетъ воспитаніе, и обуздать свою страсть они не въ силахъ. Всѣдѣствіе невѣжества, какое господствуетъ въ ихъ средѣ, требованія нравственности развиты слабо: кражи весьма часты въ Россіи, но на ряду съ ними развито и гостепріимство. Русскіе даютъ вамъ и берутъ отъ васъ, слѣдуя непосредственнымъ чувствамъ своимъ, великодушію или хитрости: и то, и другое развито въ этомъ народѣ. Въ подобномъ образѣ жизни много общаго съ дикарями: но мнѣ кажется, что теперь только тѣ народы сильны, которые не вышли изъ состоянія, какое мы бы назвали варварскимъ, то есть необразованнымъ, или тѣ, которые свободны. Народы, вполнѣ образованные, равнодушны къ рабству, помышляютъ только о личномъ благосостояніи, и тѣмъ, которые вынесли изъ образованности лишь умѣніе разсуждать о могуществѣ и рабствѣ, суждено быть побѣженными. Я часто думаю, что представляютъ собою теперь мѣста, которыя я видѣла тѣкими тихими, гдѣ тѣ милыя молодыя дѣвушки, тѣ крестьяне съ длинными бородами, въ которыхъ было столько покорности волѣ Провиденія: быть можетъ. они уже погибли; быть можетъ, принуждены были бѣжать, ибо никто изъ нихъ не отдался въ руки непріятеля. Любопытно отмѣтить, какъ проявляется въ Россіи общественное самосознаніе. Слава побѣдоносности, которую доставили этому народу безчисленные успѣхи его войскъ, горделивое самомнѣніе знати и способность самопожертвованія, которая такъ сильна въ народѣ, вѣра, вліяніе которой глубоко и могуче, ненависть къ иноземцамъ, которую старался искоренить Петръ I-ый, желая сдѣлать страну просвѣщенной, но которая все же осталась въ крови Русскихъ и пробуждается при всякомъ случаѣ, все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ народъ могучимъ. Нѣсколько темныхъ анекдо-

товаъ о предшествовавшихъ царствованіяхъ, какіе-то Русскіе, промо-
тившіеся въ Парижѣ, да остроумные слова Дидеро, составили Францу-
замъ представлениe, что Россія состоить лишь изъ развращенного двора,
придворныхъ камергеровъ да крестьянъ-рабовъ. Если бы это соотвѣт-
ствовало дѣйствительности, это было бы ужасно. Надо хорошо взгля-
дѣться въ этотъ народъ, чтобы узнать его: мнѣ пришлось наблюдать
его при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ представился весь, въ
пору несчастій и воодушевленія, время самое удобное для наблюденія.
Не лишнимъ будетъ повторить, что народъ этотъ созданъ изъ противоположностей поразительно рѣзкихъ. Быть можетъ, совмѣщающіяся въ
немъ Европейская культура и Азіатскій характеръ тому причина. При
встрѣчѣ Русскіе такъ ласковы, что съ первыхъ же дней чувствуешь
себя съ ними другомъ, какимъ, пожалуй, не почувствуешь съ инымъ
черезъ десять лѣтъ. Молчаливость Русскихъ совершенно особенная;
они молчатъ тогда, какъ предметъ ихъ живо занимаетъ. Впрочемъ,
иногда они очень разговорчивы; но разговоръ ихъ не больше какъ
любезность: въ немъ не выражаютъ они ни своихъ чувствъ, ни своихъ
мнѣній. Часто сравнивали ихъ съ Французами; но я думаю, что это
сравненіе въ высшей степени ошибочно. Гибкость ихъ природы дѣлаетъ
Русскихъ способными подражать во всемъ. Сообразно съ обстоятель-
ствами они могутъ держать себя какъ Англичане, Французы, Нѣмцы,
но никогда они не перестаютъ быть Русскими, т. е. пылкими и въ
тоже время осторожными, болѣе способными къ страсти, чѣмъ къ
дружбѣ, болѣе гордыми, чѣмъ мягкими, болѣе склонными къ набожности,
чѣмъ къ добродѣтели. болѣе храбрыми, чѣмъ рыцарски-отважными и
такими страстными въ своихъ желаніяхъ, что никакія препятствія не
въ состояніи удержать ихъ порыва. Русскіе гораздо гостепримнѣе
Французовъ: но у нихъ общество не состоить, какъ у насть, изъ круга
развитыхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ доставляетъ удовольствіе
взаимный обмѣнъ мнѣній. Собираются вмѣстѣ, какъ на какой-то
праздникъ, гдѣ можно встрѣтить много посѣтителей, найти вкусные
плоды, видѣть рѣдкости Европы и Азіи, послушать музыки, поиграть,
однимъ словомъ, ищутъ развлечений въ предметахъ вицѣнъ, а не
удовлетворенія запросовъ ума и сердца; ихъ потребность взаимнаго
общенія удовлетворяется чисто-дѣловыми сношеніями, а не обществомъ.
Кромѣ того, будучи вообще очень мало образованы, они не находять
удовольствія въ дѣльныхъ разговорахъ; блестать умомъ у нихъ не
льстить самолюбію. Поэзія, краснорѣчіе, литература еще совсѣмъ не
развиты въ Россіи. Гордости и честолюбію у Русскихъ льстятъ лишь
роскошь, могущество и храбрость. Всѣ другіе способы отличиться
кажутся еще этому народу извѣженностю и пустою забавою.

Но намъ возразить: вѣдь народъ находится въ рабствѣ; какой характеръ можемъ предполагать у него? Конечно, было бы лишнее говорить, что всѣ просвѣщенные люди желаютъ Русскому народу выйти изъ этого состоянія, и навѣрно императоръ Александръ желаетъ этого больше всѣхъ; но рабство въ Россіи, въ своей сущности, не похоже на то рабство, какъ мы его понимаемъ на Западѣ. Здѣсь не побѣдители подчинили побѣженныхъ суровымъ законамъ, какъ это было во время феодальнаго правленія; отношеніе господъ къ народу похоже скорѣе на отношеніе къ челяди у древнихъ, нежели на отношеніе крѣпостныхъ нашего времени. Третьяго, или средняго, сословія въ Россіи не существуетъ вовсе; это большое препятствіе процвѣтанію наукъ и искусствъ, ибо зачастую въ этомъ третіемъ классѣ развиваются таланты; однако по отсутствію промежуточнаго звена между господами и народомъ, между ними существуетъ больше взаимной привязанности. Разстояніе между двумя сословіями кажется значительное потому, что между обѣими крайностями нѣть ступеней, а въ дѣйствительности они соприкасаются гораздо тѣснѣе потому, что ихъ не разлучаетъ средній классъ. Такимъ общественнымъ устройствомъ весьма задерживается просвѣщеніе высшихъ классовъ, но оно не служить въ ущербъ благополучію низшихъ. Впрочемъ въ странѣ, гдѣ нѣть представительнаго строя, гдѣ государь соединяетъ въ себѣ власть законо-дательную и исполнительную, люди часто болѣе чувствуютъ унижение, жертвуя своимъ убѣжденіемъ и своимъ характеромъ, чѣмъ въ этомъ огромномъ государствѣ, гдѣ простыя понятія о всѣхъ и о родинѣ управляютъ несмѣтнымъ множествомъ народа, руководимаго нѣсколькими вождями. Огромное пространство Русскаго государства тоже содѣйствуетъ тому, что деспотизмъ господъ не ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на народъ; наконецъ, болѣе всего надъ умами господствуетъ духъ вѣры и воинственности. И можно навѣрно сказать, что онъ повѣдетъ Русскихъ отъ ихъ заблужденій къ великимъ и прекраснымъ подвигамъ. Одинъ умный человѣкъ выразился, что Россія похожа на Шекспировскія піесы, гдѣ все величественно, чтѣ не ошибочно, и все ошибочно, чтѣ не величественно. Это замѣчаніе весьма вѣрно; но въ то опасное время, когда я проѣзжала страною, первыми предметами удивленія были сила сопротивленія и готовность къ жертвамъ, которую выказалъ этотъ народъ. Видя такія добродѣтели, никто не осмѣшился бы замѣтить недостатки, какіе можно было бы порицать въ другое время.

Еще издали завидите вы золоченые куполы Московскихъ церквей. Москва стоитъ среди равнины; вѣдь и вся Россія ничто иное, какъ огромная равнина. и потому, подѣлзкая къ большому городу, вы даже

можете не замѣтить его обширности. Кто-то справедливо замѣтилъ, что Москва скорѣе деревня, нежели городъ. Все смѣшалось тамъ, лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточнымъ, церкви, общественные учрежденія, пруды, рощи и парки. Вы найдете въ этомъ огромномъ городѣ все разнообразіе нравовъ и племенъ, составляющихъ Россію. Не желаете-ли вы, говорили мнѣ, купить Кашемировую шаль въ Татарской части? Видѣли вы Китай-городъ? Азія и Европа соединены въ этомъ огромномъ городѣ. Въ немъ живется свободнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ на все дворь непрѣбѣжно кладеть отпечатокъ. Знатные жители Москвы за мѣстами, за положеніемъ не гонятся, но большими пожертвованіями доказываютъ свою любовь къ отечеству: въ мирное время они жертвуютъ на общественные учрежденія, во время войны на военные дѣйствія. Огромныя богатства Русскихъ вельмож идутъ на разнообразныя коллекціи, на предпріятія и на пиры, подобные пирамъ Тысячи и одной ночи, но часто необузданно-страстные обладатели богатствъ прожигаютъ ихъ безцѣльно и безумно. Когда я пріѣхала въ Москву, всѣ говорили лишь о жертвахъ, которыхъ приносились на войну. Молодой графъ Мамоновъ ставилъ свой полкъ и самъ хотѣлъ служить въ немъ только подпоручикомъ. Графиня Орлова, по азиатски любезная и богатая, жертвовала четвертую часть своихъ доходовъ. Когда я проходила мимо дворцовъ, окруженныхъ обширными, какъ въ деревняхъ, садами, мнѣ говорили, что вотъ владѣлецъ этого далъ государству тысячу крестьянъ, тотъ двѣсти. Мнѣ странно было слышать выраженіе „дать людей“; но надо сказать, что сами крестьяне шли на войну съ воодушевленіемъ, и на войнѣ господа были лишь ихъ руководителями. Какъ только Русскій поступаетъ въ солдаты, ему брѣютъ бороду, и съ того времени онъ свободенъ. Предполагали дать свободу всѣмъ шедшимъ на военную службу; тогда бы вся страна оказалась свободной, ибо на войну поднялись почти всѣ. Будемъ надѣяться, что государству удастся провести безъ особыхъ потрясеній столь желанное освобожденіе подневольныхъ. Но съ бородой не такъ легко разставались: она придавала много силы и достоинства лицу. Русскій съ его долгой бородой не пройдетъ мимо церкви, чтобы не перекреститься. Глубоко трогательна вѣра Русскихъ въ образѣ. Убранство церквей отличается роскошью; вкусъ къ роскоши, вообще свойственный Русскимъ, сближаетъ ихъ съ Азіей, вы видите въ церкви лишь золото, серебро, рубины. Разсказываютъ, что кто-то изъ Русскихъ предлагалъ написать Библію буквами, составленными изъ драгоцѣнныхъ камней. Онь знать, что этимъ возбудить любовь къ чтенію, подѣстровавъ на воображеніе. Удивительно, что этотъ даръ воображенія не проявился еще ни въ искусствахъ, ни въ поэзіи. Русскіе во всѣхъ

областяхъ могутъ быстро достигнуть опредѣленной точки успѣха, но дальше они не идутъ. Первые шаги дѣлаются всегда непроизвольно и лишь вторые стараются обдумать. Надо сказать, что вообще Русскіе, столь непохожіе на жителей Сѣвера, до настоящаго времени не показали себя способными къ глубокомыслію. Нѣкоторые дворцы въ Москвѣ, для ускоренія постройки, воздвигнуты изъ дерева: народъ отъ природы непостоянъ во всемъ, кромѣ вѣры и любви къ родинѣ. склоненъ и любить перестраивать свое жилище. Многіе изъ этихъ прекрасныхъ зданій воздвигались для какого-нибудь празднества, предназначались для блеска лишь одного дня; при сооруженіи ихъ затрачивались огромныя богатства, и они сохранились до рокового дня всеобщаго разрушенія. Многіе дома выкрашены разноцвѣтными красками: зеленої, желтой, розовой, и рѣзьба на нихъ, ихъ тщательна, какъ украшеніе дессерта.

Кремль, эта крѣпость, служившая опорой Русскимъ царямъ въ борьбѣ съ Татарами, окружена высокой зубчатой стѣной съ башнями по угламъ; башни своей странной формой похожи скорѣе на Турецкіе минареты, чѣмъ на укрѣпленія; въ этомъ ихъ сходство съ крѣпостными башнями Востока. Но хотя вѣнчайший видъ городскихъ строеній носитъ восточный характеръ, вліяніе христіанства сказывается повсюду. () немъ говорить множество церквей, которыхъ столь почитаемы въ Россіи и которыхъ въ этомъ городѣ привлекаютъ ванъ взоръ на каждомъ шагу. Невольно сравниваешь Москву съ Римомъ, но не потому, что она имѣеть сходство съ нимъ въ стилѣ своихъ зданій, этого нѣть; но удивительное сочетаніе сельскойтишины и пышныхъ дворцовъ, обширность города и безчисленное множество церквей сближаютъ Римъ Азіи съ Римомъ Европы. мнѣ довелось видѣть внутренность Кремля въ первыхъ числахъ Августа. Я входила туда по лѣстницѣ, по которой нѣсколько дней тому назадъ шелъ императоръ Александръ. Его окружало необъятное множество народа, всѣ благословляли его и клялись до послѣдней капли крови защищать отечество. Свое слово они сдержали. Сначала мнѣ открыли залы, въ которыхъ хранилось оружіе Русскихъ воиновъ. Подобные арсеналы другихъ странъ заслуживаютъ большаго вниманія. Русскіе не пережили рыцарства, они не принимали участія въ Крестовыхъ походахъ. Воинственный духъ Русскихъ воспитывался въ войнахъ съ Татарами. Поляками и Турками среди жестокостей, которыхъ поддерживались съ одной стороны дикостью Азіатскихъ народовъ, съ другой лютостью тирановъ, правившихъ Россіей. Ихъ отвага не благородное мужество Балярдовъ и Персіевъ, но неустранимость неистовой храбрости, которою жила Россія въ продолженіи многихъ вѣковъ. Впервые выступивъ въ Европейскомъ обществѣ, Русскіе

не обнаружили духа благородного рыцарства, который такъ свойственъ народамъ Запада; они показали себя безжалостно страшными къ своимъ недругамъ. Постоянныя усобицы въ Русской исторіи до Петра Великаго и даже послѣ него дурно отразились на нравственности народа, особенно въ высшихъ классахъ: деспотическое правлениe, единственнымъ исходомъ изъ котораго было убийство самаго тирана, уничтожало сознаніе чести и долга въ умахъ народа. Но любовь къ отечеству и преданность вѣрованіямъ вышли сильными и непреклонными изо всѣхъ кровавыхъ бѣдствій исторіи, а народъ съ такими добродѣтелями можетъ еще удивить міръ.

Изъ арсенала меня повели въ покой древнихъ Русскихъ царей: тамъ хранятся одѣянія, въ которыхъ облачались они въ дни вѣнчанія на царство. Ничего красиваго въ этихъ покояхъ нѣть, но ихъ убранство согласуется со строгостью жизни, которую вели раньше да и теперь ведутъ Русскіе цари. Во дворцѣ Александра царить пышное великолѣпіе, но онъ самъ спитъ на жесткой постели и путешествуетъ какъ простой казацкій офицеръ. Въ Кремль показываютъ двойной тронъ, который сдѣланъ былъ для Петра и его брата Іоанна. Ихъ сестра царевна Софія ставила обыкновенно за мѣстомъ Іоанна и подсказывала ему, что онъ долженъ былъ говорить. Но несамостоятельность Іоанна скоро должна была уступить врожденнымъ силамъ Петра, и онъ одинъ завладѣлъ престоломъ. Начиная съ его царствованія Русскіе цари перестали носить Азіатскія одежды. При Петрѣ Россія увидѣла парикъ эпохи Людовика XIV-го. Не умалая своего восхищенія передъ этимъ великимъ человѣкомъ, я все же скажу, что весьма непріятнымъ является въ немъ противоположность необузданной силы дарованій со стремленіемъ провести церемонную правильность въ одеждѣ. Имѣлъ ли онъ поводъ искажать восточные нравы своего народа, имѣлъ ли онъ право переносить столицу на Сѣверъ, на границу имперіи? Это большой вопросъ и еще не решенный; лишь вѣка могутъ дать на него отвѣтъ.

Я всходила на соборную колокольню, называемую колокольней Ивана Великаго. Съ нея открывается видъ на весь городъ. Оттуда смотрѣла я на дворцы царей, покорившихъ своимъ оружіемъ царства Казанское, Астраханское и Сибирское. Я слушала пѣніе въ церкви, гдѣ служилъ экзархъ Грузіи; въ немъ можно видѣть представителя христіанскаго единенія Азіи и Европы. Сорокъ сороковъ церквей свидѣтельствовали о набожности жителей Москвы. Торговыя учрежденія Москвы тоже носятъ Азіатскій характеръ. Люди въ чалмахъ и въ разнообразныхъ восточныхъ костюмахъ раскладываютъ передъ вами рѣдкіе товары; Сибирскіе мѣха. Индійскія ткани могли вполнѣ удовлетворить страсти къ роскоши Русскихъ вельможъ, у которыхъ вообра-

женіе плѣняется и соболями Самоѣдовъ, и рубинами Персовъ. Въ Московскому дворцѣ, въ саду Разумовскаго, вы найдете превосходную коллекцію растеній и подборъ минераловъ; графъ Бутурлинъ тридцать лѣтъ жизни посвятилъ собиранію прекрасной библіотеки. На иѣкоторыхъ книгахъ, ему принадлежащихъ, сдѣланы помѣтки рукой Петра Перваго. Этотъ великий человѣкъ и не думалъ, что Европейская образованность, которую онъ такъ ревностно поддерживалъ, придется въ Россію лишь для того, чтобы разорять просвѣтительныя учрежденія, которые основывали онъ въ странѣ, стремясь образованіемъ воспитать ея неуимчивый духъ. Да же находится пріютъ подкидышей, одно изъ наиболѣе человѣколюбивыхъ учрежденій всей Европы. Больницы для людей всѣхъ сословій встрѣчаются въ различныхъ частяхъ города. Наконецъ, кругомъ видишь лишь богатство, дѣла милосердія, роскошнія зданія и благотворительныя учрежденія, церкви и дворцы, которые расточаютъ благодіянія для значительной части населенія и проливаются кругомъ себя блескъ роскоши. Какъ на ладони представились передъ нами всѣ извилины Москвы-рѣки, которая послѣ нашествія Татаръ не видѣла уже потоковъ крови въ своихъ водахъ. День быль великолѣпный, солнце радостно играло лучами на блестящихъ куполахъ церквей. Минѣ вспомнился престарѣлый архиепископъ Платонъ, пастырское письмо котораго, написанное къ Александру въ восточномъ духѣ, такъ меня тронуло: онъ посыпалъ икону Божіей Матери, чтобы отвратить отъ Россіи человѣка, готоваго покорить Россію. На мгновеніе мнѣ пришла въ голову мысль, что вѣдь Наполеонъ можетъ прийти сюда, очутиться на этой самой башнѣ, съ которой я любовалась городомъ, можетъ уничтожить ее; мелькнула вдругъ и другая мысль, что дерзнетъ онъ стать на мѣсто царское, какъ дерзнулъ завладѣть имъ на время ханъ Золотой Орды. Но небо было такъ безоблачно и прекрасно, что я отогнала свой страхъ. Спустя мѣсяцъ, этотъ прекрасный городъ быль обращенъ въ груду пепла. Этими Русскіе заявили, что они опустошатъ всю покоренную врагомъ страну тѣмъ самымъ огнемъ, который онъ принесъ съ собой. Но развѣ Русскіе и ихъ монархъ не искупили своей ошибки? Несчастіе, постигшее Москву, возродило страну; этотъ благочестивый городъ погибъ, какъ мученикъ, пролитая кровь котораго даетъ новыя силы братьямъ, его пережившимъ.

Извѣстный графъ Ростопчинъ, имя котораго столь часто встрѣчается въ приказахъ Государя, пришелъ навѣстить меня и пригласилъ на обѣдъ. При Павлѣ I-омъ онъ быль министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ бесѣдѣ онъ казался человѣкомъ своеобразнымъ, и можно было предсказать, что онъ обнаружить свой рѣшительный и сильный нравъ, когда этого потребуютъ обстоятельства. Графиня Ростопчина любезно

подарила мнѣ сочиненіе, написанное ею о торжествѣ вѣры. Ея книгу украшаютъ прекрасный слогъ и высокіе нравственные идеалы. Я на-вѣстила графиню въ ся подмосковномъ имѣніи*); дорога туда лежитъ черезъ лѣсъ и озеро. Съ приближеніемъ Французовъ графъ Ростопчина самъ поджегъ это имѣніе, этотъ прелестный уголокъ Русской равнины. Конечно, подобный поступокъ долженъ быть удивить даже враговъ. Императоръ Наполеонъ сравнилъ графа Ростопчина съ Маратомъ, совершенно забывъ, что губернаторъ Москвы жертвовалъ личнымъ достояніемъ, Маратъ же поджигалъ дома другихъ (а Наполеонъ не допускаетъ въ этомъ разницы). Графа Ростопчина можемъ упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ долго скрывалъ неблагопріятныя извѣстія обѣ арміи; трудно сказать, себѣ ли онъ этимъ льстилъ, или другимъ. Англичане, съ ихъ удивительной прямотою въ нравѣ, всегда отдаютъ отчетъ, какъ въ успѣхахъ, такъ и въ неудачахъ, и у нихъ одушевленіе поддерживается лишь правдою, какова бы она ни была. Русскіе не достигли еще этого нравственнаго совершенства; оно возможно лишь въ государствѣ съ политической свободой.

Ни одна образованная народность такъ не близка къ дикарямъ, какъ Русская, и людей сильныхъ, способныхъ на великій подвигъ, всегда можно упрекнуть въ порокахъ, которые такъ свойственны ихъ необузданной природѣ. Много восхваляли знаменитыя слова Дидера: „Русскіе сгнили прежде чѣмъ созрѣли“. Я не знаю мнѣнія болѣе ошибочнаго: даже ихъ пороки, за небольшимъ исключеніемъ, мы должны приписать не ихъ испорченности, но силѣ ихъ нравственнаго закала. Одинъ выдающійся человѣкъ сказалъ: „стѣть Русскому пожелать, и городъ взлетитъ на воздухъ“. Ярость и хитрость смѣняютъ одна другую, когда Русскій рѣшается на какой-либо поступокъ, дурной или хороший. Скорострѣлое преобразованіе Петра I отнюдь не измѣнило у Русскихъ характера. Къ своему счастью они пребываютъ еще въ состояніи, которое мы назвали бы варварскимъ; ими управляетъ чутъе, подчасъ благородное, но всегда непроизвольное, которое допускаетъ размышеніе лишь при выборѣ средствъ, но отнюдь не цѣли; я говорю, къ счастью для нихъ, но не потому, что хочу восхвалять варварство; подъ этимъ словомъ я подразумѣваю первобытную мощь, которая лишь одна у народовъ можетъ замѣнить силу гражданской свободы.

Я встрѣтила въ Москвѣ людей просвѣщенныхъ какъ въ наукахъ, такъ и въ литературѣ; но здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, почти всѣ профессорскія каѳедры заняты Нѣмцами. Во всѣхъ областяхъ Русской жизни чувствуется недостатокъ въ людяхъ свѣдущихъ. Большинство

*) Т. е. въ Сокольникахъ. П. Б.

молодыхъ людей идутъ въ университетъ лишь для того, чтобы выйти скорѣе на военную службу. Чины гражданской службы соотвѣтствуютъ въ Россіи чинамъ военнымъ. Всѣ умы направлены на войну; во всѣхъ другихъ областяхъ, управлениія, въ политической экономіи, народномъ просвѣщеніи другіе народы далеко опередили Русскихъ. Однако въ литературѣ Русскіе сдѣлали иѣкоторыя попытки. Мягкость и звучность ихъ языка замѣчаютъ даже тѣ, которые его не понимаютъ: онъ долженъ быть особенно хорошъ въ музыкѣ и поэзіи; но Русскіе, какъ и многіе другіе народы материка пошли по ложному пути, когда стали подражать Французской словесности, которая даже въ достоинствахъ своихъ подходитъ только къ Французамъ. мнѣ кажется, что Русскіе должны скорѣе черпать образцы словесности у Грековъ, чѣмъ у Римлянъ. Сходство Русскаго письма съ письмомъ Греческимъ, древнія сношенія съ Византійской имперіей и будущія судьбы Россіи, которая зовутъ ее, быть можетъ, въ Спарту, быть можетъ въ Аѳинѣ, все должно побуждать Русскихъ изучать Грецію; но главное, необходимо, чтобы ихъ писатели почерпали поэзію изъ тайниковъ своей души. До сихъ поръ ихъ творенія были непроникновенны, а сильная народность никогда не можетъ удовлетвориться такими слабыми пріемами.

Я покидала Москву съ сожалѣніемъ. Неподалеку отъ города остановилась я въ лѣсу, куда въ праздничные дни приходить народъ поплѣсать и порадоваться солнышку, блескъ котораго такъ непродолжителенъ, сіяніе котораго видѣть они такъ рѣдко даже въ Москвѣ. А что же дальше, къ Сѣверу? Говорятъ, что по мѣрѣ приближенія къ Архангельску становятся все болѣе рѣдкими березовые лѣса, столь утомительные своимъ однообразіемъ; ихъ тщательно оберегаютъ, какъ апельсиновыя деревья во Франціи. Направляясь отъ Москвы къ Петербургу, вы видите кругомъ вначалѣ лишь голый песокъ, а затѣмъ безконечныя болота. Когда идетъ дождь, земля становится черной, и тогда уже не найдете дороги. Но все же и здѣсь избы говорятъ о довольствѣ. Крестьяне украшаютъ свои жилища столбиками, вокругъ оконъ вы видите рѣзныя украшенія изъ дерева. Хотя проѣзжала я лѣтомъ, но вездѣ стоялъ передо мною угрожающей признакъ зимы: казалось, онъ скрывался за тучами. Плоды, которые давали мнѣ, были всѣ жесткіе; ихъ созрѣваніе было искусственно ускорено. На розу смотрѣла я съ грустью; она напомина мнѣ нашъ родной прекрасный край; а цвѣты, казалось, не поднимали уже такъ горделиво своихъ головокъ, какъ будто чувствовали надъ собой леденящую руку Сѣвера, готовую сорвать и уничтожить ихъ.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Новгородъ. Этотъ городъ, шесть сотъ лѣтъ назадъ, былъ республикой и входилъ въ составъ Ганзейскаго

союза. Новгородцы въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранили свой гордый духъ республиканской независимости. Привычно думать, что свобода провозглашена въ Европѣ въ послѣднее столѣтіе; мнѣ же кажется, что она принесла намъ не свободу, а деспотизмъ.

Въ самой Россіи закрѣпощеніе крестьянъ введено было лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ. До царствованія Петра I-го. Государственные указы начинались такими словами: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Петръ I-й сдѣлалъ неоцѣненное благодѣяніе Россіи, но онъ принизилъ значеніе родовитыхъ вельможъ и объединилъ въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власти: все это дѣлалъ онъ, желая устранить препятствія въ исполненіи его начертаній. Ришелье поступалъ также во Франціи; вотъ почему такъ восхищался имъ Петръ I-й. Извѣстно, что, увидавъ гробницу Ришелье въ Парижѣ, онъ воскликнулъ: „Великій человѣкъ, я отдалъ бы половину своей страны, лишь бы научиться у тебя управлять другою“. Въ этомъ случаѣ царь былъ очень скроменъ, ибо имѣлъ надъ Ришелье много преимуществъ. Онъ былъ великимъ полководцемъ, и кромѣ того создалъ въ своей странѣ флотъ и насадилъ промышленность, тогда какъ Ришелье былъ лишь тираномъ-правителемъ во внутренней политикѣ и коварнымъ дипломатомъ во внѣшней. Но возвратимся къ Новгороду. Въ 1470 году этимъ городомъ завладѣлъ царь Иванъ Васильевичъ; онъ лишилъ его свободы и приказалъ перевезти въ Московскій Кремль такъ называемый „вѣчевой колоколъ“, звонъ котораго призывалъ гражданъ на площадь, где они обсуждали свои общія дѣла. Лишившись свободы, Новгородъ сталъ бѣднѣть: его торговля падала и населеніе уменьшалось. Такъ губительно и вредно говорить лучшій Русскій историкъ, сказывается на всемъ неограниченный произволъ самовластія! Въ настоящее время Новгородъ представляетъ необыкновенно печальную картину. Окружающій его валъ свидѣтельствуетъ, что городъ былъ нѣкогда большимъ и населеннымъ; теперь вы видите лишь разбросанные, рѣдкіе дома, обитатели которыхъ кажутся тѣнями рыдающими надъ могильной плитой. Быть можетъ, тоже зрѣлице представляеть теперь и Москва. Но народъ отвоевалъ ее; онъ же ее и возродить.

Безконечныя болота тянутся отъ Новгорода до Петербурга. Когда подъѣзжаешь къ одному изъ самыхъ красивыхъ городовъ міра, кажется, что невидимый волшебникъ чудотворнымъ мановеніемъ жезла перенесъ сюда на пустынную почву все, что есть прекраснаго въ Европѣ и Азіи. Основаніе Петербурга говорить намъ о той могучей силѣ Русской воли, которая не знаетъ ничего непреодолимаго. Кругомъ города все низменныя мѣста, и самъ онъ построенъ на болотѣ, и подъ мраморомъ подложены сваи; но, видя величественные зданія, забываешь

о непрочности ихъ основаній и невольно остановиша въ раздумії передъ чудомъ, какъ могъ этотъ прекрасный городъ построиться въ такое короткое время. Этотъ народъ, отличается неслыханной настойчивостью въ борьбѣ съ природой и полчищами враговъ. Необходимость дѣлаетъ Русскихъ терпѣливыми и непобѣдимыми, но въ обыкновенной жизни они очень непостоянны.

По пріѣздѣ въ Петербургъ первымъ чувствомъ моимъ было желаніе возблагодарить Небо за то, что я нахожусь на берегу моря. Я увидѣла на Невѣ Англійскій флагъ, знакъ свободы, и почувствовала, что могу, поручая себя океану, отаться подъ непосредственное покровительство Провидѣнія, довѣрившись стихіямъ, а не быть въ зависимости отъ людей, въ особенности же отъ человѣка, который, кажется, пришелъ для возстановленія злыхъ началь на землѣ.

Противъ дома, въ которомъ я поселилась въ Петербургѣ, находится статуя Петра I-го. Онъ представленъ сидящимъ на конѣ, который, на дыбахъ, взирается на крутой утесъ посреди змѣй, задерживающихъ его шаги. Правда, змѣи помѣщены тамъ, чтобы поддерживать громадную тяжесть коня и всадника. Но идея памятника мало удачна: въ дѣйствительности государь никогда не боялся зависти, символомъ которой служатъ эти змѣи; пресмыкающіеся не были его врагами, и Петръ I-ый ничего не боялся въ своей жизни, какъ только Русскихъ, которые печалились о старыхъ обычаяхъ страны. Но то обаяніе, которое сохранилось къ его личности, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ благѣ, которое сдѣлалъ онъ для Россіи, ибо сто лѣтъ послѣ своей смерти деспоты уже не имѣютъ льстецовъ. На пьедесталѣ его статуи начертано: „Петру Первому Екатерина Вторая“. Эта простая и тѣмъ не менѣе гордая надпись заслуживаетъ похвалу за свою правдивость. Они двое сумѣли высоко поднять народное сознаніе и внушить народу мысль, что онъ непобѣдимъ; это значитъ уже сдѣлать его таковымъ по крайней мѣрѣ у своего домашняго очага. ибо побѣда есть нѣчто случайное, что зависитъ чаще отъ ошибокъ побѣжденного, чѣмъ отъ дарованій побѣдителя.

Въ Петербургѣ, конечно, нельзя сказать о женщинахъ Французскую пословицу: *elle est vieille, comme les rues* *). ибо улицы имѣютъ совершенно новый видъ. Зданія блестятъ осѣпельной бѣлизной, а ночью, освѣщаю луною, онѣ кажутся громадными бѣлыми привидѣніями, которыхъ ставъ неподвижно, смотрять за теченіемъ Невы. Я не нахожу ничего особенно красиваго въ этой рѣкѣ, но такихъ прозрачныхъ водъ я не видала нигдѣ. Гранитная набережная длиною въ тридцать верстъ

*) Она стара, какъ улицы.

окаймляетъ ея русло, и величіе этого сооруженія человѣческихъ рукъ достойно хрустальныхъ водъ, которыя оно украшаетъ. Еслибы Петръ I-ый предпринялъ подобныя работы на Югъ, онъ не получилъ бы того, чего желалъ—флота; но его начинанія на Югъ болѣе бы отвѣчали духу народа. Русскіе, живущіе въ Петербургѣ, кажутся Южанами, осужденными жить на Сѣверѣ и, выбиваясь изъ силъ, бороться съ климатомъ, который имъ совсѣмъ не привыченъ. Жители Сѣвера, обыкновенно, большиіе домосѣды и боятся холода, ибо онъ для нихъ постоянный врагъ. Простонародье въ Россіи совсѣмъ иныхъ привычекъ: кучера зимою ждутъ по десяти часовъ близъ воротъ и не жалуются; они ложатся на снѣгъ подъ повозки и ведутъ образъ жизни Неаполитанскихъ бѣдняковъ на шестидесятомъ градусѣ географической широты. Вы видите ихъ расположившимися на ступеняхъ лѣстницъ, какъ Нѣмцы на своихъ перинахъ. Иной разъ они спать стоя, прислонившись къ стѣнѣ головою. То беспечные, то пылкіе, они предаются съ одинаковой страстью и сну, и неутомимымъ трудамъ. Многіе изъ нихъ большиіе пьяницы и тѣмъ отличаются отъ жителей Юга, которые очень трезвы. Но и Русскіе бываютъ трезвы, когда требуютъ этого трудныя обстоятельства войны. Русскіе вѣльможи тоже Южане по своимъ привычкамъ. Надо посмотретьъ на ихъ дачи, построенные на острову, образуемому Невою, въ обводѣ самого Петербурга. Южная растенія, благовонія Востока, Азіатскіе диваны украшаютъ ихъ жилища. Огромныя оранжереи, гдѣ зрѣютъ плоды всѣхъ странъ, создаютъ искусственный климатъ. Обладатели этихъ дворцовъ стараются уловить каждый лучъ солнца, пока оно видно на горизонте. Они радуются ему, какъ другу, который скоро уйдетъ отъ нихъ, но котораго знали они нѣкогда въ какой-то болѣе счастливой странѣ.

На другой день моего приѣзда я отправилась на обѣдъ къ одному изъ купцовъ, особенно уважаемыхъ въ городѣ. Онъ славился Русскимъ гостепріимствомъ и всякой разъ, когда обѣдалъ у себя, вывѣшивалъ надъ домомъ флагъ, и этимъ приглашалъ къ себѣ друзей своихъ. Обѣдъ былъ устроенъ на открытомъ воздухѣ, всѣ наслаждались прощальными днями уходящаго лѣта, а подобные дни на Югѣ Европы даже не называли бы лѣтними. Садъ былъ очень живописенъ, его украшали цвѣты и деревья, но уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома начинались пустыни и болото. Природа окрестностей Петербурга представляется мнѣ вѣчнымъ непріятелемъ, который захватываетъ свои права, какъ только человѣкъ перестаетъ съ нимъ бороться.

На слѣдующее утро я пошла въ церковь Казанской Божіей Матери, построенную Павломъ I по образцу собора Св. Петра въ Римѣ. Внутренность церкви, украшенная многочисленными мраморными ко-

лоннами, необычайно красива; само же зданіе мнѣ не нравится, и именно потому, что напоминает храмъ Святого Петра, но отличается отъ него тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше старались подражать ему. Развѣ можно въ два года выполнить то, что стоило цѣлаго столѣтія лучшимъ художникамъ міра? Русскіе затѣмъ предпочли скоростью наверстать время, какъ и пространство; но время сохраняетъ только то, что оно создало, а произведенія искусства, которыхъ, казалось бы, создаются вдохновеніемъ, требуютъ вдумчивой и долговременной обработки.

Изъ храма Казанской Божіей Матери я направилась въ Александро-Невскую лавру, посвященную одному изъ доблестныхъ Русскихъ князей, который своими завоеваніями продвинулъ границы Россіи до береговъ Невы. Императрица Елизавета, дочь Петра I-го, перенесла мощи святого въ серебряную раку, на которую богомольцы имѣютъ обыкновеніе класть монету, когда просятъ о чёмъ либо святого. Въ Александро-Невской лаврѣ находится гробница Суворова, и памятникъ украшенъ лишь его именемъ. Покойному бѣльшаго не надо; но Русскіе не должны довольствоваться этимъ въувѣковѣченіемъ памяти человѣка, оказавшаго Россіи столько услугъ. Впрочемъ этотъ народъ столь воинственъ, что геройскіе подвиги удивляютъ его гораздо менѣе, чѣмъ могли бы удивить другихъ. На кладбищѣ Александро-Невской лавры многіе знатные люди воздвигаютъ памятники своимъ предкамъ, но ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не выдѣляется ни красотой художественнаго выполненія, ни величиемъ творческаго замысла. Правда, смерть не производить на Русскихъ особенно сильного впечатлѣнія, и быть можетъ причиной тому бодрое настроеніе Русскихъ, быть можетъ ихъ непостоянство; но долговременная печаль не въ Русскомъ характерѣ. Они болѣе склонны къ суевѣрю, чѣмъ глубокому благочестивому чувству: суевѣріе связано съ условіями земной жизни, а вѣра съ загробной: суевѣріе основано на сознаніи неизбѣжности судьбы, вѣра на добродѣтели.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Румянцовъ былъ со мной чрезвычайно любезенъ; къ сожалѣнію, онъ былъ такимъ же въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и поддерживалъ его континентальную систему. тогда какъ было бы гораздо лучше, если бы, съдѣя Англійскимъ министрамъ, отказался отъ нея; какъ только она была нарушена. Безъ сомнѣнія, въ странѣ съ неограниченной властью монарха воля Государя направляетъ все, но санъ первого ministra требуетъ, чтобы одни и тѣ же уста не произносили противорѣчивыхъ словъ. Воля государя есть воля всей страны; страна же можетъ менять политику, когда этого требуютъ обстоятельства. Въ лицѣ ministra представлено лишь единичное мнѣніе, и оно должно быть одинаково

въ столь важныхъ дѣлахъ въ теченіе всей его жизни. Нельзя себѣ представить человѣка болѣе изысканныхъ пріемовъ и болѣе любезнаго въ обхожденіи съ иностранцами, какъ Румянцовъ. Я была у него, когда стало извѣстно, что посланникомъ Англіи назначенъ лордъ Тирконнель и адмираломъ Бентинкъ: какъ тотъ, такъ и другой личности выдающіяся: это были первые Англичане, возвратившіеся на материкъ, съ котораго были изгнаны властью тирана. Послѣ десяти лѣтъ ожесточенной борьбы, послѣ десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ при всѣхъ успѣхахъ и неудачахъ Англичане оставались вѣрны главному правилу своей политики, безусловной добросовѣстности, послѣ этихъ десяти лѣтъ они, наконецъ, возвратились въ страну, которая прежде всѣхъ другихъ сбросила ненавистное иго всемірной монархіи. Ихъ выговоръ, ихъ простота, ихъ гордость обнаруживали въ нихъ людей правдивыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и они знали истинное положеніе дѣль, которое Наполеонъ сумѣлъ скрыть отъ людей, читавшихъ лишь его извѣстія и сообщенія его агентовъ. Даже противники Наполеона на материкѣ настолько опутаны и запуганы распространившейся ложью, что не могутъ уже, какъ мнѣ кажется, довѣриться своему личному мнѣнію; что касается меня, то я держалась всегда собственного мнѣнія, отбросивъ всѣ совѣты благоразумія и нерѣдко и низости, которыя душатъ всѣхъ въ Бонапартовской системѣ. Мое происхожденіе не позволяло бы мнѣ отказаться отъ этого, но мой разумъ не всегда былъ бы въ силѣ защищать себя отъ столькихъ софизмовъ. Поэтому я съ душевнымъ волненіемъ опять слушала голосъ Англіи, съ которой почти всегда можно жить въ согласіи, когда желаешь заслужить уваженіе честныхъ людей и своей личности.

На другой день графъ Орловъ *) пригласилъ меня на островъ, называемый въ честь его Орловскимъ. Этотъ островъ самый живописный изъ всѣхъ, которые образуетъ Нева. Садъ украшенъ тѣнистыми дубами, столь рѣдкими въ этой странѣ. Графъ и графиня Орловы не жалѣютъ средствъ для пріема иностранцевъ, которые находять у нихъ и предупредительность, и пышность. Въ ихъ домѣ чувствуешь себя покойно, какъ въ тихомъ сельскомъ пристанищѣ, въ которомъ однако пользуюешься всѣми удобствами и роскошью городской жизни. Графъ Орловъ является представителемъ просвѣщеныхъ Русскихъ вельможъ, и его любовь къ родинѣ тронула меня глубиной своей. Въ первый разъ я была у него въ день объявленія мира съ Англіей. Это было въ Воскресенье; въ его саду, открытомъ въ этотъ день для гуляющихъ, мы видѣли много Русскихъ торговцевъ. Они носятъ длинныя бороды и одѣваются

*) Графъ Григорій Владимировичъ. II. Б.

какъ мужики, то есть простые крестьяне. Гуляющіе собирались на островъ, чтобы послушать чудную музыку графа Орлова; музыканты исполнили Англійскій гимнъ (*God save the King*, эту пѣснь свободы поеть страна, которая считаетъ монарха главнымъ ея хранителемъ). Мы были растроганы и отъ души рукоплескали этому гимну, который долженъ стать роднымъ для всѣхъ Европейцевъ. Европейцы должны или служить тираніи, или ненавидѣть ее. Графъ Орловъ подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что сегодня празднуется миръ Россіи съ Англіей. Услышавъ это, они перекрестились и возблагодарили Бога за то, что море вновь открыто для нихъ. Орловскій островъ находится въ серединѣ другихъ острововъ, на которые лѣтомъ переѣзжаютъ Петербургскіе вельможи и даже Государь съ Государыней. Неподалеку находится Строгоновскій островъ; богатый владѣлецъ его выписалъ изъ Греціи очень много цѣнныхъ предметовъ древности. Двери его дома всегда были гостепріимно открыты, и туда могъ идти каждый, кто былъ представленъ хозяину: онъ не назначалъ званыхъ обѣдовъ или ужиновъ, но радушно встрѣчалъ всѣхъ, кто хоть разъ былъ принятъ въ его домѣ. Часто онъ не зналъ и половины тѣхъ лицъ, которыхъ у него обѣдали; но ему нравилась пышность гостепріимства, какъ нравился всякий блескъ роскоши. Подобные обычай гостепріимства приняты во многихъ Петербургскихъ домахъ, а потому вполнѣ понятно, что вы не найдете здѣсь тѣхъ оживленныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ Французы. Общество слишкомъ многочисленно, чтобы могла завязаться постоянная и общая бесѣда. Всѣ люди высшаго свѣта отличаются изысканными пріемами, но они недостаточно образованы; среди людей, близкихъ ко двору и чувствующихъ на себѣ давленіе власти, нѣтъ взапмнаго довѣрія, и они не могутъ понять прелести умственнаго обиженія.

Рѣчь многихъ Русскихъ вельможъ блестаетъ изяществомъ и благородствомъ, такъ что въ началѣ составиши себѣ ложное представление объ умѣ и образованности своего собесѣдника. Начало почти всегда блестяще: вашъ собесѣдникъ, будь онъ мужчина или женщина, поражаетъ васъ своимъ умомъ, но часто дѣло не идетъ дальше блестящаго начала. Русскіе совсѣмъ не привыкли быть въ бесѣдѣ задушевными и говорить, чтѣ думаютъ. Еще недавно Русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что и теперь не могутъ привыкнуть къ разумной свободѣ, которую старается водворить Александръ.

Нѣкоторые Русскіе дворяне пытались блеснуть на поприщѣ словесности, но просвѣщеніе не такъ еще распространено въ Россіи, чтобы обо всемъ этомъ могло составиться общественное мнѣніе, основанное на мнѣніи каждого. Русскіе слишкомъ страстны, чтобы любить

отвлеченные идеи; ихъ забавляетъ то что на лицо, и у нихъ не было еще ни времени, ни желанія обобщить наблюденія мыслю. Да къ тому же весьма опасно высказываться въ этомъ великосвѣтскомъ, близкомъ ко двору, обществѣ, гдѣ всѣ наблюдаютъ другъ за другомъ, гдѣ такъ часто другъ другу завидуютъ. Молчаніе Востока замѣнили здѣсь слова любезныя, но пустыя и поверхностныя. Эта атмосфера блеска и веселія можетъ плѣнить, но лишь на мгновеніе; она не воспитываетъ человѣка, не развиваетъ его дарованій. Люди, которые такъ проводятъ время, не приобрѣтаютъ способности ни къ труду умственному, ни къ другимъ занятіямъ. Совсѣмъ не то встрѣчала я въ Парижскомъ обществѣ. Людей благородныхъ и образованныхъ объединяютъ бесѣды либо дѣловыя, либо остроумныя.

Царская семья.

Наконецъ мнѣ удалось увидѣть и самого монарха, неограниченаго въ своей власти ни закономъ, ни обычаями, но умѣряющаго ее своими личными наклонностями. Въ началѣ я была представлена императрицѣ Елизавѣтѣ, и она показалась мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея приемы сдержанны, но то, что говорить она, полно жизни. Она черпаетъ свои мысли и чувства изъ источника великихъ и благородныхъ мыслей. Я была тронута, слушая ее; меня поразило въ ней нечто невыразимое, что отражало не величіе ея сана, но гармонію ея души. Давно не приходилось мнѣ встрѣчать болѣе тѣсное сліяніе могущества и добродѣтели. Когда я разговаривала съ императрицей, дверь открылась, и императоръ Александръ удостоилъ меня чести бесѣдовать съ собою. Первое, что особенно изумило меня въ немъ, это выраженіе необычайной доброты и величія, которыми озарено его лицо: эти два качества казались нераздѣльны въ немъ. Въ первыхъ же словахъ, сказанныхъ мнѣ, тронула меня благородная простота, съ которой подходилъ онъ къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ Европу. Я всегда считала признакомъ посредственности боязнь говорить о важныхъ вопросахъ, боязнь, которая свойственна почти всѣмъ государямъ Европы. Александръ, наоборотъ, бесѣдовалъ со мною такъ, какъ сдѣлали бы это государственные люди Англіи, которые видѣть силу въ самихъ себѣ, а не въ цѣпи загражденій, которыми можно себя окружить. Александръ, достоинства которого умышленно не признавалъ Наполеонъ, человѣкъ выдающагося ума и рѣдкой образованности, и я не думаю, чтобы онъ могъ найти въ государствѣ министра, болѣе нежели онъ самъ способнаго разбираться въ дѣлахъ и направлять ихъ къ цѣли.

Онъ не скрылъ отъ меня, что сожалѣть о восторгахъ, которые возбуждалъ въ немъ Наполеонъ. Дѣдъ Александра чувствовалъ подобное преклоненіе передъ личностью Фридриха Второго. Подобныя увлеченія необыкновенными личностями основываются всегда на какомъ нибудь благородномъ чувствѣ, но имъ присущи заблужденія и ошибки. Александръ съ рѣдкой проницательностью обрисовалъ впечатлѣніе, какое произвели на него бесѣды съ Бонапартомъ, когда тотъ высказывалъ свои рѣзкія мысли, какъ будто всѣ должны поражаться каждою изъ нихъ вопреки ихъ рѣзкости. Онъ рассказалъ мнѣ о Макіавелистическомъ наставлѣніи, которое Наполеонъ счелъ нужнымъ преподать ему. „Видите“, говорилъ онъ Александру, „я стараюсь всегда поссорить моихъ министровъ и генераловъ для того, чтобы каждый открывалъ мнѣ недостатки и ошибки своего соперника. Я поддерживаю постоянное соревнованіе своимъ обращеніемъ съ людьми, которые меня окружаютъ: одинъ день отдаю предпочтеніе одному, другой—другому, и никто никогда не можетъ бытьувѣренъ въ моей благосклонности“. Какая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ порочная теорія! Вдругъ придетъ человѣкъ, который станетъ выше его и покажетъ всю безполезность подобной системы. Святое дѣло нравственности состоить въ томъ, что она блестяще содѣйствуетъ великимъ успѣхамъ въ нашемъ мірѣ. Тотъ, кто сознаетъ всю святость дѣла, тотъ съ радостью принесетъ ему въ жертву всѣ свои временные успѣхи: а гордецы, которые въ порокахъ своей души видятъ величіе мысли, должны знать, что если безнравственность и блестаетъ иногда остроуміемъ, то истинное величіе и геніальность—лишь въ добродѣтели. Увѣренная въ чистосердечности Александра въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ, я въ тоже время была убѣждена, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей Германіи и не заключить мира съ врагомъ властителей и народовъ. Душа благородная не можетъ дважды обмануться въ одномъ человѣкѣ. Довѣряется и разочаровывается Александръ не сразу; онъ относится къ такимъ перемѣнамъ, немного подумавъ. Молодость и вицѣнія преимущества Государя наводили на подозрѣніе о легкомысліи его характера; но онъ вдумчивъ, какъ человѣкъ, испытавшій несчастіе. Въ разговорѣ со мной Александръ выразилъ сожалѣніе, что онъ не полководецъ. На эту благородную скромность я замѣтила, что труднѣе быть государемъ, чѣмъ генераломъ, а поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа—значитъ выиграть главное сраженіе и одержать побѣду, которой еще не было равной. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и обѣ его великой будущности. Онъ сказалъ мнѣ о своемъ желаніи (которое признаѣтъ за нимъ весь міръ) улучшить положеніе крестьянъ, еще закованыхъ цѣпями

рабства: „Государь, сказала я, въ вашемъ характерѣ есть залогъ конституціи для вашего государства, и ваша совѣсть тому порукой“.— „Если бы это было такъ, то я не былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью“. Прекрасныя слова и, думаю, въ своемъ родѣ первыя, произнесенные государемъ съ неограниченной властью. Сколько доблести нужно, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи самому деспотомъ, сколько доблести, чтобы никогда не злоупотреблять имъ. когда управляемый народъ удивляется и рѣдкой умѣренности власти. Въ Петербургѣ высокопоставленные господа менѣе свободолюбивы въ своихъ началахъ, чѣмъ самъ государь. Привыкшіе къ неограниченному господству надъ своими крестьянами. они хотятъ, чтобы монархъ такъ же былъ всемогущъ для того, чтобы поддерживать іерархію деспотизма. Сословія городскаго или буржуазіи еще не существуетъ въ Россіи, но она начинаетъ уже развиваться: сыновья священниковъ, купцовъ, нѣкоторые крестьяне, получившиѣ свободу отъ своихъ господъ, чтобы поступить въ артисты, могутъ считаться зачатками третьаго сословія въ государствѣ. При томъ Русская знать не похожа на знать Германіи или Франціи: въ Россіи считаешься знатнымъ, когда достигнешь военного чина. Безъ сомнѣнія, знатныя семейства, каковы Нарышкины, Долгорукіе, Голицыны и др. всегда будутъ занимать первыя мѣста въ государствѣ: однако вѣрно и то, что аристократическая привилегія имѣютъ люди, которые по волѣ государя вдругъ сдѣлались знатными, и изъ-за честолюбія гражданъ стремятся къ тому, чтобы ихъ сыновья достигли офицерскихъ чиновъ и числились состоящими въ классѣ привилегированныхъ. Поэтому и воспитаніе кончается на пятнадцатомъ году: всѣ спѣшащіе поступить въ военное сословіе, во что бы ни стало, о прочемъ же заботы нѣтъ. Конечно, не время теперь осуждать порядокъ вещей въ странѣ, выступившей на непріятеля. Въ болѣе спокойное время можно было бы открыто сказать истину, что у націи много мощи и величія, но у нея нѣть порядка. не распространено просвѣщеніе. Это замѣтно и въ общемъ ходѣ управлениія и въ дѣйствіи отдѣльныхъ лицъ. Петръ I, причисля Россію къ Европейскимъ державамъ, безъ сомнѣнія придалъ ей много добра: но за то онъ утвердилъ въ ней деспотизмъ, подготовленный его отцомъ. Но Екатерина II, не будучи сторонницей неограниченной власти, нѣсколько ослабила ея тяготу. Если бы политическія условія водворили миръ въ Европѣ, и если съятель зла не тревожилъ бы народы, то Александръ посвятилъ бы всѣ заботы свои улучшенію благосостоянія своей страны, и онъ обдумалъ бы законы, могущіе обеспечить странѣ благосостояніе. Только отъ него можетъ ждать себѣ блага Россія.

Отъ императора я направилась къ его уважаемой матери. Никакая клевета не могла пробудить къ ней чувства неблагожелательного отъ ея супруга, ея дѣтей или отъ несчастныхъ семействъ, которымъ она покровительствовала. Я ниже расскажу, какъ она править своимъ царствомъ благотворительности, которое создала она въ всемогущемъ царствѣ своего сына. Она живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, и ходь въ ея покоя идетъ черезъ залу, построенную Потемкинымъ. Зала эта поражаетъ своей огромностью. Часть ея занята зимнимъ садомъ; видишь растенія и деревья изъ-за колоннъ, окружающихъ центръ. Въ этомъ жилищѣ все исполинскихъ размѣровъ. Замыслы князя были широки и причудливы. Потемкинъ строилъ города лишь для того, чтобы императрица ихъ видѣла во время своего путешествія, приказывалъ штурмовать крѣпость, чтобы понравиться красивой княгинѣ Долгорукой, не удостоившей его своего вниманія. Любовь къ отечеству послѣ любви къ Богу есть одно изъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ, испытываемыхъ человѣкомъ. Только родина должна сильно отличаться отъ другихъ странъ, окружающихъ ее, чтобы внушиТЬ къ себѣ глубокую привязанность. Народы, сливающіеся другъ съ другомъ своими особенностями или такие, которыхъ исторія раздѣлила на нѣсколько областей, не преданы съ истинной любовью условному союзу, которому они дали имя родины.

Я провела день на дачѣ камергера двора Нарышкина, человѣка любезнаго, общительнаго и вѣжливаго, но большого любителя всякихъ празднествъ: по нему можно составить себѣ понятіе о перемѣнчивости вкусовъ, обнаруживающей недостатки и свойства Русскихъ. Домъ Нарышкина всегда открытъ; когда у него на дачѣ собирается не болѣе двадцати человѣкъ гостей, онъ скучаетъ въ подобномъ философскомъ уединеніи. Учтивый къ иностранцамъ, всегда суетливый и тѣмъ не менѣе не забывающій какъ должно вести себя при дворѣ; ищущій пищи для своего воображенія и находящій ее лишь въ вещахъ, а не въ книгахъ; вѣдь нетерпѣливый, только не при дворѣ, остроумный, когда ему это выгодно, склонный скорѣе къ роскоши, чѣмъ властолюбивый, стремящійся во всемъ къ извѣстному Азіатскому величию, въ которомъ богатство и положеніе предпочитаются личнымъ достоинствамъ. Его дача такъ пріятна, какъ можетъ быть пріятна природа, созданная рукою человѣка: всѣ ея окрестности безводны и болотисты: это имѣніе точно оазисъ. Взойдя на террасу, видишь Финскій заливъ, и въ дали на берегу виднѣется дворецъ, построенный Петромъ І-ымъ; разстояніе отдѣляющее море отъ дворца почти невоздѣлано, и лишь паркъ Нарышкина восхищаетъ взоры. Мы обѣдали въ домѣ Моддаванъ, то есть въ залѣ, построенной во вкусѣ этого народа; она была приспособлена для защиты отъ солнца, предусмотрительность почти

излишняя въ Россіи. И здѣсь кажется, что живешь у народа, лишь случайно поселившагося на Сѣверѣ: Русскіе во многомъ придерживаются обычаевъ Юга, какъ будто намѣрены въ Петербургѣ водворить климатъ своей древней родины. Столъ былъ уставленъ плодами всѣхъ странъ, сообразно восточному обычаю выставлять на видъ лишь плоды, въ то время какъ толпа служителей обноситъ каждого изъ гостей мясомъ и зеленью. Мы слушали музыку рѣдкаго и извѣстнаго въ Россіи оркестра. Состоялъ онъ, болѣе чѣмъ изъ двадцати музыкантовъ, и каждому изъ нихъ назначено брать особую ноту; по названию этой ноты даютъ кличку и самому музыканту. Такъ, напримѣръ, когда проходитъ одинъ изъ нихъ, говорятъ: „вотъ это соль“, другой—вотъ это „ми“ или „ре“ Нарышкина. Исполненіе оркестра отличалось постепеннымъ crescendo. Эту музыку кто-то назвалъ „живымъ органомъ“. Подобнаго рода игра производитъ хорошее впечатлѣніе, но не на близкомъ разстоянії; точность и чистота гармоніи возбуждаютъ самыя возвышенныя чувства, но подойдя ближе къ этимъ жалкимъ исполнителямъ, слышишь одни трубные звуки, не выражавшіе никакихъ душевныхъ настроеній, получаешь разочарованіе. Непріятно видѣть, какъ изящное искусство сводится къ искусству механическому и художественное произведеніе разучивается черезъ механическія же упражненія. Затѣмъ жители Украины, въ красныхъ одѣяніяхъ, стали пѣть мелодичныя народныя пѣсни. И были тѣ пѣсни, то радостныя, то грустныя; они иногда рѣзко обрываются, какъ будто воображеніе этого народа не въ силахъ закончить то, что ему нравилось съ начала, или задерживать прелесть именно въ минуту, когда она наиболѣе властно и сильно дѣйствуетъ, подобно тому, какъ султанша въ „Тысячѣ и одной ночи“ прерываетъ разсказъ, когда вниманіе наиболѣе возбуждено.

Во времія этихъ разнообразныхъ увеселеній вельможный Нарышкинъ предложилъ провозгласить здравицу за успѣхъ объединеннаго оружія Русскихъ и Англичанъ, и въ это времія далъ знакъ своей артиллеріи, почти столь же громкой, какъ артиллерія любого Государя. Восторгъ объялъ всѣхъ гостей, меня же душили слезы. Недоставало еще, чтобы чужой властелинъ заставилъ меня желать пораженія Французамъ! Я тогда сказала въ отвѣтъ, что желаю пораженія тому, кто притѣсняетъ какъ Французовъ, такъ и Европу. и его паденіе для истинныхъ Французовъ будетъ торжествомъ. Англичане, Русскіе и самъ Нарышкинъ выразили одобреніе моимъ чувствамъ, и имя Франціи, нѣкогда подобное имени Армиды, еще разъ было произнесено съ глубокимъ уваженіемъ къ славнымъ рыцарямъ моря и Востока, шедшимъ въ походѣ противъ нея.

Калмыки, со сплющеннымъ лицемъ, воспитываются у Русскихъ господъ, какъ бы для сохраненія типа Татарь, которыхъ побѣдили Славяне. Въ этомъ дворцѣ Нарышкина бѣгали два-три такихъ полу-дикихъ Калмыка. Они довольно пріятны въ дѣтствѣ, но съ двадцатилѣтняго возраста теряютъ всю прелестъ юности. Упрямые, хотя и рабы, они забавляютъ господъ упрямствомъ, какъ бѣлка бьющаяся о прутья клѣтки. Этотъ образецъ униженной человѣческой породы производить тяжелое впечатлѣніе; мнѣ казалось, что я ясно видѣла посреди всей пышной роскоши, до чего можетъ быть доведенъ человѣкъ, не имѣющій ни религіи, ни закона. и это служило укоромъ всей горде-ливой пышности.

На долгушахъ, запряженныхъ отличными лошадьми, доставили насъ послѣ обѣда въ царквь. Дѣло было въ концѣ Августа, когда небо блѣднѣло, и зелень лужаекъ поддерживалась искусственно уходомъ садовника. Самые цветы были лишь аристократической прихотью, стоявшей большихъ затратъ. Не слышно было даже чириканія птичекъ въ лѣсу, онѣ совсѣмъ не довѣряли этому короткому лѣту; на лугахъ не видно было скота: ему не могли бы предоставить пастибищемъ растительность, стоявшую столькихъ заботъ. Вода текла съ помощью машинъ, направлявшихъ ее по саду, гдѣ вся эта природа походила на праздничную декорацію, которую убираютъ прочь съ уходомъ зрителей. Наши коляски остановились передъ садовымъ сараемъ, представляющимъ цѣлый Татарскій станъ: здѣсь мы опять услыхали музыку; трескъ и грохотъ трубъ и кимваловъ ошеломляющимъ образомъ дѣйствовалъ на слухъ. Для того, чтобы не слышать его, устроили нѣчто подобное зимнему катанію на саняхъ. быстрота кото-раго такъ забавляетъ Русскихъ; катались на лодкахъ съ высокой дере-вянной горы со скоростью молніи. Эта игра восхищала какъ жен-щинъ, такъ и мужчинъ и доставляла намъ нѣкоторое ощущеніе войны отъ необыкновенной скорости въ виду опасности. Такъ они проводили время почти ежедневно. Это былъ какой-то сплошной праздникъ. Подобное времяпровожденіе у большинства Петербургской знати. У нихъ, какъ видно, не можетъ быть рѣчи о какомънибудь собесѣдо-ваніи, и польза ученья въ такомъ обществѣ незамѣтна; когда захотятъ собрать большое общество, такія развлеченія представляютъ единственный способъ разогнать скучу, которую всегда наводить многолюдная салонная толпа. Можетъ ли быть среди всего этого шума любовь? спросили бы Итальянки, которая идутъ въ общество лишь для того, чтобы видѣть человѣка, которымъ онѣ хотѣть быть любимы. Я про-вела слишкомъ мало времени въ Петербургѣ и не могу составить себѣ правильного понятія о томъ, чѣмъ держится Русская семья; однако

мнѣ казалось, что съ одной стороны въ нихъ было больше семейныхъ добродѣтелей, чѣмъ могъ бы кто сказать: но съ другой стороны, сен-тиментальная любовь у нихъ большая рѣдкость. Обычаи Азіи, которые попадаются на каждомъ шагу, ведутъ къ тому, что женщины совсѣмъ не вмѣшиваются въ дѣла хозяйства; мужъ управляетъ всѣмъ, а жена только занимается нарядами и принимаетъ гостей по приглашенію. Нравственность въ Петербургѣ теперь гораздо выше, чѣмъ она была при прежнихъ правителяхъ и правительницахъ, которые своимъ поведеніемъ давали дурной примѣръ: двѣ нынѣшнія императрицы заставили любить добродѣтели, которыхъ онѣ сами служать образцомъ. Но всетаки законы нравственности не совсѣмъ прочно вводорились въ умахъ Русскихъ. Власть повелителя у нихъ столь сильна, что при переходѣ отъ одного царствованія къ другому всѣ взгляды на вещи могутъ подвергнуться коренному измѣненію. Русскіе, мушки и женщины обыкновенно вносятъ въ любовь свойственную имъ пылкость; но по непостоянству характера они легко измѣняютъ. Подобная неустойчивость ихъ мысли дѣлаетъ счастіе для нихъ непродолжительнымъ. Усовершенствованіе духа поэзіей и искусствами весьма рѣдкое явленіе у Русскихъ, и при характерахъ необузденныхъ и пылкихъ любовь есть скорѣе прихоть и вредъ, нежели глубокое разумное чувство. Высшее общество въ Россіи представляеть какои-то непрерывный круговоротъ: деспотическое правительство развило крайнюю осторожность такъ, что Русскіе обходять предметы, могущіе имѣть какія-либо послѣдствія. Такая замкнутость и скрытность при смѣнѣ правительствъ была имъ необходима, и ей объясняется недостатокъ правдивости, въ которомъ обвиняютъ Русскихъ. Утонченность цивилизаціи искажаетъ во всякой странѣ прямоту характера; но когда государь имѣть неограниченное право высылать, заключать въ тюрьму и ссылать въ Сибирь и т. д., его могущество становится непосильнымъ для человѣка. Можно быть достаточно гордымъ, чтобы пренебрегать благосклонностью, но, чтобы выносить страшныя преслѣдованія, для этого нуженъ героизмъ, а героизмъ свойственъ немногимъ.

Ни одно изъ этихъ сужденій, конечно, не относится къ современному правительству, ибо его верховный вождь въ высшей степени справедливъ, какъ императоръ и особенно великодушенъ, какъ человѣкъ. Но подданные все еще находятся въ состояніи рабства, которое самъ государь давно уже рѣшилъ устранить. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе этой войны можно было замѣтить, какія добродѣтели выказали Русскіе даже изъ круга придворныхъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ въ обществѣ почти не видно было молодыхъ людей—всѣ ушли въ армію: женатые, единственныя сыновья, господа, владѣльцы огром-

наго состоянія служили простыми добровольцами и при видѣ опустошенній страны и своихъ имѣній они не падали духомъ. но воодушевлялись побужденіемъ отомстить и не сдаваться непріятелю. Такія качества спасаютъ народъ отъ беспорядковъ. злоупотребленій и несправедливости, которую причинили ему плохое управлѣніе, недавняя цивилизациѣ и деспотической учрежденія.

*

Мы отправились посмотреть кабинетъ естественныхъ наукъ. замѣчательный Сибирскими произведеніями. Мѣха этой страны заманили Русскихъ, какъ Испанцевъ золотые рудники Мексики. Было время въ Россіи, когда размѣнной монетой еще служили мѣха куницъ и бѣлокъ: столь велика была потребность въ защитѣ на зимнее время. Самое замѣчательное въ Петербургскомъ университѣтѣ—это богатая коллекція костей допотопныхъ животныхъ и особенно остатки исполинскаго мамонта, найденного почти нетронутымъ въ Сибирскихъ льдахъ. По геологическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что исторія мира гораздо древнѣе, чѣмъ намъ онъ извѣстенъ. Мысль о безконечности всегда заставляетъ содрогаться. Жители и даже животныя этихъ крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра какъ будто обдаютъ холodomъ, которымъ дышетъ вся природа на много миль отъ ихъ страны, и цвѣть шерсти животныхъ бѣлый, какъ снѣгъ. земля такъ какъ будто теряется во льдахъ, и мгла пріостанавливаетъ растительную жизнь. Меня удивилъ видъ жителей Камчатки, которыхъ такъ искусно изобразили въ Петербургскомъ музѣ. Священники той страны, называемые шаманами, нѣкотораго рода гадатели: они носятъ у себя подъ кафтаномъ изъ древесной коры (лыка) что-то похожее на стальную щѣтку, къ ней привязано нѣсколько желѣзныхъ пластинокъ, бряцаніе которыхъ при каждомъ движеніи гадателя сильно поражаетъ слухъ. Въ минуты вдохновенія они очень подобны людямъ пораженнымъ первымъ припадкомъ, и впечатлѣніе, производимое на внимающихъ, похоже скорѣе на колдовство, нежели на силу духа. Внутренняя жизнь въ этихъ печальныхъ странахъ проявляется только въ страхѣ: сама земля, видимо, отталкиваетъ отъ себя человѣка своими ужасами.

Затѣмъ я была въ крѣпости, посѣтила храмъ, гдѣ находятся гробницы всѣхъ государей послѣ Петра Великаго. Эти гробницы стоять, какъ бы въ день похороннаго обряда, но не помѣщены въ склепахъ, такъ что чувствуешь себя весьма близко къ этимъ мертвѣцамъ *). Когда

*) Петропавловскій соборъ состоить въ военномъ вѣдомствѣ. По отношенію къ царскимъ гробницамъ въ военномъ министрѣ Милютинѣ демалогъ пересилилъ историка. Бывало, въ соборѣ наглядно предъ посѣтителемъ проходить вся новая Русская исторія.

Павелъ I вступилъ на престолъ, онъ повелѣлъ короновать останки своего отца, который не получилъ этого почета при жизни, и не могъ быть помѣщены въ крѣпости. По повелѣнію Павла I-го совершенъ былъ вторично обрядъ погребенія его отца и матери Екатерины II. Оба гроба снова были выставлены, четыре камергера стоили на стражѣ у ихъ тѣлъ, какъ будто скончавшихся наканунѣ, и они были помѣщены рядомъ и примирены лишь подъ властью смерти. Въ числѣ государей, унаследовавшихъ деспотическую власть отъ Петра I-го, есть нѣсколько такихъ, которые свергнуты были съ престола кровавымъ заговоромъ. Тѣ же придворные, у которыхъ нѣть силы характера, чтобы сказать правду своему государю, способны возмущать народъ противъ него; и это притворство и лицемѣріе—неизбѣжные спутники всякой политической революціи; имъ необходимо окружать лестью свою жертву. Однако до чего дошла бы страна, управляемая деспотически, если бы тирану помимо всѣхъ законовъ не угрожалъ книжалъ? Ужасный выборъ, могущій показать, какого рода эти учрежденія, въ которыхъ преступленіе составляетъ противовѣсьтствіе власти.

Поклонившись праху Екатерины II-ой, я отправилась въ ея лѣтнєе мѣстопребываніе (Царское Село). Дворецъ и паркъ устроены съ большимъ искусствомъ и великолѣпіемъ. Воздухъ становился уже холоденъ, хотя было только 1-ое Сентября, и въ это время большими несоответствіемъ были южные цвѣты, обвѣваемые сѣвернымъ вѣтромъ. Всѣ записи, собранныя о Екатеринѣ II-ой, какъ о государынѣ, возбуждаютъ восхищеніе, и я не знаю, не обязаны ли Русскіе больше ей, нежели Петру I-муувѣренностью въ свою непобѣдимость, принесшую имъ столько успѣховъ. Обаяніе женщины умѣряло сурвость власти и вело рыцарскую вѣжливость къ побѣдамъ, за которыя сїя поклонялись. Екатерина II обладала въ высшей степени здравымъ умомъ правительницы; люди съ болѣшими дарованіями, казалось, менѣе походили на гениальныхъ; ся высокій умъ внушалъ глубокое уваженіе тѣмъ Русскимъ, которые не довѣряли собственному мышленію и вѣрялись ея мудрому руководительству. Невдалекъ отъ Царскаго Села находится дворецъ Павла I-го, прелестное зданіе; въ немъ вдовствующая императрица съ дочерьми помѣстила лучшія произведенія своего таланта и своего изящнаго вкуса. Они свидѣтельствуютъ объ удивительному терпѣніи этой матери и ея дочерей, вѣрно хранящихъ семейныя добродѣтели.

Д. А. Милютинъ поручилъ своему обожателю И. П. Арапетову надъ всѣми царскими гробницами устроить одинаковые бѣломраморные памятники. Надписи на нихъ выцаѣли и теперь съ трудомъ читаются; а съ Александра Павловича ключи города Парижа сняты и повѣшены такъ высоко, что ихъ не видать. П. Б.

Я увлеклась новыми впечатлѣніями и не знаю, какъ я забыла о войнѣ, отъ которой зависѣла судьба Европы. Я порывалъ высказать всему миру тайны чувства моей души и была вполнѣ увѣрена, что нечего бояться высказывать истины, которыя, признанныя всѣми, могутъ получить силу. Но между тѣмъ неудачи съдовали одна за другой, а общество не было о нихъ осведомлено. Одинъ остроумный человѣкъ сказалъ, что въ Петербургѣ все скрываются, хотя ничто уже не было тайною, а на самомъ дѣлѣ правду уже предчувствовали (но по привычкѣ молчали). Русскіе сановники скрываютъ наканунѣ то, что должно быть извѣстно сегодня, и правду можно узнать лишь случайно. Одинъ иностранецъ открылъ мнѣ, что Смоленскъ уже взятъ, и Москва находится въ величайшей опасности. Мною овладѣло уныніе. Я опасалась, не произойдетъ ли повтореніе печальной исторіи мира Австріи и Пруссіи послѣ покоренія ихъ столицъ. Я боялась, что третій разъ съ успѣхомъ повторится эта исторія. Я не замѣчала народнаго воодушевленія; непостоянство характера у Русскихъ мѣшало мнѣ наблюдать его. Уныніе сковало всѣ чувства, и я не знала, что у людей съ сильной впечатлительностью послѣ этого унынія послѣдуетъ тоже потрясающее возбужденіе. До возбужденія у простого народа царило непонятное равнодушіе; но когда народъ пробудился, перестали существоовать для него всѣ преграды и опасности, и онъ не страшась пошель впередъ на неровную борьбу съ людьми и стихіями. Я знала, что внутреннее управлѣніе, какъ военное, такъ и судебнное, часто попадало въ руки продажныхъ людей, и что вслѣдствіе растратъ невозможно было составить понятія ни о числѣ войскъ, ни о мѣрахъ принятыхъ для его обеспеченія продовольствіемъ: ложь падетъ рука обѣ руку съ воровствомъ въ этой странѣ, гдѣ такъ мало образованія: среднее сословіе не сохранило простодушія крестьянъ и не пріобрѣло великодушія бояръ, никакого общественнаго мнѣнія не создалось еще въ новомъ третьемъ сословіи, лишившемся простосердечія народной вѣры. Во взаимныхъ отношеніяхъ было тоже замѣтно, что у начальниковъ арміи замѣчалась зависть. Интересы правителя деспотического требуютъ всегда возбуждать соревнованіе между его подданными, и воля одного человѣка властная измѣнить судьбу отдельной личности, постоянно возбуждаемая надежды и опасенія естественно поддерживаетъ постоянную зависть и соревнованіе, усугубляемыя пенавистью къ иностранцамъ. Генералъ, командовавшій Русской арміей, Барклай-де-Толли, хотя и рожденный въ Россіи, не былъ вполнѣ Славянскаго происхожденія, и этого достаточно, чтобы мѣшать ему вести Русскихъ къ побѣдѣ: кромѣ того, онъ направлялъ свои блестящія дарованія на лагерную жизнь, на позиціи, на маневры, между тѣмъ какъ главнымъ

боевымъ пріемомъ у Русскихъ считается аттака (приступъ). Заставлять отступать, даже по мудрому и разумному требованію, значить охлаждать въ нихъ пыль, въ которомъ состоить вся ихъ сила. Поэтому слѣдствіе похода было самое печальное, а замалчиваніе о неудачахъ имѣло еще болѣе ужасныя послѣдствія. Англичане въ своихъ газетахъ сообщаютъ всегда наиболѣе точныя свѣдѣнія о всѣхъ раненыхъ, плѣнныхъ и убитыхъ въ сраженіи. Въ этомъ видна благородная искренность правительства, одинаково правдиваго какъ въ отношеніяхъ къ народу, такъ и къ государю и признающаго за обоими право знать, въ какомъ положеніи находятся общественные дѣла. Съ глубокой скорбью смотрѣла я на прекрасный городъ Петербургъ, которымъ скоро завладѣть непріятель и когда вечеромъ возвращалась съ острововъ и видѣла золоченый шпиль на крѣпости, сверкавшій въ воздухѣ подобно огненному лучу, въ то время какъ Нева отражала мраморныя набережныя и окружающіе ее дворцы, я представляла себѣ всѣ эти чудесныя творенія померкнувшими отъ высокомѣрія властелина, готоваго сказать, подобно сатанѣ на вершинѣ горы: „Царства земного принадлежать мнѣ“. Все прекрасное въ Петербургѣ казалось мнѣ близкимъ къ грядущему разрушенію. и я не могла наслаждаться этой картиной безъ чувства скорби.

Я собралась посмотретьъ воспитательныя учрежденія, основанныя императрицей. и тамъ еще болѣе, чѣмъ среди дворцовъ росла моя тоска: достаточно было дуновенію Бонапартовской тираніи коснуться учрежденій, имѣющихъ цѣлью совершенствованіе народа, чтобы ихъ чистота исчезла. Институтъ Святой Екатерины *) состоѣть изъ двухъ домовъ, въ каждомъ изъ нихъ воспитывается по сту пятидесяти дѣвицъ дворянскаго и купеческаго сословій; ихъ воспитаніемъ руководить сама императрица и доставляетъ имъ все, что можетъ дать богатая семья своимъ дѣтямъ. Порядокъ и изящество замѣчаются даже въ мелочахъ жизни институтской, и въ основу преподаванія изящныхъ искусствъ положены религія и нравственность. Въ Русской женщинѣ много природной граціи, и я, войдя въ залу, гдѣ воспитанницы нась привѣтствовали, видѣла, сколько учтивости и скромности выразила каждая изъ нихъ въ почтительномъ поклонѣ. Затѣмъ были вызваны дѣвицы, изъ которыхъ каждая отличалась какимъ либо талантомъ, и одна изъ нихъ, зная наизусть отрывки лучшихъ Французскихъ писателей, прочла мнѣ нѣсколько наиболѣе краснорѣчивыхъ страницъ моего отца въ его „Cours de morale religieuse“. Вѣроятно, это нѣжное вниманіе исходило отъ самой императрицы. Я испытала сильное волненіе, когда вдругъ

*) Это Смольный монастырь. И. Б.

услышала слова, столь дорогія моему сердцу. Въ каждой странѣ за предѣлами имперіи Бонапарта грядущее потомство воздастъ справедливость тѣмъ, которые даже въ могилѣ чувствовали удары императорскихъ навѣтovъ. Всякій разъ передъ обѣдомъ воспитанницы въ институтѣ Святой Екатерины пѣли псалмы хоромъ. Это пріятное и звучное пѣніе возбудило во мнѣ умиленіе и грусть. Какъ отразится война на этихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ? Куда скроются эти голубки передъ побѣдителемъ? Послѣ обѣда дѣвушки собирались въ великолѣпномъ залѣ, гдѣ начали танцевать. Ихъ лица не выдѣлялись красотой, но сами онѣ были необыкновенно граціозны; это дочери Востока, которыхъ христіанство воспитало въ скромности. Сначала онѣ исполняли древній танецъ по мелодіи: „Vive Henri quatre, vive ce roi vaillant!“ (Да здравствуетъ Генрихъ IV, да здравствуетъ сей храбрый король). Сколько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ! Дѣвушки дѣвочки съ круглыми лициками закончили балетъ Русской пляской: эта танецъ порою принимаетъ слишкомъ развязный видъ, но исполняемый дѣтьми становится невинной Русской пляской. Не нахожу словъ описать, какъ я была очарована талантами дѣвушекъ, взлѣянныхъ нѣжной заботливостью императрицы.

Подъ покровительствомъ государыни находятся институты глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Съ своей стороны императоръ удѣлялъ много заботъ кадетскому корпусу, директоромъ которого состоялъ генералъ Клингеръ, человѣкъ большого ума. Всѣ эти учрежденія приносятъ большую пользу, но въ чёмъ ихъ можно упрекнуть—это въ излишней роскоши. Было бы цѣлесообразнѣе учреждать подобныя школы по всему государству, обставить ихъ не такими удобствами, но позабыться, чтобы онѣ распространяли въ народѣ просвѣщеніе. Все въ Россіи начинается съ роскоши, и кровлю строятъ ранѣе основанія. Есть только два большихъ города въ Россіи, Петербургъ и Москва, другіе едва заслуживаютъ этого названія; и кромѣ того, они находятся другъ отъ друга на большомъ разстояніи; даже дворцы столь удалены одинъ отъ другаго, что ихъ владѣльцы могутъ сообщаться между собою съ трудомъ. Жители разбросаны по всему пространству государства, и одинъ человѣкъ едва ли можетъ помочь своимъ знаніемъ другому. Крестьяне считаютъ посредствомъ особаго счетнаго прибора: его я видѣла и у служащихъ на почтѣ. Греческіе попы гораздо менѣе образованы, чѣмъ католическіе священники и еще менѣе, чѣмъ протестантскіе пасторы: поэтому духовенство въ Россіи совсѣмъ не способно дѣйствовать на народъ, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ Европы. Связующимъ звеномъ націи служатъ вѣра и любовь къ родинѣ; но иѣть у нихъ очага, лучи котораго могли бы разливаться на всѣ

части государства; и обѣ столицы не въ состояніи еще сообщать пропагандѣямъ пріобрѣтеныя ими знанія по литературѣ и по искусствамъ. Если бы эта страна имѣла возможность пользоваться миромъ, она бы съ успѣхомъ шла по пути преобразованій, начертанныхъ императоромъ Александромъ. Но кто знаетъ, не проявятся ли въ этой войнѣ добродѣтели, вліяніемъ которыхъ возродится народъ. Русскіе до настоящаго времени имѣли даровитыхъ людей лишь на военномъ поприщѣ; во всѣхъ другихъ областяхъ они оказывались лишь подражателями, и книгоиздатаніе у нихъ было введено сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Другіе Европейскіе народы развивали свои природныя дарованія вліяніемъ пріобрѣтенныхъ знаній; у Русскихъ не наступило время такого развитія. Подобно тому, какъ двѣ рѣки по сліяніи текутъ въ одномъ руслѣ, не смѣшивая своихъ водъ, такъ и природныя дарованія у Русскихъ не проникаются образованіемъ и часто видимъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ представляется вамъ то Европейцемъ, живущимъ въ общественномъ укладѣ, то Славяниномъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ бурныхъ порывовъ. Талантъ появится у нихъ въ искусствахъ, а въ особенности въ литературѣ, когда они найдутъ средство воплотить въ рѣчи свою природу, какъ они ее проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Я видѣла представленіе Русской трагедіи, предметомъ которой было освобожденіе Москвитянъ, когда они оттѣнили Татаръ къ Казани. Смоленскій князь выступалъ въ боярскомъ нарядѣ, и Татарское войско называлось Золотой Ордою. Эта трагедія почти вся была составлена по правиламъ Французского драматического искусства; риѳмъ стиховъ, декламація, постановка сцены, все было Французское: только одно явленіе составлено было въ Русскомъ духѣ: изображался потрясающій ужасъ молодой девушки передъ проклятиемъ своего отца. Авторитетъ родителей у Русскаго народа почти такъ же силенъ, какъ въ Китаѣ, и поэтому силу народнаго генія всегда должно искать въ простомъ народѣ. Люди высшаго общества вѣдь странь походять другъ на друга, и ни одно изъ сословій такъ мало способно доставлять дѣйствующихъ лицъ трагедіи, какъ нашъ высшій свѣтъ. Во всей Русской исторіи одна личность особенно меня занимаетъ, это Иванъ Грозный. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ осаждалъ Новгородъ. Бояре, видя его дряхлымъ, просили его передать начальство надъ войскомъ его сыну. Это предложеніе привело старика въ страшную яростъ, и ничто не могло успокоить его: сынъ бросился ему въ ноги, но онъ оттолкнулъ его съ такой силой, что несчастный умеръ на третій день. Отецъ въ отчаяніи сдѣлался равнодушнымъ какъ къ войнѣ, такъ и къ своей власти, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти сына скон-

чался самъ. Это возмущеніе старика-деспота противъ требованія времени—нѣчто великое и торжественное. Передъ вами первобытный человѣкъ, который живеть лишь инстинктами: чувства эгоизма и дикой ярости смыняются нѣжными чувствами человѣколюбія.

Въ Россіи существовалъ законъ, каравшій одинаково за увѣчіе руки, какъ и за убийство. Русскій человѣкъ крѣпокъ своей военной силой; всѣ другіе виды дѣятельности, относящіеся къ образованности, къ дѣятельность на пользу общества и государства, слабо развиты въ Россіи. Но женщины, которыхъ встрѣчала я въ Петербургѣ, казались мнѣ воодушевленными горячею любовью къ родинѣ, въ чемъ заключается главное нравственное могущество государства. Княгиня Долгорукая, баронесса Строганова и многія другія изъ высшаго общества лишились своихъ имѣній отъ разоренія въ Смоленской губерніи, но онѣ не падали духомъ, а поощряли другихъ къ подобнымъ жертвамъ. Княгиня Долгорукая рассказывала мнѣ объ одномъ старикѣ съ длинной бородой, который, сидя на горѣ у города Смоленска, со слезами на глазахъ говорилъ своему сыну, которого держалъ на колѣнахъ: „Въ старину. сынъ мой, Русскіе одерживали побѣды въ далекихъ краяхъ Европы, а теперь чужеземцы нападаютъ на нихъ въ ихъ родинѣ“. Эта скорбь старца не была напрасна, и мы скоро увидимъ, чѣмъ искупятся эти слезы.

*

Императоръ покинулъ Петербургъ, и стало извѣстно, что онъ побѣхалъ въ Або, гдѣ долженъ быль видѣться съ генераломъ Бернадотте, Шведскимъ принцемъ. Тогда не было сомнѣнія, чью сторону принялъ онъ въ нынѣшней войнѣ; отъ этого зависѣло благо Россіи и всей Европы. Мы увидимъ дальше, какое вліяніе имѣло это на ходъ событий. Извѣстіе о вступлении Французовъ въ Смоленскъ прибыло во время переговоровъ Шведскаго принца съ Русскимъ императоромъ. Здѣсь они обязались никогда не подписывать мира. „Если Петербургъ будетъ взятъ, сказатъ Александръ, отступимъ въ Сибирь. Тамъ я восстановлю древніе обычай и, по примѣру нашихъ длиннобородыхъ предковъ, мы вернемся снова завоевать царство“. „Это рѣшеніе освободить Европу“, воскликнулъ Шведскій принцъ. Его предсказаніе начинаетъ исполняться. Второй разъ я видѣла императора Александра по его возвращеніи изъ Або, и бесѣда, въ которой я имѣла честь участвовать, насколько убѣдила меня въ твердости его рѣшенія, что, вопреки занятію Москвы и всей послѣдовавшей тревогѣ, я увѣрена была, что онъ не сдастся никогда. Онъ изволилъ мнѣ сказать, что по взятіи Смоленска маршалъ Бертье писалъ Русскому главнокомандующему относительно нѣкоторыхъ военныхъ дѣлъ, и въ концѣ письма

говорилъ о томъ дружескомъ чувствѣ, которое всегда питалъ Наполеонъ къ императору Александру. Но это было на смѣшокъ. Наполеонъ далъ Русскому императору урокъ политики и урокъ войны, допуская въ первомъ наглый обманъ, а во второмъ надменное пренебреженіе; но онъ ошибся въ Александрѣ; онъ принялъ благородство его характера за лесть; онъ не сумѣлъ замѣтить, что увлекался имъ Александръ лишь потому, что считалъ его борцомъ за идеи Французской революціи, которымъ самъ горячо сочувствовалъ; но Александръ никогда не имѣлъ намѣренія войти въ союзъ съ Наполеономъ для порабощенія Европы. Наполеонъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ увѣренъ, что онъ сумѣеть ослѣпить человѣка посредствомъ ложнаго толкованія его собственной пользы, но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: онъ встрѣтился съ совѣстью, нравственной силою, которой онъ не зналъ и съ которой онъ никогда не считался. Русскіе очень уважали своего полководца Барклая-де-Толли, но послѣ неудачъ въ началѣ похода онъ долженъ былъ уступить начальство извѣстному генералу, князю Кутузову. Тотъ прибылъ въ армію за шесть только дней до большого сраженія, данного почти у воротъ города (Москвы) при Бородинѣ. Мнѣ довелось видѣть князя наканунѣ его отѣзда. Это былъ старецъ весьма любезный въ обращеніи; въ его лицѣ было много жизни, хотя онъ лишился одного глаза и получилъ много ранъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ военной службы. Глядя на него, я боялась, что онъ не въ силѣ будетъ бороться съ людьми суровыми и молодыми, устроившимися въ Россію со всѣхъ концовъ Европы. Но Русскіе, изнѣженные царедворцы въ Петербургѣ, въ войскахъ становятся Татарами, и мы видѣли на Суворовѣ, что ни возрастъ, ни почести не могутъ ослабить ихъ тѣлесную и нравственную энергию. Растроганная покинула я знаменитаго полководца. Не знаю, обнѣла ли я побѣдителя или мученика, но я видѣла, что онъ понималъ величие подвига возложеннаго на него. Передъ нимъ стояла задача возстановить добродѣтели, насажденные христіанствомъ, защитить человѣческое достоинство и его независимость; ему предстояло выхватить всѣ эти блага изъ когтей одного человѣка: ибо Французы, Нѣмцы и Итальянцы, слѣдовавши за нимъ, неповинны въ преступленіяхъ его полчищъ. Передъ отѣздомъ Кутузовъ отправился помолиться въ церковь Казанской Божией Матери, и весь народъ, слѣдовавший за нимъ, громко называлъ его спасителемъ Россіи. Какія мгновенія для простого смертнаго! Его годы не позволяли ему надѣяться пережить труды похода; однако въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ готовъ пожертвовать жизнью во имя духовныхъ благъ.

Увѣренная въ велиcodушіи и благородствѣ Шведскаго принца, я рѣшиласьѣхать въ Стокгольмъ прежде, чѣмъ отплыть въ Англію. Къ концу Сентября я покинула Петербургъ, чтобы черезъ Финляндію направиться въ Швецію. Мои друзья, съ которыми я сошлась по родству нашихъ душъ, пришли проститься со мною: то были Робертъ Вильсонъ, вездѣ ищущій случая состязаться, своимъ бодрымъ духомъ воодушевляющій друзей; господинъ Штейнъ, человѣкъ античнаго склада, который живеть лишь одной надеждой видѣть свое отечество свободнымъ; Испанскій посолъ, Англійскій министръ лордъ Тирконелль: остроумный адмиралъ Бентинкъ; Алексій Ноель, единственный Французскій эмигрантъ, бѣжавшій отъ императорской тираніи, единственный вмѣстѣ со мною представитель Франції; полковникъ Дѣрибергъ, неустрашимый Гессенецъ, котораго ничто не можетъ отклонить отъ его цѣли; такъ же много Русскихъ, прославившихся потомъ своими подвигами. Мировая исторія не знаетъ времени болѣе тревожнаго, чѣмъ то, которое мы переживали; но это хорошо сознавалъ каждый; единственная я, какъ женщина, не была въ опасности, но мнѣ много уже пришлось пережить. Прощаюсь съ этими достойными рыцарями человѣчества, я не знала, кого изъ нихъ опять увижу, и вотъ теперь уже не стало двухъ. Когда человѣческія страсти въ безумномъ круговоротѣ поднимаются однихъ противъ другихъ, когда народы ожесточенно бросаются другъ на друга, тогда съ горечью сознаешь, съ какими бѣдствіями связана человѣческая судьба; но когда видишь, какъ человѣкъ, передъ которымъ, подобно Лапонскому идолу, изъ страха зажигаютъ кадило, какъ онъ потоками разливается по всей землѣ ужасныя бѣдствія и несчастія и дѣлаетъ всѣхъ честныхъ людей своими жертвами: тогда испытываешь несказанный суевѣрный ужасъ.

Въ Финляндіи картина сразу мѣняется; вы видите новую страну. вы имѣете дѣло съ новымъ племенемъ, не-славянскаго происхожденія. Роворять, что Финны пришли прямо изъ сѣверной Азіи и что ихъ языкъ не имѣть никакого сходства со Шведскимъ языкомъ, среднимъ между Англійскимъ и Нѣмецкимъ. По облику Финны большою частью вида Германскаго: у нихъ свѣтлые волосы, блѣдый цвѣтъ лица, въ которомъ мало жизни, какую видишь на лицѣ у Русскихъ: ихъ нравы гораздо мягче, и простой народъ обладаетъ сознательной честностью, почерпнутой изъ протестанскаго ученія, и чистотой нравовъ. Вы видите, какъ по воскресеніямъ дѣвушки возвращаются отъ проповѣди, верхомъ на коняхъ, а молодые люди идутъ пышкомъ за ними. У Финляндскихъ пасторовъ встрѣчаешь гостепріимство и радушный пріемъ: они считаютъ своей обязанностью принимать путешественниковъ, какъ членовъ семьи. Въ Финляндіи почти нѣть замковъ, ни вѣлможъ, и

пасторъ считается первымъ въ ряду съ остальными жителями страны. Преобладающими и первыми жителями страны являются пастухи. Въ Финской пѣснѣ дѣвушка обѣщаетъ подарить своему возлюбленному жилище пастуха, если оно ей достанется при раздѣлѣ. Это напоминаетъ изреченіе молодого пастуха-Француза: „Если бы я былъ царемъ, то пасъ бы моихъ овецъ верхомъ на конѣ“. Даже фантазія у нихъ не простирается за предѣлы имъ извѣстнаго. Природа Финляндіи во многомъ отличается отъ природы Россіи: вмѣсто болотъ и равнинъ, окружающихъ Петербургъ, скалы, горы и лѣса; но эти горы однообразны, а лѣса состоять только изъ ели и березы. Огромныя глыбы гранита, разбросанныя на поляхъ и по краямъ большихъ дорогъ, придаютъ видъ моши странѣ; но около этихъ земныхъ гигантовъ мало жизни, и растительность постепенно исчезаетъ по направленію къ Сѣверу. Мы проѣзжали лѣсомъ, который на половину уничтоженъ пожаромъ: сѣверный вѣтеръ, усиливающій пламя, содѣйствуетъ опустошительнымъ пожарамъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Человѣкъ всѣми средствами борется съ природой въ этомъ ледяномъ климатѣ. Города въ Финляндіи встрѣчаются рѣдко и тѣ немноголюдны. Они не являются средоточіями общественной жизни, въ нихъ нѣть живой дѣятельности; это видите вы въ сѣверныхъ городахъ какъ Шведскихъ, такъ и Русскихъ: на восемь зимнихъ мѣсяцевъ все живое погружается здѣсь въ сонъ.

Императоръ Александръ завладѣлъ Финляндіей по Тильзитскому договору въ то время, когда разстроенные силы царствовавшаго тогда Густава IV не были въ состояніи защищать страну. По своему нравственному облику государь этотъ внушалъ многоуваженія, но, какъ и самъ убѣдился съ первыхъ лѣтъ, онъ не былъ въ силахъ держать бразды правленія. Шведы сражались въ Финляндіи съ необыкновенною храбростью, но безъ воинственного державнаго вождя малочисленный народъ не могъ одолѣть могущественнаго противника. Александръ сталъ властителемъ Финляндіи въ силу завоеванія и договора; но должно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ благоустроилъ эту новую провинцію и уважаетъ свободу, которой она пользовалась прежде. Онъ предоставилъ Финнамъ всевозможныя льготы въ податяхъ и въ воинской повинности и великодушно окказалъ помощь городамъ, пострадавшимъ отъ пожара; его милости восполнены до извѣстной степени то, что потеряли Финляндцы, лишившись свободы; не знаю, все ли свободные люди могутъ согласиться на такого рода обмѣнъ.

Господствующія въ XIX вѣкѣ мысли о естественныхъ границахъ вели Россію къ завоеванію Финляндіи; она нужна была ей, какъ Норвегія Швеціи, и достовѣрно извѣстно, что нѣкогда, гдѣ не существовало естественныхъ границъ, тамъ подымалась изъ-за нихъ война.

Я сѣла на корабль въ Або, столицѣ Финляндіи. Въ этомъ городѣ есть университетъ и замѣтна духовная образованность; но медведи и волки такъ близки зимою, что по неволѣ всякий думаетъ лишь о защите своей жизни; па это тратится много времени, которое въ другихъ странахъ посвящено образованію. Эта борьба съ окружающей природой закаляетъ характеръ человѣка и ограждаетъ отъ вредныхъ послѣдствій праздности. А все таки повсюду я грущу и тоскую о Югѣ и яркихъ лучахъ южного солнца, съ которымъ сроднилась моя душа. Одни лишь ужасы и привидѣнія вы видите въ мифологическихъ преданіяхъ жителей Сѣвера; они передъ вами и почью, и днемъ; тусклыя облака, которыхъ будто зовутъ на землю мертвцевъ подышать холоднымъ могильнымъ воздухомъ, окружающимъ людей живыхъ. Въ этихъ странахъ выступаютъ рѣзко двѣ противоположности: тамъ гдѣ борьба за существованіе наполняетъ всю жизнь, тамъ гдѣ умственная работа легко становится мистической, виѣшній міръ не вдохновляетъ человѣка; онъ живеть однимъ внутреннимъ міромъ.

Съ тѣхъ поръ какъ императоръ началъ столь жестоко меня преслѣдовать, я лишилась вѣры въ судьбу; но за то больше вѣрю въ Провидѣніе и не ищу земного счастья. Всякий рѣшительный шагъ пугаетъ меня, но я въ изгнаніи, и обстоятельства заставляютъ поступать рѣшительно. Я боялась моря, и меня утѣшали, говоря: сколько людей совершили это путешествіе, и все шло благополучно. Такія рѣчи успокоительно дѣйствовали почти на всѣхъ путешественниковъ; но воображеніе не поддается такимъ утѣшеніямъ, и ему страшна морская пропасть, отъ которой отдѣляеть тебя слабая снасть корабля. Г. Шлегель *) замѣтилъ мое волненіе передъ отплытіемъ въ Стокгольмъ. Онъ показалъ мнѣ близъ Або тюрьму, гдѣ былъ заключенъ не задолго до своей смерти (въ другой тюрьмѣ близъ Грипегольма) одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ королей Швеціи Эрикъ IV. „Если бы вы были тамъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на тюрьму, какъ бы желали вы плыть по этому морю, которое вѣсЬ теперь пугаетъ“. Это справедливое сужденіе скоро дало другое направленіе моимъ мыслямъ, и первые дни нашего плаванія были мнѣ даже пріятны. Мы проходили вдоль острововъ. Хотя у самого берега болѣе опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, за то не испытываешь того ужаса, который производить видъ волнъ, поднимающихся чуть не до облаковъ. Я попросила показать мнѣ землю на горизонтѣ, открывавшемся нашему взору: безконечное возбуждаетъ страхъ, тѣмъ не менѣе оно нравится. Мы прохо-

*) Этотъ известный Нѣмецкій писатель находился при баронессѣ Сталь и сопровождалъ ее въ ея переѣздахъ. И. Б.

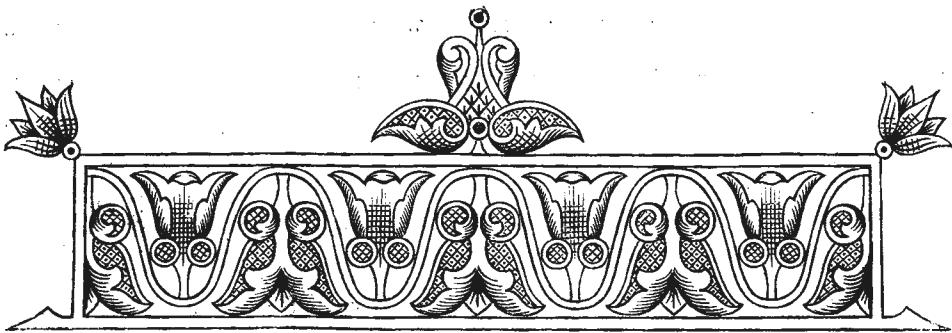
дили мимо острова Аланда, гдѣ вели переговоры о мирѣ послы Петра I-го и Карла XII, опредѣляя границы захваченной ими холодной земли, которую не успѣла еще согрѣть кровь пролитая ихъ подданными. Мы надѣялись прибыть въ Стокгольмъ на слѣдующій день, но противный вѣтеръ заставилъ насъ бросить якорь близъ одного острова, сплошь покрытаго скалами со скучной растительностью. Мы поспѣшили на этотъ островъ, чтобы почувствовать землю подъ ногами. Я всегда была очень склонна къ грусти и, не имѣя возможности заниматься въ это свободное время, повидимому благопріятное научнымъ занятіямъ....

Перевела изъ сочиненія баронессы Сталь „Десять лѣтъ изгнанія (Dix ann閑s d'exil) Надежда Ржиго“.

*

Принадлежащая къ лучшимъ людямъ въ исторіи Франціи, своеобразная славная писательница баронесса Сталь, дочь министра финансовъ Неккера, родилась (1766) и умерла (1817) въ Парижѣ. Она имѣла благородство не только не увлекаться Наполеономъ, но на словахъ и первомъ ему противодѣйствовать. Онь ее преслѣдовалъ въ Германіи (гдѣ опѣнили ее Гёте и Шиллеръ) и въ Швейцаріи, куда она должна была перебраться въ богатое помѣстье свое Коппетъ. Когда книга ея о Германіи была арестована и преслѣдованіе начало постигать и лицъ, у нея собиравшихся, она бѣжала и, проѣхавъ Россію и Швейцарію, спаслась въ Англіи. Ей было уже 46 лѣтъ. Съ 1786 г. она была въ супружествѣ со Шведскимъ во Франціи посланникомъ Сталь-Гольштейномъ, въ 1802 году овдовѣла, а черезъ восемь лѣтъ влюбилась въ молодого офицера Рокка, вышла за него за мужъ и скончалась вслѣдъ за нимъ. Сынъ ея баронъ Сталь издалъ въ свѣтъ ея книгу (извлечениe изъ которой, выше помѣщено) еще въ царствованіе Александра Павловича, въ 1822 году. П. Б.

РЯДОВОЙ СУЧКИНЪ.

(выль).

(Изъ воспоминаний старого гусара).

Въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія N-ій драгунскій полкъ не разъ имѣлъ счастіе быть командируемъ подъ г. Томашевъ (Петроковской губ.) для охраны лѣсовъ царскаго имѣнія „Спала“, гдѣ Государь Императоръ Александръ III-й любилъ охотиться, отдыхая отъ державныхъ трудовъ на лонѣ природы, которую онъ такъ любилъ. Государя сопровождала очень небольшая свита, и среди ея почти всегда былъ простой „вейскій“ (т. е. сельскій) ксендзъ одной изъ окружающихъ Спалу деревенекъ. Къ нему Александръ III-й отмѣнилъ благоволіе. Разсказывали, что Государь первоначально узналъ его совершенно случайно, помнится, на облавѣ, ксендзъ оказался неглупымъ собесѣдникомъ и изряднымъ охотникомъ; самая же главная причина сближенія, да будетъ позволено такъ выразиться, была, думается, та, что за все время милости ксендзъ ни разу ни о чёмъ не попросилъ. Неудивительно, что, когда Государь прибывалъ въ Спалу, этотъ скромный ксендзъ бывалъ чуть-ли не на каждой царской облавѣ.

Столь исключительная для армейской части командировка, конечно, всякаго начальника заставила бы, какъ говорится, пороть горячку: тогдашній же командиръ N-аго полка (великій любитель приказовъ) налегъ на нихъ; и вотъ полковые приказы, одинъ другого длиннѣе, полились какъ изъ рога изобилия, ежедневно, многочасно и многообразно, и офиціально, и конфиденціально, и секретно, и даже совершенно секретно и т. д. Кажется, все буквально было предусмотрѣно; ань-глядъ! пунктикъ и нашелся; пропустили его. Объ этомъ и будетъ рѣчь.

Охранение заключалось въ томъ, что всѣ лѣса Спалы день и ночь были окружены цѣпью конныхъ постовъ, коимъ строжайше вмѣнялось въ обязанность, не вступая ни въ какіе разговоры со всѣми проходящими и проѣзжающими, направлять ихъ на ближайшіе пропускные посты, гдѣ дежурили разные особые административные чины, кои одни и вѣдали, кого и какъ надлежало пропускать.

Коротко, ясно и точно, какъ это въ военномъ дѣлѣ и требуется, никого и ни подъ какимъ видомъ самостоятельно полковымъ постамъ въ лѣсъ не пропускать. Служба охраны велась, конечно, не только образцово, но педантично-точно и идеально-внимательно; короче говоря — отъ сердца *).

Люди 3-го эскадрона, занимавшаго постами дорогу отъ г. Томашова къ лѣсамъ Спалы, движение по коей было сравнительно-бойкое, конечно хорошо принаровились къ пропуску разныхъ лицъ и не шли ни на какія удочки, коими подлавливали ихъ, при провѣркѣ правильности писемнаго аванпостной службы, рунды и другое всякое начальство... Но всего не предугадаешь! Проруха вышла и даже не малая, грозившая большими непріятностями. Въ одно погожее утро часовой одного изъ постовъ, рядовой Сучкинъ, издали замѣтивъ ходко щахавшій въ лѣсу экипажъ, запряженный по-польски четверткой, выѣхалъ впередъ, на-встрѣчу съ крикомъ „чекай“ (остановись); но господинъ, сидѣвшій въ экипажѣ, „вольный“, т. е. штатскій, въ фантастическомъ зеленомъ костюмѣ и въ шляпѣ, съ перомъ цапли, воткнутымъ сзади, приказалъ пріостановившему было лошадей кучеру щать впередъ. Сучкинъ, схвативъ подъ уздцы передовую пару, живо остановилъ лошадей; къ этому времени подскакали и другие чины поста и преградили путь. На счастье, всю эту суматоху издали замѣтилъ офицерь, только что смынвшійся съ постовъ; онъ въ карьеръ подскакалъ и, къ ужасу своему, узрѣвъ въ „вольномъ“ господинѣ лицо весьма высокопоставленное. Приказавъ пропустить экипажъ, офицерь выслушалъ отъ особы нѣсколько суровыхъ замѣчаній, особенно по поводу того, что ему нижніе чины даже не потрудились отдать установленную воинскую честь.

Сейчасъ же о случившемся дали знать начальству, которое не замедлило явиться. Бѣднаго Сучкина замучили допросами и болѣе

* Въ то время, какъ увѣренъ я и теперь, въ кавалеріи не знали ни усталости, ни переутомленія; не знали, подъ командой незабвенного И. В. Гурко, и вкуса лимонадовъ и монпасье и пр. атрибутовъ печальной памяти разрухи 1905 года.

всего напирали: какъ это онъ даже чести-то не отдалъ, чтò Сучкинъ резонно отпарировалъ, удостовѣряя, что это было никакъ невозможно, такъ какъ на посту полагается часовому не спать, не дремать и лишь господамъ офицерамъ честь отдавать, а не штатскимъ въ вольномъ платьѣ.

Въ тотъ же день командиръ полка былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу въ Спалу, и Государь, которому задержанное лицо¹⁾ пожаловалось и просило примѣрного взысканія съ виновныхъ (помилуйте, вы подумайте только! Не отдали даже чести!) много смѣялся и поблагодарилъ командира полка за правильное и точное несеніе чинами полка охранной службы... Картина!..²⁾.

Сучкина наградили, хотя долго укоряли: „ну, какъ же, братецъ, все таки чести-то было не отдать!“ Сучкинъ почему-то полагалъ, что особа была „главнокомандующій морскими флотами“.

Намъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ былъ случай подумать. Слава Богу, что все это лично самъ Царь узналъ, а то плохо было бы многимъ! Уставъ—уставомъ, а политика—политикою.

Посвящается памяти генерала А. И. фонъ-Тали.

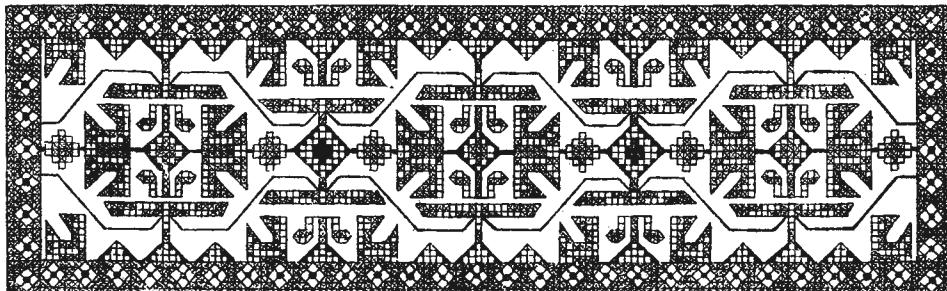
С. Саблуково Арзамасскаго уѣзда.

Бессмертный.

¹⁾ Нынѣ умершее.

²⁾ Лѣть черезъ шесть послѣ этого случая, на большихъ маневрахъ, это же высоко-поставленное лицо, встрѣтивъ полкъ, прослѣдовало мимо отвернувшись.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ П. И. ЩУКИНА.

Отецъ мой весной и осенью ёзжалъ заграницу. Въ этихъ поездкахъ его сопровождали: я или братъ г-жи Гюбнеръ Карлъ Карловичъ Алланъ¹⁾, а впослѣдствіи мои сестры Надежда, или Антонина, или братъ Дмитрій. Сборы отца въ заграничное путешествіе начинались приготовленіемъ дорожной корзины съ провизіей. Поваръ Егоръ приносилъ въ столовую блюда съ окорокомъ ветчины, ногой телятины, бычачьимъ языкомъ, рябчиками, цыплятами, солониной и т. д. Отецъ самъ нарѣзывалъ куски, дѣлалъ бутерброды и укладывалъ въ корзину. Эта корзина была настолько велика, что въ нее входило еще нѣсколько бутылокъ краснаго вина и воды S-t-Galmier, бутылка вермута, банка съ паюсной икрой, банка съ вареньемъ, банка съ черносливомъ, приборы и салфетки²⁾. Заграницей случалось, что изъ за большихъ размѣровъ корзины насть не пускали въ вагонъ, и происходили препирательства съ начальниками станцій; но въ концѣ концовъ все улаживалось. Бывало также, что на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ мы садились не въ тотъ поездъ, или забывали свой багажъ на пограничной таможнѣ. Разъ какъ-то мы ёхали изъ Парижа въ Лейпцигъ и ночью принуждены были выдти въ Кассель, потому что поездъ далѣе не шелъ, и только поутру мы могли продолжать путь; оказалось, въ Парижѣ сѣли не въ тотъ поездъ, вслѣдствіе чего въ Кассельскомъ вокзалѣ

¹⁾ Мой отецъ называлъ Аллана просто „Карломъ“ и говорилъ ему „ты“, а за глаза звалъ его „паукомъ“. Будучи косымъ, Алланъ плохо видѣль, и когда наливалъ себѣ въ стаканъ вино или воду (чаше первое), то лиль всегда мимо.

²⁾ Эта запасливость объясняется тѣмъ, что въ былое время ёда въ Нѣмецкихъ гостинницахъ уже черезъ-чуръ не подходила къ Русскимъ желудкамъ. Помню, въ 1894 г. во Франкфуртѣ А. А. Половцовъ вздумалъ угостить обѣдомъ князя П. А. Вяземскаго и меня. Заплачено было щедро, а мы встали изъ-за стола чуть не голодные. П. Б.

пришлось лечь спать на скамейкахъ. Нашъ багажъ иногда оставался на какойнибудь пограничной таможнѣ, потому что мы позабывали присутствовать при осмотрѣ. Отецъ прекрасно считалъ, и кельнеры, которые имѣютъ обыкновеніе обсчитывать иностранцевъ, всегда имъ уличались. Такъ, въ Кенигсбергскомъ вокзалѣ одинъ кельнеръ при сдачѣ отцу денегъ хотѣлъ было его обсчитать; отецъ такъ раскричался, называя кельнера „шпицбубъ“, что хозяинъ буфета едва могъ его успокоить. Въ другой разъ, въ Трентѣ, въ гостиницѣ, за табль-д'отомъ, гдѣ присутствовало много Австрійскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, при обношеніи блюда съ волованомъ, вышло такъ, что намъ послѣднимъ подали это блюдо, и, какъ нарочно, вся начинка волована оказалась уже разобранной: отецъ поднялъ при всѣхъ такой шумъ, что хозяинъ гостиницы сталъ его успокаивать, и такъ какъ дѣло было передъ самымъ нашимъ отѣзломъ на лошадяхъ въ Риву (на Гардское озеро), то хозяинъ, чтобы смягчить отца, далъ намъ въ дорогу запасъ провизіи. Бѣда, бывало, если гдѣ плохо или недостаточно кормили; даже дома, если экономка подавала чего-нибудь въ маломъ количествѣ, отецъ выходилъ изъ себя и кричалъ: „точно украла, что такъ мало подаешь“.

Отецъ, живя подолгу въ Парижѣ, самъ ходилъ въ складъ покупать минеральную воду S-t Galmier, которую постоянно пилъ*), и самъ относилъ обратно пустыя бутылки. Опасаясь, что въ гостиницѣ его письма не будутъ отправлены, отецъ самъ носилъ ихъ въ почтовое отдѣленіе. Прежде чѣмъ идти обѣдать за табль-д'отъ въ Grand Hôtel, или въ Hôtel Continental, или въ Hôtel du Louvre, отецъ предварительно заходилъ въ каждую изъ нихъ и заставлялъ метръ-д'отеля читать себѣ обѣденное меню, и какой составъ блюда приходился отцу болѣе по вкусу, въ ту гостиницу мы и шли обѣдать. Иногда обѣдали мы въ Dîner de Paris, въ пассажѣ Joffroy, гдѣ за пять франковъ давали обѣдъ съ бутылкой обыкновенного или полбутылкой лучшаго вина...

Мнѣ вспоминается слышанный отъ В. С. Абакумова и Николая Михайловича Федюкина разсказъ, какъ ветарину или Московскіе купцы. Московскій городской голова Михаилъ Леонтьевичъ Королевъ, Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, Павелъ и Дмитрій Петровичи Сороку́мовскіе, Иванъ Ивановичъ Рогожинъ, Василій Гавrilovichъ Куликовъ и Николай Ивановичъ Каулинъ ходили обыкновенно пить Шампанское въ винный погребокъ Богатырева, близъ Биржи, на Карунинской пло-

*) Воду S-t Galmier отецъ выписывалъ для себя въ Москву ящиками.

щади. Прежде всего Королевъ ставилъ на столъ свою шляпу-цилиндръ, затѣмъ начинали пить и пили до тѣхъ поръ, пока шляпа не наполнялась пробками отъ Шампанскаго; тогда только кончали и расходились...

Изъ семьи Петра Кононовича Боткина *) вышло нѣсколько даровитыхъ людей. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: писатель Василій Петровичъ (родился въ 1810 г.), медикъ Сергій Петровичъ (родился въ 1832 г.) и художникъ Михаилъ Петровичъ, самый младшій сынъ Петра Кононовича отъ второго брака (родился 26 Іюля 1839 г.). Михаилъ Петровичъ обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ старинныхъ художественныхъ вещей. Надо имѣть много познаній, вкуса, терпѣнія и любви, чтобы собрать то, что собрано Михаиломъ Петровичемъ. Это собраніе находится въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, въ домѣ М. П. Боткина. Отчасти можно познакомиться съ собраніемъ и по роскошному изданію, напечатанному Михаиломъ Петровичемъ въ 1911 году, въ Петербургѣ, у Голике и Вильборга. Михаилъ Петровичъ собиралъ впродолженіи 50-ти лѣтъ; въ особенности пріобрѣлъ онъ много вещей въ Италии, гдѣ подолгу жилъ. Древній міръ прекрасно представленъ въ Боткинскомъ собраніи Греческими расписными вазами, терракотовыми статуэтками, масками, свѣтильниками, мраморными барельефами, слезницами, золотыми и другими вещами; старинныя картины работы замѣчательныхъ Итальянскихъ мастеровъ; коллекція Итальянской маіолики XV, XVI и XVII в.в. состоять изъ лучшихъ образцовъ этого искусства; художественная рѣзьба по дереву принадлежитъ къ эпохѣ Итальянского Возрожденія; между старинной бронзой имѣются акваманили XIII в. и болѣе сорока дверныхъ молотковъ (стукальцевъ); работы изъ слоновой кости, начиная съ VI в.; Итальянская кожаная издѣлія XV и XVI в. Боткинская коллекція золотыхъ Византійскихъ перегородочныхъ эмалей, вывезенныхъ изъ Грузіи. Сванетіи и Аѳона, единственная въ мірѣ, какъ по количеству, такъ и по разнообразію изображеній. Есть также вещи изъ старинной выемчатой эмали. Въ собраніи Русской финифти (эмали) находится между прочимъ замѣчательный, серебряный съ позолотой, наугольникъ отъ Евангелія, съ расписной финифтью, съ изображеніемъ Евангелиста Луки, работы Усольца-иконописца. Есть и нѣсколько, такъ рѣдко геперь попадающіеся, серебряныхъ Сасанидскихъ вещей. Много у Михаила Петровича этюдовъ и эскизовъ художника А. А. Иванова, о

*) Это дѣль П. И. Щукина. И. Б.

которомъ онъ издалъ въ 1880 году книгу: „Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“. Немало картинъ написалъ и самъ Михаиль Петровичъ, преимущественно религіознаго содержанія.

Вспоминаю, какъ послѣ всѣхъ моихъ путешествій было пріятно возвращаться къ отцу въ Парижъ или въ Виши. Съ какимъ удовольствиемъ я съ нимъ бесѣдовалъ, раасказывая о видѣнномъ и какъ заботливо относился онъ ко мнѣ! Этихъ свиданій съ отцомъ, послѣ моихъ экскурсій заграницей, я никогда не забуду. Отцовская любовь казалась мнѣ всегда болѣе осмысленій, чѣмъ материнская; да и другой, болѣе искренней, болѣе безкорыстной я никогда не зналъ...

У моихъ родственниковъ я встрѣчалъ Ивана Ильича Маслова, который управлялъ Московской Удѣльной Конторой и занималъ въ домѣ принадлежащемъ этому вѣдомству, на Пречистенскомъ бульварѣ, прекрасную, громадную квартиру. У И. И. Маслова останавливались И. С. Тургеневъ и М. Д. Скобелевъ¹⁾), когда они прїѣзжали въ Москву. И. И. Масловъ былъ скучнѣйшій человѣкъ. По смерти его, М. Д. Скобелевъ сталъ останавливаться въ гостиницѣ Дюссо. Въ ночь на 29 Іюня 1882 года Скобелевъ, находясь въ Москвѣ, былъ найденъ въ номерѣ гостиницы Англія на Петровкѣ—голымъ, связаннымъ и мертвымъ. Изъ гостиницы Англія тѣло его перевезли въ гостиницу Дюссо...²⁾.

Считаю умѣстнымъ вспомнить здѣсь о покойномъ Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ, котораго хотя лично и не зналъ, но о которомъ слышалъ отъ близкаго знакомаго. С. М. Соловьевъ происходилъ изъ духовнаго званія, что впослѣдствіи сынъ его, Всеволодъ, замалчивалъ

¹⁾ Въ моемъ собраниі имѣются подаренные мнѣ бывшимъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ Н. И. Гродековымъ бумаги М. Д. Скобелева, относящіяся въ особенности до Ахаль-Текинской экспедиціи, и вѣсько записныхъ книжекъ Михаила Дмитріевича, который онъ называлъ „мерзавками“. Генераль-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ подарилъ мнѣ Георгіевский крестъ Михаила Дмитріевича, который онъ носилъ въ Турецкую кампанію, и красный съ синимъ карандашъ, которымъ Михаиль Дмитріевичъ писалъ во время осады Геокъ-Тебе. Отъ бывшаго начальника Московской Удѣльной Конторы И. А. Новикова я получилъ кокарду съ фуражки Скобелева.

²⁾ Я сидѣлъ у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго, когда получено было изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ Скобелева. Графъ тутъ же распорядился, чтобы цензура не пропускала въ иностранныхъ газетахъ подробностей обѣ этой кончинѣ. Черезъ день графъ сообщилъ мнѣ, что когда докладывалъ Государю про Московское извѣстіе, Государь сказалъ: Мнѣ всегда казалось, что онъ не кончить просто. Въ день его кончины получилъ я отъ него письмо съ ходатайствомъ за Минского архіерея. П. Б.

и даже пытался произвести свой родь отъ какого-то Малороссійского дворянина Соловейчика. Сергій Михайловичъ разсказывалъ, что въ молодости отправился онъ какъ-то смотрѣть невѣсту; при входѣ въ ея квартиру на него бросилась собака. Обиженный Сергій Михайловичъ немедленно вернулся домой, сказавъ, что послѣ такого невѣжества не можетъ быть и рѣчи о сватовствѣ. Однажды у себя дома Сергій Михайловичъ, увидавъ на сынѣ Всеволодѣ бѣлый жилетъ, сказалъ: „бѣлые жилеты носятъ только дураки“; сынъ въ отвѣтъ указалъ отцу на присутствовавшаго тутъ же Павла Алексѣевича Писемскаго (сына писателя), бывшаго тоже въ бѣломъ жилетѣ. „Господинъ Писемскій въ гостяхъ“, нашелся отвѣтить Сергій Михайловичъ. Разъ одинъ мой знакомый жаловался Сергію Михайловичу на первное разстройство; С. М. Соловьевъ отвѣтилъ: „противъ первовъ прекрасна березовая каша“. Сергій Михайловичъ читалъ лекціи въ Московскомъ университѣтѣ монотонно, тихо, съ полузакрытыми глазами, такъ что многіе студенты засыпали. Однажды, читая о Петрѣ Великомъ, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, приводя слова Петра: „проснитесь! что вы спите!“ Дремавшіе студенты невольно встрепенулись.

Въ 80-хъ годахъ я познакомился съ Алексѣемъ Васильевичемъ Орѣшниковымъ, однимъ изъ хранителей Исторического Музея въ Москвѣ. Началось это знакомство съ того, что я принесъ въ Исторической Музей, къ А. В. Орѣшникову, какъ къ свѣдущему нумизмату, нѣсколько монетъ для ихъ опредѣленія. Потомъ я сталъ видѣться съ А. В. Орѣшниковымъ въ Сибирскомъ подворье, на Варваркѣ, гдѣ онъ имѣлъ коммисіонерскую контору по продажѣ кожевенного товара, а также сталъ бывать у него въ домѣ, на Садовой, у церкви Ильи Пророка. А. В. Орѣшниковъ былъ центромъ, гдѣ собирались тогда извѣстные Московскіе нумизматы: Андрей Николаевичъ Лѣниновъ (†), Иосифъ Ивановичъ Горунгъ (†), Павелъ Васильевичъ Зубовъ, Михаилъ Проворовичъ Садовскій (†), Александръ Андреевичъ Корзинкинъ и Владимиръ Константиновичъ Трутовскій. Въ семье Алексея Васильевича провелъ я не одинъ пріятный вечеръ. Черезъ А. В. Орѣшникова я купилъ у Чудновскаго (изъ Киева) коллекцію древнихъ Римскихъ монетъ. Сдѣлался я также членомъ Московскаго Нумизматического Общества и сталъ бывать на засѣданіяхъ этого общества, обыкновенно происходившихъ по вечерамъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, на Берсеневкѣ.

По рекомендаціи П. В. Шумахера навѣстилъ я старую оперную пѣвицу, пользовавшуюся когда-то извѣстностью, Дарью Михайловну

Леонову, жившую на Бронной; она показала мнѣ много интересныхъ Японскихъ вещей, вывезенныхъ ею изъ Японіи, гдѣ она пѣла у мікадо.

Въ Москвѣ я продолжалъ собирать книги, которыя покупалъ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Готье и Ланга, а также у букинистовъ. У Глазунова служилъ въ прикащикахъ Петръ Петровичъ Жариновъ, отличавшійся способностью отыскивать рѣдкія книги. На Никольской, въ такъ называемомъ „Проломѣ“, гдѣ церковь Троицы въ Поляхъ, и не доходя Проломныхъ воротъ, ются и теперь, какъ и прежде, лавочки букинистовъ; но самыхъ типичныхъ букинистовъ, торговавшихъ въ этомъ „Проломѣ“, уже нѣтъ. Я говорю о Платонѣ Львовичѣ Байковѣ и Аѳанасіи Аѳанасьевичѣ Астаповѣ. Первый давнымъ давно умеръ, а второй уже нѣсколько лѣтъ какъ ликвидировалъ свое дѣло и нашелъ себѣ пристанище въ книжной лавкѣ Фадѣева на Можовой. Лавочка Байкова находилась ближе къ Никольской и, будучи темной, освѣщалась и днемъ сильно коптѣвшей керосиновой лампой, висѣвшей на потолкѣ. Старикъ Байковъ, съ большими горбатыми носомъ, въ пенснѣ, страшно ругался, когда узнавалъ, что продешевилъ какую-нибудь книгу. Такъ однажды онъ продалъ старинную рукописную книгу сказокъ Боккачіо, современную автору, писанную на пергаментѣ, съ миниатюрами, за 800 рублей коллекціонеру Мих. Мих. Зайцевскому *), а послѣдній ее кому-то перепродаилъ за нѣсколько тысяч рублей. Байковъ долго не могъ забыть этой продажи, бранилъ и проклиналъ Зайцевскаго, на чёмъ свѣтъ стоитъ. Байковъ, кромѣ книжной торговли, занимался продажею серебра, фарфора, мебели и другихъ вещей, которыя скупалъ по домамъ. Лавочка А. А. Астапова находилась ближе къ Проломнымъ воротамъ, а самъ онъ жилъ рядомъ съ лавочкой, въ миниатюрномъ помѣщеніи, которое такъ было заставлено полками и шкафами съ книгами, что въ немъ едва можно было повернуться. А. А. Астаповъ, небольшого роста, горбатый, самъ страстный любитель книгъ, хорошо зналъ многихъ Русскихъ библіофиловъ, о которыхъ любилъ рассказывать. Андрей Александровичъ Титовъ купилъ у Астапова богатое собраніе рукописей покойнаго профессора Осипа Максимовича Бодянскаго. Но не одинъ рѣдкія книги и рукописи встречались у Астапова; попадались иногда и другія вещи. Помню, я видѣлъ у него прекрасный портретъ, писанный масляными красками,

*) Послѣ смерти М. М. Зайцевскаго, я купилъ у его сына, Ивана Михайловича, присяжнаго повереннаго, въѣръ пятидесятыхъ годовъ XIX ст., съ живописью французскаго художника A. Soldé.

масона и писателя Николая Ивановича Новикова. Мой братъ Дмитрій долго не могъ уговорить Астапова продать ему прелестную пастель XVIII в., работы Франсуа Бушé, изображающую погрудный портретъ молодой женщины. Интересно прослѣдить Одиссею этой пастели: какъ она, написанная Бушé для фаворотки Людовика XV и своей ученицы маркизы Помпадуръ, попадаетъ изъ Парижа въ скромную лавочку букиниста въ Москвѣ. Отъ маркизы Помпадуръ пастель перешла къ ея брату, маркизу de Marigny, а послѣ его смерти была продана въ Парижъ съ аукціона; потомъ находилась въ Берлинѣ, у художника-гравера Даніила Ходовецкаго; на гравюрѣ Ходовецкаго „Cabinet d'un peintre“, представляющей его кабинетъ, изображена именно эта пастель висящаю на стѣнѣ; затѣмъ пастель попала въ Берлинѣ на аукціонъ, а изъ Берлина — къ кому-то въ Россію и въ концѣ концовъ къ Астапову. Наконецъ моему брату удалось купить ее у Астапова за сто рублей и за ящикъ съ сотней Рижскихъ сигаръ. У А. А. Астапова же было два прекрасныхъ бюстиковъ изъ бѣлаго бисквитнаго фарфора, изображающіе императора Александра I и императрицу Елизавету Алексѣевну; въ настоящее время Астаповъ пожертвовалъ ихъ въ Музей 1812 года, и они находятся пока въ складѣ этого Музея, въ Потѣшномъ дворцѣ. Неказисты были эти холодныя, неотапливаемыя, книжныя лавочки въ „Проломѣ“; но коллекціонерамъ онѣ были дороги, такъ какъ иногда они находили тамъ рѣдчайшія вещи. На Никольской, близь Грѣческаго монастыря, подъ воротами, у букиниста, торговавшаго книгами и лубочными картинами, я купилъ однажды за пять рублей „Народныя Русскія легенды“ А. Н. Аѳанасьева, считающіяся библіографическою рѣдкостью.

На воскресный торгъ у Сухаревой башни аккуратно ходили нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ и пріятелей: И. Е. Забѣлинъ, В. К. Вульферть, М. О. Вивьеңъ и др. Я же бывалъ изрѣдка и если бывалъ, то всегда заходилъ къ торговавшему тамъ въ лавкѣ глухонѣмому букинисту, съ которымъ приходилось объясняться съ помощью писанья на аспидной доскѣ. М. О. Вивьеңъ купилъ однажды у Сухаревой за безцѣнокъ карандашный рисунокъ П. Соколова, изображающій три дѣтскія головки, и продалъ его мнѣ. Этотъ рисунокъ увидаль у меня С. С. Стрекаловъ и попросилъ уступить ему: оказалось, что на рисункѣ были изображены самъ С. С. Стрекаловъ и его братья въ дѣтствѣ. Взамѣнъ Соколовскаго рисунка Стрекаловъ приславъ мнѣ первый и самый интересный изъ четырехъ томовъ сочиненія B. Laborde'a „Choix de chansons mises en musique“, съ гравюрами Moreau le Jenne (изд. 1773 г.). Случалось, что я находилъ рѣдкія книги у букинистовъ и

на Красной площади, во время „Вербы“. Разъ, на Смоленскомъ рынке, въ зданіи, гдѣ преимущественно торгуютъ мясомъ, я купилъ у букиниста нѣсколько томовъ сочиненій „Restif de la Bretonne“ съ гравированными картинками Binet.

Въ 1882 году для Всероссійской промышленной выставки¹⁾, на Ходынскомъ полѣ, выстроили превосходное, громадное, круглое зданіе изъ желѣза и стекла. Были выстроены еще отдѣльные павильоны. Въ этомъ же зданіи въ 1893 году Французы устроили свою выставку. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи это зданіе было разобрано и отправлено въ Нижегородскую ярмарку для устройства въ немъ въ 1896 году тоже Всероссійской выставки. Такимъ образомъ Москва лишилась прекраснаго постояннаго выставочнаго зданія, которое могло бы служить для будущихъ выставокъ. Недешево обошлись разборка, перевозка и опять постановка выставочнаго зданія близъ ярмарки. Послѣ закрытія Нижегородской выставки дальнѣйшая судьба зданія была печальна: долгое время оно стояло пустымъ, съ разбитыми стеклами, и въ концѣ концовъ было продано за безцѣнокъ. Между прочимъ часть выставочнаго зданія купила транспортная контора „Надежда“ и устроила изъ него склады на ярмаркѣ, на Сибирской пристани²⁾.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ очень добивался получить чинъ камергера, и какъ только этого достигъ, немедля заказалъ себѣ мундиръ. Въ камергерской формѣ А. А. Фетъ поѣхалъ показаться къ Боткинамъ на Покровку. Софья Сергеевна въ это время была больна, и когда Фетъ прїѣхалъ туда, то засталъ Софью Сергеевну уже мертввой. А. А. Фетъ носилъ кожаные штиблеты, сшитые гр. Л. Н. Толстымъ.

¹⁾ Въ Россіи первая выставка отечественной промышленности была въ 1829-мъ г. въ Петербургѣ, вторая—въ 1831-мъ году въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ. У меня имѣются каталоги той и другой выставки, а также акварельный рисунокъ и лубочная картинка Московской выставки 1831 года. На акварели изображенъ вестибюль Кремлевского дворца, гдѣ выставлены самовары, желѣзныя косы, проволока, сабельные клинки, ткацкіе станки и другія вещи. Вдали изображена лѣстница, раздѣленная перегородкой на двѣ половины: по одной половинѣ публика поднимается вверхъ, по другой спускается внизъ. На лубочной картинкѣ представлено посѣщеніе выставки 2 Ноября 1831 года императоромъ Николаемъ I, императрицей и наследникомъ со свитой; длиннобородые куницы съ медалями на шеѣ стоять за прилавками, на коихъ разложены разныя ткани, и одинъ изъ купцовъ подносить императрицѣ или шаль, или шарфъ; что именно, трудно разобрать.

²⁾ В. А. Кокоревъ предлагалъ министру финансовъ Грейту не разбирать это выставочное зданіе, а обратить его въ общій для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Москвы вокзалъ. П. Б.

При юдскѣ они сильно скрипѣли. По словамъ Аѳанасія Аѳанасьевича, Левъ Николаевичъ сшилъ эти штиблеты вмѣстѣ съ сапожникомъ, его обучавшимъ. За матеръяль Аѳанасій Аѳанасьевичъ заплатилъ самъ. По смерти А. А. Фета моя тетка Марья Петровна поставила эти штиблеты въ кабинетъ покойнаго подъ стеклянный колпакъ. Въ настоящее время они находятся у Ильи Семеновича Остроухова.

Павелъ Лукичъ Пикулинъ не отличался набожностью и никогда не говѣль. Когда же онъ былъ на казенной службѣ, и отъ него требовали ежегодно свидѣтельства о говѣніи, то онъ получалъ его отъ знакомаго священника изъ Троице-Сергіевскаго посада. Павелъ Лукичъ возмущался, почему въ церковь кошечкѣ пускаются, а собакѣ нѣтъ; также находилъ страннымъ, что, когда варятъ мяро, то въ прованское масло вливаются большое количество бѣлаго вина, которое несодѣдинимо съ масломъ. Однажды лѣтомъ мимо Пикулинской дачи въ Марьиной слободкѣ проходилъ священникъ. Пикулинскій песь Болванъ изъ подъ воротъ залаялъ на батюшку, а тотъ сталъ совать подъ ворота свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и совалъ ее до тѣхъ поръ, пока собака не выхватила у него палку и не убѣжала. За полученiemъ обратно палки священнику поневолѣ пришлось обратиться къ Павлу Лукичу, который конечно вѣльгъ отдать палку, причемъ замѣтилъ батюшкѣ, что „нехорошо дразнить собакъ“. Пикулинъ разсказывалъ, что когда онъ служилъ въ Екатерининской больницѣ, то во время бывшей въ Москвѣ холеры въ 1848 году отпускалось для больныхъ Шампанское; но послѣднимъ оно было не по вкусу, и они предпочитали пить клюквенный морсъ. Шампанское же вынивали врачи. Онъ же разсказывалъ, что однажды за актеромъ Д. Т. Ленскимъ долженъ былъ заѣхать одинъ изъ его пріятелей, чтобы ѿхать вмѣстѣ обѣдать. Но Ленскій напрасно его прождалъ и потомъ узналъ, что пріятель уѣхалъ въ Кусково. По этому случаю Ленскій написалъ пріятелю: „ты уѣхалъ въ Кусково, а меня оставилъ безъ куска“.

Московскій генераль-губернаторъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, живя лѣтомъ въ Москвѣ, любилъ кататься въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ иногда сиживалъ на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, толстякомъ Юріемъ Всеволодовичемъ Мерлиннымъ*). 1-го Мая князь В. А. Долгоруковъ єздилъ на гулянье въ Сокольники. Архитекторъ Алексѣй Александровичъ Мартыновъ подарилъ князю свою книжечку „Названія Московскихъ улицъ и

*) Ю. В. Мерлинъ собиралъ старинныя вещи, и у него было много замѣчательныхъ.

переулковъ съ историческими объясненіями¹⁾). По этой книжечкѣ Владимиръ Андреевичъ нерѣдко экзаменовалъ во время обѣда своихъ гостей. „Скажите“, спросить онъ кого-нибудь изъ нихъ, „почему такая-то улица въ Москвѣ называется такъ-то? Не знаете? А я вамъ скажу“. И Владимиръ Андреевичъ, на основаніи книжечки Мартынова, объяснялъ причину, почему улица такъ называется. Красавица Марья Семеновна Пустовалова пользовалась у князя Владимира Андреевича большимъ расположениемъ, благодаря чему она не разъ выручала своего мужа Константина Александровича²⁾ изъ разныхъ непрѣятностей. Князь В. А. Долгоруковъ умеръ въ Парижѣ, почти всѣми забытый. Послѣ смерти князя многія его вещи были проданы съ аукціона. На старой площади у Ильинскихъ воротъ, въ лавочкѣ Сергея Тихоновича Большакова, я видѣлъ нѣсколько кожаныхъ футляровъ съ касками князя В. А. Долгорукова. Въ Московскомъ Историческомъ Музѣ имѣются три старинныя серебряныя братины, которыя принадлежали князю В. А. Долгорукову. Я самъ купилъ послѣ князя большой, серебряный золоченый съ крышкой стаканъ съ пестрой эмалью, художественной Augсбургской работы, начала XVIII вѣка, и кинжалъ, на стальномъ клинкѣ котораго вырѣзана надпись: „Vendetta corsa“.

Михаилъ Михайловичъ Савостинъ бытъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія о покойныхъ М. М. Зайцевскомъ и Ю. В. Мерлинѣ, которыя цѣликомъ здѣсь привожу.

„Михаила Михайловича Зайцевскаго“, пишетъ мнѣ М. М. Савостинъ, „я хорошо зналъ. Маленькаго роста, лысый, бритый, онъ бытъ похожъ на Наполеона и сходствомъ этимъ очень гордился. Карьера его началась службой при Большомъ театрѣ, въ качествѣ капельдинера при артистахъ. Какъ-то дирекція сдѣлала аукціонъ старыхъ костюмовъ и бутафорій; Зайцевскій костюмы купилъ, вѣроятно, задаромъ, хорошо нажилъ, и это обстоятельство сдѣлало его старьевщикомъ окончательно. Сталь онъ ходить подъ Сухаревку; тогда было просто: бары посылали своихъ лакеевъ продавать вещи съ рукъ. Какъ-то Зайцевскій у Сухаревой увидалъ лакея, продающаго рѣдкія книги; купилъ ихъ, узналъ адресъ владѣльца книги и пріобрѣлъ очень дешево богатѣйшую библіотеку. Чудный человѣкъ попался Зайцевскому жена—Олимпіада Ивановна. Когда онъ женился, она была мастерицей; затѣмъ открыла

¹⁾ Изъ „Русскаго Архива“. П. Б.

²⁾ К. А. Пустоваловъ былъ некрасивый, мало симпатичный человѣкъ. Въ одномъ юмористическомъ журнальѣ были напечатаны автографы извѣстныхъ Москвичей, между прочимъ и К. А. Пустовалова: „По женѣ и я извѣстенъ“.

собственное дѣло и была первой портнихой, шила на Закревскихъ и всю тогдашнюю аристократію. Какъ любитель, Михаиль Михайловичъ былъ оригиналъ и никому не показывалъ вещей. Даже жена и дѣти, изъ коихъ старшій Иванъ Михайловичъ, былъ присяжнымъ повѣреннымъ, ничего не видали и познакомились съ коллекціей послѣ смерти Михаила Михайловича. Зайцевскій, большой охотникъ играть въ карты, какъ-то разъ забылъ дома ключи отъ флигеля, гдѣ хранились крупныя вещи коллекціи; онъ нарочно вернулся за ними изъ клуба. Во время коронаціи императора Александра III, великие князья, иностранные принцы, наслышавшись о вещахъ Зайцевскаго, прїѣзжали посмотретьъ ихъ, но онъ нарочно съ утра удиралъ куда-нибудь, чтобы ничего не показывать, и прїѣзжающіе для осмотра получали всегда отъ Олимпіады Ивановны отвѣтъ, что мужъ ушелъ рано утромъ и вернется домой ночью. Каждую недѣлю онъ объѣзжалъ раза по два всѣхъ торговцевъ и всѣ рынки. Имѣлъ слабость, разъ торгуя вещь, во что бы то ни стало ее купить. Всѣ это знали и уже ни копѣйки не уступали. а нѣкоторые слѣдующій разъ спрашивали больше. Зайцевскій ругался, десятокъ разъ возвращался, но намѣченную вещь всетаки покупалъ. Разъ я попросилъ его взять меня съ собой, при объѣздѣ рынковъ и торговцевъ. Это началось такъ: я зашелъ къ нему; жилъ онъ въ Хлѣбномъ переулкѣ; отъ него мы взяли извошика и поѣхали къ Университету, къ Горюнову, гдѣ купили икры. На Волконскѣ обошли всѣхъ часовщиковъ, поѣстили всѣ мебельныя лавки и у Александровскаго сада (въ то время тамъ попадались вещи). Затѣмъ поѣхали къ Сухаревой, тоже обошли всѣхъ, елико возможно, закусили купленной икрой въ трактирѣ и поѣхали на Нѣмецкій рынокъ, оттуда въ Таганку, къ Серпуховскому, къ Калужскому воротамъ и домой на Смоленскій. Эти поѣздки онъ совершаѣлъ почти каждый день. Коллекція была удивительная; было все: громадная библіотека (купилъ Готье) гравюры, въ томъ числѣ Англійскія, въ краскахъ, цѣлыми папками. Миніатюрами былиувѣшаны цѣлые стѣны. Эмали—часть выхватилъ М. П. Боткинъ, часть—Д. А. Постниковъ; теперь эти вещи Постниковскія находятся въ Музѣй Императора Александра III, проданы мною. Мебель, бронза, фарфоръ Русскій и иностранный. Ковши и серебро были куплены княземъ Л. С. Голицынымъ, Веригинымъ и Четвертинскимъ. Только при теперешнемъ понятіи можно оцѣнить это сокровище. Вѣроятно въ вашей коллекціи есть много вещей отъ М. М. Лучшія же, какъ Бокачіо, ушли заграницу. Дѣти ничего не знали и продавали лѣчшія маіолики Гамбургерамъ по 15 р. Чтобы имѣть деньги на покупку, Зайцевскій потихоньку продавалъ иностранцамъ, Вергеймеру, Давису и др. О Зайцевскомъ расскажу слѣдующій случай, похожій на

анекдотъ. Всѣ знали страсть Зайцевскаго во что бы то ни стало до-стать вещь, которая ему нравилась; страсть эту торговцы эксплуати-ровали, а любители любили дразнить какою-нибудь рѣдкостью, зная, что подобной у Мих. Мих. нѣтъ. И. И. Горунгъ далъ Бакастову какія-то рѣдкія двѣ копѣйки Варшавскаго монетнаго двора и сказалъ: „увидишь завтра Мишку, покажи монету и подразни его“. Бакастовъ встрѣтилъ Зайцевскаго у Сухаревой на торгу и говоритъ: „посмотри, М. М., какую вещь я нашелъ“.—„А, гдѣ взялъ? продай!“—Да разби-ралъ я сегодня выручку на черной половинѣ трактира и нашелъ монету въ кассѣ“. Какъ Зайцевскій ни приставалъ, чтобы продать ему монету, какъ ни ругался, говоря, что и нога его никогда въ трактирѣ не будетъ, но монету продать Бакастовъ не могъ и вечеромъ возвра-тилъ владѣльцу. Въ Понедѣльникъ опять всѣ собрались въ трактирѣ, смыялись надъ Зайцевскимъ, который до самаго вечера клянчилъ мо-нету. Часовъ въ одиннадцать появился Зайцевскій и, наскоро поздор-вавшись, прямо обратился къ Бакастову: „покажи монету!“ Бакастовъ полѣзъ въ кошелекъ, сдѣлалъ испуганное лицо и сказалъ: „ахъ, какая досада, проходилъ я сегодня мимо Срѣтенскаго монастыря, да должно быть по ошибкѣ монету опустилъ въ кружку“.—„Ну прощай, сказаль Зайцевскій, мнѣ некогда“). Прошелъ часъ, компания все еще сидѣла, какъ вдругъ появляется Зайцевскій и ругаясь налетаетъ на Бакастова: „что же ты врешь! я сейчасъ былъ въ монастырѣ, да мояху три рубля, отпечатали кружку, но никакой монеты тамъ нѣть“. Надо было слышать тотъ хохотъ, который поднялся, видѣть всю суetu и комичную фигуру Зайцевскаго, съ руками, унизанными кольцами съ камеями и съ такой же громадной булавкой. Зайцевскій убѣжалъ, гдѣ не ходиль къ Бакастову, а потомъ конечно примирился“.

„Юрій Всеволодовичъ Мерлинъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ В. А. Долгоруковѣ, въ чинѣ камергера, и поль-зовался большимъ вліяніемъ. Думаю, что онъ давалъ деньги В. А. Только этимъ я могу объяснить его разореніе. Покупалъ Мерлинъ много, преимущественно картины, которыхъ у него было 400 шт.; было много у него рѣзныхъ камней, эмалей и т. п. Ковшъ Салтанова, купленный Гейне, шель изъ коллекціи Мерлина. У него былъ кумъ, художникъ и реставраторъ картинъ, Федоръ Яковлевичъ Борзенко*). Для того, чтобы продать что-нибудь Мерлину, надо было заплатить 10% Борзенко. Покупалъ Мерлинъ только на книжку и преисправно

*) Ф. Я. Борзенко я тоже зналъ и покупалъ у него гравюры. Онъ жилъ на Лубянской площади.

платиль 6% за долгъ, но деньги (самый капиталъ) получались съ трудомъ: ихъ у него всегда былъ недостатокъ. Красавецъ собой и атлетического сложенія, притомъ же колоссальная фигура, онъ былъ обиженъ природой: не былъ онъ настоящимъ мужчиной. Коллекція его въ то время стоила 315000 р.; онъ самъ мнѣ показывалъ опись и цѣны. Затѣмъ онъ ее заложилъ Королеву, и тамъ она пропала. Остатки ея попали Мараевой. Умеръ онъ гдѣ-то служа въ Петербургѣ и живя бѣдно, въ номерахъ. Лакей и его жена лѣтъ двадцать служили ему вѣрой и правдой, безъ жалованья; денегъ у него никогда не было. Все время онъ имъ говорилъ, что онъ ихъ осчастливить и далъ имъ конвертъ, строго наказавъ не вскрывать до его смерти и беречь какъ зеницу ока, обѣщая, что при соблюденіи этихъ условій они будутъ осчастлилены. Представьте же себѣ положеніе бѣдняковъ, когда они нашли въ конвертѣ что-то въ родѣ старой газеты. У нихъ я купилъ грамоту Петра, данную какому-то полку, и грамоту трехъ патріарховъ, въ томъ числѣ и Гермогена. Веци эти находятся у васъ“.

*

Насталъ 1890-й годъ—самый тяжелый въ моей жизни. Въ этомъ году отецъ привезъ въ порядокъ могилу своего отца, находящуюся въ Москвѣ, на кладбищѣ Покровскаго монастыря, гдѣ погребено большинство моихъ родныхъ. Памятникъ на могилу моего дѣдушки былъ вновь сдѣланъ въ мастерской архитектора Кампіони (на Большой Дмитровкѣ) и поставленъ на мѣсто прежняго съ возобновленной надписью: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба Божія Московскаго купца Василія Петрова Щукіна, скончавшагося 1836 года 24-го Апрѣля пополудни 2 часа. Житіе его было 80 лѣтъ. Тезоименитство его Апрѣля 12 дня“.

Осеню отецъ сталъ прихварывать. Незадолго до смерти ему было не совсѣмъ хорошо, но этому нездоровью особенного значенія никто изъ насъ не придавалъ. Въ Субботу 1 Декабря отецъ жаловался на недомоганіе, а въ Воскресенье 2 Декабря, во время обѣда, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно; изъ столовой отецъ поднялся наверхъ, въ кабинетъ; скоро началась агонія, и нашъ добрый отецъ скончался въ присутствіи матери, братьевъ, Сергія съ женой, Дмитрія, Владимира, Ивана, меня и сестры Антонины съ мужемъ. Братъ Николай, пріѣхавшій ночью, уже не засталъ отца въ живыхъ. Еще позднѣе пріѣхали сестры Надежда изъ Тулы и Ольга изъ Новотаволжанки со своими мужьями. Отецъ умеръ отъ грудной жабы, на 73-мъ году своей жизни*). Нача-

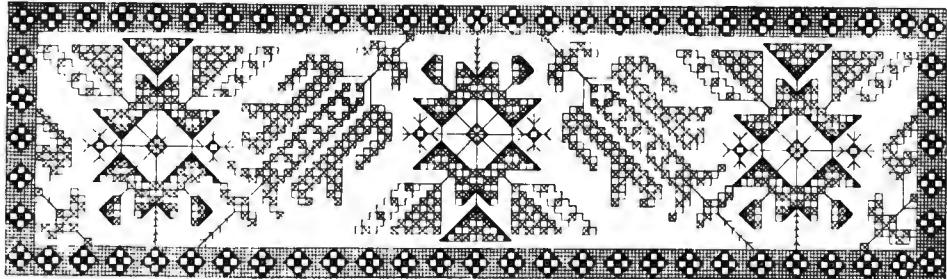
*) Отецъ родился 17 Января 1817 года.

лись обычныя панихиды и приготовленія къ похоронамъ. Швейцарь Егоръ Акимовичъ и поваръ Егоръ Петровичъ, которыми часто отъ отца доставалось, сами попросили, чтобы имъ позволили читать у гроба отца псалтырь, что конечно имъ разрешили, и они по очереди стали читать. 5 Декабря состоялись похороны въ приходской церкви Воскресенія Христова на Остоженкѣ. За отпѣваніемъ присутствовали: почетный опекунъ генераль-лейтенантъ А. А. Козловъ, городской голова Н. А. Алексѣевъ, гласные Думы, выборные купеческаго общества, члены Московскаго Ученаго Банка, родные и много знакомыхъ. Было множество вѣнковъ, между прочимъ отъ К. Т. Солдатенкова „въ память 52-хъ лѣтней дружбы“ (*). Отъ церкви Воскресенія Христова до Покровскаго монастыря гробъ отца несли на рукахъ рабочіе Чижовской артели, по собственному желанію. Похоронили отца близъ самой монастырской церкви.

Съ любезнаго дозволенія П. И. Щукина извлечено изъ четвертой части его „Воспоминаний“.

(*) Отецъ подружился съ К. Т. Солдатенковымъ еще до своей женитьбы. Оба жили въ Москвѣ, въ Таганкѣ, и квартира отца состояла всего изъ двухъ комнатъ; въ одной стояли кровать и конторка, а въ другой—два ткацкихъ станка, на коихъ работалась кисея.

ОТКРЫТИЕ НИЖЕГОРОДСКАГО НАМѢСТИЧЕСТВА.

1779.

Нижегородскій край, въ теченіе слишкомъ 700 лѣтнаго существованія, нѣсколько разъ подвергался внутреннимъ перемѣнамъ какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. То имъ управляли князья (1228—1392), потомъ воеводы (до 1713 г.), губернаторы (до 1779 г.) и, наконецъ, намѣстники и генералъ-губернаторы. Край этотъ, заселенный когда-то Мордвой, Черемисами и Мещеряками, въ XIII столѣтіи съ нѣсколькими Русскими поселеніями, во главѣ коихъ стояли посадъ Радиловъ (что нынѣ Городецъ на Волгѣ) и Нижній-Новгородъ (до 1350 г.), входилъ въ составъ Суздальского княжества. При великомъ князѣ Константинѣ Васильевичѣ (1350—1355) образовалось самостоятельное Нижегородское княжество, и тогда прибыло еще много Русскихъ поселеній на Волгѣ, Окѣ и по р. Кудымъ. Въ то время владѣнія Нижегородской области доходили до устья Суры, включая берега р.р. Пьяны и Теши. Съ прекращеніемъ самостоятельности Нижегородского княжества, подчиненныя ему земли причислены къ Московскому государству и управлялись царскими намѣстниками и воеводами. При Петрѣ Великомъ, въ 1708 г., состоялось первое разделеніе Россіи на губерніи. Нижегородская область вошла тогда въ составъ Казанской губерніи подъ именемъ Нижегородской провинціи, управлявшейся также воеводою. Но въ 1713 г. назначенъ первый Нижегородскій губернаторъ Андрей Петровичъ Измайловъ*). Въ 1719 г. Россія вновь подверглась измѣненіямъ. Наконецъ, послѣ Пугачевскаго бунта, Екатерина. 7 Ноября 1775 г., издала особыя положенія, по

*) Нижегород. Лѣтописецъ, стр. 97; значитъ, въ 1913 г. исполнится 200 лѣтъ существованію Нижегородской губерніи. Мѣстной ученой Архивной Компіссіи слѣдовало бы составить хотя бы краткую исторію Нижегородской области за все время ея существованія и ея политического значенія въ составѣ другихъ областей Россіи. П. Ю.

которымъ учреждались намѣстничества, заключавшія въ себѣ иногда двѣ-три области и составлявшія потомъ отдѣльныя генераль-губернаторства. 5 Сентября 1779 г. послѣдовалъ указъ Сенату.

„Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашему генеральному поручику, правящему должность генераль-губернатора Нижегородскаго, Ступишину, исполнить, по изданіемъ отъ насъ въ 7 день Ноября 1775 г. Учрежденіемъ для управлениія губерній имперіи нашей, равномѣрно и Нижегородскаго намѣстничества, составляя оное изъ тринадцати уѣздовъ, и именно: Нижегородскаго, Горбатовскаго, Арзамасскаго, Починковскаго, Ардатовскаго, Лукояновскаго, Сергачскаго, Переозовскаго, Княгининскаго, Васильскаго, Макарьевскаго, Балахнинскаго и Семеновскаго. Вслѣдствіе чего переименовать городами: въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи: село Горбатово и Мещерскую слободу подъ однимъ названіемъ Горбатовъ, село Лукояново г. Лукояновымъ, Переозовъ Пьяный подъ именемъ Переозъ, и монастырскую слободу Макарьевку г. Макарьевымъ; главной дворцовой канцеляріи села: Ардатово г. Ардатовымъ и Княгинино г. Княгининомъ; Коллегіи Экономіи и Главной Дворцовой Канцеляріи село Семеново¹⁾ г. Семеновъ; гвардіи коннаго полку село Починки г. Починки; бывшей поташной конторы село Сергачъ г. Сергачъ. Къ сей губерніи причислить, по способности отъ уѣздовъ другихъ губерній, и именно: отъ Муромскаго до 1900 д., отъ Шатскаго 2900 д., отъ Саранскаго до 4500 д., отъ Краснослободскаго до 400 д., отъ Кадомскаго до 1300 д., отъ Санчуйскаго до 100 д., отъ Козьмодемьянскаго до 600 душъ. Отдѣлить же отъ оной: изъ Нижегородскаго уѣзда до 400 душъ, изъ Арзамасскаго до 2400 д., городъ Алатырь съ уѣздомъ въ числѣ до 7700 д., города Курмышъ съ уѣздомъ до 280 тыс. и Йдринъ съ уѣздомъ до 7600 д., которыя всѣ мѣста подъ вѣдѣніемъ Алатырской провинціальной канцеляріи, приписать подъ управлениѣ Казанской губерніи до того времени, покуда оны по способности распределены будутъ въ новопоставленная намѣстничества; а впрочемъ, въ назначеніи границъ сея губерніи, съ прикосновенными ей, предоставляемъ на соглашеніе генераль-губернаторовъ и правящихъ ту должностъ²⁾.

Для удобности распределенія земель между намѣстничествами Вятскимъ, Казанскимъ, Костромскимъ и Нижегородскимъ губернаторъ А. А. Ступишинъ вызывался въ Петербургъ, откуда 10 Октября возвратился. Жители встрѣтили его съ почетомъ. Купечество поднесло ему хлѣбъ-солъ, при чемъ „Нижегородской банковой для вымѣна госу-

¹⁾ Значить, село это принадлежало двумъ вѣдомствамъ, а между тѣмъ г. Звѣздинъ въ Памятн. Книжкѣ Нижегор. губ. 1895 г., стр. 94, говорить, что это было какое-то „экономическое дворцовое село“ (!).

²⁾ Дѣло Нижегород. городов. магистрата за 1779 г. № 1796. Мѣстная ученая Архивная Комиссія почему-то не нашла нужнымъ напечатать этотъ указъ вполнѣ въ своихъ „Дѣйствіяхъ“, а въ приведенныхъ изъ него выдержкахъ (вып. 12—14, стр. 74, стол. 1), допустила искаженія. Такъ, вместо Муроскаго у., напечатанъ Курмышскій, вместо Санчуйскаго—Санчуринскій.

дарственныхъ ассигнацій директорскій товарищъ⁴ Андрей Протопоповъ сказалъ рѣчъ.

Въ концѣ года Ступишинъ пожалованъ званіемъ сенатора, а въ 1783 г. мы видимъ его уже въ чинѣ генералъ-аншефа. Назначенный на его мѣсто въ 1784 г. ген.-поручикъ фонъ-Ребиндеръ носилъ званіе ген.-губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго.

Послѣ литургіи въ Архангельскомъ соборѣ, совершенной Антоніемъ, епископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ, открылся крестный ходъ въ зданіе присутственныхъ мѣстъ. гдѣ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государынѣ и всему царствующему дому; при этомъ владыка произнесъ приличествующую случаю рѣчъ. По окропленіи комнатъ св. водой, генералъ-губернаторъ съ приглашенными перешелъ въ зало присутствія и, прочитавъ указъ, объявилъ намѣстничество открытымъ. Послѣ него „отъ имени всего благородного общества“ сказалъ державнѣйшей Императрицѣ „слово похвальное“ Протопоповъ.

„Возгремѣлъ благоденствующій твой гласъ въ предѣлахъ Низовскія земли къ удивленію, радости и одобренію человѣчества, Всепресвѣтлѣйшая Монархия, Всемилостивѣйшая Матерь Отечества! Возсіялъ купно съ нами и лучъ твоего къ намъ благоволенія, со властію повелѣвающій уклониться мрачной темнотѣ различныхъ неудобностей, и заступить мѣсто вожделѣнному свѣту, порядочнымъ благоучрежденіямъ, къ общему спокойствію, тишинѣ и безопасности“ и т. д.

Купечествомъ былъ устроенъ обѣдъ, а вечеромъ составлена роскошная по тому времени иллюминація.

На Благовѣщенской площади „изображена гора съ изобиліемъ произрастеній“, на ней „храмъ Россійскаго благополучія съ отверстыми вратами“. Черезъ нихъ въ храмѣ „виднѣлся престолъ, съ положенной на немъ книгой „закона““. На лѣво былъ Нижній-Новгородъ съ Нижегородскимъ гербомъ на одной изъ Кремлевскихъ башень. Передъ храмомъ „на открытомъ мѣстѣ“ обелискъ съ вензелевымъ изображеніемъ Императрицы. Внизу съ лѣвой стороны обелиска статуя „Россіи“, ссыплющая на жертвеннікъ єнимѣа, въ знакъ своей благодарности „Прозвѣтительницѣ“. и на ней надпись въ стихахъ:

На высотѣ горы, плодами утѣшненной,
Воздвигнуть свѣтлый храмъ предъ взоромъ всей селеной
И Россіому на вѣкъ блаженству посвященъ.
Въ немъ сладкій нашъ покой закономъ укрѣпленъ;
Въ немъ сила парствуетъ божественные власти,
Засѣта въ немъ отъ бѣдъ, спасеніе отъ наасти.
Тебѣ, Монархия, мы даромъ симъ должны,

Во храмъ обиіл и щастья введены
Благотворяще твою се рукою.
Какой же мы алтарь воздвигнемъ предъ тобою?
Какой сооружимъ тебѣ, богиня, храмъ?
Россія ревности вжигаетъ оніамъ;
Но граду Нижнему Рифейски горы искы.
Дабы достойные воздвигнутъ обелиски".

По правую сторону этого изображенія была поставлена статуя „Премудрости“, „въ видѣ Миневры“, поражающей дракона съ надписью:

Въ водахъ и въ тишинѣ храня премудры средства.
Копьемъ враговъ разить, хранить своихъ отъ бѣдства.

Рядомъ съ ней фигура „Мужества“ со стихами:

Металломъ крыта грудь, души есть твердо свойство,
Зримъ въ видѣ мужества и бодрость и геройство.

Еще правѣ „Милосердіе“:

И лавръ и маслина, побѣды и щедроты,
Се милосердію пристойныя доброты.

По лѣвую сторону храма стояла статуя „Правосудія“.

На мѣрилахъ дѣла кладеть, не зря судимаго лица:
Достойнымъ судъ даетъ, мечемъ карать злы сердца.

Еще лѣвѣ „Прозорливость“.

Прошедшее все окомъ зритъ
И все грядущее объемлетъ,
Въ дѣлахъ разсудокъ здравый чтитъ.
Правдивы мѣры предпріемлетъ.

Далѣе, статуя „Изобиліе“.

Чтѣ къ удовольствію течеть изъ нѣдръ природы,
Все щедро рукой Богиня льетъ въ народы.

Между аллегорическими фигурами стояли „лавровыя деревья“. въ срединѣ коихъ на щитахъ горѣли вензеля Цесаревича Павла Петровича и его супруги Маріи Феодоровны. По сторонамъ были двѣ пирамиды. между которыми на двухъ обвитыхъ лаврами колоннахъ красовался вензель Екатерины II подъ императорской короной. Всю фигуру „храма Россійскаго благополучія“ вѣнчала летящая Слава съ трубой и распущенными свиткомъ, на которомъ былъ написанъ день, мѣсяцъ и годъ празднуемаго торжества.

При первомъ же открытии намѣстничества (15 Декабря) Ступинъ отправилъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ курьера и въ отвѣтъ на это, отъ 24 Декабря, послѣдовалъ собственноручный рескриптъ.

„Алексѣй Алексѣевичъ! Я съ удовольствіемъ получаю первое увѣдомленіе ваше объ открытии намѣстничества Нижегородскаго въ новомъ его образѣ. Воздавая справедливость вашимъ ревностнымъ трудамъ въ исполненіи воли моей, возлагаю на васъ изъявить благоволеніе мое и всему тамошнему обществу за ихъ признаніе къ моимъ попеченіямъ о благѣ ихъ. Отъ усерднаго ихъ содѣйствія ожидаю я наилучшихъ и совершиеннѣйшихъ въ томъ успѣховъ, пребывая въ прочемъ вамъ доброжелательная Екатерина“.

Объ окончательномъ открытии и устройствѣ присутственныхъ мѣстъ опять было донесено Императрицѣ, а отъ нея послѣдовалъ рескриптъ (3 Января 1780 г.):

„Не съ менышиемъ благоволеніемъ приняла я и вторичное ваше донесеніе о совершеніи открытия Нижегородскаго намѣстничества и о дѣйствительномъ вступленіи въ губернскомъ городѣ всѣхъ установленныхъ мѣстъ воправленіи должностей. Въ подвигахъ, всякому изъ васъ предлежащихъ, я желаю наилучшихъ успѣховъ на пользу общую, изъ коей единственно проистекаетъ вся моя благоугодность. Засвидѣтельствуйте всему тамошнему дворянству¹⁾ и всѣмъ прочимъ мое удовольствіе и благопризваніе усердія, съ каковыми они приняли мое о добрѣ ихъ попеченіе²⁾.“

Но, увы, намѣстничество просуществовало только 18 лѣтъ. Именнымъ указомъ Сенату 12 Декабря 1798 г. повелѣно раздѣлить Россію на 40 губерній; въ этомъ числѣ была и Нижегородская губернія, въ каковомъ рангѣ она остается и по сію пору.

П. Юдинъ.

¹⁾ Вѣроятно, при открытии намѣстничества, 22 Декабря 1779 г., состоялось первое въ Нижегородской губерніи дворянское засѣданіе и произведены первые выборы.

²⁾ Оба эти рескрипта тоже не напечатаны въ „Дѣйствіяхъ“ Нижегородской ученой Архивной Комиссіи.

СТИХИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Приписанные Θ. И. Тютчеву.

Въ сборниکѣ стиховъ князя П. А. Вяземскаго „Въ дорогѣ и дома“, изданномъ въ Москвѣ въ 1862 году, имѣется на стр. 181 стихотвореніе подъ заглавіемъ „Ночь въ Венеціи“. Въ немъ 15 строфъ, при чмъ первыя двѣ строфы (повторяющіяся въ концѣ стихотворенія) въ соединеніи съ двумя другими строфами, вставленными въ нихъ, даютъ полный текстъ стихотворенія Θ. И. Тютчева, помѣщенаго въ его „Сочиненіяхъ“, изд. въ 1900 году въ Петербургѣ на стр. 202, подъ заглавіемъ „Венеція“.

„Ночь въ Венеціи“ князя П. А. Вяземскаго, какъ значится въ примѣчаніи къ указанному сборнику (стр. 367), „написана въ 1853 году, напечатана въ разныхъ журналахъ и потомъ въ книжкѣ „За границей“ 1859 года“.

Въ „сочиненіяхъ“ же Θ. И. Тютчева подъ стихотвореніемъ „Венеція“ ничего не означенено; но всѣ стихотворенія размѣщены въ хронологическомъ порядке. При стихотвореніи предшествующемъ „Венеціи“ означенъ Декабрь 1852 г., а при помѣщеніи вслѣдъ за „Венеціею“ 1853 годъ, такъ что можно предположить, что „Венеція“, также какъ и стихотвореніе князя Вяземскаго, относится къ 1853 году.

Слѣдуетъ выяснить, какъ могли попасть четыре строфы стихотворенія князя Вяземскаго въ „Сочиненія“ Тютчева. Обратное предположить трудно во первыхъ потому, что послѣ двухъ начальныхъ строфъ (являющихся первой и послѣдней строфами у Тютчева) въ стихотвореніи Вяземскаго слѣдуютъ девять строфъ тѣсно связанныхъ, по содержанию съ первыми, и наконецъ, во вторыхъ, потому, что изданъ сборникъ князя Вяземскаго при жизни его, тогда какъ „Стихотворенія“

Тютчева напечатаны его дѣтьми черезъ 17 лѣтъ по кончинѣ поэта. Кстати можно думать, что свой сборникъ князь Вяземскій показывалъ Тютчеву, будучи съ нимъ не только знакомъ, но и друженъ, и, если-бы эти строфы были дѣйствительно Тютчевскими, то князь Вяземскій не преминулъ-бы сдѣлать соотвѣтствующую сноску.

Принявъ эти строфы за строфы князя Вяземского и основываясь на томъ, что въ перечнѣ стихотвореній, печатанныхъ впервыя и помѣщенному въ Тютчевскомъ сборнике 1900 года, стихотвореніе „Венеція“ не значится, можно думать, что оно перепечатано не изъ какого-либо повременного изданія, а изъ сборника, изданного вдовою Тютчева, такъ какъ и въ перечнѣ стихотвореній, съ указаніемъ первого мѣста и времени пхъ напечатанія, также этого стихотворенія нѣтъ.

Но печатаніемъ сборника Тютчевскихъ стихотвореній, изданного его вдовою, занимался Апполонъ Николаевичъ Майковъ, давній пріятель поэта, знатокъ и дѣятель Русской поэзіи. Какъ могъ ошибиться Майковъ? Единственно, что можно предположить, это, что эти строфы могли очутиться случайно въ бумагахъ Тютчева списанными его рукою, какъ понравившіяся ему и имѣющія дѣйствительно Тютчевскій характеръ *).

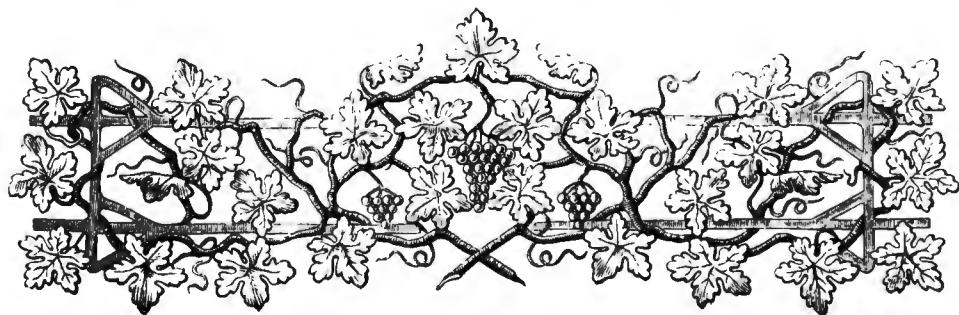
Различаются эти совпадающія строфы только тѣмъ, что у князя Вяземского одна строка читается: Умолкнулъ народный напѣвъ... А у Тютчева также строка: Умолкнулъ веселый напѣвъ...

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать вообще на близость предмета и вдохновенія у обоихъ поэтовъ. Когда князю Вяземскому удавалось возвыситься надъ нѣкоторой сухостью и прозаичностью, стихи его начинаютъ звучать по-тютчевски. Эту общность надо конечно искать уже въ свойствахъ ихъ дарования, и странно, что до сихъ поръ не обрашено должнаго вниманія на эту созвучность двухъ, казалось-бы, совершенно противуположныхъ по внутреннему своему складу писателей.

Ставрополь на Волгѣ.

Левъ Зиловъ.

*). По нашему мнѣнію, было напрасно поручать издание стиховъ Тютчева Майкову, который влюбленъ былъ въ стихи собственные, читать ихъ встрѣчному и поперечному, сердился, когда слушающій не выражалъ восхищенія или хоть бы одобренія прослушанному. Не таковъ былъ Тютчевъ, забывавший про стихи свои, даже наилучшіе. П. Б.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.

Императорская Академія Наукъ выпустила въ свѣтъ первый томъ бумагъ Н. И. Тургенева (1789—1872), содержацій въ себѣ любопытныя черты, какъ для его жизнеописанія, такъ и вообще для исторіи Русскаго просвѣщенія. Николай Ивановичъ былъ предпослѣднимъ изъ четырехъ Тургеневыхъ, сыновей Ивана Петровича († 28 Ф. 1807) который потерпѣлъ ссылку за свое сотрудничество Мартинисту Новикову, и Екатерину Семеновну (рожд. Качаловой † около 1822 г.), женщины властной, скопидомливой и строгой. Знали мы иѣкоего Адріана Федоровича Гомзякова, товарища братьевъ Тургеневыхъ по Университетскому пансіону. Онъ вспоминалъ, какъ въ Университетской церкви дириала она уши сыновьямъ своимъ, если они молились небрежно. Выросли люди чтѣ называется вышколенные, душесильные. Изъ нихъ старшій Андрей (1781—1803) закадычный другъ Жуковскаго, рано умеръ, едва успѣвъ проявить въ словесности и на службѣ свои необыкновенныя способности. Второй Александръ (1784—1845), другъ человѣчества, сотрудникъ Гааза, сдѣлался извѣстенъ повсюду. Разъ Соболевскій на своемъ письмѣ къ нему за границу написалъ: Тургеневу, Богъ знаетъ гдѣ, и письмо дошло. Намъ кажется, что въ Николаѣ Ивановичѣ выразились свойства его родителей. Преданіе увѣряетъ, что самыи даровитыи изъ братьевъ былъ иладшій, Сергѣй (1792—1827). Онъ служилъ съ отличиемъ въ Константинополь при баронѣ Г. А. Строгановѣ, но въ 1826 году такъ поразило его Донесеніе Слѣдственной Комиссіи, обвинившее Николая Ивановича въ преступныхъ замыслахъ, что онъ повредился въ умѣ. Уходъ за нимъ Жуковскаго и графини Генріеты Разумовской явствуетъ изъ ихъ переписки, въ 1-й книгѣ сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“.

Кто бы могъ подумать, что сотрудникъ желѣзного Штейна, сочинитель книги „Теорія налоговъ“, десятки лѣтъ обдумывавшій, какъ раскрыпостить помѣщичьихъ крестьянъ, увлекался въ молодости стихотворствомъ. Знатная часть вышедшей теперь книги наполнена его стихами, изъ которыхъ почти все, ей, ей, не хуже того, что появляется теперь (не говоря уже о пакостникахъ печати). Вотъ напримѣръ:

Ванька, ты ли не доволенъ
 Щастьемъ жизни твоей?
 Полно, полно, будь спокоенъ,
 Есть нещастнѣе тебя.
 Какъ тебѣ за то сердиться.
 Что удачи нѣть въ любви?
 Надо съ рокомъ помириться,
 Будь спокоенъ и терпи.
 Коль одна тебѣ сказала,
 Что не можетъ жить съ тобой,
 Въ поцѣлуѣ отказалася:
 Можно сердце дать другой.
 Можно въ Катеньку влюбиться,
 Коли Маша не мила,
 Потомъ Лизанькой плѣниться:
 Въ мірѣ семъ все суета.
 Какъ не глупо сокрушаться
 Отъ измѣны дорогой?
 Глупо, глупо такъ прельщаться
 И—живть въ свѣтѣ для одной.

Каминъ.

Во время скучное печали и нещастья.
 Когда все пасмурно и на дворѣ ненастье;
 Когда мой чижичекъ, повѣсивъ носъ, сидѣть,
 И все вокругъ меня, все Сентябремъ глядѣть;
 Когда, набравши дровъ, каминъ свой затоплю
 И синій огонекъ мѣхами раздуваю:—
 Тогда съ уныніемъ сажусь противъ него,
 Забывши цѣлый свѣтъ и друга своего,
 Бесѣдую одинъ съ моимъ воображеніемъ.
 И, видя ходъ вещей, и времени стремленье,
 Нещастье всѣхъ людей, ничтожность жизни ихъ,—
 Которая кратка, какъ самый скорый мигъ,—
 Теряюсь въ мысляхъ весь, себя самъ забываю.
 Но вдругъ смущенный взоръ въ каминъ я обращаю
 И вижу—угольки потухли уже тамъ.
 Вотъ участъ всѣхъ людей, награда суетамъ:
 Жаръ въ углѣ пропадаетъ, и уголь потухаетъ;
 Такъ, постѣ славы всей,—и смертный умираетъ.

20 Января. (1807) На сихъ дняхъ г. Милоновъ давалъ намъ *тирушку* (техніческій терминъ членовъ собранія) по случаю принятія его въ

сочлены нашего истинно-полезного собрания. Тутъ я повеселился. Потомъ сказали, что Соковнинъ, Антонскій, Милоновъ и азъ грѣшный пьяны (слово жестокое). Я не смотрѣлъ на это. На другой день въ Субботу прѣѣжаю въ пансионъ, меня требуютъ къ А. М. Смирнову, за тѣмъ—чтобъ шель къ Антону съ цифирою 3 (помноженному на три). Мне показалось низкимъ идти къ симъ господамъ, и я почелъ за нужное щѣхать домой¹⁾). Теперь Воскресенье, и завтра не намѣренъ щѣхать въ пансионъ: послѣ завтра присягать въ чинѣ переводчика, а тамъ можетъ быть въ Пятницу щѣхать въ Петербургъ²⁾). И *его* намѣреніе побранить меня А. А. А. пресъчется.—Лѣтъ за тридцать передъ симъ горѣли въ Москвѣ Дмитровка и Тверская. Вотъ что странно: у обѣдни на Тверской приходить человѣкъ въ коришневомъ кафтанѣ, съ сѣдой бородой, подаеть попу *памятцо*; попъ, желая послѣ молиться объ усопшихъ, находить тамъ извѣщеніе, что эти улицы будутъ горѣть, и Тверская совсѣмъ выгоритъ, что точно и исполнилось. Попъ прочелъ это всему народу; искали человѣка вездѣ, но тщетно. Это сказывала *Аграфена Минавна*. Въ ея время это случилось.

*

Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствиемъ заниматься Исторію: тамъ все говорить о томъ, что было и чего уже нѣтъ!... Такъ пишеть Карамзинъ, говоря очень съ выгодной стороны о Борисѣ Годуновѣ.

*

На сихъ дняхъ обѣдалъ у дядюшки Петра Ивановича Путятина сенаторъ и кавалеръ Николай Андреевичъ Беклемешовъ. Дядюшка спрашиваетъ его о дѣлѣ, которое въ Сенатъ. Сенаторъ говоритъ: не знаю. Оберъ-прокуроръ Титовъ говоритъ его превосходительству и дядюшкѣ, что оно уже послано изъ Сената. Сенаторъ говоритъ: *а, такъ это безъ меня!* Титовъ подходитъ послѣ къ Алексѣю Николаевичу Сухотину и говоритъ: *„экой сенаторъ, самъ подписанъ дѣло, а говоришь, что оно кончено и послано безъ него“*, т. е. онъ подписанъ, не зная самъ что. Это нѣсколько забавно, но не рѣдко.

*

2-ю Мая. Мысли на балконѣ (на Фуршадской улицѣ, въ домѣ цоганой Корфиши, гдѣ мы³⁾ нанимали противъ кирки).

¹⁾ Князь Вяземскій называлъ директора Университетскаго благороднаго пансиона „Трикратный Антонъ и на закуску Пропоновичъ“. П. Б.

²⁾ Въ Петербургѣ въ это время находился отецъ Тургенева, вскорѣ тамъ умерший. П. Б.

³⁾ Т. е. семья Тургеневыхъ; прѣѣждавшая на похороны Ивана Петровича (хороненнаго въ Невской Лаврѣ). П. Б.

Закурилъ трубку, сажусь я на балконъ. Первой предметъ, которой представляется глазамъ моимъ, есть *Садъ Таврическій*. Взоръ останавливается, и воображеніе дѣйствуетъ. Я представляю себѣ, отъ чего садъ сей называется *Таврическимъ*. Потемкинъ! Ты, думаю, быль причиною сего имени; ты назывался *Таврическимъ*. Отъ сада перехожу къ сему вельможѣ, бывшему предметомъ почтенія, уваженія и (даже) разговоровъ всей Россіи. Тутъ приходитъ мнѣ на мысль *Сонъ Радищева*, когда онъѣхалъ въ Москву (*Бѣда въ Москву*). Сей вельможа изъ ничего [достигъ] высочайшей степени величія, до которой можетъ достигнуть Россіянинъ. Но наконецъ забылся, возмечталъ о себѣ слишкомъ много и пожелалъ имѣть болѣе, быть еще славнѣе,—пожелалъ и потерялъ все, совершилъ все. Вотъ участь человѣка: блескетъ и потухнетъ на вѣки.—Тутъ бросаю взоръ въ другую сторону и вижу *Реформатскую церковь*. Вотъ, говорю я самъ себѣ, вотъ какъ люди удалены отъ натурального существованія. Вотъ церкви, различныя вѣры, различныя мнѣнія, но все вѣрятъ въ *Единаго Бога*. Кажется, сего довольно, мысли всѣхъ одинаковы въ существованіи Творца.

5 Іюня. Однажды сижу я задумавшись въ кофейномъ домѣ; вдругъ одинъ молодой человѣкъ, которой все вертѣлся, шѣя и свисталъ, подошелъ къ столу, подѣлъ меня стоявшему и, увидѣвъ на немъ лежащую табакерку, обернулся ко мнѣ и сказалъ голосомъ самымъ нѣжнымъ: „Смѣю спросить, чья это табакерка?“ Я отвѣчалъ, что моя; онъ вто-рилъ: „Извините мою смѣлость“. Потомъ, отпустивъ мнѣ еще съ пол-дюжины учтивостей такого рода, сказалъ, нѣсколько подумавши: „Линдгафтъ на вашей табакеркѣ превосходенъ“. Я сказалъ да.—Онъ: Вѣрно она изъ Парижа? Я: Нѣтъ. Онъ: Изъ Лондона? Я: Еще того менѣе. Онъ: Да скажите, сдѣлайте одолженіе. Правда, что изъ Лондона рѣдко выходить что-нибудь превосходное; но естѣли она не изъ Парижа, то я не понимаю, откуда она вывезена. Кто, кромѣ Француза, въ состояніи сдѣлать такую прекрасную вещь?—Я: Русской. О: Помилуйте, вы шутите, что ни сдѣлаетъ Русской, то все это пахнетъ Русскимъ. Я: Вы не ошибаетесь.—О.; Впрочемъ я люблю моихъ компатріотовъ. При всемъ ихъ невежествѣ и дикости, они добры, что называется по французски *bon homme*. И этого-то нельзя сказать по-русски. Я: (къ служителю) Подай мнѣ стаканъ воды. Погода пасмурна, мнѣ хочется снать. Служ. Нѣтъ, сударь, погода прекрасная (что въ самомъ дѣлѣ правда, но я чуть-чуть было не заснулъ отъ лепетанья сего повѣсы). Сей молодой человѣкъ, будучи человѣкъ свѣтской, слѣдовательно и проницательный, примѣтилъ, что я въ одну минуту сказалъ служителю болѣе, нежели ему въ тридцать или сорокъ, повернулся и отошелъ къ зеркалу, оправилъ жабо, вытянулъ манишку,

взбиль хохоль и такимъ образомъ по окончаніи своего туалета, обернулся назадъ, забилъ одну руку въ (нижнее платье) штаны, а другой рукавомъ начался чистить ихъ (штаны) и въ такой позиціи, нагнувъ шею, какъ бодрая лошадь, стуча каблуками, подошелъ ко мнѣ и вдругъ, вытянувши шею и вздернувъ и опустивъ носъ, зѣвнувъ, сказалъ: *A diable!* и пропѣль мнѣ: однимъ словомъ ваша табакерка восхитительна. Но, сказалъ онъ, подумавъ немного: вы, я думаю, знаете, что нынче почитается *du bon ton*—имѣть фаворитную націю. любить жителей ея болѣе прочихъ и стараться подражать имъ во всякой бездѣлицѣ. *Я.:* Нѣтъ не знаю. *О.:* Вы шутите, но шутки на сторону; вы по вашему задумчивому виду похожи на Англичанина, и вѣрно вы это имитуете. Признайтесь: вѣрно Англія ваша фаворитная нація?— *Я.:* Все это для меня не понятно, и не знаю, въ чемъ признаваться. *О.:* То есть, сказать вамъ однимъ словомъ: вы болѣе всего любите Англичанъ. *Я.:* Нѣтъ. *О.:* Ну такъ Французовъ? *Я.:* Нѣтъ. *О.:* Этому я вѣрю, ну такъ неужели Нѣмцовъ? *Я.:* Нѣтъ. *О.:* Да кого же? *Я.:* Я люблю людей честныхъ. *О.:* О, этотъ отвѣтъ много звачить. Неужели можно любить Нѣмца, хотя бы онъ быль разчестенъ. Вообще Нѣмцы всѣ такъ неловки, говорять все *des platitudes* и думаютъ, что говорять *bon mot*. Отъ нихъ вѣчно воняетъ табакомъ. Да нѣтъ, Нѣмцы совсѣмъ не привлекательны. Ну, и такъ вы естимууете честныхъ людей; это справедливо по вашему? *Я.:* Да. *О.:* Да скажите же, какая у васъ вообще фаворитная нація, какой народъ вы болѣе прочихъ любите и имитуете. т. е. подражаете? *Я.:* Вообще люблю болѣе Русскихъ, только не болтуновъ, обезьянничать никому не хочу, а научаться хорошему и полезному стараюсь у всякаго. Довольно ли? *О.:* Какъ, Русскихъ? *bravo!* вотъ забавно—любить Русскихъ, этихъ бородачей, этихъ невѣждъ, варваровъ. *Я.:* Ежели ты, повѣса, осмѣлишься еще розинуть ротъ для хулы Русскихъ, которымъ ты быть не достоинъ и чѣмъ я горжусь, то берегись; вызвать тебя на поединкѣ будетъ для тебя много, и ты этого не стоишь, но вотъ взгляни на мою палку и знай, что она заставитъ тебя молчать, ежели слова мои на тебя не подѣйствуютъ.

Молодой повѣса вздумалъ было горячиться, вызывать меня на дуэль, но узнавъ, что противъ его шпаги я хотѣлъ драться палкою, которую на него погрозился, отвернулся отъ меня, засвисталъ и пошелъ вонъ.

Дни черезъ два увидѣлъ я въ томъ же кофейномъ домѣ одного моего пріятеля; подле него сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ, имѣющій отъ природы прекрасныя дарованія и обогатившій умъ свой большими свѣдѣніями. Мой пріятель говорилъ ему о философіи и старался направить его неопытный умъ на путь истины и философіи.

10 Июня. Я рассказалъ моему пріятелю о семъ шалунѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что этотъ повѣса живеть у какой-то графини или княгини, ъздить во Французскія лавки покупать *bonnets*, *ridicules* и разныя тому подобныя глупыя мелочи, привезенныя изъ Парижа; что иногда дѣти сей гр. или кн. даютъ ему щелчки въ ность, какъ сказано въ Евгениѣ Лукичѣ Развратинѣ, дерутъ (оттягиваются) уши, и безъ того длинныя. Знакомый моего пріятеля, услышавши нашъ разговоръ, сказалъ, что онъ въ тотъ день былъ у сей Графини или Княгини и самъ слышалъ, какъ этотъ шутъ разсказывалъ о семъ происшествіи съ большимъ жаромъ и въ заключеніе сказалъ, что онъ меня вызывалъ на дуэль, и что я струсилъ. Я спросилъ у сего знакомаго, кто такой этотъ шутъ? Онъ сказалъ, что это Полякъ, перекрестившійся въ Греко-Россійскую вѣру. Я сказалъ ему: я уже его знаю, но естьли бы и не знать, то не очень бы хорошихъ былъ о немъ мыслей, узнавъ, что онъ Полякъ да еще въ добавокъ—и перекрестившійся!

10 Июня. Дня съ три тому назадъ, какъ шелъ сильный дождикъ и какъ я сидѣлъ подъ открытымъ окошкомъ и писалъ предыдущій вздоръ. И читать-то этого никогда не стану; выдраль бы (нѣть, не выдralъ бы) вонъ сей листъ, да нѣть, на что же? Третьяго дня я купался ввечеру подъ колодцемъ; вода преходная. Федъка тоже купался, но очень много и отъ того, кажется, на другой день занемогъ.—Вчера послала меня матушка къ родимой моей тетушкѣ, которая всегда говорить, что меня любить и сдѣлаетъ наслѣдникомъ послѣ своей дочки (какъ будто бы мнѣ ея наслѣдство и любовь нужны; что наслѣдство, чтѣ любовь ея для меня совершенно одно; я всѣмъ равно пренебрегаю). Любовь человѣка, котораго я самъ люблю и почитаю или просто люблю, который мнѣ по сердцу, любовь, говорю, такова человѣка гораздо для меня лестнѣе и пріятнѣе наслѣдства его или какого-нибудь другого.

Хотѣлось бы побывать въ армії, подраться, только чтобъ не тяжело ранили. А впрочемъ естьли убьютъ, то будетъ и безъ меня довольно на землѣ дураковъ.

26 Июля 807. Нынче Середа. Третьяго дня, въ Понедѣльникъ, было гулянье на Трехъ Горахъ и на Прѣсенскихъ Прудахъ. Я отъ скучи поѣхалъ. Прежде всего заѣхалъ я на травлю медвѣжью, въ первый разъ отъ роду. Вхожу, заплативши 25 копѣекъ (за что же? за то, чтобы посмотрѣть на нещастныхъ животныхъ и удивляться варварству людей; и потому этихъ 25-ти копѣекъ мнѣ было жаль, ибо зрѣлище сіе мнѣ ничего болѣе не показало, какъ новый опытъ подобія человѣка лютымъ звѣрямъ), и первый предметъ, представляющійся моимъ глазамъ, былъ—нещастная медвѣдица, привязанная къ кольцу

въ землѣ, безъ ушей и безъ губы, которыя оторвали собаки. Я спрашивалъ у стоящаго подлѣ меня извозчика, что это за медвѣдь, и онъ мнѣ отвѣчалъ: „Это, баринъ, Машка Воробьевская“. (Марія Египетская, естьлибъ ты знала, какъ святое имя твое употребляется во зло!). Вдругъ привели двухъ страшныхъ собакъ и какъ скоро скроили ихъ спустили. то онъ бросились въ уши медвѣдю, которой зачали защищаться, но псарники (люди, которые врядъ ли не свирѣпѣ еще сего медвѣдя) оттащили собакъ посредствомъ рычаговъ. Собакъ отвели. У медвѣдя текла кровь изъ ушей и рта. Медвѣдя увидѣли. Вдругъ партеръ (точно партеръ, потому что зрители стояли на землѣ) взбунтовался. *А! Егорку, Егорку!* кричали всѣ мужики. Я опять спросилъ у своего сосѣда, что это за Егорка? Онъ отвѣчалъ: „Это, баринъ, знатной медвѣдѣ, одинъ всѣхъ собакъ переломаетъ. Ужъ лить съ б его травятъ“. Вдругъ трое псарниковъ тащатъ на арканѣ упомянутаго Егора. О, о! Вотъ тутъ-то будетъ потѣха! говорилъ (или все равно кричалъ) партеръ. Но и Егора собакъ съ шесть или семь, очень страшныхъ, отдѣлали такъ же, какъ и Марью. Партеръ аплодировалъ ха, ха, ха и Русскими бон-мо (т. е. имянемъ матери съ прилагательнымъ). Потомъ привели другую Машку Серебрянскую, по словамъ моего сосѣда, очень въ этомъ свѣдущаго. Это былъ самый лютѣйшій изъ медвѣдецъ, сломавъ подъ себя двухъ собакъ. Одинъ изъ псарниковъ сказалъ мнѣ, что онъ живѣть у хозяина за 50 р[ублей] въ годъ за то, чтобы въ будни кормить не-щастныхъ животныхъ, и въ Воскресенѣе и другіе праздничные дни увеселять ими почтеннѣйшую публику, и прибавилъ, что сія Машка была *самый лютѣйший звѣрь*. Въ продолженіе всей травли народъ между коимъ и мой сосѣдъ, восхищались, и сосѣдъ мой разсказывалъ мнѣ все съ охотою и (жаромъ) антиглазомъ. (Я вздохнулъ и пожалѣлъ!). Послѣ сего 10 человѣкъ привели еще двухъ медвѣдей и пустили ихъ другъ на друга. Они боролись. По окончаніи сего одинъ изъ псарниковъ закричалъ: *Иванъ Сидорыч!* Я спросилъ у свѣдущаго моего сосѣда, не еще ли приведутъ медвѣдя, которого зовутъ Иваномъ Сидорычемъ. Нѣть, сказалъ онъ, усмѣхнувшись: какой медвѣдь! Это самъ хозяинъ. (Я подумалъ, что сей хозяинъ малымъ чѣмъ отличается отъ Егорки или Машки).—Потомъ побѣжалъ на Три Горы и думалъ: должно ли запретить сіи варварскія забавы; думалъ и заключилъ, что не должно; ибо это составляетъ важное увеселеніе для простаго народа, который долженъ имѣть свои забавы, увеселенія.

Потомъ пріѣхалъ на Прѣсненскіе Пруды, народу было тьма. Берега отъ прудовъ превысокіе и всѣ были усыпаны, нѣть: *уличлены* зрителями. Пріятная пестрота. Эта картина болѣе всего мнѣ понравилась, болѣе самаго фейерверка, очень хорошаго.

*

28 Июня. Вчера былъ я въ Архивѣ*) и занимался перетаскиваниемъ столбцовъ изъ шкаповъ въ сундуки. Какой вздоръ! Чѣмъ занимаются въ Архивѣ; и еще Каменскій сердится, зачѣмъ рѣдкоѣздятъ. (Я переводчикъ, значить или.... Тамъ есть переводчики, которые не переводятъ, а переносятъ старые столбцы (Полинька глупинькой Горчаковъ возилъ столбцы на рогожкѣ!); слѣд. изъ переводчиковъ дѣлаются перенощиками и перевощиками.

*

10 Июля. 7-го числа былъ празднованъ здѣсь миръ. Весь городъ былъ иллюминованъ. Вчера же было гулянье на Тверскомъ бульварѣ, и горѣлъ тотъ же щитъ, что противъ дому генер.-губ. Тутолмина; потомъ еще были нѣсколько подобно пирамидамъ иллюминацій и плясали Цыганки и самъ славный Ванька Цыганъ тоже плясалъ. Есть Цыганки очень изрядныя лицомъ и фигурою, очень, очень изрядныя, но только, я думаю, ввечеру, а на завтра, когда онѣ смоютъ бѣлила и румяна, будуть очень, очень посредственны и даже не совсѣмъ пріятны, чemu я видѣлъ примѣръ въ Липецкѣ. Народу было тьма, а особливо около картины. Вдругъ полицейскій говорить: *прошу распространиться.—Что такое?* Вдругъ видѣнъ Тутолминъ со всей своей свитой; какое глупое важничество (естьли можно такъ сказать)! На верху картины видны были стихи Мерзлякова, не слишкомъ хороши; да правда, и поэту не легко написать на заказъ четыре стиха, сильныхъ и выразительныхъ.

Каковъ-то будетъ миръ, не известно, проченъ ли? Но вообще думаютъ, что онѣ не можетъ быть продолжителенъ, или проченъ, или выгоденъ для насть: и миру сему, кажется, не такъ радуются, какъ бы надобно радоваться *миру* въ пространномъ смыслѣ сего слова. При словѣ *Миръ* чѣмъ воображаетъ *каждый?* Отдыхающихъ человѣковъ: водворяющееся спокойствіе, торговля, науки, искусства, художества, все оживаетъ, все пріемлетъ видъ новый, радостный. *Миръ* можно сравнивать въ семъ случаѣ съ животворною *Весною*. По наступленіи весны вся природа обновляется.

На бульварѣ же видѣлъ я еще старшаго Родиона Быкова, который учился въ Пансіонѣ. Онѣ ходить съ подвязанной рукой, какъ раненый на сраженіи, откуда пріѣхалъ; служить въ гвардіи; собой очень не дуренъ.

*) Иностранныхъ дѣлъ, где Н. И. Тургеневъ состоялъ на службѣ. И. Б.

11 Июля. Вчера былъ я въ благородномъ собраниі, куда могъ идти всякий, дворянинъ. Было очень много купцовъ, даже были въ Русскомъ платьѣ. Фед. Михайл. Золотаревъ, купецъ знакомый, былъ и звалъ меня къ себѣ въ лавку. Но это ничего, что были купцы; много было и хуже ихъ дворянъ, напримѣрь Университетскіе студенты, профессорскія дѣти, сами профессоры, канцелярскіе служители: всѣхъ сихъ скотовъ я не промѣнялъ бы ни на одного порядочнаго купца. Потомъ былъ ужинъ. Я ужиналь. Говорять, было 400 кувертовъ. Я поѣлъ изрядно; была давана водка и красное вино. Еще пили тамъ лимонадъ: но я не пилъ, потому что не съ кѣмъ было. То-то кабы былъ Сергій Карповъ, Иванъ Базилевскій, старинные пріятели: мы болѣе порадовались бы за ужиномъ *миру*. Нѣть ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ совершенно вольно обращаться, такъ, какъ съ ними. Было множество посѣтителей. Все не то, естьли не съ кѣмъ раздѣлять удовольствія. И удовольствіе тогда только можетъ называться удовольствіемъ, когда оно раздѣляется съ подобными себѣ. Это известно и доказано. Я, помнится, читалъ и въ *Ricelle* эту же аксіому, но только въ другомъ смыслѣ.

14 Июля. Третьяго дня былъ я на Прѣсненскихъ Прудахъ: все еще по случаю мира веселятся. Народу было множество. Часу въ 11-ть была такая тѣснота, что съ очень большимъ трудомъ можно было прорваться сквозь народъ для выходу и то тѣмъ, кто привыкъ толкаться или кто смотрѣть на это съ равнодушіемъ такъ, какъ я. Минѣ все бы равно хоть еще раза два пройти. Тамъ видѣлъ я Лаптева, который пріѣхалъ изъ арміи: на немъ Прусская лента котораго-то Орла, бѣлая въ сердинѣ, а по краямъ жолтая. На него смотрѣли: иные говорили, что это Польская, и даже спорили. Да и часто такъ бываетъ: многіе спорятъ, сами не зная о чёмъ. Философы, богословы и подобные имъ спорятъ о душѣ, не понимая, о чёмъ спорятъ: спору ихъ никто рѣшить не можетъ. Да и странно, какъ спорить о томъ, чего никакой умъ человѣческій постичь не можетъ. Они берутъ на себя слишкомъ много.

Въ Вѣстникѣ М. Каченовскаго à propos пишутъ, что Нѣмцы, претерпѣвшіи много неудачъ и не находя ничего (утѣшительнаго) на землѣ, бросились на небо и (тамъ) открыли двѣ планеты. Прямые Нѣмцы; какъ ни говори, а они смѣшины.

15 Июля. Мы нынче получили отъ брата А. И. письмо, и онъ пишетъ, что уже пріѣхалъ въ П[ете]рбургъ. Онъ ёздилъ съ Новосильцовыми къ арміи съ Государемъ.

Нынче день прехододный. Вчера былъ я въ Сокольникахъ, гдѣ былъ обще-народный праздникъ по случаю мира. Все поле было усеяно народомъ, и изрѣдка были видны шатры, возвышенныя мѣста для

комедіи, гдѣ плясали по канату и проч., пѣли фабричные, Цыгане, играла музыка. Картина прекрасная. Былъ дождикъ, но это ничего. Во время дождя я сталъ въ палатку, гдѣ были Тутолминъ, кажется, Мордвиновъ, начальникъ Моск[овской] милиціи, сенаторы: Дмитріевъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч. подобные имъ. Въ десятомъ часу зачали зажигать плошки. Одинъ полицейскій, подобный какому нибудь Алексѣю Алексѣичу, говорилъ Цыганамъ, которые не пѣли, между тѣмъ какъ мужики сего требовали: *Пойте для увеселенія публики.* Минѣ это странно показалось. Потомъ начался фейерверкъ. Я стоялъ на хорошемъ мѣстѣ. Подлѣ меня стояли три Нѣмки и съ ними, кажется, актеръ бывшаго Нѣмецкаго театра, Галтенгофъ, который хорошо поетъ, но не для меня. Одну изъ Нѣмокъ нѣсколько сдавили; она плакала и ушла въ коляску. Одна изъ нихъ молоденькая, очень изрядная собою и очень хорошо говорить по-русски. стояла подлѣ меня и по уходѣ благодарила меня за то, что я ее сберегаль. Это спасло ее, что она изрядная собою, а то бы я столкнулъ ее, потому что она Нѣмка. Тутъ были православные Русскіе мужички. Я ихъ просилъ не толкаться, только просилъ. Другой же дуракъ со шпагою ударилъ одного палкою. Это мнѣ показалось очень досадно.—Этотъ праздникъ былъ по большей части для народа. Нѣть ничего досаднѣе поганыхъ полицейскихъ, которые при полицеймейстерѣ Иванкинѣ (очень учтивомъ и добромъ) говорять народу очень учтиво, но когда онъ отвернется, то и зачнутъ поталкивать да бить. О подлецы! Бить же народъ было запрещено. Фейерверкъ былъ прекрасный, очень превосходный. Еще были зажжены лагуны, т. е. смоленія бочки, дымъ отъ которыхъ былъ страшный. Жаль только, что для православныхъ не было ни пивца, ни винца, а то тѣ ли бы было. Тутъ-то бы они порадовались.

Всего пріятнѣе картина многочисленнаго народа, которымъ все поле было усѣяно. Тутъ я видѣлъ г. Плетенева, который славно пишетъ (т. е. почеркъ хороши) и дѣлаетъ разныя штуки перомъ. Я у него и сперва дома и въ Пансіонѣ учился и получилъ изъ его класса портретъ Вольтера, имъ перомъ сдѣланный.

6 Августа. Вотъ сколько протекло времени, въ которое я не бралъ въ руки своего *Бреда*. Причиною тому самъ не знаю что. Часть этого бездѣйствія проведена мною въ Княжевѣ. Я провелъ тамъ четыре дня не очень веселыхъ: былъ раза два или три у Воейкова, самаго ближняго сосѣда. Я знакомъ съ его сыномъ, съ которымъ учился въ Пансіонѣ. Этотъ Воейковъ надѣлъ довольно шуму въ Пансіонѣ. Чѣмъ же, спросишь ты, Н. Т., можно надѣлать шуму въ Пансіонѣ? Очень, очень рѣдко, отвѣщаю я, или почти никогда, прилежаніемъ, и часто, очень часто, или почти всегда изряднымъ лицемъ. Вотъ порохъ,

который всегда сопровождается съ общественнымъ воспитаніемъ, и которой имѣть очень пагубное вліяніе на здоровье мальчиковъ, которые натурально, по молодости своей, не знаютъ, чѣмъ они жертвуютъ ми-
нутному, менѣе нежели скотскому наслажденію. Менѣе нежели скотскому, говорю я, потому что страсти въ сихъ нещастныхъ мальчикахъ еще ничего не могутъ произвести, между тѣмъ какъ скоты приступаютъ къ сему не прежде, какъ будучи побуждаемы самою природою. Я не говорю здѣсь объ этомъ Войковѣ, но вообще о всѣхъ нещастныхъ жертвахъ, которыхъ незнающіе родители ввѣряютъ таковому обществен-
ному воспитанію, каковъ сей Пансіонъ. Нѣкоторые, имѣющіе состояніе, дабы воспитывать дѣтей своихъ дома, думаютъ (совсѣмъ несправедливо), что въ Пансіонѣ можно лучше быть воспитану. *Нѣтъ!* они ошибаются и очень грубымъ образомъ. Надобно войти во всѣ подробности сего общественного воспитанія. Какъ можно оставлять мальчика лѣтъ 12 или и болѣе на его произволъ? (Конечно на его произволъ, потому что въ Пансіонѣ ни къ чему принудить не можно). И какъ полагаться на надзирание какого-нибудь Нѣмца (Фрейденрѣхъ), который получаетъ за надзiranіе 50 или 60 и который обучаетъ сверхъ того каждый день за 200 или 150 руб., или университетскаго студента, каковъ Алекс. Загорскій, который только что читаетъ по-русски; какъ, говорю, полагаться на надзiranіе такого невѣжды, какъ ввѣрять не-
винныхъ младенцевъ такимъ необразованнымъ людямъ? О нещастныя жертвы! Я произнесъ сіи слова, и сердечный вздохъ невольно выле-
тѣлъ изъ глубины моего сердца. Я самъ былъ лѣтъ 8 въ семъ Пансіонѣ, но не [въ] таковомъ положеніи, я былъ полу-пансионеромъ. это совсѣмъ не то. Самъ видѣлъ нещастныхъ, которые надолго загу-
били себя. Всѣхъ бы (начальника Антонскаго и надзирателей) не жалко перевѣшать. Начальникомъ тутъ давно уже Антонскій, профес-
соръ энциклопедіи—этого довольно, чтобы дать понятіе о его позна-
ніяхъ.

Матушка пишетъ изъ Петербурга, что дѣло ся съ И. В. Лопухи-
нымъ вѣльно разобрать въ общемъ Петерб. Сената собраніи. Вотъ загадка этотъ И. В. Такой рѣдкой человѣкъ и какъ себя замарывается въ мысляхъ благомыслящихъ людей. Я не говорю—вспѣхъ людей, по-
тому что злословіе коварныхъ пустомелей кромѣ чести ничего про-
извести не можетъ.

19 Августа. Поѣхалъ я сегодня въ Донской монастырь посмотретьъ ходъ. Сергій уговорилъ меня. Слышалъ проповѣдь архимандрита Виктора, которой говорилъ, что не въ наружности состоить почитаніе иконъ, но во внутренности, что Тихвинская, Казанская, Донская и проч. всѣ равны. Но Матрена Павловна Салтыкова, 80 лѣтняя ста-

руха, осердилась на него, зачѣмъ онъ со всѣхъ сторонъ монастырскаго собора велѣль нарисовать Донскую Богородицу, а не различныхъ. Эту старушенку и нынче и въ Успенськъ день въ соборѣ видѣлъ я уже согбенную и насили таскающуяся, но разбѣленную и разрумяненную и имѣющу лицо синее. Говорятъ, что она все свое имѣніе употребила на украшеніе церквей, чтѣ не совсѣмъ полезно. (Она не пропускаеть ни одного церковнаго праздника, гдѣ бы ни была. и лакеи ея, столь же старые, но въ ливреяхъ еще древнѣйшихъ, ходять по церкви и почитаются себѣ людьми надобными, подобно какъ ходять глупые дьяконы, которые, крича во все горло, думаютъ, что они столь же велики, какъ бы и Бонапарте. А. А. Антонскій отозвалъ насъ обѣдать къ брату своему Виктору, чтѣ мы (или по крайней мѣрѣ... въ точности исполнили. За обѣдомъ 8 разъ пили здоровье Шампанскимъ (но жаль, что не по полной рюмкѣ), при пѣніи синодальными пѣвчими многолѣтія. Послѣ обѣда, когда на ланитахъ святыхъ отцевъ заигралъ живѣйшій (и вмѣстѣ очень яркій) румянецъ, преосвященный Августинъ, Московскій викарій (съ котораго, какъ говорятъ, Владимиръ, сынъ нашего Каменскаго, взялъ сколько-то сотъ за то, что старался о бриліантовой парадіи, которую ему прислали) пошелъ со всѣми въ садъ. гдѣ посреди высокихъ липъ, пьяныхъ монашескихъ Харитона Чеботарева лицъ и бон-мо оберъ-секретаря Сандунова, приносить чистѣйшую жертву Бахусу прекраснымъ пуншемъ, пивомъ и Венгерскимъ. Моисей, ректоръ Академіи, во цвѣтѣ лица своего, очень много вралъ и, между прочимъ, не будучи со мною знакомъ, звалъ меня къ себѣ. Августинъ тоже звалъ когда-нибудь на вечеръ. Антипъ, ключарь Успенскаго собора, набивалъ бездонные карманы чоповскіе грушами. Племянникъ Платоновъ, протопопъ, вралъ не менѣе другихъ, но только мнѣ на ухо.

Брату Александру Ивановичу хочется непремѣнно, чтобы я Ѳхалъ въ чужie края и въ особенности въ Гётtingенъ. Не знаю, что онъ въ этомъ находитъ для меня полезнаго. Ежели судить по себѣ, то: *не всѣмъ старцамъ во тумнахъ быть*. Мой планъ Ѳхать лѣтъ на 5 по бѣлу свѣту потаскаться, удовлетворить любопытству, имѣть отъ того приятныя для сердца воспоминанія и сказать: я былъ въ Китаѣ, Америкѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Болѣе ни на что не претендую.

*

8 Сентября (1807) я началъ ходить въ Университетъ на лекціи и чувствую ихъ пользу.

Почти всѣ лекціи преподаются въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы въ-когда жили*). Это производило во мнѣ разныя впечатлѣнія. Потомъ

*) Т. е. когда ихъ отецъ былъ директоромъ Московскаго Университета. П. Б.

скажу, что нынче былъ я въ Университетѣ, въ годовомъ собраніи общества испытателей природы. Предсѣдателемъ тутъ гр. Ал. Кирил. Разумовскій. И удивительно, что онъ ничего не говорилъ въ продолженіи сего собранія. Какъ президенту, надобно бы ему было сказать какую-нибудь рѣчь. Секретарь сего общества, г. Дружининъ (директоръ народныхъ училищъ) говорилъ, что они дѣлали, кто у нихъ членами, и между прочимъ жаловался, что у нихъ въ собраніи нѣтъ денегъ. но что, прибавилъ онъ, г. г. члены сдѣлаютъ вспоможеніе. Какая подлость и, что называется, не *у мѣста* (*déplacé*)! Послѣ многихъ Французскихъ рѣчей, г. Каразинъ (тоже членъ) говорилъ рѣчь на Русскомъ. Каменскому (сыну) она понравилась, но мнѣ и Буринскому нѣтъ.

Въ рѣчи сей нѣтъ, во первыхъ, связи и предметъ очень обыкновененъ. (Онъ говорилъ, что у насть мало своего, но что все иностранное; критиковалъ Русскихъ, какъ и всѣ другіе, т. е. чтоѣздятъ въ чужіе краи расточать имѣніе и проч.). Срокъ десять прочиталъ онъ объ окаменѣlostяхъ, которыя собралъ около Москвы. Но предисловіе, или лучше сказать, критика его была почти на двухъ страницахъ. Впрочемъ гладко написано и довольно изрядно. Жесты же его были очень не *у мѣста*; произношеніе тоже не хорошо. Графскіе музыканты и пѣвчіе дурно играли роли свои; но что касается до *Перовскаго* (побочнаго сына графа, который сдѣланъ студентомъ), то онъ игралъ роль свою превосходно: т. е. роль дурака!

Нынче же прислали кресты А. А. Антонскому, Керестури, и Политковскому—Анны 2-й, а *Стражову*, который былъ ректоромъ. Анны 2-й съ бралантами. Антонскій отмѣнно радъ, и Керестури, говорятъ, тоже. Завидные люди (не по кресту, а потому что радуются).

27 Сентября. Я еще не писалъ *къ моемъ Бредѣ* *) о настоящемъ моемъ бредѣ, т. е. о философіи, которую я теперь занимаюсь. Будучи въ Пансіонѣ, думалъ я, что надобно знать только одни языки, и что тотъ ученой человѣкъ, кто знаетъ къ тому Исторію и Географію: но теперь думаю, что учение пансіонское не заключаетъ въ себѣ всего нужнаго.

— Le but de la Philosophie est de connoître les lois de penser et d'agir.

Вотъ какъ у насть пописываютъ; но вопросъ, такъ ли понимаютъ? Отвѣтъ коротокъ. не поскучай выслушать: *нѣтъ!*

Космополитъ значить *Weltbürger*. Нѣкоторые ученые почитаются себя и почитаемы космополитами, какъ мнѣ помнится.

*) Такъ называлъ Тургеневъ свою записную книжку. И. Б.

O ciel! que de vertus vous me faites haïr. *Corneille*. Это сказала Ninon de Lenclos, славная въ свое время и въ своемъ родѣ, одному маркизу, которой старался ей себя выхвалять. Извѣстенъ трагическій конецъ побочнаго сына ея. Онъ воспитывался не у матери и лѣтъ 20-ти былъ представленъ ей какъ молодой человѣкъ просто. Онъ по нещастію въ нее влюбился, открылся—и застрѣлился, узнавъ отъ нея, что она его мать. Она очень огорчилась. Брать Ал(ександъ) Ив(ановичъ) между прочими картинами подарилъ намъ и ея портретъ, въ которомъ много правильнаго, хорошаго, но *не милого*.

4 Октября. Въ письмахъ чувствительнаго философа нашелъ я довольно изряднаго. Книга эта очень бы понравилась тому, кто не читалъ еще книжъ въ этомъ родѣ. Съ удовольствіемъ прочиталъ бы ее года за два передъ симъ. Въ одномъ письмѣ нашелъ я выраженіе сего философа, представляюще гордыхъ людей: *ils rampent avec orgueil sur la surface de la terre*. Оно мнѣ понравилось; понравилось—и внесено въ Бредъ. Однажды случилось, что сей философъ доказалъ за столомъ у графа (у коего онъ жилъ учителемъ для сына) одному молодому безбожнику, доказаль существованіе Бога, представляя Его хозяиномъ дома, въ которомъ всѣ Ѳли и пили лучшее, не зная, кто ихъ кормить. Стара шутка, сказаль я самъ себѣ. Это еще я у Снѣгирева слышалъ (когда онъ училъ катехизису). Письма кончаются тѣмъ: сей философъ Montendre, сообщаетъ другу своему Saint-Tieu, котораго сестра идетъ за него по любви, что узнать въ графѣ своего отца, а графъ узнать въ немъ сына, въ существованіи котораго онъ отчаялся болѣе 20 лѣтъ.

Невольники (рабы) всѣхъ возрастовъ и націй составляли важный предметъ торговли во всей Греціи. Жадные торгаши (*négociants*) выставляютъ ихъ, какъ негодный товаръ, на площадяхъ; и когда является покупщикъ, то они заставляютъ ихъ плясать, дабы можно было судить о ихъ силѣ и проворствѣ. Когда рабы не исполняютъ своихъ должностей, то господа ихъ могутъ и сковывать, осуждать вертѣть камень (*meule*)¹⁾ на мельницѣ, запрещать имъ жениться или развести съ женами, но не имѣютъ власти надъ ихъ жизнью; когда съ ними поступаютъ жестоко, то заставляютъ ихъ бѣгать или, по крайней мѣрѣ, имѣть убѣжище въ храмѣ Тезея. Въ семъ послѣднемъ случаѣ они требуютъ перейти въ услуженіе къ другому господину, менѣе жестокому, иногда (успѣваютъ) имъ удается избавиться отъ ига тиранства, кот(орое) во зло употребляло ихъ слабость.

(У насъ и этого нѣтъ!).

Невольники должны были брить свои головы, но они покрывали ихъ (колпаками, шапками, *bonnets*). Ихъ одежда должна была прости-

¹⁾ На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: „*meule*—точильный брусь“.

раться только до колѣнъ, но многіе изъ гражданъ носили также. Запрещено, подъ опасенiemъ очень великихъ наказаній, бить¹⁾ чужихъ невольниковъ (не своихъ), ибо всякое насилие есть преступленіе противъ государства и пр.

(Также и этого у насъ нѣтъ).

Когда рабъ отпущенъ на волю, то онъ не переходитъ въ классъ гражданъ, но въ классъ водворившихся (*domiciliés*. водворенныхъ), кот(орый) приближается къ сему послѣднему—свободою, а къ классу рабовъ—малымъ уваженiemъ, кот(орымъ) онъ пользуется.

Вчера мнѣ одинъ хозяинъ корчмы, Русской купецъ, слишкомъ много нагрубилъ: я его за это очень изрядно и побилъ.

20 *Июня*. Я въ Петербургѣ! Какая перемѣна въ моей Бѣлой Книгѣ! Ровно другую недѣлю я живу здѣсь. Признаюсь, что съ Москвой разстался я не равнодушно. Со многимъ не хотѣлось разставаться. Но такъ и быть! Я выѣхалъ за заставу, вздохнулъ и сказалъ Москвѣ: прости—и можетъ быть на вѣки!²⁾ Я очень любовался окрестностями Москвы и Петровскаго дворца, наслаждался свѣжимъ воздухомъ и дышать хотя и свободно, но все оборачивался къ Москвѣ и заочно прощался съ милыми сердцу моему. Пріѣхавши въ Клинъ, выпилъ въ трактире водки, поѣхъ и опять поѣхалъ. Въ Твери написалъ письмо къ матушкѣ, которое она и получила. Тутъ догналъ меня Вельяминовъ, тотъ плакавый мальчишка, надъ кот[орымъ] баронъ Швенгфельдъ смеялся въ Пансіонѣ и кот[орый] былъ всегда предметомъ моей жалости и нѣкот[ораго] презрѣнія. Я и въ семъ случаѣ не перемѣнилъ чувствъ своихъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, что я прежде поклонюсь ему, и для того не кланялся мнѣ. Я думалъ иначе.—и такимъ образомъ мыѣхали верстъ съ 200 вмѣстѣ, вмѣстѣ останавливались, но не говорили ни слова другъ съ другомъ. Поѣхавши изъ Твери ночью, я заснула и потеряла свою шапочку и платокъ, въ ней бывшій. Пріѣхавши, я просилъ Василья собѣгать назадъ и поискать. Между тѣмъ я остановился. Темная ночь, маленькой осенній дождикъ (который) моросить, лошади, ходящія въ лѣсу съ заунывными колокольчиками, шумъ вѣтра, вѣющаго между листьевъ.—все это располагало душу мою къ мечтамъ печальнымъ. Двѣ станціи принужденъ я былъѣхать безъ картуза и за цѣлую дорогу безъ платка. Въ Торжкѣ же Василій

¹⁾ На поляхъ прибавлено: „infiger определить наказаніе“.

²⁾ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, будучи на пять лѣтъ старше брата Николая и на восемь Сергея, руководилъ ихъ судьбами. Онъ учился въ Гетингенѣ и настоялъ чтобы братья тудаѣхали: самъ же онъ уже состоялъ на службѣ при Новосильцовѣ, съ которымъѣздилъ на войну 1807 года, кончившуюся Тильзитомъ. Тамъ, вѣроятно, узналъ его императоръ Александръ Павловичъ, при которомъ потомъ Тургеневъ имѣлъ значеніе въ Петербургскомъ служебномъ мірѣ. П. Б.

купилъ мнѣ картузъ, кот[орый] покрывалъ вмѣстилище ума и вкуса до самаго П.бурга.

*

Ротши. Полночь. Пріѣхавши сюда, я узналъ¹⁾, что здѣсь скончался императоръ Петръ III-й. Мы (т. е. съ г. Куницинымъ) съ товарищами, г. Воронковскимъ, Чижевымъ и Соловьевымъ пошли ко дворцу, который показался намъ великолѣпнымъ и со вкусомъ построеннымъ. Посмотрѣвши немного на дворецъ, пошли въ садъ. Тутъ попался намъ садовникъ, Англичанинъ, который, спросивши мою фамилию, куда їдемъ, повелъ насъ по саду. Садъ очень хороши, особенно понравилось мнѣ множество каскадъ: они, сливаясь съ другими, составляютъ прозрачные ключи, которые разливаются по прекрасному лугу. Я сказалъ садовнику, что одинъ изъ прудовъ не чистъ²⁾. Онь мнѣ отвѣчалъ, что прудъ очень чистъ. Послѣ я узналъ мою ошибку, когда товарищи сказали мнѣ, что видимая мною тина было дно. Поблагодаривши доброго Англичанина, мы возвратились на ночлегъ въ харчевню, гдѣ поужинали. Товарищи мои ушли спать. Я же сижу одинъ и пишу, все вокругъ меня тихо, кромѣ того, что г-нъ харчевникъ довольно сильно храпитъ.

Не безъ горести разстался я съ любезнымъ моимъ братомъ-благодѣтелемъ. Чѣмъ писать обѣ этомъ? Надобно только чувствовать.

Въ Стрѣльнѣ (былъ у меня, а я у него) видѣлъ любезнаго Воеинкова въ солдатскомъ халатѣ и такой же шапкѣ. Также видѣлъ и Тарховыхъ. Они вѣрь служить въ Конной Гвардіи. Любезный теска подарилъ мнѣ на память 24 пули кот[орые] нужны для пистолетовъ, подаренныхъ Д. Н. Блудовымъ. Я же ему обѣщалъ прислать изъ Риги кур[ительного] табаку.

За Стрѣльную выѣхалъ съ Д. Г. Соколовичемъ, А. Ф. Владиславлевымъ и Постниковымъ (этотъ изъ Пед. Инст.). Выпивши у заставы двѣ бутылки вина, давши солдатамъ конногвард. на водку, мы выѣхали и остановились на лугу, гдѣ выпивъ, кажется, Шампанского или Цимл., Владиславлевъ выѣзжалъ на сочинѣ: *Tур.* Я для памяти подарилъ Сокол. пенковую мою трубку, и этотъ добрѣйшій человѣкъ всунулъ мнѣ въ руку свои часы, подаренные ему его братомъ, и кот[орые] ему самому были очень нужны. И наконецъ, не хотѣвши ихъ брать назадъ, я насилино ему отдалъ.

Во время дороги примѣтилъ, что я забывался отъ того, что не спалъ. Сижу въ телѣгѣ и дѣлаю чертъ знаетъ что: начну какъ будто хлѣбать что нибудь изъ чашки, хочу взять хлѣбъ и вижу, что ташу

¹⁾ Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „вспомнилъ“.

²⁾ Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „видѣ на немъ тину“.

за телѣгу. Василій смѣется; я опомнюсь, между тѣмъ какъ не сплю и вижу, что совсѣмъ не то дѣлаю, чѣмъ думаю дѣлать. Къ тому же мнѣ сказывали, что одинъ лакей, не спавши шестеро сутокъ, сошелъ съ ума: вмѣсто того, чтобы сѣсть на запятки, онъ бросился бѣжать. Это очень вѣроятно, и я увѣренъ, что человѣкъ не спи долгое время, можетъ потерять память и разсудокъ и проч. Въ Вышнемъ Волочкѣ видѣлъ князя Богратіона и на немъ звѣзды.

28 Іюня. Корчиа въ 60 верстахъ отъ Риги. Ночь. Пріѣхавши сюда, вышли мы водки, купили у молодой Латышской дѣвушки земляники, такъ искусно завернутой въ корѣ, чѣмъ ягоды совсѣмъ не измѣлисъ. Она, когда мы купили въ первый разъ, не хотѣла отдавать ягоды, прежде нежели ей отданы будуть деньги. Это замѣчательно. Потомъ поѣхали ветчины, напились чаю, напоили имъ и извощиковъ: товарищи попали спать. я остался и сижу теперь въ тишинѣ. Сегодня по утру проѣхали мы городъ Волмаръ (*Wolmar*), кот(орый) кажется похоже Валокъ. зашли въ хлѣбную за хлѣбомъ, потомъ въ трактиръ выпить водки, кот(орой) рюмка стоитъ 5 коп. За такую же рюмку по дорогѣ отъ Москвы до П.-бурга платилъ я 20 коп. Въ этой и вообще во всѣхъ корчмахъ и трактирахъ воздухъ одинаковъ и не-пріятенъ, вѣроятно отъ табаку. Теперь уже рѣдко встрѣчаются намъ Чухонцы, у кот(орыхъ) кажется на лицѣ напечатлѣны *рибство¹*) исликомъ великая простота. Латыши гораздо лучше ихъ одѣваются, особенно женщины: всѣ въ бѣлыхъ платкахъ, и многія въ шляпахъ. Физіономіи сихъ послѣднихъ гораздо лучше Чухонцевъ. Мы думали, что такое различіе въ двухъ сосѣднихъ народахъ происходитъ отъ какой-нибудь важной причины, какъ-то: отъ состоянія пхъ. управлениія помѣщиковъ и проч. Но мнѣ сказывали, что они одинаковы въ ихъ состояніяхъ, но что все это зависитъ отъ обыкновенія. Когда между Латышами увидишь Чухонца, то разница эта такъ сказать бросается въ глаза очень чувствительно.

20-го Іюля. Вотъ уже третій день, какъ мы покойны, т. е. что мы нашли себѣ попутчиковъ²), какихъ-то Тильзитскихъ женщинъ и дѣвушку. кот(орые) каждый годъ по нѣсколько разъ пріѣзжаютъ въ Ригу для продажи товаровъ. Этюю находкою обязаны мы г. Гебгарту, секретарю здѣшняго ратгауза, котораго рекомендовала намъ хозяйка наша, м-те Sivart, также женщина добрая и очень словоохотливая. Она рассказывала мнѣ о раненыхъ солдатахъ, которые пришли въ Ригу въ бытность здѣсь Государя. Также она сказывала мнѣ, что здѣсь можно видѣть кнуты, которыми были, выгоняя изъ города католицкихъ

¹) Въ рукописи къ этому слову въ концѣ страницы сдѣлана приписка: „вздоръ“.

²) Въ рукописи исправлено: „попутчицъ“.

шоповъ, которые ловили на улицахъ дѣвокъ, приводили ихъ къ себѣ и по прошествіи года или болѣе и менѣе зарывали ихъ живыхъ въ землю. Это открылъ старикъ, нечаянно зашедшій ночевать въ церковь и видѣвшій таковое погребеніе одной нещастной; за это-то ихъ и выгнали.

Но по наступленіи ночи стало что-то грустно. Я много думалъ о своемъ состояніи настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, о братѣ Андрѣѣ Ивановичѣ, и все это окончилось слезами. Мне пришла въ то время мысль, что человѣкъ тогда только не нещастливъ, когда онъ забываетъ, не думаетъ о себѣ. Я въ то время былъ въ состояніи черть знать что написать къ брату Ал. Ив.

Вчера мои Нѣмки пѣли мнѣ пѣсню, кот(орую) сочинила жена короля Прусскаго Фредерика II (она была рыжая). Король ея не любилъ и никогда съ нею не жилъ, но пріѣжалъ иногда къ ней, кажется, въ Шарлотенбургъ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ, то сочиненную ею пѣсню заставила пѣть пѣвчихъ подлѣ саду, гдѣ ходилъ король (голосъ очень хороши). Король слышалъ, но не перемѣнился; королева заплакала и, уходя изъ саду, еще пропѣла что-то. Нѣмки сказывали мнѣ, что и король плакалъ, но я имъ не повѣрилъ. Хотя Нѣмки всѣ пѣсни пѣли мнѣ очень смѣшно, и эту также, но голосъ этой очень хороши.

Геттингенъ. 19 (31) Августа. Середа. Сего дня въ 4 утра пріѣхали въ Геттингенъ; въ 7 или 8 часовъ стали въ трактирѣ. Мальчики, кот(орые) тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ явились къ намъ съ услугами въ разсужденіи квартирь, кот(орую) мнѣ и показали. (Притомъ еще они сказали, что ихъ послали Русскіе студенты къ намъ, между тѣмъ какъ ихъ никто не посыпалъ). Но какъ бы то ни было, они показали намъ квартеру. Когда я пришелъ въ другой разъ посмотреть комнаты, то хозяйка, посмотрѣвши на меня, сказала своему мужу, что я похожъ на г. Тургенева. Отгадала, отгадала! Братъ во все время своего пребыванія въ Геттингенѣ жилъ въ этомъ домѣ, только въ верхнемъ этажѣ. А въ этой комнатѣ, гдѣ я живу и въ той, гдѣ живетъ г. Кунинъ, жилъ А. М. Тургеневъ (*der Herr Rittmeister von Turgenev*).

Вчера ввечеру былъ я у Р. Ф. Тимковскаго. Отъ него пошелъ домой и по прошествіи нѣкотораго времени смотрѣлъ на церемонію, составленную для случая выбора нового проректора. У насъ діаконы провозглашаются: *Рождество Твое, Христе, Боже нашъ;* а здѣсь какойнибудь Геренъ будетъ разъяснять дѣянія Александра Великаго, критикуя ихъ своимъ образомъ. и будетъ вратъ про Французскую революцію и вмѣстѣ говорить свои Нѣмецкіе бон-мо. Какая разница! Право, лучше бы теперь послушать первое, нежели второе. Желалъ (бы)

побывать теперь въ Москвѣ. Здѣсь и въ новый годъ (большой праздникъ у Нѣмцевъ) ничто не веселилось; только, кажется, перестали шить салоги и дѣлать колбасы и сосиски.

Я теперь въ беспокойствѣ, въ разсужденіи моего векселя, который пропалъ и вѣроятно, что не найдется, и 500 р. для меня потеряны. Бездѣлица, а теперь мнѣ очень нужная, и эта бездѣлица причиною моего беспокойства. Я боюсь и вспомнить о томъ щастливомъ днѣ, въ который долженъ буду оставить Геттингенъ. Всю скучу я предвидѣла, и сердце мое не обманулось въ предчувствії.

Сегодня читалъ съ Рандомъ *Неіры въ неволѣ*, соч(иненіе) Коцебу. Это чтеніе, хотя и приятное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возродило во мнѣ чрезвычайно непріятныя мысли. О Россія, Россія! Е бы жизнь моя могла быть въ семъ случаѣ полезна славному, добромъ Русскому народу, сей часъ радъ бы пожертвовать оною тысячу разъ!

Бывать 10 часовъ ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бѣется и напоминаетъ мнѣ, что я въ Геттингенѣ. Проклятый городъ! Когда буду я виѣ стѣнъ твоихъ? Когда буду свободно дышать воздухомъ Русскимъ, роднымъ. Дышать свободно можно, кажется, только въ Россіи. При этомъ имени невольный вздохъ вылетаетъ изъ моего сердца, угнетеннаго всѣмъ чужимъ. Самая природа здѣсь для меня мачиха; и солнце не такъ тепло, не такъ красно, и люди не тѣ. Да откроется предо мною непроницаемое таинство, и да узнаю, отъ чего истинно проходитъ это сладчайшее чувство любви ко всему родному. Чѣмъ далѣе удаляюсь отъ Отечества, тѣмъ ближе сердце мое дѣлается къ нему*).

На сихъ дняхъ получилъ отъ бр(ата) А(лександра) И(вановича) 500 по 12 и $\frac{5}{8}$ шил. Спасибо ему! Но какой дурной курсъ! За 500 р. получилъ я 180 тал. Не знаю, какъ расплатиться съ долгами. А ужъ живу очень экономно. Черезъ 17 дней начнется 1810 въ Россіи. Ниспослѣть ли Провидѣніе благословеніе свое на Россію и загладить ли 1810 г. прошедшіе? Духъ разума и славы, осѣни Россію крыломъ своимъ и дай Александру сдѣлаться тѣмъ Александромъ, какимъ онъ былъ за 4 года!

Курсъ нашъ 11 съ чѣмъ-то шил. Хорошо! Что-то будетъ въпередъ.

А ты, Россія, воспряни вновь съ новымъ годомъ и затѣми блескомъ своимъ всѣ царства земныя! Явись въ прежнемъ сияніи своеемъ, величественномъ и благодѣтельномъ для вѣрныхъ сыновъ твоихъ. Или собери сихъ послѣднихъ и ступай карать нарушителей твоего bla-

*) Судьба вѣдѣла Н. И. Тургеневу почти всю жизнь провести на чужбинѣ; за то до конца неуклонно оставался онъ человѣкомъ Русскимъ, съ твердымъ разсудкомъ и широкою душою. П. Б.

женства. Потомъ стряси съ себя тяжелое бремя, бремя рабства и явись какъ восходящее солнце, въ полномъ сияніи славы и разума!

Прошлаго Воскресенія пріѣхалъ Сергій, и пустыня моя обновилась. Я много распрашивалъ его о Россіи и изъ всего вижу, что все у насъ находится въ беспечной дремотѣ, все унижено и унизилось, и все въ страшнѣйшемъ и страннѣйшемъ безпорядкѣ.

25 Августа (6 Сент.). Вторникъ. Кажется въ Субботу, записавшись у проректора Эйхгорна, пошелъ я къ Шлецеру. Прихожу, доложили. Я немного подождалъ. Выходитъ почтенный старикъ. Взялъ у меня письмо, попросилъ садиться. взялъ для себя стулъ, я тоже сдѣлалъ. Сѣвши онъ началъ разматривать печать на пакетѣ и сказалъ, что это кажется ему быть отъ одного изъ знакомыхъ его Русскихъ; я отвѣчалъ ему, что я братъ того Тургенева, кот[орый] имѣлъ честь и проч. *Tausend Mahl* (такъ какъ-то), вскричалъ съ удивленіемъ Шлецеръ: *Sie sind doch der Bruder von meinem theueren intimen Freund H. v. Turgenev?* Началь со мною очень ласково говорить и просилъ чаще къ себѣ ходить. Прощаюсь сказалъ: *au revoir* и проводилъ до сѣней. Онъ далъ мнѣ каталогъ лекцій; но на другой день прислали другой и приказалъ сказать, что первый, кот[орый] онъ далъ,—прошлаго года. На второмъ сдѣлалъ самъ подпись по-русски. Когда я записался у проректора, то онъ сперва сказалъ, что надобно заплатить 3 тал. съ чѣмъ-то. Потомъ же, узнавши, что дворянинъ, сказалъ, что надобно заплатить 6 съ чѣмъ-то. Потомъ, когда прислали съ матрикелемъ педеля, то педель сказалъ, что надобно заплатить 8 съ чѣмъ-то. Вотъ каково быть здѣсь дворяниномъ.

Въ прошедшій Вторникъ, позавтракавши хорошо у Коха, въ 11 ч. утра сѣли мы съ Н. И. Бутырскимъ въ почтовую коляску и поѣхали въ Эрфуртъ *) по (экстра-почтѣ).

*) Отъ поѣздки въ Эрфуртъ сохранился листокъ, исписанный карандашомъ и приклеенный къ полумъ рукоюни около этого мѣста (86 листъ). Содержаніе его стѣдующее: 5 Окт. Середа. Ерфуртъ. Не даромъ пріѣзжали мы сюда. Сюда пріѣхали мы часовъ въ 11 утра сегодня и стали въ трактире. За большую комнату платимъ 2 тал. Сейчасъ пришли изъ-за города. Тамъ видѣли нашего Императора и Французскаго: хорошо разсмотрѣли. Они смотрѣли Французскій полкъ: парада была славная. Подъ Французскимъ Императоромъ лошадь показалась мнѣ очень простою, но она скакала по полю прытче всѣхъ. Нашего вел. князя также давича по утру видѣть, а на смотрѣ не видѣли. Императоръ Французскій сперва сѣлъ въ карету у своего крыльца, поѣхалъ прежде къ брату своему, Вестфальскому королю, оттуда еще куда-то, а потомъ и къ нашему Императору. Оттуда поѣхали вмѣстѣ верхами. Солдаты [кричали] по окончаніи смотрѣ: *vive l'Empereur!* Французскій Императоръ одѣтъ былъ очень просто: мундиръ безъ шитья, шляпа маленькая безъ пера и проч. 7 Октября. Пятница. Послѣ обѣда. Вчера было намъ довольно скучно цѣлые послѣ обѣда, потому что оба Императора отсюда уѣхали въ Веймаръ для охоты. Сказываютъ, что пріѣдутъ завтра. Сегодня былъ въ Августин-

1808 (въ Эрфуртѣ).

Въ трактире сказали намъ, что послѣ обѣда оба Импер[атора] будуть смотрѣть полкъ за городомъ. Мы пошли къ Наполеонову дому (гдѣ онъ живетъ, который называется (*Gouvernements-Gebäude*)). Тутъ сказали намъ, что Имп[ераторъ] поѣдетъ скоро верхомъ. Мы остановились, ждали, видѣли какъ Императоръ выѣхалъ, но не верхомъ, а въ каретѣ. Онъ заѣхалъ къ какому-то королю, оттуда къ брату своему, королю Вестфальскому. оттуда еще куда-то и наконецъ къ нашему Императору. Народу довольно бѣгало за его каретой. У нашего Императора побылъ онъ съ полчаса или болѣе, и оттуда оба поѣхали верхомъ за городъ. Тутъ я довольно изрядно видѣлъ нашего и Франц[узского] Императоровъ. Подъ Наполеономъ была лошадь очень простая съ виду, съ хвостомъ; однажды послѣ видѣлъ я, какъ прытко она скачеть, и узналъ, что она Арабская. Полкъ стоялъ на полѣ. Императоры поѣхали туда. Мы сперва стали на валу, кот[орымъ] окружены городъ; тутъ много было народа, однажды оттуда не хорошо видно было, потому что это было далеко. Мы пошли по большой дорогѣ туда, гдѣ все происходило и очень хорошо разсмотрѣли обоихъ Импер[аторовъ], когда они стояли на одномъ мѣстѣ, и полки пѣхотной и гусарской проходили мимо и салютовали имъ. Во время этого смотра была оружейная и пушечная пальба. Одинъ баталіонъ палилъ хорошо, а другой дурно; одинъ изъ капитановъ послѣдняго говорилъ мнѣ на другой день, что это происходило отъ того, что Импер[аторъ] (Фр[ансузскій]) былъ всегда передъ фронтомъ, что солдаты смотрѣли на него и робѣли. По окончаніи смотра поѣхали Императ[оры] назадъ въ городъ. Я стоялъ на валу, и полкъ пѣхотный проходилъ мимо. На другой день, когда мы были еще въ постели, чистильщикъ сапоговъ или трактирный служитель сказалъ намъ, что Императоры ѻдутъ въ 10-ть часовъ на охоту въ Веймаръ, что туда идетъ очень много народа. Мы послали его поискать для насъ коляски; но это было, какъ всѣ они говорили, невозможно. Импер[аторы] уѣхали. и въ этотъ день послѣ обѣда было намъ очень скучно. Поутру пошелъ я къ гр. П. А. Толстому, узнавъ отъ фельд-егеря, гдѣ онъ живетъ. Онъ принялъ меня. кажется, ласково. Говорилъ, чтобы я пріѣжалъ учиться въ Парижъ въ политехническую школу. звалъ меня обѣдать; я сказалъ, что ѻду въ Веймаръ. „Зачѣмъ?“ спросилъ онъ.—Чтобы видѣть Имп[ераторовъ], отвѣчалъ я. „Я ужъ на нихъ насмотрѣлся“, сказалъ мнѣ графъ. Много скомъ монастырѣ. Вчера поутру былъ у графа Толстаго: принялъ, кажется, хорошо. Говорилъ, чтобы я пріѣжалъ учиться въ Парижъ; при прощаньї сказалъ, что онъ мнѣ и въ Гемпиниенъ можетъ быть полезенъ“.

чести вашему сиятельству, думалъ я. Потомъ сказалъ, что естьли я хочу видѣть хорошенько нашего Государя, то онъ возметь меня когда-нибудь съ собою и поставитъ меня во дворцѣ (или какъ это называть) въ комнатѣ, гдѣ я очень хорошо могу насмотрѣться на Государя. Я поблагодарилъ его и простился; онъ при прощаньи сказалъ мнѣ: „*Я тебѣ и въ Геттингенѣ могу быть полезенъ*“^{*}. Я хотѣлъ было попросить у него рекомендательное письмо къ профессору Герену; но жаль, что послѣ не былъ уже у него. На другой день, т. е. въ Пятницу послѣ обѣда, пушечная пальба возвѣстила пріѣздъ Импер[аторовъ]. Мы были тогда на почтѣ и, услышавъ, тотчасъ пошли къ дому, гдѣ живеть нашъ Импер[аторъ]. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали Импер[аторы] въ открытой коляскѣ четверкою (*Jagdwagen*). Кучера хотѣли вѣхать въ ворота подъ домъ наш[его] Имп[ератора], но Его И. В. махнулъ рукою и Наполеону, чтобы остановились у воротъ. Однако передній кучерь былъ уже почти въ воротахъ и не скоро могъ повернуть назадъ. Тутъ я разсмотрѣлъ очень хорошо Наполеона. Государь нашъ, ставши кажется на подножку, прощался съ нимъ, потомъ когда Наполеонъ сталъ отѣбзжать, то я, оглянувшись, увидѣлъ неподалеку отъ себя нашего Императора, кот[орый] еще простился съ Наполеономъ. Потомъ проскакали 5 или 6 эскадроновъ кирасировъ, кот[орые] стоять на караулѣ у двухъ Императоровъ. Черезъ часъ или болѣе Государь нашъ поѣхалъ къ Французскому Имп[ератору] обѣдать, я въ это время также его видѣлъ. Потомъ видѣлъ Великаго Князя Константина Павловича, кот[орый] шелъ пѣшкомъ къ Французскому Имп[ератору]. На другой день я также его видѣлъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ къ нашему Императору. Видѣлъ многихъ: Румянцева, А. Н. Голицына, кажется Н. А. Толстаго, Сперанского, о кот(оромъ) узналъ уже въ Геттингенѣ изъ письма братнина, видѣлъ одного въ генеральскомъ мундирѣ съ Александровской лентой и теперь догадываюсь, изъ газетъ, что это былъ графъ Аракчиенъ. Видѣлъ Французскаго генерала Удино, какъ мнѣ сказали, и другихъ. Видѣлъ Саксонскаго короля, принца-примаса, оба старики. О послѣднемъ сказывали мнѣ, что его въ Эрфуртѣ народъ очень любить. Въ Субботу, въ половинѣ 2 часа выѣхали съ ординарною почтою изъ Эрфурта. Одинъ изъ пассажировъ, кажется, житель Эрфуртскій или Веймарскій, сказывалъ мнѣ, что въ Эрфуртѣ изъ одной церкви (всѣхъ святыхъ, *Aller Heiligen*), мимо кот(орой) мы проѣждали, недѣли за четыре выгоняли черта.

(21) 9 Ноября *). Понедѣльникъ. Въ прошедшій Вторникъ было здѣсь большое торжество по причинѣ дня рожденія Вестфальскаго

^{*}) Въ датѣ ошибка: надо 28 Окт. (9 Ноября).

короля Ер.¹⁾). Наканунѣ охриплый крикунъ запретилъ народу работать подъ опасеніемъ 5 талеровъ штрафа. Я ходилъ въ церковь. Она была полна Нѣмецкаго народа, кот(орыи)²⁾ всегда и вездѣ останется Нѣмецкимъ народомъ. Нѣкоторые стояли въ шляпахъ; солдаты подлѣ алтаря въ шляпахъ, студенты съ собаками, пасторъ на колѣнахъ просилъ Бога о ниспосланіи щастія Отцу Отечества. Но Нѣмцы—чего не въ состояніи дѣлать эта шушера! Въ вечеру ратгаузъ, домъ Консиліума, префектуры и нѣкоторыхъ чиновниковъ были освѣщены. Въ ратгаузъ горѣль щить, гдѣ былъ изображенъ бюстъ короля съ подписью, кажется *pater patriae*. Геній какой-то держалъ надъ его головой вѣнокъ.—Пониже, сказалъ я Ранду,—еще пониже. Оттуда пошелъ съ Данилевскимъ и Рандомъ въ ложу на хоры, въ залу къ Коху, гдѣ былъ баль. Тутъ опять полюбовался просвѣщенными Нѣмцами. Танцовали, пили, ъли, веселились. Нѣкоторые студенты Вестфальскіе франтили въ своихъ мундирахъ *de la garde*³⁾ *d'honneur*, кот(орые) носить право получили они за то, что подъ предводительствомъ здѣшняго берейтера и какого-то фабриканта они встрѣчали короля и провожали. О Нѣмцы! Понжераръ говорилъ Данилевскому во Вторникъ: *Aujourd'hui toute la canaille de Göttingue s'assemblera...* и что Нѣмцы не хотѣли праздновать рожденіе короля: *mais lorsqu'on leur promit du brandwein et un tonneau de bière*, то они...

Какъ восхищаются Геттингенскіе жители нашимъ праздникомъ! Да и подлинно, всѣ были и сыты и пьяны. Старый генералъ Лестокъ смѣшилъ меня. Естылибъ я самъ бытъ на весельѣ, то я бы не такъ замѣчатель его проказы, но мнѣ некогда было веселиться такимъ образомъ: я веселился тѣмъ, что все идетъ порядочно и всѣ довольны. Праздникъ сталъ намъ около 550 талер. Мы не думали, чтобы было такъ много. Посторонніе полагаютъ, что гораздо болѣе.

18 (30) Октября. Воскресенье. Вечеръ. Вть уже прошелъ послѣдній день такъ называемыхъ *фери*. Завтра начнетъ пр. Геренъ читать свои лекціи. Я немного приготовился по тетрадямъ Ф. Я. Ранда (кот(орыя) мнѣ списываетъ Крамеръ); но все еще предвижу большую, очень большую трудность въ слушаніи лекцій и въ записываніи. Но съ помощью Божію приступлю къ началу этого важнаго въ жизни моей подвига. Буду очень стараться и прилежать: въ этомъ даю себѣ честное слово. Съ начала очень, кажется, охотно я хочу приступать: не знаю, что будетъ впередъ, но почти увѣренъ, что пойдетъ дѣло изрядно, потому что въ Геттингенѣ, что дѣлать какъ не учиться?

¹⁾ Т. е. Іеронима, брата Наполеона I. П. Б.

²⁾ Въ рукописи посѣлъ этого слова сверху приписано „NB“.

³⁾ Въ рукописи: „garde“.

Авось, авось! Авось, можетъ быть, и мы че́му-нибудь да научимся! Но вотъ что меня беспокоитъ: я буду учиться, прилежать, но надобно въ свое время имѣть и развлеченье, а здѣсь я не предвижу себѣ никакого порядочнаго удовольствія: предвижу только послѣ трудовъ одну скучу. Не знаю, какъ пройдутъ эти два года.

19 (31) Окт. Понед. Сего́дня послѣ обѣда слушалъ двѣ лекціи у Герена. Первая, о древней Исторіи, была для меня легче, потому что я приготовился по его Compendium. а вторая потому труднѣе, что въ тетрадяхъ, кот(орыя) у меня списаны, нѣть вступленія, кот(орое) проходилъ Геренъ. Читаетъ хорошо и для меня понятно. Мѣсто имѣю я также хорошее, б №. По утру я занимался выписываніемъ различныхъ мѣсть изъ Гено.

1809.

25 Декаб. 808. (6 Январ. 809). Сего́дня у насъ на Руси праздникъ Рождества Христова. При этой мысли все мнѣ живо представляется. Напримѣръ, въ Москвѣ почти каждый береть участіе въ праздникѣ, а поутру рано видны одни только лакеи, кот(орые) ъздятъ съ визитными карточками. Рано всѣ идутъ къ обѣдамъ. Потомъ видно, что одѣтые въ праздничные платья идутъ по улицамъ. Ходятъ всѣ гости другъ къ другу. Потомъ видны попы, монахи и монахини, кот(орые) катаются по улицамъ, когда ъздятъ со крестами. Я конечно бы мало или совсѣмъ не веселился теперь тамъ на праздникѣ, но по крайней мѣрѣ можно радоваться, смотря на другихъ веселящихся; а здѣсь и этого-то удовольствія имѣть нельзя. Все мертвѣо и уныло. Все произрастаетъ для собирания денегъ и картофеля. У насъ теперь громогласные музыканты и играли: по обѣимъ сторонамъ шли съ факелами; въ серединѣ шли студенты по двое и по трое съ палками и трубками. Передъ домомъ проректора всѣ выстроились. Сперва закричали одинъ изъ студентовъ не знаю что-то. Потомъ вся толпа кричала (похоже на то, какъ бывало въ пансіонѣ ученики кричали или *укали*). Здѣсь вся толпа кричала, какъ мнѣ сказывали: *Hoch!*, разслушать нельзя было. Покричавши, они пошли назадъ къ какому-то Ейхорну и другимъ. На улицѣ подѣлъ нашей слышенъ былъ опять такой же крикъ— это значитъ, что они благодарятъ стараго проректора.

21 (2) Пятница. Одинацать часовъ ночи.—Какъ провелъ я день этотъ? По утру хотѣлъ ити къ проректору записаться, но не успѣлъ: Купилъ себѣ шляпу, палку. Послѣ обѣда ходилъ играть съ Воронковскимъ на биліардѣ. Потомъ ходилъ съ г. Бутырскимъ къ Англинскому учителю и записался у него (ходить къ нему всякой день по 1-му часу

за 6 тал. въ мѣсяцъ). Оттуда, когда шелъ домой, встрѣтился мнѣ А. И. Данилевскій¹⁾ и позвалъ меня къ себѣ. Въ 6 часовъ должно ему было идти къ Латинскому учителю. Такъ какъ и мнѣ онъ нуженъ, то мы пошли вмѣстѣ, и я уговорился пока ходить 3 раза въ недѣлю. Цѣны еще не знаю. Данилевскій и Wunderlich (Лат. учитель) не совѣтывали мнѣ учиться у Брауна (Англ. учит., у кот(ораго) я записался) и совѣтывали лучше учиться у Бенеке, и г. Wunderlich пошелъ уже просить сего послѣдняго. Не знаю, чѣмъ рѣшился. Не знаю, чѣмъ-то кончилъ Вейденгамеръ²⁾ (студентъ Моск(овского) университета) свой трудный нынѣшній подвигъ.

17 (29) Сентября. Четвергъ. Сегодня пошло письмо въ Россію къ матушкѣ и брату, и будетъ—№ 4-й. Я писалъ къ нему все о теперешней своей скучѣ. Такой скучки я еще никогда съ собою не помню. Мнѣ кажется, что я здѣсь никакъ не могу прожить долго и принужденъ буду для избѣжанія этой несносной болѣзни возвратиться домой. Ахъ! при одномъ имянѣ этомъ сейчасъ слезы полились изъ глазъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ; вотъ уже третій день, какъ я самъ себя не знаю и самъ себѣ не принадлежу: жестокая скуча совершенно овладѣла мною.

21 Ноября. (2) Февраля. Четвергъ. Эту недѣлю я почти ничѣмъ не занимался; причиною этому беспокойство о векселе: досадно потерять, что называется *ни за что ни про что* 500 р., а особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ больного моего кармана. Но я положилъ себѣ за правило не думать о поганыхъ деньгахъ. Дѣло-ста наживное! Тотъ не разбогатѣть, который присвоить себѣ мой вексель, а я не раззорюсь. Вотъ Русская нравственность.—Геттингенъ для меня скученъ, но мысль, что я когда нибудь уѣду отсюда, подкрѣпляетъ мое терпѣніе.

Сегодня сказывалъ мнѣ Вундерлихъ, что Франція объявила войну Австріи. Мысль эта, соединенная съ другими многими, сдѣлала меня на цѣлый вечеръ болѣе мрачнымъ и будетъ возбуждать во мнѣ другія, столь же непріятныя.

Россія! Россія! съ благоговѣніемъ и любовью произношу священное имя твое и оставляю въ сердцѣ моемъ таиться различнымъ чувствованіямъ. Еѣлибы незначущая жизнь моя могла содѣйствовать къ твоему благу—съ радостю пожертвовалъ бы ею. Тысячу разъ умеръ бы для моего отечества, для Россіи!!!

¹⁾ Это будущій историкъ Отечественной войны. Н. Б.

²⁾ Къ этимъ словамъ въ рукописи слѣдуетъ примѣчаніе: „Кончилъ удачно и ничего не получилъ; какъ онъ сказывалъ, что и самъ того ранилъ“.

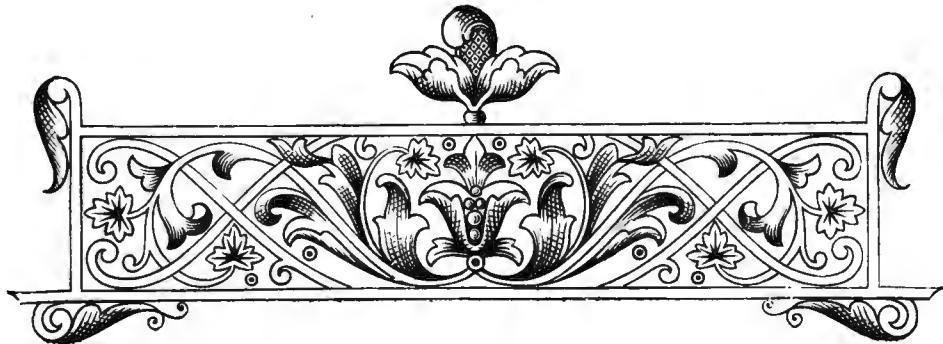
Да носится Геній благотворительный надъ странами Русскими! И да будетъ Русской тѣмъ, чѣмъ благодѣтельная для него судьба назначила быть ему: да будетъ Русскимъ. Этого слова довольно.

1810.

Въ Субботу ходилъ я на поклонъ къ Струве, а потомъ и къ нашему попу, единственному порядочному человѣку въ Кассельѣ, и завтракалъ у него Русскую водку и огурцы—славно, какъ Русскихъ кормятъ Русские! Но на другой день, въ Воскресенье, поѣхали мы къ обѣднѣ. Церковь наша мнѣ очень поправилась. При входѣ во храмъ невольно почувствовалъ я священное благоговѣніе къ *Божеству* и *Отечеству*; сердце мое забилось, и я изъ глубины души молился *первому о постыднемъ*. Дѣячки бѣдные грустны; въ Кассельѣ имъ скучно: Русскихъ совсѣмъ тамъ нѣть. Послѣ обѣдни мы пошли къ попу по его приглашенію и завтракали у него прекраснѣйшимъ Русскимъ образомъ. Никогда, думаю, здѣсь не ъдалъ я съ такимъ аппетитомъ. Меня кормилъ Русской по-русски!

Непонятно, какъ эти журналисты и многіе другіе могли такимъ несправедливымъ образомъ нападать на Шишкова. Книга его подлинно имѣетъ большія достоинства; и предубѣжденіе злонамѣренныхъ и глупость невинныхъ его опровергателей должны быть очень велики. Впрочемъ я бы посовѣтовалъ господамъ журналистамъ поосторожнѣе и даже порѣже говорить о Ломоносовѣ, о которомъ каждой Русской долженъ говорить съ величайшимъ душевнымъ почитаніемъ. Можно разсуждать какъ хочешь свободно о Херасковѣ, иногда о Сумароковѣ и иѣкоторыхъ другихъ, но что касается до Ломоносова, то каждое слово о семъ необыкновенномъ человѣкѣ должно быть взвѣшено. Даже и Шишкова можно иногда почтеть вольнодумцемъ, когда онъ говорить о Ломоносовѣ.

С. М. Иконниковъ.

УЧАСТНИКЪ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

I.

Копія.

ПО УКАЗУ

Его Величества Государя Императора

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

и прочая, и прочая, и прочая... (№ 1823).

Предъявитель сего мајоръ Степанъ Михайловъ сынъ Иконниковъ, который, какъ изъ полковаго формуллярнаго списка значить, отъ роду имѣть 30 лѣтъ, изъ дворянъ; въ службу вступилъ кадетомъ, 794-го Октября 19-го въ 1-й Кадетскій Корпусъ, прапорщикомъ 803-го Іюня 30-го съ определенiemъ въ Подольскій Мушкательскій, что нынѣ 36-ой Егерскій полкъ, въ ономъ подпорутчикомъ 804-го Октября 25-го, порутчикомъ 806-го Апрѣля 5-го, штабсъ-капитаномъ 810-го Мая 28-го, переведенъ въ 11-ый Егерскій полкъ 813-го Іюля 10-го, въ ономъ капитаномъ 815-го Августа 10-го.

Въ теченіе службы быть въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля; 805-го Августа 19-го противъ Французовъ чрезъ Галицію, Слезію.

Моравію и Австрію до Баварії; въ продолженіи сего похода въ сраженіяхъ—Октября 19-го при открытиі непріятеля въ м. Ламбахѣ, 22-го при отступленіи непріятеля чрезъ рѣку Энсъ, въ сраженіи при городѣ того же имени, 24-го при г. Амштетинѣ, 30-го во время сильного сраженія напавшаго непріятеля въ лѣсу и въ ночи на 31-ое число подъ г. Кремсомъ: при открытиіи и совершеніи изтребленіи укрѣпившагося въ горахъ сильного непріятельскаго корпуса, Ноября 4-го при м. Шенграбенѣ, гдѣ раненъ въ ляжку лѣвой ноги пулею на вылетъ и взять былъ въ плѣнъ. 806-го Ноября 19-го въ Пруссіи до м. Пултуска. 807-го Генваря 23-го въ сраженіи при селеніи Юнкендорфъ для содержанія въ дефиляхъ передовыхъ форпостовъ, 24-го въ сраженіи и для прикрытия ретирады арміи, 25-го при д. Ландебергѣ, 26-го и 27-го при м. Прейсишъ-Эйлау въ генеральномъ сраженіи.

812-го Іюля съ 4-го отъ герцогства Варшавскаго къ г. Дриссѣ, Іюля 3-го въ авангардѣ при г. Диснѣ, гдѣ 7-го числа у перестрѣлки съ непріятельскою кавалеріею, 14-го при сраженіи подъ г. Витебскомъ, Августа 5-го при г. Смоленскѣ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ находился по 1-ое Апрѣля 1814-года. Въ штрафахъ, подъ судомъ и домовыхъ отпускахъ не бывалъ.

Холость, къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ, а сего 1817-го года Генваря въ 16-й день по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА приказу отъ службы уволенъ съ награжденіемъ чиномъ маіора, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ за ранами. Во свидѣтельство чего по Высочайшему представленному мнѣ уполномочію сей указъ данъ маіору Иконникову за моимъ подписаниемъ и приложеніемъ герба моего печати при главной квартирѣ г. Могилевѣ на Днѣпрѣ 1817-го года Августа 6-го дня.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего генераль-фельдмаршаль, главнокомандующій 1-ю арміею, Государственного Совета членъ и орденоносца Россійскихъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 1 класса, св. Равноапостольнаго Князя Владимира 1 степени, Св. Анны 1 класса; и иностранныхъ: Императорско-Австрійскаго Маріи Терезіи командоръ, королевскихъ: Прусскихъ чернаго и краснаго орла, Французскихъ почетнаго Легіона и Св. Людовика большаго креста; Англійскаго Бани, Шведскаго Меча, Саксонскаго Военнаго достоинства и Нидерландскаго Вильгельма 1-хъ классовъ кавалеръ, имѣющій шпагу лаврами украшенную князь Барклай-де-Толли.

II.

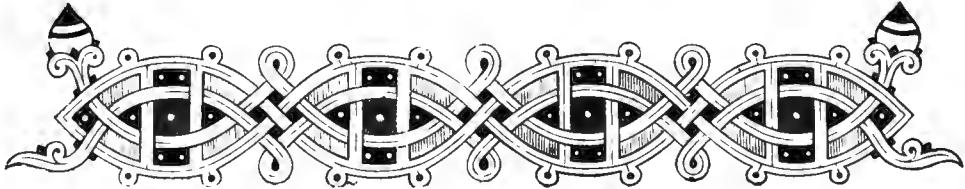
Копія.

Свидѣтельство (№ 9514).

Дано сіе изъ Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ отставному маюру Степану Иконникову, въ томъ, что онъ, Кавалерскою Думою Военнаго Ордена С. Георгія, въ засѣданіи ея 9 Декабря 1862 года, опредѣленъ въ почетную стражу при гробѣ фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго въ городѣ Киевѣ и что за таковымъ его опредѣленіемъ, на основаніи Высочайше утвержденаго 18-го Марта 1805 года предположенія бывшаго государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, назначено ему г-ну Иконникову содержаніе по двѣсти восьмидесяти пяти рублей девяносто копѣекъ серебромъ въ годъ, которое будетъ производиться ему изъ Киевской Казеннай Палаты ежегодно съ истеченіемъ каждой трети по предъявленіи сего свидѣтельства. Санктпетербургъ. Декабря 28 дня 1862 года. Членъ Капитула генералъ-лейтенантъ, Бѣлогужевъ. Директоръ Тюрберть. Начальникъ Отдѣленія К. Татариновъ.

Имя С. М. Иконникова, въ числѣ участниковъ войны 1812 года, записано на стѣнахъ Храма Спасителя въ Москвѣ; портретъ его и копіи съ подлинныхъ документовъ находятся въ Музѣѣ 1812 года. С. М. Иконниковъ скончался 22 Июня 1868 года, 80 лѣтъ, и похороненъ на старомъ Киевскомъ кладбищѣ, Щекавицкомъ, близъ церкви. С. М. Иконниковъ—отецъ Русскаго историка Владимира Степановича.

Выдержки изъ Записной Книжки „Русского Архива“, замѣтки, выписки.

(Ревель, 11 Іюля 1892. Отъ графа В. В. Адлерберга).

Отецъ его, графъ Владимиръ Федоровичъ Адлербергъ съ женою, двумя дочерьми и тремя сыновьями, до Ноября 1841 года (когда, съ отъездомъ въ Крымъ князя А. Н. Голицына, освободился большой домъ на Фонтанкѣ, тогда бывшій почтоваго вѣдомства, а теперь министра двора) проживалъ на дворѣ Аничковскаго дворца, рядомъ съ такъ называемымъ Кабинетомъ, въ небольшихъ семи комнатахъ скромно убраныхъ, даже безъ чистаго хода. Лѣстница была одна съ кучерскою, обледѣнѣлая зимою, лѣтомъ вонючая, такъ какъ находилась рядомъ съ отхожими мѣстами. Однажды Адлербергъ заболѣлъ, и Николай Павловичъ, пріѣхавшій навѣстить его, поразился убожествомъ и неудобствомъ этого входа. Онъ призвалъ смотрителя дворца, разбранилъ его и много кричалъ. Тѣ же дни все приведено было въ наилучшій видъ, который и длился, пока Адлербергъ былъ боленъ и Государь ежедневно къ нему приходилъ изъ Аничкова дворца. За тѣмъ и сыновья успѣли выrostи, и дочери стали невѣстами, а другъ царевъ, никогда о себѣ ничего не просившій, продолжалъ жить въ самой мизерной обстановкѣ. Государь, любившій его сердечно, ни разу не обратилъ на то вниманія. Одна изъ дочерей графа Адлерберга, Анна Владимировна Новицкая, сказывала мнѣ, что въ это помѣщеніе нерѣдко запросто прихаживала къ ея родителямъ Императрица Александра Федоровна. Однажды съ ея приходомъ принесли (чуть ли еще грудного) ея первенца и посадили его на разостланномъ полу; на тотъ же коверъ былъ посаженъ и его ровесникъ первенецъ Адлерберговъ. Цесаревичу дали кусокъ бѣлаго хлѣба. Покушавъ, онъ потянулся съ нимъ къ первенцу Адлербергу. Вотъ бы нарисовать, какъ пророческую картинку. Предшественникъ графа Адлерберга по должности министра двора, князь П. М. Волконский, le Prince Non (Князь-Нѣть), какъ его звали самъ царь за его склонность на казенные траты и деньги, держалъ дворцовое внутреннее управление въ небреженіи, но только лишь по вѣшности. Бережливость соблюдалась до 1881 года; преемникъ отца, графъ Александръ Владимировичъ, сдавая должность, представилъ свыше 50 миллионовъ сбереженія.

Однажды гр. В. В. Адлербергъ ъездилъ съ Канкринымъ и княземъ Павломъ Павловичемъ Голицынымъ въ Ораніенбаумъ осмотрѣть лѣтнія помѣщенія. По возвращеніи двое послѣдніе посажены были подъ арестъ на полтора мѣсяца за то, что на заставѣ не расписались.

Въ 1849 г., отправляя конный полкъ на Венгерскій полкъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ постоянно гнѣвался за самые пустяки, выходить изъ себя и приводилъ въ отчаяніе и солдатъ, и офицеровъ. Между солдатами былъ нескрываемый ропотъ. Это было мѣсяца за три до кончины Великаго Князя. Рыжій, сутуловатый, весь красный, съ огромнымъ загривкомъ, онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича

Только тотъ одинъ
Кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно, и дышаль,
И дѣйствовалъ, и жилъ.

какъ выразился о томъ времени зло-желательный полу-Полякъ Некрасовъ. Но еще много раньше, въ 1834 году, Пушкинъ писалъ въ своемъ „Памятникѣ“: ...въ мой жестокій вѣкъ возславилъ и свободу.

Эта невѣроятная для нашихъ дней муштра—принадлежность Нѣмецкихъ князей и Нѣмецкой власти, ненавистная Екатеринѣ Великой. Генеалогію надо искать въ Штутгартѣ и Людвигштѣ, въ предкахъ четырехъ братьевъ, отъ которыхъ столько Русскихъ людей пострадало изъ-за кантиковъ, выпровокъ, окраски будокъ, ровненія шаговъ и пр.

По кончинѣ Михаила Павловича, преемникъ его, т. е. Александръ Николаевичъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но много мягче.

Графъ Василій Владим.. нынѣ слѣпой, служилъ 12 лѣтъ въ конной гвардіи (1846—1855). Онь помнилъ, какъ въ 1852 г. въ Гатчинѣ торжествовали открытие памятника Императору Павлу. Покровы сняли, но веревка оставалась на шеѣ статуи, и у державнаго сына отъ этого показались слезы. Всѣхъ поразило это чудесное напоминаніе. Знаменательная случайность произошла и на пробномъ открытии, куда допущены были немногія лица, и на торжественномъ, когда у подножія памятника Государь поставилъ съ барабаномъ своего отрока-внука, будущаго Александра III-го, находя, что онъ похожъ лицомъ на Императора Павла, что кажется намъ невѣрно: сходство было скорѣе съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Любопытно, что, по словамъ графа В. В. Адлерберга и другихъ, солдаты между собою, называли Николая Павловича: *Карль Ивановичъ*.

Конная гвардія стояла въ какомъ-то Польскомъ городкѣ, когда скончался Михаилъ Павловичъ. Собрались въ церковь. Священникъ сказалъ проповѣдь съ пышными фразами. Солдаты хмурились, а потомъ

на площади, когда полковой командиръ объявлялъ, что незабвенный отецъ и благодѣтель, который незамѣнимъ для полка, замѣщентъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ полку громко осуждали. Личныя благо-дѣянія Великаго Князя, негласныя пенсіи, уплата долговъ, щедрыя пособія, больше относились къ офицерамъ. Но сихъ послѣднихъ до-ни-малъ швейцарь великаго князя, ссужая ихъ деньгами за страшные проценты. Однажды задолжалъ ему будущій фельдмаршаль князь Баря-тинскій. Покойный Соболевскій, славившійся опытностью въ счетахъ и денежныхъ дѣлахъ, сказывалъ мнѣ, что однажды Пушкинъ просилъ его принять участіе въ неизѣпомъ положеніи молодого красавца и помочь ему разобраться въ поддѣланныхъ деньгахъ, т. е. скупить его векселя ниже того, что на нихъ написано, и усовѣстить взаимодавцевъ. Собо-левскій съ Пушкинымъ пошли къ задолжавшему молодцу: у него оставались только богатые ковры, а вся обстановка роскошнаго помѣ-щенія увезена заложенная. Это былъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Онъ и вѣкъ свой всего менѣе думалъ о деньгахъ.

*

Въ VIII-й главѣ своего знаменитаго сочиненія *Contract Social Russo* пишеть о Петре Великомъ: у Петра былъ геній подражательности, но генія настоящаго не было въ немъ. Иныя изъ его дѣлъ хороши, но большинство ихъ совершено не кстати (*déplacées*). Ему хотѣлось создать Нѣмцевъ, Англичанъ, тогда какъ слѣдовало созидать Русскихъ. Онъ навсегда помѣшалъ имъ быть тѣмъ, чѣмъ они могли сдѣлаться. Онъ внушилъ имъ, что они тѣ чѣмъ они не суть.

Къ стр. 159-й первой книги сего года „Русского Архива“. Въ ненастную пору, въ почтовой станціи въ городѣ Торжкѣ подѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, выразивъ намѣреніе покушать. Смысленая повариха, рослая и краси-вая, смекнула, что ему нельзя выдти изъ коляски, не загрязнивъ ногъ. Она тотчасъ сбросила съ себя нарядное верхнее платье и разостлала передъ крыль-домъ. Государю это понравилось, и онъ похвалилъ ее не только ее, но и ея ку-риныя котлеты, которая съ тѣхъ поръ сдѣлались извѣстны по всей Россіи. Повариха перебѣхала въ Петербургъ, гдѣ съ успѣхомъ торговала.

На той же стр. упомянуто о Г. И. Тумачевскомъ. Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ я зналъ на моемъ вѣку, образованный, въ обращеніи изящный, высоко-нравственный. Онъ былъ совершенно преданъ князьямъ Воронцовымъ и пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Помню, какъ бывало, работая надъ Воронцовскимъ архивомъ, жиль я одинъ въ Одессѣ, въ великолѣпномъ приморскомъ дворцѣ (который, къ моему прискорбію, нынѣ занятъ Гимназіей, гдѣ большинство учениковъ Евреи), въ безсонныя ночи, видаль я на обширномъ дворѣ, куда выходили мои окна, чью-то тѣнь. Это Григорій Ивановичъ выходилъ изъ своего скромнаго помѣщенія смотрѣть, все ли благополучно. Князь Семенъ Михайловичъ сказывалъ мнѣ,

что Тумачевскій—сынъ графа Сенъ-При, бывшаго князю Михаилу Семеновичу сослуживцемъ и другомъ.

*

Князь П. А. Вяземскій про и чиновниковъ: „Это тля, точащая порфиру“.

Графиня Фоссъ подъ 24 Февраля 1813 г.: Ich höre dass man mit Staftetten vorsichtig sein muss: General Benkendorf soll in Munchenberg, wo er sich befindet, alle Briefe öffnen, die er auffangen kann, т. е. Я слышала, что нужно быть осмотрительной съ письмами; генераль Бенкендорфъ, говорять, вскрываетъ въ Мюнхенбергѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится, всѣ письма, которыя онъ только можетъ перехватить.

Графъ Александръ Христофоровичъ, будущій начальникъ III-го Отдѣленія Государевой Канцеляріи, вѣдавшей секретныя дѣла, обучился соглядатайству отъ Спренгпортена, который убѣдилъ императрицу Марию Федоровну, въ первые мѣсяцы царствованія Александра Павловича, что такъ какъ молодой Государь совсѣмъ не знаетъ Россіи, то необходимо составить для него подробное донесеніе о томъ чтѣ внутри ся дѣлается, и предложилъ для того себя. Получено царское согласіе. Марія Федоровна отдала ему въ спутники юношу Бенкендорфа, сына ея умершей пріятельницы. Они обѣхали большое пространство (до Тобольска). Донесенія Спренгпортена должны храниться въ Государственномъ Архивѣ.

*

Въ 1866 году, когда М. Н. Муравьеву, возвратившемуся въ Петербургъ съ Виленского генераль-губернаторства было поручено слѣдствіе по дѣлу Каракозова, Англійскій Клубъ давалъ ему обѣдъ въ помѣщеніи своемъ на Фонтанкѣ. Даже Валуевъ сказалъ ему тогда фразистую свою рѣчъ. Послѣ обѣда Муравьевъ ушелъ на балконъ и закурилъ трубку. Подлѣ него сидѣлъ баронъ Дельвигъ, и окружало его нѣсколько человѣкъ. Явился Некрасовъ и попросилъ позволенія прочитать хвалебные свои стихи. Они были произнесены, и провозглашено „здравіе миротворца края“. „Ваше сіятельство, позвольте мнѣ эти стихи напечатать?“—„Это ваша собственность, и вы можете располагать ею по произволу“.—„Но я бы просилъ вашего совѣта“.—„Въ такомъ случаѣ, не совѣтуя“. Баронъ А. И. Дельвигъ говорилъ мнѣ, что положеніе Некрасова было прежалкое, такъ что и присутствовать при этой сценѣ было непріятно.

*

Барытынскій, отличный мастеръ Русского стиха, не твердѣ былъ въ правописаніи и за поправками иногда обращался къ Алексѣю Андреевичу Елагину, пасынокъ котораго И. В. Кирѣевскій былъ съ нимъ очень друженъ. Слышано отъ Сергея Ивановича Кирѣевскаго.

С. И. Кирѣвскій дѣлаетъ поправку къ стихотвореніе Хомякова о чтеніи Евангелія. Слова близъ потока тутъ только для риѳмы, Кирѣвскій предлагаетъ измѣнить такъ.

Въ часъ полночный, свое око
Устреми на небеса.

*

Извѣстная Нѣмецкая пословица, которою Нѣмцы оправдываютъ свою привычку къ раннему утреннему вставанью: Morgen Stunde—Gold im Munde. (Утренній часъ—золото во рту). Намъ кажется ея объясненіе таково: у Нѣмцевъ въ старину, такъ же какъ и у насъ до сихъ поръ по мѣстамъ, работникъ, получивъ плату за свой трудъ, клалъ ее себѣ за щеку за неимѣніемъ другого мѣста для бережи. Кто рано вставалъ, тому мечталось за щеку положить монету золотую.

*

17 Декабря 1837 года сгорѣлъ Зимній дворецъ. На житѣе въ него изъ Лѣтняго дворца (бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка) перешелъ Петръ III-й, на Страстной недѣль 1762 года и устроилъ въ верхнемъ этажѣ для себя Лютеранскую кирку. При Екатеринѣ туда переведена аптека. Пожаръ 1837 года начался въ этомъ помѣщеніи придворной аптеки. Вечеромъ къ дежурному гофмедику (впослѣдствіи лейб-медику) Э. И. Рейнгольду вѣжжалъ въ помѣщеніе дежурства, дрожа всѣмъ тѣломъ, аптекарскій ученикъ Нѣмецъ, страшный заика, не заикавшійся только когда пѣлъ. (Обладавшему прекраснымъ, обработаннымъ голосомъ и музыкальной памятью, пѣніе отлично ему удавалось). По блѣдному испуганному лицу ученика было видно, что онъ хотѣлъ сообщить что-то особо-важное и зловѣщее, но кроме неопределенныхъ звуковъ, ужасныхъ гримасъ и отчаянныхъ жестовъ ничего не выходило. Всѣ увѣщанія и даже репрессивныя мѣры, предпринимаемыя гофмедикомъ, чтобы возвратить оторопѣвшему Нѣмчику языкъ, оказывались тщетными. Тогда Эмилий Ивановичъ, вспомнивъ про его музыкальный талантъ, закричалъ надъ его ухомъ: „Wenn du nicht sprechen kannst, singe doch, verfluchter Kerl“¹). Это помогло; бѣднага мигомъ оправился, сталъ въ театральную позу, приложилъ руку къ сердцу, а другою указывая на дверь, запѣлъ (на голосъ недавно появившейся и произведившей тогда фуроръ въ Петербургѣ оперы Мейербера „Робертъ Дьяволъ“): Spiritus ist entbrannt, Alles steht in Flammen!²).

Рейнгольдъ догадался, въ чемъ дѣло и, слѣдя за нимъ, побѣжалъ въ аптеку, находившуюся въ концѣ длиннаго коридора, довольно далеко отъ дежурной докторской комнаты, какъ разъ надъ заломъ Петра

¹⁾ Коль скоро не можешь говорить, такъ иой же, проклятый.

²⁾ Смирь загорѣлся, все въ пламени.

Великаго, гдѣ еще наканунѣ дежурные дворцовые гренадеры слышали, впрочемъ не обративъ на это особаго вниманія, запахъ гари.

Аптечное помѣщеніе было все въ пламени, проникнуть въ него было невозможно, почти тотчасъ подъ его провалился, обрушился на потолокъ Петровскаго зала, разомъ вспыхнувшаго, и огонь съ неудержимой силою разлился по всему дворцу; дворецъ черезъ нѣсколько часовъ чуть ли не до тла сгорѣлъ. По истинѣ съ чудодѣйственной быстротой онъ, съ небольшимъ черезъ годъ, былъ возобновленъ графомъ П. А. Клейнмихелемъ*). Сыпано отъ графа А. В. Олсуфьевы, а имъ отъ самого гофмѣдика Рейнгольда.

*

Человѣкъ усиливается посредствомъ памятниковъ создать себѣ на землѣ бессмертіе, которое не умѣлъ готоваго сохранить въ раю. Время, какъ будто изъ жалости, нѣсколько медлитъ, но потомъ сіе самодѣльное бессмертіе погребаетъ въ развалинахъ. (Филаретъ, послѣднее изданіе его „Словъ“, IV, 567.)

Премудрый сынъ Сираховъ приписываетъ милостынѣ достоинство жертвы и богослуженія. „Творяй милостыню, аки жрятъ жертву хваленія“ (Сир. XXXV, 2). Но приношеніе Богу должно быть чисто не только отъ гнусности, но и отъ низости. „Да не принесши, говорить законъ, цѣны песней въ домъ Господа Бога твоего“ (Втор. XXIII, 18). Посему можно судить, какъ нужно заботиться о томъ, чтобы подаваемое въ милостыню было почерпнуто изъ чистаго источника.

При семъ приходить на мысль спросить, очень ли хорошо поступаютъ, когда говорятъ: дай деньги на зрелище, или на другое суетное увеселеніе; половина ихъ издержится для твоего удовольствія, а другая обратится въ милостыню. Чѣмъ тутъ будетъ? Милостыня ли очистить суету, или сугуба лишить чистоты милостыню? Найдется ли на сіе отвѣтъ, который бы былъ бы пріятнѣе вопроса? Но, конечно, не подлежитъ сомнѣнію то, что, если бы назначаемыя на благотворительное увеселеніе деньги, съ устраниенiemъ увеселенія и на него издержекъ, вполнѣ были отданы на милостыню: то милостыня была бы вдвое больше, несравненно чище. Апостоль учить насъ плакать съ плачущими (Рим. XII, 15), а не ликоватъ съ мыслью о несчастныхъ и не переполнять чашу веселія, чтобы дрождіе досталось плачущимъ.

Надѣюсь, впрочемъ, что никто не оскорбится нашою заботою, чтобы изобрѣтательное искусство благотворительности, добroe въ намѣреніи, сколь можно болѣе имѣло достоинства въ средствахъ и способахъ дѣйствованія.

(Филаретъ, тамъ же IV, 597.)

*) Въ графскомъ гербѣ генералъ-адютанта П. А. Клейнмихеля, въ день освященія Зим资料 дворца, помѣщены были, по высочайшему повелѣнію слова: „Усердіе все пре-возмогаетъ“.

СОДЕРЖАНИЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
„РУССКАГО АРХИВА“
1912 года.
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

-
301. Списокъ ремесленниковъ, высланныхъ изъ Дерпта въ 1708 г. Сообщилъ Н. Г. Ивасъ.
5. Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году. Статья С. И. Кедрова.
295. Къ дѣлу о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Н. Г. Высоцаго.
302. Челобитье Мароы Ивановны Сурминой.
72. Знаменитые богачи. Сообщилъ Н. Г. Ивасъ.
466. Воцареніе Екатерины Великой. П. Б.
321. Екатерина Великая. Труды ея въ первые два года царствованія. Своеручные письма и замѣтки.
336. Еще своеручные замѣтки Екатерины Великой, разныхъ годовъ. (Изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).
481. Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.
232. Злоключенія депутата. Къ исторіи Екатерининской Комиссіи. Сообщилъ Н. Г. Ивасъ.
461. Письма княгини Е. Р. Дашковой къ князю А. Б. Куракину и графу А. Н. Самойлову.
494. Императоръ Павель. Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.
529. Разсказы о старинѣ. А. Ханенко.
67. Изъ Архива Н. О. Кутлубицкаго. Непропечатанное почти сто лѣть письмо. Письмо монахини. О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности. Сообщилъ И. А. Бронскій.
453. Старые годы. Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго. Сообщилъ А. А. Бронскій.
604. Н. И. Тургеневъ. Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.
492. Императоръ Александръ Павловичъ и В. С. Поповъ. Ихъ разногласіе. 1811.
- Внутри обложки: Голодъ во Франціи передъ нашествіемъ на Россію. Изъ Записокъ канцлера Пакье. извлечено С. Фарфоровскимъ.
417. 1812-й годъ. Общий очеркъ войны. Составилъ А. П. К.
629. С. М. Иконниковъ. Участникъ войны 1812 года.
243. Къ годовщинѣ 1812 года. Эль-Эсъ.
539. 1812-й годъ. Гоепожа Сталь въ Россіи. Ея Записки.
134. Пожаръ Москвы. Запись И. М. Снѣгирева.
212. Московскіе храмы по уходѣ Французы. Запись И. М. Снѣгирева.
131. Письма 1812 года. Графъ К. В. Несельроде къ тещѣ своей графинѣ Гурьевой.
244. Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ. Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго. Сообщилъ И. А. Бронскій.
- Внутри обложки: Объ изданіи Портретной Галлереи 1812 года.— О дневникѣ Итальянского офицера Цезаря Ложье.
- 30, 161 и 383. Изъ писемъ М. Н. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.
206. Завѣщаніе Федора Петровича Газза.

305. Привѣтъ старой Москвы Русскому Царю 28 Мая 1912. А. А. Александрова.
228. Письмо Ф. Ф. Вигеля. (Его послѣдняя жизнь въ Москвѣ).
597. Стихи князя П. А. Вяземского, приписанные Ф. И. Тютчеву. Замѣтки Льва Зилова.
240. Искушеніе въ пустынѣ. Стихотвореніе Ф. Н. Глинки.
282. Переписка В. А. Жуковскаго съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ о Кирѣевскомъ, съ предисловіемъ Д. Ф. Нобеко.
287. Замѣтки о письмахъ Пушкина и о разночтеніяхъ въ его стихахъ. Н. О. Лернера.
480. Памяти Тютчева. (Стихи).
- 306 и 470 Письма къ П. И. Бартеневу отъ П. А. Плетнева и Н. П. Гилярова, К. А. Носсовича, архимандрита Порфирия, Ю. Ф. Самарина, Н. И. Лорера, князя П. В. Долгорукаго, Н. И. Крылова и С. Т. Аксакова.
292. Письмо А. П. Зонтагъ къ П. И. Бартеневу.
439. Изъ Записокъ А. Е. Егорова. Служба и жизнь въ Москвѣ 1866—1869.
254. Раненый Севастополецъ о порядкахъ въ Симферопольскомъ госпиталѣ 1855—1856. Записка Лебедева.
304. Александръ III. Рѣчь о немъ А. М. Золотарева.
468. Императоръ Александръ Второй во Владимирѣ Н. Димиторскаго.
580. Рядовой Сучкинъ. Быль. (Изъ воспоминаний старого гусара). Безсмертный.
479. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (князь С. В. Шаховской).
226. Изъ воспоминаний о генераль-адъютантѣ М. И. Драгомировѣ. Безсмертного.
77. Московскіе городскіе головы и замѣстители ихъ. Н. Г. Иvasка.
142. Графа С. Р. Воронцова забота о Русскомъ солдатѣ.
- 82 и 583. Изъ воспоминаний П. И. Щукина. Внутри обложки: О Сборникѣ П. И. Щукина, выпускъ десятомъ.— О. Гербовникѣ Князева. Н. Г. Иvasка.
234. Къ исторіи Поволжскаго раскола. Пришибенскіе иконоборцы. П. Юдина.
218. Очерки Терской Старины. Побѣги въ горы. Исторія одной раскольнической обители у Шамиля (1848—1859). Федора Чернозубова.
156. Изъ Записной книжки издателя «Русскаго Архива».
634. Изъ Записной книжки издателя «Русскаго Архива».
- Внутри обложки: о книгѣ В. Н. Маслова: «Литературная дѣятельность К. Ф. Рыльева».

сь прибавлениемъ о необходимости земскаго собора, который долженъ быть рѣшить, какимъ имѣнно родомъ правленія подобаетъ замѣнить самодержавіе. Стало быть, правъ былъ Сергій Павловичъ Шиповъ, вспомнившій, какъ, въ самый день 14 Декабря, на площади, Рыльевъ, отдавившись отъ своихъ соумышленниковъ, подошелъ къ Шипову въ то время молодому Семеновскому офицеру и сказалъ ему, что онъ отказывается отъ всей своей политической дѣятельности.

Первая треть книги г. Маслова занята биографіею по нашему мнѣнію излишнею для такого второстепеннаго писателя, какъ Рыльевъ (этими мелочными разысканіями повадились грѣшить даже относительно первоклассныхъ нашихъ писателей). Къ сожалѣнію у насъ изъ всего любятъ тво-

рить себѣ кумиры; оно и легче нежели проникаться мыслями того, кого изучаетъ.

Большая осталывая часть книги посвящена жизнеописанію Рыльева и представляетъ собою истинную исторіографическую заслугу. Г-у Маслову достуто было самое дѣло о Рыльевѣ, хранящееся въ Государственномъ Архивѣ. Рыльевъ не получилъ прочнаго умственнаго образованія. Семья, въ которой онъ выросъ, не могла способствовать правильному и спокойному его развитію. Отецъ—грубый тиранъ, мать—Нѣмка. Жизнь—посреди болотъ окружающихъ Петербургъ. Собственно говоря, Рыльевъ не зналъ Россіи, но подобаетъ ему сердечный вздохъ Русскихъ людей, такъ какъ отъ смертію искушилъ свои заблужденія.

П. Б.

Полныя годовыя изданія Русскаго Архива продаются по 5 р. 50 к.

Главныя статьи

1904.

Письма А. Я. Булгакова къ его брату.—Н. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцессы Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія князя Всеволода Ивановича Барятинскаго.—Черты изъ домашней жизни императрицы Аѳанасіи.—Архимандритъ Макарій и Тобольскіе Декабристы.—Воспоминанія Ф. А. Гиллрова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снѣгирева.—Дѣвѣ Калмычки.—Переписка графовъ Несельроде.—Письма А. Ф. Тютчевой о кончинѣ десаревича Николая.—Письма П. В. Кирѣевскаго.—Хозяйственныя записки И. В. Пушечникова.—У Французовъ въ Московскому плѣну.

1906.

Разсказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Нобѣдоносцева.—Записки архіепископа Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатериинская книга для народныхъ училищъ.—Записки А. И. Хвостовой.—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексія Петровича.—Водареніе Петра третьяго.—Воспоминанія Салтыковой.—Первые недѣли царствованія Александра III-го. Записки графа Сегюра въ полномъ перенодѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКИЙ АРХИВЪ
1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусксовъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Книгопродающимъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать** копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русского Архива».

Нижестоящія годовые изданія «Русского Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Упѣтѣвшія отдельныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русского Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1903 продаются по 7 рублей за каждый годъ.
годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексея Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**